

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Клинова Марина Александровна

**Экономические стратегии городского населения РСФСР
(1946–1956 гг.)**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор ист. наук, профессор
Андрей Владимирович Трофимов

Екатеринбург – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историография, методология и источники исследования	18
1.1. Историография темы.....	18
1.2. Методология и методы исследования.....	47
1.3. Источники исследования.....	57
Глава 2. Политическое регулирование трудовых стратегий городского населения РСФСР в 1946–1956 гг.	72
2.1. Решение кадровых проблем на городских предприятиях	72
2.1.1. Дефицит рабочей силы в промышленности: методы преодоления.	73
2.1.2. Кадровые проблемы на предприятиях непромышленных отраслей.....	132
2.1.3. Штаты предприятий и учреждений: практики регулирования.....	138
2.2. Интенсификация труда горожан в контексте государственного регули- рования	147
2.2.1. Категории «долг», «производительность труда» и «экономия» в политическом дискурсе.....	147
2.2.2. Механизмы повышения производительности труда горожан.....	157
Глава 3. Политико-правовое регулирование девиантных экономиче- ских стратегий городского населения РСФСР	181
3.1. Экономические девиации граждан в советском политическом дискурсе	181
3.2. Борьба с экономическими преступлениями в городской среде.....	188
3.3. Правовое регулирование трудовых нарушений горожан.....	224
Глава 4. Доходы и материальное потребление городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие	240
4.1. Проблематика материального благосостояния населения в политиче- ском дискурсе.....	240
4.2. Регулирование материального потребления горожан	255
4.3. Динамика доходов и заработной платы.....	308
4.4. Налоги и государственные займы	353

Глава 5. Сфера «индивидуального» и «частного» в контексте социальной политики 1946–1956 гг.	363
5.1. Понятия «индивидуализм» и «индивидуальность» в отечественном дискурсе.....	363
5.2. Государственное регулирование проблематики самостоятельной трудовой занятости горожан.....	368
5.3. Жилищные проблемы и личная собственность горожан в фокусе социальной политики.....	384
Глава 6. Эволюция трудовых и потребительских стандартов городского населения РСФСР в информационном пространстве 1946–1956 гг.	410
6.1. Трансформация мобилизационной риторики и эталонных форм труда горожан на страницах печатных СМИ	410
6.1.1. Мотивация труда в контексте эталонной трудовой стратегии	419
6.1.2. Презентация форм и проявлений одобряемых трудовых практик..	426
6.1.3. Вознаграждение труда как часть эталонной трудовой стратегии	451
6.1.4. Модели риторики трудовой мобилизации.....	464
6.2. Трудовые и экономические девиации на страницах СМИ.....	472
6.3. Динамика стандартов материального потребления	493
Глава 7. Модели экономических стратегий городского населения РСФСР: динамика и специфика реализации в период 1946–1956 гг.	552
7.1. Перфекционистская модель экономических стратегий	552
7.2. Эволюция адаптивных экономических стратегий горожан.....	575
7.3. Девиантная модель экономических стратегий.....	667
Заключение	705
Список использованных источников и литературы.....	722
Список сокращений.....	794
Приложения	795
Приложение 1. Таблицы	795
Приложение 2. Графики.....	850
Приложение 3. Иллюстративные материалы.....	858

ВЕДЕНИЕ

Актуальность исторического исследования сферы экономических стратегий городского населения, в первую очередь определяется процессами, происходящими в современной исторической науке. Общую тенденцию данных изменений можно обозначить как смещение акцента исследовательского интереса в изучении социальной истории от исследования истории власти и хозяйства и их проекции на «массы», к изучению человека как актора с его мировоззренческой позицией, системой суждений, представлений и ценностей, определяющей мотивацию и вектор деятельности в социальной среде.

Во-вторых, проблематика экономических стратегий городского населения РСФСР периода послевоенного десятилетия не являлась ранее объектом самостоятельных исторических исследований, направленных на выявление специфики их формирования посредством политического регулирования, риторики информационного дискурса, изучение динамики реализации конкретных деятельностных практик горожан. В то же время существующий объем исторических источников позволяет обратиться к комплексному изучению данной темы сегодня. Проведение данного исторического исследования позволит проследить эволюцию экономических стратегий горожан, выявить их обусловленность изменениями политико-идеологического дискурса, реалиями экономической действительности, модернизационными процессами, а также более рельефно обозначить социальную проекцию экономической политики советского индустриального государства, путем реконструкции моделей ее восприятия и «обживания» городским населением.

В-третьих, актуальность научного осмысления данного фрагмента исторического опыта связана с проблемой оценки возможностей и пределов политико-экономического формирования деятельностных стратегий граждан, выявления специфики функционирования механизмов самоорганизации экономического пространства, существующих и «включающихся» в социуме в кризисные периоды.

Объектом исследования выступает городское население РСФСР 1946–1956 гг.

Предметом исследования являются: государственное политико-правовое регулирование экономического поведения горожан в сферах труда и материального потребления; репрезентация в дискурсе СМИ стандартов и девиантных экономических проявлений городского населения; модели реализации экономических стратегий в среде городского социума РСФСР в период 1946–1956 гг.

Понятие «стратегия» по-разному определяется исследователями. Под ним понимают: «генеральный план действий, определяющий приоритеты стратегических задач, ресурсы и последовательность шагов по достижению стратегических целей»¹; «набор действий и подходов по достижению заданных показателей деятельности»²; «концепцию и набор реальных действий, которые способны привести концепцию к созданию реального конкурентного преимущества»³; «образ действий, обуславливающий определенную и устойчивую линию поведения»⁴. Обобщенное определение было предложено Г. Минцбергом, который истолковал «стратегию» через пять характеристик, неразрывно связанных между собой: план (некий вид сознательно и намеренно разработанной последовательности действий); приемы (маневры, применяемые в конкурентной борьбе); паттерн (принцип поведения, устойчивая схема действий); позиция (соотношение с внешней средой); перспектива (концепция, способ восприятия мира)⁵.

Понятие «экономическая стратегия» используется в гуманитарном дискурсе в широком диапазоне, оно включает целеполагание и деятельность государств, политических, социальных и экономических акторов, социальных групп и отдельных индивидов. Экономическая стратегия государства определяет приоритеты и инструменты государственного вмешательства в экономику для реализации его политической стратегии, а экономическая политика конкретизиру-

---

¹ Фролова В.В. Систематизация подходов к классификации стратегии развития предприятия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. №17. С. 28–37.

² Афоничкин А.И., Журова Л.Д. Основы финансового менеджмента: Учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 2: Финансовая политика предприятия. Тольятти, 2007. С. 9.

³ Акмаева Р.И. Стратегическое планирование и стратегический менеджмент: Учеб. пособие. М., 2006. С. 19.

⁴ Там же.

⁵ Минцберг Г., Куинн Дж. Б., Гошал С. Стратегический процесс / под ред. Ю.Н. Каптурневского. СПб., 2001. С. 40.

ет принципы государственного вмешательства в экономику для реализации его стратегических задач¹. Применительно к деятельности других экономических субъектов (администрации регионов, руководства предприятий) понятие «экономическая стратегия» определяется как «долговременные, наиболее принципиальные, важные установки, планы, намерения в отношении производства, доходов и расходов, бюджета, налогов, капиталовложений, цен, социальной защиты»².

В гуманитарных исследованиях достаточно широко распространенным является использование термина «стратегия» применительно к отдельным экономическим проявлениям граждан: «потребительская стратегия», «монетарная стратегия», «финансовая стратегия», «стратегия сбережений», «стратегии трудоустройства», «стратегия выбора профессии», «стратегия выживания» и пр.³ Определение данных деятельностных проявлений как «стратегий» обусловлено не только подразумеваемой рациональной составляющей, предполагающей осознанный выбор индивида, но необходимостью учета планов, намерений, и мотиваций индивида, осуществляющего данную деятельность.

В диссертации под экономическими стратегиями понимается деятельность граждан, являющаяся следствием рационального выбора, обусловленного политико-экономическими и правовыми реалиями, состоянием экономического сознания, традициями и социальными стереотипами индивидов и групп, реализуемая в социально-экономической сфере (системе экономических и социальных институтов, практиках повседневной экономической деятельности).

---

¹ Ведута Е.Н. Стратегия и экономическая политика государства. М., 2003. С. 12.

² Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 2011. С. 334.

³ Азарёнок Н.В. Надольская М.Д. Стратегии сберегательного поведения мужчин и женщин с ранним уровнем субъективного экономического благополучия // Психолого-экономические исследования. 2015. Т. 2–8. № 2. С. 43–55; Азарёнок Н.В. Монетарные стратегии экономического поведения молодежи с различным социально-демографическим статусом // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № 5. С. 6–10; Борисова А.А. Стратегии трудоустройства студентов вузов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 4. С. 96–100; Ильина И.Ю. Потребительские стратегии адаптации малообеспеченных слоев населения к новым условиям жизни // Современные гуманитарные исследования. 2007. № 1 (14). С. 227–228; Фокина О.А. Потребительские стратегии как фактор развития социальных потребностей // В мире научных открытий. 2010. № 4–5. С. 56–58; Быстрова А., Евдокимова Е., Игнатова С., Серебренникова А., Еремичева Г., Соловьева Н., Травин И. Стратегии выживания населения в изменяющихся условиях // Мир России. 1995. № 2. С. 143–175.

При характеристике экономической деятельности населения в работе использовался и термин «практика», более узкий в сравнении с понятием «стратегия», обозначающий конкретные деятельностные проявления граждан. Данное понятие закрепилось в социальных науках, используясь в качестве определения проявлений индивидов и групп в различных сферах¹.

Поведенческие проявления граждан, реализующиеся в экономической сфере многогранны и разнообразны. В диссертации речь пойдет лишь о некоторых из них, отличающихся наиболее высокой частотой реализации в повседневной жизни и, в то же время, большей интенсивностью регулирования со стороны власти. Это такие экономические стратегии, как: трудовая деятельность (в общественном секторе экономики и за его пределами), материальное потребление, девиантные проявления, реализуемые в экономической сфере.

Под городскими населенными пунктами понимаются города и поселки городского типа^{2*}. Сфокусировав внимание на анализе экономических стратегий горожан, диссертант исходил из того, что, во-первых, экономические практики городского и сельского населения были отличны, определяясь спецификой государственного экономического регулирования (карточная система снабжения, политика доходов и т.п.) и уровнем развития инфраструктуры. Во-вторых, в результате происходивших во второй половине 1940-х–1950-х гг. в СССР модернизационных процессов росло количество горожан, составившее в 1959 г. в РСФСР 52,4% от общей численности населения республики³, формировался го-

---

¹ Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб., 2008. С. 14–15; Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание, понимание, умение. 2012. № 2. С. 276–280 и др.

² География. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн. Под редакцией проф. А.П. Горкина. 2006. С. 104.

* В СССР с 1920–1930-х гг. закрепилось определение городского населенного пункта, опирающееся не только на его численный состав, но и отражающее профессиональную занятость граждан. Статус города получал населенный пункт с количеством жителей более 12 000 чел. Занятость более 85% населения вне аграрной сферы позволяла определить в качестве городских поселений населенные пункты меньшего размера. Населенные пункты с количеством постоянных жителей более 3000 чел., население которых было занято в промышленном производстве, определялись как «рабочие поселки» (позднее – «поселки городского типа»). Жители данных поселений статистически учитывались как горожане, хотя по уровню развития инфраструктуры поселки городского типа были далеки от городских населенных пунктов. (См: Соловьев Е.В. Статус города: правовые основания присвоения // Марийский юридический вестник. 2014. № 11. С. 74–79).

³ Общая численность населения республики на 15 января 1959 г. составляла 117 534 315 чел., из них численность городского населения – 62 059 783 чел. (См: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 12.12.2019)

родской образ жизни и городские стандарты потребления, презентуемые в советском информационном пространстве в качестве эталонных. В-третьих, в русле советской социально-экономической политики, нацеленной на создание индустриального общества (социализма), последствия социального регулирования наиболее ощутимо сказывались на городском социуме. Можно утверждать, что практика государственного регулирования экономических стратегий городского населения наиболее полно отражает направленность и специфику реализации советского социального проекта.

Хронологические рамки исследования – 1946–1956 гг. детерминированы содержанием и спецификой политико-экономических мероприятий, касающихся экономических стратегий горожан. Нижняя граница определяется принятием четвертого пятилетнего плана, в котором артикулировались задачи послевоенного восстановления страны, обозначившие векторность последующих корректив экономических стратегий городского населения, осуществляемых путем политико-правового и идеологического регулирования. Верхняя граница периода обусловлена принятием комплекса правительственных мероприятий, касающихся проблематики трудовой деятельности (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины») и материальных доходов горожан (Постановление Совета Министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС от 8 сентября 1956 г. «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1956 г. «О повышении размера необлагаемого налогами минимума заработной платы рабочих и служащих»; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 апреля 1957 г. «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза»). Данные мероприятия скорректировали правовое поле и специфику реализации экономических стратегий горожан, свидетельствуя об изменении модели социально-экономического развития государства.

Середина 1950-х гг. определяется в качестве рубежа советской социальной истории многими отечественными исследователями. По мнению Ю.С. Пи-

воварова в середине 1950-х гг. советская жизнь стала «нормальной», то есть приобрела черты устойчивости¹. Е.Ю. Зубкова определяет серединой 1950-х гг. границу между «чрезвычайным» и «нормальным» периодом советской жизни². Изучение экономических стратегий городского населения в хронологических рамках 1946–1956 гг. позволяет проследить их эволюцию, обусловленную влиянием импульсов различной природы: мер государственного нормативно-правового, идеологического и экономического воздействия, стандартов качества жизни горожан, трансформирующихся в результате динамики модернизационных процессов.

Важно отметить, что в рассмотрении отдельных аспектов проблематики формирования и реализации экономических стратегий горожан, там, где это было оправдано задачами исследования, хронологические рамки работы «раздвигались», углубляя как нижнюю границу периода (вплоть до середины 1930-х – первой половины 1940-х гг.), так и как его верхнюю рамку – до второй половины 1950-х – начала 1960-х гг.

Территориальные рамки исследования определяются границами РСФСР, что обусловлено сравнительным количественным превалированием городского населения в республике, относительной гомогенностью экономических стратегий граждан. Хотя при изучении данной темы привлекались и материалы общесоюзного уровня – Указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Совета Министров СССР, постановления Пленума Верховного суда СССР и т.п., действие которых распространялось на все население страны.

Степень изученности темы. Тема диссертационного исследования имеет междисциплинарный характер. Изучение отдельных аспектов проблематики политико-правового и идеологического формирования экономических стратегий граждан, а также фактических проявлений городского населения РСФСР 1946–1956 гг. в экономической сфере было реализовано в трудах отечественных и зарубежных исследователей: историков, демографов, культурологов, экономистов, социологов, филологов, правоведов, психологов. Подробная ха-

---

¹ Пивоваров Ю.С. «...И в развалинах век» // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 61.

² Зубкова Е.Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Российская история. 2019. № 5. С. 12.

рактика историографии приводится в первой главе диссертации. При этом следует отметить, что до настоящего времени тема диссертационного исследования не являлась объектом конкретно-исторических разработок.

Целью исследования является выявление специфики политико-экономического, идеологического, информационного формирования и реализации экономических стратегий городского населения РСФСР 1946–1956 гг.

Достижение цели, поставленной в диссертации, возможно при решении ряда конкретных **задач**:

- оценить степень изученности проблемы в отечественной и зарубежной историографии;

- определить круг исторических источников исследования, их информационный потенциал;

- изучить специфику государственного регулирования кадровых проблем в городской среде (дефицита и текучести кадров, штатов предприятий и учреждений) в период послевоенного десятилетия;

- проанализировать механизмы повышения производительности труда городского населения РСФСР, применяемые в период 1946–1956 гг.;

- выявить особенности политико-правового регулирования девиантных экономических стратегий горожан, реализуемых в сфере труда и материального потребления в послевоенное десятилетие;

- проанализировать мероприятия и результаты государственной политики, проводимой в 1946–1956 гг. в сфере заработной платы и материального потребления городского населения РСФСР;

- изучить специфику политического регулирования жилищных проблем, сферы индивидуальной трудовой занятости и личной собственности горожан в период 1946–1956 гг.;

- установить динамику изменения стандартов труда и потребления (эталонов и девиаций) городского населения РСФСР, декларируемых в отечественном информационном пространстве и СМИ 1946–1956 гг.;

– выявить и охарактеризовать модели риторики трудовой мобилизации горожан, презентуемые на страницах печатных СМИ послевоенного десятилетия;

– выделить основные поведенческие модели, реализуемые городским населением РСФСР в сферах труда и материального потребления, проследить эволюцию деятельностных проявлений горожан в рамках периода 1946–1956 гг.;

– выявить динамику и степень обусловленности экономических стратегий горожан политико-идеологическими и экономическими императивами, импульсами, исходящими из правовой сферы, модернизационными процессами, традициями и социальными стереотипами.

Источниковую базу исследования составляет обширный комплекс письменных источников (законодательных актов, делопроизводственной документации, статистики, периодической печати, источников личного происхождения). Данные источники представлены как опубликованными, так и неопубликованными материалами. В работе использовались изобразительные источники (фотографии, рекламные сюжеты, карикатуры, иллюстрации журналов мод). Подробный анализ источниковой основы диссертации представлен в ее первой главе.

Методология исследования определяется комплексом теоретических подходов различного уровня (макроуровневых и микроуровневых методологий). Методическая база исследования носит комплексный характер и включает в себя общенаучные методы, традиционные методы исторического познания и специальные методы. Важно отметить, что автором был предложен альтернативный методологический прием изучения экономических стратегий горожан, а также разработаны методики изучения и интерпретации имплицитной риторики трудовой мобилизации и исследования девиантных экономических стратегий горожан, презентуемых на страницах печатных СМИ (базирующиеся на основе контент-анализа). Подробный анализ методологии и методов диссертации представлен в ее первой главе.

Научная новизна работы определяется самой постановкой изучаемой проблемы – в центре исследования находятся экономические стратегии горожан РСФСР, рассматриваемые с учетом динамики их направленного формирования (посредством экономического, политико-правового регулирования, информационного воздействия печатных СМИ) и эволюции практической реализации в послевоенное десятилетие.

Сочетание оптик различных методологических концепций, также определяющее новизну работы, позволило показать, что экономические практики населения были детерминированы комплексом факторов различного генезиса, не всегда корреспондирующих друг с другом: экономическими задачами государства, стандартами и устоявшимися поведенческими стереотипами, адаптивными механизмами выживания и пр. Следствием существенных различий импульсов, формирующих экономические практики граждан, явилась неравноценная динамика элементов, их составляющих.

Среди факторов, определяющий новаторский характер работы, можно отметить комплексный анализ проблематики материальных доходов горожан, реализованный в русле авторской методики, учитывающей динамику различных составляющих доходов – премий, окладов, компенсирующих выплат, фиксируемую в рамках исследуемого периода, а также анализ проблематики личной собственности горожан. В работе впервые в отечественной литературе был предпринят анализ политического дискурса послевоенного десятилетия, направленный на выявление идеологем (их содержания и коннотаций), отражающих перспективы развития и специфику реализации «правильных» экономических стратегий населения. Была разработана качественно-количественная методика изучения имплицитной риторики печатных СМИ, направленной на трудовую мобилизацию городского социума, посредством актуализации императивных лексических форм и конструирования образа «правильной» трудовой деятельности; выявлены модели риторики трудовой мобилизации, презентуемые на страницах СМИ 1946–1956 гг. Новизна исследования определяется детальным изучением эволюции стандартов и девиантных форм потребления горожан 1946–1956 гг., реализованным на базе источников, не являвшихся ранее объек-

том исторических разработок (карикатур, плакатов, модных образов, газетной рекламы), а также посредством контент-анализа текстов периодических изданий. В рамках работы над диссертацией была предложена система изучения экономических стратегий горожан, путем выделения трех моделей их реализации (перфекционистской, адаптивной и девиантной), что также определяет новизну исследования. Помимо того следует подчеркнуть, что подавляющее большинство источников, использованных в исследовании, либо впервые привлекается для изучения темы экономических стратегий горожан, либо анализируется с помощью альтернативных методик, рассматривается в новом контексте.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Экономические стратегии горожан в послевоенное десятилетие были детерминированы комплексом факторов различного генезиса, содержательно разнящихся между собой.

2) В период 1946–1956 гг. целеполагание и инструментарий государственного регулирования экономических стратегий горожан менялись в зависимости от специфики и содержания реализуемых экономических моделей развития государства.

3) В рамках мобилизационной экономической модели, действовавшей в военный период и сохранившейся в послевоенные годы, практики социально-экономического регулирования характеризовались широким использованием внеэкономических методов решения кадровых проблем и стимуляции труда населения, сохранением «ставки на сильных» в политике оплаты труда, усилением репрессивных законодательных мер в отношении лиц, совершивших экономические преступления, а также осуществлением политики «экономии» за счет населения.

4) В конце 1940-х – начале 1950-х гг. вследствие достижения определенных задач восстановительного периода, а также наличия существенных издержек в системе трудовой мобилизации и низкой эффективности репрессивных мер контроля трудовой дисциплины, фиксируется снижение мобилизаци-

онного режима в практиках государственного регулирования экономических стратегий горожан.

5) Последовательный и радикальный отказ от мобилизационных методов регулирования экономических стратегий горожан, а также общее изменение акцентов в социальной политике происходит в период 1953–1956 гг.: были отменены репрессивные санкции в отношении нарушителей трудовой дисциплины, снижен уровень дифференциации в оплате труда горожан, расширен ассортимент производимых товаров и услуг и пр.

6) Конструирование экономических стратегий горожан осуществлялось и посредством информационного воздействия, реализуемого через тексты и визуальные образы СМИ. Презентуемая на страницах отечественных печатных периодических изданий модель «правильной» трудовой деятельности городского населения (включающая в себя мотивацию, трудовые практики, вознаграждение труда), конструировалась посредством лексем различного генезиса, а ее сектора были не в равной степени актуализированы на страницах прессы центрального, областного, городского и заводского уровня. Критика экономических девиаций горожан реализовывалась как в серьезном, назидательном ключе, так и в сатирической форме, при превалировании сюжетов, посвященных нарушениям, фиксируемым в системе «человек–государство», нежели допущенным в системе «человек–человек», а также большей выраженности критики нарушений, допущенных руководителями предприятий и организаций.

7) ИмPLICITная пропагандистская риторика трудовой мобилизации городского населения РСФСР, презентуемая на страницах прессы, реализовывалась в русле трех моделей: «труда-подвига», «труда-вознаграждения» и «трудовой демобилизации» (последовательно сменявших друг друга в рамках исследуемого периода), содержание которых отражало специфику государственного социально-экономического регулирования, коррелировало с динамикой модернизационных процессов.

8) Содержание стандарта потребления, конструируемого в отечественном информационном дискурсе 1946–1956 гг. не было константным. Во второй половине 1940-х гг. в медийном пространстве одновременно артикули-

ровались две модели потребления, ориентированные на различные слои городского социума: «будущего благосостояния» (адресатом которой являлись широкие слои горожан) и «элитарного потребления» (в которой сохранялись элементы концепции «культурности» второй половины 1930-х гг.). В первой половине 1950-х гг. в советском информационном пространстве оформляется новая модель потребления – «осуществленного благосостояния», отличающаяся большим демократизмом презентуемых потребительских стандартов, популяризацией практик потребления.

9) Экономические стратегии горожан, рассматриваемые в контексте трех выделенных моделей: перфекционистской, адаптивной и девиантной, имели динамику интенсивности деятельностных проявлений, фиксируемую в границах исследуемого периода. Вследствие положительной динамики уровня жизни, произошедшего в 1950-е гг., снижается количественная выраженность девиантных, а также экстремальных адаптивных проявлений в среде горожан. Нормализованные формы адаптивных стратегий сохраняются, фиксируется позитивная динамика изменения рациона питания и покупательской активности городского населения. Вследствие корректировки политики оплаты труда, а также ослабления интенсивности пропагандистской мобилизационной риторики снижается выраженность проявлений перфекционистской экономической стратегии в городском социуме.

10) Экономические стратегии горожан в первое послевоенное десятилетие были в значительной степени детерминированы импульсами политико-идеологического, экономического и правового характера, определявших востребованность горожанами тех или иных деятельностных практик. Векторность экономических стратегий горожан не всегда соответствовала властным императивам, осуществляясь посредством устоявшихся и актуализированных практик, находящихся как в правовом поле, так и за его пределами.

Практическая значимость исследования связана с проблемой оценки возможностей формирования и корректировки властью (посредством социально-экономических мероприятий, права и пропагандистских инструментов) экономических стратегий населения, а также выявления наиболее инертных и ди-

намично трансформирующихся элементов поведенческих моделей, фиксируемых в социуме. В этой связи не будет преувеличением сказать, что результаты данного исследования представляют значимость для выработки векторов социально-экономического развития страны и региона, оптимизации уже существующих моделей управления. Итоги данного междисциплинарного исследования также будут способствовать активизации процессов интеграции социально-гуманитарных дисциплин, актуализируя вектор перспективных разработок изучения социальной истории. Предложенная методика качественно-количественного анализа материалов периодических изданий, а также система интерпретации полученных данных, может быть использована при работе с материалами печатных СМИ других периодов, включая современный. Материалы диссертационной работы могут быть использованы в процессе преподавания курсов «История», «Отечественная история», а также в качестве материалов для эмпирических разработок по проблематике государственного регулирования экономических стратегий городского социума, специфике их реализации в условиях кризиса, ведущихся в рамках социологических, экономических, культурологических исследований.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается следованием основным принципам исторической науки, широким кругом источников, привлеченных в исследовании, содержащих значительный объем фактологического материала, а также применением методов, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам.

Основные положения, результаты исследования по теме диссертации были изложены в докладах на семнадцати конференциях: десяти международных конференциях (2012 – Каменск-Уральский, 2014, 2016, 2017, 2019 – Екатеринбург, 2012, 2014 – Пенза, 2016 – Смоленск, 2018 – Чебоксары), трех всероссийских конференциях с международным участием (2018, 2019 – Екатеринбург), четырех всероссийских конференциях (2006, 2018 – Екатеринбург, 2013 – Пермь, 2016 – Альметьевск), а также в публикациях автора, общим объемом

67,53 п.л. Результаты научно-исследовательских изысканий внедряются в учебный процесс в Уральском государственном экономическом университете.

Структура работы определяется задачами диссертационного исследования. Она состоит из введения, семи глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, трех приложений, включающих: 30 таблиц; 15 графиков; 52 иллюстрации.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.

1.1. Историография темы

Проблематика экономических стратегий городского населения РСФСР 1946–1956 гг. не являлась ранее объектом самостоятельного исторического исследования, но отдельные аспекты данной темы получили рассмотрение в отечественной и зарубежной историографии.

В отечественной историографии можно выделить два этапа – советский и современный, рубеж которых определяется концом 1980-х–началом 1990-х гг.

В рамках советской историографической традиции проблематика экономических стратегий горожан не являлась объектом активного научного поиска, что было обусловлено спецификой господствующей методологии, оптика которой была ориентирована на изучение объективных явлений действительности, ситуации устойчивости и стабильности¹. В результате социальная история зачастую представляла собой либо историю государственных социальных институтов, организаций, либо ретроспективное исследование социально-экономических правительственных мероприятий. Население рассматривалось как «объект» социально-экономической политики, принимая некоторые акторные черты лишь в ракурсе изучаемой трудовой деятельности, а также противозаконных экономических деяний.

Труд горожан 1946–1956 гг. являлась объектом изучения советских обществоведов. Исследовалась проблематика решения кадровых проблем на промышленных предприятиях², изучалось стахановское движение, социалистические соревнования и иные проявления общественно полезной активности³.

---

¹ Трофимов А.В. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1945-1964 гг.) в историческом дискурсе // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. №2. С. 64.

² Хлусов М.И. Развитие советской индустрии. 1946–1958 гг. М., 1977; Сонин М.Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959.

³ Донские починки: Из истории социалистического соревнования на Дону 1946 – 1984. Сборник документов и материалов. Ростов н/Д., 1985; Евстафьев Г.Н., Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества, М., 1952; Живое творчество масс: документальная летопись трудового героизма и социалистического соревнования трудящихся Ивановской области 1917–1982 гг. Ярославль. 1984; Социалистическое соревнование в СССР. 1918–1964, М., 1965 и др.

Общественно полезный труд рассматривался как базовая потребность и обязанность советского населения. Осознание необходимости труда, направленного на восстановление государства, по мнению советских исследователей, являлось достаточной трудовой мотивацией. Хотя, изучая советский социум, авторы вынуждены были констатировать, что труд «еще не превратился в первую жизненную потребность для всех членов общества»¹, и трудовая деятельность наряду с моральным стимулированием нуждается в материальных стимулах. Через призму материального стимулирования труда (существующего наряду с моральным стимулированием), рассматривали теоретические проблемы оплаты труда авторы экономических публикаций².

В 1950-е гг. выходят в свет первые публикации, в которых авторы анализируют послевоенные правительственные мероприятия в области совершенствования оплаты труда. В работах Л.Е. Гурина и Ф.Я. Обловацкого освещена реформа увеличения пайковых надбавок отдельным категориям рабочих и служащих, проведенная в 1947 г.³ Авторы однозначно положительно характеризовали данное правительственное мероприятие, отмечая существенное увеличение доходов населения. (В подавляющем большинстве отечественных исследований советского историографического периода, авторы определяли понятие «доход» как синонимичное категории «зарплата», обходя вопросы иных по своей природе источников пополнения бюджета горожан в период 1946–1956 гг.). В 1960-е гг. появляются экономические исследования, в которых более обстоятельно, с опорой на статистические данные, рассмотрены проблемы доходов горожан послевоенного десятилетия⁴. Накопление эмпирического материала позволило в 1960-е–1980-е гг. выпустить в свет обобщающие работы по исто-

---

¹ Политическая экономия : учебник / под ред. К. В. Островитянова. М., 1954.

² Вопросы методологии изучения и измерения производительности труда. М., 1956; Хейнман С. А. Организация производства и производительность труда. М., 1961.

³ Гурин Л.Е. Вопросы организации заработной платы на машиностроительных предприятиях. М., 1950; Обловацкий Ф. Я. Государственная торговля СССР за 35 лет // 35 лет Советской торговли. М., 1952. С. 16-40.

⁴ Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Повышение уровня жизни советского народа. М., 1965; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме. М., 1961; Фигурнов С. П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М., 1960; Его же. Строительство коммунизма и рост благосостояния народа. М., 1962 и др.

рии развития экономики и народного хозяйства СССР¹, в ряду которых выделяется многотомная «История социалистической экономики СССР»². В отдельных главах данных изданий косвенно рассмотрены общие вопросы динамики доходов горожан 1946–1956 гг.

В 1960-е–1970-е гг. появляются первые исторические исследования освещающие вопросы доходов горожан 1946–1956 гг. Среди обобщающих работ можно отметить исследования М.А. Двойнишникова, В.С. Лельчука, В.Г. Широкова и др.³ Нужно подчеркнуть, что в подавляющем большинстве публикаций советского периода не фигурировало определение «городского населения». Общепринятым в советском дискурсе было структурирование советского социума по классовому принципу – рабочие, колхозное крестьянство, (реже отдельно выделялись служащие и интеллигенция). В результате такого социального сегментирования рассмотрение вопросов уровня жизни горожан в исторических публикациях зачастую сводилось к освещению материального благосостояния рабочего класса, который рассматривался советской историографией в качестве главного субъекта и объекта социального творчества XX века.

Историческому осмыслению проблематики оплаты труда советского рабочего класса в послевоенные годы посвящены работы Б.И. Гвоздева, Б.Н. Казанцева, В.С. Лельчука, А.В. Смирнова, М.И. Хлусова и других авторов⁴. Анализируя социально-экономические реалии периода и результаты реформ в области оплаты труда рабочих, авторы оценивают их иначе, чем их коллеги-экономисты в начале 1950-х гг. Ученые отмечают, что существовавшая множе-

---

¹ История народного хозяйства СССР : курс лекций. М., 1960; История народного хозяйства СССР (1917–1959). М., 1960; История народного хозяйства СССР (1917–1963) : учеб. пособ. для эконом. вузов. М., 1964; Шаги пятилеток. М., 1968 и др.

² История социалистической экономики СССР. В 7 т. М. 1972–1980.

³ Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР, конец 30-х - начало 60-х годов: В 2-х т. Т. 2. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма; Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР, конец 30-х - начало 60-х годов: В 2-х т. М., 1984; Двойнишников М.А., Широков В.Г. Восстановление и развитие народного хозяйства СССР - великий подвиг партии и народа (1946–1955 гг.). М., 1967; Королев Б., Лялин Н. Партия в период построения социализма в СССР (1946–1958 гг.). М., 1967; Лельчук В.С. Сменив мечи на орала. Рассказ о 4-й пятилетке (1946–1950). М., 1967. и др.

⁴ Гвоздев Б.И. Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) // Вестник МГУ. М. 1971. № 5. С. 3–14; Казанцев Б. Н. Рост реальной заработной платы и доходов рабочих промышленности СССР в 1951–1958 гг. // История СССР. 1966. № 3. С. 25–40; Смирнов А.В. Рабочие промышленности СССР. 1945–1970 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1984; Хлусов М.И. Указ. соч.; Лельчук В.С. Указ. соч.; Бляхман Л.С. Упорядочение заработной платы в промышленности. Л., 1960.

ственность тарифных сеток вносила разницей в оплату труда рабочих, находившихся в одинаковых условиях. На региональном материале данная проблема рассматривалась в работах В.А. Ежова (на материалах Ленинграда), А.В. Дмитриева, В.А. Саматова, А.М. Янгалина (Средний Урал, Башкирия), Л.Н. Раднаевой, Б.Д. Семашкина (Бурятская АССР, Восточное Забайкалье), С.С. Букина, Г.А. Докучаева (Сибирь и Дальний Восток) и др.¹

В немногочисленных работах (С.С. Букина, Н. Татарской, А. Гурьянова, В.А. Васильевой) в качестве источников использовались материалы обследований бюджетов семей рабочих². Авторами были проанализированы вопросы покупательной способности рабочих, выявлены основные статьи их денежных расходов (продовольствие, одежда, коммунальные платежи). Среди публикаций, посвященных проблеме методов бюджетных обследований, можно отметить работы Д.П. Журавского, С.В. Постникова³.

Вне зависимости ракурса рассмотрения темы (исторического, экономического), в трактовке результатов политики доходов 1946–1956 гг. советские исследователи, как правило, не выходили за рамки официально обозначенного идеологического курса относительно перспектив и динамики развития материальных доходов населения. Авторы подчеркивали непрерывное увеличение доходов горожан, реализуемое как за счет повышения заработной платы, так и за счет увеличения выплат из ОФП, отмечая в качестве положительных мероприятий унификацию тарифных сеток и повышение доходов низкооплачиваемых категорий горожан.

---

¹ Ежов В. А. Рабочие Ленинграда в годы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства (1945 – 1955 гг.) : автореф. дис ... д-ра ист. наук. Л., 1968; Дмитриев А.В. Материально-бытовое положение рабочих машиностроения Среднего Урала в четвертой пятилетке // Рабочий класс Урала 1937–1975. Свердловск. 1979. С. 21-30; Саматов В.А. К вопросу о составе рабочего класса тяжелой индустрии Урала (1946–1950 гг.) // Из истории борьбы рабочего класса Урала за создание материально-технической базы социализма. Свердловск, 1974. С. 21-30; Янгалин А. М. Рабочий класс Башкирской АССР в период послевоенного восстановления народного хозяйства и завершения строительства социализма в СССР (1946–1958 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Раднаева Л.Н. Рабочий класс Бурятской АССР в 1946–1960 гг. : дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1983; Семашкин Б.Д. Промышленность и рабочие Восточного Забайкалья в послевоенные годы (1946–1958) : дис... канд. ист. наук. Л., 1977; Букин С.С. Жизненный уровень рабочего класса в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск, 1984; Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы. 1945–1950. Новосибирск, 1972.

² Букин С.С. Жизненный уровень ... ; Татарская Н., Гурьянов А. Бюджет рабочей семьи. М., 1957; Васильева В. А. Бюджеты рабочих — прежде и теперь. М., 1965.

³ Журавский Д.П. Об источниках и употреблении статистических сведений. М., 1946; Постников С.В. О методах отбора семей рабочих, служащих и колхозников для обследования их бюджетов // Вестник статистики. 1953. № 3. С. 32–46; Татарская Н., Гурьянов А. Указ. соч.

В советской историографии рассматривались правительственные мероприятия, направленные на изменения цен, проведенные во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. В оценке денежной реформы 1947 г. авторы сходятся во мнении, что она нанесла сокрушительный удар по спекулянтам, обесценив их сбережения в «кубышках», и создала благоприятные условия для торговли по единым ценам¹.

Положительную оценку в историографии получили и проведенные снижения цен в государственной торговле. Зачастую авторы в качестве аргументов ссылались на данные об объемах средств, «сэкономленных» населением страны, либо на процентные показатели снижения цен в сравнении с 1946 г.² В ряде экономических публикаций дан более глубокий экономический анализ последствий реформ. А. Н. Камушер, В. Е. Мотылев, С. П. Фигурнов, оценивая последствия ценовой реформы, сопоставляют уровень цен 1940 г. со «сниженными ценами» конца 1940-х – начала 1950-х гг. Но интересен тот факт, что исследователи приходят к разным выводам относительно объемов и характера данного соотношения. С. П. Фигурнов в своей монографии пишет, что в 1947 г. «все цены в сравнении с уровнем 1940 г., были снижены на 321%, в том числе на продовольственные товары – на 371%, непродовольственные – 253%, а цены на хлеб, масло и мясо, в сравнении с 1940 г., были уменьшены втрое»³. К противоположным выводам приходят экономисты А. Н. Камушер и В. Е. Мотылев. Так, В.Е. Мотылев отмечает что, несмотря на многократные снижения цен, проводимые правительством, даже «в 1950 г. средний уровень розничных цен оставался на 86% выше уровня 1940 г., причем по продовольственным товарам он был выше на

---

¹ Лопаткин В. Г. Советская торговля – один из важнейших участков социалистической экономики. М., 1954; Мазель Л. С. Регулирование розничных цен на товары народного потребления на разных этапах развития советского хозяйства // НИИТОП. Сборник научных работ. М., 1957; Майер В. Ф. Заработная плата в период перехода к коммунизму. М., 1963; Москвин В. Развитие советской торговли. М., 1954; Мстиславский П. С. Распределение материальных и духовных благ в период развернутого строительства коммунизма // Партийная жизнь. 1959. № 12. С. 12–20; Орлов Я.Л. Личное потребление и товарооборот // Советская торговля. 1954. № 2. С. 23–37; Россинский М.Б. Некоторые вопросы расширения производства товаров народного потребления и улучшение бытового обслуживания населения (на материалах Башкирской АССР) // Вопросы экономики промышленности. Свердловск, 1963. С. 37–54; Сажин Б.П., Темкина И.М. Изменение объема и структуры товарооборота Свердловской области в период развернутого строительства коммунистического общества // Вопросы экономики промышленности. Свердловск, 1963. С. 26–29; Фигурнов С.П. Строительство коммунизма ... .

² Гоголь Б.И. Советская торговля и ее роль в народном хозяйстве. М., 1948; Кистанов Я.А. Основные этапы развития советской торговли // 35 лет Советской торговли. М., 1952.

³ Фигурнов С.П. Реальная заработная плата... С. 158.

103%, по непродуктивным — на 65%»¹. А.Н. Камушер также склонен полагать, что общий уровень розничных цен был выше уровня 1940 г. не только в 1950 г., но даже в 1960 г., хотя, как отмечает автор, ниже довоенных уже в середине 1950-х гг. были цены на некоторые товары, пользующиеся наибольшим спросом: хлеб, картофель, баранину, овощи, фрукты, колбасу, птицу, кровати, гвозди, шифер и т. д.²

Экономисты Н.И. Бузляков, Н.С. Лагутин и В.Ф. Майер, относительно последствий ценовых снижений, отмечали, что, при всех плюсах, позитивный эффект реформы был ограниченным, так как «от снижений розничных цен выигрывает тот, кто больше покупает», то есть слои населения с более высокими доходами, а не все граждане³.

В региональной историографии получили рассмотрение снижения цен колхозного рынка, повлиявшие на рост покупательной способности горожан⁴.

Проблематика объемов потребления горожанами материальных благ получила широкое рассмотрение в исторических и экономических разработках советского историографического этапа. Первые публикации, авторы которых касались данной тематики, появились во второй половине 1940-х—начале 1950-х гг. Можно отметить работы Н.К. Амотова, А.И. Викентьева, Я.М. Жуковского, М.П. Тарасова, К.Д. Чеботарева⁵, написанные в научно-популярном ключе, а также экономические исследования Б.И. Гоголя, Я.А. Кистанова, М. Лифица, Ф.Я. Обловацкого, В. Соколова, Л. Назарова⁶. Послевоенные социально-экономические мероприятия рассматривались исследователями в контексте их

---

¹ История народного хозяйства СССР (1917–1959)... С. 216.

² История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 6. ... С. 547.

³ Бузляков Н.И., Майер В.Ф. Указ. соч.; Лагутин Н. С. Бюджет советской семьи. М., 1967.

⁴ Бакунин А.В. Денисевич М.Н. Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы развития (30–80-е гг.). Свердловск, 1990; Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979.

⁵ Жуковский Я.М. Повышение материального и культурного уровня жизни народа в новой пятилетке. М., 1946; Бенедиктов И.А. Развитие сельского хозяйства в послевоенной пятилетке. М., 1947; Брагинский Б.И., Викентьев А.И. Неуклонный подъем уровня жизни советского народа. М., 1947; Амотов Н.К. Забота социалистического государства о нуждах народа. М., 1947; Чеботарев К.Д. Советский народ в борьбе за досрочное выполнение послевоенной пятилетки. М., 1948; Тарасов М.П. Забота партии и правительства о подъеме материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. М., 1950 и др.

⁶ Гоголь Б.И. Указ. соч.; Кистанов Я.А. Указ. соч.; Лифиц М. Советская торговля и ее роль в экономической жизни страны. М., 1951; Обловацкий Ф. Я. Указ. соч.; Успенский Ф.Я. Развитие общественного питания // 35 лет Советской торговли. М., 1952. С. 47–64; Соколов В., Назаров Л. Советская торговля в послевоенный период. М., 1954.

соответствия пятилетнему плану. Рассуждая о реалиях послевоенного времени, авторы отмечали некоторые сложности в снабжении горожан и даже «острый дефицит» продуктов питания, объясняя ситуацию объективными трудностями восстановления разрушенного войной хозяйства. Не замалчивая проблему, авторы не приводили конкретных данных о послевоенном дефиците и объемах потребления горожан, акцентируя внимание читателей на том, что, несмотря на сложности послевоенного периода, общей тенденцией динамики жизненного уровня и потребления городского населения был его стремительный рост, обусловленный, в том числе «направляющей и ведущей ролью партии».

О своеобразии и специфике отражения реалий 1940-х–начала 1950-х гг. в послевоенной советской историографии, рассуждает В.А. Литвинов, справедливо замечая, что применительно к оценке потребления был выработан весьма характерный для плановой системы подход «от достигнутого». Вопрос об абсолютном размере (объеме) потребления не ставился: низкий он или высокий, достаточен или недостаточен для решения задачи элементарного жизнеобеспечения – не важно. Признавалась важной лишь динамика явления, главными становились темпы роста сами по себе, без учета того базового уровня, по отношению к которому они подсчитывались¹. Подход «от достигнутого» с одной стороны, соответствовал уровню научного осмысления проблем благосостояния (возможности которого в 1950-е гг. были ограничены вследствие узкой источниковой базы), а, с другой стороны, позволял обозначить положительную динамику послевоенного социально-экономического развития, корректно обходя проблемы уровня жизни горожан. Тезис о непрерывной динамике роста в 1946–1956 гг. объемов потребления горожанами промышленных и продовольственных товаров, фиксировался и в более поздних советских исследованиях².

В 1960-е – 1970-е гг. появляются экономические публикации, посвященные рассмотрению вопросов товарного снабжения городского населения и уровня реализации потребительского спроса в период послевоенного десятиле-

---

¹ Литвинов, В.А. Правда о вкусной и здоровой пище: показатели потребления в России за 100 лет // Человек. 2006. № 2. С. 46–57.

² Зинин В.Г., Январев В.А. Доходы и потребление населения: динамика и структура. М., 1973; Маслов П.П. Доход советской семьи. М., 1965; Губарева О.Е. Источники роста народного благосостояния в СССР. М., 1968; Крук Д.М., Чертков Д.Г. От чего зависит уровень жизни трудящихся в СССР. М., 1964; Матюха И.Я. Статистика жизненного уровня населения. М., 1973.

тия. В эти годы проводятся масштабные экономические исследования уровня жизни населения страны, в которых, наряду с другими аспектами благосостояния, рассматривались вопросы продовольственного и промышленного обеспечения граждан в 1950-е гг. Наиболее крупными экономическими работами по данной тематике являлись публикации Н. И. Бузлякова, Б. И. Гоголя, О. Е. Губаревой, Н. С. Лагутина, В. Ф. Майера, П. С. Мстиславского, С. П. Фигурнова и др.¹. Авторы отмечают ежегодное увеличение потребляемых населением продуктов питания (как в натуральном эквиваленте, так и в процентном соотношении к 1940 г.), качественное улучшение рациона горожан, выраженное в увеличении потребления таких «высокопитательных» продуктов, как мясо и молоко, а также улучшение снабжения промышленными товарами.

О дефиците промышленных и продовольственных товаров исследователи пишут как о проблеме частной, эпизодической, объясняемой несвоевременной доставкой продукции со склада², плохо рассчитанным спросом³, нерасторопностью директоров и торговых работников. По мнению П. С. Мстиславского, «отставание производства от потребностей досталось социалистическому обществу как наследство капиталистической эпохи»⁴, и не может быть ликвидировано немедленно.

В середине 1950-х Т.Н. Саблиной⁵ была предпринята попытка исследования дефицита. Она делит неудовлетворенный спрос по степени востребованности товара на три группы: единичный (товар спрашивают не более 5 раз в день), частый (не более 15), массовый (отсутствующий товар спрашивают более 15-20 раз в день). Систематизация Т.Н. Саблиной не закрепилась в литературе и не была использована авторами в дальнейших исследованиях.

---

¹ Бузляков Н. И., Майер В. Ф. Указ. соч.; Гоголь Б. И. Указ соч.; Губарева О. Е. Указ. соч.; Лагутин Н. С. Указ. соч.; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... ; Фигурнов С. П. Реальная заработная плата...

² Сазонов В. Контроль за выполнением плана товарооборота и состоянием товарных запасов // Советская торговля. 1952. № 1. С 9-12 ; Трифонов С. Повысить культуру торговли в универсамах // Советская торговля. 1953. № 2. С. 16-19.

³ Быстрыкин А. Всемерно развивать торговлю культтоварами на селе // Советская торговля. 1953. № 9. С. 16-20; Коленко А. Товарные запасы и их нормирование // Советская торговля. 1958. № 7. С. 16-18; Павлов Д. Больше товаров для населения // Советская торговля. 1958. № 7. С. 12-17; Прейсман. Г. Об ассортименте и качестве галантерейных товаров // Советская торговля. 1953. № 11. С. 15-19.

⁴ Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме... С. 68.

⁵ Саблина Т. Н. Изучение неудовлетворенного спроса населения // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1956. С. 67-73.

В рамках советского периода активно изучались потребности населения¹. Интерес к данной проблеме был обусловлен политико-идеологическими и экономическими причинами. В основе отечественных исследований по данной тематике лежало марксистско-ленинское понимание потребностей людей, как «объективно необходимых условий их жизни, соответствующих достигнутой исторической ступени развития общества и его членов»². В контексте советской историографической традиции потребности характеризовались рядом особенностей: потребности историчны (детерминированы социально-экономическими условиями развития социума); потребности не индивидуальны; рациональны и имеют свои пределы. Необходимость планирования в социалистической экономике, а также понимание потребностей через историчность, рациональность, коллективность и предельность привели к поиску фиксированного оптимального объема потребления. В середине 1950-х гг. в СССР начинается разработка норм рационального потребления товаров³.

Параллельно с изучением потребностей в СССР велись разработки, направленные на изучение покупательского спроса. В начале 1950-х гг. в связи с отсутствием органов и отделов, занимающихся централизованным изучением спроса, ответственность за выполнение этой задачи целиком и полностью возлагалась на продавца. Именно работник торговли должен был донести полученную информацию о спросе в вышестоящие инстанции, откуда она попадала на фабрики. В публикациях журнала «Советская торговля» первой половины 1950-х гг. (авторами которых зачастую были директора магазинов или товароведы), предлагалось несколько методов изучения потребностей населения. С. Комолов, Т.Н. Саблина, А. Овсянников, А. Чикин, Н. Яшнов⁴ предлагали в ка-

---

¹ Баранова Л.Я. Личные потребности. М., 1984; Евстигнеева Л. П. Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. М., 1975; Караулов В. П., Пряхин А. А. Потребностеведение. Свердловск, 1987; Потребности, доходы, потребление / отв. ред. Н. П. Федоренко. М., 1979; Радаев В.В. Потребности как экономическая категория социализма. М., 1970; Его же. Экономические интересы при социализме. М., 1971; Сергиевский В. Н. Проблемы оптимального соотношения производства и потребления в СССР. М., 1968.

² Мстиславский П. С. Народное потребление ... С. 23.

³ Васильев А. Правильно определять потребность населения в овощах // Советская торговля. 1958. №1. С. 17–20; Фигурнов С.П. Реальная зарплата ... ; Корнеев А. М. Текстильная промышленность и пути ее развития. М., 1957; Мстиславский П. С. Народное потребление ... ; Струмилин С.Г. К вопросу об измерении народного благосостояния // Вестник статистики. 1954. № 5. С. 20–31.

⁴ Комолов С. Совершенствовать формы и методы обслуживания покупателей // Советская торговля. 1952. № 4. С. 47–51 ; Саблина Т. Н. Указ. соч.; Чикин А. Начало большой работы // Советская торговля. 1952. № 3. С. 32–46; Яшнов Н., Овсянников А. Улучшаем торговлю одеждой // Советская торговля. 1953. № 4. С. 20–24.

честве метода изучения спроса – конференции покупателей. Исследователи А. Моргунов и Э.И. Штейн¹ настаивали на большей эффективности проведения специализированных недель продажи определенного товара. Наиболее объективные данные о спросе, по мнению Н. Арашкевича, К. Ахполова, Н. Ершова, С. Кашина², можно получить из разговора с покупателем. Хотя, по мнению М. Абаянцева³, общение с покупателем не всегда обязательно, продавец должен заметить реакцию покупателя на товар, или подслушать разговор по поводу продукции. Во второй половине 1950-х гг. вследствие расширения торговой сети и необходимости сокращения издержек обращения проблема методов изучения покупательского спроса становится достаточно популярной темой экономических исследований. Изучение данной проблемы ведется на базе НИИ Торговли и общественного питания (НИИТОП), а также профильных вузов: Ленинградского института советской торговли им. Энгельса, Московского института народного хозяйства им. Плеханова, Свердловского института народного хозяйства. Во второй половине 1950-х гг. меняется характер публикаций посвященных спросу: повышается их научный уровень, они приобретают более обобщенный характер, меняется методика изучения проблемы (привлекаются статистические материалы, данные об объемах продаж, используются математические методы и пр.)⁴.

Сформулированные в советской историографии выводы, касающиеся отношения населения к уровню потребления, строились на основе изучения структуры покупательского спроса, уровня обеспеченности товарами, норм рационального потребления. Конечная оценка определялась по шкале «удовлетворительно–неудовлетворительно» в зависимости от уровня количественной

---

¹ Моргунов А. Наш опыт показа и расширение продажи товаров // Советская торговля. 1952. № 4. С. 12–14; Штейн Э. И. Изучение покупательского спроса населения на основе учета продажи товаров // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1956. С. 34–56.

² Арашкевич Н. Увеличить выпуск продукции предприятиями общественного питания // Советская торговля. 1953. № 7. С. 12–15; Ахполов К. Изучение спроса на культтовары // Советская торговля. 1953 № 7. С. 23–27; Ершов Н. Из практики работы по изучению спроса // Советская торговля. 1953 № 1. С. 18–21; Кашин С. Как мы боремся за качество товаров // Советская торговля. 1952. № 1. С. 12–15.

³ Абаянцев М. Наш опыт изучения спроса покупателей // Советская торговля. 1952. № 3. С. 10–14.

⁴ Итин М. А. Методика изучения потребления важнейших непродовольственных товаров // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1957. С. 21–35; Назаров Р. С. Методика изучения уровня продажи основных продовольственных товаров // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1957. С. 25–38; Трахтенберг Г. Л. Организация и методы изучения покупательского спроса // НИИТОП : сб. науч. работ. М., 1956. С. 30–37.

обеспеченности горожан товарами¹. Проблематика фактических индивидуальных стремлений и мотиваций потребления населения не рассматривалась, поскольку аксиоматически полагалось, что граждане стремятся и желают потреблять те товары, которые необходимы для удовлетворения рациональных, обоснованных нормами потребностей, а также те, спрос на которые не удовлетворен. В результате данного подхода исследование фактических моделей потребления граждан подменялось реконструкцией предписываемых и экономически оправданных (для советской социально-экономической модели) потребительских практик.

Девиантные экономические стратегии горожан (хищения, спекуляция и пр.) получили рассмотрение в работах советских правоведов. В них рассматривались вопросы применения действующих законодательных норм, специфика следственных действий при поимке преступников, приводились количественные данные о распространении преступности в отдельных регионах РСФСР². В 1970-е–1980-е гг. появляются обобщающие работы, посвященные анализу деятельности отечественных правоохранительных органов, в которых косвенно затрагивались вопросы борьбы с экономическими девиациями в годы послевоенного десятилетия³.

В целом, в советской историографии был накоплен существенный эмпирический материал, отражающий количественное измерение проблематики экономических стратегий горожан (преимущественно рабочих) 1946–1956 гг. (объемы потребления и доходов, проявления трудовой активности и пр.), а также деятельность социальных институтов, ориентированных на решение задач

---

¹ Морозов Г.Б., Цыпин Б.Л. Проблемы личного потребления трудящихся при социализме // Показатели и факторы эффективности региональной экономики. Свердловск, 1978; Немчинов В.С. Избранные произведения. В 6 т. Т. 5. М., 1968; Олдак П.Г. Взаимосвязь производства и потребления (критерии оценки). М., 1966; Чайнов Р.А., Синютин В.М. Производство товаров народного потребления: социально-экономический аспект. М., 1984 и др.

² Грабовская Н. П. Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистической собственности (Закон 7 августа 1932 г.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1944–1946; Еропкин, М.И. Участие трудящихся в охране общественного порядка. М., 1959; Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1956 гг. М., 1957; Пионтковский А.А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с нею // Советское государство и право. М., 1959. № 3. С. 85–98; Дворкин А. Следственная практика. Борьба с хищением и разбазариванием хлеба // Социалистическая законность. 1947. № 3 и др.

³ Пехтерев, А.Ф. Принципы советского государственного управления в деятельности органов внутренних дел. Омск, 1983; Морозов Л. Ф., Портнов В. П. Социалистический контроль в СССР. М., 1984; Гранат П.Л. Социалистическая законность в деятельности внутренних дел. М., 1985.

послевоенной социальной политики. Социально-экономические мероприятия правительства оценивались преимущественно в положительном ключе, признавалась их направленность на повышение уровня жизни горожан. Проблематика механизмов адаптации и «обживания» горожанами сложных реалий послевоенной повседневности не ставилась в разработках советского периода, как и вопросы динамики стандартов материального потребления.

На современном историографическом этапе, в связи с расширением возможностей исследовательского поиска (увеличением и обновлением источниковой базы и методов исследований, снятием идеологического контроля и расширением методологического инструментария), получают новый ракурс рассмотрения социально-экономические мероприятия 1946–1956 гг., а также реконструируются отдельные проявления деятельностных стратегий горожан.

В 1990-е–2000-е гг. появляются исследования, направленные на реконструкцию исторического контекста социально-экономической политики послевоенного десятилетия¹. Характеристика правительственных мероприятий послевоенного периода определяется, в том числе, приверженностью авторов к различным теоретико-методологическим моделям исторического анализа. В русле модернизационной объяснительной модели рассматривают социально-экономические реалии послевоенного десятилетия А.Г. Вишневский, О.Л. Лейбович, В.В. Седов, В.А. Красильщиков, А.В. Трофимов, Г.А. Гончаров, С.А. Баканов, Н.В. Гришина, А.А. Пасс, А. А. Фокин, В.А. Шестаков и др., фиксируя сохранение мобилизационного режима в послевоенные годы, а также отмечая результаты модернизации – построение индустриального общества в СССР в

---

¹ Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–76; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 1950-е–середине 1960-х годов: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006; Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность // Свободная мысль – XXI. 2003. №№ 8, 9, 12; Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М., 2014; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 2. М., 1997; Хомякова Н. В. Социальная политика советского государства и ее реализация на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны: 1945–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007; Занозин Н.В. Послевоенный сталинизм в Горьковской области. (промышленное и социальное развитие Горьковской области в 1945–1953 гг.). Нижний Новгород. 2011; Перцев В.А. Параллели и реализация в советском государстве концепции общества потребления в 1950 – 1960-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 110–113; Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933-1952. London, 1980; Hessler J. A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the U SSR // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 3; Nove A. An Economic History of the USSR. London, 1992 и др.

1950–1960-е гг.¹ В.А. Волынцев, А.В. Молодчик, В.П. Попов, и др.², рассматривая результаты периода с либеральных позиций, приходят к выводу, что главной задачей власти была стабилизация политического режима, которая достигалась путем репрессивных мер и эксплуатации населения.

Проблематика материального благосостояния горожан 1946–1956 гг. сегодня получила рассмотрение на общесоюзном³ и региональном уровне (Нижнее Поволжье, Урал, Башкирская АССР, Дальний Восток, Сибирь)⁴. Авторы отмечают постепенную положительную динамику уровня жизни горожан, про-

---

¹ Голубев А.В. Россия, век XX // Отечественная история. 1997. № 5. С. 80–92; Рогачев А.Г. Исторические особенности сталинской модели государственной и правовой модернизации СССР в 1929–1953 годах // Вестник КрасГАУ. 2014. № 8. С. 256–263; Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993; Его же. Реформы 1950-х–1960-х гг. в контексте отечественной модернизации // Уральский исторический вестник. 2001. № 5-6. С. 361–373; Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск, 2013; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Трофимов А.В. Модернизационные процессы на Урале и в Сибири во второй половине XX в.: проблемы историографии // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Екатеринбург. 2012. С. 184–185; Шестаков В.А. Хрущевская модернизация // Преподавание истории и обществознания в школе. 2012. № 6. С. 11–19 и др.

² Волынцев В. А. Экономическая политика СССР в 1945–1953 гг. и ее влияние на уровень жизни населения страны : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. М., 2000; Молодчик А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Попов В. П. Сталин и советская экономика ... ; Стругова М. Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края : дис. ... канд. ист. наук : Краснодар, 2007.

³ Молодчик А.В. Указ. соч.; Пыжиков А. В. Амплитуда экономического развития СССР (1953–1964 гг.) // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 136–145; Уралов В. М. Уровень нашей жизни 1913–1993 : аналит. справ. М., 1995; Зубкова Е.Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 92–104 и др.

⁴ Австрийсков Е.В. Снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы : май 1945 - март 1953 : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008; Туриянова О.Н. Социально-бытовые условия жизни городского населения Башкирской АССР в послевоенные годы (1945-1953 годы) // Вестник ЧелГУ. 2011. № 9. С. 82–88; Хомутова Н. С. Социальная инфраструктура оборонно-промышленного комплекса на Урале в 1945-1955 гг. : дис. ... канд. ист. наук . Челябинск. 2007; Мамяченков В.Н. Продовольственное обеспечение населения Свердловской области в условиях послевоенного кризиса (1946–1950) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). С. 58–70; Хомякова Н.В. Продовольственное обеспечение населения Южного Урала с 1945 по 1953 год (на примере Чкаловской и Челябинской областей) // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII – XX веках. Оренбург, 2006. С. 112–117; Новинская Т.Ю. Благосостояние населения Пензенской области : 1946-начало 1960-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; Ващук А.С., Слабнина, Д.А. Стратегии благосостояния, реальность социальной жизни на Дальнем Востоке СССР в послевоенные годы. Владивосток, 1992; Слабнина Д.А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР. Владивосток. Изд-во Дальневосточного университета, 1997; Карпенко И.А. Восстановление Ленинграда в 1943-1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты : дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007; Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.). Иркутск, 2000; Коробов Д.М. Обеспечение промышленности Восточной Сибири рабочими кадрами и решение их социально-бытовых проблем (1950–1970 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : Иркутск, 2005; Сафонова Е.А. Социально-экономическое развитие Пензенской области в период реформ 1953–1964 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2005; Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих Свердловской области в 1953–1964 годах: от Сталина до Брежнева: историко-экономическое исследование. Екатеринбург, 2010; Мартюшов Л. Н. Промышленные рабочие Урала в 1955-1985 годах. Екатеринбург, 1999 и др.

изошедшую в рамках послевоенного десятилетия (рост уровня потребления продовольственных и промышленных товаров, доходов и заработной платы и пр.), определяя период наиболее масштабных позитивных перемен в уровне жизни городского населения серединой 1950-х гг.

В разработках отечественных и зарубежных исследователей проанализированы отдельные аспекты послевоенной социально-экономической реальности: функционирование карточной системы¹, механизмы реализации денежной реформы 1947 г.², снижения цен³, причины и социально-экономические последствия голода 1946–1947 гг.⁴ и т.п. В рассмотрении данных проблем авторы уделяют значительное внимание социальным последствиям проводимых правительственных мер. Оценивая социальные последствия денежной реформы сторонники либерального подхода приходят к выводу, что она носила ярко выраженный конфискационный характер. Проводимый обмен денег существенно ударил по кошелькам населения, но наиболее ощутима для бюджета граждан была переоценка вкладов. А.К. Соколов и В.С. Тяжелникова отмечают, что «конфискационные последствия реформы на долгие годы стали шоком для общества»⁵. Иначе оценивают социальные последствия реформы А.А. Данилов и А.В. Пыжиков, отмечая, что «денежная реформа принесла известные выгоды

---

¹ «Военные» карточки: от введения до отмены // Государственный архив Мурманской области URL: <http://www.murmanarchiv.ru/index.php/exhibitions-events/2009-06-08-10-18-49/great-patriotic-war-on-the-kola-north/500-lr-> (дата обращения: 24.11.2019); Слабнина Л.А. Подготовка к отмене карточной системы снабжения на Дальнем Востоке, 1946 г. (из архивных «особых» папок) // Амурская область: история и современность. Благовещенск. 2009. Ч. 1. С. 125–133; Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 36–42; Егоров С.Г. Послевоенная отмена карточной системы и ее социально-экономическая эффективность в городах Кировской области // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 187–191 и др.

² Слостнев С.Б. «А сейчас всех выровняют». Денежная реформа и отмена карточной системы на Среднем Урале. 1947–1948 гг. // Веси. 2014. № 8. С. 105–115; Чайка Е.А. Денежная реформа и ее последствия на Кубани в годы послевоенной модернизации (1945–1950 гг.) // История и обществознание. Вып.2. Армавир, 2003. С. 60–68; Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. М., 2018 и др.

³ Лазарева Л.Н. «С каждым годом жить все лучше...» (феномен снижения послевоенных цен) // Вестник МГОУ. Серия: Исторические науки. 2018. № 3. С. 138–146.

⁴ Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 годов // Отечественная история. 1991. № 5. С. 3–19; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947: происхождения и последствия. М., 1996; Стругова М. Р. Социальная катастрофа – голод на Кубани в 1946–1947 гг. // *Historia Caucasica*: Краснодар. 2004. Вып.2. С. 46–56; Шалак А.В. К оценке масштаба голода 1946–1947 гг. // Историко-экономические исследования. 2009. № 2. С. 100–108; Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37–60; Элман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обзорение. М., 2005. Вып. 10. С. 197–199; Wheatcroft S. G. The Soviet Famine of 1946–1947, the Weather and Human Agency in Historical Perspective // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64; Dronin, N. M., Bellinger, E. G. Climate Dependence and Food Problems in Russia 1900–1990: The Interaction of Climate and Agricultural Policy and their Effect on Food Problems. Budapest ; N. Y., 2005; Ganson N. The Soviet Famine of 1946–47 in Global and Historical Perspective. N.Y. 2009.

⁵ Соколов А. К., Тяжелникова В. С. Курс советской истории, 1941–1991: учебник. М., 1999. С. 53.

вкладчикам сберегательных касс, так как при обмене вклады размером до 3 тыс. руб. включительно оставались без изменения»¹. В то же время А.А. Данилов и А.В. Пыжиков отмечают, что реформа была направлена на решение государственных, а не социальных задач, и именно с этого ракурса следует рассматривать ее последствия, среди которых укрепление политических позиции руководства внутри страны и международного положения СССР. Данную точку зрения разделяет сегодня многие авторы. С этого ракурса рассматриваются социальные последствия денежной реформы 1947 г. в работах большинства исследователей, обращающихся к изучению социально-экономических реалий послевоенных лет на материалах регионов РСФСР.²

В отечественно и зарубежной историографии получили рассмотрение вопросы проведения в послевоенный период кампаний по борьбе с девиантными экономическими практиками горожан: хищениями, спекуляцией, коррупцией и пр. Данные проблемы проанализированы как на общесоюзном, так и на региональном материале³. Рассматривая различные аспекты послевоенных кампаний, авторы приходят к выводу об их «демократичности», так как жертвами в подавляющем большинстве оказались рабочие, служащие, крестьяне, в то время как в отношении власть имущих горожан применялись менее суровые санкции.

В рассмотрении экономических преступлений горожан значительное внимание исследователи уделяют описанию и анализу непосредственно самих

---

¹ Данилов А. А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 108.

² Стругова М.Р. Социальные процессы ... ; Чайка Е.А. Указ. соч. и др.

³ Бурчак В.Я. Деятельность подразделений милиции по борьбе с имущественными преступлениями и спекуляцией в Кемеровской области в 1943 – 1953 годах // Вестник КемГУ. 2013. №2 (54). С. 198–202; Богданов С.В., Орлов В.Н. Тоталитарная государственность и экономическая преступность в СССР в первые послевоенные годы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 6-2. С. 15–20; Верт. Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010; Соколов Б. Был порядок, говорят... Штрихи к портрету коррупции в сталинскую эпоху // Отечественные записки. 2012. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/byl-poryadok-govoryat> (дата обращения: 18.12.2019); Емелин С.М. Основные направления противодействия общеуголовной и экономической преступности на Южном Урале во второй половине 1940-х–начале 1950-х годов // Вестник ЧелГУ. 2013. №17 (308). С. 85–89; Клюев Е. Органы БХСС и их роль в борьбе с черным рынком в первое послевоенное десятилетие (на материалах Ленинграда) // Научные. проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. С. 38–45; Мамяченков В.Н. Экономическая преступность на Среднем Урале в первые послевоенные годы (1946-1948 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 136–141; Твердюкова Е.Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения в СССР. 1941–1947 гг. // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2010. № 2. С. 88–99; Solomon P. Soviet Criminal Justice Under Stalin. Cambridge, 1996; Кимерлинг А.С. Особенности провинциальной советской коррупции в 1946–1953 годах на материале Молотовской области // Вестник Перм. гос. ун-та. Сер. История. 2012. Вып. 3. С. 101–108; Говоров И.В. «Товарищ взятка»: Взяточничество в жизни послевоенного Ленинграда (1945–1953) // Новейшая история России. Время, события, люди. СПб., 2010. С. 349–361 и др.

девиантных практик, реконструируемых на базе материалов периодической печати, документов правоохранительных органов и пр.¹, приходя к выводу, что хищения и различные формы «самообеспечения» горожан, были дихотомичны по своим целям: «одни шли на нарушение закона, чтобы выжить, другие пользовались моментом, чтобы нажиться»². Интерес вызывает проблематика экономических девиаций, актуализированных в период денежной реформы 1947 г.³

Проблема теневой предпринимательской деятельности горожан проанализирована в работах Е.А. Андрюхина, В.А. Осипова⁴. Авторы достаточно детально останавливаются на описании теневых схем и махинаций граждан, направленных на извлечение прибыли, доказывая, что теневая, нелегальная экономическая деятельность населения окутывала и масштабно превосходила ее легальные формы. Проблематика правового регулирования самостоятельной занятости граждан отражена в историко-правоведческом исследовании Т.А. Семеновой⁵.

Трудовые девиации горожан, связанные с нарушением действующего законодательства и реализуемые в практиках прогулов, опозданий и дезертирстве с предприятий, получили рассмотрение в отечественной историографии⁶ и ра-

---

¹ Реут Е.В. Социальное явление «несуны» на заводе № 820 в первые послевоенные годы (1946–1953) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 12. С. 77–83; Соколов А.К. Режимность на советских предприятиях // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 97–125; Сушков А.В. Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов // Новейшая история России. 2018. Т.8. № 1. С. 99–115; Сушков А.В. Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 89–95 и др.

² Суржикова Н.В. Печальное наследие войны: проблема криминала в послевоенном советском обществе (по материалам центральной и региональной прессы) // Подвиг Урала в исторической памяти поколений. Екатеринбург, 2010. С. 291.

³ Репенецкий А.И. Реализация денежной реформы 1947 г. и реакция населения (на материалах Куйбышевской (Самарской) области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 12, №6, 2010. С. 120–124; Твердюкова Е.Д. Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. №1. С. 45–53; Завадская Э.Ю., Царевская Т.В. Денежная реформа 1947 г.: реакция населения. По документам из «Особых папок» Сталина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 134–140 и др.

⁴ Андрюхин Е.А. Неофициальное предпринимательство в СССР в 50 – 80-х годах XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4/2. С. 11–15; Его же Зарождение и развитие предпринимательства в СССР в 50 – 80-х годах XX века // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №4/2. С. 9–15; Осипов В.А. Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (на материалах Западной Сибири). Кемерово, 2003.

⁵ Семенова Т.А. Правовое регулирование самостоятельной занятости в СССР. М., 2017.

⁶ Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 45–54; Головин Е.А., Коровин В.В. Региональные проблемы использования трудовых ресурсов и жилищно-бытового обслуживания молодых рабочих в конце 1940–1950-х гг. (по материалам Курской области) // Известия ВГПУ. 2017. № 4. С. 157–159 и др.

ботах зарубежных исследователей¹. Авторами исследованы количественные проявления данного феномена, специфика борьбы с ним, результативность которой была достаточно относительной.

Девиациями, широко распространенными в послевоенном городском социуме, являлись нищенство и бродяжничество. Проблема нищенства в СССР (1945–1960-х гг.) освещена в работах Е.Ю. Зубковой, Ш. Фицпатрик². В 2010 г. был издан сборник документов «На “краю” советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг.»³. Материалы, приводимые в нем, позволяют обратиться к количественной стороне проблемы нищенства, оценить мероприятия государственной политики, направленной на искоренение данной аномалии. В монографии В.Ф. Зимы проблема нищенства рассматривается как следствие послевоенного голода, косвенный результат репрессивной политики руководства и ошибок в аграрном секторе⁴.

Проблематика социальных протестов горожан, причиной которых являлись перебои в продовольственном снабжении, повышение норм выработки, снижения расценок, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия и т.п., рассмотрена в работах отечественных исследователей⁵.

---

¹ Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны М., 2011; Fitzpatrick Sh. Postwar Soviet Society: The «Return to Normalcy», 1945-1953 // *The Impact of World War II on the Soviet Union* / ed. S. J. Linz. Totowa, 1985; Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953-1964. Cambridge, 1992; Filtzer D. Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928-1991 // *International Labor and Working-Class History*. Foil 1996. № 50.

² Зубкова Е.Ю. На "краю" советского общества. маргинальные группы населения и государственная политика. 1940-1960-е годы // *Российская история* 2009. № 5. С. 101–118; Ее же. На «задворках» советской повседневности. Особенности государственной политики по отношению к социальным аномалиям и девиантным группам населения. (1945– середина 1960-х годов) // *Россия и современный мир*. 2010. № 2. С. 138–156; Ее же. С протянутой рукой. Нищие и нищенство в послевоенном СССР // *Charies du monde russe*. 2008. № 49/2-3. С. 441–474; Ее же. «Советский нищий»: опыт реконструкции коллективного портрета 1950-х гг. // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. №2. С. 221–236; Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // *Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985*. М., 2008. С. 219–254.

³ На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг./ Серия: Документы советской истории. М., 2010.

⁴ Зима В.Ф. Указ. соч.

⁵ Блок А.Ю. Исторический опыт административно-правоохранительной политики советского государства в 1953–1964 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2002; Горшков С. В., Попов Н. Н. Социально-политические отношения на Урале в 1945–1965 гг. // *Урал на пороге третьего тысячелетия*. Екатеринбург. 2000. С. 123–125; Мамяченков В.Н. Протестные акции населения в 1950–1960-х годах как следствие низкого уровня его материального положения: формы и методы (на материалах Свердловской области) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 15 (196). С. 88–96; Прищепа А.И. Забастовки на Урале в 1940–1960 годах // *Вопросы истории*. 1998. № 6. С. 135–137; Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006.

В историко-демографических разработках Н.Н. Аблажей, Н.А. Араловец, В.Н. Земскова, В.Б. Жиромской, В.А. Исупова, Г.Е. Корнилова, В.П. Попова и др.¹ проанализированы формы, векторность и масштабы миграций послевоенного периода, являвшихся следствием государственной политики, направленной на решение кадровых проблем промышленных предприятий РСФСР.

Более углубленное рассмотрение проблематики экономических стратегий советского населения предпринимается в рамках концепции «истории повседневности». Данный подход опирается на принципы феноменологической социологии, заложенные Э. Гуссерлем². Дальнейшее осмысление сущности и природы мотиваций и деятельностных стратегий граждан связано с работами Г. Гарфинкеля, А. Людтке, А. Шюца, Н. Элиаса и др.³ Новацией данного подхода является попытка реконструкции целостной картины повседневных практик граждан, пространства мотиваций, ценностей, идей, норм и пр. В качестве источниковой основы данных разработок авторами привлекаются: письма, жалобы, дневники, кино-фотодокументы, а также предметы вещевой среды.

Проблематика повседневных советских реалий и жизнедеятельностных стратегий советского городского населения второй половины 1940-х–1950-х гг. исследована в работах отечественных историков и культурологов⁴, публикаци-

---

¹ Корнилов Г.Е. Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке // Демографическая история России. Вып. II: миграции населения. Екатеринбург, С. 198–226; Его же. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 48–57; Аблажей Н.Н. Советская послевоенная политика в области реэмиграции: подходы и практика // Демографическая история России. Вып. II: миграции населения. Екатеринбург, С. 120–140. Земсков В.Н. Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944–1952 гг. М., 2016; Попов В.П. Демографические перемены в СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 49–64. Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. Российская история. 2019. № 3 // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17; Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. и др.

² Гуссерль Э. Указ. соч.

³ Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. №1. С. 41–69; Шюц А. Указ. соч.; Людтке А. Указ. соч.; Элиас Н. Указ. соч.

⁴ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг. : дис. ... канд. ист. наук : М., 2003; Доценко А. М. Повседневная жизнь советского города начала 1950–первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области) : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008; Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции М., 2008; Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизм. Пермь, 2007; Трофимов А.В. Экономические стратегии уральского населения ... С. 111–120; Его же. Модернизационные процессы и экономические модели поведения уральского населения (1945–1965 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2015. С. 327–332; Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015; Виниченко И.В. Перемены в повседневной жизни советских людей как результат новой социально-экономической политики государства в период «оттепели» // Омский научный вестник. 2011. № 3. С. 13–17 и др.

ях зарубежных авторов¹, а также стала темой коллективных монографий, научных конференций². На основе обширного круга источников: статистики, делопроизводственных материалов, документов личного происхождения, авторы реконструируют картину повседневных экономических стратегий граждан, приходя к выводу, что в них сочетались как практики адаптации и выживания, так и стремление к реализации личных экономических интересов, которые не всегда соответствовали действующим в СССР идеологическим и законодательным нормам.

Актуальным направлением отечественных и зарубежных историко-культурологических исследований является реконструкция культурного, вещного пространства советского человека, системы актуальных модных образов, определявших потребительские практики населения и отношение советских граждан к вещам³. Исследователи приходят к выводу, что существование проблем товарного снабжения граждан способствовало укоренению в советском социуме практик самостоятельного изготовления вещей, а также перманентных перешивок и переделок с целью продления жизни изделия или замещения вещей, которые было сложно приобрести в советской торговой сети.

В культурологических исследованиях рассматриваются проблемы советской гастрономической культуры, в которой нашли отражение презентуемые

---

¹ Edele M. *Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2007. № 8 (2); Jonston T. *Being Soviet: Identity, rumour, and everyday life under Stalin, 1939—1953*. Oxford, 2011.

² *Повседневность российской провинции XIX–XX вв. : материалы Всероссийской научной конференции*. В. 2 ч. Пермь, 2013; *Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985*. М., 2008 и др.

³ Бойм С. *Общие места: Мифология повседневной жизни*. М., 2002.; Гурова О.Ю. *От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе* // *Люди и вещи в советской и постсоветской культуре*. Новосибирск, 2005. С. 6–21; Сальникова Е.В. *Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х гг. Визуальные образы, герои, сюжеты*. Изд. 2-е. М., 2010. Golubev A., Smolyak O. *Making Selves through Making Things: Soviet Do-It-Yourself Culture and Practices of Late Soviet Subjectivation* // *Cahiers du monde russe*, 54/3–4 (Juillet-décembre 2013): 517–541; Смоляк О.А. «Абазур», «аборт», «абрикос»: репрезентация советской повседневности в книгах по домоводству // *Разрывы и конвенции в отечественной культуре*. Пермь, 2011. С. 138–184; Вайнштейн О. *Моделируя советских женщин: портниха как культурный герой эпохи социализма* // *Теория моды. Одежда. Тело. Культура*. 2007. № 3. С. 101–126; Деготь Е. *От товара к товарищу. К эстетике нерыночного предмета* // *Логос*, 2000. № 5/6. С. 29–37; Захарова Л. *Советская мода 1950-1960-х годов: политика, экономика, повседневность* // *Теория моды. Одежда. Тело. Культура*. 2007. № 3. С. 56–81; Щипакина А. *Мода в СССР: Советский Кузнецкий*, 14. М., 2009; Куляпин А.И., Скубач О.А. *Мифы железного века. Семиотика советской культуры 1920–1950-х гг.* Барнаул, 2006; Их же. *Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи*. М., 2013 и др.

стандарты материального потребления, идеологические конструкты, транслируемые политическим дискурсом¹.

В работах обществоведов рассматриваются жилищные проблемы горожан. В рамках исторических разработок преимущественное внимание авторов уделяется проблемам жилищного фонда в городах (оценке его объемов и качества)². В социологических и культурологических исследованиях коммунальное пространство анализируется как система советского мироустройства и социальной стратификации городского социума³. Вне зависимости от дисциплинарной специфики исследовательского ракурса авторы сходятся во мнении, что в послевоенный период жилищные проблемы большинства горожан не были решены, являясь поводом для жалоб граждан в органы власти и редакции газет и одой из причин текучести кадров на предприятиях. Широко распространенным явлением были злоупотребления при распределении социального жилья.

Предметом изучения обществоведов сегодня стали практики власти по конструированию и стигматизации аномалий и девиаций, нормированию и упорядочению социальных идентичностей⁴, реализуемые посредством образов, распространенных в информационном пространстве и массовой культуре пе-

---

¹ Кондратьева Т.С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. 2006; Сохань И. В. «Книга о вкусной и здоровой пище»: гастрономические образы сталинской эпохи // Человек. 2012. № 6. С. 139–153; Капкан М.В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX – XX веков) : дисс. .... канд. культурол. Екатеринбург. 2010; Кириленко С.А. Культурная унификация в сфере питания как отражение функционализации телесного опыта // Studia culturae. 2002. Вып. 3. С. 115–117; Богданов К.А. Советское шампанское. Праздничная история // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 367–379.

² Лебина Н.Б. Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997. № 1. С. 18–20; Горлов В.Н. Ведомственное жильё в СССР // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2013. № 1. С. 57–62; Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Эволюция социального жилья в СССР. От «сталинок» до «хрущевок» // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 4 (32) URL: <http://human.snauka.ru/2014/04/6537> (дата обращения: 14.11.2019); Мамяченков В.Н. Жилищное строительство в Свердловской области в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) как важный фактор социальной политики. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. II Емельяновские чтения. Курган. 2007. С. 166–168; Власов С.А. Решение жилищной проблемы на Дальнем Востоке в сталинскую и постсталинскую эпохи // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. Владивосток. 2014. С. 108–115; Ярославцев А.В. Реализация государственной жилищной политики на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг.) : дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск. 2011 и др.

³ Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда Ленинград), 1917–1991: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. 2008; Варга-Харрис К. Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во времена «оттепели» // Новейшая история России. 2011. №1. С. 160–166; Vuchli V. An archeology of socialism. Oxford, N.Y.: Berg., 2000 и др.

⁴ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004; Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., 2002.

риода¹. Ярким примером негативной идентичности являлось «стиляжничество» (феномен молодежной субкультуры конца 1940-х–1950-х гг.). Проявления и специфика распространения данного явления получили рассмотрение в отечественных и зарубежных разработках².

В ряде публикаций авторы обращаются к изучению советского рекламного дискурса, анализируя специфику рекламного плаката³. В большинстве работ фокус исследовательского поиска ориентирован на изучение рекламы 1920–1930-х и второй половины 1950-х–1970-х гг., в то время как советский рекламный плакат послевоенного периода стал объектом немногочисленных разработок⁴. К изучению советского газетного рекламного дискурса, имеющего свою

---

¹ Карпова Ю.Б. Молодежная мода в официальной советской сатире на примере журнала «Крокодил» // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. Т. 189. С. 39–45; Калинин И. Нам смех и строить и жить помогает (политэкономия смеха и советская музыкальная комедия, 1930-е годы) // *Totalitarian Laughter: Images – Sounds – Performers. A Special Issue of Russian Literature* / Ed. by S. Oushakine and D. Ioffe. 2013. Vol. 74. № 1-2. С. 119–141; Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: советская частушка и производство идеального советского субъекта // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 160–183; Roth-Ey K. *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War*. Ithaca, 2011; Tsipursky G. *Pleasure, Power, and the Pursuit of Communism: Soviet Youth and State-Sponsored Popular Culture during the Early Cold War, 1945-1968*: Ph. D. diss. University of North Carolina at Chapel Hill, 2011 и др.

² Турбина Е.П., Репа М.Н. Стиляжничество как элемент молодежной культуры 1950-х годов // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2011. № 1 (10). С. 200–202; Гарголина Е.С., Черкасов А.А. Стиляги как феномен отечественной послевоенной моды // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 2 (12). С. 28–37; Ципурский Г. «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стиляг». Политика в отношении вестернизированной молодежи в Советском Союзе при Н.С. Хрущеве // Новейшая история России. 2013. № 3 (8). С. 55–83; Edele M. [Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945-1953](#) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2002. № 1; Alexeeva L., Goldberg P. *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*. Boston, 1990; Furst J. *Stalin's Last Generation: Soviet Youth and the Emergence of Mature Socialism, 1945-56*. N.Y., 2010; Furst J. *The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism* // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Re-invention* / J. Furst, ed. N.Y., 2006; Magnusdyttir R. *Keeping Up Appearances: How the Soviet State Failed to Control Popular Attitudes toward the United States of America, 1945-1959*: Ph. D. diss. University of North Carolina at Chapel Hill, 2006.

³ Волобуева Советская реклама 1920–1930-х гг. // Рекламные технологии. 2006. № 4. С. 18–23; Зайцева А.И. Образы культуры детства в советском плакате: ценностный аспект // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Самара, 2014, С. 66–71; Рожков И.Я. Реклама советского периода: как это было // Знание. Понимание. Умение. 2007. №2. С. 171–178; Журавель В. А. Советский медиабаинг 1930-х гг. Из истории Внешторга СССР // *Машиностроитель*. 2007. № 6. С. 53–54; Золотонос М. Эрзац–реклама на мини-постерах начала 1960-х годов : из цикла «Теория и практика социализма» // *Новый мир искусства*. 2001. № 1. С. 31–34; Касатикова А.А. Парадоксы советской рекламы // *Техническая эстетика и промышленный дизайн*. 2007. № 8. С. 48–53; Конаныхин К. В. Рекламный процесс в СССР в 30-е годы // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2000. № 2. С. 49–55; Савельева О.О. Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // *Человек*. 2006. № 2. С. 58–69; Синова И.В. Развитие советской торговой рекламы в период нэпа // *Известия Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов*. 1996. № 3. С. 145–150; Кутыркина Л.В., Кутянская К.И., Самойленко И.С. Становление школы визуального мерчендайзинга и торговой рекламы в СССР в 50-60-е годы // Научный форум: экономика и менеджмент. 2017. С. 9–17.

⁴ Селезнева Е.Ю. Советская социальная реклама (моделирование сберегательного поведения дальневосточников) (1945–1950-е гг.) // *Россия и АТР*. 2008. № 1. С. 43–58; Шабашова Е.В. История развития торговой рекламы в СССР в послевоенный период (1940–50-е гг.) // *Актуальные проблемы экономики, управления, права*. М., 2007. С. 135–142; Сальникова Е.В. Указ соч.

стилистическую специфику в сравнении с плакатной рекламой, обращались не многие авторы. В работах И.В. Кудриной, Е.А. Кириенко, Т.В. Калюжной, рассматривается проблематика советской газетной рекламы на примере анализа отдельных изданий газет позднее советского периода¹, в статье Е.Д. Твердюковой проанализирована специфика газетной рекламы периода нэпа². В.М. Зарипова сопоставила тексты газетных рекламных объявлений советского и дореволюционного периодов³. Единственной работой, в рамках которой анализируются сюжеты газетной рекламы послевоенного периода, является публикация В.Г. Рыженко⁴. В тексте данной статьи обозначены некоторые сюжеты рекламного дискурса, но не ставится задача анализа территориальной специфики газетной рекламы в РСФСР послевоенных лет.

Не теряет своей актуальности сегодня проблематика трудовой активности горожан. Обозначенный еще в советской историографии тренд, в рамках которого трудовые практики горожан рассматривались в русле осознанного трудового подвижничества, находит отражение в современных публикациях. В работах Н.Н. Калинкиной, О.К. Синдянкиной, С.Г. Сизова, В.Н. Новикова, В.В. Коровина рассматриваются примеры трудовой активности граждан, направленной на послевоенное восстановление предприятий⁵. Появляются и новые направле-

---

¹ Кудрина И.В. Неизвестные страницы истории региональной рекламы (на материалах газеты «Советская Хакасия» за 1989 год) // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: история и современность. Абакан, 2015. С. 106–107; Ее же. Становление современной региональной рекламы (на примере газеты «Советская Хакасия») // Реклама и современный мир. Тверь, 2016. С. 216–220; Кириенко Е.А., Калюжная Т.В. Специфика жанра газетного объявления региональных СМИ в СССР (на примере газеты г. Белово «Знамя коммунизма») // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения. Новокузнецк, 2014. С. 173–175.

² Твердюкова Е.Д. «Двигатель... накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода нэпа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 212–223.

³ Зарипова В.М. Особенности функционирования креолизованного рекламного текста (на примере дореволюционных и советских газет) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. № 1. С. 113–120.

⁴ Рыженко В.Г. История городской повседневности послевоенных лет в советской газетной рекламе // Университеты в системах развития и интеграции России. Омск, 2015. С. 152–154.

⁵ Калинкина Н.Н. Социалистическое соревнование и стахановское движение на промышленных предприятиях Южного Урала в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 116–120; Синдянкина О.К. Участие профсоюзных организаций Мордовии в социалистическом соревновании в годы восстановления народного хозяйства (1945–1953 гг.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 10. С. 150; Сизов С.Г. Трудовые подвиги омичей в первые послевоенные годы (1945–1953) // Великая Отечественная война: экономика, политика, общество, культура. Омск, 2015. С. 26; Новиков В.Н., Коровин В.В. Социальные инициативы молодых работников Курского железнодорожного узла в ходе восстановления разрушенного войной транспортного хозяйства (1940-е – начало 1950-х гг.) // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Воронеж, 2018. С. 210–216. и др.

ния исследований. Получает рассмотрение проблема мотивации труда. В работах А.К. Соколова, А.М. Маркевича, С. Полетаева анализируется связь мотивации труда с состоянием финансовых, технологических, трудовых ресурсов¹; в исследованиях Д. Фильцера утверждается тезис, что в качестве доминанты трудовой активности горожан в послевоенные годы выступали различные методы принуждения²; в работах социологов разрабатываются теоретические аспекты проблематики мотивации труда³.

Изучение советской повседневности сегодня реализуется и в формате микроистории, в русле которой на основании писем и дневников воссоздаются биографии простых людей, в которых более рельефно читаются мотивации их деятельностных стратегии, ценностные ориентиры⁴. Изучение советской субъективности реализуется в контексте социологических и культурологических разработок⁵.

---

¹ Полетаев С. Мотивация труда промышленных рабочих в СССР в 1920-е гг. // Опыт историко-антропологических исследований. М., 2003. С. 192–198; Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис. Конец 1930-х – середина 1950-х годов // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 74–100; Его же. Трудовая политика на советских предприятиях с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг.: деградация стимулов к работе // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 100–140; Его же. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории. Вып. 9 М.; Тула, 2010. С. 174–224; Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца». Стимулы к работе на московском заводе «Серп и Молот». 1883–2001. М., 2005.

² Фильцер Д. Указ соч.

³ Герчиков В. И. Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 1 // Мотивация и оплата труда. 2005. № 2. С. 53–62; Ребров А.В. Факторы формирования мотивации работников // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 38–49; Здравомыслов А.Г. Человек и его работа в СССР и после. М., 2003.

⁴ Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 17–21; Гагарин А. А. Первый «красный директор» Верх-Исетского завода – Н. М. Давыдов: судьба человека (1893–1963) // Вестник Челябинского Государственного университета. История. 2007. № 22. С. 163–171; Лейбович О.Л. Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 168–182; Дмитриев Т.А. «Переписывая» советское прошлое: о программе исследований «Советского человека» Н. Н. Козловой // Социологическое обозрение. 2017. №1. С. 183–226; Кабацков А. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику Дмитриева 1946–1953). Социальная среда послевоенного советского города и «обжитые» советские пространства: версия к размышлению // Гефтер [Электронный ресурс]. Электронный журнал. URL: http://gefeter.ru/archive/18795?_utl_t=fb (дата обращения: 11.11.2019); Кабацков А.Н., Лейбович О.Л. Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А. И. Дмитриева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 15–22 и др.

⁵ Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб., 2008; Воронков В.М. 25 февраля 1956 года – начало «разномыслия» в СССР // Разномыслие в СССР и России (1945–2008). СПб., 2010. С. 28–37; Хупер С. «Новому советскому человеку» случается ошибаться: вместо героических фигур – обыкновенные граждане, неуверенно ищущие счастье // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб., 2018. С. 39–74; Пинский А. Дневниковая форма и субъективность в хрущевскую эпоху // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб., 2018. С. 145–178; Stalinistische Subjekte / Sujets Staliniens / Stalinist Subjects: Individuum and System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953 / hrsg. von B. Studer, H. Naumann. Zürich: Chronos, 2006.

Важной частью научных разработок является изучение языка советского периода, вобравшего в себя массу идеологем, отражающих специфику политического и социального конструирования¹. Нельзя не отметить работы, посвященные изучению политического дискурса (преимущественно выступлений лидеров государства)², а также анализу текстов печатных СМИ, направленному на: теоретическое осмысление проблемы влияния СМИ на формирование общественного мнения³; реконструкцию образов событий, освещаемых в прессе⁴; выявление специфики и эволюции лексем, презентуемых на страницах печати⁵.

---

¹ Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь. 1995; Сарнов Б. Наш светский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002; Серио П. От прозрачности к непрозрачности в советском политическом дискурсе // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т.2. СПб., 2015; Янг Дж. Тоталитарный язык // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т.2. СПб., 2015. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998; Воркачев С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Волгоград. 2008; Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. Екатеринбург, 2009; Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика 2009 № 4 (30). С. 32–40.

² Вайскопф М.Я. Писатель Сталин. М., 2002; Ворожбатова А.А., Кегеян С.Э. Идиодискурс И.В. Сталина как продукт речемыслительной деятельности «тоталитарной идеологической машины» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. № 10. С. 51–58; Смолененкова В. В. Риторика Сталина военного времени. Приказ № 70. // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_105.htm (дата обращения: 12.12.2019); Хаззагеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2002; Его же. Партия, власть и риторика. М., 2006.

³ Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. С. 10–32; Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Д. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. С. 32–49; Буряк Е.М. Пресса конца 1950-х - начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР // Проблемы истории, философии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 269–277; Науменко Т.В. Общественное мнение и массовая коммуникация // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2003. №4. С. 63–74; Иващенко Г.В., Науменко Т.В. Массовая информация // Credo. 2000. № 3. С. 29–37.

⁴ Колесникова А.Г. «Образ врага» в советской пропаганде периода «холодной войны»: от события к образу // Приволжский научный вестник. 2011. № 3 (3). С. 30–35; Хомякова А.С., Лоница С.Л. Образ Юрия Алексеевича Гагарина в прессе СССР // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. Т. 2. № 7. С. 123–124; Николаева Н.И. Новый образ США. Изменения в советской политике и пропаганде в 1947–1948 гг. URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda16.htm> (дата обращения: 12.12.2019); Клинова М.А., Трофимов А.В. Конструирование негативного имиджа «хозяйственника» на страницах журнала «Крокодил» в 1953–1964 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 78–82; Белоконева А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946–1953 гг.): дисс. ... канд. социол. наук. М., 2004; Липатова Н.В. Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы. Ульяновск, 2014; Быстров. Н.П. Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании: (Пропагандистская кампания против И. Броз Тито 1948–1953 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета 2008 №11. С. 150–159.

⁵ Брукс Дж. Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте // Советская власть и медиа. СПб., 2006. С. 228–241; Смоляк О.А. Трудовой этос эпохи позднего социализма (по материалам провинциальной печати) // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Том. II, Пермь, 2006. С. 115–118; Барсукова В.В. Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией: на материале статей и заметок экономической тематики : дисс. ... канд. филолог. наук. Пермь. 2011; Ее же. Об изменениях тоталитарного дискурса в советскую эпоху // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2(8). С. 65–69; Клинова М.А., Трофимов А.В. Модели трудовой мобилизации молодежи (по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг.) // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 55–62; Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 2004; Шкайдерова Т.В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство: на материале заголовков газеты «Правда» 30-40-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2007.

Предпринятый исследователями анализ материалов прессы послевоенного десятилетия преимущественно был направлен на реконструкцию образов внешнеполитической проблематики, в то время как тема экономических деятельностных практик горожан практически не получила рассмотрения в историографии. Анализ лексем, представленных в печатных СМИ 1946–1956 гг., был реализован преимущественно в филологических разработках, в рамках которых не ставилась задача исследования форм, содержания и востребованности советских идеологем в контексте их взаимосвязи с социальной политикой периода.

Проблематика изучения писем и жалоб граждан в органы власти, как источника изучения советской повседневности, неоднократно ставилась в отечественной историографии¹. Данные источники привлекаются авторами для изучения различных аспектов советской повседневности 1946–1956 гг.: материального благосостояния, бытовых условий и пр.² В большинстве публикаций сюжеты текстов писем и жалоб граждан фигурируют в качестве иллюстративных материалов, обозначая социальную проекцию реформ.

Актуальным направлением исследований сегодня является изучение общественных настроений послевоенного советского социума. Данная тема, начало которой было положено в 1990-е гг. в работах Е.Ю. Зубковой³, разрабаты-

---

¹ Богданова Е.А. Обращения граждан в органы власти как опыт отстаивания своих интересов в условиях позднесоветского общества :1960–1970-е годы.: дисс ... канд социол. наук. С-Пб., 2006; Володина Н.Н. Возможности устной истории при изучении трудовой повседневности тюменских рабочих в 1945–1965 гг. // *Повседневность российской провинции XIX–XX вв.* Пермь, 2013. С. 71–76; Клинова М.А. Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // *Вестник архивиста* 2012 № 4. С. 300–305; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996; Ее же. Методология анализа человеческих документов // *Социологические исследования.* 2004. № 1. С. 14–26; Ее же. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // *Социологические исследования.* 2000. № 9. С. 22–32; Лившин А.Я, Орлов И.Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // *Общественные науки и современность.* 1999. № 2. С. 94–102; Суровцева Е.В. Письмо-просьба/жалоба/оправдание как подразновидность жанра «письма властителю» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 3-2 (45). С. 188–193; Ее же. Письмо-просьба/жалоба/оправдание как подразновидность жанра «письма властителю» при Хрущеве и Брежневле // *Актуальные вопросы современной науки.* 2010. № 14. С. 202–209 и др.

² Кимерлинг А.С. «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: История России. 2013. №2. С. 5–15; Ее же. Выполнять и лукавить...; Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946–1953 гг.). Екатеринбург, 2009 и др.

³ Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека 1945 – 1948 годы // *Отечественная история.* 1998. № 4. С. 99–108; Ее же. Земля слухом полнилась... // *Родина.* 1998. № 8. С. 5–9

вается сегодня на общесоюзном и региональном уровне¹, с привлечением материалов писем и жалоб граждан, а также документов партийных и правоохранительных органов. В работах большинства исследователей преимущественное внимание получают вопросы общественно-политических настроений. Проблематика отношения граждан к политическим лидерам государства рассматривается в работах С.И. Быковой, Р.Н. Сулеймановой².

В исследованиях социологов рассматриваются стратегии выживания и адаптации населения в условиях изменяющихся экономических реалий³. В А Быстровой, Е. Евдокимовой, С. Игнатовой, А. Серебренниковой, Г. Ермичевой, Н. Соловьевой, И. Травиным было проведено эмпирическое социологическое исследование, основанного на интервью жителей Санкт-Петербурга (1993–1994 гг.), направленное на изучение стратегий выживания населения в зависимости от социально-демографического, профессионального, образовательного статуса граждан. Были выделены три стратегии выживания населения: пассивная социальная адаптация (уменьшение потребления, дополнительная занятость, использования не только основной профессии, но и навыков, умений для получения дополнительного дохода), направленная на поддержание сложившегося уровня потребления; радикальное изменение своей жизни (смена профессии, рода занятий, места жительства, получение дополнительных знаний и т.д.), на-

---

¹ Мигранов М.С. Общественные настроения в советском обществе во второй половине 40-х гг. XX в. (по материалам Башкирской АССР) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск, 2011. С. 14–20; Карпенко И.А. Сводки Управления МГБ по Ленинграду как исторический источник о настроениях послевоенного общества // Клио. 2006. № 1. С. 62–66; Вашук А.С. Общественно-политические настроения дальневосточников в 1946–1960-е годы // Дальневосточные архивы: прошлое – будущему. Владивосток, 2003. С. 230–235; Григорьева А.Г. Указ. соч.; Лейбович О.Л. Социальные напряжения в позднюю сталинскую эпоху // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Тверь, 2015. С. 25–35; Edele M. More than just Stalinists: the political sentiments of victors 1945-1953. / *Late Stalinist Russia: Society between reconstruction and Reinvention*. Oxford: Routledge. 2006 и др.

² Быкова С.И. Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобочевского. 2013. № 4 (3). С. 128–134; Ее же. «Вот если бы вы, Иосиф Виссарионович, сейчас упали и разбились...»: особенности отношения современников к Сталину // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 1. Самара, 2013. URL: <http://sbornik.portal63.ru/> (дата обращения: 18.10.2019); Сулейманова Р.Н. «Зачем такое правительство нужно?»: власть в представлениях населения Башкирской АССР (1945–1950-е годы) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 772–776.

³ Быстрова А., Евдокимова Е., Игнатова С., Серебренникова А., Ермичева Г., Соловьева Н., Травин И. Стратегии выживания населения в изменяющихся условиях // Мир России. 1995. № 2. С. 143–175. Янкина И.А. Качество жизни населения среднего города России: адаптационные стратегии и эффективность управления : автореф. дис. ... д-ра социологич. наук. Ростов-на-Дону. 2009. 48 с.

правленное на повышение уровня потребления семьи, улучшение качества жизни; эскапизм¹.

Проблематика экономических стратегий населения получает рассмотрение в экономических исследованиях. В рамках институциональной экономики анализируется влияние институциональной среды на поведение экономических агентов, предпринимаются попытки проследить влияние идеологии на реализуемые экономические практики². В фокусе исследований, ведущихся в русле поведенческой экономики, выявляется взаимосвязь психологических явлений и эмоций на принятие экономических решений³. В экономических исследованиях Н.В. Латовой, Ю.В. Латова, Р.М. Нуреева, В.А. Мау дается характеристика советской экономической модели развития, обозначены черты российской экономической ментальности⁴. Также в русле экономических исследований рассматриваются отдельные проявления экономических стратегий населения: сберегательное поведение, монетарные стратегии, стратегии трудоустройства и потребления различных социальных групп.⁵

Теоретические подходы и методы исследования адаптивных поведенческих моделей населения получили рассмотрение в исследованиях психологов в русле изучения индивидуальных стратегий взаимодействия личности с постоянно меняющейся окружающей реальностью. В работах классиков бихевиоризма Дж. Уотсона, Э. Толмена, Б. Скинера была обозначена проблема адаптивного поведения индивидов. По мнению Э. Толмена, поведение человека не является непосредственным результатом исходной стимуляции, а опосредуется

---

¹ Быстрова А., Евдокимова Е., Игнатова С., Серебренникова А., Еремичева Г., Соловьева Н., Травин И. Указ соч. С. 146.

² Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993; Аузан А.А. Институциональная экономика : учебник. М., 2005; Олсон М. Возвышение. Экономический рост и упадок. Стагфляция народов. Социальный склероз. Новосибирск, 1998; Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского гос. ун-та. 2004. № 283. С. 123–128.

³ Поведенческая экономическая теория: мейнстрим и современная парадигма экономического развития. Саратов, 2012.

⁴ Латова Н.В., Латов Ю.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 31–43. Мау В.А. Государство и экономика: опыт экономических реформ. М. 2017. Нуреев Р.М., Ю.В. Латов Экономическая история России (опыт институционального анализа) : учебное пособие. М., 2016.

⁵ Азарёнок Н.В. Надольская М.Д. Указ. соч.; Азарёнок Н.В. Указ. соч.; Борисова А.А. Указ. соч.; Ильина И.Ю. Указ. соч.; Фокина О.А. Указ. соч.; Максименко А.А. Монетарные стратегии экономического поведения // Объединенный научный журнал. 2003. № 23. С. 34–39.

путем «приспособительных актов», совершаемых индивидом¹. К. Халл определил способность организмов в сложных обстоятельствах самостоятельно формировать приспособительные связи в качестве «одного из наиболее впечатляющих достижений эволюции»². Авторы Г. Холмс и М. Масуда высказали предположение, что в стрессовых ситуациях у индивида происходит запуск адаптивного или преодолевающего трудности стереотипа³. В русле психологических исследований адаптивных поведенческих стратегий индивидов в были концептуализированы: «копинг-стратегии», «стратегии совладающего поведения» (зачастую трактуемые как синонимы). По мнению Т.Л. Крюковой, смысл копинг-стратегии, как разновидности социального поведения, заключается в том, чтобы с помощью осознанных действий разрешить, смягчить или уклониться от требований, предъявляемых трудной ситуацией⁴. Не вдаваясь в детали теоретических изысканий, ведущихся в русле отечественных и зарубежных психологических разработок, направленных на классификацию и типологизацию социального феномена адаптации, можно отметить, что вне зависимости от нюансов теоретико-методологического ракурса рассмотрения проблемы, под адаптивными стратегиями исследователи понимают способы поведения индивида (осознанного или неосознанного), направленного на преодоление стрессовых ситуаций (вызванных несогласованностью между индивидом и средой), «в целях восстановления эмоционального и физического равновесия»⁵.

По результатам историографического анализа можно сделать вывод, что различные аспекты проблематики экономических стратегий горожан находятся в фокусе изучения многих гуманитарных дисциплин (истории, экономики, социологии, правоведения, культурологии, психологии). Наиболее детально в историографии рассмотрены количественные аспекты проблематики экономических стратегий горожан 1946–1956 гг. (объемы промышленного и продовольственного потребления, материальные доходы), количественные результаты кам-

---

¹ Акименко А.К. Стратегии адаптивного поведения студенческой молодежи и их характеристика // Известия Саратовского университета. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 1. С. 64.

² История зарубежной психологии (30 – 60 гг. XX века). М., 1986. С. 42–43.

³ Дикая Л.Г., Махнач А.В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования // Психологический журнал. 1996. Т.17. №. 3. С. 138.

⁴ Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 19. С. 184–185.

⁵ Акименко А.К. Указ. соч. С. 65.

паний по борьбе с экономическими девиациями в городском социуме (хищениями, спекуляцией, нарушениями трудовой дисциплины на промышленных предприятиях и т.п.), проводимых во второй половине 1940-х гг.; детально проанализированы экономические реформы, проводимые правительством в послевоенное десятилетие (решение кадровой проблемы на промышленных предприятиях, отмена карточной системы, денежная реформа, снижения цен и пр.); проанализирована проблематика общественных настроений граждан (с преимущественным вниманием к политическим настроениям в советском социуме). Важно отметить, что изучение означенных тем, как правило, было реализовано в масштабах СССР, либо на уровне отдельных регионов, в то время как в территориальных рамках РСФСР многие из данных вопросов не получили рассмотрения.

Существует ряд тем, слабо или совсем не освещенных в научной литературе. Во-первых, применительно к государственной политике послевоенного десятилетия, направленной на формирования экономических стратегий городского населения РСФСР, это такие вопросы как: решение кадровых проблем на предприятия непромышленных отраслей городской инфраструктуры, послевоенное регулирование штатов предприятий и учреждений, политика морального и материального, позитивного и негативного стимулирования труда и динамика ее реализации в годы послевоенного десятилетия. Во-вторых, политический дискурс послевоенного десятилетия не являлся ранее объектом исторического анализа, направленного на выявления содержания и трансформации идеологем, посредством которых обозначалась векторность экономических стратегий горожан. В-третьих, не получали рассмотрения в исторических исследованиях такие аспекты политико-правового регулирования экономических стратегий горожан как вопросы самостоятельной трудовой занятости и защиты личной собственности. В-четвертых, политика, проводимая правительством в отношении отдельных составляющих доходов горожан: премий, окладов, компенсирующих выплат, не получила комплексного анализа в историографии. В-пятых, образы «правильных» и «девиантных» форм экономических стратегий горожан (труда, потребления), формируемые посредством печатных СМИ и информационного

дискурса послевоенного десятилетия не получили рассмотрения в исторических разработках, как и проблема мобилизационной риторики СМИ, направленной на повышение трудовой активности граждан. Отсутствуют исследования, в которых основой получаемых выводов являлся комплексный качественно-количественный анализ текстов печатных СМИ послевоенного десятилетия центрального, регионального, городского, заводского уровня. В-шестых, не освещена в исторических разработках проблематика моделей экономических стратегий горожан, связанных с освоением реалий послевоенного десятилетия.

1.2. Методология и методы исследования

В современной науке применительно к проблематике изучения социальной истории утвердился междисциплинарный подход, который стал основой для синтеза концепций, моделей, категорий и понятий различных отраслей знаний.

Предпринятое исследование основывается на комплексе теоретических представлений различного уровня.

Представление макроуровня составляют принципы модернизационной исторической парадигмы, представляющей собой методологию, ориентированную на изучение социальных перемен, трансформаций и инновационных мероприятий, фиксируемых в процессе развития общества¹.

Одной из объяснительных моделей, сформулированных в рамках модернизационной парадигмы, является концепт «мобилизационная система». Согласно определению, данному А.Г. Фонотовым, под мобилизационным типом развития понимается развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм². По утверждению И.В. Побережникова, мобилизационные инструменты включают в себя как фундаментальные (матричные) цивилизационно-культурные структуры, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций

---

¹ Побережников И.В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 36.

² Фонотов. А. Г. Россия: инновации и развитие. М., 2010. С. 12.

(ментальные установки массового сознания; народный характер; модели взаимоотношений власти и общества; природно-климатические условия и т.д.)¹, так и политико-идеологические механизмы (направленные на организацию и консолидацию социума), значимость которых возрастала в периоды обострения межстрановой конкуренции, эпохи войн, национальных катастроф. Специфический синтез влияния данных механизмов обуславливал многообразие конфигураций модернизационных процессов в разных цивилизационно-культурных контекстах².

В русле мобилизационной модели процессы, протекавшие в Советском Союзе, исследуются в контексте изучения механизмов социальной мобилизации, понимаемой как активизация и концентрация внутренних сил индивидов или социальных групп на выполнение определенного рода функций, как направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических, военных и других задач³.

Категорией, актуализированной в рамках данной объяснительной модели, является понятие «мобилизационная экономика». Л.И. Абалкин предложил трактовать термин «мобилизационная экономика» как антикризисную экономику, связанную с чрезвычайными обстоятельствами⁴. По утверждению Ю.П. Бокарева, более приемлемым является термин «мобилизационная экономическая стратегия», раскрывающийся в принятии государством на себя определенных экономических функций, актуальных в кризисные периоды развития⁵. По мнению К.И. Зубкова, мобилизационная модель экономики представляет собой форсированное расширение прямых экономических функций государства, свя-

---

¹ Побережников И.В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. науч. ст. Челябинск, 2009. С. 99; Шаповалов В. Ф. Россия как цивилизация // История России : теоретические проблемы. М., 2002. С. 136.

² Побережников И.В. Мобилизационные механизмы ... С. 99.

³ Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Указ. соч.; Фонотов А. Г. Указ. соч.; Седов В.В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003; Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: В 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1; Побережников И.В. Мобилизационные механизмы ... ; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2012 и др.

⁴ Круглый стол «Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России?». URL: <http://rusotechstvo.narod.ru/finansy/f49.html>. (дата обращения: 15. 11. 2019).

⁵ Бокарев, Ю. П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в. Челябинск, 2009. С. 10.

занное с необходимостью концентрации в его руках основных видов ресурсов и факторов производства¹. Вне зависимости от акцентов исследовательского курса, авторы сходятся во мнении, что мобилизационная экономическая модель направлена на решение внеэкономических задач государства² и связана с чрезвычайными обстоятельствами, которые заставляя «жертвовать выгодами постепенного, инкрементального экономического прогресса ради немедленной реализации “высших” интересов»³.

В работе В.В. Седова «Мобилизационная экономика: советская модель» были выделены основные принципы мобилизационности, как сознательно осуществляемой деятельности людей, реализуемой в рамках данной экономической модели. Принцип *главного звена*, предполагающий концентрацию ресурсов в том звене экономической системы, от которой зависит успех противодействия нависшей над системой угрозе. Согласно данному принципу, возможно перераспределение ресурсов за счет изъятия из других, менее важных с точки зрения достижения поставленной цели, звеньев экономики. Принцип *достижения цели «любой ценой»* и преимущественное использование в этой связи неэкономических методов воздействия на тех, от кого зависит достижение цели. Принцип *дискретности*. Мобилизационность не может быть постоянной и непрерывной во времени. Она возникает как временное явление. Если достижение поставленной задачи затянулось, то неизбежно ослабление мобилизационности в силу возникновения у вовлеченных в нее людей определенной усталости. Принцип *сознательности*. Необходимость мобилизационности и связанных с ней жертв ради противодействия нависшей над системой угрозе должна осознаваться вовлеченными в нее субъектами⁴. Также по замечанию В.В. Седова, важным фактором в мобилизационной экономике является особый духовный подъем населения, его готовность идти на временные лишения и даже жертвы. Вследствие этого в данной системе особое значение приобретали моральные, нравственные, психологические факторы, от которых зависит потенциал моби-

---

¹ Зубков К.И. Феномен мобилизационно экономики: историко-социологический анализ // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 64.

² Баканов С.А. Мобилизационная модель развития советского общества: проблемы теории и историографии // Вестник ЧелГУ. 2013. №18 (309). С. 90.

³ Зубков К.И. Указ. соч. С. 68.

⁴ Седов В.В. Указ. соч. С. 21–22.

лизационности, характеризующий способность достигать поставленной цели при данных ресурсах¹. В целом, концепт «мобилизационная модель» является оптимальным инструментом для изучения процессов государственного регулирования экономических стратегий горожан, позволяя выявить их специфику и направленность с учетом экономических задач, решаемых в годы послевоенного десятилетия.

При работе над диссертацией использовались результаты теоретических работ отечественных и зарубежных авторов, проводимых в русле теории истории повседневности. Данные исследования опираются на принципы феноменологической социологии Э. Гуссерля², а также разработки А. Шуца, П. Бергера и Т. Лукмана, Ф. Броделя, А. Лефевра³. Согласно А. Шуцу, повседневность представляет собой мир, «который бодрствующий взрослый человек, действующий в нем и воздействующий на него наряду с другими людьми, переживает в естественной установке как реальность»⁴. Ф. Бродель понимал под повседневностью «системы достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами», включающие «географические, агротехнические, производственные и потребительские условия материальной жизни»⁵. В отечественной историографии в понятие «повседневность» трактуется достаточно широко, объединяя в себе все, что происходило в частной человеческой жизни, бытовой культуре, включая сферу ценностей и эмоциональную проекцию проживаемой индивидом реальности⁶.

---

¹ Там же. С. 22.

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999.

³ Шуц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004; Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 62–71; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995; Lefèbvre H. Everyday Life in the Modern World. L., 1971.

⁴ Шуц А. Указ. соч. С. 402.

⁵ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М., 2017. С. 43.

⁶ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999; Тяжелникова В.С. Повседневность и революционные преобразования советской власти // Россия в XX в. Реформы и революции. Т.2. М., 2002; Пушкарева Н.Л. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005; Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. Сенявский А.С. Российская повседневность в XX веке: теоретико-методологические подходы к изучению // Человек в российской повседневности. М., 2001. С.67–74. Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3-1. С. 154–161.

В разработке проблематики повседневности был обозначен исследовательский ракурс, согласно которому повседневность презентуется как культурологическое пространство (ценностное, бытовое и пр.), изучение которого реализуется посредством методологии, обозначенной в контексте теории практик¹. Данная теория, а точнее группа теорий, обозначивших так называемый «прагматический поворот» в социальных науках², разрабатывалась в работах П. Бурдьё, П. Бергера и Т. Лукмана, Л. Витгенштейна, Г. Гарфинкеля, Н. Элиаса, М. де Серто и других авторов³. Согласно Л. Витгенштейну, практики это языковые игры, или «инструментальное использование языка в контекстах практической деятельности»⁴. По мнению Г. Гарфинкеля, под практиками следует понимать «искусство решения практических задач в ситуации неопределенности»⁵. П. Бурдьё считал, что практики – это способность социальных субъектов сверять свои поведенческие образцы с уже сложившимися представлениями об окружающем мире, проявляющиеся как в осмысленных поступках индивидов, так и в каждодневных не осознаваемых действиях⁶. Общим в понимании практик являлось утверждение о формировании социальных явлений через деятельность отдельных людей, коллективов.

Методология теории практик позволяет выявить в пространстве повседневности приоритетные поля, высвечиваемые в контексте актуализации деятельностных практик индивидов. Означенный ракурс рассмотрения повседневности был предложен в работе О.Л. Лейбовича, согласно которому повседневность включает: совместно разученные социальные практики, пространство, осваиваемое в ходе этих практик, их смысловое наполнение, побуждающее ин-

---

¹ Петухов А. С., Пирогов С. В. Теории практик как методология изучения повседневности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. №41. С. 159–167. Жигунова Г.В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 8 (52). С. 56-71.

² Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб. 2008.

³ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.; Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001; Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79–128; Волков В., Хархордин О. Указ. соч.; Элиас Н. О процессе цивилизации. М., 2001; Фуко М. Археология знания. М., 2004; Де Серто М. Изобретение повседневности. СПб., 2013.

⁴ Волков В., Хархордин О. Указ. соч. С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Шугальский С.С. Указ. соч. С. 276–280; Гренье Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 138–151.

дивидов к этим действиям, и позволяющее их оценивать¹. Такая трактовка повседневности с акцентированным «деятельностным» аспектом, видится наиболее приемлемой для реализации данного исследования. Изучение типизированных практик (формальных, неформальных, коллективных, индивидуальных, нормализованных, девиантных, привычных, адаптивных и инновационных), имеющих свою внутреннюю логику и представляющих собой некоторую устойчивую модель алгоритмического действия, позволяет выявить специфику повседневных реалий, проживаемых и «обживаемых» населением, а также направленность изменений деятельностных стратегий индивидов, являющуюся следствием трансформации повседневного континуума и, одновременно, импульсом данных трансформаций.

Данной схема рассмотрения пространства «деятельностной» повседневности по-разному детализируется исследователями. М. Фуко акцентировал внимание на практиках власти, направленных на «нормализацию» и «дисциплинирование» индивидов². М. де Серто выделял практики «сильных» (используемые индивидами, облеченными властью) и практики «слабых», т.е. тактики, представляющие собой приспособление к действиям власти, посредством различных форм мимикрирования при демонстрации конформизма (на уровне конкретных исторических разработок данный ракурс анализа практик был реализован в трудах А. Людке³). А.С. Кимерлинг акцентирует внимание на социальной детерминированности практик – различные социальные группы (номенклатура, колхозники и пр.), хотя и осваивали некий общий объем практик, формировали свои варианты повседневности⁴.

Опираясь на результаты теоретических и эмпирических разработок по проблематике изучения практик, в диссертации в качестве методологического приема был предложен подход, согласно которому экономические стратегии городского социума дифференцировались в соответствии с направленностью

---

¹ Лейбович О.Л. Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения. Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь, 2009. С.250–264.

² Волков В., Хархордин О. Указ. соч. С. 181–185.

³ Людке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 18.

⁴ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить ... С. 49–50.

деятельностного импульса, его сообразностью действующим нормам и императивам, транслируемым властью. В соответствии с данным исследовательским ракурсом в экономических стратегиях горожан были выделены три модели: перфекционистская (объединяющая поведенческие проявления, отличающиеся осознанным следованием эталонным образцам экономических стратегий); адаптивная (представленная экономическими стратегиями, направленными на «оживление» горожанами экономических реалий послевоенного десятилетия); девиантная (объединяющая экономические стратегии, реализация которых была связана с нарушением действующих законодательных норм). Выделение данных моделей видится оптимальным для реализации целей исследования, позволяя обозначить не только различные мотивации, формы и проявления экономических стратегий горожан, но и проследить их динамику в рамках исследуемого периода.

Рассмотрение проблематики формирования и реализации экономических стратегий городского социума РСФСР 1946–1956 гг. в русле данной «гибридной» методологии исследования, позволяет сохранить баланс макроисторических и микроисторических оптик, в той мере, в которой они работают на цель диссертации. Грань их сопряжения можно обозначить следующим образом: основные магистральные линии формирования экономических стратегий горожан (правовые, идеологические), определяющие границы допустимых и аномальных поведенческих моделей граждан и отражающие специфику государственных задач, исходили из институциональной сферы, являясь объектом макроуровня (вследствие того, что территория их проекции охватывала страну, а в поле конструирования системы норм и аномалий вовлекалось большое количество социальных институтов). Но данные границы не были монолитными, поле повседневной реальности осваивалось горожанами посредством разнообразных стратегий, реализуемых в экономической сфере (как нормализованных, так и девиантных), а пространство стереотипов, ценностей и норм, высвечиваемых в процессе данной деятельности, не всегда соответствовало магистральным императивам, транслируемым властью. Означенное поле повседневности, пред-

ставляло собой объект применения микроисторических оптик, ориентированных на выявление частного, уникального, обыденного, общепринятого и пр.

Методология исследования основана на междисциплинарном синтезе. Он предполагает объединение сравнительного, критического и других принципов познания, необходимых для достижения целей, поставленных в диссертации.

В ходе исследования автор придерживался принципа системности, стремился к научной объективности: экономические стратегии горожан в контексте их формирования и реализации анализировались с различных ракурсов, привлекались источники, отличающиеся по своему происхождению, иллюстрирующие различные проявления экономических стратегий послевоенного городского социума. Автор исходил из принципа историзма. Рассматриваемые явления и события (мероприятия экономического, политико-правового регулирования экономических стратегий горожан, формирование образов эталонных и девиантных экономических практик в печатных СМИ, специфика реализации экономических стратегий) анализировались в динамике, с учетом объективной исторической ситуации послевоенного периода, во взаимосвязи с предшествующими явлениями.

Методическая база исследования носит комплексный характер и включает в себя общенаучные методы, традиционные методы исторического познания и специальные методы.

Изучение источников осуществлялось с помощью общенаучных методов анализа, синтеза, дедукции и индукции.

При решении поставленных в диссертации задач использовались различные общеисторические методы. Историко-генетический метод был необходим при анализе социально-экономических мероприятий власти, проводимых в период 1946–1956 гг., реконструкции моделей экономических стратегий, создаваемых в информационном пространстве и реализуемых горожанами на практике. Историко-типологический метод применялся при выделении моделей деятельностных стратегий, фиксируемых в городском социуме. Сравнительно-исторический метод использовался при сравнении моделей мобилизационной риторики СМИ, направленных на формирование экономических стратегий на-

селения, а также при анализе деятельностных экономических проявлений горожан. Проблемно-хронологический метод применялся при анализе векторности государственного регулирования отдельных аспектов экономических практик горожан.

Для обработки полученных в ходе исследования данных использовались статистические методы: статистическая сводка, построение группировок, динамических рядов¹.

Использование в работе массовых исторических источников позволило применить специальные методы качественного и количественного анализа. При работе с текстами использовался качественный метод – лингвистический анализ, включающий в себя смысловой, стилистический и интерпретационный анализ². При исследовании материалов печатных СМИ использовался контент-анализ, направленный на получение количественного описания символического содержания текста³.

Была разработана методика изучения имплицитной риторики печатных СМИ, направленной на трудовую мобилизацию городского социума, основанная на контент-анализе. Для реконструкции содержания эталонной трудовой стратегии городского населения, презентуемой в СМИ, были и выделены отдельные тематические сегменты (трудовая мотивация; практические формы и проявления одобряемых трудовых практик; результат и вознаграждение труда). В русле данных тематических полей был предпринят контент-анализ лексем и групп лексических форм (15 показателей), позволяющий зафиксировать изменения в содержании и специфике презентации различных секторов эталонной трудовой стратегии горожан, выявить их неравнозначную трансформационную динамику, произошедшую в 1946–1956 гг. В некоторых группах лексем учитывались их временные характеристики (формы прошлого, настоящего, будущего времени), что позволило учесть специфику презентации явлений трудовой повседневности горожан на страницах СМИ. Посредством контент-анализа было обработано 13 периодических изданий за одиннадцать лет (12 газет централь-

---

¹ Мазур Л.Н. Методы исторического исследования : учеб. пособие. Екатеринбург, 2010 С. 302–330.

² Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010. С. 185–186.

³ Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С.120.

ного, областного, городского, заводского уровня и один журнал). Для обработки материалов отечественных печатных СМИ была использована частотная выборка. Применительно к газетной периодике вне зависимости от тиража и периодичности издания, применялась выборка – два выпуска в месяц (двадцать четыре выпуска в год). Анализировались первый и пятнадцатый выпуски каждого месяца. Выбор выпусков не случаен. На первые числа месяцев приходились праздники (1 января, 1 мая), а также снижения цен (1949–1954 гг.), что обуславливало актуализацию проблем труда и благосостояния в данных номерах. Обращение к данным выпускам способствовало расширению спектра коннотаций исследуемых категорий, позволяя провести качественный анализ материалов. Общее количество обработанных материалов газет составило 2814 выпусков (не все издания были представлены в хронологически полном объеме 1946–1956 гг.). Применительно к журналу «Смена» в выборку был включен каждый четвертый номер издания (ежегодный объем выборки составил шесть номеров в год). Общий объем обработанных выпусков «Смены» составил 66 номеров. Суммарный объем обработанных методом контент-анализа материалов составил 2880 выпусков. Тематически выборка ограничивалась сюжетами СМИ, в которых была отражена проблематика трудовой деятельности и благосостояния городского населения РСФСР. В работе не рассматривались сюжеты, посвященные трудовым практикам сельского населения и граждан союзных республик. В выборку включались тексты докладов и обращений политических лидеров, в том случае, если они были адресованы всему населению страны, и дифференциация не представлялась возможной, статьи, касающиеся методических аспектов труда в различных отраслях городской инфраструктуры, очерки и рассказы о трудовых практиках горожан и пр.

Аналогичная выборка и перечень периодических изданий были использованы при проведении контент-анализа, направленного на изучение специфики обращения СМИ к проблемам благосостояния городского населения послевоенного десятилетия.

Для реконструкции содержания и форм девиантных экономических стратегий горожан был предпринят контент-анализ текстов прессы (специфика вы-

борки приведена выше), по трем группам лексем, а также контент-анализ материалов (текстов и карикатур) журнала «Крокодил». Была разработана альтернативная методика изучения девиантных поведенческих проявлений горожан, представленных в текстах и визуальных сюжетах «Крокодила». Было выделено две группы девиантных проявлений горожан «человек-государство» и «человек-человек» в рамках которых фиксировались презентуемые на страницах «Крокодила» аномалии (11 показателей). Единицами количественного анализа являлись не конкретные лексические формы, а опубликованные на страницах «Крокодила» сюжеты, посвященные девиантным практикам городского населения РСФСР. Фиксировался статус субъектов девиантных практик – руководитель, подчиненный. Для контент-анализа материалов «Крокодила» использовалась фронтальная выборка за период 1946–1956 гг., общий объем материалов издания составил 396 выпусков.

Таким образом, предпринятое исследование базируется на сочетании общенаучных, традиционных и специальных методов обработки источников, использование которых было направлено на достижение поставленных в диссертации задач.

1.3. Источники исследования

В отечественных источниковедческих разработках предложены различные классификации исторических источников¹. Наиболее приемлемой применительно к данному исследованию видится типовая классификация всей совокупности исторических источников по методам и формам отражения действительности, в русле которой все исторические источники делятся на четыре типа: вещественные, письменные, изобразительные и фонические². (В свою очередь, изобразительные источники делятся на подтипы: изобразительно-графические (карты, диаграммы), изобразительно-художественные (картины,

---

¹ Источниковедение : учеб. пособие / отв. ред. М. Ф. Румянцева. М., 2015; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие для гуманитарных специальностей. М., 1998.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 135.

графика и пр.) и изобразительно-натуральные (фотографии и т.п.)¹. Согласно данной классификации в работе были использованы такие типы исторических источников, как письменные источники, изобразительные источники (изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные). Рассмотрим основные виды используемых в диссертации письменных источников.

Первую видовую группу составляют *законодательные акты*. Этот вид источников представляет собой правовые нормативные документы, которые исходили от верховной государственной власти и имели высшую юридическую силу в пределах РСФСР или всего государства. Применительно к нашей работе данную видовую группу источников составляют: Конституция СССР (1936 г.)², Конституция РСФСР (1937 г.)³, Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.) (с изменениями на период 1938 г. и 1952 г.)⁴, указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Совета Министров РСФСР по вопросам, касающимся организации труда и быта городского населения, материального потребления, доходов и оплаты труда горожан, а также борьбы с девиантными стратегиями, проявляющимися в экономической сфере. В процессе написания работы использовались как опубликованные законодательные акты (представленные в отдельных и продолжающихся изданиях⁵ и сборниках документов⁶), так и неопубликованные, представленные архивными

---

¹ Там же.

² Конституция СССР. Утверждена Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. 16 декабря 1936. № 283.

³ Конституция РСФСР: Утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600; Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 декабря 1938 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1938; Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1952.

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1940–1948; Бюллетень финансово-хозяйственного законодательства. 1936; Собрание узаконений РСФСР. 1928; Собрание постановлений правительства СССР. 1941.

⁶ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1945–1946 гг. М., 1947; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. В 16 т. М., 1967–1968; Законы, принятые Верховным Советом СССР, и указы Президиума Верховного Совета СССР за 1948 год. В 6 т. М., 1949; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. 1946–1948. В 5 т. Т. 5. М., 1949; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. В 7 т. Т. 3. 1940-1947 гг. М., 1958; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. док-тов. В 4 т. Т. 1: 1917–1928. М., 1957. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М., 1942. Борьба с хищениями, бесхозяйственностью, расточительством, местничеством, обманом государства, спекуляцией и взяточничеством. Сборник нормативных актов. М., 1984. и др.

материалами Государственного архива РФ (ГАРФ) (значительная часть данных архивных документов впервые вводится в научный оборот).

Еще одним видом использованных в работе исторических источников являются *делопроизводственные материалы* – документация, издававшаяся различными государственными, судебными, экономическими, политическими и общественными организациями (учреждениями) с целью управления, собственной и общественной деятельностью. В структуре делопроизводственной документации можно выделить две группы источников: источники обеспечивающие принятие и реализацию управленческих решений, и источники, обеспечивающие документооборот. К первой группе относятся использованные в работе опубликованные материалы Коммунистической партии (материалы съездов ВКП(б)–КПСС, пленумов и конференций)¹, труды и опубликованные выступления политических лидеров, касающиеся вопросов перспектив социально-экономического развития страны, проблематики труда и благосостояния населения², документы по истории хозяйственного планирования за период 1946–1956 гг.³, приказы и инструкции по вопросам карточного снабжения⁴, постановления Пленумов Верховного суда СССР.⁵

Вторая группа делопроизводственных материалов, представлена различными документами – справками, заявлениями, записками, протоколами, отчетами низовых партийных и хозяйственных организаций и правоохранительных органов, письмами горожан в органы власти и редакции газет и пр. Анализ информации, в них содержащейся, позволяет реконструировать векторность и

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1925–1953. Изд седьмое. В 2 ч. Ч. 2. М., 1953. Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС. URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5> (дата обращения: 18.10.2019); Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. В 2 т. М., 1959; XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17 – 31 октября 1962 года. Стенографический отчет. В 3 т. М., 1962.

² Молотов В. М. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1947; Молотов В.М. 31-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1948. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года. М., 1946; Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

³ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946.

⁴ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Информационно-издательское бюро отдела торговли Леноблисполкома. Л., 1945.

⁵ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924–1951 гг. М., 1952.

проявления экономических стратегий горожан (трудовой активности, устройства на работу и увольнения с предприятий, объемов подписки на заем, хищений, прогулов и пр.). Информации о настроениях в обществе, собранные работниками оргинструкторских отделов ВКП(б), сотрудниками отделов Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б), информаторами горкомов ВКП(б) фиксируют не только высказывания горожан (на собраниях, в очередях, на улице, на работе, в банях и пр.), но и проявления их поведенческих стратегий в экономической сфере (трудовой деятельности, практиках приобретения продовольственных и промышленных товаров и пр.). Письма горожан в различные органы власти, редакции центральных и местных газет позволяют не только обозначить специфику экономической ситуации в отдельных регионах РСФСР, связанную с товарным снабжением, решением жилищных вопросов, спецификой работы предприятий и организаций, но и иллюстрируют отношение горожан к данным проблемам, а также формы их адаптивных стратегий, направленных на «обживание» существующих экономических реалий и преодолении трудностей послевоенного времени.

Видовая группа делопроизводственных источников представлена опубликованными и неопубликованными материалами. Опубликованные документы представлены в сборниках, издававшихся в нашей стране в разные годы¹. Неопубликованные делопроизводственные источники представлены архивными материалами. В диссертации использованы архивные материалы Государственного архива РФ (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Госу-

---

¹ Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии, 1947-1953 гг. : документы и материалы / составители: В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М., 2017; Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР, 1945-1953 гг. М., 2002; ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты, 1945-1953 гг. М., 2004; Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы : в 2-х тт. Екатеринбург, 2000. Т.2 : 1929-1984; На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945-1960-е гг. М., 2010; Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. М., 2003; Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945-1959 гг.) : сборник. док. М., 2010; Москва послевоенная. 1945-1947 гг.: Архивные документы и материалы. М., 2000; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник док. 1917-1973. М., 1974; Послевоенная конверсия: к истории «холодной войны» : сборник док. М., 1998; Промышленность и рабочий класс СССР. 1946-1950: Документы и материалы. М., 1989; Профсоюзы СССР: Документы и материалы. М., 1963; Общество и власть. Российская провинция. 1917-1985: документы и материалы. В 6 т. Екатеринбург. 2008; Советская жизнь. 1945-1953. М., 2003.

дарственного архива Свердловской области (ГАСО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО).

В работе использовались разноплановые *статистические источники*. Прежде всего, это опубликованные статистические данные, представленные в сборниках «Народное хозяйство СССР в 1956 г.», «Труд в СССР», «РСФСР за 40 лет», «Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР за 1956 год»¹, которые были необходимы для количественного анализа деятельности учреждений системы трудовых резервов, численности городского населения РСФСР и горожан, занятых в различных отраслях производства, структуры бюджетов горожан РСФСР в 1956 г. При анализе развития газетной и журнальной периодики использовались сборники «Летопись периодических изданий СССР»². Неопубликованные статистические сведения представлены архивными материалами. Это материалы региональных единовременных бюджетных обследований, проводимых Статуправлением Свердловской области (ГАСО. Ф. Р-1813), а также всероссийских бюджетных обследований, проводимых ЦСУ СССР (РГАЭ. Ф. 1562). Следует иметь в виду, что к отечественной статистике советского периода исследователи подходят с недоверием³. Но и игнорирование ее данных было бы неоправданным. Можно согласиться с мнением Д.В. Маслова, что «в ряде случаев для анализа важны не абсолютные цифры, а их динамика, которая, искажается в меньшей степени»⁴.

Важным источником, использованным в работе, являются материалы *периодических изданий*. Положение периодической печати, к которой относятся журналы различной направленности и газеты, в классификации исторических

---

¹ Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР за 1956 год. Статистический сборник. М., 1957; Народное хозяйство СССР в 1956 году. М., 1956; Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. М., 1957; РСФСР за 40 лет. Статистический сборник. М., 1957; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971; Труд в СССР : статистический сборник. М., 1988.

² Летопись периодических изданий СССР 1946. Библиографический указатель. М., 1947; Летопись периодических изданий СССР 1948. Библиографический указатель. М., 1949; Летопись периодических изданий СССР 1950–1954. Библиографический указатель. М., 1955; Летопись периодических изданий СССР 1955–1960. Библиографический указатель. Ч. 1. Журналы, труды, бюллетени. М., 1963; Летопись периодических изданий СССР 1955–1960. Библиографический указатель. Ч. 2. Газеты. М., 1963.

³ Селюнин В. И., Ханин Г. И. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С 181–201.

⁴ Маслов Д. В. Состояние советской системы в перспективе ее трансформации 1980 – 1990- х гг.: проблемы историографии, теории и методологии исследования : автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 12.

источников является дискуссионной проблемой¹. Исследователи указывают на синтетический характер изданий периодической печати, в силу наличия в ней разновидных материалов², предлагают рассматривать периодику как комплекс источников³. Более интересным в рамках данного исследования является вопрос о сущностной специфике прессы, как информационного источника. В отношении данной проблемы в отечественной историографии сформировано две точки зрения. Одни исследователи указывают на широкий информационный потенциал данного источника, оперативно фиксирующего изменения событийности, информативнее и вариативнее освещающего проживаемые реалии, и настоятельно рекомендуют привлекать материалы периодики в процессе разработки научных проблем самой обширной тематики⁴. Другие авторы акцентируют внимание на предвзятости советской периодической печати, ее подконтрольности партийным органам, вследствие чего действительность, конструируемая на страницах журналов и газет, искажалась, являясь не столько «зеркалом» событийности, сколько инструментом формирования у населения идеологически «правильной» картины мироустройства⁵. На наш взгляд, оценка источниковедческих возможностей периодической печати во многом определяется спецификой разрабатываемой темы и целями исследования. Применительно к изучению проблематики экономических стратегий горожан послевоенного десятилетия периодическая печать как исторический источник изучалась в контексте четырех исследовательских полей.

---

¹ Каменская Е.В. Периодическая печать как исторический источник: специфика и возможности использования // Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года. Екатеринбург. 2017. С. 37–45.

² Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 226; Источниковедение: Теория. История. Метод. ... С. 621.

³ Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

⁴ Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М., 2004; Митина Р.В. Пермские газеты как источник изучения Первой мировой войны: постсоветская историография // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2015. №4 (31). С. 72–81; Суржикова Н.В. Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–1917 гг.) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сб. науч. статей. СПб.; Киев; Минск, 2008. С. 90–121; Славко Т.И., Русина Ю.А. Источниковедение отечественной истории советского периода. Екатеринбург, 1995.

⁵ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М, 2004; Источниковедение: Теория. История. Метод. ... ; Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М., 1997.

Во-первых, периодическая печать рассматривалась как инструмент, применяемый в рамках мобилизационной экономики для мотивации и стимулирования трудовой активности горожан посредством эксплицитной и имплицитной мобилизационной риторики, а также направленный на формирования системы стереотипов, образов «правильных» и «девиантных» моделей экономических стратегий населения. Рассмотрение материалов советской периодической печати в означенном ракурсе снимает заявленную в историографии проблему истинности и полноты информации, публикуемой на страницах советской периодической печати, так как оптика исследования в данном случае ориентирована не на поиск фактов, сокрытых под «слоем» пропагандистской риторики, а на анализ самых лексем и идеологем печатных СМИ, касающихся проблематики экономических стратегий горожан (их содержание, динамику востребованности в рамках исследуемого периода, специфику презентации в публикациях различных жанровых форм).

Во-вторых, в работе был предпринят анализ периодических изданий, направленный на выявление содержания, специфики и количественной динамики публикаций, посвященных кампаниям по борьбе с экономическими преступлениями – хищениями, спекуляцией, проводимыми в послевоенный период. Предпринятый анализ позволил обнаружить хронологическую интенсивность означенных кампаний, проявляющуюся в изменении количественной востребованности сюжетов, указанной тематики. В данном случае возможности использования советской периодической печати как исторического источника не купируются ее априорной идеологической ангажированностью. Означенное свойство скорее способствует решению поставленной исследовательской задачи.

В-третьих, в рамках исследования был предпринят анализ рекламного дискурса советских периодических изданий послевоенного десятилетия. Специфика означенных сюжетов определяется их коммерческой направленностью и несущественной идеологической значимостью, что сводит к минимуму возможность намеренного редакционного искажения текстов, либо замалчивания части их содержания. В то же время анализ рекламных текстов, помещенных на страницах периодических изданий, позволяет реконструировать систему декла-

рируемых потребительских стандартов, выявить их региональную специфику, динамику изменений в рамках исследуемого периода.

В-четвертых, материалы периодических изданий использовались в качестве источника реконструкции моделей экономических стратегий и суждений представителей городского социума. Вследствие сфокусированности советских периодических изданий на освещении положительных фактов послевоенной повседневности, более детальное освещение на страницах периодики получают перфекционистские экономические практики горожан, проявляющиеся в трудовой активности, подписке на заем и пр. В то же время не следует преувеличивать степень позитивной селекции фактов, осуществляемой в редакциях газет и журналов, а также масштабы идеологически «правильной» корректировки событий и явлений, освещаемых в печатных СМИ. Реализация практик «большевистской критики и самокритики», презентуемой в качестве движущей силы советского социума¹, находила отражение на страницах послевоенной периодики в публикациях, посвященных критике деятельности предприятий и организаций, а также в сюжетах, посвященных прогулам и опозданиям трудящихся, невыполнению трудовых норм и обязательств, выпуску бракованной продукции, проявлениям бесхозяйственности, неудовлетворительному уровню товарного снабжения городов, хищениям и спекулятивной деятельности, жилищным проблемам и пр. Количественная распространенность данных сюжетов в различных периодических изданиях была неравнозначной, определяясь их региональной спецификой и тематической направленностью.

Для реализации задач исследования в работе были использованы специализированные и массовые периодические издания. Среди специализированных периодических изданий, ориентированных на определенные профессиональные и социальные группы советского социума, рассматривались журналы: «Советская торговля», «Социалистическая законность»; пропагандистские издания, ориентированные на членов партии, советских работников: «Пропаганда и агитация», «Большевик». Среди периодических изданий, рассчитанных на массового читателя, в работе использовались журналы и газеты. Журналы: «Смена»»,

---

¹ Хархордин О.В. Указ соч. С. 141–201

«Огонек», «Работница», «Журнал мод», «Модели сезона», «Крокодил», выбор которых был обусловлен как значительными тиражами, так и их направленностью на широкую аудиторию. Среди изданий советской прессы 1946–1956 гг. анализировались три крупнейшие центральные газеты СССР: «Правда» (орган ЦК ВКП(б)–КПСС); «Известия» (орган Верховного Совета СССР), «Труд» (орган ВЦСПС). Среди региональных изданий анализировалось десять областных газет: «Уральский рабочий» (орган Свердловского обкома и горкома ВКП(б)–КПСС, Свердловского областного и городского Советов депутатов трудящихся), «Великолукская правда» (орган Великолукского обкома и горкома ВКП(б)–КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся), «Тюменская правда» (орган Тюменского обкома и горкома ВКП(б)–КПСС, Тюменского областного и городского Советов депутатов трудящихся), «Советский Сахалин» (орган Сахалинского обкома и ВКП(б)–КПСС, Южно-Сахалинского горкома ВКП(б)–КПСС и областного Совета депутатов трудящихся), «Восточно-Сибирская правда» (орган Иркутского областного и городского комитетов ВКП(б)–КПСС и областного Совета депутатов трудящихся), «Советская Сибирь» (орган Новосибирского обкома и горкома ВКП(б)–КПСС и областного Совета депутатов трудящихся), «Красный Север» (орган Вологодского обкома и горкома ВКП(б)–КПСС, Вологодского областного и городского Советов депутатов трудящихся), «Омская правда» (орган Омского обкома и горкома ВКП(б)–КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся), «Молодой коммунар» (Орган Воронежского обкома и горкома ВЛКСМ), «Молодая гвардия» (орган Сахалинского обкома ВЛКСМ). Городские издания были представлены двумя газетами: «Тагильский рабочий» (орган Нижнетагильского горкома ВКП(б)–КПСС и Горсовета депутатов трудящихся), «Под знаменем Ленина» (орган Первоуральского горкома ВКП(б)–КПСС и Горсовета депутатов трудящихся). Заводские газеты представлены четырьмя изданиями: «Кировец» (орган парткома, дирекции, завкома и комитета ВЛКСМ Воронежского завода синтетического каучука им. С.М. Кирова), «Магнитогорский металл» (орган парткома, завкома и заводоуправления Магнитогорского металлургического комбината им. И.В. Сталина), «Металлург» (орган парткома, завкома и заво-

доуправления Выксунского металлургического завода (Горьковская обл.), «За тяжелое машиностроение» (орган парткома, завкома и дирекции Ордена Ленина и Ордена Трудового красного знамени Уралмашзавода (г. Свердловск)). Таким образом, в работе были исследованы газеты и журналы, ориентированные на широкие слои городского социума, как в плане социальной, возрастной и профессиональной специфики, так и в региональном разрезе. В целом, источниковую базу исследования составили материалы тридцати периодических изданий.

В процессе исследования автор обращался к *публицистическим* источникам, представленным фельетонами, опубликованными на страницах газет и журналов, критический ракурс которых позволил выявить девиантные экономические практики, стигматизируемые в советском социуме.

Важным источником исследования экономических стратегий горожан являлись источники *личного происхождения*, к числу которых принято относить документы эпистолярного, дневникового и мемуарного жанра. В работе использовались воспоминания отечественных политических и научных деятелей А.Г. Зверева, А.М. Гаврилова, Д.С. Павлова¹. В контексте исследования экономических стратегий горожан важную роль сыграли дневниковые записи представителей разных возрастных, социальных и профессиональных групп городского социума различных регионов РСФСР (источниковую базу исследования составили материалы дневников более пятидесяти пяти горожан). В работе анализировались дневники представителей советской творческой интеллигенции (писателей, актеров, композиторов, художников, дирижеров) и членов их семей – К.И. Чуковского, Л.К. Чуковской, М.М. Пришвина, М.А. Мендельсон-Прокофьевой, Е.А. Мравинского, О.Н. Гильдебрандт-Арбениной, Т. Д. Булах-Гардиной, Ф.Г. Раневской, А.А. Барковой, Е.Е. Лансаре (г. Москва), Ф.А. Аб-

---

¹ Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973; Гаврилов А.М. Патриархи аграрной науки Нижнего Поволжья // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. 2012. №. 1 (25). С. 1–8; Павлов Д.С. Стойкость. М., 1983.

рамова (г. Ленинград)¹. Дневниковые записи рабочих и служащих – В.А. Чивилихина (г. Тайга, Кемеровская обл., г. Челябинск), А.И. Дмитриева (г. Молотов), Н.С. Покровской (г. Москва), А.А. Тулюлюка (г. Омск), А.Ф. Крылова (г. Северск), Б.А. Андреева (г. Чермоз, Молотовская обл.)². Дневники переводчиков, публицистов, преподавателей, работников газет, археологов, учителей, руководящих работников – С.А. Волкова, В.Г. Малахиевой-Мирович, С.Б. Бернштейна, С.С. Дмитриева, Л.К. Бронтмана, В.М. Пролейко, Д.С. Самойлова (г. Москва), В.С. Савельева, Л. В. Шапориной, С.К. Островской, А.И. Батюто, Н.А. Соколова, И.Ф. Петровской (г. Ленинград), З.А. Мечтовой (г. Чесноковка Алтайский край), Б.В. Таланова (г. Киров), Н.А. Акимкиной (г. Ростов-на-Дону), С.С. Трегубова (г. Иваново) Ю.А. Кривулиной³. Дневники военнослужащих –

---

¹ Чуковская Л.К. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/434> (дата обращения: 18.11.2019); Чуковский К.И. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/215> (дата обращения: 18.11.2019); Пришвин М.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/56> (дата обращения: 14.12.2019); Мендельсон-Прокофьева. М.А. О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники. 1938-1967. М., 2012; Мравинский Е.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/163> (дата обращения: 15.12.2019); Гильдебрандт-Арбенина О.Н. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1311> (дата обращения: 19.12.2019); Булах-Гардина Т.Д. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/2311> (дата обращения: 19.11.2019); Щеглов А.В. Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998; Баркова А.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/509> (дата обращения: 19.12.2019); Лансаре Е.Е. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/867> (дата обращения: 19.12.2019); Абрамов Ф.А. А люди ждут, ждут перемен. Из дневников и рабочих записей // Известия. 1990. 3 февраля. С. 3.

² Чивилихин В.А. Дневники, письма. Воспоминания современников. М., 2008; Дмитриев А.И. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/418> (дата обращения: 9.11.2019); Покровская Н.С. Дневник русской женщины. 1945-1966 гг. // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1533> (дата обращения: 19.12.2019); Андреев Б.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221946-01-01%22&diaries=%5B618%5D> (дата обращения: 11.10.2019); Тулюлюк А.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1270> (дата обращения: 24.11.2019) и др.

³ Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей: дневник русской женщины 1930-1954. М., 2015; Мечтова З.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/160> (дата обращения: 11.11.2019); Шапорина Л.В. Дневник. М., 2017; Кривулина Ю.А. Полевые сезоны и просто жизнь. 1946-1963 // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/150> (дата обращения: 19.12.2019); Волков С.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1012> (дата обращения: 19.12.2019); Савельев В.С. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/2940> (дата обращения: 19.12.2019); Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002; Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 142–169; №4. С. 113–128; Островская С.К. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/168> (дата обращения: 19.12.2019); Таланов Б.В. Дневники 1943–1945, 1947 гг. // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/581> (дата обращения: 19.12.2019); Батюто А.И. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/362> (дата обращения: 19.12.2019); Бронтман Л.К. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/18> (дата обращения: 19.12.2019); Пролейко В.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/662> (дата обращения: 19.11.2019); Соколов Н.А. Дневники // Электронный корпус «МемоКлуб». URL: <https://memoclub.ru/2015/01/d295> (дата обращения: 12.11.2019); Петровская И.Ф. В конце пути // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/528> (дата обращения: 17.11.2019); Самойлов Д.С. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/183> (дата обращения: 19.12.2019).

Н.С. Голубова (Ставропольский край), В.Н. Гильфанда (до демобилизации находился в Берлине, позднее жил в г. Молотов)¹. Дневники студентов и учащихся – Р.А. Быкова, Л.В. Барлас, Э.Г. Филипович, В.А. Порцевского, Э.М. Ривкиной, С.Л. Фролова, С.П. Курдюмова, Л.А. Анненского (г. Москва), В.Ф. Борисенко, Э.В. Лурье (г. Ленинград), Р.Г. Назирова (г. Уфа), К.М. Гайнутдиновой (г. Новосибирск), В.П. Солодникова (г. Молотов)².

Часть использованных в работе дневников (в основном писателей, актеров) представлена опубликованными изданиями. В то же время значительная доля дневниковых записей горожан, в особенности простых рабочих, служащих, учащихся, не стала объектом печатных изданий. Данные неизданные материалы, обнародованные с согласия авторов дневников, либо их родственников, представлены на электронных ресурсах, в первую очередь на сайте <https://prozhito.org>, созданном Центром изучения эго-документов «Прожито» Европейского Университета в Санкт-Петербурге, а также на сайте организации МемоКлуб (<https://memoclub.ru>).

Несмотря на субъективизм, присущий эго-документам, важность данного вида источников для разработки проблематики экономических стратегий горожан обусловлена рядом факторов. Во-первых, данные материалы позволяют реконструировать адаптивные жизнедеятельностные практики горожан в сфере труда, материального обеспечения, решения жилищных вопросов, не выходящие за границы норм, обозначенные действующим законодательством, и, поэтому не фиксируемые в силу своей «повседневности», «типичности» и «обыденности» ни в текстах жалоб, ни в делопроизводственной или статистической документации периода. Во-вторых, в контексте изучения экономических стра-

---

¹ Голубов Н. С. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1067> (дата обращения: 19.12.2019); Гильфанд В.Н. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/27> (дата обращения: 16.11.2019).

² Быков Р.А. Я побит – начну сначала! М., 2010; Филипович Э.Г. Дневники. // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1385> (дата обращения: 19.12.2019); Борисенко В.Ф. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/101> (дата обращения: 19.12.2019); Ривкина Э.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/932> (дата обращения: 19.12.2019); Лурье Э.В. Дальний архив. Семейная история в документах, дневниках, письмах. 1922–1959. СПб., 2007; [Фрагменты дневников С.П. Курдюмова // Мне нужно быть: Памяти Сергея Павловича Курдюмова. М., 2010](http://prozhito.org/person/2584); Гайнутдинова К.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/2584> (дата обращения: 14.11.2019); Фролов С.Л. Дневники. // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/366> (дата обращения: 17.12.2019); Солодников В.П. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1402> (дата обращения: 09.11.2019) и др.

тегий горожан важная роль отводилась изучению мотивации тех или иных поведенческих практик (трудовых, потребительских), реконструкция которых была бы невозможна без обращения к дневникам горожан, в которых описанию стимулов, мотиваций, тактик и комбинаций деятельностных экономических свершений уделено значительное внимание. В-третьих, в дневниках достаточно подробно описываются суждения, размышления и переживания горожан по поводу проживаемых ими реалий и проводимых правительством реформ, что немаловажно для реконструкции социальной проекции экономических мероприятий послевоенного десятилетия.

В работе были использованы *изобразительные источники*.

Подтип *изобразительно-натуральных* источников представлен фотографиями, опубликованными на страницах газет и журналов 1946–1956 гг. В работе анализировались фотоиллюстрации, касающиеся трудовой тематики – изображения трудящихся и трудовых коллективов. Анализ данных визуальных сюжетов – стилистики, композиции, событийного контекста и пр., позволил обозначить специфику визуализации эталонных трудовых практик горожан, презентуемых на страницах СМИ. Среди фотодокументов в диссертации анализировались фотографии, опубликованные в журналах мод, женских журналах, позволяющие реконструировать специфику презентуемых эталонов вещевого потребления, а также их динамику, фиксируемую в рамках периода послевоенного десятилетия. Список периодических изданий, в которых анализировались фотоиллюстрации, аналогичен указанному выше.

Подтип *изобразительно-художественных* источников представлен иллюстрациями в модных журналах: «Модели сезона», «Журнал мод», «Работница». На основе анализа данных материалов выявлялась динамика изменения модных образов, представляющая интерес в контексте изучения трансформации стандартов материального потребления и образа жизни горожан.

Источником, использованным в работе, являлись визуальные сюжеты рекламного характера, представленные на страницах журналов и газет, а также рекламные плакаты послевоенного десятилетия.

В качестве источника исследования выступила карикатура, представляющая собой особый жанр изобразительного искусства, служащий объяснению и популяризации политической идеи, подавая ее в сюжетной и зримой форме; способный дать острую политическую характеристику исторического факта, политического деятеля или общественной группы¹. В современных исторических разработках авторы достаточно часто обращаются к карикатуре². Хотя в подавляющем большинстве публикаций оптика исследования ориентирована на выявление конструируемых карикатурой образов внешнеполитической пропаганды. В рамках данной работы анализ карикатурных сюжетов, представленных на страницах газет и журналов, был направлен на реконструкцию девиантных форм экономических стратегий горожан, стигматизируемых в отечественном дискурсе 1946–1956 гг. Среди периодических изданий, в которых анализировались карикатуры, посвященные социально-экономической проблематике, можно назвать областные, реже городские газеты (список которых приведен выше), но большинство рассматриваемых карикатурных сюжетов были опубликованы в сатирическом журнале «Крокодил».

Вследствие междисциплинарной специфики данного исследования, синтезирующего материалы исторического, экономического, правового и культурологического характера, источниковая база ретроспективного изучения экономических стратегий горожан не исчерпывается источниками приводимой выше классификации.

Источником исследования презентуемых в отечественном дискурсе потребительских стандартов явились издания «Книги о вкусной и здоровой пище» 1939 г. и 1952 г. Данные гастрономические издания являлись ранее объектом

---

¹ Вагин А.А. Методика обучения истории в школе. М., 1985. С. 211.

² Голубев А.В. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20-30-х гг. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 472–498; Неужин В. А. Образ Польши в советской карикатуре периода второй мировой войны (к постановке проблемы) // Поляки и русские – преодоление предубеждений. Лодзь, 2006. С. 301–316; Орлов И. Б. «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // История России XIX–XX вв.: Новые источники понимания. М., 2001. С. 230–236; Токарев В.А. «Польша сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 216–232; Филиппова Т. А. Аспиды и готтентоты. Немцы в русской сатирической журналистике // Родина. 2002. № 10. С. 31–37; Шаттенберг С. Техника — политична. О новой советской культуре инженера в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. СПб., 2000. С. 193–217; Яковлева А.А. Образ власти на страницах журнала «Крокодил» в 1970-е годы // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5 (40). С. 376–379 и др.

культурологических исследований¹. В рамках данной работы анализ текстов и визуальных материалов «Книги о вкусной и здоровой пище» был направлен на изучение специфики и динамики изменения потребительских стандартов; выявление деятельностных практик граждан, презентуемых в качестве образцов в сфере приготовления пищи, ведения домашнего хозяйства; выявление векторности развития отечественной пищевой промышленности.

Еще одним источником, привлекаемым в процессе написания работы, стали учебные издания для школьников, и, в частности, буквари 1940-х–1950-х гг., обращение к материалам которых было направлено на реконструкцию пространства презентуемых эталонных экономических стратегий граждан.

Таким образом, материалы, использованные для изучения экономических стратегий городского населения РСФСР послевоенного десятилетия, представляют собой обширный корпус разнообразных источников, комплексный анализ которых позволил достичь поставленных исследовательских задач.

---

¹ Сохань И.В. Тоталитарный дискурс культуры еды в советской России 1920-1930-х гг. // Вестник Томского Государственного Университета. 2010. № 332. С. 63–68; Ее же. «Книга о вкусной и здоровой пище» ... ; Капкан М.В. Указ. соч.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ СТРАТЕГИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР В 1946–1956 ГГ.

2.1. Решение кадровых проблем на городских предприятиях

В военные годы количество городов в РСФСР увеличилось с 608 до 678.¹ В 1945 г. в РСФСР насчитывалось 339 городских районов и 953 рабочих поселка². Рост городов фиксировался в основном в тыловых районах республики, в то время как в западных регионах число городов за период с 1941 по 1945 гг. сократилось: в Ивановской области – с 31 до 15, в Калининской – с 26 до 16, в Ленинградской – с 33 до 21, в Курской – с 17 до 15.³ Несмотря на общее увеличение числа городов в республике, во время войны значительно сокращается численность горожан трудоспособных возрастов. Количество городского населения РСФСР в период с 1 января 1941 по 1 января 1945 гг. уменьшилось с 39 304 000 чел. до 34 992 000 чел.⁴ Сокращение фиксировалось в районах военной оккупации, а также в регионах, откуда эвакуировалось население. Так, например, численность горожан РСФСР сократилась с января 1941 по май 1945 гг. в Северо-Западном регионе с 5 209 500 чел. до 73 200 чел.; Центральном регионе – с 12 031 300 чел. до 9 687 100 чел.⁵ В глубинных тыловых районах России численность городского населения в годы Великой Отечественной войны наоборот увеличилась. За счет притока эвакуированных из центральных и западных районов страны на Урале число горожан возросло на 20%, в Сибири на 14%.⁶ К концу войны городское население Сибири составляло 5 660 300 чел.⁷, на Урале насчитывалось 6 360 200 городских жителей⁸.

---

¹ Административно-территориальное деление союзных республик СССР на 1 января 1941 года. М., 1941. С. 8; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. М., 1945. С. 7.

² РСФСР. Административно-территориальное деление ... С. 7.

³ Административно-территориальное деление союзных республик СССР ... С. 49, 54, 84, 87; РСФСР. Административно-территориальное деление ... С. 9.

⁴ Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 12.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 84.

⁷ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) Новосибирск, 1991. С. 23.

⁸ Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 13.

Урегулирование кадровой проблемы являлось одной из важнейших задач, решаемой в рамках мобилизационной экономической модели. Так как от эффективности ее решения зависели сроки и результаты восстановительного периода. Кадровая проблема, определялась двумя аспектами. Во-первых, *дефицитом рабочих рук, существующим на городских предприятиях и в учреждениях.* Во-вторых, *необходимостью сохранения уже работающих кадров.* В зависимости от отраслевой принадлежности предприятия (учреждения), способы решения данных задач имели свои специфические особенности.

2.1.1. Дефицит рабочей силы в промышленности: методы преодоления

План четвертой пятилетки, как и предшествующие ему пятилетние циклы, был ориентирован на первостепенное развитие промышленного производства и, в первую очередь, отраслей тяжелой промышленности. В своем выступлении перед избирателями г. Москвы 9 февраля 1946 г. Сталин расставил приоритеты, подчеркнув, что именно тяжелая и военная промышленность создают для Родины гарантии от всяких случайностей¹. Для реализации данной задачи требовалось повышение интенсивности и производительности труда в промышленности. В то же время, за период с 1940 по 1945 гг. численность рабочих и служащих по СССР сократилось на 5,4 млн. чел. (с 33 900 000 чел. до 28 500 000 чел.²). По РСФСР численность рабочих и служащих уменьшилась на 2,5 млн чел. (с 22 173 000 чел. до 19 627 000, чел.).³ Из них почти на 500 тыс. чел. сократилось количество рабочих и служащих РСФСР, занятых в промышленности, на 200 тыс. чел. в строительстве, и около 200 тыс. чел. на транспорте⁴. Восстановление экономики страны и выполнение пятилетнего плана не могло быть реализовано без решения кадровых проблем, остро стоящих в послевоенной советской индустрии.

---

¹ Правда. 1946. 11 февр.

² Труд в СССР : статистический сборник. ... С. 40.

³ Там же. С. 40.

⁴ РСФСР за 40 лет. Статистический сборник. М., 1957. С 114.

В послевоенный период задача количественного увеличения работников промышленного сектора экономики решалась путем привлечения в индустрию демобилизованных солдат и ранее перемещенных лиц (репатриантов и реэмигрантов).

В целом, за период 1944–1951 гг. было репатрировано из-за границы в СССР 4,3 млн человек¹. К 1 января 1946 г. была завершена проверка 656 533 репатриантов, из них 582 999 направлено к месту жительства (88,8 %), 21 512 — в спецлагеря (ПФЛ), и ИТЛ, 1426 — в народное хозяйство, 3393 — в части Красной Армии, 31 763 — в военкоматы². По данным органов репатриации, в 1945–1951 гг. приняли советское гражданство и прибыли на территорию СССР 431 418 человек, не являвшихся до начала Второй мировой войны советскими гражданами³. РСФСР приняла реэмигрантов из Китая, Франции, Чехословацкой республики, Болгарии и Румынии. Большая часть репатриантов из Китая расселились на Урале и в Сибири. К июню 1948 г. в Свердловской области было размещено около 4 тыс. человек, в Кемеровской — 600, в Челябинской — 450, в Молотовской — 410 человек.⁴ По данным, приводимым Н.Н. Аблажей, в большинстве своем переселенцы распределялись по предприятиям индустрии. К октябрю 1947 г. 4 255 переселенцев были распределены по следующим министерствам: цветной металлургии — 910 чел., строительства предприятий тяжелой индустрии — 464 чел., тяжелого машиностроения — 100 чел.⁵

После закона «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», принятого на XII сессии Верховного Совета СССР 23 июня 1945 г.⁶ и последовавших за ним указах о демобилизации личного состава Красной армии⁷, было демобилизовано более 8,5 млн человек⁸. В города

---

¹ Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 120.

² Земсков В.Н. Возвращение советских перемещённых лиц ... С. 78.

³ Там же. С. 219.

⁴ Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 128.

⁵ Там же.

⁶ Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1945–1946 гг. М., 1947. С. 120.

⁷ Дальнейшие этапы демобилизации осуществлялись на основе Указов Президиума ВС СССР: «О демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии» от 25 сентября 1945 г.; «О демобилизации третьей очереди личного состава сухопутных войск и военно-воздушных сил» от 20 марта 1946 г.; «Об очередной демобилизации личного состава сухопутных войск» от 22 октября 1946 г.; «Об очередной демобилизации личного состава Вооруженных Сил» от 4 февраля 1947 г. (См.: Ведомости ВС СССР. 1945. N 69; 1946. N 10, 39; 1947. № 6).

⁸ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество ... С. 28.

РСФСР вернулось 1,7 млн демобилизованных мужчин¹. Местные органы Советской власти, а также руководители предприятий и учреждений обязывались в месячный срок предоставить демобилизованным работу с учетом их специальности.

В январе 1946 г. только 71,1% демобилизованных приступил к труду². Заместитель председателя комитета по учету и распределению рабочей силы при Совете Министров СССР Л.И. Погребный в своей докладной записке В.М. Молотову от 20 марта 1946 г. сообщал, что по результатам двух этапов демобилизации (Закона от 23 июня 1945 г. и Указа Президиума ВС СССР от 25 сентября 1945 г.) в города и сельские местности прибыло 5 314 700 чел. демобилизованных, из них в города 1 771 500 чел³. Л.И. Погребный указывал на серьезную проблему – низкий уровень трудоустройства демобилизованных: «На 15 февраля 1946 г. в городах был трудоустроено 1 286 500 чел. и поступило на учебу 41 900 чел., что составляет 75% к числу прибывших. Из этого количества 531 700 чел. трудоустроено городским бюро по учёту и распределению рабочей силы и 754 800 тыс. человек устроились самостоятельно. Динамика трудоустройства демобилизованных значительно различалась по регионам РСФСР. В Иркутской области в январе 1946 г. не работало более половины всех вернувшихся трудоспособных фронтовиков, в Тюмени – 59%, в Астраханской области – 64%».⁴ Многие возвратившиеся из Красной Армии от 3-х до 4-х месяцев не поступали на работу, мотивируя необходимостью устройства своих квартирных и домашних дел, часть демобилизованных не хотели возвращаться на производство для работы по своей специальности и требовали предоставления административно-хозяйственной работы⁵. Нежелание демобилизованных устраиваться на работу объяснялось условиями труда и низким уровнем заработной платы. Особенно сложно реализовывался набор рабочих для строительных проектов. Например, строительные организации Новосибирской области были обеспече-

---

¹ Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 136.

² Данилов А.В., Пыжиков А.А. Указ. соч. С. 130.

³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30–32.

⁴ Информация Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) о выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1945 г. «О работе местных партийных организаций и советских органов по устройству демобилизованных из действующей армии». 11 марта 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 145. Л. 193.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30–32.

ны рабочей силой лишь на две трети¹. Службы занятости Министерства промышленности строительных материалов докладывали, что им практически невозможно набрать кадры на строительство новых предприятий среди солдат, готовящихся к демобилизации².

Все вышеозначенные обстоятельства свидетельствовали о том, что путем самостоятельного трудоустройства населения невозможно было разрешить кадровые проблемы, существовавшие в отечественной промышленности, и для их интенсивного решения было необходимо применение административных методов. В послевоенный период с целью более эффективного решения кадровой проблемы правительство возобновило действовавшую до войны разверсточную систему пополнения рабочей силы, восстановив трудовую мобилизацию населения – *оргнаборы и призывы в учебные заведения системы трудовых резервов*.

В решении проблем трудовой мобилизации населения на предприятия отечественной индустрии ведущую роль играло Министерство трудовых резервов СССР. 15 мая 1946 г. постановлением Совета Министров СССР № 1040 «Об организационной структуре Министерства трудовых резервов» в рамках Министерства трудовых резервов было создано Главное управление организованного набора рабочих,³ на которое были возложены задачи вербовки работников на промышленные предприятия страны.⁴ На местах были созданы городские, районные областные, краевые и республиканские управления Министерства трудовых резервов.

Система оргнабора была ориентирована на привлечение в промышленность сельских жителей, демобилизованных военнослужащих и горожан. 12 июня 1946 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 1227 «Об организованном наборе рабочих из числа демобилизуемых военнослужа-

---

¹ Долголюк А.А. Кадры строительных организаций Сибири в послевоенное десятилетие // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 88.

² Фильцер Д. Указ соч. С. 38.

³ В структуру Министерства трудовых резервов также вошли: Главное управление ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО западных районов СССР; Главное управление ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО восточных районов СССР; Главное управление призыва (мобилизации) молодежи в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО; Главное управление организованного набора рабочей силы; Главное управление учёта и распределения рабочей силы; Учебно-методическое управление; Государственная инспекция по контролю за использованием трудовых резервов и пр.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 360–362.

щих»¹, в котором оговаривались условия приема, а также формы материальной поддержки демобилизованных при их трудоустройстве на промышленные предприятия различных отраслей (см. прил. 1.1).

Постановление Совета Министров СССР от 21 мая 1947 г. № 1631 «О порядке проведения организованного набора рабочих»² регулировало практики оргнабора работников для угольной, нефтяной, лесной, цементной и асбестовой промышленности, чёрной и цветной металлургии, строительства электростанций, предприятий тяжёлой индустрии, топливных, военных и военно-морских предприятий и погрузо-разгрузочных работ на речном и морском транспорте. Данным постановлением была конкретизирована система учреждений, реализующих практики оргнабора на местах. В республиканских и областных (краевых) управлениях Министерства трудовых резервов создавались конторы по организованному набору рабочих. Они были созданы в 44 областях и краях СССР, из них в 21 области (крае, АССР), находящихся на территории РСФСР. Большинство контор по оргнабору были расположены в западных регионах РСФСР*. В некоторых регионах страны создавались управления Министерства трудовых резервов, (всего по СССР их было 16, из них на территории РСФСР только одно в Сахалинской области)³.

Согласно тексту постановления Совета Министров СССР № 1631 от 21 мая 1947 г., организованный набор рабочих должен был проводиться «в соответствии с народнохозяйственными планами, утверждаемыми Советом Министров СССР»⁴. В планах, утверждаемых Советом Министров, указывалось количество работников для различных отраслей промышленности, регионы реализации оргнабора для крупных постоянно действующих предприятия, а также для выполнения сезонных работ на торфопредприятиях, лесозаготовках, рыбной путине и пр. Посредством оргнабора решались кадровые проблемы определенных

---

¹ Постановление Совета Министров СССР от 12 июня 1946 г. № 1227 «Об организованном наборе рабочих из числа демобилизуемых военнослужащих» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 279. Л. 203.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 302. Л. 60–72.

* Конторы по оргнабору были расположены в Брянской, Вологодской, Воронежской, Куйбышевской, Калининской, Калужской, Кировской, Костромской, Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Ульяновской и Ярославской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, Башкирской, Мордовской, Татарской, Чувашскую АССР (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 302. Л. 61).

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 302. Л. 74.

⁴ Там же. Л. 63.

территорий РСФСР (Южно-Сахалинская область, Дальний Восток¹), а также вербовались рабочие для отдельных государственных организаций. Например, согласно плану, весной 1946 г. было необходимо набрать 7500 чел. из разных областей и республик СССР для предприятий и организаций Главсевморпути при Совете министров СССР².

В постановлении Совета Министров СССР № 1631 от 21 мая 1947 г. указывалось, что оргнаборы могли регулироваться и «отдельным решениям Совета Министров СССР»³. Такими отдельными постановлениями Совета Министров СССР, могли вноситься коррективы в поквартальные планы оргнабора. Например, для строительства Северского металлургического комбината Министерству строительства предприятий тяжёлой индустрии было разрешено дополнительно «завезти в июне – июле 1946 г. 1500 человек из сельского населения других областей в Свердловскую область»⁴. В целом, количество работников, добираемых на предприятия по отдельным решениям правительства, могло превышать изначальные годовые планы оргнабора на 2–18%⁵.

Через систему оргнабора планировалось привлечь в промышленность в 1946 г. – 2 235 152 чел., в 1947 г. – 921 725 чел., в 1948 г. – 689 092 чел.⁶ Распределение планируемого количества работников по отраслям индустрии соответствовало приоритетам послевоенного развития страны (см. табл. 1). Наибольшее количество рабочих планировалось направить на предприятия, подконтрольные Министерству промышленного и военного строительства (1946 г. – 517 705 чел., в 1947 г. – 226 475 чел.), а также в угольную промышленность (1946 г. – 300 780 чел., 1947 г. – 195 900 чел.)⁷. Для сравнения – план оргнабора для Министерства электростанций составлял в 1946 г. – 67 780 чел., а в 1947 г. 28 595 чел.⁸, а в текстильную промышленность, планировалось привлечь посредством оргнабора 40 000 чел. (1947 г.)⁹.

---

¹ Там же. Д. 276. Л. 12–23; Д. 279. Л. 190–197.

² Там же. Д. 276. Л. 264–267.

³ Там же. Д. 302. Л. 62.

⁴ Там же. Д. 279. Л. 202.

⁵ Посчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 47. Д. 965. Л. 49–51.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 828. Л. 7-8; Д. 835. Л. 4; Д. 842. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 828. Л. 7-8; Д. 835. Л. 4.

⁸ Там же.

⁹ Фильцер Д. Указ. соч. С. 53.

Приоритетным «донором» для промышленности в послевоенные годы (как и в более ранние периоды советских мобилизаций), являлось сельское население. На это указывает форма типового трудового договора (публикуемого в качестве приложения к постановлению Совета Министров от 21 мая 1947 г.), где после ФИО работника следовало указать информацию о названии колхоза, сельсовета и пр.¹

Таблица 1

Численность работников, набранных через систему оргнабора 1946–1952 гг. (по отдельным отраслям промышленности) (чел.).²

Министерство	1946		1947		1948		1949		1950		1951		1952	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Угольной промыш.	300780	366138	195900	123768	81000	49862	175950	161507	96460	101167	90200	91934	77625	67188
Нефтяной промыш.	27000	30526	14400	8467	17200	12675	46950	58075	63145	62337	58800	59316	36340	32105
Строительства (военного, промышл.)	517705	222490	226475	129677	314700	257406	136400	154099	164210	168810	191710	186237	166795	141823
Электростанций	67780	47495	28595	13928	37000	31167	48850	39592	70113	65903	47935	48337	50355	50929
Лесной и деревообр. промыш.	156040	155267	146450	122074	107575	89247	84150	82830	80210	82886	140125	134737	198070	129086
Промыш. стройматер.	39146	47954			11819	12233	15318	15487	31187	26478				

О приоритетности привлечения сельских жителей через систему оргнабора свидетельствуют и планы оргнабора. В 1946 г. план оргнабора по стране составлял 1,4 млн. жителей сельской местности и около 830 тыс. чел. горожан и демобилизованных солдат³. Если по стране пропорция планируемого количества сельских и городских жителей (в сумме с демобилизованными солдатами), вербуемых через систему оргнабора, составляла 62% и 38% соответственно, то по

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 302. Л. 64–74.

² Фильцер Д. Указ соч. С. 52–53; ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 828. Л. 7-8; Д. 835. Л. 2-4; Д. 842. Л. 3, 25; Д. 863. Л. 1-2.

³ Там же. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 828. Л. 1.

отдельным отраслям промышленности количество сельских жителей от общего объема оргнабора превышало 70%. Например, план оргнабора для Министерства строительства топливных предприятий на третий квартал 1946 г. определялся в 100 000 рабочих, из них 75 000 человек планировалось набрать в сельской местности¹. Преимущественно сельское население привлекалось на тяжелые и малооплачиваемые сезонные работы – лесозаготовки и торфодобычу, а также на опасные промышленные работы (в шахтах, рудниках и пр.). Всего в период с 1951 по 1958 г. на сезонные работы было направлено более 1,5 млн. колхозников². В масштабах РСФСР в 1946–1950 гг. из граждан, поступивших на работу в промышленность через систему организованного набора, 71,2% были выходцами из деревни³.

Для привлечения крестьян на работу в промышленность правительство прибегало к налоговым льготам. 29 августа 1946 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 1921, в котором указывалось требование: «Освободить от уплаты сельскохозяйственного налога крестьянские хозяйства, в которых глава семьи или другой трудоспособный член семьи заключил договор на срок не менее одного года на подземную работу в сланцевой промышленности»⁴. Налоговые льготы применялись в качестве стимула для привлечения колхозников в угольную промышленность (см. прил. 1.1).

Нельзя не отметить, что в некоторых отраслях промышленности в рамках оргнабора преимущество отдавалось городскому населению. По Министерству текстильной промышленности СССР план оргнабора рабочих составлял в третьем и четвертом кварталах 1946 г. 131 тыс. чел. Из них 68 900 чел. набирались из числа горожан (52 %) и 62 100 работников из сельской местности (48%). Применительно к РСФСР общий план оргнабора по текстильной отрасли в 1946 г. составлял 105 040 чел., из которых городское население составляло 56 230 чел. (56%)⁵. Хотя данный пример является скорее исключением, и в большинстве от-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 214–226.

² Хлусов М.И. Указ. соч. С. 118–120.

³ Сонин М.Я. Указ. соч. С. 207.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 170–171.

⁵ Посчитано по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 134–139.

раслей промышленности планы оргнабора были ориентированы преимущественно на сельское население.

Индивидуальный трудовой договор заключался с рабочими от имени контор Министерства трудовых ресурсов и предприятий того министерства, для которого проводился набор. Рабочие направлялись работать на стройки, предприятия промышленности и транспорта в индустриальные центры Нечерноземья, на новостройки Сибири и Дальнего Востока. Текст трудового договора, заключаемого с работником, трудоустраиваемым на предприятия советской индустрии, с одной стороны, имел схожие черты, с другой стороны, существенные различия по отраслям промышленности. В трудовом договоре указывался срок, который должен был отработать на предприятии вербуемый сотрудник. Необходимость преодоления проблемы текучести кадров на предприятиях проявилось в фиксации в большинстве трудовых договоров минимального срока работы, дифференцированного по отраслям индустрии и регионам страны. Так, например, для предприятий угольной, нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, строительства топливных, военно-морских и предприятий тяжелой индустрии минимальный срок заключения договора составлял 1 год (данная цифра фиксировалась в договоре), а для предприятий данных отраслей, находящихся на Дальнем Востоке – 2 года. Гражданам, переселяющимся в 1946 г. на Южный Сахалин, предлагалось подписать трудовой договор с предприятием Министерства рыбной промышленности, где минимальный срок отработки составлял 5 лет¹. В трудовом договоре, заключаемом для работы на торфопредприятиях и торфостроительствах не конкретизировался минимальный срок работы, так как типичной практикой была работа на данных предприятиях в течение одного сезона². В тексте договора оговаривался вид деятельности, которую должен был выполнять работник.

Неотъемлемой частью трудового договора являлись обязанности сторон. Перечень обязанностей рабочего, как правило, был стандартен, включая в себя: выезд (или прибытие) рабочего к месту работы к указанному сроку, обязательство «честно и добросовестно выполнять порученную работу, оберегать социали-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 24

² Там же. Д. 282. Л. 193–196.

стическую собственность, бережно относиться к выданному на руки инструменту, обслуживаемому оборудованию и спецодежде, строго соблюдать трудовую дисциплину, выполнять правила внутреннего распорядка на производстве и в общежитии, выполнять требования администрации»¹. Работникам строительства предприятий тяжелой индустрии и военно-морских предприятий рекомендовалось «взять с собой имеющийся личный инструмент»². В тексте трудового договора, заключаемого с рабочими, переселяющимися для постоянной работы на предприятия рыбной промышленности в районы Южно-Сахалинской области, в качестве дополнительных обязательств рабочих указывалось требование: «пройти вместе с переселяющимися членами своей семьи организованный уполномоченным Министерства рыбной промышленности СССР медицинский осмотр и санитарную обработку», а также обязательство, выполнение которого фактически не зависело от рабочего: «полностью загружать рабочий день на работе по выполнению заданного плана»³.

Важным разделом трудового договора являлись обязательства предприятия. Общим пунктом трудового договора в различных отраслях промышленности было обязательство предприятия: оплатить рабочему стоимость проезда до места работы по железной дороге или водным транспортом, выплатить суточные за время нахождения в пути, ознакомить рабочего с техникой безопасности, предоставить ему жилье и кровать, питание (в столовых за наличный расчет), выдать необходимые инструменты спецодежду, предоставить рабочему возможность пользоваться культурно-просветительскими, лечебными и социально-бытовыми учреждениями (клубами, библиотекой, красными уголками), бесплатно обучить рабочего требуемой специальности. С 1947 г. в трудовых договорах обязательства учреждений в отношении рабочего были разделены на: обязательства конторы по организованному набору рабочих Министерства трудовых резервов (куда входили организация питания населения в пути следования, выплата единовременных безвозвратных пособий и суточных, оплата проезда до места работы); и обязательства предприятия, для которого производится набор рабочих

---

¹ Там же. Д. 302. Л. 82, 86, 89.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Д. 276. Л. 24.

(где перечислялись условия снабжения и труда рабочего, гарантированные предприятием). Выплата суточных рабочим была обязательным условием их проезда к месту работы, но размер суточных не всегда был впечатан в текст трудового договора, вписываясь от руки. В договорах 1947 г. был установлен фиксированный объем суточных – 10 руб. на человека в сутки, а в случае заключения договора о работе на предприятиях Урала и Сибири – 15 руб. Также в обязательства конторы по организованному набору рабочих входила оплата провоза багажа рабочего объемом 240 кг. (Для рабочих, переселяющихся на Южный Сахалин, объем бесплатно провозимого багажа составлял 2 тонны¹).

Хотя в рамках действующей в послевоенные годы мобилизационной модели экономики приоритетные позиции занимали внеэкономические методы решения кадровых проблем, нельзя не отметить использование определенных форм материальной поддержки вербуемых рабочих. Вводимая система льгот дифференцировалась в зависимости от формы набора, отраслевой принадлежности предприятия, территории, статуса отправляемых (рабочий, иждивенец) (см. прил. 1.1). Приоритетной формой поддержки рабочих в первом послевоенном году были не денежные выплаты, а различные формы государственного довольствия, реализуемые путем распределения (или продажи без карточек) продовольственных и промышленных товаров. В 1947 г. наряду с формами государственного довольствия более широкое распространение получают единовременные денежные выплаты рабочим и членам их семей. Объем безвозвратного денежного пособия, выплачиваемого рабочим, заключающим трудовой договор, был дифференцирован. Наиболее высокими были выплаты рабочим и членам их семей, заключающим трудовой договор для работы на предприятиях Дальнего Востока – 2000–3000 руб. (рабочим) и 600–200 руб. (членам их семьи)²; Урала и Сибири – 500 руб. и 200 руб. соответственно. На большинстве остальных предприятий объем выплат составлял 300 и 125 руб. (см. прил. 1.1). На предприятиях цементной и асбестовой промышленности, погрузочно-разгрузочных работах и строительстве предприятий тяжелой индустрии и военно-морских предприятий единовременное пособие рабочим и членам их семей выплачивалось только если

---

¹ Там же. Л. 25.

² Там же. Л. 25; Д. 279. Л. 39.

работник заключал трудовой договор для работы в другой местности¹. Работникам, заключающим трудовой договор с торфопредприятием, единовременное денежное пособие не выплачивалось, заменяясь выплатой в объеме двух- или четырехнедельной тарифной ставки, в случае если работник, отработав один или два сезона, продлял договор с торфопредприятием².

Важной частью трудового договора было обязательство предприятия продать рабочему ряд непродовольственных товаров (одежда и мануфактура), перечень которых зависел от отрасли индустрии (см. прил. 1.1). Наибольший объем товаров предоставлялся (за плату) рабочим, заключившим трудовой договор с предприятиями рыбной промышленности Южного Сахалина. На торфопредприятиях объем продаваемых рабочему товаров был минимальным – одна пара галош и 6 м. мануфактуры, а в случае продления договора на следующий год – еще одна пара галош и 15 м. мануфактуры. Также в тексте трудового договора обозначались дополнительные льготы, предоставляемые рабочим (см. прил. 1.1).

Определенные различия фиксировались в жилищных условиях, оговариваемых в тексте трудового договора. В трудовых договорах, заключаемых с демобилизованными в 1946 г. обозначалось обязательство: «предоставить ... жилую площадь не менее 4,5 кв. метров и кровать с постельными принадлежностями, с взиманием платы в установленном порядке»³, помимо этого гарантировалось, что при желании работника перевезти свою семью, ему в течение года предоставлялась отдельная комната.

Допустимые объемы жилой площади могли быть и меньших размеров. Так, например, в тексте одного из постановлений Совета Министров СССР, касающегося проблематики оргнабора, указывалось: «Разрешить Министерству трудовых резервов (г. Пронину), в виде исключения, выдавать Министерству строительства топливных предприятий в 1946 году наряды на организованный набор рабочих при наличии подготовленной на стройках и предприятиях жилой площади для приёма новых рабочих в размере 2,8–3,0 кв. м. на одного человека»⁴. В договоре с предприятиями рыбной промышленности Южного Сахалина

---

¹ Там же. Д. 302. Л. 90, 93.

² Там же. Д. 282. Л. 194.

³ Там же. Д. 279. Л. 37, 39.

⁴ Там же. Д. 281. Л. 214–226.

(1946 г.), объемы предоставляемой работникам жилой площади вообще не конкретизировались, обозначаясь обтекаемой формулировкой: «жилое помещение с оплатой за жилплощадь и коммунальные услуги по ставкам, установленным Министерством рыбной промышленности по согласованию с ВЦСПС»¹. Аналогичная формулировка фиксировалась в трудовых договорах 1947 г. о работе в различных отраслях промышленности². В тексте договора с торфопредприятием обозначено требование: «предоставить рабочему ... жилье, кровать и постельные принадлежности бесплатно и помещение для сушки одежды и обуви»³.

В качестве одного из признаков мобилизационности В.В. Седов отмечает принцип главного звена, который предполагает концентрацию ресурсов в одном звене экономической системы, оптимальном для достижения поставленной задачи, в том числе и за счет их изъятия из других менее важных, с точки зрения достижения поставленной цели, звеньев экономики⁴. Специфика распределения денежных выплат и других форм материального довольствия рабочих (и членов их семей) при трудоустройстве на предприятия через систему оргнабора, отражает действие принципа главного звена, отмеченного В.В. Седовым. Наибольшие выплаты и льготы фиксируются на предприятиях приоритетных отраслей индустрии (угольной промышленности, металлургии); предприятиях стратегически важных или «трудных» регионов (Урал, Сибирь, Дальний Восток); либо в рамках стадиальных кампаний, направленных на срочное решение кадровых проблем на отдельных объектах (предприятия «Главсевморпути», Печерская железная дорога). В то же время на сезонных работах (торфопредприятия, лесозаготовки) были наименьшие объемы выплат. Принцип главного звена в регулировании кадровой проблемы реализуется и в хронологическом разрезе: наибольшие льготы и стимулирующие выплаты работникам фиксируются в 1947 г., а в 1948 г. когда в ряде отраслей промышленности снижается острота кадровых проблем, объемы выплат снижаются.

Согласно заключаемому трудовому договору, вербуемому рабочему гарантировались выплаты и материальное довольствие, но на практике процесс про-

---

¹ Там же. Д. 276. Л. 24.

² Там же. Д. 302. Л. 82, 86, 89, 92.

³ Там же. Д. 282. Л. 193.

⁴ Седов В.В. Указ. соч. С. 22.

ведения оргнабора имел существенные издержки и деформации, провоцируя, в том числе, и криминальные поведенческие модели в советском социуме.

Значительно деформированным в сравнении с декларируемыми обещаниями было продовольственное обеспечение и жилищно-бытовое обслуживание вербуемых работников. Для транспортировки людей в другие регионы, как правило, использовались товарные вагоны¹, рабочие плохо обеспечивались продовольствием. Многочисленные жалобы на отсутствие нормального снабжения рабочих, направляемых на предприятия других регионов, явились причиной принятия Советом Министров СССР Постановления № 2575 от 2 декабря 1946 г. «О порядке питания рабочих в пунктах сбора и в пути следования, перевозимых в организованном порядке», согласно которому устанавливались нормы снабжения рабочих в пунктах сбора и в пути следования: хлебом – по 500 гр. в день и крупой – 1200 г. месяц. Снабжение должно было осуществляться за счёт фондов областей, краёв и республик, в которые направлялись рабочие². Принятие данного постановления не изменило ситуацию кардинально, и нарушения, допущенные в отношении продовольственного снабжения завербованных рабочих, фиксировались и в последующие годы.

Достаточно регулярным было нарушение нормативов жилплощади, предоставляемой работникам, вербуемым через систему оргнабора. Согласно действующим нормативам, объем жилплощади на одного человека составлял 4,5 кв. м.* На практике данные нормы нарушались. Объем жилплощади, предоставляемой завербованным работникам мог составлять около 1 м. на человек³.

Нарушения в проведении оргнабора были обусловлены рядом причин. Во-первых, объективными сложностями обеспечения более высокого уровня

---

¹ Пискунов С.А. Организация и осуществление перевозки сельскохозяйственных переселенцев: практика второй половины 1940-х–1980-х гг. // Преподаватель XXI век. 2016. №2. С. 284–285.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 149–152.

* В тексте типового трудового договора 1946 г., заключаемого предприятиями с демобилизованными солдатами, указывался норматив обеспечения жильем – 4,5 кв. м. на человека. Предприятие гарантировало работнику обеспечение жильем в данном объеме (См: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1, Д. 279. Л. 37, 39). Но уже в 1947 г. из типового трудового договора исчезают конкретные объемы гарантированного жилья, заменяясь формулировкой «предоставить рабочему в день прибытия на предприятие на все время работы жилье, койку и постельные принадлежности» (См: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 302. Л. 60, 74, 76).

³ Чернышева Н.В. «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» Повседневные потребности трудовых мигрантов в середине 1940-х – 1960-х годах (на материалах Кировской области) // История: факты и символы. 2017. № 2. С. 35–36.

жилищно-бытового обслуживания завербованных (недостаточным количеством жилых площадей, нехваткой средств у предприятий и т.п.). Необходимость решения кадровых проблем индустрии при ограниченном количестве у предприятий финансовых ресурсов, позволяющих обеспечить работникам достойное качество жизни, способствовала обращению властей к административным мерам урегулирования вопроса – путем снижения нормативов обеспеченности рабочих жильем. Так, например, в тексте постановления Совета Министров СССР № 1596 от 16 июля 1946 г. «О мерах помощи и создании производственной базы министерства строительства топливных предприятий» данные нормативы были снижены до 2,8–3,0 кв. м. на одного человека¹. В качестве второй причины нарушения условий трудовой мобилизации населения можно назвать формально-бюрократическое отношение к вербовке рабочих со стороны управляющих структур. Приписки и искажения цифр оргнабора допускались на различных уровнях. Вербовщики и руководители предприятий завышали показатели вербовки в отчетах, с целью получения оплаты, полагающейся за каждого мобилизованного)². В увеличении планируемого количества работников, привлекаемых через систему оргнабора, были заинтересованы и министерства. Во второй половине 1940-х гг. на расходы по проведению оргнабора министерствам выделялись средства из государственного бюджета³. Стремление к увеличению ассигнований породило практику приписок в министерствах. 16 декабря 1946 г. в неопубликованном Постановлении Совета Министров СССР № 2699 за неоднократное завышение заявок на рабочую силу министру строительства военных и военно-морских предприятий С.З. Гинзбургу было сделано серьезное предупреждение и поставлено на вид⁴.

Политика государства, направленная на увеличение промышленного пролетариата, создавала достаточно благоприятные условия для крестьянских побе-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 44–49.

² Там же. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 852. Л. 2–6.

³ Практика отнесения расходов по проведению организованного набора рабочих за счет государственного бюджета была отменена Постановлением Совета Министров от 28 ноября 1951 г. С 1 января 1952 г. все расходы по оргнабору возлагались на бюджеты предприятий и строек министерств и ведомств (См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968. С. 674–677).

⁴ Постановлении Совета Министров СССР № 2699 от 16 декабря 1946 г. «О неправильном планировании потребности в рабочей силе и преступно-халатном отношении к бытовым нуждам рабочих на предприятиях Министерства строительства военных и военно-морских предприятий» // ГА РФ. Р-5446. Оп. 1. Д. 289. Л. 174–175.

гов. Факты побегов колхозников описывает в своем письме, направленном в газету «Социалистическое земледелие», счетовод колхоза «Новая деревня» (Свердловской обл.): «многие колхозники уходят из колхоза ... без решения общего собрания и безо всяких справок ... колхозники сбежали в Химлесхоз. Колхозница Ефременкова Е.Р. ведет такие разговоры: “устроиться в Химлесхоз очень просто, стоит только проработать один месяц без документов”. ... Принимать колхозников без справок и решения общего собрания и без увольнения их из колхоза неправильно. Они [руководители учреждений] тем самым дезорганизуют дисциплину в колхозах, из которых бегут колхозники»¹. По данным Н.С. Иванова, всего за период с 1945–1958 гг. в РСФСР без разрешения правлений колхозов выбыло 1 млн. 688 тыс. крестьян, из них 443 тыс. из колхозов Нечерноземья². Самовольный уход колхозников ставил под угрозу выполнение колхозом планов поставок государству сельскохозяйственной продукции, вызывая естественное недовольство руководителей колхоза.

Еще одной формой нарушений, имеющей отношение к оргнабору, были попытки организаций мобилизовать население на выполнение определенных работ без достаточных на то полномочий. Так, например, Исполком Орловского областного совета депутатов трудящихся принял решение «О ходе строительства узкоколейной железной дороги», в котором разрешил управлению дороги «произвести организованный набор рабочей силы в количестве 687 человек и 36 лошадей с возчиками в порядке платной трудгужповинности»³. (Прокуратура Орловской области опротестовала это решение на том основании, что областными исполкомам не предоставлено права проводить организованный набор рабочей силы и тем более вводить трудгужповинность)⁴.

В целом, в послевоенный период процесс оргнабора имел значительные деформации и издержки, наличие которых осложняло решение задачи, поставленной в рамках мобилизационной модели экономики – обеспечения индустрии рабочей силой.

---

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6607. Л. 6.

² Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни ... С. 423.

³ Из практики Прокуратуры СССР по надзору за соблюдением законности // Социалистическая законность. 1947. № 9. С. 20.

⁴ Там же.

Вербовка рабочих, осуществляющаяся посредством оргнабора, способствовала количественному росту промышленного пролетариата. Но прибывшие работники нуждались в обучении и получении специальности. Повышение квалификации рабочих советской индустрии являлось важной составляющей кадровой проблемы, актуальность решения которой была отмечена в плане четвертой пятилетки: «Подготовить производственных кадров массовых профессий в количестве 2 073 тыс. чел»¹. Проблема подготовки необходимых для промышленности квалифицированных кадров решалась посредством курсов техминимума и целевого назначения, индивидуального и бригадного обучения, стахановских школ.

Важную роль в процессе подготовки квалифицированных кадров для промышленных предприятий играли учебные заведения Министерства трудовых резервов – школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища.

Поставленная в рамках мобилизационной модели экономики задача интенсификации развития индустрии оправдывала применение методов трудовой мобилизации и в отношении обучения рабочих. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах» была введена трудовая повинность для молодежи 14–17 лет, посредством которой планировалось ежегодно мобилизовывать от 800 тыс. до 1 млн. чел. Основная часть мобилизуемых привлекалась из сельской местности. Председатели колхозов были обязаны ежегодно выделять по два человека молодежи мужского пола на каждые 100 членов колхоза (считая мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет). Два молодых человека 14–15 лет направлялись в ремесленные и железнодорожные училища (срок обучения 2 года), и два 16–17 лет – в школы ФЗО (срок обучения 6 месяцев). Городские Советы депутатов трудящихся также были обязаны ежегодно выделять в порядке мобилизации молодежь мужского пола означенных возрастов, в количестве, устанавливаемом СНК СССР. Еще одним источником пополнения контингента учащихся школ ФЗО и РУ (характерным для послевоенного времени), являлись детские дома Министерства просвещения СССР.² В послевоенные годы доля этой категории

---

¹ Заседание Верховного Совета РСФСР 20-25 июня 1946 г. ... С. 343–344.

² Хлусов М.И. Указ. соч. С. 95.

подростков составляла по различным регионам РСФСР от 10 до 40% к общему количеству обучающихся.

В школах ФЗО молодежь обучали массовым специальностям для работы в угольных шахтах, рудниках, нефтяной промышленности, черной металлургии, в строительстве. Ремесленные и железнодорожные училища готовили рабочих для металлургической, химической, горнорудной, нефтяной промышленности, железнодорожного, морского и речного транспорта, а также связей. Во время обучения учащиеся обеспечивались государством. Все окончившие школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища были обязаны проработать четыре года подряд на государственных предприятиях¹.

Призыв в школы ФЗО и РУ осуществлялся несколько раз в год и проводился под контролем Советов Министров союзных и автономных республик, обл-(край)исполкомов и горисполкомов, в соответствии с количеством и территориальным распределением мобилизованных, утвержденным Советом Министров СССР. Министерство Трудовых резервов должно было принять обучающихся, создав условия для их обучения и проживания. Основной объем контингента, мобилизованного через систему трудовых резервов, составляло сельское население. По данным Д. Фильцера, из общего количества поступивших в школы ФЗО за период 1946–1952 гг. 86% были выходцами из сельской местности, среди принятых в ремесленные училища их было 54%². В отношении территориального распределения мобилизуемых, планы набора в ФЗО и РУ в целом повторяли векторность трудовой миграции, осуществляемой посредством оргнабора. Система трудовых резервов рекрутировала обучающихся в промышленные районы Урала и Сибири, а также для восстановления промышленных предприятий центра страны. Так, например, согласно плану летнего призыва 1946 г. для школ ФЗО Москвы набиралась молодежь из Костромской, Рязанской, Тамбовской областей, а в Свердловскую область направляли мобилизованных из Кировской обл., Мордовской, Марийской, Татарской и Чувашской АССР³.

---

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 16 т. Т. 2. ... С. 774-775.

² Фильцер Д. Указ. соч. С. 59.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 22–26.

После обучения выпускники направлялись на предприятия в соответствии с запланированным распределением. Хотя в случае необходимости (обозначенной постановлениями Совета Министров СССР), на предприятия направлялись молодые специалисты и сверх запланированного количества. В постановлении Совета Министров № 1430 от 29 июня 1946 г. было обозначено требование: «Обязать Министерство трудовых резервов ... направить в III квартале 1946 г. для работы на республиканских предприятиях Министерства промышленности строительных материалов СССР дополнительно, сверх выделенных Министерству, 500 слесарей, 150 токарей и 100 электромонтёров»¹. Большинство выпускников системы трудовых резервов направлялись на предприятия тяжелой индустрии. Так в 1947 г. 18,5% учащихся проходило обучение на предприятиях, относящихся к угольной промышленности, 12,5% к строительству, 11,3% к железнодорожному транспорту, 7,7% к черной металлургии. В 1948 г. 75 % выпускников были направлены на предприятия угольной промышленности, металлургии, промышленного и военного строительства².

В рамках действующей в послевоенный период мобилизационной модели экономики административными методами решались не только вопросы количества и распределения мобилизуемого контингента, но и проблема его качества. На предприятиях приоритетных отраслей индустрии условия труда были достаточно тяжелыми, и выпускники школ ФЗО не всегда физически соответствовали профессиональным требованиям. Стремление к улучшению контингента обучающихся проявилось в повышении возраста призывников. В Постановлении Совета Министров СССР № 1427 от 29 июня 1946 г «Об очередном призыве молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища» рекомендовалось мобилизовать для горнорудной, металлургической промышленности и строительства юношей в возрасте 17 лет, а для угольных предприятий – 17–18 лет³. В принятом через несколько месяцев Постановлении Совета Министров № 2373 «Об очередном призыве молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища в 1946 г.» от 25 октября 1946 г. устанавливалось,

---

¹ Там же. Л. 63.

² Там же. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 9 – 11; Д. 420. Л. 9.

³ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 22–26.

что «призыв молодёжи мужского пола, годной по физическому состоянию для подземных работ в угольной и горнорудной промышленности, а также по профессиям сталеваров, горновых, вальцовщиков, канавщиков, сварщиков нагревательных печей и бурильщиков металлургической и нефтяной промышленности производится в школы ФЗО в возрасте 18 – 19 лет и в ремесленные училища – 17 лет.»¹.

Повышение призывного возраста обучающихся привело к расширению контингента граждан, мобилизуемых в школы ФЗО для нужд строительства, угольной и металлургической промышленности. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1947 г. и от 10 сентября 1947 г. распространили обязательный призыв в учебные заведения системы трудовых резервов на 17–18 летних юношей и девушек, а также на мужчин в возрасте 19–23 лет, не прозывавшихся на службу в армию. Мужчины проходили обучение для работы в угле- и рудодобывающих шахтах. После завершения обучения они были обязаны отработать в шахтах три года. Уклонение от обучения или самовольное оставление места распределения приравнивалось к уклонению от призыва на военную службу². Летом 1948 г. мобилизация в школы ФЗО (для подготовки строителей предприятий тяжелой индустрии СССР) была распространена на мужчин в возрасте 20 лет, подлежащих призыву в армию (кроме работающих в промышленности, на транспорте, руководителей и специалистов сельского хозяйства).³ В ноябре 1948 г. в контингент мобилизуемых в школы ФЗО (для строек г. Севастополя) были включены военнообязанные запаса 1925–1927 гг. рождения, не проходившие службу в вооруженных силах и «потерявшие право на отсрочку от призыва на действительную военную службу», и военнообязанные 1928 г. рождения, «не годные к строевой службе, но способные исполнять физический труд»⁴. Еще одним Указом Президиума Верховного Совета СССР

---

¹ Там же. Д. 286. Л. 251.

² Подробнее об этих Указах см.: Фильцер Д. Указ. соч. С. 59.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04 августа 1948 «О призыве (мобилизации) в школы фабрично-заводского обучения подлежащих призыву в армию граждан мужского пола, рождения 1928 года» (Протокол N 31, п. 27а) // Законы, принятые ВС СССР, и указы Президиума ВС СССР за 1948 год. В 6 т. Т. 6. М., 1949. С. 112.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «О призыве (мобилизации) в школы фабрично-заводского обучения военнообязанных запаса граждан мужского пола рождения 1925, 1926, 1927 годов и военнообязанных рождения 1928 года» (Протокол N 33, п. 13) // Законы, принятые ВС СССР ... С. 167.

от 17 ноября 1948 г. для подготовки рабочих для предприятий и строек металлургической промышленности в школы ФЗО было направлено 115 000 человек из числа городской и сельской молодежи мужского пола в возрасте до 20 лет включительно¹.

По данным Н.В. Кузнецовой, для повышения численности учащихся на некоторых предприятиях Нижнего Поволжья в четвертом квартале 1947 г. сроки обучения в школах ФЗО были сокращены с шести месяцев до трех².

Стремление к увеличению количества учащихся школ ФЗО, РУ и железнодорожных училищ проявилось не только в административном расширении контингента призывников, но и в применении методов принуждения в отношении мобилизуемых. В письме председателя Президиума Горпромсоюза г. Нижний Тагил Свердловской области Е.Р. Скварченко, озаглавленном «Игнорирование устава членов промкооперации», направленном в газету «Правда» 20 августа 1946 г., отмечено: «все мобилизации проводятся местными организациями исключительно принудительным порядком, вплоть до постановки вопроса за невыполнение или неполное выполнение указанного на рассмотрении бюро райкомов ВКП(б) и сельских партийных организаций»³. В подтверждение имеющихся в регионе «перегибов» в проведении мобилизации, автор письма приводит факты призыва в школы ФЗО молодых людей, уже прошедших обучение и занятых в других отраслях производства: «В текущем году местные организации проводят мобилизацию в РУ и ФЗО, а так как в этой части в г. Н. Тагиле не совсем гладко с набором, то и в данном случае к нашей системе применили мобилизацию не только наших учеников на производственных участках артелей, но даже и тех, подростков, которые имеют до 4 разряда, а так как мы доказывали невозможность проведения подобной мобилизации за счет наших артелей, что артели затратили большие средства, силы на ученичество, на обучение подростков, имеющих уже разрядность, что артели лишены будут воз-

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1948 «О призыве (мобилизации) в школы фабрично-заводского обучения для подготовки рабочих для предприятий и строек металлургической промышленности 115000 человек молодежи мужского пола в возрасте до 20 лет» (Протокол N 32, п. 44) // Законы, принятые ВС СССР ... С. 149.

² Кузнецова Н.В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград. 2002. С. 127.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5538. Л. 287.

возможности готовить себе новые молодые кадры, местные организации применили метод принудительного порядка непосредственно на указанный контингент молодых рабочих и учеником (путем привода на пункт в РУ и ФЗО без всякого расчета в артели и их ведома). ... Особенно в этом проявили активность Ленинского района райсовет, сельсовет села Лая, сельсовет с. Покровка, сельсовет с. Шайтанка и др. И таким порядком артели ... потеряли значительное количество своих учеников и молодых работников до 4 разряда и из-за потери указанных кадров вынуждены были в некоторых районах закрыть мастерские и прекратить ученичество»¹.

Административные перегибы в процессе трудовой мобилизации молодежи являлись не только причинами жалоб населения, но и нашли отражение в правительственных резолюциях. В постановлениях Совета Министров СССР № 3511 от 20 сентября 1948 г. и № 836 от 24 февраля 1949 г. осуждались «недостатки и извращения» со стороны местных органов и Министерства трудовых резервов в организации дела призыва молодежи, среди которых были отмечены: «применение голого администрирования, проведение ... мобилизации молодежи в школы ФЗО под видом призыва в Советскую Армию, дача ложных обещаний молодежи, призванной в школы ФЗО»².

Молодежь, мобилизованная в учебные заведения системы трудовых резервов, поступала на государственное обеспечение. В документах, регламентирующих процесс мобилизации в школы ФЗО и РУ, фиксировалось требование, что учащиеся должны были быть обеспечены одеждой и обувью, двумя сменами белья и продуктами питания на время следования в пути³. Были обозначены нормы питания, нормы выдачи и сроки носки обмундирования и постельных принадлежностей для учащихся ФЗО и РУ⁴. Но выполнение данных норм оставило желать лучшего. Так, например, в докладной записке, направленной в июне 1948 г. в Саратовский обком ВКП(б) бригадой, проверявшей РУ-10, были обозначены следующие факты: «...По внешнему виду учащиеся напоминают

---

¹ Там же. Л. 288.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 346. Л. 30.

³ Там же. Д. 280. Л. 46.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 4392 от 26 ноября 1948 г. «О нормах питания и обмундирования учащихся ремесленных, железнодорожных училищ, специальных ремесленных училищ, техникумов и школ ФЗО системы трудовых резервов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 352. Л. 363–365.

беспризорных, из-за отсутствия обуви ходят босиком даже на завод, это ведет к несчастным случаям... Нет гимнастеров и брюк, вследствие чего некоторые учащиеся парадное обмундирование превратили в рабочее. Часть учащихся ходит в нижних сорочках»¹.

В нормативных документах оговаривались условия, которые должны были быть созданы для проживания и обучения молодежи. Постановлением СМ СССР № 1589 от 16 июля 1946 г. «О строительстве и восстановлении ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в 1946 году» устанавливалось: «при строительстве, восстановлении и приспособлении в 1946 году зданий под ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО должно быть обеспечено на одного учащегося не менее 4 кв. метров жилых, 2 кв. метров культурно-бытовых и 1 кв. метра учебных площадей, а по ремесленным и железнодорожным училищам, кроме того, не менее 1,5 кв. метра производственных площадей»². Определялись объемы жилых и учебных площадей, которые, должны быть отремонтированы или построены министерствами, в соответствии с количеством контингента, направляемого им системой трудовых резервов. Но данные планы не всегда выполнялись. Постановлением № 1589 от 16 июля 1946 г. Совет Министров обязал министерства направить на строительство и ремонт школ ФЗО и РУ 544, 8 млн. руб. В документе устанавливались объемы работ и количество вводимых площадей³ (см. прил. 1.2). Через год в тексте Постановления СМ СССР № 2057 от 17 июня 1947 г. «О строительстве и организации ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в 1947 г.», было отмечено, что значительное количество министерств ни выполнило требований, указанных в Постановлении от 16 июля 1946 г., а некоторые министерства «ни построили в 1946 г. ни одного здания училища и школы»⁴. Новый план 1947 г.

---

¹ Кузнецова Н.В. Восстановление и развитие экономики ... С. 133.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 9–15.

³ Там же.

⁴ В ряду выполнивших Постановление были перечислены Министерства: электростанций, химической промышленности, транспортного машиностроения, вооружения и речного флота. Не выполнили Постановление в полном объеме Министерства: чёрной и цветной металлургии, угольной промышленности западных и восточных районов, нефтяной промышленности восточных районов, тяжёлого машиностроения, автомобильной промышленности, промышленности строительных материалов СССР, лесной промышленности СССР, текстильной промышленности СССР. Министерства: нефтяной промышленности южных и западных районов, электропромышленности, авиационной промышленности, промышленности средств связи и морского флота не построили ни одного здания училища и школы (См.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 304. Л. 11–14).

предполагал увеличение объемов работ до 616, 24 млн. руб. (характерно, что для министерств, выполнивших план строительства и ремонта школ ФЗО и РУ в 1946 г., объемы, планируемые в 1947 г., были повышены, а почти для всех министерств, не выполнивших план строительства полностью или частично – снижены¹ (см. прил. 1.2). Еще через год Совет Министров СССР вновь констатировал невыполнение министерствами плана по строительству школ ФЗО и РУ². Планируемые на 1948 г. объемы работ были снижены до 416, 7 млн. руб., а в 1949 г. в связи с закрытием части школ ФЗО сокращены до 226,34 млн. руб.³, хотя данные показатели также не были выполнены в полном объеме.

Специфику реализации практик набора учащихся иллюстрирует документ «О готовности к набору 1946 г. школ ФЗО министерств черной металлургии» от 4 мая 1946 г., в котором отражен уровень обеспеченности жилого фонда для приема учащихся на предприятиях Свердловской области: «Утвержденный план набора учеников по Нижнетагильскому металлургическому заводу – 800 чел., а завод имеет помещение на 200 чел., Гороблагодатский железный рудник при плане набора 400 чел., имеет помещения на 200 чел., Старотрубный завод: план набора – 150 чел., жилищный фонд – на 50 чел.»⁴. В целом, из 21 школы ФЗО предприятий министерства черной металлургии в мае 1946 г. к летнему набору учащихся не было готово 19 школ⁵. В результате халатного отношения организаций к выполнению планов и соблюдению нормативов обеспечения учащихся обмундированием, питанием, учебными и жилыми площадями, во многих школах не были созданы нормальные условия для обучения учащихся, нарушался режим занятий⁶. Недостатки в организации обучения и уровне под-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 304. Л. 11.

² В Постановлении Совета Министров СССР № 1210 от 14 апреля 1948 г. «О строительстве и восстановлении ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в 1948 году» в ряду выполнивших планы строительства были перечислены министерства: Министерства вооружения, Министерства лёгкой промышленности СССР, Министерства мясной и молочной промышленности СССР и Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР. Большинство министерств выполнили план строительства менее чем на 20%. Министерство нефтяной промышленности восточных районов не построило в 1947 г. ни одного здания для ремесленных училищ (См.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 331. Л. 3–6).

³ См. Постановлении Совета Министров СССР № 718 от 19 февраля 1949 г. «О строительстве и восстановлении ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в 1949 году» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 361. Л. 413–416.

⁴ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 94.

⁵ Там же. Л. 95.

⁶ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 8. Д. 463. Л. 34.

готовки учащихся системы трудовых резервов отмечались в ходе проверок, организованных обкомами ВКП(б) различных областей РСФСР¹. О скудости материальной базы учебных заведений системы трудовых резервов, низком техническом и педагогическом уровне сотрудников школ ФЗО и РУ говорилось в тексте постановления, изданного Советом Министров СССР 30 сентября 1946 г. № 2217 «О мерах по улучшению подготовки трудовых резервов и увеличению количества рабочих, подготавливаемых в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО»².

В целом, мобилизационные методы решения кадровых проблем в промышленности, применяемые в послевоенные годы, дали определенные результаты. В конце 1940-х начале 1950-х гг. был преодолен дефицит трудовых ресурсов³ в большинстве отраслей промышленности. Всего за годы четвертой пятилетки прирост рабочих и служащих по стране составил 7,2%. Это самый высокий процент прироста в рамках советской послевоенной истории (более высокие показатели характеризуют социально-экономическую политику периода первой пятилетки, когда количество рабочих и служащих увеличилось на 20,6%)⁴. Общая численность рабочих и служащих по стране в 1950 г. составила 38,3 млн. чел.⁵, а по РСФСР число рабочих увеличилось до 26,7 млн. чел. (что составляло 36% к уровню 1945 г.)⁶.

В начале 1950-х гг. вследствие снижения актуальности кадровых задач, необходимость решения которых оправдывала бы применение методов мобилизации и принуждения, все более очевидными становятся издержки мобилизационной модели регулирования кадровой проблемы в отечественной индустрии. Среди данных недостатков можно отметить следующие:

Во-первых, **недостаточная эффективность системы трудовых резервов**. О неэффективности системы свидетельствуют количественные показатели, главным из которых являлось *невыполнение планов* Министерством трудовых резервов. Данная проблема являлась причиной нареканий правительства, адре-

---

¹ Кузнецова Н.В. Восстановление и развитие экономики ... С. 131.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 285. Л. 291.

³ Фильцер Д. Указ. соч. С. 39. Хлусов М.И. Указ. соч. С. 102.

⁴ Труд в СССР : статистический сборник ... С. 28.

⁵ РГАЭ Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1185. Л. 32.

⁶ Труд в СССР : статистический сборник ... С. 40.

сованных министерству. Факты невыполнения планов по оргнабору фигурировали в текстах постановлений правительства. Так в Постановлении Совета Министров № 3843, принятом в ноябре 1947 г. отмечено: «В первом полугодии 1947 г. направлено на предприятия Министерства чёрной металлургии по организованному набору из сельского населения 6,5 тыс. человек вместо 30 тыс. человек по плану. ... В третьем квартале 1947 г. направлено на предприятия чёрной металлургии 3,5 тыс. человек вместо 16,1 тыс. человек по плану»¹. За период 1946–1952 гг. через систему оргнабора ожидалось привлечь в промышленность 6,5 млн. рабочих. Планируемые показатели не были достигнуты. По данным О.И. Чистякова, через систему организованного набора рабочей силы за период с 1946 по 1950 гг. в промышленность страны было привлечено около 5,5 млн. рабочих². Д. Фильцер пишет о 5 815 536 чел., завербованных за период с 1946 по 1952 гг.³. Планы оргнабора по стране ежегодно не выполнялись (за исключением 1949 г.). В 1946 г. план был выполнен на 96%, в 1947 г. на 63%; в 1948 г. на 87%; в 1950 г. и 1951 г. на 96%; в 1952 г. на 78%.⁴ Реализация планов оргнабора по отраслям промышленности также оставляла желать лучшего (см. табл. 1). В 1947–1948 гг. результаты оргнабора были снижены вследствие голода. Также причины недобора работников крылись в тяжелых условиях труда, низком уровне удовлетворения бытовых нужд рабочих и низких доходах (завербованные из сельской местности работники в большинстве своем не имели специальности и могли претендовать только на низкооплачиваемую работу). В 1949 г. план оргнабора был выполнен почти на 103%.^{*} Последовательное снижение показателей выполнения оргнабора в начале 1950-х гг. имело иные причины, нежели в 1947–1948 гг. и было связано со снижением потребности советской индустрии в привлечении данного контингента.

Что касается учебных заведений системы трудовых резервов, можно отметить, что школами ФЗО, РУ и железнодорожными училищами в масштабах

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 3843 от 16 ноября 1947 г. «О мероприятиях по обеспечению рабочей силой предприятий и строек черной металлургии» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316. Л. 301–303.

² История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 2 : учебник / под ред. О.И. Чистякова. 5-е изд. перераб. и доп. М., 2011. С. 358.

³ Фильцер Д. Указ. соч. С. 53.

⁴ Там же.

^{*} Этот год можно считать точкой баланса, когда спрос на рабочую силу, существовавший в советской индустрии, соответствовал предложению, обеспечиваемому системой оргнабора.

РСФСР за годы четвертой пятилетки было подготовлено 2 089 000 молодых рабочих (что составило около 8% от общего количества рабочих РСФСР). Из них 715 000 (34%) окончили ремесленные и железнодорожные училища, а остальные (66%) школы ФЗО¹. В 1947 г. Министерство трудовых резервов перевыполнило план в 790 тыс. выпускников, передав промышленности страны 799 164 молодых рабочих, из числа которых 631 532 чел. окончили ФЗО и 167 632 чел. ремесленные и железнодорожные училища². Но уже в 1949 г. план был не довыполнен (99,4%). В отчете Министерства трудовых резервов за 1949 г. невыполнение плана объяснялось не достаточным укомплектованием школ, а также отказом предприятий принять выделенных по плану молодых рабочих, вследствие «неподготовленности к приему или отсутствия потребности в дополнительной квалифицированной рабочей силе»³. В начале 1950-х гг. проблема невыполнения планов подготовки кадров учебными заведениями системы трудовых резервов сохранилась.

О недостаточной эффективности системы трудовых резервов свидетельствуют и качественные показатели: *неудовлетворительный уровень подготовки специалистов*. На существование данной проблемы неоднократно указывалось в информационных справках министерств и на совещаниях по кадровым вопросам, проходящих на разных уровнях⁴. Так в справке Министерства текстильной промышленности СССР о численности и подготовке рабочих кадров (март 1948 г.) отмечены следующие факты: «На Костромской льнокомбинат им. Ленина направлено в 1947 г. 165 ватерщиц, окончивших школу ФЗО № 3, из них только 15 чел. могли работать на типовом уплотнении, а 143 чел. не выполнили нормы выработки»⁵. Основная масса выпускников ФЗО и РУ, пришедших работать на «Уралмашзавод» осенью 1948 г., не справлялась с заданиями, соответствующими их квалификационным разрядам, не выполняла норм выработки, что отрицательно отразилось на выполнении годового плана. Также Министерству трудовых резервов указывалось на то, что в школах ФЗО и училищах готовят

---

¹ РСФСР за 40 лет. ... С. 114.

² ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 88. Л. 45.

³ ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 88. Л. 46.

⁴ ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 88. Л. 44 – 45.

⁵ РГАЭ. Ф. 8591. Оп. 1. Д. 1438. Л. 120.

рабочих по таким профессиям, которые не востребованы в промышленности и строительстве¹.

Во-вторых, значительным недостатком были *существенные материальные затраты*, которые было вынуждено нести государство, обеспечивая функционирование системы трудовых резервов. Об объемах средств, выделяемых государством на проведение организованного набора рабочих красноречиво свидетельствуют следующие цифры. В 1946 г. на покрытие расходов по оргнабору рабочих Министерству угольной промышленности западных районов СССР из резервного фонда Совета Министров СССР было выделено 19,5 млн. руб., Министерству угольной промышленности восточных районов СССР 10,71 млн. руб.² В тексте Постановления Совета Министров СССР № 2809 от 9 августа 1947 г. «О расходах Министерства трудовых резервов на проведение организованного набора рабочих в 1947 году» приводится требование: «Утвердить расходы Министерства трудовых резервов на второе полугодие 1947 г., связанные с проведением организованного набора рабочих ... в сумме 205 444 тыс. руб.»³. Часть данной суммы (48 388 тыс. руб.) должна была быть внесена министерствами, для которых Министерством трудовых резервов проводился организованный набор (угольная, нефтяная промышленность, черная металлургия и пр.). Но большая часть затрат Министерства трудовых резервов (157 056 тыс. руб.) компенсировалась из резервного фонда Совета Министров СССР⁴. Данные затраты выглядят еще более существенными, если учитывать высокую текучесть рабочих, завербованных через систему оргнабора, их низкую квалификацию и производительность труда, а также значительное количество приписок и случаев мошенничества, фиксируемых на различных уровнях системы оргнабора. Стоимость подготовки одного рабочего в учебных заведениях системы трудовых резервов обходилась государству в 20 000 руб.⁵

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 88. Л. 46.

² Постановление Совета Министров СССР № 2524 от 24 ноября 1946 г. «О покрытии расходов по организованному набору рабочих для предприятий и строек Министерств угольной промышленности западных и восточных районов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 39.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 308. Л. 41.

⁴ Там же. Л. 42.

⁵ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 19. Д. 35. Л. 11.

Отмеченные недостатки системы трудовых резервов виделись еще более существенными вследствие того, что существовали альтернативные способы решения кадровых проблем. Оргнабор являлся далеко не единственным источником пополнения кадров для советской индустрии. В докладе заместителя министра черной металлургии В.С. Бычкова на совещании, посвященном кадровым проблемам предприятий отрасли, отмечены следующие данные. В 1946 г. суммарное количество мобилизованных, эвакуированных и репатриированных на предприятиях отрасли составляло 24,9% к общему числу работающих. В 1947 г. оно снизилось до 13,6%. В то же время количество рабочих, поступивших в порядке свободного найма (а также демобилизованных из армии), составляло в 1946 г. 59,13%, а в 1947 г. оно возросло до 71,6% от общего числа рабочих¹. Данная тенденция трактовалась положительно, как способствующая формированию постоянных кадров на предприятиях отрасли, так как преобладающее количество уволившихся и самовольно оставивших предприятие в течение первого года, в большинстве своем, составляли работники, завербованные через систему оргнабора (из числа сельского населения других областей). Учебные заведения системы трудовых резервов также не являлась основным поставщиком кадров советской индустрии. На предприятиях черной металлургии в 1946, 1947 гг. доля рабочих, окончивших школы ФЗО и ремесленные училища, не превышала 10–10,5%². На «Уралмашзаводе» количество работников, окончивших учебные заведения системы трудовых резервов, снизилось с 31,5% в 1947 г. до 20% в 1949 г.³ Проблема обучения и повышения квалификации рабочих решалась посредством стахановских школ, курсов, бригадного обучения и пр. В 1950-е гг. повышается уровень востребованности данных форм обучения на предприятиях советской индустрии.

В конце 1940-х–начале 1950-х гг. вследствие достижения задач восстановления рабочей силы в большинстве отраслей промышленности в функционирование системы трудовых резервов были внесены определенные изменения, призванные скорректировать существующие недостатки.

---

¹ РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 39. Д. 91. Л. 157.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 262. Оп. 2. Д. 79. Л. 46.

С целью *сокращения государственных расходов* 9 августа 1948 г. было принято Постановление Совета Министров СССР N 3004 «О сокращении ассигнований на мероприятия по проведению организованного набора рабочих». В соответствии с данным неопубликованным в прессе документом, начиная с 16 августа 1948 г. снижался размер единовременного безвозвратного пособия, выплачиваемого рабочему, отменялась выплата единовременного пособия на членов семьи рабочего¹ (см. прил. 1.1). Следующим шагом в данном направлении было Постановление Совета Министров СССР от 28 ноября 1951 № 4881 «Об упорядочении проведения организованного набора рабочих»², в котором указывалось, что оплата расходов по оргнабору перекладывается на министерства, набирающие работников. В то же время был увеличен размер единовременного пособия для рабочих (практически до уровня 1947 г), гарантировались выплаты аванса, суточных, оплата проезда (выплата денежного пособия членам семьи рабочего не была восстановлена). Помимо переложения затрат по оргнабору на плечи министерств, данным Постановлением *вносилась четкость в организацию проведения оргнабора*. С 1 января 1952 г. оргнабор рабочих для постоянной работы на предприятиях и стройках всех министерств и ведомств проводило Министерство Трудовых резервов. Набор рабочих из числа городского неработающего населения по месту нахождения предприятий истроек проводили сами предприятия и стройки, а наборы сельского населения для сезонных работ проводили те министерства и ведомства, которым набор рабочих был предусмотрен народнохозяйственным планом или отдельными решениями правительства. Самовольное проведение оргнаборов без разрешения Совета Министров строго запрещалось, В республиках, краях и областях, где не было контор по оргнабору, создавались отделы по организованному набору рабочих в составе местных управлений Министерства.

Вследствие снижения потребностей индустрии в рабочей силе, привлеченной через систему трудовой мобилизации, в конце 1940-х–начале 1950-х гг. в большинстве отраслей промышленности происходит *сокращение плановых показателей оргнабора* (табл. 1). Возросла доля сотрудников, пришедших рабо-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 90.

² Решения партии и правительства ... Т. 3. С. 674 – 677

тать на предприятия самостоятельно. Так в черной металлургии доля индивидуально принятых на предприятия с 51,9% в 1948 г. увеличилась до 66,2% в 1949 г. На предприятиях цветной металлургии показатель индивидуального приема составлял 49,6% в 1948 г. и 53,1% в 1949 г.¹ На крупнейшем в стране предприятии тяжелого машиностроения – Уралмашзаводе, через систему индивидуального набора было принято в 1947 г. 58,8%, а в 1949 г. данный показатель возрос до 80% (к общему количеству принятых на предприятие). Возрастание значения системы свободного найма работников было связано с рядом ее преимуществ. Эта форма пополнения кадров в отличие от оргнабора не требовала затрат на вербовку и перевозку работников. Многие горожане, трудоустраивающиеся на предприятия, уже были обеспечены жильем, и, зачастую, имели профессиональную подготовку. В результате работники, пришедшие на предприятия через систему свободного найма, реже уходили с производства, что, несомненно, отвечало интересам отечественной индустрии.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. изменения происходят и в учебных заведениях системы трудовых резервов. Решением проблем низкой квалификации выпускников ФЗО и РУ и снижения потребностей предприятий в кадрах системы трудовых резервов, стало увеличение сроков обучения учащихся. В отчете «О подготовке кадров» Министерства трудовых резервов СССР за 1949 г. отмечено, что Совет Министров СССР, пойдя на встречу Министерству трудовых резервов, разрешил для 13,5 тыс. нераспределенных выпускников училищ (которых отказались принять министерства и ведомства в 1949 г.), «продлить срок производственного обучения до 1 января 1950 г. с направлением их на предприятия по мере выявления дополнительной потребности промышленности в квалифицированных рабочих»². Если данный случай продления сроков обучения был скорее вынужденной мерой, выходом из сложной ситуации, то последующие реформы в других заведениях системы трудовых резервов, были спланированными мероприятиями (хотя и имеющими аналогичные причины).

Реформирование учебных заведений системы трудовых резервов характеризовалось тремя тенденциями: *увеличением сроков обучения; сокращением пе-*

---

¹ РГАЭ. Ф. 8934. Оп. 5. Д. 36. Л. 108.

² ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 248. Л. 3.

речня специальностей и контингента обучающихся; специализацией заведений для нужд определенных отраслей промышленности. В 1949 г. 192 школы ФЗО (36 100 чел. учащихся) было переведено на 10-месячный срок обучения для подготовки рабочих строителей по смежным профессиям. В 14 ремесленных училищах, готовящих специалистов для полиграфической промышленности, срок обучения увеличен с двух до трех лет. 14 художественных и 17 ремесленных училищ с общим количеством учащихся 8 000 чел. было переориентировано на подготовку квалифицированных рабочих строителей по смежным профессиям. Постановлением Совета Министров СССР от 10 июня 1949 ремесленные училища и школы ФЗО, подготавливающие молодых рабочих для угольной промышленности, были преобразованы в горнопромышленные училища со сроком обучения 2 года и горнопромышленные школы со сроком обучения 6 месяцев (с 1953 г. в горнопромышленных школах срок обучения был продлен до 10 месяцев). В 1949 г. было организовано 10 специальных горнотехнических училищ с семимесячным сроком обучения готовящих техников для угольной промышленности¹. 4 июля 1948 г. Советом Министров СССР было принято Постановление № 2585 «О прекращении подготовки в школах ФЗО Министерства трудовых резервов рабочих для местной промышленности, коммунального и городского хозяйства», согласно которому с 1 октября 1948 года подготовка кадров для данных отраслей перекладывалась на Советы Министров республик и обл(край)исполкомы. Работников означенных специальностей должны были готовить школы ФЗО. Срок обучения учащихся, набранных на добровольной основе, должен был составлять 6 месяцев². Также в тексте данного постановления утверждалось требование: «В связи с отсутствием необходимых учебных помещений, общежитий и учебно-производственной базы разрешить Министерству трудовых резервов ликвидировать 51 школу ФЗО и 2 ремесленных училища. ... уменьшить на IV квартал 1948 года план призыва (мобилизации) молодёжи в школы ФЗО на 15 800 человек»³. Отменялась стипендия для учащихся отдельных специальностей (поммастеров для текстильной промышленности)⁴. В ре-

---

¹ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 248. Л. 10.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 339. Л. 59.

³ Там же. Л. 60.

⁴ Там же.

результате реализации означенных тенденций к концу 1940-х гг. произошло почти двукратное сокращение ежегодного приема в школы и училища системы трудовых резервов (с 700–800 тыс. до 300–400 тыс. юношей и девушек в год)¹. А к 1952 г. численность учащихся, поступивших в школы ФЗО, сократилось в три раза в сравнении с количеством учащихся, поступивших в 1947 г. К концу 1950-х гг. окончившие профессиональные училища составляли лишь около 4% от общего числа рабочих.² За годы пятой пятилетки школами ФЗО, ремесленными и железнодорожными училищами РСФСР было подготовлено 1150 специалистов (на 40% меньше, чем в годы четвертой пятилетки). Изменилось соотношение между количеством выпускников школ ФЗО и ремесленных и железнодорожных училищ. Если в годы четвертой пятилетки доля выпускников училищ составляла 34% от общего количества окончивших обучение, то в годы пятой пятилетки она возросла до 45%.³

Уменьшение числа обучающихся, рост сроков обучения и углубление специализации выпускников требовали более высокой квалификации педагогов. В начале 1950-х гг. было проведено повышение квалификации преподавателей и мастеров. Директора школ системы трудовых резервов стали утверждаться обкомами ВКП(б), что способствовало снижению их текучести.

Произошедшее в конце 1940-х – начале 1950-х гг. сокращение контингента обучающихся в учебных заведениях системы трудовых резервов, компенсировалось возрастанием количества квалифицированных работников, подготовленных на предприятиях различных отраслей индустрии. На предприятиях Министерства черной металлургии в 1950-м году количество работников, прошедших повышение квалификации увеличилось на 11 300 чел. (по сравнению с уровнем 1949 г.), из них: на 7 700 чел. возросло число прошедших производственно-технические курсы, на 1 200 чел. стахановские школы, на 1 600 курсы целевого назначения, на 1 900 чел. курсы бригадиров, мастеров, ИТР и других работников. Повышение квалификации мастеров проводилось на краткосрочных курсах, а также на специальных двух с половиной годовых школах масте-

---

¹ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности ... С. 93.

² Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1946–1960 гг. М, 1987. С. 114.

³ РСФСР за 40 лет. ... С. 114.

ров. В 1950-м г. количество учащихся в данных школах предприятий черной металлургии составляло 5 655 чел.¹ В 1950 г. на металлургических заводах было 52 школы мастеров². Всего к 1950-му г. на предприятиях и в учреждениях было подготовлено 2 626 000 новых кадров, и 5 038 000 чел. прошли повышение квалификации³. Для повышения материальной заинтересованности мастеров и инструкторов, занятых обучением и повышением квалификации рабочих, 2 августа 1948 года Советом Министров СССР было принято Постановление № 2914 «Об оплате квалифицированных рабочих и инструкторов за индивидуальное и бригадное обучение рабочих». В нем были обозначены единые размеры оплаты за обучение рабочих (8-10 руб. за час занятий), устанавливались программы практического и теоретического обучения, на строительных работах при бригадном обучении рабочих с количеством обучающихся в бригаде не менее 12 человек, разрешалось освобождать инструкторов производственного обучения от основной работы с выплатой им заработной платы в размере 125–140% тарифной ставки сдельщика соответствующей профессии⁴.

В целом сокращение планов оргнабора на предприятия отечественной индустрии, а также уменьшение контингента обучающихся в учебных заведениях системы трудовых резервов свидетельствует о произошедшем в конце 1940-х–начале 1950-х гг. снижении режима мобилиционности и частичном отказе от мобилизационных инструментов (не исключая применение принудительных методов) для решения кадровых проблем отечественной индустрии. В то же время применительно к концу 1940-х–началу 1950-х гг. нельзя говорить о полном отказе властей от мобилизационных форм регулирования кадровых вопросов.

Мобилизация граждан на предприятия отечественной индустрии, реализуемая посредством призыва молодёжи в учебные заведения системы трудовых резервов, сохранилась до середины 1950-х гг. Постепенно на протяжении вто-

---

¹ РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 38. Д. 1173. Л. 401.

² Промышленность и рабочий класс СССР. 1946—1950 : документы и материалы ... С. 218.

³ Народное хозяйство СССР в 1956 году ... С. 193.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 341. Л. 212.

рой половины 1940-х гг. призывы изживали себя. Так в 1945 г. на добровольных началах было принято 50% учащихся, а в 1949 г. – 94%¹.

18 марта 1955 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене призыва (мобилизации) молодежи в ремесленные и железнодорожные училища»². В нем в качестве аргумента, обосновывающего отказ властей от практик трудовой мобилизации молодежи, отмечалось: «Учитывая большое стремление молодежи получить профессионально техническое образование в ремесленных и железнодорожных училищах, в связи с чем проведение мобилизации в указанные учебные заведения не вызывается необходимостью»³. Устанавливалось, что подать заявления о поступлении в училища, входящие в систему Государственных трудовых резервов, могут мужчины 14-17 лет и женщины 15-17 лет. В 1959 г. учебные заведения системы трудовых резервов были заменены системой профтехобразования с сохранением льгот и социально-экономической помощи для учащихся.

В середине 1950-х гг. произошли изменения и в системе оргнабора. Уже к началу 1950-х гг. в ряде западных областей РСФСР обозначились негативные тенденции – вывоз трудоспособного населения негативно влиял на экономическое развитие данных регионов, о чем областные власти сообщали в центр⁴. Начиная с 1953 г. набор сезонных рабочих (для лесной промышленности и торфопредприятий), в данных областях был ограничен⁵. Большая часть рабочих, набранных через систему оргнабора, направлялась на работы на предприятия той же области. Сокращается количество отраслей, рекрутирующих работников через систему оргнабора. В 1950-е гг. организованный набор проводился главным образом на объекты Министерства лесной промышленности, торфопредприятия, на строительство электростанций, а также на строительные проекты, где уровень текучести кадров был значительно выше, чем на промышленных предприятиях. Продолжали снижаться планы оргнабора. Из колхозов РСФСР в

---

¹ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности ... С. 93.

² Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 г. – июль 1956 г. ... С. 373.

³ Там же.

⁴ Чернышева Н.В. Организованный набор рабочих на предприятия и стройки Урала, Сибири и Дальнего Востока в середине 1940х – конце 1950- гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 170.

⁵ Там же.

1951–1957 гг. по оргнабору выбыло 739 тыс. человек (что составило всего 50% к плану оргнабора жителей сельской местности 1946 г.). Наибольшее количество колхозников было из областей с преобладанием крестьянского населения и низкой оплатой трудодня (из Северо-Западных областей, центрального Нечерноземья)¹. С целью снижения уровня неконтролируемой миграции крестьян, руководителям предприятий и строек запрещалось принимать на сезонную и постоянную работу колхозников, не имеющих справки об отпуске из правления колхоза². В 1956 г. подверглась реорганизации система управления трудовыми миграциями. Постановлением Совета Министров СССР № 739 от 22 ноября 1956 г. Переселенческое управление и Управление оргнабора рабочих были объединены в Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР.

Косвенно о снижении роли оргнабора свидетельствует его не востребованность как инструмента экономических кампаний, проводимых в 1950-е гг. В качестве одной из важнейших задач, требующих незамедлительного решения в середине 1950-х гг., презентуется развитие сельского хозяйства. Согласно решениям февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС (1954 г.), на протяжении 1954–1955 гг. в Казахстане, Сибири, Поволжье и Алтае планировалось освоить не менее 13 млн. га целинных земель.³ Для выполнения данной задачи требовалась мобилизация значительного количества рабочей силы, но «целинная» кампания реализовывалась не посредством системы оргнабора, а путем общественных призывов ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Данные призывы были ориентированы на молодежь в возрасте 18–25 лет, вся организационная работа по их осуществлению проводилась комсомолом. На освоение целины по комсомольским путевкам в 1954–1955 гг. выехало 350 тыс. молодых людей⁴. В последующие годы практика общественных призывов была распространена и на промышленные объекты – важнейшие стройки страны.

---

¹ Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни ... С. 421.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам ... Т. 3. 1941–1952 гг. С. 674 – 677

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам ... Т. 4 : 1953–1961 гг. С. 343.

⁴ Хакимов Р.Ш. Эксплуатация энтузиазма: советский опыт (1918–1991) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2 (384). Экономические науки. Вып. 52. С. 184.

Посредством оргнабора и учебных заведений Министерства трудовых резервов решались далеко не все кадровые проблемы, существовавшие в отечественной индустрии. Одной из важнейших задач было пополнение предприятий различных отраслей *квалифицированными кадрами и ИТР*.

В первые послевоенные годы на предприятиях черной металлургии Урала численность ИТР была ниже требуемого количества: на Магнитогорском металлургическом комбинате не хватало 231 инженера и техника, за заводах Главурамета – 280, Новотагильском – 55, на предприятиях Уралруда – 112, Челябинском трубопрокатном – 68¹. В целом, численность инженеров составляла менее 50 чел. на 10 000 рабочих и служащих и была ниже, чем в довоенный период.

В послевоенный период на ИТР, как и на всех работников отечественных предприятий, распространялось действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., запрещавших самовольное увольнение работников с предприятий (содержание данных Указов будет рассмотрено ниже).

Ввиду нехватки специалистов одним из путей решения проблемы обеспечения квалифицированными кадрами предприятий приоритетных отраслей индустрии был перевод работников. Перевод ИТР и других квалифицированных специалистов с одних предприятий на другие регламентировался Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие», согласно которому, наркоматы (министерства) имели право в рамках отрасли переводить квалифицированных сотрудников вне зависимости от территориального расположения предприятия или учреждения². За инженерами, служащими и квалифицированными рабочими, переводимыми с одного предприятия на другое в пределах той же местности, сохранялась непрерывность трудового стажа на предприятии, а сотрудникам, переводимым в другие местности, дополнительно прибавляется 1 год трудового стажа. В то же время, отказ от перевода на другие объекты при-

---

¹ Сурин В.А. Указ. соч. С. 27.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 42.

равнивался к самовольному уходу с предприятия и квалифицировался как нарушение указа от 26 июня 1940 г.

В утвержденной Постановлением СНК СССР от 16 января 1941 г. «Инструкции по применению указа Президиума ВС СССР от 19 октября 1940 г.» уточнялось, что увеличение трудового стажа на 1 год работникам, переводимым в другую местность, не засчитывается в срок работы, дающей право на отпуск, а также что к лицам, переводимым на работу в другую местность в связи с понижением их в должности в порядке дисциплинарного взыскания, увеличение стажа на 1 год не применяется¹. В период 1940-х – начала 1950-х гг. в связи с острой востребованностью практики координации квалифицированной рабочей силы предприятий различных отраслей, действие данного постановления было распространено на квалифицированных работников различных специальностей, занятых на железнодорожном транспорте, в речном, морском и воздушном флоте, на предприятиях Министерства связи, легкой, текстильной и мясомолочной промышленности и отдельных главков².

Посредством перевода сотрудников решались кадровые проблемы на предприятиях отраслей, имевших стратегическую важность и требующих форсированного развития. В первую очередь, к ним относились предприятия, занятые атомными разработками, новыми видами вооружения и т.п.

Отбор сотрудников на данные предприятия осуществлялся самым тщательным образом. В тексте Постановления Совета Министров СССР от 17 декабря 1948 г. № 4636-1813сс «О дополнительном обеспечении кадрами Государственного химического завода» отмечено требование направить «группу товарищей» (включающую представителей Первого главного управления при Совете Министров СССР и обкомов ВКП(б)) на предприятия и в учреждения обозначенных регионов РСФСР (Московской, Ленинградской, Челябинской, Молотовской, Новосибирской, Кемеровской, Чкаловской, Горьковской, Владимирской, Тульской, Куйбышевской, Ярославской, Омской, Пензенской областей, Башкирской и Татарской АССР), для отбора руководящих работников, научных

---

¹ Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1941. № 4. Ст. 61.

² Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1941. № 7. Ст. 105, 106; № 12. Ст. 188, 213; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 335. Л. 207–208, 246 – 247.

сотрудников, инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих и служащих на предприятие занятое атомными разработками. В ряду требований к сотрудникам были обозначены: «руководящие работники, научные сотрудники и ИТР, имеющие производственный стаж не менее 5 лет, квалифицированные рабочие не ниже 5 разряда и служащие, физически здоровые, преимущественно члены и кандидаты ВКП(б) и комсомольцы»¹. Вне зависимости от нынешнего места работы отобранный контингент путем перевода направлялся для работы на Базу № 10. В Постановлении Совета Министров СССР № 172-52сс, принятом в январе 1949 г., утверждалось требование «подобрать ... и направить Первому главному управлению при Совете Министров СССР 95 инженерно-технических работников» (топографов, геологов, горняков, обогатителей и пр.), для работы на Ермаковском месторождении свинца². Отбор кандидатур 12 руководящих и инженерно-технических работников для постоянной работы на комбинате № 813 (Свердловск-44) осуществлялся секретарем Свердловского обкома ВКП(б) Недосекиным совместно с директором комбината № 813 (подбор кандидатов реализовывался на предприятиях Свердловской области)³.

Для увеличения числа ИТР в период 1946–1953 гг. была расширена сеть вузов и техникумов. (В 1946–1947 гг. на Дальнем Востоке началась подготовка специалистов по электрификации⁴). Всего в годы четвертой пятилетки было подготовлено более 400 тыс. специалистов с высшим и около 1 млн. специалистов со средним специальным образованием. Во второй половине 1940-х гг. были приняты правительственные постановления, направленные на упорядочение распределения молодых специалистов. В Постановлении Совета Министров СССР от 29 мая 1948 г. № 1840 были отмечены недостатки в системе распределения, следствием которых являлась большая текучесть молодых инженерно-технических кадров, малопроизводительное их использование, а также оседание специалистов в крупных городских центрах, имеющих и без того большую насыщенность инженерно-техническими кадрами, в то время, как на

---

¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 4. С. 206.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 364.

⁴ Маклюков А.В. Подготовка инженерных кадров для электроэнергетики на Дальнем Востоке России (1918–1948 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 84.

предприятиях и стройках, находящихся на периферии, сохранялась острая нехватка кадров¹. Для преодоления сложившейся ситуации конкретизировалась система распределения специалистов, с учетом действительной потребности предприятий в кадрах. Контроль за распределением молодых специалистов всех министерств возлагался на Министерство высшего образования СССР.

В 1947 г. для решения кадровой проблемы на предприятиях и в учреждениях, занятых разработкой атомного проекта, в ряде вузов СССР была создана сеть специальных факультетов². Набор выпускников для предприятий Первого главного управления при Совете Министров СССР регулировалось отдельными правительственными постановлениями. В Постановлении Совета Министров СССР № 4638-1815сс «О подготовке высшими учебными заведениями специалистов для Первого главного управления при Совете Министров СССР», принятом 17 декабря 1948 г., утверждалось количество выпускников, которое должно было быть подготовлено для Первого главного управления при Совете Министров СССР вузами Москвы, Ленинграда, Свердловска и Харькова в 1949 г. – 760 чел., в 1950 г. – 1210 чел., в 1951 г. – 1315 чел. (по специальностям: физика изотопов, экспериментальная ядерная физика, спектродия, неорганическая химия и пр.)³. В Постановлении уточнялось, что формирование спецфакультетов для Первого главного управления при Совете Министров СССР должно осуществляться «путем перевода на них наиболее успевающих студентов данного высшего учебного заведения или любого другого за счет контингентов родственных специальностей»⁴. Для спецфакультетов в МГУ и Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина были организованы трех месячные курсы переподготовки преподавателей (100 чел.) с сохранением за ними заработной платы.

В январе 1949 г. было принято решение открыть в Свердловске и Томске два специальных института по подготовке кадров с высшим образованием и проведению научно-исследовательской работы для Первого главного управления при Совете Министров СССР (с постройкой необходимых учебных зданий,

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 335. Л. 280–284.

² Черток Б.Е. Ракеты и люди. М., 1999. С. 259.

³ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 4. С. 210–216.

⁴ Там же. С. 212.

специальных сооружений, студенческих общежитий и жилых домов для преподавателей)¹. (Хотя в мае 1949 г. решение о постройке институтов было заменено открытием факультетов в политехнических институтах данных городов²).

Вопросы увеличения контингента военных инженеров регулировались специальными приказами и военного министра СССР и Постановлениями Совета министров СССР. В Постановлении Совета Министров СССР от 13 мая 1946 года № 1017-419сс утверждалось требование «организовать в высших учебных заведениях и университетах подготовку инженеров и научных работников по реактивной технике, а также переподготовку студентов старших курсов других специальностей на специальность по реактивному вооружению, обеспечив первый выпуск специалистов по реактивному вооружению по высшим техническим учебным заведениям не менее 200 человек и по университетам не менее 100 человек к концу 1946 года», а также «отобрать из научно-исследовательских организаций Министерства высшего образования и других Министерств 500 специалистов, переподготовить их и направить для работы в министерства, занимающиеся реактивным вооружением»³. Согласно приказу военного министра СССР № 00144 от 30 июня 1951 г. для увеличения контингента инженеров по реактивной технике артиллерийскими академиями было досрочно выпущено 279 инженеров⁴.

В целом, в результате предпринятых мер к началу 1950-х гг. выпуск специалистов вузов для важнейших отраслей промышленности и строительства увеличился более чем в 1,5 раза. Наиболее успешно проблема квалифицированных кадров решалась в тяжелой промышленности. Уже на рубеже 1940-х–1950-х гг. предприятия черной металлургии и железорудной промышленности Урала были полностью укомплектованы инженерами и техниками (за исключением нескольких предприятий). В среднем в черной металлургии на 1000 рабочих приходилось 105 инженеров и техников (на Урале данный показатель варьировался от 87 до 142 на 1000 рабочих)⁵. Хотя в среднем в отечественной индустрии

---

¹ Там же. С. 240.

² Там же. С. 302.

³ Задача особой государственной важности ... : сборник документов. С. 41.

⁴ Там же. С. 243–244.

⁵ Сурин В.А. Указ. соч. С. 28.

стрии и в начале 1950-х гг. количество ИТР было недостаточным. Среди начальников цехов 62% составляли специалисты-практики¹.

Нехватка квалифицированных сотрудников на предприятиях способствовала длительному сохранению принудительных методов регулирования трудовой деятельности данной категории граждан. Мобилизационный режим был отменен только в середине 1950-х гг. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины», принятом 25 апреля 1956. Согласно данному документу было прекращено действие указов: от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие» и от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Отказ от методов принуждения в отношении квалифицированных работников и ИТР, позволивший им более свободно решать вопросы своего трудоустройства, был связан с произошедшей в середине 1950-х гг. общей либерализацией социально-политического курса, сопровождающейся отказом от мобилизационных методов регулирования трудовых стратегий городского населения.

Важным аспектом кадровой проблемы, решаемой в послевоенный период, было *преодоление текучести рабочей силы на промышленных предприятиях*. В первые послевоенные годы в отечественной индустрии наблюдался высокий процент выбывших сотрудников, фиксируемый на предприятиях большинства отраслей. Проблема текучести кадров имела место среди различных категорий работников (набранных по оргнабору, окончивших ФЗО и РУ, эвакуированных, самостоятельно трудоустроившихся на предприятия и пр.).

В значительно большей степени «текучести» были подвержены молодые рабочие, трудящиеся на предприятиях в течение небольшого времени (1-2 года). Достаточно высокий процент выбывших с предприятий в течение первых двух лет работы фиксировался среди выпускников школ ФЗО и РУ и работников, на-

---

¹ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности ... С. 91.

бренных по оргнабору (среди них наибольшее количество выбывших составляли работники, направленные на предприятия, расположенные вне места их постоянного жительства). По отраслям индустрии количество выбывших молодых рабочих варьировалось от 26 до 54%, при этом количество самовольно ушедших составляло от 2 до 28% (см. прил. 1.3). По отдельным предприятиям процент самовольно ушедших работников был гораздо выше. Так, например, около половины молодых рабочих, приступивших к работе на «Уралмашзаводе» в ноябре 1947 г., уже в начале 1948 г. убыли с предприятия без разрешения администрации¹. В Курской области в 1949 г. с предприятий ушло 1779 молодых рабочих². В Постановлении Совета Министров СССР № 707 от 19 февраля 1949 г. «О мероприятиях по улучшению трудового использования на производстве молодых рабочих, окончивших ремесленные училища и школы ФЗО» отмечалась важность решения проблемы текучести молодых кадров, наличие которой «подрывает дело подготовки государственных трудовых резервов, тормозит рост постоянных рабочих кадров на предприятиях и строительствах, чем наносится большой ущерб народному хозяйству»³.

Данная проблема существовала и в учебных заведениях системы трудовых резервов. В 1947 г. из школ ФЗО выбыло 96 500 учащихся, за 4 месяца 1948 г. – 20 900 учащихся⁴. «За одиннадцать месяцев 1948 г. из школ ФЗО и училищ выбыло 70 500 человек, в том числе ушло самовольно 43 500 человек или 4,4% к количеству окончивших школы ФЗО и училища»⁵. В 1949 г. школы ФЗО и училища покинуло 47 200 чел., что составило 3,24% к общему количеству обучающихся⁶.

Проблема текучести кадров фиксировалась не только в рядах молодых рабочих, но и среди опытных работников различных отраслей отечественной индустрии. Наиболее остро она стояла в угольной промышленности, металлургии, строительстве (см. прил. 1.4). В данных отраслях фиксировалось не только большее количество выбывших с предприятий, но и преобладающее количест-

---

¹ ГАСО. Ф. 262. Оп. 2. Д. 79. Л. 105.

² Головин Е.А., Коровин В.В. Региональные проблемы ... С. 158.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 361. Л. 382.

⁴ Там же. Д. 341. Л. 91.

⁵ Там же. Д. 362. Л. 264.

⁶ Там же. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 88. Л. 46.

во самовольно ушедших. Соответственно, это явление имело наибольшее распространение в тех регионах РСФСР, где размещались предприятия этих отраслей – в угольных и металлургических центрах Урала и Западной Сибири, Подмосковном угольном бассейне. Так, например, в 1946 г. с «Уралмашзавода» выбыло 29,2% работников (большинство из которых составили эвакуированные и мобилизованные в годы войны)¹. Напротив, в Москве и Ленинграде, уровень текучести кадров был достаточно низким, что не в последнюю очередь было связано с преимуществами снабжения данных городов. В первом квартале 1947 г. в Москве с оборонных предприятий выбыло всего 1532 человека, в Ленинграде с восемнадцати оборонных предприятий ушло 387 человек, для сравнения, в Молотове, где численность населения была в восемь раз меньше, за три месяца 1947 г. выбыло 1940 работников².

Динамика текучести кадров на предприятиях характеризовалась различной интенсивностью в рамках послевоенного периода. Наибольшее количество выбывших с предприятий отмечалось в 1947 г. – от 30 до 64% по различным отраслям индустрии. В 1948 г. их численность несколько снизилась, фиксируясь в диапазоне от 16 до 42%, и продолжила снижаться в 1949 г., составив от 21 до 38% по отношению к общей численности занятых (см. прил. 1.4).

В рамках мобилизационной экономической модели проблема текучести кадров на промышленных предприятиях регулировалась посредством различных инструментов.

В первую очередь, самовольный уход работников с предприятий санкционировался путем применения репрессивных законодательных норм, принятых в начале 1940-х гг. и сохранившихся после войны. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., 19 октября 1940 г., 28 декабря 1940 г., 26 декабря 1941 г. предполагали уголовное наказание работников за самовольный уход с работы, срок которого определялся отраслевой принадлежностью предприятия. Согласно действующим в послевоенный период нормативным документам, легитимным являлось увольнение сотрудника исключительно с разрешения администрации. Фактически причин для увольнения работников

---

¹ ГАСО. Ф. 262. Оп. 2. Д. 79. Л. 108.

² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 3758. Л. 47; Д. 3752. Л. 81.

было всего три: полная нетрудоспособность, поступление на учебу в вуз, призыв на армейскую службу.

Мобилизованные, но самовольно ушедшие с предприятий ученики разыскивались правоохрнительными органами даже в других регионах. Так, например, в марте 1946 г. заместителем начальника управления трудовых резервов Свердловской области Дудиным и начальником областного моботдела Кучиным были направлены запросы прокурорам Курской, Кировской, Омской областей и Башкирской АССР с просьбой оказать содействие посланным в данные регионы представителям (бригадам, состоящим из 5–18 чел.) в возвращении бежавших учеников¹. Из Курской области на предприятия Свердловской области осенью 1945 г. прибыло 2030 учеников, из которых к 20 января 1946 г. сбежали 154 чел.; из Омской области прибыло 488 учеников, из которых сбежали 116; из Кировской области было мобилизовано 740 учеников, сбежали 302; из Башкирской АССР прибыло 974 и сбежало 346 человек². В результате поисков часть сбежавших учащихся была возвращена в учебные заведения системы трудовых резервов: из Башкирской АССР – 59 чел., из Курской обл. – 19 чел., из Кировской обл. – 27 чел., из Омской обл. – 20 чел.³

Применялись и другие методы решения проблемы текучести кадров. Так, например, в ноябре 1945 г. XXVIII пленум Молотовского обкома ВКП(б) постановил: «усилить разъяснительную работу среди командного состава, рабочих в цехах общежития о том, что крепкая трудовая дисциплина и порядок на предприятии нам сейчас нужны не менее, чем в военное время, ... что никакой пощады нарушителям трудовой дисциплины не будет; ... навести порядок с табельным учетом, своевременно выявляя каждый случай опоздания, прогула или самовольного ухода с предприятия; ... облздравотделу и горздравотделу гор. Молотова прекратить практику выдачи отдельными врачами гражданам справок о необходимости выезда из области или перевода на более легкую работу по состоянию здоровья, установить такой порядок, при котором подобного рода справки выдавались бы квалифицированными медицинскими комиссиями;

---

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 7–12.

² Там же.

³ Там же. Л. 25.

принять меры к закреплению рабочей силы на предприятиях, прекратив практику разбазаривания руководящих кадров и увольнения рабочих без уважительных причин. Руководители предприятий и партийных организаций должны тщательно разбирать каждое заявление об увольнении и решительно пресекать демобилизационные настроения»¹.

В качестве причины дезертирства учеников ФЗО и РУ в текстах правительственных постановлений указывались: «беспечное отношение многих начальников ... управлений трудовых резервов, директоров ... училищ и школ ФЗО, ... к созданию нормальных бытовых и учебно-производственных условий для учащихся»; низкий уровень квалификации директоров и воспитателей (более трети из которых имели низшее образование), в результате чего допускались «факты грубости и администрирования в обращении с молодежью»². На совещании работников трудовых резервов Молотовской области (28–29 августа 1947 г.) заместитель директора Чусовского металлургического завода по кадрам З.О. Тильман в качестве причины трудового дезертирства молодежи отметил недостаточный уровень воспитательной работы: «Ребятам ничего не рассказывают о трудовом законодательстве ... в большинстве своем они слышали, что существует какая-то ответственность, а по существу ничего не знают. ... Ребятам не прививают основных правил поведения на производстве, ... в общежитии, и в результате получается, что ребята приходят на производство совершенно не подготовленными»³. В отчете Министерства строительного и дорожного машиностроения о работе с кадрами в качестве причин самовольного оставления предприятий молодыми рабочими указывались следующие: «Резкий переход от школьного режима к самостоятельной жизни вне семьи и работе на производстве нередко вызывает временные трудности. Недостаточно чуткое и внимательное отношение со стороны отдельных руководителей предприятий к нуждам вновь прибывших молодых рабочих и стесненные жилищные условия»⁴. В данном объяснении акцентированы психоэмоциональные причины побегов молодых рабочих, в то время, как более важная проблема «стесненных жилищных

---

¹ Общество и власть. ... Т. 2. Пермский край. С. 214 – 215.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 341. Л. 91–98.

³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 181. Л. 27.

⁴ РГАЭ. Ф. 8227. Оп. 1. Д. 1276. Л. 16.

условий», в отчете лишь корректно упоминается. Хотя, указание на «психологические» причины текучести кадров было редким исключением правительственного дискурса. Как правило, в отчетах и докладных записках министерств и ведомств в качестве основной причины увольнений и дезертирства рабочих с предприятий фигурировали жилищные и материально-бытовые проблемы. В не зависимости от причинности в правительственных постановлениях решение данной проблемы сводилось к требованию: «устранить текучесть», адресованному Министерству трудовых резервов, либо министерствам различных отраслей индустрии¹. Также указывалось на необходимость улучшения условий проживания и обучения учащихся, повышение квалификации сотрудников учебных заведений, увеличения жилищного фонда, предназначенного для проживания рабочих².

Для решения проблемы дезертирства учащихся ФЗО и РУ использовались методы материального стимулирования сотрудников данных учебных заведений. Сохранение контингента учеников являлось главным условием победы учебных заведений системы трудовых резервов в социалистическом соревновании, старт которому был положен Постановлением Совета Министров СССР № 772 от 1 апреля 1947 г. «О всесоюзном социалистическом соревновании ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО Министерства трудовых резервов за выполнение пятилетнего плана 1946–1950 гг. подготовки квалифицированных рабочих»³. Данная инициатива также подкреплялась материальным стимулированием руководителей и работников учебных заведений системы трудовых резервов. На премирование учебных заведений – победителей социалистического соревнования ежемесячно выделялось 600 тыс. руб.⁴ В Постановлении Совета Министров СССР № 2866 от 2 августа 1948 г. «О мерах по улучшению подготовки квалифицированных рабочих и ликвидации текучести учащихся в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО» были установлены премии работникам ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, которые выплачивались в случае сохранения 100% контингента учащихся

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 285. Л. 289; Д. 295. Л. 120.

² Там же. Д. 341. Л. 274.

³ Там же. Д. 295. Л. 144.

⁴ Там же.

в конце четверти, года обучения¹. Размер премий варьировался от должности сотрудника и отрасли промышленности, для которой готовился контингент (см. прил. 1.5, 1.6). Стремление преподавательского состава учебных учреждений системы трудовых резервов к получению премий, должно было способствовать усилению контроля и надзора за учащимися и, соответственно, снижению статистики побегов учеников.

Определяя принципы мобилизационности, В.В. Седов отмечал в качестве одного из них принцип «достижения цели любой ценой», проявляющийся в неэкономическом воздействии на объект, от которого зависит достижение поставленной задачи². Введение вышеозначенной системы премирования позволяет зафиксировать важный механизм решения проблемы сохранения кадров, используемый в рамках мобилизационной модели экономики, а также уточнить обозначенный В.В. Седовым принцип мобилизационности. Воздействие на объект могло быть не только прямым, но и опосредованным и не ограничиваться неэкономическими методами принуждения. Так проблема дезертирства учеников системы трудовых резервов решалась путем усиления контроля за ними (с учетом условий проживания учащихся можно говорить о применении методов принуждения), но для повышения заинтересованности педагогов и администрации, осуществляющих данный контроль, вводилась система премирования (экономическое стимулирование). В результате можно говорить о симбиозе методов принуждения и материального стимулирования, используемых в отношении различных элементов системы трудовых резервов (администрация, педагоги, ученики). Но воздействие на конечный объект цепочки (учащиеся ФЗО и РУ), от которого зависело достижение поставленной задачи (пополнение кадрового потенциала индустрии, восстановление экономики), осуществлялось преимущественно неэкономическими методами. (Важно отметить, что, несмотря на предпринятые меры – использование неэкономических методов и мер материального стимулирования, – проблема дезертирства учащихся системы трудовых резервов сохранилась и в начале 1950-х гг., хотя количество побегов значительно снизилось. Причины снижения побегов учащихся были связаны не

---

¹ Там же. 341. Л. 274–283.

² Седов В.В. Указ. соч. С. 22.

только принятием вышеозначенных мер, но и с изменением общей экономической ситуации в стране и преодолением дефицита рабочей силы в большинстве отраслей отечественной индустрии).

В целом, решение проблемы закрепления кадров в советской индустрии не исчерпывалось применением административных методов. Исходя из того, что причины текучести кадров крылись в нерешенности материально-бытовых проблем рабочих, а также тяжелых условиях их труда, в послевоенный период правительством предпринимались определенные шаги в этих направлениях.

Указом Президиума Верховного совета от 30 июня 1945 г. «Об отпусках рабочим и служащим» с 1 июля 1945 г. для рабочих и служащих были восстановлены ежегодные оплачиваемые отпуска, восстанавливался 8-часовой рабочий день¹. Постановлением СНК СССР от 13 сентября 1945 г. устанавливался порядок и сроки расчетов с рабочими и служащими по суммам денежной компенсации за неиспользованный отпуск, перечисленным в сберегательные кассы в качестве специальных вкладов². К 1950 году более 20 млн. рабочих и служащих РСФСР получили отпуска, оплачиваемые за счет государства, продолжительностью не менее 2двух недель, а шахтеры, учителя и работники ряда других профессий – более продолжительные.

Были отменены сверхурочные работы на предприятиях, являвшиеся нормой советской повседневности военного времени. Постановление Секретариата ВЦСПС от 21 июля 1947 года обязывало ФЗМК не допускать сверхурочные работы для беременных женщин, кормящих матерей, подростков, больных открытой формой туберкулеза легких. В 1949 г. был установлен обязательный медицинский осмотр всех работавших на предприятиях с вредными условиями труда. 25 октября 1948 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 3991 «О строительстве лечебных учреждений и детских яслей при промышленных предприятиях», согласно которому, одновременно со строительством промышленных предприятий, должны были строиться лечебные учреждения, детские ясли и жилые помещения для их персонала³. Вводились

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. «Об отпусках рабочим и служащим» // Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 г.–июль 1956 г. ... С. 377.

² Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1945. № 10. Ст. 129.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 349. Л. 230.

нормативы строительства данных учреждений в зависимости от количества сотрудников на предприятиях (см. табл. 2).

Таблица 2

Нормативы строительства лечебных учреждений и детских яслей при промышленных предприятиях¹

Численность рабочих	Детские и лечебные учреждения
10000 и выше	больница с поликлиникой при ней из расчёта на каждую 1000 работающих 12 коек 15000 посещений в год, а также ночной санатории (профилакторий) из расчёта 8 коек
от 5000 до 10000	больница с поликлиникой при ней на 75 коек и 75000 посещений в год
от 2000 до 5000	больница с поликлиникой при ней на 50 коек и 50000 посещений в год
от 800 до 2000	врачебный здравпункт (при необходимости больница с поликлиникой при ней)
от 300 до 800	фельдшерский здравпункт
число занятых на работе женщин от 500 и выше	детские ясли из расчёта 12 ясельных мест на 100 женщин

Был расширен список профессий с вредными условиями труда. В данную группу входили представители самых разных министерств: кинематографии, электропромышленности, нефтяной промышленности и пр., работающие с различными химическими веществами либо у печей на промышленных и хлебопекарных предприятиях и т.п. В качестве льгот данным работникам предоставлялся дополнительный отпуск (6–12 дней), либо их рабочий день ограничивался шестью часами (см. табл. 3).

В рамках действующей в послевоенный период мобилизационной модели экономики, льготы и социальные гарантии, предоставляемые промышленным рабочим и ИТР, распределялись в соответствии с принципом главного звена. На предприятиях тех отраслей, развитие которых было приоритетным для государства, были приняты более развернутые меры, направленные на улучшение состояния техники безопасности и охраны труда сотрудников.

¹ Там же. Л. 154–156.

Профессиональные группы с вредными условиями труда, для которых
были установлены дополнительные льготы¹

Год *	Профессиональные группы	Льготы
1946	Рабочие пековых печей Ханженковского и Кемеровского коксохимических заводов: газовщики, тоннельщики, аппаратчики и их помощники, штанговщики и пр	6-ти час. раб. день
1947	Работники газового цеха завода № 408 Министерства нефтяной промышленности: операторы, помощники операторов, гидравльщики и ретортчики	6-ти час. раб. день
	Работники Министерства кинематографии: чистильщики, склейщики пленки, осветители, киномеханики, ретушеры, аэрографисты и съемщики мультипликации	Дополнит. отпуск – 6 раб. дн.
1947	Работники Министерства кинематографии: монтажницы кинопленки в киностудиях, установщики света, пиротехники, составители проявляющих и фиксирующих растворов, рабочие по осаждению серебра при помощи сернистого натрия, проявщики, красильщики цехов и лабораторий цветного кино, художники-мультипликаторы, прорисовщики	Дополнит. отпуск – 12 раб. дн.
	Сверловщики, работающие ручными пневматическими машинками на судах особого назначения	Дополнит. отпуск – 12 раб. дн.
	Рабочие, занятые в сажевом производстве: помощники операторов, вальцовщики, пекарщицы, рабочие по уборке цеха, шоферы, постоянно работающие на перевозке сажи, технологи, заведующие лабораториями, лаборанты, начальники цехов	Дополнит. отпуск – 6 раб. дн.
	Рабочие Министерства электропромышленности: технолог, перемотчик, бригадир перемотчиков, сдатчик лака, инженер	Дополнит. отпуск – 6 раб. дн.
	Рабочие Министерства электропромышленности: эмалировщик, лако-разводчик, дежурный слесарь, электромонтер, уборщица цеха, подсобный рабочий, мастер, нач. смены	Дополнит. отпуск – 12 раб. дн.
1948	Рабочие, занятые на посадке и выборке хлеба из конвейерных печей	Дополнит. отпуск – 6 раб. дн.

29 августа 1946 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 1934 «Об улучшении состояния техники безопасности и условий труда рабочих на шахтах (Министерств угольной промышленности Западных районов, угольной промышленности Восточных районов) и строительства топливных предприятий»². В постановлении было обозначено требование: «заменить на всех шахтах, опасных по газу и пыли, взрывоопасное электрооборудование на взрывобезопасное», улучшить вентиляцию в шахтах, сделать капитальный

¹ Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 279. Л. 23; Д. 291. Л. 205; Д. 309. Л. 273; Д. 313. Л. 31, 67; Д. 315. Л. 42; Д. 346. Л. 54.

* Год включения профессиональной группы в льготную категорию.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 134.

ремонт, укомплектовать штаты предприятий газомерщиками и рабочими по вентиляции и т.д. В тексте документа значительное внимание было уделено проблеме охраны здоровья угольщиков. Планировалось открыть в угольных районах страны 37 новых больниц, 27 поликлиник, 25 амбулаторий и здравпункты при всех шахтах угольных бассейнов. Медицинские учреждения, обслуживающие рабочих угольной промышленности, должны были в первую очередь снабжаться спец. аппаратурой, медикаментами и перевязочными материалами. О приоритетности охраны здоровья рабочих угольной промышленности свидетельствует следующее указание: «восстановить в 1947 году в г. Сталино работу института физиологии труда, организовав в этом институте систематическое изучение условий труда в угольной промышленности ..., а также разработку и проведение в жизнь мероприятий по оздоровлению труда в шахтах»¹. В качестве льготы рабочим угольной промышленности предоставлялась «первоочередность приёма» во всех медицинских учреждениях, расположенных в угольных районах. Советом Министров РСФСР 22 августа 1946 г. было принято постановление «О мероприятиях по технике безопасности на горных предприятиях», направленное на усиление контроля за соблюдением техники безопасности на шахтах, горных предприятиях и горных разработках. На нарушителей техники безопасности налагались штрафы, а «злостных нарушителей правил безопасности» требовалось привлекать к судебной ответственности².

Одной из важнейших задач послевоенного периода было решение кадровой проблемы на предприятиях Первого главного управления при Совете Министров СССР, курировавшего советский атомный проект. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 21 августа 1947 г. № 2937-953сс/оп «О заработной плате, продовольственном и промтоварном снабжении инженерно-технических и научных работников, рабочих и служащих заводов Государственного химического и Государственного машиностроительного Первого главного управления при Совете Министров СССР» ИТР, рабочим и служащим данных предприятий предоставлялись следующие льготы: отпуск продолжительностью 36 дней (сотрудника вредных цехов); бесплатная выдача спецодеж-

---

¹ Там же. Л. 135.

² Хронологическое собрание законов ... В 5 т. Т. 5. 1946–1948 гг. С. 69–72.

ды; ссуды: на покупку коров – до 3 000 руб., покупку мебели и предметов первой необходимости – до 3 000 руб.; оплата 70% стоимости путевок работников в санатории и дома отдыха; Государственному машиностроительному заводу Первого главного управления при Совете Министров СССР был передан санаторий общего типа и дом отдыха железнодорожников в г. Верх-Нейвинске (с сооружениями, оборудованием и инвентарём), для использования их в качестве лечебных заведений закрытого типа¹. Серией секретных Постановлений (№ 2935-951сс от 21 августа 1947 г.; № 12884-рс от 9 сентября 1948 г.; № 5476-2090сс от 1 декабря 1949 г. и др.²) и распоряжений (№ 8059-рс от 27 июня 1947 г.) Совета Министров СССР была создана сеть медицинских учреждений при предприятиях и научно исследовательских учреждениях Первого главного управления при Совете Министров СССР, за предприятиями были закреплены санатории, профилактории и дома отдыха. Ведущие ученые, занятые разработками атомного проекта (9 чел.) были прикреплены к кремлевской поликлинике³.

Определенные льготы предоставлялись молодым рабочим. Согласно постановлениям Совета министров СССР (1946, 1947 г), молодым рабочим, закончившим школы ФЗО и РУ и направляемым на предприятия вне места постоянного жительства, выдавалась ссуда на приобретение домашней обстановки, предметов хозяйственного обихода, одежды и обуви в размере до 2000 руб., а также аванс – 300 руб. с удержанием из зарплаты в течение 6 месяцев⁴. Дополнительные льготы предоставлялись на предприятиях приоритетных для государства отраслей. На предприятиях и стройках металлургической промышленности семейным рабочим, окончившим школы ФЗО и проработавшим свыше одного года, предоставлялись отдельные комнаты (с 1949 г.)⁵. В некоторых отраслях промышленности для молодых рабочих, окончивших школы ФЗО и РУ, были установлены льготные нормы выработки. Для работающих на строитель-

---

¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы ... Т. 2. Книга 3. С. 314–315.

² Атомный проект СССР: Документы и материалы ... Т. 2. Книга 4. С. 144.

³ Там же. С. 367–368.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 261.

⁵ Постановление Совета Министров СССР № 4208 от 8 ноября 1948 г. «О подготовке рабочих в школах ФЗО министерства трудовых резервов в 1949 году для предприятий истроек металлургической промышленности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 351. Л. 8–10.

стве топливных предприятий, угольных шахт, стройках Главмашстроя – 80% от установленных норм (на срок до 6 месяцев)¹. На металлургических предприятиях и стройках предприятий тяжёлой индустрии для рабочих, занятых на подземных работах горнорудных предприятий и в горячих цехах – 60% (в первые два месяца) и 80% от установленных норм выработки (в последующие два месяца); для рабочих, занятых на других работах – 60% (в первый месяц) и 80% норм выработки (в последующие три месяца)².

Для закрепления кадров на предприятиях правительство использовало и различные формы материальной поддержки рабочих, путем повышения их доходов или урегулирования жилищных проблем (см. прил. 1.7). Но применение данных мер, также носило избирательный характер, используя на предприятиях приоритетных для государства отраслей, где наиболее остро стояла кадровая проблема, либо на предприятиях определенных регионов, нуждающихся в более интенсивном освоении, где материальная поддержка населения должна была компенсировать сложности, связанные с суровым климатом. Так, например, рабочим и служащим предприятий Крайнего Севера по истечении шести месяцев работы выплачивалась 10% надбавка к ставке³, а рабочим Урала, Сибири, Дальнего Востока оклады повышались на 20%, а также активизировалось строительство и продажа рабочим индивидуальных жилых домов⁴.

В 1946 г. для преодоления текучести кадров на предприятиях Министерства промышленности строительных материалов работникам давались ссуды на индивидуальное жилищное строительство до 15 тыс. руб. с погашением в течение 7 лет. Рабочим, получившим ссуды, продавалось по 20 м. кв. стекла, по 60 м. кв. кровельных материалов. Также для продажи рабочим и ИТР в 1946 г. было выделено 500 карманных и ручных часов, 200 часов «Победа» и «Звезда» и 1000 будильников⁵.

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 3786 от 16 ноября 1947 г. «О мероприятиях по укреплению строительных организаций Главмашстроя при Совете Министров СССР // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316. Л. 149–150; Постановление Совета Министров СССР № 951 от 25 марта 1948 г. «О мероприятиях по улучшению жилищного строительства в угольной промышленности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 329. Л. 261–264.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 351. Л. 8–10.

³ Сборник законов СССР и Указов Президиума ВС СССР. 1938 г.–июль 1956 г. ... С. 378.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 66–67.

⁵ Там же. Д. 280. Л. 518–520.

Более существенные льготы предоставлялись рабочим и ИТР, занятым на строительстве предприятий тяжелой индустрии. Помимо ссуды на покупку индивидуального жилья, вновь принятым рабочим-строителям, заключившим договор на срок не менее 5 лет и проработавшим не менее 6 месяцев, предлагались долгосрочные кредиты на хозяйственное обзаведение в размере до 3000 руб. В магазинах и ОРСах строек молодым специалистам (ИТР и техникам) продавались промышленные товары на сумму до 1000 руб. без зачёта купонов промтоварных карточек¹. С 1948 г. рабочим ведущих профессий, безупречно проработавшим на стройках предприятий тяжелой индустрии не менее года, предоставлялась отдельная комната².

Для закрепления на предприятиях работников угольной промышленности и строительства угольных шахт помимо ссуд на жилищное строительство предоставлялась еще одна жилищная льгота: ИТР и горным мастерам, проработавшим на шахтах не менее 25 лет, и рабочим, проработавшим на шахтах не менее 15 лет и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности или по старости, занимаемая квартира оставлялась в пожизненное пользование. Также «угольщикам» полагалось ежегодное единовременное вознаграждение за выслугу лет от 10% до 30% оклада в зависимости от стажа и должности работника и пособие по временной нетрудоспособности (при непрерывном стаже работы на предприятии не менее одного года – 100 % заработка, до одного года – 60% заработка)³.

Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 3843 от 16 ноября 1947 г. «О мероприятиях по обеспечению рабочей силой предприятий и строек черной металлургии» работникам металлургических предприятий наряду со ссудами на жилищное строительство, молодым специалистам, проработавшим в основных металлургических и коксохимических цехах не менее 3 месяцев, предлагались долгосрочные кредиты на хозяйственное обзаведение в размере до 3000 руб. Молодым специалистам (ИТР и техникам) продавались промышленные товары на сумму до 1000 руб. без зачёта купонов промтоварных карто-

---

¹ Там же. Д. 316. Л. 284–289.

² Там же. Д. 332. Л. 149–152.

³ Там же. Д. 311. Л. 129–134.

чек, предоставлялась ссуда на хозяйственное обзаведение (имеющим высшее образование – 3000 тыс. руб.; среднее – 2000 руб.). Планировалось продать рабочим и ИТР в 1947–1948 гг.: 1000 телят и 5000 поросят (обеспечить приобрести скот сенокосами), 60000 металлических кроватей, 6000 велосипедов, 300 мотоциклов, 5000 ручных часов «Победа» и «Звезда» и 10000 будильников, 1500 радиоприемников разных систем¹. Для работников предприятий цветной металлургии с 1948 г. вводились льготы на оплату обучения. Для детей рабочих и мастеров, занятых на подземных работах, рудничном строительстве, в металлургических, химико-металлургических цехах, ИТР и руководящих работников отрасли стоимость обучения в металлургических, горных средних и высших учебных заведениях уменьшалась на 50%².

В целом, более значительные льготы по кредитованию, обеспечению жильем, продовольственными и непродовольственными товарами, а также выплаты за выслугу лет и по временной нетрудоспособности, были введены во второй половине 1940-х гг. в угольной промышленности, металлургии (черной, цветной), строительстве (предприятий тяжелой индустрии и угольных шахт) (см. прил. 1.7). Одним из шагов в направлении расширения социальных гарантий, предоставляемых рабочим, стало восстановление системы коллективных договоров. Постановлением Совета Министров СССР № 226 от 4 февраля 1947 г. была восстановлена практика заключения коллективного договора между администрацией и фабрично-заводскими комитетами профсоюзов³. В коллективном договоре определялись взаимные обязанности сторон по выполнению и перевыполнению производственных планов, организации охраны труда, материально-бытовому и культурному обслуживанию сотрудников, правила принятия на работу и увольнения, правила пользования квартирами, столовыми, спецодеждой, условия обучения. Подписание договора происходило на торжественных собраниях. Для обеспечения явки рабочих на данные собрания им обещали продать дефицитные товары (муку, крупу и пр.)⁴. На собраниях рабочие могли высказываться, говорить о недостатках в организации труда и мате-

---

¹ Там же. Д. 316. Л. 105–109.

² Там же. Д. 332. Л. 134–137.

³ Там же. Д. 291. Л. 79–82.

⁴ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить ... С. 75–76.

риального обеспечения на предприятиях. Но, как правило, такие выступления не вели к изменению ситуации. Фактически, при действующий в послевоенный период законодательных нормах (лишающих рабочих права свободной смены места работы), коллективный договор являлся декоративной конструкцией, создающей иллюзию соблюдения норм охраны труда и защиты прав рабочих.

Также важно подчеркнуть, что меры, направленные на закрепление кадров путем улучшения условий труда и качества жизни рабочих, в ряде случаев носили декларативный характер. Обещанные рабочим льготы не всегда выполнялись предприятиями, что нередко являлось причиной жалоб граждан в вышестоящие инстанции. В тексте жалобы рабочих Режевского Химлесхоза треста Свердловхимлес Главлесхима (Свердловская обл.), направленной в Совет Министров СССР (1948 г.) отмечены нарушения Постановления Совета Министров СССР № 2804 от 8 августа 1947 г.¹ Рабочие Режевского района (267 чел.), Невьянского района (70 чел.), Костоусовского и Антоновского районов (169 чел.), Рефтинского участка (90 чел.) «остались без сенокосных угодий, от сельхозналога, молоко и мясopоставок не освобождены, условия быта их очень тяжелые. ... Ввиду вышеизложенного обстоятельства рабочие не закрепляются на постоянный кадр, а уходят с работы»². Фиксируемая декларативность установленных льгот, была обусловлена недостатком средств у предприятий. Помимо этого, распределение ресурсов (сенокосов, жилья и пр.) в сложное послевоенное время являлось сферой многочисленных злоупотреблений руководства.

Таким образом, в рамках действующей в послевоенный период мобилизационной модели экономического регулирования для решения проблемы текучести кадров в отечественной индустрии применялись разные инструменты: трудовые мобилизации, методы правового контроля и принуждения; различные формы льготного обеспечения и материального стимулирования сотрудников.

Действовавшая в послевоенный период система трудовых резервов, позволила достичь определенных результатов в решении кадровой проблемы. В

---

¹ В Постановлении Совета Министров СССР № 2804 от 8 августа 1947 г «О механизации лесозаготовок, освоении новых лесных районов и создании необходимых условий для закрепления рабочих и инженерно-технических кадров министерства лесной промышленности СССР» устанавливались льготы для рабочих лесной промышленности: сенокосные угодья от 1 до 2 га. на одну семью, полное освобождение от сельхозналога и в половинном размере от поставок молока и мяса государству. (См. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 308. Л. 47–52.)

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5848. Л. 207.

течение 1946–1950 гг. около 3,4 млн. чел. приобрели рабочие специальности в учебных заведениях данной системы, 5,5 млн. чел. были привлечены в промышленность через систему оргнабора. На протяжении периода конца 1940-х–середины 1950-х гг. в решении кадровых проблем отечественной индустрии фиксируется постепенный отказ от мобилизационных методов регулирования, а также снижение роли системы трудовых резервов, действие которой было построено на принципах трудовой мобилизации граждан. В качестве отправной точки ослабления мобилизационных механизмов можно обозначить 1948–1949 гг., когда были сокращены выплаты работникам, набираемым по оргнабору, начали снижаться планы оргнабора, сокращаться количество специальностей, учреждений и учащихся системы трудовых резервов. Усиление данных тенденций продолжалось в первой половине 1950-х гг. вплоть до середины десятилетия, когда значение оргнабора как источника пополнения кадров отечественной индустрии было минимизировано, отменена мобилизация молодежи в учебные заведения системы трудовых резервов. Снижения роли системы трудовых резервов в решении кадровых вопросов было обусловлено уменьшением остроты проблем дефицита рабочих рук в отечественной индустрии, существованием альтернативных источников пополнения кадров, наличием существенных недостатков системы трудовых резервов, а также общими экономическими и политическими трансформациями в стране, которые способствовали отказу от мобилизационных методов социально-экономического регулирования.

В соответствии с принципом главного звена (определяющим приоритетные сегменты индустрии, развитие которых отвечало задачам мобилизационной экономической модели), варьировалась и интенсивность применяемых властями методов решения проблемы текучести кадров. Трудовое дезертирство работников оборонной промышленности и железнодорожного транспорта (составляющих главное звено советской индустрии), влекло за собой более суровые уголовные санкции, чем самовольный уход рабочих с предприятий, не входящих в эту категорию (легкой, пищевой, лесной промышленности и пр.). С другой стороны, наибольшие выплаты и льготы, направленные на «закрепление кадров», также фиксировались на предприятиях приоритетных отраслей индустрии. Реализация

принципа главного звена фиксировалась не в разрезе – работникам приоритетных отраслей – льготы, а работникам всех остальных предприятий – ужесточение санкций, а проявлялась в более высокой интенсивности применения на предприятиях приоритетных отраслей индустрии как позитивных (льготы), так и негативных (санкции) форм закрепления кадров.

Оценивая эффективность предпринятых мер по закреплению кадров, можно отметить, что уже к концу 1940-х–началу 1950-х гг. проблема нехватки рабочих рук в промышленности была решена¹, в том числе благодаря снижению темпов текучести рабочей силы и закреплению рабочих на предприятиях. Преодоление в конце 1940-х – начале 1950-х гг. кадрового дефицита (в ряде отраслей индустрии) способствовало снижению интенсивности применения мобилизационных методов решения кадровой проблемы: в мае 1948 г. было отменено военное положения на железнодорожном, речном и морском транспорте, смягчены формы ответственности за самовольный уход работников с оборонных предприятий. (В то же время, фиксируемое в конце 1940-х гг. смягчение санкций было относительным – сохранялось действие законодательных норм, запрещавших самовольный уход работников с предприятий).

По мнению А.К. Соколова, постепенный отказ от административных методов регулирования кадровых проблем был связан с «кризисом принуждения», черты которого обнаруживались в конце сталинского правления «на всех участках производственной и общественной жизни».² На наш взгляд, применительно к послевоенному периоду можно говорить о постепенном ослаблении мобилизационных методов решения кадровых проблем, связанным с достижением поставленной задачи – преодолением проблемы дефицита рабочих рук (в ряде отраслей индустрии). Вследствие чего сохранение мобилизационной системы (трудовой мобилизации и правового контроля населения) в полном объеме было не оправдано и экономически нецелесообразно (с учетом недостатков, ей присущих).

Несмотря на некоторое ослабление интенсивности, мобилизационные методы регулирования проблемы текучести кадров в промышленности сохраняют-

---

¹ Фильцер Д. Указ. соч. С. 39; Хлусов М.И. Указ. соч. С. 102.

² Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности ... С. 97.

ся вплоть до середины 1950-х гг. когда были полностью отменены законодательные нормы, квалифицирующие самовольное увольнение работников как уголовное преступление, а также в значительной степени ослаблено действие принципа главного звена, дифференцирующего льготы работников предприятий различных отраслей.

2.1.2. Кадровые проблемы на предприятиях непроизводственных отраслей.

В послевоенные годы проблема нехватки кадров наблюдалась на городских предприятиях и в учреждениях, не связанных с промышленным производством. Отмечалась нехватка учителей, врачей, работников торговли и пр. В 1946 г. 29% торгово-складских и общепитовских работников Ленинграда имели стаж в торговле до одного года, а 28,3% от года до четырех лет¹. В торговой сети других городов РСФСР уровень обеспеченности кадрами был еще ниже. Фиксировалась нехватка врачей. В Тюменской области на 1 января 1947 г. число врачей равнялось 371, а согласно штатному расписанию требовалось 839 врачей. Штаты были укомплектованы на 44%². Довольно остро стояла кадровая проблема в системе ОВД. Некомплект сотрудников милиции в 1946 г. составлял от 5 до 50%, а в некоторых регионах достигал 70% (Калининградская обл.)³. Оперативные службы не были укомплектованы на 12,2%, железнодорожная и водная милиция на 16,9 %, а ведомственная милиция на 20,7%.⁴ Фиксировалась нехватка судей⁵.

Как и на промышленных предприятиях нехватка сотрудников городских учреждений усугублялась высоким уровнем текучести кадров. Текучесть вра-

---

¹ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011. С. 104.

² Шорохова И.И. Кадровая политика Тюменского облздравотдела в послевоенные годы. // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. Тюмень, 2010. С. 180.

³ История советской милиции. В 2-х томах. Т.2. М., 1977. С. 126.

⁴ Кожевина М.А. Подготовка кадров милиции в первое послевоенное пятилетие // Омский научный вестник. 2004. №2 (27). С. 37.

⁵ Из доклада министра юстиции СССР Н.М. Рычкова на совещании актива работников юстиции 20 декабря 1946 г. «Постановление ЦК ВКП(б) о расширении и улучшении юридического образования в стране и задачи органов юстиции» // Социалистическая законность. 1947. № 2. С. 4.

чей в отдельных регионах превышала 40%¹. Ежегодно из милиции увольнялось до 29% сотрудников, более 50% по собственному желанию². Значительная текучесть кадров фиксировалась среди народных судей с высшим юридическим образованием. В упоминаемом выше докладе министра юстиции СССР Н.М. Рычкова, отмечалось: «В первом квартале 1946 года убыло народных судей с высшим юридическим образованием 27 человек, во втором квартале – 22 человека и в третьем квартале – 42 человека, а всего за три квартала – 91 человек ... Убыли специалистов со средним юридическим образованием, работающих в судебных органах, Министерство юстиции СССР даже не учитывает»³.

На горожан, трудящихся на предприятиях непромышленных отраслей, также распространялось действие указа от 26 июня 1940 г., запрещающего самовольный уход работников с предприятий, а также предполагающего санкции за прогулы и опоздания. Обращение к данному указу на практике не носило системный характер, и во многом зависело от решения руководителя предприятия. В Пятой типографии треста «Полиграфкнига ОГИЗа» при Совете Министров СССР (г. Свердловск) количество приказов директора, о передаче в суд дел на работников-прогульщиков в 1946 г. характеризовалось следующими показателями: март – 4 чел, июнь – 7 чел, сентябрь – 8, декабрь – 4⁴ (как правило, формулировка, обосновывающая данные приказы была идентична: «не выходил(а) на работу и оправдательных документов не предоставил(а)»⁵). В отличие от прогульщиков, санкции, применяемые к опоздавшим были более дифференцированы, а их выбор зависел от субъективного мнения директора. Так, например, в марте 1946 г. директор Пятой типографии Ляльков подписал приказ о передаче дела в суд на сотрудника, опоздавшего на работу на 30 мин. (1 чел.), а также сделал строгий выговор, двум работникам, опоздавшим на 15–20 мин.⁶ В июне 1946 г. директор этой же типографии Симхович подписал два приказа о передаче дел в суд на опоздавших – ученицу, задержавшуюся на 30 мин. и рабо-

---

¹ Шорохова И.И. Указ соч. С. 180

² Кожевина М.А. Милицейское образование в советской России: организация и правовое регулирование (1918-1991 гг.). Автореферат дисс. ... д-ра юридич. наук. М. 2005. С 15.

³ Из доклада министра юстиции СССР Н.М. Рычкова ... // Социалистическая законность. 1947. № 2. С. 4.

⁴ Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–27, 76–103, 152–181, 250–282.

⁵ ЦДООСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 255, 277.

чего, пришедшего на работу на час позже, семь сотрудников предприятия, опоздавшие на работу на 20–50 мин. получили выговор, а одному рабочему, задержавшемуся на 18 мин., было поставлено на вид¹.

Причины ухода работников с предприятий были различны, но одной из важнейших являлся неудовлетворительный уровень их материально-бытовых условий. Нехватка у предприятий и учреждений жилищного фонда вынуждала сотрудников жить на работе (в кабинетах, классах, палатах роддома и пр.²) или ютиться в бараках, подвалах и землянках. Жилищная проблема являлась основной темой жалоб горожан в вышестоящие инстанции, а также главной причиной самовольных уходов горожан с работы.

В соответствии с принципом главного звена, действующим в рамках мобилизационной модели, развитие таких отраслей как: торговля, медицина, образование и пр., являлось второстепенным по отношению к магистральной задаче индустриального восстановления страны. Подтверждением означенного тезиса являются практики перевода служащих на предприятия более приоритетных для государства промышленных отраслей. Так из работников торговли и общепита Ленинграда были отобраны физически здоровые люди и независимо от квалификации переданы в строительные организации (392 чел.), на лесоторфозаготовки (1845 чел.) и прочие предприятия (1367 чел.).³

Предприятия непромышленных отраслей городской инфраструктуры, не имея таких источников пополнения кадров, как оргнабор и система трудовых резервов (посредством которых решались кадровые проблемы промышленности), не могли решить проблему нехватки рабочих рук путем регулярных трудовых мобилизаций населения. Поэтому задача заполнения кадровых вакансий нередко решалась в ущерб квалификации сотрудников. В качестве педагогов в училища и школы трудоустраивались люди, не имеющие соответствующего образования⁴. В милицию привлекались бывшие военнослужащие на добровольных началах и посредством комсомольских и партийных мобилизаций. С 1946 по 1951 г. ряды милиции пополнились за счет мобилизации более чем на

---

¹ Там же. Л. 154–169.

² Шорохова И.И. Указ соч. С. 182; ЦДОСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 75. Л. 277.

³ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР ... С. 104.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Д. 341. Л. 91–92.

15 тысяч человек¹. В большинстве своем мобилизованные имели лишь опыт военной службы и не обладали специальными знаниями, а порой профессиональными навыками. В докладе министра юстиции СССР Н.М. Рычкова на совещании актива работников юстиции в декабре 1946 г. были отмечены факты, что вследствие дефицита кадров «судьями рекомендовались лица, в возрасте 19–20 лет, не имеющие жизненного опыта, образования, необходимого культурного уровня и часто политически неподготовленные»².

С целью решения кадровых проблем городской инфраструктуры в послевоенные годы были восстановлены учебные заведения, готовящие специалистов различных отраслей. 5 октября 1946 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране», простимулировавшее развитие системы высшего и среднего юридического образования, введение курсов повышения квалификации работников юстиции и прокуратуры³. Контингент студентов, зачисляемых на первые курсы юридических факультетов университетов, был увеличен до 2500 человек, юридических институтов – до 3500 человек (в три раза выше, чем в 1946 г.). В РСФСР дополнительно открывались юридические факультеты в Ростовском и Томском университетах, прием аспирантов увеличивался до 200 человек в год⁴. Были открыты высшие курсы усовершенствования юристов с годичным сроком обучения и девятимесячные курсы для повышения квалификации судей, прокуроров и следователей в ряде городов РСФСР (Москва, Ленинград, Свердловск). В 1947–1948 гг. на девятимесячных курсах в Москве и Ленинграде прошли подготовку 142 работника Прокуратуры РСФСР⁵. В 1947 г. в РСФСР насчитывалось 19 лицейских учебных заведений, в которых обучалось 3109 человек⁶. В 1946 г. в стране насчитывалось 316 педагогических и учительских институтов и около

---

¹ Советская милиция: история и современность, 1917–1987 гг. М., 1987. С. 191.

² Там же.

³ Выше качество юридического образования // Социалистическая законность 1949. № 9. С. 1; О расширении и улучшении юридического образования в стране // Социалистическая законность. 1946. N 11–12. С. 13.

⁴ Кодинцев А.Я. Юридическое образование в СССР в послевоенный период. Управление. Часть 1. // Юридическое образование и наука. 2008, N 2. С. 35.

⁵ Саулевич Э. Больше внимания девятимесячным курсам переподготовки юристов // Социалистическая законность. 1949. № 4. С. 51–52.

⁶ Кожевина М.А. Подготовка кадров милиции ... С. 39.

700 педагогических училищ¹. Увеличилось число студентов в учреждениях, готовящих медицинских работников².

Уровень текучести студентов был стабильно высоким и мог достигать 30–40%. Главными причинами прекращения учебы были: неуспеваемость, семейные обстоятельства, материальные трудности, неудовлетворительные жилищные условия, болезнь. Стесненные материальные условия не позволяли многим горожанам не работая получать образование. Выходом из данной ситуации было введение заочных форм обучения. В декабре 1945 г. ВКВШ и НКП РСФСР издали приказ «О заочном обучении учителей»³, в мае 1947 г. было положено начало заочного обучения милиционеров⁴. Приказ № 34 «О мероприятиях по улучшению среднего заочного юридического образования» был принят МЮ СССР 26 ноября 1947 г.»⁵. Получение образования без отрыва от производства отвечало интересам городского населения и соответствовало задачам мобилизационной экономики, ориентированной на получение результатов в сжатые сроки. Заочная и вечерняя формы обучения распространяются и в сфере культуры и искусства. Так, например, в Постановлении Совета Министров № 2708 от 21 июля 1948 г. «Об улучшении подготовки музыкальных и вокальных кадров» утверждалось требование: «открыть в 1948 году при Московской, Ленинградской, Киевской, Свердловской и Саратовской государственных консерваториях и Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных вечерние отделения вокальных факультетов (без отрыва от производства) с контингентом приёма на 1948 – 1949 учебный год – 30 человек на каждое отделение»⁶.

Для увеличения количества и улучшения подготовки научных и научно-педагогических кадров через аспирантуру Постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1948 г. № 1709 Министерству высшего образования СССР и Министерством просвещения союзных республик было разрешено прикоман-

---

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1941-1961. М., 1988. С. 106.

² Дементьева Е.В., Макарова В.В., Шубин Л.Л. Из истории Ижевского государственного медицинского института в 1945 – 1946 гг. // Синергия наук. 2017. № 11. С. 719–725.

³ Народное образование в СССР. ... С. 437-438.

⁴ Кожевина М.А. Подготовка кадров милиции ... С. 39.

⁵ Кодинцев А.Я. Юридическое образование в СССР ... С. 36.

⁶ ГА РФ. Ф. Р 5446. Оп. 1. Д. 340. Л. 3–11.

дировывать преподавателей вузов и учителей, работающих над диссертациями, к вузам и научно-исследовательским учреждениям для выполнения кандидатских диссертаций на срок до одного года. Означенным категориям аспирантов не выплачивалась стипендия, но на протяжении всего срока обучения на работе им выплачивались оклады по занимаемым должностям, а также направляющей стороной оплачивался проезд от места работы до высшего учебного заведения или научно-исследовательского учреждения¹. Данным постановлением устанавливались требования: расширить контингент аспирантов из числа студентов выпускников и предоставлять им на время приемных экзаменов месячный отпуск с сохранением заработной платы по месту работы, а зачисленных в аспирантуру освобождать от работы к началу учебных занятий².

В отношении работников непромышленных отраслей экономики также действовали определенные льготы, направленные на «закрепление» кадров и призванные повысить престиж профессий. Так, например, учителя средних школ имели льготу по оплате коммунальных услуг. 12 февраля 1948 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «О награждении учителей орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу»³. Хотя данные льготы были сравнительно меньше льгот, предоставляемых работникам индустрии.

Принцип главного звена, характерный для мобилизационной модели экономики, проявлялся не только в отношении работников промышленности, но и реализовывался в кадровой политике в других отраслях (хотя здесь его действие было не столь выраженным). Индустриальная ориентацией экономики проецировалась на сферу науки и высшего образования, способствуя созданию системы льгот для научных сотрудников и педагогов, чья деятельность была связана с приоритетными сферами советской промышленности (подробнее доходы и льготы данной категории граждан рассмотрены в главе 4). Разработки, связанные с индустриальной проблематикой были приоритетными и в сфере научной деятельности. Так, например, в тексте постановления Совета Министров СССР от 29 апреля 1947 г. № 1356 «О плане научно-исследовательских ра-

---

¹ Там же. Д. 335. Л. 39–41.

² Там же. Л. 41.

³ Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/img/logotop2.jpg (дата обращения: 15.12. 2018).

бот Академии наук СССР на 1946–1950 гг.» основное внимание уделяется планам научных работ, «способствующим развитию народного хозяйства СССР и дальнейшему прогрессу советской науки и техники», в ряду которых были отмечены такие разработки, как: состав, свойства и технология нефтей и нефтепродуктов; теория автоматических и телемеханических устройств и их элементов; повышение качества концентратов и повышение извлечения металлов в процессах обогащения руд; научные основы энерговооружения различных отраслей народного хозяйства; подземная радиосвязь при добыче полезных ископаемых; ультразвуковая дефектоскопия для исследования качества металла в слитках и изделиях и пр. Немногочисленные гуманитарные разработки также были связаны с промышленностью: социалистическая индустриализация СССР; восстановление и дальнейшее развитие промышленности в СССР в послевоенный период и т.п.¹ В отношении сотрудников непромышленных отраслей также действовали законы, запрещающие свободное увольнение и переход на другие предприятия (указы от 26 июня и 19 октября 1940 г.), но в сравнении с индустриальными предприятиями, жесткость санкций, применяемых в отношении нарушителей трудовой дисциплины, была несколько ниже. Так, например на работников непромышленных предприятий городской инфраструктуры не распространялось действие указов от 28 декабря 1940 г., 26 декабря 1941 г., а также статьи ст. 59.3 (в, г) УК РСФСР. В целом, в отношении работников непромышленных отраслей применялись как менее суровые санкции, так и менее существенные льготы, направленные на их «закрепление» на предприятиях.

2.1.3. Штаты предприятий и учреждений: практики регулирования

В послевоенный период были предприняты мероприятия, направленные на корректирование штатов административно-управленческого персонала предприятий и учреждений.

13 августа 1946 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 1751 «О запрещении расширения штатов административно-управленческого аппара-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р 5446. Оп. 1. Д. 300. Л. 384–385.

та советских, государственных, хозяйственных, кооперативных и общественных организаций», в соответствии с которым аннулировалось несколько сот тысяч вакантных должностей. Организациям запрещалось расширять штаты, а министерствам и ведомствам производить какие-либо реорганизации управленческого и хозяйственного аппарата, создавать новые организации и учреждения, изменять должностные оклады. За содержание административно-управленческого аппарата сверх утверждённых штатов виновные подлежали привлечению к судебной ответственности¹. Принятие данного постановления инициировало серию проверок, проведенных Министерством государственного контроля СССР, направленных на выявление нарушений в соблюдении штатной дисциплины на предприятиях и в министерствах. По результатам проверки были вскрыты означенные нарушения в ряде министерств. Так, например в 1946 г. «Управлением делами Министерства лёгкой промышленности СССР был издан подложный приказ, в котором произведено фиктивное перемещение работников с одной должности на другую и таким путём заполнено 27 вакантных должностей, подлежащих аннулированию»². В Министерстве легкой промышленности вопреки постановлению Совета Министров от 13 августа 1946 г. было создано новое СМУ, а в Министерстве текстильной промышленности на должности мастеров производства были «зачислены лица, не имеющие никакого отношения к производству» (ими оказались 94 физкультурника)³. В целом в соответствии с постановлением № 1751 была аннулирована 41 тыс. штатных должностей в учреждениях, финансируемых из государственного бюджета РСФСР⁴.

В 1947 г. была принята серия постановлений правительства о структуре и штатах центрального аппарата министерств (Постановления Совета Министров СССР от 1 апреля 1947 г. №№ 790, 804, 806, 835, 837; от 7 апреля 1947 г. №№ 885, 897, 903; от 14 апреля 1947 г. № 965, 970, 988; от 23 апреля 1947 г. №№ 1271, 1273, 1275; от 25 апреля 1947 г. №№ 1296, 1300, 1304, 1313, 1315; от 2 августа 1947 г. № 2758; от 9 августа 1947 г. №№ 2816, 2838; от 22 августа № 2967;

---

¹ Там же. Д. 282. Л. 180.

² Там же. Д. 287. Л. 35–36.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Расходы на управление // Восточно-Сибирская правда. 1947. 24 июня. С. 2.

от 9 сентября 1947 г. №№ 3163, 3172; от 17 сентября 1947 г. № 3252 и пр.¹). Согласно принятым постановлениям число сотрудников министерств должно было сократиться на 11,4–18,8% (см. прил. 1.8). В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 2 августа 1947 г. № 2758 «О сокращении штатов учреждений, организаций и предприятий республиканского и местного подчинения РСФСР» сокращение штатов составило в среднем 10,4% (по отдельным организациям РСФСР сокращение достигло 27%).² После предпринятого сокращения численности руководящих работников и специалистов, в ноябре 1947 г. ЦСУ Госплана СССР провело их единовременный учет (на проведение которого было выделено 500 тыс. руб.).³ По мнению В.П. Дьяченко, предпринятое сокращение штатов руководящих работников большинства отраслей народного хозяйства, дало экономию в расходах на управление, а также способствовало обеспечению рабочей силой отечественной индустрии.⁴ Хотя, на наш взгляд, выводы В.П. Дьяченко о последствиях данного сокращения не учитывают реальный проводимого мероприятия. Так, например, через месяц после принятия вышеозначенного Постановления № 2758 Советом Министров СССР было принято Постановление от 9 сентября 1947 г. № 3172 «О сокращении штатов центральных учреждений РСФСР» в котором был обозначен объем проводимого сокращения административно-управленческого персонала центральных учреждений – 8,8% (гораздо ниже, чем в среднем по министерствам республиканского подчинения). Помимо этого в тексте утверждалось требование: «За работниками центральных учреждений РСФСР, перешедшими на нижеоплачиваемые должности в том же учреждении в связи с изменением его структуры, сохранить их прежние должностные оклады на время работы в новой должности»⁵. Принятие означенного решения не позволяет согласиться с утверждением В.П. Дьяченко, что руководящие работники предприятий и министерств

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 295. Л. 150, 158–159, 161, 186, 190; Д. 296. Л. 92–93, 103–104, 134–135; Д. 297. Л. 65–67, 73–75, 135–136; Д. 300. Л. 206, 211–212, 231–232, 250–251, 262–263, 271–272, 280–281, 293–294; Д. 307. Л. 252–253; Д. 308. Л. 57–59, 95–97, Д. 309. Л. 68–69, Д. 310. Л. 275–276, 291–292; Д. 311. Л. 274–275.

² Там же. Д. 307. Л. 335–336.

³ Постановление Совета Министров СССР № 2974 от 22 августа 1947 г. «О проведении единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 309. Л. 151–152.

⁴ Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917 – 1950 гг.). М., 1978. С. 429.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 310. Л. 294–295.

стали главным объектом проводимой государством «экономии», а также источником пополнения рядов рабочих индустрии.

Проводимые в послевоенный период правительственные мероприятия, направленные на корректировку штатов сотрудников, коснулись не только руководящих работников министерств, но и служащих предприятий и учреждений, а также работников системы образования, здравоохранения, работников юридической сферы. В 1946–1947 гг. были приняты постановления правительства, утверждавшие типовые штаты на предприятиях и организациях различных отраслей отечественной индустрии (контор, баз, трестов, складов и пр.), не связанных напрямую с промышленным производством (Постановления Совета Министров СССР от 5 декабря 1946 г. № 2621; от 7 апреля 1947 №№ 882, 906, 918; от 25 апреля 1947 г. № 1329; от 28 августа 1947 г. № 3046; от 22 сентября 1947 г. № 3329 и пр.¹). Определялись нормы численности административного персонала и сотрудников для учреждений различных сфер и направлений деятельности: горисполкомов, сберегательных касс, санаториев, общежитий, колхозных рынков, малярных станций, станций скорой помощи, больниц, поликлиник, родильных домов, бань, прачечных, кинотеатров, народных судов, аптек, техникумов, ремесленных училищ, начальных, средних и семилетних школ и пр. (Постановления Совета Министров СССР от 1 апреля 1947 г. № 793, 797; от 7 апреля 1947 г. № 910; от 14 апреля 1947 г. №№ 969, 991, 992; от 25 апреля №№ 1319, 1322, 1323, 1324, 1326; от 29 апреля 1947 г. №№ 1365, 1372; от 21 мая 1947 г. № 1630; 2 августа № 2754; от 9 августа № 2822; от 17 сентября №№ 3244, 3279; от 29 сентября № 3423, 3424² и пр.). Численность сотрудников учреждений и предприятий определялось количеством обслуживаемого контингента, объемом выручки и прочими количественными показателями их работы. Так, например, аптеки были поделены на пять групп, в зависимости от количества рецептов в год (от 15 до 350 тыс.) и годового оборота в рублях. В зависимости от объемов данных показателей устанавливалось наличие должностей в

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 301; Д. 296. Л. 156–157, 295–296, 312–314; Д. 300. Л. 346–347; Д. 310. Л. 31–33; Д. 312. Л. 271–273.

² Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 295. Л. 204, 221; Д. 296. Л. 176–178; Д. 297. Л. 71–72, 139–148; Д. 300. Л. 298–302, 318–319, 336–338, 339–340, 342–343; Д. 301. Л. 12–13, 37–39; Д. 302. Л. 27–31; Д. 307. Л. 248–249; Д. 308. Л. 64–67; Д. 311. Л. 220–227, Д. 312. Л. 39–44; Д. 313. Л. 69–71, 72–75.

штате (управляющий, кассир, бухгалтер и пр.), а также, количество сотрудников (от 1 до 9 человек)¹. Станции скорой помощи делились на четыре группы (по количеству выездов в год). Групповая принадлежность определяла количество ставок персонала и единиц предоставляемого автомобильного или гужевого транспорта². На практике проводимая на местах политика сокращения штатов реализовывалась за счет объединения подразделений, сокращения совместителей и работников медпунктов. Так, например, на заводе «Сталькан» министерства местной промышленности РСФСР в рамках сокращения штатов были объединены электромонтажный и механический цеха, штамповочный и полировочный – освобождены от работы два мастера и слесарь. По группе служащих из бухгалтерии высвобождено два человека (бухгалтер и счетовод), ликвидирована портновская (один человек), уволен работник медпункта (один человек)³. В издательстве газеты «Уральский рабочий» (г. Свердловск) в связи с сокращением административно-управленческого аппарата были уволены: заведующий буфетом, уборщица медпункта, заведующий медпунктом, консультант медпункта, бухгалтер – итого восемь человек, трое из них – совместители⁴.

Важно отметить, что проводимая в 1947 г. корректировка типовых штатов предприятий и организаций не всегда обозначала сокращение количества сотрудников. В постановлении правительства, утверждающем штаты сберегательных касс, отмечалось требование: «установить ... дополнительную численность к типовому штату ... сберегательных касс: заместителей заведующих центральными сберегательными кассами – 50, инспекторов – 1051, старших бухгалтеров – 610, бухгалтеров – 1668, старших контролёров – 1100, контролёров – 1520, кассиров – 1055, заведующих кладовыми ценностями – 195, секретарей-машинисток – 205, заведующих операционными частями – 300 и конюхов – 300»⁵. (Также были расширены штаты сотрудников городских, районных и

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 797 от 1 апреля 1947 г. «О типовых штатах аптек» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 295. Л. 144.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 297. Л. 238.

³ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 309. Л. 87, 88.

⁴ Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 76. Л. 20.

⁵ Постановление Совета Министров СССР № 1319 от 25 апреля 1947 г. «О типовых штатах центральных (районных) первого и второго разряда сберегательных касс» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 300. Л. 270–271.

уездных инспектур ЦСУ СССР, увеличена численность агентов, статистиков и контролеров Министерства заготовок и пр.¹).

Форсированная реализация в послевоенном СССР атомного проекта способствовала расширению штатов Первого главного управления при Совете Министров СССР. Изначально в 1945 г. в его состав вошли три отдела, восемь управлений и секретариат, а общий штат отдела составил 415 человек². К весне 1946 г. штат вырос до 762 человек³, а весной 1947 г. утвержденный штат составил 864 человека⁴. Сокращение штатов косвенно затронуло и Первое главное управление при Совете Министров СССР. В мае 1947 г. утвержденный штат был сокращен на 10% – с 864 до 778 человек (за счет сотрудников: Секретариата – 6 чел., Научно-технического совета – 21 чел., Главной бухгалтерии – 2 чел., Отдела рабочего снабжения – 6 чел. и т.п.). Но так как фактическое количество работающих сотрудников составляло 684 человека, сокращение штатов не привело к увольнению работников данного управления⁵.

В 1948 г. происходит усиление тенденции экономии ресурсов, которая проявилась и в решении кадровой проблемы. В 1948 г. было проведено более существенное сокращение сотрудников предприятий различных министерств и ведомств. Советом Министров СССР была принята серия постановлений, направленных на сокращение административно-управленческого и подсобного персонала предприятий и учреждений (постановления от 26 мая № 1761, 1774, 1776, 1781; 14 июля 1948 г. № 2583; от 10 августа 1948 г. №№ 3026, 3027; от 14 сентября 1948 г. № 3436⁶ и пр.). Количество сокращаемых сотрудников по предприятиям и учреждениям различных министерств варьировалось от 2000 до 12 000 чел. (см. прил. 1.8). Наиболее существенными были сокращения ад-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 1365 от 29 апреля 1947 г. «О типовом штатном расписании районного управления уполномоченного Министерства заготовок» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 300. Л. 398–400; Постановление Совета Министров СССР № 2759 от 2 августа 1947 г. «О типовых штатах городских, районных и уездных инспектур Центрального статистического управления Госплана СССР» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 307. Л. 343–347.

² Щегельский А.В., Пичугин В.В. От Великой Победы – к образованию Минсредмаша // Атом-пресса. 1995. № 15.

³ Полуниин В.В. Становление Центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945 – 1953 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 215.

⁴ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 3. С. 656–658.

⁵ Там же. С. 658.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 335. Л. 115, 168, 169, 175; Д. 339. Л. 57–58; Д. 342. Л. 121–129; Д. 345. Л. 254–255.

министративно-управленческого и подсобного персонала на предприятиях Центросоюза – 12000 чел.¹ Важно отметить, что в текстах постановлений о сокращении штатов, принятых в 1948 г., оговаривалось, что сокращение не должно касаться сотрудников охраны предприятия и учреждений. Данные сокращения, реализуемые в рамках общей тенденции *экономии*, проводимой правительством в 1948 г., отличались от предшествующих мероприятий по коррективке штатов. Во-первых, они были более масштабны в плане количества сокращаемых сотрудников, во-вторых, объектом сокращений выступали не руководящие работники, а административный персонал в целом (в состав которого входили также счетоводы, экономисты, статистики, техники, лаборанты, машинистки, курьеры, проектировщики, сметчики и пр.). Еще одним объектом сокращений являлись сотрудники, выполняющие подсобные работы (кубогревы, истопники, дворники, прачки, уборщики, шоферы и пр.). В-третьих, если за сотрудниками, занимающими руководящие посты, при переводе на нижеоплачиваемые должности, сохранялись должностные оклады, то сокращение административного и подсобного персонала предприятий и учреждений, проводимое в 1948 г., не предполагало каких-либо форм сохранения за гражданами оплаты труда по предшествующему месту работы.

Тенденция сокращения административного и подсобного персонала, предпринятые в 1948 г., не коснулась предприятий и учреждений, работающих над стратегически важными для государства проектами. Скорее наоборот, утвержденные штаты расширялись. Так, например, с целью организации и контроля подготовки специалистов для Первого главного управления при Совете Министров СССР штаты центрального аппарата Министерства высшего образования СССР были в декабре 1948 г. расширены на 9 единиц (сверх установленного штата министерства)². В январе 1949 г. в правительственных постановлениях вновь звучало требование «утвердить дополнительные штаты специальных факультетов и отделений сверх общего контингента штатов административно-технического персонала Министерства высшего образования СССР»³).

---

¹ Там же. Д. 345. Л. 254.

² Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 4. С. 212.

³ Там же. С. 243.

Также в 1949 г. численность штатов сотрудников Первого главного управления при Совете Министров СССР была увеличена за счет создания своего пенсионного отдела (3 чел.), отдела учебных заведений (10 чел.) и т.п.¹ В октябре 1949 г. утвержденная штатная численность центрального аппарата Первого главного управления составляла уже 975 человек, при общей численности работавших в отрасли 78 491². В декабре 1949 г. было образовано Второе главное управление при Совете Министров СССР, курировавшее добычу и переработку урановых руд³, что привело к дальнейшему расширению штатов.

В целом, в кадровой политике послевоенного периода курс на экономию государственных средств (более ярко проявившийся в 1948 г.), был реализован за счет уменьшения численности административного и подсобного персонала и, в меньшей степени, за счет сокращения руководящих должностей. Сокращение штатов предприятий и учреждений за счет контингента подсобных работников и административного персонала, преследовало не только цель снижения расходов на содержание данных категорий сотрудников, но и способствовало решению кадровой проблемы в промышленности, где еще сохранялась нехватка рабочих рук. О существовании означенного источника пополнения рядов промышленного пролетариата свидетельствуют отчеты министерств о работе с кадрами. Так, например, в отчете заместителя министра строительного и дорожного машиностроения А.М. Иванова, отмечено, что в 1948 г. за счет перевода граждан «из непроизводственных специальностей в рабочие», предприятия министерства пополнились на 3754 рабочих, занятых на производстве, а трудоустройство неработающего городского населения увеличило ряды работников производства – на 10 222 чел., строительства – на 1905 чел. (в то время, как выпускники ФЗО и РУ пополнили контингент работников производства истроек министерства всего на 5 366 чел.)⁴.

Таким образом, восстановление индустрии, направленное на решение задачи наращивания военно-промышленной мощи страны (приоритетной для со-

---

¹ Там же. С. 377, 383, 396.

² Атомный проект СССР: Документы и материалы ... Т. 2. Книга 3. С. 509, 658; Полуин В.В. Указ. соч. С. 216.

³ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 4. С. 388–390.

⁴ РГАЭ. Ф. 8227. Оп. 1. Д. 1276. Л. 15.

ветской мобилизационной экономической модели послевоенного периода¹), в кадровой сфере предполагало увеличение количества промышленных рабочих не только посредством трудоустройства сельского населения (оргнабор и учебные заведения системы трудовых резервов), но и путем «перекачки» кадров из непромышленных отраслей экономики, сокращения штатов городских предприятий и учреждений. (В то же время, важно отметить, что сокращение штатов вообще не коснулось предприятий и учреждений стратегически важных для государства отраслей (атомный проект, новые виды вооружения и пр.)). Проблематику решения кадровых проблем на предприятиях непромышленных отраслей нельзя рассматривать автономно от вопросов преодоления кадрового дефицита в послевоенной индустрии. Механизмы регулирования кадровых проблем были идентичны (включая в себя как льготы, предоставляемые работникам, так и санкции за нарушение трудовой дисциплины), но интенсивность их применения в отношении работников индустрии и сотрудников непромышленных предприятий существенным образом различалась, свидетельствуя о реализации принципа главного звена – одного из главных инструментов социально-экономической политики послевоенного периода. Пополнение рядов пролетариата являлось приоритетным направлением социально-экономического регулирования, осуществляемого в рамках мобилизационной экономической модели. Решение данной задачи осуществлялось посредством оргнаборов, учебных заведений системы трудовых резервов, перевода сотрудников из непромышленных отраслей экономики, предоставления различных льгот работникам индустрии, введения жестких уголовных санкций за самовольный уход с предприятий и нарушение трудовой дисциплины. В свою очередь проблема дефицита кадров в непромышленных отраслях городской инфраструктуры не являлась объектом столь пристального и направленного государственного регулирования: не проводились трудовые мобилизации граждан в данные отрасли, льготы, предоставляемые работникам, были не столь существенны, санкции за нарушение трудовой дисциплины значительно мягче. Помимо этого непроиз-

---

¹ Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 48–114; Данилов А.В., Пыжиков А.А. Указ соч. С. 99–145; Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управления. М., 2015. С. 239–260.

водственный персонал предприятий и учреждений являлся объектом сокращения штатов и донором для пополнения рядов промышленного пролетариата.

Использование властями мобилизационных методов регулирования кадровых проблем на предприятиях непромышленных отраслей городской инфраструктуры отличалось не столь выраженной интенсивностью (в сравнении с индустриальными отраслями). Тем не менее, их действие сохранилось до середины 1950-х гг. 25 апреля 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были полностью отменены законодательные нормы, санкционирующие самовольный уход работников с предприятий.

2.2. Интенсификация труда горожан в контексте государственного регулирования

2.2.1. Категории «долг», «производительность труда» и «экономия» в политическом дискурсе

Достижение задач, решаемых в рамках мобилизационной экономической модели послевоенного периода, предполагало интенсификацию производства, реализуемую, в первую очередь, за счет повышения производительности труда населения. В пункте 10 основных задач «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946–1950 гг.» было отмечено требование: «Повысить производительность труда на основе полного использования восьмичасового рабочего дня, всесторонней механизации трудоёмких отраслей промышленности, дальнейшей электрификации народного хозяйства и интенсификации производственных процессов»¹. К концу четвертой пятилетки предусматривалось повысить производительность труда в сравнении с довоенным уровнем: в промышленности – на 36%, в строительстве – на 40%². Пути повышения производительности труда являлись: всесторонняя механизация трудоемких отраслей производства, дальнейшая электрификация народного хозяйства и интенсификация производственных процессов. Но главным источни-

---

¹ Хронологическое собрание законов ... Т. 5. 1946–1948. С. 26.

² Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР ... С. 35.

ком повышения производительности труда и послевоенного восстановления экономики в четвертой пятилетке являлся «масштабный трудовой подъем», который должен был быть реализован во всех отраслях народного хозяйства.

Повышения производительности труда являлось лейтмотивом директив власти по вопросам улучшения работы предприятий и организаций. В правительственных постановлениях утверждалось требование повышения производительности труда, исчисляемой в процентах по отношению к предшествующему году: «повысить в 1947 году производительность труда рабочих предприятий по производству строительных материалов по сравнению с 1946 годом на 20,6%»¹; «повысить в 1949 году производительность труда рабочих, занятых на строительстве предприятий тяжелой индустрии, на 12% против фактически достигнутой в 1948 году»². Критерием производительности труда являлось сравнение полученных результатов с довоенным уровнем: «в кратчайший срок добиться резкого подъёма производительности труда с тем, чтобы в 1949 году не только достигнуть, но и превзойти довоенный уровень производительности труда».³ Также требуемые показатели производительности труда граждан исчислялись в денежном эквиваленте: «довести выработку на одного строительно-монтажного рабочего до 26.000 руб. в год»⁴; либо в иных количественных единицах измерения: увеличить «производительность труда на предприятиях ... и среднюю выработку кирпича в год на одного рабочего с 55 тыс. штук в 1948 году до 67 тыс. штук в 1949 году»⁵. Интенсификация трудовой деятельности граждан являлась одной из важнейших задач, решаемой в рамках мобили-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 1327 от 25 апреля 1947 г. «О мерах по обеспечению выполнения плана производства кирпича, черепицы, извести и строительного гипса предприятиями промышленности строительных материалов союзных республик в 1947 году» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 300. Л. 321.

² Постановление Совета Министров СССР № 438 от 1 февраля 1949 г. «О мероприятиях по закреплению рабочих на стройках министерства строительства предприятий тяжелой индустрии и подготовке молодых рабочих строительных профессий в 1949 году» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 359. Л. 83.

³ Постановление Совета Министров СССР № 1138 от 5 апреля 1948 г. «О мерах по обеспечению выполнения плана производства кирпича предприятиями министерств и главных управлений промышленности строительных материалов союзных республик в 1948 году» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 330. Л. 187.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 438 от 1 февраля 1949 г. «О мероприятиях по закреплению рабочих на стройках министерства строительства предприятий тяжелой индустрии и подготовке молодых рабочих строительных профессий в 1949 году» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 359. Л. 85.

⁵ Постановление Совета Министров СССР № 207 от 20 января 1949 г. «О мероприятиях по выполнению плана производства кирпича в 1949 году и по дальнейшему развитию кирпичной промышленности министерств и главных управлений промышленности строительных материалов союзных республик» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 357. Л. 104.

зационной модели экономики в послевоенный период. Характерные для мобилизационной экономической модели принципы идеократизма (выдвижение национальной идеи, способной вдохновить людей на максимальную отдачу трудовых усилий) и сознательности (осознание населением жертв, необходимых для противодействия нависшей над системой угрозе)¹ реализовывались в сфере регулирования труда населения, с целью повышения его производительности и интенсивности.

Посредством обращения власти к специфическим лексическим формам, в сознании населения формировалась идея о необходимости максимальной активизации трудовой деятельности и выполнения задач, поставленных перед трудящимися, независимо от того, каких усилий потребует их достижение.

Еще в 1930-е – первой половине 1940-х гг. исключительной политической востребованностью отличалась ментально-ценностная категория «долг». «Военная» коннотация данной категории была отражена в ст. 133 Конституции СССР 1936 г. и ст. 137 Конституции РСФСР 1937 г.: «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина»², а также отличалась значительной востребованностью в политической риторике периода Великой Отечественной войны. В то же время понятие «долга», не теряя ярко выраженной нравственной окрашенности, переливается в иные сферы жизнедеятельности советского социума. В результате означенной дилатации термина в советском языковом пространстве формировались новые лингвистические штампы и устойчивые атрибутивные сочетания: «патриотический долг», «общественный долг», «классовый долг», «партийный долг», «комсомольский долг», «пионерский долг», «профсоюзный долг» и т.д.³ Лингвистическая экспансия понятия «долга», тем не менее, не приводит к облегчению его ценностной наполненности. Апелляция данной категории к моральным чувствам, совести и сознательной деятельности граждан сохраняется вне зависимости от употребляемого сочетания и контекста. Как замечает Н.А. Купина: «Морально-романтический орнамент облагора-

---

¹ Седов В.В. Указ. соч. С. 22–23.

² Конституция СССР ... // Известия. 1936. 6 декабря. С. 2; Конституция РСФСР ... // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2. С. 18.

³ Купина Н.А. Советский конформизм в зеркале языка // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 31; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Указ. соч. С. 170-171.

живает, а в отдельных случаях сакрализирует модальность долженствования», лексические сочетания с категорией «долга» «обладают тональностью высокого»¹. «Долг» являлся неотъемлемым этическим качеством советского человека, нормативно присущим всем категориям граждан, наличествующим во всех сферах и периодах их жизнедеятельности. В этой связи не лишённым логики видится замечание С.Г. Воркачева, по мнению которого идея долга была превращена советским государством в «разновидность первородного греха, от которого невозможно избавиться»². В категории «долг» были актуализированы деятельностные стратегии (формы которых зависели от контекста и специфики употребляемого императива), она являлась ключевой в риторике официального дискурса, аккумулируя в себе все более частные личностные характеристики советских граждан (сознательность, ответственность, дисциплину, самоотречение, бдительность и т.д.).

В послевоенный период категория «долга» сохраняет свою актуальность в политическом дискурсе. Обращение к данной категории звучит в текстах правительственных постановлений, касающихся частных вопросов организации трудовой деятельности населения. Так, например, в постановлении Совета Министров СССР № 1840 от 29 мая 1948 г. «Об упорядочении распределения и использования молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения» отмечено, что «руководители и общественные организации учебных заведений ещё недостаточно проводят работу по воспитанию у студентов чувства государственного долга, в результате чего некоторая часть молодых специалистов по окончании ими учебных заведений уклоняется от поездки на работу по путёвкам министерств»³.

В послевоенной правительственной риторике категория «долг» звучала как призыв населения к самоотверженному труду. В тексте «Обращения ЦК ВКП (б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР» (1946 г.) данному призыву предшествует ретроспективный анализ: «... партия большевиков призывала советских людей не покладая рук трудиться ... трудя-

---

¹ Купина Н.А. Советский конформизм в зеркале языка ... С. 31

² Воркачев С.Г. Указ. соч. С. 50

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 335. Л. 280.

щиеся не жалели сил и средств, чтобы укрепить оборону СССР..., советский народ своим упорным и самоотверженным трудом создал передовое социалистическое государство, ... в годы войны наш народ перенес большие лишения».¹ Далее констатируется уровень социально-экономического развития СССР в послевоенный период: «Последствия войны и разорение врагом многих районов нашей страны неизбежно сказываются и теперь. Условия жизни населения все еще остаются трудными».² Последующий текст документа актуализирует трудовую активность населения: «Немало сил предстоит затратить, чтобы советские люди могли жить лучше и обеспеченнее. ... Еще много труда и энергии *должен* затратить наш народ, чтобы залечить раны, нанесенные нашей стране фашистскими извергами. Перед советским народом стоит задача – полностью восстановить разрушенные врагом фабрики, заводы, электростанции, шахты, рудники ... восстановить и построить новые жилища, чтобы обеспечить кров для всех трудящихся, пострадавших от немецкой оккупации»³. Понятие «долга» сакрализуется, (формулируется как священная обязанность), и масштабируется – определяя субъектом «долженствования» весь советский «народ».

Актуализированное в политическом дискурсе послевоенного периода требование максимального напряжения всех общественных сил, выходящих за пределы человеческих возможностей, усиливается понятиями *самоотверженный, напряженный* и т.п. В тексте «Постановления ЦК ВКП (б) об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы» (27 марта 1946 г.) в качестве требования к содержанию проводимой пропагандистской работы отмечено: «Партийные организации должны систематически разъяснять трудящимся, что от их усилий от напряженного и самоотверженного труда каждого советского человека на своем посту в предстоящей пятилетке зависит успешное выполнение пятилетнего плана, дальнейшее укрепление могущества социалистического государства»⁴.

---

¹ Обращения ЦК ВКП (б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР. (2 февраля 1946 г.) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1986). Т. 8. М., 1985. С. 8, 11, 12.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 12, 14

⁴ КПСС в резолюциях ... (1898–1986). С. 18.

Цитируемый фрагмент иллюстрирует важный механизм стимуляции трудовой активности населения, широко используемый в советской политической риторике. Успешность достижения коллективного, значимого для государства результата, ставится в зависимость от эффективности деятельности отдельного индивида. В приводимом примере «могущество советского государства» зависит от «самоотверженного труда каждого советского человека».

Построение такой презентационной формы апеллировало сразу к двум ментально-ценностным категориям советского дискурса. Это категории «единства» и «ответственности». В советской риторике «единство» являлось ключевой социальной характеристикой, коннотирующей к понятиям монолитности, коллективизма и устойчивости советского социума и государства. В свою очередь понятие «ответственности» было системообразующим компонентом советской социальной системы, предполагая бдительность, сознательное, сосредоточенное отношение человека к реальности, участие каждого в общем деле и т.д. По справедливому замечанию О.В. Хархордина, принятие общественно-полезной групповой цели и последующая индивидуальная идентификация с ней являлись основными механизмами формирования и управления коллективами в СССР.¹

Практика апелляции к индивидуальной ответственности за «всеобщее благо» использовалась в нормативных правовых актах послевоенного периода, направленных на стимуляцию трудовой активности отдельных профессиональных групп советского социума. Так, в тексте Постановления Совета Министров СССР № 2593 от 3 декабря 1946 г. «О всесоюзном социалистическом соревновании предприятий и строек министерства угольной промышленности восточных районов СССР за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана 1946–1950 гг.» в качестве аргумента, призванного повысить трудовую активность шахтеров отмечалось: «в увеличении добычи угля кровно заинтересованы все советские люди, всё наше государство»².

В качестве еще одного примера риторики власти, направленной на активизацию трудовой деятельности населения, посредством апелляции к индиви-

---

¹ Хархордин О.В. Указ. соч. С. 105–109.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 162.

дуальной ответственности граждан, можно привести цитату из передовицы «Правды»: «Каждый советский человек ... поймёт: чем лучше он будет трудиться, чем лучше он будет выполнять свои производственные планы – тем богаче будет наша страна, тем быстрее она преодолеет послевоенные трудности, тем обеспеченнее и культурней будет жизнь вашего народа»¹. В данном примере обращает на себя внимание тот факт, что индивидуальная ответственность «каждого» определяется не только важностью обеспечения «богатства страны», но и народа. Это позволяет заключить, что в риторике власти послевоенного периода, лексические императивы, направленные на интенсификацию трудовой деятельности граждан, артикулировались не только путем обращения к категории *долг*, но к проблематике благосостояния населения.

В рамках политического дискурса послевоенного периода, направленного на повышения производительности труда граждан, важную роль играло обращение к категории *экономия*. Апелляция к ней фиксировалась в многочисленных резолюциях, актуализирующих проблематику снижения себестоимости продукции и экономного расходования сырья на производстве. Примером такого использования категории является текст «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946–1950 гг.», где одной из мер, необходимых для восстановления страны, было: «снижение себестоимости продукции, ... повышение внимание хозяйственных организаций к мобилизации внутренних ресурсов, к режиму экономии»². Общая экономия от снижения издержек производства в промышленности, на транспорте, в совхозах и машинно-тракторных станциях должна была составить за четвертую пятилетку 160 млрд. руб.

Требование экономии на производстве фиксируется во многих нормативных документах послевоенного периода, адресованных различным профессиональным группам советского социума. Типичными лексическими формами данного императива являлись призывы: к «строжайшей экономии и бережному

---

¹ Бюджет нового года новой сталинской пятилетки // Правда. 1946. 16 октября. С. 1.

² Хронологическое собрание законов ... В. 5 т. Т. 5. 1946–1948. С. 27.

расходованию средств», требования «усилить работу по внедрению строгого режима экономии средств», «осуществлять режим экономии» и т.п.¹

Понятие *экономия* становится лейтмотивом правительственной риторики весной 1948 г. В апреле–мае 1948 г. Советом Министров СССР было принято более двадцати постановлений, касающихся более экономного ведения строительства на предприятиях различных главков и министерств (Постановления Совета Министров СССР №№ 1260, 1297 от 19 апреля 1948 г.; №№ 1338, 1353, 1365, 1368, 1374, 1390, 1406, 1407, 1408, 1411 от 24 апреля 1948 г.; № 1432 от 29 апреля 1948 г.; № 1602 от 17 мая 1948 г., №№ 1726, 1727 от 22 мая 1948 г.; № 1767 от 26 мая 1948 г. и др.), в которых в императивном ключе звучали требования: экономного решения конструкций и архитектурного оформления зданий и сооружений; сокращения транспортных и накладных расходов; снижения стоимости строительного монтажа работ, повышении производительности труда работников предприятий и т.п.² Важно отметить, что в данных правительственных постановлениях указывались конкретные суммы, которые должны были быть «сэкономлены» за счет выполнения данных требований.

Повышение востребованности категории *экономия* в правительственной риторике 1948 г. свидетельствует об интенсификации мобилизационных механизмов, реализуемых в экономической сфере второй половины 1940-х гг. Это было связано с ограничением финансовых возможностей государства в рамках и без того достаточно ресурсоограниченной послевоенной экономической системы (только от снижения цен 1947 г. государственный бюджет лишился доходов в размере более 50 млрд. руб.³). Выходом из сложившейся ситуации было не только сокращение капиталовложений и производственных расходов, но и снижение премиальных выплат населению, которые также рассматривались правительством как ресурс проводимой экономии. Об этом свидетельствует принятие Советом Министров СССР 9 августа 1948 г. постановления № 3003 с

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 282. Л. 320; Д. 332. Л. 101; Д. 335. Л. 142.

² Там же. Д. 332. Л. 93–101, 132–135, 137–139, 143–147, 217–23, 247–251, 252–258, 261–279; Д. 333. Л. 18–29.

³ Хлевнюк. О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 80.

говорящим названием: «Об изъятии в доход бюджета экономии, образующейся в связи с частичным сокращением размеров премий»¹.

Экономические итоги 1948 г. были достаточно обнадеживающими: удалось преодолеть голод, валовый сбор зерна почти достиг довоенного уровня, были перевыполнены планы промышленного производства (прирост достиг 27% по сравнению с 19%, предусмотренными планом), валовая продукция промышленности в 1948 г. достигла 80% от уровня производства, установленного четвертым пятилетним планом². В конце 1940-х–начале 1950-х гг. вследствие улучшения экономической ситуации, а также достижения СССР по ряду экономических показателей довоенного уровня интенсивность использования в политико-экономическом дискурсе мобилизационной лексики снижается.

Это проявилось в существенном уменьшении востребованности категории *долг*, а также в исчезновении из текстов постановлений и обращений властей императивов, коннотирующих к напряжению, преодолению и самопожертвованию населения в процессе трудовой деятельности.

Курс на повышение производительности труда населения был сохранен и в начале 1950-х гг. В программе пятого пятилетнего плана запланировано повышение производительности труда в промышленности – на 50%, в строительстве – на 55%³. Но источником ее повышения являлся уже не «масштабный трудовой подъем населения», а «внедрение во все отрасли народного хозяйства передовой техники, улучшение организации труда и повышение культурно-технического уровня трудящихся»⁴. В политической дискурсе начала 1950-х гг. сохраняется востребованность категории *экономия*, но значительно снижается частота обращения к данному понятию, а также уровень императивности властной риторики в отношении реализации населением практик экономии. В текстах выступлений правительства категория *экономия* звучит как призыв населения к проявлению бережливого и рационального отношения к государственным и общественным ресурсам, задействованным в процессе их трудовой деятельности: «Мы должны неустанно заботиться о воспитании советских людей в

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 89.

² Хлевнюк. О.В. Указ. соч. С. 81.

³ КПСС в резолюциях ... В 2 ч. Ч. 2. С. 1119.

⁴ Там же.

духе бережного отношения к общественной, социалистической собственности. Нужно искоренить всякие излишества в расходовании материальных, трудовых и денежных ресурсов и систематически обеспечивать выполнение и перевыполнение заданий по снижению себестоимости продукции»¹. В обращении к категории *экономия* в начале 1950-х гг. акцентируется аспект позитивного стимулирования, проявляющегося, в частности, в усилении взаимосвязи *экономии* с улучшением материального благосостояния граждан. Данный тезис презентуется в виде цепочек причинно-следственных связей, выстроенных в текстах выступлений политических лидеров. В качестве примера такого изложения можно привести цитату из отчетного доклада Г.М. Маленкова на XIX съезде ВКП(б)–КПСС: «Чем полнее и рациональнее будут использоваться производственные ресурсы, чем бережливее и расчетливее мы будем вести наше хозяйство, тем больших успехов мы добьемся в развитии всех отраслей народного хозяйства, тем больших результатов достигнем в повышении материального и культурного уровня жизни народа»².

Таким образом, в рамках мобилизационной экономической модели фиксируется действие принципов идеократизма и сознательности. В политическом дискурсе были актуализированы экономические и ценностные категории: *долг*, *производительность труда*, *экономия*, призванные обосновать необходимость и важность труда каждого для благополучия Родины, ориентирующие население на консолидацию и интенсификацию трудовой деятельности, самоотверженное выполнение и перевыполнение трудовых норм и плановых заданий, снижение себестоимости продукции и рачительное отношение к производственным ресурсам. В политической риторике периода середины 1940-х – середины 1950-х гг. данные категории отличались неравноценной востребованностью. Максимальный уровень интенсивности обращения к понятию *долг* фиксируется в первые послевоенные годы 1946–1948 гг., категория *экономия* отличалась большей востребованностью в политической риторике 1948 г. (при этом коннотации категории были скорректированы, вследствие чего население ста-

---

¹ Маленков Г.М. Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии // Материалы XIX съезда ВКП(б). URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5>

² Там же.

новились не только субъектом реализуемой экономии, но и ее ресурсом). Достижение в конце 1940-х–начале 1950-х гг. ряда задач по восстановлению экономики, а также общее улучшение экономической ситуации в стране способствовало снижению интенсивности мобилизационной риторики, проявившейся как в снижении востребованности мобилизационных категорий в политическом дискурсе, так и в смягчении их коннотаций.

2.2.2. Механизмы повышения производительности труда горожан

В контексте реализации задач мобилизационной экономической модели, правительством использовались различные механизмы повышения производительности труда горожан. Критерием эффективности трудовой деятельности населения являлось выполнение (перевыполнение) трудящимися плановых заданий и норм выработки. С целью повышения производительности труда горожан в послевоенные годы была предпринята корректировка производственных норм. В постановлении о государственном плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1947 г. Советом Министров было отмечено, что задача выполнения и перевыполнения пятилетнего плана требует улучшения дела руководства предприятиями и планирования производства: «Государственные планы, установленные для предприятий, должны организовывать рабочих и интеллигенцию и мобилизовать их на борьбу за план, за движение вперед по пути преодоления трудностей и обеспечения нового подъема народного хозяйства. Необходимо решительно разоблачить и покончить с практикой установления заниженных планов, которые никого не мобилизуют и заставляют людей волочиться за “узкими” местами и достигнутыми нормами в производстве. Государственные планы должны быть большевистскими. Они должны быть рассчитаны не на среднеарифметические нормы, достигнутые в производстве, а на среднепрогрессивные нормы, т.е. равняться в сторону передовых»¹.

Начиная уже с 1946 г., происходит изменение норм выработки рабочих, служащих и ИТР предприятий различных отраслей индустрии. В большинстве

---

¹ Известия. 1947. 1 марта. С. 1.

случаев данные изменения были связаны с повышением норм выработки и затронули преимущественно рабочих. Объемы единовременного повышения норм выработки по предприятиям различных отраслей составили от 4,3 до 35% (см. прил. 1.9). По некоторым отраслям производства повышение норм было неоднократным. Наиболее значительное и неоднократное увеличение норм выработки фиксировалось на предприятиях Министерства торговли и Министерства кинематографии (более чем на 30%). На предприятиях авиационной промышленности, строительного и дорожного машиностроения, электропромышленности, промышленных предприятиях Комитета по делам искусств и др. также были приняты значительные повышения норм выработки (более чем на 20%). Увеличение норм выработки рабочих на предприятиях пищевой, мясомолочной, легкой, целлюлозно-бумажной промышленности и т.п. составило от 10 до 15%. На предприятиях добывающих отраслей промышленности и металлургии повышение норм выработки было дифференцированным. На ремонтных заводах, подсобных предприятиях и вспомогательных цехах повышение норм составляло около 20%, в то время как в основных цехах предприятий было значительно ниже. Так, например, согласно Постановлению Совета Министров СССР № 1027 от 30 марта 1948 г. «О пересмотре норм выработки на предприятиях министерства цветной металлургии», во вспомогательных цехах предприятий нормы выработки рабочих повышались на 14,8%, а в основных цехах всего на 4,3%¹.

В текстах Постановлений Совета Министров СССР, касающихся проблематики повышения норм выработки (№ 906 от 20 апреля 1946 г.; № 762 от 15 марта 1948 г.; № 837 от 20 марта 1948 г.; № 4078 от 1 ноября 1948 г. и др.) отмечалось, что нормы являются «устаревшими и заниженными», и их применение «при имеющемся значительном улучшении организационно-технических условий труда на предприятиях, ... и возросшей квалификации рабочих, становится серьезным тормозом дальнейшего роста производительности труда»². Обоснование принимаемого решения по повышению норм выработки звучало следующим образом: «В целях повышения производительности труда и обес-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 330. Л. 46.

² Там же. Д. 329. Л. 6.

печения выполнения планового задания по снижению себестоимости продукции»¹. Связь повышения производительности труда с увеличением норм выработки работников подчеркивалась императивным требованием, обращенным к директорам предприятий: «разработать и осуществить организационно-технические мероприятия, обеспечивающие скорейшее освоение норм выработки и повышение производительности труда»².

Следствием увеличения норм выработки стало повышение производительности труда на предприятиях отечественной индустрии. Так, например, на Сталинградском тракторном заводе после повышения норм выработки на 20% производительность труда за год (в 1948 г.) увеличилась на 32%, но данное повышение норм, отвечая задачам государства, негативно отразилось на доходах населения – 20 % рабочих-сдельщиков не выполнили плановых заданий, что отразилось на их зарплате³. На Сталинградском металлургическом заводе «Красный Октябрь» количество сдельщиков, не выполнявших план, в 1948 г. возросло с 3 до 527 человек (11,6 % от их общей численности), а экономия фонда заработной платы достигла 8 млн. руб.⁴

В отдельных случаях лексическая форма «повышение производительности труда» фигурировала в постановлениях, направленных не на повышение, а на снижение норм выработки, хотя такие постановления были единичными. В качестве примера можно привести Постановление Совета Министров СССР № 2620 от 5 декабря 1946 г. «О мероприятиях по повышению производительности труда подземных рабочих на угольных шахтах и по упорядочению норм выработки». В тексте данного Постановления отмечены факты неудовлетворительного выполнения норм подземными рабочими: «большинство подземных рабочих основных профессий на угольных шахтах в течение длительного времени не выполняют норм выработки и имеют низкую производительность труда. ... Особенно неудовлетворительно выполняются нормы выработки навалоотбойщиками, крепильщиками и бурильщиками на шахтах Караганды и Подмосков-

---

¹ Там же. Д. 327. Л. 300; Д. 350. Л. 51.

² Там же. Д. 276. Л. 296.

³ Кузнецова Н.В. Динамика цен и заработной платы в Нижнем Поволжье в условиях продовольственного кризиса 1946–1947 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. 2012. № 1 (21). С. 62.

⁴ Там же.

ного бассейна, забойщиками на шахтах комбината Кемеровуголь ... Это привело к тому, что для значительной части рабочих действующая система прогрессивной оплаты за выполнение и перевыполнение норм выработки перестала стимулировать рост производительности труда»¹. В качестве мер, направленных на решение означенной проблемы, в постановлении утверждалось требование: «Разрешить Министерством угольной промышленности западных и восточных районов СССР и строительства топливных предприятий по согласованию с ВЦСПС пересмотреть в сторону снижения в среднем на 15–20 % действующие нормы выработки для подземных рабочих, занятых в очистных работах, при прохождении и восстановлении горных выработок и на шахтном транспорте»². Важно подчеркнуть, что цель принимаемых в Постановлении решений обозначалась как: «обеспечение роста производительности труда подземных рабочих основных профессий»³.

Снижение норм выработки данной категории рабочих, по всей видимости, было связано с низким уровнем механизации их труда. Согласно официальным данным в 1940-м г. навалка угля была механизирована на 0,1%, а погрузка угля и породы при прохождении горизонтальных выработок выполнялась полностью вручную⁴. В тексте постановления ГКО № 9907с от 25 августа 1945 г. «Об обеспечении угольной промышленности горно-шахтным, транспортным и обогатительным оборудованием, а также строительными механизмами в 1945–1946 гг.» отмечалось, что: «Несмотря на рост производства за годы войны горно-шахтного оборудования на заводах Наркомугля, количество механизмов по выемке угля, транспортировке, обогащению, погрузочно-разгрузочным работам в угольной промышленности уменьшилось по сравнению с довоенным, в результате чего на угольных шахтах возросло применение ручного труда»⁵. Исходя из этого можно предположить что в послевоенный период труд в угольных шахтах был преимущественно ручным и рост норм выработки без повышения уровня механизации производства не мог привести к по-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 274.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1956 году. ... С. 68.

⁵ Послевоенная конверсия: к истории «холодной войны» ... С. 103.

вышению производительности труда, а скорее усугубил проблему текучести кадров, которая и так достаточно остро стояла на предприятиях отрасли.

Нормы выработки на промышленных предприятиях корректировались и в начале 1950-х гг., как правило, в сторону их увеличения. Но данное повышение норм носило скорее избирательный характер.¹

В целом, корректировка норм выработки работников промышленных предприятий, являлась инструментом регулирования трудовых стратегий населения, востребованным в рамках мобилизационной модели экономики. Изменение норм выработки было направлено на достижение государственных задач интенсификации производства за счет повышения производительности труда населения. Мотивацией повышения производительности труда работников в данном случае являлось не наличие положительных материальных стимулов, а скорее наоборот – угроза снижения оплаты труда в случае невыполнения растущих плановых заданий.

Важно отметить, что предпринимаемая властями в послевоенные годы корректировка норм выработки рабочих могла осуществляться как посредством их повышения, так и путем их снижения. Хотя снижение норм выработки являлось скорее исключением, чем широко распространенной практикой (см. прил. 1.9). Данная мера применялась исключительно в отраслях советской индустрии с низким уровнем механизации труда (угольная промышленность), в отношении работников с наиболее тяжелыми условиями труда (рабочие подземных шахт), материальное стимулирование которых соответствовало достижению задачи повышения производительности труда в отрасли. В целом дифференцированный подход к решению проблемы корректировки норм выработки рабочих (в разрезе отдельных отраслей, основных и второстепенных предприятий в рамках отрасли, отдельных категорий работников и пр.) еще раз иллюстрируют действие принципа главного звена, присущего мобилизационной модели экономики.

---

¹ Козлов И.В. К вопросу о роли нормирования труда и заработной платы в повышении производительности труда на авиазаводе №1 (г. Куйбышев) в конце 1940-х начале 1950-х годов // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 6-1. С. 129.

Для достижения задачи интенсификации производства и повышения производительности труда населения, решаемой в рамках мобилизационной экономической модели, на промышленных предприятиях допускалось применение сверхурочных работ. Так, например, в тексте постановления Совета Министров СССР, направленного на интенсификацию строительства металлургических предприятий, утверждалось требование: «Разрешить, в виде исключения, Министерством строительства предприятий тяжёлой индустрии, тяжёлого машиностроения и электропромышленности применять во II квартале 1947 г. на строительстве завода «Запорожсталь» и Запорожского коксохимического завода сверхурочные работы в размере не более 2 часов в день на каждого рабочего, всего для 10.000 человек»¹. Хотя, данная мера ускорения производства носила дополнительный характер, применяясь на отдельных особо важных объектах в исключительных случаях.

Еще одним методом повышения производительности труда, востребованным в рамках мобилизационной экономической модели послевоенного периода, являлось социалистическое соревнование. Характерные черты и принципы социалистического соревнования были сформулированы Сталиным еще в 1929 г.: «...товарищеская помощь отстающим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема ... одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше, – догоняй лучших и добейся общего подъема»². Метод социалистического соревнования отвечал задачам мобилизационной модели экономики, ориентированной на достижение задач послевоенного восстановления максимальными темпами и в кратчайшие сроки.

После принятия Верховным Советом СССР закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. было принято Постановление ЦК ВКП (б) «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР» в котором обозначались обязательства партийных и комсомольских организаций по руководству социалистическим соревнованием, а также указывалось на его важность в раз-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 295. Л. 125–126.

² Сталин И.В. Соревнование и трудовой подъем масс // Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 110.

витии «творческой инициативы трудящихся в борьбе за повышение производительности труда и досрочное выполнение производственных планов»¹. На заседании седьмой сессии Верховного Совета РСФСР, проходившем 20–25 июня 1946 г., также подчеркивалась важность данного метода для восстановления народного хозяйства республики: «С каждым днем все более развертывается социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана 1946 года – первого года новой пятилетки»².

Усилению мобилизационного механизма, направленного на повышение трудовой активности населения, способствовала презентация социалистического соревнования как массовой трудовой практики, а также указание на «народную» инициативу его проведения. В тексте Постановления ЦК ВКП (б) «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР», принятом 18 мая 1946 г. отмечалось: «...рабочие, инженерно-технические работники и служащие передовых предприятий промышленности обратились ко всем трудящимся Советского Союза с призывом организовать Всесоюзное социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение плана новой пятилетки»³.

Тема массового трудового подвижничества, реализуемого по инициативе советских трудящихся, получила развитие в постановлении Президиума ВЦСПС «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР» от 8 июня 1946 г.: «Обращения коллективов передовых предприятий нашли горячий отклик в широких массах рабочего класса и советской интеллигенции. С каждым днем все шире развертывается социалистическое соревнование – массовое, всенародное движение за новый мощный подъем народного хозяйства»⁴.

Условия проведения социалистических соревнований, предложенные соответствующими министерствами (главками) и ВЦСПС, (либо Центральными

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов ... В 15 т. Т. 8. С. 21.

² Заседание Верховного Совета РСФСР ... С. 30.

³ КПСС в резолюциях ... В 15 т. Т.8. С. 21.

⁴ Профсоюзы СССР: документы и материалы. ... С. 471.

комитетами профсоюзов рабочих различных отраслей промышленности), утверждались постановления Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР.

В текстах постановлений о всесоюзных и всероссийских социалистических соревнованиях обозначалось количество премий (первых, вторых, третьих), сумма, которую разрешалось ежемесячно расходовать на выплату премий предприятиям-победителям. Согласно постановлениям, денежные премии должны были расходоваться на премирование наиболее отличившихся рабочих, инженеров, техников и служащих, а также на проведение мероприятий по дальнейшему улучшению культурно-бытового обслуживания работающих. В текстах постановлений оговаривались критерии, в соответствии с которыми определялось предприятие-победитель. Вне зависимости от специфики отраслей индустрии и уровня соревнования (всесоюзное, всероссийское) оговариваемые критерии были схожи: 1. Перевыполнение плана по выпуску валовой товарной продукции высокого качества и в заданной номенклатуре при повышении уровня производства; 2. Перевыполнение плана по производительности труда; 3. Выполнение плана по снижению себестоимости продукции, снижению издержек обращения и потерь при хранении и транспортировке продукции, экономии сырья, топлива и электроэнергии; 4. Освоение новых и более совершенных видов изделий; 5. Выполнение плана по жилищному и культурно-бытовому строительству. Также при подведении итогов социалистических соревнований учитывалась работа хозяйственных и профсоюзных организаций по охране труда, технике безопасности, культурно-бытовому обслуживанию работающих.

Правительственные постановления о проведении социалистических соревнований должны были выступать в роли первичного импульса соревнований трудящихся, вслед за которым организовывались соревнования внутри каждого управления, предприятия, стройки, соревнования между цехами, участками, бригадами, сменами, а также индивидуальное соревнование работников.

Соревнование нацеливало трудящихся на повышение общего уровня техники и организации производства, активно поддерживаясь пропагандой. Как

правило, пропагандистские кампании, привлекающие внимание к различным формам социалистического соревнования, приурочивались к праздникам Первого мая, годовщина Октябрьской революции) или важным политическим событиям (выборы в Верховный Совет СССР, РСФСР, юбилей Сталина и т.д.). К участию в социалистическом соревновании привлекались рабочие, служащие и ИТР, а ведущей фигурой соревнования во всех отраслях хозяйства выступали передовики – новаторы производства. Получили распространение такие формы соревнования, как движение технологов за совершенствование технологических процессов, соревнование за рациональную планировку оборудования и лучшее использование производственных площадей, за организацию равномерной, ритмичной работы всех звеньев и участков производства и транспорта строго по графику, за высокое качество и ускорение ремонта оборудования и т. п. В рамках мобилизационной модели экономики социалистическое соревнование являлось, несомненно, важным инструментом интенсификации производства – рабочие перекрывали нормы выработки, меняя производственный процесс и повышая производительность труда. В социалистическом соревновании нашли отражение наиболее важные трудовые практики, реализация которых презентовалась режимом в качестве необходимых, отвечающих насущным проблемам экономического развития государства – ускорение, перевыполнение норм, экономия, снижение себестоимости продукции, техническое усовершенствование и рационализация производства и пр.

В период 1946–1947 гг. социалистические соревнования за выполнение и перевыполнение плана четвертой пятилетки стартовали в большинстве отраслей отечественной индустрии. В них участвовало значительное количество трудящихся РСФСР. Так, например, к концу первой послевоенной пятилетки в промышленности и транспорте в трудовом соревновании участвовали только по Башкирской АССР 91% занятых рабочих, ИТР и служащих, по Чкаловской области – 89%¹. Распространенной формой вовлечения молодежи в это соревнование стали комсомольско-молодежные бригады. В 1946 г. в индустриальной

---

¹ Калинкина Н.Н. Указ. соч. С. 119.

сфере Урала насчитывалось около 30 тыс. таких коллективов, объединявших более 215 тыс. юношей и девушек¹.

Метод социалистического соревнования был распространен не только в индустрии, но и в непромышленной сфере. Развивалось социалистическое соревнование в торговле, среди секретарей и делопроизводителей народных судов и пр.² 27 февраля 1946 г. СНК РСФСР было принято постановление «О фонде премирования промысловой кооперации РСФСР», направленное на стимулирование развития социалистического соревнования работников данной сферы³.

В качестве стимула участия трудящихся в социалистическом соревновании использовались нематериальные формы поощрения. Участвующие в социалистическом соревновании работники предприятий, награждались нагрудными значками «Отличник социалистического соревнования» соответствующих министерств. В послевоенный период были учреждены значки для победителей социалистических соревнований в ряде отраслей индустрии: в 1946 г. для предприятий министерств угольной промышленности западных и восточных районов (с ежегодным тиражом 3000 и 2500 шт. соответственно)⁴ и министерства строительства топливных предприятий (ежегодный тираж 5000 шт.)⁵; в 1947 г. для предприятий министерства лесного хозяйства (тираж 10000 шт.)⁶, строительного и дорожного машиностроения (тираж 1000 шт.)⁷, медицинской

---

¹ Федченко М.Н. Трудовая активность молодежи промышленных предприятий Урала (1946 – 1950 гг.) // Методологические аспекты современного историописания и исторической локалистики. Курган. 2011. С. 85.

² Корчаков М. Сопещание секретарей народных судов Челябинской области // Социалистическая законность. 1948. № 3. С. 17.

³ Хронологическое собрание законов ... В 5 т. Т. 5 : 1946–1948. С. 19–21.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 748 от 5 апреля 1946 г. «Об учреждении нагрудных значков “Отличник социалистического соревнования министерства угольной промышленности западных районов СССР” и “Отличник социалистического соревнования восточных районов СССР”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 396.

⁵ Постановление Совета Министров СССР № 1009 от 10 мая 1946 г. «Об учреждении нагрудного значка “Отличник социалистического соревнования министерства строительства топливных предприятий”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 331.

⁶ Постановление Совета Министров СССР № 2903 от 17 августа 1947 г. «Об учреждении нагрудного значка “Отличник социалистического соревнования министерства лесного хозяйства СССР”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 308. Л. 423.

⁷ Постановление Совета Министров СССР № 3034 от 28 августа 1947 г. «Об учреждении нагрудного значка “Отличник социалистического соревнования министерства строительного и дорожного машиностроения”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 310. Л. 56.

промышленности (тираж 600 шт.)¹, для предприятий Главнефтегазстроя (тираж 3000 шт.)²; в 1948 г. для предприятий министерства геологии (тираж 1000 шт.)³ и металлургической промышленности (тираж 8000 шт.)⁴.

Социалистическое соревнование, как метод повышения производительности труда, предполагал не только моральное (неэкономическое) поощрение трудящихся посредством награждения их значками «Отличник социалистического соревнования», но и материальную поддержку работников путем их денежного премирования.

Предприятия-победители награждались переходящими Красными Знаменами (Совета Министров СССР, Совета Министров РСФСР, ВЦСПС) и денежными премиями. Объемы премий, предприятий-победителей оговаривались в текстах правительственных постановлений. Количество премий и суммы, расходуемые на выплаты победителям, существенно различались по отраслям промышленности (см. прил. 1.10). В соответствии с принципом главного звена наибольшие выплаты и количество премий фиксировалось на предприятиях и стройках угольной промышленности. Для предприятий данной отрасли вводились и дополнительные премии сверх ранее установленных. Постановлением Совета Министров СССР № 1106 от 21 апреля 1947 г. для предприятий и строек Министерства угольной промышленности западных районов – победителей во Всесоюзном социалистическом соревновании, учреждались дополнительно: «одно переходящее Красное Знамя Совета Министров СССР с первой премией и одно переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Министерства угольной промышленности западных районов с первой премией, две вторых и две третьих

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 3336 от 24 сентября 1947 г. «Об учреждении нагрудного значка “Отличник социалистического соревнования министерства медицинской промышленности”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 312. Л. 260.

² Постановление Совета Министров СССР № 3721 от 4 ноября 1947 г. «Об учреждении нагрудного значка “Отличник социалистического соревнования Главнефтегазстроя при Совете Министров СССР”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316. Л. 25.

³ Постановление Совета Министров СССР № 3775 от 4 октября 1948 г. «Об учреждении нагрудного значка “Отличник социалистического соревнования министерства геологии”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 347. Л. 236.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 4478 от 3 декабря 1948 г. «Об учреждении нагрудного значка “Отличник социалистического соревнования металлургической промышленности”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 353. Л. 103.

премии с общим фондом премирования – 450 тыс. рублей в месяц»¹. Согласно соответствующим постановлениям правительства, существенные суммы должны были расходоваться на премирование предприятий-победителей социалистических соревнований министерства путей сообщения и министерства электростанций².

Обозначенные в постановлениях суммы выплат предприятиям-победителям, направлялись не только на премирование работников, но и на мероприятия по улучшению их культурно-бытового обслуживания (проводимые в рамках отдельных предприятий), а объемы денежных выплат, полагающихся трудящимся, как правило, не конкретизировались. В текстах некоторых постановлений, посвященных условиям проведения социалистических соревнований, отмечалась процентная доля премии, полагающаяся руководителю бригады: «Для премирования инженерно-технических работников, непосредственно осуществляющих руководство скоростной проходкой, выделяется 20% из суммы, присужденной бригаде»³. Важно подчеркнуть, что уточнение индивидуальных сумм премий, получаемых по результатам соревнования, фиксировалось в правительственных постановлениях, посвященных соревнованиям только в приоритетных отраслях советской индустрии (см. прил. 1.10).

Как правило, на предприятиях победители социалистического соревнования поощрялись денежными премиями в номинациях: «Лучший бригадир», «Лучший мастер завода», «Лучший конструктор завода», «Лучший технолог завода» и «Лучший механик завода». Размеры премий, выдаваемых рабочим, варьировались. Так, например, на Авиазаводе № 1 (г. Куйбышев) первое место

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 1106 от 21 апреля 1947 г. «Об учреждении Переходящих Красных Знамен и установлении премий для предприятий истроек министерства угольной промышленности западных районов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 298. Л. 148.

² Постановление Совета Министров СССР № 2591 от 3 декабря 1946 г. «О всесоюзном социалистическом соревновании работников предприятий и организаций министерства электростанций за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана 1946–1950 гг.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 204–207; Постановление Совета Министров СССР № 1442 от 7 мая 1947 г. «О всесоюзном социалистическом соревновании железных дорог и предприятий министерства путей сообщения за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана на 1946–1950 гг.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 301. Л. 142–145.

³ Постановление Совета Министров СССР № 1015 от 14 апреля 1947 г. «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования горнопроходческих бригад рудников и шахт министерств цветной металлургии, черной металлургии, угольной промышленности западных районов, угольной промышленности восточных районов, строительства топливных предприятий, строительных материалов СССР, внутренних дел СССР, путей сообщения, химической промышленности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 297. Л. 301.

и премия в размере 300 руб. присуждалось за удержание первенства по заводу в течение трех месяцев квартала. Второе место присуждалось за удержание первенства в течение двух месяцев в квартале (200 руб.). Третье место присуждалось за удержание первенства в течение одного месяца (100 руб.). Звание «Лучший бригадир» получали те, кто удерживал первое место по заводу все три месяца квартала. Бригадир получал 300 руб., члены бригады – по 150 руб. (За второе место объем премий составлял 300 и 100 руб., за третье – 160 и 50 руб. соответственно). Номинанты звания «Лучший мастер завода», «Лучший технолог завода», «Лучший конструктор завода» и «Лучший механик завода» получали места по той же схеме, на размер премий был выше. За первое место – 700 руб., за второе – 400 руб., за третье – 200 руб.¹

В целом, размеры премий, выплачиваемых рабочим, были небольшими, а, учитывая повышение норм выработки, можно сказать, что их получение требовало значительных трудовых усилий. Также важно отметить, что существовала проблема с выплатами премий. В тексте Постановления Совета Министров СССР № 503 от 1 марта 1948 г. «Об обеспечении своевременной выплаты премий предприятиям – победителям во всесоюзном социалистическом соревновании» утверждалось требование: «Обязать министерства и другие центральные учреждения СССР обеспечить до 1 апреля 1948 г. ликвидацию задолженности по премиям, присужденным предприятиям – победителям во Всесоюзном социалистическом соревновании»².

Помимо выплат победителям в социалистическом соревновании, для стимулирования трудовой активности населения и повышения производительности труда в послевоенный период действовала развернутая система премирования. Были приняты положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий различных отраслей промышленности³. Премии за выполнение и перевыполнение производственных планов начисля-

---

¹ Козлов И.В. Указ. соч. С. 133.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 324. Л. 125.

³ Постановление Совета Министров СССР № 2674 от 13 декабря 1946 г. «О премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий Министерства целлюлозной и бумажной промышленности за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 289. Л. 80; Постановление Совета Министров СССР № 229 от 4 февраля 1947 г. «Об утверждении положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий Министерства авиационной промышленности за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 87 и. пр.

лись при условии выполнения государственного задания по себестоимости продукции. Работники цехов, для которых не было установлено задание по снижению себестоимости, производилось при условии выполнения соответствующих качественных показателей (по затратам рабочего времени, расходу материала, электроэнергии и топлива). Также при премировании учитывалось соблюдение заданной номенклатуры и качества выпускаемой продукции. Объемы премий были дифференцированы в зависимости от отрасли индустрии, статуса предприятия, должности работника и пр.

Основанием для премирования также выступало снижение себестоимости продукции и соблюдение трудящимися «экономии на производстве». Сохраняется действие таких норм, принятых в военное время как: «Положение о премировании рабочих и инженерно-технических работников за экономное расходование топлива и теплоэлектроэнергии», утвержденное Постановлением СНК СССР № 1609 от 1 октября 1942 г.; «Положение о премировании работников предприятий за экономию электрической и тепловой энергии», утвержденное Постановлением ГОКО № 8914с от 3 мая 1945 г. Помимо этого во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Советом Министров СССР были приняты постановления, направленные на премирование трудящихся различных отраслей за экономию сырья, топлива, электроэнергии и других ресурсов. Согласно постановлению Совета Министров СССР № 1629 от 21 мая 1947 г «Об изменении порядка премирования рабочих и инженерно-технических работников за экономное расходование топлива»: «за экономию топлива сверх установленных норм расхода» ИТР получали премию «до 75% от стоимости сэкономленного топлива (по агрегату, бригаде, смене и т. п.)»¹. В тексте постановления Совета Министров РСФСР № 695 от 25 июня 1951 г. «Об утверждении положения о премировании рабочих вязальных цехов предприятий трикотажной промышленности Министерства местной промышленности РСФСР за экономию игл» вязальщицам полагалась премия за экономию игл в размере от 37,5 до 52, 5%, помощникам мастеров от 22, 5 до 37,5% от стоимости сэкономленных игл, при отсутствии ухудшения качества продукции².

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 302. Л. 55.

² Хронологическое собрание законов, указов ... РСФСР. Т. 4. 1948-1953. М., 1958. С. 397–399.

Борьба за экономию и мобилизацию внутренних ресурсов предприятий и стремление к рациональному использованию сырья вылилось в движение за сбор и переработку отходов производства – лома черных и цветных металлов. Были приняты постановления правительства, направленные на улучшение системы учета, хранения и оптимального использования металла¹. Призыв к рациональному использованию отходов металла подкреплялся материальным стимулированием работников. 20 февраля 1946 г. Совнаркома СССР принял Постановление № 433 «О мероприятиях по материально-техническому обеспечению предприятий Наркомчермета в I квартале 1946 г.», согласно которому премировались партийные и комсомольские работники, успешно организовавшие сбор, переработку и отгрузку лома чёрных металлов².

Тенденция «экономии», актуализированная в правительственной риторике и фактических мероприятиях властей в 1948 г., отразилась и на системе премирования населения, направленной на повышение производительности труда. Но последствия реализации данной тенденции, были неоднозначны. С одной стороны, в 1948 г. была расширена система премирования сотрудников предприятий за сбор отходов производства, пригодных для переработки и дальнейшего использования. Согласно Постановлению Совета Министров № 812 директорам предприятий и руководителям организаций разрешалось премировать своих заместителей по коммерческой части и других работников, непосредственно занятых сбором, хранением и отгрузкой лома и отходов цветных металлов. На премирование сотрудников разрешалось отчислять 1% от сумм, получаемых предприятиями от реализации лома и отходов цветных металлов (в случае выполнения и перевыполнения планов по сбору отходов). Общий размер премии за выполнение квартального плана устанавливался в размере до месячного оклада, а при перевыполнении увеличивался до двухмесячного оклада³. В 1948 г. для работников торговой сети была введена система ежемесячного премирования продавцов и заведующих секциями за сбор с населения и сдачу

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 2590 от 14 июля 1948 г. «Об итогах единовременного учета наличия металлов на предприятиях министерств и ведомств по состоянию на 1 апреля 1948 г.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 339. Л. 67.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 34.

³ Постановление Совета Министров № 812 от 20 марта 1948 г. «О мерах по мобилизации ресурсов лома и отходов цветных металлов и расширению их переработки» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 328. Л. 302.

промышленности стеклотары¹. С другой стороны, следствием проводимой государством политики «экономии» стало снижения объемов премиальных выплат за перевыполнение планов, победу в социалистическом соревновании и пр. (подробнее об этом в четвертой главе диссертации).

А.К. Соколов, оценивая эффективности социалистического соревнования, отмечает, что «в послевоенный период это движение обнаруживало явные признаки вырождения»². Рассуждая о стахановском движении 1930-х гг. А.К. Соколов пишет: «Пока сохранялись действующие нормы и расценки и увеличивался фонд заработной платы, стахановское движение давало эффект. Их пересмотр в сторону повышения интенсивности труда вел к ... выхолащиванию его содержания. В то время как стахановцы разъезжали по всей стране, делясь опытом установки своих рекордов, реализация их достижений выпадала на плечи остающихся за станками рабочих, вызывая с их стороны пассивное сопротивление или фиктивный показушный энтузиазм»³. На наш взгляд, данное замечание автора применимо и к послевоенному периоду, в рамках которого были повышены нормы выработки и снижены сделные расценки в большинстве отраслей советской индустрии, в результате чего интенсивность материальных стимулов социалистического соревнования значительно снизилась. А предпринятое в 1948 г. в рамках реализуемой правительством «экономии» сокращение объемов премий трудящимся за выполнение и перевыполнение планов, способствовало еще большему снижению материальной заинтересованности работников в повышении производительности своего труда.

Также нельзя не отметить, что, несмотря на широкую пропаганду социалистического соревнования, как универсального метода социалистического производства, властями отмечались определенные недостатки в его организации и проведении. В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 марта 1948 «О состоянии партийно-политической работы на шахтах Кузбасса» были отмечены определенные недостатки в руководстве социалистическим со-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 2581 от 14 июля 1948 г. «Об утверждении положения о премировании работников торговой сети за сбор от населения и сдачу промышленности стеклянной тары из-под консервной продукции» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 339. Л. 52.

² Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности ... С. 94.

³ Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917- середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. 2000. №4. С. 56.

ревнованием: администрирование, парадность, вредное увлечение рекордами одиночек в ущерб массовому социалистическому соревнованию¹. Отмечая схожие проблемы социалистического соревнования, секретарь Московского горкома партии Попов, назвал стахановские рекорды «акробатическими номерами» с целью «устроить звон на всю страну»². В ряду издержек социалистического соревнования также можно отметить низкое качество выпускаемой продукции, брак, «штурмовщину» в конце отчетных периодов. На данные недостатки указывается в постановлении, принятом I Всесоюзным совещанием новаторов нефтяной промышленности, «Об итогах работы отрасли и развитии передовых методов труда» (апрель 1950 г.): «большие потери от брака на заводах, ... отсутствие на основных заводах ... ритмичности выпуска продукции в течение месяца»³.

Несмотря на отмеченные недостатки, социалистическое соревнование как практический метод повышения производительности труда, пропагандируемый в русле мобилизационной экономической модели, сохранил свою востребованность в начале 1950-х гг. В докладе Г.М. Маленкова на XIX съезде ВКП (б) отмечена важность данного метода социалистического труда: «Задача партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских организаций состоит в том, чтобы шире развешивать соревнование на всех участках социалистического строительства, всеми силами поддерживать положительные примеры работы и прогрессивные начинания передовиков и новаторов, всемерно распространять передовой опыт среди всей массы трудящихся»⁴.

Сохранились и недостатки социалистического соревнования, связанные с формализмом в его организации и проведении. В тексте Постановления ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании в промышленности и сельском хозяйстве», принятом 4 января 1952 г., было отмечено, что: «Социалистическое соревнование на некоторых предприятиях ... всё ещё направлено главным образом на достижение количественных результатов, без достаточной борьбы за

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов ... В 15 т. Т. 8. С. 173-176.

² Москва послевоенная. 1945–1947 гг. ... С. 354.

³ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 13. Д. 233. Л. 403.

⁴ Материалы XIX съезда ВКП(б)–КПСС. URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5> (дата обращения 15.10.2018).

высокие качественные показатели работы. Многие предприятия перевыполняют планы в ущерб качеству продукции, за счёт невыполнения заданий правительства по ассортименту и номенклатуре изделий, перерасходов сырья, топлива, электроэнергии, допуская большие потери от брака и отходов. ... Принятие социалистических обязательств и подведение итогов соревнования на многих предприятиях проводится с запозданием, формально, без обсуждения на рабочих собраниях, вручение переходящих красных знамён предприятиям – победителям в соревновании производится несвоевременно. В результате этого обязательства по соревнованию, принятые рабочими, часто не отражают поставленных перед данным предприятием, цехом, участком производственных задач, ... иногда берутся заниженные обязательства, не соответствующие достигнутому уровню производительности труда, ... слабо обобщается и распространяется опыт передовых предприятий»¹. В качестве причины выявленных недостатков в постановлении указывалось на то, что «партийные, профсоюзные и хозяйственные органы не всегда учитывают изменения, происшедшие в народном хозяйстве страны за последние годы»². Немаловажно отметить, что в тексте данного постановления направления реализации социалистических соревнований были дифференцированы по отраслям индустрии: «В угольной, нефтяной промышленности, в черной и цветной металлургии, производстве строительных материалов, в химической и лесозаготовительной промышленности социалистическое соревнование должно быть направлено на максимальное увеличение производительности каждого агрегата, выпуска продукции. ... В машиностроительной, легкой и пищевой промышленности основной задачей ... является увеличение выпуска продукции высокого качества, снижение себестоимости, ... повышение культуры производства. ... В строительной промышленности усилия рабочих, ИТР необходимо направить на выполнение и перевыполнение планов, на дальнейшее снижение стоимости и повышение качества строительства. ... На транспорте ... увеличение объема

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов ... В 15 т. Т. 8. С. 251.

² Там же. С. 252.

перевозок, ускорение оборота вагонов и судов, повышение среднесуточного пробега локомотивов...»¹.

В результате инспирирования различных форм социалистического соревнования в трудовую повседневность советского городского социума, число изобретателей и рационализаторов, подавших предложения в промышленности, строительстве, на транспорте к 1955 г. значительно возросло, состав 555 тыс. Количество поступивших изобретений и рационализаторских предложений – 1 241 000, из которых 655 000 были внедрены в производство². За счет внедрения рационализаторских предложений улучшалась технология производства и достигалась экономия денежных средств и материалов. В четвертой пятилетке себестоимость промышленной продукции снизилась на 17%. Общая сверхплановая экономия от снижения себестоимости промышленной продукции составила по стране в 1948 г. свыше 6 млрд. руб. Из них – 2 млрд. руб. сверхплановой экономии были «внесены» трудящимися Москвы и Московской области, 750 млн. руб. – трудящимися Ленинграда и Ленинградской области, 750 млн. руб. – трудящимися Свердловской области, 370 млн. руб. – Челябинской области, 500 млн. руб. – Горьковской области, 140 млн. руб. – Тульской области³.

В социалистическом соревновании в годы четвертой пятилетки по официальным данным участвовало от 85 до 90% рабочих различных отраслей промышленности. (Хотя на отдельных предприятиях уровень вовлеченности трудящихся в социалистическое соревнование был ниже. Например, на Кировском, Челябинском, Ленинградском и Лианозовском металлургических заводах в социалистическом соревновании участвовало только от 18 до 25% рабочих⁴). По данным ВЦСПС в социалистическом соревновании принимало участие в 1948 г. – 87% рабочих, в 1950 г. 90,1%⁵. Применение социалистического соревнования как метода трудовой деятельности, подменявшей собой конкуренцию⁶,

---

¹ Там же. С. 252 – 253.

² Народное хозяйство СССР в 1956 году. ... С. 53.

³ Бирман А. Борьба за дальнейший рост рентабельности социалистических предприятий. М., 1949. С. 82.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 24. Д. 779. Л. 168.

⁵ Профсоюзы СССР : документы и материалы. ... С. 568.

⁶ Кораблева И.Г. Рецензия на: Роберт Майер. Стахановское движение 1935-1938 гг. Стахановское движение как катализирующий фактор сталинизации советского общества. // Отечественная история. 1992. №6. С. 205.

сыграло важную роль в увеличении производства продукции, снижении ее себестоимости, способствовало внедрению инноваций в производство.

К 1950 г. производительность труда в ряде отраслей народного хозяйства превзошла довоенный уровень. По данным официальной статистики производительность труда рабочих в государственной и кооперативной промышленности СССР в 1950 г. составила 198% к уровню 1940 г.¹ По темпам роста производительности труда в промышленности СССР не уступал США за тот же период, хотя последние развивались в намного более благоприятных условиях². Производительность труда в промышленности РСФСР составила 145% к уровню 1940 г., в строительстве – 123%³. По расчетам Г.И. Ханина производительность труда в электроэнергетике превзошла довоенный уровень на 42%, в черной металлургии более чем на 20%, также был превзойден уровень 1940 г. в машиностроении, химической и асбестовой промышленности. На 10% выросла производительность труда на железнодорожном транспорте. В то же время в лесной и деревообрабатывающей промышленности, в угольной, легкой и пищевой промышленности производительность труда существенно не выросла⁴.

В соответствии с принципом главного звена, реализуемым в рамках мобилизационной модели экономики, в приоритетных отраслях (тяжелая, топливная промышленность), фиксировались максимальные объемы премий, призванные стимулировать производительность труда. Анализ приводимых выше цифр, отражающих динамику повышения производительности труда по отраслям промышленности, позволяет прийти к выводу об отсутствии прямой зависимости между объемами премий за перевыполнение планов и повышением производительности труда. Несмотря на то, что в угольной отрасли во второй половине 1940-х гг. в качестве стимула труда применялись различные льготы, премии за перевыполнение плановых заданий и победу в социалистическом соревнований (объем которых превышал объемы выплат по другим отраслям), уровень производительности труда в отрасли не был максимальным.

---

¹ Народное хозяйство СССР в 1956 году. ... С. 52.

² Ханин Г.И. Экономическая история России ... С. 78.

³ Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. ... С. 7.

⁴ Ханин Г.И. Экономическая история России ... С. 78.

По всей видимости, значительно большее влияние на динамику производительности труда оказывала организация производства и уровень технической перевооруженности предприятий. Важность уровня механизации как фактора роста производительности труда населения была отмечена в докладе Г.М. Маленкова на XIX съезде ВКП(б): «Быстрый рост производительности труда в СССР является прежде всего результатом широкого внедрения в народное хозяйство новой техники и передовых технологических процессов, результатом механизации и электрификации производства, особенно механизации трудоемких и тяжелых работ»¹.

Техническое перевооружение имело неравнозначный уровень по отраслям индустрии. Так в 1950-м году из 650 типов машин и оборудования, внедренных в промышленность, большую часть составили металлорежущие станки (133 шт.). По остальным отраслям объемы были гораздо ниже: электротехническое оборудование (48 шт.), оборудование для топливной промышленности (35 шт.), деревообрабатывающее и бумагоделательное оборудование (8 шт.), оборудование для пищевой промышленности (7 шт.)². Уровень механизации работ также был неодинаков на предприятиях различных отраслей. В 1950-м году на предприятиях черной металлургии операции по доставке из забоя руды при ее подземной добыче были механизированы на 79,6%, а в угольной промышленности работы по навалке угля лишь на 15,7% (хотя работы по зарубке и отбойке угля имели уровень механизации 98,7%). В торфяной промышленности уборка торфа была механизирована на 26,6%, а сушка на 32,8%. В лесной промышленности валка леса была механизирована только на 38,1%³. Неудовлетворительным было техническое обеспечение строительных организаций. Из-за недостатка техники, изготовленной в заводских условиях, использовались примитивные средства и приспособления: одноколесные тачки, лебедки, конный транспорт, а для вертикального подъема краны-укосины. Организации испытывали нужду в бетоно- и растворомешалках, компрессорах,

---

¹ Маленков Г.М. Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии // Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС. URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5> (дата обращения: 18.10.2018).

² Народное хозяйство СССР в 1956 году. ... С. 54.

³ Там же. С. 65, 68, 70, 78.

электросварочных аппаратах, электромоторах, центробежных насосах. Большая доля работ выполнялась вручную¹.

Помимо дифференциации в уровне механизации предприятий различных отраслей отечественной индустрии, немаловажным фактором, влияющим на уровень производительности труда, являлось использование труда спецконтингента на предприятиях. В конце 1947 г. в лагерях содержалось примерно 2,2 млн. заключенных, из которых около 1,7 млн. было задействовано в различных экономических проектах МВД, а 507800 заключенных работало в системе других министерств и ведомств². По оценкам Министерства промышленности строительных материалов, производительность труда заключенного составляла от одной пятой до одной шестой производительности свободного рабочего³. Труд заключенных не отличался высоким качеством. Нередко, чтобы доделать работу заключенных приходилось использовать труд обычных рабочих. Спецконтингент использовался в трудоемких отраслях с тяжелыми условиями труда, а также с неблагоприятными климатическими условиями⁴.

В угольной отрасли труд заключенных достаточно широко применялся. В 1944–1945 гг. в угольную промышленность Урала стали направлять бывших советских военнопленных, окруженцев, власовцев, репатриированных советских граждан, а также немецких военнопленных и интернированное гражданское население Германии⁵. А с 1946 г. по предложению Министра внутренних дел С.Н. Круглова досрочно освобожденных начали направлять на поднадзорную работу в угольные шахты (120 тыс. заключенных), на строительство новых шахт (55 тыс. заключенных), где они должны были проработать не менее пяти лет⁶. По данным, приводимым С.А. Бакановым, в мае 1946 г. на комбинате Мо-

---

¹ Долголюк А.А. Индустриализация и рост технической оснащенности строительного производства в Сибири в 1946–1990-е годы // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3 (65). С. 88.

² Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 340.

³ Фильцер Д. Указ. соч. С. 44.

⁴ По данным Г.М. Ивановой, в 1949 г. в системе Гулаг производилось около 10% валового внутреннего продукта СССР. В 1949 г. системой МВД производилось 40% меди, 33% никеля, добывалось 4% угля, 100% платины, слюды и алмазов, 90% золота, 70% цинка, заготавливалось 13% производимой в стране древесины. (Ivanova G.M. Labor Camp Socialism: The Gulag in the Soviet Totalitarian System. Armonk, 2000. P. 116).

⁵ Баканов С. А. Проблема обеспечения рабочей силой угольной промышленности Урала в контексте мобилизационных процессов первой половины XX века // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск. 2009. С. 159.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 386–371.

лотовуголь количество спецконтингента составляло 44% от всего количества сотрудников, на комбинате Челябинскуголь количество спецконтингента составляло 68%¹. Если в угольной отрасли во второй половине 1940-х гг. расширялось использование спецконтингента, то Министерство черной металлургии проводило сознательную политику его замены свободными рабочими. В апреле 1946 г. количество спецконтингента, используемое в черной металлургии, составляло 18%. В апреле 1947 г. его доля сократилась до 11%², а к концу года до 4,5%³. Таким образом, механизация производства, а также низкий уровень использования труда заключенных, являлись не менее весомыми факторами повышения производительности труда населения, чем используемые правительством методы интенсификации трудовой активности граждан.

В целом, в рамках мобилизационной экономической модели послевоенного периода использовались различные методы стимулирования производительности труда населения: моральные и материальные, позитивные и негативные. Максимальная интенсивность как позитивных стимулов труда граждан, ориентированных на усиление их материальной заинтересованности, так и практик негативного стимулирования, реализуемых путем повышения норм выработки рабочих и снижения размеров премий, фиксировалась в первые годы четвертой пятилетки (1946–1948 гг.), свидетельствуя как о высоком уровне мобилизованности в практиках социально-экономического регулирования, так и об отсутствии выраженной дифференциации позитивных и негативных стимулов труда в рамках мобилизационной экономической модели. Более явно дифференциация форм стимулирования трудовой деятельности городского населения фиксировалась в отраслевом разрезе, а также определялась профессиональной принадлежностью отдельных социальных групп. В соответствии с принципом главного звена, действующим в рамках мобилизационной экономики, различные формы позитивного стимулирования труда были более выражены в отношении трудящихся приоритетных отраслей индустрии, занятых на основном производстве, а также локальных профессиональных групп, низкий уровень

---

¹ Баканов С. А. Проблема обеспечения рабочей силой ... С. 159.

² РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 227. Л. 50, 52.

³ Там же. Оп. 39. Д. 91. Л. 156.

механизации труда которых не позволял достичь повышения производительности труда без использования практик материального стимулирования.

Достижение в конце 1940-х–начале 1950-х гг. положительных результатов восстановлении народного хозяйства страны не приводит к отказу от практик стимулирования производительности труда населения, но интенсивность обращения властей к формам негативного стимулирования трудовой деятельности граждан несколько снижается. Выявление означенной динамики позволяет прийти к выводу о снижении в начале 1950-х гг. интенсивности мобилизационного режима и сокращении использования мобилизационных практик в вопросах социально-экономического регулирования.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР

3.1. Экономические девиации граждан в советском политическом дискурсе

Решение задачи послевоенного восстановления экономики страны осуществлялось не только путем интенсификации производительности труда граждан и решения кадровых проблем на городских предприятиях, но и посредством искоренения экономических девиаций, существовавших в послевоенном городском социуме. В ряду означенных практик приоритетные позиции занимали различные трудовые нарушения, а также деятельностные стратегии граждан, наносящие экономический ущерб государству.

В Конституциях СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. проблематике труда граждан уделяется значительное внимание. Трудовая деятельность рассматривается в Главе X «Основные права и обязанности граждан». Перечень социально-экономических прав советского гражданина открывало именно право на труд, тем самым особо подчеркивалась его значимость среди прочих прав и свобод. В статье 118 Конституции СССР и 122 Конституции РСФСР оговаривалось: «Граждане ... имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством. Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы»¹. Важно отметить, что в текстах Конституций трудовая деятельность презентовалась не только как *право*, но и как *обязанность* населения. В Главе 1 «Общественное устройство» был обозначен один из главных принципов советского социально-экономического устройства: «Труд ... является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: “кто не работает,

---

¹ Конституция СССР ... // Известия. 1936. 6 декабря. С. 3; Конституция РСФСР ... // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2. С. 16.

тот не ест” ... осуществляется принцип социализма: “от каждого по его способности, каждому – по его труду”»¹. Понимание труда, как деятельности, выполнение которой является обязательным для всех граждан, раскрывается и в статьях 130 Конституции СССР и 134 Конституции РСФСР: «Каждый гражданин ... обязан соблюдать Конституцию ... исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу»².

Помимо трудовой деятельности в ст. 131 Конституции СССР 1936 г. и ст. 135 Конституции РСФСР 1937 г. обозначалась обязанность граждан, «беречь социалистическую собственность»: «Каждый гражданин ... обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся». Важность бережного отношения к социалистической собственности акцентировалась путем стигматизации любых преступных посягательств граждан на общественные блага: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа»³.

Приоритетность защиты социалистической собственности, как и суровость наказаний за посягательства на нее, определялась, в том числе, и достаточно категоричным отношением Сталина к данной проблеме. В одном из писем Кагановичу в 1932 г. Сталин писал: «Социализм, не сможет добить и похоронить капиталистические элементы и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной»⁴.

В политической риторике механизм стигматизации практик хищения социалистической собственности реализовывался путем масштабирования негативных последствий данных преступлений, определения их как антигосударственных и антинародных деяний, синонимичных предательству: «...вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяй-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Сталин и Каганович, Переписка, 1931-1936. М., 2001. С. 241.

ства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже»¹. Для пресечения хищений социалистической собственности необходимым виделось создание такой «моральной атмосферы среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхитителей народного добра»². В соответствии с поставленной целью борьба с хищениями презентовалась не как деятельности исключительно правоохранительных органов, а как личная задача каждого советского человека: «каждый честный советский гражданин должен рассматривать расхитителей социалистической собственности не только как врагов государства, но и как своих личных врагов»³.

Тенденция приоритетной правовой защиты государственной и общественной собственности сохраняется и во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг. В практической плоскости в послевоенный период были проведены масштабные мероприятия, направленные на усиление борьбы с хищениями государственной и общественной собственности. Но в отличие от итогов кампаний, направленных на повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции или результатов, достигнутых в решении кадровой проблемы, «достижения» кампании по борьбе с хищениями не популяризировались. В официальных документах, отражающих перспективные направления экономического развития государства, проблематика различного рода злоупотреблений, допущенных в отношении социалистической собственности, не акцентировалась, как и результаты борьбы с данными девиациями. В текстах четвертого и пятого пятилетних планов само понятие «хищение» не упоминается ни разу, тема хищений и борьбы с ними вообще не обозначена. Обращение к данной проблематике в контексте политической риторики послевоенного периода фиксируется в текстах выступлений делегатов XIX съезда ВКП(б)–КПСС (1952 г.) – более десяти упоминаний понятия «хищение» (по результатам предпринятого контент-анализа)⁴. В то же время делегаты съезда Н.И. Беляев (Алтайский край), К.П. Жуков (Воронежская обл.), А.Н. Поскребышев и М.Ф. Шкирятов

---

¹ Сталин И.В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии М., 1952. С. 136.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Правда. 1952. № 286. 12 октября. С. 4.

(Москва), указывая на наличие проблемы хищений в регионах РСФСР (на уровне отдельных примеров), акцентируют внимание на ее достаточно эффективном решении – «виновные наказаны»¹. Не акцентировались в официальной риторике власти и результаты борьбы с трудовыми девиациями (прогулами, дезертирством, бесхозяйственностью и пр.).

Как правило, в официальном политическом дискурсе периода указание на необходимость искоренения различного рода экономических девиаций граждан артикулировалось посредством обращения к таким более «мягким» категориям, как «экономия», «бережливость», «рачительность», а также путем требования преодоления «бесхозяйственности» и «разбазаривания» благ. Так, например, в тексте «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946–1950 гг.» было обозначено требование: «повысить внимание хозяйственных организаций к мобилизации внутренних ресурсов, к режиму экономии и решительной ликвидации потерь от бесхозяйственности и непроизводительных затрат»². В тексте доклада Председателя Госплана М.З. Сабурова «Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг.» также подчеркивается необходимость борьбы с бесхозяйственностью: «Нужно воспитывать наши кадры в духе непримиримости к недостаткам в организации производства, к любым проявлениям бесхозяйственности и бюрократизма»³. В принятом на XIX съезд ВКП(б)–КПСС «Уставе КПСС» «борьба с расхлябанностью и бесхозяйственным ведением дела на предприятиях, в совхозах, колхозах» обозначалась в качестве одной из приоритетных задач первичных партийных организаций⁴.

Категория «экономия» была акцентирована в нормативных документах, посвященных проблемам незаконного расходования населением государственных ресурсов. В тексте постановления Совета Министров СССР № 1432 от 7 мая 1947 г. отмечено: «Министерства и главные управления не осуществляют контроль за использованием спирта предприятиями, не принимают должных мер к экономному расходованию его ... в больших количествах спирт расходу-

---

¹ Там же.

² Хронологическое собрание законов ... В 5 т. Т. 5. С. 27.

³ Правда. 1952. № 284. 10 октября. С. 4.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов ... В 15 т. Т. 8. С. 298.

ется не по назначению, расхищается, разбазаривается на сторону и выдаётся для выпивки разным лицам бесплатно и за плату по цене промышленности 3 руб. 80 коп. за литр при розничной цене 241 руб. 94 коп.»¹. Обращение к категории «экономия» также фиксируется в документах, вскрывающих факты незаконных выплат руководителями премий, начисления избыточных командировочных расходов, ведущих «к расточительному расходованию государственных средств» и пр.² Соблюдение режима «экономии» противопоставлялось практикам расхищения ресурсов, определяясь через коннотации бережного и расточительного отношения к государственным благам.

Перечень стигматизируемых экономических практик населения составляли различные виды хищений социалистической собственности (растраты, мошенничество и пр.), спекуляция, трудовые девиации (прогулы, бесхозяйственность и т.п.). Интенсивность обращения к той или иной девиации в политическом дискурсе периода определялась стадийностью проводимых кампаний. В 1948–1951 гг. палитра властной риторики, направленной на конструирование аномалий в послевоенном советском социуме, расширилась посредством актуализации словосочетания: «лица, ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни», применяемого в отношении граждан «злостно уклоняющихся от общественно-полезного труда» (колхозников, не вырабатывающих необходимый минимум трудодней, либо лиц, занимающихся нищенством и бродяжничеством)³.

Проводимые политические кампании широко освещались СМИ. В 1947 гг. в связи широко развернувшейся в СССР кампанией по борьбе с хищениями, увеличивается количество материалов в СМИ и периодических изданиях, посвященных данной теме, появляются новые ярлыки-идеологемы маркирующие данную девиацию. Так, например, автор одной из статей, опубликованных в журнале «Социалистическая законность» (1947 г.) отмечает: «Хищники социалистической собственности ... понесли заслуженное наказание»⁴.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 301. Л. 123.

² Там же. Д. 332. Л. 172; 335. Л. 247.

³ На «краю» советского общества. ... С. 12, 37.

⁴ Сухоруков В. Дело, лежавшее без движения // Социалистическая законность. 1947. № 12. С. 21.

В советском дискурсе в качестве причин девиантных экономических практик населения, как правило, обозначались «пережитки капитализма». Так, например, в журнале «Пропаганда и агитация» за 1947 г. отмечалось: «В нашей стране паразитический образ жизни нетерпим, является преступлением. Отдельные паразитические элементы в нашем обществе это носители гнусных привычек и пережитков капитализма, чуждых нашему обществу, глубоко противоречащих морали советского человека и правилам социалистического общежития. Именно такие пережитки капитализма в сознании людей, как эгоистическое стремление жить за счет других, отлынивание от честного труда, стремление к легкой наживе, моральная нечистоплотность к своему общественному долгу, пренебрежение общественными, государственными интересами ради своих корыстных личных интересов и так далее порождают такие преступления, как кража, расхищение социалистической собственности, спекуляция, растрата государственных и общественных средств, подлоги, взяточничество, мошенничество»¹.

Тезис об обусловленности экономических девиаций «капиталистическим наследием» фиксировался не только в СМИ, но фигурировал в докладах политических лидеров и в официальных нормативных документах периода. Г.В. Маленков в информационном докладе по деятельности ЦК ВКП (б) на совещании компартий в Польше (1947 г.) указывал: «В настоящее время в работе государственных органов выдвигаются на первый план хозяйственно-организационная работа, укрепление советской законности, борьба против частнособственнических пережитков, борьба за дальнейшее укрепление социалистической собственности и повышение государственной дисциплины во всех областях нашей деятельности»². В.М. Молотов в докладе «Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции» отмечал: «Нельзя отрицать, что пережитки капитализма в сознании людей весьма живучи»³. В постановлении Пленума Верховного суда СССР № 7 / 2 / У от 24 июня 1949 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» отмечено: «Борьба с пережитками капи-

---

¹ Пропаганда и агитация. 1947. № 21. С. 39.

² Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1947. С. 142.

³ Молотов В. М. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции ... С. 28.

тализма в сознании людей является важнейшей задачей в деле коммунистического воспитания как одного из необходимых условий постепенного перехода от социализма к коммунизму. Взятничество представляет собой один из тех специфических пережитков капитализма, с которыми суды должны вести самую решительную борьбу»¹. В контексте такого идеалистического рассмотрения причинности экономических преступлений ключом к их искоренению виделось воспитание в гражданах честности, сознательности, порядочности, а также коммунистической морали. Апелляция к честности, как к необходимой основе бережного отношения к государственным ресурсам, также фиксируется в правительственной риторике. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 25 октября 1946 г. в качестве одной мер по сохранению государственного хлеба отмечено: «укомплектовать и укрепить аппарат ... заготовительных пунктов ... честными работоспособными кадрами ... в первую очередь из состава коммунистов и комсомольцев»². Отрицание социально-экономических обстоятельств и внутренних факторов, влияние которых обуславливало выбор гражданами девиантных деятельностных стратегий, снимало с власти ответственность за криминализацию советского социума, значительно усилившуюся в послевоенные годы.

Таким образом, в официальном советском дискурсе в рассмотрении экономических девиаций населения утверждалось мнение, что они являются проявлением капиталистических пережитков. Тем не менее, признавалось их наличие в стране на уровне проступков отдельных «несознательных» граждан. Экономические девиации не афишировались в советском официальном политическом дискурсе, который был ориентирован скорее на развернутую презентацию «должных» и «правильных» практик, нежели на детализацию девиантных деятельностных стратегий. Результаты правоохранительной деятельности власти описывались оптимистичной формулировкой: «виновные наказаны». Более конкретные цифры «достижений» масштабных послевоенных кампаний по

---

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР ... С. 26.

² Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) 25 октября 1946 г. «Об обеспечении сохранности государственного хлеба» // КПСС в резолюциях и решениях съездов ... В 15 т. Т. 8. С. 78.

борьбе с трудовыми и экономическими девиациями граждан, не популяризировались в официальном политическом дискурсе и материалах СМИ.

3.2. Борьба с экономическими преступлениями в городской среде

Важным направлением политико-правового регулирования осуществляемым в рамках мобилизационной модели экономики послевоенного периода, являлась борьба с девиантными экономическими стратегиями городского населения РСФСР, направленная на обеспечение защиты социалистической собственности и государственных экономических интересов.

С целью более детального рассмотрения экономических практик граждан, связанных с причинением ущерба государству и квалифицируемых как преступления в РСФСР, обратимся к тексту Уголовного кодекса. Применительно к послевоенному периоду действующим являлся Уголовный кодекс РСФСР, принятый Постановлением ВЦИК 22 ноября 1926 г.¹. В последующие годы в Уголовный кодекс РСФСР вносились частные изменения и поправки, корректирующие законодательные нормы в соответствии с требованиями времени². Рассмотрению преступлений экономического характера (связанных с экономической деятельностью граждан, или нанесением экономического ущерба государству или личности), посвящено более 30% всех статей особенной части УК РСФСР 1926 г., из них более 20% норм касается исключительно государственной собственности.

Среди квалифицируемых в УК РСФСР (1926 г.) преступлений, наносящих экономический ущерб государственному или общественному имуществу, можно выделить отдельные группы норм: законодательные императивы, направленные на пресечение прямых посягательств граждан на государственное имущество (ст. 79.1-4, 85, 86, 109, 116, 117, 119, 120, 128 в, 129, 130); статьи, касающиеся неуплаты гражданами государственных налогов, невыполнения

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР, редакции 1926 г. ...

² Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 декабря 1938 г. ... ; Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... .

повинностей и обязательств (ст. 60, 60.1, 61, 62, 63, 131); статьи, касающиеся нарушений государственных монополий и иных практик, направленных на извлечение гражданами нетрудовых доходов (п. 8, 9, 11, 12, ст. 59, 83, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 107)¹. На важность охраны государственной собственности указывает не только количественное превалирование статей, посвященных данной проблематике, но и тот факт, что определенные преступления, касающиеся защиты государственных экономических интересов, классифицировались как антигосударственные, контрреволюционные преступления, санкционируясь по ст. 58 УК РСФСР (предполагающей стигматизацию преступников как «врагов народа» и применение высшей меры наказания). В пункте 6 данной статьи (шпионаж) в качестве преступного деяния квалифицируется: «передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих ... специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению»². В пункте 7 той же статьи обозначено уголовное преследование за «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы», ставшие следствием противодействия нормальной деятельности государственных учреждений или предприятий³. Некоторые статьи, касающиеся преступлений, наносящих экономический ущерб государству, допускали применение по отношению к виновным высшей меры (расстрела) – подделка и сбыт поддельных денег и ценных бумаг, квалифицированная контрабанда (пп. 8, 9. ст. 59); другие (нарушение монополии внешней торговли) предусматривали применение максимального срока наказания. В целом, в оценке советской системы права можно согласиться с утверждением правоведа С.М. Кочои, по мнению которого, в УК РСФСР социалистическая собственность как объект уголовно-правовой охраны по своей важности уступала лишь советскому общественному и государственному строю. В Особенной части УК посягательства на социалистическую собственность по степени опасности стояли выше, чем преступления против жизни и здоровья личности⁴.

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР. Официал. текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... С. 22, 27, 32, 34, 46.

² Там же. С.20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: 2000. С. 55.

В соответствии с задачами, решаемыми в рамках мобилизационной экономической модели, приоритетность правовой защиты государственной и общественной собственности сохраняется и в послевоенный период. Вследствие необходимости восстановления промышленного производства в условиях наличия в стране ограниченных ресурсов, важным направлением правового регулирования становится усиление контроля над каналами их распределения с целью предотвращения *хищений социалистической собственности*. Для решения данной задачи правительством использовались различные инструменты.

На протяжении всего послевоенного периода власть ориентировала правоохранные органы на активизацию их деятельности в борьбе с экономической преступностью. В одном из документов МВД СССР указывалось: «Борьба с расхищением, разбазариванием социалистической собственности, спекуляцией, взяточничеством, а также злоупотреблениями в карточной системе является одной из первоочередных задач, возложенных на органы МВД и милиции. Значение этой работы в особенности возрастает сейчас, когда страна, выполняя задания новой пятилетки, приступила к налаживанию товарооборота и всестороннему развитию производства и потребления»¹. В июне 1947 г. отдел БХСС ГУМ МВД СССР был преобразован в Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (УБХСС). На данную службу возлагались задачи по организации борьбы с хищениями социалистического имущества в государственной торговле, потребительской кооперации, ОРСах и продснабах промышленных предприятий и промкооперации, в снабженческих и сбытовых отделах, в отраслях, изготавливающих продовольственные и промышленные товары народного потребления. В октябре 1949 г. органы милиции были переданы из ведения МВД в Министерство государственной безопасности СССР (МГБ СССР).

Еще одним инструментом в реализации задачи защиты социалистической собственности стало усиление контроля финансовой и хозяйственной деятельности организаций. 15 марта 1946 г. Народный комиссариат государственного контроля СССР был преобразован в Министерство госконтроля СССР, которое

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1073. Л. 124

возглавил Л.З. Мехлис. Министерство получило широкие полномочия в проведении ревизии на предприятиях, в министерствах, комитетах при правительстве СССР и союзных республик, могло отстранять от должности и привлекать виновных к судебной ответственности; налагать штрафы и дисциплинарные взыскания и т.д. Деятельность Министерства госконтроля СССР была направлена на проверку финансовой дисциплины организаций. 20 июля 1946 г. Совет Министров РСФСР издал постановление «Об утверждении положения о Министерстве Государственного контроля РСФСР», в котором фиксировалось расширение функций министерства в осуществлении контроля финансовой деятельности организаций республиканского подчинения. Министерство подчинялось Совету Министров РСФСР и Министерству госконтроля СССР.¹

Важным рычагом защиты государственной и общественной собственности являлось право. Во второй половине 1940-х гг. наблюдается ужесточение санкций в большинстве статей, касающихся преступлений, наносящих экономический ущерб государству. Большая часть данных преступлений была связана с нарушением установленных государством экономических монополий и иными видами деятельности граждан, направленными на извлечение нетрудовых доходов. Обратимся к рассмотрению практик борьбы с такими девиантными формами экономической деятельности как: *растраты и хищения, коррупция, спекуляция, самогоноварение.*

В советском нормативном дискурсе хищение социалистической собственности презентовалось как наиболее социально опасная практика. Данный вид преступления квалифицировался рядом статей УК РСФСР 1926 г.: Ст. 59-3а, 116, 129, 130. Дополнительные коррективы в законодательные нормы вносились правительственными постановлениями, акцентирующими те или иные стороны борьбы с данным преступлением.*

---

¹ Хронологическое собрание законов ... В 5 т. Т. 5. 1946 – 1948 гг. С. 64–68.

* В 1930-е гг. на волне индустриализации ЦИК и СНК было принято постановление от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», прозванное в народе «законом о трек колосках» (СЗ СССР, 1932, N 62, ст. 360), 10 августа 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» (Ведомости Верховного Совета СССР. 22 августа 1940 г. № 28).

В первые годы после окончания войны вследствие товарного дефицита, нехватки продовольствия и голода наблюдался подъем экономической преступности и увеличение количества хищений социалистической собственности. Количество совершенных хищений в 1946 г. превысило на 16% показатели 1945 г., а в 1947 г. возросло на 43,7% по отношению к уровню 1946 г.¹

Законодательная практика правительства по искоренению хищений социалистической собственности реализовывалась в отношении различных городских предприятий (с учетом специфики послевоенной системы распределения). Проведение во второй половине 1940-х гг. мобилизационных кампаний и социально-экономических реформ также влияло на корректировку векторности и интенсивности законодательной деятельности властей, направленной на борьбу с хищениями социалистической собственности.

Вслед за начавшейся в 1946 году кампанией «за экономию хлеба» были предприняты меры по усилению борьбы с его расхищением. 27 июля 1946 г. вышло постановление Совета Министров и ЦК ВКП (б) за № 1630 «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущения его разбазаривания, хищения и порчи». 3 августа 1946 г. был издан приказ № 147 Генерального Прокурора СССР «О решительной борьбе с хищениями, разбазариванием и порчей хлеба», в котором от органов прокуратуры требовалось усилить контроль перевозок и хранения хлеба. В приказе предусматривалась высшая мера наказания – расстрел за хищения хлеба и растраты в особо крупных размерах. Также было предложено привлекать к уголовной ответственности наряду с расхитителями хлеба, должностных лиц, виновных в разбазаривании хлеба (отпуске хлебопродуктов без нарядов и по просроченным нарядам, неудовлетворительной охране хлебохранилищ и пр.). По делам этой категории устанавливались сокращенные сроки расследования и рассмотрения их в суде². На страницах журнала «Социалистическая законность», изданных в первые послевоенные годы, регулярно

---

¹ Богданов С.В., Орлов В.Н. Тоталитарная государственность ... С. 18.

² Дворкин А. Следственная практика. Борьба с хищением и разбазариванием хлеба // Социалистическая законность. 1947. № 3. С. 25.

рассматривались примеры раскрытых дел о хищении хлеба (практика расследования, сроки вынесенных приговоров и пр.)¹.

В первые послевоенные годы важную роль в обеспечении городского населения товарами играла централизованная система снабжения. Товарный дефицит и нехватка продуктов питания создавали питательную почву для всевозможных махинаций населения с продуктовыми карточками.

Осенью 1946 г. правительством были инициированы масштабные проверки деятельности организаций, имеющих отношение к системе карточного снабжения населения, которые осуществлялись как правоохранительными органами, так и Министерством государственного контроля СССР. Проверками Министерства государственного контроля СССР были выявлены факты значительного превышения контингента, снабжаемого продовольствием в регионах РСФСР. В Ленинградской области в 1946 г. за счет необоснованной выдачи карточек было роздано 59 262 кг хлеба, 10 059 кг крупы, 10 996 кг мяса и рыбы². В постановлении Совета Министров СССР № 1725 «О превышении в I квартале 1947 г. плана контингентов, снабжаемых продовольствием по местным назначениям», принятом 26 мая 1947 г., отмечалось, что «контингенты, снабжаемые мясо-рыботоварами, жирами и сахаром по местным назначениям, были превышены на 1 февраля 1947 г. на 703 400 человек, на 1 марта 1947 г. на 643 800 человек, контингенты, снабжаемые только сахаром, были превышены на 1 февраля 1947 г. на 2 106 100 человек и на 1 марта 1947 г. на 1 902 600 человек»³. В Хабаровском крае в 1946 г. была произведена проверка в 68 карточных бюро (общее количество карточных бюро в крае равнялось 80). Были выявлены нарушения порядка уничтожения неиспользованных карточек, талонов и типографского брака, допущенные Хабаровским краевым карточным бюро. На 1 октября 1946 г. было обнаружено 82 277 разных карточек и талонов и 3 081 лист карточек типографского брака, которые по документам бухгалтерии и актам числились сожженными⁴. В сентябре 1946 г. с целью проверки карточно-

---

¹ Дворкин А. Следственная практика. ... С. 25; Из практики Прокуратуры СССР по надзору за соблюдением законности в суде // Социалистическая законность. 1947. № 3. С. 23.

² Твердюкова Е.Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения ... С. 37.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 302. Л. 209.

⁴ Слабнина Л.А. Подготовка к отмене карточной системы ... С. 132.

го распределения товаров в Свердловской области были созданы 83 комиссии, в состав которых вошло 4 500 человек. В ходе их работы было установлено, что «...в городских и районных карточных бюро, как правило, нарушается порядок, установленный по уничтожению возвращенных, неиспользованных или частично использованных хлебных и продуктовых карточек¹. В результате от занимаемых должностей было освобождено 24 работника карточных бюро.

С целью наведения порядка в деятельности карточных бюро Советом Министров СССР 9 декабря 1946 г. было принято постановление № 2635 «О наведении порядка в деле уничтожения неиспользованных хлебных и продовольственных карточек», согласно которому право уничтожения остатков неиспользованных карточек и талонов предоставлялось комиссиям республиканских, областных, краевых, городских (в городах республиканского подчинения) карточных бюро, назначенными соответствующими исполкомами. В состав комиссий должны были входить: член исполкома местного совета (председатель комиссии), представители контрольно-учётного бюро и карточного бюро. Все члены комиссии должны были лично присутствовать при подсчете и уничтожении неиспользованных карточек, неся ответственность за соблюдения регламента и правильность документального оформления данной процедуры².

В целом, в четвертом квартале 1946 г. за преступления, связанные с нарушением порядка карточного снабжения в РСФСР было привлечено к уголовной ответственности 1829 уполномоченных по выдаче карточек на предприятиях, в учреждениях и домоуправлениях³. В рассмотрении дел о махинациях с продовольственными карточками Генеральный Прокурор СССР и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР настаивали на максимализации сроков лишения свободы для преступников⁴.

Принятые в 1946 г. мероприятия властей, направленные на усиление контроля реализации централизованного снабжения населения, позволили вскрыть злоупотребления, допущенные в разных звеньях данной системы, но не приве-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д.224. Л. 1–2.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 222–223.

³ Там же. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 25.

⁴ Из практики Прокуратуры СССР по надзору за соблюдением законности в суде // Социалистическая законность. 1947. № 3. С. 24.

ли к полной декриминализации сферы карточного распределения товаров. Хищения и различные махинации с карточками фиксировались и в 1947 г. По подсчетам В.Н. Мамяченкова, в карточных бюро Свердловской области за 4 месяца 1947 г. было похищено 8 280 карточек и талонов, в том числе в Нижнем Тагиле – 300, в Сысерти – 75, в Верхней Пышме – 51. В Асбесте только по ОРСу треста «Союзасбест» было выявлено 89 человек, которые путем различных манипуляций с хлебными карточками нанесли государству ущерб на сумму 181 316 руб. А в Реже была раскрыта преступная группа, в которую входили контролеры местного контрольно-учетного бюро и заведующие магазинами, члены которой присваивали подлежащие уничтожению талоны хлебных и продовольственных карточек и повторно отоваривали их в магазинах¹.

Еще одной формой злоупотреблений, совершаемых в отношении социалистической собственности, являлось «разбазаривание» ресурсов. Как правило, в «разбазаривании» обвинялись руководящие работники предприятий, учреждений или министерств, имеющие доступ к значительным ресурсам или к системе их распределения. Означенная формулировка маркировала девиантные практики, значительно различающиеся по мотивам и содержанию. Одним из проявлений «разбазаривания» ресурсов являлось продовольственное обеспечение населения, реализуемое в обход системы нормированного снабжения, практиковавшееся на предприятиях министерств, деятельность которых была связана с торговлей и промышленным производством. Факты безлимитного снабжения были выявлены по результатам проверок, проведенных Министерством государственного контроля. Так, например, Министерство мясной и молочной промышленности СССР, начиная с 1944 г., ежеквартально выдавало дополнительные пайки рабочим и служащим своих предприятий. В состав данного ежеквартального пайка, выдаваемого одному работнику, входило: мясо – 4,5 кг., субпродукты – 6 кг., масло животное – 0,9 кг., обезжиренные молочные продукты – 4,5 кг. на человека. В третьем квартале 1946 г. дополнительные пайки мяса получили 205 948 человек, масла животного – 301 688 человек. Расход мясных и молочных продуктов на выдачу пайков за девять месяцев 1946 г. составил:

---

¹ Мамяченков В.Н. Экономическая преступность на Среднем Урале ... С. 138.

мяса – 2 550 тонн, субпродуктов – 3 400 тонн, масла животного – 715 тонн и обезжиренной молочной продукции – 5 894 тонны. Несмотря на то, что продукты, расходуемые министерством на выдачу дополнительных пайков, не планировались и не учитывались Госпланом, а аккумулировались из «остатков промышленности», Совет Министров СССР своим постановлением № 2269 «О запрещении расходования мясопродуктов и жиров на выдачу пайков сверх установленных норм государственного снабжения в системе Министерства мясной и молочной промышленности», принятом 8 октября 1946 г., запретил данную практику продовольственного снабжения населения¹.

25 октября 1946 г. Советом Министров СССР были приняты постановления № 2369 «Об излишествах в выдаче карточек на дополнительное питание работникам коммерческой торговли» и № 2370 «О незаконном расходовании Министерством торговли СССР продовольствия без карточек и сверхустановленных фондов»². В текстах постановлений были обозначены факты «излишеств в снабжении», допущенные руководителем Министерства торговли СССР А.В. Любимовым, который «установил для всех без исключения работников коммерческой торговли лицевое или специальное питание», при этом установленные «лимиты на дополнительное питание ... в ряде случаев превышали фактическое наличие работающих»³. Общее количество специальных обеденных карточек, выданных работникам коммерческой торговли в третьем квартале 1946 г., составило 102 300 шт. (фактически столько же, сколько в сумме было лимитировано для работников промышленных предприятий восьми отраслей народного хозяйства на третий квартал 1946 г.). Результатом данного злоупотребления стало «разбазаривание карточек»: «Директоры некоторых московских магазинов Главсостастронома расплачивались за разного рода услуги (доставку товаров, ремонтные работы и др.) карточками на дополнительное питание»⁴. Проверкой было выявлено, что А.В. Любимов в апреле 1944 г. «самовольно дал указание всем областным и городским отделам торговли о ежеквартальном выделении ... продовольственных товаров для снабжения участ-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 286. Л. 38–39.

² Там же. Л. 237–239.

³ Там же. Л. 238.

⁴ Там же.

ников совещаний, съездов, конференций»¹. В результате в г. Свердловске только за период с января по 15 сентября 1946 г. было выдано свыше 900 000 шт. «делегатских талонов» и израсходовано свыше 70 тонн мяса, 10,4 тонн жиров, 16,3 тонн сахара и до 120 тонн хлеба. «Делегатские талоны» систематически получали работники Свердловского горисполкома, райисполкомов, директора предприятий, коллегии адвокатов, театров, цирка и т.д.²

В ноябре 1946 г. Министерством государственного контроля, вновь были выявлены факты многократного превышения лимитированного контингента работников, пользующихся литерным питанием, являющиеся следствием «самовольного увеличения лимитов руководящими работниками Министерства торговли». В постановлении Совета Министров СССР № 2427 от 3 ноября 1946 г. «Об излишествах и извращениях в выдаче карточек литерного питания» было отмечено, что Министерством торговли (А.В. Любимов) было выдано Министерству лёгкой промышленности СССР за период с марта 1943 г. по 1 октября 1946 г. дополнительно к установленным правительством 377 карточкам на литерное питание ещё 205 карточек, Министерству целлюлозной и бумажной промышленности за этот же период к установленным 300 литерным карточкам было выдано ещё 436. На предприятиях 11 главных управлений и 2 трестов Министерства цветной металлургии в третьем квартале 1946 г. вместо положенных 622 литерных карточек были выданы карточки на 5355 человек. Факты нарушений контингента, снабжаемого литерным питанием, были выявлены в Министерствах авиационной промышленности, судостроении, транспортного машиностроения³. Практики не легитимного продовольственного снабжения населения пресекались властями вне зависимости от того, за счет каких фондов они реализовывались.

Также через понятие «разбазаривание» определялись растраты ресурсов, фиксируемые на предприятиях и в министерствах различных отраслей. В 1946 г. были вскрыты факты незаконного расходования сотен тонн продовольствия, к которым имели непосредственное отношение руководитель Министерства

---

¹ Там же. Л. 239.

² Там же. Л. 240.

³ Там же. Д. 287. Л. 32–33.

пищевой промышленности В.П. Зотов и его заместитель Е.Н. Невский. В принятом по результатам проверки постановлении Совета Министров СССР № 2365 от 25 октября 1946 г. «О незаконном расходовании продовольственных товаров в министерстве пищевой промышленности СССР» отмечалось, что за девять месяцев 1946 г. сверх норм снабжения было израсходовано: макарон – 830 тонн, крупяных концентратов – 40 тонн, муки – 25 тонн, кондитерских изделий – 320 тонн, сахара – 262 тонны, растительного масла – 100 тонн, разных консервов – 1150 тыс. условных банок, табака – 74 тонны, чая – 11 тонн и хозяйственного мыла – 83 тонны¹. В декабре 1946 г. были выявлены факты незаконной выдачи Министерством Пищевой промышленности СССР сахаристой продукции (варенья, джемов, халвы и пр.) различным организациям². За период 1945–1946 гг. объем незаконного расходования составил по Министерству пищевой промышленности РСФСР – 658 тонн. В постановлении Совета Министров СССР № 2617 «О незаконном отпуске, потерях и недостачах нефтепродуктов», принятом 5 декабря 1946 г., были отмечены нарушения «государственного порядка в учёте, отпуске, расходовании и хранении нефтепродуктов» приведшие к их «разбазариванию»: ресурсы нефтепродуктов без фондов расходовались на собственные нужды нефтебаз, списывались или отпускались сторонним организациям. Только нефтеперерабатывающими заводами Министерства нефтяной промышленности восточных районов было списано в 1945 и первом полугодии 1946 г. 150 900 тонн нефтепродуктов³. Массовые случаи самовольного отпуска химикатов (аммиачная селитра, суперфосфат и хлористый калий) имели место на многих заводах Министерства химической промышленности (несмотря на невыполнение плана поставок потребителям этих химикатов)⁴. С целью пресечения практик «разбазаривания» ресурсов правительством были приняты меры по усилению контроля их расходования, снижения потерь и т.п. В 1947 г. был выявлен факт «самовольного» повышения заработной платы на 13 предприятиях Главного управления свинцово-цинковой промышленности Министерства цветной металлургии СССР, в результате которого с июля 1946

---

¹ ГА РФ. Р-5446. Оп. 1. Д. 286. Л. 226.

² Там же. Д. 288. Л. 122.

³ Там же. Л. 261.

⁴ Там же. Д. 279. Л. 291.

г. по март 1947 г. сотрудникам этих предприятий ежемесячно выплачивалась зарплата в сумме на 1501,5 тыс. руб. больше.¹

Еще одним направлением деятельности правоохранительных органов, актуализированным в послевоенный период, являлась борьба со злоупотреблением служебным положением, лиц, занимающих должности в управленческом аппарате различных организаций и учреждений. Проверки, проводимые Министерством государственного контроля СССР, также позволили выявить многочисленные факты нецелевого расходования государственных средств (на покупку дорогостоящих личных вещей, проведение банкетов и пр.), допущенные руководителями предприятий и министерств. В постановлении Совета Министров № 1789 от 13 августа 1946 г. «О расточительном расходовании государственных средств в Министерстве строительства топливных предприятий» был отмечен факт нецелевого расходования государственных ресурсов. Средства, предназначенные для набора рабочей силы, были израсходованы на приобретение дорогостоящей мебели. Распоряжение по поводу данной незаконной сделки дал заместитель министра Т.Т. Литвинов, а сам министр А.Н. Задемидко разрешил совершить покупку². В начале 1947 г. были вскрыты хищения заместителей министра трудовых ресурсов СССР П.Г. Москатова и Г.И. Зеленко, которые потратили на строительство собственных дач по 80 тыс. руб. государственных средств, привлекая на это строительство учащихся школ ФЗО, мастеров производственного обучения и других подчинённых им работников, а также незаконно расходовали текстильные товары, предназначенные для пошива обмундирования учащимся. (Данные факты легли в основу Постановления Совета Министров СССР № 306 от 17 февраля 1947 г.³). В Постановлении Совета Министров СССР № 3029 от 28 августа 1947 г. были отмечены факты злоупотреблений начальника Главгидроэнергостроя Д.М. Юринова и его заместителя Л.Н. Мнацаканова, имевших отношение к хищению из отдела снабжения главка

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 931 от 9 апреля 1947 г. «О незаконном повышении заработной платы на предприятиях свинцово-цинковой промышленности Министерства цветной металлургии» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 296. Л. 352.

² ГА РФ. Р-5446. Оп. 1. Д. 282. Л. 240.

³ Постановление Совета Министров СССР № 306 от 17 февраля 1947 г. «Об использовании служебного положения гг. Москатовым и Зеленко для строительства собственных дач и о незаконном расходовании текстильных изделий в министерстве трудовых резервов» // ГА РФ. Р. 5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 265–267.

71420 руб. Помимо этого Л.Н. Мнацаканов за счёт средств подведомственной организации отремонтировал личную квартиру и построил дачу¹. Факты нецелевого «расточительного расходования» средств были вскрыты в Министерстве пищевой промышленности СССР, где на содержание в Москве конюшни, используемой для конно-спортивных целей, в 1945–1946 гг. было израсходовано 1 024 000 руб. государственных средств, а также потрачено 222 436 руб. на проведение трех банкетов и 271 280 руб. на содержание в течение трёх месяцев 1946 г. в доме отдыха семей руководящих работников. Излишние траты на «вечера с выпивкой» были выявлены в Министерстве транспортного машиностроения, где только на шести заводах в 1946 г. было израсходовано на эти цели 1 181 586 руб. Особо «отличился» директор Кировского завода (г. Челябинск) И.М. Зальцман, израсходовавший за 1945–1946 гг. на всякого рода излишества 800 000 руб. государственных средств². Директор завода № 518 (г. Свердловск) И.Я. Берковский израсходовал 35 000 руб. на приобретение запчастей и ремонт персональных легковых машин³.

Борьба с нецелевым расходованием государственных средств реализовывалась как путем усиления контроля финансовой дисциплины на предприятиях и в министерствах, так и посредством предупреждений и объявления выговоров руководителям, ответственным за данные нарушения, исключения виновных из ВКП(б). В течение первых послевоенных лет (1945–1947 гг.) количество исключенных из партии за должностные преступления, коррупцию, хищения и «морально-бытовое разложение» составило 37,8% от общего числа исключенных за этот период. Организованная в мае 1946 г. ЦК ВКП(б) выборочная проверка решений бюро областных и краевых комитетов партии, разбирающих проступки и злоупотребления со стороны районных ответственных работников, выявила, что с 1 июля 1945 г. по 1 мая 1946 г. (по неполным данным) было привлечено к партийной ответственности 4 080 районных работников (в 90 областях, краях и республиках страны). Среди них – 1 256 партийных работников

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 3029 от 28 августа 1947 г. «О хищениях денежных средств и бесхозяйственности на строительстве гидроэлектростанции Министерства электростанций» // ГА РФ. Р-5446. Оп. 1. Д. 310. Л. 44–47.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 297. Л. 129–130.

³ ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 294. Л. 34–35.

(в том числе 1 062 секретаря райкомов), 1 156 работников районных исполнительных комитетов советов, 728 сотрудников правоохранительных органов (МГБ, МВД, суда и прокуратуры) и 940 хозяйственных работников¹. Впоследствии 28% районных работников, привлеченных к партийной ответственности, были сняты с должности, 24% исключены из партии. В 14,3% случаев причиной партийного взыскания являлись самоснабжение, обман государства и очковтирательство, допущенные представителями местной власти.

Проводимую в послевоенный период практику борьбы с коррупцией, распространенной среди руководящих работников предприятий и организаций, иллюстрирует следующая статистика: Во втором полугодии 1946 г. в Свердловской области по Ст. 117 УК РСФСР (получение взятки) было осуждено 26 человек (35% из них были осуждены на срок до двух лет)². По статье 118 УК РСФСР (дача взятки) за этот же период в регионе было осуждено 39 человек (56% из них на срок до двух лет, в большинстве случаев условно)³. В первой половине 1950-х гг. в Свердловской области за взяточничество было осуждено в 1953 г. – 19, а в 1954 г. – 15 чел.⁴ В целом, по данным В.В. Астанина, по стране за дачу и получение взятки было осуждено: в 1948 г. – 4 541 чел., в 1954 г. – 1 030 чел.⁵ (В сравнении со статистикой осужденных за хищения и трудовые нарушения данные цифры не выглядят внушительными).

В городской среде, вне зависимости от проводимых правительством социально-экономических реформ, практики растрат и хищений социалистической собственности были количественно более выражены в сфере торговли. В первые послевоенные годы были предприняты меры по усилению контроля деятельности торговых организаций РСФСР. Вопросы усиления борьбы с хищениями обсуждались коллегией Минторга СССР в декабре 1945 г., в апреле и в ноябре 1946 г. В январе 1946 г. было дано указание о лишении руководящих работников торгующих организаций премий в случае роста хищений. Весной–летом 1946 г. проводились масштабные ревизии в торговых организациях Мо-

---

¹ Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека ... С. 102–103.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 46.

³ Там же.

⁴ Там же. Оп. 53. Д. 113. Л. 73.

⁵ Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода М., 2003. С.

сквы, Ленинграда, Горького, Куйбышева, Челябинска, Иркутска, Тувы и других городов. В системе местных торгов Приморского края за 9 месяцев 1946 г. было выявлено 1 095 случаев хищений и растрат на сумму 661 тыс. руб.¹ Согласно справке о растратах в организациях и предприятиях Минторга СССР за 1946 г., принятых на контроль Центральной бухгалтерией Минторга СССР, было выявлено 1313 растрат на сумму 38 870 000 руб.² Из них 91 случай растрат на сумму 3 178 000 руб. (в том числе 708 000 руб. наличных денег) по предприятиям Минторга РСФСР³. Общая сумма ущерба от растрат и хищений в системе Министерства торговли СССР за девять месяцев 1946 г. составила 131 500 000 руб. (для сравнения – ущерб от хищений, совершенных за этот же период на предприятиях Министерства авиационной промышленности составил 2 200 000 руб.)⁴.

Реакцией властей стало усиление мер борьбы с хищениями в торговле. 22 августа 1946 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 558 «Об усилении борьбы с растратами и хищениями в системе Министерства торговли РСФСР и Центросоюза». Это постановление обязывало Минторг РСФСР соблюдать сроки ревизий организаций (не реже одного раза в год), проверки фактических остатков товарно-материальных ценностей в розничной торговле и общепите (не реже одного раза в месяц), в оптовых базах и складах (не реже одного раза в квартал). Прокурору РСФСР и Министру юстиции РСФСР поручалось: «налагать предварительный арест на все без исключения имущество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за растраты и хищения. ... Привлекать к уголовной ответственности наряду с непосредственными виновниками растрат и хищений также руководителей ... торговых организаций, за несвоевременные и недостаточные меры борьбы с хищениями и растратами в подведомственных им торговых предприятиях»⁵. 10 сентября 1947 г. был издан приказ Министерства торговли СССР № 418 «Мероприятия по усилению борьбы с нарушениями правил торговли в предприятиях торговли и общественного

---

¹ Слабнина Л.А. Подготовка к отмене карточной системы ... С 132.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 398. Л. 1.

³ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР ... С. 172, 319.

⁴ Богданов С.В. Из истории борьбы с организованной преступностью в экономической сфере СССР в 1930 – 1950-х годах // Современное право. 2011. № 1. С. 166.

⁵ Хронологическое собрание законов ... В 7 т. Т. 3: 1940-1947. С. 517–518.

питания», направленный, в том числе, и на предотвращение хищений социалистической собственности в торговле¹. В докладной записке Министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова «О состоянии уголовной преступности в СССР за 1947 г.», направленной И.В. Сталину 4 февраля 1948 г. было отмечено, что «С целью предотвращения краж из магазинов, складов и баз повсеместно проверялась сторожевая охрана. В результате проверки органов МВД было снято с работы 12113 сторожей, в том числе 3006 человек, ранее судимых за воровство, и 9107 престарелых и имеющих серьезные физические недостатки, препятствующие несению сторожевой службы. Проводилась также проверка пригодности помещений к хранению товарно-материальных ценностей»². Несмотря на принятые меры, во второй половине 1946 – первой половине 1947 г. количество растрат и хищений в торговой сети РСФСР возрастало.³

В послевоенный период возросло количество хищений на промышленных предприятиях. В докладной записке заведующего отделом Управления по проверке парторганов ЦК ВКП(б) И.И. Поздняка «О фактах увеличения преступности и хулиганства», направленной 10 февраля 1947 г. секретарю ЦК ВКП(б) Н.С. Патоличеву отмечалось, что «на некоторых промышленных предприятиях, в частности на текстильных фабриках, мелкие кражи, совершаемые рабочими и служащими, приняли массовый характер»⁴. В 1946 г. на текстильных фабриках Ивановской области было задержано 9600 рабочих и служащих, у которых было отобрано 180 тысяч метров ткани на 753 тыс. руб., среди арестованных за воровство на фабриках оказалось 408 коммунистов и 200 комсомольцев, а к уголовной ответственности за хищения на производстве было привлечено 65 членов партии⁵. В Свердловской области в первой половине 1946 г. было возбуждено 1017 уголовных дел по поводу мелких краж на производстве, во второй половине 1946 г. – 1152 дела⁶. Осуждено за данный вид преступлений в первой половине 1946 г. – 406 человек, во второй половине года – 550 человека.

---

¹ Богданов С.В., Орлов В.Н. Особенности развития законодательства по борьбе с экономической преступностью в СССР в 1945-1953 гг. // Современное право. 2010. № 10. С. 142.

² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 184-189.

³ Шишуев И. Крупнейший недостаток в работе судов Сахалина // Социалистическая законность. 1947. № 7. С. 26.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 6-7.

⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 40.

57% осужденных получили наказание сроком до одного года лишения свободы, 21,2% – условные сроки¹.

В период с 1945 по 1946 гг. за хищения государственной собственности к различным видам ответственности было привлечено 4980 рабочих, работников администрации и государственных служащих². К 1947 г. кражи и хищения составляли практически половину (49,2%) от всех зарегистрированных уголовных преступлений, совершаемых на территории страны³.

Обсуждение проблематики хищений в послевоенные годы приобретает широкий резонанс в юридических кругах. На страницах журнала «Социалистическая законность» вопросы хищений являлись важнейшими темами статей, обсуждений и предложений, высказанных читателями. В первой половине 1947 г. тематика хищений обсуждалась в рубрике журнала «Предложения читателей к разработке проектов УК и УПК СССР» и в отдельных статьях, посвященных этому проекту. Абсолютное большинство авторов, обращающихся к рассмотрению данной темы, выступало за ужесточение санкций в отношении расхитителей социалистической собственности. М. Бернштейн высказывался за необходимость объединения всех преступлений, касающихся посягательств на государственную, общественную, колхозную собственность в одну статью (в независимости от формы преступления и объема хищения), и ужесточении кары за хищения, так как «по закону от 7 августа квалифицируется лишь полтора – два процента всех хищений социалистической собственности»⁴. Васильев (прокурор г. Новотроицка Чкаловской обл.) и Школьников (начальник отдела общего надзора прокуратуры Новгородской обл.) предлагали повысить ответственность лиц, которым вверена охрана социалистической собственности⁵; Ковригин (начальник гражданско-судебного отдела Смоленской прокуратуры) требо-

---

¹ Там же.

² Беловол Я.О., Манукало А.В. Коррупция и антикоррупционная политика в годы правления И.В. Сталина // Институциональные и инфраструктурные аспекты развития различных экономических систем. Сборник статей междунар. научно-практической конференции. Уфа, 2016. С. 43.

³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344-347.

⁴ Бернштейн М. Конструкция норм о преступлениях против социалистической собственности в проекте Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. 1947. № 1. С. 1–3.

⁵ Предложения читателей по проектам УК и УПК СССР // Социалистическая законность. 1947. № 2. С. 21; Предложения читателей по проектам УК и УПК СССР // Социалистическая законность. 1947. № 6. С. 16.

вал ужесточения наказаний за хищение леса¹; Макеев (военный прокурор Московско-Горьковского участка Московско-Курской железной дороги) отмечал излишнюю мягкость санкций за хищение грузов с железных дорог и водного транспорта²; Арановский (прокурор г. Кандалакша Мурманской обл.) предлагал ввести уголовное наказание за истребление государственного имущества по неосторожности³. На страницах «Социалистической законности» 1946–первой половины 1947 гг. в статьях, посвященных обобщению практик судов по рассмотрению дел о растратах и хищениях, звучала острая критика судей всех инстанций, выносящих излишне мягкие приговоры за хищения – два или три года лишения свободы⁴, либо выносили оправдательные приговоры⁵.

Мнение о необходимости увеличения сроков наказаний за хищения бытовало и во властных кругах. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1947 г. по предложению секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова была создана комиссия по разработке предложений об усилении мер уголовного наказания за хищения государственного и общественного имущества⁶.

Кульминацией кампании по борьбе с хищениями стало принятие 4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР указа «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества»⁷. В нем понятие «хищение социалистической собственности» распространялось на все корыстные посягательства на государственную и общественную собственность (колхозную, кооперативную). В указе как хищение были указаны следующие преступные деяния: кража, присвоение, растрата или иное хищение имущества (при этом понятие «иное хищение имущества» в документе не раскрывалось). За хищение государственного имущества указ предусматривал лишение свобо-

---

¹ Предложения читателей по проектам УК и УПК СССР // Социалистическая законность. 1947. № 3. С. 16.

² Предложения читателей по проектам УК и УПК СССР // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 16.

³ Предложения читателей по проектам УК и УПК СССР // Социалистическая законность. 1947. № 6. С. 16.

⁴ Шишуев И. Крупнейший недостаток в работе судов Сахалина // Социалистическая законность. 1947. № 7. С. 26.

⁵ Из практики Прокуратуры СССР по надзору за соблюдением законности в суде // Социалистическая законность. 1947. № 3. С. 23.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 296. Л. 3.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

ды на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без нее; за хищение колхозной и кооперативной собственности – от пяти до восьми лет лишения свободы. В случае квалифицированных хищений сроки могли быть увеличены до двадцати пяти и двадцати лет соответственно. В указе не приводилось дифференциации наказаний по видам хищений, не было разграничений в ответственности в зависимости от формы хищения, т.е. любое хищение социалистического имущества вне зависимости от его объема квалифицировалось по этому закону. (22 августа 1947 г. пленум Верховного Суда СССР постановил, что в связи с принятием указа не подлежат применению ранее принятые указы, касающиеся хищений государственной и общественной собственности)*.

Как и в большинстве советских политических кампаний, важным элементом кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности была интенсивность и сжатые сроки реализации. В качестве указания судам предписывалось рассматривать дела о хищениях государственного и общественного имущества по первой инстанции¹, следственными органами данные дела должны были расследоваться в кратчайшие сроки. Так, например, прокуратура Свердловской области в 1947 г. окончила 92% дел о хищениях в срок до пятнадцати дней².

Оценка Указа от 4 июня 1947 г. и практика его применения становятся основными темами публикаций на страницах отечественных юридических изданий 1947–1948 гг. В оценке данного указа преобладали исключительно положительные отзывы. Авторы отмечали, что «он направлен на всемерную охрану социалистической собственности, являющейся источником зажиточной и культурной жизни всех трудящихся ... проникнут величайшей заботой о советском человеке, самоотверженно трудящемся над умножением богатства и могущества социалистического государства»³. Данный указ, «выражая интересы

---

* Не подлежали применению: Указ от 7 августа 1932 г., ст. 1 Указа от 10 августа 1940 г., статьи 59-3а, 116, 165, 166а, 167 и ч. 2 ст. 169 УК РСФСР. См.: Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР ... С. 9–10.

¹ Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников. Т. 3. М., 1949. С. 415–416.

² Ураков Л. Недостатки работы прокуроров и следователей по делам о хищениях государственного и общественного имущества // Социалистическая законность. 1948. № 4. С. 13.

³ Голяков И. Против извращения смысла указов от 4 июня 1947 года // Социалистическая законность. 1947. № 11. С. 20; Дурманов Н. Наказуемость хищения государственного и общественного имущества, краж личного имущества и разбоя по указам 4 июня 1947 года // Социалистическая законность. 1947. № 10. С. 4.

государства и волю народа, направлен против отдельных лиц, еще сохранивших в своем сознании пережитки капиталистического общества и вставших на путь легкой наживы за счет государства, за счет народа»¹. На страницах журнала «Социалистическая законность» работники прокуратуры и следователи призывались «не ограничивать свою работу только расследованием по поступающим к ним материалам о хищениях, а самим проявлять инициативу по выявлению этих преступлений»². В ряде случаев критиковались судебные органы за «необоснованное смягчение наказаний» к расхитителям государственной собственности³, а органы следствия и прокуратуры за «безответственное отношение к ведению дел о хищениях» (затягивании сроков рассмотрения дел, не правильном оформлении, небрежном сборе материалов и пр.)⁴.

После принятия Указа от 4 июня 1947 г. Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) подготовило для секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, А.А. Кузнецова, М.А. Сулова, Г.М. Попова информацию «О настроениях и высказываниях населения в связи с Указами Президиума Верховного Совета СССР об отмене смертной казни, об усилении охраны личной собственности граждан, об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» (от 12 июня 1947 г.), в которой отмечалось, что «советские граждане в большинстве своем очень позитивно отнеслись к ужесточению репрессивной линии государства в отношении расхитителей государственной и общественной собственности»⁵.

С лета 1947 г. количество осужденных за хищения социалистической собственности увеличилось. В 1947 г. было суждено 9684 чел. (по указу от 7 августа 1932 г.) и 150 173 чел. (по указу от 4 июня 1947 г.) – всего 159857 чел. В 1948 г. число осужденных составило 229433 чел., в 1949 г – 221 534 чел., в 1950 г. – 196 518 чел.⁶ Наблюдался резкий скачок количества осуждений на длитель-

---

¹ Усилить борьбу с хищениями государственной, общественной и личной собственности // Социалистическая законность. 1947. № 8. С. 2.

² Ураков Л. Недостатки работы прокуроров и следователей по делам о хищениях государственного и общественного имущества // Социалистическая законность. 1948. № 4. С. 13.

³ Голяков И. Усиление охраны государственной, общественной и личной собственности // Социалистическая законность. 1947. № 9. С. 5.

⁴ Сухоруков В. Дело, лежавшее без движения // Социалистическая законность. 1947. № 12. С. 21.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 19–23.

⁶ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР ... С. 174.

ные сроки: в 1946–1948 гг. количество приговоров на срок более 10 лет, вынесенных обычными судами, возросло в 330 раз – со 161 (в 1946 г.) до 51 111 (в 1948 г.)¹. По данным Н. Верта, за 6 лет (1947–1952 гг.) за хищение социалистической собственности около 100 000 чел. были осуждены особыми «линейными судами» на транспорте, выносящими приговор за кражи, совершенные железнодорожниками². Основным видом наказания было лишение свободы на срок от 3 до 10 лет. В социальном разрезе динамика числа осужденных за хищения варьировалась, отражая изменения экономической ситуации в стране. В 1947 г. вследствие голода большинство осужденных за хищения были сельскими жителями (рабочие составляли одну треть осужденных), а в 1948 г. возросло количество горожан (в основном работников торговли и общепита). Количество служащих, осужденных за хищение социалистической собственности, увеличилось с 17% (вторая половина 1947 г.) до 31% в 1948 г.³

Злоупотребления служебным положением со стороны местной партийно-государственной номенклатуры стали поводом для кадровых чисток в регионах страны. Многие руководители были сняты с работы (М.И. Генер первый заместитель председателя Красноярского крайисполкома, А.А. Белобородов – первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б), А.В. Лесков – второй секретарь Челябинского обкома ВКП(б)); переведены в другие регионы (первый секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) А.Б. Аристов); исключены из партии или из кандидатов в члены партии (директор Красноярского завода плодово-ягодных вин Н.В. Маслов, И.М. Зальцман – директор Челябинского Кировского завода)⁴. Что касается руководителей союзных министерств и главков, чья преступная деятельность была вскрыта Министерством государственного контроля СССР, то большинство из них даже не потеряли своих должностей. С занимаемых поста был снят только Т.Т. Литвинов. В.П. Зотову было поставлено на вид;

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 20-21.

² Верт. Н. Указ. соч. С. 384–385.

³ Там же.

⁴ Сушков А.В. Власть и коррупция: руководство Красноярского края ... С. 89–95; Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016; Сушков А.В. Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» ... С. 99–115.

Л.Н. Мнацаканов, П.Г. Москатов, Г.И. Зеленко получили строгий выговор; А.Н. Задемидко, Д.М. Юринов, А.В. Любимов, Е.Н. Невский – выговор¹.

Значительные злоупотребления были допущены работниками местных партийных, советских и финансовых органов в период проведения денежной реформы. По неполным данным нескольких выборочных проверок, только за 14 – 16 декабря в Госбанк под видом выручки были незаконно сданы личные средства на сумму 4 872 266 руб.² На вклады в сберкассы задним числом были оформлены 12 916 648 руб.³ В записке зав. отделом партийной информации Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) И. Поздняка «Об антигосударственных действиях руководящих работников при проведении денежной реформы» отмечено, что по неполным данным «нарушили Закон о проведении денежной реформы 145 секретарей райкомов и горкомов партии; ... 50 председателей райисполкомов и горисполкомов и 65 начальников городских и районных отделов МГБ и МВД», также в документе подчеркивались недостатки в реализации правоохранительной деятельности: «В то время как многие работники финансовых органов за допущенные ими злоупотребления привлекаются к уголовной ответственности, значительная часть руководящих работников партийных и советских органов остается по существу безнаказанной»⁴. Указанная в замечании И. Поздняка тенденция имела статистическое подтверждение. По преступлениям, связанным с незаконными вкладами и сокрытием от учета похищенных товаров в СССР было привлечено к уголовной ответственности 20 116 чел., в том числе 4 542 членов и кандидатов в члены ВКП(б)⁵. Из общего количества осужденных число лиц, не являющихся сотрудниками торговых и финансовых учреждений, составляло 3 449 чел. (около 17%). Характерно, что злоупотребления, допущенные гражданами при попытке сохранить свои деньги, расценивались как хищение социалистической собственности, санкционируясь по Указу от 4 июня 1947 г. К нарушителям применялись суровые приговоры. По 7–10 лет тюрьмы получали и горожане, купившие в период

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 282. Л. 240; Д. 286. Л. 243; Д. 287. Л. 33; Д. 291. Л. 267; Д. 310. Л. 47.

² Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. ... С. 242.

³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 4217. Л. 230.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 900. Л. 177–181.

⁵ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР ... С. 128.

реформы на 300–400 рублей билетов в метро, на 200 руб. марок, и работники торговли, закупившие товаров на десятки тысяч рублей¹. В отношении работников партийный и советских органов санкции за нарушение закона о проведении денежной реформы были более мягкими. Были сняты с должностей и исключены из партии М.А. Лыхин и С.Н. Комлев – начальники Красноуральского горотдела МВД и МГБ (Свердловская обл.); сняты с должностей и получили строгий выговор: Первый секретарь Кагановичского райкома ВКП(б) г. Свердловска К.Н. Ковач, Второй секретарь Чкаловского райкома ВКП(б) г. Свердловска А.Д. Новоструев². Большинство руководящих работников партийных и советских органов сохранили свои должности, получив выговор, партийное взыскание или им было указано на недостойное поведение (секретарь Карабудакентского райкома ВКП(б) (Дагестанская АССР), секретарь Руднянского райкома партии Сталинградской области, второй секретарь Рузаевского райкома партии (Мордовская АССР), председатель Свердловского горисполкома, секретари Сталинского и Красноармейского райкома партии (г. Сталинград) и др.)³. Таким образом, наиболее суровые уголовные наказания за хищения (как правило, непропорциональные объемам похищенного) получили простые представители городского социума, в то время как санкции в отношении представителей хозяйственного и партийного руководства РСФСР были преимущественно административными (выговор, увольнение и пр.). Такая неравноценность санкционирования преступлений, действующая в отношении представителей различных социальных групп, позволяет говорить не только о не однородности советского социума, но и о специфических «настройках» кампании по борьбе хищениями социалистической собственности 1947 г.

Как и большинство политических кампаний «сталинского» периода, данная кампания продолжалась недолго и пошла на спад уже в 1948–1949 гг. Е.Д. Твердюкова в подтверждение означенной тенденции приводит статистику условно осужденных за хищения, количество которых в 1948 г. возросло более чем в два раза (относительно общего количества привлеченных к ответственно-

---

¹ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. ... С. 245.

² ЦДОСО. Ф.4. Оп.44. Д.32. Л. 3-5.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 900. Л. 177–181.

сти): 1947 г. – 2,4%; 1948 г. – 5,2%; 1949 г. – 5,9%; 1950 г. – 6,8%¹. По Свердловской области за три квартала 1948 г. по Указу от 4 июня 1947 г. за хищение социалистической собственности было передано суду 4694 чел., за этот же период 1949 г. – 3556 чел.² В 1954 г. в Свердловской области по статье за хищения социалистической собственности было возбуждено 1296 уголовных дел, (1887 чел.), в первом полугодии 1955 г. было заведено 621 уголовное дело на 903 чел.³ В 1950-е гг. увеличилось число отмененных приговоров по Указу от 4 июня 1947 г. В первом квартале 1952 г. по причине поверхностного рассмотрения дел было отменено 4 465 приговоров⁴.

Спад интенсивности кампании проявился и в уменьшении количества статей, посвященных проблематике хищений социалистической собственности на страницах юридической периодики. В журнале «Социалистическая законность», изданном в 1947 г. данной проблематике было посвящено 11 статей, в 1948 г. – 15, а в 1949 г. всего 2 статьи. Синхронно со снижением интенсивности кампании происходит сокращение полномочий Министерства Госконтроля СССР. В августе–сентябре 1948 г. была принята серия правительственных резолюций, корректирующих права данного министерства (Постановления Совета Министров СССР: № 3215 от 26 августа 1948 г. «Об уточнении прав Министерства Государственного Контроля СССР и его представителей на местах»⁵, № 3570 от 23 сентября 1948 г. «Об изменении “Положения о народном комиссариате государственного контроля Союза ССР”, а также “Положения о государственном контроле за расходом и сохранностью хлебопродуктов” и “Положения о государственном контроле на железнодорожном транспорте”»⁶; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1948 г. «Об изменении и дополнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1940 г. “Об образовании Народного Комиссариата государственного контроля СССР”»). Права государственных контролеров были существенно урезаны. Отстранение от должности и привлечение виновных к судебной ответственно-

---

¹ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР ... С. 175.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 206. Л. 80.

³ Там же. Оп. 54. Д. 172. Л. 18.

⁴ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР ... С. 179.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 343. Л. 337.

⁶ Там же. Д. 346. Л. 134.

сти могло производиться только с разрешения Совета Министров СССР, наложение дисциплинарных взысканий с согласия одного из членов Бюро Совета Министров СССР. Контролерам было категорически запрещено проводить ревизии в министерствах, главных управлениях и комитетах при правительствах СССР и союзных республик, а также исполкомах областных и краевых советов. Можно было проверять лишь деятельность их структурных подразделений. Запрещалось при проверках и ревизиях изымать подлинные документы¹. В последующие годы объектами проверок Министерства Госконтроля СССР являлись заводы, колхозы, элеваторы, железнодорожные участки. Вскрытые в результате проверок и ревизий факты, в большей степени имели отношение к нарушению правил хранения сырья, технологии изготовления продукции и т.п. В текстах постановлений правительства, принятых по результатам этих проверок, руководители предприятий обвинялись в «безответственном отношении к делу», а не в «разбазаривании» государственных средств².

Тенденция «экономии», активизированная в 1948 г. во всех направлениях социально-экономической политики (направленная изыскание и аккумуляцию государством финансовых ресурсов), находит свое отражение и в реализации кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности. В конце 1940-х гг. тренд выявления расхитителей заменяется усилением внимания властей к практикам взыскания материального ущерба. На протяжении 1946–1948 гг. удельный вес взыскания материального ущерба снижался. Так, например, в 1946 г. по организациям Минторга СССР удалось взыскать 24,8% задолженности по растратам, в 1948 г. – 23,5%³. В Кузбассе остаток не взысканных с расхитчиков и воров в торговле средств составлял: на 1 января 1946 – 547 000 руб., 1947 – 1 557 000 руб., 1948 – 12 546 000 руб., 1949 – 15 875 000. руб.⁴

---

¹ Там же. Д. 343. Л. 337.

² Постановление Совета Министров СССР № 223 от 20 января 1949 г. «О нарушении технологической дисциплины и мерах по устранению недостатков в качестве велосипедов и мотоциклов, выпускаемых отдельными заводами Министерства автомобильной и тракторной промышленности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 357. Л. 138; Постановление Совета Министров СССР № 480 от 1 февраля 1949 г. «О недостатках в деле приемки и переработки эфирно-масличного сырья на предприятиях Министерства пищевой промышленности СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 359. Л. 110.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 2597. Л. 21.

⁴ Осипов В.А. Указ. соч. С. 89.

Активизация обращения властей к данной проблематике проявилась в принятии различными властными инстанциями серии нормативных актов, касающихся проблем взыскания ущерба: постановление Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г. № 248 «О взыскании ущерба, причиненного лицами, виновными в хищении и недостатке продовольственных и промышленных товаров»; приказ Министерства торговли СССР от 16 февраля 1948 г. № 91 «О взыскании ущерба, причиненного лицами, виновными в хищении и недостатке продовольственных и промышленных товаров»; постановление Пленума Верховного Суда СССР от 13 августа 1948 г. № 15/15/У «О применении постановления Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г. "О взыскании ущерба, причиненного лицами, виновными в хищении и недостатке продовольственных и промышленных товаров"»; циркулярное письмо Министра торговли СССР от 6 декабря 1950 г. №0458 «Об усилении взыскания сумм задолженности по недостаткам, растратам и хищениям» и пр.

Усиление внимания к проблеме взыскания ущерба нашло отражение и на страницах юридической периодики. В журнале «Социалистическая законность» были опубликованы статьи на данную тему, в которых ставились вопросы усиления надзора за ведением дел о хищениях, а также выносились предложения: «практиковать обеспечение взыскания ущерба еще в ходе ревизии», «обязать прокуроров и следователей не позднее следующего дня после поступления к ним материала принимать меры к обеспечению взыскания ущерба»¹.

Снижение интенсивности кампании по борьбе с хищениями не означало полного искоренения данной девиации в городском социуме РСФСР. Так, например, в торговых организациях г. Свердловска и Свердловской области в 1950 г. были вскрыты хищения, ущерб от которых составил 21 299 руб., в 1951 г. – 22 683 руб., в 1952 г. – 21 199 руб., в 1953 г. – 18 977 руб². Согласно справке Министерства торговли СССР в первом полугодии 1953 г. было выявлено недостатков, растрат и хищений на сумму 42 783 000 руб. (0,04% от оборота). О сохранении в конце 1940-х–начале 1950-х гг. в советском социуме данной девиа-

---

¹ Зыков И. Как обеспечить взыскание материального ущерба // Социалистическая законность. 1948. № 6. С. 48–49; Житловский Л. Полностью взыскивать материальный ущерб, нанесенный государству расхитителями // Социалистическая законность. 1949. № 7. С. 72–75.

² ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 9. Д. 8. Л. 29, 112.

ции свидетельствует и обращение законодателя к ее регулированию. В частности 21 ноября 1949 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О росте недостач и хищений»; 20 февраля 1953 г. Совет Министров СССР принял постановление № 541 «О значительных хищениях, растратах и недостачах товаров и денежных средств в организациях потребительской кооперации и Министерства торговли СССР»¹. 5 августа 1949 г. Министерством торговли была принята инструкция «О порядке проведения инвентаризаций ценностей и расчетов» направленная на ужесточение процедуры проведения ревизий и усиления контроля торгующих организаций. В 1953 г. со страниц журнала «Советская торговля» звучали призывы укрепить контролирующие кадры торговых организаций и «по всей строгости закона наказывать расхитителей социалистической собственности»². Значительная часть торговых работников не предавались суду, а просто увольнялись с предприятий. Так, например, в ОРСе комбината «Свердловскуголь» в 1950 г было принято на работу 1205 чел, а уволено 1331, из них за растраты и недостачи – 77 чел.; в 1951 г. было принято на работу 973 чел., уволено 884 чел. из них за растраты и недостачи– 57 чел³. В «Свердлмежрайторг» в 1951 г. было принято на работу 396 чел, выбыло 409 чел., из которых 102 чел. были уволены за растраты и хищения⁴. В 1953 г. количество осужденных за хищения составило по СССР 155 897 чел., из которых 148 801 чел. были приговорены к лишению свободы⁵. В целом, мероприятия по защите социалистической собственности, проводимые правительством в начале 1950-х гг., не принимают масштабов кампании 1947 г., уступая ей как по суровости санкций, так и по количеству «жертв».

Помимо защиты социалистической собственности советское уголовное право всегда способствовало охране государственной монополии торговли, посредством законодательного пресечения различных видов незаконной предпринимательской деятельности населения. В ряду преступных практик данной группы важное место занимала *спекуляция*.

---

¹ Богданов С.В., Орлов В.Н. Особенности развития законодательства ... С. 142.

² «Свято хранить социалистическую собственность» // Советская торговля. 1953. № 3. С. 7; Макаров М. Выше политическую бдительность торговых работников // Советская торговля. 1953. № 3. С. 12.

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 257. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР ... С. 181.

Изначально в ст. 107 УК РСФСР 1926 г. в отношении спекуляции определялся следующий состав преступления: «Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или не выпуска таковых на рынок»¹. В качестве наказания предусматривалось лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. То есть уголовно наказуемой была не скупка и перепродажа товаров вообще, а только та, которая сопровождалась злостным повышением цен, а также сокрытием или невыпуском товаров на рынок. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 «О борьбе со спекуляцией»², формулировка нормы была изменена: «скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления», а срок лишения свободы увеличен. В тексте УК РСФСР обозначался нижний порог срока лишения свободы – не ниже 5 лет с полной или частичной конфискацией имущества. В постатейных материалах и комментариях к статьям УК, был приведен следующий текст из постановления от 22 августа 1932 г.: «Ввиду того, что за последнее время, несмотря на запрещение, участились случаи спекуляции, особенно спекуляции товарами массового потребления, ЦИ и СНК Союза ССР обязывает органы прокуратуры и местные органы власти применять меры к искоренению спекуляции, применяя к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 5 до 10 лет без права применения амнистии»³.

Спекуляция являлась характерной чертой советской городской повседневности послевоенных лет. В период с 1945 по 1946 г. зафиксированное число случаев спекуляции увеличилось на 40,4%⁴. В 1947 г. количество дел о спекуляции составило 4,3% от всех преступлений, зарегистрированных органами милиции. Всего за период с 1945 по 1948 гг. количество преступлений, связанных со спекуляцией, увеличилось на 59,3%⁵.

Практики спекулятивной деятельности горожан отражали специфику системы распределения товаров, существовавшей в послевоенные годы. В период

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. ... Ст. 107.

² Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1932. № 65. Ст. 375.

³ Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 декабря 1938 г. ... С 167.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344-347.

⁵ Богданов С.В. Спекуляция в СССР 1945–1953 гг.: причины, масштабы, особенности // Новый исторический вестник. 2009. № 22. С. 43.

существования карточной системы снабжения одним из направлений спекуляции была продажа карточек. В Хабаровском крае только в августе-сентябре 1946 г. было возбуждено 32 дела о спекуляции хлебными карточками¹. По данным С.В. Богданова, на рынках страны в период с октября по декабрь 1946 г. органами милиции за куплю и продажу карточек было задержано 66793 чел., из них 10 063 чел. было привлечено к уголовной ответственности. У привлеченных к уголовной ответственности было изъято: карточек и талонов на хлеб и другие продукты – 424 566 шт. (что в переводе на хлебопродукты составило 4952 тонны); карточек и талонов на питание – 126 146 шт.; на промтовары – 330 940 шт.² В 1947 г. за куплю-продажу карточек было задержано 74 053 человека, из них 14 191 человек были привлечены к уголовной ответственности (большинство из них были работниками учреждений и предприятий системы централизованного снабжения: 1 127 сотрудников карточных и контрольно-учетных бюро; 2 586 работников торговых организаций, 2 171 уполномоченных по выдаче карточек). У привлеченных к ответственности было изъято карточек и талонов на продукты 419 986 штук (что в переводе на хлебопродукты составило 793,8 тонн), 98 944 карточек и талонов на питание, 194 743 карточек и талонов на промтовары³.

13 сентября 1946 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 2062-852с «Об усилении борьбы со спекуляцией», в котором органам милиции, прокуратуры и суда указывалось не недостаточно интенсивную работу в направлении борьбы с данным видом преступлений⁴. О необходимости активизации деятельности правоохранительных органов по искоренению спекуляции говорилось в тексте постановления Пленума Верховного суда СССР от 20.09.1946 № 10/8/у «О судебной практике по делам о спекуляции»⁵. Также в постановлении были отмечены недостатки в практике работы прокуратуры и судебных органов по ведению данных дел: мягкость приговора (ниже предела, указанного в законе), не применение конфискации, не правильная квалика-

---

¹ Слабнина Л.А. Подготовка к отмене карточной системы ... С 132.

² Богданов С.В. Спекуляция в СССР 1945–1953 гг. ... С. 17.

³ Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения ... С. 40.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 284. Л. 29.

⁵ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. ... С. 32–34.

ция преступлений (в результате чего спекулянты остаются на свободе), не привлечение к суду соучастников и должностных лиц, виновных в продаже спекулянтам товаров¹. В качестве указания судам предписывалось рассматривать дела о спекуляции по первой инстанции в краевых, областных и верховных судах союзных и автономных республик². Министерством внутренних дел СССР 23 сентября 1946 г. был издан приказ № 00856, в котором указывалось: «В декадный срок проверить работоспособность наличной агентуры по спекуляции и принять срочные меры к пополнению ее квалифицированными агентами из среды, связанной со спекулянтами, расхитителями, взяточниками и должностными лицами, способствующими спекулянтам»³. Активизация борьбы со спекуляцией отразилась в изменении структуры правоохранительных органов. В ОБХСС УМ МВД, Управлениях МВД (УМВД) были организованы специальные отделения по борьбе со спекуляцией. Органами ОБХСС Новосибирской области в 1946–1947 гг. было арестовано за спекуляцию 1200 человек, изъято золота на 1760 р., денег 674 тыс. руб., хлебо-продуктов 12 тыс. кг, масла 1 т, жиров 1,1 т, других продуктов на 220 тыс. руб.⁴ Согласно данным органов МВД-МГБ, только за первый квартал 1947 г. к уголовной ответственности за спекуляцию в г. Москве было привлечено 17784 человека. При этом было выявлено 2932 организованных групп, у которых в ходе обыска было изъято: 23743 руб. монетами царской чеканки, 4 кг золота в слитках, 19 441 642 руб. наличными, промтоваров на сумму 15 334 014 руб. и 325 т. продуктовой продукции⁵. Проведение кампании по борьбе со спекуляцией проявилось в увеличении количества дел, возбужденных следственными органами по данной статье. В первом квартале 1946 г. в Свердловской области было возбуждено 117 дел, во втором – 119, в третьем – 114, а в четвертом – 241 (около половины из данных дел в каждом квартале касалось спекуляции продовольственными карточками)⁶. В Молотовской области в 1946 г. по статье за спекуляцию было воз-

---

¹ Там же.

² Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников. ... С. 415–416.

³ Беркутов А. С. Некоторые особенности развития органов БХСС в 1940-1960-е годы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 70 – 72. С. 70.

⁴ Осипов В.А. Указ. соч. С. 67.

⁵ Москва послевоенная. 1945–1947гг. ... С. 476.

⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 41.

буждено 414 уголовных дела, привлечено к уголовной ответственности 652 человека, в 1947 г. количество уголовных дел возросло до 672, а число осужденных до 939 чел¹. Ужесточились и меры наказания, применяемые к осужденным. В первом квартале 1946 г. из общего количества осужденных за спекуляцию в Свердловской области 30,6% получили условные сроки. В ноябре того же года только 4% осужденных получили условные сроки, а по 88% дел судами были вынесены решения, приговаривающие осужденных к пяти и более годам лишения свободы².

Актуализация проблематики борьбы со спекуляцией в послевоенном советском социуме отразилась в дискуссиях юридического сообщества. Тема спекуляции фигурировала на страницах журнала «Социалистическая законность», в контексте обсуждения проекта УК СССР. Так житель Пятигорска В.Е. Чугунов предлагал для пресечения спекуляции ввести в УК СССР статью, предусматривающую наказание за покушение на спекуляцию, то есть «за приобретение большего количества продуктов или промышленных товаров, чем это нужно для удовлетворения потребностей одного человека или его семьи»³. Необходимость данной статьи В.Е. Чугунов аргументировал тем, что скупка большого количества вещей или продуктов, как и спекуляция, нарушает товарооборот и нормальное снабжение населения. Санкции за покушение на спекуляцию должны быть меньшими, чем за совершение спекуляции. По мнению Кудряшова, в УК СССР должны быть дифференцированы санкции за спекуляцию: в отношении лиц, занимающихся общественно-полезным трудом и совершивших преступление впервые, и граждан, не занятых общественно-полезным трудом, а также совершивших спекуляцию неоднократно или в особо крупных размерах. В отношении первых срок наказания должен быть ниже 5 лет, а в отношении вторых – более 5 лет с конфискацией имущества⁴.

Отмена карточной системы и проведение денежной реформы потребовали внесения корректив в борьбу со спекуляцией. Министерство внутренних дел

---

¹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 31.

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 42.

³ Предложения читателей по проектам УК и УПК СССР // Социалистическая законность. 1947. № 6. С. 16.

⁴ Предложения читателей по проектам УК и УПК СССР // Социалистическая законность. 1947. № 2. С. 21.

издало ряд распоряжений: №795 от 12 декабря 1947 г. «О мероприятиях в связи отменой продовольственных и промышленных карточек»; №430 от 19 декабря 1947 г. «О мероприятиях по усилению борьбы со спекуляцией в связи с отменой карточек на продовольственные и промышленные товары»; № 831 от 25 декабря «О мероприятиях по выявлению злоупотреблений в связи с проведением денежной реформы», в которых были обозначены конкретные мероприятия по борьбе со спекуляцией. Кампания по выявлению спекулянтов была развернута во всех городах страны. В 38 регионов (республик, краев и областей) были командированы на 20 дней уполномоченные МВД СССР для оказания практической помощи, в города и крупные промышленные районы направлялись опытные оперативные работники, устанавливалось наблюдение за рынками. На каждый рынок выделялось необходимое число оперативников и сотрудников милиции во главе с сотрудниками ОБХСС. В результате реализации данной политики, по данным Е.Д. Твердюковой, за вторую половину декабря 1947 г. к ответственности было привлечено 4 137 чел., а за январь 1948 г. это количество увеличилось почти втрое – до 12 118 чел.¹ В то же время уже в 1948 г. фиксируется некоторое смягчение репрессивной политики, реализуемой в отношении спекулянтов. В первом полугодии 1948 г. в Кемеровской области реальный уголовный срок в качестве меры наказания был применен лишь к 20% граждан, осужденным за спекуляцию².

В целом, проводимую кампанию по борьбе со спекуляцией характеризует следующая статистика: за 1947 г. за данное преступление было осуждено 33087 чел., в 1949 г. – 25 945 чел., 1950 г. – 18 191 чел., 1951 г. – 17 930 чел., 1952 г. – 20 667³. В Свердловской области в 1952 г. у спекулянтов было изъято имущества, подлежащего конфискации, на сумму 487 448 руб., а в первом квартал 1953 г. на сумму 495 299 руб.⁴ В 1953 г. за спекуляцию по области было осуждено 290 чел., в 1954 г. – 189 чел., а за 10 месяцев 1955 г. – 111 чел.⁵ Приведенные статистические данные позволяют прийти к выводу, что кампания по борьбе со

---

¹ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР. ... С. 216.

² Бурчак В.Я. Указ. соч. С. 199.

³ Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР. ... С. 216, 220.

⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 22. Д. 520. Л. 20.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 53. Д. 113. Л. 73; Ф. 161. Оп. 27. Д. 63. Л. 1.

спекуляцией, инициированная во второй половине 1940-х гг. имела максимальную интенсивность в период второй половины 1946–1947 гг., после чего пошла на спад. О произошедшем в конце 1940-х–начале 1950-х гг. снижении интенсивности кампании, свидетельствуют не только данные о количестве осужденных, но и значительное уменьшение обращений к этой теме на страницах юридической периодики. На страницах издания «Социалистическая законность» 1947 г. проблематика борьбы со спекуляцией упоминается трижды в различных заметках и статьях, в 1948 г. в журнале помещены два материала, а в 1949 г. в журнале нет ни одного материала по теме спекуляции.

В 1948 г. государство усилило репрессии в отношении изготовителей *суррогатных спиртных напитков*. До 1948 г. ответственность за самогонование предусматривалась статьей 102 УК РСФСР, в рамках которой изготовление и хранение самогона с целью сбыта в виде промысла санкционировалось лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до 1 года или штрафом до 500 руб. А изготовление и хранение самогона для личных нужд, не влекло судебной ответственности и преследовалось лишь в административном порядке (исправительно-трудовые работы на срок до 1 месяца или штраф до 100 рублей)¹. В 1946 году за эти преступления было осуждено 7945 чел. и в 1947 году – 7763 чел.² 7 апреля 1948 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона»³. В Уголовный кодекс были внесены поправки, согласно которым изготовление и хранение самогона с целью сбыта, сбыт самогона, а также изготовление и сбыт в виде промысла аппаратов, специально служащих для изготовления самогона, каралось лишением свободы на срок от 6 до 7 лет с конфискацией всего или части имущества, а изготовление самогона без цели сбыта – лишением свободы на срок от 1 до 2 лет⁴. По данной статье в 1948 году осудили 52 320 чел., в 1949-м – 41 572 чел., в 1953-м – 21 875 чел.

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 декабря 1938 года. ... С. 52.

² Жирнов Е. Дело о полном уничтожении самогона // Коммерсант. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2082632> (дата обращения: 25.06.2018).

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 14.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР. Офиц. текст с изменениями на 1 января 1952 года. ... С. 38–39.

Оценивая репрессии послевоенного периода, Д. Фильцер отмечает их «демократичность», так как их жертвами в подавляющем большинстве оказалось простое население (рабочие, служащие, крестьяне).¹ Несмотря на то, что вывод Д. Фильцера основывается на данных об осужденных по различным статьям, он справедлив и в отношении социальной направленности проводимых в послевоенный период кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности, спекуляцией, и другими девиантными экономическими практиками городского населения. Как и в 1930-е гг. (Указ от 7 августа 1932 г.), послевоенное ужесточение санкций в отношении экономических преступлений граждан, было принято в период, связанный с одной стороны, с голодом и товарным дефицитом, а с другой стороны с необходимостью интенсификации индустриального развития страны. Ужесточение сроков наказания за хищения социалистической собственности, при отсутствии дифференциации санкций от объемов похищенного, привело на скамью подсудимых значительное количество ранее не судимых граждан. Возрастание числа лиц, попавших в ИТЛ, не нарушало планов властей по восстановлению государства, обеспечивая стройки и предприятия страны трудовыми ресурсами.

Задача искоренения хищений социалистической собственности в высших эшелонах власти не ставилась в послевоенные годы (хотя органы, ориентированные на ее решение были созданы). Активная деятельность в 1946–1948 гг. Министерства государственного контроля СССР была призвана скорее припугнуть номенклатуру, желающую после войны жить в свое удовольствие. Данная задача была, в значительной мере, выполнена. В послевоенные годы стабильно высоким оставался показатель исключенных из партии за экономические преступления, например, в Томской партоганизации – около трети от всех исключенных. Вместе с тем, сложившаяся система «самоочищения» элиты не приводила к качественным изменениям, поскольку негативные явления были имманентно включены в бюрократизированную систему управления и принципы номенклатурного отбора².

---

¹ Фильцер Д. Указ. соч. С. 46–47.

² Калинина О.Н. Советская номенклатура и система внутрикорпоративной охранительности в позднесталинский период (1946-1953 гг.) // Советское общество в период позднего сталинизма. 1945-1953. М., 2015. С. 307, 311.

Максимальная интенсивность кампаний по борьбе с экономическими преступлениями (хищениями, спекуляцией и пр.), фиксируемыми в городской среде, пришлась на период 1946–1947 гг. Именно в эти годы ужесточаются санкции за экономические преступления, значительно возрастает количество горожан, осужденных по данным статьям, активизируется обсуждение означенных проблем в СМИ. Спад проводимой кампании по борьбе с экономическими девиациями граждан (1948–1949 г.) происходит синхронно с ослаблением других репрессивных методов социально-экономического регулирования, реализуемых в рамках мобилизационной экономической модели (смягчением законодательных норм, регулирующих трудовую дисциплину на предприятиях и пр.).

Таким образом, предпринятый анализ стадильности и социальной специфики проводимой в послевоенный период кампании по борьбе с экономическими девиациями городского населения, позволяет прийти к выводу, что данная кампания являлась инструментом, направленным на решение задач мобилизационной экономики. Основной задачей этой экономической модели было приоритетное развитие тяжелой индустрии, а население страны выступало ресурсом для ее осуществления. Аккумуляция средств реализовывалась как путем проведения денежной реформы, борьбы с «частником», повышения тарифов на коммунально-бытовые услуги, так и посредством проведения кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности и другими экономическими преступлениями горожан. «Острие» кампании было направлено на простое население страны, реализуясь в усилении контроля и введении жестких уголовных санкций в отношении граждан. Задача смены советской элиты не ставилась в рамках данной экономической модели, чем объясняется сравнительно «мягкое» прохождение кампании по борьбе коррупцией, хищением социалистической собственности в верхах советского социума.

Достижение в конце 1940-х гг. задач восстановления довоенных объемов производства в ряде отраслей индустрии, преодоление голода, а также решение кадровой проблемы на предприятиях, способствовало ослаблению мобилизационного режима, проявившемуся в снижении интенсивности кампаний по борьбе

с экономическими девиациями в городской среде (которые не были полностью искоренены). Вследствие изменившихся экономических реалий борьба с хищениями в торговле, инициированная в начале 1950-х гг., не приобретает масштабов кампаний 1947–1948 гг., уступая им как по охвату сфер городской инфраструктуры, в которых выявлялись расхитители, так и по количеству осужденных. В 1950-е гг. происходит дальнейшее ослабление репрессивных санкций в отношении лиц, совершивших экономические преступления. В Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», принятом 27 марта 1953 г. была обозначена идея о смягчении уголовного наказания, как метода коррекции девиантных поведенческих моделей граждан: «В результате упрочения советского общественного и государственного строя, повышения благосостояния и культурного уровня населения, роста сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга укрепились законность и социалистический правопорядок, а также значительно сократилась преступность в стране. ... в этих условиях не вызывается необходимостью дальнейшее содержание в местах заключения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой опасности для государства, и своим добросовестным отношением к труду доказавших, что они могут вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами общества»¹. Из мест заключения освобождались граждане, осужденные за должностные и хозяйственные преступления (независимо от срока наказания). В данный список входили и такие преступления как хищения, взяточничество, спекуляция и пр. Амнистия не применялась к лицам, осужденным на срок более 5 лет за крупные хищения социалистической собственности². Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества», принятом 10 января 1955 г. были снижены сроки уголовного наказания за совершенные впервые мелкие хищения государственного или общественного имущества. Данные преступления выводились из под действия Указа от 4 июня 1947 г. В качестве санкций за мелкие хищения устанавливалось наказание в виде исправительно-трудовых работ сроком от шести месяцев до одного года, ли-

---

¹ Правда. 1953. 28 марта. С. 1.

² Там же.

бо трех месяцев лишения свободы. В случае совершения повторного хищения виновному грозило наказание в виде лишения свободы сроком от одного года до двух лет.

Таким образом, отказ от мобилизационных методов социально-экономического регулирования, явившийся следствием изменения политической конъюнктуры в середине 1950-х гг., проявился в дальнейшем ослаблении репрессивных механизмов борьбы с экономическими преступлениями.

3.3. Правовое регулирование трудовых нарушений горожан

В рамках мобилизационной модели экономики вопросы трудовой дисциплины имели первостепенное значение, так как от их решения зависела возможность достижения задачи послевоенного восстановления индустрии.

В Уголовном кодексе РСФСР были обозначены следующие нормы, касающиеся нарушений гражданами производственно-технической дисциплины и своих трудовых обязанностей (ст. 59.3 в, г, 105, 108, 111, 111 а, 112, 128, 128 а, 133, 133 а). О важности «трудовых» преступлений свидетельствует не только их количественная выраженность в УК РСФСР, но и весомость санкций за нарушение дисциплины труда. Нарушение работниками транспорта и авиации трудовой дисциплины и своих служебных обязанностей, а также обсчет и обвес покупателей предусматривали применение максимального срока наказания (10 лет) (ст. 59.3 в, г; 59. 11; 128 в)¹.

Обратимся к рассмотрению практик борьбы с такими трудовыми девиациями городского населения РСФСР как: *прогулы, трудовое дезертирство, бесхозяйственность, уклонение от трудовой деятельности*.

Превалирующими нарушениями в городской среде являлись *прогулы и самовольные уходы* (трудовое дезертирство) работников с предприятий. Регулирование данных проблем имело общую нормативную базу, осуществляясь посредством законодательных норм, введенных в начале 1940-х гг. и период военного времени. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... С. 24.

июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», самовольный уход с работы, прогул или опоздание карались тюремным заключением (от 2 до 6 месяцев в зависимости от состава правонарушения)¹. Повторный прогул без уважительной причины, рассматривался как самостоятельное преступление². 23 июля 1940 г. пленумом Верховного суда были даны дополнительные разъяснения по применению данного указа: в случае повторного нарушения дисциплины срок исправительно-трудовых работ, данный за первый проступок, превращается в срок заключения. 19 октября 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие», согласно которому, «лица, виновные в невыполнении приказа ... об обязательном переводе на другое предприятие или в учреждение, считаются самовольно ушедшими с предприятия или учреждения и предаются суду» по статье 5 Указа ... от 26 июня 1940 г. о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»³. 28 декабря 1940 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)», в соответствии с которым ученики, самовольно ушедшие из этих учебных заведений, а также исключенные из них вследствие «грубого нарушения школьной дисциплины», заключались в трудовые колонии сроком до одного года⁴. На оборонных предприятиях за трудовое дезертирство судили военные трибуналы, действовавшие на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»⁵. В соответствии с данным Указом самовольный уход с оборон-

---

¹ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР за 1938–1944 гг. М., 1945. С. 141–142.

² Постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 июля 1941 г. «Об изменении постановления пленума Верховного суда Союза ССР от 23 июля 1940 г. № 25/14у» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М., 1942. С. 67.

³ Ведомости ВС СССР. 1940. № 42.

⁴ Ведомости ВС СССР. 1941, № 1.

⁵ Ведомости ВС СССР. 1942, N 2.

ного предприятия карался тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. Во время войны перечень оборонных объектов постоянно расширялся, включая в себя не только заводы, производившие вооружение, но и предприятия других отраслей, производивших продукцию для нужд обороны (угольные шахты, текстильные фабрики, заводы по производству каучука). В 1943 г. военное положение было введено на железных дорогах, морском и речном транспорте¹. Для работников транспорта устанавливалась ответственность за преступления на службе наравне с военными (самовольная отлучка свыше суток или самовольный уход с работы квалифицировались по п. «г» ст. 193. 7. УК РСФСР, предусматривающей наказание в виде лишения свободы сроком от 5 до 10 лет)². Поддержание дисциплины труда осуществлялось и путем корректировки норм продовольственного снабжения горожан. Согласно Приказу Наркомата торговли СССР № 356 от 24 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» рабочим, совершившим прогул, с момента вынесения решения суда и до отбытия наказания в порядке исправительно-трудовых работ на данном предприятии, хлеб отпускался по сниженным нормам: на 200 г на тех предприятиях, для рабочих которых установлена норма в 800 и более гр. в день; на 100 гр. – на всех остальных предприятиях. В случае если рабочий, в течение месяца выполнял нормы выработки (при сдельной оплате труда), или добросовестно относился к своей работе, по решению директора нормы снабжения рабочего могли быть восстановлены³.

Не смотря на окончание войны, в послевоенные годы действие данных законов не было отменено. Произошедшее в годы войны расширение перечня оборонных объектов привело к распространению жёстких мер контроля трудовой дисциплины на сотрудников значительного количества предприятий, сохранивших статус «оборонных» и после войны. Важно отметить, что в первые послевоенные годы отмечалось увеличение категорий граждан, попадающих

---

¹ Указы Президиума Верховного Совета СССР «О введении военного положения на всех железных дорогах» от 15 апреля 1943 г. и «О введении военного положения на морском и речном транспорте» от 9 мая 1943 г. (Подробнее см.: Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года ... С. 46).

² Из практики Пленума Верховного суда СССР // Социалистическая законность. 1948. № 5. С. 55.

³ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы ... С. 94–95.

под уголовную ответственность в случае нарушения трудовой дисциплины. 30 января 1948 г. Пленум Верховного суда СССР принял руководящее указание, согласно которому, ответственность за нарушение трудовой дисциплины распространялась и на работников, поступивших работать на транспорт на определенный срок. (Действие указов 1943 г. не распространялось только на лиц, выполняющих на транспорте сезонную или временную работу)¹.

Вне зависимости от причин прогулов и опозданий борьба с ними реализовывалась посредством судебного преследования нарушителей. В Свердловской области количество осужденных за прогул составило в третьем квартале 1946 г. – 12 397 чел., в четвертом – 13 155 чел.² С мая по август 1947 г. на предприятиях Первоуральска за прогулы было осуждено 219 чел.³ В 1948 г. в Свердловской области было рассмотрено 36 934 дела о прогулах и опозданиях, в первой половине 1949 г. – 19 048⁴. В первом квартале 1951 г. в Свердловской области было заведено 11 008 дел о прогулах без уважительной причины (51,7% всех дел, рассмотренных судами), по ним было осуждено 9476 чел.⁵ По расчетам В.Н. Земскова, количество осужденных за прогул на срок до шести месяцев исправительных работ по месту службы с вычетом до 25% заработной платы составило: в 1946 г. – 861 340 чел., 1947 г. – 684 441 чел., 1948 г. – 564 590 чел., 1949 г. – 517 459 чел., 1950 г. – 513 891 чел., 1951 г. – 315 275 чел., 1952 г. – 147 885 чел.⁶ Статистика осужденных не воссоздает всей картины распространения нарушений трудовой дисциплины в промышленности, так как далеко не все нарушители были осуждены. Например, по сведениям ЦСУ СССР, в 1950-м г. совершили прогул 869 800 чел., а количество осужденных за данное нарушение составило 513 891 чел. В отношении обвиняемых прогульщиков выносились и оправдательные приговоры. В Свердловской области в третьем квартале 1946 г. судами был вынесен 1 621 оправдательный приговор, а в четвертом квартале – 1 728⁷. Основанием для вынесения оправдательного

---

¹ Там же.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 52.

³ Там же. Д. 222. Л. 155.

⁴ Там же. Оп. 45. Д. 206. Л. 39.

⁵ Там же. Оп. 49. Д. 130. Л. 18–22.

⁶ Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года ... С. 45.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 52.

приговора являлись: неправильно оформленные документы, отсутствие одежды и обуви у прогульщиков, а также иные обстоятельства, выявляющие невиновность обвиняемого. Так, например, рабочий завода № 518 В.И. Послыхалин был привлечен к ответственности за уход с работы раньше срока на 32 минуты. Он бы оправдан судом, т.к. выяснилось, что он был отпущен с работы мастером¹. Сменный мастер Каменск-Уральского металлургического завода О.Л. Лебедева почувствовала себя плохо (болезнь сердца) и ушла с работы раньше на 4 часа. После этого О.Л. Лебедева находилась на стационарном лечении, прошла ВТЭК, получила инвалидность, но материалы об оставлении ею работы были переданы в нарсуд. Суд О.Л. Лебедеву оправдал².

Проблема побегов рабочих с предприятий также решалась правовыми методами. В январе 1946 г. в Свердловской области было осуждено 29 учеников, сбежавших из учреждений системы трудовых резервов³. По Свердловской области за трудовое дезертирство было осуждено в третьем квартале 1946 г. – 258 чел., в четвертном квартале – 131 чел.⁴ С мая по август 1947 г. на предприятиях Первоуральска за трудовое дезертирство было осуждено 242 чел.⁵ По данным В.Н. Земскова за самовольную смену места работы по Указам от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. в 1946 г. было осуждено 237 707 чел., в 1947 г. – 290 425 чел., в 1948 г. – 281 340 чел., в 1949 г. 267 869 чел., в 1950 г. – 208 962 чел., в 1951 г. 133 823 чел., в 1952 г. – 179 695 чел.⁶

Из общего количества осужденных работники оборонных предприятий и транспорта составляли 35% (1946 г.), 26% (1947 г.), 10% (1948 г.). В третьем квартале 1947 г. военный трибунал войск МВД Молотовской области рассмотрел 965 дел в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 г., в то время, как на все остальные преступления приходилось только 54 дела⁷. При этом далеко не все осужденные за дезертирство приговаривались к лишению свободы сроком от пяти до восьми лет. Г.М. Иванова, анализируя судебную практику военных

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 206. Л. 47.

² Там же.

³ Там же. Ф. 236. Оп. 5. Д. 52. Л. 38.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 48.

⁵ Там же. Д. 222. Л. 155.

⁶ Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года ... С. 45.

⁷ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить ... С. 67.

трибуналов о дезертирстве и самовольных отлучках на железнодорожном и водном транспорте, приходит к выводу, что в 1946 и 1947 гг. по этим делам было осуждено 26 212 и 20 076 чел. соответственно, в том числе: условно – 5620 (21,4%) и 1272 (6,3%) чел.; приговорены к лишению свободы – 17 770 (67,8%) и 16 242 (81%) чел.; к исправительно-трудовым работам без содержания под стражей – 2822 (10,8%) и 2562 (12,7%) чел. соответственно¹. На период 1946–1947 гг. приходится наибольшее количество осужденных да трудовое дезертирство. Среди дезертировавших рабочих большинство составляли мобилизованные во время войны и репатрианты. В отчете прокуратуры Челябинской области (апрель 1947 г.) отмечалось, что среди «дезертиров трудового фронта» можно выделить четыре категории: досрочно освобожденные; мобилизованные во время войны; молодые люди, пришедшие из школ ФЗО; рабочие, набранные по системе оргнабора из сельской местности других регионов².

Руководство предприятий, не желая терять кадры, также старалось препятствовать увольнениям рабочих. Один из способов «задержания» рабочих описан в жалобе электрика конторы «Сельэнерго» М.В. Елисеева (г. Ирбит, Свердловская обл.), который на свое заявление об увольнении получил ответ директора: «не возражаю, найдите себе замену»³. Аналогичные случаи «задержания» рабочих директорами предприятий фиксировались во многих регионах РСФСР⁴, свидетельствуя о широком распространении означенных практик. Данные факты свидетельствуют о том, что в послевоенный период, помимо сохранения суровых законов военного времени широко применялись методы внеправового регулирования проблематики текучести кадров.

Поиском «дезертиров трудового фронта» занимались органы милиции, получавшие розыскные задания от прокуратуры. Нередко передача розыскных заданий существенно затягивалась. Так, например, рабочий завода № 183 Г.Н. Малюга дезертировал 3 декабря 1946 г., а розыскное задание поступило в милицию только 25 апреля 1947 г.⁵ Фиксировались случаи, когда дезертиров на-

---

¹ Иванова Г.М. История ГУЛАГа ... С. 274

² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 158.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5847. Л. 64.

⁴ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить ... С. 68.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 109.

ходили, но они избегали наказания. В марте 1947 г. райотделом милиции г. Кушва был задержан Зайков, дезертировавший с Богословской угольной шахты. Прокурор г. Кушвы его освободил. Зайков съездил на место работы, получил продуктовые карточки и снова уехал в Кушву, где был задержан за дезертирство и вновь освобожден прокурором¹.

В целом, реализуемая в послевоенные годы политика контроля трудовой дисциплины и закрепления кадров на предприятиях путем уголовного преследования прогульщиков и «дезертиров трудового фронта», не приносила эффективных результатов. Мнение о политической нецелесообразности массового судебного преследования прогульщиков было высказано Генеральным прокурором СССР Г. Сафоновым в проекте обращения к Сталину в июне 1946 г. Г. Сафонов отмечая, что после амнистии 1945 г. за прогулы было осуждено почти 500 тыс. нарушителей и 55 тыс. человек за самовольный уход с предприятий, а также приводя цифры осужденных за дисциплинарные нарушения, численность которых составляла от 10% до 20% работников организаций, пишет: «...в подобной ситуации наказания за преступления в значительной степени утрачивают свое общественно-воспитательное и профилактическое значение и становятся, по существу, обычным явлением повседневной жизни. Меры наказания прогульщиков – исправительные работы сроком до шести месяцев – по существу сводятся к плановым денежным вычетам в размере до 25% месячной зарплаты рабочих и служащих»². Замечания об излишней суровости наказания трудовых дезертиров высказывались Министерством юстиции и Министерством путей сообщения, которые в августе 1946 г. настаивали на снятии военного положения на транспорте, оставив в силе Указ от 26 июня 1940 г. и дополнив его способствующей снижению текучести кадров, программой материального стимулирования работников³.

На предприятиях, не имеющих отношения к промышленности, железнодорожному транспорту и ВПК, контроль дисциплины труда был не столь суров, но, тем не менее, действие закона от 26 июня 1940 г. распространялось на со-

---

¹ Там же. Л. 110.

² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 3147. Л. 1.

³ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 6966. Л. 20-23.

трудников этих организаций и учреждений. Так, например, народный суд Дзержинского района г. Курска признал врача Г.Ф. Бергман виновной в том, что она уклонилась от поездки на работу в Кемеровскую область, а устроилась на работу в психиатрическую больницу г. Курска. Г.Ф. Бергман была приговорена судом к 3-м месяцам тюремного заключения¹. Впоследствии приговор Г.Ф. Бергман был отменен, (так как в деле имелись формальные нарушения*), но фактически отказ выпускника учебного заведения работать в учреждении, куда он командируются, являлся основанием для уголовного преследования. Действие данного Указа распространялось на выпускников аспирантуры. Они должны были проработать в течение трех лет в вузах или НИИ по путёвкам министерств и ведомств, в ведении которых находятся данные организации². В противном случае, к уголовной ответственности привлекались как сами выпускники, так и руководители учреждений, принявшие их на работу³. Совместительство сотрудников не являлось причиной для их уголовного наказания, но трактовалось как нарушение трудовой дисциплины, «являющееся следствием низкого уровня требовательности и бдительности руководства»⁴.

Начиная с 1948 г. происходит смягчение законодательных норм, регулирующих трудовую дисциплину. Распоряжением Совета Министров СССР от 7 марта 1948 г. было смягчено наказание за прогул и самовольный уход с оборонных предприятий. Через несколько месяцев вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1948 г. «Об отмене военного положения на железнодорожном, речном и морском транспорте», а вслед за ним 31 мая 1948 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». После принятия этих майских Указов было освобождено от на-

---

¹ Судебная практика // Социалистическая законность. 1948. № 10. С. 63.

* Материалы о привлечении к уголовной ответственности лиц, уклоняющихся от работы, должны были направляться в народные суды руководителями министерств и учреждений, куда направлялись выпускники, а не руководителями учебных учреждений, в которых они учились. (См.: Судебная практика // Социалистическая законность. 1948. № 10. С. 63).

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 335. Л. 19–21.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Зейдин Е.О работе Всесоюзного института Юридических наук // Социалистическая законность. 1947. № 1. С. 5.

казания за нарушение трудовой дисциплины на оборонных предприятиях 111 380 чел¹. Но продолжал действовать Указ от 26 июня 1940 г. (По данным В.Н. Земскова в период с 1948 по 1951 г. по данному Указу было осуждено за самовольный уход с работы 860 594 чел. на 2-4 месяца тюремного заключения, и 1 911 215 чел. осуждено за прогул на срок до 6 мес. исправительных работ по месту службы с вычетом до 25% заработной платы²).

Следующим шагом на пути отмены чрезвычайных мер по охране трудовой дисциплины стало принятие 14 июля 1951 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия»³. Прогулы перестали считаться уголовными преступлениями, за исключением особо злостных случаев. Неоднократные прогулы (более двух раз в течение трех месяцев) без уважительной причины, продолжительностью свыше 3 дней санкционировались «исправительно-трудовым работам по месту работы на срок до 6-и месяцев с удержанием из заработной платы до 25%»⁴. В остальных случаях в качестве наказания за прогул применялись меры дисциплинарного и общественного воздействия: дисциплинарное взыскание, лишение права на получение процентной надбавки на срок до 3-х месяцев или снижение единовременного вознаграждения за выслугу лет в размере до 25%, увольнение с работы с указанием в трудовой книжке, что работник уволен за прогул без уважительной причины.

Для уменьшения прогулов начали активнее применяться меры общественного воздействия, усилен контроль на предприятиях. Так, в октябре 1951 г. на бюро Свердловского ГК ВКП(б) был рассмотрен вопрос «О состоянии трудовой дисциплины на предприятиях города». Бюро потребовало от руководителей предприятий «упорядочить табельный учет и учет нарушителей трудовой дисциплины, организовать глубокую массово-политическую работу среди населения»⁵. Каждый случай прогула обсуждался на цеховых собраниях, на засе-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 149.

² Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года ... С. 45

³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 57. Д. 348. Л. 15–17.

⁴ Снегирёва И.О. Советское трудовое право: проблемы использования трудовых ресурсов. М., 1990. С. 129.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 50. Д. 138. Л. 80.

даниях профсоюзных групп. В апреле в г. Первоуральске (Свердловская обл.) было проведено 54 собрания¹. Товарищеские суды, на которых обсуждались нарушители трудовой дисциплины были избраны во всех цехах, где было более 100 рабочих². 10 июня 1952 г. было принято Постановление бюро Свердловского Обкома ВКП(б) в котором утверждалось требование провести в июле–первой половине августа 1952 г на всех предприятиях собрания трудящихся с докладами на тему «О коммунистическом отношении к труду»³. В результате на предприятиях Свердловской области было проведено 5428 собраний, где присутствовало 569 978 чел.⁴ Правила работы товарищеских судов устанавливались указом Президиума Верховного Совета от 14 июня 1954 г. Основной акцент делался на создание атмосферы общественного осуждения по отношению к прогульщикам и другим нарушителям дисциплины⁵. В работе А.К. Соколова описано заседание товарищеского суда завода «Серп и молот» (г. Москва) 1955 г. (на котором разбирался прогул одного из сотрудников): «Его так “пропесочили” рабочие, что он и бледнел, и краснел, не знал куда деваться. Вызвали на это заседание его жену, которая при всех его посрамила. И когда суд предоставил ему последнее слово, он повернулся лицом к коллективу и заявил, что он глубоко осознал свой поступок и больше никогда не будет так делать. И жене заявил, что он свою получку будет передавать ей»⁶.

Важно отметить, что принятие Указа от 14 июля 1951 г. не означало полного отказа от мобилизационного режима в практиках правового регулирования трудовой деятельности граждан. В 1952 г. по Указу от 26 июня 1940 г. было осуждено за самовольную перемену места работы 179 695 чел., а также 147 885 чел. за неоднократные прогулы⁷. Хотя, процент горожан привлеченных к уголовной ответственности значительно снизился по отношению к общему количеству зафиксированных прогулов. Например, на предприятии Уралэлектроаппарат (г. Свердловск) в четвертом квартале 1953 г. из 122 человек, совершив-

---

¹ Там же. Л. 82.

² Там же. Л. 84.

³ Там же. Д. 179. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Соколов А.К. Режимность на советских предприятиях ... С. 112.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года ... С. 45

ших прогул, только 15 чел. было привлечено к уголовной ответственности, а остальные к дисциплинарной¹.

25 апреля 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений»². В соответствии с ним были прекращены все дела о трудовом дезертирстве и о прогулах, снята судимость с граждан, ранее осужденных и отбывших наказание за данные нарушения. Рабочие и служащие, желающие уволиться с работы, были обязаны предупреждать об этом администрацию предприятия или учреждения за две недели. Принятие данного Указа окончательно исключило практики прогулов и самовольных уходов работников с предприятий из разряда уголовно наказуемых.

Еще одной трудовой девиацией, стигматизируемой в советском политико-правовом дискурсе, являлась *бесхозяйственность*. В пятой главе УК РСФСР 1926 г «Хозяйственные преступления». по ст. 128 квалифицировались следующие действия: «бесхозяйственность, основанная на небрежном или недобросовестном отношении к порученному делу лиц, стоящих во главе государственных или общественных учреждений и предприятий, или их уполномоченных, результатом чего явилось расточение или невозместимый ущерб имуществу учреждений или предприятий»³. В качестве санкций данная норма предусматривала лишение свободы до двух лет или исправительно-трудовые работы сроком до одного года.

Советскими правоведами указывались существенные «несовершенства законодательной конструкции» ст. 128 УК РСФСР 1926 г.: исключение из состава преступления таких квалифицирующих признаков, как «сговор должностных лиц», приведший к причинению ущерба учреждению*, излишняя мягкость приговора, санкционирование только «невозместимого ущерба» и пр.⁴ В результате уже во второй половине 1920-х гг. применение в судебной практике

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 23. Д. 320. Л. 3.

² Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938–июль 1956 г. ... С. 374–375.

³ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... С. 44-45.

* Означенный состав преступления фиксировался в ст. 128 УК РСФСР 1922 г. (См. СУ РСФСР, 1922, N 15, ст. 153)

⁴ Иванов В.Н. Уголовная ответственность за бесхозяйственность // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды 11. М. 1978. С. 150–160..

нормы о бесхозяйственности стало сокращаться¹. По замечанию В.Н. Иванова, суды, при рассмотрении дел о бесхозяйственности, предпочитали квалифицировать эти действия по статьям о должностных преступлениях (халатность или злоупотребление служебным положением), так как эти статьи предусматривали более строгое наказания и предоставляли судам более широкие возможности для индивидуализации меры наказания². В результате в судебной практике бесхозяйственность «маскировалась» должностными преступлениями, а в судебной статистике «растекалась» по многим составам различных глав УК РСФСР, что существенно осложняет задачу восстановления подлинной картины распространения данной формы девиантных трудовых стратегий населения.

Фактически, проявления бесхозяйственности могли быть различны: нецелесообразное расходование материальных средств и сырья, необоснованные списания, небрежное, недобросовестное отношение к выполнению обязанностей, нерациональное расходование рабочего времени, и т.д. Бесхозяйственность, могла являться следствием деятельности сотрудников различного уровня, но к ответственности за данный вид преступлений могли быть привлечены исключительно руководители (предприятий, учреждений) или материально ответственные лица. Нередко это служило основанием для оправдательных приговоров. В записке прокурора уголовно-судебного отдела прокурору Свердловской области Н.С. Яцковскому «О результатах обобщения материалов изучения прекращенных дел и с оправдательными приговорами» от 24 июля 1950 г. был отмечен следующий факт. Гражданин «Артеменко прокурором Висимского района предан суду за халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, хотя он не был материально-ответственным лицом и не был оформлен приказом в должности зав складом. В результате чего дело прекращено судом»³.

Во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг. были приняты постановления Совета Министров СССР, направленные на пресечение бесхозяйственности на предприятиях различных отраслей индустрии (№ 998 от 7 мая 1946 г.; №

---

¹ Полянский Н.Н. Хозяйственные преступления по новому уголовному кодексу. М., Л. 1928. С. 10

² Иванов В.Н. Указ. соч. С. 153.

³ ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 272. Л. 43.

1148 от 1 июня 1946 г.; № 1285 от 20 июня 1946 г.; № 1432 от 7 мая 1947 г.; № 2982 от 22 августа 1947 г.; № 500 от 1 марта 1948 г.; № 536 от 4 марта 1948 г.; № 838 от 20 марта 1948 г.; № 1496 от 7 мая 1948 г.; № 1804 от 29 мая 1948 г.; № 4232 от 15 ноября 1948 г.; № 223 от 20 января 1949 г.; №№ 414, 480 от 1 февраля 1949 г.; № 535 от 6 февраля 1949 г.; № 1187 от 24 марта 1949 г.¹ и др. В большинстве означенных постановлений содержались замечания, касающиеся практик ведения хозяйства предприятий и министерств, также фиксировались общие требования: «принять меры к укреплению финансового хозяйства ... ликвидировать бесхозяйственность и непроизводительные расходы», «впредь не допускать использования сырья не по назначению», «устранить недостатки в работе» и пр. Столь же общим было и указание на применение санкций в отношении бесхозяйственных руководителей: «принять к сведению, ... что лица, виновные в ... бесхозяйственном расходовании ... будут привлечены к ответственности»². В редких случаях в текстах постановлений указывались конкретные наказания, принятые в отношении виновных, наиболее суровым из них являлся выговор. В целом, можно заключить, что в послевоенный период проблематика преодоления бесхозяйственности не стала лейтмотивом масштабной политической кампании. В сравнении с развернувшимися в 1940-е гг. кампаниями (по борьбе с хищениями, спекуляцией), борьба с бесхозяйственностью имела не столь выраженной интенсивности, не были повышены и сроки наказания виновных за данный вид трудовых нарушений.

В 1951 г. борьба государства с трудовыми девиациями городского населения принимает новый характер. В разряд нарушителей попадают лица, «злоупотребляющие от трудовой деятельности». В 1951 г. появляются два нормативных акта, посвященных рассмотрению данных девиаций в городской среде – постановление Совета Министров СССР от 19 июля 1951 г. № 2590-1264с «О мероприятиях по ликвидации нищенства в Москве и Московской области и усилению борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» и Указ Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобществен-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 111–113; Д. 278. Л. 371–372; Д. 279. Л. 269–271; Д. 301. Л. 86–88; Д. 309. Л. 184–186; Д. 324. Л. 104–106, 253–254; Д. 329. Л. 7–9; Д. 333. Л. 262–264; Д. 335. Л. 216–218; Д. 351. Л. 118–121; Д. 357. Л. 244–246; Д. 359. Л. 25–27, 175–176, 289–291. Д. 365. Л. 210–218.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 329. Л. 9.

венными, паразитическими элементами»¹. Эти нормативные документы определили порядок борьбы с такими «нетрудовыми» деятельностными стратегиями горожан, как *нищенство и бродяжничество*. Трудоспособные граждане (мужчины от 18 до 55 лет и женщины от 18 до 50 лет), «злостно уклоняющиеся от общественно-полезного труда», занимающиеся нищенством или бродяжничеством, направлялись на спецпоселения «сроком на 5 лет с обязательным привлечением их к трудовой деятельности по месту поселения»².

Во исполнение Указа Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. в Свердловске и Свердловской области за шесть месяцев было задержано 474 чел., из них арестовано 129 чел. (119 за бродяжничество и 10 за попрошайничество). Большая часть задержанных (307 чел.) были направлены для трудоустройства в дома инвалидов, у 8 чел. взяты справки о трудоустройстве, 30 чел. освобождены как незаконно задержанные. В Москве и Московской области во втором полугодии 1951 г. было задержано 9367 чел., занимавшихся нищенством, а в первом квартале 1952 г. – 5281 чел. (подавляющее большинство задержанных являлись инвалидами и престарелыми, нуждающимися в опеке или помещении в дома инвалидов). В Иркутской области к апрелю 1952 г. было задержано 44 чел., арестовано 39 чел. (впоследствии 16 дел было прекращено, а арестованные (16 чел.) освобождены). За 1952 г. в Ярославле было задержано за нищенство 234 чел., из которых 46 чел. инвалиды труда (более 20 чел. бывшие кадровые рабочие, имеющие стаж от 20 до 40 лет)³.

Вследствие не верной трактовки Указа на местах, по обвинению в попрошайничестве и бродяжничестве нередко задерживались горожане, работающие по найму, но не трудоустроенные официально (домработницы, сборщики утиля и пр.), лица, не имеющие постоянного места жительства в силу сложившихся обстоятельств (переезд, потеря документов и пр.), либо живущие по месту работы, а также граждане, освобожденные из мест лишения свободы и находящиеся в поиске работы и жилья. В отношении данных категорий граждан, ввиду отсутствия доказательств их занятий попрошайничеством и «злост-

---

¹ На «краю» советского общества. ... С. 37.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 100–103.

ного уклонения от общественно-полезного труда» уголовные дела прекращались, а подозреваемые освобождались. Еще одной количественно-выраженной категорией граждан, выявленной в процессе кампании по борьбе с нищенством, были одинокие инвалиды войны. В отношении них не применялось выселение на спецпоселения, а решался вопрос с устройством в дома инвалидов (через отделы социального обеспечения), либо возбуждались дела в отношении лиц, которые должны были по закону оказывать им материальную помощь.

Высылка на спецпоселения применялась достаточно редко. В Иркутской области из 27 дел, находящихся на рассмотрении в первой половине 1952 г., всего один обвиняемый был осужден к пяти годам высылки на спецпоселение¹. Также от 10 до 12% арестованных за бродяжничество были осуждены по ст. 192-а ч. 2 УК РСФСР (повторное нарушение установленных правил прописки паспортов), предусматривающей в качестве санкций шесть месяцев исправительно-трудовых работ. С целью преодоления практик нищенства и бродяжничества создавались специальные учреждения. Согласно распоряжению Совета Министров СССР № 31170-рс «Об организации приемников распределителей для лиц, занимающихся нищенством» (от 29 ноября 1952 г.) в 1953 г. планировалось организовать при городских и областных управлениях милиции приемники-распределители для помещения в них лиц, задержанных за нищенство, до решения вопроса об их трудоустройстве, определении в дома инвалидов или установлении опеки. Численность таких приемников-распределителей по СССР равнялось 15, из них 9 по РСФСР (в городах: Ленинград, Горький, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Свердловск, Краснодар, Калинин, Ярославль, Челябинск). Количество коек в данных учреждениях варьировалось от 10 до 25. На их строительство из бюджета РСФСР в 1953 г. выделялось 1 400 000 руб.² В целом, анализ практик борьбы с данными девиациями позволяет говорить, что кампания по борьбе с попрошайничеством и бродяжничеством, развернувшаяся в городах страны в 1951 г., характеризовалась относительной мягкостью. Реализация кампании не привела к значительному возрастанию судимости населения, способствуя частичному трудоустройству данных категорий граждан.

---

¹ Там же.

² Там же. С. 111–113.

Обобщая практики правового регулирования трудовых девиаций городского населения в послевоенный период, можно прийти к выводу, что наибольшая интенсивность кампании фиксируется в 1946–1948 гг. (сохранялись максимально суровые санкции в отношении нарушителей). В соответствии с задачами, решаемыми в рамках мобилизационной экономической модели, наиболее важная роль в восстановлении экономики (промышленности) отводилась работникам индустрии. Поэтому в отношении них применялись наиболее значительные наказания за нарушения трудовой дисциплины (максимально суровые санкции сохранялись на транспорте и предприятиях оборонной промышленности). Руководящие работники предприятий и учреждений не являлись приоритетным объектом проводимой кампании (мероприятия по искоренению бесхозяйственности и халатности не приняли масштабов кампании, а носили скорее локальный характер, не сопровождались ужесточением санкций).

В целом, кампания по борьбе с трудовыми девиациями была ориентирована на преодоление проблем текучести кадров и обеспечение бесперебойной работы предприятий. Преодоление в конце 1940-х гг. проблемы кадрового дефицита и восстановление объемов производства в ряде отраслей индустрии способствовало снижению режима мобилизованности и ослаблению санкций в отношении нарушителей. Проводимая в начале 1950-х гг. кампания по борьбе с практиками «злостного уклонения граждан от общественно-полезного труда», была сфокусирована на локальных девиациях городского социума (нищенстве и бродяжничестве), и не отличалась интенсивным применением уголовных санкций.

ГЛАВА 4. ДОХОДЫ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

4.1. Проблематика материального благосостояния населения в политическом дискурсе

Важной областью социально-экономического регулирования, осуществляемого в рамках мобилизационной модели экономики в послевоенный период, являлась сфера доходов и потребления городского населения. В послевоенной политической дискурсе, касающемся проблематики материального потребления, были актуализованы различные идеологемы, ориентирующие граждан как на минимизацию потребления, так и обозначающие оптимистические перспективы динамики уровня жизни населения.

Сложность экономической ситуации обусловила сохранение в официальном дискурсе послевоенного времени экстремальной категории *жертва*, которую население должно принести в пользу государства, но, уже не погибая за Родину на фронте, а путем снижения запросов и фактических объемов своего потребления. Как правило, обращение к данной категории, подразумевающей осознанное добровольное самоограничение личного потребления граждан, фиксировалось в текстах правительственных резолюций, касающихся принятия непопулярных экономических мероприятий, неизбежным следствием которых являлось снижение уровня жизни населения.

В качестве примера употребления данной категории можно привести текст протокола, принятого на заседании Политбюро 6 сентября 1946 г. по результатам обсуждения проблемы повышения пайковых цен, в котором говорилось: «Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б), учитывая трудности повышения пайковых цен и понимают, что здесь потребуются жертвы со стороны рабочих, служащих и крестьян ради общего дела. Нужно иметь в виду, что без серьезных жертв невозможно ликвидировать тяжелое наследие войны».¹ Обращение к

---

¹ Сообщение Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б). Протокол № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 6 сентября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп 3. Д. 1061. Л. 16.

этической категория «жертвы», как требование от населения терпения и минимизации своих потребительских стремлений звучит в Постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»: «Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя население, тем более что это будет последняя жертва»¹.

Выявляя особенности властной риторики, направленной на принятие непопулярных мер, Г.Г. Хазагеров отмечает общую схему построения дискурса: «адресат риторики должен почувствовать: сейчас не тот случай, когда надо блюсти свой интерес, сейчас другой, противоположный случай. ... Риторика непопулярных мер основана на самом обычном узнавании, на концентрации примет, по которым опознается “тот случай”, “тот момент” и отвергается все остальное»². Для более эффективного «опознавания» «того момента» власть обращается к авторитетам, экскурсу в прошлое, оперируя соответствующими категориями. В данном случае использование понятия *жертва* было призвано сформировать у граждан восприятие вынужденных личных трудностей как объективно необходимых. В.В. Седов, выделяя признаки мобилиционности, определяет в их числе принципы *идеократизма* и *сознательности*³, реализация которых была связана с формированием у населения осознания необходимости максимальной самоотдачи для достижения поставленной цели. Обращение к категории *жертва*, иллюстрирующее действие означенных принципов, было обусловлено спецификой задач, решаемых в рамках мобилизационной модели экономики.* Еще одной идеологемой послевоенного периода, используемой в

---

¹ Постановление Совмина СССР, ЦК ВКП(б) от 14.12.1947 N 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» // КПСС в резолюциях ... В 15 т. Т. 8. С. 159.

² Хазагеров Г.Г. Партия, власть и риторика. ... С. 19.

³ Седов В.В. Указ. соч. С. 22–23.

* Требование «жертвы» от населения актуализировалось в официальном отечественном дискурсе и в более ранние периоды, когда для выхода из кризиса и восстановления экономики страны требовалось сокращение бюджетных расходов, предполагающее снижение уровня жизни населения. В частности, в тексте Резолюции XI Всероссийской конференции РКП (б) (декабрь 1921 г.) читаем следующее: «... расходы Советской республики и всех ее центральных и местных учреждений должны быть сведены к минимуму. ... Неизбежные на пути сокращения государственных расходов жертвы в области удовлетворения тех или иных потребностей должны быть принесены без колебания, ибо без решительного сокращения государственного бюджета восстановление народного хозяйства Советской России невозможно». (См: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док-тов.1957. Т. 1. С. 280).

качестве инструмента регуляции экономических стратегий советского городского социума, являлась категория *экономия*. Данная категория получила широкое распространение в принимаемых правительством нормативных документах, касающихся продовольственной сферы. Осенью 1946 г. выходит ряд резолюций, направленных на «усиления борьбы за правильное и экономное расходование хлебопродуктов»¹. Не ограничиваясь хлебной проблематикой, обращенное к населению требование экономии фиксируется нормативной документацией в форме императива: «Вести борьбу за экономию продовольствия»².

Как и в текстах правительственных постановлений, направленных на правовое регулирование трудовой деятельности населения, в документах, посвященных проблематике продовольственного потребления граждан, употребление категории *экономия* имело двоякий смысл. С одной стороны, призывы к экономии были обращены к самому населению, которое должно было, осознавая необходимость рационального потребления, рачительно и экономно относиться к продовольствию, тем самым реализуя императив государственной политики. С другой стороны, понятие «экономия» фиксировалось в документах, направленных на снижение продовольственного обеспечения граждан. Так, например, принятое в совместном постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) № 1630 от 27 июля 1946 г. решение «пойти на некоторое сокращение расходования государственных хлебных ресурсов», на практике означало «сократить контингент снабжаемого населения, проживающего в сельской местности, снять с пайкового снабжения хлебом в городах и рабочих поселках часть неработающих взрослых иждивенцев и несколько уменьшить остальным иждивенцам норму выдачи хлеба по карточкам»³. Категория *экономия* фигурирует и в принятом Советом Министров СССР и ЦК ВКП(б) постановлении «О сокращении контингента и норм снабжения. Об экономии в расходовании хлеба» (27 сентября 1946 г.). С целью экономии с 1 октября 1946 г. прекращался отпуск муки, крупы и хлеба по всем без исключения видам дополнительного снабжения, уменьшена выработка сортовой муки, сокращен фонд коммерческой тор-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 34–39, 61–64 и т.п.

² Там же. Д. 286. Л. 283–284.

³ Борьба с хищениями, бесхозяйственностью, расточительством, местничеством ... С. 158–159.

говли хлебом и крупой. Принятие постановления от 27 сентября 1946 г. стимулировало проверки направленные на выявления неправомерных превышений контингента, снабжаемого продовольствием. В принятом через несколько месяцев постановлении Совета Министров СССР № 2539 «О завышении заявок на контингенты, снабжаемые хлебом и продовольственными товарами» от 27 ноября 1946 г. были зафиксированы нарушения в системе карточного распределения, а также обозначено требование, адресованное Министерству торговли СССР (т. Любимову), с 1 декабря 1946 г. сократить «контингенты ... снабжаемые продовольствием по группе работающих, на 273,8 тыс. человек»¹. Важно отметить, что предпринятое «сокращение контингента» в тексте данного постановления трактовалось как экономия продовольствия: «Министерству торговли СССР (т. Любимову) сократить дополнительно к предусмотренной экономии мясопродуктов ... фонды за счёт ... недоиспользованных в октябре и ноябре и снижаемых в декабре контингентов на мясопродукты на 569 тонн и жиров на 757 тонн ... представлять Совету Министров СССР, ЦК ВКП(б) и Госплану СССР 12 числа каждого месяца отчёт о реализации хлебных и продовольственных фондов и об экономии их»².

Понятие *экономия* было связано не только с сокращением контингента снабжаемого по карточкам населения. Согласно постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 18 октября 1946 года № 2340-997с «О дополнительных мерах по экономии в расходовании хлеба и усилении контроля за работой Министерства торговли и его органов» сокращалась коммерческая торговля хлебом и крупой, а с 1 ноября 1946 г. устанавливалась примесь овсяной, ячменной и кукурузной муки при выпечке хлеба (для всех областей и краев объем примесей в муке составлял 40%, для Москвы и Ленинграда – 20%). Предпринятое ухудшение качества выпекаемого хлеба также трактовалось как экономия, необходимая для преодоления продовольственного кризиса.

Денежная реформа, проведенная в декабре 1947 г. сопровождалась конверсией государственных займов. В Записке министра финансов СССР А.Н. Косыгина И.В. Сталину от 29 сентября 1948 г. в оценке результатов проведен-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 48.

² Там же. Л. 49.

ной конверсии также фигурирует понятие *экономия*. Под ней подразумевалась прибыль, полученная государством. В тексте приводятся суммы «экономии» от обмена облигаций, которые будут достигнуты за период 1948–1950 гг. – 21,012 млрд. руб.; и за пятилетку 1951–1955 гг. – 33,557 млрд. руб. «Из общей суммы экономии в платежах за 8 лет в 54,6 млрд. руб. – 20,7 млрд. руб. является экономией от снижения процента по займам, а 33,9 млрд. рублей от сокращения платежей по погашению займов»¹.

Фигурировала категория *экономия* в текстах правительственных постановлений (1948 г.), направленных на сокращение объемов премий, выплачиваемых работникам предприятий за перевыполнение плановых заданий и победу в социалистическом соревновании. Советом Министров СССР 9 августа 1948 г. было принято постановление № 3003 «Об изъятии в доход бюджета экономии, образующейся в связи с частичным сокращением размеров премий»², содержание которого (как и само название), свидетельствовало о том, что население являлось не только субъектом, но и объектом «экономии», проводимой государством в послевоенный период и направленной на достижение задач хозяйственного восстановления страны.

В целом, в первые послевоенные годы (1946–1948 гг.) категории *жертва* и *экономия* характеризовались высоким уровнем востребованности в отечественном политическом дискурсе. Важно отметить, что если категория *жертва* была направлена на формирование у населения осознанной минимизации потребления, то понятие *экономия* фигурировало как в документах, ориентирующих граждан на рачительное и бережное расходование продовольствия, так и в текстах постановлений (большинство из которых не подлежало опубликованию), высвечивающих практики правительственного регулирования, где экономия осуществлялась не самим населением, а государством, за счет снижения уровня потребления и доходов граждан.

В конце 1940-х–начале 1950-х гг. вследствие достижения задач послевоенного восстановления (в первую очередь в ведущих отраслях промышленности), в риторике власти фиксируется снижение уровня интенсивности исполь-

---

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2532. Л. 228.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 87.

зования мобилизационной лексики. Из политико-экономического дискурса исчезает идеологема *жертва*, призывающая население к аскетизму и самоограничению потребления. Категория *экономия* сохраняет свою востребованность в отечественном дискурсе, касающемся проблематики материального потребления граждан, но форма ее употребления корректируется. Данное понятие приобретает позитивный смысл, трактуясь не как императив, направленный на минимизацию потребления, а в значении повышения уровня жизни населения. В периодических изданиях, освещающих проводимые правительством снижения цен, понятие *экономия* подчеркивает выигрыш граждан, полученный от данных мероприятий: «С сегодняшнего дня, покупая мясо, трудящиеся будут получать на этой покупке новой чистой экономии от 24 до 35%»¹. На страницах прессы приводились многомиллиардные суммы экономии, полученные гражданами в результате снижения цен. Об объемах «годовой экономии» населения сообщалось в публицистических и экономических изданиях периода².

В политико-экономическом дискурсе послевоенного периода фиксировались не только идеологемы, мобилизационной риторики, направленные на формирование экономических стратегий горожан, но и получили рассмотрение проблемы развития уровня жизни населения.

Обращение к проблематике материального благосостояния и потребления населения отражено в текстах Конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. Косвенная направленность социально-экономической политики государства на повышение уровня жизни населения декларируется в статьях № 11 Конституций СССР и РСФСР: «Хозяйственная жизнь ... определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся»³.

Конкретизация проблематики материального потребления населения в текстах Конституций СССР и РСФСР ограничивалось перечислением конституционно декларируемых прав граждан на потребление различных благ: «Пра-

---

¹ Сталинская забота о благе народа // Известия. 1950. 1 марта (№ 51). С. 1.

² Гоголь Б.И. Указ. соч. С 54.

³ Конституция СССР ... // Известия. 1936. 6 декабря. С. 2; Конституция РСФСР ... // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2. С. 2.

во личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан – охраняются законом»¹. Декларировались права граждан на бесплатную медицинскую помощь, образование, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности и т.п. Разумеется, в текстах Конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. тенденции развития экономических стратегий населения оговаривались максимально обобщенно (иллюстрирую, скорее, идеальную проекцию советской социальной действительности). На протяжении периода 1930-х–1940-х гг. векторность правового регулирования сферы материального потребления городского населения РСФСР неоднократно корректировалась, отражая изменения политико-экономических реалий и задачи социальной политики.

В «сталинский» период горизонты развития материального потребления трудящихся максимально обобщенно обозначались посредством категорий: *зажиточно* и *культурно*. Данные понятия, ставшие после их употребления в речи Сталина² своеобразными маркерами культурного ландшафта середины 1930-х–середины 1950-х гг., фиксируются и в текстах статей № 131 Конституции СССР и № 135 Конституции РСФСР, в контексте понимания социалистической собственности как «источника богатства и могущества родины, как источника зажиточной и культурной жизни всех трудящихся»³. Фактически идеология *зажиточно и культурно*, (апеллирующая к популярным среди населения ценностям и ожиданиям, и при этом не конкретизирующая измеряемые результаты, скрывающиеся за данным сочетанием), была направлена на создание у населения образа понятного и позитивного будущего, строящегося не в координатах революционного аскетизма и самоотречения, а предполагающего материальную обеспеченность граждан и «правильную» организацию повседневного быта, отличающую его от стигматизируемого мещанства.

---

¹ Там же.

² Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года // Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 79–92.

³ Конституция СССР ... // Известия. 1936. 6 декабря. С. 3 ; Конституция РСФСР ... // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2. С. 17.

Данное сочетание, как правило, не употреблялось в текстах официальных правительственных постановлений, направленных на корректировку социально-экономических реалий, но отличалось высоким уровнем востребованности в политическом дискурсе послевоенного периода. Так, например, в текстах выступлений делегатов на XIX съезде ВКП(б)–КПСС (1952 г.) означенное сочетание употреблялось одиннадцать раз (как правило в форме констатации уже достигнутых результатов): «наш народ зажил свободной, зажиточной и культурной жизнью», «народ живет зажиточной жизнью и пользуется всеми благами культуры», «от голода и нищеты – к зажиточной жизни», «колхозники живут зажиточной, культурной жизнью» и т.п.¹

На протяжении первой половины 1950-х гг. в политической риторике происходит снижение востребованности идеологемы «зажиточно и культурно». В выступлениях делегатов на XX съезде КПСС она употребляется всего три раза. При этом контекст употребления данного сочетания различен. В выступлении С. Бабаева (Туркменская ССР) оно характеризует достигнутый уровень социально-экономического развития: «неузнаваемой, зажиточной и культурной стала жизнь колхозного села»;² в докладе Т. Бака (Канада) отмечается, что: «демократические силы в капиталистических странах видят в них (в директивах съезда по шестому пятилетнему плану – *М.К.*) пример использования народом ресурсов своей страны для создания зажиточной и культурной жизни»³. Обращается к данной идеологеме и Хрущев, в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии, но уже в критическом ключе: «Только неисправимые хвастуны могут закрывать глаза на то, что в экономическом отношении мы еще не перегнали наиболее развитые капиталистические страны, что уровень производства у нас пока еще недостаточен для обеспечения зажиточной жизни всех членов общества, что в стране еще много недостатков и неорганизованности в хозяйственном и культурном строительстве»⁴.

---

¹ XIX съезд ВКП(б)–КПСС (5–14 октября 1952 г.). Документы и материалы. URL: [http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd .pdf](http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd.pdf) (дата обращения: 16. 09. 2018).

² XX съезд КПСС. ... Т. 1. С. 253.

³ Там же. Т. 2. С. 365.

⁴ Там же. Т. 1. С. 115–116.

XX съезд КПСС, обозначивший важный этап в советской социально-политической истории, скорректировал и содержание политической риторики. На волне начавшейся десталинизации, сформулированное Сталиным сочетание «зажиточно и культурно», утрачивает свою востребованность в советском политическом дискурсе. В последующие годы данное сочетание употребляется все реже: по два упоминания в выступлениях делегатов XXI и XXII съездов КПСС¹. При этом в использовании идеологемы «зажиточно и культурно» фиксируются некоторые особенности. Во-первых, корректируется само сочетание. В выступлении И.И. Дядыка на XXI съезде КПСС отмечено: «героическую борьбу ... ведет наша партия по сохранению мира во всем мире, за создание на земле уверенной, счастливой и зажиточной жизни»². В докладе С.К. Тока на XXII съезде КПСС сочетание «зажиточно и культурно» также скорректировано: «от бесправия – к равноправию, от отсталости и невежества – к высотам социалистической культуры, от голодного прозябания – к зажиточной и радостной жизни»³. Во-вторых, во второй половине 1950-х–начале 1960-х гг. данная идеологема не звучит в докладах политических лидеров страны, в выступлениях представителей РСФСР. Единичные эпизоды употребления сочетания «зажиточно и культурно» на XXI и XXII съездах КПСС фиксируются в выступлениях делегатов из: автономных республик РСФСР (Тувинская АССР)⁴; республик СССР (Украинская ССР)⁵; зарубежных стран (Северная Корея)⁶.

Еще одной важной идеологемой политического дискурса послевоенного периода являлась категория *благосостояние*. Обращение к ней, а также к понятиям *уровень жизни населения*, *материальное благосостояние* и пр. отличалось высоким уровнем востребованности в послевоенной политической риторике. Данные категории освещались в контексте будущего времени в рамках декларируемых планов и проектов развития страны. Сталин в речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. отмечал в качестве ближайшей перспективы: «особое внимание будет

---

¹ Внеочередной XXI съезд КПСС ... В 2 т. ; XXII съезд КПСС. ... В 3 т.

² Внеочередной XXI съезд КПСС ... В 2 т. Т. 1. С. 374.

³ XXII съезд КПСС. ... В 3 т. Т. 3. С. 77.

⁴ Там же.

⁵ Внеочередной XXI съезд КПСС ... В 2 т. Т. 1. С. 171, 374.

⁶ XXII съезд КПСС. ... В 3 т. Т. 3. С. 542.

обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся»¹. В тексте «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» отдельный раздел посвящен повышению материального и культурного уровня жизни народа. В нем в качестве перспективной задачи декларируется: «На основе увеличения производства, развёртывания товарооборота и повышения расходов на жилищное и культурно-бытовое обслуживание трудящихся в период пятилетнего плана не только восстановить довоенный уровень благосостояния народа, но и превзойти довоенный уровень народного дохода более чем на 30%»².

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассмотрении проблематики благосостояния населения в советском послевоенном политическом дискурсе формулировался тезис о его детерминированности уровнем благосостояния государства. Как правило, в правительственной риторике улучшение материального благосостояния населения было связано с укреплением (могущества, богатства, благополучия и пр.) государства. Точнее сказать, благосостояние населения трактовалось как производное от уровня благосостояния государства и вторичное по отношению к нему. В выпуске газеты «Известия», посвященном снижению цен, проведенному в марте 1949 г., взаимосвязь государственного и личного благосостояния обозначена следующим образом: «Советский человек знает, что его личное благо зависит от благосостояния всего общества, всего народа. ... В зарубежных странах ... господствует принцип индивидуальной наживы. У них личное благо – прежде всего. Советская же демократия имеет в своей основе принципы коллективизма и товарищеского сотрудничества. Мы говорим: благосостояние социалистического государства – прежде всего; хочешь поднять свое личное благосостояние – поднимай благосостояние социалистического общества. Непрерывное укрепление социалистического государства, рост его материальных и культурных богатств, улучшение работы всех его органов ведет к дальнейшему увеличению благосостояния отдельно взятого со-

---

¹ Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании ... С. 9.

² Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР ... С. 50.

ветского человека»¹. Данная взаимосвязь, указывающая на приоритетность и последовательность «правильного» роста благосостояния, усиливалась путем построения текстов в форме цепочек причинно-следственных связей или последовательности явлений. Например, задачи послевоенного социально-экономического регулирования определялись следующим образом: «для досрочного выполнения послевоенного пятилетнего плана, для еще большего укрепления советского государства и дальнейшего повышения материального благосостояния и культуры советского народа»²; «с целью укрепления военно-экономического могущества страны и дальнейшего повышения материального и культурного уровня жизни народа»³ и т.п. Означенная риторика, во-первых, подчеркивала единство и синхронность развития государства и общества; во-вторых, формировала у населения представление о приоритетности государственных интересов над личными материальными стремлениями; в-третьих, не отменяя задачи повышения материального благосостояния граждан, позволяла отложить данное мероприятие до срока восстановления государства.

Тенденция синхронности увеличения богатства страны и роста материального благосостояния населения нашла отражение в тексте постановления Совета Министров СССР о снижении розничных цен в апреле 1948 г.: «В связи с общим подъемом народного хозяйства СССР ... Совет Министров Союза ССР признал необходимым осуществить второй этап снижения цен ... и тем самым обеспечить дальнейшее повышение реальной заработной платы рабочих и служащих»⁴.

В конце 1940-х–начале 1950-х гг. в рассмотрении проблематики благосостояния происходят изменения в системе «государство–население». С 1949 г. в контексте презентуемых ценовых снижений динамика роста благосостояния начинает характеризоваться разнонаправленной векторностью: прибыль населения – ущерб государства. В тексте постановления Совета Министров СССР о

---

¹ Второй этап снижения цен // Известия. 1949. 1 марта (№49). С. 1.

² Постановление Президиума ВЦСПС «Об участии профсоюзных организаций в проведении подписки на Четвертый государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР» // Правда. 1949. № 124. 4 мая. С. 1.

³ Постановление Совета Министров СССР от 03 мая 1946 N 974 «О выпуске Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 154.

⁴ Известия. 1948. 10 апреля. С. 1.

снижении розничных цен с 1 марта 1949 г. отмечено: «Снижение цен на первом этапе привело к удешевлению товаров массового потребления ... по меньшей мере на 57 млрд. руб. Эта сумма представляла чистый убыток для государственного бюджета ... но она была вместе с тем чистым выигрышем для населения»¹. Обозначенный в политическом дискурсе тезис об ущербе государства и выигрыше населения, являвшихся результатом проводимых правительством ценовых снижений, активно распространяется в отечественной прессе конца 1940-х – начала 1950-х гг.²

В отечественной политической риторике выявленная тенденция десинхронизации динамики роста богатства страны и благосостояния граждан усиливается осенью 1952 г. после публикации работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней был сформулирован основной закон социализма: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»³. Важно отметить, тот факт, что в данном законе, материальное благосостояние граждан презентуется в качестве основной задачи государства, в то время как благополучие страны вообще не презентуется в качестве цели развития. Упоминание в тексте закона о «росте социалистического производства на базе высшей техники» можно трактовать как косвенное свидетельства богатства и благополучия государства, но в тексте закона социализма они обозначены как ресурсы для удовлетворения материальных потребностей населения, а не цель развития страны.

На страницах «Правды» текст «Экономических проблем социализма в СССР» был опубликован 3–4 октября 1952 г. (за несколько дней до начала XIX съезда ВКП(б)–КПСС). Как следствие, в выступлениях делегатов XIX съезда ВКП(б)–КПСС обращение к основному закону социализма отличалось высоким

---

¹ Известия. 1949. 1 марта. С. 1.

² О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1951. № 60. 1 марта. С. 1; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1952. № 90. 1 апреля. С. 1.

³ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. ... С. 40.

уровнем востребованности (само понятие упоминается более 30 раз¹). Апелляция к содержанию основного закона социализма звучит и в обращении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР к трудящимся СССР в связи со смертью Сталина: «Трудящиеся нашей страны знают, что дальнейшее улучшение материального благосостояния всех слоев населения – рабочих, колхозников, интеллигентов, максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества всегда являлось и является предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского правительства»².

Фактически тезис об удовлетворении материальных потребностей граждан как о приоритетном направлении государственной политики становится неотъемлемой чертой отечественного политического дискурса первой половины 1950-х гг., в то же время «благосостояние государства», презентуемое в качестве первостепенной задачи развития общества во второй половине 1940-х гг. исчезает из политической риторики.

В целом, в существовавшей в 1940-е гг. в отечественном политическом дискурсе системе «государство–население», (фиксирующей «правильную» последовательность роста благосостояния в СССР), в начале 1950-х гг. устанавливаются новые приоритеты. Сложившееся в 1950-е гг. модель, в рамках которой рассматривалась проблематика роста благосостояния в СССР, имела ряд особенностей: во-первых, улучшение материального благосостояния населения декларировалось в качестве основной задачи государства; во-вторых, богатство и благосостояние государства не рассматривалось в качестве цели государственной экономической политики; в-третьих, удовлетворение растущих материальных потребностей граждан характеризовалось важностью, самоценностью и, главное, безотносительностью по отношению к уровню экономических возможностей страны.

Вследствие изменения политической конъюнктуры в политическом дискурсе второй половины 1950-х гг. обращение к закону социализма все реже свя-

---

¹ XIX съезд ВКП(б) - КПСС (5–14 октября 1952 г.). Документы и материалы URL: http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 18.10.2018).

² Правда. 6 марта 1953. С. 1.

зывалось с именем Сталина, а в его трактовке все реже упоминались источники удовлетворения растущих материальных потребностей граждан: «непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники». Фактически в отечественной политической риторике второй половины 1950-х гг. понимание закона социализма «сужается» до «удовлетворения материальных потребностей граждан», его название определяется как «закон социалистической экономики», «закон партии» и т.п., а формулировки становятся все более далекими от оригинала. В качестве примера произошедшей трансформации можно привести цитату из доклада Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина на XX съезде КПСС: «Высшим законом деятельности нашей партии является неустанная забота о благе народа. Величественные планы хозяйственного и культурного строительства, осуществляемые в нашей стране, направлены к тому, чтобы неуклонно улучшалось благосостояние советского народа, непрерывно повышался культурный уровень всех советских людей и полнее удовлетворялись их материальные и духовные потребности»¹.

Таким образом, в отечественном политическом дискурсе середины 1940-х–середины 1950-х гг. регулирование экономических стратегий населения осуществлялось посредством идеологем различной природы: мобилизационной направленности (*жертва, экономия*), лексических форм, обозначающих позитивные горизонты материального потребления граждан (*зажиточно и культурно*). Востребованность данных категорий в политической риторике послевоенного десятилетия была неравноценной, существенные трансформации фиксировались и в рассмотрении проблематики благосостояния граждан в советской стране. В первые послевоенные годы (1946–1948 гг.) наибольшим уровнем востребованности в политическом дискурсе отличались мобилизационные лексические категории: *жертва, экономия*, ориентирующие население на осознанную минимизацию потребительских стремлений (либо свидетельствующие о сокращении доходов и потребления граждан, вследствие реализации непопулярных правительственных мер). Перспективная динамика материального бла-

---

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 2. М.: Изд-во политич. лит-ры. 1956. С. 52.

госостояния населения обозначалась сохранившимся в дискурсе с 1930-х гг. популистским сочетанием *зажиточно и культурно*, неконкретность которого открывала широкие горизонты его использования при характеристике достигнутого и перспективного уровня жизни населения. В послевоенной политической риторике утверждался тезис о тесной зависимости благосостояния населения от уровня благополучия страны, и приоритетности последнего в контексте экономического развития государства. В целом специфика лексических категорий, акцентированных в послевоенном политико-экономическом дискурсе, и ракурс рассмотрения проблематики благосостояния граждан отражали характер задач, решаемых в рамках мобилизационной экономической модели. Главной из них являлось восстановление промышленного производства и укрепление военного потенциала страны. Одним из ресурсов достижения данной задачи являлось ограничение материального потребления граждан, реализуемое как путем убеждения населения в приоритетности благополучия Родины перед личными материальными благами, так и посредством апелляции к терпению и необходимости «жертвы». Задача повышения материального благосостояния граждан артикулировалась в политическом дискурсе первых послевоенных лет, но ее реализация могла осуществиться только после восстановления «экономической мощи и богатства Родины» и поэтому откладывалась.

В конце 1940-х–начале 1950-х гг. происходит снижение интенсивности мобилизационной риторики в отечественном политико-экономическом дискурсе. В рассмотрении проблематики материального благосостояния граждан начинают превалировать лексические формы, ориентирующие население не на минимизацию, а на расширение потребностей и повышение уровня личного потребления. Интенсивность обращения к вопросам благосостояния населения усиливается в политической риторике 1950-е гг. Удовлетворение растущих материальных потребностей граждан начинает трактоваться в качестве важнейшей задачи социалистического государства, решения которой являлось приоритетным вне зависимости от экономических возможностей страны. Несмотря на то, что риторика власти во многом носила популистский характер, произошедшая десинхронизация и изменение приоритетности в системе «благосостояние

страны–благополучие населения» оказала значительное влияние на формирование потребительских ожиданий граждан, специфику их экономических суждений и реализацию стратегий потребления в 1950-е–1960-е гг.

4.2. Регулирование материального потребления горожан

Победа в войне не означала отмены военно-мобилизационного режима в советской стране. Сохраняется действие норм, регулирующих потребление граждан в военные годы. Не было отменено введенное в 1941 г. карточное распределение продовольственных товаров. Продуктами питания обеспечивалось население городов и рабочих поселков; живущие в сельской местности сотрудники предприятий основных отраслей промышленности (военной, топливной, металлургической, энергетической, железнодорожного и водного транспорта); сельское население, не связанное с сельским хозяйством (учителя, врачи и т.п.). Продовольственное распределение осуществлялась посредством карточек различных видов (многообразие которых возрастало с каждым военным годом^{*}). По данным ЦСУ СССР на государственном снабжении в декабре 1945 г. находилось 80 586 000 чел. К сентябрю 1946 г. снабжаемый контингент возрос до 87 800 000 чел.¹

По карточкам распределялся как хлеб, так и другие продовольственные товары (мука, крупа, макаронные изделия, сахар, жиры и т.п.). В отличие от остальных продовольственных товаров, хлебное снабжение распространялось на все население городов и рабочих поселков, хлеб не заменялся другими продуктами, хлебные нормы являлись не месячными, а дневными и были менее дифференцированы, чем нормы по другим продовольственным товарам.

Норма карточного снабжения хлебом варьировалась в зависимости от отрасли народного хозяйства и профессионального статуса гражданина.

---

^{*} По расчетам И.Б. Орлова, в 1941 г. печатались 12 видов карточек, в 1942 г. – 51, в 1943 г. – 112, то в 1944 г. – 130–135 видов в среднем (по Москве – 149, а по Ленинграду – 171 вид карточек и талонов). (См.: Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг. ... С. 37).

¹ Данные ЦСУ о нормированном снабжении населения в 1942–1947 гг. // Советская повседневность и массовое сознание, 1939–1945. М., 2003. С. 205.

По норме первой категории (800 гр. хлеба в день) снабжались рабочие и ИТР, занятые непосредственно на производственных предприятиях оборонной, угольной, нефтяной, химической промышленности, металлургии, машиностроения и станкостроения, электростанций, морского и речного транспорта (основных бассейнов), строек черной и цветной металлургии, железнодорожного строительства, строительства топливных предприятий. На период проведения сезонных работ работники лесной, торфяной и рыбной промышленности снабжались по нормам первой категории¹. Также по нормам данной группы снабжались: сотрудники союзных и республиканских министерств (главков и комитетов), руководители республиканских, областных, краевых, городских и районных советских, партийных и профсоюзных организаций; академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР и союзных республик; заслуженные деятели науки и искусства; выдающиеся деятели спорта; лауреаты Сталинской премии и международных конкурсов; главные и старшие бухгалтера, работники прокуратуры, суда и правоохранительных органов (и начальствующий состав, и простые милиционеры), редакторы газет и журналов, судовые команды всех видов флота, начальники портов, летно-подъемный, инженерно-технический и начальствующий состав аэродромов и аэропортов, водолазы и инструкторы водолазной службы, доноры крови, врачи чумологи, туляремиологи, зоологи, эпидемиологи, работающие по предупреждению особо опасных инфекций, кормилицы в детских лечебных учреждениях, яслях и родильных домах, сортировщики и сборщики черного и цветного металлолома². В целом данная категория снабжения распространялась на трудящихся приоритетных отраслей индустрии, руководящих работников, выдающихся деятелей науки, искусства и спорта, работников стратегически важных отраслей коммуникации и представителей ряда других групп, выполняющих социально значимые функции.

По норме второй категории (600 гр. хлеба в день) – снабжались рабочие и ИТР всех остальных отраслей народного хозяйства, а также занятые на подсоб-

---

¹ Инструкция о порядке выдачи, учета и хранения карточек на нормированные товары и порядке отпуска нормированных товаров в торговой сети // Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы ... С. 64–65.

² Там же. С. 63–82.

ных предприятиях ведущих отраслей промышленности. Также к рабочим, снабжаемым по второй категории, приравнивались: старые большевики (со стажем до 1917 г.); Герои Труда; лауреаты всесоюзных конкурсов исполнителей; работники системы Госбанка (бухгалтера, кассиры, инспекторы); инкассаторы; налоговые инспекторы; заместители редакторов и штатные художники газет и журналов; штатные корреспонденты; профессора и доктора наук; доценты и кандидаты наук, работающие в вузах и научно-исследовательских учреждениях; работники театров, цирков, концертных организаций, музеев; работники системы Комитета по делам кинематографии; работники центрального, республиканского и областного радиовещания; члены союзов советских писателей, художников, композиторов и архитекторов; литературные сотрудники издательств и редакций; работники связи и городского транспорта; рядовой и начальствующий состав пожарных команд в республиканских, областных и краевых центрах; курьеры; учителя начальной и средней школы; преподаватели училищ и техникумов; воспитатели детсадов, детдомов и интернатов; студенты и аспиранты вузов и техникумов; врачи и мед. персонал больниц, родильных домов, госпиталей; ветеринарные врачи, фельдшера и санитары; вакцинаторы; фармацевты аптек; часовщики и ювелиры государственных предприятий; работники торговли и общественного питания (руководители, бухгалтера, технологи по хлебопечению, кулинары, повара, хлеборезы, упаковщики, фасовщики, продавцы в продовольственных магазинах); рабочие-надомники, состоящие в штатах государственных, общественных и кооперативных производственных предприятий, выполняющие установленную для них норму выработки, проживающие в городах и рабочих поселках по месту нахождения предприятия; лифтеры грузовых лифтов; дворники; истопники; ассенизаторы; дровоколы предприятий и учреждений; прачки; кастелянши; работники бань; сборщики утиля; инвалиды Отечественной, финской, польской войны и вооруженных столкновений на Дальнем Востоке; работники железнодорожного транспорта, получившие инвалидность на прифронтовых участках железных дорог¹.

---

¹ Там же. С. 63–85, 119–126.

Служащие получали 500 гр. хлеба в день по первой категории карточек и 400 гр. хлеба по второй (в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия). К данной группе относились: служащие промышленных предприятий и строек, госучреждений, кооперативных и общественных организаций, домоуправлений, коммунальных и торговых предприятий, предприятий общественного питания, учебных и лечебных заведений и других организаций (не отнесенные к группе рабочих); персональные пенсионеры; инвалиды войны и труда; работники институтов, техникумов, школ, дошкольных и внешкольных учреждений; служители культа; учащиеся неполных средних и средних школ, работающие в школьных производственных мастерских не менее 3 часов ежедневно; работники науки, искусства и литературы; кладовщики и весовщики, не выполняющие физической работы; сторожа; вахтеры; машинистки; стенографистки; швейцары; гардеробщицы; буфетчицы; маникюрши; парикмахеры; лифтеры пассажирских лифтов; зуботехники; продавцы промтоварных магазинов; планировщики; управляющие домами; коменданты зданий и общежитий; часовщики и ювелиры не государственных предприятий; товароведы; кассиры; бухгалтеры; работники городской пожарной охраны; фотографы¹.

Иждивенцы получали 400 гр. хлеба в день. К данной группе относились члены семьи работающего и его родители старше 60 лет, проживающие вместе с работающим; лица, не работающие по найму в государственных, кооперативных и общественных организациях: домашние работницы; кустари-одиночки; члены промысловых артелей, работающие на дому; лица свободных профессий, занимающиеся частной практикой; надомники, не выполняющие нормы выработки; инвалиды и пенсионеры². Проживающие в городах дети до 12 лет снабжались по норме 400 гр. хлеба в день.

Помимо означенных «базовых» категорий карточного снабжения, существовали, повышенные нормы (1000 гр. хлеба в день), по которым снабжались руководящие работники, а также сотрудники предприятий приоритетных для государства отраслей (установление повышенного снабжения оговаривалось отдельными постановлениями правительства).

---

¹ Там же. С. 81–82.

² Там же. С. 82–83.

Объем карточного снабжения хлебом разнился и в зависимости от региона РСФСР. Рабочие и ИТР большинства регионов республики снабжались хлебом по карточкам первой категории (800 гр. хлеба в день) и по второй категории (600 гр. в день). В районах Крайнего Севера все рабочие и ИТР снабжались хлебом по 800 гр. в день. В регионах РСФСР, освобожденных от противника, все рабочие и ИТР ведущих отраслей промышленности (черной металлургии, угольной промышленности и т.д.) снабжались хлебом по нормам первой категории, а рабочие и ИТР остальных отраслей народного хозяйства по норме – 500 г в день¹. Важное внимание в системе снабжения уделялось промышленным центрам РСФСР. На Урале процент рабочих, снабжавшихся по повышенным нормам и нормам первой категории, был выше, чем в целом по РСФСР. В Москве, Ленинграде и в районах Крайнего севера все работники науки, литературы и искусства снабжались хлебом по нормам для рабочих².

Норма карточного обеспечения зависела и от условий труда. Работники вредных и горячих цехов предприятий химической промышленности и цветной металлургии снабжались хлебом по 1000 гр. в день, а также получали спецпитание в дни работы³. Наиболее высокие нормы снабжения хлебом были установлены для рабочих угольной промышленности, занятых на подземных работах (до 1200 гр. хлеба в день), а выполняющим плановые нормы предоставлялись холодные завтраки (100-200 г хлеба, 30-50 г сала, 10 г сахара)⁴.

Учет населения, находящегося на карточном снабжении, контроль расходования нормированных товаров осуществлялся Наркомторгом СССР (с марта 1946 г. Министерством торговли СССР). В регионах функции представления планов снабжения, организации печати и рассылки карточек на места были возложены на республиканские, краевые, областные, городские (в крупных городах) карточные бюро. На 1 января 1946 г. на территории СССР в 3100 бюро разных уровней работало свыше 14 000 человек, из них большая часть находилась в РСФСР – 1779 карточных бюро со штатом сотрудников – 8749 человек.⁵

---

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность ... С. 135.

² Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы ... С. 120.

³ Букин С.С. Обеспечение продуктами питания городского населения Сибири // Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 68.

⁴ Орлов И.Б. Советская повседневность ... С. 135.

⁵ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 226. Л. 3

По состоянию на 1 октября 1947 г. в СССР насчитывалось 3203 карточных бюро с общей численностью сотрудников 15663 человек,¹ а количество работников карточных бюро РСФСР превысило 9000 чел.

Рабочим, служащим и ИТР карточки выдавались по месту работы (там же выдавались и карточки на обеспечение членов семей, находящихся на иждивении сотрудников). Для снабжения работающего городского населения на предприятиях и на транспорте были образованы отделы рабочего снабжения (ОРСы). Они являлись самостоятельными хозрасчетными организациями, осуществляющими торговлю за счет продукции, предоставляемой государством в порядке централизованного снабжения, а также с имеющихся в распоряжении ОРСов подсобных хозяйств и в порядке децентрализованных заготовок. К концу войны численность ОРСов превышала 7600. Через них снабжалось 48% всего населения, находящегося централизованном снабжении. Продовольственное снабжение рабочих и служащих отдельных отраслей народного хозяйства осуществлялось также через продснабы, которые снабжались из государственных фондов. Горожане, не работающие на предприятиях, но имеющие право на карточное обеспечение, получали карточки через домоуправления по месту жительства. Продуктовые карточки отоваривались в течение одного месяца и только в тех магазинах, к которым они были прикреплены. В магазинах устанавливался лимит прикрепления горожан в зависимости от пропускной способности магазина².

В целом в послевоенный период централизованное снабжение сохраняло ведущую роль в системе продовольственного обеспечения горожан. Для закрепления рабочих и ИТР на предприятиях в 1946–1947 гг. правительство зачастую прибегало не к увеличению заработной платы, а к повышению норм пайкового обеспечения. Данное повышение распространялось преимущественно на трудящихся приоритетных отраслей отечественной индустрии. Согласно постановлению Совета Министров СССР № 1181 от 11 июня 1946 г. «Об улучшении материально-бытовых условий работников предприятий и организаций нефтяной промышленности» для работников ведущих профессий (заняты в

---

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность ... С. 140.

² Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы ... С. 29.

добыче нефти, в бурении, в подземном и капитальном ремонте скважин и в добыче озокерита) были увеличены нормы снабжения хлебом с 1 кг. до 1,2 кг. в день и крупой с 3 кг. до 4,5 кг. в месяц (общая численность данных работников составила 30 000 чел.)¹. С 1 кг. до 1,2 кг. была повышена норма хлеба для рабочих трубопрокатных заводов Министерства черной металлургии². На предприятиях промышленности строительных материалов СССР, согласно постановлению Совета Министров СССР № 1699 от 31 июля 1946 г., с октября 1946 г. вводилось снабжение рабочих и ИТР по нормам особого списка³. В постановлении Совета Министров СССР № 1327 от 25 апреля 1947 г. устанавливалось требование для предприятий промышленности строительных материалов союзных республик: «Снабжать с 1 мая по 1 октября 1947 г. 10 тыс., рабочих ведущих профессий и рабочих, занятых на тяжёлых работах продовольственными товарами по повышенным нормам и хлебом по 800 гр. в день»⁴. По категориям нормировалось и снабжение населения сахаром, крупой, макаронными изделиями и пр. (табл. 4.).

Данный вид продовольственного снабжения был введен в 1943 г. в 59 городах СССР (из них 58 городов в РСФСР: по одному городу в Новосибирской, Астраханской, Сталинградской, Омской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Ульяновской, Кировской, Вологодской, Ульяновской, Ярославской областях, Башкирской, Татарской, Удмуртской АССР; по два города в Архангельской, Горьковской, Чкаловской, Кемеровской областях; по три города в Челябинской и Куйбышевской областях; пять городов в Свердловской области; восемь городов в Молотовской области; пятнадцать городов в Московской области, также данное снабжение было введено в одиннадцати пригородных районах Москвы)⁵. Впоследствии карточное продовольственное снабжение было рас-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 345–349.

² Орлов И.Б. Советская повседневность ... С. 135.

³ Постановление Совета Министров СССР № 1699 от 31 июля 1946 г. «О мерах по обеспечению выполнения плана производства Министерством промышленности строительных материалов СССР в 1946 г. и подготовке к работе в 1947 году» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 282. Л. 14–16.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 1327 от 25 апреля 1947 г. «О мерах по обеспечению выполнения плана производства кирпича, черепицы, извести и строительного гипса предприятиями промышленности строительных материалов союзных республик в 1947 году» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 300. Л. 301–307.

⁵ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы ... С. 35.

пространено и в других городах. Продажа крупы и сахара по карточкам производилась ежемесячно, мясо-рыботоргов и жиров – подекадно¹.

Таблица 4

Нормы снабжения продовольственными товарами 1946–1947 гг.
(в гр. на чел. в месяц.)²

Категории населения	Мясо и рыба	Жиры	Крупа и макаронны	Сахар и кондитерские изделия
Руководящие работники. Особо повышенные нормы	4500	1000	3000	
Рабочие и ИТР занятые на тяжелых и вредных работах. Повышенные нормы	3200	900	2000	
Рабочие и ИТР металлургических, военных и др. предприятий (1 категория)	2200	600	1500	800
Рабочие и ИТР остальной промышленности, транспорта и связи (2 категория)	1800	400	1200	600
Служащие	1200	300	800	600
Иждивенцы	800	200	600	400
Дети до 12 лет	400	300	800	400

Помимо карточного распределения продуктов для стимулирования производительности труда, а также для привлечения работников на предприятия вводились дополнительное продовольственное обеспечение рабочих сухими пайками – сахар, крупа, сухофрукты и пр.³ (см. прил. 1.7). Практиковалась выдача талонов на второе горячее питание рабочим, перевыполняющим нормы, работающим сверхурочно, либо на строительстве важных государственных объектов⁴. На III квартал 1946 г. для нефтяников, перевыполнивших производственные планы, выделялось 30 тыс. вторых промтоварных карточек⁵. Для дополнительного питания нефтяников в III – IV квартале 1946 г. выделялось по 65

¹ Там же. С. 30.

² Составлено по: Кузнецова О.Д., Аверченко М.А. Организация продовольственного снабжения в годы Великой. Отечественной войны // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 54–55; Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С 29-30 ; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 895. Л. 76; Д. 946. Л. 140.

³ Постановление Совета Министров СССР № 1576 от 16 июля 1946 г. «О мерах по закреплению кадров на Печорской железной дороге» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 518–520.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 295. Л. 101–102.

⁵ Там же. Д. 278. Л. 345–349.

т. субпродуктов и 30 т. обезжиренной молочной продукции на каждое министерство (восточных и западных районов и южных районов СССР)¹. В ведущих отраслях производства в 1946 г. количество работников, получающих дополнительное питание за выполнение норм, достигало 60-70%².

Льготное продовольственное снабжение распространялось не только на работников, занятых в промышленных отраслях, но и на сотрудников других сфер. Согласно Приказу Наркомата торговли СССР № 480 от 7 октября 1944 г. «О снабжении работников науки, искусства и литературы», обеды по норме литер «А» и 500 руб. продовольственных товаров в месяц отпускались: «действительным членам Академии наук СССР, академий наук союзных республик, Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, Академии архитектуры СССР и Академии педагогических наук РСФСР, народным артистам СССР, народным художникам СССР, выдающимся писателям и выдающимся мастерам искусств и спорта»³. Обеды по норме литер «Б» и продовольственные товары на 300 руб. в месяц отпускались: членам-корреспондентам Академии наук СССР и академий наук союзных республик, Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, Академии архитектуры СССР и Академии педагогических наук РСФСР, заслуженным деятелям науки и искусства, народным артистам и народным художникам союзных республик; писателям и мастерам искусств и спорта⁴. Лауреатам Сталинской премии и международных конкурсов исполнителей, народным артистам и заслуженным деятелям науки и искусства полагались обеды по нормам особого списка и 200 гр. хлеба к обеду, а также 300 г шоколада и 500 г какао или кофе в месяц⁵. Согласно постановлению Совета Министров СССР № 661 от 24 марта 1947 г. разрешалось прикрепление академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР к столовым Советов Министров республик и облисполкомов⁶. (В масштабах СССР данная реформа коснулась 43 чел., из них по РСФСР – 9 чел. (7

---

¹ Там же.

² Твердюкова Е.Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения ... С. 32

³ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы ... С. 118–119.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Там же.

⁶ Постановление Совета Министров СССР № 661 от 24 марта 1947 г. «О прикреплении академиков и членов корреспондентов Академии наук СССР к столовым Советов Министров республик и облисполкомов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 294. Л. 122–123.

членов корреспондентов и 2 академика в городах Горький и Казань). В распределении данных льгот также фиксировалось действие принципа главного звена. В ряду научных исследований приоритетное для государства положение занимали разработки, касающиеся атомной энергетики. Важность исследований подкреплялась расширением льготного продовольственного снабжения сотрудников. Сотрудники Лаборатории № 2 АН СССР, занятые на вредных работах, с июля 1947 г. получали спецпитание по нормам первого списка (120 чел.); сотрудники Ленинградского физико-технического института АН СССР снабжались по нормам первого списка – 21 чел., второго списка – 12 чел.; сотрудники Ленинградского радиового института АН СССР получали спецпитание по нормам первого списка – 20 чел., второго списка – 21 чел.¹

Для советского, партийного и хозяйственного руководства устанавливался особый порядок снабжения. Серией Постановлений и Распоряжений СНК СССР (17 сентября 1942 г., 27 февраля 1943 г., 12 июля 1943 г., 27 февраля 1946 г.) были введены различные привилегии для данных категорий советского социума: второе горячее питание, обеды, сухие пайки, усиленное диетическое питание, карточки на ужины, бесплатные завтраки, карточки дополнительного горячего питания (литер «Б», которые помимо обеда включали 200 гр. хлеба), продовольственные лимиты. Важно отметить, что количество и формы льготного снабжения данных категорий граждан оговаривались в правительственных постановлениях. Так, например, в тексте постановления Совета Министров СССР № 3786 от 16 ноября 1947 г., утверждалось следующее требование, касающееся строительных организаций Главмосстроя при Совете Министров СССР: «Выделять рабочим и ИТР и руководящим работникам с ноября 1947 г. дополнительных видов питания: второго горячего питания для 10000 человек, 20 обеденных карточек литер «А» и 20 абонементов к ним, 140 обеденных карточек литер «Б» с сухими пайками, 500 специальных обеденных карточек руководящих работников»². Для руководителей объединений и трестов нефтяной промышленности были выделены продовольственные лимиты по 300 руб. и по

---

¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 3. С.237–238.

² Постановление Совета Министров СССР № 3786 от 16 ноября 1947 г. «О мероприятиях по укреплению строительных организаций Главмашстроя при Совете Министров СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316. Л. 149–153.

750 руб. по 25 штук на каждое министерство¹. В территориальном разрезе объемы выданных руководящим работникам продовольственных лимитов были количественно более выражены в крупных городах (Москва, Ленинград). В 1946 г. руководящим работникам Ленинграда было выдано 3765 лимитов на промтовары на сумму 3 млн. 114 тыс. руб.² Хотя обеспечение руководителей продовольственными товарами могло осуществляться и вне системы централизованного снабжения³. По замечанию Е.Д. Твердюковой, руководителям Ленинграда в 1946 г. отпускались сверх лимитов товары без ордеров и карточек⁴.

Нормы отпуска по непродовольственным товарам не устанавливались. С конца войны продажа промышленных товаров жителям городов осуществлялась по ордерам, позволяющим приобретать товары в торговой сети. В рамках данной формы снабжения продавались: ткани, нитки, одеяла, постельное белье, ковры, обувь, одежда, сумки, мыло, хозяйственные товары.⁵ В 1946 г. нормированное снабжение промтоварами было распространено на 60 млн. чел.⁶

Таким образом, система централизованного снабжения в первые послевоенные годы занимали ведущее место в обеспечении горожан товарами, объем которых был дифференцирован в зависимости от профессии, должности и отрасли трудоустройства граждан, роли и статуса социальной (профессиональной) группы в реализации задач мобилизационной экономической модели. В территориальном разрезе преимущественное товарное обеспечение в послевоенные годы реализовывалось в отношении крупных городов – Москвы и Ленинграда, а также в закрытых городах, население которых было занято реализацией атомного проекта. Так, например, бюджет одного г. Лесного превышал бюджет 18 районов Свердловской области⁷.

В принятом в 1946 г. «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 годы» предусматривался пере-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 345–349.

² Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения ... С. 37.

³ Шалак А.В. О социальном статусе советских руководящих кадров в 1940-1950-е гг. (на примере Восточной Сибири) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 3. С. 167.

⁴ Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения ... С. 37.

⁵ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы ... С. 58–63.

⁶ Кузнецова О.Д., Аверченко М.А. Организация продовольственного снабжения ... С. 55.

⁷ Мельникова Н.В. Творцы советского атомного проекта в режимных городах // Режимные люди в СССР. М. 2009. С. 55.

ход от нормированного снабжения населения по карточкам к развернутой советской торговле в течение 1946–1947 гг. Осенью 1946 г. планировалось отменить карточки на хлеб, муку, крупу и макаронные изделия¹. В 1946 г. в этом направлении были предприняты определенные меры. 26 февраля 1946 г. приказом Наркомторга СССР было проведено снижение цен на продовольственные товары в коммерческой торговой сети. На ржаной хлеб цена снижалась на 58%, на крупу – от 53 до 63%, на хлебобулочные изделия – от 41 до 50%, макароны – 55%, сахар – 33%, кондитерские товары – 10-32%, папиросы – 50%, чай – 33%, кофе натуральный – 40%, икру кетовую – 37%, рыбу и рыбопродукты – 15-30%, мясо и мясопродукты – 10-20%, сыр – 15-20%, водку и вина виноградные – 25%.² 2 июля 1946 г приказом по министерству торговли СССР было проведено снижение цен в коммерческой торговле промышленными товарами: на обувь кожаную – до 42%, галоши – 57%, шерстяные ткани – 45%, шелковые ткани – 50%, х/б ткани – 38%, готовое платье – 43%, головные уборы – 30%, трикотаж – 30%, чулки-носки – 45% мыло туалетное – 46%, посуду алюминиевую – 54%, обои – 50%³. В Постановлении Совета Министров СССР № 1189 от 10 июня 1946 г. «О подготовке хлебопекарной промышленности Министерства пищевой промышленности СССР к торговле хлебом без карточек» устанавливалось требование, адресованное Министерству пищевой промышленности (Зотову): «построить и ввести в действие в 1946 году хлебозаводы и пекарни мощностью 2830 тонн хлеба в сутки» (данное требование касалось 40 городов РСФСР, общая мощность хлебозаводов республики составляла 1229 т. в сутки); в 39 регионах РСФСР планировалось «подготовить и ввести в действие к 1 ноября 1946 г. законсервированные хлебопекарные предприятия мощностью 3000 т. хлеба в сутки». Также в постановлении утверждалось: «построить в 1946–1947 гг. ... хлебопекарные предприятия мощностью 630 т. хлеба в сутки в городах и населённых пунктах»; «создать на хлебопекарных предприятиях в III и IV кварталах 1946 г. переходящие запасы муки в размере 5–10-дневной потребности в городах и населённых пунктах» (пятидневные запасы создавались в 43 городах

---

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР ... С. 56.

² Жирнов Е. «Будем ходить в магазины только смотреть» // Журнал «Коммерсантъ Власть». 2008. № 41. С. 72. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1041353> (дата обращения: 18.10.2018).

³ В Министерстве торговли СССР // Правда. 1946. 1 июля. С. 1.

РСФС; десятидневные запасы – в 104 городах РСФСР (из них большинство городов находилось в Московской области – 22, Свердловской – 21, Челябинской – 5, Молотовской – 5)¹.

Летом 1946 г. ряд регионов РСФСР (Центральную Россию, Среднее и Нижнее Поволжье), а также Украину и Молдавию охватила засуха, поставив под угрозу судьбу урожая в этих областях. В Сибири, Казахстане, центральных и северных районах в период уборочной кампании начались проливные дожди. В результате валовой сбор зерна в 1946 году составил 39,6 млн. т., что было на 7,7 млн. т. меньше, чем в 1945 году и в 2,4 раза меньше, чем в предвоенном 1940 г.² Вследствие ухудшения ситуации продовольственного снабжения отмена карточной системы была отложена, а в стране началась кампания «за экономию хлеба». Постановление Совета Министров № 1189 от 10 июня 1946 было дополнено требованием, адресованным министру заготовок Б.А. Двинскому, дополнительно создать в IV квартале 1946 г. на хлебопекарных предприятиях 50 важнейших городов страны неснижаемые запасы муки в размере 5-дневной потребности. Было организовано приоритетное снабжение хлебом главных городов страны – Москвы и Ленинграда. В принятом Советом Министров СССР постановлении № 1612 от 21 июля 1946 г. «О перевозках хлеба для снабжения населения» утверждались важнейшие назначения отгрузки хлеба железнодорожным транспортом во второй половине июля. В соответствии с данным постановлением в Москву направлялись 2105 вагонов зерна и 1280 вагонов муки, в Ленинград – 2270 вагонов зерна и 80 вагонов муки. По Московской области показатели отгрузки зерна и муки составляли 788 и 810 вагонов соответственно; по Ленинградской области – 254 и 225 вагонов. Для сравнения, в Кемеровскую область направлялось 285 вагонов зерна и 30 вагонов муки; в Брянскую 168 и 45 вагонов; в Псковскую 28 и 55 вагонов соответственно.³ Начиная с весны 1947 г. для обеспечения бесперебойного снабжения крупой населения Москвы и Ленинграда в торгующих организациях и сети общественного питания были созданы неснижаемые запасы крупы по 300 тонн в каждом городе. На хлебовы-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 364–375.

² Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. ... 152.

³ ГАРФ. Ф Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 305–308.

пекающих предприятиях ведущих Министерств (чёрной, цветной металлургии, нефтяной, угольной, лесной промышленности, электростанций, путей сообщения) создавались неснижаемые запасы муки в размере до 15% месячного фонда на пайковое снабжение.¹

Одним из путей решения проблемы продовольственного обеспечения горожан было снабжение за счет предприятий потребительской кооперации. В Постановлении Совета Министров СССР № 2445 от 9 ноября 1946 г. данные предприятия обвинялись в том, что «имеющиеся в деревне излишки сельскохозяйственных продуктов после выполнения государственных обязательств колхозами и крестьянами ни потребительской ни промысловой кооперацией не закупаются для снабжения городского населения»². Постановлением утверждалось требование: развернуть торговлю продовольственными товарами в городах (магазины, палатки, ларьки и пр.), закупать излишки продовольствия в деревне, сдавать 20–25% заготовленных потребительской кооперацией сельскохозяйственных продуктов Министерству торговли для продажи в государственной торговой сети. Также в тексте постановления были конкретизированы задания на 1947 г. по закупке продовольствия. Предоставлялись налоговые льготы. Предприятия потребительской кооперации и кооперации инвалидов освобождались до 1 января 1948 г. от обложения налогом с оборота и оплаты бюджетных наценок и разницы по операциям, связанным с закупкой сельскохозяйственных продуктов.³ Предприятиям Центросоюза, занятым продажей сельскохозяйственных продуктов, в первом квартале 1947 г. выделялось 500 грузовых автомашин. Но в условиях ухудшающейся экономической ситуации промкооперация не могла полностью решить проблем обеспечения населения продуктами.

В кризисной ситуации правительство не обошлось без принятия непопулярных мер. Совместным постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) № 1630 от 27 июля 1946г. был сокращен контингент населения, снабжаемого хлебом по карточкам, а также уменьшены нормы выдачи хлеба ижди-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 1649 от 21 мая 1947 г. «О порядке отпуска и создания запасов муки на хлебопекающих предприятиях и создания запасов крупы в торгующих организациях и сети общественного питания гг. Москвы и Ленинграда» // ГАРФ. Ф Р-5446. Оп. 1. Д. 302. Л. 94.

² ГАРФ. Ф Р-5446. Оп. 1. Д. 287. Л. 109..

³ Там же. Л. 110.

венцам¹. 27 сентября 1946 г. Советом Министров СССР и ЦК ВКП(б) было принято постановление «О сокращении контингента и норм снабжения. Об экономии в расходовании хлеба», которым вводилось с 1 октября 1946 г. сокращение фондов коммерческой торговли хлебом и крупой, уменьшена выработка сортовой муки и пр.

Вследствие принятых мер, население, снабжаемое хлебом по карточкам, было уменьшено с 87 800 000 чел. (сентябрь 1946 г.) до 59 055 000 чел. (декабрь 1946 г.)². Данное сокращение было неравнозначным по различным категориям снабжения и регионам страны. Основную часть сокращенного контингента составили граждане, проживающие в сельской местности (более 23 млн чел.). В городской среде полностью снимались со снабжения хлебом трудоспособные иждивенцы (не подлежали снятию учащиеся и лица, связанные с уходом за малолетними детьми). Количество детей до 12 лет, находящихся на централизованном снабжении хлебом, было сокращено на 576 000 человек, иждивенцев на 5 135 000 чел.³ Сокращение коснулось норм хлеба, выдаваемых по детским хлебным карточкам (снижены с 400 до 300 грамм в день), а также норм для иждивенцев (снижены с 300 до 250 грамм в день.). Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 121 от 25 января 1947 г. «О контингентах, снабжаемых хлебом, и плане расхода муки и крупы по рыночному фонду на февраль 1947 года», утверждалось количество граждан, снабжаемых хлебом в СССР по городским нормам – 54 995 800 тыс. человек (работающие, иждивенцы, дети, учреждения, состоящие на государственном снабжении)⁴. По РСФСР количество снабжаемого хлебом населения составило: работающих – 20 172 100 чел.; иждивенцев – 5 223 300 чел.; детей – 11 175 600 чел.⁵

Важно отметить, что тенденция сокращения населения, находящегося на централизованном снабжении, не затронула трудящихся горожан. Количество работающего городского населения, снабжаемого хлебом по карточкам, за период с сентября по декабрь 1946 г. увеличилось на 985 тыс. чел. (в том числе на

---

¹ Борьба с хищениями, бесхозяйственностью, расточительством ... С. 158–159.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 239. Л. 222.

³ Там же. Л. 222 об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 165.

⁵ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 165–168.

429 000 служащих и 556 000 рабочих)¹. Количество находящихся на пайковом снабжении рабочих и ИТР, занятых в угольной промышленности, черной металлургии, судостроительной, текстильной, легкой, резиновой, автомобильной и электропромышленности в сумме увеличилось на 274, 5 тыс. чел.² На предприятиях и в учреждениях, занятых разработками атомного проекта, также возросло количество граждан, находящихся на карточном обеспечении. Во втором квартале 1947 г. (по состоянию на 9 апреля) количество контингентов, «принятых на централизованное снабжение» по предприятиям и учреждениям Первого главного управления при Совете Министров СССР составляло 88 888 человек (в том числе: 48 898 работающих, 16 200 взрослых иждивенцев, 23 770 детей до 12 лет)³. На 19 июня 1947 г. количество граждан принятых на снабжение составило 98 417 чел. (в том числе: 54 826 сотрудников, 16 811 взрослых иждивенцев, 26 780 детей до 12 лет).⁴ На 27 сентября 1947 г. централизованно снабжаемый продовольствием контингент составил 100 824 чел. (в том числе: 56 604 сотрудника, 17 230 взрослых иждивенцев, 26 990 детей до 12 лет)⁵. В письме Л.П. Берии И.В. Сталину по поводу увеличения количества снабжаемого контингента отмечалось: «В целях сохранения секретности роста контингентов по стройкам и предприятиям Первого главного управления с 1 июля с.г. предусматривается централизованное обеспечение этих контингентов хлебопродуктовыми товарами, минуя областные и республиканские организации»⁶.

В географическом разрезе приоритетные позиции продовольственного снабжения сохранили Москва и Ленинград. О важности снабжения этих городов свидетельствует принятие отдельных правительственных постановлений, направленных на решение вопросов сроков отгрузки и объемов продовольствия, завозимого в Москву и Ленинград⁷. В качестве метода «усиления отгруз-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 239. Л. 222 об.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 169.

³ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 3. С. 179–180.

⁴ Там же. С. 210, 232, 234.

⁵ Там же. С. 329, 342, 343.

⁶ Там же. С. 210.

⁷ Постановление Совета Министров СССР от 4 октября 1947 г. № 3483 «Об усилении отгрузки картофеля и овощей в г. Москву, Ленинград и другие промышленные центры для снабжения населения» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 313. Л. 293–294; Постановление Совета Министров СССР от 10 августа 1948 г. № 3013 «О плане завоза в г. Ленинград картофеля и овощей урожая 1948 г.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 111–113; Постановление Совета Министров СССР от 10 августа 1948 г. № 3014 «О плане завоза в г. Москву картофеля и овощей урожая 1948 г.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 114–119.

ки» овощей в данные города министерствам и ведомствам, заготавливающим и транспортирующим овощи, разрешалось продавать гражданам, занятым на погрузке и выгрузке, по 5 кг. картофеля и овощей с каждой тонны, а министерству торговли израсходовать в октябре 1947 г. 1000 тонн муки, для снабжения хлебом граждан, работающих на заготовке, отгрузке и переработке овощей для снабжения данных городов¹.

Одним из путей экономии являлось увеличение примесей в выпекаемом хлебе. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) 18 октября 1946 года приняли постановление № 2340-997с согласно которому с 1 ноября 1946 г. устанавливалась примесь овсяной, ячменной и кукурузной муки при выпечке хлеба (для всех областей и краев объем примесей в муке составлял 40%, для Москвы и Ленинграда – 20%). Установленные нормы подсортировки в хлеб муки фуражных культур не всегда соблюдались, варьируясь в начале 1947 г. по хлебокомбинатам Свердловского треста «Главхлеб» от 14 до 40,4% (табл. 5.) В отчете управляющего Свердловским областным трестом «Главхлеб» «не доведение подсортировки фуражных культур до установленного процента (40%)» объяснялось отсутствием фуражной муки на складах региона, либо задержкой ее доставки из других областей².

Еще одним способом «экономии», применяемым на хлебопекарных предприятиях, была корректировка технологии изготовления хлеба. В справке от управляющего Свердловским областным трестом «Главхлеб» Зайкина, направленной в ноябре 1946 г. секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Недосекину отмечалось, что для выполнения плана «экономии» было введено: «применение соленых заварок, увлажнение пекарных камер, уменьшение пека хлеба в печах»³. В результате было достигнуто «перевыполнение выхода по всем сортам хлеба», а также получена «экономия муки в объем 399,4 т. (за период с декабря 1946 – по февраль 1947 г.)»⁴. По утверждению Зайкина, применение данных способов экономии ресурсов «не повлияло на качество хлеба»⁵, хотя жало-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 313. Л. 294.

² ЦДОСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 114. Л. 47.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 43. Д. 167. Л. 55.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 56.

бы горожан на факты продажи в городской торговой сети сырого и пересоленного хлеба, регулярно поступали в газеты и партийные органы¹.

Таблица 5

Объем примесей фуражных культур в обойные сорта хлеба по предприятиям Свердловского треста «Главхлеб» в феврале 1947 г. (в %)²

Наименование комбината	Объем примесей
Свердловские предприятия	39,2
Нижнетагильский хлебокомбинат №2	28,3
Серовский хлебокомбинат	28,5
Кушвинский хлебокомбинат	29,5
Первоуральский хлебокомбинат	29,1
Каменск-Уральский хлебокомбинат № 1, № 2.	24,0
Алапаевский хлебокомбинат	14,0
Асбестовский хлебокомбинат	28,7
Невьянский хлебокомбинат	25,3
Кировоградский хлебокомбинат	39,5
Карпинский хлебокомбинат	27,5
Полевской хлебокомбинат	24,7
Ревдинский хлебокомбинат	32,7
Верхнепышминский хлебокомбинат	31,7
Красноуральский хлебокомбинат	32,3
Ирбитский хлебокомбинат	38,8
Дегтярский хлебокомбинат	40,4
Камышловский хлебокомбинат	40,0
Тавдинский хлебокомбинат	39,9
Сухоложский хлебокомбинат	26,0

Результаты проводимой кампании за экономию расходования хлеба фиксировались в различных регионах РСФСР. В Хабаровском крае за счет сокращения снабжаемого контингента и добавления примесей в тесто экономия в расходовании хлеба за сентябрь–октябрь 1946 г. составила 348,2 т., а в ноябре 1946 г. расход хлеба был уменьшен еще на 13,5 т в месяц³. В Мурманской области экономия хлеба от снятия с пайкового снабжения населения составила более 61 т., от сокращения норм по детским и иждивенческим карточкам – свыше 236 т., а прекращение отпуска хлебопродуктов по всем видам дополни-

¹ Когда же будет качественный хлеб? // Металлург. 1946. 16 марта. С. 2; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 196. Л. 64.

² Там же. Ф. 236. Оп. 5. Д. 114. Л. 47.

³ Слабнина Л.А. Подготовка к отмене карточной системы ... С 131.

тельного питания дало еще почти 170 т. хлеба, 11 т. муки, 143 т. крупы.¹ В Челябинской области в результате прекращения продажи хлеба, крупы и муки по дополнительным видам питания (литер Б, сухой паек, 2-е горячее и др.) сэкономлено 80 т муки и 30 т крупы, а в результате сокращения контингента населения, находящегося на пайковом снабжении и «понижения» в категории снабжения в октябре 1946 г. объемы сэкономленной муки выросли до 433,8 т., а в ноябре составили 355 т.² В Куйбышевской области экономия хлеба за период с сентября 1946 г. по октябрь 1947 г. составила 9 720 т. муки³. В Свердловске экономия хлеба составила за период с сентября по октябрь 1946 г. – 880 т. (объем рыночных фондов хлеба сократился на 16,1%); по Свердловской области за это же время экономия составила 4 260 т., а объем рыночных фондов хлеба сократился на 23,2%⁴.

Проводимая в 1946–1947 гг. кампания за экономию хлеба отразилась и на уровне цен. Соотношение пайковых и коммерческих цен летом 1946 г. составляло 1:8. 16 сентября в «Правде» было опубликовано сообщение Совета Министров СССР: «В целях подготовки условий для отмены в 1947 году карточной системы и введения единых цен Совет Министров СССР признал необходимым теперь же осуществить мероприятия, направленные к сближению высоких коммерческих и низких пайковых цен путем дальнейшего снижения коммерческих цен и некоторого повышения пайковых цен с тем, чтобы к моменту отмены карточной системы упразднить коммерческие цены и объявить после пайковые цены едиными государственными ценами...»⁵. Осенью 1946 г. пайковые цены были повышены. По расчетам Е.Ю. Зубковой цены были повышены в 2,5–3 раза по разным группам продуктов⁶. Пайковые цены на хлеб были повышены более чем в 3 раза. В частности, из «Информационного письма ЦСУ СССР в Президиум Совета Министров СССР о соотношении розничных цен на продовольственные товары в СССР» от 29 сентября 1964 г., следует, что «в

---

¹ «Военные» карточки ... URL: <http://www.murmanarchiv.ru/index.php/2010-04-08-07-51-00/500-1r->

² Никонова О.Ю. Борьба за «минимум калорий»: общественное питание и продовольственное снабжение в послевоенном Челябинске (1946-50 гг.) // Управление в современных системах. 2014. № 4. С. 30.

³ Репенецкий А.И. Указ. соч. С. 121.

⁴ Голдин В. Был ли голод на среднем Урале в 1946-1947 годах? URL <http://www.proza.ru/2013/06/13/312> (дата обращения: 15.09.2018).

⁵ В Совете Министров СССР // Правда. 1946. 16 сентября. С 1.

⁶ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество ... С. 70.

сентябре 1946 г. цены продовольственных товаров нормированной торговли были повышены в 3 раза, а на хлеб даже в 3,8 раза»¹. В официальных заявлениях властей отмечалось, что для компенсации повышения пайковых цен несколько снижались коммерческие цены. Но фактическое снижение коммерческих цен было не значительным и составляло 30-40%, не компенсируя ощутимого повышения пайковых цен. В результате проведенных ценовых изменений соотношение пайковых и коммерческих цен составило 1:2,5 (см. прил. 1. 11). В различных регионах РСФСР фиксировались случаи когда карточки за август не отоваривались (вследствие отсутствия товаров), а в сентябре пайковые продукты за прошлый месяц уже продавались по новым ценам, вызывая недовольство населения². В октябре 1946 г. правительство сократило объем коммерческой торговли хлебом в стране до 75 тыс. тонн, в ноябре – до 35 тыс. тонн, а в декабре – до 25 тыс. тонн.³ В некоторых регионах РСФСР (г. Саратов, Хабаровский край и др.) коммерческая торговля хлебом в ноябре–декабре 1946 г. вообще была прекращена, а высвободившиеся фонды стали реализовываться через коммерческую сеть общепита⁴.

В условиях нормированного снабжения общепит являлся основной формой питания для рабочих, учащихся, живущих в общежитиях⁵. В городах РСФСР через общепит в 1946 г. было продано около 30% всех продуктов, поступивших для реализации в торговой сети. 16 сентября 1946 г. в системе общественного питания цены также возросли (см. табл. 6), лишив низкооплачиваемые категории населения возможности питаться в столовых предприятий и учреждений. Сокращение контингента граждан, питающихся в столовых, привело к частичному уменьшению количества предприятий общепита. В Новосибирске общее количество столовых, чайных и ресторанов сократилось с 392 в январе 1946 г. до 158 в мае 1949 г.⁶ Достаточно высокими также были цены на продукты на колхозном рынке (см. прил. 1. 11). В целом, предпринятое ценовое

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 37. Д. 49. Л. 34.

² Голдин В. Был ли голод на среднем Урале в 1946-1947 годах? URL <http://www.proza.ru/2013/06/13/312> (дата обращения: 15.10.2018).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1062. Л. 4.

⁴ Кузнецова Н.В. Динамика цен ... С. 61; Слабнина Л.А. Подготовка к отмене карточной ... С. 131.

⁵ Курасов С.А., Петровичева Е.М. Повседневность провинциальных вузов в 40-е годы XX века (на примере Владимирской области) // Интеллигенция и мир. 2015. № 1. С. 57.

⁶ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 61.

«сближение» вылилось в значительное удорожание жизни населения. Хотя повышение пайковых цен сопровождалось введением надбавок к заработной плате граждан, чьи доходы не превышали 900 руб., но объем данной надбавки (от 80 до 110 руб.), прозванной в народе «хлебной», не компенсировал существенного удорожания жизни.

Таблица 6

Уровень цен в системе общественного питания в 1946 г. (руб.)¹

Наименование блюда	Населенный пункт, предприятие	До 16.09.1946	После 16.09.1946
Гуляш мясной	г. Первоуральск (Свердловская обл.)	2,10	4,30
Каша ячневая	г. Первоуральск (Свердловская обл.)	0,30	0,80
Горошница	г. Первоуральск (Свердловская обл.)	0,35	0,70
Суп с вермишелью	г. Первоуральск (Свердловская обл.)	0,50	1,05
Картофельное пюре с мясом	В столовой завода «Рязсельмаш» (г. Рязань)	1,30	2,10
Котлеты мясные с картофелем	В столовой фабрики «Красные текстильщики» (г. Москва)	1,70	3,20
Чай с сахаром	г. Первоуральск (Свердловская обл.)	0,15	0,25
Обед из трех блюд	Диетические столовые Уралмашзавода (г. Свердловск).	2,80	6,40
Комплексный обед	В столовой металлургического цеха Кировоградского медеплавильного завода г. Кировоград. (Свердловская обл.)	6,00	14,00

Проведение кампании, направленной на экономию хлеба, позволило создать в стране резерв зерна, необходимый в ситуации обостряющегося продовольственного кризиса. Прибыль государства составила 65 млрд. руб., но источником ее пополнения явилось повышение цен осенью 1946 г., и, как следствие, сокращение потребления и снижение уровня жизни городского населения.

Объективные сложности продовольственного снабжения населения в первые послевоенные годы стимулировали правительство к поиску других источников активизации товарооборота. С целью увеличения предложения товаров на розничном рынке были приняты меры для расширения объемов их производства. Важная роль в решении данного вопроса отводилась предприятиями местной промышленности и промысловой кооперации. В постановлении СНК

¹ Составлено по: Голдин В. Указ. соч.; Мамяченков В.Н. Политика цен и карточная система в СССР: государство и общество в 1946 году (на материалах Свердловской области) // Вестник ЧелГУ. 2009. №37. С. 118; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 524. Л. 64.

СССР от 22 августа 1945 г. были определены основные задачи данных организаций в насыщении рынка непродовольственными товарами¹. Осенью 1946 г. работа предприятий потребительской и промысловой кооперации была признана неудовлетворительной². Организации обвинялись в «иждивенческих настроениях», проявляющихся в стремлении работать за счёт государственных ресурсов. От предприятий потребительской кооперации требовалось «развернуть торговлю не только в сельской местности, но и в городах», организовать пошивочные, сапожные ремонтные мастерские, парикмахерские и мастерские по производству товаров широкого потребления, вовлекая в производство «местное сырьё, отходы государственной промышленности». 20–25% производимых промтоваров предприятия потребкооперации должны были сдавать государству. Были конкретизированы задания по выпуску гвоздей, кроватей, велосипедов, валенок, верхнего трикотажа, ковров, тканей (шерстяных, льняных, шелковых) и пр. изделий, производимых предприятиями местной промышленности, промкооперации и кооперации инвалидов. Для стимуляции производства данным предприятиям предоставлялись налоговые льготы: часть товаров освобождалась от налога с оборота (запаси, сырьё и стройматериалы минерального происхождения, весы, сельхозинвентарь и пр.); на остальные товары устанавливался налог с оборота как для государственной промышленности; подоходный налог с прибыли снижался до 25%; до 1 января 1948 предприятия освобождались от взимания бюджетной наценки на товары широкого потребления из сырья, заготавливаемого в колхозах³. 1 декабря 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление № 2708 «О производстве предметов широкого потребления из вторичных алюминиевых сплавов», где утверждалось требование произвести в 1947 г. из 10 961 тонн вторичных алюминиевых сплавов кухонную посуду и скобяные изделия для продажи населению. По планируемым объемам производства лидирующее место отводилось РСФСР, где из 3000 тонн

---

¹ Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и промышленных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов» // Решения партии и правительства ... В 16 т. Т. 3. С. 457.

² Постановление Совета Министров СССР № 2445 от 9 ноября 1946 г. «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» // ГАРФ. Ф Р-5446. Оп. 1. Д. 287. Л. 109–115.

³ ГАРФ. Ф Р-5446. Оп. 1. Д. 287. Л. 109 – 115.

сырья должно было быть произведено 220 тыс. шт. сковородок, 30 тыс. шт. чайников, 45 тыс. шт. кастрюль, казанков и мисок, 57 тыс. шт. утятниц и гусятниц и 10 млн. шт. скобяных изделий¹. 23 декабря 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление № 2752 «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности, производящей предметы широкого потребления», в котором работа предприятий текстильной и легкой промышленности была признана неудовлетворительной, не «обеспечивающей выполнения пятилетнего плана». Утверждалась требование увеличения производства, темпов и объемов строительства новых цехов и расширения жилищного фонда для сотрудников. Были увеличены объемы капиталовложений на 1946–1950 гг. по Министерству текстильной промышленности СССР с 5990 млн. руб. до 7300 млн. руб., по Министерству лёгкой промышленности СССР с 2180 млн. руб. до 2900 млн. руб.² (Для увеличения притока рабочей силы на предприятия и стройки данных министерств, им разрешалось продавать каждому вновь поступающему работнику по две пары белья, одному платью (для женщин) или одному костюму (для мужчин), одному пальто, одной паре обуви и одной паре галош)³.

Несмотря на сложности продовольственного обеспечения населения, уже во втором квартале 1947 г. в правительстве шла подготовка к денежной реформе и отмене карточек. Весной были установлены новые цены на непродовольственные товары, находящиеся в дорогом ценовом сегменте. Согласно постановлениям Совета Министров СССР № 1109 от 21 апреля 1947 г.; № 1576 от 16 мая 1947 г.; № 1757 от 28 мая 1947 г. были установлены цены на радиоприемники (от 650 до 1900 руб.), на автомобили («Победа» – 16 000 руб. и «Москвич» – 10 000 руб.); на ковры и ковровые изделия (в том числе на кавказские, иранские и персидские ковры ручной работы, цены на которые варьировались от 150 до 3500 руб. за кв. м.)⁴.

14 декабря 1947 г. Советом Министров СССР и ЦК ВКП(Б) было принято постановление № 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на

---

¹ Там же. Д. 289. Л. 197–201.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. ... В 16 . Т. 3. С. 363–368.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 307. Л. 245–248.

⁴ Там же. Д. 298. Л. 162–164; Д. 301. Л. 375–376; Д. 302. Л. 311–321.

продовольственные и промышленные товары»¹. В нем был зафиксирован новый уровень единых цен.

Таблица 7

Единые розничные цены на промышленные товары, установленные в декабре 1947 г. (руб. и коп.)²

Наименование товара	Единица измерен.	Цена	
		в городах	в сельск. местности
Ситец набивной	метр.	10-10	11-20
Сатин «Экстра» мерсеризованный	метр.	25-20	28-00
Шерсть байка	метр.	108-00	120-00
Бостон чисто шерстяной	метр.	450-00	510-00
Платье женское хлопчатобумажное из кашемира	шт.	77-00	86-00
Платье женское шерстяное	шт.	510-00	560-00
Костюм муж. двойка, однобортный, полушерсть	шт.	430-00	450-00
Костюм мужской шерстяной двойка, шерсть	шт.	1400-00	1500-00
Полуботинки мужские кожаные	пара	260-00	288-00
Туфли женские	пара	260-00	288-00
Галоши резиновые мужские	пара	45-00	45-00
Валенки мужские	пара	195-00	216-00
Жакет женский, полушерсть	шт.	190-00	210-00
Чулки женские, х/б	пара	7-00	7-50
Носки мужские	пара	17-00	19-00
Нитки х/б на катушках белые и черные	катушка	1-75	1-75
Спички	коробка	0-20	0-20
Мыло туалетное (семейное)	кусок 100 гр.	4-00	4-00
Мыло хозяйственное	кусок 400 гр.	5-20	5-20
Керосин	литр	2-00	2-50
Папиросы «Казбек»	коробка	6-30	6-30
Гребень женский	штука	4-00	4-00
Часы металлические наручные «Звезда» и «ЗИФ»	штука	900-00	900-00
Патефон модель ПТ-3	штука	900-00	900-00
Радиоприемник «Рекорд»	штука	600-00	600-00
Фотоаппарат «ФЭД-1»	штука	1100-00	1100-00

¹ Известия. 1947. 15 декабря.

² Приказ Министерства торговли СССР № 550 от 14 декабря 1947 г. Новые единые государственные розничные цены на продовольственные и промышленные товары // Известия. 1947. 15 декабря. С. 2.

Цены на хлеб и муку устанавливались в среднем на 12% ниже пайковых цен; на крупу и макароны на 10% ниже пайковых цен; на мясо, рыбу, жиры, сахар, кондитерские изделия, соль, картофель, овощи, табак, спички цены сохранялись на уровне пайковых цен; на ткани, обувь, одежду, трикотажные изделия устанавливались новые цены на уровне в 3,2 раза ниже коммерческих цен; на водку и вино сохранялись действующие цены, на пиво цена снижалась на 10%¹. Вслед за данным постановлением был принят приказ Министерства торговли СССР № 550 от 14 декабря 1947 г., в котором фиксировались цены на промышленные и продовольственные товары с учетом их поясной дифференциации (см. прил. 1.12), а также общие для всех поясов (табл. 7, 8).

Таблица 8

Единые розничные цены, установленные в декабре 1947 г.
(для всех поясов) (руб. и коп.)²

Наименование товара	Кол-во	Цена
Чай байховый грузинский 1 сорт	100 гр.	16-00
Кофе натуральный жареный в зернах 1 сорт	1 кг.	75-00
Пиво жигулевское в бутылках	0.5 лит.	7-00
Мороженое молочное в расфасовке по 100 гр.	1 кг.	20-00
Икра белужья, калужья, осетровая, стерляжья, зернистая баночная	1 кг.	400-00
Водка особая Московская	0.5 лит.	60-00

Отмена карточек сопровождалась проведением денежной реформы. Важность ее проведения была обусловлена необходимостью укрепления рубля, а также, борьбой со «спекулятивными элементами», которые «воспользовались наличием большого разрыва между государственными и рыночными ценами, равно как и наличием массы фальшивых денег^{*}, для накопления денег в больших размерах в целях наживы за счет населения»³. Обмен наличных денег проводился с 16 по 22 декабря 1947 г., а в отдаленных регионах страны в течение

¹ Там же.

² Приказ Министерства торговли СССР № 550 от 14 декабря 1947 г. Новые единые государственные розничные цены на продовольственные и промышленные товары // Известия. 1947. 15 декабря. С. 2.

^{*} По мнению И.А. Чуднова, тезис о наличии в стране фальшивых денег был не более чем пропагандистской уловкой – аргументом в пользу проведения реформы. В период 1943 по 1947 гг. в Госбанк не поступали фальшивые деньги, «выпущенные оккупантами», не были обнаружены они и после реформы (См: Чуднов И.А. Теория и практика денежных реформ в СССР. Автореф. дис ... д-ра экон. наук. С-Пб. 2005. С. 24).

³ Известия. 1947. 15 декабря. С. 3.

двух недель (районах Красноярского, Хабаровского края, Приморского края, Иркутской, Архангельской, Молотовской, Мурманской, Томской, Тюменской, Читинской областей, Коми и Якутской АССР)¹. Наличные деньги обменивались из расчета 10:1.

В тексте постановления о проведении денежной реформы декларировалось, что: «При проведении денежной реформы заработная плата рабочих и служащих, ... и другие трудовые доходы всех слоев населения не затрагиваются реформой и будут выплачиваться в новых деньгах в прежних размерах»². Но, вопреки обещаниям, денежная реформа скорректировала доходы городского населения. 26 декабря 1947 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 4115 «О выплате премий рабочим и служащим за ноябрь и предшествующие месяцы 1947 г.», в котором утверждалось что государственные премии, начисленные данным категориям граждан до 1 декабря 1947 г., после проведения денежной реформы выплачиваются из расчёта одной десятой причитающейся суммы³. То есть фактически соотношение 10:1 было справедливо и в отношении доходов населения, заработанных ранее денежной реформы, но не выплаченных до декабря 1947 г.

Денежная реформа коснулась и вкладов населения. Еще до реформы осенью 1947 г. были ограничены выплаты по вкладам населения. 16 ноября 1947 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 3838, регулирующее порядок выдачи вкладов сберегательными кассами районов, подвергавшихся оккупации. В нем утверждалось требование прекратить с 1 января 1948 г. выдачу сберегательными кассами данных районов, вкладов принятых до оккупации, в тех случаях, когда в сберегательной кассе не сохранились документы, подтверждающие факт наличия вклада. До 1 января 1948 г. выдача вкладов допускалась только с разрешения Управлений гострудсберкасс и госкредита союзных республик (автономных республик, краёв или областей).⁴

---

¹ Постановление Совета Министров № 3872 от 25 ноября 1947 г. «Об утверждении перечня отдаленных районов, в которых обмен денег производится в течение двух недель» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316. Л. 189–194.

² Известия. 1947. 15 декабря. С. 1.

³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 319. Л. 84.

⁴ Там же. Д. 316. Л. 93–95.

В начале декабря 1947 г. побуждаемое слухами население начало массово вкладывать деньги в сберкассы, стремясь амортизировать удар конфискационной реформы. По РСФСР в первой половине декабря сальдо сберкасс составило +1977,1 млн. руб.¹ План по вкладам по РСФСР был выполнен на 422,6%, что несколько ниже, чем в среднем по СССР – 484,5%². Начиная с 14 декабря 1947 г. денежные вклады в сберегательных кассах и Государственном банке переоценивались на следующих условиях: до 3 тыс. руб. – 1:1, до 10 тыс. руб.: первые 3 тыс. – 1:1, а остальная часть вклада переоценивается – 3:2; по вкладам размером свыше 10 тыс. руб.: первые 10 тыс. руб. – 3:2, а остальная часть вклада переоценивается из соотношения 2 руб. старых денег на 1 руб. новых денег. По окончании обмена население забирало вклады из сберкасс (до конца декабря было снято 391 млн. руб.). По расчетам И.А. Чуднова, путем проведения «вкладных операций» населению удалось спасти от конфискационного обмена более 2,5 млрд. руб. (что составило 6,5% от общего объема предъявленной к обмену денежной массы)³.

Как отмечалось выше, в постановлении о проведении денежной реформы, данное мероприятие трактовалось через понятие *жертвы*, которую должно принести население⁴. В тексте отмечалось, что жертвы, которые вынуждены понести государство и население, не напрасны, и будут компенсированы позитивными последствиями: «Проведение денежной реформы будет содействовать повышению уровня материального благосостояния трудящихся, восстановлению и развитию народного хозяйства и дальнейшему укреплению могущества Советского государства»⁵. *Жертвы*, понесенные населением, определялись конфискационным характером денежной реформы, последствия которой, по замечанию А.К. Соколова и В.С. Тяжельниковой, на долгие годы стали шоком для общества⁶. Что касается *жертв*, понесенных государством, то упоминание о них являлось абсолютно популистским маневром. В постановлении Совета

---

¹ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. глазами современников // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 100.

² ГАРФ. Ф. А-472. Оп.1. Д. 563. Л. 8; РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 2957. Л. 2.

³ Чуднов И.А. Теория и практика денежных реформ в СССР ... С. 24.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов ... В 15. Т. 8. С. 159.

⁵ Известия. 1947. 15 декабря. С. 3.

⁶ Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Курс советской истории, 1941–1991. М., 1999. С. 53.

Министров СССР № 3002 от 9 августа 1948 г. с говорящим названием «Об изъятии в доход союзного бюджета средств, образовавшихся при проведении денежной реформы от переоценки сумм, причитавшихся отдельным гражданам», утверждалось требование обязать государственные предприятия и организации до 1 сентября 1948 г. перечислить в бюджет суммы от переоценки долговых обязательств, а также средств отдельных граждан, имеющих на депозитных счетах бюджетных учреждений, предприятий и организаций в учреждениях банков¹. Только переоценка вкладов населения в сберкассах, принесла казне доход в 3,6 млрд. руб. В целом в результате реформы в банковскую систему поступило более 50 млрд. руб.

Официальный советский дискурс в оценке реформы апеллировал к «громадным силам и возможностям СССР»² и «народному характеру социалистического строя»³, которые продемонстрировала отмена карточек. На страницах «Правды» отмечалось: «Население получило огромные материальные выгоды: только от снижения государственных розничных цен, проведенного 16 декабря 1947 года, трудящиеся Советского Союза получают в течение ... года чистую выгоду в размере более 57 миллиардов рублей»⁴.

Чтобы оценить «выгоду» населения от введения единых цен, сравним уровень пайковых цен (осени 1946 г.) и единых цен, введенных в декабре 1947 г. Сопоставление позволяет утверждать, что тенденция, обозначенная в тексте постановления № 4004, была частично реализована. В этой связи нельзя согласиться с утверждением А.В. Пыжикова, что новые государственные цены в большинстве своем были даже выше коммерческих⁵, а также с мнением А.К. Соколова и В.С. Тяжельниковой, что повышение цен в 1947 г. коснулось всех без исключения продуктов питания⁶. Единые цены на хлеб, крупу, макароны были установлены на уровне ниже пайковых. (Но не стоит забывать, что это были цены, повышенные осенью 1946 г. В сравнении с ценами лета 1946 г.

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 74–76.

² Молотов В.М. 31-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. ... С. 15–16.

³ Суслов М.А. Идеи Ленина озаряют путь к коммунизму // Большевик. 1948. № 2. С. 3.

⁴ Новое снижение цен // Правда. 1948. № 101. 10 апреля. С. 1

⁵ Пыжиков А.В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 35.

⁶ Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Указ. соч. С. 50.

единые цены, введенные в декабре 1947 г., были значительно выше (см. табл. 7, прил. 1.11, 1.12). Что касается цен на другие продукты питания, то хотя в тексте постановления и оговаривалась фиксация большинства из них на уровне пайковых, они были повышены (сахар, растительное масло). В результате введения единых цен возросла стоимость месячной продовольственной корзины. По расчетам Д.В. Милохина и А.Ф. Сметанина, в конце 1947 г. она достигла 737,7 руб. (без картофеля, для 3-го ценового пояса, при условии покупки в системе госторговли)¹. По мнению В. Шарапова, стоимость продовольственной корзины в декабре 1947 г. превысила 1100 руб.² Не были полностью реализованы обещания правительства по поводу на промтовары. В постановлении утверждалось, что новые цены должны быть установлены ниже уровня коммерческих. Из текста вышеупомянутого «Информационного письма ЦСУ СССР в Президиум Совета Министров СССР о соотношении розничных цен на продовольственные товары в СССР» следует, что «цены на непродовольственные товары были повышены в декабре 1947 г. до уровня коммерческой торговли»³.

В ожидании повышения покупательского спроса и для предотвращения проблем товарного дефицита правительством были предприняты меры по снабжению крупных городов. В Москве и Ленинграде были созданы неснижаемые запасы продовольственных товаров. В Москве – 65 тыс. т. муки, 11 тыс. т. крупы и бобовых, 10 тыс. т. мясопродуктов, 5 тыс. т. рыботоров, 20 тыс. т. сахара. В Ленинграде – 25 тыс. т. муки, 5 тыс. т. крупы и бобовых, 3 тыс. т. мясопродуктов, 1,5 тыс. т. рыботоров, 8 тыс. т. сахара⁴.

После отмены карточной системы на предприятиях различных отраслей начинается ликвидация ОРСов. На 1 января 1951 г. их число сократилось до 2343, а удельный вес в розничном товарообороте снизился с 35% в 1946 г. до 18% в 1950 г. ОРСы были сохранены лишь в некоторых отраслях промышленности (металлургической, угольной, нефтяной и пр.) и только на крупнейших

---

¹ Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. Коми. Колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958 : соц.-экон. аспекты развития. М., 2005. С. 93.

² Шарапов В. Миг между прошлым и будущим. URL : www.comunist.ru/lenta/print.php?857 (дата обращения: 18.09.2018)

³ Продовольственная безопасность Урала в XX веке ... С. 295.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 3902 от 29 ноября 1947 г. «О создании неснижаемых запасов продовольственных товаров в гг. Москве и Ленинграде для торговли после отмены карточной системы» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 317. Л. 29–31.

предприятиях. Происходят изменения в системе общепита. В городах Свердловской области к 1950-му г. число столовых на предприятиях сократилось на 150 единиц¹, уменьшилось количество посадочных мест в заведениях общепита. Произошедшее сокращение было вызвано уменьшением посетителей столовых, что, в свою очередь, было связано, как с отъездом из региона эвакуированных и мобилизованных², так и с ценовой недоступностью обедов для большинства горожан. Но данная тенденция фиксировалась не только в городах Урала, но и по всей стране. Удельный вес оборота общественного питания во всем розничном товарообороте государственной торговли в 1947 г. составлял 21%, а после отмены карточной системы в 1948 г. снизился до 14,7%, составив в 1949 г. 13,6%, в 1950 г., 13,2%³. Снизилось количество посетителей бань, прачечных и парикмахерских в городах РСФСР⁴.

Таким образом, если под *экономией*, являющейся следствием введения единых цен и отмены карточной системы, подразумевать расширение покупательных возможностей граждан, то она носила ограниченный характер. Продовольственные товары первой необходимости (хлеб, мука, макароны) стали доступнее, чего нельзя сказать о других продуктах. Новые цены на промышленные товары были дороги для большинства горожан. Возможности граждан обращаться к услугам предприятий сферы обслуживания также были ограничены. С другой стороны, выгода государства, достигнутая в результате повышения цен 1946 г. и реформы 14 декабря 1947 г., была значительной. За счет повышения цен, увеличения производства товаров для рынка и расширения коммерческой торговли в 1946 г. было изъято из обращения 8,1 млрд. руб., а за одиннадцать месяцев 1947 г. еще 2,4 млрд. В декабре 1947 г. в обращении оставалось 63,4 млрд. руб. В результате отмены карточек и введения единых цен, а также денежной реформы (существенно сократившей вклады населения), объем денежной массы, находившейся в обращении, снизился к концу 1947 г. до 14 млрд.

---

¹ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 1282. Л. 35.

² Дмитриев А.В. Материально-бытовое положение рабочих ... С. 53.

³ Успенский Ф.Я. Указ. соч. С. 108.

⁴ Хомякова Н. В. Культурно-бытовое обслуживание населения на Южном Урале в первое послевоенное десятилетие // Молодой ученый. 2015. №11.1. С. 46–49.

руб.¹ По подсчетам В.П. Попова, денежная реформа принесла казне доход в 3,6 млрд. руб.²

Важным мероприятием, скорректировавшим покупательные возможности и экономические стратегии городского населения, были снижения цен, проведенные в период 1948–1954 гг. В прессе и экономических изданиях 1940-х–1950-х гг. в презентации ценовых снижений ведущую роль также играли категории *экономия* и *выгода*. Суммы экономии населения от снижения цен регулярно обозначались в прессе 1940-х гг. (см. табл. 9).

Таблица 9

Объем «выигрыша» (экономии) населения,
полученного в результате снижения цен 1947–1954 гг. (млрд. руб. в год)³

Источники	16. 12. 1947	10.04. 1948.	01.03. 1949	01.03. 1950	01.03. 1951	01.04. 1952	01.04. 1953	01.04. 1954
За счет снижения цен в государственной розничной торговле	57	*	48	80	27,5	23	46	20
За счет снижения цен на колхозном рынке	29	*	23	30	7	5	7	
Всего	86	*	71	110	34,5	28	53	20

В рассмотрении ценовых снижений послевоенного периода в отечественной историографии утвердился подход, в рамках которого данные мероприятия правительства рассматриваются суммарно и их результативность оценивается комплексно⁴. Хотя, на наш взгляд, это не вполне справедливо, так как проводимые снижения цен касались товаров различных категорий и их экономической

¹ Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 78–79

² Попов В.П. Сталин и советская экономика ... С. 78.

³ Составлено по: Новое снижение цен // Правда. 1948. № 101. 10 апреля. С. 1; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления» // Правда. 1949. № 60. 1 марта. С. 1; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1950. № 60. 1 марта. С. 1–2. О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1951. № 60. 1 марта. С. 1; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1952. № 90. 1 апреля. С. 1; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1953. № 91. 1 апреля. С. 1; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1954. № 91. 1 апреля. С. 1.

* Ценовое снижение, проведенное в апреле 1948 г. презентовалось в официальных изданиях как продолжение (второй этап) снижения цен, проведенного в декабре 1947 г., и суммы «выигрыша» населения от него не популяризировались в прессе.

⁴ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество ... ; Пыжиков А. В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ ... С. 33–43.

«эффект», выражающийся в увеличении покупательной способности населения, не был идентичен. Особого внимания заслуживает снижение цен, проведенное в апреле 1948 г. (менее чем через четыре месяца после отмены карточек). Его проведение сопровождала масштабная пропагандистская кампания. 10 апреля передовица «Правды» озаглавленная «Новое снижение цен», сообщала о том, что «Жить стало лучше, легче, население страны стало лучше питаться»¹. В газете «Известия» отмечалось, что: «это мероприятие – новое проявление сталинской заботы о трудящихся»². На страницах периодической печати 1948 г. данное мероприятие правительства презентовалось как «второй этап снижения цен на ряд товаров», призванный «обеспечить дальнейшее повышение реальной заработной платы рабочих и служащих»³. (Первым ценовым снижением считалась реформа 16 декабря 1947 г.). В качестве цели проведения «второго этапа» ценового регулирования обозначалось стремление обеспечить «повышение покупательной способности рубля»⁴ и «дальнейшее повышение реальной заработной платы рабочих и служащих»⁵. В последующие за ценовым снижением месяцы пресса сообщала о достижении поставленных задач: «после нового снижения цен вновь возросла реальная заработная плата»⁶.

С целью более детального анализа проведенного в апреле 1948 г. снижения цен на товары обратимся к данным таблицы 10. Предпринятый анализ фактической динамики изменения цен позволяет утверждать, что, ценовое снижение 1948 г. не затронуло продовольственные товары, а коснулось преимущественно промышленных изделий, находящихся в дорогом ценовом сегменте. Так, например, были снижены цены на фотоаппараты на 10% (стоимость фотоаппарата, согласно уровню цен, установленному в декабре 1947 г., равнялась 1100 руб.); на патефоны на 20% (стоимость 900 руб.); на радиоприёмники на 10% (стоимость 600 руб.); на часы на 12% (стоимость 900 руб.) (см. табл. 7). В результате предпринятого снижения цен ни одна из вышеозначенных вещей не

---

¹ Новое снижение цен // Правда. 1948. 10 апреля. С. 1

² Второй этап снижения цен // Известия. 1948. 10 апреля. С. 1.

³ Новое снижение цен // Правда. 1948. 10 апреля. С. 1

⁴ О новом снижении с 10 апреля 1948 г. единых государственных розничных цен на некоторые товары // Правда. 1948. 10 апреля. С. 1

⁵ Новое снижение цен // Правда. 1948. 10 апреля. С. 1

⁶ Третий заем послевоенный пятилетки // Правда. 1948. 4 мая. С. 1.

стала значительно доступнее для населения, учитывая, что сбережения граждан существенно сократились после проведения денежной реформы, а уровень доходов был не велик. Вряд ли повысили покупательский спрос и снижения цен на черную икру (на 10%) и на красную икру (на 20%) при установленной стоимости черной икры в 400 руб. за кг. (что почти соответствовало стоимости мужского полушерстяного костюма) (см. табл. 7, 8).

Таблица 10

Снижение розничных цен 10 апреля 1948 г. (в %)¹.

Наименование товаров	Объем снижения цен в %
Автомобили легковые «Москвич»	10
Мотоциклы	20
Велосипеды	20
Охотничьи ружья	15
Швейные машины	10
Радиоприемники «Рекорд» и «Родина»	10
Репродукторы динамические	20
Патефоны	20
Баяны	10
Аккордеоны	12
Фотоаппараты «Москва»	10
Бинокли театральные	10
Часы металлические карманные и наручные	12
Ювелирная серебряная и металлическая галантерея	20
Ряд товаров широкого потребления из пластмасс	20
Папиросы, сигары и сигареты	10
Парфюмерно косметические товары	10
Примусы, керогазы и электроплитки	10
Водка, ликеро-водочные изделия, вина, пиво и безалкогольные напитки	20
Икра черная	10
Икра кетовая	20
Витамины	20

Анализ проведенной в апреле 1948 г. корректировки цен, позволяет предположить, что единственным товаром, который действительно стал доступнее для населения, являлся алкоголь. Согласно Приказу Министерства торговли СССР № 550 от 14 декабря 1947 г. цена на водку составляла 60 руб. за 0,5 л., цена пива устанавливалась в 7 руб. за 0,5 л. (см. табл. 7) В результате снижения

¹ О новом снижении с 10 апреля 1948 г. единых государственных розничных цен на некоторые товары // Правда. 1948. 10 апреля. С. 1.

цен 1948 г. алкогольные напитки подешевели еще на 20%, стимулируя рост продаж.

Следующим шагом в русле реализации политики, направленной на увеличение сбора «алкогольных» доходов в государственный бюджет, стало принятие Советом Министров СССР постановления № 1384 от 24 апреля 1948 г. «О мероприятиях по улучшению качества и ассортимента водки, ликеров, наливок и настоек». В постановлении обозначалось, что его принятие обусловлено необходимостью «ликвидации имеющихся место отступлений от стандартов, рецептур и восстановления довоенного качества и ассортимента водки, ликеров, наливок и настоек»¹. Фактическая ликвидация данных «отступлений» заключалась не только в установлении более жесткого контроля за соблюдением стандартов выпускаемого алкоголя, но и в увеличении его производства. В постановлении утверждались требования: довести производство алкоголя в 1948 г. до 38,0 млн. декалитров (29 млн. декалитров водки и 9 млн. декалитров ликеро-водочных изделий); заложить в 1948 году ликеры на длительную выдержку не менее 600 тыс. литров против 270 тыс. литров в 1947 году, и довести в 1949 году закладку ликеров до 1 млн. литров и в 1950 году – до 1,8 млн. литров; увеличить в 1948 году мощность ректификационных цехов на 14,1 тыс. декалитров в сутки и довести ее к началу 1949 года до 70 тыс. декалитров спирта в сутки против 55,9 тыс. декалитров в 1947 году; заготовить в 1948 году плодоягодное сырье в количестве 2700 тонн (против 1903 тонн в 1947 году); выработать в 1948 году на стекольных заводах Главликерводки 21 млн. бутылок против 12,2 млн., выработанных в 1947 году, довести к 1 апреля 1949 г. мощность стекольных заводов до 34 млн. бутылок в год; увеличить в связи с изменением плана производства бутылок, численность рабочих на предприятиях легкой промышленности на 600 человек с фондом зарплаты 4,0 млн. рублей и т.п.² Немаловажно отметить, что в тексте постановления на уровне изменений, вносимых в производство, предусматривалась корректировка каналов продажи водки. Утверждалось: «с 1 июля 1948 г. прекратить повсеместно розлив водки ... в бочки для продажи на вынос с тем, чтобы среднегодовой розлив водки и ликерно-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 332. Л. 84–89.

² Там же.

водочных изделий в бутылки в 1948 году составил не менее 80% общей выработки против 28,9% в 1947 году»¹. В результате данного изменения основным каналом продажи алкоголя должна была стать торговая сеть, а не система общественного питания, где водка продавался на вынос. Вероятно, данное изменение было связано с тем, что после проведения денежной реформы и отмены карточной системы уменьшилось количество граждан, пользующихся услугами предприятий общественного питания в связи с недоступностью обедов для большинства горожан.

В июле 1948 г. Совет Министров СССР издал еще несколько постановлений, касающихся увеличения выпуска алкогольной продукции. 9 июля было принято постановление № 2481 «О развитии производства советского шампанского», в соответствии с которым планировалось к 1957 г. довести производство шампанского до 50 млн. бутылок в год (против 8 млн. и 5,2 млн. бутылок в год в 1940 г. и 1947 г. соответственно).² Для увеличения выпуска планировалось построить 375 виноделен и организовать 19 виноградарских совхозов (8 из них в РСФСР). 28 июля вышло постановление № 2803 «О мероприятиях по дальнейшему развитию производства коньяков и увеличения их качества», согласно которому к 1957 г. планировалось увеличить производство коньяков, выпускаемых предприятиями винодельческой промышленности, до 20 млн. бутылок в год, коньячных спиртов до 790 000 декалитров в год, коньячных спиртов на выдержке до 3140 000 декалитров в год (против 5,4 млн. бутылок, 132 000 декалитров и 148 000 декалитров в год в 1940-м году соответственно)³. Большую часть продукции планировалось производить в советских республиках Кавказа и Средней Азии. На РСФСР приходилось не более 13–16% планируемого объема производства коньячной продукции в рамках периода 1949–1957 г. В тексте постановления Совета Министров СССР от 9 августа 1948 г. № 3005 «О мероприятиях по покрытию недобора в бюджет налога с оборота за первое полугодие 1948 года» в качестве одной из первостепенных мер пополнения бюджета было обозначено: «Обязать Министерство вкусовой промыш-

---

¹ Там же.

² Там же. Д. 338. Л. 137–143.

³ Там же. Д. 341. Л. 26–31.

ленности СССР (т. Пронина) обеспечить в IV квартале 1948 г. производство и реализацию водки и водочных изделий в объёме 4,8 млн. декалитров, сверх установленного на квартал плана и за счёт этого внести дополнительно в бюджет 4 001,0 млн. рублей налога с оборота»¹.

О важности обеспечения в 1948 г. спиртовых заводов сырьем и рабочей силой свидетельствует регулирование данного вопроса на правительственном уровне. В постановлении Совета Министров СССР « 1345 от 24 апреля 1948 г. «Об оказании Главному управлению гидролизной и сульфитно-спиртовой промышленности при Совете Министров СССР помощи в выполнении планов производства и капитального строительства на 1948 год» утверждалось требование, адресованное Министерству трудовых резервов: «Направить в мае–июле 1948 г. на стройки Главного управления гидролизной и сульфитно-спиртовой промышленности при Совете Министров СССР 700 рабочих из числа выпускников школ ФЗО и ремесленных училищ»². На то, что выделение данного контингента не было заранее запланировано, указывает следующий текст данного документа: «Предложить Министерству трудовых резервов к 5 мая 1948 г. представить в Совет Министров СССР предложения об источниках выделения указанного количества рабочих»³. Для решения сырьевой проблемы 14 сентября 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление № 3454 «О мероприятиях по вывозке на спиртовые заводы картофеля урожая 1948 г.», в котором согласно требованию «обеспечения своевременной вывозки картофеля» и «переработки его без потерь на спирт», утверждался план вывоза картофеля по различным регионам страны в количестве 1909,8 тыс. тонн. Реализация вывоза должна была осуществляться, в том числе с привлечением автотранспорта Министерства вооруженных сил⁴. Для достижения цели увеличения продажи алкоголя правительство в 1948 г. не ограничилось снижением цен и увеличением объемов производства, но и развернуло масштабную кампанию по борьбе с «конкурентом» – самогонщиком.

---

¹ Там же. Д. 342. Л. 92–94.

² Там же. Л. 80.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 345. Л. 172–178.

Таким образом, реформу 1948 г., обозначенную как «второй этап снижения цен», скорее нужно рассматривать не как мероприятие, направленное на повышение уровня жизни населения, а звено в серии мероприятий правительства, нацеленных на решение задач мобилизационной экономики. С целью максимального увеличения инвестиций в промышленность государством использовались все возможные ресурсы, не исключая и интенсификацию продажи алкоголя населению.

Важно отметить, что специфика презентации ценового снижения 1948 г. начала меняться уже в конце 1940-х гг. В 1949 г. о снижении цен 1948 г. на страницах «Правды» было отмечено: «Правительство и партия начали осуществлять это новое снижение цен уже в 1948 году. Сегодня, 1 марта 1949 года, оно завершается полностью. Это есть второй этап снижения цен на товары массового потребления»¹. Иными словами реформа 1948 г. трактовалась не как самостоятельный этап, а как начало второго этапа снижения цен, завершено в 1949 г. Но, начиная с 1950 г. ценовое снижение 1948 г. вообще не упоминается в качестве мероприятия, корректирующего цены. Так, например, в газете «Правда» 1 марта 1950 г. перечисление ценовых снижений выглядит следующим образом: «Первое снижение цен – в декабре 1947 года ... Второе снижение цен – в марте 1949 года...»². «Исчезновение» ценового снижения 1948 г. будет фиксироваться и последующих публикациях 1950-х–1960-х гг. как на страницах прессы³, так и в советских научно-популярных и экономических изданиях.⁴ Тщательно «замаскированным» предстает ценовое снижение 1948 г. и в статистических сводках ЦСУ СССР⁵. Например, в информации ЦСУ СССР (1956 г.), индексы изменения государственных розничных цен конца 1940-х гг. презентуются таким образом, что фиксируется значительная динамика снижения цен в 1948 г. по различным группам промышленных изделий (ткани, обувь, одежда и пр.) и продовольственных товаров (хлеб, сахар, масло, мясо и пр.) (см. табл.

---

¹ Новое проявление сталинской заботы о советских людях // Правда. 1949. № 60. 1 марта. С. 1

² Сталинская забота о благосостоянии народа // Правда. 1950. № 60. 1 марта. С. 1

³ Правда. 1951. № 60. 1 марта. С. 1; Правда. 1952. № 90. 1 апреля. С. 1; Правда. 1953. № 91. 1 апреля. С. 1; Правда. 1954. № 91. 1 апреля. С. 1.

⁴ История народного хозяйства СССР (1917–1959) ... С. 215; Шаги пятилеток. ... С. 196.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 176 об–177.

11)., хотя фактически ценовое снижение, проведенное в апреле 1948 г., не коснулось товаров данных групп (см. табл. 10).

Таблица 11

Индексы государственных розничных цен за 1948-1954 гг. (по этапам снижения цен). Данные ЦСУ СССР (1956 г.)¹

	IV кварт. 1947 г.	1948 г.	1.03.1949.	1.03.1950	1.03.1951	1.04.1952	1.04.1953	1.04.1954
Все товары								
В процентах к ценам до 16/XII 1947 г.	100	83	71	57	53	50	45	43
В процентах к ценам на предыдущую дату	-	83,4	85,2	80,2	93,2	94,3	89,2	96
Продовольственные товары								
В процентах к ценам до 16/XII 1947 года	100	82	68	53	48	43	38	38
из них								
Хлеб и хлебобул. изд.	100	81	73	53	45	39	35	33
Мясо и птица	100	88	79	59	50	42	36	36
Колбасные изделия	100	85	76	57	49	41	35	35
Рыба и сельди	100	80	72	60	54	54	49	49
Масло животное	100	80	72	48	41	37	33	33
Масло растительное	100	84	84	76	76	60	54	54
Сахар	100	63	63	55	55	49	44	44
Кондитерские изделия	100	63	62	53	52	45	40	40
Водка и ликеровод. изд.	100	83	58	48	43	43	38	38
Непродовольственные товары								
В процентах к ценам до 16/XII 1947 года	100	86	78	65	63	62	57	53
из них								
Хлопчатобумажные ткани	100	78	78	66	66	66	56	48
Шерстяные ткани	100	127	115	95	95	95	89	89
Шелковые ткани	100	88	79	73	73	73	69	67
Одежда	100	111	104	89	89	89	84	82
Трикотажные изделия	100	83	83	76	76	76	73	68
Чулки и носки	100	89	85	71	71	71	57	48
Кожаная обувь	100	73	70	59	59	59	53	48
Резиновая обувь	100	29	29	26	26	26	23	20
Табачные изделия	100	64	57	46	41	41	39	39
Спички	100	76	76	57	46	46	38	30

Статистический «фокус» заключается в том, что в первой графе, содержащей данные об индексах государственных розничных цен на IV квартал 1947 г., приведены показатели, характеризующие уровень цен до 16 декабря 1947 г.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 176 об-177.

(и, судя по всему, это уровень коммерческих, а не пайковых цен). В результате в графе по 1948 г. фактически сдержатся данные об изменениях цен, принятых в декабре 1947 г. и в апреле 1948 г. Хотя в реальности снижение цен, проведенное в апреле 1948 г., из обозначенных групп товаров затронуло только водку и ликероводочные изделия. Причина данного лукавства кроется в том, что выделение ценового снижения 1948 г. отдельной графой не позволило бы достичь эффекта положительной динамики цен, воссоздаваемого ЦСУ СССР в данном документе. А вследствие «объединения» ценовых мероприятий динамика ценовых снижений конца 1940-х гг. соответствовала тезису, популяризируемому в советской пропаганде, о реализуемом в СССР перманентном снижении цен на товары, которое демонстрирует заботу правительства о своем народе. В целом, снижение цен 1948 г., позитивно презентуемое в советской пропаганде, в реальности имело весьма отдаленное отношение к повышению уровня жизни граждан. *Выгода* и *экономия*, получаемые населением от снижения цен на алкоголь, были весьма относительны, в то же время *выгода* государства была реальной и достаточно существенной. По расчетам В.П. Попова, в структуре розничного товарооборота доход государства от продажи водки составил в 1948 г. – 9%, (превысив уровень 1940-го г., в котором данный показатель составлял 8,4%)¹.

Стремление власти к увеличению сборов с населения было реализовано в предпринятом в августе–сентябре 1948 г. повышении расценок на коммунально-бытовые услуги, услуги связи и т.д. 9 августа 1948 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 2999 «Об изменении тарифов на коммунальные услуги»², а 11 августа 1948 г. Совет Министров РСФСР принял одноименное постановление³. Согласно данным постановлениям, с 16 августа 1948 г. плата за проезд в трамвае повысилась с 20 до 30 коп. в черте города (50 коп. за пределами города и 1 руб. за провоз багажа); в метро – 50 коп. за поездку; в автобусах и троллейбусах – 15 коп за 1 км.; за помывку в бане плата повысилась с 80 коп. до 1 руб. 50 коп.; за стирку 1 кг. белья в прачечных – до 2 руб.; за

---

¹ Попов В.П. Сталин и советская экономика ... С. 69.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 83.

³ Собрание постановлений и распоряжений Правительства. РСФСР. 1948. № 11. Ст. 54.

электроэнергию – с 37 до 40 коп. за 1 кВт. ч.; за газ – до 20 коп. за куб. м. С 16 августа 1948 г. отменялись все виды бесплатного предоставляемых населению коммунальных услуг и транспорта (за исключением коммунальных услуг, предоставляемых учителям средних школ).¹ Согласно постановлениям Совета Министров СССР № 3000 от 9 августа 1948 г. и Совета Министров РСФСР № 845 от 12 августа 1948 г. «О размере платы родителей за содержание детей в детских садах и детских яслях» отменялась ранее действовавшая норма², согласно которой родители оплачивали только 25–35% от фактической стоимости содержания ребенка в детском саду или яслях. Была повышена плата родителей за данные услуги, составив в городах и рабочих поселках в среднем – 60 руб. в месяц за содержание одного ребенка в детском саду и 45 руб. в детских яслях (в случае нахождения ребенка в детских учреждениях 12–14 часов оплата повышалась на 25%, при круглосуточном обслуживании – на 50%, в санаторных детских садах и яслях на 100%)³. Постановлением Совета Министров СССР № 3290 от 31 августа 1948 г. конкретизировалась практика применения постановления № 3000 от 9 августа, а также вводилась система оплаты за детские учреждения в зависимости от суммы доходов родителей (зарботная плата, стипендия, пенсии, пособия, алименты, получаемые на детей и пр.) (см.табл. 12). Для жителей городов и рабочих поселков, в случае если общий месячный доход родителей превышал 1200 руб. размер ежемесячной платы за содержание ребенка в детском саду составил 100–200 руб. (в зависимости от длительности пребывания), в яслях – 80–160 руб.⁴ Снижение платы на 50% допускалось только в случаях, если родители имели трех детей при зарботке до 400 руб. в месяц; четырех детей при зарботке до 600 руб. в месяц; пять и более детей независимо от размера зарботка.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 2997 от 9 августа 1948 г. «Об изменении тарифов по пассажирским перевозкам железнодорожного и водного транспорта» стоимость проезда на железных дорогах бы-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 84.

² Постановление СНК СССР от 06.07.1935 N 1402 «О мероприятиях по упорядочению работы детских садов» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935 г. № 35. Ст. 309.

³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 86 ; Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. 1948. № 11. Ст. 54.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 344. Л. 173.

ла повышена: по общему пассажирскому тарифу – на 15%; на пригородные рейсы – на 10%; стоимость провоза багажа и товаро-багажа подорожала на 20%. Тарифы на речном флоте повысились: для пассажиров 1 и 2 класса – на 20%; 3 и 4 класса – на 10%; по речным переправам – на 50%; по перевозкам багажа и товаро-багажа – на 20%.

Таблица 12

Размеры платы родителей за содержание детей в детских садах и детских яслях, принадлежащих государственным предприятиям и учреждениям, находящихся в годах и рабочих поселках, за одного ребенка (руб. в месяц)¹

Детское учреждение	Общая сумма доходов родителей	Длительность пребывания детей			В санаторных детских учреждениях
		9-10 часов	12-14 часов	24 часа	
Детский сад	До 400 руб.	40	50	60	80
	От 401 до 600 руб.	55	69	83	110
	От 601 до 800 руб.	70	88	105	140
	От 801 до 1200 руб.	85	106	128	170
	Свыше 1200 руб.	100	125	150	200
Детские ясли	До 400 руб.	30	38	45	60
	От 401 до 600 руб.	40	50	60	80
	От 601 до 800 руб.	50	63	75	100
	От 801 до 1200 руб.	65	81	98	130
	Свыше 1200 руб.	80	100	120	160

Тарифы на пассажирские перевозки морского флота по всем классам и линиям с 16 августа 1948 г. повышались на 15%, на провоз багажа – на 20%². Чтобы увеличение тарифов на пассажирские перевозки не повлекло за собой рост командировочных расходов, в тексте постановления утверждалось требование: «Запретить всем государственным, кооперативным и общественным учреждениям, предприятиям и организациям увеличивать размеры ассигнований на командировки против предусмотренных по сметам на 1948 год»³. Постановлением Совета Министров СССР № 2998 от 9 августа 1948 г. «Об изменении

¹ Постановление Совета Министров СССР № 3000 от 9 августа 1948 г. «О размере платы родителей за содержание детей в детских садах и детских яслях» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 82.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 55–57.

³ Там же. Л. 57

такс и тарифов за услуги органов связи» была повышена стоимость почтовых отправок, услуг местных телефонных сетей и междугородних телефонных переговоров. По разным видам услуг повышение составило от 20 до 50% (см. прил. 15). В тексте постановления также утверждалось требование: «Запретить всем государственным, кооперативным и общественным учреждениям, предприятиям и организациям увеличивать размеры ассигнований на почтово-телеграфные и телефонные расходы против предусмотренных по сметам на 1948 год»¹. Менее чем через месяц – 3 сентября 1948 г. Совет Министров СССР постановлением № 3357 «Об изменении такс и тарифов за услуги органов связи» вновь скорректировал тарифы в сторону их повышения.² В основном была повышена стоимость услуг, не затронутых постановлением № 2998 от 9 августа 1948 г., но по отдельным видам услуг тарифы были повышены повторно и это повышение было значительным (так стоимость отправки бандеролей возросла более чем в три раза) (см. прил. 15).

Проводимое правительством в августе–сентябре 1948 г. повышение тарифов на различные виды коммунально-бытовых услуг коснулось и владельцев телевизоров. Согласно постановлению Совета Министров СССР № 3437 от 14 сентября 1948 г «Об абонентской плате за телевизионные приемники» утверждались новые тарифы абонентской платы, дифференцированные в зависимости от места нахождения телевизора. Ежемесячная оплата за пользование телевизором в отдельных квартирах и общих комнатах общежитий составляла 20 руб. (без вещательного приемника), 23 руб. с вещательным приемником; в красных уголках – 28 руб. и 32 руб.; в помещениях торговых, зрелищных, производственных и других предприятий и учреждений – 35 руб. и 42 руб. соответственно. Абонентская оплата взималась поквартально, не менее чем за один квартал вперед, штраф составлял 3 руб. за каждый месяц просрочки. Не использование телевизора не освобождало владельца от необходимости внесения абонентской платы. Помимо этого каждый телевизор должен был быть зарегистрирован в местных органах Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР, в противном случае владельцу телевизора грозил

---

¹ Там же. Л. 80.

² Там же. Д. 345. Л. 1 –9.

штраф в размере 100 руб., 20% которого выплачивалось лицу, выявившему незарегистрированный телевизор¹. В результате предпринятого повышения тарифов фактически на все виды оказываемых населению коммунально-бытовых услуг, произошло значительное удорожание жизни городского населения РСФСР. Расходы горожан возросли на 40–60% (в зависимости от объема востребованных ими услуг).

В 1948 г. были приняты меры, направленные на увеличение производства товаров широкого потребления. В постановлениях Совета Министров СССР № 2719 от 21 июля и № 2774 от 28 июля 1948 г. были обозначены планы по производству данных товаров для министерств, промкооперации и кооперации инвалидов в третьем квартале 1948 г., которые должны были быть выполнены в качестве «дополнительного задания»². План дополнительного производства должны были выполнить не только министерства легкой, текстильной и местной промышленности, но и министерства: черной металлургии, химической, автомобильной и тракторной, целлюлозно-бумажной, судостроительной, лесной, авиационной, резиновой промышленности, электропромышленности, станкостроения, тяжелого и транспортного машиностроения, вооружения и пр., выпустив, согласно плану, посуду, мебель, музыкальные и хозяйственные инструменты, велосипеды и пр. для продажи населению. Основными сырьевыми источниками для изготовления ширпотреба были: местное сырье, отходы производства (некондиционный металл, металлоотходы). В соответствии с постановлениями Совета Министров СССР № 1800 от 29 мая 1948 г. был усилен контроль финансовой дисциплины предприятий потребкооперации, направленный на борьбу с нерациональным использованием сырьевых и материальных ресурсов³. С целью наиболее полного использования отходов на предприятиях в цехах ширпотреба устанавливались утилизационные станы (тонколистовые и мелкосортные)⁴. Для стимулирования развития производства товаров широкого потребления были приняты следующие меры: выполнение предприятием плана по производству ширпотреба учитывалось при присуждении премий за победу

---

¹ Там же. Л. 152 – 154.

² Там же. Д. 340. Л. 13, 191–201.

³ Там же. Д. 335. Л. 244–246.

⁴ Там же. Л. 245.

в социалистическом соревновании, за выполнение и перевыполнение производственной программы; министерствам и ведомствам было разрешено с 1 августа 1948 г. отчислять 5% прибыли от производства товаров ширпотреба в централизованный фонд министерства (для проведения выставок, конференций и премирования сотрудников, занятых на производстве данных товаров); учреждены дипломы I, II, III степени, вручаемые вместе с денежной премией предприятиям, наладившим серийный выпуск товаров ширпотреба высшего качества¹.

Принятие данных мер можно было бы трактовать как проявление заботы государства о благосостоянии населения, но постановления, изданные правительством в августе–сентябре 1948 г., позволяют вскрыть более прагматичные цели власти, обусловившие правительственную активность в сфере производства товаров ширпотреба. 9 августа 1948 г. было принято два постановления Совета Министров СССР: № 3005 «О мероприятиях по покрытию недобора в бюджет налога с оборота на первое полугодие 1948 года» и № 3006 «Об увеличении ресурсов промышленных товаров для продажи населению во втором полугодии 1948 г.»². В тексте постановления № 3005 утверждалось требование «в целях покрытия недобора в бюджет по налогу с оборота ... дополнительно выработать и сдать торгующим организациям»: табачные изделия и махорку (на 188,5 млн. руб. в третьем квартале 1948 г. и на 287,4 млн. руб. в четвертом квартале), обеспечив дополнительное поступление в бюджет 392,7 млн. руб.; туалетное мыло (реализация которого должна была обеспечить поступление во втором полугодии 1948 г. 246 млн. руб. налога с оборота)³. Министерство пищевой промышленности за счет дополнительного производства и реализации продовольственных товаров должно было внести в бюджет во втором полугодии 1948 г. налог с оборота в размере 1 млрд. руб.; Министерство текстильной промышленности – 1406 млн. руб.; Министерство рыбной промышленности – 391,3 млн. руб. Министерству мясной и молочной промышленности разрешалось «производить ... реализацию субпродуктов II, III и IV категорий и изделий

---

¹ Там же. Л. 247.

² Там же. Д. 342. Л. 93.

³ Там же. Л. 94

из них сверхустановленных фондов в областях, краях и республиках, а реализацию вырабатываемых котлет производить без зачёта в счёт фондов мясопродуктов»¹. Все остальные министерства, производящие товары ширпотреба, также получали дополнительные задания по производству данных товаров на IV квартал 1948 г., сверх установленных постановлением Совета Министров СССР № 2774 от 28 июля 1948 г. (по результатам производства данные министерства должны были обеспечить поступление налога с оборота – 108 млн. руб. в III квартале и 117 млн. руб. в IV квартале 1948 г.)². В постановлении Совета Министров СССР № 3006 производство товаров для населения также рассматривалось в контексте «обеспечения выполнения плана товарооборота 1948 года»³. В тексте были обозначены «ресурсы», за счет которых планировалось увеличить поступление товаров ширпотреба в торговую сеть: уменьшить на 227 млн. руб. фонды на промышленные товары, выделенные Министерству трудовых резервов (швейные изделия, ткани, обувь); сократить на предприятиях фонды спецодежды, направив в торговую сеть валеную и кожаную обувь, чулочно-носочные изделия, хлопчатобумажные и шерстяные ткани и пр. на 135 млн. руб. (кроме предприятий министерств: путей сообщения, угольной, нефтяной, авиационной и химической промышленности, строительства топливных предприятий и предприятий тяжелой индустрии, тяжелого машиностроения, промышленности строительных материалов, внутренних дел).⁴

Следующим шагом на пути сокращения снабжения городского населения спецодеждой стало постановление Совета Министров СССР от 29 сентября 1948 г. № 3597 «О сокращении бесплатной выдачи и продажи по льготным ценам спецодежды и спецобуви на предприятиях и в учреждениях», в котором утверждалось требование: «спецодежду и спецобувь отпускать рабочим и служащим за плату по единым государственным розничным ценам»⁵. Льготное обеспечение было сохранено только для трудящихся, «занятых на горячих, опасных, вредных, сильно загрязняющих работах, в угольной промышленности, а

---

¹ Там же. Л. 95.

² Там же.

³ Там же. Л. 94.

⁴ Там же. Л. 93.

⁵ Там же. Д. 346. Л. 153–155.

также в условиях низких температур»¹. ВЦСПС (с привлечением Госснаба и Министерства финансов СССР) поручалось установить перечень профессий и нормы выдачи бесплатной спецодежды и спецобуви, «предусмотрев сокращение круга профессий, норм выдачи и удлинение сроков носки спецодежды и спецобуви»². Также данным постановлением запрещалось предприятиям, организациям и учебным заведениям бесплатно выдавать спортивную одежду, обувь и спортивный инвентарь. С 1948 г. за плату начала выдаваться и форменная одежда на предприятиях и в учреждениях ряда министерств (начальствующему и рядовому составу, учащимся вузов и техникумов), плата за форменную одежду могла вноситься «с рассрочкой платежа на срок носки»³.

29 сентября 1948 г. Советом Министров СССР было принято еще одно постановление (№ 3593), касающееся продажи населению товаров, изготовленных в системе потребительской кооперации. В нем было отмечено, что организациями Центросоюза не выполняется план товарооборота (план третьего квартала на 1 сентября 1948 г. был выполнен всего на 54,8%)⁴. Для решения проблемы организациям предлагалось: рассмотреть имеющиеся товарные запасы, «выявить излишние, несезонные, залежавшиеся и неходовые товары и путём перераспределения товаров между организациями, приведения их в ликвидное состояние и других мер ускорить реализацию товаров»⁵. Срок оборачиваемости товаров для розничной сети потребительской кооперации ограничивался 40 днями.

Таким образом, мероприятия, направленные на насыщение рынка товарами широкого потребления (предпринятые в 1948 г.), преследовали цель увеличения поступлений в бюджет (за счет налога с оборота). Решение данной задачи предполагало увеличение объема товарооборота, осуществляемого как путем реализации в торговой сети «залежавшихся и неходовых» промышленных изделий и снижения сортности продовольственных товаров, продаваемых в ре-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. Д. 335. Л. 300.

⁴ Там же. Д. 346. Л. 161.

⁵ Там же. Л. 164.

гионах РСФСР, так и за счет сокращения снабжения населения (учащихся, рабочих, служащих и ИТР) необходимой для работы спецодеждой.

В целом, такие мероприятия, как: отмена карточной системы в 1947 г. и сопровождавшая ее денежная реформа, предпринятое в 1948 г. снижение цен на алкоголь, последующее повышение тарифов на коммунально-бытовые услуги и пр. – были направлены на решение государственных, а не социальных проблем. Понятия *экономия* и *выгода*, отличающиеся высоким уровнем востребованности в рамках политико-экономического дискурса 1946–1948 гг., в большей степени имели отношение к доходам, полученным государством, а население, выступало скорее ресурсом, проводимых правительственных мер. На вторичность социально-экономических мероприятий по отношению к магистральным задачам государственного экономического регулирования указывают тексты документов периода. Так, например, заместитель председателя правления Госбанка СССР А.К. Коровушкин оценивая результаты проведения денежной реформы (31 декабря 1947 г.) отмечал: «В связи с задачей закрепления денежной реформы Правление Госбанка считает необходимыми мероприятия ... по пересмотру цен на некоторые товары (водка, вино, парфюмерия и другие), реализация которых задерживается в связи с несоответственно высокими ценами, что ведет к усилению потребительского спроса на продовольственные товары первой необходимости»¹. Министр финансов СССР А. Г. Зверев (3 января 1948 г.) также указывал на необходимость изменения цен на алкоголь: «Для закрепления результатов денежной реформы важнейшее значение имеет устойчивость баланса денежных доходов и расходов населения. ... Своевременным представляется снижение цен на водку, вино и пиво, реализация которых резко замедлилась»². В отчете об итогах проведения денежной реформы, подготовленном работниками Госбанка СССР (четвертый квартал 1948 г.), было отмечено: «В середине 1948 года начали образовываться известные трудности в области товарооборота по ряду продовольственных товаров. ... В этих условиях правительство признало необходимым проведение ряда мероприятий по некоторому ограничению

---

¹ По страницам архивных фондов Центрального Банка РФ. Вып. 3. Денежная реформа 1947 г. в документах: подготовка, проведение и оценка результатов. М., 2007. С. 105.

² Там же. С. 109.

денежных доходов населения, с тем, чтобы обеспечить выполнение задания по дальнейшему безэмиссионному выполнению кассового плана Госбанка. ... Были проведены мероприятия по некоторому повышению городских транспортных тарифов, которые были подтянуты к общему уровню изменения розничных цен и средней зарплаты¹.

Важно отметить, что тенденция минимизации потребления и снижения уровня жизни в меньшей степени повлияла на руководящих работников, выдающихся деятелей науки, искусства, спорта, а также те профессиональные группы советского городского социума, которые были связаны с выполнением стратегически важных государственных проектов. Для представителей партийного, советского и хозяйственного руководства и после отмены карточной системы продолжала действовать система закрытого продовольственного снабжения. С целью интенсификации геологоразведочных работ (направленных, в том числе, на развитие атомного проекта), весной 1948 г. были организованы межобластные конторы – геолпродснабы, в рамках которых действовали: розничная и мелкооптовая торговая сеть, система общественного питания, призванные обеспечить «бесперебойное снабжение продовольственными и промышленными товарами рабочих и ИТР полевых геологоразведочных экспедиций и партий»². На более существенные материальные блага (автомобили, дачи, квартиры и пр.), также распространялось действие системы распределения, к которой имели доступ определенные слои городского социума. Так, например, в тексте постановления Совета Министров СССР № 1576 «О розничных ценах на легковые автомобили М-20 “Победа” и “Москвич” и о порядке продажи автомобилей “Москвич”», принятом 16 мая 1947 г. указывалось: «Легковые автомобили «Москвич» продавать в первую очередь работникам науки и искусства, передовым рабочим и инженерно-техническим работникам. Продажу легковых автомобилей «Москвич» в 1947 году производить только в гг. Москве и Ленинграде»³. Руководители и члены научных коллективов лабораторий и институтов, занятых разработками атомного проекта получали дома-особняки, дачи, авто-

---

¹ Там же. С. 114.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 332. Л. 61–62.

³ Там же. Д. 301. Л. 365.

мобили. (Согласно тексту письма А.П. Звенягина, К.М. Соколова, А.Н. Комаровского о домах-особняках и дачах для ученых и инженеров, адресованного Л.П. Берии (25 ноября 1949 г.) стоимость дачи (4–5 комнат, общей площадью 55 м.кв. – 93 м.кв.) составляла от 144 до 250 тыс. руб.; дома-особняка (5–6 комнат, общей площадью 71,6 м.кв.– 123 м.кв.) составляла от 261 до 550 тыс. руб. Сотрудники, получающие дома и дачи, могли высказывать свои пожелания относительно района их расположения, объемов участка, количества комнат и пр.¹). Система снабжения и распределения продовольственных, промышленных товаров и других благ, существовавшая в отношении определенных категорий населения, компенсировала влияние тенденции ухудшения качества жизни, фиксирующейся в послевоенном городском социуме. В целом, наличие (и сохранение на протяжении всего послевоенного периода) означенных локальных систем распределения благ иллюстрирует проявление принципов «ставки на сильных» и главного звена, характерных для социально-экономической мероприятий мобилизационной экономической модели.

В конце 1940-х–начале 1950-х гг. в советской стране происходит некоторое ослабление мобилизационных методов регулирования социально-экономической сферы, которое отразилось на повышении уровня материального потребления городского населения. Проблематика роста уровня жизни граждан становится более востребованной в политико-экономическом дискурсе периода, рассматриваясь, не в контексте будущего времени, а в русле освещения конкретной динамики благосостояния населения, являющейся следствием снижений цен, проводимых правительством в период 1949–1954 гг. Данные снижение цен коснулось продовольственных товаров и промышленных изделий широкого потребления (см. прил. 1.13.). Наиболее масштабным являлось ценовое снижение, проведенное 1 марта 1950 г. Цены на продовольственные товары снизились на 15% по сравнению с уровнем цен, установленным 1 марта 1949 г., и почти на 50% по сравнению с уровнем декабря 1947 г.; а цены на непродовольственные товары снизились на 13% к уровню 1949 г., составив 65% от уровня 1947 г. К 1953 г. цены на продукты составляли 38%, а цены на непродо-

---

¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга. 4. С. 754–757.

вольственные товары равнялись 57% от уровня цен 1947 г.¹ По данным ЦСУ СССР, коэффициент ценового снижения в сравнении с уровнем 1947 г. составил в 1953 г. 2,2 раза: цены на мясопродукты, животное масло и хлеб снизились в три раза; цены на сахар и кондитерские изделия – в два с половиной раза; цены на рыбу и сельди и на яйца – снизились в два раза². Некоторые отечественные исследователи, например, В.М. Уралов, основываясь на альтернативных расчетах,^{*} приходят к выводу, что в сравнении с 1947 г. коэффициент ценового снижения в начале 1950-х гг. составил 2,6, а уровень покупательной способности населения в 1953 г. достиг своего максимума в сравнении с уровнем предшествующего сорокалетия (с 1913 г.)³.

Ценовые снижения сопровождались проведением масштабных пропагандистских кампаний, ключевыми понятиями которых были: *экономия, выгода, выигрыш*. На страницах прессы приводились миллиардные суммы, полученные гражданами в результате снижения цен (см. табл. 9). Для усиления эффекта выигрыша данные цифры трактовались как потери государства: «Эта сумма представляет чистый убыток для государственного бюджета и в то же время является чистым выигрышем для населения»⁴ и т.п. Категории *выгода* и *экономия* фиксировались не только на страницах прессы, но и фигурировали в документах ЦСУ СССР. Так, например, в докладной записке начальника ЦСУ СССР В. Старовского (23 сентября 1953 г.), адресованной Г.М. Маленкову и посвященной анализу результатов снижения государственных розничных цен, отмечено, что размер выгод, полученных населением во II квартале от снижения государственных розничных цен с 1 апреля 1953 г. составил 13,3 млрд. руб. (хотя планируемый объем выгод во II квартале 1953 г. должен был составить 11,3 млрд. руб.). Фиксируемое «Превышение размера выгод, фактически полученных на-

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 176 об-177.

² Там же. Оп. 33. Д. 1582. Л. 15.

^{*} В.М. Уралов определяет динамику покупательной способности населения через отношение заработной платы к стоимости ежемесячного минимального набора продуктов питания (МНПП). В данный набор, отличающийся устойчивостью потребления, автор включает девять основных продуктов питания (мясо, молоко, яйца, рыба, сахар, подсолнечное масло, овощи, мука, картофель) в определенном количестве из расчета на суточное потребление 2 850 Ккал. Определяя стоимость МНПП автор вычисляет покупательную способность населения. (См. Уралов В.М. Указ. соч. С. 18–20).

³ Уралов В. М. Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг. : аналит. справ. М., 1995. С. 20.

⁴ О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1951. № 60. 1 марта. С. 1.

селением» объяснялось «направлением в торговую сеть во II квартале дополнительных товарных ресурсов»¹.

Безусловно, ценовые снижения 1949–начала 1950-х гг., принесли выгоду населению. В результате снижения цен стоимость продовольственной корзины снизилась фактически вдвое (по сравнению с уровнем 1947 г.), составив в среднем по РСФСР 510 руб.,² что повысило покупательную способность населения. В то же время, выгода от снижения цен была неравнозначной для всех слоев городского социума. Как справедливо замечали еще в 1960-е гг. советские экономисты Н.И. Бузляков, Н.С. Лагутин и В.Ф. Майер, от снижений розничных цен выигрывает тот, кто больше покупает, т. е. слои населения с более высокими доходами, а не все граждане³. Вывод об углублении социальной дифференциации, произошедшей в результате реформы, эмпирически доказывает И.А. Чуднов⁴. Несмотря на повышение уровня покупательной способности городского населения, розничные цены и в начале 1950-х гг. оставались выше уровня 1940 г. В среднем цены были выше на 38%, в том числе по продовольственным товарам на 41%, по непродовольственным – на 34%⁵. Применительно к более локальным товарным группам соотношение цен 1940-го и 1953-го гг. было неравномерным. По данным ЦСУ СССР, по сравнению с довоенным периодом больше всего возросли цены на сахар, кондитерские изделия и безалкогольные напитки. Цены животного масла были выше, чем в 1940 г. на 14%, цены растительного масла – на 44%, рыбы – на 37%, цена на хлеб из обойной муки повысилась в 1,6 раза, а цены хлебобулочных изделий из сортовой муки находятся на уровне довоенных. Цены мяса и колбасных изделий приближались к уровню цен 1940 года. Ниже довоенных были цены на картофель, овощи, фрукты и мороженое. Цены на непродовольственные товары были выше довоенных: на ткани на 150 – 200%; на игрушки на 125–560%⁶.

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 327. Д. 760. Л. 59.

² Шарапов В. Указ. соч.

³ Бузляков Н.И., Майер В.Ф. Указ. соч.; Лагутин Н.С. Указ. соч.

⁴ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. в контексте советской денежно-кредитной политики 1930-1950-х годов : учебное пособие. Кемерово, 2002.

⁵ Продовольственная безопасность Урала в XX веке ... С. 295–296.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1582. Л. 20.

Тезис о «чистом ущербе», понесенном государством в результате снижения цен, популяризируемый в политико-экономическом дискурсе периода, являлся не более чем популистским ходом. Во-первых, снижение цен стимулировало рост товарооборота, а государство получало прибыль, взимая налог с оборота. Объем данного налога был неодинаков, составляя различный процент от стоимости товара (см. прил. 1.14.). По продовольственным товарам – от 20% (чай), до 77% (подсолнечное масло); по непродовольственным товарам – от 18% (велосипеды), до 76% (папиросы). Если в 1940 г. объем налога с оборота составлял всего 105,9 млрд. руб., то в 1952 г. он составил 247 млрд. руб., а в 1953 г. – 243 млрд. руб.¹ Во-вторых, правительство, не сбавляя темпов, наращивало «алкогольные» доходы, снижая цену и увеличивая объем производства водки. 1 марта 1949 г. цена на водку была снижена на 28%; 1 марта 1950 г. на 16,7%; 1 марта 1951 г. на 10%; 1 апреля 1953 г. еще на 11%². По данным ЦСУ СССР в 1954 г. цена водки и ликероводочных изделий составляла почти одну треть (38%) от уровня цен на данные товары до денежной реформы 1947 г.³ Фактическая стоимость водки снизилась с 60 руб. в 1947 г. до 22 руб. 80 коп. в 1953 г. (за 0,5 л.). В свою очередь производство водки в СССР после войны увеличилось в 1,5 раза, достигнув в 1949 г. 60,0 млн. дкл. Именно на водку был самый высокий налог с оборота, введенный в 1946 г.,⁴ который составлял от 88,7% до 95,7% от ее стоимости (в зависимости от региона продажи). В результате, хотя объемы производства водки после войны отставали от уровня 1940 г. (92,4 млн. дкл.), доход государства от продажи водки после войны превысил уровень 1940 г. (8,4%), составив в 1948 г. – 9%⁵, а к 1950-му г. достигнув 10% в общем объеме налога с оборота, собираемого государством. В-третьих, снижение цен имело колоссальный пропагандистский эффект, Е.Ю. Зубкова справед-

---

¹ Там же. Л. 27.

² Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления» // Правда. 1949. № 60. 1 марта. С. 1; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1950. № 60. 1 марта. С. 1–2; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1951. № 60. 1 марта. С. 1; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1953. № 91. 1 апреля. С. 1.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 176об-177.

⁴ Данный налог был введен постановлением Совета Министров СССР № 1264 от 18 июня 1946 г. «О ставках налога с оборота на водку и спирт ректификат» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 279. Л. 259–260.

⁵ Попов В.П. Сталин и советская экономика ... С. 69.

ливо замечает, что «ценовая политика в условиях нерыночной экономики является мощным рычагом в руках государства, позволяющим не только решать чисто экономические проблемы (регулировать спрос и предложение), но и манипулировать общественным мнением»¹. Ценовые снижения «работали» на имидж государства, являясь весомым доказательством его заботы о благополучии населения. В целом, декларируемый тезис о государственных «потерях» и «ущербе» можно трактовать не иначе как лукавство, направленное на достижение определенных целей. С одной стороны, пропагандистских – повысить весомость результатов данного мероприятия в глазах населения. С другой стороны – простимулировать трудовую активность населения, так как государственной «ущерб» должен был быть компенсирован повышением производительности труда благодарных граждан: «убыток для государственного бюджета ... нужно ... покрыть ... благодаря росту производительности труда, ... снижению себестоимости продукции»².

Таким образом, в рамках периода середины 1940-х – середины 1950-х гг. правительство обращалось к различным практикам регулирования материального потребления городского населения: нормированного карточного снабжения, повышения тарифов, снижения цен и пр. В первые послевоенные годы в контексте решения задач восстановления экономики страны рост материального благосостояния население не являлся приоритетным направлением социально-экономической политики государства. Городское население страны являлось объектом реализуемой правительством политики «экономии», проводимой посредством денежной реформы и отмены карточного снабжения (сопровождающегося повышением цен), увеличения тарифов на коммунально-бытовые услуги и т.п. Ослабление мобилизационного режима в реализации социальной политики, фиксируемое в конце 1940-х – начале 1950-х гг., способствовало усилению внимания власти к проблематике повышения благосостояния граждан. Проводимые в период 1949–1954 гг. ценовые снижения на товары массового спроса более существенно, чем регулирование цен в 1947 и 1948 гг., повлияли

---

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество ... С. 87.

² Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления» // Правда. 1949. 1 марта. С. 1;

на рост материального потребления горожан. Росту уровня жизни граждан способствовал отказ правительства от практики масштабного повышения тарифов на коммунально-бытовые услуги.

Во второй половине 1950-х гг. правительство отказалось от регулярных ценовых снижений, как от метода повышения товарооборота и косвенного стимула производительности труда граждан. Внимание власти к проблематике потребления населения проявилось в интенсификации экономических разработок направленных на изучение потребностей и спроса граждан и преодоление проблем товарного дефицита¹. Курс на более активное развитие социально ориентированных отраслей экономики – жилищного строительства, сельского хозяйства, легкой промышленности и производства товаров повседневного спроса, дал положительные результаты. Объемы потребляемых населением товаров и услуг характеризовались интенсивной положительной динамикой, фиксируемой во всех слоях городского социума.

4.3. Динамика доходов и заработной платы

Еще одной немаловажной составляющей проблематики благосостояния городского населения являлась оплата труда. Принцип главного звена, характерный для мероприятий социальной политики, реализуемых в рамках мобилизационной экономической модели, фиксировался в сфере доходов и заработной платы населения, проявляясь в существенной дифференциации оплаты труда. Различия в оплате труда горожан, были обусловлены отраслевой принадлежностью предприятий (табл. 13).

По окончании войны в 1945 г. наиболее высокими были доходы работников железнодорожного транспорта и промышленных предприятий (525 и 495 руб. в мес. соответственно). Доходы работников здравоохранения были ниже в среднем на 30%, а сотрудников торговли и общественного питания почти на 50% (288 и 231 руб. в мес. соответственно)². Трудящиеся одной и той же специальности имели различные доходы, в зависимости от их принадлежности к

---

¹ Саблина Т.Н. Изучение неудовлетворенного спроса населения // НИИТОП. М., 1956; Штейн Э.И. Изучение покупательского спроса населения на основе учета продажи товаров // НИИТОП. М., 1956 и др.

² Там же.

предприятиям различных отраслей. Например, для ИТР и служащих строительных организаций, занятых на работах по восстановлению и строительству хлебопекарных предприятий, должностные оклады устанавливались на 10% ниже окладов, чем в организациях, занятых строительством предприятий металлургии¹. Работники строительных организаций Министерства вкусовой промышленности имели должностные оклады на 15% ниже должностных окладов работников аналогичных строительных организаций Министерства строительства предприятий тяжёлой индустрии².

Таблица 13

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства (руб./мес.)³

Отрасль народного хозяйства	1945	1951	1952	1953	1955
В целом по народному хозяйству	442	661	674	684	711
Промышленность (промышленно-производственный персонал)	495	740	754	762	807
Строительство (персонал, занятый на строительномонтажных работах)	411	638	655	676	742
Транспорт и связь	467	699	710	720	744
Железнодорожный транспорт	525	739	742	746	768
Автомобильный, городской электрический и прочий транспорт и погрузочно-разгрузочные работы	408	689	709	726	750
Торговля и материально-техническое снабжение	288	490	505	518	н/св
Общественное питание	231	417	428	424	н/св
Просвещение (школы, учебные заведения, научно-исследовательские и культурно-просветительные учреждения)	488	715	722	733	н/св
Здравоохранение	394	492	499	504	н/св
Кредитные и страховые учреждения	512	675	682	691	н/св
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления и общественных организаций	504	694	710	735	н/св

Объемы заработной платы горожан имели существенную дифференциацию даже в рамках одной отрасли. Доходы сотрудников нефтедобывающих

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 368.

² Там же. Д. 295. Л. 196.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161–161 об.

трестов были выше, чем на нефтеперерабатывающих (в среднем на 10 %), а оклады работников производственно-товарных контор нефтяной промышленности были ниже, чем на нефтеперерабатывающих трестах на 15%¹ (см. прил. 1.16). На машиностроительных предприятиях Свердловска в 1946 г. по наиболее высокой шкале оплачивались рабочие тяжелого машиностроения, по самой низкой – электромашиностроители и рабочие сельскохозяйственного машиностроения². На объем доходов рабочих влияло и географическое расположение предприятия. Доходы рабочих машиностроительных заводов Урала были несколько выше заработной платы рабочих Ленинграда, занятых в той же отрасли. Разрыв в оплате труда обуславливался классностью предприятий, номенклатурой выпускаемой продукции, квалификацией кадров. Так, например, шоферы 3-го класса получали надбавку в размере 5% от оклада, 2-го класса – 15%, 1-го класса – 35%³. Доходы работников одного предприятия также существенным образом различались. Так, например, на Авиазаводе № 1 (г. Куйбышев) средняя заработная плата в цехе № 10 равнялась 466 руб., в цехе № 5 – 787 руб., в цехе № 14 – 1 454 руб.⁴

Существовали различные системы оплаты труда промышленных рабочих, действующие в рамках одной отрасли. В послевоенный период более 60% всех рабочих, занятых в промышленности находились на сдельной системе оплаты труда (существовала прямая сдельная система заработной платы, сдельно-прогрессивная и сдельно-премиальная системы оплаты труда). Труд более 70% рабочих-металлургов Урала оплачивался по сдельной системе (из них около 25% по сдельно-прогрессивной системе, а большинства – по прямой сдельной)⁵. На транспортных предприятиях действовали различные расценки сдельной оплаты труда в зависимости от месячной ставки заработной платы, выполнения норм выработки, пробега и времени на разгрузку и погрузку машины и пр. Сдельная форма оплаты труда существовала не только в промышленности (например, по сдельным тарифам оплачивался труд рабочих экспериментальной

---

¹ Там же. Д. 278. Л. 353–359.

² Дмитриев А.В. Материально-бытовое положение рабочих ... С. 50.

³ Козлов И.В. К вопросу о роли нормирования труда ... С. 134.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ РГАЭ. Ф. 8230. Оп. 1. Д. 148. Л. 91; Ф. 8833. Оп. 1. Д. 244. Л. 28; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1248. Л. 2.

мастерской при Академии медицинских наук СССР)¹. Также существовала форма гарантированной повременной оплаты труда, на которую нередко переводили опытных рабочих, чтобы сохранить данные кадры на предприятии². Следствием существования различных систем оплаты труда было не упорядочение заработной платы. В послевоенный для оплаты труда работников промышленных предприятий были введены 8-разрядные тарифные сетки, с различным отношением крайних коэффициентов: в автомобильной промышленности, на предприятиях «Главкислорода» при Совете Министров СССР данный коэффициент составлял 1 : 3,6³; для оплаты труда рабочих на предприятиях механических и деревообрабатывающих заводов Министерства машиностроения и приборостроения – 1 : 3,2⁴. С 1946 г. в машиностроении действовало около 1000 тарифных сеток с соотношениями ставок крайних разрядов от 1 : 1,86 до 1 : 3,56. Это вносило путаницу и разнорядность в оплату труда рабочих одинаковой квалификации, выполняющих идентичные виды работ.

Еще одной проблемой была низкая оплата труда. Отмена сверхурочных работ на промышленных предприятиях, связанная с окончанием войны, привела к снижению доходов горожан. В 1946 г. 43% работающих в стране зарабатывали менее 300 руб. в месяц, а доходы 35% горожан составляли от 300 до 600 руб.⁵ (см. прил. 1.16). Более 40% рабочих и служащих РСФСР имели такой фактический месячный заработок, более половины которого уходило на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму.

Негативную корректировку в бюджет горожан вносила проблема нерегулярных выплат заработной платы. На предприятиях промышленных министерств задолженность по заработной плате рабочим и служащим составила на 1 января 1945 г. – 353 млн. руб., на 1 января 1946 г. – 596 млн. руб., на 1 апреля

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 296. Л. 196.

² Саматов В.А. Указ. соч. С. 40.

³ Постановление Совета Министров СССР № 839 от 13 апреля 1946 г. «О заработной плате рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий Главкислорода при Совете Министров СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 341–343; Постановление Совета Министров СССР № 906 от 20 апреля 1946 г. «О пересмотре норм выработки и упорядочении заработной платы рабочих, инженерно-технических работников и служащих автомобильной промышленности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 396–398.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 1904 от 27 августа 1946 г. «Об оплате труда рабочих механических и деревообрабатывающих заводов Главстроя Министерства машиностроения и приборостроения» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 132. .

⁵ Пихоя, Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945-1985. М., 2007. С. 95.

1946 г. – 980 млн. руб¹. По расчетам В.П. Попова, за июнь 1946 г. полностью получили заработную плату только 80% рабочих и служащих, занятых в различных отраслях народного хозяйства². Задержка заработной платы нередко являлась причиной ухода рабочих с предприятий³. 27 октября 1946 г. Советом Министров СССР было принято Постановление № 2386, в котором критиковались факты «систематической задержки выплат заработной платы рабочим и служащим», а также нецелевого расходования денег, полученных в банке на заработную плату⁴. В качестве решения проблемы утверждалось требование «привлечь виновных к ответственности», а миллионные долги министерств по зарплате покрывались выплатами Министерства финансов, в счет ассигнований по государственным дотациям, средствами из резервного фонда Совета министров, а также кредитами Госбанка⁵. В апреле 1947 г. на погашение задолженности по заработной плате рабочим и служащим только предприятий Министерства сельскохозяйственного машиностроения из резервного фонда Совета Министров СССР было выплачено 48,7 млн. руб.⁶ В 1948 г. правительство вновь вернулось к решению данной проблемы, выделив министерствам на погашение задолженности по заработной плате рабочих и служащих средства из бюджета в размере 291 млн. руб., а также разрешив министерствам взять ссуды Госбанка – 318 млн. руб., Промбанка – 90 млн. руб.⁷

В первые послевоенные годы была проведена корректировка системы оплаты труда и объемов различных выплат, составляющих доходы городского населения. Доходы горожан могли включать в себя: *оклад* (исчисляемый посредством различных систем оплаты труда); *выплаты за трудовые заслуги* (премии); *компенсирующие выплаты* (пособия, надбавки, пенсии, выплаты за вы-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 998 от 7 мая 1946 г. «Об упорядочении финансового хозяйства предприятий и хозорганов промышленных министерств, укреплении платежной дисциплины в хозяйстве и ликвидации взаимной задолженности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 210.

² Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы ... С. 72.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6608. Л. 51.

⁴ Постановление Совета Министров № 2386 от 27 октября 1946 г. «О ликвидации задолженности по заработной плате рабочим и служащим на предприятиях министерств: авиационной промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, вооружения, электростанций, пищевой промышленности СССР, мясной и молочной промышленности СССР, лесной промышленности СССР, земледелия СССР, заготовок, животноводства СССР и технических культур» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 286. Л. 275–276.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 286. Л. 276.

⁶ Там же. Д. 297. Л. 265.

⁷ Там же. Д. 332. Л. 61–65.

службу лет и пр.). Рассмотрим динамику доходов граждан в рамках выделенных частей, их составляющих.

Важной частью доходов горожан, занятых в общественном секторе экономики, являлся *оклад*. В послевоенный период были повышены размеры окладов городского населения, но в соответствии с принципом главного звена, фиксирующимся в большинстве социально-экономических мероприятий мобилизационной экономической модели, повышение окладов затронуло определенные категории городского социума. Применительно к трудящимся, занятым на промышленных предприятиях, в качестве критерия «отбора» данных групп фигурировали: *приоритетность отраслей индустрии для государства; сложность условий труда, связанная с территорией расположения предприятия или опасностью для жизни работника.*

«Географический» принцип повышения доходов был реализован применительно к регионам с трудными климатическими условиями. Работающим на предприятиях, находящихся в районах Крайнего Севера, по истечении шести месяцев работы выплачивалась надбавка 10% к окладам¹. Работникам гидрометеорологических, авиаметеорологических станций и постов, находящихся за полярным кругом, устанавливались должностные оклады выше на 25%, на территории острова Сахалин – на 50%, на Курильских островах – надбавка к окладу составляла 100%, при нахождении метеорологических организаций в высокогорных районах (с абсолютными высотами более 2000 м.), оклады повышались на 40%². С 1 сентября 1946 г. на 20% была повышена заработная плата рабочим и ИТР Урала, Сибири и Дальнего Востока. Но данное повышение коснулось только работников предприятий угольной, нефтяной и химической промышленности, черной и цветной металлургии, а также занятых на стройках военных и промышленных предприятий и на добыче торфа, графита, слюды, асбеста, соли и производстве цемента. Повышение зарплаты распространялось на работников, занятых непосредственно в горячих цехах, рудниках или на буровых работах предприятий данных отраслей. Всего оно коснулось 824 000 рабо-

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 года «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера» // Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 – июль 1956 г. ... С. 378–380.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 317. Л. 12, 16.

чих 727 предприятий и строек данных регионов¹. Годовые фонды заработной платы соответствующих министерств были увеличены на 1,4 млрд. руб.

Принцип «приоритетности» определенных отраслей и отдельных социальных групп, был реализован в повышении доходов работников заводов Первого главного управления при Совете Министров СССР (атомный проект). В 1947 г. на них было распространено действие Постановления о 20 % надбавке к окладам для рабочих и ИТР Урала, Сибири и Дальнего Востока². Повышение окладов коснулось некоторых категорий сотрудников других предприятий индустрии и транспорта. На 20% были повышены оклады работников локомотивных бригад; рабочих и ИТР Печерской железной дороги оклады были повышены на 20%, служащих на 10%³; на 10–20% увеличены оклады работников предприятий стройматериалов Министерства путей сообщения⁴ (см. прил. 1.16). Повышение окладов коснулось работников газопровода (только на участке Саратов–Москва)⁵; сотрудников предприятий и организаций нефтяной промышленности (занятых на основных видах работ)⁶; повышались расценки оплаты труда для сдельщиков, занятых на инструментальных заводах Министерства станкостроения (занятых в горячих цехах)⁷. По расчетам Н.В. Кузнецовой, в

---

¹ Постановление Совета Министров СССР от 25 августа 1946 года № 1897 «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 66–67.

² Постановление Совета Министров СССР от 21 августа 1947 г. № 2937-953сс/оп «О заработной плате, продовольственном и промтоварном снабжении инженерно-технических и научных работников, рабочих и служащих заводов Государственного химического и Государственного машиностроительного Первого главного управления при Совете Министров СССР» // Атомный проект СССР: Документы и материалы ... Т. 2. Книга 3. С. 314–315.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 78–83; Д. 282. Л. 42 – 61.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 701 от 29 марта 1946 г. «О распространении на рабочих, руководящих и инженерно-технических работников предприятий стройматериалов Министерства путей сообщения Постановления Совета Народных комиссаров СССР от 29/VIII 1945 г. № 2210 “О заработной плате и системе премирования работников предприятий и строителств Нарком стройматериалов РСФСР”» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 350–352.

⁵ Постановление Совета Министров СССР № 1737 от 10 августа 1946 г. «Об оплате труда работников газопровода Саратов – Москва Главгазпрома при Совете Министров СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 282. Л. 163–164.

⁶ Постановление Совета Министров СССР № 1182 от 10 июня 1946 г. «О повышении заработной платы работников предприятий и организаций нефтяной промышленности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 334–335.

⁷ Постановление Совета Министров СССР № 1133 от 29 мая 1946 г. «О повышении тарифных ставок и пересмотре норм выработки рабочих инструментальных заводов Министерства станкостроения» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 291.

1947 г. прирост зарплаты индустриальных рабочих достиг 7–14 %, но он значительно отставал от динамики цен на продовольственные товары¹.

Во второй половине 1940-х гг. доходы работников промышленных предприятий характеризовались не только повышением, но и снижались вследствие проводимых правительством реформ. В 1947г. вместе с повышением норм выработки были снижены сдельные расценки оплаты труда рабочих промышленных предприятий, объем которых составил от 13 до 25,8% по различным отраслям (см. прил. 1.9). Наименьшее снижение расценок фиксировалось на предприятиях министерств: промышленности строительных материалов и тяжелого машиностроения, а наибольший объем снижения сдельных расценок оплаты труда рабочих наблюдался на предприятиях медицинской промышленности, киномеханической и киноплёночной промышленности, «Ювелирторга» и машиностроительных заводах «Главкислорода». Повышение норм выработки и снижение сдельных расценок было продолжено в 1948 и 1949 гг. На предприятиях ряда министерств и главков снижения сдельных расценок проводились два («Главювелирторг» и пр.), и даже три раза в год (предприятия министерства кинематографии, автомобильной промышленности и пр.) (см. прил. 1.9). В 1948–1949 гг. наибольшим было снижение сдельных расценок для работников вспомогательных цехов и вспомогательных производств промышленных предприятий различных отраслей. Так, например, на предприятиях Министерства цветной металлургии для работников вспомогательных цехов сдельные расценки снижались на 12,9%, а для рабочих основных цехов только на 4,1%². В меньшей степени снижение сдельных расценок коснулось работников основных цехов предприятий приоритетных отраслей индустрии: нефтяной, угольной, строительства предприятий тяжелой промышленности и пр. Практика негативного материального стимулирования (путем повышения норм выработки и снижение сдельных расценок), безусловно, способствовала повышению производительности труда на промышленных предприятиях, но, в то же время, вела к снижению доходов рабочих. По расчетам Н.В. Кузнецовой, в результате снижения сдельных расценок производительность труда на Сталинградском

---

¹ Кузнецова Н. В. Динамика цен и заработной платы ... С. 63.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 330. Л. 47.

тракторном заводе к 1948 г. возросла на 32%, но более 20% рабочих-сдельщиков не выполнили плановых норм, что негативным образом отразилось на их зарплате¹.

В целом политика регулирования объемов заработной платы работников индустрии, проводимая правительством в послевоенные годы, была существенным образом дифференцирована. Векторность корректировки доходов определялось приоритетностью развития отраслей для государства, занятостью работника на основном либо вспомогательном производстве, сложностью условий труда и пр. Повышение заработной платы промышленных рабочих характеризовалось точечной направленностью на приоритетные локальные (профессиональные, территориальные) группы, отражая действие принципа главного звена, позволяющего в условиях ограниченного количества ресурсов применять материальное стимулирование работников. В то же время работники отраслей индустрии, не попавших в данную категорию, скорее являлись объектом негативного материального стимулирования. Повышение норм выработки и сокращение сдельных расценок оплаты труда, проводимое правительством в послевоенные годы, было направлено на рост производительности труда работников при уменьшении фондов заработной платы. Такая форма «стимулирования» труда вполне соответствовала задаче, решаемой в рамках мобилизационной экономической модели, а также методам ее достижения – организации трудового подъема населения и «экономии» ресурсов.

В послевоенные годы была повышена заработная плата горожан – работников непромышленной сферы. Как и в отношении промышленных рабочих, повышение заработной платы носило избирательный характер. Выбор данных групп был обусловлен их «нужностью» и «важностью» для государства в контексте решения задач мобилизационной экономики. Необходимость ускорения НТП, освоения и развития в СССР технических и технологических нововведений, а также внедрения научных инноваций в различные сферы народного хозяйства, способствовало повышению значимости научных разработок. Как следствие, были повышены должностные ставки научно-преподавательских

---

¹ Там же. С. 62.

кадров с учеными степенями и званиями. В соответствии с постановлением СНК СССР № 514 от 6 марта 1946 г. с 1 апреля 1946 г. доктора наук, профессора стали получать 3 500–5 500 руб. (в зависимости от стажа работы и статуса института), кандидаты наук – старшие преподаватели и доценты 2 500–3 200 руб., кандидаты наук – 1 750–2 300 руб. в месяц. Оклады старших преподавателей и ассистентов, не имевших ученых степеней и званий, увеличились на 50 %¹. Заработная плата директоров вузов и институтов Академии наук СССР (докторов наук, профессоров) возросла в зависимости от категории учреждения до 6 000 – 8 000 руб.², превысив оклады директоров промышленных предприятий (см. прил. 1.16). Впоследствии в данное постановление было распространено: на руководящий и профессорско-преподавательский состав институтов усовершенствования врачей Министерства здравоохранения СССР и союзных республик (июль 1946 г.) (в масштабах РСФСР данное постановление коснулось сотрудников четырех институтов в городах Москва, Ленинград, Казань, Новосибирск)³; научных сотрудников научно-исследовательских институтов министерств авиационной промышленности, вооружения и химической промышленности (июль 1946 г.)⁴; на преподавателей курсов иностранных языков Министерства иностранных дел (июль 1946 г.);⁵ руководителей астрономических и астрофизических обсерваторий, научных лабораторий и Главного ботанического сада Академии наук СССР (июль 1946 г.)⁶; на имеющих степени научных работников, работающих в заводских лабораториях и на преподавателей

---

¹ Постановление СНК СССР № 514 от 6 марта 1946 г. «О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально бытовых условий» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 308–309.

² Там же. Л. 309.

³ Постановление Совета Министров СССР № 1661 от 27 июля 1946 г. «О распространении на руководящий и профессорско-преподавательский состав институтов усовершенствования врачей Министерства здравоохранения СССР и Министерств здравоохранения союзных республик Постановления Совнаркома СССР от 6 марта 1946 г. № 514 "О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий" // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 319–321.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 1641 27 июля 1946 г. «О должностных окладах научных сотрудников научно-исследовательских институтов министерств авиационной промышленности, вооружения и химической промышленности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 305.

⁵ Постановление Совета Министров СССР № 1634 от 27 июля 1946 г. «О распространении на преподавателей курсов иностранных языков Министерства иностранных дел СССР Постановления Совнаркома СССР от 6 марта 1946 г. № 514 "О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий" // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 294.

⁶ Постановление Совета Министров СССР № 1642 от 27 июля 1946 г. «О должностных окладах руководящих работников отдельных научных учреждений Академии наук СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281 Л. 309 – 315.

кафедр иностранных языков и философии (март 1947 г.)¹. Важно отметить, что повышение доходов коснулось не всех научных работников. Принцип главного звена, предполагающий выделение приоритетной группы в социальной (профессиональной) общности, выраженное материальное стимулирование которой отвечало задачам мобилизационной экономической модели, действовал и применительно к научному сообществу. Индустриальная направленность развития страны нашла отражение и в приоритетности для государства научных разработок в важнейших отраслях индустрии. Об этом свидетельствует система оплаты труда, тематика проводимых научных конкурсов, планы магистральных научных разработок исследователей отдельных специальностей и целых научных институтов². В авангарде научного сообщества выступали химики, физики, геологи, технологи, занятые эмпирическими исследованиями в областях, касающихся атомной энергетики, тяжелой индустрии, оборонной промышленности. (Планы научных разработок по означенным направлениям утверждались правительственными постановлениями³, курировались соответствующими подразделениями (Первое главное управление при Совете Министров СССР и др.)). Более низкое положение занимали научные разработки в области медицины, биологии, гуманитарных наук. Доходы научных работников данной группы были ниже (оклад доктора наук варьировался от 2800 до 3200 руб., кандидата наук – 1750 руб.)⁴.

Важная роль в контексте реализации задач мобилизационной экономики отводилась СМИ: газетам, журналам, радио, телевидению. Через тексты и визуальные образы СМИ транслировались идеологические и экономические импе-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 659 от 24 марта 1947 г. «О распространении Постановления Совета Министров СССР от 6 марта 1946 г. на научных работников, занятых в заводских лабораториях и на преподавателей кафедр иностранных языков и философии» // ГА РФ. Ф Р-5446. Оп. 1. Д. 294. Л. 115.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 154; Д. 346. Л. 154–156, 193–195.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 300. Л. 358–365; Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 3. С. 14, 90–97, 205–206, 431–455; Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 4. С. 309–311, 333–337, 368–373.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 3020 от 28 августа 1947 г. «Об оплате труда работников низовой сети научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству, имеющих ученые степени», «низовое» положение занимали научно-исследовательские учреждения министерств: сельского хозяйства, совхозов, пищевой промышленности, вкусовой промышленности, работающие по сельскому хозяйству в области растениеводства, плодоводства, виноградарства, животноводства и ветеринарии, пчеловодства, шелководства, почвоведения, агрохимии, защиты растений, агролесомелиорации, мелиорации и ирригации» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 310. Л. 21.

ративы власти, формировались представления населения о «правильных» экономических стратегиях. В послевоенный период были повышены доходы работникам центральных издательств¹, сотрудникам предприятий Министерства кинематографии² (см. прил. 1.16).

Еще одной категорией городского социума, оклады которой были повышены, была советская творческая интеллигенция. 29 мая 1946 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 1139 «О повышении заработной платы работникам Государственного ордена Ленина академического Большого театра», в котором устанавливались месячные должностные оклады: солистам оперы – от 1000 до 5500 руб.; артистам балета – от 900 до 4000 руб.; артистам хора – от 900 до 2500 руб.; артистам миманса – от 500 до 900 руб.; артистам детского хора – от 200 до 350 руб.; художественно-руководящему персоналу (кроме дирижёров) – от 900 до 5000 руб.³ (см. прил. 1.16). 13 мая 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 1027 «О повышении заработной платы работникам Государственного ордена Ленина академического Малого театра», в соответствии с которым были на 15–20% повышены доходы сотрудников (артистов).⁴ 15 июля 1947 г. Советом Министров РСФСР было принято постановление № 521 «Об авторском гонораре за литературно-художественные произведения», согласно которому устанавливались три категории оплаты литературно-художественных произведений в «зависимости от их идейно-художественной ценности». По высшей категории оплачивались выдающиеся произведения, по второй категории – хорошие произведения, по третьей – удовлетворительные литературные произведения и работы начинающих писателей. Независимо от категории гонорары писателей были значительными. Так, например, произведение художественной прозы, изданные тиражом 15 000 экз., оплачивалось по ставке в 1500, 3000, 4000 руб. за 1 авторский лист (в зависимости от категории); рассказы объемом до одного авторского листа

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 1644 от 27 июля 1946 г. «О положении и структуре Государственного издательства иностранной литературы при Совете Министров СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 320 – 322.

² Постановление Совета Министров СССР № 1127 от 29 мая 1946 г. «Об организационной структуре Министерства кинематографии СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 279.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 292–293.

⁴ Там же. Д. 277. Л. 250–253.

оплачивались аккордно за произведение по той же ставке; научно-популярные издания для детей – 1000, 1500, 3000 руб. за авторский лист; стихотворные произведения оплачивались по ставке в 7, 14 и 20 руб. за строку¹. 18 декабря 1948 г. Советом Министров РСФСР было дополнено данное постановление. Переводы трудов классиков марксизма-ленинизма с русского языка на языки народов СССР приравнивались к ставкам оплаты за переводы произведений художественной литературы, оплачиваясь в объеме до 1500 руб. за авторский лист². Таким образом, утверждение о значительной дифференциации в политике доходов, проводимой в послевоенный период, справедливо и в отношении работников искусства.

Еще одной формой оплаты труда являлись персональные оклады. В послевоенные годы политика в отношении данной формы оплаты труда была неоднозначной. В 1946 г. в принятом Советом Министров постановлении от 9 декабря 1946 г. № 2627 «О нарушениях порядка назначения персональных окладов в министерствах торговли, морского флота и земледелия» были обозначены нарушения назначения персональных окладов в данных министерствах: «оклады назначаются работникам, не обладающим выдающимися познаниями и не занятым на основных участках работы», вследствие чего, персональные оклады «из средства поощрения высококвалифицированных специалистов превратились в средство скрытого повышения должностных окладов рядовым работникам»³. В постановлении утверждалось требование уменьшить лимиты персональных окладов по Министерству торговли – с 1893 до 1350 окладов (100 окладов установить для работников центрального аппарата); по Министерству морского флота – с 289 до 230 (40 окладов для сотрудников центрального аппарата); по Министерству морского флота – с 289 до 230 (40 окладов для сотрудников центрального аппарата); по Министерству земледелия – с 550 до 300 окладов (100 окладов для работников центрального аппарата)⁴. В постановлении Совета Министров СССР от 9 декабря 1946 г. № 2626 «О порядке премирования министрами своих заместителей» министрам запрещалось устанавливать

---

¹ Хронологическое собрание законов ... В 5 т. Т. 5. 1946–1948. С. 228–229.

² Хронологическое собрание законов ... В 7 т. Т. 4. 1948–1953. С. 234.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 297–298.

⁴ Там же. Л. 298.

персональные оклады и надбавки к заработной плате своим заместителям, а также премировать их без разрешения Совета Министров СССР¹. Предпринятое в 1946 г. сокращение количества персональных окладов не коснулось всех категорий горожан. В 1946 г. были установлены персональные оклады работникам Большого театра (30 шт.) (в том числе: 7 окладов по 7000 руб., 20 окладов по 6000 руб. и 3 оклада по 5000 руб. в месяц)². Меньшее количество персональных окладов в 1946 г. было установлено работникам Малого театра (народным артистам СССР): П.М. Садовскому и А.А. Яблочкиной по 6000 руб. в месяц, В.Н. Пашенной, В.Н. Рыжовой, Е.Д. Турчаниновой, А.А. Остужеву и К.Н. Яковлеву по 5000 руб. в месяц³.

В последующие годы практика назначения персональных окладов расширялась, получая широкое распространение в различных сферах. В 1948 г. постановлением Совета Министров СССР от 20 сентября № 3547 были установлены персональные оклады в Союзе советских композиторов СССР, назначаемые «творческим работникам, привлеченным к организационно-руководящей работе в центральном аппарате и в периферийных союзах и отделениях композиторов» в количестве 25 окладов (10 из которых для сотрудников центрального аппарата)⁴. Размеры персональных окладов составляли 3500–5000 руб. (см. прил. 1.16). В 1949 г. были установлены 5 персональных окладов ведущим специалистам лаборатории сверхвысоких давлений Института органической химии (в размере 1,5 месячного должностного оклада); 14 персональных окладов ведущим специалистам предприятий Министерства химической промышленности, занятым производством тефлона (в размере 1,5 месячного должностного оклада)⁵. В текстах правительственных постановлений 1948–1953 гг. фиксируется практика назначения персональных окладов не только главным руководителям предприятий (председателям правления, директорам и управляющим баз, контор, складов и пр.), но и их заместителям, а также главным бухгалтерам⁶ (см. прил. 1.16). На объемах окладов не отразилась тенденция *экономии* 1947–

---

¹ Там же. Л. 284.

² Там же. Д. 278. Л. 292–293.

³ Там же. Д. 277. Л. 341–343.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 346. Л. 67–69.

⁵ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 4. С. 370–372.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 340. Л. 14–15.

1948 г. Оклады, повышенные в 1946–1947 г. не были снижены, а количество персональных окладов только увеличивалось.

В политике доходов, реализуемой в рамках мобилизационной экономической модели, важную функцию стимулирования труда городского населения выполняли различные *выплаты за трудовые заслуги*: премии трудящимся (за выполнение и перевыполнение плановых заданий, соблюдение режима экономии на производстве, победу в социалистическом соревновании и пр.).

В период 1946–1947 г. премии за выполнение и перевыполнение норм были введены в различных отраслях народного хозяйства. Применительно к городскому социуму система премирования получает наиболее широкое распространение на предприятиях советской индустрии. Были приняты положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий различных отраслей промышленности¹, которые позволяли им повысить свои ежемесячные доходы на 50–75%. Объемы премий значительно варьировались. Существенное значение имели: отрасль предприятия; групповая принадлежность предприятия (распределение предприятий по трем (двум) группам производилось Министерством соответствующей отрасли по согласованию с ВЦСПС, в зависимости от объема работы предприятия и сложности производства); принадлежность предприятия к основному производству или вспомогательным предприятиям (ремонтным, монтажным и пр.); должность, занимаемая работником. Так, например, директор и главный инженер предприятия по добыче нефти и бурению нефтяных и газовых скважин, отнесенного к первой группе промысла, получали премию в размере 75% должностного оклада, и 8% за каждый процент перевыполнения плана², а директор и главный инженер предприятия основного цикла Министерства сельскохозяйственного машино-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 2674 от 13 декабря 1946 г. «О премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий Министерства целлюлозной и бумажной промышленности за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 289. Л. 80; Постановление Совета Министров СССР № 229 от 4 февраля 1947 г. «Об утверждении положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий авиационной промышленности за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 86 и пр.

² Постановление Совета Министров СССР № 232 от 4 февраля 1947 г. «Об утверждении Положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР и Министерства нефтяной промышленности южных и западных районов СССР за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 98.

строения, отнесенного к первой группе получали премию в размере 50% должностного оклада, и 5% за каждый процент перевыполнения плана (если предприятие являлось вспомогательным и относилось к третьей группе, то размер премий составлял 20 и 2% соответственно)¹.

Размер премий дифференцировался в зависимости от статуса предприятия. В текстах правительственных постановлений указывался перечень важнейших предприятий различных отраслей, на которых с разрешения Министра допускалась выплата премии в размерах до 50%, при условии выполнения предприятием государственного плана по снижению себестоимости не менее чем на 50%². В случае, если план по снижению себестоимости выполнялся менее чем на 50% – премия не выплачивалась. Министру, начальнику Главного управления и директору предприятия предоставлялось право лишать премии частично или полностью руководящих, инженерно-технических работников и служащих за отдельные производственные упущения в работе (невыполнение отдельных номенклатур плана, несоблюдение установленных норм производства, перерасход фондов зарплаты, материалов, топлива, электроэнергии и др.).

Источником премирования трудящихся был фонд директора предприятия, восстановленный в 1946 г.³ Данный фонд формировался путем отчислений (процентный объем которых был фиксированным) от прибыли предприятия или суммы экономии от снижения себестоимости продукции. Отчисления поступали в фонд только в случае, если данное предприятие выполнило план по выпуску продукции, план по прибыли от ее реализации, задание по снижению

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 231 от 4 февраля 1947 г. «Об утверждении Положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий Министерства сельскохозяйственного машиностроения за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 96.

² Постановление Совета Министров СССР № 229 от 4 февраля 1947 г. «Об утверждении положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий Министерства авиационной промышленности за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 86; Постановление Совета Министров СССР № 231 от 4 февраля 1947 г. «Об утверждении Положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий Министерства сельскохозяйственного машиностроения за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 96; Постановление Совета Министров СССР № 230 от 4 февраля 1947 г. «Об утверждении Положения о премировании руководящих и инженерно-технических работников предприятий Министерства вооружения за выполнение и перевыполнение производственных планов» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 92 и т.д.

³ Постановление Совета Министров СССР от 5 декабря 1946 г. № 2607 «О фонде директора промышленных предприятий» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 251–253.

себестоимости. Размеры отчислений в фонд были дифференцированы по отраслям промышленности. Для предприятий тяжелой индустрии (угольная, нефтяная, цементная, асбестовая, слюдяная, горнорудная промышленность, черная металлургия) они составляли 10% от плановой и 75% от сверхплановой прибыли или экономии; для предприятий машиностроения, цветной металлургии, химической, авиационной, судостроительной, автомобильной, целлюлозно-бумажной, текстильной и лесной промышленности – 4 и 50% соответственно; для предприятий пищевой, мясной, молочной, рыбной, легкой и местной промышленности – 2 и 25% соответственно. Средства из фонда директора могли быть направлены на расширение производства, улучшение жилищного фонда, культурно-бытового обслуживания и премирование работников предприятия.¹ Восстановление фонда директора было направлено, в том числе на материальное стимулирование труда работников. В 1947–1948 гг. фонд директора был распространен на большинство отраслей государственного хозяйства (железнодорожный транспорт, торговлю, аптечную сеть и пр.²).

Помимо премий за выполнение плановых заданий, сотрудники премировались в случае победы предприятия в социалистических соревнованиях различного уровня. В принятом 25 марта 1948 г. Постановлении Совета Министров РСФСР № 307 «О порядке выплаты премий предприятиям республиканского (РСФСР) и местного подчинения – победителям в социалистическом соревновании» был установлен порядок выплаты премий. Из вручаемых предприятиям сумм 60–70% должно было направляться на индивидуальное премирование рабочих, ИТР и служащих, а 30–40% на улучшение культурно-бытового обслуживания и жилищные нужды (ремонт жилищ, санаториев, клубов и пр., приобретение инвентаря для детских садов, яслей, пионерлагерей, рабочих общежитий и т.п.). Из сумм, предназначенных на премирование, не менее 50% расходовалось на премии рабочим³.

---

¹ Там же.

² Постановление Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 г. № 3376 «О фонде директора на железнодорожном транспорте» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 312. Л. 315–317; Постановление Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 г. № 3370 «О фонде директора торговых предприятий и организаций Министерства торговли СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 312. Л. 302–304; Постановление Совета Министров СССР от 14 сентября 1948 г. № 3422 «О фонде директора торговых предприятий и организаций аптечной системы Министерства здравоохранения» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 345. Л. 121–122.

³ Хронологическое собрание законов ... В 7 т. Т. 4. С. 47–50.

Были установлены премии за достижения и новации в различных отраслях народного хозяйства. За выдающиеся научные работы по геологии, палеонтологии, петрографии и полезным ископаемым Президиумом Академии наук СССР, ежегодно (начиная с 1947 г.) присуждалась премия им. А.П. Карпинского (25 000 руб.)¹. За выдающиеся научные труды в области почвоведения присуждалась премия им. В.В. Докучаева (20 000 руб.)². В 1946 г. были учреждены две премии К.Д. Ушинского, присуждаемые педагогическим работникам за выдающиеся труды в области педагогических наук – 25 000 руб. и 10 000 руб.³ Согласно постановлению Совета Министров СССР № 3583 от 17 октября 1947 г. «О государственных вознаграждениях за открытие новых месторождений полезных ископаемых» были установлены премии, которые выплачивались геологам и отдельным гражданам за открытие месторождений золота, платины, вольфрама, молибдена, олова, слюды, нефти, а также новых редких металлов, при наличии в них промышленных запасов полезных ископаемых. Размеры вознаграждений геологов ограничивались 25 000 руб., отдельных граждан СССР – 20 000 руб.⁴ Постановлением Совета Министров № 3052 от 10 августа 1948 г. учреждались четыре ежегодные премии за выведение быстрорастущих и высокопродуктивных пород рыб и за улучшение культивируемых пород рыб в прудовых и рыбоводных хозяйствах. Размер премий составлял 100 000, 75 000, 50 000 и 35 000 руб.⁵ Конкурсы, победители которых премировались, проводились в научных областях, отраслях производства (победители конкурса на полную механизацию добычи угля в угольных шахтах (1948 г.) получали 400 000, 300 000 и 200 000 руб.⁶), в сфере искусства (премия победителям конкурса лучшей современной советской пьесы (1946 г.), составляла 50 000, 35 000 и 25 000 руб.⁷).

---

¹ Постановление Совета Министров СССР от 27 июля 1946 г. № 1645 «Об увековечении памяти выдающегося советского ученого геолога, бывшего президента Академии наук СССР, академика А.П. Карпинского» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 311–312.

² Постановление Совета Министров СССР от 27 июля 1946 г. № 1646 «Об утверждении положения о золотой медали имени В.В. Докучаева, описание медали и положения о премии имени В.В. Докучаева» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 313 – 316.

³ Хронологическое собрание законов ... В 5 т. Т. 5. 1946–1948. 63–64.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 314. Л. 359–362.

⁵ Там же. Д. 342. Л. 201–202.

⁶ Там же. Д. 346. Л. 193–195.

⁷ Там же. Д. 289. Л. 267–268.

В соответствии с важностью атомного проекта, разрабатываемого в СССР в послевоенный период, наиболее значительными были премии, вручаемые геологам за открытие новых месторождений необходимых ископаемых, а также отдельным ученым и научным коллективам, работающим в этих областях. 21 марта 1946 г. Советом Министров СССР было принято Постановление № 628-259сс «О премиях за открытие новых месторождений урана и тория», в котором устанавливались четыре денежных премии (в зависимости от объемов и качества найденного месторождения), выплачиваемых руководителям экспедиций (от 600 000 до 100 000 руб.), и работникам геологоразведочных партий (2-3 чел.) (от 300 000 до 50 000 руб.), также предусматривались иные материальные льготы награжденным (бесплатный проезд, обучение детей за счет государства, двойной оклад, и пр.)¹. 21 марта 1946 г. Советом Министров СССР было принято Постановление № 627-258сс «О премиях за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии и за работы в области космического излучения, способствующие решению этой проблемы», согласно которому «для поощрения научных и инженерно-технических работников» за открытия и технические достижения в означенных областях, устанавливалось пять премий, дифференцированные в зависимости от тематики разработок². Премияльные выплаты руководителям научных коллективов составляли: 1 млн. руб., 700 000 руб., 500 000 руб., 250 000 руб. и 100 000 руб. Группе основных научных сотрудников и ИТР (3–5 чел.) выплачивалась премия 500 000 руб., 350 000 руб., 250 000 руб., 125 000 руб. и 50 000 руб. соответственно. В случае успешной реализации проекта часть премии (от 10 до 50%) могла быть выплачена досрочно. Руководители научных коллективов и сотрудники (кроме награждаемых пятой премией), получали звание лауреата Сталинской премии и награждались орденами Союза ССР, а руководитель работы, удостоенной первой премии удостоивался звания Героя Социалистического Труда. Руководители работ, награжденные первой и второй премией, получали «двойной оклад жалования на все время работы в данной области». В соответствии с рангом премии, награжденные (руководители, члены научных коллективов) получали

---

¹ Атомный проект СССР: документы и материалы ... Т. 2. Книга 2 . С. 152–155.

² Атомный проект СССР: Документы и материалы ... Т. 2. Книга. 1. С. 421–428.

от государства: дома-особняки, дачи, легковые автомобили. Помимо этого, на всех премированных распространялись льготы: обучение детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства, и право бесплатного проезда (пожизненного для награждаемого и его (ее) жены (мужа) и до совершеннолетия для детей) железнодорожным, водным и воздушным транспортом в пределах СССР¹. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 10 февраля 1947 г. были премированы: академик И.В. Курчатов – 500 000 руб. (50% первой премии), автомобиль «ЗИС-110»; член-корреспондент Л.А. Арцимович – 300 000 руб. (30% первой премии), автомобиль «ЗИС-110»². Согласно Постановлениям Совета Министров СССР от 5 марта 1947 г. премии в частичном объеме (от 20 до 50%) получили 55 сотрудников научных коллективов, занятых исследованиями атомной энергетики и разработками радиометрических приборов (размер выплат составлял от 5 000 до 350 000 руб.), а также работники заводов-изготовителей необходимого оборудования. (Общий фонд премирования составил 3 655 000 руб.)³.

Престижной являлась Сталинская премия, вручаемая за выдающиеся достижения в области науки и техники, военных знаний, литературы, искусства, усовершенствования методов производственной работы в период с 1940 по 1954 гг. Размер премий был дифференцирован по номинациям. За изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы размер премий составлял: 150 000, 100 000 и 50 000 руб.; за выдающиеся работы в области науки – 200 000, 100 000 и 50 000 руб., за выдающиеся работы в области искусства и литературы – 100 000 и 50 000 руб. Лауреатами премий становились как ученые и артисты, так и инженеры, машинисты и бурильщики. Премии присуждались как коллективам, так и отдельным гражданам (см. табл. 14).

Своеобразной формой премирования являлись льготы и выплаты, предоставляемые награжденным орденами и медалями. Список льгот, установленных Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1936 г.⁴ (и дополненный в после-

---

¹ Там же.

² Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 3. С. 120.

³ Там же. С. 152–160.

⁴ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1936. № 24. Ст. 220 а, 220 б.

дующие годы), включал в себя: ежемесячные выплаты определенных денежных сумм (За «Орден Ленина» – 25 руб., орден «Красное знамя» – 20 руб., звание Герой Советского Союза – 50 руб., орден «Трудовой Красное Знамя» и «Красная Звезда» – 15 руб., «Знак Почета» – 10 руб.); скидки при оплате жилья (от 10 до 50%); бесплатный проезд (на трамвае во всех городах СССР и один раз в год железнодорожным и водным транспортом (туда и обратно)); освобождение от подоходного налога (при доходе до 6000 руб. в год); стаж работы награжденных, необходимый для выхода на пенсию, сокращался на одну треть.

В русле реализуемой в стране политики «экономии» в 1948 г. объемы премий были частично сокращены. В постановлении Совета Министров СССР № 2395 от 3 июля 1948 г. констатировалось, что «расходы на премирование по народному хозяйству чрезвычайно возросли, а именно: с 3,2 млрд. рублей в 1940 году до 6,9 млрд. рублей в 1946 году и 9,2 млрд. рублей в 1947 году. Совет Министров СССР считает действующие размеры премий завышенными, ... кроме того, в настоящее время уже преодолены трудности послевоенной перестройки народного хозяйства и условия для выполнения и перевыполнения планов стали более благоприятными»¹. Согласно данному постановлению размеры премий были снижены на 25%, была отменена практика частичной выдачи премий за выполнение и перевыполнение плана при условии выполнения государственного задания по снижению себестоимости на 50%. (Норма коснулась ИТР, руководящих работников и служащих промышленных, транспортных и др. предприятий и иных организаций союзного, республиканского и местного подчинения, а также кооперативных артелей). Премии предприятиям-победителям в социалистическом соревновании сокращались на 50% (от сумм действующих премий за три месяца)². В августе 1948 г. правительство вновь вернулось к вопросу о премиях. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 9 августа 1948 г. № 3003 «Об изъятии в доход бюджета экономии, образующейся в связи с частичным сокращением размеров премий» с 16 августа 1948 г. на 50% сокращались размеры премий установленных для про-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 2395 от 3 июля 1948 г. «О частичном сокращении размеров премий // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 338. Л. 138.

² Там же.

мышленных предприятий, научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских бюро и других организаций, как по постоянно действующим премиальным системам, так и за разработку новых конструкций, освоение новой техники и оборудования, ввод в действие отдельных объектов и мощностей, а также по другим видам премий для руководящих работников, ИТР и служащих. Предельный размер премий, выплачиваемых данным категориям работником всех отраслей народного хозяйства, был уменьшен на 25%¹. 13 августа 1948 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 849 «О частичном сокращении размеров премий и об изменении порядка их выплаты», в котором фиксировались изменения системы премирования сотрудников, введенные летом 1948 г.². (Пункт № 7 данного постановления, запрещающий частичную выплату премий за выполнение и перевыполнение плана, при условии выполнения плана по себестоимости не менее чем на 50%, был отменен, постановлением Совета Министров РСФСР от 14 апреля 1949 г. № 249 «О порядке выдачи премий в отраслях народного хозяйства, в которых себестоимость продукции выявляется после сроков, установленных для выдачи премий»). Частичная выплата премий (в размере 50%) была восстановлена на предприятиях торфяной, лесозаготовительной, рыбодобывающей, рыбоперерабатывающей и местной топливной промышленности³).

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 9 августа 1948 г. № 2995 «Об отчислениях в фонд директора» отчисления по плановой прибыли были сокращены на 50%, по сверхплановой – на 40%⁴. В сентябре 1948 г. была изменена система премирования руководящих работников предприятий потребительской кооперации – премии выплачивались «только при условии рентабельной, безубыточной работы данной кооперативной организации или предприятия за соответствующий квартал»⁵. Были снижены объемы премий отдельным профессиональным группам советского городского социума. Сократились

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 88 – 89.

² Хронологическое собрание законов ... В 7 т. Т. 4. 1948-1953. С. 200–201.

³ Там же. С. 248–249.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 78–81.

⁵ Постановление Совета Министров СССР от 29 сентября 1948 г. № 3593 «О ходе выполнения Центросоюзом постановления Совета Министров СССР от 29 мая 1948 г. № 1800 “О мероприятиях по оздоровлению финансового состояния потребительской кооперации”» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 346. Л. 161.

размеры ежемесячных отчислений в фонд премирования проектировщиков с 5% до 3,5%. (На 1 января 1948 г. остатки фонда премирования проектировщиков по проектным организациям союзного подчинения составляли 78, 5 млн. руб., которые были зачислены в резервный фонд Совета Министров СССР)¹. В то же время, премиальные выплаты сотрудникам предприятий и научных учреждений, занятым научными разработками в рамках атомного проекта и премируемых в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 627-258сс. Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 5070-1944 от 29 декабря 1949 г. были произведены выплаты премий руководителям, инженерам и конструкторам предприятий и учреждений Первого главного управления при Совете Министров СССР (19 чел.). Объем премий составил от 58 тыс. руб. до 1 млн. руб.²

Тенденция сокращения объемов премий нашла отражение и в Сталинских премиях. Если общий объем премиального фонда по всем номинациям на протяжении периода 1946–1951 гг. увеличивался (несколько снизившись в 1952 г.) (см. табл. 14), то сумма премии, получаемой одним номинантом, ежегодно снижалась за счет увеличения количества награждаемых, между которыми она делилась. Если в качестве сравнительной величины взять *средний объем индивидуальной премии*, рассчитанный путем деления премиального фонда в отдельной сфере премирования (суммарно по всем трем степеням премии) на количество номинантов по каждому году, то средняя индивидуальная премия, вручаемая в 1946 г. (за 1943–1944 гг.) составляла: за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы – 21,6 тыс. руб.; за выдающиеся работы в области искусства и литературы – 36,62 тыс. руб. за выдающиеся достижения в науке – 93,3 тыс. руб. Объем средней индивидуальной Сталинской премии за достижения в науке и искусстве достиг максимальных показателей в 1947 г., за технические усовершенствования – в 1946 г. (см. прил. 2.1).

---

¹ Постановление Совета Министров № 2320 от 26 июня 1948 г. «О премировании проектировщиков и проектных организаций» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 338. Л. 1.

² Атомный проект СССР: Документы и материалы ... Т. 2. Книга 4. С. 754–755.

Лауреаты Сталинской премии, награжденные в период 1946–1952 гг.¹

Сфера премирования	За выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы			За выдающиеся работы в области науки			За выдающиеся работы в области искусства и литературы			Общее количество				
	Год номинации	Год награждения	Степень премии	Кол-во премий (шт.)	Кол-во лауреатов (чел.)	Объем премиальн. фонда (тыс. руб)	Кол-во премий (шт.)	Кол-во лауреатов (чел.)	Объем премиальн. фонда (тыс. руб)	Кол-во премий (шт.)	Кол-во лауреатов (чел.)	Объем премиальн. фонда (тыс. руб)		
1943–1944	1946	1	30	141	4 500	16	21	3 200	35	70	3 500	81	232	11 200
		2	40	155	4 000	24	39	2 400	45	87	2 250	109	281	8 650
		3	73	265	3 650						73	265	3 650	
		Итого	143	561	12 150	40	60	5 600	80	157	5 750	263	778	23 500
1945	1946	1	4	22	600	7	12	1 400	24	63	2 400	35	97	4 400
		2	23	73	2 300	18	22	1 800	27	55	1 350	68	150	5 450
		3	34	89	1 700						34	89	1 700	
		Итого	61	184	4 600	25	34	3 200	51	118	3 750	137	336	11 550
1946	1947	1	8	19	1 200	8	8	1 600	25	31	2 500	41	58	5 300
		2	24	100	2 400	20	22	2 000	79	73	3 950	123	195	8 350
		3	42	128	2 100						42	128	2 100	
		Итого	74	247	5 700	28	30	3 600	104	104	6 450	206	381	15 750
1947	1948	1	10	45	1 500	11	14	2 200	27	76	2 700	48	135	6 400
		2	27	112	2 700	28	31	2 800	41	100	2 050	96	243	7 550
		3	84	311	4 200				13	13	325	97	324	4 525
		Итого	121	468	8 400	39	45	5 000	81	189	5 075	241	702	18 475
1948	1949	1	8	39	1 200	14	14	2 800	25	76	2 500	47	129	6 500
		2	40	220	4 000	19	26	1 900	72	156	3 600	131	402	9 500
		3	111	489	5 550				13	15	325	124	504	5 875
		Итого	159	748	10 750	33	40	4 700	110	247	6 475	302	1 035	21 925
1949	1950	1	10	79	1 500	11	12	2 200	23	120	2 300	44	211	6 000
		2	47	302	4 700	28	41	2 800	53	130	2 650	128	473	10 150
		3	175	698	8 750	7	7	350	46	82	1 150	228	787	10 250
		Итого	232	1 079	14 950	46	60	5 350	122	332	6 100	400	1 471	26 400
1950	1951	1	15	159	2 250	12	31	2 100	21	122	2 100	48	312	6 450
		2	56	442	5 600	37	57	3 300	59	178	2 950	152	677	11 850
		3	187	1 166	9 350	34	49	1 525	91	197	2 275	312	1 412	13 150
		Итого	258	1 767	17 200	83	137	6 925	171	497	7 325	512	2 401	31 450
1951	1952	1	11	122	1 650	11	13	2 000	11	64	1 100	33	199	4 750
		2	52	397	5 200	35	73	3 150	28	72	1 400	115	542	9 750
		3	133	779	6 650	47	84	1 925	64	165	1 600	244	1 028	10 175
		Итого	196	1 298	13 500	93	170	7 075	103	301	4 100	392	1 769	24 675
Итого			1 244	6 352	87 250	387	576	41 450	822	1 945	45 025	2 453	8 873	173 725

¹ Подсчитано по: Правда. 1946. 27 января, 27 июня; 1947. 7 июня; 1948. 2 апреля, 21 апреля, 30 мая, 3 июня; 1949. 9 апреля, 10 апреля; 1950. 4 марта, 9 марта, 9 апреля; 1951. 15 марта, 17 марта; 1952. 15 марта.

В 1948 г. происходит резкое сокращение объемов средней индивидуальной Сталинской премии по всем номинациям: за достижения в науке – на 7,5%; за технические усовершенствования – на 22%, за достижения в искусстве – на 57,7%. Средний показатель снижения индивидуальной премии, произошедшего в 1948 г., по всем номинациям составил 36,3%. В последующие годы тенденция снижения продолжилась. Объем средней индивидуальной премии, выданной в 1952 г., составил: за технические усовершенствования – 10,4 тыс. руб. (снизились по сравнению с объемом средней индивидуальной премии, выданной в 1946 г. за достижения 1943–1944 гг. на 51,8%); за достижения в науке – 41,6 тыс. руб. (снизились соответственно на 55,4%); за выдающиеся работы в искусстве – 13,6 тыс. руб. (снизились соответственно на 62,8%) (см. прил. 2.1). Уменьшение объемов выплат по Сталинским премиям, проявилось и в расширении количества степеней по отдельным номинациям. Изначально премии, вручаемые за достижения в области науки и искусства, имели две степени – первую и вторую (с объемом выплат 200 и 100 тыс. руб. и 100 и 50 тыс. руб. соответственно). Начиная с 1948 г. появилась третья степень премии за достижения в области искусства – 25 тыс. руб., а в 1950-м г. третья премия за выдающиеся научные работы – 50 тыс. руб. В 1951 и 1952 гг. среди областей премирования за научные достижения появилась новая номинация – «Учебники и научно-популярные труды» с тремя степенями премии: 100, 50 и 25 тыс. руб. (на 50% ниже чем за научные достижения). Также объем Сталинских премий, получаемых советскими гражданами, снизился за счет включения в список премируемых иностранцев. В 1951 г. Сталинская премия за достижения в области искусства была присуждена 12 гражданам Китая и 2 гражданам Чехословакии, а в 1952 г. Сталинскую премию в этой же номинации получили 3 китайца, 2 венгра и 1 француз¹.

В 1948 г. были существенно ограничены льготы граждан, награжденных орденами и медалями. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» от 10 сентября 1947 г., с 1 января 1948 г. отменялись денежные

---

¹ Правда. 1951. 15 марта, 17 марта; 1952. 15 марта.

выплаты награжденным, право бесплатного проезда в трамвае, железнодорожным и водным транспортом, льготный порядок оплаты жилплощади¹. 24 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденом “Трудового Красного знамени” РСФСР», в котором отменялись денежные выплаты по ордену, право бесплатного проезда в трамвае, льготы на оплату жилплощади. За награжденными сохранялись отдельные льготы: освобождение от подоходного налога по заработной плате; освобождение от подоходного налога по другим источникам доходов, если их объем не превышает 6 000 руб. в год². Принятие данного непопулярного решения, в тексте Указа Президиума Верховного Совета СССР аргументировалось путем апелляции к желаниям и просьбам самих орденосцев: «Учитывая многочисленные предложения награжденных орденами и медалями СССР об отмене денежных выплат по орденам и медалям и некоторых других льгот, предоставляемых награжденным, и о направлении освобождающихся средств на восстановление и развитие народного хозяйства СССР»³. Хотя обращение к воспоминаниям современников позволяет утверждать, что реакция фронтовиков на отмену льгот и выплат была отнюдь не позитивной⁴. (После отмены многих льгот по орденам и медалям, были учреждены награды в большинстве отраслей индустрии и сфере образования⁵, но, не предполагая выплат, они являлись скорее формой морального поощрения и знаком отличия, который награжденный «должен носить ... с честью, служить примером высокой сознательности в соблюдении трудовой дисциплины и добросовестности при исполнении государственных обязанностей»⁶).

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 41.

² Хронологическое собрание законов ... В 5 т. Т. 5. 1946–1948. С. 501.

³ Там же.

⁴ Из дневника писателя-фронтовика Г.Я. Бакланова // Документы Прошлого. День Победы URL: <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2004/hd.050704.asp> (дата обращения: 16.08.2018).

⁵ Указ Президиума ВС СССР от 12 февраля 1948 «О награждении учителей орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/img/logotop2.jpg (дата обращения: 16.08.2018); Указ Президиума ВС СССР от 20 марта 1948 «О награждении орденами и медалями рабочих ведущих профессий, мастеров, руководящих и инженерно-технических работников цветной металлургии за выслугу лет и безупречную работу» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4684.htm (дата обращения: 16.08.2018); Указ Президиума ВС СССР от 18 мая 1948 «Об учреждении медали "За восстановление предприятий черной металлургии юга"» // Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. (1938– июль 1956 г). С. 295.

⁶ Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938– июль 1956 г ... С. 295.

Параллельно с сокращением размеров премий в 1948 г. были проведены проверки правильности их начисления на предприятиях и в учреждениях различных отраслей народного хозяйства. Вследствие проверок были вскрыты нарушения условий премирования в министерстве строительства предприятий тяжелой индустрии (премии за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании присуждались вне зависимости от полноты выполнения условий премирования), в результате перерасход государственных денежных средств составил 12, 045 млн. руб.¹ В тексте Постановления Совета Министров СССР от 29 апреля 1948 г. № 1420 также были отмечены нарушения порядка выплаты премий – премии за месяцы, предшествующие денежной реформе, выплачивались в декабре 1947–январе 1948 гг. по старому дореформенному курсу. В результате превышение выплат, израсходованных на премирование сотрудников в декабре 1947 г., составило в Министерстве морского флота – 5 700 000 руб., а в комбинате «Карагандауголь» (Министерства угольной промышленности восточных районов СССР) – 1 770 000 руб.² В Постановлении Совета Министров СССР от 29 мая № 1812 критиковались нарушения порядка расходования премиального фонда, допущенные в Министерстве морского флота: премии из фонда Министра выдавались отдельным работникам по несколько раз в год: «начальнику Главного управления флота и портов Северо-Западного бассейна т. Нестерову 7 государственных премий в сумме 17,3 тыс. руб. и ... 4 премии из фонда Министра на сумму 13,8 тыс. руб.; его заместителям: т. Канторовичу – 7 государственных премий в сумме 24,9 тыс. руб. и из фонда Министра – 3 премии в сумме 10,7 тыс. руб., т. Зеликману – 7 государственных премий в сумме 20,1 тыс. руб. и из фонда Министра – 5 премий в сумме 12,4 тыс. руб.»³. Также в Министерстве морского флота были вскрыты факты выплат государственных премий «за досрочное выполнение плана» при его фактическом невыполнении⁴. В Министерстве нефтяной промышленности южных и западных районов также были допущены нарушения в расходовании премиального фонда. В отдельных

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 1372 от 24 апреля 1948 г. «О грубых извращениях условий премирования в министерстве строительства предприятий тяжелой индустрии» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 332. Л. 65–68.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 333. Д. 21–22.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же.

главных управлениях министерства «имели место факты огульного премирования всех работников аппарата», а также «случаи выдачи премий по спискам и запискам Министра и его заместителей без указания, за что работники премированы»¹.

Таким образом, политика в области награждения и премирования граждан за трудовые заслуги, характеризовалась разнонаправленной векторностью в рамках периода 1946–начала 1950-х гг. В 1946–1947 гг. был увеличен объем премиальных выплат за трудовые достижения граждан в различных отраслях народного хозяйства, что стимулировало производительность труда населения, являющуюся необходимым условием реализации задач мобилизационной экономики. Начиная с 1948 г. объем премиальных выплат существенно сокращается, в чем проявился курс «экономии» государственных средств (реализуемый в различных областях социально-экономической политики), с другой стороны, данная тенденция может быть обусловлена достижением в конце 1940-х гг. задач мобилизационной экономики – восстановлением приоритетных отраслей промышленного производства, вследствие чего снизилась актуальность активного материального стимулирования производительности труда граждан. В то же время, тенденция сокращения объемов премиальных выплат не проявилась в стратегически важных для государства областях (атомный проект), что иллюстрирует проявление принципа главного звена, действующего в системе материального стимулирования населения в послевоенные годы.

Еще одной составляющей доходов городского населения были различного рода **компенсирующие выплаты**: надбавки, пособия и пенсии, выплачиваемые различным категориям граждан.

В ряду своеобразных компенсирующих выплат трудящимся можно назвать командировочные расходы, а также единовременное пособие, выплачиваемое ИТР и квалифицированным сотрудникам. Объемы и регламент данных выплат был установлен Постановлением СНК СССР от 19 июня 1940 г.² и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г.³ и сохранился

---

¹ Там же. Л. 22.

² Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 16. Ст. 387.

³ Ведомости ВС СССР. 1940. № 42.

в послевоенный период. Объемы суточных, выплачиваемых командируемым, в зависимости от дальности, продолжительности поездки и места назначения (город, село), составляли от 1,53% оклада (но не менее 5 и не более 26 руб.), а расходы по найму жилья (в зависимости от характеристики места назначения) варьировались от 5 до 10 руб. Единовременное пособие, выплачиваемое при переводе сотрудника на новое место работы, соответствовало трех- четырехмесячному заработку сотрудника (в зависимости от района) по старому месту трудоустройства. (Лицам, переводимым на работу в другую местность в связи с понижением их в должности в порядке дисциплинарного взыскания, единовременное пособие выплачивалось в половинном размере)¹. Семье сотрудника выплачивалась компенсация в размере 1/4 месячной зарплаты переводимого работника на каждого члена семьи.

В период 1946–1947 гг. были несколько увеличены компенсирующие выплаты различным категориям граждан, а также введены дополнительные надбавки. 9 июля 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 1516 «О пенсиях бывшим военнослужащим и их семьям», согласно которому гражданам, получившим увечья в войне, а также их семьям (в случае смерти участника войны) выплачивалась пенсия². Офицеры и члены их семей получали пенсию Министерства вооруженных сил. В 1946–1947 гг. данную группу составляли 306,4 тыс. офицеров и 543,5 тыс. чел. из семей офицеров. Размер офицерской пенсии достигал 900 руб. Пособия и пенсии полагались также семьям военнослужащих в связи с призывом в армию или гибелью кормильца семьи. Таких граждан летом 1946 г. насчитывалось 6,7 млн. чел., из которых в городах и рабочих поселках проживало 2,5 млн. чел.³

В связи с увеличением пайковых цен на продукты осенью 1946 г. рабочим и служащим, получавшим менее 900 руб. в месяц, были увеличены оклады за счет введения ежемесячных пайковых надбавок от 80 до 110 руб. в зависимости от объема заработка. Получающим до 300 руб. надбавка составляла 110 руб. в месяц; до 500 руб. – 100 руб.; до 700 руб. – 90 руб.; до 900 руб. – 80 руб.⁴

---

¹ Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1941 г. № 4, ст. 61

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 435.

³ Молодчик А.В. Указ. соч. С. 20.

⁴ В Совете Министров СССР // Правда. 1946. 16 сент. С 1.

Для выплат рабочим и служащим данных надбавок в четвертом квартале 1946 г. были предусмотрены ассигнования в сумме 8,6 млрд. руб.¹ (С учетом того, что прибыль государства от снижения цен равнялась 65 млрд. руб., сумма, потраченная на пайковые надбавки, составила всего 13%, не намного снизив государственные доходы). Объем пайковых надбавок не компенсировал удорожания жизни, произошедшего вследствие роста цен.

В послевоенный период сохраняется размер стипендий студентов, установленный постановлением СНК СССР от 15 сентября 1943 г. № 996. Для успевающих студентов, обучающихся в важнейших промышленных и транспортных высших учебных заведениях (прилагаемый список которых включал в себя 87 вузов СССР), устанавливалась стипендия от 210 – до 315 руб. (в зависимости от курса); студентам промышленных вузов, обучающихся по подземным, горячим и химическим специальностям – 315–400 руб.; студентам сельскохозяйственных, педагогических, медицинских и других высших учебных заведений – 140–210 руб. (при условии отличной учебы размер стипендии увеличивался на 25%). Для студентов промышленных и транспортных техникумов (13 по СССР) размер стипендии составлял – 125–200 руб., для обучающихся на горячих, подземных и химических специальностях – 225–330 руб.; сельскохозяйственных, педагогических, медицинских и других техникумов – 80–140 руб. Размер стипендии для аспирантов важнейших промышленных, транспортных вузов страны и Академии наук СССР составлял 700 руб., для остальных вузов и НИИ – 600 руб.² Осенью 1946 г. стипендии студентов вузов была увеличена на 80 руб., техникумов на 60 руб.

Размер пенсии по старости для большинства горожан составлял 25% от средней заработной платы, но для рабочих, руководящих и инженерно-технических работников приоритетных отраслей индустрии (угольной, горной промышленности, черной и цветной металлургии) действовали льготы, повы-

---

¹ Дьяченко В.П. Указ. соч. С. 430.

² Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 15 сентября 1943 г. № 996 «О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1943. № 12. Ст. 217. С. 214–224.

шающие объем пенсии по старости до 50% от заработной платы.¹ Пенсионный возраст для мужчин составлял 60 лет, для женщин – 55 лет (на предприятиях приоритетных отраслей индустрии пенсионный возраст составлял 50 лет, при наличии стажа в данных отраслях не менее 20 лет). В послевоенные годы было сохранено действие постановлений СНК СССР № 1901 от 28 июля 1941 г. и № 2928 от 18 ноября 1945 г., согласно которым, пенсионерам, работающим на производстве, пенсия выплачивалась в полном объеме². Осенью 1946 г. пенсионерам начала выплачиваться пайковая надбавка – 60 руб. в месяц.

Компенсаторный характер носила выплата пособий по временной нетрудоспособности. Их размер зависел от заработка, стажа, членства в профсоюзе (кроме пособий по беременности и родам). Для членов профсоюза при непрерывном стаже более 6 лет размер пособия составлял 100% заработка; от 3 до 6 лет – 80%; от 2 до 3 лет – 60%; до 2 лет – 50%. Не состоящим в профсоюзе выплачивалось 50% заработка, вне зависимости от стажа. На предприятиях приоритетных для государства отраслей индустрии объемы выплат были выше: членам профсоюза при непрерывном стаже работы не менее 1 года – 100% заработка; до одного года – 60% заработка (если временная нетрудоспособность была вызвана профессиональным заболеванием, пострадавшему выплачивалось пособие в размере 100% заработка, вне зависимости от стажа. Не состоящим в профсоюзе, пособие выплачивалось в размере половины заработка. Устанавливался предельный объем заработка, из которого исчислялись пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца – 600 руб., дополнительно вводилось исчисление пенсии из остальной части заработка до 1.500 руб.³

Достаточно низкими были пособия многодетным и одиноким матерям, объем которых был зафиксирован в Указе Президиума Верховного Совета

---

¹ См.: Постановление Совета Министров СССР № 3282 от 31 августа 1948 г. «О преимуществах и льготах для рабочих, руководящих и инженерно-технических работников горной промышленности и основных цехов предприятий цветной металлургии Министерства металлургической промышленности» // ГА РФ. Ф Р-5446. Оп. 1. Д. 344. Л. 161–164; Постановление Совета Министров СССР № 3211 от 10 сентября 1947 г. «О преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и строительства угольных шахт» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311. Л. 114–119; Постановление Совета Министров СССР № 3579 от 17 октября 1947 г. «О преимуществах и льготах для горных и буровых рабочих, горных и буровых мастеров, руководящих и инженерно-технических работников министерства геологии» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 314. Л. 312–314.

² Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1941. № 17. Ст. 335; 1945. № 10. Ст. 136.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311. Л. 129–134; Д. 314. Л. 312–314; Д. 344. Л. 168–175

СССР от 25 ноября 1947 г.¹ Согласно данному Указу пособия одиноким матерям составляли 20 руб. в месяц на каждого ребенка, а многодетные матери, имеющие более трех детей, получали единовременно от 65 руб. (за четвертого ребенка) до 250 руб. (за одиннадцатого и каждого последующего ребенка). Ежемесячные выплаты многодетным матерям составляли от 4 до 15 руб. соответственно (см. табл. 15).

Таблица 15

Размеры государственных пособий многодетным и одиноким матерям (руб.).²

Категория населения, получающая пособие	Единовременно	Ежемесячно
Матери, имеющие трех детей, при рождении четвертого ребенка	65	4
Матери, имеющие четырех детей, при рождении пятого ребенка	85	6
Матери, имеющие пятерых детей, при рождении шестого ребенка	100	7
Матери, имеющие шестерых детей, при рождении седьмого ребенка	125	10
Матери, имеющие семерых детей, при рождении восьмого ребенка	125	10
Матери, имеющие восьмерых детей, при рождении девятого ребенка	175	12,5
Матери, имеющие девятерых детей, при рождении десятого ребенка	175	12,5
Матери, имеющие десятерых детей, при рождении каждого следующего ребенка	250	15

Для сотрудников предприятий приоритетных отраслей индустрии в 1946–1947 гг. были введены надбавки за выслугу лет. Для трудящихся на железнодорожном транспорте объем данной надбавки составлял от 5 до 20% ставки в зависимости от стажа и специальности³, а для работников отдельных участков дороги мог достигать 10% ставки за каждые шесть месяцев работы⁴ (см. прил. 1.7). На предприятиях угольной промышленности объем ежегодного вознаграждения за выслугу лет составлял от 10 до 30% оклада в зависимости от стажа, но он выплачивался только работникам шахт или трудящимся, занятым на

¹ Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4664.htm

² Указ Президиума ВС СССР от 25.11.1947 «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям» // Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 г. – июль 1956 г. ... С. 389–390.

³ Там же. Д. 282. Л. 42–61.

⁴ Там же. Д. 280. Л. 78–83.

строительстве шахт¹. (На выплату данных единовременных вознаграждений фонд заработной платы министерств угольной промышленности на четвертый квартал 1947 г. был увеличен в сумме на 514,7 млн. руб.²). Для сотрудников системы Главного управления гидрометслужбы при Совете Министров СССР* (не занятых на второстепенных работах – в столовых, на стройках и пр.) размер данных выплат составлял от 5 до 25% в зависимости от стажа³. 10 декабря 1947 г. Советом Министров СССР было принято Постановление № 3972, в котором означенным категориям работников устанавливалась система выплат за выслугу лет (начиная от трехлетнего стажа работы), составляющая от 5 до 20% должностного оклада⁴.

В 1948 г. были установлены выплаты за выслугу лет рабочим, ИТР и руководителям предприятий цветной металлургии (от 5 до 20% оклада в зависимости от стажа и должности). На предприятиях министерства геологии объем выплат за выслугу лет составлял от 10 до 30% должностного оклада⁵. Важно отметить, что в текстах постановлений, устанавливающих данные выплаты, оговаривалось, что они распространяются только на работников рудников и основных цехов. Предпринятое в 1948 г. расширение отраслей предприятий отечественной индустрии, работникам которых (рабочим, ИТР, руководителям) были назначены выплаты за выслугу лет, сопровождалось и расширением кате-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 3211 от 10 сентября 1947 г. «О преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и строительства угольных шахт» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311. Л. 114–119.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311. Л. 116.

* Включение Главного управления Гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР в список предприятий и учреждений, сотрудникам которых назначались различные льготы и выплаты за выслугу лет, обусловлено привлечением работников данного управления к научно-исследовательским разработкам по выполнению специальных заданий Первого Главного управления при Совете Министров СССР (курирующего атомный проект). Так, например, в 1949 г. сотрудниками Главного управления Гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР была выполнена научно-исследовательская работа «О распространении газовых примесей в приземном слое воздуха» (Подробнее об этом: Атомный проект СССР: Документы и материалы ... Т. 2. Книга 4. С. 765).

³ Постановление Совета Министров СССР № 1598 от 17 июля 1946 г. «О должностных окладах работников Главного управления Гидрометслужбы при Совете Министров СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 23–24.

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 3972 от 10 декабря 1947 г. «О преимуществах и льготах для рабочих, руководящих и инженерно-технических работников горной промышленности и основных цехов предприятий черной металлургии» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 317. Л. 293–296.

⁵ Постановление Совета Министров СССР № 3282 от 31 августа 1948 г. «О преимуществах и льготах для рабочих, руководящих и инженерно-технических работников горной промышленности и основных цехов предприятий цветной металлургии министерства металлургической промышленности» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 344. Л. 145–148.

горий сотрудников, получающих данные выплаты. В апреле 1948 г. соответствующим Постановлением Совета Министров СССР (от 24 апреля № 1358) был расширен перечень сотрудников предприятий черной металлургии, на которых распространялось действие Постановления № 3972 (от 10 декабря 1947 г.). Помимо рабочих, ИТР и руководителей предприятий (отделов, цехов, секторов, участков), выплаты за выслугу лет устанавливались плановикам, механикам, электрикам, сметчикам, бухгалтерам, юрисконсультам, референтам, диспетчерам, лаборантам, методистам, заведующим библиотекой и пр.¹ Постановлением Совета Министров СССР № 1431 (от 29 апреля 1948 г.) выплаты за выслугу лет, а также льготы (при начислении пенсий, по оплате обучения детей в вузах и пр.), установленные для ИТР и руководящих работников угольной и рудной промышленности были распространены на сотрудников Госплана СССР, Госснаба СССР, Гостехники СССР и Министерства государственного контроля СССР².

Выплаты за выслугу лет сотрудникам предприятий атомного проекта превышали аналогичные выплаты в других отраслях индустрии. Для ИТР, рабочих и служащих Государственного химического и Государственного машиностроительного заводов Первого главного управления при Совете Министров СССР устанавливалась надбавка за выслугу лет за первый год работы на заводе – 10% к должностному окладу, и в последующие – по 5 % за каждый проработанный год³. За указанными категориями работников сохранялись надбавки за выслугу лет, получаемые ими по прежнему месту работы к моменту перехода на указанные заводы (за исключением северной надбавки)⁴. В 1948 г. данная система льгот была распространена на рабочих, ИТР и руководящих работников всех остальных заводов Первого главного управления⁵.

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 332. Л. 136–150.

² Там же. Д. 333. Л. 16–17.

³ Постановление Совета Министров СССР от 21 августа 1947 г. № 2937-953сс/оп «О заработной плате, продовольственном и промтоварном снабжении инженерно-технических и научных работников, рабочих и служащих заводов Государственного химического и Государственного машиностроительного Первого главного управления при Совете Министров СССР» // Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 3. С. 314–315.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Постановление Совета Министров СССР от 17 декабря 1948 г. № 4632-1810сс/оп «О преимуществах и льготах для рабочих, руководящих, научных, инженерно-технических работников и служащих Первого главного управления при Совете Министров СССР» // Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 4 С. 201–203.

Еще более внушительными являлись пенсии и пособия, назначаемые хозяйственным руководителям, военным, деятелям науки и искусства и членам их семей. Факты назначения данных выплат оговаривались отдельными постановлениями правительства, а размеры их варьировались в зависимости от занимаемой должности и личных заслуг покойного. Так, например, в январе 1947 г. было принято постановление об обеспечении семьи главного инженера Главного управления по производству тракторов Министерства сельскохозяйственного машиностроения О.А. Никогосяна, согласно которому, семье выдавалась единовременное пособие в размере 25 000 руб., назначались пожизненные пенсии его вдове – 500 руб. и матери – 300 руб. в месяц; сыну и дочери по 400 руб. в месяц до окончания образования. За семьей сохранялась занимаемая квартира и 50% установленного продовольственного лимита¹. Аналогичные объемы пенсий (без выплаты единовременного пособия) назначались членам семьи инженера-металлурга, начальника мартеновского цеха Сталинского металлургического завода И.Я. Дитмара². Выплаты семьям умерших партийных советских руководителей (областного уровня) были несколько выше. Вдове первого секретаря Брянского обкома КПСС и его детям была назначена пенсия в 750 и 500 руб. соответственно и единовременное пособие – 50 000 руб.³ Вдове умершего председателя судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР была назначена пожизненная пенсия – 800 руб. в месяц, а также выплачивалось единовременное пособие – 25 000 руб., сохранялась занимаемая квартира и 50% установленного продовольственного лимита⁴. В ознаменование 20-летия Государственного театра имени Е.Б. Вахтангова в 1946 г. была установлена пожизненная пенсия его жене – Н.М. Вахтанговой и жене народного артиста Б.В.

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 178 от 29 января 1947 г. «Об обеспечении семьи умершего главного инженера Главного управления по производству тракторов Министерства сельскохозяйственного машиностроения Никогосяна О.А.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 204.

² Постановление Совета Министров СССР № 132 от 25 января 1947 г. «Об установлении персональной пенсии жене и дочери инженера-металлурга начальника мартеновского цеха Сталинского металлургического завода Министерства черной металлургии Дитмара Ивана Яковлевича, погибшего при исполнении служебных обязанностей» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 184.

³ Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1946 г. № 2773 «Об обеспечении семьи Первого секретаря Брянского обкома ВКП(Б), депутата Верховного Совета СССР т. Матвеева А.П.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 289. Л. 320.

⁴ Постановление Совета Министров СССР от 11 сентября 1948 г. № 3390 «Об обеспечении семьи умершего председателя судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР Камерон П.А.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 345. Л. 111.

Щукина – Т.М. Щукиной-Шухминой в размере 1000 руб.¹ Членам семьи ученого-хирурга, члена-корреспондента Академии наук СССР П.А. Герцена были выплачены единовременные пособия: вдове – 50 000 руб. и дочери – 15 000 руб., а также установлены пожизненные пенсии – 1500 руб. и 500 руб. соответственно². Еще выше были выплаты членам семей умерших министров и их заместителей. В сентябре 1948 г. жене и сыну С.Г. Лукина (заместителя министра легкой промышленности СССР, депутата Верховного Совета СССР) была назначена пенсия в 2000 руб. и 700 руб. соответственно, выплачено единовременное пособие в размере 50 000 руб.³ (Выплаты вдове заместителя министра пищевой промышленности СССР А.А. Логинова, были скромнее – 800 руб. ежемесячно и 25 000 руб. единовременно.⁴ Возможно это было обусловлено взысканиями, налагаемыми на А.А. Логинова в последние годы его работы.). Объем данных выплат мог пересматриваться. В 1947 г. постановлением Совета Министров СССР был увеличен размер персональных пенсий членам семьи летчика-испытателя В.Л. Расторгуева, погибшего при испытании реактивного самолета в 1945 г., жене – с 300 до 500 руб. в месяц пожизненно, детям – с 250 до 300 руб. ежемесячно до окончания учебы⁵. Помимо пенсий, выплачиваемых семьям умерших советских деятелей, персональные пенсии республиканского и местного значения назначались уходящим с должностей представителям советского партийного и хозяйственного руководства. Персональная пожизненная пенсия, назначенная бывшему директору Ново-Тульского металлургического завода, составляла 1000 руб. в месяц.⁶

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 2704 от 16 декабря 1946 г. «Об учреждении стипендии имени Е.Б. Вахтангова и Б.В. Щукина и об установлении пенсий их семьям» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 289. Л. 193.

² Постановление Совета Министров СССР № 87 от 18 января 1947 г. «Об увековечении памяти выдающегося русского ученого-хирурга, члена-корреспондента Академии наук СССР П.А. Герцена и об обеспечении его семьи» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 116.

³ Постановление Совета Министров СССР от 3 сентября 1948 г. № 3328 «Об увековечении памяти заместителя министра легкой промышленности СССР, депутата Верховного Совета Союза ССР, члена Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) С.Г. Лукина и обеспечении его семьи» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 344. Л. 265.)

⁴ Постановление Совета Министров СССР № 138 от 25 января 1947 г. «О выдаче единовременного пособия и назначении персональной пенсии семье умершего заместителя министра пищевой промышленности СССР Логинова А.А.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 195.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 310. Л. 289.

⁶ Постановление Совета Министров СССР № 86 от 18 января 1947 г. «О назначении персональной пенсии бывшему директору Ново-Тульского металлургического завода Министерства черной металлургии Велигура Дмитрию Марковичу» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 115.

Весной–летом 1948 г. правительство издало ряд постановлений, согласно которым были уменьшены объемы компенсирующих выплат. 28 июля 1948 г. было издано постановление Совета Министров СССР № 2796 «О персональных пенсиях республиканского и местного значения», согласно которому пенсия республиканского значения не должна была превышать 600 руб., а местного значения 300 руб. Советам Министров союзных республик предлагалось не только в дальнейшем руководствоваться данным требованием, но и пересмотреть ранее принятые решения об установлении персональных пенсий республиканского значения¹.

В августе 1948 г. Советом Министров СССР были приняты постановления, касающиеся начисления стипендий студентам вузов и техникумов. Постановлением № 2996 от 9 августа 1948 г. утверждалось требование, выплачивать стипендию в первом семестре первого курса только студентам, окончившим школу с золотой или серебряной медалью (для вузов), имеющим отличные оценки по всем предметам за седьмой класс (для техникумов)². В постановлении № 3283 от 31 августа 1948 г. утверждался список вузов, где выплата стипендии успевающим первокурсникам была обязательной (регулируясь ранее принятым постановлением 1943 г.) В него вошли только горные, металлургические, химические и сельскохозяйственные факультеты и институты страны. Стипендия составляла от 210 до 400 руб. Выплаты стипендий первокурсникам техникумов сохранялись в горных, нефтяных, металлургических, химических и сельскохозяйственных (агрономических, зооветеринарных, механизации и мелиорации) техникумах. Для всех остальных студентов вузов и техникумов стипендия в первом семестре первого курса начислялась только медалистам и отличникам³. Важно отметить, что для студентов факультетов и специальностей, выпускники которых поступали в распоряжение Первого главного управления при Совете Министров СССР в 1949 г. были установлены специальные стипендии, объем которых значительно превышал выплаты обучающихся на других направлениях, составляя от 450 до 600 руб.⁴ Для аспирантов, обучающихся по специальностям Первого главного управления при Совете Министров СССР

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 341. Л. 15.

² Там же. Д. 342. Л. 66.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 344. Л. 162–164.

⁴ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга 4. С. 243.

(количество которых составляло 70 чел. в год), устанавливалась повышенная стипендия – 1300 руб.¹ В целом, сокращение выплат студентам, предпринятое в конце 1940-х гг., не коснулось обучающихся на приоритетных для государства направлениях и специальностях.

В 1948 г. были сокращены выплаты пенсионерам-инвалидам 3-ей группы. В случае если заработок и пенсия в сумме превышали размер заработка до перехода на инвалидность, пенсия снижалась на сумму, составляющую эту разницу². Размер пособий по временной нетрудоспособности был снижен за счет увеличения стажа, необходимого для данных выплат: более 8 лет – 100% заработка; от 5 до 8 лет – 80%; от 3 до 5 лет – 60%; до 3 лет – 50%. Постановлением Совета Министров СССР № 3008 от 9 августа 1948 г. устанавливалось, что пособие по временной нетрудоспособности (кроме пособий по беременности и родам) не может превышать 160 руб.³ (Сокращение выплат не коснулось работников угольной, горной промышленности и строительства угольных шахт, чёрной и цветной металлургии, где сохранялся льготный порядок выплат данных пособий). В отношении работников угольной промышленности Постановлением Совета Министров СССР от 2 мая 1948 г. № 1462 было утверждено разъяснение Секретариата ВЦСПС «О порядке применения норм пенсий и пособий, установленных Постановлением Совета Министров СССР от 10 сентября 1947 г. № 3211 для работников угольной промышленности и строительства угольных шахт»⁴. В нем был конкретизирован объем стажа, необходимого для начисления льготной пенсии: для рабочих – не менее половины объема всего трудового стажа на подземных работах, для ИТР и руководителей – не менее половины стажа в отрасли, требуемого для начисления пенсии. В отношении пенсий по старости, надбавка, установленная в связи с повышением пайковых цен в 1946 г. (60 руб.), была сохранена. Но по вновь назначаемым пенсиям данная надбавка устанавливалась только неработающим пенсионерам, проживающим в городах и рабочих поселках.⁵ В результате сокращения выплат пенсионерам сумма

---

¹ Там же.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 85.

³ Там же. Л. 98.

⁴ Там же. Д. 333. Л. 238.

⁵ Там же. Д. 345. Л. 273.

экономии бюджетных средств составила в 1948 г. по СССР – 149 млн. руб., из них по РСФСР – 90 млн. руб.¹

Реализация курса на сокращение различных выплат и льгот, предоставляемых трудящимся, коснулась и системы социального страхования. Были уменьшены льготы, предоставляемые работникам предприятий. В Постановлении Совета Министров СССР от 7 мая 1948 г. № 1482 «Об уточнении бюджета Государственного социального страхования на 1948 г.» устанавливалось требование, что «с 15 июня 1948 г. количество бесплатных путёвок за счёт соцстраха не должно превышать: в санатории и профилактории 20% и в дома отдыха – 10% всего количества путёвок, выдаваемых профсоюзами».² В результате сокращения расходов на санаторно-курортное обслуживание рабочих и служащих предполагалось сэкономить за три квартала 1948 г. 105 млн. руб. (за счет уменьшения дотаций курортному управлению ВЦСПС на покрытие разницы между себестоимостью путевки и ее продажной стоимостью) и 9 млн. руб. (выделенные на оплату проезда трудящихся в санатории).³ Также в тексте данного постановления было обозначено сокращение расходов социального страхования в 1948 г. по следующим статьям: на выдачу пособий по беременности и родам – на 120 млн. руб.; по уходу за новорожденными и на кормление ребенка – на 6 млн. руб.; по единовременным пособиям родителям – на 20 млн. руб.; по пособиям по временной нетрудоспособности – на 150 млн. руб.; на дотации профсоюзам по внешкольному обслуживанию детей – на 10 млн. руб.; восстановление клубов, физкультурных площадок и туристических баз – на 30 млн. руб.⁴ и пр. Утвержденное данным Постановлением сокращение бюджета Государственного социального страхования на 1948 г. составляло 527,8 млн. руб. Также планировалось увеличить доходы Государственного социального страхования в 1948 г.: за счет продажи путевок населению – 24 млн. руб.; за счет поступлений от страховых взносов – 180 млн. руб.

В первом послевоенном году объем страховых взносов составлял по различным отраслям индустрии 6–7% от заработной платы работников (в промышленности строительных материалов – 6,5%; рыбной промышленности –

---

¹ Там же. Д. 333. Л. 112–114.

² Там же. Л. 112.

³ Там же. Л. 113.

⁴ Там же.

6%; по профессиональному союзу рабочих машиностроения и приборостроения – 6,9%).¹ В 1948 г. объемы взносов были увеличены. Так, например, Постановлением Совета Министров СССР от 7 мая 1948 г. № 1479 «О размере взносов на Государственное социальное страхование по профессиональному союзу рабочих текстильной промышленности» с 1 июля 1948 г. устанавливался тариф взносов в размере 8,6% к заработной плате.² Общая сумма от сокращения расходов и увеличения доходов Государственного социального страхования должна была составить 744,8 млн. руб., которые ВЦСПС обязан был «внести в 1948 году в союзный бюджет»³.

Сокращение различного рода выплат гражданам, реализуемое в 1948 г. проявилось и в снижении объемов командировочных расходов. Проверка, проведенная в 1948 г. Министерством государственного контроля СССР, выявила «излишества в командировках», допущенные руководителями учреждений, организаций и предприятий, ответственными за выдачу разрешений на командирование работников, приведшее «к разбуханию командировочных расходов и к расточительному расходованию государственных средств»⁴. В принятом по результатам проверки Постановлении Совета Министров СССР от 29 мая 1948 г. № 1829 «О наведении порядка и ликвидации излишеств в расходовании средств на командировки» утверждалось требование: «Сократить ассигнования на командировки в 1948 году по сметам учреждений, состоящих на союзном и республиканских бюджетах, на 8% и по сметам хозяйственных организаций и предприятий союзного, республиканского и местного подчинения – на 10%»⁵. «Экономия от сокращения этих ассигнований» удерживалась Министерствами финансов СССР или союзных республик.

Тенденция снижения объемов выплат сотрудникам сохранилась и в начале 1950-х гг. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1951 г. «О частичном сокращении размера единовременного пособия, выплачиваемого работникам, переводимым в обязательном порядке с одних предприятий и учреждений в другие» размер выплат сотрудникам, при переводе их на другое место работы, был снижен с трех- четырехмесячной до полутораме-

---

¹ Там же. Д. 281. Л. 320.

² Там же. Д. 333. Л. 259.

³ Там же. Л. 260.

⁴ Там же. Д. 335. Л. 252–253.

⁵ Там же. Л. 253.

сячной заработной платы по старому месту работы¹. Большой объем выплачиваемого пособия сохранялся только при переводе работников на предприятия и в учреждения, находящиеся в районах Крайнего Севера (и регионы, приравненные к ним) – в размере трехмесячной заработной платы, а также на Сахалин и Курильские острова – в размере четырехмесячной заработной платы². Выплата членам семьи работника 25% месячной зарплаты переводимого сотрудника была сохранена. Важно отметить, что предпринятое снижение компенсирующих выплат не коснулось пенсий, назначаемых членам семей скончавшихся советских управленцев, выдающихся деятелей науки и пр.

В целом, послевоенная политика государства в отношении компенсирующих выплат различным категориям граждан реализовывалась в тренде, обозначенном задачами мобилизационной экономики и принципом главного звена. Выплаты, полагающиеся количественно преобладающим социально незащищенным, низкооплачиваемым и малообеспеченным категориям городского социума (студентам, пенсионерам, матерям-одиночкам и пр.) были минимальными, в то время как пособия, пенсии и другие выплаты, полагающиеся членам семей военных (офицеров), управленцев, видных деятелей науки и культуры, а также работникам приоритетных для государства отраслей индустрии, были существенно выше. В 1948 г. в рамках общей тенденции проводимой государством «экономии», было проведено масштабное снижение компенсирующих выплат, затронувшее в основном социально незащищенные и низкооплачиваемые группы городского социума.

Таким образом, политика доходов, реализуемая в послевоенные годы в рамках мобилизационной модели экономики, имела ряд специфических черт. Во-первых, оплата труда горожан, занятых в общественном секторе экономики (промышленности, сфере услуг, науке или культуре), отличалась высоким уровнем дифференциации, обусловленной как отраслью, к которой относится предприятие, его местоположением и экономической значимостью, так и профессиональной принадлежностью, должностью, стажем и личными заслугами работника. В соответствии с принципом главного звена, в профессиональном спектре городского социума выделялись «приоритетные» группы, в отношении

---

¹ Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4805.htm

² Там же.

которых более активно применялись методы положительного материального стимулирования трудовой деятельности, в то время как по отношению к остальным категориям горожан широко применялись методы негативного материального стимулирования (повышение норм выработки и снижение сдельных расценок оплаты труда). Главным критерием, определяющим отнесение горожан к той или иной категории, являлась *важность*, и *нужность* для государства выполняемого ими труда, его *значимость* для достижения задач, решаемых в рамках мобилизационной экономической модели.

Во-вторых, размеры заработной платы горожан зависели от результативности и производительности труда. В большей степени данный принцип был реализован в индустрии, где заработок рабочего по тарифу обычно равнялся лишь половине фактического, а остальная доля обеспечивалась разного рода выплатами¹. В отраслях, не связанных с промышленным производством, данный принцип реализовывался во взаимосвязи объемов доходов с личным профессиональным вкладом сотрудника.

В-третьих, значительно дифференцированными были и компенсирующие выплаты: низкооплачиваемым категориям горожан, количество которых в РСФСР превышало 30%, полагались незначительные выплаты, в то время как выплаты за выслугу лет сотрудникам приоритетных отраслей индустрии, а также персональные пенсии семьям управленцев, представителей науки и искусства были более существенны. О специфике политики оплаты труда свидетельствует картина государственных расходов. В 1946 г. расходы государства на повышение заработной платы рабочих и служащих составили 43 млрд. руб.,² из которых всего 8,6 млрд. руб. были потрачены на выплату рабочим и служащим надбавок, компенсирующих повышение пайковых цен в четвертом квартале 1946 г.³

В-четвертых, динамика доходов городского населения была дифференцирована как в контексте периода второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., так и в рамках выделенных частей, составляющих общий объем доходов граждан (оклад, премии, компенсирующие выплаты). В первые послевоенные годы (1946–1947 гг.) для стимулирования трудовой активности граждан правитель-

---

¹ Вершинин А.М. Организация заработной платы на предприятии. Свердловск. 1956. С. 22.

² Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы ... С. 76.

³ Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917 – 1950 гг.). М.: Наука. 1978. С. 430.

ство активно использовало различные премиальные выплаты (действующие как в индустрии, так и других сферах городской инфраструктуры). Повышение окладов было более выраженным в рамках отдельных территориальных, профессиональных групп горожан, либо реализовывалось в адресном назначении персональных окладов. Компенсирующие доплаты распространялись на значительную часть городского населения («хлебная надбавка», выплаты матерям одиночкам, пенсии и пр.), но их объем был незначительным (за исключением отдельных категорий граждан). В 1948 г. проводимая правительством политика «экономии» отразилась на сокращении доходов населения, объем которого был неравнозначен по выделенным частям доходов горожан. Значительно сокращались премиальные выплаты (на 25–50%), частично сокращены компенсирующие доплаты (стипендии, пенсии и пр.). Оклады горожан не были снижены (хотя повышение норм выработки и сокращения сдельных расценок оплаты труда негативно отразилось на объемах доходов рабочих). Важно отметить, что означенная динамика сокращения доходов горожан, не коснулась руководящих работников, деятелей отечественной науки и культуры, граждан, имеющих персональные оклады или пенсии, а также граждан, занятых в стратегически важных государственных проектах.

Наличие выделенных особенностей в политике доходов горожан, позволяет говорить о сохранении в послевоенные годы принципа «ставки на сильных»¹, фиксируемого в качестве лейтмотива социальной политики еще в 1930-е гг. Данный принцип, наиболее полно отражал задачи мобилизационной экономической модели, способствуя формированию социальной опоры режима (которую составляли передовики производства, бюрократия, научная и творческая интеллигенция). Политика доходов горожан, реализуемая в послевоенные годы, была направлена на стимуляцию их трудовой деятельности. Ограниченность материальных ресурсов, которыми располагало государство, усилила дифференциацию политики доходов, сочетающей в себе позитивные и негативные инструменты стимулирования труда (выбор методов был обусловлен важностью социальных (профессиональных) групп для решения задач мобилизационной экономики). Реализация означенной политики способствовала усилению материальной дифференциации в городской среде.

---

¹ Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1994. С. 200–215.

Решение проблем кадрового дефицита в ряде отраслей промышленности и достижение положительных результатов восстановления производства в конце 1940-х–начале 1950-х гг. способствовало некоторой корректировке политики оплаты труда городского населения. Отказ правительства от проведения интенсивной «экономии» проявился в ослаблении репрессивных практик в отношении доходов граждан (сокращении льгот, выплат, пособий, премий и пр.). Снижается востребованность негативных методов стимулирования труда (повышение норм выработки при уменьшении сдельных расценок). Хотя в целом политика доходов, определяющаяся ориентацией «на «сильных», сохраняется и в начале 1950-х гг.

Произошедшая в середине 1950-х гг. смена политической конъюнктуры отразилась на изменении социально-экономического курса страны и политики доходов городского населения. Дифференцированная политика доходов, проявляющаяся в более выраженном материальном стимулировании отдельных групп городского социума, сменяется курсом на повышение материального благосостояния *всего* населения и нивелирование существующей дифференциации доходов горожан. Действовавшие в послевоенные годы многочисленные тарифные ставки были заменены новыми. Количество отраслевых тарифных сеток сокращается с 2 000 до 12, окладов и ставок – с 700 до 35. В заработной плате был повышен удельный вес тарифа, уменьшен разрыв между ставками высшего и низшего разрядов. Согласно постановлению Совета Министров СССР «Об изменении порядка пересмотра норм выработки», принятому в августе 1957 г., вместо единовременного пересмотра норм была введена система замены устаревших норм новыми на протяжении всего года, по мере создания на производстве условий для повышения производительности труда. Политика нивелирования доходов горожан была реализована посредством более быстрого роста доходов низкооплачиваемых категорий работников. Согласно постановлению Совета Министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС от 8 сентября 1956 г. «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим», зарплата данных категорий граждан была увеличена в среднем на треть, в то же время были ограничены размеры зарплат высокооплачиваемым категориям работников. Были расширены компенсирующие льготы и выплаты гражданам: в 1956 г. отпуск по беременности и родам был увеличен с 77 до 112 календарных

дней; в 1956 г. были повышены размеры пенсий (по старости, инвалидности, потере кормильца). Пенсии по старости назначались рабочим и служащим: мужчинам – по достижении 60 лет при стаже работы не менее 25 лет, женщинам – по достижении 55 лет при стаже работы не менее 20 лет; устанавливались надбавки к пенсиям за продолжительный и непрерывный стаж работы (за непрерывный стаж работы свыше 15 лет – 10%). Произошедшие изменения, безусловно, повысили уровень благосостояния низкооплачиваемых категорий городского населения. В то же время усилились уравнивательные тенденции оплаты труда. Как замечает А.К. Соколов: «Особенно резкое поравнение произошло на предприятиях с тяжелыми и опасными видами труда. Прежний высокий статус таких профессий, как металлург, сталевар, шахтер и т.п., падал. Оплата управленческого труда как бы застыла на одном формальном уровне, не стимулируя профессиональный труд. ... Оплата упростилась, стала более единообразной и уравнивательной»¹.

Увеличение в общем объеме доходов населения доли оклада и компенсационных доплат и уменьшение роли премий свидетельствует об изменении трудовой стратегии населения, на формирование которой была направлена политика доходов. «Сталинская» политика доходов была ориентирована на интенсификацию трудовой деятельности граждан (для достижения поставленных задач использовались как позитивные, так и негативные методы материального стимулирования трудящихся). В «хрущевский» период вследствие отказа от мобилизационных методов социально-экономического регулирования, интенсивность стимулирования труда граждан была ослаблена. Регулярное повышение доходов горожан (окладов и компенсирующих выплат) при декларируемом тезисе об «удовлетворении растущих потребностей населения» как приоритетной задаче государства, способствовало росту потребительских ожиданий населения и формированию отношения к росту доходов, как к должному, гарантированному, перманентно идущему процессу, не связанному с интенсивностью и производительностью труда. Результатом означенной политики (начало которой было положено в середине 1950-х гг., а в последующие десятилетия она была продолжена), стало снижение производительности труда и формирование

---

¹ Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917- середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. 2000. №4. С. 201.

у горожан комплекса «социального иждивенчества», критикуемого отечественными обществоведами в конце 1980-х–1990-е гг.¹

4.4. Налоги и государственные займы

Анализ регулирования материальных доходов горожан будет не полным без рассмотрения проблематики различных государственных сборов. На важность *налоговых сборов* с населения указывает активное обращение законодателя к регулированию данного вопроса. В действовавшем в послевоенный период УК РСФСР среди квалифицируемых преступлений, касающихся налоговых сборов с населения, перечислены следующие: Ст. 60 – Неплатеж в установленный срок налогов и сборов по обязательному страхованию, несмотря на наличие к тому возможности. (Наказание предполагало: в первый раз – штраф в размере тех же платежей; во второй раз – исправительно-трудовые работы сроком до шести месяцев или штраф в двойном размере платежей)². Ст. 60 п.1 – Неуплата в срок специального военного налога при наличии к тому возможности. (Каралась исправительно-трудовыми работами на срок до трех месяцев или штрафом не свыше трехкратного размера неуплаченного налога. При повторном нарушении срок ИТР увеличивался до шести месяцев, а размер штрафа до пятикратного размера неуплаченного налога. Данное преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, каралось лишением свободы сроком до двух лет)³. Ст. 62 – Организованное по взаимному согласию сокрытие или неверное показание количества подлежащих обложению или учету предметов. (Организаторы преступления наказывались двумя годами лишения свободы или годом с конфискацией части имущества, а все остальные участники – штрафом не выше пятикратного размера платежей)⁴.

В 1943 г. был установлен подоходный налог на доходы граждан, занятых в общественном секторе экономики (табл. 16). В послевоенный период налоги в

---

¹ Ярошенко С.С. Бедные в социальной стратегии постсоветской России // Рубеж (альманах социальных исследований). 1998. № 12. С. 166.

² Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... С. 26.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 27–28.

отношении горожан, занятых в общественном секторе экономики, характеризовались снижением (основное налоговое бремя несли крестьяне¹).

Таблица 16

Порядок обложения заработной платы рабочих и служащих (1943 г.)²

Размер месячного заработка (руб.)	Месячная сумма налога
От 151 до 200 руб.	2 руб. 25 к. + 5,5% с суммы заработка, свыше 150 руб.
От 201 до 300	5 руб. + 6% св. 200 руб.
От 301 до 400	11 руб. + 7% св. 300
От 401 до 500	18 руб. + 8% св. 400
От 501 до 700	26 руб. + 10% св. 500
От 701 до 1000	46 руб. + 12% св. 700
1001 и выше	82 руб. + 13% св. 1000

Согласно постановлению СНК СССР с 1 января 1946 г. повсеместно отменялся военный налог³. (К военному налогу привлекались все граждане страны, достигшие 18 лет, его объем был дифференцирован в зависимости от суммы годового дохода горожан. Рабочие и служащие, а также литераторы и работники искусства уплачивали (ежемесячно – равными долями) при годовом заработке до 1800 руб. – 120 руб. в год (т.е. 10 руб. в месяц), при заработке до 2400 руб. – 180 руб. в год и т.д. При годовом заработке свыше 24 000 руб. объем военного налога составлял 2 700 руб. в год. С граждан, не имеющих самостоятельных источников дохода, налог взимался в размере 100 руб. в год)⁴. Вследствие отмены военного налога поступления от населения сократились примерно на 5,5% по сравнению с 1945 г.

По мере восстановления экономики проводилось снижение налогов с горожан. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября 1946 г. был повышен размер необлагаемого налогом минимума заработной платы низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих. Освобождались от уплаты на-

¹ Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964; Пискотин М.И. Налоги с сельского населения в СССР. Правовые вопросы. М., 1957; Торубаров Ю.С. Налоговая политика советского государства в отношении сельского населения в послевоенные годы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 78–80.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 17.

³ Правда. 1945. 31 декабря. С. 1.

⁴ Календарь-справочник. 1944 год. М., 1944. С. 274.

лога рабочие, служащие, студенты получавшие зарплату (стипендию) не выше 260 руб. в месяц, а также Герои Советского Союза и Социалистического труда, пенсионеры.¹ В состав облагаемого налогом месячного заработка рабочих и служащих при исчислении налога не включались премии и награды. Для рабочих и служащих, имеющих на иждивении более трех человек, размер налога по месту основной работы понижался на 30%. Были введены налоговые льготы для демобилизованных воинов, бывших партизан. В 1946 г. исполкомам региональных советов депутатов трудящихся в областях, освобождённых от немецкой оккупации, предоставлялось право освобождать полностью или частично от уплаты всех или отдельных государственных и местных налогов и сборов членов семей военнослужащих и бывших партизан, а также граждан, у которых во время оккупации было полностью уничтожено имущество². Сохранялся налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, введенный в 1941 г. Налог уплачивался бездетными гражданами с 20-лет до достижения женщинами 45 лет, мужчинами – 50 лет. Для рабочих и служащих, а также прочих граждан, облагавшихся подоходным налогом, объем налога на холостяков составлял: для не имевших детей – 6%; для имевших одного ребенка – 1%; для имевших двух детей – ½ % от месячного заработка³. Для граждан, не имевших никакого источника доходов, налог исчислялся по твердым ставкам и составлял – 90, 30 и 15 руб. соответственно.

В 1948 г. вследствие интенсификации политики «экономии», проводимой государством, более пристальное внимание власти было направлено на решение проблемы недоимок по налогам с населения. К 1948 г. недоимки по налогам и сборам с населения составили по СССР 1 370 млн. руб. (52% данной сумме приходилось на РСФСР⁴). Долги по налогам с горожан – 435 млн. руб., составляли: обязательные страховые платежи – 135 млн. руб., подоходный налог – 166 млн. руб. В принятом 9 августа 1948 г. постановлении Совета Министров

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 36.

² Постановление Совета Министров № 894 от 20 апреля 1946 г. «О дополнительных льготах по государственным налогам и сборам в 1946 году для населения местностей, подвергшихся оккупации» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 382.

³ Архипкин И.В. Особенности формирования доходной базы местных бюджетов в военные и послевоенные годы (1941-1950 гг.) // Сибирский юридический вестник. 2005. №4. С. 5.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 98.

СССР № 3007 «О взыскании недоимок по налогам и сборам с населения» была отмечена неудовлетворительная работа финансовых органов по сбору обязательных платежей, а также отсутствие должного контроля со стороны местных советских и партийных органов. Министерству финансов СССР, Советам Министров союзных и автономных республик, исполнительным комитетам краевых и областных Советов депутатов трудящихся поручалось организовать сбор недоимок в течение августа–сентября 1948 г., а Министерству юстиции СССР проверить сроки рассмотрения дел по взысканию недоимок в судах (был установлен десятидневный срок их рассмотрения)¹. Была установлена пятидневная телеграфная отчетность председателей Советов Министров республик перед Советом Министров СССР (с 1 сентября по 1 октября 1948 г.) о ходе взыскания недоимок.

Постановлением Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г. земли, отведенные под огороды рабочим и служащим, освобождались от обложения земельной рентой, сельхоз- и подоходным налогом, если участок не превышал 0,15 га и хозяйство не имело рабочего или крупного рогатого скота².

В «хрущевский» период налоговая политика в отношении городского населения была противоречива. С одной стороны, она характеризовалась дальнейшей либерализацией. В 1954–1955 гг. значительная часть рабочих и служащих была освобождена от подоходного налога с доходов от сельскохозяйственных занятий в городах. С января 1957 г. был повышен необлагаемый налогами минимум зарплаты (до 370 руб.), понижены ставки подоходного налога на низкооплачиваемые категории трудящихся. В 1958 г. было прекращено взимание налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан с лиц, имеющих детей, а также одиноких женщин, не имеющих детей. С другой стороны, были ужесточены условия содержания скота в личных хозяйствах горожан. 29 июня 1956 г. в газетах был опубликован проект Постановления Совета Министров СССР «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту».³ В котором устанавлива-

---

¹ Там же.

² Решения партии и правительства ... В 16 т. Т. 3. С. 561–563.

³ Правда. 1956. 29 июня. С. 1.

лись следующие ставки налога: за корову – 500 руб., свинью – 150 руб., овцу или козу – 40 руб., рабочую лошадь – 1.500 руб. Также были обозначены нормы обязательных поставок молока и мяса государству, обозначены коэффициенты повышения налога в зависимости от количества скота в хозяйстве¹. 27 августа 1956 г. данное Постановление было принято².

В целом, в послевоенное десятилетие налоговая политика в отношении городского населения характеризовалась постепенным уменьшением сборов с граждан, введенных в военный период. Вследствие того, что горожане не являлись приоритетным объектом послевоенных налоговых сборов (в сравнении с сельским населением). Постепенное восстановление страны способствовало отмене и снижению налогов с горожан, которое было продолжено в 1950-е гг. Хотя «наступление» на ЛПХ, реализованное в «хрущевский» период затронуло городское население, усугубив проблему дефицита продовольственных товаров в городской среде и негативно отразившись на уровне жизни многосемейных и низкооплачиваемых категорий горожан.

На объемы доходов городского населения оказывали влияние *государственные займы*, проводимые правительством в послевоенные годы. Облигации выпускали в двух видах: в процентном (их выплачивали колхозам и кооперативам) и в выигрышном (по ним проводили ежегодные розыгрыши). В послевоенные годы были выпущены Государственные займы восстановления и развития народного хозяйства – первого (1946 г.), второго (1947 г.), третьего (1948 г.), четвертого (1949 г.) выпусков; с 1950 г. – Государственные займы развития народного хозяйства. Объем займов первых пяти выпусков (май 1946 г., май 1947 г., май 1948 г., май 1949 г., май 1950 г.) составлял по 20 млрд. руб. (срок погашения 20 лет).³ Помимо этого в апреле 1946 г. был выпущен Государственный внутренний выигрышный заем сроком на 25 лет (с 1 октября 1946 года по 1

---

¹ Там же.

² Правда. 1956. 28 августа. С. 1-2.

³ Постановление Совета Министров СССР от 03 мая 1946 N 974 «О выпуске Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 176–183; Постановление Совета Министров СССР от 4 мая 1947 г. № 1387. «О выпуске второго Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 301. Л. 41–42; Постановление Совета Министров СССР от 3 мая 1948 № 1446 «О выпуске третьего Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 333. Л. 221–225; Постановление Совета Министров СССР от 3 мая 1949 г. N 1780 «О выпуске четвертого Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 369. Л. 41–43. Правда. 1950. 4 мая. С. 1.

октября 1971).¹ Чтобы население активнее участвовало в подписке на заем в его презентации артикулировалась не только реализация государственных нужд (развитие народного хозяйства, военно-экономической мощи страны), но и повышение благосостояния граждан². На достижение означенной цели «работала» и коннотация займа, как *выигрыша*. В «Условиях выпуска займа» многократно подчеркивалось, что «выигрыши населения освобождаются от обложения государственными и местными налогами и сборами», оговаривались размеры «выигрышей по займу» (от 200 до 50 000 руб. по Государственным займам восстановления и развития народного хозяйства; от 1000 до 100000 руб. по внутренним выигрышным займам), приводились миллионные суммы *выигрыша* в каждом тираже и миллиардные показатели выигрышей по всем тиражам за 20–25 лет. Контент-анализ текстов постановлений, посвященных выпускам займов, позволяет заключить, что понятие *выигрыш* по частоте востребованности могло конкурировать даже с понятием *облигация*. В постановлениях о займах восстановления и развития народного хозяйства понятие *выигрыш* (1946 г. – 18; 1947–1949 г. – 17; 1950 г. – 16 упоминаний) уступало термину *облигация* (1946 г. – 24; 1947 г. – 18; 1948 г. – 23; 1949 г. – 21; 1950 г. – 20 упоминаний)³. В документах о внутреннем выигрышном займе (1946 г.) понятие *выигрыш* (28 упоминаний) характеризовалось более высокой востребованностью, чем сам термин *облигация* (22 упоминания)⁴. Для трудящихся, не рассчитывающих на выигрыш, в текстах постановлений отмечалось: «Не выигравшие облигации погашаются (выкупаются) по их нарицательной стоимости с 1 октября 1951 года в течение 15 лет, остающихся до конца срока займа»⁵. Государственный заем презентовался как лотерея, где нет проигравших. Позитивная пропаганда займов сопровождалась политикой навязывания подписки, реализуемой на предприятиях. Вслед за постановлениями о проведении займов, принимались постановления Президиума ВЦСПС, в которых определялись задачи профсоюзов в процессе проведения подписки на заем. В тексте постановления Президиума ВЦСПС,

¹ Постановление Совета Министров СССР № 844 от 13 апреля 1946 г. «О выпуске Государственного внутреннего выигрышного займа 1946 года» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 80.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 176.

³ Там же. Д. 277. Л. 176–183; Д. 301. Л. 41–42; Д. 333. Л. 71–72.

⁴ Там же. Д. 276. Л. 80 – 82.

⁵ Там же. Д. 277. Л. 176.

принятом в мае 1946 г. читаем: «Профсоюзные организации должны считать своей важной задачей стопроцентный охват подпиской на заем рабочих и служащих в размере трех- четырехнедельного заработка»¹. В «Правде» призыв к оформлению подписки формулировался императивно: «Ни одного трудящегося без облигаций нового займа!»². Подписка на заем презентовался в эпическом ключе, как «вклад в дело закрепления нашей победы», демонстрация «непоколебимой воли к борьбе за успешное выполнение пятилетнего плана» и «безграничной любви и преданности отечеству»³.

На собраниях и митингах, проводимых под руководством профсоюзных, комсомольских и партийных организаций принимались решения, обязывающие всех рабочих и служащих предприятий подписаться на 100–130% среднего месячного заработка⁴. Выпуск займов, как правило, следовал за снижениями цен, апелляция к которым являлась весомым аргументом «убеждения» граждан подписаться на заем. В одном из номеров «Правды» отмечалось: «...после нового снижения цен ... возросла реальная заработная плата, ... все это создало благоприятные условия для роста и укрепления народных сбережений, являющихся базой успешного размещения советских государственных займов»⁵. Еще одним методом стимуляции подписки на заем являлась ее презентация в качестве социалистического соревнования. В статье министра финансов А. Зверева, опубликованной на страницах «Правды», отмечалось: «один из рабочих завода “Серп и молот” на митинге сказал: “Мы, металлурги, вступив в соревновании за досрочное осуществление плана новой сталинской пятилетки, выполняем и перевыполняем свои обязательства. Мы будем впереди и в подписке на новый заем. Поддержим наше родное советское государство трудовым рублем»⁶.

Займы приносили существенные доходы государству. За период с 1946 по 1 апреля 1947 г. поступления в бюджет по государственным займам составили свыше 32 млрд. руб. В 1948 г. на долю займов приходилось 24% доходов госбюджета, в 1952–42%. В оценке выигрыша населения результаты были не столь

---

¹ Постановление Президиума ВЦСПС // Правда. 1946. 4 мая. С. 1.

² Третий заем послевоенной пятилетки // Правда. 1948. 4 мая. С. 1.

³ Там же.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 901. Л. 208.

⁵ Третий заем послевоенной пятилетки // Правда. 1948. 4 мая. № 125. С. 1.

⁶ Зверев А. Новый заем // Правда. 1947. 5 мая. С. 2.

однозначны. 16 ноября 1947 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 3838 «О порядке выдачи вкладов и облигаций государственных займов сберегательными кассами районов, подвергавшихся оккупации», согласно которому с 1 января 1948 г сберегательными кассами означенных районов прекращалась выдача выплат по облигациям, если в сберегательной кассе не сохранились подтверждающие документы. До 1 января 1948 г. получить выплаты было возможно, но если облигации находились на хранении в сберкассе, вместо них выдавались другие облигации на ту же сумму¹.

В процессе денежной реформы декабря 1947 г. была проведена конверсия всех ранее выпущенных государственных займов (1936–1946 гг.), за исключением займа 1947 г. Ранее выпущенные займы со средним объемом выигрыша 4% в год, объединялись в единый заем и обменивались на облигации специально выпущенного для этой цели Государственного 2% займа 1948 г. Обмен производился по соотношению 3 руб. в облигациях прежних займов на 1 руб. в облигациях конверсионного займа, выигрыши, невостребованные населением до 16 декабря 1947 года, выплачивались в размере одной десятой части. Срок обмена облигаций был установлен – с 3 мая по 1 августа 1948 г.

В Записке министра финансов СССР А.Н. Косыгина И.В. Сталину от 29 сентября 1948 г. сообщалось об итогах конверсии государственных займов. В тексте отмечено, что, сумма займов, по всем группам облигаций, находящихся у населения, составляла до конверсии 124,1 млрд. руб. (за вычетом облигаций, находящихся в залоге, данная сумма равнялась 102,8 млрд. руб.). Взамен принятых по обмену облигаций прежних займов населению были выданы облигаций Государственного 2% займа 1948 г. на сумму 32,6 млрд. руб. Из них более 70% были выданы на территории РСФСР – на сумму 22,9 млрд. руб. (по процентному выпуску для выдачи колхозам на 2,07 млрд. руб., а остальные по выигрышному выпуску на сумму 20,876 млрд. руб.). Также в результате десятикратного сокращения выплачиваемых выигрышей было выплачено населению 160 млн. руб., а не 1,6 млрд. руб., которые должны были быть выплачены до денежной реформы. А.Н. Косыгин резюмирует, что: «Проведение конверсии

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316. Л. 92–95.

резко сократило расходы по государственным займам. При сохранении прежних займов ... платежи только по ним в течение всего срока их обращения составили бы 161 млрд. руб. После обмена облигаций платежи по конверсионному займу в течение 20-летнего срока составят 41 млрд. руб. Таким образом, разница в платежах выражается в сумме 120 млрд. руб.; при этом платежи будут произведены в более поздние сроки»¹.

В начале 1950-х гг. в связи с констатацией завершения послевоенного восстановления экономики, целевое назначение займов определялось как «развитие народного хозяйства СССР»². Суммы займов были увеличены (1951 г. – 30 млрд руб., 1952 г. – 30 млрд руб.). Но уровень императивности риторики власти относительно обязательности данной подписки для населения несколько снижается: «Президиум ВЦСПС *предлагает* всем профсоюзным организациям принять активное участие в проведении подписки на заем»³ (*курсив мой* – М.К.). Тезис о «стопроцентном охвате подпиской» трудящихся исчезает из текстов постановлений, принимая форму призыва: «Президиум ВЦСПС призывает всех ... трудящихся СССР единодушно подписаться на ... заем»⁴. За профсоюзными организациями сохранялись разъяснительные задачи: «Профсоюзным организациям необходимо развернуть широкую разъяснительную работу среди рабочих, служащих и интеллигенции о значении нового займа для дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства и культуры в нашей стране»⁵. Неизменным в 1940-е и 1950-е гг. оставался «рекомендуемый» объем подписки населения «в размере трех- четырехнедельного заработка»⁶. В сумме за период 1948–1954 гг. доход государства от займов у населения составил 179,5 млн.

---

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2532. Л. 227.

² О выпуске Государственного займа развития народного хозяйства СССР (выпуск 1951 года) // Правда. 1951. 6 мая. С. 1; О выпуске Государственного займа развития народного хозяйства СССР (выпуск 1952 года) // Правда. 1952. 6 мая. С. 1.

³ Постановление Президиума ВЦСПС от 3 мая 1948 г. «Об участии профсоюзных организаций в проведении подписки на Третий государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР» // Правда. 1948. 4 мая. С. 1.

⁴ Постановление Президиума ВЦСПС от 3 мая 1950 г. «Об участии профсоюзных организаций в проведении подписки на Пятый государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР» // Правда. 1950. 4 мая. С. 1.

⁵ Об участии профсоюзных организаций в проведении подписки на Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1952 года) // Правда. 1952. 6 мая. С. 1.

⁶ Там же.

руб., что равнялось почти 60% от объема средств граждан, «сэкономленных» от ценовых снижений послевоенного периода (301 млн. руб.).

В целом, практика займов у населения, широко использовалась в рамках мобилизационной экономической модели, позволяя государству аккумулировать дополнительные доходы. Фактически вычеты из зарплаты граждан суммы годовой подписки стали постоянным дополнительным налогом. Широко популяризируемая и навязываемая населению подписка на заем позволяла превышать плановые показатели. Вместо зафиксированных в плане 30 млн. руб. сумма подписки в 1951 г. составила 34, 5 млн. руб., а в 1952 г. 35, 7 млн. руб. В последующие годы (1953–1954 гг.) объем подписки населения на ежегодные Государственные займы был значительно ниже (в два с половиной раза меньше, чем в предшествующие годы). По всей видимости, декларируемое в 1950-е гг. восстановление государства, преодоление трудностей послевоенного восстановления и обозначенный правительством курс на повышение благосостояния населения, снижали желание граждан подписываться на заем и «жертвовать» заработанные средства на нужды страны. В 1957 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» были отменены добровольные по форме, но принудительные по существу займы у населения. Одновременно прекращалось проведение выигрышных тиражей ранее выпущенных займов, их погашение должно было начаться в 1977 г. и продолжаться 20 лет равными долями. Отмена практики проведения принудительных займов также свидетельствует об отказе правительства от мобилизационных инструментов в реализации социально-экономической политики.

ГЛАВА 5. СФЕРА «ИНДИВИДУАЛЬНОГО» И «ЧАСТНОГО» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1946–1956 ГГ.

5.1. Понятия «индивидуализм» и «индивидуальность» в отечественном дискурсе

Формирование трудовых и потребительских стратегий городского населения реализовывалось не только посредством конкретных мероприятий социально-экономического регулирования, но и путем актуализации в политическом дискурсе определенных идеологем и лексических форм, содержащих оценочные характеристики экономических практик граждан. Одной из таких идеологем является понятие *индивидуализм* (а также производные от него категории *индивидуальность*, *индивидуалист* и пр.).

В послевоенном политическом дискурсе обращение к категории *индивидуализм* не отличалось высоким уровнем востребованности. Ориентация на коллективный результат – восстановление мощи страны, экономики и пр., минимизировала востребованность проблематики индивидуализма. В тексте Закона «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» применительно к социальной тематике понятие *индивидуальный* употребляется в контексте сочетаний: «индивидуальное жилищное строительство (3 упоминания); «индивидуальное огородничество, (животноводство, пчеловодство) (2 упоминания); «индивидуальная сдельщина» (1 упоминание); индивидуальное обучение (1 упоминание)¹. В приведенных примерах указание на индивидуальность не являлось характеристикой личностной уникальности, употребляясь в значении практик граждан, отдельных от коллектива. В СМИ обращение к понятию *индивидуализм* также характеризуется низким количеством упоминаний. Например, в 1948 г. в газете «Правда» и молодежном журнале «Смена» приводится по одному упоминанию категории^{*}.

---

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР ... С. 9, 38, 43, 44, 54.

^{*} При работе с текстами изданий была использована частотная выборка. Газета «Правда» – 2 выпуска в месяц (24 в год), анализировались 1-й и 15-й выпуски каждого месяца. Журнал «Смена» – выборку составил каждый 4-й выпуск издания (№№ 1, 5, 9, 13, 17, 21).

Проявления трудового индивидуализма фиксировались на страницах изданий. В частности деятельность героев-стахановцев, презентуемая в качестве трудового эталона, представляла собой пример высокоэффективных индивидуальных трудовых практик. Стахановцев награждали и премировали, их имена широко освещались в прессе, публиковались их книги и брошюры. Но, не смотря на индивидуальный характер стахановских побед, трудовой индивидуализм не популяризировался в текстах изданий как эталонная жизнедеятельностная и трудовая практика советского гражданина. Индивидуальные успехи хотя и не замалчивались, но, непременно, должны были стать коллективным достоянием: стахановские методы в обязательном порядке распространялись в трудовых коллективах, а трудовые победы стахановцев тяготели к их осмыслению в русле коллективных достижений. «Правильная» оценка стахановских успехов обозначена в одной из заметок «Правды»: «Каждый наш стахановский успех – не личное дело одного рабочего, инженера, техника, а коллективное достижение, результат воли и настойчивости советских патриотов»¹.

Приоритетность общественного, коллективного не нарушала свободы индивида, скорее трактуясь как сама свобода, свобода советского трудящегося как своего рода «общественного деятеля». В передовице «Правды» читаем следующее: «Трудовой человек ... чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. ... Он не просто выполняет ту или иную производственную операцию – не просто варит сталь, добывает уголь, обрабатывает детали машин, – он связывает свой труд с общегосударственными интересами»². Приоритетность коллективных и государственных интересов в личных трудовых стратегиях граждан подчеркивалась на страницах «Смены»: «Молодой слесарь оценивает свой труд с государственной точки зрения. Он понимает, что от его успехов зависит общественный успех»³. Картина мира советского человека, конструируемая на страницах СМИ послевоенного периода, исключала внутренний конфликт между коллективными и личными интересами. Возможность данного противоречия снималась посредством мак-

---

¹ Труд на благо Родины // Правда. 1950. 15 февраля. С. 3.

² Патриотическая забота о благе Родины, об интересах советского государства // Правда. 1948. 15 сентября. С. 1.

³ Москвичи // Смена. 1948. №1. С. 9

симальной включенности личности в общественную событийность. Пример проявления такой эталонной жизнедеятельной стратегии приводится на страницах «Смены»: «Простые люди труда преисполнены заботами не только о своей отрасли хозяйства, но живут интересами всей страны»¹. В результате реализации означенной трудовой стратегии коллективные интересы должны были стать личными, «кровными» интересами каждого советского человека, коллектив – семьей, а рабочее место – родным домом. В одном из номеров «Правды» публикуется высказывание рабочего Трехгорки комсомольца Лапшина: «У себя дома ... никто из нас не жжет зря электричество, а наша фабрика для нас тоже родной дом. Поэтому здесь мы так же бережно должны расходовать электроэнергию и сырье»².

Важно отметить, что в советском информационном пространстве категория *индивидуализм* определялась не только через нейтральные, но и через отрицательные характеристики (эгоизм, самовлюбленность и нежелание граждан участвовать в деятельности коллектива). Негативные черты индивидуализма определялись и посредством конструирования взаимосвязи данного понятия с системой капиталистического мироустройства. В одном из выпусков «Правды» читаем: «Не может быть героем буржуа с его ... звериным, зоологическим индивидуализмом»³.

В 1950-е гг. по мере усиления тренда на повышение благосостояния граждан и удовлетворение растущих потребностей, повышается востребованность категорий *индивидуализм* и *индивидуальность* в политической риторике и материалах СМИ. В выступлениях делегатов на XIX съезде ВКП(б)–КПСС обращение к категории *индивидуальный* фиксируется восемнадцать раз в различных контекстуальных значениях: индивидуальное жилье – 5 упоминаний; индивидуальное обучение – 2 упоминания; индивидуальный прием в члены партии – 7 упоминаний; индивидуальное соревнование – 1 упоминание⁴. Важно отметить,

---

¹ Весна // Смена. 1948. № 9. С. 2

² Патриотическая забота о благе Родины, об интересах советского государства // Правда. 1948. 15 сентября. С. 2.

³ Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – к новым успехам Советской Родины // Правда. 1948. 1 мая. С. 1.

⁴ Материалы XIX съезда ВКП(б)–КПСС. URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5> (дата обращения: 18.06.2019).

что Г.М. Маленков в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии обращается к проблематике индивидуальности граждан, трактуя данную категорию через позитивные коннотации, как важную черту советской системы: «Враги социализма и всякого рода их подпевалы изображают социализм как систему подавления индивидуальности. Нет ничего примитивнее и вульгарнее такого рода представления. Доказано, что социалистическая система обеспечила укрепление личности, расцвет индивидуального и коллективного творчества, создала условия для всестороннего развития талантов и дарований, таящихся в глубинах народных масс»¹. В выступлении писателя А.А. Фадеева на XIX съезде ВКП(б) понятие *индивидуализм* определяется негативно, а его носители фигурируют в списке «врагов нашего дела внутри страны» (воров, карьеристов, подхалимов, бюрократов, индивидуалистов и стяжателей всех мастей)².

В 1950-е гг. увеличивается число упоминаний понятий *индивидуализм* и *индивидуальность* в печатных СМИ (в газете «Правда», журнале «Смена»). Но повышение востребованности данных категорий вовсе не означало усиление положительных коннотаций в их характеристиках. Трактовка индивидуализма через коннотации зазнайства и дистанцирования от коллектива сохраняется и в 1950-е гг. В очерке А. Одинцова «Перемены», опубликованном на страницах «Смены», приводится сюжет, посвященный обсуждению на комсомольском собрании общественной и трудовой деятельности одного из комсомольцев предприятия: «”Индивидуалист, – с сердцем сказал мастер, – коллектива не признает, ни с кем считаться не желает”... А с комсомольской работой лучше? Ничего и тут не хочет делать. Не место таким в комсомоле»³. Как проявление индивидуализма определялось пассивное участие личности в деятельности коллектива, а также деятельностные практики, ориентированные на личные, а не коллективные интересы. «Пуще всего неприятны нам черты индивидуализма, желание подчинить интересы общества и окружающей среды только себе. Индивидуализм рождает самомнение, отрешает от товарищей!»⁴.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Смена. 1950. № 1. С. 4

⁴ Смена. 1953. № 1. С. 9-10

Не смотря на то, что обращение к категории *индивидуальность* фиксируется в политической риторике начала 1950-х гг., наделяясь положительными коннотациями, данное понятие не становится приоритетным в характеристике советского человека, уступая лексическим формам, призванным подчеркнуть коллективизм и единство советского социума. «Не индивидуальность» советского человека подчеркивалась на страницах СМИ, позитивно характеризуясь. В одном из сюжетов «Правды», повествующем о заграничной командировке советского корреспондента, читаем следующее: «Переберешь в памяти десятки, сотни глаз и ясно увидишь: подавляющее, решительно подавляющее большинство светящихся, ненасытных этих глаз глядят на тебя с волнением, сочувствием, признательностью, очень часто – с любовью. Не потому, что это — именно ты, личность, индивидуальность, носящая какое-то имя. – Нет. Но потому, что ты – советский человек»¹. На страницах «Смены» приводится похожий пример, «правильного» конструирования советской идентичности: «Она чувствует себя не просто прядильщицей Купавинской фабрики, она представительница многомиллионной армии трудящихся страны социализма, представительница самого передового государства, оплота мира во всем мире»².

Полярность коннотаций понятий *индивидуализм* и *индивидуальность* сохраняется и в середине 1950-х гг. Так, например, в материалах XX съезда КПСС категория *индивидуальность* употребляется более 17 раз, преимущественно в нейтральном значении в контексте рассмотрения проблем: «индивидуального строительства», «индивидуального отбора» в ряды КПСС, «индивидуального производства», «индивидуального соревнования» «индивидуальных обязательств» (по два упоминания³); «индивидуальной производительности труда», «индивидуальных машин» (по одному упоминанию⁴) и пр. В текстах выступлений делегатов XX съезда КПСС фиксируется и обращение к категории *индивидуализм*, которая определяется через отрицательные коннотации в контексте критики культа личности: «Культ личности нанес огромный ущерб пра-

---

¹ Правда. 1953. 1 января. С. 2.

² Смена. 1951. № 5. С. 9

³ XX съезд КПСС ... Т. 1. С. 80, 109, 148, 485, 525; XX съезд КПСС ... Т. 2. С. 156, 158, 220, 421, 425.

⁴ XX съезд КПСС ... Т. 1. С. 51, 523.

вильному воспитанию кадров, ... ибо спутниками культа личности являются индивидуализм, эгоизм, карьеризм, подхалимство, угодничество»¹.

Таким образом, категории *индивидуализм* и *индивидуальность* в отечественном дискурсе второй половины 1940-х–1950-х гг. наделялись противоположными коннотациями. Понятие *индивидуальность* тяготело к более положительным характеристикам, употребляясь в контексте индивидуальных повседневных практик (проживания, трудового подвижничества, вступления в ряды партии и пр.). В данном случае предполагаемое наличие дистанции личности от коллектива не нарушало единства советского социума. В свою очередь понятие *индивидуализм* определялось через исключительно негативные коннотации – эгоизм, самовлюбленность и п.р., предполагающие противопоставление личности коллективу. В рамках периода второй половины 1940-х–1950-х гг. категории *индивидуализм* и *индивидуальность* характеризовались большей востребованностью в политической риторике и материалах СМИ в 1950-е гг. Но повышение востребованности данных понятий вовсе не означало усиление положительных коннотаций в их характеристиках. Деятельностные стратегии советского человека в значительно большей степени тяготели к их осмыслению в контексте коллективистских нежели индивидуалистических практик.

5.2. Государственное регулирование проблематики самостоятельной трудовой занятости горожан

В контексте изучения политико-правового конструирования экономических стратегий городского населения РСФСР отдельного внимания заслуживает регулирование сферы личных, индивидуальных экономических интересов граждан. Одним из аспектов рассмотрения темы является проблематика самостоятельной трудовой занятости граждан, не связанной с общественным сектором советской экономики. В советском политико-правовом поле любые формы частнопредпринимательской деятельности стигматизировались как преступные деяния. Но не все экономические практики вне общественного сектора эконо-

---

¹ Там же. С. 544.

мики, классифицировались как преступления и уголовно преследовались^{*}. С целью определения легитимных границ индивидуальной трудовой деятельности граждан обратимся к текстам Конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. В статьях 9 Конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. отмечалась возможность легального существования «мелкого частного хозяйства единоличных крестьян и кустарей, основанного на личном труде и исключающего эксплуатацию чужого труда»¹. Хотя в СМИ 1940-х–1950-х гг. популяризировалась точка зрения о полной победе в СССР социалистических форм хозяйства, тем не менее, частная инициатива сохранялась в советской экономике и являлась объектом правового регулирования. Постановлением СНК СССР № 562 от 26 марта 1936 г. были установлены «Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов»², где была прописана процедура получения «частниками» регистрационного удостоверения, а также был приведен перечень запрещенных промыслов³. Кустари и ремесленники, нарушавшие правила регистрации промыслов, подвергались штрафу в размере до 500 руб. К нарушениям правил регистрации относились: а) производство промысла без регистрационного удостоверения; б) производство промысла не в соответствии с указанным в регистраци-

---

^{*} В современной литературе высказывается точка зрения, что ремесленную, кустарную и другую аналогичную деятельность можно рассматривать как разновидность малого предпринимательства, легально существовавшего в советский период и регулируемого государством (См. Андрюхин Е.А. Предпринимательская деятельность советских граждан в 60–80-х гг. XX в. // Известия АлтГУ. 2010. № 4–1. С. 20; Пахолкова А.Ю. Правовое регулирование малого предпринимательства в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002). На наш взгляд, понимание всех форм индивидуальной экономической инициативы населения как частного предпринимательства, не вполне верно. Необходимо разграничивать практики легальной самозанятости граждан, и криминализованной предпринимательской деятельности.

¹ Конституция СССР ... // Известия. 1936. 6 декабря. С. 2; Конституция РСФСР ... // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2. С. 2.

² Постановление СНК СССР от 26 марта 1936 г. № 562 «Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов» // Бюллетень финансово-хозяйственного законодательства. 1936. № 11.

³ К запрещенным были отнесены следующие промыслы: переработка скупленного (не давальческого) зерна, конопли, льна, шерсти, табака и пр. полиграфические промыслы (типографский, стеклографический и т. п.), производство множительных аппаратов (стеклографов, шапирографов и пр.), штемпелей и печатей; производство из своих материалов для продажи на рынке готового платья, белья, трикотажа, головных уборов, кожаной обуви, галантереи (в том числе кожаной), шорных изделий и изделий из цветных металлов; производство изделий не на заказ, а для продажи на рынке; расфасовка, размол, розлив, сортировка, резка, очистка и т. п. складские (не производственные) операции с покупными товарами для последующей их перепродажи; всякого рода частная торговля (скупка-перепродажа), торговое посредничество (вояжеры), кроме продажи чистильщиками обуви мелких принадлежностей для обуви (шнурки, стельки, набойки с шурупами, вакса, гуталин); производство из покупного сырья пищевых продуктов, как-то: хлеба, булочных, кондитерских, молочных, колбасно-ветчинных и плодоовощных изделий, кушаний, кофе, перца, горчицы, уксуса, вина, алкогольных и безалкогольных напитков и т. п.; содержание постоянных дворов, каруселей, купален, весов на базарах, стрелковых тиров и устройство различных игр. (См. Постановление СНК СССР от 26 марта 1936 г. № 562 «Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов» // Бюллетень финансово-хозяйственного законодательства. 1936. № 11. С. 17–19).

онном удостоверении видом промысла, родом вырабатываемых изделий, местом производства промысла или числом помогающих членов семьи; в) производство промысла или продажа изделий своего промысла вне района или города, указанного в регистрационном удостоверении; г) передача регистрационного удостоверения другому лицу и использование регистрационного удостоверения, выданного другому лицу. В соответствии со спецификой нарушения устанавливался размер штрафа, налагаемого на нарушителя. Легальная частная хозяйственная деятельность населения,^{*} включала в себя различные виды самозанятости граждан, широко распространенные в городской среде. В данную категорию входили: кустари и ремесленники (столяры, сапожники, слесари, бондари, зеркальщики, шорники, корзиночники и пр.); а также лица, оказывающие услуги: частные извозчики, адвокаты, архитекторы, проектировщики, частнопрактикующие врачи, лица, фотографы, репетиторы, парикмахеры и пр.

Политика государства в отношении граждан, не трудящихся в общественном секторе экономики, была противоречивой. С одной стороны, советское государство прямо не ставило задачу ликвидации «частника». В то же время постепенное и естественное его вытеснение из экономических отношений было целью государственного регулирования как в 1930-е гг., так и в последующие годы. Для реализации этого курса «частники» всеми принимаемыми нормативными актами, ставились в менее выгодное положение, чем работники общественного сектора экономики. В отношении «частника», как правило, применялись следующие статьи УК РСФСР (1926 г.): ст. 99 – занятие запрещенными промыслами (предполагающая лишение свободы на срок до 2-х лет с конфискацией имущества и запрещением права торговли); ст. 107 – спекуляция (предполагающая лишение свободы на срок не ниже 5 лет с полной или частичной конфискацией имущества); ст. 129-а – лжекооператорство (предполагающая в зависимости от специфики преступления: лишение свободы на срок до 5 лет с конфискацией всего или части имущества, либо лишение свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года)¹.

---

^{*} Понятие индивидуальной трудовой деятельности было введено в ст. 17 Конституции СССР 1977 г. Применительно к более ранним периодам в официальных документах и законодательных актах фигурировало понятие «частно-хозяйственная деятельность», «личный труд не по найму» и пр.

¹ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 ... С. 38, 40, 46.

В 1930-е–1940-е гг. законодательные нормы в отношении «частника» характеризовались ужесточением. В довоенный период предприятиями практиковалась продажа или обмен на сторону излишков сырья, материалов или оборудования. «Частники», занимающиеся кустарными или ремесленными промыслами, могли приобрести на предприятиях необходимые материалы. Для борьбы с нелегальным рынком, а также практиками внефондового приобретения оборудования и материалов, 10 февраля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия»¹. Согласно данному указу, реализация на сторону излишков приравнивалась к расхищению социалистической собственности, караясь лишением свободы сроком от 2-х до 5 лет².

Граждане, не трудящиеся в общественном секторе экономики платили более высокую квартирную плату. При основной ставке квартирной платы в 44 коп за кв. м., для некооперированных кустарей и ремесленников, а также остальных категорий самозанятых граждан, размер квартирной платы мог составлять до 1 руб. 98 коп. за кв. м. в месяц³. Политика вытеснения самозанятых осуществлялась и путем создания неблагоприятных налоговых условий для представителей данной группы. Лица, имеющие самостоятельные источники дохода, облагались военным налогом в удвоенном размере (относительно ставок налога с рабочих и служащих)⁴. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» устанавливал порядок обложения доходов самозанятых, а также содержал перечень профессиональных категорий граждан, имевших право заниматься частной практикой⁵. Согласно данному Указу устанавливался необлагаемый налогом минимум доходов – 150 руб. для рабочих и служащих, занятых в общественном секторе. В отношении остальных категорий горожан действовала слабопрогрессивная шкала налогообложения. На одинаковых с рабочими и служащими основаниях обла-

---

¹ Ведомости ВС СССР. 1941. № 8.

² Там же.

³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1928 г. № 53. Ст. 402.

⁴ Календарь-справочник. 1944 год. ... С. 274.

⁵ Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938– июль 1956 г. ... С. 327–335.

гались налогом сборщики утильсырья и металлолома, работники мелкорозничной торговой сети (в том числе агенты по распространению произведений печати и по сбору объявлений), а также кооперированные кустари и ремесленники, работающие в общих мастерских артелей (для последних размер налога увеличивался на 10%). От налогов освобождались некооперированные кустари и ремесленники, владельцы строений и другие граждане, доход которых не превышал 600 рублей в год. Для граждан, профессиональная деятельность которых предполагала частную практику, устанавливались три шкалы налога, объединяющие следующие группы: литераторы и работники искусств; врачи, адвокаты, преподаватели; некооперированные кустари и ремесленники (табл. 17). Сопоставление объемов налога позволяет прийти к выводу, что шкала налогообложения соответствовала пониманию законодателем статуса профессиональной группы в советском социуме. Наибольшую налоговую нагрузку несли некооперированные кустари и ремесленники (объединяемые общим понятием – «частники»), налоги данных профессиональных групп значительно превышали налоги литераторов (более чем в 2 раза), адвокатов и преподавателей (на 25-30%) (см. табл. 17). Приоритетная налоговая нагрузка на «частника» сохранилась и в послевоенные годы, хотя некоторые льготы были введены. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1947 г. размер необлагаемого налогом минимума по доходам от кустарных промыслов, строений и других источников в поселениях городского типа для инвалидов 1й и 2й групп и пенсионеров был повышен с 600 руб. до 3 тыс. руб. в год.¹

В 1947 г. официально финансовыми органами было зарегистрировано 46 362 некооперированных кустаря и ремесленника. С учетом того, что значительная часть кустарей уклонялась от регистрации, можно предположить, что реальная их численность была намного выше². В конце 1940-х гг. в РСФСР было зарегистрировано примерно 80 000 кустарей³. Наиболее широко среди «частников» были представлены: сапожники, жестянщики, гончары, пимокаты, портные, фотографы, шорники, точильщики, корзиночники, извозчики и др. В ос-

---

¹ Ведомости ВС СССР. 1947. № 12.

² Альметев Г.В. Деятельность партии по развитию бытового обслуживания трудящихся. М., 1973. С. 29.

³ Корягина Т.Н. Анализ, оценки, прогнозы // Теневая экономика. М., 1991. С.31.

новном в кустарно-ремесленных промыслах были задействованы престарелые люди и инвалиды, реже рабочие и служащие (в свободное время).

Таблица 17

Порядок обложения доходов граждан, работающих не по найму (1943 г.)¹

Размер годового дохода (руб.)	Литераторы и работники искусств	Врачи, фельдшеры частной практики, адвокаты, преподаватели	Некооперированные кустари и ремесленники, рабочие и служащие, подрабатывающие частными заказами
До 1800 руб.	1,5% от суммы заработка	2% от суммы дохода	3% от суммы дохода
От 1801 до 2400	27 р. + 5,5% с суммы, св. 1800 руб.	36 р. + 6% с суммы, св. 1800 руб.	54 р. + 8% с суммы, св. 1800 руб.
От 2401 до 3600	60 р. + 6% св. 2400	72 р. + 8% св. 2400	102 р. + 12% св. 2400
От 3601 до 4800	132 р. + 7% св. 3600	168 р. + 11% св. 3600	246 р. + 16% св. 3600
От 4801 до 6000	216 р. + 8% св. 4800	300 р. + 15% св. 4800	438 р. + 20% св. 4800
От 6001 до 8400	312 р. + 10% св. 6000	480 р. + 19% св. 6000	678 р. + 25% св. 6000
От 8401 до 12000	552 р. + 12% св. 8400	936 р. + 23% св. 8400	1278 р. + 30% св. 8400
От 12001 до 18000	984 р. + 13% св. 12000	1764 р. + 27% св. 12000	2358 р. + 35% св. 12000
От 18001 до 24000	1764 р. + 14% св. 18000	3384 р. + 32% св. 18000	4458 р. + 40% св. 18000
От 24001 до 30000	2604 р. + 15% св. 24000	5304 р. + 37% св. 24000	6858 р. + 45% св. 24000
От 30001 до 50000	3504 р. + 16% св. 30000	7524 р. + 42% св. 30000	9558 р. + 50% св. 30000
От 50001 до 70000	6704 р. + 18% св. 50000	15924 р. + 47% св. 50000	19558 р. + 57% св. 50000
От 70001 до 100000*	10304 р. + 23% св. 70000	25324 р. + 55% св. 70000	30958 р. + 65% св. 70000
От 100001 до 150000	17204 р. + 31% св. 100000		
От 150001 до 200000	32704 р. + 41% св. 150000		
От 200001 до 300000	53204 р. + 51% св. 200000		
От 300001 и выше	104204 р. + 55% св. 300000		

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» // Ведомости ВС СССР. 1943. № 17.

* Для категорий «Врачи, фельдшеры частной практики, адвокаты, преподаватели» и «некооперированные кустари и ремесленники» данная графа обозначает максимальный зафиксированный в Указе уровень доходов: от 70 001 и выше.

Занятие кустарно-ремесленными промыслами, несмотря на высокие налоги, приносило доходы, объем которых был значительно выше, чем в общественном секторе экономики. По данным В.А. Осипова, 208 некооперированных кустарей и ремесленников Кемеровской области в 1951 году получили годовой доход 2 266 500 руб., при этом 30 сапожников имели доход в 310 000 руб., 25 портных и портних – 228 700 руб., 4 слесаря – 41 900 руб., 15 плотников – 100 500 руб., 3 часовщика – 70 000 руб. и 19 фотографов 423 300 руб.¹ Среднемесячный доход составлял у сапожников 23 000 руб., у портных – 8 000, у слесарей – 2 000 руб. А средний размер облагаемого дохода этих плательщиков, доведенный до годового: 12 635 руб., 10 590 руб. и 9 140 руб. соответственно. В Новосибирской области в 1946 г. размер дохода в среднем на одного плательщика составил: у сапожников – 8 500 руб., у портных – 10 900 руб. в слесарно-починочном промысле – 15 200 руб., у деревоотделочников – 9 900 руб., у фотографов – 21 400 руб., у кондитеров – 7 900 руб.² Доходы адвокатов г. Свердловска составляли от 1200 до 3000 руб. в месяц, (иногда достигая 4000 руб.³).

Введение значительных налогов имело результатом сокращение производства товаров и объемов оказания услуг, а также уход самозанятых в тень (большинство «частников» уклонялось от оформления регистрационных удостоверений, оплаты подоходного налога). По справедливому замечанию Т.А. Семеновой, идеологическая заданность налоговой политики противоречила как фискальным интересам государства, так и потребностям наполнения рынка, решения проблем повышения благосостояния трудящихся⁴. Услуги, оказываемые «частниками», компенсировали дефицит в системе торговли и бытового обслуживания. К частным лицам обращались и государственные учреждения. Контрольно-ревизионным управлением Министерства финансов СССР по РСФСР в результате проверки, проведенной в 1946 г., было установлено, что государственные учреждения, предприятия и хозяйственные организации по-

---

¹ Осипов В.А. Указ. соч. 93.

² Там же.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 172. Л. 36.

⁴ Семенова Т.А. Указ. соч. С.124.

тратили на приобретение материалов и оборудования в комиссионных магазинах и у частных лиц: 63,2 млн. руб. в 1945 г.; 118, 8 млн. руб. в 1946 г.¹

Пересмотр существовавших «Правил регистрации кустарных и ремесленных промыслов» от 26 марта 1936 г. в сторону их частичной легализации, открывал возможности альтернативного решения проблемы товарного дефицита в стране, а также увеличения налоговых сборов. (Проекты изменения налогового законодательства, направленные на повышение эффективности налогообложения частника, разрабатывались в Наркомате финансов СССР еще в первой половине 1940-х гг.²). Подготовка проекта, направленного на частичную легализацию частной инициативы началась в Наркомате финансов СССР (НКФ СССР) весной 1945 г. Управление налогов и сборов Наркомата финансов СССР (УНС НКФ СССР) запросило у республиканских налоговых органов их оценку состояния дел и предложения по изменениям «Правил регистрации кустарных и ремесленных промыслов» от 26 марта 1936 г.³ В ответах, пришедших из наркоматов союзных республик, отмечалась необходимость расширения перечня разрешенных промыслов, аргументированная тем, что местная промышленность не удовлетворяет растущих запросов населения, а экономическое обложение самозанятых целесообразнее борьбы с ними⁴. Большая часть предложений поступила из наркоматов финансов республик Средней Азии и Северного Кавказа. Наркомфин РСФСР отмечал необходимость легитимации прокатного промысла из покупного сырья⁵.

14 мая 1945 г. совещание руководящих работников Управление налогов и сборов НКФ СССР рассмотрело вопрос «О необходимых изменениях в правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов». В проекте, направленном на одобрение Совета Министров СССР предлагалось разрешить некоопериро-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 50. Т.2. Д. 3754. Л. 95–100.

² Распоряжение НКФ СССР № 445 от 16 июля 1943 г. «О проведении обследования финансовыми органами предприятий промкооперации и работы кооперированных кустарей»; № 454 от 20 июля 1943 г. «Об улучшении работы финансовых органов по обложению некооперированных кустарей и ремесленников»; № 33 от 27 января 1944 г. «О мероприятиях по улучшению качества налоговой работы»; № 218 от 26 апреля 1944 г. «Об инструктивных совещаниях по учету сельскохозяйственных источников дохода в городах, обследованию доходов некооперированных кустарей и ремесленников и проверке работы кооперированных кустарей, а также надомников» // РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 32. Д. 46. Л. 103–107.

³ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 11. Д. 220. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 26–40.

⁵ Там же. Л. 1–10.

ванным кустарям и ремесленникам, а также подрабатывающим рабочим и служащим переработку приобретенной шерсти и шерстяной пряжи, масличных семян, кожевенного и овчинно-шубного сырья, производство мыла, изготовление из своих материалов одежды, белья, трикотажа, головных уборов, кожаной обуви, галантереи, шорных изделий и изделий из цветных металлов (не только по индивидуальным заказам, но и для реализации), изготовление из приобретенного на свои средства сырья хлеба, кондитерских, молочных, колбасно-ветчинных и плодово-овощных изделий, готовой еды, кофе, перца, горчицы, уксуса, вин, алкогольных и безалкогольных напитков¹. В качестве аргумента в пользу легализации данных промыслов обозначалась необходимость «стимулирования производства предметов широкого потребления» и трудоустройства инвалидов². 14 февраля 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление № 279, утверждавшее «Положения об оплате труда работников потребительской и промысловой кооперации и кооперации инвалидов, занятых закупкой продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья у колхозов и крестьян»³. В нем устанавливался размер процентного вознаграждения за закупку различных товаров: за картофель, овощи и бахчевые – 1,5–3%; махорку и табак – 7–10%; кожевенное сырье, пух, перо – 15–20%; кость поделочная – 40–50%⁴. Синхронно с подготовкой проекта, направленного на расширение легальных форм частной инициативы, Минфином СССР были инициированы проверки направленные на выявление граждан, занимавшихся запрещенными промыслами, а также ревизии на предприятиях местной промышленности, промыслово-кооперативных артелей и пр.⁵ УНС МФ СССР и МФ РСФСР разрешили областным финансовым органам облагать налогами лиц, занятых промыслами, указанными в проекте⁶. В марте 1947 г. Минфин СССР поручил союзным республикам ежеквартально обследовать доходы некооперированных кустарей и ре-

---

¹ Там же. Л. 45–47.

² Там же. Л. 6

³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 291. Л. 189–195.

⁴ Там же. Л. 194.

⁵ Распоряжение Министерства финансов СССР № 64203 от 30 ноября 1946 г. «О проверке подсобных предприятий колхозов, мастерских промыслово-кооперативных артелей, предприятий местной промышленности и других организаций» // ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 11. Д. 220. Л. 10.

⁶ Приказ УНС НКФ СССР № 70 от 26 января 1946 г. «Об обложении подоходным налогом доходов от кустарно-ремесленных промыслов» // ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 11. Д. 220. Л. 48.

месленников¹. В качестве важной особенности проектов по легализации частной инициативы, разрабатываемых Минфином СССР в 1946–1947 гг. Т.А. Семенова отмечает защиту добросовестной конкуренции кооперированного и некооперированного сектора, посредством ликвидации необоснованных налоговых льгот членов артелей².

12 августа 1947 г. проект поступил в Совет министров СССР. Не смотря на рациональность и экономическую обоснованность предлагаемой инициативы, легализация «частника» не соответствовала тренду идеологического развития СССР, в рамках которого декларировалось «изживание частнособственнических пережитков». Помимо этого рассмотрение проекта совпало с подготовкой к денежной реформе 1947 г., в контексте которой «частник» и «спекулянт» должны были предстать основными виновниками проблем послевоенного снабжения. Данные факторы предопределили исход рассмотрения проекта. Бюро Совета Министров СССР по торговле и легкой промышленности в октябре 1947 г. поручило Министерству государственного контроля проверить работу финансовых органов по борьбе с частником. 27 октября 1947 г. Министерство государственного контроля СССР направило в Совет Министров записку «Об извращениях в вопросе о налогообложении частника», где отмечались факты «извращения» Министерством финансов советских законов³.

Фактически с осени 1947 г. началось ужесточение политики государства в отношении индивидуальной экономической инициативы граждан. 4 октября 1947 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 3484 «О запрещении частным лицам производства и продажи пастилы, леденцов, маковых и кваса»⁴. С 15 октября 1947 г. прекращалась выдача гражданам регистрационных удостоверений на занятие данными промыслами. Министерству финансов СССР поручалось изъять до 15 октября 1947 г. регистрационные удостоверения, ранее выданные гражданам⁵.

---

¹ Семенова Т.А. Указ. соч. С.135.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 11. Д. 220. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 313. Л. 194.

⁵ Там же.

Были приняты меры, направленные на ограничение доходов работников потребительской и промысловой кооперации и кооперации инвалидов, занятых закупкой продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. В Постановлении Совета Министров СССР № 3377 от 29 сентября 1947 г. указывалось, что процентное вознаграждение, установленное для работников данных организаций, установленное в феврале 1947 г. «является чрезмерно высоким»¹. В качестве аргументов, свидетельствующих о необходимости снижения данных выплат, в постановлении приводились следующие доводы: «Имели место факты, когда заработки отдельных закупщиков в несколько раз превышали оклады высокооплачиваемых служащих государственных учреждений. В ряде случаев руководящие районные кооперативные работники вместо организации и руководства работой по выполнению плана закупок в своём районе, в целях увеличения личного заработка, сами фактически превратились в агентов-закупщиков»². Были снижены нижние границы процентных вознаграждений за закупку различных товаров: за махорку и табак – 3–10%; кожевенное сырьё, пух, перо – 10–20% и пр.³

Проводимая политика ограничения различных форм хозяйственной инициативы была продолжена в 1948 г. 13 января 1948 г. глава Министерства госконтроля Л.З. Мехлис доложил В. М. Молотову «Об извращениях советских законов в работе потребительской и промысловой кооперации, кооперации инвалидов и предприятий местной промышленности»⁴. После смещения А. Г. Зверева с поста министра финансов СССР, в марте 1948 г. новый министр финансов А.Н. Косыгин отменил указания о налоговом обложении лиц, занимающихся запрещенными кустарно-ремесленными промыслами. В апреле 1948 г. проходящее в Москве всесоюзное совещание руководящих финансовых работников, рекомендовало Минфину рассмотреть вопросы об усилении ответственности лиц, занимающихся запрещенными промыслами, а также разрешенными

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 3377 от 29 сентября 1947 г. «Об изменении оплаты труда работников потребительской, промысловой кооперации и кооперации инвалидов, занятых закупкой продовольствия и сельскохозяйственного сырья у колхозов и крестьян» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 312. Л. 319–321.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 312. Л. 319.

³ Там же. Л. 320.

⁴ Там же. Оп. 50. Т. 2. Д. 3754. Л. 6–62.

промыслами без регистрации¹. Продолжением политики «закручивания гаек» в отношении «частника» стало принятие Советом Министров СССР Постановления от 14 апреля 1948 г. № 1229 «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности»² в основу которого был положен проект Л.З. Мехлиса. В тексте постановления отмечались «массовые факты проникновения дельцов-спекулянтов в производственные и торговые предприятия, особенно промысловой кооперации и кооперации инвалидов», широко распространенные в республиках Средней Азии, Прибалтике, Украинской и Молдавской ССР. Среди регионов РСФСР негативно выделялись Горьковская и Ярославская области и Ставропольский край³. Критикуемые незаконные экономические практики, фиксируемые в промысловой кооперации и кооперации инвалидов, заключались в «сращивании с частниками ряда руководителей кооперативных организаций», в результате которого «дельцы-спекулянты вступали в артели с принадлежащим им ... оборудованием и крупными денежными средствами», которые «продолжали оставаться их собственностью»⁴. О выполнении данного постановления Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации, Президиум Центросоюза и Советы Министров союзных республик должны были отчитаться к 1 июля 1948 г.

Вслед за принятым постановлением № 1229 заинтересованные министерства и ведомства конкретизировали указания правительства своими нормативными актами⁵. В целом, требования «покончить с частником» и «навести порядок», содержащиеся в данных приказах и распоряжениях, в большей степени имели характер политических деклараций. Фиксируемые в документах указания не отличались конкретикой и сводились к требованиям «усиления контроля», «улучшения качества налоговых проверок» и т.п. С целью декриминализа-

---

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 33. Т. 1. Д. 443. Л. 27–28.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 50. Т. 2. Д. 3754. Л. 119–121.

³ Там же. Л. 121.

⁴ Там же.

⁵ Постановление Совета Министров РСФСР от 19 мая 1948 г. № 501 «О выполнении постановления Совета Министров СССР от 14 апреля 1948 г. № 1229 и постановления Совета Министров РСФСР от 23 января 1948 г. № 37»; Постановление Президиума Центросоюзов СССР и РСФСР от 22 апреля 1948 г. № 349 «О борьбе с проникновением частника в потребительскую кооперацию»; Приказ Министра финансов СССР от 23 апреля 1948 г. № 226 «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности»; Приказ Министра финансов СССР от 27 августа 1948 г. № 747 «Об усилении контроля и борьбы с проникновением частника в кооперацию и предприятия местной промышленности» и т.п. (Подробнее о содержании данных нормативных актов см: Семенова Т.А. Указ. соч. С.141–142).

ции системы потребительской кооперации Советом Министров СССР 14 сентября 1948 г. было принято постановление № 3438, согласно которому продавцы мелкорозничной торговой сети потребительской кооперации (с плановым оборотом до 15 000 руб. в месяц) должны были вносить денежный залог в сумме от 200 до 1000 руб.¹

Как и в большинстве кампаний послевоенного периода указание на объект «борьбы» инициировало масштабные проверки сфер его предполагаемой локализации. В 1948 г. начались масштабные проверки предприятий кооперации и местной промышленности на предмет выявления частнопредпринимательских элементов. По промысловой кооперации и кооперации инвалидов было охвачено проверками 84% от общего количества предприятий, по потребительской кооперации – 62%². В Свердловской области в проверке участвовал 521 чел., из них по городу Свердловску 258 чел.³ В состав комиссий входили: работники горкомов и райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, горрайисполкомов, прокуратуры и милиции, городских и районных финансовых органов, Госбанка, депутаты Советов, кооперативный и профсоюзный актив, инспектора-ревизоры. Летом 1948 г. было проверено 379 предприятий г. Свердловска и 577 предприятий Свердловской области⁴. В результате проверок были установлены «массовые случаи проникновения частников, дельцов в предприятия кооперативных организаций»⁵. В Свердловской области было выявлено 13 предприятий, сданных на откуп частникам, 37 – дельцов-жуликов⁶. В масштабах РСФСР было проверено 33 215 предприятий промысловой кооперации. Было выявлено 1294 нарушения, 37 лжеартелей, 2071 предприятий без патентов, 250 перекупщиков и спекулянтов, а также «спецвкладов» на сумму 783 800 руб.⁷ Проверка предприятий кооперации инвалидов затронула 12 317 объектов в РСФСР. Было выявлено 407 нарушений, 14 лжеартелей⁸. За 1948–1949 гг. (по 22 областям СССР) по делам промысловой и потребительской кооперации и кооперативными орга-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 345. Л. 151.

² Осипов В.А. Указ. соч. С. 94.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 158. Л. 57.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 59, 66.

⁷ РГАЭ. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 439. Л. 38; Д. 442. Л. 58.

⁸ Там же. Д. 439. Л. 37; Д. 442. Л. 56.

низациями было привлечено к ответственности 1532 чел., осуждено – 602, оправдано – 94¹. В кооперативных организациях РСФСР на руководителей было наложено 1400 дисциплинарных взысканий, сняты с работы за «потворство» частнику 1055 человек, на 629 человек были заведены уголовные дела.² В Тюменской области в 1948 г. было передано в судебные органы 18 дел на 36 чел., в 1949 г. – 11 дел на 20 чел.³ В Свердловской области в 1948 г. было снято с работы и привлечено к уголовной ответственности 37 «дельцов-частников», 27 заготовителей и перекупщиков, за попустительство и потворство частникам сняты с работы и привлечены к судебной ответственности 19 руководителей кооперативных предприятий и организаций, за беспатентную работу привлечено к уголовной ответственности 46 руководителей и бухгалтеров кооперативных организаций, 18 работников артелей были преданы суду, но оставлены на работе и 9 чел. отстранено от работы⁴.

Несмотря на интенсивность кампании по борьбе с «частником», ее проведение оценивалось правоохранительными органами как недостаточно удовлетворительное. В результате проверок Министерства государственного контроля СССР и Министерства юстиции СССР были выявлены следующие издержки: неудовлетворительные сроки рассмотрения дел; оставление без внимания следственных органов источников снабжения лиц, занимающихся запрещенными промыслами, их связей с работниками торговли и пр. В протоколе проверки кооперативных организаций Свердловской области, проведенной 22 июня 1948 г. были отмечены следующие недостатки: «органы прокуратуры на местах еще медленно занимаются расследованием дел ... до сих пор ни один частник иделец за использование кооперативных организаций в целях личной наживы – не осужден»⁵.

Об ужесточении позиции государства в отношении индивидуальной экономической инициативы свидетельствовало принятие новых правил регистрации «частников». 30 июня 1949 г. постановлением Совета Министров СССР №

---

¹ Там же. Д. 806. Л. 245-253

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 4621. Л. 5-7.

³ Осипов В.А. Указ. соч. С. 95

⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 158. Л. 66.

⁵ Там же.

2883 были утверждены новые «Правила регистрации некооперированных кустарей и ремесленников»¹. Был расширен список запрещенных промыслов, в который вошли: производство продукции из зерна, конопли, льна, приобретенной на свои средства шерсти и пряжи (кроме ковроткачества); производство из материалов кустаря по индивидуальным заказам граждан: одежды, трикотажа, обуви, головных уборов, галантереи, изделий из кожи и резины, цветных металлов; производство планок и колодок для орденов и медалей, тетрадей, блокнотов, конвертов, зеркал, свечей, изделий из щетины и конского волоса, извоз на автомобилях и мотоциклах². За нарушение Правил и занятие запрещенными промыслами предусматривалась административная ответственность, но если занятие носило постоянный характер и приносило основной доход – виновному грозила уголовная ответственность (а также полная или частичная конфискация имущества). В целом, принятие новых «Правил регистрации» было направлено на дальнейшее стеснение индивидуальной трудовой и предпринимательской инициативы граждан, способствуя перемещению «частника» в теневой сектор экономики.

Таким образом, кампания по борьбе с «частником», проводимая в 1947–1949 гг. была синхронна другим кампаниям послевоенного периода (направленным на борьбу с хищениями социалистической собственности, спекуляцией, трудовыми девиациями горожан и пр.). Как и большинство означенных мероприятий, направленных на корректировку экономических стратегий граждан, кампания по борьбе с «частником» являлась одним из инструментов достижения задач мобилизационной экономической модели. Административное и налоговое давление на данную категорию граждан было направлено на сокращение сектора самозанятых и увеличение численности граждан, занятых в общественном секторе экономики. Помимо этого «частник» составлял конкуренцию предприятиям розничной торговой сети, выводя из государственной торговли значительные денежные средства. По данным ЦСУ, советские граждане в 1954 г. приобрели у частных лиц только промышленных товаров на сумму 207 млрд. руб. В 1955 г. семья рабочего тратила на покупки у частных лиц 18% своего до-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 374. Л. 144–148.

² Там же. Л. 145.

хода¹. В целом, несмотря на существование конституционной нормы (ст. 9), допускавшей частную хозяйственную инициативу, положение самозанятого населения в советском социуме было достаточно шатким. Частная хозяйственная деятельность, занимала пограничное положение между легальными формами труда и спекулятивными практиками. В силу своего пограничного статуса «частник» являлся удобным объектом для стигматизации, с его деятельностью связывались такие проблемы, как спекуляция, хищения, товарный дефицит и пр. Идеологическая заданность экономического курса, приоритетность внеэкономических административных методов в решении социальных проблем не позволили правительству в послевоенный период сделать шаг к расширению допустимых пределов частной инициативы.

В 1950-е гг. фиксируется снижение интенсивности кампании по борьбе с «частником». Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 сентября 1954 г. «О судебной практике по делам о занятии запрещенными промыслами» отметил, что к уголовной ответственности по ст. 99 УК РСФСР могут привлекаться только лица, которые занимаются промыслами, входящими в список запрещенных. Также было отмечено, что выработка сырья и товаров для личных нужд не попадает под квалифицирующие признаки «промысла». Важным замечанием являлось следующее: «Не ослабляя борьбы с указанными преступлениями, суды вместе с тем не должны допускать осуждения за единичные незначительные случаи запрещенного изготовления изделий и материалов»².

Вопреки оказываемому административному и налоговому давлению, частная хозяйственная деятельность граждан не только не была уничтожена, но и характеризовалась дальнейшим расширением. Если в 1949 г. в РСФСР было зарегистрировано около 80 000 кустарей, то в 1959 г. их насчитывалось уже 150 000³. Частная хозяйственная инициатива осваивала формы деятельности, не попадающие под признаки нарушений, квалифицируемых законодателем. Например, в 1950-е гг. получила распространение фактическая аренда частными лицами принадлежащих кооперативам ремонтных мастерских, павильонов,

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26. Д. 382. Л. 83, 93.

² Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР. ... С. 31–32.

³ Альметев Г.В. Указ. соч. С. 29; Корягина Т.Н. Указ. соч. С. 31.

ларьков, производственных площадей и пр. Правоохранительные органы затруднялись квалифицировать означенные формы деятельности, так как УК РСФСР не содержал норм, регулирующих данную практику¹.

Отказ правительства в середине 1950-х гг. от мобилизационных методов регулирования экономических стратегий населения нашел отражение и в либерализации сферы самостоятельной занятости граждан. Начиная с 1956 г. на самозанятых стала распространяться действие системы пенсионного обеспечения. В 1958 г. были внесены изменения в «Правила регистрации некооперированных кустарей и ремесленников», заключающиеся в легализации некоторых видов промыслов по бытовому обслуживанию граждан. Но к дальнейшей легализации частного сектора советское правительство оказалось не готово. На протяжении 1950-х годов тема борьбы с «частником» продолжала являться актуальной для работников органов прокуратуры, милиции и судов. Включение в 1956–1960 гг. предприятий промысловой кооперации в состав государственной промышленности в еще большей степени сузило легитимное поле реализации частной инициативы.

5.3. Жилищные проблемы и личная собственность горожан в фокусе социальной политики

При характеристике индивидуального экономического статуса горожан важным аспектом является проблематика их личного (жилого) пространства и личной собственности. В данной главе рассмотрены мероприятия государственной политики 1946–1956 гг. касающейся жилищных вопросов, защиты личной собственности граждан, легитимных границ владения и распоряжения ею.

В Конституции СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. впервые было применено понятие «форма собственности». Помимо социалистической собственности (включающей в себя государственную и колхозно-кооперативную), признавалось наличие личной собственности граждан. Личная собственность была призвана обеспечивать личные потребности граждан, но не могла использоваться

---

¹ Семенова Т.А. Указ. соч. С. 150–151.

для извлечения доходов. В ст. 10 Конституций СССР 1936 г и РСФСР 1937 г. отмечено: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан охраняются законом»¹.

Организация личного пространства граждан была связана с необходимостью решения жилищного вопроса. В послевоенный период жилищная проблема в городах стояла достаточно остро, вследствие того что объемы жилищного фонда значительно сократились (особенно в западных районах страны), были ограничены материальные возможности предприятий и организаций по строительству нового жилья. В то же время решение жилищной проблемы было актуально в контексте реализации задач восстановления страны. Наличие на предприятиях жилищного фонда (и его качество), играли важную роль в политике закрепления кадров, что, в свою очередь, влияло на выполнение планов предприятиями. Жилье, в котором проживало городское население страны, могло иметь различный правовой статус – принадлежать жильцу на правах личного имущества (как правило, это были неблагоустроенные домовладения), либо принадлежать предприятиям, учреждениям и организациям и передаваться жильцам (съемщикам) на правах найма. Вслед за М.М. Коршуновым и М.В. Кочетковой, жилье, предоставляемое гражданам лишь в пользование, мы будем обозначать понятием «социальное жилье»².

Состояние и объем социального жилищного фонда в городах РСФСР после окончания войны было различным. В западных районах, находившихся в оккупации, значительная часть жилого фонда была разрушена. На 1 января 1949 г. объем жилого фонда г. Смоленска составлял всего 41% от объема жилого фонда города до оккупации, в Вязьме данный показатель равнялся 36%, в Новгороде – 51%, в Воронеже – 56%³. Хотя Урал и Сибирь не находились в оккупации, вследствие увеличения численности горожан (за счет эвакуированных

---

¹ Конституция СССР ... // Известия. 1936. 6 декабря. С. 2; Конституция РСФСР ... // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2. С. 2.

² Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Указ. соч. (дата обращения: 08.02.2019).

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 6. Л. 102.

и мобилизованных), жилищная ситуация в городах данных регионов была критической. Обостряло жилищную проблему качество имеющегося жилищного фонда. Значительную его часть составляло так называемое «временное жилье» представленное деревянными бараками. В Нижнем Тагиле, Каменск-Уральском означенный объем данного жилья составлял 25-30%¹.

Строительство городского социального жилья велось различными министерствами и ведомствами, хотя планы зачастую не выполнялись. Министерство коммунального хозяйства РСФСР выполнило план капитальных работ по жилищному, коммунальному и культурно-бытовому строительству 1946–1948 гг. на 47%, министерство здравоохранения СССР – на 38%, министерство вооружения СССР – на 35%; министерство промышленности строительных материалов – на 67%, министерство авиационной промышленности – на 39%, министерство сельскохозяйственного машиностроения – на 68%².

Всего за период с 1946 по 1950 г. в Башкирской АССР было построено 1 069 400 кв. м. жилья³. В Свердловской области в 1946 г. было введено в эксплуатацию 135 000 кв. м. жилья⁴, а в 1951 г. за счет государственных ассигнований было построено 507 000 кв. м. жилья⁵. Всего по РСФСР городскими государственными и кооперативными организациями было построено: в годы четвертой пятилетки – 45 000 000 кв. м. жилья, в период пятой пятилетки – 79 300 000 кв. м. жилья⁶. Уровень благоустройства жилого фонда в городах РСФСР на 1 октября 1953 г. определялся следующими характеристиками: из 799 городов республики 652 имели водопровод, 347 – канализацию, 121 – тепловые сети, 25 – газовые сети⁷.

Формы социального жилья различались в зависимости от отраслевой принадлежности предприятий, профессионального статуса сотрудника. Рабочим, пришедшим на предприятия (в порядке свободного найма, набранным по орг-

---

¹ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 166.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 6. Л. 103.

³ Харрасов Ф.Ф. Жилищное строительство в Башкирской АССР в 1945–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2016. С. 22.

⁴ Уральский рабочий. 1947. 1 января. С. 2.

⁵ Мамяченков В.Н. Жилищно-коммунальное строительство в 1950-х: борьба с «излишествами» или плата за дешевизну // УрФО: Строительство. ЖКХ. 2011. № 7 (63). С. 13.

⁶ РСФСР за 40 лет. ... С. 92.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1682. Л. 164–170.

набору, выпускникам ФЗО, РУ и пр.), как правило, предоставлялось место в общежитии (проживание в стесненных условиях общежития, естественно, не предполагало передачи данного жилья в собственность). Формально, качество жилищных условий общежития (и норма жилплощади – 4,5 кв. м. на чел.) оговаривалось в тексте трудового договора, заключаемого с вновь пришедшим на предприятие работником¹. На предприятиях некоторых отраслей рабочие могли претендовать на улучшение условий проживания в общежитии – предоставление отдельной комнаты при наличии хороших результатов труда и стаже более года².

Помимо общежитий предприятия располагали определенным объемом жилищного фонда (квартиры, комнаты) предоставляемого сотрудникам. Как правило, на предприятиях фиксировалась нехватка ведомственного жилья. Объемы жилищного строительства, проводимого министерствами и предприятиями, обозначались в ежегодных планах экономического развития. Не смотря на важность решения жилищного вопроса, планы по ведомственному жилищному строительству регулярно не выполнялись, и жилищная проблема стояла достаточно остро на предприятиях большинства хозяйственных министерств. Так, например, по состоянию на 1 июля 1947 г. годовой план строительства ведомственного жилья был выполнен по министерствам: черной металлургии – на 9%; цветной металлургии – 8,6%; химической промышленности – на 17,5%; резиновой промышленности – на 13,3%³. Министерством угольной промышленности западных районов план ввода в действие ведомственной жилой площади в 1947 г. был выполнен на 38,4%; Министерством угольной промышленности восточных районов – на 47%⁴. Проблематика низких темпов строительства предприятиями жилья (или фактического отсутствие этого строительства) обсуждалась на страницах послевоенных СМИ. В частности заметки, в которых указывалось на то, что Великолукский мясокомбинат вообще не строит жилья для своих сотрудников, несколько раз появлялась на страницах областной газе-

---

¹ ГА РФ Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 24; Д. 279. Л. 37, 390.

² Там же. Д. 316. Л. 285.

³ Там же. Д. 307. Л. 297.

⁴ Там же. Д. 329. Л. 267.

ты «Великолукская правда» в 1946 г.¹ Нерешенность жилищной проблемы являлась темой сообщений власть имущих в вышестоящие инстанции. В донесении Первого секретаря МК КПСС Н.С. Хрущева, направленном в Президиум Совета Министров СССР в январе 1952 г. отмечены факты неудовлетворительного строительства жилья в г. Москве, ведущегося Министерством путей сообщения: «Строительные организации МПС, имеющие в Москве около 10 тыс. рабочих, строят жилые дома крайне медленно»².

Помимо неудовлетворительных темпов строительства ведомственного жилья, существовала определенная иерархия в его распределении. Преимущество в обеспечении (как в плане очередности, так и качества) имели руководители предприятий, ИТР и высококвалифицированные работники. В Постановлении Совета Министров СССР № 3211 от 10 сентября 1947 г. утверждалось требование: «Обеспечить в течение 1947–1950 гг. всех начальников, главных инженеров, главных механиков и маркшейдеров шахт, начальников и механиков подземных участков и горных мастеров должностными меблированными квартирами»³. Среди рабочих и служащих промышленных предприятий преимущество в распределении жилья имели стахановцы, а также кадровые рабочие с большим стажем работы. В заметках в газетах, посвященных заселению новых домов, как правило, уточнялся профессиональный статус и стаж новоселов: «старый кадровый рабочий московского завода “Красный пролетарий” слесарь Н.М. Соболев получил отдельную квартиру в новом благоустроенном доме»⁴; «благоустроенную квартиру получил знатный сталевар тов. Мишуков»⁵; «новое жилье из трех комнат ... получил старейший рабочий Ново-Тагильского металлургического завода старший миксеровой мартеновской печи № 2 тов. Устиновский, ... двухкомнатная квартира дана инвалиду Отечественной войны швейцару Дворца культуры тов. Набиулину»⁶. Презентация в прессе

---

¹ Почему на мясокомбинате не строят жилища // Великолукская правда. 1946. 1 июня. С. 2. «Почему на мясокомбинате не строят жилища» // Великолукская правда. 1946. 15 августа. С. 2.

² Горлов В.Н. Указ. соч. С. 52.

³ Постановление Совета Министров СССР № 3211 от 10 сентября 1947 г. «О преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и строительства угольных шахт» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311. Л. 129–134.

⁴ Труд. 1948. 11 мая. С. 1.

⁵ В новые квартиры // Тагильский рабочий. 1950. 1 января. С. 1.

⁶ В новые квартиры // Тагильский рабочий. 1956. 15 января. С. 1.

данной системы «отбора» трудящихся, заселяющихся в новые квартиры, носила пропагандистский характер, формируя у граждан отношение к жилью как к награде за непрерывный стаж работы и высокую трудовую активность. Еще одним критерием «отбора» претендентов на социальное жилье от предприятия был семейный статус трудящихся. Норма занимаемой жилплощади равнялась 9 кв. м. на человека, поэтому у одиноких граждан шансов получить отдельную квартиру фактически не было, они могли рассчитывать только на общежитие или комнату: «В 1949 году тысячи семей рабочих ... переселились в новые светлые благоустроенные квартиры, а одиночки – в хорошие, специально оборудованные общежития комнатного типа»¹.

Жилищным фондом располагали как предприятия и организации, так и местные Советы. В начале 1951 г. в СССР в ведении хозяйственных министерств, учреждений, предприятий находилось 56% всего общественного жилого фонда, а в ведении местных Советов – 44%.² В РСФСР в 1950 г. обобществленная жилая площадь составляла 69% от всего жилищного фонда в республике (из которой 24% находилось в ведении местных Советов, а 45% в ведении министерств и ведомств)³.

Правила предоставления гражданам ведомственного жилья регулировались нормативными актами Министерства коммунального хозяйства, постановлениями Пленума Верховного суда СССР и пр. 30 августа 1947 г. Министерством коммунального хозяйства РСФСР был издан приказ № 727 утвердивший Инструкцию «О заключении договоров найма жилых помещений в домах, находящихся в ведении местных Советов, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций»⁴. Согласно данному документу, договор найма жилого помещения заключался со съемщиком на срок не свыше 5 лет. В соответствии с действующими в РСФСР жилищно-санитарными нормами (9 кв. м. на человека) определялся объем предоставляемого ведомственного жилья, а также излишки жилой площади. Согласно постановлению Пленума Верховного

---

¹ В новые квартиры // Тагильский рабочий. 1950. 1 января. С. 1.

² Гольденберг А.М. Основные вопросы организации финансов социалистического жилищного хозяйства. М., 1950. С. 35.

³ Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. ... С. 359.

⁴ Информационный портал СССР. URL: <http://sssr.regnews.org/doc/rq/yl.htm> (дата обращения 17.07.2019).

Суда СССР от 12 декабря 1940 г. № 46/23/У запрещалось жилищным органам заселение под жильем мест общего пользования (передних, коридоров, кухонь и чуланов)¹. Оплата социального жилья в послевоенный период осуществлялась согласно тарифам, утвержденным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках»². Размер квартирной платы определялся площадью и качеством жилья, объемами доходов квартиросъемщика. Квартирная плата исчислялась по заработку или доходу одного из членов семьи, получающего больший в семье заработок или доход (вне зависимости от суммарного дохода семьи)³. Для рабочих и служащих, месячный заработок которых составлял более 145 руб., квартирная плата составляла 44 коп. за кв. м., а также взималась надбавка в размере 3,3 коп. за каждые 10 руб., получаемых съемщиком сверх 145 руб. заработной платы. Общая сумма квартирной платы не должна была превышать предельного размера – 1 руб. 32 коп. за кв. м.⁴ Излишки занимаемой площади (превышающие нормы в 9 кв. м. на человека), оплачивались съемщиком в тройном размере соответствующих квартирных ставок⁵. (Дополнительно к квартирной плате отдельно оплачивались: электрическое освещение, отопление, газ, телефон). В зависимости от качества жилья устанавливались коэффициенты, понижающие его оплату: полуподвальные помещения оплачивались со снижением на 50%, если в жилой комнате находилась печь, или плита (при отсутствии общей кухни), оплата составляла 75% от исчисленного объема⁶. Для отдельных категорий граждан устанавливались льготы при оплате жилья. Семьи офицеров оплачивали жилье по ставке в 1% от заработной платы за кв. м.; в случае призыва члена семьи в армию образовавшиеся излишки площади оплачивались в одинарном размере⁷. Суммы квартирной платы несколько различались по регионам РСФСР (см. табл. 18).

---

¹ Консультации «Труда». Ответы на вопросы читателей газеты «Труд» по трудовому и жилищному законодательству. М., 1949. С. 157–158.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1928 г. № 53. Ст. 402.

³ Консультации «Труда». ... С. 167.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1928 г. № 53. Ст. 402.

⁵ Там же.

⁶ Консультации «Труда». ... С. 169, 170.

⁷ Там же. С. 170, 171.

Немаловажно отметить, что жилье, предоставляемое предприятиями или местными Советами, не было закреплено за жильцами на постоянной основе. В случае необходимости съемщики жилья могли быть переселены в другое жилье. В послевоенный период действовали законодательные нормы, согласно которым жильцы могли быть выселены в административном порядке без предоставления другого жилья, либо им могло быть отказано в продлении договора найма жилого помещения, в ряде случаев: если жильцы систематически портят и разрушают жилое помещение; не дают возможности нормального проживания другим жильцам; по истечении шести месяцев после фактического выезда из данного жилого помещения; если съемщик не внес квартирной платы в течение трех месяцев. Также съемщик терял право пользования жильем по истечении шести месяцев после фактического выезда из него¹.

Таблица 18

Средняя квартирная плата за 1 кв. м. жилой площади (без оплаты отопления, освещения и пр.) по жилищному фонду местных Советов (руб.)²

Город	1949 г.	1950 г.
Москва	1,25	1,27
Ленинград	1,32	1,32
Горький	1,16	1,18
Куйбышев	1,16	1,20
Ростов-на Дону	1,24	1,29
Свердловск	1,26	1,28
Сталинград	1,31	1,25
Челябинск	1,23	1,25
Кемерово	1,09	1,11
Магнитогорск	1,18	1,23

Как правило, применительно к ведомственному жилью можно было говорить только о пользовании жилым помещением, а не о праве собственности, но в отдельных случаях ведомственное жилье закреплялось за гражданами. Данные случаи оговаривались специальными постановлениями и распоряжениями правительства. Так, например, в 1947–1948 гг. были приняты постановления Совета Министров СССР, согласно которым ИТР, горным и буровым мастерам,

¹ Там же. С. 157.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1050. Л. 3.

бригадирам предприятий министерства геологии, угольной и цветной промышленности, строительстве угольных шахт, проработавшим на шахтах не менее 25 лет, и горным и буровым рабочим, проработавшим на шахтах не менее 15 лет и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности или по старости, занимаемые ими квартиры предоставлялись в пожизненное пользование¹. Отдельными постановлениями Совета Министров СССР за семьями умерших хозяйственных руководителей, военных, деятелей науки и искусства закреплялись занимаемые квартиры (устанавливались дополнительные льготы по оплате жилья)². В целом закрепление за гражданами занимаемого ими ведомственного жилья было скорее исключением из правил, льготой, предоставляемой отдельным категориям горожан за трудовые заслуги.

Помимо ведомственных источников существовали и другие варианты получения горожанами жилья. Рабочим промышленных предприятий, желающим остаться на предприятии на длительный срок, предоставлялась ссуда на решение жилищного вопроса – 10 000–20 000 руб. (в зависимости от отрасли предприятия) со сроком погашения – 7–10 лет (см. прил. 1.1, 1.7). Данное индивидуальное жилье представляло собой жилой деревянный (реже каменный) дом без санитарно-технического оборудования. Индивидуальный дом мог быть получен горожанами двумя способами: приобретен у предприятия, либо построен самостоятельно.

Перейдем к рассмотрению первого варианта – *покупки жилья* сотрудниками предприятий. В послевоенный период были приняты меры, направленные на увеличение объемов и темпов строительства индивидуального жилья промышленными предприятиями. В Постановлении Совета Министров СССР от 25 августа 1946 г. № 1897 утверждалось требование построить в течение второго полугодия 1946 г и 1947 г. 50 650 индивидуальных жилых домов, которые должны были продаваться в собственность рабочим и служащим по ценам – 8 000 (деревянный двухкомнатный дом с кухней); 10 000 (деревянный трехкомнатный дом с кухней или каменный двухкомнатный дом с кухней); 12 000 руб. (каменный трехкомнатный дом с кухней). Для предоставления рабочим и слу-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311. Л. 129–134; Д. 314. Л. 312–314; Д. 344. Л. 134–137.

² Там же. Д. 289. Л. 320; Д. 290. Л. 133, 166.

жащим возможности приобретения в собственность жилья Совет Министров СССР обязал Центральный Коммунальный Банк выдавать ссуды 8 000 – 12 000 руб.¹ (см. прил. 1.7). В 1946–1949 гг. были приняты постановления Совета Министров СССР от 8 августа 1947 г. № 2804; от 16 ноября 1947 г. № 3443; от 24 апреля 1948 г. № 1377; от 1 февраля 1949 г. № 438 и др., утверждавшие требование построить: 3000 индивидуальных жилых домов (1947 г.) для продажи работникам локомотивных бригад; 2000 индивидуальных домов в 1947 и 10 600 в 1948 г. для продажи рабочим, ИТР и служащим лесозаготовительных и сплавных предприятий; 3500 индивидуальных домов (ежегодно в 1948, 1949, 1950 гг.) для продажи сотрудникам предприятий тяжелой индустрии; 1066 индивидуальных домов (в 1949 г.) общей площадью 32 000 кв. м. для продажи рабочим, ИТР, занятым на строительстве предприятий тяжелой индустрии² (см. прил. 1.7). Планы выполнялись крайне неудовлетворительно. Низкие темпы и объемы строительства индивидуального жилья были отмечены в Постановлении Совета Министров СССР № 2736 от 2 августа 1947 г.: к 1 июля 1947 г. ввод в действие жилой площади (по индивидуальным жилым домам) составил по министерствам (в % к годовому плану): черной металлургии – 15,3%; цветной металлургии – 7,4%; химической промышленности – 5,4%; резиновой промышленности – 7,4%; строительства предприятий тяжелой индустрии – 5,5%³. В качестве первостепенного негативного следствия низких темпов строительства индивидуального жилья указывалось на сохранение высокого уровня текучести кадров в индустрии Урала, Сибири и Дальнего Востока⁴.

В Постановлении № 3905, принятом Советом Министров СССР 20 октября 1948 г., было отмечено неудовлетворительное выполнение министерствами

---

¹ Постановление Совета Министров СССР от 25 августа 1946 г. № 1897 «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д.283. Л. 67.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 308. Л. 17–22; Д. 316. Л. 284–289; Д.332. Л. 149–152; Д. 359. Л. 52.

³ Постановление Совета Министров СССР № 2736 от 2 августа 1947 г. «О выполнении в 1947 году постановления Совета Министров СССР о мероприятиях по улучшению материальных и бытовых условий рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке министерствами: черной металлургии, цветной металлургии, химической промышленности, резиновой промышленности и строительства предприятий тяжелой индустрии» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 307. Л. 298.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 307. Л. 298.

и ведомствами планов строительства индивидуального жилья¹. Предприятиями, находящимися на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, в 1946–1947 гг. было построено 14 788 индивидуальных домов (вместо 50 650 домов, предусмотренных планом). План строительства индивидуальных домов был выполнен по министерствам: электропромышленности – на 6,1%; транспортного машиностроения – на 9,4%; текстильной промышленности – на 10,4%; электростанций – на 13,6%; сельскохозяйственного машиностроения – на 17%; авиационной промышленности – на 20,4%; автомобильной и тракторной промышленности – на 23,5%². По всем промышленным министерствам за 9 месяцев 1948 г. годовой план строительства индивидуальных жилых домов для продажи сотрудникам был выполнен всего на 26%. Неудовлетворительное выполнение плана индивидуального жилищного строительства объяснялось «отсутствием должного внимания к этому важному мероприятию со стороны ряда министерств», «необеспеченностью строек материалами и рабочей силой», а также наличием «значительного разрыва между стоимостью строительства жилых домов и продажной ценой на них»³. Постановлением № 3905 утверждалось требование ввести в действие в четвертом квартале 1948 г. 10 956 индивидуальных жилых домов общей площадью 302 800 кв. м.⁴, но в отличие предшествующих правительственных решений, данным Постановлением были скорректированы объемы строительства и система приобретения гражданами построенного индивидуального жилья. Во-первых, с 1 января 1949 г. министерства и ведомства должны были строить для продажи сотрудникам только 10–15% индивидуальных домов от общего объема жилищного строительства, установленного для них планом. Для сравнения, согласно Постановлению Совета Министров СССР № 1897, принятому 25 августа 1946 г., соотношение индивидуальных и коммунальных жилых домов равнялось 45% к 55% (в натуральных величинах: 50 650 индивидуальных домов и 55 000 квартир в коммунальных домах)⁵. Во-вторых, с

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 3905 от 20 октября 1948 г. «О строительстве индивидуальных жилых домов для продажи рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий, строек и учреждений» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 348. Л. 311

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 348. Л. 311.

³ Там же. Л. 312.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 283. Л. 67.

целью преодоления разрыва между стоимостью жилья и его продажной ценой были существенно повышены цены на индивидуальные дома. С 20 октября 1948 г. двухкомнатный деревянный дом с кухней стоил уже не 8 000 руб., а 10 800 руб., а трехкомнатный деревянный дом не 10 000 руб., а 12 700 руб. Каменный дом с двумя комнатами подорожал до 13 700 руб., а с тремя комнатами до 16 300 руб. Также постановлением утверждались новые проекты домов, еще более высокой стоимости: деревянный двухквартирный дом с двухкомнатными квартирами (22 200 руб.) или трехкомнатными квартирами (28 000 руб.); каменный двухквартирный дом с двухкомнатными квартирами (28 700 руб.) или трехкомнатными квартирами (34 000 руб.); финские дома: одноквартирный двухкомнатный щитовой дом полезной площадью 34,4 кв. м. (13 300 руб.) и полезной площадью 47,1 кв. м. (17 900 руб.), трехкомнатный дом с общей площадью 68, 1 кв. м. (23 800 руб.); немецкие дома: одноквартирный трёхкомнатный дом с мансардой, имеющий полезную площадь 63,6 кв. м (22 600 руб.), одноквартирный трёхкомнатный дом, имеющий полезную площадь 86,6 кв. м., без санитарно-технического оборудования (29.100 руб.), одноквартирный трёхкомнатный дом, (86,6 кв. м полезной площади) с санитарно-техническим оборудованием (39 000 руб.)¹. В-третьих, была ужесточены условия выдачи ссуд, предоставляемых гражданам на покупку жилья. С 1 января 1949 г. продажа индивидуальных жилых домов рабочим, ИТР и служащим должна была производиться «как правило, за наличный расчёт». В постановлении оговаривалось, что приобретение возможно «в виде исключения за счёт кредита банков», но условия кредитования корректировались. Если в 1946–1948 гг. срок погашения ссуды составлял 7–12 лет, то с января 1949 г. он сокращался до 2–3 лет. Граждане, приобретающие дома, должны были выплатить 20% от его стоимости наличными деньгами. Выплата ссуды должна была производиться ежемесячно равными долями в течение 2–3 лет с выплатой процентов. В пункте 15 данного постановления оговаривалось, что «право собственности на дом граждане приобретают после полной оплаты стоимости дома и погашения ссуды. При неуплате двух очередных взносов исполкомы местных Советов депутатов трудящихся и

---

¹ Там же. Д. 348. Л. 311

предприятия обязаны передавать в судебные органы иски о расторжении договоров на продажу дома и о возмещении связанных с этим убытков»¹. Фактически с октября 1948 г. возможность покупки гражданами индивидуального жилья у предприятий была существенным образом ограничена.

Изменение условий кредитования населения и повышение цен на приобретаемые индивидуальные дома соответствовало общей тенденции социальной политики, проводимых правительством в 1948 г. С одной стороны, в повышении цен на жилье (как в росте тарифов на социально-бытовые услуги и пр.), отразилась практика проводимой правительством «экономии», направленной на максимальную аккумуляцию государством средств за счет любых возможных ресурсов. С другой стороны, преодоление в 1948 г. проблемы кадрового дефицита в ряде отраслей отечественной индустрии стало причиной ослабления интенсивности проводимой политики закрепления кадров, что, в свою очередь, привело к усложнению условий приобретения готового индивидуального жилья сотрудниками промышленных предприятий.

Еще одним из способов решения жилищной проблемы (с приобретением гарантированного права собственности на жилье) являлось *индивидуальное жилищное строительство*. Ссуда на индивидуальное жилищное строительство предоставлялась работникам различных предприятий и отраслей отечественной индустрии². Ссуда (10 000–12 000 руб.) выдавалась на 7–10 лет. 3 ноября 1946 г. с целью увеличения объемов кредитования граждан было принято постановление Совета Министров СССР от 3 ноября 1946 г. № 2414 «О выделении дополнительного кредита в IV квартале 1946 г. на индивидуальное жилищное строительство», согласно которому Цekomбанку разрешалось предоставить Советам Министров союзных республик в IV квартале 1946 г. дополнительный кредит для выдачи ссуд на индивидуальное жилищное строительство в сумме 250 млн. руб. Применительно к РСФСР данная сумма составляла 150 млн. руб.³ Также 3 ноября 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 2412 «О выделении дополнительного кредита в IV квартале 1946 г. на капи-

---

¹ Там же.

² Там же. Д. 280. Л. 518–520; Д. 300. Л. 320–324; Д.332. Л. 149–152.

³ Там же. Д. 287. Л. 32.

тальный ремонт домов, находящихся в личной собственности граждан». На данные цели в масштабах РСФСР выделялось 11 млн. руб.¹

26 августа 1948 г. Президиумов Верховного Совета СССР был принят Указ «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов». Данным указом устанавливалось, что «каждый гражданин и каждая гражданка СССР имеют право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и вне города»². Разрешался отвод гражданам земельных участков в городе и за городом (в бессрочное пользование). В постановлении Совета Министров СССР от 26 августа 1948 г. № 3211 «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. “О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов”» были конкретизированы размеры участков, предоставляемых гражданам (в городах от 300 до 600 кв. метров; вне города – от 700 до 1 200 кв. м.), установлены обязательства граждан по уходу и содержанию в надлежащем порядке участка и прилегающих к нему территорий, а также правила, запрещавшие самовольную застройку³. 1 февраля 1949 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов». В письме Министерства юстиции СССР от 5 мая 1952 г. № П-49 указывалось, что жилые дома, построенные гражданами до 26 августа 1948 г. по договорам застройки, независимо от истечения срока действия этих договоров должны быть признаны принадлежащими этим гражданам на праве личной собственности⁴. Министерства и ведомства должны были продавать рабочим и служащим своих предприятий и учреждений «комплекты деталей стандартных одно- и двухэтажных жилых домов, ... а также отдельные детали, и материалы для строительства индивидуальных жилых домов (двери, оконные рамы, кровельный материал, кирпич, стекло и пр.)»⁵

---

¹ Там же. Л. 28.

² Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 г.–июль 1956 г. ... С. 366–367.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 343. Л. 320–321.

⁴ Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4853.htm (дата обращения: 12.06.2019).

⁵ Постановление Совета Министров СССР от 20 октября 1948 г. № 3905 «О строительстве индивидуальных жилых домов для продажи рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий, строек и учреждений» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 348. Л. 312.

Были приняты меры, направленные на развитие индивидуального огородничества рабочих и служащих. 21 марта 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление № 639 «Об отводе неиспользуемых земель колхозов под огороды рабочих и служащих в 1947 г.»¹; а 9 апреля 1947 г. было принято постановление № 940 «Об индивидуальном и коллективном огородничестве в 1947 году»². Доходы рабочих и служащих от индивидуальных огородов, выделенных предприятиями и организациями, освобождались от подоходного налога при условии, если размер земельного участка не превышал 0,15 га и в хозяйстве имелся только мелкий скот. 22 марта 1950 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 1172 «О коллективном и индивидуальном огородничестве рабочих и служащих» в котором закреплялись размеры земельных участков рабочих и служащих: в городах – 600 кв. метров и вне городов – 1200 кв. м. в зависимости от наличия земель³.

В целом, приобретение в личную собственность индивидуального жилья горожанами было сопряжено с трудностями кредитования и строительства, хотя отдельные категории советского социума получали жилье в собственность в качестве награды за трудовые заслуги. В письме А.П. Звенягина, К.М. Орлова и А.Н. Комаровского «О домах-особняках и дачах для ученых и инженеров», направленном Л.П. Берии 25 ноября 1949 г. перечисляются объекты недвижимости, которыми предполагалось премировать ученых и инженеров, отличившихся в рамках атомного проекта. Академик И.В. Курчатов премировался домом-особняком и дачей в Крыму с обстановкой (в пометках на полях документа указывалась стоимость дачи – 1 200 000 руб. (без стоимости обстановки); член-корреспондент АН СССР Ю.Б. Харитон – домом-особняком и дачей с обстановкой, стоимостью 1 200 000 руб. (в пожеланиях указывалась просьба Ю.Б. Харитона заменить дом-особняк восьмикомнатной квартирой в г. Ленинград); академик В.Г. Хлопин – домом-особняком в г. Ленинграде с семью–восьмью комнатами (стоимость 500 000–700 000 руб. без стоимости обстановки); про-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 294. Л. 85

² Там же. Д. 296. Л. 382–384.

³ Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4778.htm (дата обращения: 12.06.2019).

фессор Н.А. Доллежалъ – двухэтажной дачей с шестью-семью комнатами (стоимость 500 000–700 000 руб. без стоимости обстановки) и т.п.¹

Таким образом, жилищная политика, проводимая советским государством в послевоенный период, соответствовала общей векторности социально-экономического регулирования данных лет. Качество жилья, как и право собственности на него было в значительной степени дифференцировано. Пропорционально росту квалификации и профессиональной значимости работника, его роли, определяемой системой координат государственных интересов, увеличивались размеры доступного горожанам жилья, расширялись права собственности граждан в отношении данного имущества.

В рассмотрении проблематики личной собственности граждан важным аспектом является наличие у них прав распоряжения ею. Как отмечалось выше, в ст. 10 Конституций СССР 1936 г и РСФСР 1937 г. декларировалось право граждан на наследование личной собственности². Согласно Гражданскому Кодексу РСФСР 1922 г. допускалось наследование по закону и по завещанию (ст. 416). В то же время действовали нормы, ограничивающие права граждан в распоряжении своим имуществом: был установлен предельный объем наследства – 10 000 руб. (излишки переходили к государству) (ст. 417); в случае отказа наследника от наследства его доля переходила к государству (ст. 429)³. 14 марта 1945 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О наследниках по закону и по завещанию», в котором был расширен круг наследников (трудоспособные родители, братья, сестры, внуки и пр., при отсутствии законных наследников имущество могло быть завещано любому лицу), установлена очередность наследования, а также отменено правило о переходе к государству доли наследника, отказавшегося от наследства – она переходила к иным наследникам по закону⁴. Принятие данного указа усилило правовую защиту наследников – наследодатель не мог лишить несовершеннолетних наследников и других нетрудоспособных лиц доли, причитающейся им по закону. Но сохранялись

---

¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы. ... Т. 2. Книга. 4. С. 754–757.

² Конституция СССР ... // Известия. 1936. 6 декабря. С. 2; Конституция РСФСР ... // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1937. № 2. С. 2.

³ Гражданский Кодекс РСФСР. 1922 г. URL: <http://музейреформ.рф/node/13715> (дата обращения: 12.06.2019).

⁴ Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938–июль 1956 г. ... С. 366.

определенные ограничения, касающиеся процедуры наследования. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР «О применении указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. “О наследниках по закону и по завещанию” и других вопросах наследования» не допускался отказ наследников от своей доли наследства в пользу кого-либо из других наследников (отказ мог быть только безусловным)¹, также указывалось, что при отказе наследников от наследства и отсутствии наследников других очередей наследство переходит к государству². В целом в послевоенный период были несколько расширены права граждан в отношении наследования имущества. Наследовать могли предметы домашней обстановки и обихода, личные вещи, а также жилые строения находящиеся в личной собственности граждан.

Еще одним аспектом распоряжения личным имуществом являлась возможность его купли-продажи гражданами. В действующем в послевоенный период УК РСФСР 1927 г. оговаривались ограничения по продаже определенных объектов. Во-первых, действовал запрет на продажу земли. Согласно ст. 87-а УК РСФСР купля-продажа земли (совершенная в прямой или скрытой форме), дарение, залог, а также самовольная мена земельных участков, трактовались как нарушения закона о национализации земли, караясь лишением свободы на срок до трех лет «с отобранием от приобретателя земли, явившейся предметом сделки, а также полученного за эту землю денежного или имущественного вознаграждения и с лишением права на надел на срок до шести лет»³. Передача арендованной земли другому лицу (субаренда) каралась лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года (при отягощающих обстоятельствах – срок увеличивался до двух лет).

Во-вторых, в соответствии со ст. 98 УК РСФСР была запрещена продажа и покупка квартир и комнат в городских муниципализированных и национализированных владениях (т.к. они не являлись личной собственностью граждан). Под «продажей» понималось «взимание платы за предоставление жилой площади помимо квартирной платы», т.е. сдача жилья внаем с целью извлечения

---

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР ... С. 149–150.

² Там же.

³ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... С. 54.

доходов. Данная деятельность санкционировалась штрафом размером не свыше пятикратного размера договоренной платы¹. Допускалась не предполагающая извлечения доходов сдача жилья в поднаем. В Инструкции «О заключении договоров найма жилых помещений в домах, находящихся в ведении местных Советов, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций», принятой Министерством коммунального хозяйства РСФСР 30 августа 1947 г., указывалось, что: «Съемщик вправе сдавать в поднаем жилое помещение временным жильцам при условии, если при их вселении норма площади окажется не ниже 5 кв. метров на человека»². Не муниципализированные жилые строения граждан (владения) могли быть предметом купли-продажи (Ст. 182 ГК РСФСР 1922 г.). Владением признавался дом с примыкающими к нему жилыми и дворовыми постройками. Действовали определенные ограничения: в руках семьи (супругов, несовершеннолетних детей) не должно было оказаться более одного владения; одна семья в течение 3-х лет могла продать только одно владение³.

Правовые нормы в отношении продажи личных вещей были неоднозначны. С одной стороны, предпринимательская деятельность граждан классифицировалась по ст. 107 УК РСФСР (спекуляция), караясь лишением свободы сроком от 5 до 10 лет⁴. С другой стороны, продажа населением вещей не всегда трактовалась как спекулятивная деятельность. В тексте постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 сентября 1946 № 10/8/у «О судебной практике по делам о спекуляции» указывалось, что «случайная продажа или обмен трудящимися вещей, приобретенных ими для личного пользования, а не для перепродажи ... без нарушения установленных правил торговли не содержат в себе состава уголовного преступления»⁵. С целью декриминализации практик продажи личных вещей, в Постановлении Совета Министров СССР № 2445 от 9 ноября 1946 г. был предусмотрен пункт № 11, в котором утверждалось требование: «Разрешить артелям промысловой кооперации и кооперации инвалидов

---

¹ Там же. С. 58.

² Информационный портал СССР. URL: <http://sssr.regnews.org/doc/rq/yl.htm> (дата обращения: 12.06.2019).

³ Гражданский Кодекс РСФСР. 1922 г. ... (дата обращения: 12.06.2019).

⁴ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... С. 38–39.

⁵ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР ... С. 32–34.

производить скупку предметов личного потребления и домашнего обихода для реставрации и последующей продажи населению по ценам, устанавливаемым самими артелями, включая в цены до 15% прибыли»¹. В целом, грань между спекуляцией и некриминальной продажей гражданами личных вещей была достаточно зыбкой. Законодатель определял ее по наличию соответствующего мотива – «с целью наживы», а также по объемам продаж и источникам продаваемого товара (хотя эти признаки были не достаточно конкретны).

Еще одной важной составляющей, при характеристике имущественных прав граждан являлась законодательная защита их личной собственности. По сравнению с собственностью социалистической, защита личной собственности граждан регулировалась значительно меньшим количеством статей УК РСФСР 1926 г.: использование опеки в корыстных целях (занятие жилой площади, использование имущества, оставшегося после смерти родителей и т.п.) и оставление опекаемых детей без необходимой материальной помощи (п. 1 ст. 158 УК РСФСР); тайное похищение чужого имущества (ст. 162 а-е УК РСФСР); кража электрической энергии (ст. 163 УК РСФСР); похищение лошадей, крупного скота, огнестрельного оружия (ст. 166, 166-а УК РСФСР); разбой (ст. 167 УК РСФСР); присвоение с корыстной целью чужого имущества, вверенного для определенной цели, или растрата этого имущества (ст. 168 УК РСФСР); злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества (мошенничество) (ст. 169, 170 УК РСФСР); вымогательство (ст. 174 УК РСФСР); умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам (ст. 175 УК РСФСР)². На приоритетность государственной защиты социалистической собственности в сравнении с личным имуществом граждан указывают и иные факты. Во-первых, сроки наказания за преступления, наносящие ущерб личному имуществу граждан, были ниже, чем за посягательства на социалистическую собственность. Применение высшей меры наказания предусматривала только одна статья – разбой (ст. 167 УК РСФСР) (в случае воо-

---

¹ Постановление Совета Министров СССР № 2445 от 9 ноября 1946 г. «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 287. Л. 75.

² Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... С. 52–54.

руженного разбоя при особо отягчающих обстоятельствах). В остальных случаях данная статья предусматривала наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет (в случае смерти или тяжелых увечий потерпевшего – до 10 лет). Во-вторых, сущностно схожие преступления предполагали разные сроки лишения свободы в зависимости от того, государственному или личному имуществу граждан был нанесен ущерб. Так ст. 175 УК РСФСР «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам», предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до 6-и месяцев или штраф до 500 руб. Аналогичное умышленное преступное деяние, но направленное на «истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям» (ст. 79 УК РСФСР), санкционировалось лишением свободы на срок до одного года. Аналогичное увеличение срока наказания в случае причинения ущерба государству фиксируется и в тексте ст. 169 УК РСФСР «Злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод (мошенничество)». В случае, если в результате мошенничества был нанесен ущерб личному имуществу граждан, срок лишения свободы составлял до двух лет, а причинение убытка государственному или общественному учреждению, каралось лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества.¹

В послевоенный период повысился уровень криминализации советского социума. В 1946 г. было зарегистрировано 546 275 уголовных преступлений, в 1947 г. их количество по стране составило – 453 165.² Возросло не только количество хищений социалистической собственности, но число разбойных нападений и краж личного имущества граждан. Кражи и грабежи совершались в квартирах горожан, на улицах, на огородах рабочих и служащих. В отношении последних весной 1946 г. Министерство юстиции дало указание правоохранительным органам на местах: «Дела о хищениях и потравах на огородах рабочих и служащих должны рассматриваться судом не позднее, чем в десятидневный срок. При определении размера ущерба от потрав и хищений на индивидуальных огородах, суды должны исходить из рыночных цен на семена, картофель,

---

¹ Там же.

² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 184.

овоши и другие сельскохозяйственные продукты»¹. В 1946 – первой половине 1947 гг. проблема краж личного имущества обсуждалась в рубрике «Предложения читателей к разработке проектов УК и УПК СССР» публикуемой на страницах журнала «Социалистическая законность». (Хотя, в сравнении с количеством предложений, касающихся санкций за посягательства на социалистическую собственность, замечаний по правовой защите личного имущества граждан было значительно меньше). Авторы требовали усиления санкций в отношении преступников, совершающих кражи личного имущества граждан: «Нельзя терпеть, чтобы плодам многолетней работы советского человека, трудящегося на пользу государства, был нанесен ущерб, в результате воровских махинаций преступных элементов, которые хотят жить за счет труда других»². В.Е. Чугунов (г. Пятигорск) требовал ввести дифференцированную систему наказаний за кражу в зависимости от квалификации преступления, ужесточив санкции³.

В рамках кампании по борьбе с хищениями 4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «Об усилении охраны личной собственности граждан»⁴. Кража личного имущества граждан каралась заключением в ИТЛ на срок от 5 до 6 лет, квалифицированная кража – от 6 до 10 лет. Наказание за разбой предусматривало – заключение в ИТЛ на срок от 10 до 15 лет, квалифицированный разбой – от 15 до 20 лет с конфискацией имущества. Всего в стране в 1947 г. было зафиксировано: убийств с целью ограбления – 2 827; вооруженных ограблений – 2 462; невооруженных ограблений 20 046; квалифицированных краж – 118 998; простых краж – 182 143; карманных краж – 20 544⁵. Количество граждан, осужденных за данное преступление, было сравнительно меньше, чем за хищения социалистической собственности. В 1947 г. за кражу личного имущества было осуждено 254 тыс. чел., а в 1948 г. – 117 тыс. чел., в 1949 г. – 89 тыс. чел., в 1950 г. – 68 тыс. чел.⁶ Принятие данного Указа,

---

¹ Охрана интересов рабочих-огородников // Красный Север. 1946. 2 апреля. С. 1.

² Усилить борьбу с хищениями государственной, общественной и личной собственности // Социалистическая законность. 1947. № 8. С. 2.

³ Предложения читателей по проектам УК и УПК СССР // Социалистическая законность. 1947. № 6. С. 16.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 184.

⁶ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 8073. Л. 13.

несколько снизило статистику хищений личной собственности граждан. Наиболее значительным было снижение в Дагестанской, Мордовской и Татарской АССР, в Приморском крае, в Вологодской, Горьковской, Калининской, Куйбышевской, Ленинградской, Новгородской, Ульяновской и Ярославской областях, а также в городах Москве, Ленинграде, Горьком и Новосибирске¹. По данным Н. Верта за шесть лет (1947–1952 гг.) за кражу личной собственности были осуждены около 700 тысяч человек (средний срок составлял 6 лет)². В 1954 г. по статье за кражу личной собственности в Свердловской области было возбуждено 1450 уголовных дел (1688 чел.); в первом полугодии 1955 г. – 765 уголовных дела (924 чел.)³. Кражи личной, а не общественной собственности преобладали в среде несовершеннолетних. В 1953, 1954 гг. в Свердловской области за хищения общественной собственности было осуждено 176 и 120 несовершеннолетних соответственно, а за кражу личного имущества граждан – 359 и 344 несовершеннолетних соответственно⁴.

В рассмотрении проблематики защиты личной собственности необходимо подробнее остановиться на конфискации, как законодательных санкции, применяемой в отношении личного имущества граждан. Согласно ч. 1 ст. 40 УК РСФСР 1926 г. конфискация определялась как «принудительное и безвозмездное отчуждение в пользу государства всего или точно определенного судом имущества осужденного, являющегося его личной собственностью или долей в общей собственности»⁵. Даже в случае полной конфискации изъятию подлежало не все имущество осужденного. Согласно ч. 2 ст. 40 УК РСФСР конфискации не подлежали необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством существования орудия мелкого кустарного, ремесленного или сельскохозяйственного производств. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 40 УК РСФСР 1926 г. оставляемые в распоряжении осужденного и членов его семьи предметы питания и денежные суммы не мог-

---

¹ Там же. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 187.

² Верт Н. Указ. соч. С. 156.

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 172. Л. 18.

⁴ Там ж. ДОСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 113. Л. 81.

⁵ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. ... С. 13.

ли, по своей оценке, в общей сложности быть ниже среднего трехмесячного заработка рабочего данной местности на каждого члена семьи¹.

По подсчетам исследователей в УК РСФСР 1926 г. (в редакции от 5 марта 1926 г.) предусматривалась частичная или полная конфискация имущества граждан: в 36 санкциях статей особенной части (без учета отдельных частей)², либо в 58 санкциях статей (с учетом отдельных частей в статьях норм, включая нормы, в которых оговаривается изъятие определенной группы имущества (орудий, средств совершения преступления, имущества, добытого незаконным путем и т.п.)³. В целом, в зависимости от способа подсчета, конфискация предусматривалась в 20–25% санкций всех статей особенной части УК РСФСР. В оценке масштабов использования конфискации можно согласиться с выводом А.А. Пропостина, по мнению которого, сфера ее возможного применения по УК РСФСР была довольно значительной и не зависела от тяжести совершенного деяния⁴. Анализируя динамику изменения сферы применения конфискации в законодательстве РСФСР, А.А. Пропостин приходит к выводу об ее ограничении на протяжении второй половины 1920-х–1950-х гг.⁵ Выводы А.А. Пропостина основываются на сопоставлении двух документов: УК РСФСР 1926 г. (в ред. от 05.03.1926 г.) и УК РСФСР 1960 г. и в этом компаративном контексте справедливы. Но, если проанализировать изменения норм УК РСФСР (1926 г.) до 1952 г., то можно отметить противоположную тенденцию – увеличение количества статей, предполагающих санкции в виде конфискации имущества граждан. Были расширены конфискационные санкции в частях ст. 58 и ст. 59 УК РСФСР (контрреволюционные и особо опасные преступления), в ст. 116 УК (растрата) и ст. 117 УК (взятка), ст. 167 УК (разбой), ст. 193 УК (воинские преступления) и т.д. По нашим расчетам к 1952 г. в действующем (дополненном) УК РСФСР насчитывалось около 80 составов норм особенной части, предусматривающих конфискацию всего или части имущества граждан, что составляло более 30% санкций всех статей особенной части УК РСФСР.

---

¹ Там же. С. 13–14

² Самгина Д.И. Конфискация имущества // Наказания, несвязанные с лишением свободы. М., 1973. С. 90.

³ Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. М., 2011. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 27, 29.

Перечень имущества граждан, не подлежащего конфискации
(1933, 1947 гг.)¹

Наименование вещей	Постановление СНК РСФСР от 3.03.1933 г	Постановление СМ РСФСР от 27.07.1947г.	
		Взыскание ущерба по исполнительным листам	Взыскание ущерба, причиненного хищением и пр.
Осеннее / зимнее пальто	1 +1	1	1
Зимний / летний костюм (муж.)	1 +1	1	1
Зимнее / летнее платье (жен.)	2 +2	2	1
Фуражка	1	1	1
Шапка	1	1	
Летний / теплый платок (жен.)	2 + 1	2 + 1	1
Кожаная обувь (пара)	1	1	1
Резиновая обувь(пара)	1	–	
Валяная обувь (пара)	1	1	
Белье (смена)	3	2	2
Матрас	1	1	1
Подушка	1	1	1
Простынь	2	1	1
Наволочка	2	1	1
Одеяло	1	1	1
Личное полотенце	2	2	1
Самовар (чайник)	1	1	1
Ведро (кастрюля)	2	2	2
Примус (керосинка)	1	1	1
Скатерть	2	2	–
Кухонное / чайное полотенце	2+2	2+2	2

Таким образом, послевоенная политика в отношении личного имущества граждан была противоречива. С одной стороны, были приняты меры, направленные на расширение прав граждан в отношении личного имущества: расширены права наследования, декриминализована практика продажи личных вещей, усилена законодательная защита личного имущества, приняты нормативные документы, направленные на стимуляцию индивидуального жилищного

¹ Постановление СНК РСФСР от 3 марта 1933 г. «Об утверждении правил производства описи, ареста и продажи имущества недоимщиков при взыскании налогов и неналоговых платежей и перечня видов имущества, на которое не может быть обращено взыскание недоимок по налогам и неналоговым платежам» // Хронологическое собрание законов ... В 7 т. Т. 2. С. 273–277; Постановлением Совета Министров РСФСР от 27 июля 1947 г. «Об утверждении перечня видов имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным листам и приравненным к ним документам» // Хронологическое собрание законов ... В 7 т. Т.3. С. 601–602.

строительства. С другой стороны, приобретение жилья (неблагоустроенного) в собственность было осложнено (особенно после 1948 г.), а право собственности на благоустроенное жилье являлось скорее льготой, предоставляемой отдельным гражданам, за выдающиеся заслуги перед государством. Противоречивость политики также заключалась в усилении конфискационных санкций, реализуемых в отношении личного имущества граждан. Политика в отношении личного имущества граждан соответствовала общей направленности социального регулирования послевоенных лет. В ней была отражена дифференциация советского городского социума, которая определялась, с одной стороны, важностью отдельных категорий социума для реализации задач мобилизационной экономической модели, с другой стороны, усилением маргинализации девиантных социальных групп.

Произошедший после смерти Сталина отказ от мобилизационных методов регулирования социально-экономических процессов проявился и в корректировке законодательных норм, касающихся жилья и индивидуальных огородов граждан. Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 979 «Об огородничестве рабочих и служащих», принятом 8 апреля 1953 г., рабочим и служащим и отводились земли под индивидуальные огороды размером 0,15 га.¹ 10 сентября 1953 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об отмене административного выселения из домов государственных предприятий, учреждений и организаций рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения». Согласно данному Указу, выселение рабочих и служащих из домов государственных предприятий и общественных организаций, а также из арендуемых ими домов могло производиться лишь в судебном порядке с предоставлением выселяемым другой жилплощади. Административное выселение без предоставления жилой площади сохранялось лишь в отношении рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения в связи с увольнением по собственному желанию или за совершение преступления, а также из домов, принадлежащих промышленным предприятиям угольной, металлургической промышленности, электростанциям и транспорту, Министерству обороны СССР, Ми-

---

¹ Библиотека нормативно-правовых актов СССР. ... (дата обращения: 12.06.2019).

нистерству внутренних дел СССР. Выселению вообще не подлежали: лица, избранные на руководящие должности с освобождением от выполняемой работы; граждане, переведенные на другую работу по решениям директивных органов; инвалиды Отечественной войны, инвалиды труда I и II группы; пенсионеры по старости; персональные пенсионеры; семьи военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны; семьи лиц, находящихся на службе в армии; семьи умерших работников, которым была предоставлена жилая площадь предприятием или учреждением¹. Принятие 31 июля 1957 г. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР»² позволило многим горожанам решить свою жилищную проблему. Повышение темпов и объемов жилищного строительства способствовало увеличению количества ведомственного и личного жилья горожан. Согласно п. 23 и 24 данного Постановления Советы Министров союзных республик, крайкомы, обкомы и горкомы партии, министерства, обл- край- и горисполкомы были обязаны оказывать помощь широкому развитию строительства жилых домов на средства рабочих и служащих и с помощью государственного кредита. Поощрялось строительство многоквартирных жилых домов по типовым проектам силами индивидуальных застройщиков с сохранением прав личной собственности одного застройщика на одну квартиру. Гражданам, осуществляющим совместную постройку многоквартирных жилых домов, выдавались кредиты на жилищное строительство. Обл- край- горисполкомам рекомендовалось выделять предприятиям и организациям земельные участки для индивидуального жилищного строительства в виде поселков с расчетом застройки их в течение 3-5 лет³. Таким образом, в середине-второй половине 1950-х гг. были расширены возможности горожан не только в отношении получения жилья и индивидуальных участков, но в отношении приобретения жилья в личную собственность.

---

¹ Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 г. – июль 1956 г. ... С. 367.

² Жилищное законодательство 1953–1960 гг. URL: <http://музейреформ.рф/node/13867> (дата обращения: 12.06.2019).

³ Там же.

ГЛАВА 6. ЭВОЛЮЦИЯ ТРУДОВЫХ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ СТАНДАРТОВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1946–1956 ГГ.

6.1. Трансформация мобилизационной риторики и эталонных форм труда горожан на страницах печатных СМИ

В послевоенный период печатные СМИ являлись одним из важнейших инструментов советского пропагандистского аппарата. В СМИ публиковались информационные сообщения, обозначающие направления и содержание реализуемой социальной политики. Через тексты и визуальные образы, помещенные на страницах газет и журналов, транслировались идеологические и экономические императивы власти, этические и нравственные нормы, формировались образы «героев» и «врагов», конструировались представления граждан об окружающем мире, «правильных» жизнедеятельностных практиках. Послевоенное советское медиа пространство было представлено многочисленными печатными изданиями. В 1946 г. в стране выходило 7 039 газет¹. На протяжении первых послевоенных лет количество газет, издаваемых в стране, непрерывно возрастало, составив в 1950 г. 7 831². В первой половине 1950-х гг. количество газет несколько сократилось, составив в 1955 г. 7 246³. Ориентированная на городских жителей пресса была представлена центральными, областными, городскими и заводскими газетами разной периодичности («Правда» выходила ежедневно, областные газеты – пять раз в неделю, городские – четыре–пять раз, заводские издания – один раз в неделю). Суммарный разовый тираж изданий непрерывно увеличивался. Он составлял в 1946 г. 29,6 млн. экз., в 1950 г. – 36 млн. экз., в 1955 г. – 48,7 млн. экз.⁴ Тираж отдельных изданий существенно различался от нескольких сотен экземпляров до нескольких сотен тысяч (см. табл. 20). Тенденция роста тиража более рельефно фиксировалась на центральных и

---

¹ Печать СССР за 50 лет. Статистические очерки. М., 1967. С. 190.

² Там же. С. 142.

³ Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 - начало 90-х годов). М.: 1999. С. 59.

⁴ Кузнецов И., Мишуриц А. История партийной и советской журналистики. М., 1979. С. 87.

областных изданиях (где его рост в период послевоенного десятилетия составлял от 80% до более чем 600%). Значительно менее выраженной была динамика увеличения тиража городских газет – около 15%. Тиражи заводских изданий фактически не увеличивались, а, в ряде случаев, характеризовались уменьшением (см. табл. 20).

Таблица 20

Тираж газет и журналов 1946–1956 гг. (в экз.)¹

Наименование изданий	Годы изданий					
	1946	1948	1950	1952	1954	1956
Крокодил	150 000	150 000	275 000	300 000	400 000	700 000
Смена	33 000	60 000	73 000	120 000	120 000	250 000
Красный Север	29 700	30 000	50 000	60 000	70 000	75 000
Великолукская правда	26 000	26 000	45 000	45 000	45 000	50 000
Советская Сибирь	50 000	90 000	90 000	110 000	110 000	120 000
Уральский рабочий	75 000	н/св.	160 000	160 000	160 000	170 000
Восточно-Сибирская правда	75 000	80 000	80 000	100 000	115 000	130 000
Под знаменем Ленина	3 825	3 825	4 245	4 245	4 245	4 400
Тагильский рабочий	15 000	н/св.	25 000	25 000	25 000	25 000
Магнитогорский металл	3000	3000	3000	1200	2100**	н/св.
Кировец	*	*	*	700	700	н/св.
Металлург	1000	1000	1000	н/св.	н/св.	н/св.
Молодая гвардия	*	10 000	н/св	н/св	20 000 ***	20 000

Авторами статей, публикуемых в газетах и журналах могли являться как корреспонденты и сотрудники редакций, так и представители городского социума – работники сферы культуры и искусства, руководители предприятий и организаций, простые трудящиеся. Дискуссионным является вопрос о том, являлись ли сообщения и заметки, подписанные фамилиями обычных граждан, действительно авторскими. Серьезные сомнения в этом порождают следующие

¹ Составлено по: Кировец. 1952. 7 января. С. 2; 1954. 4 февраля. С. 2; Metallurg. 1946. 5 января. С. 2; 1948. 10 января. С. 2; Магнитогорский металл. 1946. 1 января. С. 2; 1948. 3 января. С. 2; 1950. 1 января. С. 2; 1952. 1 января. С. 2; 1952. 20 ноября. С. 2; Летопись периодических изданий СССР 1946 ... С. 112, 205, 209, 225, 302; Летопись периодических изданий СССР 1948 ... С. 131; Летопись периодических изданий СССР 1950–1954 ... С. 143, 297; Летопись периодических изданий СССР 1955–1960. Ч. 1. ... С. 626; Летопись периодических изданий СССР 1955–1960. Ч. 2. ... С. 189; Молодая гвардия. 1948. 1 января. С. 4; 1955. 1 января. С. 4. 1956. 1 января. С. 4.

* Газета не издавалась.

** Данные по 1953 г.

*** Данные по 1955 г.

факты, озвученные на областном совещании рабкоров, редакторов многотиражных и стенных газет, проходившем 15 июля 1946 г. в Свердловске. В докладе секретаря Свердловского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Пустовалова было отмечено, что в газете «Социалистический транспорт», издаваемой Надеждинским отделением Свердловской железной дороги, «то и дело мелькают подписи под заметками: Г. Лавров, О. Зинова, О. Аликина, Н. Оборина. Так называемые Г. Лавров и О. Зинова это редактор тов. Сосновский. В 25 номере газеты он выступил под этими псевдонимами 12 раз и несколько раз без подписи. О. Аликина и Н. Оборина – это штатные работники редакции – секретари ... они также выступили 12 раз за своими подписями и несколько раз без подписей. Возьмем № 48 газеты от 1 июня. В нем помещено 7 заметок. Но фактически из них в редакцию поступила только одна – заметочка зав. парткабинетом тов. Бельковой. Заметки подписаны фамилиями “Петров” и “Гаврилов” – не верьте, таких людей на заводе нет, заметки написаны работниками редакции. Под двумя заметками стоят фамилии “Гайдаров – нач. участка” и “Рыжий – пред цехового комитета”. Эти люди существуют, но заметок они не писали. Заметки “организовали” в редакции и с авторами “согласовали” по телефону. В № 49 этой же газеты было помещено 11 материалов. Три – официальные материалы, перепечатанные из центральных газет, три заметки работников редакции, ... 4 заметки также “организованы” т.е. написаны в редакции и “согласованы” с авторами и наконец, одно письмо заведующей столовой, полученное редакцией. ... Даже в критической заметке о беспорядках в общежитиях авторами не являются рабочие, живущие в этих общежитиях, ни рабкоров, направленные редакцией для проверки состояния общежития. И тут мы видим знакомые подписи – Г. Лавров. И О Аликина»¹. Вероятно, означенная проблема «организации» заметок или написания материалов работниками редакции, имеющими различные псевдонимы, была в той или иной степени характерна для печатной периодики (в большей степени регионального и заводского уровня). Независимо от авторства текстов, публикуемых в периодических изданиях 1946–1956 гг., в данной работе преимущественное внимание будет уделено их содержанию.

---

¹ ЦДОСО Ф. 4. Оп. 41. Д. 203. Л. 157.

Печатные СМИ играли важную роль в стимулировании и организации трудовой деятельности горожан. На страницах СМИ публиковались отчеты о выполнении планов, объявления о вакансиях на предприятиях, информация об охране труда и пр. Жанровые формы публикаций трудовой тематики были разнообразны (заметки, интервью, сообщения, очерки, рассказы и т.п.). В годы послевоенного десятилетия проблематике трудовой деятельности горожан было посвящено от 64,1 до 14,9% сюжетов в одном выпуске издания. Более точное количество «трудовых» сюжетов определялось спецификой печатного издания и варьировалось в рамках исследуемого периода (см. табл. 21)

Таблица 21

Количество сюжетов о труде в газетах 1946–1956 гг.
(в среднем, в % к объему номера)

Наименование Изданий	Годы изданий					
	1946	1948	1950	1952	1954	1956
Правда	50,7	46,6	40	35,5	28,5	19,4
Труд	47,2	31,8	34,1	29,3	18,9	17,4
Красный Север	48	36	27,4	24,3	23	19,2
Великолукская правда	51	45,3	32,2	25,4	26,3	18,3
Советская Сибирь	59,2	52	40	37,1	27,6	30,3
Уральский рабочий	59,4	47,4	41,8	38,2	25,5	36,2
Восточно-Сибирская правда	60,4	58	36,5	37,4	33,3	34,5
Под знаменем Ленина	48	44,3	31,3	26,2	22	16,4
Тагильский рабочий	46,1	37,1	29,8	22,6	20	14,9
Магнитогорский металл	55,4	64,1	48,2	37	31	25,2
Кировец	*	*	*	34,5	27,3	н/св.
Металлург	63,3	57,1	н/св.	н/св.	н/св.	н/св.

Проблематике трудовой деятельности горожан РСФСР отводилось от 80% до 30% от общего количества «трудовых» сюжетов изданий. Данный показатель был детерминирован: масштабами издания – в общесоюзных газетах («Правда», «Труд» и др.) показатели были ниже, в городских и заводских газетах – выше; региональной спецификой газеты – в областных изданиях промышленных регионов (Урал, Сибирь) большинство «трудовых» сюжетов было

* Газета не издавалась.

посвящено горожанам; сезонностью – в периоды активизации сельскохозяйственных работ увеличивалось число публикаций, посвященных колхозникам.

В контексте организации послевоенного «трудового подъема» печатные СМИ выполняли важную мобилизационную задачу, призывая граждан к труду: «Юноши и девушки ... не бойтесь трудностей, работайте, учитесь, благоустраивайте города и поселки. Только труд создает зажиточную и культурную жизнь»¹, а также публикуя информацию о проведении кампаний трудовой мобилизации, социалистические обязательства предприятий и пр. Объявления о проведении оргнабора регулярно появлялись на страницах газет (чаще в областных изданиях)². В текстах объявлений указывались требуемые специальности, отрасль промышленности, предприятия которой рекрутировали работников, либо информация в объявлении ограничивалась формулировкой: «для работы в промышленности». В текстах, как правило, указывались условия оргнабора: объем единовременного пособия, условия проезда, срок найма, вес багажа и пр. В газетах помещались объявления о проводимых призывах молодежи в школы ФЗО и РУ. Данная информация, как правило, публиковалась не в форме коротких сообщений, а преподносилась читателям в контексте объемных статей, где указывались: сроки призыва, количество призывников: «В нашем городе есть четыре школы ФЗО и три ремесленных училища ... в этом году в них будет призвано 1275 человек, из которых 260 юноше и девушек из Первоуральска»³; «В нашей области в течение призыва ... должно быть принято в школы ФЗО и ремесленные училища 950 детей рабочих, колхозников и служащих»⁴. В центральных изданиях публиковались статистические сводки, отражающие активность абитуриентов: «Среди молодежи наблюдается большая тяга к учебе. В Курской области поступило уже более двух тысяч заявлений от добровольцев, желающих получить образование в школах ФЗО. В Воронежской области в комиссии подана 1 тысяча заявлений, в Краснодарском крае – 1060»⁵. Помимо

---

¹ Новиков В. Молодым Сахалинцам // Молодая гвардия. 1947. 14 июня. С. 2.

² Восточно-Сибирская правда. 1946. 1 сентября. С. 4; Красный Север. 1948. 20 января; 1951. 7 февраля. С. 4; Советская Сибирь. 1950. 16 мая. С. 4, 1954. 27 января. С. 4; 1 июня. С. 4; Советский Сахалин. 1953. 31 декабря. С. 4.

³ Призыв в школы ФЗО и ремесленные училища // Под знаменем Ленина. 1946. 11 июля. С. 1.

⁴ Селезнев Г. Образцово провести призыв в школы и училища трудовых резервов // Великолукская правда. 1946. 14 июля. С. 1.

⁵ Призыв молодежи в школы ФЗО // Труд. 1947. 1 марта. С. 3.

этого в газетных публикациях подчеркивалась важность трудовой мобилизации для развития страны: «Велико народно-хозяйственное значение призыва. ... Для выполнения грандиозной программы социалистического строительства требуется постоянный приток рабочей силы в промышленность. ... Система трудовых резервов является главным каналом организованного пополнения рабочего класса в СССР»¹; описывались награды, премии и трудовые успехи, достигнутые выпускниками ФЗО и РУ: «Многие получили ордена и медали советского правительства, многие получили почетные звания лучшего рабочего города»²; «многим молодым рабочим присвоены 4-е и 5-е разряды»³. Неотъемлемой частью статей данной тематики являлось обозначение преимуществ обучения в учебных заведениях системы трудовых резервов: «Каждый юноша и девушка должны знать, что государство принимает на себя заботу о них бесплатно, обучает, кормит, одевает учащихся, иногородним предоставляет общежития»⁴. На позитивную презентацию учебных заведений системы трудовых резервов были направлены статьи, посвященные досугу учащихся, описанию бытовых условий, практик проведения занятий: «культурно и весело проводят свой досуг учащиеся ремесленного училища №6. В предвыходные и выходные дни здесь проводятся интересные мероприятия: спортивные игры, аттракционы, танцы»⁵, «Училище имеет прекрасное оборудованное общежитие, замечательный клуб и хорошую самодеятельность»⁶; «В училище работает несколько технических кружков, кружки художественной самодеятельности ... 10 спортивных секций»⁷. В статьях, посвященных проблематике учебных заведений системы трудовых резервов, подчеркивалось желание юношей и девушек в них учиться: «Юноши и девушки с большим желанием идут в школы и училища, чтобы стать хорошими мастерами, квалифицированными рабочими, стахановски трудиться ... и с гордостью произносить: – Мы – воспитанники

---

¹ Селезнев Г. Образцово провести призыв в школы и училища трудовых резервов // Великолукская правда. 1946. 14 июля. С. 1.

² Призыв в школы ФЗО и ремесленные училища // Под знаменем Ленина. 1946. 11 июля. С. 1.

³ Поправкин А. Школа ФЗО на заводе // Молодой коммунар. 1950. 7 июня. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ В шестом ремесленном // Под знаменем Ленина. 1954. 14 апреля. С. 4.

⁶ Горнштейн И. Ремесленное училище № 6 // Под знаменем Ленина. 1946. 9 августа. С. 2.

⁷ Азарин В. В тринадцатом ремесленном // Под знаменем Ленина. 1950. 30 июня. С. 3.

школ и училищ трудовых резервов»¹. В ряде случаев на страницах газет публиковались заметки, авторами которых были сами учащиеся (выпускники) школ ФЗО и РУ. В качестве примера можно привести заметку «Идите учиться вместе с нами!», представляющую собой письмо воспитанников Иркутского ремесленного училища № 1.: «Хорошо учиться у нас! Просторные светлые аудитории и кабинеты имеют все необходимые пособия, оборудование, инструменты и станки. Мастера производственного обучения ... стараются отдать весь свой многолетний опыт и знания, чтобы каждый воспитанник стал хорошим специалистом»². Заметки аналогичного содержания публиковались и на страницах других изданий³. В целом, публикации, посвященные позитивной презентации школ ФЗО и ремесленных училищ значительно чаще фиксировались на страницах областных, городской и заводских газет в период проведения призывных компаний в данные учебные заведения.

Проводимая в послевоенный период кампания, целью которой являлось пополнение промышленных кадров страны, отразилась в заметках газет и журнальных публикациях, посвященных переходу сотрудников из канцелярий и контор на производство. Так, например, в заметке «Из конторы – на паровоз!», опубликованной в газете «Великолукская правда», освещался опыт комсомольца Васильева, поменявшего должность начальника паспортного стола на работу помощника машиниста⁴. В газете «Красный Север» была помечена информация: «На текстильном комбинате им. Щербакова группа девушек, вчерашних конторщиц, начала изучать профессию ткачих. На Московском заводе малолитражных автомобилей перешли на работу в цехи двенадцать человек»⁵. Газеты промышленных регионов публиковали заметки о бухгалтерях, табельщиках и других служащих, решивших перейти работать в производственные цеха.⁶

---

¹ Дстойное пополнение рабочего класса // Молодой коммунар. 1950. 28 июня. С. 1.

² Идите учиться вместе с нами! // Восточно-Сибирская правда. 1947. 15 июля. С. 1.

³ Фелинкова В. Люблю свое дело // Под знаменем Ленина. 1946. 9 августа. С. 2; Иванова А. Моя учеба и отдых // Под знаменем Ленина. 1946. 9 августа. С. 2; Перепелицын М. Я полюбил свою специальность // Молодой коммунар. 1950. 22 ноября. С. 2.

⁴ Из конторы на паровоз! // Великолукская правда. 1946. 14 ноября. С. 1.

⁵ Из контор в цехи // Красный Север. 1946. 15 октября. С. 1.

⁶ По примеру Галины Сергеенко // Уральский рабочий. 1946. 23 ноября. С. 1; За тяжелое машиностроение. 1946. 24 октября. С. 2.

Данная кампания поддерживалась и визуальными сюжетами изданий, изображающими радостных трудящихся, ставших рабочими¹ (см. прил. 3.1).

Мобилизационная функция СМИ осуществлялась не только через эксплицитное освещение проводимых трудовых кампаний, но и носила имплицитный характер, реализуясь посредством специфической риторики. Проблематика специфики построения форм и образности советской риторики рассматривалась в отечественных филологических и исторических разработках. Преимущественное внимание уделялось анализу построения текстов выступлений советских политических лидеров, особенностям их риторики и ораторики², изучению идеологического компонента в политической лингвистике, выявлению идеологем³, ключевых слов текущего момента⁴, архетипических ключевых слов⁵, анализу образа политического лидера и его востребованности в рамках политических кампаний послевоенного периода.⁶ Проблематика риторики трудовой мобилизации ее специфики и форм не получила рассмотрения в поле отечественных научных исследований.

В рамках данного исследования, построенного на анализе материалов печатных СМИ послевоенного десятилетия, была предложена двух частная модель изучения имплицитной риторики трудовой мобилизации городского населения. Во-первых, выявлялись специфические императивные лексические формы, актуализированные на страницах СМИ, которые были призваны активизировать трудовую деятельность горожан. Во-вторых, реконструировался образ «правильной» для советского человека трудовой деятельности, популяризируемый в печатной периодике периода.

Магистральный тренд риторики трудовой мобилизации, представленной на страницах советских СМИ, определялся политическими установками руководства страны. В Обращении ЦК ВКП (б) ко всем избирателям в связи с выбо-

---

¹ Крокодил. 1946. № 32. С. 3; Смена. 1946. № 17-18. С. 22.

² Вайскопф М.Я. Указ. соч. ; Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно- исторической риторике. М., 1996; Смолененкова В.В. Указ. соч. ; Хазгеров Г.Г. Политическая риторика ... С. 112–116.

³ Купина Н.А. Тоталитарный язык ... .

⁴ Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33.

⁵ Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. Саратов, 2000.

⁶ Генина Е.С., Колязимова М.М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И.В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3. Т. 2. С. 145–150.

рами в Верховный Совет СССР (2 февраля 1946 г.) подчеркивалось: «Еще много труда и энергии должен затратить наш народ, чтобы залечить раны, нанесенные нашей стране фашистскими извергами. Перед советским народом стоит задача – полностью восстановить разрушенные врагом фабрики, заводы, электростанции»¹. Более конкретные результаты трудовой деятельности граждан по отдельным отраслям народного хозяйства были обозначены в текстах пятилетних планов². Данные политические установки многократно резонировали на страницах СМИ. Но интенсивность их востребованности и императивность в презентации на страницах изданий не была статична в рамках послевоенного десятилетия, определяя специфику мобилизационной риторики. В свою очередь модель «правильной» трудовой деятельности населения, конструируемая на страницах СМИ, отчасти определялась означенными политическими установками, но не исчерпывалась ими, включая в себя и элементы не политической природы, конкретизирующие мотивацию, должное отношение человека к труду и пр.

Вследствие того, что риторика трудовой мобилизации советских СМИ носила не только эксплицитный, но и имплицитный характер, для изучения ее специфики, содержания и эволюции в рамках периода 1946–1956 гг. были применены количественные и качественные методы изучения текстов советской газетной и журнальной периодики 1946–1956 гг. Источниковую основу составили материалы советских печатных СМИ различного уровня: центральные издания – газеты «Правда», «Труд», журнал «Смена»; областные газеты – «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск), «Красный Север» (г. Вологда), «Уральский рабочий» (г. Свердловск), «Советская Сибирь» (г. Новосибирск), «Великолукская правда» (г. Великие Луки); городские газеты – «Под знаменем Ленина» (г. Первоуральск), «Тагильский рабочий» (г. Нижний Тагил); заводские газеты – «Магнитогорский металл» (Магнитогорский металлургический комбинат, г. Магнитогорск Челябинская обл.); «Кировец» (Воронежский завод синтетического каучука им. Кирова, г. Воронеж), «Металлург» (Выксунский метал-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов ... В 15 т. Т. 8. С. 12, 14.

² Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР ... С. 39; КПСС в резолюциях ... В 15 т. Т. 8. С. 342.

лургический завод, г. Выкса Горьковская обл.). Общий источниковый объем составил тринадцать изданий. Для обработки материалов применялись качественные и количественные методы анализа. Одним из них являлся контент-анализ, предполагающий качественно-количественный анализ содержания документов в целях выявления или измерения социальных фактов и тенденций, отраженных этими документами¹. Использование данного метода позволило выявить частотность употребления лексических форм в сюжетах касающихся трудовой проблематики. Качественное исследование текстов было реализовано посредством лингвистического анализа², позволившего учесть стилистику, смысловой и содержательный контекст употребления на страницах печатных СМИ тех или иных идеологем и категорий. Сочетание количественных и качественных методов анализа дало возможность обозначить эталон трудовой деятельности граждан, конструируемый на страницах печатных СМИ 1946–1956 гг., выявить его динамику. Методика проведенного исследования (выборка, единицы анализа и пр.) подробно описана в первой главе диссертации.

Для реконструкции содержания эталонной трудовой стратегии советского городского населения, презентуемой на страницах СМИ, были и выделены отдельные тематические сегменты, ее составляющие: *трудовая мотивация* (в русле которой формулировалась цель и объектность труда); *практические формы и проявления одобряемых трудовых практик*; *результат и вознаграждение труда*.

6.1.1. Мотивация труда в контексте эталонной трудовой стратегии

В рамках трудовой мотивации обозначались «правильные» цели труда граждан, одобряемые стимулы их трудовой деятельности. Презентация на страницах СМИ «правильной» трудовой мотивации граждан реализовывалась в различных формах: заявлениях представителей политической власти; суждени-

---

¹ Социология. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 455.

² Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования М., 1981. С. 18; Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2007. С. 67.

ях авторитетных деятелей науки и искусства; высказываниях населения и пр. Предпринятый анализ материалов отечественной печатной периодики позволил выделить отдельные понятия и категории, обладающие положительными коннотациями и отличающиеся высокой частотой употребления в сюжетах, направленных на конструирование «правильной» трудовой мотивации граждан. Данные категории (и их вариации) были выделены в качестве единиц количественного анализа текстов послевоенных СМИ. Это такие лексические формы как: *долг, на благо Родины, для народа, для коммунизма.*

Критичность экономической ситуации послевоенного времени обусловила востребованность в советском информационном дискурсе мотивационной категории *долг*, контекст использования которой определялся трудовыми свершениями советских граждан. Данная категория отличалась высоким уровнем востребованности на страницах послевоенных периодических изданий (см. прил. 1.17 – 1.29). Трудовая деятельность горожан определялась как долг отдельных групп советского социума (рабочих, комсомольцев, учителей, угольщиков, железнодорожников и пр.) и каждого трудящегося. Необходимость выполнения своего долга перед Родиной презентовалась в качестве важнейшей мотивации трудовой деятельности граждан: «Чувство долга перед Родиной, безграничная любовь к товарищу Сталину воодушевляют ... на новые трудовые подвиги»¹; «Мы, советские интеллигенты, должны выступать как образцовые исполнители своего долга, смелые новаторы»². В публикациях послевоенных СМИ категория *долг* фигурирует в текстах передовиц, призывающих трудящихся «осознать свой долг», «выполнить свой долг»³; статей и очерков, обращающих читателей к важности формирования «чувства долга», и конкретизирующих, что подразумевается под этим в отношении деятельности различных профессиональных групп⁴; а также в текстах социалистических обязательств

---

¹ В Сталинском избирательном округе // Правда. 1950. 1 февраля. С. 2.

² Сделать шаг вперед к светлому будущему // Восточно-Сибирская правда. 1950. 1 января. С. 2.

³ Сталинская забота о благосостоянии народа // Труд. 1951. 1 марта. С. 1.

⁴ Главное в социалистическом соревновании // Правда. 1952. 15 января. С. 1; Поповский А. История одной диссертации // Труд. 1948. 15 января. С. 4; Образцово подготовить и провести весеннее летнюю торговлю // Под знаменем Ленина. 1950. 31 марта. С. 2. Воодушевленные Сталинской идеей великих работ // Магнитогорский металл. 1946. 2 апреля. С. 1; Сделать шаг вперед к светлому будущему // Восточно-Сибирская правда. 1950. 1 января. С. 2; Подготовить городское хозяйство к зиме // Восточно-Сибирская правда. 3 октября. С. 1; Радостный итог // Советская Сибирь. 1949. 1 июня. С. 2.

трудовых коллективов и обещаний трудящихся «не остаться в долгу» перед Родиной (государством, отчизной), «вернуть стране свой долг», «сделать все, чтобы выполнить свой долг перед Родиной» и т.п.¹ Использование на страницах послевоенных печатных СМИ *долг* сопровождалось эпитетами, презентующими практику «долженствования» в сакральном ключе – «священный долг», либо в торжественной тональности – «почетный долг»². В одном из выпусков «Смены» читаем: «Юноши и девушки страны социализма ... овладевают знаниями, трудятся, не зная долга более высокого и почетного, чем долг беззаветного служения Родине»³. В праздничных выпусках изданий торжественный пафос риторики еще более усиливался, а масштабы трудового долга достигали эпических форм. В качестве примера можно привести цитату из новогоднего выпуска «Правды» 1948 г.: «... наши цели велики и благородны и силы наши множатся с каждым днем. ... Победители в войне преобразуют родную землю. Новая сталинская пятилетка будет выполнена в четыре года. Мы – сталинское племя. И мы выполним свой долг перед отчизной, перед всем человечеством, перед историей»⁴.

В количественном плане большее число обращений к понятию *долг* фиксировалось на страницах центральных газет «Правда» и «Труд». В этих изданиях общее число упоминаний данной категории за период 1946–1956 гг. равнялось 59 и 62 (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки), что соответствует одному упоминанию категории в каждом четвертом выпуске (см. прил. 1.17, 1.18). В областных и городских газетах востребованность категории *долг* была несколько ниже – от 37 до 51 упоминания (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки), что соответствует одному упоминанию категории в каждом пятом – восьмом номере газеты (см. прил. 1.19 – 1.25). Еще менее востребованной была данная категория на страницах заводских изданий – одно упоминание на семнадцать – двадцать номеров (см. прил. 1.26–1.28). Наименьшее количество обращений к понятию *долг* фиксировалось на страницах жур-

---

¹ Непрерывно двигать вперед технику производства // Правда. 1948. 1 апреля. С. 1; За кандидатов народного блока // Под знаменем Ленина. 1954. 14 марта. С. 3.

² Почетный долг советских энергетиков // Правда. 1946. 15 июня. С. 1.

³ Праздник весны // Смена. 1952. № 9. С. 2–3.

⁴ Яшин А. Истоки победы // Правда. 1948. 1 января. С. 3.

нала «Смена» – 8 упоминаний за одиннадцать послевоенных лет (согласно выборке) (см. прил. 1.29.). Количество обращений к категории *долг* отличалось неравноценной востребованностью в рамках послевоенного десятилетия. Вне зависимости от масштабов и региональной характеристики издания фиксируется общая тенденция – наибольшее число употребления данной категории отмечалось в 1946–1948 гг., постепенно снижаясь в первой половине 1950-х гг. (см. прил. 1.17–1.29).

В рамках конструируемой на страницах советских печатных СМИ эталонной трудовой стратегии, труд человека мотивировался важностью благополучия и процветания страны. Предпринятый количественный и качественный анализ текстов послевоенной печатной периодики позволяет заключить, что приоритетные позиции в качестве цели и мотивации трудовой деятельности занимали лексические формы, которые условно можно объединить в группу «труд на благо Родины» – от 30 до более чем 200 упоминаний по различным изданиям в рамках выборки (см. прил. 1.17 – 1.29). (Единицами количественного анализа выступали лексические формы, в которых трудовые свершения горожан были направлены на *благо (процветание, усиление мощи, богатства и т.п.), Родины (государства, страны, отечества, отчизны)*). Направленность труда граждан на благо Родины была акцентирована в передовицах газет, обозначающих приоритетные для государства задачи развития: «Умножим силу и мощь своей социалистической Родины»¹, «Выполним пятилетний план, чтобы еще могущественнее стала наша Родина»²; «Советские юноши и девушки! Овладевайте передовой наукой, техникой, культурой! ... трудитесь на благо нашей Родины!»³; в очерках и статьях, освещающих проблематику «правильной» мотивации труда: «Трудиться на благо своей страны ... – значит каждый день, каждый час умножать ее силу и мощь, непрестанно двигать вперед ее экономику, культуру, науку»⁴, «Русская смекалка и горячее патриотическое стремление

---

¹ 1946-й // Красный Север. 1946. 1 января. С. 1.

² Пятилетку – в 4 года! // Великолукская правда. 1947. 1 февраля. С. 1

³ Призывы ЦК ВКП(б). К 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Восточно-Сибирская правда. 1948. 2 ноября. С. 2.

⁴ Моисеева К. Год 1949 // Смена. 1949. № 1. С. 2.

отдать все силы на благо Родины помогли сотням ... молодых рабочих овладеть избранными специальностями»¹.

Более половины упоминаний лексических форм, входящих в данную группу, фиксируется в помещенных на страницах газет выступлениях самых трудящихся (интервью, текстах обращений горожан к правительству, социалистических обязательствах и пр.), содержащих обещания интенсивного труда: «Мы будем трудиться еще лучше, еще больше, еще упорнее, чтобы крепла и расцветала наша любимая Родина»²; «Автозаводцы ... дают слово самоотверженным трудом крепить мощь социалистической Родины»³; «Отдам все силы на то, чтобы крепла и процветала наша могучая Родина»⁴; «Буду работать не покладая рук, чтобы неустанно крепить мощь нашего государства»⁵ и пр.

В количественном плане большее число обращений к формам трудовой мотивации, объединенным в группу «труд на благо Родины», фиксируется на страницах центральных и областных газет – от 154 до 207 упоминаний (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.17 – 1.23), что соответствует одному упоминанию категории в каждом втором номере, либо в трех из четырех номеров в среднем. Значительно меньшее количество обращений фиксируется в городских и заводских газетах – от 89 до 103 упоминаний (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.24 – 1.28), что соответствует одному упоминанию категории в каждом третьем выпуске в среднем. Наименьшим числом обращений характеризуется журнал «Смена» – 39 упоминаний (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.29), что равняется одному упоминанию категории в каждом десятом выпуске в среднем. В хронологическом разрезе более интенсивное обращение к лексическим формам данной группы фиксируется на страницах советских печатных СМИ в первые послевоенные годы, постепенно количественно сокращаясь в 1950-е гг. (см. прил. 1.17 – 1.29).

---

¹ Лазутин А. Вперед // Советская Сибирь. 1950. 1 января. С. 2.

² На берегу Тихого океана // Правда. 1950. 1 января. С. 1.

³ Свидетельство могущества нашей Родины // Труд. 1951. 1 марта. С. 1.

⁴ Доблестный труд // Красный Север. 1946. 1 января. С. 1.

⁵ Петров В.А. За могущество любимой Родины // Магнитогорский металл. 1946. 1 января. С. 1.

В целом, превалирование в советской печатной периодике второй половины 1940-х гг. в качестве трудовой мотивации лексем *долг* и *на благо Родины*, свидетельствует о сохранении в послевоенном информационном дискурсе милитаризированной лексики военного периода. В условиях военного времени векторность советского социального регулирования определялась лозунгом: «Все для фронта, все для победы!». Мотивационным импульсом, деятельностных стратегий населения на фронте и в тылу являлась этическая категория *долг*, который должен быть выполнен на благо Родины (что синонимично военному призыву «За Родину!»). Сохранение милитаризированной лексики позволяет, во-первых, обозначить преемственную взаимосвязь советского информационного дискурса военного и послевоенного периодов. Во-вторых, свидетельствует о критичности социально-экономической ситуации первых послевоенных лет, обусловившей востребованность столь экстремальных мобилизационных категорий для трудовой мобилизации граждан.

В контексте эталонной трудовой стратегии, конструируемой на страницах печатных СМИ 1946–1953 гг., помимо благополучия Родины в качестве «положительной» мотивации трудовой деятельности населения презентовалось *благополучие народа*. Для проведения количественного анализа лексические формы *труд для народа*, *труд на благо народа (населения)* и пр. были объединены в одну группу. Данная форма трудовой мотивации была актуализирована в текстах передовиц, статей и очерков, выступлениях горожан на митингах в часть выборов в Верховный Совет СССР (РСФСР), интервью со стахановцами и пр. В качестве примеров употребления данных лексических форм можно привести следующие цитаты: «Труд на благо народа возвеличивает в нашей стране человека»¹; «Мы и сейчас готовы отдать все свои силы ... на благо народа»². «Правильной» мотивацией трудовой деятельности горожан, являлось построение коммунизма. Лексические формы, объединенные в группу *труд для построения коммунизма*, встречались в текстах передовиц, очерков, публицистических статей, фактически не фигурируя в выступлениях, социалистических

---

¹ Праздник весны // Смена. 1952. № 9. С. 2.

² В честь сессии Верховного Совета СССР. Митинги и собрания в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. 1946. 15 марта. С. 3.

обязательствах и обращениях граждан: «Советские люди ... отдают свои силы и энергию на выполнение сталинской программы построения коммунистического общества»¹; «будьте целеустремленными, чтобы у вас в жизни была основная цель – ... построение светлого будущего – коммунизма»².

В количественном плане обращение на страницах советских печатных СМИ к таким формам трудовой мотивации как *на благо народа* и *для построения коммунизма* значительно уступало востребованности лексических форм группы *труд на благо Родины* (см. прил. 1.17 – 1.29). Лексические формы данных групп были более востребованы на страницах центральных и областных изданий, нежели городских и заводских газет (см. прил. 1.17 – 1.23). В хронологическом диапазоне группы лексических форм трудовой мотивации *на благо народа* и *для построения коммунизма* были в отличие от категорий *долг* и группы лексем *на благо Родины* более востребованы в 1950-е гг.

Утилитарная направленность трудовой деятельности граждан на получение личных доходов и улучшение своего благосостояния не фигурирует на страницах послевоенных изданий в качестве одобряемой мотивации трудовых стратегий горожан. Отрицательное отношение к материальной мотивации труда подчеркивалось на страницах «Смены»: «для комсомолки ... работа на фабрике не случайный эпизод, не просто источник заработка»³. Конструируемая в советском информационном пространстве «правильная» жизненная стратегия исключала стяжательство: «Рабочий, ... интеллигент Советского Союза живет не жадой стяжательства»⁴. «Не меркантильность» в качестве нормативной жизнедеятельностной практики проецировалась на весь советский социальный проект. В статье в газете «Труд» данная позиция была обозначена следующим тезисом: «Ни одно предприятие не затеяно с целью личной наживы ... все они создаются на благо человека»⁵.

В целом, предпринятый качественно-количественный анализ позволяет прийти к выводу, что на страницах печатной периодики 1946–1956 гг. суммар-

---

¹ Низовцев С. Во славу Родины // Восточно-Сибирская правда. 1950. 1 мая. С. 3.

² Лепешинская О.Б. В добрый путь // Смена. 1952. № 17. С. 2.

³ Чистякова Т. Любимое дело // Смена 1951. № 1. С. 11.

⁴ 1948-й // Великолукская правда. 1948. 1 января. С. 3.

⁵ Год 1946-й // Труд. 1947. 1 января. С. 2

ное количество выделенных категорий, отражающих «правильную» мотивацию труда горожан (*долг, на благо Родины, для народа, для коммунизма*), варьировалось по разным изданиям от 3% до 6% (по отношению к общему количеству выделенных и учтенных лексических форм, составляющих эталонную трудовую стратегию городского населения). Более востребованы мотивационные лексические формы были на страницах центральных и областных газет (от 4,5 до 6%), а обращение к ним в городской и заводской прессе было количественно ниже (от 2,5 до 4,3%). Это позволяет утверждать, что составляющие риторики трудовой мобилизации, были акцентированы неравноценно в СМИ различного уровня. На формирование у горожан «правильной» мотивации труда в большей степени были ориентированы издания общесоюзного уровня, нежели региональная пресса.

6.1.2. Презентация форм и проявлений одобряемых трудовых практик

Помимо проблематики «правильной» трудовой мотивации населения на страницах печатных СМИ получают рассмотрение практические формы и проявления одобряемых трудовых практик граждан. В рамках сюжетов, посвященных данной теме, популяризируются «правильные» методы труда, формулируются задачи, на решение которых должна быть направлена трудовая деятельность граждан. Значительное количество лексических форм, обозначающих проявление «правильного» труда, имело политическую природу. Они были широко представлены в докладах политических лидеров и текстах правительственных постановлений, направленных на мобилизацию трудовой деятельности населения. В ряду таких идеологем наиболее востребованными в медиа дискурсе послевоенного периода были: *выполнение (перевыполнение) планов (норм), производительность труда, социалистическое соревнование, социалистические обязательства, стахановец, экономия* и пр.

Выполнение и перевыполнение трудовых норм и обязательств являлось приоритетной характеристикой «правильной» трудовой деятельности граждан.

Необходимость выполнения плановых заданий многократно подчеркивалась на страницах изданий, определяясь как «важнейшая» задача, решением которой ежедневно должен быть занят каждый советский человек на своем «трудовом посту». Освещение практик выполнения и перевыполнения горожанами норм и обязательств являлось наиболее актуальной темой очерков, рассказов и заметок, опубликованных на страницах печатных СМИ послевоенного периода. Предпринятый контент-анализ показал, что употребление лексических форм, составляющих группу *выполнение плана* (*досрочное выполнение, сверх плана, выполнение норм, выполнение плана, многократное перевыполнение норм и т.п.*), характеризовалось высокими количественными показателями в границах рассматриваемого периода. По уровню востребованности они количественно преобладали над остальными выделенными идеологемами и лексическими категориями во всех периодических изданиях послевоенного периода, составляя в зависимости от издания от 150 до 3758 упоминаний (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.17 – 1.29). В качестве примеров обращения СМИ к данной проблематике можно привести следующие цитаты: «Бороться за выполнение пятилетнего плана – это значит добиваться ежесуточно и ежемесячного выполнения производственного задания на каждом предприятии»¹; «Жадно, упорно, неутомимо овладевает молодежь тайнами профессионального мастерства. Результат этого – постоянное перевыполнение норм вдвое, втрое, вдесятеро!...»², «В первый же день ... дневное задание бригада выполнила на 156,9%»³, «Токарь-арматурщик ... П. Рябова на обработке медного литья выполняет 230–250 процентов дневного задания»⁴, «Две – три нормы в день! – под таким лозунгом комсомольско-молодежная бригада ... в 1947 году выполнила годовой план»⁵ и т.п.

В количественном плане число обращений к лексемам группы *выполнение плана* применительно к городскому населению было неравнозначным по изданиям. В центральных газетах «Правда» и «Труд» фиксировался достаточно

---

¹ Работать ритмично, равномерно выпускать продукцию! // Правда. 1946. 15 июля. С. 1.

² Москвичи // Смена. 1948. № 1. С. 8.

³ Передовые молодежные бригады // Восточно-Сибирская правда. 1946. 15 октября. С. 1.

⁴ В цехах судоремонтного завода // Красный Север. 1946. 15 января. С. 1

⁵ Зернов В. Год трудовой доблести // Молодая гвардия. 1948. 1 января. С. 2.

низкий уровень их востребованности – около 2300 упоминаний в каждой газете (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки), что соответствует 8,6 упоминаниям в одном номере изданий в среднем. Более высокой частотностью обращения к данным категориям характеризовались областные газеты (см. прил. 1.19 – 1.23). Уровень востребованности лексических форм группы *выполнение плана* был выше в областных газетах Урала и Сибири («Уральский рабочий», «Восточно-Сибирская правда», «Советская Сибирь»), составляя в среднем от 9, до 10,7 упоминаний в одном номере, в то время как в областных изданиях северо-западных регионов РСФСР данный показатель был ниже, достигая 7,75 упоминаний в одном номере в среднем («Великолукская правда»). По всей видимости, данная тенденция была обусловлена более выраженной промышленной спецификой Урала и Сибири (с преимущественным развитием тяжелых отраслей индустрии), большим количеством предприятий, более высокой плотностью городского населения. В то время как в северо-западных районах РСФСР преобладали предприятия легкой промышленности, в период войны территории находились в зоне оккупации, плотность городского населения была ниже. Еще более высокий показатель востребованности категорий данной группы был в анализируемых городских газетах «Тагильский рабочий» и «Под знаменем Ленина» – 11,7 упоминаний в одном номере в среднем (см. прил. 1.24, 1.25). Количественно приоритетные позиции по уровню востребованности лексических форм группы *выполнение плана* занимали заводские издания «Металлург» и «Магнитогорский металл» – в среднем 18,7 и 14,2 упоминаний в одном номере соответственно (см. прил. 1.27, 1.28). В хронологическом диапазоне большая количественная выраженность лексем данной группы фиксируется в первой половине пятилетних циклов: 1947–1948 гг. и 1951–1952 гг., возрастая в эти периоды по различным изданиям в среднем на 8–15% (относительно значений по предшествующему году) (см. прил. 1.17 – 1.29). По всем анализируемым изданиям количественная выраженность категорий данной группы в абсолютных значениях была выше в четвертом пятилетнем цикле, постепенно снижаясь в 1950-е гг. и достигая минимальных значений в 1955–1956 гг. Общее снижение востребованности лексем группы *выполнение плана* в рамках послевоенного де-

сятилетия составило по различным изданиям от 21% до 83% (в абсолютных показателях согласно выборке). При этом наибольший процент снижения востребованности категорий фиксировался в центральных газетах «Правда» и «Труд», где оно составило 69% и 61% соответственно (соотношение максимального количественного показателя употребления категорий в 1947–1948 гг. к уровню 1956 г.), а также в журнале «Смена» – 83% (см. прил. 1.17, 1.18, 1.29). В остальных исследуемых изданиях количественное снижение употребления категорий в группе *выполнение плана* составило от 21% до 54% (соотношение максимального количественного показателя употребления категорий в 1947–1948 гг. к уровню 1956 г.) (см. прил. 1.19 – 1.28).

Важно отметить, что группа *выполнение плана* включает в себя лексические формы, описывающие данную практику в различных временных аспектах: как случившееся событие – *план (нормы) выполнены*; как перспективное событие – *план (нормы) будут выполнены, должны быть выполнены*; а также как нереализованное событие – *план (нормы) не выполнены* (проблема количественного распространения в прессе категорий, отражающих практики невыполнения горожанами норм, будет рассмотрена в параграфе 6.2 работы). В соответствии с тремя формами употребления группы лексем *выполнение норм* были выделены три подгруппы, отражающие их количественное распределение на страницах печатных СМИ (см. прил. 2.2 – 2.14). Анализ приведенных графиков показывает, что на страницах областных, городских и заводских газет количественно преобладали лексические формы, обозначающие факты выполнения планов (норм) (в 2–3 раза по разным изданиям), в то время как в центральных газетах лексические формы, отражающие факты выполнения норм и перспектив их выполнения, характеризовались практически равноценной востребованностью (см. прил. 2.2 – 2.13). Максимальные количественные показатели распространения лексических форм, свидетельствующих о фактах выполнения горожанами норм и планов, фиксируются в заводских изданиях. На страницах всех анализируемых газет в рамках периода 1946–1956 гг. фиксируется снижение востребованности лексических форм, описывающих выполнение планов (норм) как свершившееся событие (от 150 до 300%) Наименее существенное

снижение фиксировалось в журнале «Смена». Приведенный график иллюстрирует данную тенденцию (см. прил. 2.15).

Востребованность лексических форм подгруппы *план будет выполнен*, характеризовалась наибольшим снижением в исследуемом временном диапазоне в центральных газетах «Правда» и «Труд» (в 2–3 раза среднем) (см. прил. 2.2, 2.3). В остальных газетах означенная тенденция не была ярко выражена и количество упоминаний лексических форм, отражающих перспективы планирования в 1956 г. не значительно отличалось от уровня 1946 г. Определенное стадийное повышение востребованности категорий подгрупп *план выполнен* и *план будет выполнен* отмечалось в первой половине четвертой и пятой пятилеток, свидетельствуя о повышении интенсивности уровня мобилизационной риторики на страницах печатных СМИ в первые годы пятилетних циклов (см. прил. 2.2 – 2.14).

Восстановление государства, реализуемое преимущественно за счет внутренних ресурсов, предполагало не только выполнение плановых заданий, но и повышение производительности труда граждан. Производительность труда являлась важнейшей характеристикой одобряемой трудовой стратегии населения. Идеологема *производительность труда* отличалась относительно высоким уровнем востребованности на страницах отечественных печатных периодических изданий послевоенного периода, составляя в зависимости от издания от 46 до 640 упоминаний (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.17 – 1.29). Лексические формы, включенные в группу *производительность труда* (*повысить выработку, производительность труда, высокопроизводительный труд и пр.*), фиксировалась в текстах различных жанровых форм. В передовицах, обозначающих задачи проводимой государством экономической политики: «Повышение производительности труда – важнейшее условие мощного подъема народного хозяйства»¹; «Необходимо ... добиться ... нового подъема повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции»². В заметках, информационных сообщениях, опубликованных в текстах журналов и газет 1946–1956 гг., приводится масса примеров повыше-

---

¹ Повышать производительность труда // Кировец. 1951. 11 декабря. С. 1.

² Сталинская забота о благосостоянии народа // Труд. 1951. 1 марта. С. 1.

ния производительности труда, публикуются аналитические материалы, касающиеся проблематики повышения производительности труда: «стоило бы ... обеспечить рабочим все условия для высокопроизводительного труда»¹; «Если ... производственно техническое новшество ... улучшает качество продукции, повышает производительность труда – оно должно как можно быстрее внедряться в производство»². Лексические формы группы *производительность труда* были широко распространены в текстах социалистических обязательств горожан, помещенных на страницах СМИ: «развернем борьбу за дальнейший рост производительности труда, снижение себестоимости, повышение качества выпускаемой продукции»³; «швейницы решили план первого квартала выполнить на 105 процентов, повысить производительность труда на 10 процентов»⁴.

В количественном плане большее число обращений к лексическим формам группы *производительность труда* фиксируется на страницах центральных газет – от 2 до 2,5 упоминаний в одном номере в среднем (см. прил. 1.17, 1.18). Несколько меньшая частотность их употребления наблюдается в областных газетах – от 1,5 до 2,3 упоминаний в одном номере в среднем (максимальные показатели фиксируются в областных Урало-Сибирских изданиях – «Уральском рабочем» и «Восточно-Сибирской правде») (см. прил. 1.21–1.23). В городских и заводских газетах количество обращений к категориям данной группы составляло от 1,3 до 1,7 упоминаний в одном номере в среднем (см. прил. 1.24–1.28). В хронологическом диапазоне исследуемого периода обращение к категориям группы *производительность труда* имело определенную количественную динамику. Повышение востребованности категорий в рамках периода 1946–1956 гг. фиксируется в первой половине пятилетних циклов (на 10–15% относительно значений по предшествующему и последующему годам). Более существенное повышение востребованности категорий наблюдается во всех изданиях в 1954–1956 гг. (объем повышения составлял от 25 до 300% относительно значений по предшествующему году) (см. прил. 1.17 – 1.29).

---

¹ Демин М. Заранее планировать работу // Восточно-Сибирская правда. 1946. 15 января. С. 3.

² Профессиональные союзы перед решением новых задач // Красный Север. 16 апреля. С. 1.

³ Спасибо партии и правительству, спасибо товарищу Сталину // Правда. 1950. 1 марта. С. 3.

⁴ В честь сессии Верховного Совета СССР. Митинги и собрания в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. 1946. 15 марта. С. 3.

Как и лексические единицы группы *выполнение планов*, лексемы группы *производительность труда*, могли фигурировать на страницах СМИ в различных временных и контекстуальных формах: свершившегося факта – *производительность труда повышена*; планируемого события – *производительность труда будет повышена, необходимо (планируется) повысить*; негативного явления – *производительность труда снизилась* (подробнее лексемы, обозначающие снижение производительности труда рассмотрены в параграфе 6.2). В соответствии с тремя формами употребления категорий группы *производительность труда* были выделены три подгруппы, отражающие их количественное распределение на страницах печатных СМИ 1946–1956 гг. (см. прил. 2.2 – 2.14). Анализ полученных количественных данных, представленных в графиках, позволяет утверждать, что на страницах всех анализируемых печатных СМИ послевоенного периода превалировало употребление понятия *производительность труда* в значении ее повышения. Среди вариантов позитивного употребления лексем данной группы на страницах газет превалировали формы, обозначающие будущую проекцию данного явления – *нужно повысить, будет повышена* и т.п. (см. прил. 2.2 – 2.14). Упоминания о фактическом повышении производительности труда (уже достигнутом), были немногочисленны и не превышали двадцати в год (в среднем за период 1946–1956 гг. в рамках выборки). Наименьший количественный разрыв между лексическими формами подгрупп *производительность труда повышена* и *производительность труда будет повышена* фиксируется на страницах заводских газет «Металлург» и «Магнитогорский металл» (см. прил. 2.11, 2.12). В свою очередь наибольший разрыв между лексемами данных подгрупп (при количественном преобладании форм будущего времени), фиксируется на страницах центральных газет «Правда» и «Труд», составляя от 300 до 500% (см. прил. 2.2, 2.3). Выявленная закономерность позволяет обозначить специфическую направленность различных периодических изданий в русле формирования трудовых стратегий горожан. Центральные издания в большей степени мобилизовывали граждан на достижение будущих трудовых результатов, в то время как городские, а особенно заводские газеты «отчитывались» в реализации поставленных трудовых задач.

Предпринятый количественный и качественный анализ материалов печатных СМИ послевоенного периода позволил прийти к выводу, что в 1950-е гг. в большинстве изданий увеличивается востребованность лексем подгруппы *производительность труда будет повышена (нужно повысить)*. Приведенные графики иллюстрируют данную тенденцию (см. прил. 2.2–2.14). В качестве условного старта количественного роста можно обозначить 1952–1954 гг. Означенную динамику можно было бы трактовать как усиление мобилизационной риторики, направленной на стимулирование трудовой активности горожан, но качественный анализ материалов не дает оснований для данных выводов. Содержательно обращение к лексемам группы *производительность труда* в изданиях второй половины 1940-х гг. и первой половины 1950-х гг. существенно разнилось. В 1940-е гг. в качестве методов повышения производительности труда презентовались различные формы интенсификация непосредственно трудовой деятельности граждан и укрепления трудовой дисциплины: «На основании широко развернутого социалистического соревнования, улучшения организации труда, повышения квалификации рабочих и уплотнения рабочего дня добиться повышения производительности труда»¹. В первой половине 1950-х гг. в СМИ в качестве методов повышения производительности труда преобладают различные формы механизации и автоматизации производства: «Повысить производительность труда за счет лучшего использования действующих мощностей и внедрения новой техники»²; «Повысить производительность труда путем улучшения механизации производства ... ликвидации нарушений технологической дисциплины»³ и т.п. Причины произошедшей в 1950-е гг. корректировки методов повышения производительности труда имели политическую природу. В тексте пятого пятилетнего плана, утвержденного XIX съездом КПСС (1952 г.), техническое перевооружение предприятий презентовалось в качестве одного из основных методов повышения производительности труда в различных отраслях производства: «Шире внедрять новейшие горные машины и механизмы для комплексной механизации, дальнейшего технического пере-

---

¹ Выполнять план каждый день, каждый месяц // Великолукская правда. 1947. 3 января. С. 1.

² Всемерно повышать производительность труда // Под знаменем Ленина. 1956. 3 марта. С. 1.

³ План выполнен досрочно // Кировец. 1953. 1 января. С1.

вооружения угольной промышленности и обеспечения роста производительности труда. ... Осуществить дальнейшее развитие комплексной механизации лесозаготовительных работ. Улучшить организацию производства и использование механизмов, обеспечив повышение производительности труда на лесозаготовках»¹ и т.д. Вследствие означенной содержательной корректировки категории *производительность труда*, рост ее востребованности на страницах печатных СМИ в 1950-е гг., нельзя трактовать как усиление риторики трудовой мобилизации горожан. Скорее наоборот, можно говорить об ее ослаблении, выражающейся в стремлении к облегчению трудовой деятельности граждан и переносе акцента интенсификации труда на техническую составляющую производства. Лозунг, вынесенный на страницы газеты «Магнитогорский металл» (1956 г.): «Будем создавать машины облегчающие труд»², является еще одним подтверждением данной тенденции.

Важной составляющей «правильной» трудовой стратегии советского человека, презентуемой на страницах послевоенных СМИ, являлось *социалистическое соревнование*. Глобальная важность и абсолютная эффективность данного метода многократно подчеркивалась на страницах изданий: «у советских людей есть испытанный метод коммунистического труда, преодолевающий на своем пути все преграды. Это – социалистическое соревнование»,³ «это могучая движущая сила нашего развития»⁴ и т.п. Предпринятый контент-анализ текстов советской печатной периодики позволил зафиксировать значительную востребованность идеологемы *социалистическое соревнование* в рамках периода 1946–1956 гг. – от 54 до 1114 упоминаний в год (по разным изданиям в рамках выборки) (см. прил. 1.17–1.29). (При количественном анализе учитывались различные варианты данной категории (*социалистическое соревнование, производственное соревнование, соцсоревнование* и пр.).

---

¹ Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР (1951–1955 гг.) // XIX съезд ВКП(б)-КПСС ... (дата обращения: 18.09.2019).

² Будем создавать машины облегчающие труд // Магнитогорский металл. 1956. 1 января. С. 2.

³ От рабочих и работниц, инженерно-технических работников лесной промышленности, колхозников и колхозниц Марийской АССР Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу // Правда. 1949. 15 декабря. С. 2.

⁴ Инициатива масс – самое важное в соревновании // Правда. 1950. 15 сентября. С. 1.

В СМИ популяризировались различные формы социалистического соревнования – между отдельными трудящимися¹, бригадами², цехами и сменами предприятий³, стройками⁴, заводами⁵, городами и регионами страны⁶. Как правило, пропагандистские кампании, привлекающие внимание к различным формам социалистического соревнования, приурочивались к праздникам (Первое мая, годовщина Октябрьской революции, юбилей Сталина и пр.). Идеологема *социалистическое соревнование* на страницах послевоенных СМИ была представлена в сюжетах разных жанров. В сообщениях о проведении соревнований на предприятиях РСФСР: «Не прошло и двух недель, а уже многие миллионы советских людей включились в соревнование за выполнение и перевыполнение новой пятилетки»⁷. В заметках, информирующих о результатах соревнования: «По итогам Всесоюзного социалистического соревнования за январь коллективу пристани Вологда присуждена 3-я премия Наркомата речного флота»⁸; «станции Иркутск II ... присуждено переходящее Красное знамя НКПС и ВЦСПС»⁹. В статьях, посвященных специфике проведения соревнований на предприятиях, и очерках, романтизирующих данную форму организации труда: «Руководство социалистическим соревнованием – дело живое. Ему чужды шаблон и формализм. Оно требует вдумчивости, инициативы, ... живой души!»¹⁰, «Подлинное соревнование рождает благородное чувство – никогда не удовлетворяться достигнутым»¹¹.

В количественном плане большее число обращений к идеологеме *социалистическое соревнование* фиксируется на страницах городских и заводских

---

¹ Аня Быкова // Красный Север. 1946. 1 мая. С. 2; Получите письмо! // Уральский рабочий. 1951. 15 марта. С. 2; Александрович П. Работаем в счет майского плана // Под знаменем Ленина. 1948. 18 апреля. С. 1.

² Итоги соревнования молодежных бригад // Под знаменем Ленина. 1946. 11 июля. С. 1.

³ Завод наращивает темпы // Великолукская правда. 1947. 19 сентября. С. 3; В соревновании двух смен // Магнитогорский металл. 1948. 20 января. С. 2.

⁴ Соревнование двух строек // Советская Сибирь. 1954. 15 мая. С. 1.

⁵ Полугодовой план выполнен // Под знаменем Ленина. 1950. 14 апреля. С. 1.

⁶ Соревнование городов РСФСР // Великолукская правда. 1946. 14 ноября. С. 2; За первенство в соревновании Первоуральск – Ревда // Под знаменем Ленина. 1947. 13 июня. С. 1.

⁷ Точно и неуклонно выполнять социалистические обязательства // Красный Север. 1946. 1 июня. С. 1.

⁸ Производственные успехи коллектива пристани Вологда // Красный Север. 1946. 1 марта. С. 4.

⁹ Лучшая станция Восточно-Сибирской // Восточно-Сибирская правда. 1946. 1 февраля. С. 1.

¹⁰ Руководить соревнованием – значит повседневно работать с людьми // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 июня. С. 1.

¹¹ Партийное руководство социалистическим соревнованием // Восточно-Сибирская правда. 1947. 15 июля. С. 1.

изданий: «Под знаменем Ленина» – 3,1; «Металлург» – 3,8; «Магнитогорский металл» – 4,2 упоминания в одном номере в среднем (см. прил. 1.24, 1.27, 1.28). В остальных газетах частотность употребления категории варьировалась от 1,8 до 2,7 упоминаний в одном номере в среднем. На страницах центральных газет «Правда» и «Труд» частотность обращения составляла 2,5 – 2,7 упоминаний в одном номере в среднем (см. прил. 1.17, 1.18).

В хронологическом диапазоне большее число обращений к идеологеме *социалистическое соревнование* на страницах всех печатных изданий фиксируется в период четвертой пятилетки, а максимальный уровень востребованности наблюдается в 1947–1948 гг. (повышаясь на 10–40% по разным изданиям относительно значений по предшествующему и последующему годам) (см. прил. 1.17–1.29). В 1950-е гг. в некоторых печатных изданиях («Труд», «Красный Север», «Советская Сибирь», «Под знаменем Ленина») фиксируется увеличение обращений к данной категории в 1951, 1952 или 1953 гг. (см. прил. 1.18, 1.19, 1.22, 1.24). Но, в целом, в годы пятой пятилетки востребованность категории на страницах печатных СМИ снижается. Динамика снижения в период 1946–1956 гг. различалась по печатным изданиям, составляя от 15 до 50% по областным, городским и заводским газетам и достигая 70% в центральных газетах («Правда») (см. прил. 1.17–1.29).

Идеологема *социалистическое соревнование* фигурировала на страницах печатных СМИ в различных временных формах, в соответствии с которыми фиксировалась в рамках двух подгрупп. В первой из них учитывалось понятие *социалистическое соревнование* употребляемое в СМИ в значении фактического явления, имеющего место в реальности – *социалистическое соревнование идет, завершено*. Во второй группе учитывались лексемы в значении планируемого события – *социалистическое соревнование будет, должно быть*; а также упоминания данного понятия в контексте обсуждения теоретических и методических вопросов организации и проведения социалистических соревнований на предприятиях. Количественное распределение категории в рамках данных подгрупп по различным печатным изданиям 1946–1956 гг. представлено графиках (см. прил. 2.2. – 2.14). В большинстве городских, а в особенности,

в заводских газетах послевоенного периода, категория *социалистическое соревнование*, как правило, употреблялась в контексте описания конкретных фактических событий (см. прил. 2.9 – 2.13). Данные издания скорее «отчитывались» в реализации поставленных задач, чем теоретизировали по вопросам методики проведения социалистического соревнования. Статистически эту закономерность иллюстрирует количественный разрыв от 30 до 70% между формами настоящего и будущего времени употребления понятия *социалистическое соревнование* в городских и заводских газетах. В центральных изданиях лексические формы этих двух подгрупп в среднем характеризовались сопоставимым уровнем востребованности (см. прил. 2.2–2.3). В областных газетах количественное превалирование категорий той или иной подгруппы отличалось в зависимости от издания. На страницах газет северо-западного региона РСФСР «Великолукская правда» и «Красный Север» категория *социалистическое соревнование* употреблялась чаще в контексте будущего времени, либо в теоретическом ракурсе (см. прил. 2.4 – 2.5). А в областных газетах Урала и Сибири фиксировались аналогичные центральным изданиям тенденции равноценной востребованности лексических форм в данных подгруппах (см. прил. 2.6–2.8). Вне зависимости от специфики издания в 1950-е гг. на страницах печатных СМИ фиксируется сокращение упоминаний идеологема *социалистическое соревнование* в значении реализованного или реализуемого события, гораздо большее внимание уделяется теоретическим аспектам его проведения, рассмотрению «типичных» ошибок, обсуждению важности данной организации труда, перспектив проведения соревнования и п.р. Особенно ярко данная тенденция проявилась в период 1953–1956 гг., что отражено в приведенных графиках (см. прил. 2.2 – 2.14).

Еще одной практикой, являющейся важным элементом эталонной трудовой стратегии городского социума, было принятие социалистических обязательств, превышающих плановое задание, и выполнение их в срок (а лучше досрочно). Предпринятый количественный анализ материалов советских печатных СМИ 1946–1956 гг. позволяет утверждать, что идеологема *социалистическое обязательство* характеризовалась значительной востребованностью – от

1,2 до 4 упоминаний в одном номере газеты в среднем (см. прил. 1.17 – 1.28). Данная идеологема фигурировала в передовицах, информационных заметках и статьях: «горняки перевыполнили свое обязательство, дали сверх плана к 30 декабря не 27 500 тонн угля, как обещали, а 29 857 тонн»¹; «нет сомнения, что коллектив ... выполнит свои обязательства»². Но подавляющее число употреблений понятия фиксировалось непосредственно в самих текстах социалистических обязательств трудящихся на страницах газет: «В ответ на патриотический почин предприятий столицы ... коллективы промышленных и кооперативных предприятий города Усолья-Сибирского берет на себя следующие социалистические обязательства...»³; «В дни избирательной кампании мы предлагаем развернуть широкое соцсоревнование ... за достойную встречу дня выборов в Верховный Совет РСФСР. Мы обязуемся...»⁴ и т.п.

В количественном плане большее число обращений к идеологеме *социалистическое обязательство* фиксируется на страницах заводских изданий предприятий тяжелой промышленности: «Металлург» и «Магнитогорский металл» – от 2,8 до 4 упоминаний в одном номере (в среднем в рамках выборки) (см. прил. 1.27, 1.28). Меньшее количество упоминаний данного понятия наблюдается в анализируемых городских газетах – от 1,6 до 2,5 упоминаний; в областных изданиях Урала и Сибири – от 1,5 до 2,1 упоминаний в одном номере (в среднем в рамках выборки) (см. прил. 1.21–1.25). Областные газеты западных регионов РСФСР характеризуются не высоким уровнем обращений к данной категории – от 1,2 до 1,8 упоминаний в одном номере в среднем (см. прил. 1.19, 1.20), что, по всей видимости, было обусловлено как меньшим количеством в этих регионах индустриальных предприятий тяжелой промышленности (интенсификация развития которых являлась приоритетной в послевоенные годы), так и городского населения в целом. В центральных газетах «Правда» и «Труд» количество упоминаний категории *социалистическое обязательство*

---

¹ Матери-Родине // Восточно-Сибирская правда. 1948. 1 января. С. 1.

² Молодежь – активная творческая сила // Под знаменем Ленина. 1954. 13 июня. С. 3.

³ Обязательства работников промышленности города Усолья-Сибирского // Восточно-Сибирская правда. 1949. 15 марта. С. 2.

⁴ Выполнять план каждый день, каждый месяц. Обращение коллектива пятой дистанции службы пути Калининской железной дороги ко всем рабочим, служащим и инженерно-техническим работникам Великолукской области // Великолукская правда. 1947. 3 января. С. 1.

применительно к городскому населению РСФСР варьировалось от 1,6 до 2 в одном номере в среднем (см. прил. 1.17, 1.18). Столь невысокий уровень востребованности был обусловлен тем, что, не смотря на часто публикуемые на страницах данных газет тексты социалистических обязательств, авторами около 40% из них были коллективы колхозов, либо предприятий других республик СССР (которые не учитывались в к выборке).

В хронологическом диапазоне большее число обращений к идеологеме *социалистическое обязательство* на страницах всех анализируемых печатных изданий фиксируется в период четвертой пятилетки, а максимальный уровень востребованности наблюдается в 1947, 1948 гг. (реже в 1949, 1950 гг.), (повышаясь на 10–60% по разным изданиям относительно значений по предшествующему и последующему годам) (см. прил. 1.17–1.29). В 1950-е гг. востребованность категории на страницах печатных СМИ снижается. Динамика снижения разнилась по печатным изданиям, составляя от 20 до 60%.

Идеологема *социалистическое обязательство* фигурировала на страницах печатных СМИ в трех различных формах, в соответствии с которыми при количественном анализе учитывались в рамках различных групп. В первой из них учитывалась категория в значении фактического завершенного процесса, имевшего место в реальности – *социалистические обязательства выполнены*; во второй в значении планируемого события – *социалистические обязательства взяты, будут выполнены* (в данную группу также включались упоминания категории в сюжетах, посвященных теоретическим аспектам данного явления). Количественное распределение категории в рамках данных подгрупп по различным печатным изданиям 1946–1956 гг. представлено графиках Приложения 2. (см. прил. 2.2.–2.14). Обращение к графическим материалам позволяет прийти к выводу, что понятие *социалистические обязательства* в значении их выполнения (завершенного действия), не отличалось высокой востребованностью на страницах печатных СМИ послевоенного периода, значительно уступая употреблению категории в форме будущего времени. Фактически количество упоминаний о выполненных социалистических обязательствах не значительно варьировалось в рамках исследуемого периода, составляя менее десяти в год (в

рамках выборки) в центральных газетах, не превышая двадцати в областных изданиях (несколько более высокий уровень востребованности категории фиксировался в городских и заводских газетах). Более выраженная количественная динамика обращения к категории *социалистические обязательства* наблюдалась в отношении формы будущего времени. Снижение ее востребованности на страницах печатных СМИ в годы пятой пятилетки, а особенно в период 1954–1956 гг., фиксируется по всех изданиях (см. прил. 2.2.–2.14). Это было обусловлено значительным сокращением количества публикуемых в газетах социалистических обязательств трудовых коллективов и отдельных трудящихся. Тексты, в которых горожане брали на себя обязательства перевыполнять нормы, повышать производительность труда, и обещали интенсивно, самоотверженно трудиться фактически исчезают со страниц СМИ середины 1950-х гг. Трактую данную тенденцию в русле эволюции риторики трудовой мобилизации, можно говорить об ослаблении ее интенсивности, произошедшем в первой половине 1950-х гг. и, особенно, в период 1954–1956 гг.

Помимо социалистического соревнования и социалистических обязательств – являющихся формами организации процесса трудовой деятельности граждан, важной частью «правильной» трудовой стратегии населения являлась скорость выполнения труда. Высокие темпы трудовой деятельности и сокращение времени, необходимого для выполнения трудовой операции, являлось не менее важной задачей, чем фактический результат труда. Реализацией данной тенденции стала кампания по сокращению сроков выполнения месячных и годовых плановых заданий: «Годовой план – к 7 ноября!», «Месячное задание – к 9 мая» и т.п.¹ Условность временных рамок, необходимых для выполнения советскими рабочими заданий, подчеркивалась в «золотом правиле» одного из передовиков производства: «Внимательно выслушать и точно выполнить любое задание в любой срок»². На страницах печатных периодических изданий приводятся примеры трудового ускорения и «борьбы за время»: «У станочника есть задание: каждую минуту он должен изготавливать одну деталь. Но новатор

---

¹ Годовой план – к 7 ноября! // Под знаменем Ленина. 1947. 13 июня. С. 2; Анна Кончина // Восточно-Сибирская правда. 1946. 1 мая. С. 3.

² Томилина Л. Составитель поездов // Под знаменем Ленина. 1946. 4 августа. С. 1.

меняет технологию и добивается того, что со станка в минуту сходит две изготовленные детали. ... А минута на домне – единица довольно “весомая”... Минута простоя доменной печи означает потерю 1 тонны 200 килограммов чугуна. Ну, а если не потерять, а наоборот найти, выкроить, приплюсовать к суткам лишнюю минуту ...– сколько это даст дополнительного чугуна. ... Передовые доменщики Ново-Тагильского завода умеют бороться за каждую минуту и побеждать»¹; «каждый борется за экономию минут, чтобы сварить сталь раньше графика»² В одном из номеров журнала «Смена» была помещена статья Я. Шура «Цена минуты». В тексте статьи помимо цитат Маркса, Сталина о важности экономии времени и примеров того, как «Ленин дорожил каждой минутой», приводятся виды работ, совершаемых за минуту: «10 шаблонов в минуту заготавливает токарь Московского инструментального завода Евгений Усков»; «15 спиралей заделывает в каждую минуту в электрические лампочки монтажница Электролампового завода Тамара Чекина»³. Значительность сокращения времени подчеркивалась колоссальными цифрами государственной прибыли, составляющими денежный эквивалент сэкономленной минуты (который планировалось достичь к 1950 г.): «Сбереженная за смену на предприятии минута даст в сутки продукции почти на полтора миллиона, а за год – больше чем на 500 миллионов рублей»⁴.

О рекордах в сфере ускорения производства на страницах печатных периодических изданий послевоенного периода повествовалось в эпическом ключе, трактуя их как власть над временем, достижимую лишь в социалистическом социуме: «Помимо всех прочих качеств, социализм замечателен тем, что в нем от замысла до осуществления на деле, от первого расчета на бумаге до последнего удара молотком – дистанция короткая. Социализм создает быстро. ... Социализм удлинил человеческую жизнь уже одним тем, что сделал ее более емкой»⁵. В январском выпуске «Смены» 1949 г. читаем: «Выигранные секунды и минуты рядовых рабочих складываются в сбереженные года. ... Усилиями мо-

---

¹ Они обогнали время // Тагильский рабочий. 1956. 1 января. С. 2.

² Подарок сталеваров // Под знаменем Ленина. 1954. 1 мая. С. 2.

³ Щур Я. Цена минуты // Смена 1946. № 5-6. С. 17-18.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Павленко П. Героический путь // Правда. 1951. 1 января. С. 2.

лодой армии бойцов за коммунизм ... молодежь сотни и тысячи предприятий уже вступила в 1950 год. Время, вперед! Время подчинено нам!»¹. На страницах «Великолукской правды» победа над временем презентуется как специфическая черта советских людей: «Уж таков советский человек, что он побеждает время, побеждает пространство»².

Признанными лидерами высокоскоростного и высокопроизводительного труда по праву считались стахановцы. На страницах послевоенных печатных СМИ идеологема *стахановец* характеризуется достаточно высокой частотой употребления (в рамках предпринятого контент-анализа также учитывались лексические варианты данного понятия – *стахановская вахта*, *стахановский труд*, *стахановская бригада* и пр.) (см. прил. 1.17 – 1.29). Упоминания категории фиксировались в текстах трудовых обещаний горожан: «я на стахановскую вахту встаю и ко Дню Победы обещаю выполнить месячный план»,³ а также в заметках, посвященных стахановцам.

В количественном плане число обращений к идеологеме *стахановец* на страницах послевоенных печатных СМИ варьировалось в среднем от 1 до 2,5 упоминаний в одном номере. Не фиксируется четкой количественной выраженности категории по газетам различных групп (общесоюзных, областных, городских, заводских) (см. прил. 1.17–1.29). В хронологическом диапазоне исследуемого периода фиксируется некоторое стадияльное увеличение востребованности данной категории (от 5 до 10%) в первой половине пятилетних циклов. Обращает на себя внимание факт исчезновения идеологемы *стахановец* со страниц печатной периодики после 1953 г. Все устоявшиеся лексические формы, популярные на страницах СМИ послевоенного периода: *стахановец*, *стахановская вахта*, *стахановская школа*, *стахановские рекорды*, *стахановский труд*, заменяются синонимами, исключаящими обращение к означенной идеологеме: *передовик*, *новатор*, *трудовая вахта*, *школа новаторов*, *производственные рекорды*, *ударный труд* и пр. В 1954 г. единичные упоминания понятия *стахановец* фиксируются в одном из заводских изданий – «Кировец» (4 упоминания в

---

¹ Иорданский В., Рябчиков Е., Орлов Н. На встречу XI съезду ВЛКСМ // Смена. 1949. № 1. С. 9

² Советский простой человек // Великолукская правда. 1948. 1 января. С. 3.

³ Анна Кончина // Восточно-Сибирская правда. 1946. 1 мая. С. 3.

год в рамках выборки), а также в журнале «Смена» (1 упоминание в год в рамках выборки). По своей видимости идеологема, связанная с именем выдвиженца «сталинского» периода, значительно теряет свою востребованность после смерти Сталина.

Важной идеологемой, актуализированной на страницах печатных СМИ послевоенного десятилетия была *экономия*. Предпринятый контент-анализ материалов центральных, региональных, городских и заводских печатных изданий послевоенного периода показал, что употребление категории *экономия* характеризовалось высокой востребованностью в рамках сюжетов трудовой тематики, варьируясь по изданиям от 174 до 371 упоминаний (в сумме за период 1946–1956 гг. с учетом выборки), что соответствует одному – трем упоминаниям в двух выпусках в среднем (см. прил. 1.17–1.29).

Трудовая *экономия*, составляющая важную часть эталонной трудовой стратегии горожан, реализовывалась в практиках снижения себестоимости продукции, сокращения потерь ресурсов. В текстах печатных изданий периода публиковались сюжеты, популяризирующие практики экономии: «Молодежь Москвы, а по ее примеру и молодежь всего Советского Союза в походе за экономию и бережливость, ... учится рассматривать ... каждый грамм сырья с точки зрения общих масштабов производства, с точки зрения приближения сроков выполнения пятилетнего плана»¹. В очерке А. Морозова «Проценты великого плана», опубликованном на страницах «Смены», важность практик экономии подчеркивают суммы, которые в обязательном порядке необходимо «сберечь» каждому трудящемуся для нужд государства: «Экономия за счет снижения себестоимости должна ... составить за пятилетие около 160 миллиардов рублей. Если всю эту сумму распределить на ... рабочих и служащих, ... то это составит всего около 5 тысяч рублей на человека. Тысячу рублей в год должен каждый ... сберечь для нужд государства, устраняя нерациональные расходы, совершенствуя производственный процесс, собирая отходы, которые могут быть ... употреблены в дело, экономя электроэнергию, газ, топливо»². Практики экономии на страницах СМИ презентовались как отличительная особенность, спе-

---

¹ Московские миллиарды // Смена. 1948. № 21. С. 1.

² Морозов А. Проценты великого плана // Смена 1946 № 11-12 с. 4

цифическая характеристика советского социума: «Советское общество является самым бережливым и самым экономным обществом»¹.

В хронологическом разрезе максимальное количество обращений на страницах СМИ к данной идеологеме в рамках «трудовых» сюжетов фиксируется в период четвертой пятилетки (более выраженное в 1948–1949 гг.). Данная количественная закономерность соотносится с курсом социально-экономической политики периода и риторикой власти. Именно в эти годы в СССР был взят курс «на экономию», проявившийся не только в кампаниях за экономию ресурсов, но и выразившийся в принятии непопулярных мер, приведших к снижению уровня жизни горожан.

В контексте эталонной трудовой стратегии горожан, презентуемой на страницах печатных СМИ послевоенного периода, были актуализированы не только категории политической природы, определяющие конкретные экономические результаты и формы организации трудовой деятельности граждан (*выполнение планов, производительность труда, социалистическое соревнование, социалистические обязательства, экономия и пр.*), но и понятия, раскрывающие «правильное» отношения человека к труду, определяющие меру физических и моральных усилий, которые должны быть направлены на реализацию трудовой деятельности.

В отечественном информационном пространстве послевоенного периода инерционно сохраняется тенденция, укоренившаяся в СССР в довоенный и военный период, в русле которой реалии советской повседневности определялись через категории экстремума. Лексемы *борьба, подвиг и преодоление* употребляются и в сюжетах, посвященных трудовой деятельности населения. В качестве примеров употребления понятия *борьба* в контексте трудовых сюжетов можно привести следующие цитаты из печатных СМИ периода: «Наш труд – это борьба за ... будущее наших детей, за мир для всего человечества!»²; «развернем борьбу за дальнейший рост производительности труда, за досрочное выполнение сталинской пятилетки»³. Использование данного понятия усилива-

---

¹ Борьтесь за экономию сырья и материалов // Кировец. 1951. 18 декабря. С. 1.

² Наш труд – это борьба за мир // Смена. 1950. № 9. С. 6.

³ Правда. 1947. 1 ноября. С. 3.

ло конструируемый образ интенсивности и экстремальности трудовой деятельности граждан вне зависимости от ее фактического содержания. Трудовая борьба разворачивалась на заводах, в кабинетах и на строительных площадках. Фактически, *борьба* являлась нормализованным термином, определяющим любые формы деятельности советского человека, направленные на достижение трудовых результатов.

Также процесс «правильного» труда характеризовался самоотверженным преодолением трудностей, выходящим за пределы обыденности, а, подчас, и за границы человеческих возможностей. Физическое и моральное напряжение, связанное с необходимостью преодоления сложностей, являлось атрибутивной характеристикой труда советского человека. Лексемы, коннотирующие к преодолению трудовых трудностей были представлены в текстах передовиц и информационных статей: «Преодолевая серьезные трудности, не жалея своих сил, советские люди реализуют предначертания своего вождя»¹; «Прошедший год оставил нам примеры самоотверженной борьбы за выполнение планов первого года сталинской пятилетки»²; «Машинисты паровозов ... показали примеры самоотверженного труда»³; «Высоким напряжением сил создаются нормы новой пятилетки»⁴. В текстах выступлений, митингов и трудовых обязательств горожан: «Приложу все усилия к тому, чтобы стахановской работой вложить частицу своего труда в дело укрепления могущества ... Родины»⁵; «я отдам все силы и знания, ... чтобы дать как можно больше высококачественных труб»⁶.

Примеры волевого преодоления трудностей иллюстрировали трудовую повседневность трудящихся самых различных профессий. Геолога: «Путь его труден и утомителен. Он отказывает себе в еде, чтобы не тратить времени на хождение в населенные пункты»⁷; мастера по ремонту поездов: «Тяжелым домкратом Аня ... поднимает вагон и устраняет повреждения. Потоки липкого пота, перемешанного с мазутом, крупными каплями сползали на синюю промас-

---

¹ Товарищу Сталину И.В. // Правда. 1947. 2 апреля. С. 2.

² 1947 // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 января. С. 1

³ Косаткин С. Самоотверженный труд // Под знаменем Ленина. 1946. 7 февраля. С. 3.

⁴ Миньков М. Разбег // Уральский рабочий. 1947. 1 мая. С. 4.

⁵ Пирожков В. Увеличу скорость резания // Восточно-Сибирская правда. 1950. 15 марта. С. 1

⁶ За досрочное выполнение пятилетнего плана // Под знаменем Ленина. 1947. 15 ноября. С. 2.

⁷ Моисеева К. Тайна рождения руды // Смена. 1949. № 1. С. 3.

ленную блузку. Но девушка не замечает этого. Мысль о том, чтобы не задерживать поезд гвоздем засела в ее мозгу»¹ и др. Преодоление трудностей презентовалось в романтической и героизированной тональности, как возможность свершения поступка, который востребован Родиной, оправдан «великой целью», а, значит, должен быть совершен любой ценой: «Пусть трудно, ... но эти трудности роста таковы, что их преодоление несет приближение великой заветной цели ... на нее не пожалеешь не только труда, но и самой жизни!»².

Абсолютизация масштабов трудовой самоотверженности находит свое воплощение в лексической форме – *жизнь, отданная труду*. Эта метафора являлась типичной для некрологов советских политических деятелей советского периода³. Употребление означенной лексической конфигурации, является примером феномена, обозначенного У. Швендиманном «языковой ритуализацией», когда определенное содержание некролога могло быть выражено только определенным образом⁴. Использование данной риторики было направлено на утверждение нормализованности общественного статуса покойного, «правильности» пройденного им трудового жизненного пути, закончившегося «правильной» смертью⁵. В качестве примера некрологической риторики периода можно привести текст некролога министра угольной промышленности восточных районов СССР В.В. Вашрушева: «Он горел на работе, отдавая всего себя великому делу партии Ленина – Сталина. Этому делу он посвятил всю свою жизнь без остатка. Смерть застигла его на боевом посту»⁶.

Презентация в текстах СМИ трудовой самоотверженности, как повседневной нормы жизнедеятельностных практик граждан, дала основание живу-

---

¹ Аня Быкова // Красный Север. 1946.1 мая. С. 2.

² Весна // Смена. 1948. № 9. С. 2

³ Малышева С.Ю. «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий // Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 103-111; Юровский В. Структура и стиль советского политического некролога 30-х – 80-х годов // *Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / Hg. Daniel Weiss. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2000. P. 127–190.

⁴ Schwendimann Ueli. Der Tod als Ode an das System. Textsortenmutationen als Bestandteil verbaler Propaganda – am Beispiel von Texten über den Tod // *Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / Hg. Daniel Weiss. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2000. P. 1–12. P. 2

⁵ Малышева С.Ю. «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий // Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург, 2017. С. 109.

⁶ Выдающийся организатор социалистического хозяйства // Правда. 1947. 15 января. С. 3.

щему в эмиграции Г.П. Федотову прийти к следующим выводам о специфике советского человека: «Он готов заморить себя работой, и его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив: партию или родину»¹.

Для проведения количественного анализа лексические формы, используемые при описании трудовых свершений граждан: *борьба, самоотверженный (труд), не жалея сил (усилий, жизни), не покладая рук, без сна и отдыха, преодолевая себя, с максимальным напряжением, преодолевая трудности, на грани возможного* и т.п. были объединены в группу *труд – преодоление*. В количественном плане наибольшее число обращений к лексическим формам данной группы наблюдается на страницах центральных газет «Правда» и «Труд» (общее число упоминаний за период 1946–1956 гг. равнялось 547 и 568 соответственно, что равняется в среднем двум упоминаниям в каждом выпуске) (см. прил. 1.17, 1.18). В областных и городских газетах востребованность лексем данной группы была несколько ниже – от 324 до 504 упоминания (по разным изданиям, за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.19–1.25). Еще менее востребованными были лексические формы данной группы на страницах заводских изданий – одно упоминание в выпуске в среднем (см. прил. 1.26–1.28). В хронологическом разрезе наибольшее количество обращений к лексемам группы *труд – преодоление*, отмечалось в 1946–1948 гг., постепенно снижаясь в первой половине 1950-х гг.

Наибольший накал напряжения «правильного» труда, приносящего Родине значительные результаты, определялся понятиями *подвиг, героизм*: «Новыми трудовыми подвигами встретим день выборов в Верховный Совет СССР!»², «Первый послевоенный год войдет в историю как год ... героического труда»³; «герои трудового фронта отдают свои силы, знания, свой талант делу укрепления ... государства»⁴; «Став на стахановскую вахту в честь выборов, коллектив отметил день 12 марта новыми трудовыми подвигами»⁵; «Люди советского

---

¹ Антошин А. В. Политический режим в Советском Союзе в середине 1940-х начале 1950-х годов в оценках российских эмигрантов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24. С. 165.

² Новыми трудовыми подвигами встретим день выборов в Верховный Совет СССР! // Восточно-Сибирская правда. 1950. 15 января. С. 1.

³ Год героического труда // Под знаменем Ленина. 1947. 1 января. С. 1.

⁴ Чувство нового // Труд. 1947. 11 мая. С. 1.

⁵ С высокой производительностью // Восточно-Сибирская правда. 1950. 15 марта. С. 1.

подвига»¹ и пр. Употребление понятий *подвиг* и *героизм* на страницах печатной периодики, как правило, фиксировалось в текстах передовиц, очерках, сообщениях о проведении социалистических соревнований и выполнении планов, и не встречались в интервью с работниками предприятий, текстах социалистических обязательств горожан. Важно отметить, что как *подвиги* определялись не только единичные трудовые рекорды стахановцев и передовиков, или деятельностные практики граждан, связанные с риском для жизни. Рутинность и будничность труда не уменьшала масштабов трудового подвига. Понятия *подвиг* и *героизм* проецировались на результаты деятельности всех трудящихся: «Самое замечательное в трудовых подвигах советских людей состоит в том, что производственный успех не является у нас уделом одиночек, а становится массовым явлением»². Трудовой героизм советских граждан сакрализировался и мифологизировался, презентуясь в качестве отличительной черты советского социума: «Героизм – этот орлиный взлет человеческого духа – становится массовым явлением в социалистическом обществе. Героизм говорит о могучей силе, ... о красоте, о величии этого общества»³. (Героизация трудовой деятельности и ее презентация в эпическом ключе, как труд на века, для будущих поколений, а также основной деятельностной практики всех возрастных групп советского социума, фиксируется и в учебных изданиях, например, в отечественных букварях 1940-х–1950-х гг.⁴).

Для проведения количественного анализа понятия *подвиг* и *героизм* (а также производные от них лексические формы) были объединены в одну группу – *труд–подвиг*. В количественном плане большее число обращений к лексическим формам данной группы фиксировалось на страницах центральных газет «Правда» и «Труд» – 98 и 90 упоминаний соответственно (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.17, 1.18). В областных, городских и заводских газетах этот показатель варьировался по изданиям от 20 до 30 упо-

---

¹ Кожан И. Люди советского подвига // Уральский рабочий. 1947. 1 января. С. 3.

² Славный год // Смена. 1947. № 1. С. 1.

³ Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – к новым успехам Советской Родины // Правда. 1948. 1 мая. С. 1.

⁴ Головин Н.М. Букварь М., 1944. С. 47; Воскресенская А.И. Букварь. М., 1952. С. 50; Редозубов С.П. Букварь для обучения чтению и письму. М., 1946. С. 31; Клинова М.А. «Что такое хорошо и что такое плохо»: эволюция нормативных поведенческих моделей младших школьников на страницах букварей середины 1940-х–1960-х гг. // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2017. № 2. С. 163.

минаний (за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.19–1.25). В хронологическом разрезе наибольшее число обращений к категориям данной группы на страницах СМИ наблюдалась в период четвертой пятилетки, а максимальная востребованность фиксировалась в период 1946–1948 гг.

Обращение на страницах СМИ к категориям экстремума – *подвиг, героизм, самоотверженный* и пр. в контексте сюжетов трудовой тематики, было количественно более выражено в первые послевоенные годы, свидетельствуя о сохранении военной риторики в послевоенном советском дискурсе. Преемственность военного и послевоенного дискурса также фиксируется в использовании военной лексики и терминологии при описании трудовых практик населения: *боевая задача пятилетки, производственное наступление, развернуть работу широким фронтом, завоеванные позиции, командиры производства, выиграть трудовую битву, победа на фронте созидательного труда, бойцы (угольного, металлургического и др.) фронта* и т.п. В качестве примеров использования «боевых» аналогий в сюжетах трудовой тематики можно привести следующие цитаты: «Наш народ знает, что победа в труде, как и победа в бою не приходит сама, не дается в руки без напряжения и борьбы»¹; «Доблесть в труде достойна военной славы»² и т.п. Примеры милитаризированной лексики на страницах советских СМИ послевоенного десятилетия были наиболее востребованы во второй половине 1940-х гг. В первой половине 1950-х гг. обращение к ним в рамках «трудовых» сюжетов значительно сокращается.

Е.В. Сальникова в работе «Советская культура в движении» замечает, что в советском дискурсе различные формы экстремальности презентовались в качестве нормального и даже положительного явления, обозначая проекцию марксизма, в котором борьба являлась движущей силой социального прогресса³. Предпринятый анализ материалов отечественной печатной периодики 1946–1956 гг. позволяет согласиться с данным утверждением. Практики напряженного и самоотверженного труда, кульминирующего в трудовых подвигах, определялись исключительно через положительные характеристики.

---

¹ К дальнейшим успехам советской Родины! // Труд. 1947. 1 января. С. 1.

² На новый рубеж сталинской пятилетки // Магнитогорский металл. 1947. 1 января. С. 1.

³ Сальникова Е.В. Указ. соч. С. 64–69.

Ярко выраженными положительными коннотациями в печатном дискурсе периода сопровождалось и само понятие *трудный*: «трудный, но славный был год 1946!»¹; «в пафосе созидательного труда советские люди развернули наступление на послевоенные трудности»². Качественный анализ текстов печатных СМИ 1946–1956 гг. позволяет прийти к выводу, что чем труднее и напряженнее была трудовая деятельность, тем она виделась более приемлемой, предпочтительной и «правильной» для советского человека: «Пусть трудно, говорят наши люди, но эти трудности роста таковы, что их преодоление несет с собой приближение великой заветной цели»³; «Мы знаем, что задача восстановления города не легкая, много будет трудностей, она потребует огромного напряжения усилий, но труд ... для нас счастье»⁴. Работа на самых «трудных участках», как правило, украшала трудовые биографии передовиков и стахановцев, способствуя формированию черт характера, важных для советского человека: «умению бороться с трудностями, любви к труду»⁵. Позитивность коннотаций понятия «трудный» определялось необходимостью наличия трудностей (и их самоотверженного преодоления), как элементов образа героического советского человека, конструируемого в информационном пространстве периода: «Героический советский народ не боится трудностей»⁶. В свою очередь, понятие *легкий* раскрывалось скорее через негативные характеристики. На страницах журнала «Смена» 1947 г. негативный смысл данного понятия высвечивается в процессе обсуждения на комсомольском собрании трудовой деятельности коллектива: «– Они там у себя легкую жизнь устроили. Всегда паровозы задерживают. ... Вагоны с углем по двое суток простаивают»⁷. В статье «Правды», посвященной совещанию работников московской промышленности, в своем выступлении один из участников отмечает: «Отдельные руководители предприятий ... хотят для себя легкой жизни и всеми правдами и неправдами стараются выговорить плановую себестоимость повыше, а плановую прибыль – пониже»⁸. В другом

---

¹ Славный год // Смена. 1947. №1. С. 1

² Созидательный труд // Труд. 1946. 11 ноября. С. 1.

³ Весна // Смена 1948. № 9. С. 2

⁴ 1946 год // Великолукская правда. 1946. 1 января. С. 1.

⁵ Игошев Г., Шатыло П. Молодой руководитель // Под знаменем Ленина. 1951. 1 мая. С. 2.

⁶ Канун великого праздника // Труд. 1947. 30 апреля. С. 1.

⁷ Мусатов А. Щербаковцы // Смена 1947 № 17 . с. 12

⁸ Совещание работников Московской промышленности // Правда. 1948. 15 сентября. С. 2

выпуске «Правды» автор очерка, рассуждая о строительстве судоходных каналов в капиталистических странах, резюмирует: «Каналы эти давно построены. ... Это было сравнительно легкое и простое дело».¹ Таким образом, на страницах печатных СМИ 1946–1956 гг. в рамках сюжетов, посвященных «правильным» практикам трудовой деятельности населения, антонимы *трудный–легкий* четко поляризуются в рамках системы *предпочтительно–неприемлемо*, формируя устойчивые связи: *трудный–предпочтительный*, *легкий–неприемлемый*. Антагонистичность категорий *трудный–легкий* усиливается путем их синхронизации с магистральной антитезой советского дискурса: *социализм–капитализм*. В результате политически не ангажированная пара антонимов приобретала идеологическую окраску, наделяясь соответствующими полярными политизированными смыслами, коннотациями и оценочными характеристиками.

6.1.3. Вознаграждение труда как часть эталонной трудовой стратегии

Еще одной немаловажной частью «правильной» трудовой стратегии горожан, реконструируемой на страницах печатных СМИ послевоенного десятилетия, являлось *вознаграждение труда*. Тематика трудового вознаграждения не ограничивалась проблематикой материальной компенсации труда, включая в себя более широкий спектр формальных и неформальных позитивных санкций, а также положительные эмоции, переживаемые индивидом в процессе трудовой активности.

Одним из проявлений формального позитивного санкционирования труда являлась заработная плата. Не смотря на то, что оплата труда была нормализованной формой вознаграждения трудовой деятельности горожан, востребованность данной проблематики на страницах СМИ второй половины 1940-х гг. ограничивалось немногочисленными фрагментами (см. прил. 1.17–1.29). С целью проведения количественного анализа лексические формы: *заработная плата*, *оплата труда*, *доход*, *зарплата* и пр., упоминаемые в СМИ применительно к

---

¹ Павленко П. Героический путь // Правда. 1951. 1 января. С. 2.

городскому населению РСФСР, были объединены в одну группу – *заработная плата*. В годы четвертой пятилетки востребованность лексических форм данной группы варьировалась по изданиям от 1 до 11 упоминания в год (в рамках выборки) (см. прил. 1.17–1.29). Менее востребованы данные категории были на страницах заводских газет (см. прил. 1.26–1.28), а наибольшее число их упоминаний фиксировалось в газете «Труд» (1948 г.), где в рубрике «Ответы “Труда”» рассматривались проблемы правильности начисления заработной платы, отпускных и других выплат трудящимся (см. прил. 1.18).

Обращение к тематике зарплаты горожан фиксировалось в передовицах газет, где упоминалось о перспективах ее увеличения вследствие правительственных мероприятий: «Постановление Совета Министров ... улучшит удовлетворение нужд населения, будет содействовать повышению уровня реальной заработной платы»¹. Упоминания о фактической динамике доходов горожан фиксируются в выступлениях трудящихся на митингах по поводу снижения цен. На страницах газеты «Металлург» в 1949 г. было опубликовано мнение стахановца В. Черкунова: «Реальность моей зарплаты поднимается на 10%»². Более конкретно на страницах СМИ второй половины 1940-х гг. освещались доходы передовиков производства. Их заработки презентовались в тесной связи с объемом выполненных норм: «Навалоотбойщик Касьяновской шахты Г.И. Климачев, выполнив в феврале 275,8 проц. плана, заработал 7384 рубля, ... П.Е. Шаталов, П.И. Посохов, Г.Ф. Петрачков и др., выполнив в феврале больше чем по две нормы, заработали от 5500 до 6500 руб.»³; «забойщик Степан Черняк выдал 73,5 тонны кварцита, выполнил сменное задание на 459,4 процента и заработал 432 рубля 60 копеек»⁴; «до обучения в стахановской школе ... работница обувной фабрики ... тов. Тропина зарабатывала в смену 21 рубль, сейчас зарабатывает 32 рубля ... выполняет норму на 200–220%»⁵ и т.п.

---

¹ Развернуть кооперативную торговлю в городах, увеличить производство товаров широкого потребления // Восточно-Сибирская правда. 1946. 15 ноября. С. 1.

² Выразил чувства всех строителей // Metallurg. 1949. 5 марта. С. 1.

³ Хворостухин А.И. О некоторых вопросах партийно-массовой работы на промышленных предприятиях // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 апреля. С. 3.

⁴ Степан Черняк перекрыл рекорд Щербины // Под знаменем Ленина. 1948. 18 апреля. С. 1.

⁵ Опыт передовиков – всем рабочим // Советская Сибирь. 1947. 15 мая. С. 3.

Как и в политическом дискурсе второй половины 1940-х гг. на страницах печатных СМИ послевоенного периода формулировался тезис о детерминированности объемов доходов граждан уровнем общественного благосостояния (государства, предприятия): «Чем крепче наша страна, тем лучше жить советскому человеку»¹; «Быстрее будет расцветать военно-экономическая мощь нашей Родины, значительно поднимется благосостояние трудящихся, советские люди смогут жить лучше, обеспеченнее»². В форме аналогичных причинно следственных цепочек раскрывалась взаимосвязь в системе *труд – благосостояние граждан*. При этом неотъемлемым звеном-посредником в данной системе выступает государство: «Каждый советский человек ... поймёт: чем лучше он будет трудиться, чем лучше он будет выполнять свои производственные планы – тем богаче будет наша страна, тем быстрее она преодолет послевоенные трудности, тем обеспеченнее и культурней будет жизнь вашего народа»³. Тезис о неприменимости государственного участия в повышении доходов населения поддерживался путем популяризации практик премирования граждан за трудовые заслуги. Для проведения количественного анализа лексические формы, отражающие практики и результаты награждения и премирования горожан были объединены в одну группу – *награды, премии*. Сюжеты, посвященные награждению и премированию горожан, регулярно публиковались на страницах печатных СМИ второй половины 1940-х гг., отличаясь более высокой востребованностью в центральных газетах «Труд» и «Правда» (см. прил. 1.17, 1.18).

Лауреаты и награжденные фигурируют на страницах печатной периодики 1940-х гг. как интервьюеры, герои заметок, очерков и авторы статей. В газетах публиковались списки награжденных: победителей в социалистическом соревновании, лауреатов Сталинской премии и пр. Важно отметить, что при освещении факта присуждения Сталинской премии в прессе освещались не только заслуги награжденного, но и объем денежного вознаграждения, получаемого лауреатом (150, 100 или 50 тысяч рублей). Гласность и широкая популяризация практик государственного премирования подчеркивала тезис о зависимости до-

---

¹ Крепнет могущество Родины // Правда. 1949. 1 марта. С. 2.

² Савельев М. Встреча В.И. Сосунова с молодыми избирателями города // Под знаменем Ленина. 1946. 7 февраля. С. 2.

³ Бюджет первого года новой сталинской пятилетки // Правда. 1946. 16 октября. С. 1.

ходов населения от государственного участия. В сознании граждан формировалось отношение к государственным премиям, как к престижному и достижимому способу улучшения личного материального благосостояния, непременным условием которого является выполнение поставленных государством трудовых задач.

Помимо материального премирования на страницах СМИ второй половины 1940-х гг., в качестве формального позитивного санкционирования трудовой активности горожан фигурировали не материальные формы поощрения: значок, вымпел, грамота, Передовое Красное знамя (вручаемое по результатам социалистических соревнований различного уровня), занесение в книгу почета предприятия, на доску почета и пр. Означенные «не материальные» награды презентовались на страницах СМИ в качестве более важных и значимых форм поощрения трудовой деятельности горожан, нежели денежные выплаты. Именно за Переходящее Красное знамя, звание лучшей бригады и пр. разворачивалась трудовая борьба в цехах предприятий и шахтах. В рамках «правильной» трудовой стратегии населения, конструируемой в информационном поле послевоенного периода, главным вознаграждением труда советского человека являлся личный вклад в дело государственного строительства. Важность трудового вклада граждан определялась государством (или коллективом предприятия) и отмечалась различными видами морального поощрения.

Важной частью трудового вознаграждения советского человека были неформальные позитивные санкции. Как правило, их источником являлись как коллективы различного уровня (соседи, коллеги и пр.), так и отдельные представители социума. Неформальное позитивное санкционирование эффективной трудовой деятельности граждан реализовывалось в различных формах общественного одобрения. Сюжеты, посвященные данным практикам, встречаются на страницах печатных СМИ послевоенного периода. Например, в статье, опубликованной на страницах «Смены», директор завода «Колибр» А.В. Нешто отмечает: «Дирекция и общественность высоко ценят заслуги лучших молодежных бригад завода: передовые молодые стахановцы окружены у нас всеобщим по-

четом и уважением; по ним равняются, с них берут пример»¹. В газете «Кировец» читаем: «Хороший товарищ, отличный работник, Рая Косякина пользуется заслуженным авторитетом коллектива цеха»². В большинстве случаев освещение неформальных позитивных санкций трудящихся фиксируется в текстах интервью с руководителями предприятий и передовиками производства, а также очерках и рассказах, опубликованных в периодических изданиях.

В годы пятой пятилетки корректируется уровень востребованности на страницах СМИ лексических форм, отражающих практики оплаты труда горожан, а также их награждения и премирования. В 1950-е гг. на страницах всех печатных СМИ увеличивается количество сюжетов, посвященных проблеме доходов и заработной платы горожан. Более высокий уровень количественного обращения к лексическим формам группы *заработная плата* фиксируется на страницах газеты «Труд» (от 19 до 39 упоминаний в год в рамках выборки) (см. прил. 1.18). Несколько меньшей востребованностью лексических форм данной группы характеризовались областные и городские газеты (до 23 упоминаний в год в рамках выборки) (см. прил. 1.19–1.25); наименьшее число обращений к тематике оплаты труда отмечено на страницах заводских газет (не более 15 упоминаний в год в рамках выборки) (см. прил. 1.26–1.28).

Количественное увеличение обращений к тематике доходов горожан в 1950-е гг. имело различные причины в зависимости от специфики изданий. В центральных газетах возросло количество статей, освещающих процесс улучшения уровня жизни граждан СССР, РСФСР и перспективы его дальнейшего роста в текущей пятилетке³. На страницах региональной прессы разного уровня в 1950-е гг. повышается количество сюжетов, освещающих конкретные цифры доходов трудящихся: «По 1300–1400 рублей получили за месяц машинисты тт. Бородкин и Наумов»⁴; «Я токарь-револьверщик, ... зарабатываю пятьсот рублей в месяц. А когда стану работать только шесть часов, то заработок мой даже повысится»⁵. Важно отметить, что, несмотря на увеличение востребованности

---

¹ Достоянная смена // Смена. 1949. № 17. С. 4.

² Рая Косякина // Кировец. 1952. 1 января. С. 2.

³ Неуклонный рост материального благосостояния советского народа // Правда. 1953. 1 апреля. С. 2. Зарплата о человеке – закон нашего общества // Труд. 1954. 2 апреля. С. 1.

⁴ Зарботки лесорубов // Уральский рабочий. 1951. 15 февраля. С. 2.

⁵ Саркин В. Мой заработок повысится // Тагильский рабочий. 1956. 1 июня. С. 1.

на страницах СМИ 1950-х гг. сюжетов, посвященных проблематике роста материальных доходов горожан, личное благосостояние не начинает трактоваться как приоритетная и «правильная» мотивация труда советского человека. Хотя отдельные сюжеты, демаргинализирующие проблему стремления населения к увеличению своих доходов, встречаются на страницах советских печатных СМИ 1950-х гг. Так, например, в очерке, опубликованном на страницах газеты «Красный Север», электропильщик Клавдия Осинина на вопрос коллеги об ее желании зарабатывать отвечает: «Денег мне надо много, и тебе советую побольше заработать ... смотри, сколько товаров в магазине»¹.

В отношении категорий, отражающих различные формы награждения премирования граждан, на страницах печатных СМИ 1950-х гг. фиксируется противоположная тенденция – уровень их востребованности снижается. Более существенная динамика снижения обращений к данной теме наблюдается в 1953–1956 гг. (синхронно снижению востребованности на страницах СМИ лексических форм групп *социалистическое соревнование, социалистические обязательства*) (см. прил. 1.17 – 1.29).

Увеличение обращений СМИ в 1950-е гг. к проблематике роста заработной платы населения при сокращении востребованности сюжетов, отражающих практики награждения и премирования горожан за трудовые заслуги, позволяет говорить об ослаблении ранее конструируемой на страницах печати взаимосвязи объема личных доходов трудящихся от адресного государственного участия. Выявленная тенденция также позволяет говорить о снижении в 1950-е гг. (а особенно в 1953–1956 гг.) уровня интенсивности мобилизационной риторики, призванной стимулировать население на активную трудовую деятельность – перевыполнение планов и обязательств, посредством различных форм морального и материального стимулирования.

В рамках конструируемой на страницах послевоенных СМИ модели «правильной» трудовой стратегии горожан в качестве своеобразного трудового вознаграждения презентовались и личные позитивные эмоциональные переживания трудящихся – *радость, веселье и счастье*.

---

¹ Баранов В. Электропильщик Клавдия Осинина // Красный Север. 1953. 14 февраля. С. 1.

В отечественной историографии неоднократно рассматривались различные аспекты «советского смеха», его специфики и объектности¹. В контексте тематики данного исследования особый интерес представляет статья И. Калинина «"Нам смех и строить и жить помогает": политэкономия смеха и советская музыкальная комедия, 1930-е годы», в которой автор приходит к выводу, что в «сталинский» период смех и веселье не противопоставлялись трудовому героизму, а были синонимичны ему, выступая эквивалентом ударного труда².

Гипотеза, предложенная И. Калининым, подтверждается результатами предпринятого анализа материалов отечественных периодических изданий 1946–1956 гг. На страницах СМИ послевоенного десятилетия отмечается высокая частота употребления понятий *радость* и *счастье* в рамках сюжетов трудовой тематики. (В группу *счастье*, *радость* были включены различные производные данных категорий, а также понятие *веселье* и его производные, упоминаемые на страницах СМИ в контексте «трудовых» сюжетов, посвященных городскому населению РСФСР). По различным изданиям частота упоминания лексических форм данной группы не была идентичной. Максимальное количество обращений фиксировалось на страницах центральных и областных газет – от 80 до 92 упоминаний (по каждому изданию за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.17 – 1.23). Несколько ниже был уровень востребованности категорий данной группы в городских газетах и журнале «Смена» – от 48 до 60 упоминаний (по каждому изданию за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.24, 1.25, 1.29). Минимальное количество обращений фиксировалось на страницах заводских газет – от 1 до 29 упоминаний (по каждому изданию за период 1946–1956 гг. в рамках выборки) (см. прил. 1.26–1.28).

На страницах изданий о радости труда сообщается в заметках и статьях, посвященных деятельности передовиков и стахановцев: «В труде для Родины черпает он энергию и счастье»³. Но, в большинстве случаев, о трудовой радости повествуют сами трудящиеся в опубликованных обращениях к вождю, интер-

---

¹ Богданов К.А. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009 ; Добренко Е. Госсмех, или Между рекой и ночью // Киноведческие записки. 1993. № 1. С. 39–55 ; Калинин И. Нам смех и строить и жить помогает ... Р. 119–140 ; Его же. Смех как труд и смех как товар ... С. 113–129 ; Салис Р. «Нам уже не до смеха»: Музыкальные комедии Григория Александрова. М., 2012. С. 19–69 ; Скрадоль Н. Указ. соч. С. 160–184.

² Калинин И. Нам смех и строить и жить помогает ... Р. 119–140.

³ Ружинский Е. Кадровый горняк // Уральский рабочий. 1953. 15 февраля. С. 2.

вью, текстах социалистических обязательств, а также устами героев рассказов и очерков, помещенных на страницах периодических изданий. О радости труда говорит стахановец трансформаторного завода Т. Галкин в интервью, помещенном на страницах «Правды»: «Труд для нас – радость. В нем проявляются наша патриотическая доблесть и гражданское достоинство»¹. «Источник всех радостей – мой неутомимый скромный труд», – замечает старший стана Первоуральского Старотрубного завода В. Бурдейный²; «По словам Хохоленко, чем больше он сделает, тем веселей у него на душе»³. На страницах журнала «Работница» (1946 г.) помещена статья с говорящим названием «Труд, это радость», в которой ее автор – Вера Тихонова (бригадир стерженщиц завода имени Никольского) отмечает: «Труд – это высшая радость моей жизни»⁴. В текстах передовиц обращение к категории *радость* нередко презентуется в контексте выражения мнения населения: «Советские люди заявляют: „Радостно жить и работать, зная, что Коммунистическая партия, правительство, товарищ Сталин проявляют неустанную заботу о простых людях“»⁵.

Характерно, что в рамках конструируемой на страницах печатных СМИ эталонной трудовой стратегии, веселье и радость трудящихся не были детерминированы результатами труда, фиксируясь в текстах сюжетов, не связанных исключительно с тематикой трудовых рекордов. Не являлись они и проявлениями эмоциональной и физической разрядки, заполняющими паузы между трудовыми подвигами. Радость советского человека продуцировалась непосредственно в процессе трудовой деятельности советского человека, вне зависимости от ее результативности и степени накала трудового напряжения. В то же время, взаимосвязь трудовой деятельности и эмоционального ощущения радости не являлась физиологически-рефлекторной. Радость советского человека была осмысленной. Она зиждилась на переживании и осознании ряда идеологических, нравственных, духовных и этических ценностей, обладающих непреложной значимостью в рамках дискурса. Д. Заславский в статье «Радость Пер-

---

¹ Труд на благо Родины // Правда. 1950. 1 февраля. С. 3.

² Бурдейный В. Знаменательный год // Под знаменем Ленина. 1952. 1 января. С. 2.

³ Величко А. Человек на лесах // Смена. 1946. № 3-4. С. 6.

⁴ Тихонова В. Труд, это радость // Работница 1946 №№ 11-12 с. 5

⁵ К новым победам коммунизма // Уральский рабочий. 1953. 1 января. С. 2.

вомая», опубликованной на страницах «Правды», отмечает «компоненты» и специфику формирования данного чувства в советском социуме: «Радость социализма – чувство сложное. Есть в нем торжество победителей, счастье строителей нового общества, вера в будущее, неистощимый оптимизм. Есть в нем радость творчества. ... Впервые на земле социализм создал чистую радость коллективного, народного творчества. ... Каждый создает свое новое, каждый создает, переживает процесс творчества с его трудностями, успехами и неудачами, взлетами мысли и падениями – и сладость победы, радость творчества. И из этого вырастает общая, всенародная радость, которая рвется наружу, бьет ключом»¹.

Фактически в приведенном тексте обозначены два компонента, составляющие «трудовую радость» советского человека. Первым из них являлось *творчество*. «Труд как творчество» становится одним из главных идеологических и художественных топосов эпохи², фиксируясь, в том числе, и на страницах печатных изданий 1946–1956 гг. Руководитель танцевального коллектива ремесленного училища № 13 г. Магнитогорска Н. Карташова замечает: «Я испытываю великую радость творческого труда, вкладываю в этот труд всю душу, все умение»³. В «Правде» читаем: «Радость творческого труда принесла нам великая партия Ленина – Сталина»⁴. На широкое распространение творческого труда в социалистическом социуме указывалось в сюжетах «Смены»: «Весь советский народ творит и учится, учится и творит»⁵. Характерно, что трудовая деятельность советского населения трактовалась как творческая вне зависимости от ее фактической креативности. Повседневные трудовые практики советского человека на заводе или стройке определялись как творческие проявления: «На стройке растут люди, ее творцы»⁶. Как отмечено в одном из выпусков «Правды»: «одухотворенный, творческий труд советских людей прекрасен при всей будничности»⁷. О синонимичности понятий *труд* и *творчество*

---

¹ Заславский Д. Радость Первомая // Правда. 1949. 1 мая. С. 2.

² Калинин И. Нам смех и строить и жить помогает ... Р. 126.

³ Карташова Н. Радость творческого труда // Магнитогорский металл. 1946. 19 января. С. 2.

⁴ Труд на благо Родины // Правда. 1950. 1 февраля. С. 3.

⁵ Космодемьянский А.А. Черты передовой науки // Смена. 1948. № 9. С. 5.

⁶ Андрианов С. С помощью великого русского народа // Восточно-Сибирская правда. 1954. 15 мая. С. 3.

⁷ Рюриков Б. Счастье творчества // Правда. 1950. 15 июля. С. 5.

во читаем в «Смене»: «Когда мы говорим “труд”, мы думаем “творчество”, ибо в нашей стране эти понятия неотделимы»¹. В контексте эталонной трудовой стратегии, конструируемой на страницах советских СМИ, трудовое творчество презентовалось в качестве основной деятельностной практики, способствующей максимально полной реализации талантов граждан: «Советский человек имеет все возможности, чтобы развернуть свои способности и таланты в свободном творческом труде»².

Вторым аспектом, составляющим «трудовую радость» советского человека, являлась *связь личности с коллективом*. Предпринятый анализ материалов печатных СМИ позволил прийти к выводу, что, корреляция личного и коллективного, продуцирующая радость труда, проявлялась в нескольких формах. В первую очередь, коллектив являлся признанной формой трудовой активности граждан. Коллективы (бригады, отряды, звенья) активно действовали на страницах печатных периодических изданий 1946–1956 гг., выступая с отчетами о выполнении планов и норм, обращениями и социалистическими обязательствами. Советский человек являлся неотъемлемой частью трудового коллектива. В свою очередь радость труда, продуцируемая в результате деятельности, не являлась эмоцией, автономно и изолированно переживаемой индивидом. Личные радостные переживания советских граждан суммировались, проживаясь в коллективе. В результате подобной цепной реакции радость разливалась на всех трудящихся советской страны, приобретая формат коллективной (советской) трудовой эйфории: «вырастает общая, всенародная радость, которая рвется наружу, бьет ключом»³. Во-вторых, радость труда была обусловлена осознанием значимости личного трудового вклада в общее коллективное дело. Именно этот аспект, составляющих радость советского трудящегося, достаточно часто фиксируется в текстах писем в редакции, интервью с учащимися, стахановцами и лауреатами Сталинской премии, помещенными на страницах отечественной прессы. Так, например, учащаяся ремесленного училища С. Скворцова, в своем письме пишет: «Большим счастьем для меня ... будет сознавать, что в каждом

---

¹ Моисеева К. Творчество // Смена. 1949. № 1. С. 2.

² Под знаменем партии Ленина – Сталина к победе коммунизма! // Правда. 1952. 1 мая. С. 1.

³ Заславский Д. Радость Первомай // Правда. 1949. 1 мая. С. 2.

паровозе, в каждом корабле есть и моя, хотя бы небольшая, доля труда»¹. Аналогичная риторика фиксируется в статье народной артистки СССР А. Тарасовой: «Нет большего счастья для художника, чем служение своему народу. Нет большей радости, чем сознание, что твой труд помогает людям строить новую жизнь, идти в коммунистическое завтра»². Гораздо реже о радости осознания своего трудового вклада в коллективное дело сообщалось в передовицах и информационных статьях газет.

Обращает на себя внимание тот факт, что трудовая деятельность на благо общества трактуется не только как *радость* советского человека, но и определяется категорией *счастье*. Данная понятие предполагает значительную глубину и продолжительность позитивных эмоциональных переживаний, являясь фундаментальной этической категорией, обозначающей цель и смысл человеческого бытия. Согласно эталонной трудовой стратегии, трудовое счастье советского человека составляли: любовь к своей профессии и осознание выполненного перед Родиной долга. На страницах СМИ об этом говорят сами трудящиеся: «Я люблю свое дело и поэтому считаю себя счастливой»³; «Когда я вижу плоды своего труда, то сознание говорит: “Твой долг выполнен”. А есть ли полнее счастье для советского человека, советской женщины, чем осознание выполненного перед родиной долга?»⁴.

Главным проектом коллективного творчества, реализуемым в СССР, было построение коммунизма. О личном счастье коммунистического строительства на страницах печатных изданий говорят трудящиеся: «Радостно жить в советской стране, где сам народ под руководством большевистской партии и советского правительства создает свое счастье, строит коммунизм»⁵. Данная тема звучит в очерках и статьях: «Советский человек счастлив тем, что может и будет свободно творить новую жизнь – своими руками и своим мозгом, своим воображением, своими наукой и искусством, своими машинами на фабриках, заводах и машинами на полях и морях. Будет творить коммунизм»⁶. В рамках

---

¹ По страницам молодежных газет // Правда. 1949. 1 августа. С. 2.

² Тарасова А. Наше великое счастье // Правда. 1950. 1 января. С. 3.

³ Тихонова В. Труд, это радость // Работница 1946. № 11-12. С. 5.

⁴ Карташова Н. Радость творческого труда // Магнитогорский металл. 1946. 19 января. С. 2.

⁵ У металлургов // Уральский рабочий. 1951. 1 марта. С. 1.

⁶ Федин К. Человек земли советской // Правда. 1953. 1 января. С. 1.

конструируемой на страницах СМИ эталонной трудовой стратегии горожан, происходила синхронизация индивидуальной жизнендеятельностной стратегии с векторностью государственного строительства. Движение к коммунизму определялось как тождественное продвижению к счастью и, сущностно, само счастье советского человека.

В хронологическом диапазоне периода 1946–1956 гг. обращение на страницах печатных СМИ к категориям группы *счастье, радость* было количественно неравноценным. Во второй половине 1940-х гг. количество упоминаний данных категорий на страницах центральных, областных и городских газет варьировалось на уровне от 3 до 8 упоминаний в год (согласно выборке) (см. прил. 1.17–1.25), а в заводских газетах равнялось нескольким единицам в год, либо вовсе отсутствовало (см. прил. 1.26–1.28). Значительное увеличение востребованности категорий данной группы фиксируется во всех изданиях в начале 1950-х гг. (количество их упоминаний увеличивается в два–три раза) (см. прил. 1.17 – 1.29). Образ труда, приносящего радость советскому человеку, поддерживался и визуальными сюжетами. В начале 1950-х гг. на страницах газет фиксируется количественное увеличение фотографий улыбающихся трудящихся (см. прил. 3.2.). В период 1954–1956 гг. фиксируется снижение количества обращений к понятиям *радость* и *счастье* в контексте трудовых сюжетов. Уменьшается число опубликованных текстов выступлений горожан, повествующих о радости труда. В СМИ фиксируется значительное снижение уровня восторженной риторики. В текстах передовиц и информационных статей, экзальтация *трудового счастья* заменяется *удовлетворением*: «Во всем богатстве, созданным нашим народом, есть вклад великолучан, каждого из нас, сознавая это, испытываешь большое удовлетворение»¹.

Таким образом, конструируемая на страницах отечественных печатных периодических изданий модель «правильной» трудовой деятельности городского населения включала в себя составляющие различного генезиса. Печатные издания являлись проводниками политических императивов, направленных на трудовую мобилизацию населения. Поэтому часть категорий являлась проекци-

---

¹ Пусть богатеет и крепнет наша Родина // Великолукская правда. 1956. 1 января. С. 1.

ей политического дискурса, ориентирующего граждан на выполнение конкретных экономических задач (*выполнение планов, производительность труда, социалистическое соревнование и др.*). Другая часть фиксируемых в советском информационном пространстве лексических форм, относящихся к трудовой тематике, являлась проявлением советского художественного канона, в рамках которого проблематика труда романтизировалась и героизировалась. Это такие категории как: *долг, подвиг, героизм, борьба, трудовое напряжение радость, счастье и др.* Конструируемая модель эталонной трудовой деятельности граждан также определялась посредством апелляции к этическим и нравственным категориям, обладающим значимостью в советском дискурсе.

Содержательно модель «правильной» трудовой деятельности горожан характеризовалась выполнением (перевыполнением) норм и обязательств, высокоскоростной интенсивностью и колоссальной производительностью. Достижение трудовых результатов осуществлялось по средствам максимального физического и духовного напряжения человека, граничащего с самоотречением. Апогеем реализации деятельностной стратегии советского человека был трудовой подвиг, осуществление которого являлось не только профессиональным достижением, но и примером преодоления психофизических пределов человеческого бытия. Труд не являлся внешней, второстепенной практикой по отношению к векторности жизнедеятельности человека, составляя саму суть человеческой жизни, являясь областью профессиональной реализации, личностного роста и источником радости и счастья. Посредством трудовых практик устанавливалась взаимосвязь советского человека с коллективом, фиксируемая на практическом уровне – в процессе совместного труда, и на уровне глобальном – как вклад каждого в общее дело. Основными мотивациями труда являлись трудовой *долг* и *благополучие Родины*, в то время как личные материальные интересы выносились за скобки одобряемых мотивов трудовой деятельности горожан. Структурные элементы эталонной трудовой стратегии горожан, реконструируемой на страницах советских СМИ, сохраняются на протяжении всего исследуемого периода.

Важно отметить, что различные сектора модели «правильной» трудовой деятельности горожан (мотивация, трудовые практики, вознаграждение труда), были не в равной степени актуализированы на страницах различных печатных изданий. В центральных газетах в большей степени были востребованы категории трудовой мотивации, вознаграждения труда, лексические формы, отражающие конкретные практики и результаты трудовой деятельности в формате будущего времени (*планы будут выполнены, производительность труда будет (должна быть) повышена и пр.*), более высокой востребованностью отличались категории, романтизирующие и героизирующие труд горожан (*подвиг, напряжение и пр.*). Городские, а в особенности, заводские издания, были в большей степени ориентированы на освещение конкретных результатов труда – выполнение норм, планов и обязательств трудящихся, динамики производительности труда, итогов социалистических соревнований и пр. Промежуточное положение занимали областные газеты РСФСР, где количественная востребованность лексических форм, отражающих конкретные свершившиеся результаты труда горожан (*перевыполнение норм, социалистическое соревнование и пр.*) была количественно выше в промышленных регионах Урала и Сибири.

6.1.4. Модели риторики трудовой мобилизации

Предпринятый количественный и качественный анализ материалов печатных СМИ 1946–1956 гг. позволил зафиксировать изменения востребованности и специфики употребления лексических форм, составляющих сектора «правильной» трудовой стратегии горожан, свидетельствуя о динамике интенсивности риторики трудовой мобилизации городского населения РСФСР.

В рамках периода 1946–1956 гг. можно выделить три модели имплицитной риторики трудовой мобилизации городского населения РСФСР.

Первую из них условно можно обозначить как модель *труда-подвига*. Она была актуализирована в советском информационном дискурсе второй половины 1940-х гг., характеризуясь акцентированной милитаризированной лексикой в определении трудовых практик горожан, количественно выраженным

определением мотивации трудовой деятельности посредством категории *долг*, который должен быть выполнен *на благо Родины* (что синонимично военному призыву «За Родину!»). В описании трудовой деятельности преобладали категории экстремума: *борьба, не жалея сил, самоотверженный, подвиг* и т.п., – предполагающие высокий градус физического и морального напряжения и преодоление трудностей в процессе труда. В рамках данной модели на страницах СМИ фиксируются наиболее высокие показатели обращения к идеологемам политико-экономического дискурса, определяющим конкретные (измеряемые) результаты и формы организации трудовой деятельности горожан (*выполнение норм, социалистическое соревнование*). Данная модель отличалась высоким уровнем интенсивности мобилизационной риторики. Значительная степень экспрессии лексических форм в «трудовых» сюжетах и плотность употребления императивов, направленных на активизацию труда горожан, сопровождались активным «участием» граждан в наполнении информационного пространства СМИ – на страницах газет публиковались поздравления, благодарности, обращения горожан к правительству, выступления на митингах и собраниях, клятвы и обещания еще более интенсивного труда, а также тексты принятых трудящимися социалистических обязательств. Формируемое в рамках дискурса представление о «кровной заинтересованности» граждан в выполнении четвертой пятилетки подкреплялось цифрами фактического выполнения и перевыполнения трудящимися планов и норм (уровень востребованности на страницах СМИ данной лексики в значении свершившегося события во второй половине 1940-х гг. был максимальным за весь период послевоенного десятилетия) (см. прил. 2.15). В рамках мобилизационной модели *труда-подвига* обращение к тематике заработной платы не было количественно выраженным, значительно уступая сюжетам, в которых рассматривались различные формы награждения и премирования горожан за трудовые заслуги. Наряду с трактовкой роста благосостояния горожан, детерминированного уровнем благосостояния Родины, обращение к практикам премирования усиливало презентуемую идею зависимости доходов горожан от интенсивности их труда и государственного участия. Максимальный уровень количественной выраженности лексических форм мо-

биллизационной риторики (категорий экстремума и идеологем политико-экономического дискурса) фиксировался на страницах большинства изданий в период 1946–1948 гг. Специфика данного периода определялась сложностями восстановления страны, реализуемого, в том числе, и посредством принятия непопулярных мер, влекущих за собой снижение уровня жизни горожан. Актуализация мобилизационной риторики в СМИ должна была сыграть роль стимула трудовой активности граждан в условиях ограниченного ресурсного потенциала послевоенного времени.

Начало 1950-х гг. характеризуется «включением» второй модели мобилизационной пропагандистской риторики – *труда-вознаграждения*. В русле данной модели в качестве артикулируемой трудовой мотивации горожан на страницах СМИ повышается частотность употребления форм: *на благо народа, для строительства коммунизма*, которые, характеризуясь не столь выраженной мобилизационной направленностью, ориентировали население не на экстремальную интенсивность труда в сжатые сроки, а скорее обозначали объектность и перспективы трудовой деятельности граждан. Снижается интенсивность обращения к милитаризированной лексике и категориям экстремума в контексте сюжетов «трудовой» тематики. Повышается количество употребления таких коннотаций труда, как *счастье, веселье, радость*. На страницах СМИ возрастает число обращений к проблематике материального благосостояния горожан, роста их заработной платы, а тематика награждения и премирования граждан характеризуется некоторым снижением востребованности по сравнению с периодом второй половины 1940-х гг. (свидетельствуя об ослаблении ранее популяризируемой в СМИ идеи о взаимосвязи объема доходов трудящихся от их личных трудовых заслуг и адресного государственного участия). Важно отметить, что в рамках данной модели фиксируется некоторое количественное снижение востребованности на страницах СМИ идеологем политико-экономического дискурса, определяющих результаты и формы организации трудовой деятельности горожан (*выполнение норм, социалистическое соревнование*), употребляемых как в форме свершившегося события, так и в плоскости перспективного планирования. Особенно ярко данная тенденция проявилась в

центральных газетах «Правда» и «Труд». В целом мобилизационная модель *труда-вознаграждения*, актуализированная в СМИ в начале 1950-х гг., характеризовалась смягчением форм мобилизационной риторики предшествующего периода: отходом от императивов самоотверженного труда, более выраженным акцентом на личные позитивные результаты, получаемые трудящимися в процессе и по завершению трудовой деятельности.

В целом, концепция трудовой мобилизации населения, презентуемая в СМИ послевоенного периода, определялась следующими характеристиками. Во-первых, высоким уровнем востребованности лексических категорий, отличающихся выраженной экспрессивностью и эмоциональностью. Посредством данных категорий трудовая деятельность описывалась либо как борьба, осуществляемая с максимальным напряжением сил, на грани жизни и смерти, граничащая с подвигом, либо как состояние экзальтации, веселья и счастья советского человека. Синхронизация данных состояний, одновременно переживаемых советским человеком в процессе трудовой активности, снимала проблему их полярности в рамках дискурса. Во-вторых, презентуемые на страницах прессы императивы, определяющие задачи трудовой активности горожан (сроки, квартальные, годовые планы, нормы и пр.), совмещались с количественно преобладающими отчетами (заявлениями, докладами) об их выполнении. Данное сочетание создавало информационное пространство, наполненное перманентными трудовыми победами граждан, конструируя панораму масштабного социалистического строительства, а также формировало у читателей убежденность в бесконечности возможностей и «всесильности» советских людей. В-третьих, активными «участниками» дискурса советских СМИ 1946–1953 гг. являлись сами граждане. Тексты обращений, выступлений на митингах и собраниях, интервью с передовиками, социалистических обязательств, заявлений и призывов трудящихся регулярно публиковались на страницах газет центрального, регионального и заводского уровней. Данные тексты также изобиловали экспрессивно-эмоциональными коннотациями. В результате «воспроизведения» гражданами мобилизационных лексических категорий экономические задачи послевоенного развития страны, предприятия, города, презентовались как личные зада-

чи граждан, наполняясь смыслом их «кровных интересов». Данные характерные черты обеспечивали концепции трудовой мобилизации, конструируемой в СМИ позднего «сталинского» периода, высокий уровень аффективного психологического воздействия. Демонстрируемые СМИ успехи на трудовых фронтах страны и декларируемая интериоризация гражданами задач социалистического строительства должны были стимулировать трудовую активность населения.

Модели *труда-подвига* и *труда вознаграждения*, выделенные на основе анализа пропагандистской риторики отечественных СМИ второй половины 1940-х начала 1950-х гг., по сути, являлись модусами единой концептуальной формы – концепции трудовой мобилизации. В русле данных моделей последовательно «включались» категории (*долг, подвиг, трудовое напряжение, радость, веселье, счастье* и пр.), актуализирующие различные формы трудовых стратегий, отношение горожан к трудовой деятельности, степень их эмоциональной включенности и затрат физических сил. Смена моделей была детерминирована динамикой проходящих в стране модернизационных процессов, успехами в достижении задач послевоенного восстановления страны, векторностью социально-экономического регулирования, а также запросами российского городского социума на повышение уровня и качества жизни.

В период с весны 1953 г. по 1956 г. фиксируются определенные изменения в презентации и количественной востребованности на страницах печатных СМИ лексических форм, составляющих эталонную трудовую стратегии городского населения РСФСР, позволяя выделить третью модель имплицитной пропагандистской риторики, которую условно можно обозначить как модель *трудовой демобилизации*.

В качестве начальной точки трансформации пропагандистской медийной риторики, определяющей хронологические рамки данной модели, можно обозначить март-апрель 1953 г. Начиная со второго квартала 1953 г. на страницах СМИ фиксируется значительное снижение уровня динамизма, эмоциональности и экстремальности в описании трудовых практик граждан. Так, например, на страницах «Правды» в первом квартале 1953 г. трудовые достижения горожан РСФСР описывались следующим образом: «Новыми успехами в труде оз-

наменовали москвичи начало третьего года пятой сталинской пятилетки. Московские заводы и фабрики выпустили первую продукцию 1953 года – металл, машины, станки, автомобили, приборы, ткань, обувь. ... Коллектив завода “Динамо” продолжает соревноваться с машиностроителями ленинградского завода “Электросила.” ... Энергично трудятся строители столицы, перевыполнившие государственный план 1952 года. ... Вступив в 1953 год, трудящиеся столицы, как и весь советский народ, с удвоенной энергией борются за выполнение плана пятой сталинской пятилетки»¹; «На тихом до недавнего времени полустанке жизнь сейчас бьет ключом. ... На трассе линии трудятся механизаторы, бетонщики, электросварщики, монтажники. Сегодня собрана 32-я по счету опора»². В текстах «Правды» второго-четвертого квартала 1953 г. динамика, уровень эмоциональности и лексической выразительности «трудовых» сюжетов значительно снижается: «Горняки шахты «Северная» треста “Кемеровуголь” в мае начали общественный смотр организации труда и производства. В смотре активно участвуют рабочие, инженеры и техники предприятия»³, «Успешно закончил первое полугодие коллектив автозавода имени Молотова. Программа перевыполнена по всем показателям»⁴, «Коллектив ленинградского завода “Электрик” успешно осваивает производство новых совершенных конструкций сварочных машин и агрегатов»⁵. Приведенные примеры иллюстрируют процесс редуцирования мобилизационной риторики, а также снижения уровня эмоциональной выразительности текстов «трудовой» тематики. Во втором–четвертом квартале 1953 г. «Правда» продолжает сообщать о перевыполнении планов и норм, трудовых достижения горожан, но тексты, посвященные трудовой тематике, приобретают более информационный характер, утрачивая динамику, стилистическую выразительность, создаваемую конструируемыми образами массового трудового подъема, акцентированной героикой трудовых подвигов и экзальтацией трудового счастья. Выявленная тенденция фиксируется на страницах и

---

¹ С удвоенной энергией // Правда. 1953. 3 января. С. 1.

² Куйбышев – Москва. На трассе высоковольтной линии // Правда. 1953. 28 февраля. С. 1.

³ Рабочие-рационализаторы Кузбасса // Правда. 1953. 1 июля. С. 1

⁴ Новые обязательства автомобилестроителей // Правда. 1953. 20 июля. С. 1.

⁵ Электросварочные машины // Правда. 1953. 15 октября. С. 1.

других анализируемых печатных СМИ центрального, областного, городского и заводского уровня.

В русле данной модели в «трудовых» сюжетах печатных СМИ снижается востребованность категорий *счастье, радость*, как и лексических форм, презентующих трудовую деятельность горожан через коннотации экстремума. Немаловажным свидетельством редуцирования мобилизационной риторики является уменьшение востребованности на страницах СМИ 1953–1956 гг. идеологем политико-экономического дискурса (*выполнение норм, социалистическое соревнование*), употребляемых в значении свершившегося события. В газетах фиксируется гораздо меньше отчетов о выполнении норм, планов, проведении социалистических соревнований. Категория *социалистическое соревнование* все чаще упоминается в теоретическом контексте (методов и форм проведения, допущенных ошибок и пр.). Повышается востребованность идеологемы «производительность труда» в значении перспектив ее повышения посредством автоматизации и технического переоснащения предприятий (а не самоотверженного трудового подвижничества, как в СМИ второй половины 1940-х гг.). Важно отметить, что после 1953 г. значительно сокращается число помещенных на страницах СМИ текстов выступлений трудящихся и, в особенности, текстов социалистических обязательств, принятых трудовым коллективами. В результате трудовые задачи развития страны и предприятий не наполнялись смыслом «кровных интересов» граждан, читаясь как внешние по отношению к жизнедеятельностным стратегиям горожан.

В 1954–1956 гг. большая часть печатных СМИ увеличивает свои тиражи и объем выпусков (см. табл. 20), в то же время в них фиксируется значительное снижение количества «трудовых» сюжетов (см. табл. 21). Корректируется и содержание изданий: сокращается количество императивных требований перевыполнения норм, отчетов о реализации социалистических соревнований, обещаний трудящихся самоотверженно трудиться, публикуемых на страницах газет. В то же время увеличивается количество сюжетов о писателях, художниках и полководцах, культурной жизни РСФСР, художественной самодеятельности предприятий, отдыхе трудящихся, профилактических прививках, семенах и са-

женцах и пр. По сравнению с изданиями второй половины 1940-х гг. газеты середины 1950-х гг. становятся скорее информационно-развлекательными, нежели мобилизующими население на трудовые подвиги. Фактически в период 1953–1956 гг. копируются все элементы, составляющие действующую в «сталинский» период медийную концепцию трудовой мобилизации горожан (эмоциональность текстов, выраженное превалирование лексических форм, свидетельствующих о реализации поставленных трудовых задач, «выступления» трудящихся).

Выявленная динамика интенсивности риторики трудовой мобилизации городского населения РСФСР 1946–1956 гг., транслируемой в печатных СМИ различного уровня, в целом соответствовала векторности социально-экономического курса страны. Послевоенные годы стали временем апогея мобилизационной системы, важным инструментом которой являлись СМИ. Максимальное количество обращений к этической категории *долг* и императивам, стимулирующим население на самоотверженное трудовое подвижничество, выражающееся в максимальной интенсификации труда, звучали на страницах СМИ в трудные для городского населения первые послевоенные годы. Успехи в решении задач послевоенного восстановления, достигнутые, при помощи напряжения сил всего общества и, в значительной степени, самоотверженного труда городского населения, способствовали эволюции мобилизационной системы и изменению интенсивности риторики трудовой мобилизации на страницах прессы. Фиксируемая трансформация пропагандистской риторики СМИ коррелировала как с результатами послевоенного восстановления страны и динамикой модернизационных процессов, так и с запросом советского общества на повышение уровня и качества жизни, а также с произошедшим в 1950-е гг. изменением политической конъюнктуры.

Хотя тематика конструирования на страницах СМИ образа «правильной» трудовой стратегии горожан имеет весьма косвенное отношение к коннотациям политической пропаганды (образам политического лидера, политической системы и пр.), зафиксированные изменения «трудовой» риторики СМИ, произошедшие в период 1953–1956 гг., позволяют говорить об их синхронности про-

цессам, обозначенным в рамках гипотезы «мягкой» десталинизации. Данная гипотеза, была обозначена в исследованиях А.П. Артюкова, Ю.Н. Жукова, А.П. Куропаткина и Р.Г. Пихои¹. Основой данной гипотезы стали архивные документы, освещающие специфику политической истории, материалы отечественной прессы, передач центрального радиовещания, тексты учебников по истории для высшей и средней школы, периода 1953–1956 гг. Основным ее тезисом является утверждение, что процесс «десталинизации» начался фактически сразу после смерти вождя и подготовил решения XX съезда партии. Начало трансформации идеологической пропаганды исследователи относят к марту 1953 г., когда в периодических изданиях и радиопередачах происходит сокращение упоминаний о Сталине и появляются материалы, прославляющие партию как орган коллективного руководства. В период с лета 1953 по февраль 1956 г. происходит усиление означенной тенденции: в СМИ «фиксируется критика культа личности Сталина и диверсификация его ленинским культом на фоне всеобъемлющего прославления коллективного партийного руководства»².

Реконструированная на базе количественного и качественного анализа СМИ 1953–1956 гг. модель «трудовой демобилизации» была синхронная процессам «мягкой» десталинизации, проходившим в советской стране в указанный период. Выявление данной закономерности позволяет говорить не только о социально-экономической, но и о политической причинности трансформации риторики СМИ, касающейся тематики труда горожан.

6.2. Трудовые и экономические девиации на страницах СМИ

Важной характеристикой образов и смыслов, конструируемых в советском информационном пространстве, являлось использование приема антитезы.

---

¹ Артюков А.П. Процесс «мягкой» десталинизации в СССР в 1953-1956 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 3. С. 435–438 ; Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000; Его же. Сталин: тайны власти. М., 2005; Куропаткин А.П. Новые направления в идеологической пропаганде СССР после смерти И. В. Сталина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. С. 165–169; Его же. Новые веяния в идеологической пропаганде СССР впервые месяцы после смерти И.В. Сталина (на материалах передач союзного радиовещания) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №12. С. 97–99 ; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945-1991. Новосибирск, 2000.

² Куропаткин А.П. Трансформация государственной идеологической пропаганды в СССР. 1953–1956 гг. : автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 11.

Сопоставления и противопоставления широко представлены в текстах лозунгов и риторике официального дискурса: социализм – капитализм, рабочие – буржуазия и т.п.¹ При этом данные понятия были четко определены в координатах «свой–чужой», «хороший–плохой». В рассмотрении на страницах советских печатных СМИ 1946–1956 гг. проблематики труда также был использован принцип противопоставления: эталонным и одобряемым трудовым стратегиям противопоставлялись девиантные практики горожан.

Перечень девиаций включал в себя различные деятельностные проявления: хищения, очковтирательство, спекуляцию, взяточничество, воровство, мошенничество, нежелание трудиться, грубое отношение к подчиненным и пр. Означенные нарушения существенно различались по «тяжести» санкций (от общественного порицания до уголовной ответственности). Сюжеты, публикуемые в советских печатных СМИ 1946–1956 гг., посвященные рассмотрению данных нарушений, совершаемых горожанами, отличались по форме и стилистике подачи материала, поэтому их можно разделить на две группы.

Первая группа объединяет материалы, в которых факты трудовых нарушений и практик извлечения нетрудовых доходов рассматривались в *серьезном и назидательном ключе*. Данная группа сюжетов представлена критическими публикациями на страницах журналов и газет различного уровня. (С учетом специфики печатных СМИ, как ведущих информационных изданий, а также инструмента трудовой мобилизации граждан, в них количественно преобладали сюжеты, посвященные рассмотрению эталонных форм трудовых стратегий граждан, а девиации освещались в гораздо меньшем объеме).

Сюжеты, посвященные рассмотрению негативных форм мотивации труда, являлись достаточно редкими в СМИ 1946–1956 гг. Понимание труда как источника заработка трактовалось как нравственная деформация, мещанство. В рассказе Н. Александровой «Классный наставник», опубликованном на страницах «Смены», стигматизация меркантильной трудовой стратегии реализуется по средствам критики жизненной позиции одной из героинь: «в ... домашней, ... мещанской среде ... тоже говорили о профессии: без профессии нет теперь че-

---

¹ Купина Н.А. Тоталитарный язык ... С. 6–15.

ловека, – но там весь разговор сводился к одному: какая профессия выгоднее?»¹.

В публикациях СМИ, посвященных трудовым девиациям горожан РСФСР, количественно более выраженными являлись заметки, посвященные фактам не выполнения трудящимися трудовых норм и обязательств, а также не выполнения предприятиями планов. В рамках предпринятого контент-анализа печатных периодических изданий 1946–1956 гг. лексические формы: *не выполнение планов* и *не выполнение обязательств* были объединены в одну группу. Данные лексические категории были представлены в печатных СМИ* второй половины 1940-х гг. в относительно минимальном объеме – не более 20 упоминаний в год (согласно выборке) (см. прил. 2.2–2.14). Хотя на страницах некоторых заводских газет («Кировец»), городских изданий («Тагильский рабочий»), а также газеты «Труд» фиксировалось более выраженное количество критических замечаний по поводу не выполнения горожанами своих трудовых обязательств и поставленных задач (см. прил. 2.3, 2.10, 2.13). Как правило, в 1940-е гг. факты не выполнения трудящимися планов не выносились в заголовки статей, не являясь главным лейтмотивом сюжетов, а основной акцент был сделан на обязательствах и обещаниях дальнейших трудовых побед. Примером данной практики является статья «Досрочно выполним план второго года сталинской пятилетки», в которой отмечено: «производственный план не выполнен, нарушена работа сталеплавильных цехов и всего комбината»², а далее следуют социалистические обязательства, принятые бригадами доменных цехов, призывы к социалистическому соревнованию, адресованные горнякам предприятия. В 1950-е гг. на страницах СМИ несколько увеличивается количество обращений к проблематике невыполнения горожанами планов (см. прил. 2.2–2.14). Факты невыполнения нормативных показателей и обязательств не только обсуждаются, но и выносятся в заголовки газетных сюжетов³.

---

¹ Александрова Н. Классный наставник // Смена 1949. № 5. С. 11.

* Список периодических изданий, являющихся базой для реализации контент-анализа, соответствует списку, приведенному в первой главе. Там же обозначена методика проводимой выборки.

² Досрочно выполним план второго года сталинской пятилетки // Магнитогорский металл. 1947. 1 апреля. С. 1.

³ Почему не выполняется план // Советская Сибирь. 1953. 15 апреля. С. 3.

Еще одной трудовой девиацией, не соответствующей транслируемой в советском дискурсе, эталонной трудовой стратегии, являлось *снижение производительности труда* горожан. Во второй половине 1940-х гг. упоминания о снижении производительности труда являлись единичными и, как правило, не превышали десяти упоминаний в год (см. прил. 2.2–2.14). В середине 1950-х гг. на волне демократизации наблюдался рост сюжетов данной тематики, отразившийся в определенном количественном увеличении лексической формы *снижение производительности труда* в областных и центральных изданиях (см. прил. 2.2–2.8). Хотя в некоторых периодических изданиях, например в журнале «Смена», в формате означенной выборки не было зафиксировано ни одного упоминания о снижении производительности труда за весь исследуемый период (см. прил. 2.14).

В сюжетах газет, посвященных не выполнению плановых заданий и снижению производительности труда, как правило, ответственность возлагалась на руководителей предприятий и партийных организаций, которые не сумели правильно «по-советски» организовать работу трудящихся. В качестве примера можно привести заметки газеты «Восточно-Сибирская правда»: «Шахта 5-бис треста “Черемховуголь” на протяжении почти года находится в глубоком прорыве. Ее угольный долг возрос до десятков тысяч тонн. ... Бесхозяйственность мешает горнякам шахты 5-бис выполнять государственный план, ... ее руководители все еще не думают о перспективах развития, своевременной подготовке новых очистных участков»¹; «Главная причина снижения производительности труда – ослабление технического руководства, ... не ведется борьбы с расхлябанностью»². В качестве причин не выполнения плана предприятиями на страницах газет фигурировали такие «обвинения» в адрес хозяйственников как: нежелание вникать в проблемы предприятия, удовлетворять материально-бытовые нужды трудящихся, безынициативность, недостаточное внимание к передовикам, формализм, бюрократизм, ошибки в расстановке кадров, неритмичность в работе предприятия, штурмовщина и т.п.³ «Ответственными» за не-

---

¹ Глухих М. Почему отстают шахта 5-бис // Восточно-Сибирская правда. 1946. 1 февраля. С. 3.

² Хворостухин А.И. О некоторых вопросах партийно-массовой работы на промышленных предприятиях // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 апреля. С. 3.

³ Лесозавод срывает программу // Восточно-Сибирская правда. 1948. 13 января. С. 1.

эффективную работу предприятий являлись и руководители партийных и комсомольских организаций, которые: не регулярно проводят собрания, не контролируют партийную учебу, не мобилизуют трудящихся на выполнение планов, повышение трудовой активности в социалистических соревнованиях и пр.¹ Так, например, в одной из заметок, посвященных работе мясокомбината г. Иркутск отмечено: «План был выполнен всего на 50 процентов. Одной из главных причин этого следует считать отсутствие массовой работы среди рабочих. ... Партийному комитету мясокомбината и секретарю его т. Величко необходимо ... коренным образом перестроить внутривнутрипартийную работу в первичной организации. Тогда и производственные планы будут выполняться успешнее»².

В советском информационном пространстве различные формы критики и самокритики рассматривались в качестве атрибутивной характеристики реализации управленческих практик. В передовице «Правды» «Под знаком большевистской критики и самокритики» отмечалось: «Большевистская критика и самокритика – подлинная движущая сила нашего развития. ... Без критики любая организация может загнить, без нее любую болезнь можно загнать вглубь. Большевистская критика помогает идейно-политическому росту наших людей, побуждает их идти вперед, преодолевать недостатки своей работы. Там, где нет критики, там укореняются затхлость и застой, там нет движения вперед»³. На страницах печатных СМИ в разделе «Партийная жизнь» достаточно часто публиковались статьи – отчеты о проведении партийных собраний и конференций, в которых, за безынициативность и бездеятельность критиковались первичные партийные организации предприятий. Важно отметить, что критика партийного и хозяйственного руководства на страницах прессы, носила ограниченный характер, не ставя под сомнение легитимность власти, и призывая управленцев к исправлению ошибок. В критической статье «Правды» по поводу ремонта электростанций отмечено: «Факты казенного благодушия ... дорого обошлись народному хозяйству. Из этого надо извлечь уроки. ... Подготовка электростан-

---

¹ Самойлов М. К чему ведет забвение организационной работы // Восточно-Сибирская правда. 1948. 13 января. С. 2.

² Рогачев В. Молодым коммунистам – большевистскую закалку // Восточно-Сибирская правда. 1946. 1 ноября. С. 2.

³ Под знаком большевистской критики и самокритики // Правда. 1948. 15 марта. С. 1.

ций к зиме должна быть предметом неустанной заботы местных партийных и советских органов. ... Искусство руководства состоит в том, чтобы предупреждать прорывы, не допускать их появления»¹.

В контексте «неправильных» трудовых стратегий горожан, на страницах печатных СМИ освещались прогулы и опоздания². Ответственность за прогулы возлагалась не на самих рабочих, а на руководителей предприятий: «Большой урон угледобыче наносит ослабление трудовой дисциплины. На некоторых шахтах выход на работу упал до 60 процентов. Объясняется это, прежде всего низким уровнем партийно-политической работы. Черемховский горком ВКП(б), принявший немало решений, не контролирует их выполнение, не воспитывает партийные организации в духе большевистской требовательности»³.

Примером проявления практик извлечения нетрудовых доходов являлись хищения. Сюжеты данной тематики были немногочисленны, но в период проведения кампании по борьбе с хищениями (1947 г.) их количество возросло. В рубриках газет: «Из зала суда», «В областной прокуратуре» и пр. публиковались результаты расследований по делам о хищениях, взятках⁴. В статьях освещались нарушения, а также наказания, вынесенные судом. Достаточно распространенными в финале данных публикаций являлись фразы: «Трудящиеся, переполнившие зал ... суда встретили этот приговор Верховного суда с большим удовлетворением»⁵; «Трудящиеся, присутствовавшие в зале суда, приговор встретили одобрительно»⁶ и т.п. Такой финал сюжетов о хищениях и различного рода злоупотреблениях горожан был призван убедить читателей в неотвратимости наказания преступников и торжестве социальной справедливости в стране. Публикации, посвященные данной теме, были более выражены на страницах центральных и областных газет, в то время как в городских и заводских изданиях означенные сюжеты встречались гораздо реже. Различные мошенни-

---

¹ Образцово подготовить электростанции к зиме // Правда. 1946. 15 августа. С. 1.

² Почему растет долг шахты № 3 // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 августа. С. 2.

³ Возместить долг в добыче угля // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 августа. С. 1.

⁴ В областной прокуратуре // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 июля. С. 2; Виттенберг Г. Из зала суда. Суворова и ее компания // Восточно-Сибирская правда. 1947. 16 мая. С. 4; Костин Н., Матвеев А. Они должны ответить перед законом // Советская Сибирь. 1947. 1 апреля. С. 2; Рейхруд М. Общественная собственность священна и неприкосновенна // Советская Сибирь. 1948. 1 февраля. С. 2; В областной прокуратуре // Красный Север. 1948. 1 февраля. С. 4.

⁵ Виттенберг Г. Из зала суда. Суворова и ее компания // Восточно-Сибирская правда. 1947. 16 мая. С. 4.

⁶ Рудаков С. Привлечены к ответственности // Под знаменем Ленина. 1946. 7 февраля. С. 4.

ческие действия также являлись темой сюжетов прессы, хотя не были количественно выражены¹.

Критиковалась на страницах газет и спекуляция. О категорическом неприятии спекулятивных практик для советского человека повествует рассказ В. Кожевникова «Русская душа», опубликованный на страницах «Правды». В рассказе старик чех, желая отблагодарить русского солдата за освобождение, подарил ему ящик со швейными иглами: «Теперь вы будете богатым!». Солдат не принял подарок: «Он решил, что я спекулянт? Да как он смел мне предложить это. Не желаю его больше видеть»². На страницах газет приводилась информация о горожанах, осужденных за спекуляцию,³ хотя, такие публикации были немногочисленны.

Типичным приемом в публикациях советских СМИ, посвященных злоупотреблениям, являлось использование характерных метафор, ярлыков и лексем, маркирующих образ врага в советской пропаганде⁴. Понятия *паразиты*, *хищники* и пр. были призваны в максимально негативном свете презентовать девиантные практики населения, вызывая неприятие читателей и подчеркивая инородность и не типичность данных явлений для советского социума.

На страницах прессы в качестве причины наличия девиантных моделей поведения в советском социуме, как правило, указывалось сохранение «капиталистических пережитков» в сознании граждан. В лекции «О преодолении пережитков капитализма в сознании людей», опубликованной на страницах газеты «Советская Сибирь» (1947 г.) указывалось: «Есть в нашей стране люди, которые нерадиво относятся к труду, расхищают общественную собственность, занимаются взяточничеством, спекуляцией. Есть у нас еще прогульщики, лодыри, бракоделы, рвачи. ... Одним из проявлений пережитков капитализма в сознании и в поведении людей является бюрократизм»⁵. Данные девиации трактовались как «отсталость» и «не сознательность» граждан: «Есть у нас еще отста-

---

¹ Кильдюшев А. Мошенники в роли исцелителей // Советская Сибирь. 1949. 15 мая. С. 2; Жулик за прилавком // Красный Север. 1953. 1 марта. С. 3.

² Кожевников В. Русская душа // Правда. 1946. 1 января. С. 4.

³ Спекулянты наказаны по заслугам // Под знаменем Ленина. 1954. 14 апреля. С. 4.

⁴ Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1. С. 16–22.

⁵ О преодолении пережитков капитализма в сознании людей // Советская Сибирь. 1947. 15 июля. С. 3.

лые люди, которые ставят свои интересы выше общественных»¹. Означенные проблемы должны были быть решены путем «перевоспитания» данных «несознательных» граждан: «Воспитание социалистического отношения к труду и к общественной собственности ... является важнейшим условием новых успехов социалистического строительства»².

Вторым вариантом рассмотрения девиантных практик горожан в советском дискурсе являлось их **высмеивание**. Смех должен был помочь власти в решении социальных задач. Как замечает А.А. Фокин, с помощью сатиры должны были быть удалены негативные явления советской действительности и уничтожены сами основы, вызывающие их³. По мнению С.И. Стыкалина и И.К. Кременской, основной задачей советской сатиры являлось «укрепление нового строя, борьба против антиобщественных поступков людей»⁴. Е. Добренко определил советскую сатиру как «госсмех» – смех, который использовался как средство тоталитарной нормализации и контроля⁵.

Важность оружия сатиры подчеркивалась в докладах политических лидеров. Так, например, Г.М. Маленков, в своем выступлении на XIX съезде ВКП(б) отмечал: «Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед»⁶. В публикациях отечественных СМИ обозначались требования к фельетонам, на конкретных примерах рассматривались достоинства и недостатки публикуемых в прессе сатирических сюжетов⁷.

Идеологизированность советской сатиры, ее направленность на вскрытие определенного круга «подлежащих стигматизации» пороков советского социу-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Фокин А.А. Советская смеховая культура в эпоху «развернутого строительства коммунизма» // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С.126.

⁴ Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать 1917–1963. М. 1963. С. 12.

⁵ Добренко Е. Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // НЛО. 2013. № 121. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3566> (дата обращения: 21.06.2018); Его же. От составителя // НЛО. 2013. №121 URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3563> (дата обращения: 21.06.2018).

⁶ Маленков Г.М. Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии // Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС ... (дата обращения: 21.06.2018).

⁷ Острое оружие сатиры // Уральский рабочий. 1953. 15 января. С. 2.

ма, не снижает ценности данных материалов, как источника, позволяющего реконструировать систему негативных стереотипов и отрицательно маркируемых трудовых практик, формируемых в советском дискурсе 1946–1956 гг.

Сатирические произведения, публикуемые в периодических изданиях, определялись широкой вариативностью литературных форм: очерк, фельетон, рассказ, сказка и пр. Жанровое разнообразие сатирических текстов дополнялось иллюстрациями – карикатурами. Карикатура выступала одновременно и как содержательный источник, и как яркий визуальный образ. Анализируя специфику советских карикатурных сюжетов А.В. Голубев отмечает их двойственность. С одной стороны, карикатура отличалась особой емкостью образа, явной эмоциональностью (с ироническим или саркастическим оттенком) и абсолютной идеологизированностью. С другой стороны, карикатура выступала как часть повседневности, которая не всегда воспринималась читателями как пропаганда, выступая порой под маской «развлечения», но из-за своей распространенности и особенностей восприятия запоминалась, накладывая отпечаток на формирование распространенных в социуме образов и стереотипов¹. Советский карикатурист Б.Е. Ефимов также отмечает специфику образности карикатуры: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов»².

В советских СМИ с помощью сатирических произведений и карикатур создавались устойчивые образы-ярлыки: бюрократ, спекулянт, очковтиратель, хапуга, тунеядец, бракодел, прогульщик и пр., призванные сформировать в сознании населения негативное восприятие означенных практик. В создаваемых образах максимально гиперболизировались черты, являющиеся проявлением негативных деятельностных стратегий. Сатирические и карикатурные персонажи должны были вызывать смех, неприятие и презрение в силу их выраженного социального уродства и неполноценности.

---

¹ Голубев А.В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922-1939 годов. // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 170–172.

² Ефимов Б.Е. Сорок лет. Записки художника-сатирика. М., 1961. С. 90.

Девиантные практики городского населения РСФСР на страницах
журнала «Крокодил» 1946–1956 гг. По результатам контент-анализа
(руководитель / подчиненный) (ед. в год)

Год	Девиации в системе «человек-государство»									Девиации в системе «человек-человек»	
	Хищения, растраты	Самообеспечение	Спекуляция	Очковирательство, приписки	Бюрократизм	Бесхозяйственность, не экономия	Не выполнение трудовых обязанностей	Нарушение трудовой дисциплины	Взяточничество	Воровство	Махинации
1946	4/3	3/0	0/1	2/0	3/0	7/1	12/2	2/1	2/0	0/2	0/1
1947	9/8	10/1	0/5	9/0	5/0	9/4	17/6	4/3	1/0	0/3	0/2
1948	5/2	1/1	0/1	1/0	7/0	13/4	16/9	3/1	0/1	0/2	–
1949	3/2	8/2	0/2	2/0	8/0	10/2	14/7	3/2	1/0	0/2	0/4
1950	7/3	2/0	0/3	2/0	8/0	12/3	15/7	4/2	2/1	0/1	0/2
1951	7/2	3/1	0/2	3/1	7/0	10/2	14/6	4/1	0/1	–	0/1
1952	6/3	5/1	0/1	2/0	9/0	11/2	15/5	3/2	0/1	0/3	2/7
1953	5/2	6/1	0/2	7/0	12/0	18/4	21/6	9/2	10/1	–	–
1954	5/3	5/2	0/4	5/0	14/0	19/2	24/7	11/4	11/2	0/2	1/4
1955	4/2	5/2	0/4	4/0	21/0	16/3	26/8	10/4	11/3	0/3	0/5
1956	4/1	6/2	0/6	9/0	23/0	17/3	25/8	12/3	12/3	0/2	1/4
Итого	59/31	54/13	0/31	46/1	117/0	142/30	199/71	65/25	50/13	0/20	4/30

Фельетоны и карикатуры, в которых высмеивались трудовые девиации горожан РСФСР и практики извлечения нетрудовых доходов, публиковались на страницах газет и журналов, но более полно они были представлены в сатирических журналах, наиболее популярным из которых являлся «Крокодил». Журнал выходил три раза в месяц, тираж издания за период 1946–1956 гг. увеличился со 150 000 до 700 000 экземпляров. С целью более детальной реконструкции и анализа системы девиаций горожан, презентуемой на страницах «Крокодила» 1946–1956 гг., стигматизируемые нарушения были разделены на две группы. Первую группу составили аномалии, фиксируемые в системе *человек-государство*. В нее объединены деятельностные проявления горожан, прямо или косвенно наносящие ущерб государству (предприятию, организации):

растраты и хищения государственной собственности, самообеспечение за счет государства, не экономное, бесхозяйственное и халатное обращение с государственными ресурсами, спекуляция, взятки (в различных формах), приписки и очковтирательство, бюрократизм, нежелание граждан трудиться. Вторая группа представлена нарушениями, допущенными в системе *человек–человек*: воровство, экономические махинации в отношении имущества граждан. В каждой из выделенных групп группы фиксировался статус субъекта девиантной деятельности – руководитель или подчиненный (не занимающий руководящей должности). Для обработки материалов «Крокодила» был использован контент-анализ. Подробное описание специфики его реализации (выборки, единиц анализа и пр.) приведено в первой главе диссертации.

Качественно-количественный анализ материалов позволил прийти к выводу, что на страницах «Крокодила» более широкое рассмотрение получают девиации, фиксируемые в системе *человек-государство* (см. табл. 22). Выраженная критика данных нарушений была детерминирована приоритетностью защиты общественного сектора экономики и интересов государства, реализуемой в контексте социально-экономической политики периода.

Актуальным тематическим направлением, фиксируемым на страницах «Крокодила» являлась стигматизация практик *хищений* горожанами государственного и общественного имущества. В сатирических фельетонах и рассказах, публикуемых в издании, к практикам хищений значительно чаще причастны руководители предприятий и хозяйственных организаций местного или регионального уровня (60% сюжетов) (см. табл. 22). Так, герой одного из рассказов (в прошлом заведующий магазином), повествует о «теневых схемах» своему случайному попутчику в автобусе: «Надо работать умеючи, с головой. ... Основное ... не затевайте скандалов с покупателем, не давайте им пачкать жалобную книгу. ... Допускать обвес нужно, но немного. ... Второй предмет – пересортица. Туша ко второму сорту отнесена, а передок ... если вместе с первым бросить, пройдет. ... Очень трудно разобраться в пересортице. ... Надо опять-таки иметь ловкость и смётку»¹.

---

¹ Первенцев А. Проклятая неизвестность // Крокодил. 1948. № 20. С. 6–7.

Публикуются в издании и более конкретные материалы, посвященные фактам хищений государственных средств, совершенных начальниками строительства в трестах и главках¹, заведующими столовыми, ларьками и магазинами² и пр. Значительно реже на страницах «Крокодила» публиковались сюжеты, в которых рассматривались практики растрат и хищений государственной собственности, совершенные не руководящими работниками. Как правило, «героями» данных заметок и статей являлись бухгалтеря, кассиры, кладовщики, работники предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг, шоферы³, гораздо реже врачи⁴. Важно отметить, что в более половины сюжетов данной тематики о случаях растрат и хищении сообщалось в рубрике «Дорогой “Крокодил”», где публиковались письма читателей. Зачастую, финалом сюжетов, посвященных хищениям, является наказание виновных, обозначенное фигурально: «ухари-купцы были крепко наказаны»⁵, либо достаточно конкретно (снятие с должности, выговор, привлечение расхитителей к уголовной ответственности). Хотя в ряде публикуемых эпизодов виновные оказывались не наказаны ввиду бюрократических проволочек правоохранительных органов или покровительства вышестоящего начальства⁶. Различные практики *самообеспечения* горожан путем использования ими для личных нужд ресурсов, вверенных им учреждений, также получили освещение на страницах «Крокодила» 1946–1956 гг. В ряду таких нарушений: распределение в свою пользу ордеров на промтовары, использование дров, предназначенных для нужд предприятия, потребление продуктов с подсобных хозяйств учреждений, строительство домов и дач с использованием техники, материалов и рабочей силы предприятий и пр.⁷ В хронологическом разрезе максимальное количество сюжетов, посвященных

---

¹ Еще кланяемся... // Крокодил. 1949. № 14. С. 2; Беликов улыбается... // Крокодил. 1952. № 11. С. 14.

² Неуязвимый Загребин // Крокодил. 1946. № 7. С. 11; Редкий случай долголетия // Крокодил. 1946. № 14. С. 11.

³ Лубенский П. Друг детей // Крокодил. 1946. № 4. С. 8; Оригинальные фокусы // Крокодил. 1946. № 25. С. 4; Гербарий «Крокодила» // Крокодил. 1952. № 28. С. 15; Неполноценный акт // Крокодил. 1953. № 8. С. 14.

⁴ Весенин Е. Фальшивый бланк // Крокодил. 1952. № 2. С. 6..

⁵ Еще кланяемся... // Крокодил. 1950. № 24. С. 2.

⁶ Неуязвимый Загребин // Крокодил. 1946. № 7. С. 11; Невеселая присказка // Крокодил. 1953. № 5. С. 13.

⁷ Карбовская В. Горячо к сердцу // Крокодил. 1946. № 32. С. 3; Рыклин Г. Подсобное хозяйство // Крокодил. 1946. № 32. С. 4; Дорогой «Крокодил». Письма читателей // Крокодил. 1947. № 7. С. 11; С подлинным скверно // Крокодил. 1949. № 31. С. 9; Головушкин Т. У рояля тов. Карпова... // Крокодил. 1951. № 9. С. 3; Шарлоимова К. Плохая примета // Крокодил. 1953. № 2. С. 6; Андреев П. Квантум сатис // Крокодил. 1953. № 6. С. 5; Кондратьев Д. Дорогое плавание // Крокодил. 1953. № 8. С. 9.

проблематике *хищений* государственной собственности и *самообеспечения* горожан фиксируется в издании «Крокодил» 1947 г. (см. табл. 22), иллюстрируя общую тенденцию усиления внимания к данной теме вследствие проведения кампании лета 1947 г.

Практики *взятничества*, освещаемые на страницах издания, дополняли негативную модель трудовых стратегий горожан. В «Крокодиле» публиковались как сюжеты, освещающие факты взяточничества конкретных работников (руководителей прокуратуры¹, начальников трестов и контор², ревизоров³), так и фельетоны и карикатуры, посвященные данной девиации⁴ (см. прил. 3.3). Сюжеты, касающиеся данной тематики, не были многочисленны на страницах издания (см. табл. 22), и большей частью представляли собой сатирические зарисовки, не имеющие в качестве объектов критики конкретных граждан.

На страницах «Крокодила» публиковались многочисленные сюжеты, в которых рассматриваются различные факты *бесхозяйственности* городских руководителей, проявляющейся в неадекватном расходовании государственных ресурсов. В большинстве случаев «героями» данных сюжетов являлись хозяйственные руководители, не организовавшие должным образом работу предприятий и организаций. Так, например, в «Крокодиле» приводятся сюжеты, повествующие: о «путешествии» пуговиц, которые выпускаясь артелью «Красный Октябрь» (Пензенская обл.), попадают в Москву, на базу «Главкооппосылторга», а потом завозятся назад в Пензенскую область, (преодолевая, таким образом, более тысячи километров)⁵; о затоваренной продукции более чем на миллион рублей в результате бездействия работников управления рабочего снабжения Главжелдорстроя Востока Министерства путей сообщения⁶ и т.п. Часто в сюжетах, посвященных рассмотрению означенных практик, используется один и тот же прием – приведение впечатляющих цифр, отражающих государственные потери. В ряде случаев приводятся конкретные цифры ущерба: «перевозка

---

¹ Еще кланяемся... // Крокодил. 1950. № 3. С. 2.

² Хороший аппетит // Крокодил. 1947. № 17. С. 10.

³ Доходные ревизии // Крокодил. 1950. № 18. С. 14.

⁴ Ленч Л. Точное доказательство // Крокодил. 1946. № 15. С. 4.

⁵ Дорогой «Крокодил» (письма читателей) // Крокодил. 1956. № 31. С. 15;

⁶ Ногина Н. Терзания и миллион // Крокодил. 1950. № 4. С. 10.

подшипников стоимостью 3 руб. 80 коп. обошлась в 59 руб.»¹. Нередко цифры потерь заменяются риторическим вопросами: «Сколько испорчено сырья?»; «Сколько драгоценных рабочих часов убито на справки?»². Прием приведения «количественных» аргументов (не всегда конкретных), широко применяемый в публицистике и политической риторике³, был призван подчеркнуть «виновность» хозяйственных руководителей, презентуя их девиантные экономические практики (вне зависимости от масштаба), как «антигосударственную» и «антиобщественную» деятельность.

Курс на «экономию», обозначенный в политико-экономическом дискурсе первых послевоенных лет, нашел отражение в критике на страницах «Крокодила» практик неэкономного расходования горожанами ресурсов. Данная девиация фиксировалась в трудовых практиках руководителей предприятий и сотрудников. Руководители, как правило, обвинялись в тратах государственных средств на банкеты, отделку кабинетов, телеграммы, командировки⁴ (см. прил. 3.4). Так, например, в «Крокодиле» приводятся заметки, сообщающие о тратах начальника Куйбышевской железной дороги десятков тысяч рублей на телеграммы, объемом несколько сотен слов⁵; о расходах более одной тысячи рублей на переписку между двумя предприятиями, по одному вопросу – отгрузке шлифовальных кругов⁶. Типичной темой сюжетов «Крокодила», посвященных рядовым трудящимся, являлось не экономное расходование сырья при производстве продукции (см. прил. 3.5). Данная девиация раскрывается в стихах: «Он экономен? Как когда! – Ну что там рублик?! Ерунда! Народных тысячу рублей истратит хладнокровно. Зато к копейке своей относится любовно...»⁷.

В сюжетах «Крокодила», посвященных фактам *очковтирательства* (приписках, искажении отчетных показателей), фигурировали представители

---

¹ Под самым окошком // Крокодил. 1955. № 9. С. 3.

² Про Фому и про Ерему // Крокодил. 1955. № 9. С. 8.

³ Подосинникова Р.В. Риторика журналистского дискурса (муниципальная власть в образах и оценках местной прессы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009. № 4. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/012-9.pdf> (дата обращения: 20 марта 2017 г.)

⁴ Миронов Е. Дорогая копейка // Крокодил. 1950. № 20. С. 7; Дела банкетные // Крокодил. 1948. № 7. С. 11.

⁵ Романович Л. Сообщаем пофамильно // Крокодил. 1949. № 13. С. 12.

⁶ Как ни странно, но... // Крокодил. 1953. № 2. С. 15.

⁷ Иванов В. Работяга // Крокодил. 1953. № 2. С. 8.

руководства (местного, реже республиканского уровня)¹. Так, например, «Рецепт» получения кондитерской фабрикой «Ударница» премии за победу в социалистическом соревновании был освещен на страницах «Крокодила»: «Всыпали в одну ступку плюсы варенного цеха и минусы мармеладного. Смешали, подсыпали щепотку очковтирательской паточки – и получилась сладенькая средняя цифра»². Наряду с разбором реальных фактов приписок, на страницах «Крокодила» публиковались карикатуры и фельетоны, в которых конструировался собирательный образ-ярлык «очковтирателя»³. Именно безотносительные сатирические зарисовки являлись количественно доминирующими в презентации данной темы на страницах издания 1946–1956 гг. В 1947 г. шесть из девяти сюжетов «Крокодила», посвященных проблематике «очковтирательства», были представлены в таких безотносительных вариантах (см. прил. 3.6). Означенная форма «безотносительной критики» позволяла указать на существование проблемных полей в трудовых стратегиях советских граждан, не обвиняя конкретных руководителей в причастности к данным нарушениям.

Еще одной формой девиантных трудовых стратегий руководителей городских предприятий и организаций являлся *бюрократизм*. Данное нарушение, как правило, высвечивалось в деятельности местных городских хозяйственников, реже управленцев республиканского уровня. Так, в фельетоне М. Малишевского «Виза» Ивану Ивановичу для визирования заявки в главке понадобилось двенадцать часов⁴. В рассказе Г. Рыклина описан собирательный образ бюрократа: «Появился новый тип бюрократа. Взглянешь на него и скажешь: “Добрый должен быть, простота!” Он ласково будет с вами разговаривать, но ничего не сделает. Ему лень»⁵. Длинные очереди в приемных, бесконечные сроки рассмотрения жалоб, многочасовые заседания и т.п. являлись темой мно-

---

¹ Васильев А. Еще раз к вопросу о точковтирателях // Крокодил. 1947. № 16. С. 2; Лобанов Б. Фальшивая нота // Крокодил. 1951. № 33. С. 4; Карбовская В. Голубчики // Крокодил. 1952. № 14. С. 11; Лакировщик // Крокодил. 1953. № 23. С. 13.

² Рыклин Г. Еще раз к вопросу об одой странной игре // Крокодил. 1947. № 8. С. 2.

³ В помощь молодому бесхозяйственнику // Крокодил. 1946. № 22. С. 5; Свет мой, зеркальце, скажи... // Крокодил. 1949. № 33. С. 3; Тайное и явное // Крокодил. 1953. № 1. С. 2; Крах очковтирателя // Крокодил. 1949. № 28. С. 3.

⁴ Малишевский М. Виза // Крокодил. 1946. № 14. С. 3.

⁵ Рыклин Г. Книжная полка // Крокодил. 1948. № 18. С. 9.

гочисленных сатирических произведений и карикатур «Крокодила»¹, хотя большая часть данных сюжетов носила обезличенный характер.

В ряду трудовых девиаций, количественно акцентированных на страницах «Крокодила», фигурировали различные формы *нарушения трудовой дисциплины* – пьянство, прогулы, неорганизованность, рукоприкладство и грубость. Руководящие работники (как правило, регионального уровня) чаще критиковались за грубое обращение с подчиненными: «Будучи начальником, он вёл себя довольно развязно: грубо обращался с подчинёнными и клиентами, допускал рукоприкладство»². Важно отметить, что практики грубого обращения с подчиненными, фигурируя в безотносительных карикатурах, не становились на страницах «Крокодила» темой самостоятельных текстовых сюжетов. Как правило, проявления грубости лишь усиливали негативный имидж руководителя, причастного к более «весомым» девиациям – хищениям, припискам и пр. Еще одной формой нарушения трудовой дисциплины руководителями городских предприятий были прогулы – отсутствие управленца на предприятии в рабочее время. Как правило, руководящие работники изображались кутящими в ресторанах, играющими в бильярдных, прогуливающимися с родственниками по магазинам³. Критиковался в журнале и такой метод организации работы предприятия, как «штурмовщина»⁴, когда «В конце месяца ... домой с завода никто не уходит, все бдят ночью и днём: совещаются, заседают, мобилизуют и штурмуют ... помогают вытаскивать завод из прорыва. После штурмовых дней ... на заводе наступает идиллическое затишье: суточную программу выполняют едва на 40–50 процентов»⁵. В большинстве своем сюжеты «Крокодила», посвященные нарушениям руководителями предприятий трудовой дисциплины, представлены в карикатурах и обезличенных зарисовках, не указывающих на конкретных управленцев (60% всех сюжетов данной группы за период 1946–1956 гг.).

---

¹ Рыклин Г. Сказание о коленчатом вале // Крокодил. 1948. № 25. С. 9; Заказная волокита // Крокодил. 1948. № 30. С. 10; Львов М. Жалоба // Крокодил. 1949. № 4. С. 3; Афанасьев И. ПДХ // Крокодил. 1949. № 10. С. 4; Кругов М. Ссора в Соликамске // Крокодил. 1949. № 29. С. 6; Еще кланяемся... // Крокодил. 1950. № 9. С. 2; Ардов В. Сахар Медович // Крокодил. 1950. № 24. С. 12.

² Увязали // Крокодил. 1953. № 3. С. 5.

³ Соифертис Л. Иван Иванович будет через час // Крокодил. 1947. № 17. С. 9.

⁴ Производственная сюита «Времена года» // Крокодил. 1947. № 3. С. 4;

⁵ Дорогой «Крокодил» (письма читателей) // Крокодил. 1950. № 21. С. 13.

Среди сюжетов, посвященных нарушениям трудовой дисциплины работниками предприятий, как правило, фигурировали прогулы, опоздания, нахождение на рабочем месте в нетрезвом виде и пр. В большинстве своем тема была представлена обезличенными карикатурами (см. прил. 3.7). Характерно, что в данных сюжетах интонационно ответственность возлагалась на руководителей предприятий, которые не могут принять меры к урегулированию ситуации и наказать нарушителя¹.

Еще одной формой трудовых девиаций горожан, представленных на страницах «Крокодила», являлось *невыполнение своих служебных обязанностей*. Данное нарушение имело различные проявления (не выполнение планов, допущение ошибок в работе и пр.) и причины (отсутствие способностей, навыков и квалификации, нежелание работать и т.д.). Хозяйственные руководители областного и республиканского уровня, как правило, критиковались за «недосмотр» за подведомственными организациями и сотрудниками, в результате чего в них «процветали казнокрады», «жулики плодились не по дням, а по часам»². Проявлением девиации являлось принятие руководителями абсурдных приказов, и резолюций³. (Примером такого курьеза является случай получения мурманскими рыбаками приказа от Министерства промышленности продовольственных товаров «О плане заготовок волоса на 1954 г.»⁴). Не выполнение плана предприятием, не своевременное проведение сезонных работ (подготовки цехов к зиме и пр.) также являлись темами для сатирических публикаций и карикатур «Крокодила»⁵. Акценты в презентации на страницах издания образа руководителя, не выполняющего свои обязанности, корректировались в зависимости от проводимых в стране кампаний. Курс на сокращение штатов организаций и учреждений способствовал увеличению на страницах «Крокодила» карикатур и фельетонов, посвященных данной тематике⁶ (см. прил. 3.8). Реализация в 1947

¹ Пушкин С. Проповедник из «Облпроекта» // Крокодил. 1952. № 16. С. 6.

² Неполная статистика // Крокодил. 1953. № 6. С. 13; Дудочкин П. К вопросу о доверии // Крокодил. 1953. № 2. С. 9.

³ С подлинным скверно // Крокодил. 1953. № 3. С. 6; Предсказатель с патентом // Крокодил. 1947. № 28. С. 4.

⁴ Кирков В. Стриженная селедка // Крокодил. 1954. № 10. С. 14.

⁵ Львов М. К вопросу о честном слове // Крокодил. 1948. № 5. С. 10; Алевич А. Сказка о бороде // Крокодил. 1948. № 9. С. 2; Беляев Д. Показательный показатель // Крокодил. 1948. № 11. С. 5.

⁶ В новых ролях // Крокодил. 1947. № 9. С. 1; О раздувающих и надувающих (из практики одной конторы) // Крокодил. 1947. № 6. С. 5.

г. кампании, направленной на усиление ответственности за разглашение государственной тайны, дополнила негативный имидж управленцев такими чертами как: «беспечность», «безалаберность». На страницах «Крокодила» 1947–1953 гг. критиковались местные «хозяйственники», которые по халатности «выбалтывают» секретную информацию в общественном транспорте, парикмахерских и других местах, доступных для «врагов», не закрывают кабинетов и шкафов с документами и т.п.¹ В результате произошедшей в 1950-е гг. трансформации политической конъюнктуры «бдительность» перестала презентоваться в качестве неотъемлемого качества хозяйственных управленцев, исчезли со страниц издания и образы внутренних «врагов».

Практики невыполнения своих служебных обязанностей трудящимися, не занимающими руководящих должностей, были не столь количественно выражены в «Крокодиле» (см. табл. 22). На страницах издания критиковалась работа граждан не по специальности², отношение к работе «с прохладцей»³. В стихотворении Н. Адуева «Кое-что о коекаках» данное отношение к работе презентуется следующим образом: «В семействе коекаковом друг другу пели так: “Ты норм не перескакивай, старайся коекак, кричи, что расшибаешься. Что гнёшься, мол, в дугу... И всё, сынок... И баюшки... Агу, сынок, агу!”»⁴. Формой «не советского» отношения к труду являлось не желание граждан трудиться. В большинстве своем данная тема была представлена обобщенными карикатурами на работников-бездельников, прячущихся за спинами передовиков-стахановцев, студентов практикантов, не появляющихся на производстве⁵, молодых специалистов, получившие дипломы и не желающие ехать на периферию⁶ и пр. (см. прил. 3.9, 3.10). Сюжеты, посвященные откровенному иждивенчеству граждан, вообще не имеющих работы, достаточно редко публиковались на страницах

---

¹ В гостях у ротозеев // Крокодил. 1953. № 5. С. 14; Баженов Н. Обыкновенный разговор // Крокодил. 1953. № 6. С. 4; О паспортах и калошах // Крокодил. 1953. № 8. С. 8.

² Ласкин Б. Фестиваль в городе Н. // Крокодил. 1947. № 14. С. 4-5.

³ Карбовская В. Без души // Крокодил. 1953. № 1. С. 7.

⁴ Адуев Н. Кое-что о коекаках // Крокодил. 1947. № 21. С. 5.

⁵ На практике // Крокодил. 1949. № 20. С. 6; За средней цифрой // Крокодил. 1951. № 7. С. 7; За широкой спиной стахановца // Крокодил. 1947. № 3. С. 5.

⁶ Окончив вуз // Крокодил. 1947. № 23. С. 9; После окончания вуза // Крокодил. 1952. № 17. С. 13; С дипломом // Крокодил. 1952. № 15. С. 4; Недалеко от Москвы // Крокодил. 1950. № 13. С. 5; Епифанов Д. По-приятельски // Крокодил. 1953. № 9. С. 2; Чтоб далеко не ездить // Крокодил. 1948. № 16. С. 6.

«Крокодила» 1946–1956 гг.¹ В целом, проблематика невыполнения горожанами своих трудовых обязанностей была более широко представлена в карикатурных сюжетах и обезличенных фельетонах, конструирующих образы девиантных стратегий, но не указывающих на конкретных нарушителей.

На страницах «Крокодила» рассматривались сюжеты, посвященные такой негативной практике, как *спекуляция*. Руководящие работники, как правило, не фигурировали в данных сюжетах в качестве объектов критики. Ими являлись кооператоры, работники торговли и пр. В презентации на страницах «Крокодила» данной темы можно выделить ряд особенностей. В первые послевоенные годы, вследствие проведения кампании по борьбе со спекуляцией, увеличилось количество сюжетов данной тематики, но сам образ спекулянта не визуализировался посредством текстовых описаний карикатурных зарисовок. В двух из пяти статистически учтенных сюжетов «Крокодила» 1947 г. понятие «спекулянт» лишь разово упоминается, маркируя наличие данных практик в советском социуме, но не детализируя их. Например: «Тонька! Вон ведут дружочка! Погляди-ка, чистый фронт: Вся рубашка на цепочках! – Ну, известно, – спекулянт!»². В последнем номере «Крокодила» 1947 г. спекулятивная деятельность граждан получает рассмотрение в контексте проведения денежной реформы: «Одна божья старушка, закоренелая спекулянтка, впопыхах в зоологический магазин заскочила и двух удавов, не торгуясь, купила и в кубышку ... сунула. Дескать, пускай удавы лежат под матрацем и в цене растут»³. В 1948 г. в «Крокодиле» появляется карикатурное изображение спекулянта на скамье подсудимых (см. прил. 3.11). Развернувшаяся кампания по борьбе с частником, способствовала увеличению на страницах журнала сюжетов, посвященных спекулятивным практикам «лжекооператоров», «частных маклеров» и прочих «желающих нажиться», основанные на материалах реальных уголовных дел⁴. В одном из сюжетов издания приводится описание «частника»: «Краснорожий, жирный, крепкий – Кто он? Мир его каков? Он кроит в парадном кепки из об-

---

¹ Крокодил. 1947. № 31. С. 10.

² Лебедев-Кумач В. Колхозный базар // Крокодил. 1947. № 26. С. 8.

³ Катаев В. С Новым годом!.. // Крокодил. 1947. № 36. С. 2.

⁴ Рыклин Г. В тихом омуте // Крокодил. 1949. № 21. С. 5; Как ни странно, но... // Крокодил. 1950. № 21. С. 14; Вахрамеев А. Перелетные птицы // Крокодил. 1951. № 14. С. 4.

резков, из кусков, из остатков юбки с ворсом («Это ж импортный отрез!»). Кепки с искрой, кепки с форсом. Кепки с пуговкой и без! ... Ему всего дороже в срок – заказ и деньги – в срок. Как он мелок и ничтожен. Тот каморочный мирок!»¹. В 1954–1956 гг. увеличивается число сюжетов «Крокодила», посвященных данной теме, возрастает количество карикатур, изображающих спекулятивные практики – перепродажу билетов, одежды и пр. (см. прил. 3.12). В 1956 г. появляются сюжеты, в которых не только повествуется о наличии «спекулятивных элементов» в советском социуме, но и указывается на низкую эффективность борьбы с ними².

Помимо девиантных стратегий горожан, фиксируемых в системе *человек–государство*, на страницах «Крокодила» получили рассмотрение нарушения в системе *человек–человек*, представленные практиками мошенничества, и воровства имущества граждан. Данные немногочисленные сюжеты были посвящены кражам вещей горожан на вокзалах, в поездах, гостиницах и пр.³ Кампания против «частника» способствовала корректировке тематики сюжетов «Крокодила» – практики воровства фиксировались среди кооператоров и кустарей. Руководители предприятий и организаций не фигурировали в данных сюжетах в качестве лиц, причастных к кражам. Героями сюжетов «Крокодила», посвященных мошенничеству, как правило, являлись: таксисты, берущие с пассажиров большие суммы, работники ателье, пользующиеся материалами заказчиков, граждане, подделывающие документы, для поучения должностей, знахари, ревизоры и т.п. (см. прил. 3.13). Около половины всех сюжетов данной группы были представлены безотносительными зарисовками и карикатурами, другая часть основывалась на реальных фактах и материалах расследований правоохранительных органов⁴. Так, например, инспектор министерства просвещения Смирнов, проверяя работу Грозненского педагогического института, пользуясь своим положением, просил денег в долг у работников вуза, даже не собираясь их возвращать⁵. Количественно более выраженными были сюжеты, освещаю-

---

¹ Дыховичный В., Слободской М. Бесплезные ископаемые // Крокодил. 1950. № 34. С. 12

² Позднева О. Витрины и манекены // Крокодил. 1956. № 31. С. 4.

³ Овощи и фрукты // Крокодил. 1948. № 9. С. 11.

⁴ Гостеприимные ротозей // Крокодил. 1952. № 16. С. 4.

⁵ Лубин Е. Разные бывают ревизоры... // Крокодил. 1948. № 20. С. 10.

щие мошеннические действия горожан, не находящихся на руководящих постах (см. табл. 22). В хронологическом разрезе большее число сюжетов, посвященных махинациям, публикуется в журнале в период 1954–1956 гг.

В целом, в журнале «Крокодил» 1946–1956 гг. были более широко представлены нарушения, допущенные городским населением РСФСР, фиксируемые в системе *человек–государство*, нежели нарушения в сфере *человек–человек* (см. табл. 22). Большой критике на страницах издания подвергались трудовые нарушения, допущенные руководителями предприятий (бесхозяйственность, бюрократизм, очковтирательство, самообеспечение и т.п.). Из 947 статистически зафиксированных сюжетов «Крокодила», посвященных нарушениям горожан, допущенным к системе *человек–государство*, в 732 критиковались руководители предприятий (см. табл. 22). Девиации в системе *человек–человек* были в основном представлены сюжетами, в которых критиковались обычные горожане, не имеющие руководящих полномочий. Из 54 сюжетов данной группы всего в четырех в качестве «виновных» фигурируют руководители (см. табл. 22). На страницах журнала критика нарушений горожан могла иметь различные проявления – быть как адресной, так и безотносительной. Проводимые во второй половине 1940-х гг. кампании по борьбе с хищениями, бесхозяйственностью, «частником» проявились в конкретизации критики, базирующейся на фактах нарушений, выявленных в результате проверок и расследований. Некоторые девиации (взяточничество, очковтирательство), были в основном представлены обезличенными сатирическими зарисовками, не имеющими в качестве объектов критики конкретных управленцев. Такая безотносительная критика позволяла обозначить «не правильные» для советского социума жизнедеятельностные практики, в то же время, не ставя под сомнение авторитет реальных хозяйственных, партийных и советских руководителей, легитимность принимаемых ими решений. В рамках периода 1946–1956 гг. можно выделить тенденции, обусловившие количественную динамику сюжетов «Крокодила», посвященных означенным нарушениям горожан. Во-первых, выраженность критики определенных девиаций была детерминирована проводимыми политическими кампаниями. Во-вторых, количественное увеличение

публикуемых в издании сюжетов, посвященных различным нарушениям, отмечается в период с 1953 по 1956 гг. Максимальное количество сюжетов – в 1956 г. Курс на демократизацию и гласность, взятый после XX съезда, способствовал усилению критики трудовых нарушений (особенно допущенных местными управленцами).

Таким образом, нарушения, маркируемые на страницах отечественных печатных СМИ как практики, неприемлемые для советского человека, имели различные проявления (не выполнение трудовых норм и обязательств, снижение производительности труда, хищения, очковтирательство, взяточничество, мошенничество, нежелание трудиться и пр.), а их критика на страницах СМИ могли иметь различные формы, раскрывая проблему в серьезном, назидательном ключе, либо в сатирическом контексте. Вне зависимости от формы обращения к рассмотрению данной темы в период послевоенного десятилетия большее число сюжетов, посвященных девиациям горожан, фиксируется на страницах СМИ в 1950-е гг. (особенно в период 1953–1956 гг.), что было обусловлено снижением интенсивности режима мобилизованности, а также демократическими процессами, проходящими в советской стране.

6.3. Динамика стандартов материального потребления

В рамках исследования экономических стратегий городского населения РСФСР 1946–1956 гг. нельзя обойти вниманием проблематику стандартов потребления. В отличие от трудовых стратегий горожан, эталон «правильного» потребления (потребительского поведения) советского человека, конструируемый в рамках отечественного дискурса послевоенного десятилетия, не был детализирован. Нормы рационального потребления продовольственных и промышленных товаров, определяющие «разумные» и «научно обоснованные» границы потребительских стремлений советских граждан, начали активно разрабатываться лишь в конце 1950-х–1970-е гг.¹ (Данные исследования проводились Госпланом СССР, Институтом питания АМН СССР, НИИ торговли и об-

---

¹ Клинова М.А. Уровень жизни городского населения РСФСР (1946 – 1991 гг.) в отечественной историографии. Екатеринбург, 2014. С. 246 – 247.

щественного питания (НИИТОП), а также нашли отражение в экономических трудах отдельных исследователей¹). Тем не менее, в рамках периода 1940-х–первой половины 1950-х гг. в информационном пространстве транслировались визуальные сюжеты, отражающие образный и материальный мир советской повседневности (или его эталонные формы), презентовались стереотипы одобряемых практик потребления горожан, формирующие нормативную модель потребления. Под *нормативной моделью потребления* мы будем понимать одобряемую официальной доктриной систему, включающую этические и эстетические каноны, потребительские стандарты и практики, связанные с воспроизводством актуального типа телесности и обозначающие рамки «правильных» деятельностных стратегий населения в сфере потребления материальных благ. В контексте данной модели стигматизировались девиантные стратегии потребления граждан. В период 1946–1956 гг. содержание и интенсивность популяризации элементов данной модели претерпевали определенную динамику, выявление которой представляет интерес в рамках данного исследования.

Презентуемые в рамках нормативной модели «правильные» практики потребления транслировалась через различные каналы. В частности такими источниками распространения и одновременно средствами формирования должных моделей потребления в советском социуме являлись: СМИ (газеты, радио, телевидение, кино), художественная литература, мода и пр. (Хотя, справедливым будет заметить, что уровень влияния данных информационных каналов на формирование нормативных стратегий потребления граждан не был идентичен, различаясь по степени идеологической включенности, форме и содержанию презентуемого дискурса). Среди многообразия источников в данном исследовании внимание будет сфокусировано на анализе текстов, визуальных образов и рекламных сюжетов в плакатах, периодических изданиях (газетах и журналах), кулинарных книгах периода 1946–1956 гг., содержательно касающихся тематики формирования «должных» психологических стереотипов ценностных пат-

---

¹ Комаров В.Е., Чернявский У.Г. Доходы и потребление населения СССР. М., 1973; Матюха, И. Я. Статистика бюджетов населения. М., 1967; Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме ... ; Шнирлин Ю.Л. Научно обоснованные нормы потребления. М., 1961 и др.

тернов граждан в отношении материального потребления и освещения девиантных потребительских стратегий горожан.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей, реконструирующих проблематику повседневности и специфику советского культурного пространства, сходятся во мнении, что в середине 1930-х годов власть инспирировала появление новой концепции-лозунга, определяющей стандарты образа жизни и практики потребления населения «сталинского» периода. Данная концепция потребления Н. Тимашевым была названа «Великим отступлением»¹, Ш. Фицпатрик обозначила ее как «консервативный поворот»², Е.С. Сальникова пишет об «агитации за потребление»³, В.В. Волков и О.Ю. Гурова определяют данную идеологию как концепцию «культурности»⁴.

В качестве дискурсивного маркера, давшего старт и определившего основной лейтмотив данной кампании, все авторы указывают речь Сталина на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г. Точнее, конкретный фрагмент данного выступления: «Некоторые думают, что социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни. Это не верно. Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества»⁵.

Исследователи сходятся не только в определении «стартовой точки» данной пропагандистской кампании, но и ее ключевых элементов. Помимо чистоты и гигиены (которые в качестве неотъемлемых элементов социализации «новых горожан» артикулировались в отечественном дискурсе еще 1920-е гг.), вежливости и хороших манер, понятие «культурности» в дискурсе 1930-х гг. отождествлялось с высокими стандартами материального потребления. Фактически, в рамках данной концептуальной модели обозначился важный структур-

---

¹ Timasheff N. The Great Retreat: the growth and decline of communism in Russia. N.Y., 1946. P. 354.

² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. ... С 54.

³ Сальникова Е.В. Указ. соч. С. 95.

⁴ Волков В.В. Концепция культурности // Социологический журнал. 1996. № 1.2. С. 194-214; Гурова О.Ю. От бытового аскетизма к культу вещей ... С. 12.

⁵ Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года ... С. 79-92.

ный и ценностный поворот в культуре и нормативных стратегиях потребления советских граждан – переход от эстетического пуританизма послереволюционного периода, к толерантности по отношению к «буржуазной жизни» с ее шиком, роскошью, уютом и удовольствиями. Как замечает В. Данхэм, в 1930-е гг. «ценности частной жизни превратились в общественную норму»¹. По утверждению В. Букли, в это время в нормативном дискурсе обозначилась своеобразная реабилитация уюта, прочно утверждающегося среди ценностей советского среднего класса: «радости домашнего очага вновь ожили и стали отголоском дореволюционного буржуазного быта»². К аналогичному выводу приходит С. Бойм, отмечая в качестве культуральной характеристики 1930-х годов реабилитацию материальных объектов, в результате которой городское мещанство, к этому времени уже ликвидированное как класс, воссоздавалось во «вторичной» мещанской культуре сталинского периода³.

Идея продовольственного изобилия находит отражение в плакатах, на страницах информационных изданий второй половины 1930-х гг.⁴ В одном из журналов описывается предстоящее открытие нового магазина: «В день открытия будет играть джаз, покупателям будет предложено угощение и подарки дамам. Бой конфетти, серпантин. Танцы перед прилавками»⁵. Ш. Фицпатрик, рассуждая о повседневности «сталинского» периода, говорит о «потребительской вакханалии», отличающей прессу 1930-х гг. Появляются статьи о выставках тканей, о магазинах, «заваленных» потребительскими товарами. Вещи-товары активно выставляли себя «напоказ», призывая к приобретению, и тем самым стимулировали потребительские стремления граждан: «Еда, напитки, потребительские товары прославились с жаром, которому могла бы позавидовать Мэдисон-авеню»⁶.

Важной составляющей матрицы «культурности» являлось соответствие внешнего образа моде. Быть хорошо одетым – императивный тренд дискурса

---

¹ Dunham V. In *Stalin's Time: Middle class Values in Soviet Fiction*. Cambridge, 1976. P. 15.

² Buchli V. *An archeology of socialism*. ... P. 56–57.

³ Бойм С. Указ. соч. С. 18.

⁴ Клинова М.А. Концепция «культурности» в социальной политике второй половины 1930-х гг. // *Человек*. 2017. № 4. С. 96–97; Сальникова Е. В. Указ. соч. С. 96–97.

⁵ Ардов В. Зыбкий комфорт // *Крокодил*. 1935. № 33. С. 6.

⁶ Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм*. ... С. 110.

второй половины 1930-х гг. Как отмечает Н.Б. Лебина, тенденция следования моде подкреплялась активным изданием модных журналов. В качестве приложения к журналу «Красная панорама» начало выходить издание «Искусство одеваться», в «Комсомольской правде» появилась постоянная рубрика под названием «Мы хотим хорошо одеваться!»¹. Тенденция к легитимации «мещанства» достаточно ярко проявилась и в эволюции самих модных образов. На смену популяризируемым в 1920-е годы комбинезонам и нарядам, более напоминающим спецодежду, в моду вновь возвращается классический, элегантный, подчеркнута женственный стиль, а мужские образы ориентированы на респектабельность. По замечанию Т. Ю. Дашковой, «курс на женственность», взятый в середине 1930-х годов, проявился в существенных изменениях типа женской телесности и в приемах его журнальной репрезентации. Среди изображаемых женщин резко возросло число привлекательных и интеллигентных лиц. У женщин на фотографиях начала появляться косметика (обычно это ярко подкрашенные губы, подведенные тонкие брови), прически, украшения.² Е.В. Сальникова, анализируя образы советских модных изданий, замечает, что в 1930-е годы их лейтмотивом становится «эстетическое равнение на “буржуазность” в сфере мод и быта».³

Столь детальное описание концептуальной модели «культурности», оформившейся в отечественном дискурсе середины 1930-х гг., видится оправданным в рамках данного исследования, вследствие того, что, по мнению ряда авторов⁴, именно эта модель сохраняется в качестве дискурсивного лейтмотива, определяющего нормативные практики потребления, вплоть до середины 1950-х гг. На наш взгляд, утверждение о пролонгации концепции «культурности» во второй половине 1940-х гг. не вполне корректно и нуждается в уточнении.

Военные и послевоенные годы формировали особую повседневность с ее перипетиями, трудностями и борьбой населения за выживание. После завершения военных действий весь ресурсный потенциал был переориентирован на

---

¹ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города ... С. 220.

² Дашкова Т. Трансформация женских образов на страницах советских журналов 1920-1930-х годов // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/dashkova.htm (дата обращения: 29.05. 2019).

³ Сальникова Е.В. Указ. соч. С. 112.

⁴ Гурова О.Ю. От бытового аскетизма к культу вещ ... С. 6-21; Сальникова Е.В. Указ. соч.

первостепенное решение задач восстановления страны. Очевидно, что такие элементы концепции «культурности», как «стимулирование потребления», и даже «потребительская вакханалия» не были характерны для советского дискурса второй половины 1940-х гг. В правительственной риторике первых послевоенных лет звучало требование «жертвы», которую должно принести население, ограничивая свое потребление, что не позволяет говорить о пролонгации концепции «культурности», инспирированной в 1930-е гг., во второй половине 1940-х гг. в неизменном виде и в полном объеме фиксируемых в данной модели элементов.

Также существенными факторами, не позволяющими говорить о сохранении в реалиях второй половины 1940-х гг. концептуальной модели «культурности», являлись: карточная система и товарный дефицит послевоенных лет. О наличии проблем со снабжением городского населения промышленными и продовольственными товарами, низком качестве услуг и неудовлетворительной работе магазинов сообщалось в многочисленных сюжетах журналов и газет послевоенного периода. Как правило, о проблемах товарного дефицита сообщалось в текстах писем и жалоб читателей в газеты¹. В статьях, основанных на результатах проверок предприятий торговой сети рейдовыми бригадами газет, также находили отражение проблемы товарного дефицита: «В магазинах и ларьках Великих Лук ... почти невозможно достать белый хлеб, пирожки, баранки, не говоря уже о кондитерских изделиях ... торгуют преимущественно черным хлебом и то с перебоями. ... Торговля хлебом ведется неполный рабочий день, а на окраинах его часто и вовсе не бывает»². «К двум часам дня в хлебном магазине №4 образовалась очередь. Хлеб привезли с большим опозданием»³. Дефицитными в послевоенный период являлись и многие непродовольственные товары и услуги. В заметках, опубликованных в газете «Красный Север», сообщалось, что «Ни в одном магазине Вологды не найти таких предметов, как ламповое стекло, самоварная труба, зубные щетки, швабры, ведра»⁴,

---

¹ Когда же будет качественный хлеб? // Металлург. 1946. 16 марта. С. 2; Магазин на замке // Металлург. 1948. 14 февраля. С. 2; Навести порядок в магазине // Великолукская правда. 1948. 11 января. С. 3.

² Почему в областном центре не налажена культурная советская торговля // Великолукская правда. 1948. 29 января. С. 3.

³ Хроника рейда // Советская Сибирь. 1946. 16 апреля. С. 2.

⁴ О щетках, стаканах, швабрах // Красный Север. 1948. 31 марта. С. 3.

«нет транспортивов»¹. В «Великолукской правде» отмечалось, что городе Великие Луки «керосин можно купить только в одном месте, в керосиновой лавке Велторга, расположенной в землянке»², «негде купить табуретки»³. В этой же газете указывалось на дефицит билетов в железнодорожных кассах, в результате чего «Командированным ... работникам приходится добираться областной центр на подножках вагонов»⁴. На страницах газет второй половины 1940-х гг. публиковались заметки, содержащие нарекания на плохую работу столовых (низкое качество обслуживания посетителей, испорченные продукты, грязь, узкий ассортимент товаров, обсчет покупателей и пр.)⁵, отсутствие в городах ателье по пошиву одежды⁶, неудовлетворительную работу парикмахерских⁷. Проблема товарного дефицита являлась темой многочисленных сюжетов, опубликованных на страницах сатирического журнала «Крокодил» во второй половине 1940-х гг. В заметках высвечивались проблемы отсутствия в торговой сети товаров для детей – канцелярских товаров, детской одежды, обуви и пр.⁸ Низкое качество товаров ширпотреба, изготавливаемых отечественными предприятиями, нашло отражение в карикатурной графике и заметках журнала⁹. В рубрике журнала «Сообщаем адреса», появившейся в 1948 г., читателям «демонстрировались» бракованные товары, выпускаемые артелями и фабриками: гармошки, лампы, ткани, обувь, громкоговорители, спички, папиросы, иголки,

---

¹ Где купить транспортив // Красный Север. 1949. 1 октября. С. 3.

² Почему в областном центре не налажена культурная советская торговля // Великолукская правда. 1948. 29 января. С. 3.

³ Навести порядок на Нелидовских предприятиях местной промышленности // Великолукская правда. 1947. 15 февраля. С. 2.

⁴ Касаткин Н. Навести порядок в билетных кассах // Великолукская правда. 1947. 3 января. С. 2.

⁵ Под дымовой завесой // Магнитогорский металл. 1946. 13 апреля. С. 2; Почему в областном центре не налажена культурная советская торговля // Великолукская правда. 1948. 29 января. С. 3; Пищекомбинат без продукции // Великолукская правда. 1947. 16 марта. С. 2; Упорядочить работу ларька // Красный Север. 1946. 1 июня. С. 4; Улучшить питание отдыхающим // Под знаменем Ленина. 1946. 7 февраля. С. 4; Навести порядок в столовой // Под знаменем Ленина. 1946. 9 августа. С. 2; Улучшить работу столовой // Под знаменем Ленина. 1947. 1 марта. С. 2; За культурное обслуживание металлургов // Магнитогорский металл. 1946. 7 мая. С. 2;

⁶ Где сшить пальто // Советская Сибирь. 1946. 1 марта. С. 3.

⁷ Нас беспокоит // Под знаменем Ленина. 1948. 16 июня. С. 2.

⁸ В магазине культтоваров // Крокодил. 1947. № 5. С. 5; Школьный ассортимент // Крокодил. 1947. № 15. С. 7; Пожалуйте к доске!.. // Крокодил. 1948. № 23. С. 6; На вырост // Крокодил. 1947. № 31. С. 6;

⁹ Загадочная картинка // Крокодил. 1947. № 7. С. 1; Нашел выход // Крокодил. 1947. № 15. С. 9; Крокодил. 1947. № 26. С. 10; Ограниченная ответственность // Крокодил. 1947. № 32. С. 9; Растите – не оглядывайтесь! // Крокодил. 1947. № 2. С. 3; Дошли до ручки // Крокодил. 1947. № 4. С. 9; Подсудное производство // Крокодил. 1948. № 7. С. 9; Без слов о качестве продукции // Крокодил. 1948. № 29. С. 11; Директор на высоте // Крокодил. 1949. № 4. С. 14.

пуговицы, сода, мыло, трикотаж, авторучки, книги, лампочки и пр.¹ В качестве «виновных» в отсутствии товаров на страницах «Крокодила» фигурировали местные хозяйственные руководители, не подвезшие вовремя товары со склада, или производственники, выпускающие брак.

Таблица 23

Количественное распределение понятия «благосостояние» в газетах и журналах 1946–1956 гг. (по результатам контент-анализа) (ед. в год).

Наименование издания	Год издания											Итого
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	
Правда	7	6	11	10	14	14	16	21	46	34	29	208
Труд	8	10	18	12	24	27	35	67	63	65	59	388
Смена	-	-	1	1	1	-	2	3	3	2	4	17
Красный Север	2	5	7	9	10	13	15	19	17	21	32	150
Великолукская правда	5	11	13	9	12	10	15	17	21	20	25	158
Советская Сибирь	14	20	16	18	26	30	27	32	34	33	35	285
Уральский рабочий	7	9	8	4	8	14	17	31	27	20	28	173
Восточно-Сибирская правда	13	11	15	16	18	19	22	41	45	29	39	268
Под знаменем Ленина	4	6	5	6	10	14	18	24	26	25	27	165
Тагильский рабочий	2	2	4	10	21	20	21	23	19	18	20	183
Магнитогорский металл	7	2	2	5	5	9	8	10	13	11	14	86
Кировец	**	**	**	**	**	9	9	16	12	*	*	46
Металлург	5	5	4	9	*	*	*	*	*	*	*	23

Наличие товарного дефицита в послевоенный период не означало, что он трактовался СМИ как стандарт потребления или норма советской послевоенной повседневности. Отсутствие товаров в магазинах критиковалось СМИ, а рост товарооборота декларировался в качестве актуальной задачи экономического развития государства, реализации которой мешало наличие дефицита и низкое качество товаров.

¹ Сообщаем адреса // Крокодил. 1948. № 5. С. 9; № 6. С. 9; № 7. С. 8; № 8. С. 8; № 9. С. 5; № 11. С. 10; № 17. С. 9; № 23. С. 8. № 28. С. 10; 1949. № 4. С. 2. № 6. С. 9; № 8. С. 5.

* Материалы изданий за данные годы не обрабатывались методом контент-анализа

** Газета не издавалась в данные годы

Курс на повышение уровня жизни населения обозначался в информационных изданиях периода. Предпринятый анализ материалов отечественных печатных СМИ позволяет прийти к выводу, что категория «благосостояние» фигурировала на страницах прессы второй половины 1940-х гг., хотя обращение к ней и не было количественно выраженным (см. табл. 23). Данное понятие, как правило, употреблялось в контексте будущего времени. Повышение уровня жизни граждан связывалось с перспективами завершения восстановительного периода. Как и в политическом дискурсе второй половины 1940-х гг. на страницах печатных СМИ послевоенных лет формулировался тезис о детерминированности личного благосостояния граждан уровнем общественного благосостояния (государства, предприятия). «Быстрее будет расцветать военно-экономическая мощь нашей Родины, значительно поднимется благосостояние трудящихся, советские люди смогут жить лучше, обеспеченнее»¹.

В целом, в силу объективных экономических причин, применительно к послевоенному периоду неприемлемо говорить о пролонгации концепции «культурности» в полном объеме. Но на уровне отдельных элементов сохраняется курс на «культурность», как нормативный маркер потребления.

В качестве своеобразных потребительских ориентиров в СМИ второй половины 1940 гг. звучали понятия «зажиточно и культурно» (являвшиеся одним из маркеров концепции «культурности» второй половины 1930-х гг.), но, как правило, они также упоминались в контексте будущего времени, обозначая перспективы социально-экономического развития советского социума после восстановления разрушенной войной страны². Так, например, в одно из статей в газете «Советская Сибирь» (1946 г.) отмечалось: «Многое нам предстоит сделать, чтобы успешно выполнить план первого года четвертой сталинской пятилетки, сделать еще более зажиточной и культурной жизнь трудящихся»³. Понятие «культурность» значительно чаще фигурировало на страницах послевоенных СМИ в контексте сюжетов, посвященных качеству торговли и сферы ус-

---

¹ Савельев М. Встреча В.И. Сосунова с молодыми избирателями города // Под знаменем Ленина. 1946. 7 февраля. С. 2.

² Верный путь к зажиточной жизни. // Правда. 1947. 1 марта. С. 3; Великому Сталину. // Правда. 1947. 1 августа. С. 2; Товарищу Сталину И.В. // Правда. 1947. 1 июня. С. 2.

³ Развернем предмайское социалистическое соревнование // Советская Сибирь. 1946. 15 марта. С. 2.

луг, где оговаривались проблемы «культурного обслуживания» и «культурного отдыха» трудящихся¹.

Специфику стандартов потребления, действующих во второй половине 1940-х гг., и парадоксально сочетающих в себе стимуляцию материального потребления, сохранение «отголосков» концепции «культурности», а также учитывающих дефицитные реалии послевоенной повседневности, иллюстрирует советская реклама в журналах и газетах.

Рекламные объявления, публиковались на последней странице обложки журнала «Огонек». Объявления рекламного характера в «Огоньке» можно разделить на две группы. Первая группа объединяла сюжеты информационно-просветительского характера, посвященные не дорогим товарам. На страницах журнала рекламировались витамины: «Витамин Д – содействует общему укреплению здоровья детей и особенно правильному росту костей и зубов»², «витамин РР способствует нормальному усвоению организмом белков»³, дрожжи: «Прессованные и сушеные дрожжи хорошо поднимают тесто, дают вкусный хлеб, обогащают его белками и витаминами»⁴. В рекламных сюжетах второй группы фигурировали более дорогостоящие изделия: ткани, одежда, автомобили. В текстах объявлений презентовались положительные качества товаров: «Большой выбор товаров высокого качества»⁵, «Автомобиль “Победа” с кузовом “Кабриолет”, ... отличается особой комфортабельностью, экономичностью и прочностью»⁶ (см. прил. 3.14.). Характерно, что реклама данных товаров сопровождалась конкретными адресами магазинов: «Московско-Ленинский универмаг» (реклама тканей и одежды); либо перечнем городов (столиц республик СССР и крупных промышленных центров РСФСР), где находились специализированные магазины по продаже автомобилей. Безусловно, рекламные объяв-

---

¹ Отмена карточек на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1947. 15 декабря. С. 2; Культурно обслуживать пассажиров // Советская Сибирь. 1947. 15 июля. С. 2; Цех высокой культуры // Советская Сибирь. 1950. 15 июня. С. 4; Торговать культурно, по-советски // Советская Сибирь. 1950. 15 апреля. С. 3; Культурное обслуживание металлургов // Магнитогорский металл. 1947. 15. Апреля. С. 2; Когда зажигаются огни // Магнитогорский металл. 1947. 6 февраля. С. 2; Корнев А. Быстро, вкусно, культурно // Уральский рабочий. 1956. 15 марта. С. 2 и др.

² Огонек. 1948. № 6. С. 33.

³ Огонек. 1949. № 46. С. 33.

⁴ Огонек. 1948. № 6. С. 33.

⁵ Огонек. 1948. № 2. С. 33.

⁶ Огонек. 1949. № 52. С. 33.

ления второй группы были ориентированы на ограниченную категорию советских граждан, имеющих возможность посетить данные магазины и приобрести дорогостоящие товары. В этом смысле можно говорить о том, что журнальный рекламный дискурс транслировал скорее элитарный, нежели массовый стандарт послевоенного материального потребления.

Обратимся к анализу советского газетного рекламного дискурса второй половины 1940-х гг. На страницах центральных изданий («Правда», «Известия») рекламные объявления, касающиеся потребительских товаров, фактически отсутствовали (в данных изданиях публиковались лишь анонсы постановок театров Москвы, программа радиопередач). В газете «Труд» публиковалось большее количество объявлений – о защите диссертаций, выходе новых журналов, проведении публичных лекций, а также единичные объявления рекламного характера (не более трех в десяти номерах издания в среднем).

Значительно большее число рекламных объявлений публиковалось на страницах областных газет. Количественная выраженность рекламных сюжетов определялась территориальной спецификой изданий. Так, например, в периодической печати Сибири (в областных газетах «Советская Сибирь», «Восточно-Сибирская правда») рекламные объявления экономического характера публиковались достаточно регулярно (в каждом – каждом втором номере в среднем по два–шесть объявлений), в то время как в анализируемых изданиях северо-западных регионов РСФСР (в областных газетах «Великолукская правда», «Красный Север») количество рекламных объявлений товаров и услуг было минимальным – в среднем от одного до трех объявлений в десяти выпусках газеты. Примерно такими же количественными показателями характеризовалась плотность послевоенного рекламного дискурса на страницах газеты «Советский Сахалин». Промежуточное положение по объему рекламы занимало уральское издание – «Уральский рабочий» (рекламные объявления публиковались в каждом третьем – четвертом выпуске газеты по два–четыре объявления в номере в среднем). Данная закономерность была обусловлена территориальной спецификой социально-экономического развития страны. Во-первых, в индустриальном Урало-Сибирском регионе вследствие предпринятой в годы войны эвакуа-

ции увеличилась численность городского населения, чьи доходы были выше, чем доходы колхозников. Именно на городской социум был, в первую очередь, ориентирован рекламный дискурс. Во-вторых, в северо-западных регионах страны, пострадавших от военных действий, динамика развития торговли и сферы услуг была ниже, как и численность горожан.

В большей части рекламных объявлений, представленных на страницах газет послевоенного периода, покупателям предлагались непродовольственные товары и услуги. Объявления об их продаже, как правило, представляли собой список наименований изделий, имеющийся в магазине (на складе треста, завода). На страницах газеты «Труд» было помещено объявление о продаже удобрений «трикальцийфосват и фосфоазотин», отгружаемых иногородним покупателям «только вагонами»¹. В объявлении в областных газетах РСФСР покупателям предлагались: комплекты детского приданного, керосин, бензин, автол, солидол, канцелярские ученические чернила, ящики и пр.²

В большинстве случаев, перечень рекламируемых изделий включал в себя самые различные товары, «соседство» которых друг с другом в рамках одного объявления вызывает некоторое удивление у современного читателя. Так, например, в газете «Восточно-Сибирская правда» сообщалось, что «"Байкалзолотопродснаб" имеет в продаже продпромтовары: галоши, сети и грибы соленые»³. В этой же газете покупателям сообщалось о наличии в продаже «ленты стальной, пуговиц, обуви на деревянной подошве»⁴, «санок, коньков, детских кроваток, чемоданов и пр.»⁵. В объявлении на страницах газеты «Красный Север» сообщалось, что: «В промтоварных магазинах Волгорторга и ларьках на рынке имеется большой выбор товаров в следующем ассортименте: алюминиевая, фаянсовая и гончарная посуда; тазы, решета, сита, веревка хозяйственная, лак спиртовый, мыло техническое; кровати, столы, стулики, шкафы, тумбочки; ... чернильные приборы, ... баяны, ... одеколон, духи, крем, зубной эликсир,

---

¹ Труд. 1948. 1 апреля. С. 4; 11 мая. С. 4.

² Советская Сибирь. 1947. 1 февраля. С. 4; Уральский рабочий. 1947. 1 апреля. С. 4; Восточно-Сибирская правда. 1946. 29 декабря. С. 4; Красный Север. 1947. 12 сентября. С. 4.

³ Восточно-Сибирская правда. 1948. 20 ноября. С. 4.

⁴ Восточно-Сибирская правда. 1946. 17 июля. С. 4.

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1946. 6 февраля. С. 4.

лак для ногтей и д.»¹. В этом же издании сообщалось об открытии промтоварных магазинов, где покупатели могут приобрести: «мебель, гармошки, зеркала, валенки, гуталин, свечи, лыжи»². Объявление в газете «Советский Сахалин» (1947 г.) информировало читателей о наличии: «железа круглого, листового, абажуров фарфоровых, розеток»³. Большая часть продукции, рекламируемой на страницах газет первых послевоенных лет, была представлена не дорогостоящими хозяйственными товарами и изделиями ширпотреба. Хотя, в некоторых газетах фиксировались объявления о продаже более дорогих изделий. Так, например, на страницах газеты «Восточно-Сибирская правда» (1946 г.) было опубликовано объявление, сообщающее, что: «"Ювелирторг" имеет в продаже часы дамские, ручные, золотые, серебряные, серебряно-позолоченные, мужские карманные металлические и секундомеры, хронографы»⁴.

Фиксировались на страницах периода и рекламные объявления, презентующие товары, востребованные отдельными профессиональными категориями горожан. В газете «Уральский рабочий» (1946 г.) было опубликовано объявление гласящее, что: «Театральный магазин имеет в продаже театральный грим, пасту»⁵, а в «Восточно-Сибирской правде» было помещено объявление о «наличии большого выбора хирургических инструментов»⁶. В газетах публиковалась информация о товарах, которые могли заинтересовать учебные заведения: «в ... магазине учебных пособий "Главснабпроса" имеются в продаже: портреты вождей, писателей, ... таблицы по русскому и иностранным языкам, ... школьные микроскопы, лупы, чучела птиц ...»⁷.

Характерной чертой послевоенной газетной рекламы являлось наличие предложений от магазинов и артелей о продаже населению товаров бывших в употреблении. В объявлениях фигурировали «бывшие в употреблении» инструменты (фрезы, токарные резцы и пр.), изношенная киноплёнка⁸. Типичной являлась реклама комиссионных магазинов. Из объявлений в газете «Советская

---

¹ Красный Север. 1946. 1 ноября. С. 4.

² Красный Север. 1946. 15 декабря. С. 1.

³ Советский Сахалин. 1947. 25 декабря. С. 4.

⁴ Восточно-Сибирская правда. 1946. 19 июня. С. 4.

⁵ Уральский рабочий. 1946. 2 августа. С. 4.

⁶ Восточно-Сибирская правда. 1946. 5 июля. С. 4.

⁷ Восточно-Сибирская правда. 1948. 24 ноября. С. 4.

⁸ Восточно-Сибирская правда. 1948. 2 октября. С. 4; Советская Сибирь. 1949. 15 июня. С. 4.

Сибирь» читатели могли узнать, что «Комиссионные магазины Горпромторга принимают на комиссию и имеют в продаже: ... отрезы суконные, готовое платье мужское и дамское как зимнее, так и демисезонное; меховые товары; ... музыкальные инструменты; ... хозяйственные товары; мебель»¹; «Артель “Сибшапка” производит скупку мехов, меховых изделий и прочих видов одежды»²; «Артель “Разнопром” производит скупку от населения и организаций свинца и баббита»³. В газете «Красный Север» в 1946 г. было опубликовано объявление: «Открыты скупочные пункты поношенной обуви, которая после реставрации в сапожных артелях поступает в продажу населению»⁴. В «Уральском рабочем» было помещено объявление: «Ювелирторг Министерства торговли СССР производит покупку от населения ювелирно-золотых и серебряных изделий, драгоценных, полудрагоценных и уральских камней, лома золота, серебра, монеты, золотых и серебряных часов»⁵. Публиковались объявления о пунктах приема от населения и организаций утиль-сырья и промоотходов (кости, старого тряпья, бумаги, резиновых галош, лома черных и цветных металлов, щетины, конского волоса, грампластинок)⁶. Отдельные объявления сопровождалась иллюстрациями принимаемого утиля⁷ (см. прил. 3.15).

Публиковались в областных газетах и объявления, отражающие практики сдачи гражданами одних товаров в обмен на другие. Так, например, в газете «Советский Сахалин» было помещено следующее объявление: «Городская контора Сахалинторга доводит до сведения населения о том, что столовые №№ 3, 6, 7, 8 принимают от всех граждан на отоваривание овощи и картофель. За каждые сданные 15 килограммов капусты или картофеля отоваривают один килограмм ваты или один метр х/б ткани. За 20 килограммов сданной капусты или картофеля отоваривают один килограмм белой шерсти высшего качества»⁸. В газете «Восточно-Сибирская правда» было помещено объявление о приеме от

---

¹ Советская Сибирь. 1946. 15 февраля. С. 4.

² Советская Сибирь. 1947. 15 января. С. 4.

³ Советская Сибирь. 1947. 15 апреля. С. 4.

⁴ Скупочные пункты // Красный Север. 1946. 15 декабря. С. 1

⁵ Уральский рабочий. 1948. 6 января. С. 4.

⁶ Восточно-Сибирская правда. 1948. 29 октября. С. 4; 26 ноября. С. 4; 1949. 2 ноября. С. 4; Советский Сахалин. 1947. 24 июня. С. 4.

⁷ Восточно-Сибирская правда. 1948. 19 ноября. С. 4.

⁸ Советский Сахалин. 1947. 5 марта. С. 4.

населения «свиных шкур, полученных от забоя и падежа от незаразных заболеваний свиней всех возрастов ... за свиные шкуры, сданные в порядке госзакупа, сдатчикам продаются кожевенные товары по государственным ценам в размере до 120 процентов ее стоимости, кроме того, свиная шкура засчитывается в выполнение обязательств по мясопоставкам»¹.

Реклама услуг была представлена различными объявлениями. В центральном издании – газете «Труд», – публиковались объявления об услугах «переводчиков по всем специальностям»², а также информация о заказах по «проектированию установок радиовещания, ... звукоизоляции, ... архитектурно-строительного и сантехнического проектирования», принимаемых Всесоюзной проектной конторой «Союзрадиопроект»³. Фактически объявления в данной газете были ориентированы на общесоюзную аудиторию без учета специфики регионального спроса. В областных газетах послевоенного периода перечень предлагаемых услуг существенно различался в региональном разрезе. Объявление в Вологодской областной газете «Красный Север» (1947 г.) информировало читателей, о том, что: «Трест очистки города ... принимает от всех организаций, учреждений и частных лиц заказы на вывозку нечистот автогужетранспортом в неограниченном количестве»⁴, также в издании размещались объявления о принятии заказов на «индивидуальный пошив одежды»⁵, предоставлении телефонной линии для междугородних переговоров⁶, изготовлению колбас, хлебобулочных и кондитерских изделий из сырья заказчика⁷. В газете «Советский Сахалин» публиковались объявления о принятии швейными ателье, швейно-обувной фабрикой и сапожными мастерскими заказов от населения по ремонту и пошиву одежды, а также «на перебивку ваты»⁸. В рекламных сюжетах областных газет Урало-Сибирского региона спектр предлагаемых услуг был шире. В объявлениях сообщалось о принятии «в распиловку леса»⁹, о деятель-

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1948. 1 декабря. С. 4.

² Труд. 1948. 1 марта. С. 4.

³ Труд. 1948. 9 мая. С. 4.

⁴ Красный Север. 1947. 8 января. С. 4.

⁵ Красный Север. 1947. 5 сентября. С. 4.

⁶ Красный Север. 1948. 31 декабря. С. 4.

⁷ Красный Север. 1947. 5 ноября. С. 4.

⁸ Советский Сахалин. 1946. 26 ноября. С. 4; 1947. 18 ноября. С. 4.

⁹ Советская Сибирь. 1947. 15 декабря. С. 4; Восточно-Сибирская правда. 1946. 19 июня. С. 4.

ности ателье, предлагающих услуги по «реставрации и новому пошиву нижнего и верхнего платья», ремонту детской обуви, весов, машинной и ручной вышивке, об услугах по реставрации старых зеркал, ремонту пишущих машин, изготовлению мебели, изделий из камня, принятию в стирку различных изделий, изготовлению гвоздей, проведению проектно-сметных и проектно-исследовательских работ и пр.¹ В газете «Уральский рабочий» была помещена реклама, уведомляющая горожан об услугах парикмахерской: «Маникюр. Мужской зал. Детский зал»².

Достаточно редко встречались на страницах газет в первые послевоенные годы рекламные объявления, информирующие граждан о продаже путевок на курорты. Одно из таких объявлений было помещено на страницах газеты «Красный Север»: «Тотемский солелечебный курорт Волоблздравотдела доводит до сведения всех советских, партийных, профсоюзных организаций и частных лиц о том, что курорт начинает свою работу с 10 мая 1947 по 10 октября 1947 г. Курс лечения один месяц. Стоимость путевки 750 руб.»³. В газете «Уральский рабочий» было помещено объявление о курортном отдыхе в Свердловской области, но цены были значительно выше: «Курьи Сухоложского района стоимость путевки 1200 рублей; Н.-Серги Н.-Сергинского района стоимость путевки 1200 руб.»⁴.

В период 1948–1949 гг. количество объявлений рекламного характера, публикуемых в областных газетах, возрастает. Увеличивается количество объявлений о продаже населению ювелирных изделий и часов⁵, расширяется ассортимент рекламируемых услуг, включающих услуги химчистки, изготовление различной печатной продукции, производство табличек и домовых номеров, «подарков из органического стекла», ремонту мебели, часов, и пр.⁶ На страницах газеты «Советская Сибирь» сообщалось о том, что «с 15 июня для

---

¹ Советская Сибирь. 1947. 15 апреля. С. 4; 15 декабря. С. 4; Восточно-Сибирская правда. 1946. 5 июля. С. 4; 9 августа. С. 4; 1948. 2 октября. С. 4; Уральский рабочий. 1947. 1 апреля. С.4; 29 мая. С. 4; 1948. 13 января. С. 4; 29 декабря. С. 4.

² Уральский рабочий. 1946. 10 августа. С. 4.

³ Красный Север. 1947. 3 января. С. 4.

⁴ Уральский рабочий. 1948. 9 января. С. 4.

⁵ Советская Сибирь. 1949. 15 января. С. 4; 1 июня. С. 4; Уральский рабочий. 1948. 6 января. С. 4.

⁶ Советский Сахалин. 1949. 10 апреля. С. 4; Советская Сибирь. 1948. 15 июня. С. 4; 1949. 15 января. С. 4. Уральский рабочий. 1948. 3 января. С. 4; 6 января. С. 4. Тюменская правда. 1949. 10 апреля. С. 4.

организации массовых гуляний и экскурсий по реке Оби будут предоставляться в аренду пассажирские пароходы»¹. Тенденция увеличения рекламных сюжетов была более выражена в газетах Урало-Сибирского региона, в то время как в анализируемых изданиях северо-западных областей РСФСР и газете «Советский Сахалин» количество рекламы увеличилось незначительно.

Реклама о продаже продуктов реже встречалась в газетах. Среди рекламируемых товаров можно отметить: квашенную капусту, предлагаемую ОРСа-ми²; соленые грибы³; белково-жировой концентрат в сухом виде, «пригодный для обогащения первых и вторых блюд белками и жирами»⁴; витамины⁵, соевый соус⁶, рыбные консервы и соленую рыбу⁷, кофе, «изготовленный из злаков и натурального кофе»⁸. Торгующим организациям предлагалось приобрести: хлебный квас⁹; «фруктовые и томатные соки, фруктовые соусы и пюре, фруктовые маринады (виноград) и сиропы»¹⁰, молотый кофе¹¹. Большая часть данных объявлений фиксировалась в анализируемых газетах Урала и Сибири.

Сохранение в первые послевоенные годы системы карточного снабжения населения отразилось в информационном дискурсе периода. В газетах публиковались объявления о работе хлебных магазинов и ларьков: «с 5 июля 1947 года хлебный магазин № 9 городской конторы Сахалинторга работает круглосуточно»¹²; «Горконтора Южсахалинторга открыла хлебные ларьки №2 ..., № 3 ... . Отпуск хлеба ларьками производится контингенту, прикрепленному в магазинах системы Сахалинторга. Ларьки работают с 8 до 12 и с 15 до 19 часов»¹³. Объявления об открытии продовольственных магазинов, услугах кафе, ресторанов были немногочисленными, преобладая в газетах Урала и Сибири¹⁴.

---

¹ Советская Сибирь. 1948. 15 июня. С. 4.

² Восточно-Сибирская правда. 1946. 21 апреля. С. 4.

³ Восточно-Сибирская правда. 1948. 20 ноября. С. 4.

⁴ Восточно-Сибирская правда. 1946. 5 июля. С. 4.

⁵ Советская Сибирь. 1949. 16 августа. С. 4.

⁶ Восточно-Сибирская правда. 1949. 18 сентября. С. 4.

⁷ Восточно-Сибирская правда. 1949. 20 сентября. С. 4.

⁸ Восточно-Сибирская правда. 1949. 31 декабря. С. 4.

⁹ Уральский рабочий. 1946. 10 августа. С. 4.

¹⁰ Советская Сибирь. 1949. 15 февраля. С. 4.

¹¹ Советская Сибирь. 1947. 15 января. С. 4.

¹² Советский Сахалин. 1947. 11 июля. С. 4.

¹³ Советский Сахалин. 1947. 3 декабря. С. 4.

¹⁴ Восточно-Сибирская правда. 1948. 29 октября. С. 4; Красный Север. 1947. 5 ноября. С. 4; Советская Сибирь. 1949. 27 декабря. С. 4; Уральский рабочий. 1947. 26 декабря. С. 4.

В дни, предшествующие праздникам (1 Мая, 7 ноября, Новый год), на страницах газет фиксировалось увеличение количества объявлений, касающихся тематики продовольственного обеспечения населения. Информация о предпраздничной торговле публиковалась даже в газете «Правда» (рекламные объявления в которой в 1946–1949 гг. фактически отсутствовали): «6 ноября продовольственные магазины работают до 12 часов ночи, промтоварные магазины – до 10 часов вечера, бани и парикмахерские – до 12 часов ночи. 7 и 8 ноября дежурные продовольственные магазины, а также хлебные магазины и палатки работают как в обычные воскресные дни»¹; «Приказом министра торговли СССР продлены часы торговли 30 и 31 декабря. Продовольственные магазины будут торговать в эти дни до 24 часов, промтоварные – до 22 часов. Рестораны в ночь на 1 января 1950 года будут открыты до 6 часов утра»². Областные и городские газеты уведомляли читателей о местах и сроках проведения ярмарок и праздничных базаров³. Зачастую информация объявлений ограничивалась указанием на то, что на базарах «будет обеспечен широкой сбыт сельскохозяйственных продуктов»⁴, вследствие участия «колхозов, колхозников и единоличников»⁵. В некоторых объявлениях приводился перечень товаров, предлагаемых покупателям в предпраздничные дни. Так, например, газета «Красный Север» информировала читателей, о том, что «Имеются в продаже: набор детских новогодних праздничных подарков по цене от 40 до 100 рублей. Праздничные посылки для встречи “Нового года” по цене от 140 идо 650 руб.»⁶. В газете «Советская Сибирь» сообщалось, что первый Новосибирский «Пищеторг» имеет в продаже: «рыбу соленую, копченую, свежую, жиры животные и растительные, сыры, бакалейные товары, ... кондитерские изделия ...»⁷. Газета «Уральский рабочий» информировала граждан о наличии в магазинах: «мандарин, маринадов, плодовоовощных и фруктовых консервов, сахара, кондитерских изде-

---

¹ О работе торговой сети в предпраздничные и праздничные дни // Правда. 1948. 6 ноября. С. 4.

² Предпраздничная торговля // Правда. 1949. 30 декабря. С. 4.

³ Советский Сахалин. 1946. 29 декабря. С. 4; Тагильский рабочий. 1950. 15 апреля. С. 4; Восточно-Сибирская правда. 1946. 29 декабря. С. 8; 1948. 23 октября. С. 4; 26 октября. С. 4; 13 декабря. С. 4; 17 декабря. С. 4; Советская Сибирь. 1949. 27 декабря. С. 4; Уральский рабочий. 1949. 30 декабря. С. 4.

⁴ Уральский рабочий. 1949. 30 декабря. С. 4.

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1947. 29 апреля. С. 4; Красный Север. 1947. 1 ноября. С. 4.

⁶ Красный Север. 1946. 28 декабря. С. 4.

⁷ Советская Сибирь. 1949. 27 декабря. С. 4.

лий»¹. В некоторых рекламных объявлениях перечень товаров был еще более детализирован, а ассортимент включал в себя и различные деликатесные продукты. В «Восточно-Сибирской правде» в декабре 1946 г. было опубликовано следующее объявление: «имеются в продаже: ... колбасы копченые, варено-вяленые, вареные, сосиски, окорока, грудинка, корейка, рулет, ... кета, омуль – соленые и копченые, сельдь, икра кетовая, ... наливки, настойки, ликеры ...»². Характерно, что в данный перечень «праздничных товаров» были включены также «спички, соль, мыло хозяйственное»³, что косвенно указывает на наличие сложностей товарного обеспечения в первые послевоенные годы. В целом, приведенный выше «деликатесный» список товаров являлся скорее исключением, чем типичным сюжетом газетного рекламного дискурса второй половины 1940-х гг. Объявления, в которых рекламировались «праздничные наборы» товаров, значительно чаще публиковались на страницах уральских и сибирских областных изданий.

Заслуживает отдельного внимания форма визуальной и текстовой презентации рекламных объявлений послевоенного периода. Как правило, текст объявления имел рамку, более крупным шрифтом выделялись наименования товаров и услуг, либо глагольные формы, обозначающие виды деятельности организаций: «Покупаем», «Принимаем заказа», «Предлагаем» и пр. В первые послевоенные годы графические изображения предлагаемых товаров были достаточно редкими, в основном встречаясь на страницах анализируемых областных газет Урало-Сибирского региона. Как правило, на рисунках были изображены рекламируемые объекты: различные промышленные товары (лампочки, абжуры, плитки, бутылки с лекарствами, часы и т.п.). Как отмечалось выше, объявления о приеме утиля также могли сопровождаться рисунками, изображающими рваную одежду, обувь, кости и пр. (см. прил. 3.15). Изображения людей были редкими. Как и в текстах объявлений, в рамках одного графического сюжета могли соседствовать друг с другом самые разные предметы, объединенные категорией «товары»: батоны и пиджаки, колбасы и духи, рыба и ученические

---

¹ Уральский рабочий. 1947. 26 декабря. С.4.

² Восточно-Сибирская правда. 1946. 29 декабря. С. 8.

³ Там же.

угольники и т.п.¹ (см. прил. 3.16). В некоторых визуальных сюжетах применялся прием увеличения отдельных объектов. Так, например, в объявлении от «Ювелирторга», сообщающем об обновлении ассортимента магазина, вилки, ложки и хрустальная посуда были изображены рядом наручными часами размером с тарелку и карманными часами диаметром с хрустальный салатник² (см. прил. 3.17).

В текстах большинства газетных рекламных объявлений второй половины 1940-х гг., как правило, не были акцентированы положительные свойства товаров, презентующие их в более выгодном свете. В качестве редких исключений можно отметить несколько рекламных сюжетов. В газете «Восточно-Сибирская правда» сообщалось, что: «Артель “Авангард” продает хорошего качества бельевую соду, гончарную посуду, котлы луженые разных размеров»³; «Промкооператив “Кооптруд” выпускает и продает различные сорта кофе, изготовленные из высококачественных злаков и натурального кофе»⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что апелляция к «высокому», «хорошему» качеству фиксируется в рекламных объявлениях товаров, не предполагающих значительной качественной дифференциации (сода), либо являющихся суррогатными заменителями оригинальных и более дорогостоящих продуктов (кофе из злаков). Достаточно редко в рекламных текстах использовались императивы, призывающие граждан к покупке. В издании «Восточно-Сибирская правда» был помещен следующий текст: «Граждане! Собирайте, сохраняйте и сдавайте утиль сборщикам конторы “Главутильсырье”. При сдаче требуйте преysкурant заготовительных цен»⁵. В рекламном объявлении в газете «Советская Сибирь» читаем: «Требуйте во всех аптеках и аптечных пунктах области противогриппозные средства ... жаропонижающие ... слабительные ... закрепляющие средства»⁶; «Требуйте во всех аптеках ... необходимые вам лекарственные растения»⁷. Характерно, что в приведенных сюжетах императив «требуйте» фикси-

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1947. 29 апреля. С. 4.

² Уральский рабочий. 1947. 29 мая. С. 4.

³ Восточно-Сибирская правда. 1948. 18 декабря. С. 4.

⁴ Там же. 1949. 31 декабря. С. 4.

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1949. 2 ноября. С. 4.

⁶ Советская Сибирь. 1947. 15 апреля. С. 4.

⁷ Советская Сибирь. 1949. 1 марта. С. 4.

руется в рекламе достаточно своеобразных товаров и услуг (покупка утильсырья, медикаменты), обращение к которым не предполагало широкого покупательского выбора, и не коннотировало к высоким доходам горожан, наличие которых делало бы оправданным использование в объявлениях таких маркетинговых акцентов. В текстах газетных объявлений 1948–1949 гг. значительно чаще, чем в первые послевоенные годы, фиксировалось обращение к стимулирующей рекламной риторике: «Хорошо и весело встретим Новый год в ресторане “Север”»¹, «Культурно и весело встретим Новый год»², «Покупайте по сниженным ценам...»³, «Требуйте в продовольственных магазинах...»⁴ и пр. В целом, количественное увеличение востребованности на страницах газет различных примеров маркетинговой риторики было синхронно процессам послевоенного социально-экономического развития страны.

В ряду газетных объявлений второй половины 1940-х гг., тексты которых отражают заинтересованность государства в конструировании конкретных экономических стратегий населения, можно выделить объявления, содержащие императивы: «Храните свои деньги в сберегательных кассах» и «Приобретайте облигации займа». Объявления означенного содержания публиковались на страницах всех центральных и областных газет послевоенного периода⁵. Данные объявления были достаточно разнообразны, сопровождались иллюстрациями, стихами и статистическими сведениями, а тексты данных объявлений апеллировали к различным мотивациям накопления населением сбережений. В 1946 г. в объявлении на страницах «Советской Сибири» были приведены цифры о количестве вкладчиков и сумме вкладов: «31 834 трудящихся города Новосибирска хранят 81 433 000 рублей своих сбережений в сберегательных кассах города»⁶. Далее было приведено достаточно объемное стихотворение А. Безыменского: «Я рубль к рублю в сберкассе коплю: и мне и стране доходно! Сумею скопить – смогу купить все, что душе угодно. Тому, кто пожелал велосипед, мы

---

¹ Красный Север. 1948. 28 декабря. С. 4.

² Уральский рабочий. 1948. 28 декабря. С. 4.

³ Красный Север. 1948. 23 декабря. С. 4.

⁴ Восточно-Сибирская правда. 1949. 18 сентября. С. 4.

⁵ Великолукская правда. 1947. 14 декабря. С. 4; Восточно-Сибирская правда. 1950. 15 июня. С. 4; Советский Сахалин. 1947. 24 июня. С. 4; 13 декабря. С. 4; Советская Сибирь. 1946. 11 января. С. 4; 1947. 15 января. С. 4; Уральский рабочий. 1948. 13 января. С. 4.

⁶ Советская Сибирь. 1946. 11 января. С. 4.

тут же можем дать весьма простой совет: сберкнижку заведи для этой важной цели и сделай взнос – по разу в две недели. При бережливости не надо долгих лет чтобы купить велосипед ...».¹ Далее в тексте стихотворении аналогичная экономическая «стратегия» презентуется в качестве наиболее правильной и при покупке патефона. Объявление сопровождается иллюстрациями, на которых запечатлены счастливые обладатели данных вещей (см. прил. 3.18). Немаловажно отметить тот факт, что практика хранения денег в сберкассе презентуется не только как возможный путь для приобретения какую-либо вещи, но и как способ формирования такого качества как *бережливость* (данная категория повторяется в тексте четыре раза): «Когда в сберкассе сбереженья мы ежемесячно несем, в нас развивается умение быть бережливыми во всем. Мы привыкаем очень скоро беречь сырьё любой кусок, свой инструмент, станки, моторы, металл, бензин, электроток... Отсюда каждый может вывести: сберкасса – школа бережливости»². (Апелляция к *бережливости* в текстах объявлений коррелировала с требованием *экономии*, активно артикулируемым в послевоенном информационном дискурсе и политической риторике периода). В объявлениях, опубликованных в областных газетах «Советский Сахалин» и «Великолукская правда» в 1947 г. призыв: «Храните деньги в сберегательной кассе», мотивировался исключительно потребительскими целями: «Сберегательные кассы предоставляют возможность увеличить накопления денежных средств для употребления их, в конечном счете, на личные нужды вкладчика»³, «Если ценные вещи хотите купить, сберкасса поможет вам деньги скопить!»⁴ (данный текст сопровождало изображение радостных мужчины и женщины, едущих на мотоцикле с коляской). Тексты объявлений, стимулирующих граждан к приобретению облигаций, были достаточно стандартными по содержанию во всех газетных изданиях, апеллируя к категории *выигрыш* («вы можете выиграть...», «выигрышный заем» и т.п.⁵) и дублируя, таким образом, риторику политического дискурса послевоенных лет.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Советский Сахалин. 1947. 24 июня. С. 4.

⁴ Великолукская правда. 1947. 14 декабря. С. 4.

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1950. 15 июня. С. 4; Советская Сибирь. 1946. 11 января. С. 4.

Предпринятый анализ газетного рекламного дискурса послевоенных лет, позволяет прийти к выводу, что рекламируемый ассортимент товаров и услуг, а также количество публикуемых в газетах рекламных сюжетов, отличались неравноценностью, фиксируемой в региональном и хронологическом разрезе. В Урало-Сибирском регионе, где преобладало городское население, ассортимент предоставляемых гражданам товаров и услуг был значительно шире, отражая как относительно высокий уровень развития торговли и сферы обслуживания в регионе, так и покупательную способность горожан. В силу объективных причин в северо-западных областях РСФСР данные показатели были ниже, как и на территории Сахалина. В хронологическом разрезе количественное увеличение рекламных сюжетов на страницах анализируемых газет и более активное обращение к рекламной риторике фиксируется в 1948–1949 гг.

В целом газетный рекламный дискурс второй половины 1940-х гг. отражал реалии послевоенного социально-экономического развития страны. Объявления о покупке и продаже торговыми организациями товаров, бывших в употреблении, скупке утиля, работе магазинов, отоваривающих карточки и т.п., маркировали специфику послевоенной советской городской повседневности, типичным явлением для которой были узкий ассортимент товаров и дефицит даже необходимых продуктов и вещей. Косвенно о наличии проблем товарного обеспечения свидетельствует и само содержание рекламных сюжетов, не акцентирующих внимание покупателя на отдельных объектах (новых, дорогих изделиях, деликатесных продуктах), а в большей степени ориентированных на презентацию объема – «товаров», представленных самыми разными продуктами и промышленными изделиями, большая часть которых, по всей видимости, должна была заинтересовать покупателей в силу своей дефицитности.

Характер газетной рекламы послевоенного периода не позволяет говорить о пролонгации концептуальной модели «культурности» в полном объеме. Хотя в отдельных регионах РСФСР (Урал, Сибирь), характеризующихся более высоким уровнем развития торговли и покупательными способностями горожан, на страницах газет реконструировалась система достаточно высоких стандартов потребления, а в рекламных сюжетах чаще фиксировалось обращение к

маркетинговой риторике (ориентированной на максимально полную презентацию качеств товаров, позитивные эмоциональные переживания потребителей и пр.), наличие которой и отличает рекламу от простых объявлений. Более выражено данная тенденция проявилась в 1948–1949 гг. Таким образом, применительно к советскому газетному рекламному дискурсу можно говорить о сохранении отдельных элементов (инструментов), концептуальной модели «культурности», презентующей материальное потребление как удовольствие, оговариваясь при этом, что данные элементы (маркетинговая риторика, визуализация образов изобилия) были немногочисленны, а обращение к ним локализовалось в территориальном и хронологическом разрезе.

О сохранении лейтмотивов довоенных стандартов потребления можно говорить применительно к модному дискурсу второй половины 1940-х гг. Послевоенная модная индустрия не теряет своего места в системе функционирующих отраслей советского народного хозяйства, продолжая прерванное войной развитие. Во второй половине 1940-х гг. в стране создается единая централизованная система моделирования одежды, целью функционирования которой было «научить различные слои населения искусству одеваться». С этой целью в 1944–1948 годах создавались региональные дома моделей, первоначально в крупных городах: Ленинграде, Киеве, Минске и Риге. К началу 1949 г. было организовано двенадцать республиканских и областных домов моделей, в 1950-е гг. их количество достигло шестнадцати.* В июне 1945 г. возобновляется прерванное войной издание «Журнала мод», в первом выпуске которого редакторы отмечают: «"Журнала мод" должен воспитывать вкус к красивой одежде, культуре вещей и вместе с тем показывать способы наиболее экономного и рационального использования тканей, пряжи и мехов»¹.

Заявленный курс на «экономию» и «рациональность» был скорее декларативным и не отражал специфики послевоенной советской моды. Не смотря на трудности военных лет и послевоенного восстановления, стилистика модных

---

* В 1948–1949 годах произошло объединение всех домов моделей в единую систему во главе с Общесоюзным Домом моделей (ОДМ), созданным на базе Московского Дома моделей (МДМ). В начале 1950-х годов ОДМ выступал главным проводником правильного «советского стиля». (См. Виниченко И.В. *Мода в условиях социализма// Современные исследования социальных проблем*. 2011. № 2. С. 171).

¹ Журнал мод. 1945. № 1. С. 1

образов 1940-х гг. фактически не изменилась, сохранив буржуазность и лоск 1930-х гг. Уже с первых страниц «Журнала мод» 1945 г. на читателей смотрят модели в меховых изделиях – пальто из каракуля и жакетах из котика. В изданиях 1946–1949 гг. меховые модели также были широко представлены самыми разнообразными изделиями: шубами, меховыми пальто, а также пальто с богатой отделкой из чернобурки, норки, выхухоли и пр.¹ (см. прил. 3.19). Сами модели пальто как мужские, так и женские, также имели весьма отдаленное отношение к «экономии», будучи представлены в основном двубортными моделями (требующими больших затрат ткани). Дамские модели украшали рельефы и сборки. Характерно, что вне зависимости от сезона, модницы в шубах и пальто были обуты в туфли (реже в короткие полуботинки), даже в зарисовках, изображающих снежный зимний пейзаж². Какие-либо варианты сапог (мужских, женских), не были представлены на страницах «Журнала мод» второй половины 1940-х гг., не говоря уж о валенках, которые встречаются в единичных сюжетах, как обувь детей дошкольного возраста³. Блузы изобиловали деталями отделки – вышивками, кокетками и пр., а более одной трети платьев были представлены вечерними и праздничными нарядами (см. прил. 3.20). Образ женской красоты, презентуемый моделями с аккуратно завитыми локонами, или уложенными вверх прическами, выложенными косами, не имел ничего общего с простотой облика. В качестве неотъемлемых аксессуаров моделей на страницах журналов фигурировали вуали, веера, сумочки, зонтики⁴ и фантастические шляпы различных форм и размеров, украшенные цветами, бантами, брошами и перьями⁵ (см. прил. 3.21).

В разделе «Заграничные модели» в 1945 г. демонстрировались модели одежды, предлагаемые европейскими модельерами.⁶ В отношении заимствования советской модной индустрией зарубежных образов редакция «Журнала мод» обозначала свою позицию следующим образом: «Наши модельеры не от-

---

¹ Журнал мод. 1948. № 1. С. 3–4; Журнал мод. 1948. № 3. С. 27; Журнал мод. 1948. № 4. С. 5; Журнал мод. 1949. № 3. С. 7–9.

² Журнал мод. 1945. № 3-4. С. 24–25; Журнал мод. 1949. № 3. С. 9.

³ Журнал мод. 1949. № 3. С. 41.

⁴ Журнал мод. 1945. № 2. С. 8.

⁵ Шляпы // Журнал мод. 1945. № 1. С. 8–9; № 3. С. 5; 1948. № 3. С. 35.

⁶ Заграничные модели // Журнал мод. 1945. № 1. С. 16–17; Заграничные модели // Журнал мод. 1945. № 2. С. 34–35.

рицают современный европейский костюм; они, наоборот, заимствуют все совершенное и истинно красивое в европейской моде. В своем творчестве они обогащают европейский костюм элементами народной одежды. В ... моделях ... выявлены основные особенности советского костюма»¹. Вследствие реализации кампании по борьбе с космополитизмом раздел «Заграничные модели» исчезает со страниц «Журнала мод» конца 1940-х гг. Уникальность и оригинальность образов советской моды подчеркивалась указанием фамилий авторов, создавших модели. Также в журнале публикуются статьи, посвященные советским модельерам и отечественной швейной индустрии². В 1949 г. были открыты Дома моделей в ряде городов РСФСР: Новосибирске, Ростове на Дону, Горьком, Свердловске³. Основной задачей домов моделей была разработка новых фасонов одежды для швейных фабрик страны. Декларируемая «советскость» отечественной моды не скорректировала элитарного тренда моделей, представленных в журналах второй половины 1940-х гг.

Важно отметить, что на страницах отечественных модных изданий второй половины 1940-х гг. не находят отражение реалии послевоенной советской повседневности с товарным дефицитом, продовольственными карточками и тяготами коммунального быта. Не изображены на страницах модных журналов коммуналки и домашние интерьеры. В выпусках «Журнала мод» второй половины 1940-х гг. модная домашняя одежда советских женщин была представлена образцами струящихся халатов до пола длиной и шелковых пижам⁴ (см. прил. 3.22). В журнале «Работница» (содержательно более приближенном к реалиям советской повседневности, нежели журналы мод), публиковались рекомендации по содержанию жилья в чистоте, высвечивающие объем хозяйственных работ по дому, которые, как правило, должны были выполняться женщиной: «...картины ... и стенные ковры ... рекомендуется еженедельно очищать от пыли. ... Мягкие покрытия на полу ... нужно регулярно и тщательно выбивать и вытряхивать во дворе, зимой очищать снегом. ... В помещении, в

---

¹ Журнал мод. 1945. № 3–4. С. 1.

² От художника до фабрики и потребителя // Журнал мод. 1948. № 1. С. 12; Мастера советской моды // Журнал мод. 1949. № 1. С. 33.

³ Новые модели одежды // Советская Сибирь. 1949. 1 мая. С. 4.

⁴ Домашние платья // Журнал мод. 1945. № 2. С. 40; Халаты // Журнал мод. 1945. № 1. С. 37.

котором играют дети, ... подстилку на полу ... необходимо ежедневно вытряхивать, выколачивать и очищать. ... Стекла окон должны быть всегда ... чистыми»¹. Для чистки мягкой мебели рекомендовалось «намочить большую чистую тряпку, выжать ее и разостлать на диван или кресло и палкой слегка бить по ней»². Героини «Журнала мод» второй половины 1940-х гг. не выглядели адекватными выполнению данных задач. Домашняя одежда, рекомендованная модными изданиями, была пригодна исключительно для отдыха, и не подразумевала даже возможности выполнения каких-либо работ по дому. Не коррелировали «домашние» образы модниц и с интерьерами коммуналок и общежитий. Значительно чаще модные герои – нарядно одетые женщины (реже мужчины), изображались прогуливающимися у московских высоток и Большого театра, катающимися на парохоме, едущими в метро, играющими в шахматы, танцующими, позирующими у пианино или арфы (см. прил. 3.23). Практика чтения также отражена на страницах «Журнала мод». Встречаются единичные рисованные изображения модниц в библиотеке, но чаще дамы держат в руках книгу не большого формата, не отсылающую зрителя к текстам классиков марксизма-ленинизма, а скорее являющуюся чем-то средним между сборником стихов или записной книжкой. Типичным мужским «аксессуаром» являлась газета. Наиболее часто встречающимися декорациями модных демонстраций являлись здания с колоннами, театральные холлы, украшенные драпировками, вазами с цветами и подсвечниками. Появляется и южный ландшафт с кипарисами, а также изображения морского побережья³. По справедливому замечанию Е.В. Сальниковой: «Обобщенный идеал интерьера, адекватного модной даме, не похож ни на скромную многофункциональную комнатку в советской квартире, ни на кабинет конторы или научного заведения, ни на производственный цех. Это нечто среднее между частной гостиной и концертно-театральным фойе»⁴.

Образцы женской телесности, популяризируемые в модных изданиях второй половины 1940-х г. также были весьма далеки от силуэтов реальных советских женщин. В журналах мод преобладали рисованные изображения жен-

---

¹ Гуревич С. Гигиена и уют // Работница. 1946. № 4-5. С. 26.

² Полезные советы // Работница. 1946. № 11-12. С. 20.

³ Журнал мод. 1948. № 2. С. 36.

⁴ Сальникова Е.В. Указ. соч. С. 114.

ской фигуры – удлиненный силуэт с тонкой талией и длинными ногами. Редкие фотографии достаточно стройных советских женщин–моделей в полный рост (не более трех–четырех в номере), диссонировали с рисунками фактически бес-телесных модных изображений. Нереальность рисованных женских фигур в журналах мод контрастировала как с фотографиями советских трудящихся, которые публиковались в журналах и газетах, так и выявлялась в сопоставлении с практическими материалами по шитью, где в качестве эталона прилагались вы-кройки 46 размера¹. В отличие от журналов мод на страницах изданий «Совет-ская женщина» и «Работница» гораздо чаще публиковались фотографии модно одетых советских женщин, а не схематичные рисунки².

Не проникает на страницы модных журналов и интенсивно артикулируе-мая в информационных СМИ второй половины 1940-х гг. риторика трудовой мобилизации, романтизирующая практики интенсивного и самоотверженного трудового подвижничества. На страницах журналов мод проблематика труда фактически не получает реализации. В фотографиях и рисунках изображены скорее отдыхающие, чем трудящиеся люди. Хотя отдельные элементы трудо-вой повседневности встречаются на страницах модных журналов. В третьем номере «Журнала мод» 1945 г. появляется раздел «Рабочие платья» где поме-щены рисованные изображения женщин разговаривающих по телефону, печатающих на машинке, держащих папки бумаг в руках (см. прил. 3.24). Но это, безусловно, не образы работниц, а скорее конторских служащих, не находя-щихся в фарватере социалистических соревнований, не совершающих на тру-довом посту подвигов. Безмятежность модных дам элиминировала саму веро-ятность их причастности к какому-либо физическому труду, а также к заботам о предприятии, пятилетке, Родине и пр. Лишь волнения о безупречности собст-венного имиджа тревожили журнальных героинь (образы модниц, смотрящихся в зеркала, поправляющих прическу или макияж, встречаются в «Журнале мод» неоднократно³).

---

¹ Как сшить себе платье-костюм // Работница. 1946. № 9. С. 20.

² Советская женщина. 1946. № 3. С. 61.

³ Журнал мод. 1945. № 1. С. 1, 19, 33; Журнал мод. 1950. № 3. С. 24 – 25; Журнал мод. 1950. № 4. С. 21.

Е.В. Сальникова определяет жанры советского модного журнала как «антисоветские» по своей сути, так как они подразумевали «культ внешнего, телесного и материального, вычленение отдельного человека из толпы, массы, коллектива хотя бы частично, а в более традиционном варианте – полное отчуждение его от активной социальной деятельности ради удобства демонстрации нарядов»¹. Безусловно, мода первых послевоенных лет не коррелировала с реалиями восстановительного периода и трендами советского политического дискурса, ориентирующего граждан на «трудовой подъем». Но, на наш взгляд, более корректным определением советской моды данного периода, является не столько «антисоветскость», сколько элитарность. Об этом феномене моды «сталинского» периода пишет Дж. Бартлетт, определяя советский модный дискурс как «один из элементов сталинского культурного мифа», в русле которого транслировалась сталинская концепция роскоши, имевшая мало общего с действительностью². Косвенным свидетельством элитарности модного дискурса послевоенного периода являлась и стоимость модных журналов. Так, например, номер «Журнала мод» стоил – 45 руб. Для сравнения, выпуск журнала «Крокодил» обходился читателям в 1 руб. 20 коп.; журнал «Смена» стоил 2 руб.; издание «Книги о вкусной и здоровой пище» (объемом 400 стр.) – 15 руб.

Апелляция к модной проблематике являлась темой многочисленных сатирических сюжетов, опубликованных в журнале «Крокодил» второй половины 1940-х гг. Критические публикации по данной теме можно условно разделить на три группы. Первую и них составляют сюжеты, в которых критиковались непосредственно транслируемые модные тенденции периода. Более выражено оппонировался «меховой» модный тренд. В фельетоне В. Катаева «Советы молодой красавице» дана следующая рекомендация по подбору пальто: «Что же касается пальто, то оно ... может быть, какое бог пошлет, но только непременно закиданное по всем направлениям хвостами. Разумеется, желательно чтобы хвосты были чернобурой лисицы. Но можно для оформления пальто воспользоваться и другими хвостами, лишь бы их было не менее шести – семи»³. В

---

¹ Сальникова Е. В. Указ. соч. С. 114.

² Бартлетт Дж. FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе. М., 2011. С. 11, 20.

³ Катаев В. Советы молодой красавице // Крокодил. 1946. № 3. С. 9.

фельетоне М. Эделя «Серый каракуль» герой стал «жертвой моды», обозначившись с девушкой, так как «все женщины носят теперь серый каракуль»¹. «Меховая» тема получила рассмотрение и в карикатурах «Крокодила» (см. прил. 3.25). Вторую группу сатирических публикаций «модной» проблематики составляют сюжеты, актуализированные в русле кампании по борьбе с космополитизмом и высмеивающие преклонение модников перед Западом (см. прил. 3.26.). В рассказе С. Писахова «Модница» читаем: «Приходит в магазин модница. Вся гнется, ломается – модную походку выделывает. Говорить начала – и голосом тоже вывёртывает: то через нос, то через зубы – этим модница хочет показать, что будто бы по-иностранному разговаривать умеет»². Данная линия критики усиливалась фото сюжетами, посвященными демонстрации комичных образцов западной моды – шляп с огромной Эйфелевой башней, статуей Свободы и пр.³ В сюжетах третьей группы, наиболее широко представленных на страницах «Крокодила», критиковался скорее образ жизни некоторых представителей молодого поколения, заключающийся в чрезмерном внимании к моде и своему внешнему облику в ущерб развитию личности. Данная линия критики была актуализирована в советском дискурсе еще в конце 1930-х гг., акцентируя внимание на важности внутренней «культурности» советского человека (презентуемой через такие качества как: сознательность, ответственность, убежденность) и обманчивости внешнего лоска⁴. В послевоенный период означенная проблематика звучала в фельетонах и карикатурах «Крокодила», где герои-модники описывались следующим образом: «В пуловере цвета пиретрум, в сиреневой куртке, в зелёных штанах, в немыслимой шляпе (в лиловых тонах) из фетра, подбитого ветром. В цветных башмаках. ... Завит и напудрен. ... Двенадцать последних новинок-острот, двенадцать последних пластинок-фокстрот. ... Он рта не откроет теперь своего: зачем утруждаться, когда за него поют и острят аппараты?»⁵; «Боря всесторонне завивался, но односторонне развивался»⁶; «Костюмчик оторвал мировецкий, Галстук – на ять, ботиночки – закача-

---

¹ Эдель М. Серый каракуль // Крокодил. 1946. № 6. С. 9.

² Писахов С. Модница // Крокодил. 1947. № 15. С. 11.

³ Ольгин В. Крик моды // Крокодил. 1949. № 10. С. 11.

⁴ Волков В.В. Концепция культурности. // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. 210.

⁵ Короткий Э. Монтигомо лакированный коготь // Крокодил. 1946. № 7. С. 4.

⁶ Дыховичный В., Слободской М. Боря Н. // Крокодил. 1950. № 35. С. 12.

ешься!.. Теперь я культурный – во!»¹ и т.п. Контекстуально именно к этой группе можно отнести фельетон Д. Беляева «Стиляга», опубликованный в «Крокодиле» 1949 г. (впоследствии, давший название социально-культурной девиации советского социума – стилиажничеству): «Стиляга знаком с модами всех, стран и времён, но не знает ... Грибоедова. Он детально изучил все фоксы, танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией»².

Критикуются на страницах печатных СМИ второй половины 1940-х гг. и различные потребительские девиации горожан – стремление к приобретению дефицитных товаров посредством блата, мещанство и пр. Обращение к проблематике «мещанства» актуализируется в советском дискурсе осенью 1946 г., после публикации в центральных, областных, городских и заводских газетах доклада А.А. Жданова «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»³. (В самом тексте доклада данная категория упоминается трижды). Под «мещанством» понимался достаточно широкий спектр практик: мелочность, излишнее внимание к обустройству собственного быта, равнодушие к общественной работе и пр. В рассказе Н. Александровой «Классный наставник», опубликованном на страницах «Смены», стигматизация мещанства реализуется по средствам критики жизненной позиции одной из героинь: «девочка Вера ... сидит и вышивает, без конца вышивает носовые платочки. ... Надо выйти замуж, стать хорошей хозяйкой – вот что подсознательно усвоила девочка в своей домашней ... мещанской среде»⁴. В качестве причин формирования мещанской поведенческой модели в отечественных СМИ, как правило, фигурировали «пережитки капитализма» и «старая, дореволюционная мораль»⁵, которые сковывают развитие советского человека, но, неизбежно, будут искоренены.

Критиковалось на страницах СМИ 1940-х гг. излишнее рвение к потреблению материальных благ и стремлению к жизни за чужой счет. Данная стратегия, как правило, фиксировалась в женских поведенческих практиках. В одном

---

¹ На все сто // Крокодил. 1946. № 19. С. 5.

² Беляев Д. Стиляга // Крокодил. 1949. № 7. С. 10.

³ Правда. 1946. 21 сентября. С. 2-3; Восточно-Сибирская правда. 1946. 25 сентября. С. 2-3; Уральский рабочий. 1946. 24 сентября. С. 2-3; Магнитогорский металл. 1946. 24 сентября. С. 1-2;

⁴ Александрова Н. Классный наставник // Смена. 1949. № 5. С. 11.

⁵ Там же.

из рассказов, опубликованных на страницах «Правды», приводится описание такой женщины: «лет за сорок, растрепанная, лицо одутловатое, а губы, как ниточки», а также высвечивается ее «паразитическая» жизненная стратегия: «Она все рассказывает, какой у нее был ... первый муж, и как она вышла ... за второго, и как живет ей с четвертым. Этим мужем она недовольна ... хочет от него уходить, и ... сказала ему: – Мне мужья боты покупали, лавескеловый меркизет и все, чего ни захочу, а ты – старый кобель, нету у тебя ничего»¹.

Проблеме «блата» ежегодно посвящалось пять-шесть сюжетов «Крокодила» 1946–1947 гг.² Например, в фельетоне Г. Рыклина «О зубах, пальцах и т.д.» в сатирическом ключе презентовались различные «товарообменные операции» (лечение зубов в обмен на дюралюминиевые листы, бревна и пр.)³. В карикатурных сюжетах издания фигурировали изображения «блатместеров» – граждан, «по блату» «достающих» какие-либо товары⁴. После отмены карточной системы в «Крокодиле» существенно снижается количество сатирических зарисовок, посвященных тематике «блата» (ограничиваясь одним-двумя сюжетами в год). Снижение востребованности данных сюжетов связано в общей тенденции, декларируемой в СМИ – блат не нужен, так как в торговой сети в свободной продаже имеются необходимые товары. В качестве иллюстраций данной тенденции можно привести фельетон «Невидимые миру слезы», в котором заведующий продовольственным магазином после отмены карточек жалуется на «полную нехватку авторитета»⁵, а также карикатуру «Блатмейстер в отставке», где изображение растерянного и удивленного «блатмейстера» сопровождает текст: «–Вот положение: ничего по блату достать нельзя! Всем все продают!»⁶. Тематика покупки товаров «по блату» полностью исчезает со страниц «Крокодила» 1948–1949 гг. В редких сюжетах издания, посвященных сатирической презентации практик получения каких-либо благ «по договоренности», фигурируют предприятия, совершающие «товарообменные операции», абитуриен-

---

¹ Колосов А. Душа желает... // Правда. 1947. 1 января. С. 2.

² Карбовская В. Причина развода // Крокодил. 1946. № 14. С. 6.

³ Рыклин Г. О зубах, пальцах и т.д. // Крокодил. 1946. № 29. С. 5.

⁴ Телефон-автоблат // Крокодил. 1946. № 34. С. 8; Ловкость рук // Крокодил. 1947. № 13. С. 12; Крах блатмейстера // Крокодил. 1947. № 15. С. 10.

⁵ Рыклин Г. Невидимые миру слезы // Крокодил. 1947. № 35. С. 6.

⁶ Блатмейстер в отставке // Крокодил. 1948. № 1. С. 7.

ты, поступающие в вузы, либо выпускники, стремящиеся избежать распределения на периферию¹.

Таким образом, содержание стандарта потребления, конструируемого в отечественном информационном дискурсе второй половины 1940-х гг. характеризовалось не гомогенностью, детерминированной высоким уровнем социальной дифференциации советского социума. Сохранение в послевоенный период некоторых элементов концепции «культурности» проявилось в консервации довоенного элитарного тренда отечественной моды, а также в журнальном рекламном дискурсе, представленном товарами премиум класса. Данный достаточно высокий стандарт потребления был ориентирован на привилегированные слои советского социума. Как и в довоенный период, презентация высоких потребительских стандартов выполняла функцию своеобразного маяка, освещающего возможности новой элиты и обозначающего «правильный» вектор социальной мобильности. Для большей части советского городского социума высокие потребительские стандарты были недоступны (как и приобретение дорогих модных журналов). Послевоенная бедность не артикулировалась как константная норма жизни. Население обнадеживалось перспективами будущего улучшения благосостояния, (возможного после восстановления Родины), конструируемыми в политической риторике и СМИ послевоенного периода. Стандарт материального потребления, реконструированный на основе газетного рекламного дискурса второй половины 1940-х гг., был достаточно низким, отражая реалии послевоенного социально-экономического развития страны. Нормализованной практикой являлась покупка и продажа вещей, бывших в употреблении, в газетных рекламных объявлениях редко фигурировали дорогие товары. Уровень развития торговли, сферы услуг, а также покупательная способность населения были выше в Урало-Сибирском регионе, позволяя говорить о более высоком стандарте потребления на данной территории РСФСР (а также в городах: Москва и Ленинград). В хронологическом разрезе количественное увеличение рекламных сюжетов в газетах, увеличение ассортимента презентуемых товаров и более активное обращение к маркетинговой риторике фикси-

---

¹ Эдель М. Коричневый карандаш // Крокодил. 1948. № 11. С 9; Полезное знакомство // Крокодил. 1949. № 8. С. 5.

руется в период 1948–1949 гг., иллюстрируя постепенную положительную динамику послевоенного восстановления страны, а также рост стандарта материального потребления.

Концепция потребления, транслируемая в советском информационном пространстве второй половины 1940-х гг., в силу ее дифференцированной социальной адресности определялась двумя составляющими. Это – модель *будущего благосостояния*, ориентированная на «массового потребителя», презентовалась на страницах газет и модель *элитарного потребления* (в русле которой сохранялись элементы концепции «культурности»), была ориентирована на привилегированные слои советского городского социума, транслируясь посредством модных изданий, журнального рекламного дискурса.

В отличие от стандартов материального потребления девиантные потребительские стратегии, стигматизируемые на страницах СМИ второй половины 1940-х гг., не имели дифференцированной направленности на различные слои советского социума. В ряду критикуемых стратегий потребления горожан фигурировали: стремление к приобретению дефицитных товаров посредством блата, мещанство, излишняя увлеченность собственным внешним модным имиджем в ущерб личностному и профессиональному развитию и пр. Значительный разрыв между презентуемым элитарным модным стандартом и реалиями советской послевоенной повседневности отразился в сатирической критике модных образов на страницах «Крокодила». Определенное влияние на специфику потребительских девиаций, конструируемых на страницах послевоенных СМИ, оказывали политические кампании, проводимые в СССР (в частности, кампания по борьбе с космополитизмом).

Вследствие достижения определенных положительных результатов послевоенного восстановления, а также реализации мероприятий, направленных на повышение уровня жизни населения, в 1950-е гг. происходит смена концепции потребления, транслируемой в советском официальном дискурсе.

В первую очередь, значительно усиливается внимание к различным аспектам благосостояния и материального потребления горожан. В 1953 г. в газете «Правда» появляется новая рубрика «На экономические темы», где публи-

куются статьи, посвященные проблематике продовольственного обеспечения и бытового обслуживания горожан, авторами которых являлись директора предприятий, руководители Госплана и т.п. Публикации, посвященные развитию торговой сети и сферы услуг в регионах РСФСР количественно возрастают и в региональной прессе¹. Предпринятый контент-анализ материалов центральных, региональных, городских и заводских изданий 1946–1956 гг. позволил зафиксировать значительное увеличение востребованности категории *благосостояние* на страницах советских СМИ в 1950-е гг., и особенно в период 1953–1956 гг. (см. табл. 23). Обращение к понятию «благосостояние» в публикациях СМИ 1950-х гг. звучало, как правило, в рамках одной из двух форм: в контексте изложения основного закона социализма, либо в русле констатации роста материального благосостояния населения. О росте благосостояния сообщали сами заголовки газетных статей: «Неуклонный рост материального благосостояния советского народа»²; «Жить стало лучше»³; «Растет благосостояние трудящихся»⁴ и т.п. В публикациях перечислялись результаты, достигнутые СССР в сфере производства товаров, расширении торговой сети и т.п., а также факты, свидетельствующие о росте покупательной способности горожан: «Шахтеры приобрели десятки радиоприемников, сотни музыкальных инструментов»⁵. (На страницах СМИ мнение граждан по поводу роста их благосостояния также презентовалось достаточно однозначно, в форме общепризнанного и общеизвестного факта: «Трудящиеся твердо знают, что жить стало лучше, что неуклонно растет их благосостояние»⁶; «На наших глазах ... улучшается материальное благосостояние трудящихся»⁷. Характерно, что означенные заключения чаще фиксировались в аналитических статьях и очерках газет, а не в опубликованных интервью с горожанами или текстах их выступлений на митингах).

---

¹ Рыбаков О. Больше хороших товаров // Уральский рабочий. 1951. 1 февраля. С. 3; Расширяется производство тканей, одежды, обуви // Уральский рабочий. 1953. 16 июня. С. 1; Новый магазин // Уральский рабочий. 1956. 15 января. С. 4; Абоянцев П. За культурную советскую торговлю // Советская Сибирь. 1952. 1 марта. С. 3.

² Правда. 1953. 1 апреля. С. 2.

³ Тагильский рабочий. 1950. 1 февраля. С. 2.

⁴ Тагильский рабочий. 1950. 1 марта. С. 3.

⁵ Борисов В. Растет благосостояние трудящихся // Тагильский рабочий. 1950. 1 марта. С. 3.

⁶ Жить стало лучше // Тагильский рабочий. 1950. 1 февраля. С. 2.

⁷ К новым победам коммунизма // Уральский рабочий. 1953. 1 января. С. 1

На страницах печатных СМИ значительно сокращается количество сюжетов, посвященных проблематике товарного дефицита. В критических публикациях, посвященных работе предприятий торговли и общепита, значительно чаще обсуждалось не отсутствие товаров, а их недостаточный ассортимент, неудовлетворительное качество, либо указывалось на дефицит отдельных изделий (не первой необходимости). Так, например, в «Крокодиле» (1951 г.) были помещены графические сюжеты, вскрывающий проблему не соответствия ассортимента непродовольственных товаров сезону¹, отсутствия в торговой сети булавок² и т.п. В статье «Что вскрыла проверка», опубликованной в газете «Под знаменем Ленина», указывалось на «ограниченный выбор мужских головных уборов (кепи и шляпы)»³ в магазинах Первоуральска. В заметке газеты «Труд» «Загляните в меню», посвященной работе столовых Орска, отмечены следующие недостатки: «манная каша настолько густая, что ее можно резать ножом»⁴. Зачастую, даже в критических публикациях данной тематики, подчеркивалось наличие возможностей удовлетворения потребительского спроса: «Теперь обилие продуктов создает широкие возможности поднять качество общественного питания на более широкий уровень»⁵. (Нельзя не отметить, что в газетных публикациях первой половины 1950-х гг. фиксировались и более негативные замечания, касающиеся проблематики товарного обеспечения горожан: продажа в торговой сети фактически сырого хлеба, отсутствие в магазинах мужских брюк и пр.⁶ Но данные заметки, были немногочисленны и, как правило, публиковались в заводских или городских газетах, реже в областных изданиях, отсутствуя на страницах центральных газет). Вместе с тем в газетах первой половины 1950-х гг. возрастает количество публикаций о хороших столовых, магазинах⁷.

Позитивная риторика СМИ в отношении проблематики материального потребления граждан проявилась в значительном увеличении количества сю-

---

¹ Неудачное опровержение // Крокодил. 1951. № 10. С. 15.

² Крокодил. 1951. № 20. С. 14.

³ Что вскрыла проверка // Под знаменем Ленина. 1954. 30 мая. С. 4.

⁴ Загляните в меню. Плохо работают столовые в Орске // Труд. 1953. 15 февраля. С. 3.

⁵ О кулинарных советах // Труд. 1953. 10 мая. С. 2.

⁶ Из редакционной почты // Под знаменем Ленина. 1954. 3 марта. С. 4; Где купить брюки // Под знаменем Ленина. 1954. 14 апреля. С. 4.

⁷ Дунаев В. Новый метод обслуживания покупателей в столовых // Под знаменем Ленина. 1953. 1 мая. С. 4; Постоянное внимание школьным буфетам // Под знаменем Ленина. 1955. 2 апреля. С. 4; Нарбутовских Т. Товары широкого спроса // Под знаменем Ленина. 1954. 1 мая. С. 2;

жетов, посвященных покупкам, совершаемых горожанами: «Трудящиеся Нижнего Тагила за последние годы приобрели сотни автомашин и мотоциклов»¹; «Многие первоуральцы приобретают на свободные средства ценные вещи. Правильщик труб пятого цеха Новотрубного завода Николай Лобов, ... за последний год приобрел ... костюм, мотоцикл, шифоньер, комод, радиоприемник, сделал много других ценных покупок»²; «У многих горняков несколько выходных костюмов, модных платьев»³. Рассказывая о своем бюджете кузнец завода «Автотрактородеталь» Алексей Докшин сообщает: «В минувшем году мы купили: жене зимнее и демисезонное пальто, два отреза шерсти на платье, отрез на костюмный жакет, пуховый платок. Мне – шерстяной костюм, кроме того брюки и пиджак, выходные полуботинки, плащ, спортивный костюм. Дочке – шубку, несколько платьицев, туфельки, валенки с галошами. Приобрели мы также зеркальный гардероб и радиоприемник»⁴. О демаргинализации проблематики материального потребления свидетельствует риторика СМИ, в рамках которой стремление к приобретению красивых вещей обозначается в качестве характеристики советского социума: «Дегтярские горняки любят хорошо одеться»⁵; «Советский народ любит все красивое»⁶ и пр.

В 1950-е гг. практики приобретения горожанами вещей не просто фиксируются на страницах прессы, но и трактуются как *радость* и *счастье* граждан: «штукатур ... Аня Сорокина ... счастливая от того, что платье на ней хорошо и к лицу»⁷; «Мы с женой ... мечтали приобрести легковую автомашину. ... В июне наша мечта осуществилась. Мы приобрели автомашину «Победа». Много было радостей у меня и семьи. ... Мы совершали на собственной машине поездки в лес, за город»⁸. Важно отметить, что в публикациях СМИ второй половины 1940-х гг. категории *радость* и *счастье* были преимущественно актуализированы в сюжетах, посвященных трудовой деятельности горожан (значительно реже в публикациях, посвященных ценовым снижениям), но не фигури-

---

¹ Обзор печати. Важная тема // Правда. 1952. 15 апреля. С. 2.

² Покупки Николая Лобова // Под знаменем Ленина. 1954. 1 мая. С. 2.

³ Балакина К. Красиво, просто, нарядно // Уральский рабочий. 1953. 15 февраля. С. 2.

⁴ Докшин А. Советский рубль // Труд. 1953. 1 апреля. С. 2.

⁵ Балакина К. Красиво, просто, нарядно // Уральский рабочий. 1953. 15 февраля. С. 2.

⁶ На благо трудящихся // Труд. 1954. 11 мая. С. 2.

⁷ Праздник молодости // Под знаменем Ленина. 1951. 1 мая. С. 2.

⁸ Кинев М. Ценная покупка // Под знаменем Ленина. 1954. 1 января. С. 3.

ровали в сюжетах, повествующих о практиках материального потребления граждан. *Радость* и *счастье* приобретения вещей стали новым интонационным акцентом советской прессы 1950-х гг., появление которого свидетельствовало не только о легитимации данных практик, но и о стимулировании материального потребления горожан.

Функцию стимуляции практик материального потребления горожан выполнял и рекламный дискурс СМИ 1950-х гг. На страницах газет и журналов значительно увеличивается количество объявлений рекламного характера. Читателям сообщалось о проведении выставок-продаж одежды и обуви¹, открытии новых магазинов, проведении предпраздничной базарной торговли: «Все на предмайский праздничный базар!»² (см. прил. 3.27). Характерно, что в отличие от объявлений о предпраздничной базарной торговле, публикуемых в газетах во второй половине 1940-х гг., в 1950-е гг. в текстах объявлений не приводится подробный перечень товаров, которые покупатели могут приобрести. Данный список заменяется фразами: «Все необходимые для вас товары вы можете приобрести на рынках города»³; «Имеется в продаже обширный ассортимент товаров» и т.п.⁴

Изображение изобилующих товарами витрин становится своеобразным символом первой половины 1950-х гг., фиксируясь в печатных СМИ периода. В первом выпуске «Огонька» 1950 г. помещен сюжет, на котором изображен покупатель, зашедший вместе с Новым годом в магазин, изобилующий разнообразными товарами, которые предлагают многочисленные продавцы (см. прил. 3.28). «До потолка товар по полкам разложен всюду с чувством с толком, и суетятся продавцы. У них приветливые лица – домой отсюда не спеши, поскольку здесь, как говорится, есть что угодно для души!»⁵. Образы продовольственного изобилия кульминировали в сюжетах, посвященных ценовым снижениям 1950–1954 гг. На страницах газет в контексте фоторепортажей помещались фотографии прилавков магазинов, заполненных товарами (см. прил. 3.29, 3.30). В

---

¹ Выставки-продажи // Уральский рабочий. 1953. 1 апреля. С. 2.

² Тагильский рабочий. 1950. 15 апреля. С. 4.

³ Советская Сибирь. 1954. 25 апреля. С.4; 1955. 1 марта. С. 4; 23 марта. С. 4.

⁴ Советская Сибирь. 1954. 25 апреля. С. 4.

⁵ Сашин Я. Наш новогодний репортаж. Рис. Г. Валька // Огонек. 1950. № 1. С. 19.

сюжетах «Крокодила» визуальная презентация товарного изобилия – следствия снижения цен, приобретает гипертрофированную форму: сумки покупателей не закрываются от избытка накупленных товаров, авоськи набиты коробками, батонами, пакетами и бутылками и пр., дети и счастливые родители несут товары в руках и подмышками, а по эскалаторам метро едут огромные рыбы, колбасы и бутылки с молоком¹ (см. прил. 3.31, 3.32). В опубликованном в «Крокодиле» стихотворении В. Дыховичного и М. Слободского «1 марта в магазине “Гастроном”» представлен покупательских ажиотаж первых дней ценовых снижений: «Очень тесно у прилавка: первый день снижения цен. ... Каждый тянется к витрине: – Как понизили творог? – Что видать на осетрине! – Сколько сгинули с миног? ... Кто-то тут же на записке, для удобства встав к окну, множит сало на сосиски и муку на ветчину»². Другой сюжет издания повествует о предпраздничном дне в магазине: «А что творится в магазинах! Товаров много, но покупателей ещё больше. Покупают к празднику всё: от куклы до радиолы. Толчея у прилавков адская, продавцы сбиваются с ног»³.

Со страниц газет первой половины 1950-х гг. исчезают объявления о работе комиссионных магазинов, возрастает количество объявлений, рекламирующих не ассортимент (состоящий порой из товаров самых различных групп), а конкретные товары. Спектр рекламируемых товаров и услуг расширяется. В ряду продовольственных товаров рекламировались: пельмени, мороженное и т.п. Значительно чаще, чем в 1940-е гг. на страницах газет публиковались подробные описания рекламируемых продуктов, презентуемых, в первую очередь, как продуктов полезных и питательных. В рекламе мороженого сообщалось: «Мороженное имеет большую пищевую ценность благодаря входящим в его состав: молочного жира, белков, углеводов и минеральных солей. В мороженом имеются витамины А, В, С и Д»⁴. В рекламных объявлениях продовольственных товаров значительно чаще фигурировали полуфабрикаты, призванные экономить время трудящихся, затрачиваемое на приготовление пищи. Реклама

---

¹ Семенова Н. Предпраздничное оформление // Крокодил. 1953. № 10. С. 2; Семенова Н. Новое снижение цен. Кто вниз... а кто вверх // Крокодил. 1950. № 7. С. 3.

² Дыховичный В., Слободской М. 1 марта в магазине «Гастроном» // Крокодил. 1951. № 7. С. 2.

³ Ленч Л. В апреле. // Крокодил. 1950. № 12. С. 10.

⁴ Восточно-Сибирская правда. 1952. 1 октября. С. 4.

пельменей информировала потребителей: «В несколько минут можно приготовить вкусный, питательный завтрак, обед и ужин»¹. Рекламный дискурс первой половины 1950-х гг. апеллировал не только к «полезности» и «питательности» презентуемого продукта, но и к позитивным вкусовым и эмоциональным составляющим потребления, определяющихся категориями *вкусно*, *приятно* и т.п. В объявлении, призывающем: «Покупайте детскую питательную муку!», сообщалась следующая информация о данном продукте: «Детская питательная мука вырабатывается из отборных продуктов – пшеничной муки высшего сорта, яиц, молока, сливочного масла, сахарной пудры. Детская мука более питательна, чем манная крупа. В 100 граммах муки содержится свыше 400 калорий. ... Детская питательная мука является хорошим продуктом диетического питания. ... Блюда, приготовленные из детской муки, вкусны и приятны»². В рекламе новых продовольственных товаров, еще не знакомых потребителям, конкретизировались их свойства, описываясь относительно уже известных образцов, детализировались способы их употребления: «Пшеничные и кукурузные хлопья – вкусный и питательный продукт. Ароматные воздушные хлопья напоминают вафли. Они хороши с молоком, сметаной, сливками, простоквашей, кофе, чаем, киселем. Хлопья также заменяют гренки к бульонам и супам. Калорийность хлопьев в полтора раза превышает калорийность хлеба»³ (см. прил. 3.33).

Важно отметить, что в 1950-е гг. на страницах газет значительно возрастает количество рекламы деликатесов (икры, шоколада, мясных и рыбных изделий). Объявления, призывающие граждан отметить праздник в ресторане, чаще сопровождалась изображениями практик потребления. В графических сюжетах изображались сидящие за изобильно сервированными столами горожане, танцующие пары, либо просто праздничный ассортимент деликатесных продуктов, непременной частью которого являлось шампанское* (см. прил.

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1952. 15 августа. С. 4.

² Советская Сибирь. 1954. 10- февраля. С. 4.

³ Восточно-Сибирская правда. 1954. 1 апреля. С. 4.

* Шампанское, как советский праздничный напиток, активно пропагандировалось еще в 1930-е гг. На страницах «Книги о вкусной и здоровой пище» (1939 г.) именно шампанское презентовалось как атрибут артикулируемого эталона советского благосостояния – зажиточной жизни: «Вино, в первую очередь шампанское, – это признак зажиточности населения» (См: Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1939. С. 135). В переизданной в 1952 г. «Книге о вкусной и здоровой пище» данная фраза приписывается самому Сталину, который, по утверждению Микояна, в 1936 г. сказал: «Шампанское – признак материального благополучия, признак зажиточности» (См: Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 80).

3.27). В рекламных объявлениях магазинов наряду с товарами изображались улыбающиеся продавцы, приглашающие покупателей к витринам, заполненным продуктами. На страницах газет публиковались объявления, рекламирующие практику заказов блюд к праздничному столу и обедов на дом: «Кухня отпуска обедов на дом ... принимает предварительные заказы на изготовление: мясных и рыбных пельменей, фаршированной и заливной рыба, свиных окороков, мясных и рыбных полуфабрикатов, тортов»¹.

В первой половине 1950-х гг. расширяется ассортимент предлагаемых горожанам непродовольственных товаров. В рекламных сюжетах фигурировали: мебель, посуда, краски и лаки для мебели и помещений², парфюмерия, сумки³, скобяные изделия⁴, музыкальные инструменты⁵, одежда, часы и пр. Так, например, газета «Советская Сибирь» в 1950-м г. информировала читателей: «магазин ... имеет в продаже швейные машины ручные и ножные “Экстра”. Большой выбор часов»⁶. В 1954 г. на страницах этой же газеты было опубликовано объявление: «в Центральный универмаг поступил в продажу линкруст (стеновой) разных рисунков для оклейки квартир и кабинетов»⁷. Рекламировались в газетах и более дорогостоящие товары. В 1950-м г. «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «“Глававтотракторосбыт” имеет в продаже для населения автомобиля марки “Москвич” и “Победа”»⁸. В газете «Советская Сибирь» рекламировались «творческие работы сибирских художников, предназначенные для индивидуальных покупателей»⁹, в издании «Советский Сахалин» трудящимся предлагалось приобрести «работы художников, представленные на итоговой выставке»¹⁰. На страницах газет появляется реклама новых для советского массового потребителя непродовольственных товаров. В газете «Восточно-Сибирская правда» (1955 г.) была помещена реклама электрических пылесосов и полотеров: «Значительно облегчают труд, просты в обращении, экономич-

---

¹ Советский Сахалин. 1956. 28 декабря. С. 4.

² Советская Сибирь. 1950. 15 марта. С. 4; 1 апреля. С. 4.

³ Там же. 1955. 18 марта. С. 4.

⁴ Там же. 1955. 18 февраля. С. 4.

⁵ Там же. 1950. 1 апреля. С. 4.

⁶ Там же. 1950. 1 февраля. С. 4.

⁷ Там же. 1954. 20 июля. С. 4.

⁸ Восточно-Сибирская правда. 1950. 16 мая. С. 4.

⁹ Советская Сибирь. 1954. 1 мая. С. 4.

¹⁰ Советский Сахалин. 1956. 14 января. С. 4.

ны»¹. Конкретизировались практики использования пылесоса: «С помощью пылесоса можно легко и быстро очистить от пыли комнату, ковры, мебель, одежду, меха. Универсальный пылесос, кроме того, позволяет увлажнить воздух, покрывать лаком и краской мебель, стены, потолки, опрыскивать растения»². Рекламный текст дополняли графические изображения пылесоса и полотнотера, а также улыбающейся женщины в фартуке, пылесосящей тахту (см. прил. 3.34). Газета «Советская Сибирь» (1952 г.) информировала читателей: «Поступили в продажу домашние автоматические электрохолодильники ЗиС-Москва»³. В объявлении, сопровождающемся фотографиями закрытого холодильника и холодильника, наполненного продуктами, приводилось его описание: «Электрохолодильник предназначается для сохранения путем искусственного охлаждения скоропортящихся пищевых продуктов и приготовления пищевого льда»⁴.

В первой половине 1950-х гг. на страницах газет появляются рекламные сюжеты, призывающие граждан приобрести непродовольственные товары (подарки) к празднику. В одном из объявлений, призывающем: «Не забудьте купить подарки к международному женскому дню», был перечислен ассортимент товаров: «сюрпризные коробки с наборами парфюмерии, духи, одеколон, пудра. Высшего качества: нарядные шелковые косынки, платки, шарфы, ... ювелирные изделия, ... посуда, отрезы шелковых тканей на платье, долгоиграющие пластинки»⁵. Ассортимент новогодних подарков, визуализируемых на страницах газет 1950-х гг., был представлен изображениями ваз, шкатулок, статуэток, разнообразных ювелирных изделий (часов, браслетов, колец, запонок, бус).⁶

В первой половине 1950-х гг. значительно расширяется ассортимент услуг, рекламируемых на страницах прессы. Помимо услуг ателье и мастерских по ремонту обуви горожанам предлагалось: починить мотоциклы, электроплитки и электроутюги⁷, громкоговорители, радиоприемники⁸, мебель, швейные и

---

¹ Восточно-Сибирская правда. 1955. 16 марта. С. 4.

² Там же.

³ Советская Сибирь. 1952. 1 февраля. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 1955. 5 марта. С. 4.

⁶ Советский Сахалин. 1955. 29 декабря. С. 4; 1956. 26 декабря. С. 4.

⁷ Красный Север. 1951. 10 января. С. 4;

⁸ Красный Север. 1951. 17 января. С. 4.

пишущие машины¹, поступить на курсы по изучению иностранных языков², сделать ремонт в жилом помещении, изготовить плетеную мебель и корзины³, предлагались услуги по перевозке грузов⁴, «созданию оригинальных творческих произведений живописи, скульптуры и графики»⁵.

В текстах объявлений первой половины 1950-х гг. значительно чаще, чем в 1940-е гг. фиксируется использование маркетинговой риторики, призывающей *покупать, требовать, пробовать*, апелляция к эстетическим характеристикам товаров и описание позитивных эмоциональных впечатлений потребителей – *вкусно, приятно* и пр. В 1950-е гг. возрастает количество визуальных рекламных сюжетов, публикуемых на страницах газет. Даже в центральных газетах появляются рекламные изображения товаров⁶ (см. прил. 3.35).

В масштабах РСФСР в газетном рекламном дискурсе первой половины 1950-х гг. сохраняется определенная территориальная диспропорция – большее количество рекламных сюжетов (а также, большее число графической рекламы) фиксируется в областных изданиях Урала и Сибири. Хотя в сравнении с периодом второй половины 1940-х гг. данный количественный разрыв несколько сокращается за счет увеличения рекламных сюжетов в областных изданиях северо-западного и дальневосточного регионов РСФСР.

Агитация за потребление фиксируется в эстетике советского рекламного плаката первой половины 1950-х гг. Как справедливо замечает И.А. Зайцева: «Советский плакат – это одновременно и произведение массового искусства, и особая культурная технология, целью которой было символическими средствами передать ценностные установки, модели мышления и поведения»⁷. В рекламных плакатах были актуализированы различные образы счастья-потребления советского человека, посредством изображений героев в разнообразных ситуациях. Образ семейного уюта и достатка был представлен улыбающейся со страниц плаката хозяйкой, которая изображалась склонившейся над

---

¹ Советская Сибирь. 1951. 15 февраля. С. 4; 1954. 9 апреля. С. 4.

² Красный Север. 1951. 17 января. С. 4; Советская Сибирь. 1951. 15 февраля. С. 4.

³ Советская Сибирь. 1954. 2 марта. С. 4.

⁴ Советский Сахалин. 1951. 3 января. С. 4.

⁵ Советская Сибирь. 1954. 1 мая. С. 4.

⁶ Труд. 1953. 2 апреля. С. 4.

⁷ Зайцева А.И. Указ. соч. С. 67.

полной кастрюлей сосисок или держащей в руках тарелку с пельменями (см. прил. 3.36). Голубоглазая дама, элегантно держащая в руке бокал шампанского, «обещала» расслабление и забвение всех забот, иллюстрируя образ счастья-потребления в формате романтического вечера (см. прил. 3.37). В рекламном плакате головных уборов от «Главунивермага» была показана элегантная женщина в модной шляпе и мехах в сочетании с изображением Большого театра. Напоминая скорее артистку, чем зрительницу, она презентовала не просто образ «культурного» времяпрепровождения в театре, а скорее, полное отчуждение от повседневной реальности и уход в другой, богемный мир. Плакат, где смеющаяся женщина фактически утопала в рулонах различных тканей, визуализировал счастье модницы, которая могла выбирать, а, быть может, уже владела всем этим тканевым изобилием (см. прил. 3.38). Мужчины являлись достаточно редкими героями рекламных плакатов, появляясь в рекламе принадлежностей для бритья и сигарет.

На большинстве советских рекламных плакатов первой половины 1950-х г. изображения людей отсутствовали, а внимание зрителей было акцентировано на презентации продукции. Многочисленные изображения разнообразных товаров на плакатах были не символичны, а детализированы, преувеличенно ярки и красочны. Плакаты призывали *пользоваться, пробовать, приобретать*, констатируя высокое качество товаров и гарантию «лучшего выбора»: «Майонез. Лучшая готовая приправа»¹, «Крабовые консервы. Вкусная нежная закуска»²; «Покупайте мороженое Главхладопрома»³; «Отличная закуска, питательная и вкусная» (рыбные консервы)⁴; «Чулки капрон. Красивы, прочны, гигиеничны»⁵; «Покупайте свежемороженые овощи»⁶ и др. (см. прил. 3.39). Немаловажно отметить, что в развернувшейся в 1950-е гг. плакатной агитации за потребление, деликатесные продукты и дорогостоящие непродовольственные товары занимали далеко не последнее место. Активно рекламировались: шампанское, шоколадные конфеты, черная икра, крабы, осетрина и пр. (см. прил. 3.40). При-

---

¹ Сахаров С.Г. Майонез. Лучшая готовая приправа. 1952.

² Неизвестный художник. Крабовые консервы. Вкусная нежная закуска. 1951.

³ Сахаров С.Г. Покупайте мороженое Главхладопрома. 1951.

⁴ Иогансон А.Б. Отличная закуска, питательная и вкусная. Рыбные консервы, 1952.

⁵ Пименов В.В. Чулки капрон. Красивы, прочны, гигиеничны. 1952.

⁶ Кузьмин А. Покупайте свежемороженые овощи. 1954.

мером рекламной презентации гастрономических изысков является плакат С.Г. Сахарова, посвященный рекламе варенья из роз¹. Изображение представляет собой скорее изысканный натюрморт, чем рекламный плакат: большую часть пространства занимает максимально детализированное изображение лежащей на столе розы, позади которой стоит вазочка с вареньем на тонкой длинной ножке и чашка с чаем. (Изображение промышленной упаковки изделия, типичной для рекламных плакатов советской консервации, отсутствует). Подпись к плакату: «Варенье Роза. Ароматно, вкусно к чаю», усиливает чувственный акцент изображения, в котором культивировалась не гастрономическая, а эстетическая составляющая потребления (см. прил. 3.41). В ряду непродовольственных товаров в сюжетах рекламных плакатов фигурировали полотеры и пылесосы – изделия не первой необходимости и достаточно дорогие по цене. (см. прил. 3.42).

Рекламная демонстрация деликатесов и дорогих непродовольственных товаров выполняла ряд задач. Во-первых, посредством плакатной визуализации создавался достаточно высокий стандарт материального потребления, ориентированный, в первую очередь, на городское население. Во-вторых, реклама стимулировала материальное потребление граждан (имеющих возможность приобретать данные товары), решая, таким образом, государственную экономическую задачу увеличения товарооборота. В-третьих, советская реклама товаров «премиум класса» преследовала пропагандистские цели, декларируя идею о том, что трудности послевоенного восстановления остались позади и советский социум уже полностью обеспечен всем необходимым и может позволить себе изыски и деликатесы.

В 1952 г. была переиздана «Книга о вкусной и здоровой пище».* Тираж книги составил 500 тыс. экземпляров (в период 1953–1954 гг. книга ежегодно

---

¹ Сахаров С.Г. Варенье Роза. Ароматно, вкусно к чаю. 1950.

* Первая «Книга о вкусной и здоровой пище» была издана в 1939 г. тиражом 100 тыс. экземпляров и объемом более 400 с. с цветными вкладками и иллюстрациями. После окончания войны в 1945 г. вышло второе сокращенное издание «Книги о вкусной и здоровой пище» (без красочного иллюстративного оформления) объемом 206 с. и тиражом 25 тыс. экземпляров. В 1947 г. «Пищепромиздат» вновь переиздал «Книгу о вкусной и здоровой пище», увеличив ее содержание до 244 с., но сократив тираж до 20 тыс. экземпляров. В 1948 г. книга вновь была переиздана, сохранив объем страниц издания 1947 г. и увеличив тираж до 100 тыс. экземпляров. Переиздание «Книги о вкусной и здоровой пище» 1950 г. было расширено до 252 с. (тираж издания составил 60 тыс. экземпляров).

переиздавалась аналогичным тиражом, в 1955 г. она была переиздана тиражом 1 млн. экземпляров). Издание украшали многочисленные яркие иллюстрации и цветные вкладки. Объем издания составил 400 страниц. «Книга о вкусной и здоровой пище», безусловно, не являлась простым сборником рецептов. В ней содержались не только рекомендации по выбору продуктов и ведению домашнего хозяйства, но и обозначался общий вектор социально-экономического развития страны (реализуемый посредством включения в издание цитат из выступлений политических, цифр выполнения пятилетних планов и пр.), а также декларировался общий стандарт материального потребления советского населения. В качестве главной задачи издания декларировалось: «помочь домашней хозяйке, при наименьшей затрате труда и времени, приготовить для семьи вкусную и здоровую пищу, используя для этого, в первую очередь, разнообразный и богатый ассортимент пищевых продуктов, вырабатываемых пищевой промышленностью»¹. Экономия гражданами материальных средств, необходимых для приготовления пищи, не входила в перечень артикулируемых задач издания. Скорее наоборот, «Книга о вкусной и здоровой пище», являлась настоящей одой потреблению. Во вступительной статье «К изобилию» повествовалось о росте благосостояния населения СССР и увеличении объемов производства продовольственных товаров (текстовые вставки помещались на фоне продуктового изобилия: россыпей хлебобулочных, колбасных изделий, фруктов, рыбы, консервов и пр.). На страницах издания высокой частотой востребованность характеризовались такие категории, как *вкусно* (более 150 упоминаний), *аппетитно* (30 упоминаний), *приятно* (80 упоминаний), *нежно* (50 упоминаний), *аромат* (139 упоминаний) презентующие питание не как исключительно физиологически обусловленный процесс, а как действие, направленное на получение эстетического удовольствия и наслаждение вкусом. Реализации данной задачи способствовала и риторика книги, поэтизирующая гастрономию: «Нет вкуснее рыбной закуски, чем слабосоленая, бледнорозовая, нежная и тонкая по вкусу лососина, с выступающими на разрезах капельками прозрачного жира»²; «Крупные угри горячего копчения ... исключительно жирны, нежны по вкусу и

---

¹ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 5.

² Лососина // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 55.

представляют собой одну из лучших рыбных закусок»¹; «Из рулетов наиболее деликатесный продукт – советский рулет, у него нежная мясная ткань, очень вкусные прослойки жира»²; «Пиво ... приятно освежает, у него тонкий аромат, хмельная и стойкая густая пена»³.

Идея продовольственного изобилия презентовалась и посредством яркого и разнообразного иллюстративного ряда «Книги о вкусной и здоровой пище». На страницах соседствовали друг с другом рисунки кухонной посуды и различных приспособлений (супниц, лопаточек для раскладывания рыбы, игл для шпигования мяса и пр.), фотографии производственных цехов предприятий пищевой промышленности, образцов консервированной продукции, выпускаемой советской промышленностью, продовольственных товаров – мяса, рыбы, овощей. Но больше всего впечатляли иллюстрации празднично оформленных готовых блюд – салатов, заливного, выпечки и пр., и изобильно накрытых столов, помещенных на форзацах издания (см. прил. 3.43). Внимание издания к эстетической составляющей гастрономии проявилось в детализированном описании правил сервировки стола для домашнего обеда, ужина, чая: «Накройте стол белой, хорошо выглаженной скатертью. ... Для каждого ... поставьте мелкую столовую тарелку, на нее – закусочную, а с левой стороны от нее – пирожковую. ... Вечерний чай ... сервируют несколько иначе. Накройте стол скатертью, лучше цветной. ... В центре стола поставьте вазы с вареньем и конфетами, ... тарелочки с тонко нарезанным лимоном»⁴. А также в акцентированном внимании издания к украшению: «Каждое блюдо можно считать хорошо приготовленным лишь в том случае, если внешний вид его вызывает аппетит»⁵; «Масло можно поставить на стол ... на десертной ... тарелке в виде брусочка, украсив его узорами и веточкой зелени петрушки»⁶. (Не редко в качестве украшения к различным блюдам предлагалось использовать икру: «можно салат украсить икрой – паюсной, зернистой или кетовой» и др.⁷).

---

¹ Угорь // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 58.

² Ветчина и копчености // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 70.

³ Пиво // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 121.

⁴ Сервировка стола // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 29–30.

⁵ Холодные блюда и закуски // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 41.

⁶ Масло к закускам // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 53.

⁷ Салат из рыбы с помидорами // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 48; Бутерброды на поджаренном хлебе // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 53. и др.

Сравнение изданий «Книги о вкусной и здоровой пище» 1939 и 1952 гг. позволяет говорить о преимущественности декларируемых стандартов потребления. Рекомендованное меню каждогодневного обеда*, состоящего из салата (закуски), супа, второго горячего блюда и сладкого; детальная инструкция по сервировке стола; советы по подаче пищи: «завтрак, обед или ужин надо подать вовремя, каждое блюдо должно быть вкусным и приятным на вид»,¹ «хозяйка должна ... вовремя накормить уходящих на работу»² и пр. – все это позволяет предположить, что адресатом «Книги о вкусной и здоровой пище» (1952 г.) являлась скорее домохозяйка (либо помощница по хозяйству), чем работающая женщина. Это свидетельствует о сохранении в издании тренда элитарного потребления, декларируемого в русле концепции «культурности» второй половины 1930-х гг. С другой стороны, издание 1952 г. было в большей степени, чем издание 1939 г. ориентировано на массового потребителя посредством расширения сегмента блюд из полуфабрикатов (консервированных супов,пельменей, овощных, мясных, рыбных и плодово-ягодных консервов, киселей из концентрата и пр.) (см. прил. 3.44). В «Книге о вкусной и здоровой пище» 1952 г. количество изображений различной консервации и полуфабрикатов возросло на 14% по сравнению с изданием 1939 г.

В целом, «Книга о вкусной и здоровой пище», представляла собой, с одной стороны, издание практического и просветительского характера, с другой стороны, выполняя не менее важную рекламно-пропагандистскую функцию, конструируя образ советского продовольственного изобилия и декларируя достаточно высокий стандарт материального потребления. Данный потребительский стандарт трактовался как уровень жизни, доступный большинству граждан, благодаря послевоенному восстановлению экономики и интенсивному развитию советской пищевой промышленности.

В первой половине 1950-х гг. корректируются стандарты потребления, транслируемые советской модой. О.Ю. Гурова определяет модель потребления, конструируемую в модном дискурсе 1950–1960-х годов как концепцию «совет-

---

* В издании 1952 г. приводится рекомендованное меню ежедневного обеда на неделю каждого сезона (весна, лето, осень, зима). (См. Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 43–52).

¹ Порядок приготовления обеда // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 26.

² Выбор блюд для обеда, завтрака, ужина // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 25.

ского вкуса», «которая создавалась в контексте идеологического соревнования с образцами западной культуры, а также с пережитками предшествующих периодов»¹. Хронологически О.Ю. Гурова определяет начальный период оформления данной модели серединой 1950-х гг., связывая ее формирование с произошедшими в СССР «политическими и социальными трансформациями, увеличением культурных контактов с западной цивилизацией»². Можно согласиться с О.Ю. Гуровой в определении названия данной концептуальной модели потребления, как модели *советского вкуса*, хотя хронологические рамки ее «включения», как и содержательные характеристики, ее составляющие, нуждаются в уточнении.

Смена модели советского модного дискурса, транслируемой в послевоенные 1940-е гг. началась уже в первой половине 1950-х гг. В первую очередь, снижается интенсивность артикуляции элитарного тренда модного дискурса. На страницах «Журнала мод» первой половины 1950-х гг. сокращается количество меховых моделей: на смену шубам приходят пальто с меховой отделкой (в ряде случаев меховая отделка полностью отсутствует, либо заменяется иными декоративными элементами (см. прил. 3.45)). Силуэт моделей верхней одежды становится более свободным. Двубортные изделия заменяются однобортными (требующими меньшего количества ткани). Значительно сокращается количество вечерних нарядов (скорее пригодных для концертных выступлений театральных див). Конкуренцию им составляют более демократичные образы, помещенные в разделе «Нарядные платья»³. Длина нарядных платьев укорачивается, а фасоны упрощаются, становясь более адаптированными к праздничным ситуациям советской повседневности. На страницах «Журнала мод» декорациями нарядно одетых моделей все чаще становятся парки и скверы, а также интерьеры городских квартир (в сюжетах, посвященных приему дома гостей). Существенно упрощаются модели дамских шляп: «в этом году модны маленькие шляпы обтекаемой формы, ... маленькие шляпы типа наколок, закрываю-

---

¹ Гурова О. Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 128.

² Там же. С. 127.

³ Журнал мод. 1952. № 4. С. 12–13; 1953. № 1. С. 18–19; № 2. С. 15; № 4. С. 22; 1954. № 4. С. 18–19; 1955. № 3. С. 18–19; 1956. № 1. С. 14–15.

щие только середину головы. ... Такие шляпы удобны для любой прически. ... Совсем вышли из моды громоздкие фетровые шляпы с большими бантами»¹ (см. прил. 3.46) В «Журнале мод» первой половины 1950-х гг. увеличивается количество комплектов из простых тканей (появляется рубрика «Платья из хлопчатобумажных тканей»²). Курс на демократизацию моды декларировался на страницах журнала: «цель художников модельеров – сделать модели доступными широкому потребителю. ... Чтобы модели из нарядной ткани стали доступными для массового потребителя»³, «дать населению красивое, хорошо пошитое платье из не дорого стоящей ткани»⁴.

В целом, в модных изданиях 1950-х гг. значительно чаще, чем в 1940-е гг., наблюдается обращение к проблематике труда. Рубрики «На работе», «Платья для работы», в которых презентовались соответствующие женские модели, расширяются и становятся регулярными в изданиях «Журнала мод» 1950-х гг. В сюжетах рубрики дамы и мужчины в декорациях конторских столов, печатных машинок и папок ответственно изучают бумаги, смотрят на часы, звонят по телефону и пр.⁵ Усиление внимания к тематике труда проявилось в обращении к теме спецодежды. Во втором номере «Журнала мод» 1950 г. помещены два комплекта одежды, предназначенных для определенных видов труда: «для сельскохозяйственных работ» и «для работниц текстильных фабрик» (см. прил. 3.47). В 1954 г. на страницах журнала появляются мужские модели: производственная одежда для работников тяжелой промышленности, комбинезон для работников сельского хозяйства, производственный костюм для работников легкой промышленности и вещь для работы на улице – «плащ-накидка из ванилита, из прорезиненной или химически пропитанной ткани»⁶. В 1955 г. в «Журнале мод» была опубликована статья Л. Ефремовой «Производственная одежда», где были обозначены основные принципы конструирования рабочего костюма: «Удобство, утилитарность должны являться непременно свойствами

---

¹ Колесова В. Модели дамских шляп // Журнал мод. 1955. № 3. С. 41

² Журнал мод. 1950. № 3. С. 42–43; 1952. № 3. С. 38–39; 1954. № 4. С. 36–37; 1955. № 1. С. 34–35; 1956. № 1. С. 18–19.

³ Мастера советской моды // Журнал мод. 1950. № 1. С. 9.

⁴ Журнал мод. 1950. № 1. С. 16; 1952. № 3. С. 38–39; 1954. № 1. С. 34–35; № 4. С. 36–37; 1955. № 1. С. 34–35; 1956. № 1. С. 18–19.

⁵ Не работе // Журнал мод. 1951. № 2. С. 14–19; Платья для работы // Журнал мод. 1952. № 4. С. 26–27.

⁶ Модели сезона. 1954. № 3. С. 10.

рабочей одежды. Но, кроме того, она должна быть обязательно красивой»¹. В статье уделялось внимание декорированию спецодежды: «машинная строчка ... светлыми нитками по темной ткани, ... придает конструктивную четкость и украшает всякую спецодежду»². Обращение к проблематике спецодежды фиксируется и на страницах «Работницы» начала 1950-х гг., но, в отличие от «Журнала мод», данная тема раскрывается в более утилитарном ключе: «Не в погоне за красотой женщины-строительницы хотят одеваться в более удобную спецодежду. Не ради красоты, а для облегчения труда и увеличения производительности труда необходимо решительно развернуть производство удобной спецодежды для женщин – строительниц, лесорубов, работниц дорожного строительства и других»³. (Данный текст сопровождают изображения женских телогреек и ватных шаровар).

Тенденция затухания элитарного тренда советской моды проявилась в моделях домашней одежды. Презентуемые на страницах «Журнала мод» первой половины 1950-х гг. образцы домашней одежды становятся более пригодны для выполнения работ по хозяйству – укорачивается длина домашнего халата (платья), появляются модели фартуков и передников⁴ (см. прил. 3.48). В «Журнале мод» 1953 г. публикуется фото сюжет, где изображены женщины с тляками и лейками, стоящие возле грядки⁵. В первом выпуске 1956 г. тематике «огородных работ» уделен целый разворот выпуска – «Платья для работы в саду и огороде»⁶. Снятие ореола «элитарности» проявилось в проникновении модной тематики на страницы газет первой половины 1950-х гг. В 1953 г. в газете «Советская Сибирь» была опубликована заметка, посвященная модным фасонам обуви, выпускаемым Новосибирской обувной фабрикой: «Большую популярность завоевали ... модельные сапожки с меховой отделкой на облегченной пористой подошве. На верх сапожек, кроме специально обработанного хрома, идет цветное и яркое шевро»⁷.

---

¹ Ефремов Л. Производственная одежда // Журнал мод. 1955. № 4. С. 39.

² Там же.

³ За высокую производительность труда // Работница. 1952. № 3. С. 23.

⁴ Журнал мод. 1954. № 1. С. 25.

⁵ Там же. 1953. № 1. С. 40.

⁶ Платья для работы в саду и огороде // Журнал мод. 1956. № 1. С. 24–25.

⁷ Весенне-летние фасоны обуви // Советская Сибирь. 1953. 1 апреля. С. 4.

Курс на демократизацию советской моды сопровождался усилением дидактической составляющей модного дискурса, направленного на формирование у советских граждан вкуса. В первой половине 1950-х гг. решение данной задачи на страницах модных изданий реализовывалось в двух плоскостях – *эстетической* и *этической*. *Эстетическая* линия воспитания хорошего вкуса была более выражена в модных изданиях и журналах для женщин. Ведущая роль в воспитании вкуса советских людей отводилась Домам моделей Советского Союза¹. В журнале «Работница» обозначалась его цель: «Научить наших женщин одеваться без претензий, красиво и культурно, ... чтобы она всегда выглядела нарядно, хорошо»². Для решения данной задачи в начале 1950-х гг. в «Журнале мод» появились новые рубрики: «На каждый день», «На улицу», «На отдыхе», «Для вечера» и пр., призванные выработать у читательниц навыки подбора комплектов для разных случаев жизни. В период 1954–1956 гг. проблематике эстетического воспитания уделяется еще более пристальное внимание. В «Журнале мод» публикуются многочисленные статьи, содержащие подробные практические рекомендации по выбору одежды и созданию ансамблей: «Как выбрать себе фасон платья», «Как одевать детей летом», «Новые силуэты женского костюма», «Зимний гардероб женщины» и пр.³ В данных статьях излагались принципы формирования гардероба женщин «с теми или иными недостатками», сформулированные в форме правил-аксиом: «Полным женщинам следует выбирать силуэты костюма с мягким переходом от жакета к юбке»⁴; «Женщинам с широким крупным лицом ... не следует делать круглого выреза ворота. ... Женщинам пожилым, с седыми волосами, не следует носить ярких туалетов. ... Полным и невысоким женщинам рекомендуется выбирать себе ткани тяжелые, падающие ... не очень яркие»⁵. Выносились на страницы журналов и «типичные ошибки», допускаемые при подборе гардероба для разных случаев жизни: «иногда можно встретить в театре женщину в нарядном платье

---

¹ Стиль советской одежды // Журнал мод. 1951. № 1. С. 2.

² О красивой одежде // Работница. 1952. № 8. С. 30.

³ Новые силуэты женского костюма // Журнал мод. 1951. № 1. С. 2; Голикова И. Как выбрать себе фасон платья // Журнал мод. 1954. № 1. С. 38; Леонова Р. Как одевать детей летом // Журнал мод. 1954. № 2. С. 20; Ефремова Л. Зимний гардероб женщины // Журнал мод. 1954. № 4. С. 12; Ансамбли // Журнал мод. 1955. № 3. С. 10–11.

⁴ Новые силуэты женского костюма // Журнал мод. 1951. № 1. С. 2.

⁵ Голикова И. Как выбрать себе фасон платья // Журнал мод. 1954. № 1. С. 38.

из панбархата, ... но... в бежевых туфлях и с громадной тяжелой сумкой»,¹ «досадно видеть летом ... отсутствие чулок и перчатки, легкое платье и тяжелые закрытые туфли»². Проблематика эстетического воспитания граждан не ограничивалась темой моды. Вопросы красоты жилища, мебели и пр. поднимались в журналах и газетах первой половины 1950-х гг.³ *Этическая составляющая советского вкуса* определялась необходимостью формирования у населения определенных качеств, обладающих ценностью в рамках советского дискурса, реализация которых должна была способствовать «правильной» презентации образа советского человека: «Хороший вкус – верный, правдивый вкус. Он призывает всякого быть самим собой, оставаться истинными и на словах и на деле»⁴. На страницах «Журнала мод» 1950-х гг. в описании моделей одежды начинают фигурировать такие характеристики как *простота, скромность, строгость* (не востребованные в модном дискурсе второй половины 1940-х гг.): «Существует одна форма покроя одежды, прочно вошедшая в жизнь, – это так называемая строгая форма покроя»⁵; «просто, удобно, элегантно»⁶; «скромное платье из шелковой ткани»⁷; «отделка тесьмой “вьюнчик” очень украшает скромное ... платье»⁸ и т.п.

Демократизация образов советских модных изданий первой половины 1950-х гг. проявилась в корректировке презентуемого образа женской телесности. Если во второй половине 1940-х гг. большая часть моделей одежды «Журнала мод» была представлена рисованными изображениями женских силуэтов – высоких и субтильных красавиц, то в первой половине 1950-х гг. значительно возрастает число фотографий женщин-моделей (реже мужчин), демонстрирующих одежду. Изображение моделей с подлинными пропорциями тела, формировало восприятие моды не как замкнутого элитарного пространства, населенного эфемерными богемными дамами, а как части советской реальности, доступной населению.

---

¹ Ефремова Л. Зимний гардероб женщины // Журнал мод. 1954. № 4. С. 12.

² Выбор туалета // Журнал мод. 1956. № 2. С. 1.

³ Титов Г. К спору о вкусах // Советская Сибирь. 1956. 7 января. С. 4.

⁴ Кассиль Л. Девушка со вкусом. // Работница. 1958. № 3. С. 26.

⁵ Стиль советской одежды // Журнал мод. 1951. № 1. С. 1.

⁶ Просто, удобно, элегантно // Журнал мод. 1954. № 3. С. 15.

⁷ Платье с шарфиками // Журнал мод. 1955. № 4. С. 17.

⁸ Голикова И. Как выбрать себе фасон платья // Журнал мод. 1954. № 1. С. 38.

Таким образом, в первой половине 1950-х гг. в официальном советском модном дискурсе фиксируются определенные трансформации, связанные со сменой презентуемых эталонов «модного» потребления. Данная трансформация имела ряд проявлений, характеризующихся несинхронным «включением»: снижение интенсивности артикуляции элитарного модного тренда; демократизация презентуемых моделей; усиление этической и дидактической составляющей в риторике модных изданий. Означенные процессы, свидетельствовали о замене элитарной модной концепции, презентуемой в модных изданиях 1940-х гг., более демократичной концепцией *советского вкуса*. Окончательное оформление данной модели происходит в середине 1950-х гг., но начало процессов ее становления можно определить уже первыми годами 1950-х гг.

Несмотря на смену транслируемой концептуальной модели, в рамках послевоенного десятилетия прослеживается определенная преемственность модного дискурса второй половины 1940-х и первой половины 1950-х гг. Общим лейтмотивом модной риторики являлось подчеркнутая «советскость» презентуемых моделей, отличающая отечественную модную индустрию (социалистическую) от западной (капиталистической). На страницах «Журнала мод» начала 1950-х гг. автономность советской моды многократно подчеркивалась¹, критиковалась капиталистическая модная индустрия (ее организация и результаты): «там мода диктуется единицами – богачами и бездельниками, которые ведут паразитический образ жизни, не знают как убить время, и изощряют свою больную фантазию и на одежде. Появляются какие-то нелепые, изломанные линии, некрасивые силуэты, как бы нарочно построенные по принципу: “рассудку вопреки, наперекор стихии”»². Ближе к середине 1950-х гг. на страницах «Журнала мод» вновь появляются зарубежные модели одежды – результаты работы модельеров стран народной демократии (Венгрии, ГДР, Румынии, Польши, Чехословакии)³, представленные на международных конкурсах⁴. Мода

---

¹ Мастера советской моды // Журнал мод. 1950. № 1. С. 8; Стиль советской одежды // Журнал мод. 1951. № 1. С. 2.

² О красивой одежде // Работница. 1952. № 8. С. 30.

³ Шальнова Н. Моды Венгрии // Журнал мод. 1954. № 4. С. 30–31; Моды Демократической Германии // Журнал мод. 1954. № 3. С. 36–37.

⁴ Международный конкурс // Журнал мод. 1956. № 1. С. 36–40; Международный конкурс в Будапеште на лучшую модель одежды // Модели сезона. 1955. № 1. С. 1; Страны народной демократии на конкурсе в Будапеште // Модели сезона. 1955. № 1. С. 18–19.

социалистических стран презентовалась в контексте единой стилистической общности, как результат работы модельеров, «ориентированных на трудящееся население».

В 1950-е гг. корректируется содержание сатирических сюжетов «Крокодила», посвященных модной тематике. Фактически сходят на нет сатирические зарисовки, высмеивающие реально существующие модные тренды 1950-х гг. (отраженные в модных журналах периода). Приоритетным направлением критики становится *стиляжничество*. В 1950-е гг. данный социально-культурный феномен был конкретизирован путем более детальной презентации образа стилиаги на страницах «Крокодила». Если модницы первых послевоенных лет были представлены в большинстве своем женскими персонажами, то в сюжетах о стилиагах, как правило, фигурировали молодые мужчины. Репрезентация девиации реализовывалась в контексте двух направлений. Первое из них объединяет сюжеты «Крокодила», определяющие *стиляжничество* как сугубо эстетическую девиацию: «Поймал стилиага мотылька и сделал из него “бабочку”»¹. Карикатурные фигуры ярко и аляповато одетых людей с гиперболизированными деталями нарядов – огромными яркими галстуками и пиджаками, прическами кок, туфлями на «манной каше» и т.п., как правило, помещались рядом с изображениями классически одетых соотечественников, что усиливало ощущение инородности образов стилиаг. Использование приемов гиперболизации и антитезы фиксируется в одной из карикатур «Крокодила», где стилиаги изображены на карнавале. Даже в сравнении с карнавальными костюмами соотечественников их наряды выглядят смешными и чужеродными² (см. прил. 3.49). В русле второго направления критики образ стилиаги дополнялся подчеркнутой демонстрацией его личностных пороков и деформаций, в ряду которых: не желание учиться, развиваться («Вон, собой любуясь, встал, на девиц глаза. Книг давно он не читал, не бывал в музеях»³, «Право, не знаю, чем мне сегодня заняться: то ли на танцы пойти, то ли в ресторан... или для разнообразия на лекции в институт сходить...»⁴); нечистоплотность в отношениях с девушками («Перед де-

---

¹ Маленькие басенки // Крокодил. 1956. № 29. С. 14.

² Крокодил. 1955. № 36. С. 15.

³ Тимофеев Б. Гарри // Крокодил. 1953. № 35. С. 5.

⁴ Занятой человек // Крокодил. 1954. № 7. С. 14.

вушкой – поэт, лирик в каждой фразе, чуть ушла, смеясь, ей в след, бросит комья грязи...»¹); пьянство² и т.п. (см. прил. 3.50).

Встречаются на страницах периодической печати первой половины 1950-х гг. и юмористические зарисовки, посвященные модницам. На страницах «Крокодила» они были количественно немногочисленными и умеренно критическими (в сравнении с сюжетами, касающимися проблематики *стиляжничества*). Репрезентационный контекст имиджа модницы составляли визуальные образы девушек, зачитывающихся журналами мод, вместо того, чтобы заниматься учебой, либо стремящихся к модной завивке (как у барана)³ (см. прил. 3.51). Как правило, изображения модниц не были сатирически гипертрофированы, не коннотировали к личностным деформациям, вызывая скорее улыбку, нежели неприятие и отвращение. Карикатурный образ модницы изредка появлялся и в газетах 1950-х гг. В «Тагильском рабочем» (1956 г.) один из сюжетов был посвящен модной теме: «Тараторит о всем: о кино, и о Листе, о футболе, о книгах, о боксе, морали. А каков же “багаж”? Неказистый – пол мешка фотографий артистов да последние моды в журнале»⁴.

В ряду иных девиантных практик потребления, стигматизируемых на страницах советских СМИ первой половины 1950-х гг., фигурировали, как и в публикациях 1940-х гг.: мещанство и стремление «достать» что-либо по блату. Обращение к понятию *мещанство* фиксируется в текстах СМИ 1950-х гг., в контексте критики мелочности и излишней погруженности граждан в свои бытовые проблемы. Но, в отличие от публикаций 1940-х гг., обсуждение данной темы не касается реалий советской действительности, упоминаясь в качестве характеристики негативных персонажей пьес и литературных произведений, а также в сюжетах, посвященных советской драматургии⁵, творчеству писателей (А. М. Горького, А.П. Чехова и пр.)⁶. Проблематика «блата» не теряет своей ак-

---

¹ Тимофеев Б. Гарри // Крокодил. 1953. № 35. С. 5.

² Крокодил. 1956. № 31. С. 13.

³ Летняя выставка «Крокодила» // Крокодил. 1955. № 19. С. 13; Широкой кругозор // Крокодил. 1953. № 25. С. 14.

⁴ Тагильский рабочий. 1956. 1 января. С. 4.

⁵ Лукин Ю. О требовательности к творчеству // Правда. 1951. 2 февраля. С. 3; Рычков Ф. К открытию нового театрального сезона // Магнитогорский металл. 1953. 25 сентября. С. 2.

⁶ Артемов И. Великой русский писатель // Магнитогорский металл. 1951. 17 июня. С. 2; Панков В. Антон Павлович Чехов // Магнитогорский металл. 1954. 14 июля. С. 2.

туальности в 1950-е гг., являясь темой сатирических сюжетов «Крокодила». В фельетонах и карикатурах издания данная тема, звучала в сюжетах, посвященных сдаче экзаменов студентами¹, распределению молодых специалистов на предприятия различных регионов страны², устройству «по блату» на работу родственников и проштрафившихся сотрудников³, получения сотрудниками предприятий жилья без очереди⁴. Проблематика приобретения товаров «по блату» представлена в редких сюжетах издания, «героями» которых являлись конкретные руководители торговых организаций, продающие товары «с черного хода», «по запискам», «по пропускам» и пр.⁵ На страницах газеты «Тагильский рабочий» проблематике «блата» была посвящена одна из карикатур, на которой был изображен мужчина с раскрытым портфелем, полным продуктов: « – Пережитки... Родимые пятна... – Сбросим старого груз навсегда... Когда учит других он приятно и послушать его. Но когда в магазины приходят товары, те в которых пока недостаток, забывает борьбу он со старым, и канючит: “Нельзя ль мне по “блату”»⁶ (см. прил. 3.52).

Таким образом, в первой половине 1950-х гг. корректируется концепция потребления, конструируемая в отечественном информационном дискурсе. Импульсами для данной трансформации стали: успехи послевоенного восстановления страны, «основной закон социализма» (1952 г.), регулярные снижения цен (1950–1953 гг.), корректировка векторности социально-экономической политики и увеличение производства потребительских товаров (1953–1956 гг.) и пр. Содержательно данная концепция ориентировала граждан на максимальное и разнообразное потребление товаров и услуг, что проявлялось в усилении внимания СМИ к проблемам благосостояния населения, появлению потребительских коннотаций в определении категорий *счастье* и *радость*, позитивной

---

¹ Ленч Л. Легкий экзамен // Крокодил. 1950. № 9. С. 5;

² Еще кланяемся... // Крокодил. 1950. № 19. С. 2.

³ В минуты откровения // Крокодил. 1950. № 20. С. 12; Мера наказания // Крокодил. 1950. № 28. С. 4; Хорошее отношение к жене // Крокодил. 1951. № 3. С. 14; Из напечатанного // Крокодил. 1951. № 10. С. 14; Принципиальный разговор // Крокодил. 1951. № 11. С. 12; Задуманные беседы // Крокодил. 1951. № 22. С. 13; Как порадовать родному человечку? // Крокодил. 1951. № 25. С. 7; С Новым годом, родня! // Крокодил. 1951. № 36. С. 15.

⁴ Бахтиаров С. Когда плачут сваты // Крокодил. 1951. № 7. С. 12.

⁵ Дымской Я. Знаки препинания // Крокодил. 1951. № 10. С. 12; Шатров О. Лечебная записка // Крокодил. 1951. № 19. С. 13.

⁶ Тагильский рабочий. 1956. 1 января. С. 4.

презентации практики покупок товаров, активизации рекламного дискурса (усиления маркетинговой риторики, более выраженной визуализации материального потребления) и пр. Трансформируются и декларируемые модные стандарты: снижается интенсивность артикуляции элитарного модного тренда; презентуемые модные образы, ориентированные на массового потребителя, отличались большим демократизмом (проявляющимся в стоимости тканей, декоративности отделки одежды, спектре практик повседневного использования моделей); усиливается этическая и дидактическая составляющие в риторике модных изданий. Стандарты модного потребления, которые декларировались в информационном пространстве 1950-х гг., были справедливо обозначены исследователями как модель *советского вкуса*¹, (хотя период ее формирования можно обозначить первой половиной 1950-х гг.) В русле данной модели решалась задача научить советских граждан одеваться, а также презентовались визуальные образы «социалистической» моды.

Концептуальную модель потребления, транслируемую в советском информационном пространстве первой половины 1950-х гг. (газетах, журналах, рекламе, моде и пр.) можно обозначить как концепцию *осуществленного благосостояния*. В русле данной концепции популяризовались и презентовались в позитивном свете потребительские практики граждан. Данная концепция не имела дифференцированной социальной адресности, презентуя стандарты, ориентированные на массового потребителя. Более демократичная модель модного дискурса – модель *советского вкуса*, формировалась в рамках концепции *осуществленного благосостояния*. В ряду негативных потребительских практик горожан, стигматизируемых в информационном континууме 1950-х гг., сохраняются мещанство и стремление горожан к получению услуг «по благу», а модные девиации были представлены в основном критикой *стиляжничества* – феномена аккумулирующего в себе практики «несоветского» поведения и модной чрезмерности, затмевающей моральное, интеллектуальное и духовное развитие личности.

---

¹ Гурова О. Ю. Идеология потребления в советском обществе ... С. 128.

В целом, анализ советского информационного пространства послевоенного десятилетия, формируемого СМИ, модными изданиями, рекламным дискурсом и пр., позволяет прийти к выводу, что содержание и специфика декларируемых концептуальных моделей потребления были детерминированы динамикой экономического развития страны, спецификой проводимой социальной политики, а также интенсивностью артикулируемых мобилизационных задач. В первые послевоенные годы, курс на интенсификацию материального потребления граждан не декларировался в качестве массового потребительского стандарта в силу объективных экономических сложностей его обеспечения, а также вследствие приоритетности мобилизационных задач восстановления индустрии, реализация которых требовала от горожан трудового подъема и напряжения всех сил. Ослабление мобилизационного режима в первой половине 1950-х гг., а также усиление внимания к проблематике уровня жизни горожан, способствовали корректировке стандарта материального потребления, декларируемого в отечественном информационном пространстве.

ГЛАВА 7. МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР: ДИНАМИКА И СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ В ПЕРИОД 1946–1956 ГГ.

7.1. Перфекционистская модель экономических стратегий

Перфекционистская модель является одним из вариантов проявления экономических стратегий горожан. В качестве ее отличительных черт можно выделить: следование в фарватере транслируемых в политической риторике и СМИ монетарных стратегий и перфекционистских трудовых практик, одобрение экономических мероприятий правительства, синхронизацию своей жизнедеятельностной стратегии с процессами, переживаемыми государством.

Проявления данной экономической стратегии были наиболее ярко проиллюстрированы в публикациях СМИ – выступлениях горожан на митингах в честь выборов в Верховный Совет СССР, РСФСР, местные советы, по поводу проведения денежной реформы, снижения цен, а также приуроченных к праздничным датам (1 Мая, 7 Ноября и др.). Практики перевыполнения трудовых норм, заверения «трудиться еще лучше», а также обещания «перевыполнить» планы, «повысить производительность» и т.д. фигурировали в информационных письмах сотрудников оргинструкторских отделов Обкомов ВКП(б) «О настроениях населения»; «Об откликах трудящихся» и т.п. В качестве примеров можно привести некоторые выдержки из текстов данных документов. Мастер механического цеха г. Асбест (Свердловская обл.), придя 10 февраля на выборы в Верховный совет СССР сказал: «Обязуюсь руководить участком своей работы только на “хорошо”»¹; рабочий т. Стенин (г. Алапаевск Свердловская обл.) «призывал к выполнению и перевыполнению производственных обязательств, взятых в честь выборов»²; рабочий железной дороги т. Зырянов: «обязуюсь выполнять производственную программу на 200 процентов»³; слесарь Аллюминиевого завода Столетов: «обязуюсь выполнять производственные задания на

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 163. Л. 43.

² Там же. Д. 163. Л. 15.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 163. Л. 68.

150%»¹; коллектив Зерноградского механического завода (Ростовская обл.) «торжественно обещал партии и правительству выполнить годовой план 1947 г. к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»².

В текстах газет и информациях обкомов ВКП(б) получили рассмотрения различные практики трудового подвижничества стахановцев, деятельностные стратегии которых являлись примером реализации перфекционистских трудовых практик: «Вчера стахановец строительства высотного здания на Дорогомиловской набережной в Москве Иван Катрук ... выполнил сменное задание на 1800 процентов. Таких высоких темпов кладки не достигал еще ни один облицовщик зданий в нашей стране»³; «Стахановцы прессовщики установили рекорд отштамповав 293 крышки люков»⁴; «Высокую выработку дают стахановцы Новосибирского радиозавода. Около 50% рабочих уже выполнили свои пятилетние планы»⁵; «Рабочие-стахановцы станкостроительного завода им. Орджоникидзе Челябинской области за 4 месяца 1946 г. смогли реализовать более двух годовых норм»⁶. В СМИ популяризировались методы стахановских достижений⁷, публиковалась информация о межобластных и региональных совещаниях стахановцев⁸. Данные о количестве стахановцев (стахановских школ⁹) выносились на страницы СМИ, фигурировали в отчетах обкомов ВКП(б) как достижения предприятий: «Выросло немало новых стахановцев. Если в декабре 1945 года их было 17, то в январе стало 60, а в феврале уже 78. С каждым днем в ряды стахановцев вливаются все новые и новые люди»¹⁰; «На Динасовом заводе около 51–46% стахановцы»¹¹. В первые годы четвертой пятилетки количество стахановцев и ударников непрерывно возрастало. В 1945 г. в Омске насчитывалось 5800 ударников и стахановцев, а в январе 1946 г. эта цифра возросла в

---

¹ Там же. Оп. 43. Д. 166. Л. 1.

² Донские почины. ... С. 33.

³ 18 норм в смену // Труд. 1953. 1 мая. С. 1

⁴ Рекордная выработка // Тагильский рабочий. 1950. 1 января. С. 1.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 24.

⁶ Калинин Н.Н. Указ. соч. С. 117.

⁷ Стахановцы октябрьского района следуют примеру тов. Родионова // Советская Сибирь. 1947. 15 марта. С. 1; Величко А. Человек на лесах // Смена. 1946. № 3–4. С. 6; Морозов А. Проценты великого плана // Смена. 1946. № 11 – 12. С. 4; Величко А. Точный расчет // Смена. 1946. № 15–16. С. 7

⁸ Межобластное совещание сталеваров-скоростников // Тагильский рабочий. 1950. 15 апреля. С. 1.

⁹ 27 стахановских школ // Труд. 15 марта. С. 1

¹⁰ Рост выпуска товаров ширпотреба // Красный Север. 1946. 2 апреля. С. 1

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 170. Л. 120

6 раз, достигнув 31 000 чел.¹ На Саранском консервном комбинате в 1947 г. насчитывалось стахановцев – 165, ударников – 72 человека; в 1948 г. стахановцев – 248, ударников – 119 человек². На бумажной фабрике «Красный ключ» (Башкирская АССР) 80% рабочих являлись передовиками производства³. На фабриках Ивановской области число стахановцев возросло с 28729 чел. (на 1 января 1946 г.) до 47641 чел. (на 1 апреля 1948 г.)⁴. Колоссальная производительность труда, достижение которой являлось результатом трудового подвижничества горожан, освещалась на страницах прессы послевоенного десятилетия: «На отдельных операциях производительность труда молодежной бригады Льва Батурина увеличилась в 279 раз»⁵; «из месяца в месяц повышается производительность труда»⁶; «подлинные образцы высокопроизводительного труда показывают ... рабочие Новотрубного завода»⁷ и т.д. В газетах освещались конкретные рационализаторские предложения граждан, позволившие повысить производительность труда: «Тщательно присмотревшись к своим станкам, Катя убедилась, что они “недорабатывают”, и ускорила подачу в 3 раза. Это сразу увеличило выработку примерно в 3 раза»⁸.

Перфекционистские практики трудовой деятельности горожан отличало стремление, во что бы то ни стало выполнить и перевыполнить трудовые нормы, планы и задания: «Знатный котельщик паровозных мастерских – Ямов, не смотря на свой преклонный возраст о сих пор работает и не уходит на отдых пока не перевыполнит дневного задания в 2–3 раза»⁹. В тексте информации Свердловского обкома ВКП(б) (1947 г.) описан поступок стахановца Иванова (рабочий завода «Вторцветмет» г. Сухой Лог, Свердловская обл.), являющийся иллюстрацией перфекционистской трудовой стратегии. Узнав об отмене карточной системы, не смотря на то, что у него был выходной, Иванов пошел на за-

---

¹ Рост стахановцев и ударников // Омская правда. 1946. 16 января. С.4. 3.

² Синдянкина О.К. Указ. соч. С. 150.

³ Калинкина Н.Н. Указ. соч. С. 118.

⁴ Живое творчество масс. ... С. 208.

⁵ Морозов А. Проценты великого плана // Смена. 1946. № 11 – 12. С. 4.

⁶ Еремин А. Главное – организаторская работа в массах // Уральский рабочий. 1956. 15 марта. С. 3.

⁷ Высокая производительность труда // Под знаменем Ленина. 1946. 21 февраля. С. 1.

⁸ Морозов А. Проценты великого плана // Смена. 1946. № 11 – 12. С. 4.

⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 163. Л. 10.

вод: «в такой день нельзя сидеть дома, хочется работать еще лучше, и досрочно выполнить пятилетку»¹.

Активное участие в социалистических соревнованиях также являлось проявлением перфекционистской деятельностной стратегии: «В честь Верховного Совета знатный забойщик Кириленко выполнил сменную норму всей шахты № 4 на 113,3%, а бурильщик Мельченко один выполнил сменный план шахты на 147%»²; «На заводе Автоприцепов нет ни одного рабочего, который бы не стал активным участником предмайского социалистического соревнования»³. На Челябинском тракторном заводе А. М. Иванов, активно внедряя скоростные методы, разработал новую технологию производства звеньев гусениц. Это позволило увеличивать выпуск деталей на 70%⁴. Среди трудящихся хлопчатобумажной промышленности Ивановской области в социалистическом соревновании в апреле 1946 г. участвовало 87 591 чел., а в октябре 1946 г. – 102 907 чел. В апреле 1948 г. число соревнующихся составило 133 378 чел. (88,8% от общего числа работающих)⁵.

Перфекционистские экономические стратегии нашли отражение в практиках подписки горожан на заем. В информации обкомов ВКП(б) были отражены многочисленные факты подписки трудящихся на заем, суммы которой значительно превышали объем трехнедельного заработка: «Работник Новосибирского завода № 9 Горбунов при месячной зарплате 1100 рублей подписался на 1500 рублей»⁶; «Вальцовщик Московского шинного завода Ермаков при месячной зарплате 1800 руб. подписался на 4500 руб., токарь этого же завода Ульянов подписался на 2400 руб. при зарплате в 1500 руб.»⁷; «Работница мясокомбината Демина (г. Богданович, Свердловская обл.) получая 400 руб., подписалась на 400 руб.»⁸; «Главный инженер Среднеуральского механического завода Василенко (г. Верхняя Пышма, Свердловская обл.) при окладе 2800 руб.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 10.

² Там же. Оп. 41. Д. 163. Л. 194 об.

³ Там же. Д. 167. Л. 49.

⁴ Калинкина Н.Н. Указ. соч. С. 118.

⁵ Живое творчество масс. ... С. 202, 208.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 23.

⁷ Там же. Оп. 88. Д. 901. Л. 203.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 204. Л. 16.

подписался на 7000 руб.»¹. Зафиксированные проявления перфекционистских деятельностных стратегий горожан актуализируют проблему их мотивации и восприятия самими субъектами реализации. В опубликованных в СМИ интервью со стахановцами, практики их трудового подвижничества презентуются как деятельность, составляющая саму суть жизни горожан. В первомайском номере «Правды» 1947 г. был опубликован текст совещания стахановцев Ленинграда. Модельщик завода «Электросила» (депутат Верховного Совета СССР) А. Козлов, выступая на данном совещании, замечает: «Наше модельное дело трудное. ... Без огонька в труде, без стахановской смекалки далеко не уйдешь. Получишь задание изготовить новую модель, так думаешь о ней всюду, дома и в трамвае. Комбинируешь, как лучше ее сделать»². (Аналогичная презентация трудовых практик, как приоритетных в жизнедеятельностных стратегиях стахановцев, фиксировалась и в отечественных СМИ 1930-х гг. Так, например, один из них в своем интервью сказал: «Приду в цех, а в голове одна мысль: надо работать быстрее и лучше»³). Сложно сказать, насколько данные высказывания, запечатленные в прессе, отражали реальное отношение передовиков и стахановцев к процессу труда, так как СМИ являлись не только источником информации, но и инструментом формирования деятельностных стратегий населения, на страницах которых посредством подборки сюжетов и соответствующих лексических форм реконструировались эталоны трудовых практик граждан. По мнению Д. Фильцера, участие в стахановском движении было обусловлено не трудовым энтузиазмом и искренним стремлением достичь трудовых успехов, а более прозаическими мотивами: «Некоторые люди, несомненно, участвовали в этом движении из тщеславия или по идеологическим соображениям, большинство из них, учитывая ужасные лишения 1930- гг., становились ударниками от отчаяния, ради повышения своего уровня жизни»⁴. Применительно к стахановскому движению послевоенных лет Д. Фильцер замечает, что хотя оно формально и продолжало существовать, но не оказывало серъ-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 168. Л. 3.

² Вельмицкий В., Ганичев Л. Вдохновенный труд. // Правда. 1947. 1 мая. С. 2.

³ Чемоданов П.А. Культурно-психологический портрет стахановца Кировского региона 1935–1941 гг. // Вопросы гуманитарных наук. 2017. № 1. С. 22.

⁴ Фильцер Д. Указ. соч. С. 307.

езного воздействия на трудовые успехи и поведение большинства рабочих¹. Иначе оценивает мотивацию стахановцев П.А. Чемоданов, выделяя энтузиазм в качестве первой и базовой черты ментальности стахановцев 1930-х гг.: «Именно он зачастую был той силой, которая заставляла тысячи простых рабочих радикально менять привычные формы производственного процесса и включала их тем самым в стахановское движение»².

Обращение к дневниковым записям горожан позволяет прийти к выводу, что практика выполнения и перевыполнения норм для некоторых из них действительно являлась неотъемлемой частью трудовых и жизнедеятельностных стратегий. Так, например, в дневнике двадцатилетнего стахановца Б.А. Андреева, который в 1946 г. работал на лесоповале (г. Чермоз, Молотовская обл.), описание объемов выполненных и перевыполненных им норм является одной из важнейших частей фактически каждодневного повествования: «Норму выполнили на 100%»³; «Работал один. Норма 127%»⁴; «Работал один. Норма — 134%»⁵ и т.п. Б.А. Андреев отмечает некоторые «привилегии» для стахановцев: «Выполнившим норму на 100% и выше дают добавочное питание и 300 г хлеба»; «Сегодня 15 человек стахановцев перевели в отдельную комнату. В число этих стахановцев попал и я. Вечером было кино и ужин для нас (стахановцев). Дали 400 г хлеба, 300 г водки, гуляш и винегрет»⁶. Сложно сказать, было ли получение определенных материальных благ основным стимулом трудовой активности Б.А. Андреева. Обращение к его биографии позволяет утверждать, что он умел и любил работать: «В то время, когда в деревне не было еще электричества, построил там ветряк, освещавший избу. В кладовке устроил фотолaborаторию. ... Практически все в городской квартире, и в сельском доме было сделано его руками⁷. К людям, мало работающим он относился как к «лентя-

---

¹ Там же.

² Чемоданов П.А. Указ. соч. С. 22.

³ Андреев Б. А. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221946-01-01%22&diaries=%5B618%5D>. Запись от 2 января 1946 г. (дата обращения: 17.07.2019)

⁴ Там же. Запись от 17 января 1946 г. (дата обращения: 17.07.2019)

⁵ Там же. Запись от 13 февраля 1946 г. (дата обращения: 17.07.2019)

⁶ Там же. Запись от 9 января 1946 г., 29 января 1946 г. (дата обращения: 17.07.2019)

⁷ Андреев Б.А. Дополнительная информация // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221946-01-01%22&diaries=%5B618%5D>. (дата обращения: 17.07.2019)

ям»: «Напарник порубал себе ногу. Дали мне другого, но такого лентяя, что я работал почти один»¹.

Немаловажно отметить, что поощрение трудовых заслуг граждан могло иметь различный характер – дополнительное питание, премирование передовиков одеждой: галошами, костюмом, пальто² и т.п. В качестве поощрения выступали и денежные выплаты, объем которых мог варьироваться от нескольких десятков рубле до десятков тысяч рублей (Сталинская премия). Стахановцам создавались особо благоприятные условия труда, им передавали в первую очередь лучшее оборудование, механизмы и т.д.³ В СМИ освещались позитивные перемены, произошедшие в жизни награжденных: «Высокое отличие – Сталинская премия, полученная за новаторство, – наполнило сердце Марии Рожневой радостью и гордостью. ... Все шире развевалась перед ней жизнь. Вот она в составе советской делегации отправляется в Будапешт на Второй Всемирный конгресс демократической молодежи, потом едет в Китай»⁴. Граждане, имеющие трудовые заслуги, могли становиться депутатами Верховного Совета, занимать руководящие должности и пр. Так, например, забойщик Тубинского рудоуправления (Башкирская АССР) С.К. Алламурастов был награжден орденом Ленина; старший сварщик Белорецкого металлургического комбината (Башкирская АССР) Н. М. Евтеев – орденом Ленина⁵. Омскому стахановцу-строителю Б.Ш. Цементу было присвоено звание заслуженного строителя РСФСР, он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями, был депутатом Омского горсовета шести созывов, кандидатом в члены обкома КПСС⁶. Сборщица завода № 391 (г. Златоуст) О.В. Булоусова была избрана депутатом Верховного Совета СССР⁷. Е.В. Лебедева – работница текстильной фабрики «Красная Талка» (г. Иваново) в 1947 г. избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР, а новаторы производства московской фабрики «Буревест-

---

¹ Андреев Б.А. Дневники ... Запись от 2 января 1946г. (дата обращения: 20.07.2019).

² Выполним обязательства // Великолужская правда. 1947. 2 декабря. С. 1; Примерный труд моториста Матасова // Красный Север. 1946. 16 апреля. С. 2.

³ Роговин В.З. Указ. соч. С. 214.

⁴ Слезкина О. Избранница народа // Смена. 1951. № 5. С. 9

⁵ Калинкина Н.Н. Указ. соч. С. 119.

⁶ Сизов С.Г. Указ. соч. С. 26.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 135. Л. 183.

ник» М.И. Левченко и Г.Ф. Муханов награждены Государственными премиями¹. Вероятно, означенная возможность премирования и карьерного продвижения могла являться мотивацией трудовых свершений горожан. М.М. Пришвин в своем дневнике рассуждает о проблеме мотивации труда лауреатов и стахановцев: «Сегодня я, наконец, собрался сделать вывод на всех в отношении процесса труда, поощряемого госуд[арственными] премиями. Госпремия гасит свободную личность, трудовую, и превращает ее в государственного невольника, обязанного быть довольным своим положением. Стон и недовольство исходят от тех, кто не получил премии. Выход у них один: получить премию. И они, стараясь больше и больше, получают ее рано или поздно. Так что премия является кнутом лауреата, подгоняющим невольников ... и как только этого достигает, ему тут же делают так, что ему и «дохнуть некогда». Так «естественно» делается это на войне, а у нас то же в труде. Нравственность войны целиком переносится в нравственность труда: человек живет не для себя, не для своего настоящего, а только для будущего, он есть не личность, а распятый чиновник ... лауреат, стахановец – внешнее движение (стройка коммунизма), а внутри, в личности застой»². Материальные выплаты и различные формы дополнительного товарного обеспечения населения за трудовые успехи, безусловно, играли роль в формировании мотивации перфекционистской трудовой стратегии горожан, но нельзя не отметить, что данные выплаты могли быть не регулярными. Так, например, на машиностроительном заводе им К.Е. Ворошилова (г. Красноярск) осенью 1945 г. было прекращено преимущественное снабжение стахановцев продовольственными товарами³, на предприятиях Красноуральска (Свердловская обл.) в 1946 г. дополнительное питание стахановцам также не предоставлялось⁴.

Оценивая специфику распространения перфекционистских трудовых стратегий в среде горожан, важно отметить, что данные практики преобладали в молодежной среде. В одной из статей «Смены» рассказана история трудового

---

¹ Живое творчество масс: ... С. 200, 219.

² Пришвин М.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/56> .Запись от 7 июля 1951 г., 8 августа 1951 г., 22 июля 1952 г. (дата обращения: 21.07.2019)

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 651. Л. 6,

⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 77 об.

пути Н. Лукичева, который пришел на шахту в 15 лет, «его сердечно приняли, устроили в общежитие, переодели, поставили на работу», «через неделю-другую он уже выдавал угля значительно больше нормы», «Лукичев выполнил обязательства», в свои 20 лет стахановец Лукичев был образцом для подражания, его методы работы популяризировались на угольных шахтах страны¹. Стахановские подвиги молодежи фиксировались во многих регионах РСФСР. В январе 1946 г. двадцатилетний каменщик стройтреста № 1 (г. Омск) Б.Ш. Цемент, встав на вахту в честь выборов в Верховный Совет СССР, выполнил дневную норму на 2193%.² На промышленных предприятиях Чкаловской области в 1946 г. было создано 1527 комсомольско-молодежных бригад, они соревновались за лучшие показатели в работе: 235 бригад (15,4%) имели показатели от 150% до 200%, 118 бригад (7,7%) – от 200% до 250%.³ В 1946 г. на предприятиях Свердловской области 4680 молодых рабочих включились в соревнование за звание «Уральская молодежная бригада имени четвертой пятилетки»⁴. 250 комсомольско-молодежных бригад Челябинска в сентябре 1947 г. успешно выполнили свои годовые нормы⁵. В ноябре 1948 г. 3696 молодых рабочих Ивановской области досрочно выполнили свои годовые планы, 4133 чел. – задание двух и трех лет, 689 чел. – четыре годовых плана, 267 чел. – пятилетние планы⁶. В 1947 г. бригады комсомольского паровоза Эу 701-75 (г. Курск) дополнительно провели 57 поездов, добились рекордного в депо месячного пробега локомотивов⁷.

По мнению П.А. Чемоданова, распространение стахановских практик в молодежной среде было обусловлено психологическими особенностями данной возрастной группы – молодые люди являлись наиболее активной частью советского социума, склонной к переменам и новациям⁸. Также нельзя не отметить, что молодые люди, как правило, не имеющие семей, в меньшей степени были

---

¹ Погодин К. Пятилетка Николая Лукичева // Смена. 1946. № 9–10. С. 8–9.

² Сизов С.Г. Указ. соч. С. 26.

³ Калинкина Н.Н. Указ. соч. С. 118.

⁴ Очерки развития социалистического соревнования на Урале (1919–1967 г.). Вып. 7. Свердловск. 1970. С. 159.

⁵ Там же. 160.

⁶ Живое творчество масс. ... С. 203, 209.

⁷ Новиков В.Н., Коровин В.В. Указ. соч. С. 214.

⁸ Чемоданов П.А. Указ. соч. С. 22.

озабочены решением своих бытовых проблем, отсутствие трудового опыта компенсировалось большей энергичностью и выносливостью, а стремление самоутвердиться и повысить свой статус в коллективе стимулировало состязательную активность молодежи – все это также способствовало распространению в молодежной среде перфекционистских трудовых стратегий, проявляющихся в стахановских достижениях.

Важным элементом презентуемой в СМИ модели эталонной трудовой деятельности граждан являлась солидаризация себя с Родиной и презентация в качестве мотивации трудовых свершений восстановление государства, строительство коммунизма и пр. Данная мотивация трудовых практик была отражена в рамках перфекционистской деятельностной стратегии горожан. В качестве примеров можно привести следующие высказывания горожан: «Пятилетний план великих работ принесет нам счастливую жизнь, чтоб скорей зажглись огни коммунизма в нашей стране, я призываю всех рабочих фабрики встать на стахановскую вахту» (работница фабрики Ураобувь)¹; «Повысить производительность труда, укрепить трудовую дисциплину, использовать каждым рабочим все 480 мин рабочего времени, т.к. увеличение выпуска продукции поможет быстрее залечить раны, нанесенные войной» (работница завода № 20, кандидат в члены ВКП(б))². Подобные высказывания, отмечались не только на митингах и собраниях, но и в зафиксированных информаторами суждениях горожан на улице и в очередях. Студент одного из институтов Свердловска Федин в отметил: «... если каждый студент подумает о дополнительной работе и этим ... поможет государству»³. В качестве мотивации трудового подвижничества стахановцев в публикациях на страницах СМИ неизменно подчеркивалось их патриотическое стремление выполнить взятые трудовые обязательства и задачи пятилетки. На совещании стахановцев Ленинграда (1947 г.) слесарь инструментального завода А.Тендряков отметил: «Главное – беречь каждую рабочую минуту: приступил к работе – до гудка не сходи с рабочего места. ... Не такое время, чтоб расхаживать. Все мы, ленинградцы, обязательства брали и все должны

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 167. Л. 17.

² Там же. Д. 171. Л. 8.

³ Там же. Л. 24.

их выполнить»¹. Стахановец обувной фабрики «Скороход» М. Михайловский сказал: «Внес свою лепту в сталинскую пятилетку и я. ... Я уже дал больше продукции, чем положено по норме на всю пятилетку»². Стахановец завода «Россельмаш» (г. Ростов-на-Дону) стогальщик П.К. Колесников в своем письме в газету «Молот» обращается к рабочим с призывом: «Давайте же, товарищи, изыщем новые резервы роста производительности труда ... если каждый рабочий глубоко продумает возможность дальнейшего роста производительности труда на своем станке и рабочем месте, то он не только найдет резервы, но и поставит их на службу Родине»³. Р.Г. Ваганов – ветеран Уральского электрохимического комбината (г. Новоуральск, Свердловская обл.), вспоминая послевоенные годы, отмечает: «Мы видели перед собой главную цель: обеспечить в кратчайшие сроки защиту советского народа [от] агрессивных стремлений американского империализма. Этот энтузиазм, одержимость какая-то даже приподнимали нас над жизненными обстоятельствами»⁴.

В отчетах партийных органов и текстах публикаций СМИ, посвященных реализации подписки на государственные займы, были отражены не только суммы подписки, но и высказывания горожан, свидетельствующие об их стремлении помочь государству. Например, слесарь Каменск-Уральского металлургического завода (Свердловская обл.) заявил: «Мы знаем, что займы в нашей стране идут на укрепление могущества Родины, на улучшение благосостояния трудящихся»⁵. Аналогичная риторика фиксируется в выступлении на рабочем собрании мастера доменного цеха Магнитогорского металлургического комбината: «Каждый из нас знает, что наши советские займы идут на укрепление нашей любимой Родины, на улучшение жизни трудящихся ... дружной подпиской на заем внесем свой вклад в великое дело строительства коммунизма»⁶. О проявлении посредством подписки на заем преданности Родине в своем дневнике рассуждает инженер-связист, начальник радиоузла в г. Омск А.А. Ту-

---

¹ Вельмицкий В., Ганичев Л. Вдохновенный труд. // Правда. 1947. 1 мая. С. 2.

² Там же.

³ Донские почины ... С. 69.

⁴ Мельникова Н.В. Указ. соч. С. 53.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 168. Л. 9.

⁶ Металлурги горячо одобряют постановление правительства о выпуске нового Государственного займа // Магнитогорский металл. 1953. 2 июня. С. 1.

люлюк: «Прошла подписка на заем, некоторые показали свою преданность родине. Они даже не подписали своей ставки. Что можно ожидать от них более серьезно, более ответственного. Я поражен до крайности»¹.

В высказываниях горожан фиксировались и иные лексические формы, презентуемые в дискурсе периода в качестве характеристик «правильной» трудовой стратегии граждан – *трудовое напряжение, самоотверженный труд, борьба* и пр. Так, например, рабочий одного из предприятий Свердловска в своем выступлении на собрании отметил: «Буду трудиться, как и раньше с напряжением и трудности, которые будут возникать перед моей семьей всегда преодолею. Нам нужно крепить мощь советского государства»². В отчетах работников партийных органов, также фиксируется употребление данных лексических форм. В информации Нижнетагильского горкома ВКП(б) отмечалось: «Подавляющее большинство ... своим трудом показывают свою преданность Родине и готовность не щадя сил бороться за выполнение Сталинского пятилетнего плана»³. Лексемы-характеристики «правильного» труда фигурируют в текстах писем и жалоб горожан в органы власти и редакции газет. В письмах Н.С. Хрущеву сотрудница Новочеркасского политехнического института Федосина пишет: «... советские люди ... на работе и на учебе отдают все свои силы честно и добросовестно»⁴; рабочие одного из предприятий г. Грозный, обращаясь к Н.С. Хрущеву, апеллируют к аналогичным лексемам: «Мы работаем не покладая рук, все наши предприятия, в которых мы работаем, систематически выполняют государственные планы»⁵. Работница одного из леспромхозов Свердловской области А. Мурзина в письме Н.А. Булганину отмечает: «Люди работают самоотверженно, ибо знают, что лес нужен стране, также как металл, как хлеб и др. материалы»⁶; конструктор В.Н. Савлуков (г. Нижний Тагил, Свердловская обл.) в письме в газету «Правда» пишет: «чем лучше и радостнее становится жизнь советских людей, тем злее становятся враги. ... Поэтому для

---

¹ Тулюлюк А.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/1270> . Запись от 5 мая 1949 г. (дата обращения: 21.07.2019)

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 14.

³ Там же. Оп. 43. Д. 196. Л. 151.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 86.

⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7121. Л. 133.

нас, советских людей, особенно опасны самоуспокоенность и благодушие. Советские люди должны быть бдительны на любом участке политической и хозяйственной жизни, ... и вести беспощадную борьбу с малейшими проявлениями беспечности и ротозейства»¹ и т.п.

В отношении причин употребления данных лексических форм в текстах писем во власть и публичных выступлениях горожан можно предположить, что они воспринимались населением как элементы «языка власти», обращение к которым в публичных выступлениях способствовало формированию положительного имиджа граждан в глазах руководства предприятий, а воспроизведение в текстах писем и жалоб должно было содействовать более лояльному отношению власти имущих к пишущему и положительному решению их проблем, обозначенных в жалобах. Можно согласиться с В.С. Измозиком, который, рассуждая о специфике писем горожан в органы власти 1945–1947 гг. отметит: «В обстановке цинизма, “квасного патриотизма” и лицемерия люди, желавшие решить свои личные проблемы, стремились добиться этого под маской “принципиальности” и “большевистской прямоты”»².

Предпринятый анализ дневниковых записей горожан послевоенного десятилетия позволил вывить, что обозначающие мотивацию труда лексемы *труд на благо Родины, для коммунизма* и т.п. не фигурировали в текстах, не предназначенных для публичного озвучания. По всей видимости, данные лексические формы воспринимались горожанами исключительно как элемент риторики власти (намеренно воспроизводясь в публичных дискурсах), а трудовая активность населения определялась не столь патриотическими стремлениями. В то же время, другие лексические формы, презентуемые в дискурсе периода в качестве характеристик «правильной» трудовой стратегии граждан – *трудовое напряжение, самоотверженный труд, борьба* и пр., фиксируются в текстах дневников горожан. О напряжении в работе как положительной характеристике своего труда напишет в своем дневнике в 1947 г. двадцатитрехлетний С.Л. Фролов (учащийся Московского института имени В. И. Сурикова): «Поработал много и

---

¹ Там же. Д. 6761. Л. 35.

² Измозик В.С. Письма во власть и реакция власти. 1945-1947 гг. // Новейшая история России. 2017. № 1 С. 227.

напряженно. Писал композицию “Кузнецы”. Долго мучился с цветом. Вчера был годовой просмотр. ... Лейзеров сравнивал кого-то со мной, ... который усвоил себе легкую манеру, он сказал обо мне: “Фролов готов горы своротить, по крайней мере, пытается. Он бы не удовлетворился этим”. Это верно»¹. Положительные характеристики трудовой деятельности, как и признание труда в качестве неотъемлемой части жизнедеятельностной стратегии также фиксируются в текстах дневников горожан. В.А. Чивилихин (рабочий, г. Троицк, Челябинская обл., 17 лет) отмечал в своем дневнике 24 октября 1946 г.: «Надо предпринимать что-то. Надо работать и работать»². Важно отметить, что лексемы мобилизационной риторики СМИ и правительственного дискурса, а также признание трудовой активности, в качестве нормализованной и желаемой жизнедеятельностной стратегии фиксируется в дневниковых записях преимущественно молодых людей от 17 до 25 лет.

В дневниках горожан данной возрастной группы фиксируется стремление к формированию у себя определенных личностных качеств – организованности, собранности и пр., положительно маркируемых в рамках советского дискурса. Методом реализации данной цели являлось «преодоление себя». Семнадцатилетний учащийся Р.А. Быков (будущий актер) в 1946 г. пишет в своем дневнике: «Что делать? Может быть, попробовать выработать себе правила, от которых стараться не отступать всеми силами: ... Предельно себя организовать. ... Как можно больше преодолевать свое “хочу” или “не хочу” ради “нужно” и “обязательно”. ... Каждый день вечером буду контролировать себя»³. Через некоторое время Р.А. Быков дополнит дневниковые записи: «В отношении моего нравственного поведения нарушений не было, но не было и достаточных искушений. Сегодня проконтролировал себя на занятиях ... Ставлю себе очередную задачу: не поняв до конца одной мысли, не приниматься за вторую. ... С надеждой отмечаю, что становится легче преодолевать себя»⁴. О своей жизненной программе напишет в своем дневнике семнадцатилетний В.А. Чивилихин:

---

¹ Фролов С.Л. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: Режим доступа <http://prozhitto.org/person/366>. Запись от 14 мая 1947 г. (дата обращения: 21.07.2019).

² Чивилихин В.А. Дневники, письма. Воспоминания современников. М., 2008. С. 90.

³ Быков Р.А. Я побит – начну сначала! М., 2010. С. 682.

⁴ Там же. С. 683.

«Программа: бороться, работать, чтобы не было застоя в жизни и в себе самом. Чувствую, что все приобретенное мной начинает закисать, портиться. Одновременно, несмотря ни на что, приобрел какое-то стремление к лучшему, веру в будущее, веру в наши силы, силы нашего народа, моей родины. Не пустофразие – выношенная уверенность в это»¹. Стремление во что бы то ни стало достичь поставленной цели, максимализм и категоричность суждений (во многом напоминающие риторику СМИ, романтизирующую и героизирующую проблематику труда), также находят отражение в дневниках молодых людей. Учащийся авиационного техникума г. Молотов девятнадцатилетний В.П. Солодников пишет в своем дневнике: «Иду на экзамен. Результат покажет, кем я буду в дальнейшей жизни. Неудача совершит “великий перелом” в моей жизни. Экзамен покажет, на что способен я и стоит ли мне вообще жить и учиться. А если не учиться то и не жить. ... Нет, я от своего не отступлю или я буду учиться на 4 курсе или я все таки убью себя. Больше я никак не могу поступить. Черт возьми, не хочется умирать так бесцельно. Человека воспитывали 20 лет и он оказывается ни на что не годен»².

Именно в дневниках молодых людей фиксируются обращения к речам Сталина, их положительные оценки, одобрение политического и экономического курса развития страны. В дневнике семнадцатилетнего В.А. Чивилихина (1946 г.) находим следующую запись: «Сегодня 10 февраля. Встал. Услышал выступление Сталина на митинге избирателей Москвы. Хорошая, чудесная речь. Теперь многие расправят плечи и смелее будут глядеть вперед. Я тоже...»³. В 1949 г. в дневнике В.А. Чивилихина вновь пишет о Сталине: «С ужасом подумал – что будет, если его не станет?»⁴. Двадцатидвухлетний военнослужажий В.Н. Гельфанд посвятит анализу предвыборной речи Сталина (1946 г.) несколько страниц своего дневника: «Еще раз перечитываю речь т. Сталина, накануне выборов кандидатов в депутаты Верховного Совета, и поражаюсь в который раз ясности ума и простоте изложения сталинской мысли. Еще не бы-

---

¹ Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 91.

² Солодников В.П. Дневники. // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/1402> , Запись от 22 июня 1946 г. (дата обращения: 21.07.2019).

³ Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 70.

⁴ Там же. С. 131.

ло ни одного высказывания т. Сталина, в котором не вырисовывалась бы мудрость, правда и убедительность, преподносимых слушателям, фактов и цифр. Вот и на сей раз. Кто смеет оспорить или выразить сомнение в правдивости гениального рассказа вождя ... все награждают его такими горячими аплодисментами и любовью, что просто трогательно становится со стороны. Да, он заслужил ее, мой Сталин, бессмертный и простой, скромный и великий, вождь, учитель, гений, солнце мое большое»¹. Восемнадцатилетняя жительница Ленинграда Э.В. Лурье в своем дневнике напишет о Сталине (1949 г.): «Сегодня день рождения товарища Сталина. Проснувшись утром, я мысленно поздравила его с семидесятилетием и пожелала ему от всей души здоровья и многих-многих лет жизни на радость и счастье всему миру»; о дне выборов в Верховный Совет СССР Э.В. Лурье напишет: «Не спалось. Через час должны были открыться пункты голосования по всей стране. ... Решила, что обязательно напишу на бюллетене пожелание многих-многих лет нашему Сталину и еще что-нибудь»². (В своей книге, изданной в 2007 г. Э.В. Лурье так прокомментирует данные чувства: «Жутко неохота воспроизводить свои тогдашние чувства по отношению к человеку, которого сегодня считаю чудовищем, злодеем и вурдалаком, но я была вполне типична со своими комсомольскими настроениями, таких, как я, было много»³). В дневниках преимущественно молодых людей фиксируются оптимистические суждения относительно перспектив построения коммунистического будущего. В своих дневниковых записях семнадцатилетний С.П. Курдюмов (будущий ученый физик, член-корреспондент АН СССР), пишет: «Вероятно, в наше поколение решается победа коммунизма»⁴. Положительно о строительстве коммунизма пишут в своих дневниках школьница Э.Г. Филипович (13 лет), военнослужащий В.А. Ямсков (24 года), переводчик Д.С. Самойлов (27 лет), инженер-связист, начальник радиоузла в г. Омск А.А. Тулюлюк

---

¹ Гильфанд В.Н. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/27> . Запись от 14 февраля 1946 г. (дата обращения: 21.07.2019).

² Лурье Э.В. Дальний архив. Семейная история в документах, дневниках, письмах. 1922–1959. СПб., 2007. С. 168, 178.

³ Там же. С. 168.

⁴ Фрагменты дневников С. П. Курдюмова // Мне нужно быть: Памяти Сергея Павловича Курдюмова. М., 2010. С. 61.

(31 год) и др.¹ В.А Чивилихин, рассуждая о будущем, в своем дневнике отмечает: «Я хочу видеть весну, когда люди не станут воевать, все будут равны, у всех будут квартиры и обед. ... Хочу дожить до коммунизма»².

Положительное принятие поведенческих образцов, презентуемых в популярной художественной литературе послевоенного периода также отмечается в дневниках молодых людей. В.А. Чивилихин, рассуждая о романе Н.А. Островского «Как закалялась сталь» пишет: «Эта книга – путеводитель по жизни многих тысяч наших людей; из этой книги черпалась и черпается та бесконечная выдержка и упорство, которое ломает все трудное и кажущееся невыполнимым, из которой черпается все прекрасное в человеке и все прекрасное в жизни. Я листал эту знакомую книгу и ... клялся себе быть хоть несколько похожим на Павку, хоть чем-нибудь напоминать его. ... Все что будет делаться дальше – будет в подражание этому герою».³ В среде молодежи положительно воспринимались фильмы советского кинематографа. В.А. Чивилихин отмечает: «Сходил в кино “Сталинградская битва”. Картина замечательная. Сделана по-советски. Выпукло, рельефно выступает образ И.В. [Сталина – М.К.]».⁴

В дневниковых записях горожан более старшего возраста не обнаруживается упоминания лексем, презентуемых в дискурсе периода в качестве характеристик «правильной» трудовой деятельности (*трудовое напряжение, самоотверженный труд* и пр.). В данной возрастной группе фиксировались достаточно критические суждения об официальном советском дискурсе и системе пропаганды, инструментами которой являлись газеты, радио и пр. Так, например, в информации о настроениях населения Свердловской области (1946 г.) был зафиксирован следующий факт: «Аликин Н.Ф. член ВКП(б) дома у себя на передачу по радио ответил: “Хватит вам болтать, кричат, что сдали полностью хлеб государству, а кормить народ нечем”»⁵. На одном из собраний Авиационного

---

¹ Самойлов Д.С. Дневники. // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/183> . Запись от 5 марта 1948 г. (дата обращения: 21.07.2019); Тулюлюк А.А. Указ. соч. Запись от 25 апреля 1949 г., 1 марта 1950 г. (дата обращения: 22.07.2019); Филипович Э.Г. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/1385>, Запись от 1 сентября 1947 г. (дата обращения: 21.07.2019); Ямсков В.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/3510> . Запись от 1945 г. (дата обращения: 21.07.2019).

² Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 169.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 70.

завода № 23 (г. Москва) было отмечено высказывание: «Если судить по газете “Правда”, то мы давно должны были иметь много мяса и масла»¹. Л.В. Шапорина в своем дневнике пересказывает услышанный анекдот: «— Как выживаете? — Отлично. — Получили комнату? — Нет. — Есть у вас работа? — Тоже нет. — Ну а карточка? — Какая же карточка, если я безработный. — Радио слушаете? — Конечно; откуда же бы я знал, что мне живется отлично!»². Неоднозначным было и отношение к советскому кинематографу, посредством которого населению презентовались эталонные жизнедеятельностные стратегии, и транслировались идеалы, обладающие ценностью в рамках дискурса. Л.К. Чуковская в 1948 г. напишет в своем дневнике: «Сегодня ... показывали картину “Любимая девушка”. ... Предел лживости, грубости, пошлости ... все действующие лица поставлены в такое ложное социальное и бытовое положение, что не веришь ни единому слову, ни единому жесту. Простая работница с наружностью барышни. Маскарад на заводе — вместо пьяных и полупьяных — учтивые молодые люди с манерами графов. Комсорг разумеется мудрый и самоотверженный сердцевед»³.

В среде горожан зрелого возраста также фиксировались критические замечания в отношении современных политико-экономических реалий. Так, например, тридцатилетний литературовед А.И. Батюто (г. Ленинград) пишет в своем дневнике в 1947 г.: «В трамвае, на улице, встречая людей и присматриваясь к ним, невольно сравниваешь их с несчастными идиотами, жалкими созданиями. Особенно в часы, когда они едут на работу. Они трудятся в так называемом социалистическом обществе, но какие у них замученные лица! Понимаешь: они едут не создавать, не творить, а выполнять тяжкую, изнуряющую повинность, от которой никому не станет ни полезно, ни приятно»⁴. Рассуждая о Сталине, А.И. Батюто отмечает: «Я думаю, что ... для Сталина народ — только строительный материал. По Сталину, такой образ мыслей диктуется необходимостью и знанием ... Если человек жертвует миллионами для правильно поня-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 425. Л. 4.

² Шапорина Л.В. Дневник. М., 2017. С. 41.

³ Чуковская Л.К. Дневник // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhitto.org/person/434>, Запись от 20 ноября 1948 г. (дата обращения: 21.07.2019).

⁴ Батюто А. И. Дневник // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhitto.org/person/362>, свободный. Запись от 13 ноября 1947 г. (дата обращения: 21.07.2019).

того прекрасного будущего и если этой жертвы не избежать – вины здесь нет, по-моему»¹.

Еще более критическое отношение к политико-экономической системе и послевоенной социальной политике, фиксируются в дневниковых записях образованных горожан старшего поколения. Л.В. Шапорина (переводчик, г. Ленинград, 67 лет) в дневниковой записи от 4 октября 1946 г. пишет: «Производится впечатление, что кто-то хочет вызвать панику; кто-то – это не буржуазный спекулянт, а правительство, которое спекулирует на голоде и гонит в коммерческие магазины с непосильными ценами»²; в записи от 9 мая 1947 г. она отмечает: «Я не знаю человека, которого бы более единодушно ненавидели все, чем Сталина»³. Писатель М.М. Пришвин (73 года) в своем дневнике в 1946–1947 гг. сравнивает коммунизм и фашизм, сопоставляет православные и коммунистические идеалы⁴, приходя к выводу: «Просто-напросто зашла над русским народом [шайка разбойников] и ведет народ на разбой: хотели всех капиталистов ограбить в пользу своей шайки. ... Пусть будет плохо, но надо всех имущих грабить. ... Русский народ сам по себе ни во что такое не верит. ... А идея ... коммунизма – это просто шкура змеи: придет время, и змея, т.е. сама жизнь, сбросит эту шкуру»⁵.

В дневнике шестнадцатилетней школьницы Э.Г. Филипович в 1950 г. была сделана запись, отражающая неодинаковые оценочные суждения по поводу проживаемых реалий, распространенные в различных социальных и возрастных группах советского городского социума: «Со мной в купе едут какие-то странные типы. Вроде бы интеллигентные люди, один из Ленинграда, преподает основы точной механики, а другой из Москвы с женой, физик, а говорят такие ужасы. Будто бы у нас в стране миллионы политических заключенных. Все они далеко в Сибири, на Колыме, на Севере. И что ... врагов народа больше в Кремле, чем в местах заключения. Я не выдержала. Сделала им замечание. Сказала,

---

¹ Батюто А.И. Указ. соч. Запись от 28 марта 1950 г. (дата обращения: 29.07.2019).

² Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 26.

³ Там же. С. 47.

⁴ Пришвин М.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhitto.org/person/56> .Запись от 4 марта, 16 июня 1946 г. (дата обращения: 29.07.2019).

⁵ Там же. Запись от 2 июня 1947 г. (дата обращения: 29.07.2019).

что в Кремле – Сталин, которого все мы любим. Я люблю, я готова за него... Они сразу же умолкли, а потом переменили разговор»¹.

Возвращаясь к анализу перфекционистской модели экономических стратегий населения, важно отметить, что 1950-е гг. фиксируется некоторое снижение интенсивности трудовой активности горожан. Так, например, на Челябинском тракторном заводе в 1949 г. было 253 бригады, соревнующиеся за отличное качество продукции (1756 человек), а в 1951 г. количество бригад сократилось до 239 (1265 человек)². На Уралмашзаводе в 1951 г. в соревновании за экономию участвовало только 8% рабочих, за выпуск продукции отличного качества – 20% рабочих предприятия³. Все чаще фиксировались проявления формализма в поведении социалистических соревнований. Так, например, на металлургическом заводе им. Серова (г. Серов, Свердловская обл.) были утверждены условия соревнования рабочих по профессиям на 1951 год, в которых устанавливались одинаковые показатели для 97 профессий⁴. Индивидуальные обязательства рабочих также в большинстве случаев были формальными, не отражающими конкретных трудовых задач⁵. На существование различных проявлений формализма и «псевдо новаторства» в стахановском движении 1950-х гг. указывали в своих дневниках современники. Так, например, В.А Чивилихин (работавший в редакции газеты «Гудок», г. Москва) в 1952 г. отметит: «...вместе с настоящим творческим отношением к труду появилась на разных предприятиях масса подражателей, умников, псевдоноваторов, как грибы после дождя, стали нарождаться «почины». Газеты лихорадили закрутившихся председателей месткомов, командиров, рабочих. ... (А как извращались уже признанные методы!) «Метод Жандаровой и Агафоновой на паровозе, в автоматном цехе» и т.д. «Метод Шебликина в работе паровозных диспетчеров». «Метод слесаря вологодского завода Клавдии Виноградовой на паровозе». А метод-то – в сменно-суточном графике»⁶. Об изменении отношения граждан к работе напишет в своем дневнике Л.В. Шапорина: «Совсем другое отношение к рабо-

---

¹ Филипович Э.Г. Указ. соч. Запись от 15 июля 1950 г. (дата обращения: 29.09.2019).

² Очерки развития социалистического соревнования на Урале ... С. 170.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Чивилихин В.А. Указ. соч. 171.

те, чем прежде. Тогда для людей это было любимое дело, работали с энтузиазмом, увлечением, не считаясь со временем. Теперь приходят в театр как на службу, поглядывают на часы... Что-то потухло в людях»¹.

О снижении трудового энтузиазма населения в 1950-е гг. горожане упоминали в письмах в органы власти и редакции газет. Так, например, Н. Краслов (г. Москва) в письме Хрущеву в 1955 г. отметил: «... в советском народе погасает тот энтузиазм, который был раньше. Каждый стремится только побольше заработать каким-либо способом, а остальное его не касается»². Писатель Ф.А. Абрамов, размышляя в 1958 г. о послевоенном периоде, также отметит своих дневниковых записях тенденцию снижения трудового энтузиазма населения: «Опьяненные победой, зазнавшиеся, мы решили, что наша система идеальная («победил государственный строй», победил экономический строй, победил политический строй), и не только не стали улучшать ее, а, наоборот, стали еще больше догматизировать ее. ... Десять лет мы жили по инерции, на дрожжах войны, военного энтузиазма, но потом военный капитал иссяк – наступило банкротство. Полная несостоятельность. Сигнализировал ли народ о неблагополучии? Сигнализировал. Он перестал работать. Всероссийский саботаж»³.

Помимо отмеченного Ф.А. Абрамовым «иссякнувшего трудового энтузиазма», снижение трудовой активности горожан могло быть обусловлено изменениями в оплате труда. Снижение роли премиальных выплат трудящимся, ставшее следствием правительственной политики доходов, подводимой в конце 1940-х–1950-е гг., не симулировало трудовую активность горожан. Рабочий А.И. Дмитриев (г. Молотов) в 1950-е гг. в своем дневнике многократно обращается к проблеме сокращения премиальных выплат, и увеличения доли оклада в заработной плате, отмечая недовольство рабочих предприятия: «25% премии вычли, ... все-таки это очень неправильно»⁴; «работа изредка есть, но с премией очень плохо. За май я заработал премии всего только 368 руб. Если так будет продолжаться и дальше, то много на руки получать не придется. В общем,

---

¹ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 178.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 8.

³ Абрамов Ф.А. А люди ждут, ждут перемен. Из дневников и рабочих записей // Известия. 1990. 3 февраля. С. 3.

⁴ Дмитриев А.И. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhitto.org/person/418> . Запись от 6 февраля 1951 г. (дата обращения: 29.09.2019).

жизнь началась плохая, все работающие в цехе очень недовольны ... работать все стали больше, а получать гроши»¹; «последние дни я сижу только на своем окладе. Да если еще премии не будет, то я совсем с деньгами погую»²; «заработка совсем нет, и с каждым месяцем его делают все меньше и меньше. Ребята все недовольны ... вот за ноябрь будет уже только один оклад»³. О снижении трудового энтузиазма, явившемся следствием изменения политики доходов, А.И. Дмитриев напишет в своем дневнике: «А вообще-то будет скучновато, если будут платить мало денег»⁴; «Денег в цехе ... не дают ... начальники кабин, и мастера вроде нас сидят на одних окладах. Сейчас все охладели к работе. Так что ко всему стали относиться безразлично»⁵. О незаинтересованности рабочих в интенсивной трудовой активности напишет в своем дневнике В.А. Чивилихин (1956 г.): «...взять такую профессию – слесарь. Он получает 900 р. ставку. Стоят машины – 900 р., рубают они уголек – 900 р. Он не заинтересован материально в том, чтобы машины давали больше угля. Кроме того, 900 р. под землей – мало. И ценящий себя слесарь старается уйти в бригаду, навалоотбойщиком и т.п. А места слесарей занимают малоквалифицированные мальчишки, которые могут лишь ломать машины»⁶.

Таким образом, перфекционистская модель экономических стратегий, проявляющаяся в практиках интенсивного труда, перевыполнении трудовых обязательств, стахановских достижениях, подписке на заем, превышающей рекомендуемые нормы и пр., фиксировалась в среде послевоенного городского социума РСФСР. Интенсивная трудовая активность, проявляющаяся в стахановских трудовых рекордах, была более выраженной в молодежной среде. Именно молодые люди (в возрасте от пятнадцати до тридцати лет) воспроизвели в своих суждениях лексемы, презентуемые в дискурсе периода в качестве характеристик «правильной» трудовой стратегии граждан – *трудовое напряжение, самоотверженный труд, борьба* и пр.; стремились к формированию у себя качеств и свойств, необходимых для советского человека (упорство, воля и

---

¹ Там же. Запись от 9 июня 1955 г. (дата обращения: 29.09.2019).

² Там же. Запись от 27 июля 1955 г. (дата обращения: 29.09.2019).

³ Там же. Запись от 1 ноября 1955 г. (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ Там же. Запись от 31 января 1948 г. (дата обращения: 29.09.2019).

⁵ Там же. Запись от 9 апреля 1948 г. (дата обращения: 12.08.2019).

⁶ Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 181.

т.п.); одобрительно отзывались о проживаемых политических реалиях; позитивно воспринимали продукцию советского кинематографа, информацию, преподносимую в СМИ и т.п. Именно молодежь в силу ее большей энергичности, толерантности к материально-бытовым трудностям, можно определить как группу наиболее восприимчивую к политико-экономическим императивам, транслируемым в послевоенном советском дискурсе. В то время как представители советского социума зрелого и преклонного возраста более критически оценивали проживаемые реалии, в большей степени ориентируясь в своих трудовых стратегиях не на романтизированные идеалы, а на целесообразность деятельности для благополучия своих семей, фактически не оперируя в своих суждениях (не предназначенных для публичного озвучания), лексемами, маркирующими эталонные трудовые стратегии. Количественно оценивая данную группу можно отметить, что в РСФСР в конце 1950-х гг. люди в возрасте до тридцати лет составляли 55% населения, в среде горожан этот показатель составлял 54,9%. Возрастная группа горожан от 20 до 30 лет составляла 20,6%, в то время как горожане РСФСР 50 лет и старше составляли 16,7%¹. Такая возрастная специфика создавала благоприятные возможности для распространения перфекционистской поведенческой модели в городской среде.

В хронологическом разрезе о большей выраженности перфекционистских деятельностных стратегий в городской среде можно говорить применительно ко второй половине 1940-х гг. В 1950-е гг. фиксируется затухание трудового энтузиазма горожан. Данная тенденция не только ощущалась современниками периода, но и нашла свое отражение в усилении формализма в проведении социалистических соревнований, снижении его интенсивности, в псевдо новаторстве трудовых починов и пр. Причины произошедшего можно объяснить усталостью мобилизованного населения², а также изменением системы оплаты труда горожан – снижением доли премиальных выплат в заработной плате, увеличением роли фиксированного оклада. Такая система оплаты труда горожан не способствовала стимуляции их трудовой активности.

---

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940 – 1959 гг. М., 2001. С. 368.

² Седов В.В. Указ. соч. С. 22.

7.2. Эволюция адаптивных экономических стратегий горожан

В данном разделе работы рассмотрены адаптивные стратегии городского населения РСФСР 1946–1956 гг., реализуемые посредством практик в сферах труда, потребления материальных благ и услуг и жилищной сфере, направленные на «обживание» горожанами экономических реалий и не связанные с нарушением действующих законов.

Обратимся к рассмотрению адаптивных стратегий горожан, реализуемых в сферах: *труда, материального потребления и монетарного поведения*. В послевоенные годы заботы о «хлебе насущном» являлись для большинства горожан необходимым условием выживания, составляя основное содержание жизни. О существенной важности решения проблем материального обеспечения жизни (наиболее важным из которых являлось питание), свидетельствует отражение данной проблемы в многочисленных дневниковых записях и воспоминаниях горожан¹. Семнадцатилетний В.А. Чивилихин (будущий писатель, журналист), живший в г. Тайга Кемеровской обл., 11 января 1946 г. писал в своем дневнике: «Черт побери! Когда кончатся эти усилия, эти заботы о насущном. Кажется, что за него только и стоит работать»².

До конца 1947 г. в стране продолжала существовать система снабжения населения продовольствием по установленным нормам. Получение и отоваривание карточек для городских жителей было сопряжено с многочисленными трудностями. Рабочий авиамоторного завода (г. Молотов) А.И. Дмитриев отмечал в своем дневнике: «Чтобы получить карточки, я пробыл в цехе с 6-00 час. вечера до 1-30 час. ночи»³. Стояние в очередях в магазинах, где отоваривали карточки, занимало значительное количество времени горожан. В своем дневнике Э.Г. Филипович (г. Москва), пишет: «Утром я пошла за хлебом. Стояла там до 12 часов»⁴. Выстраивание в очередях вовсе не гарантировало получение

---

¹ Малахиева-Мирович В.Г. Маятник жизни моей: дневник русской женщины 1930-1954. М., 2015; Филипович Э.Г. Указ. соч. и др.

² Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 64.

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. (дата обращения: 12.08.2019).

⁴ Филипович Э.Г. Указ. соч. Запись от 11 января 1947 г. (дата обращения: 15.08.2019).

хлеба. Например, в ряде магазинов Минусинска (Красноярский край), карточки на хлеб не отоваривались по 4–5 дней,¹ в городах Свердловской области задержка в отговаривании карточек могла достигать нескольких недель². Помимо этого привозимого в магазины хлеба хватало не всем. З.А. Мечтова (г. Чесноковка, Алтайский край) в дневниковых записях пишет: «В магазине на карточки не достаётся, не хватает всем. Нажмут, натолкают бока и без хлеба домой идти приходится»³. О важности продовольственных карточек пишет в своем дневнике писатель М.М. Пришвин: «Наша домработница вчера, в самом начале месяца, потеряла все наши хлебные карточки ... Это меня так расстроило»⁴.

Норма хлеба была дневной, а по всем остальным продуктам месячной и, в отличие от других продуктов питания, хлеб никогда не выдавался в виде заменителей. Именно хлеб в силу его калорийности и относительно низкой стоимости являлся для большинства городских жителей приоритетным продуктом питания. Обращение к материалам бюджетных обследований рабочих промышленных предприятий Свердловской области позволяет прийти к выводу, что объем потребления хлеба зависел от количества членов семьи работника, а также не был статичен на протяжении 1946 г. В январе 1946 г. бессемейные рабочие, а также те, в семьях которых работало половина и более членов всей семьи потребляли в среднем 21 кг. хлеба на человека⁵. Многосемейные рабочие с составом семьи от 4 до 7 человек, из которых 1 – 2 работали, потребляли в среднем по 15,9 кг хлеба на человека в месяц⁶. В сентябре 1946 г. объем потребления хлеба рабочими одиночками, а также семьями, где работало более половины членов, сохраняется на том же уровне, а в семьях многосемейных рабочих снижается до 15 кг на человека в месяц⁷. Повышение пайковых цен осенью 1946 г. отразилось на объемах потребления горожанами хлеба. В ноябре 1946 г. объем потребления хлеба снижается во всех группах: одиночки – 17 кг;

---

¹ Чеберяк Н.В. Проблемы снабжения населения Красноярского края продуктами питания в период продовольственного кризиса 1946-1947 гг. // Омский научный вестник. 2011. № 3. С. 42.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 22–28.

³ Мечтова З.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/160>, Запись от 18 октября 1946 г. (дата обращения: 15.08.2019).

⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1946–1947. М., С. 14.

⁵ Посчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 228. Т. I. Л. 8, 9, 34, 36, 40, 41, 42, 43, 44, 45.

⁶ Там же. Д. 255. Л. 3; Д. 228. Т. I. Л. 1-20.

⁷ Там же. Д. 228. Т. II. Л. 3-23.

семьи, в которых работающие составляли более половины членов – 19,3 кг; многосемейные – 12,6 кг на человека в месяц¹. Средний объем годового потребления хлеба в семьях промышленных рабочих Свердловской области в 1946 г. равнялся 228 кг, снизившись в 1947 г. до 206 кг. на душу населения в год². В семьях рабочих Сибири душевое потребление хлеба и хлебопродуктов (крупа, макароны, мука) в 1946 г. составляло 229,6 кг, в 1947 – 200,3 кг в год³.

Основной объем потребляемого хлеба составлял ржаной черный хлеб. На редкость белого хлеба в рационе даже достаточно обеспеченных горожан указывает запись в дневнике М.М. Пришвина: «Удалось купить белую булочку. Мы ее разделили на три части. Наслаждение было после черного хлеба»⁴. Качество черного хлеба значительно ухудшилось вследствие проводимой правительством во второй половине 1946-го–1947 гг. кампании по экономии хлеба. В заводской газете «Металлург» Выксунского металлургического комбината (Горьковская обл.) в 1946 г. была опубликована жалоба рабочих электроцеха, в которой сообщалось: «сырой хлеб с комьями запеченной соли стал повседневным явлением в рабочих столовых»⁵. На плохое качество хлеба жаловались и жители других регионов⁶.

Объемы потребляемого в первые послевоенные годы хлеба были сопоставимы с потреблением картофеля, который также являлся важной составляющей питания горожан. О «жизненной» важности картофеля писал в своем дневнике В.А. Чивилихин (1946 г.): «Сегодня мамаша залезла в подполье и обнаружила, что остается мало картофеля. Опять нам грозит “блокада”»⁷. Запасание на зиму картофеля являлось неотъемлемой практикой городской повседневности. В дневнике рабочего авиастроительного завода (г. Молотов) А.И. Дмитриева в записи от 5 октября 1946 г. отмечено: «Вчера привезли домой тонну картошки. Она обошлась нам примерно по 1 р. 10 коп. за 1 кг., ... купили ее в совхозе “Кондратово”. ... Сейчас мы на зиму картошкой обеспечены»⁸. Материалы

---

¹ Там же. Л. 93–120.

² Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного ... С. 221.

³ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи ... С. 98.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1946–1947. ... С. 363.

⁵ Когда же будет качественный хлеб? // Металлург. 1946. 16 марта. С. 2.

⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 196. Л. 64.

⁷ Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 64.

⁸ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 5 октября 1946 г. (дата обращения: 15.08.2019).

бюджетных обследований жителей г. Свердловска (1946 г.), фиксируют запасы картофеля (осуществляемые путем закупок или с ЛПХ), проводимые горожанами в сентябре-октябре 1946 г. Так, например, многосемейные рабочие завода УЗТМ (с составом семьи 5-6 человек, из которых работали 1-2 человека) в сентябре заготовили от 800 кг до 2 580 кг картофеля¹. Рабочие, семьи которых составляли 4 человека (из них 1-2 работающих), заготовили в сентябре 1946 г. от 420 кг до 1 500 кг картофеля². Семьи из двух человек либо бессемейные рабочие заготавливали от 50 кг. до 380 кг картофеля,³ хотя нередкими являлись бюджеты, фиксирующие отсутствие практик запасов картофеля рабочими УЗТМ, не имеющими семей⁴. Практики заготовления картошки отметит в своем дневнике поэтесса В.Г. Малахьева-Мирович (г. Москва): «Комнатушка, превращенная в хранилище картошки и других овощей (теперь это не редкость во многих квартирах). Я сижу на тахте, ноги мои окружены картофелинами»⁵.

Источником поступления картофеля (и других овощей) для большинства горожан являлись личные огороды. Огородничество являлось широко распространенной практикой. В Молотовской, Свердловской и Челябинской областях общая численность огородников составляла 1 795 500 чел., 77,3% рабочих имели свои огороды⁶. В Свердловской области количество индивидуальных огородников в 1945 г. возросло по сравнению с 1940-м г. в 1,5 раза, а по объемам обрабатываемых площадей в 2 раза⁷. Около 90% рабочих Кузбасса, Красноярского края и Иркутской области занимались огородничеством⁸. В городе Великие Луки в 1946 г. огородами горожан было занято 500 га земли⁹. На Выксунском металлургическом заводе (Горьковская обл.) в 1945 г. число огородников насчитывало 2341 семью, а посевная площадь огородов равнялась 108,6 га¹⁰. Наряду с индивидуальным развивалось коллективное садоводство. В 1947 г. в

¹ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 228. Т. II. Л. 6, 13, 18, 22.

² Там же. Л. 5, 8, 25.

³ Там же. Л. 7, 10, 17, 24, 26.

⁴ Там же. Л. 11, 12, 15, 102, 103, 105, 110.

⁵ Малахьева-Мирович В.Г. Указ. соч. С. 492

⁶ Трифонов А.Н. Создание и развитие продовольственной базы промышленных центров Урала в период Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938 – 1958). Свердловск, 1982. С. 64.

⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 224. Л. 42.

⁸ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 87.

⁹ 500 гектаров под огороды трудящихся // Великолукская правда. 1946. 16 мая. С. 2.

¹⁰ Лобанов Ф. Хорошо удобряйте огородные участки // Металлург. 1946. 13 апреля. С. 2.

Свердловске было организовано 12 коллективных садов¹. В среднем по стране на каждую семью занимающуюся огородничеством приходилось в 1945 г. более полутоны картофеля и других овощей². Хотя по профсоюзам отдельных отраслей данные показатели были выше. Так, например, в среднем на одну семью, занимающуюся огородничеством, по профсоюзу рабочих тяжелого машиностроения пришлось 845 кг продукции; по профсоюзу рабочих транспортного машиностроения – 892 кг; авиационной промышленности – 680 кг.³ В семьях рабочих Сибири подсобное хозяйство приносило в 1946 г. 662,6 кг картофеля, 47,5 кг овощей (в среднем на одну семью), в 1947 г. данные показатели составили 711,8 кг и 121,6 кг соответственно⁴.

Важно отметить, что заготовление семьями горожан картофеля осенью не всегда означало, что данный объем будет запасом на зиму. Изменение пайковых цен на хлеб, а также сокращение контингентов граждан, находящихся на карточном снабжении осенью 1946 г. обусловило увеличение потребления картофеля. Как отметила на собрании по поводу повышения цен шлифовальщица Кузнецова (завод РТИ г. Свердловск): «Теперь придется питаться только картошкой»⁵. Предпринятый анализ бюджетов рабочих УЗТМ позволяет прийти к выводу, что потребление картофеля уже в сентябре 1946 г. составило от 7 до 70% сделанных запасов. В натуральных величинах больший объем потребления фиксировался в семьях численностью 5-6 человек – около 100 кг в месяц, а в процентном выражении – у рабочих-одиночек (от 13 до 70% запасов)⁶. В результате высокого уровня потребления картофеля, запасы, сделанные рабочими УЗТМ ранней осенью, пополнялись уже в ноябре 1946 г.⁷ Потребление картофеля в ноябре 1946 г. по сравнению с сентябрьским уровнем только возрастало. Семьи рабочих из 4-6 чел. потребляли в ноябре 90–150 кг картошки, семьи из трех человек – 50–67 кг.⁸ Данные показатели выглядят еще более впечатляющими в сравнении с уровнем января 1946 г. когда потребление картофеля было

---

¹ Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 95.

² Тарасов М. Индивидуальное и коллективное огородничество // Правда. 1946. 1 февраля. С. 3.

³ Там же.

⁴ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 90.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 20.

⁶ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 228. Т. II. Л. 6–40.

⁷ Там же. Л. 98.

⁸ Там же. Л. 93, 98, 100, 108, 114.

минимальным (от 3 до 20 кг на семью в месяц), даже в семьях, состоящих из 4–6 человек (но более высоким был уровень потребления крупы, макарон и пр.)¹.

Приоритетное потребление картофеля (превышающее по объемам потребление хлеба), как правило было характерно для семей низкооплачиваемых и многосемейных горожан. В обследованиях уровня благосостояния рабочих промышленных предприятий, предпринятых в Свердловской области сотрудниками оргинструкторских отделов ВКП(б), была отмечена стратегия продовольственного потребления на примере семьи низкооплачиваемого многосемейного рабочего: «подсобный рабочий, трое детей, жена домохозяйка, зарплата 600 руб., ... хлеба не хватает. На рынке покупает хлеб, а под конец месяца питается картошкой»². Реализация экономической стратегии «компенсации» нехватки хлеба картофелем фиксируется в период 1946–1947 гг. Так, например, семьи рабочих Сибири в 1946 г. потребляли в среднем 239,1 кг картофеля в год (на человека), а в 1947 г. объем душевого потребления увеличился до 260,6 кг в год, при сокращении объема потребления хлеба на 20%.³ В целом, в 1947 г. продовольственный кризис, который переживала большая часть городского населения, только усилился. Проблемы продовольственного обеспечения приобретали наибольшую остроту в семьях низкооплачиваемых категорий горожан. Т.Д. Булах-Гардина (актриса, поэтесса, г. Ленинград) в своем дневнике в 1947 г. отметит: «Дороговизна прежняя, усталость и голод большинства населения не уменьшаются. Ко мне за картофельными очистками ходит дворничиха, имеющая взрослую дочь и сына-ремесленника»⁴.

Еще одним продуктом, потребление которого являлось приметой послевоенного времени, являлась квашеная капуста. В газетах публиковались объявления об ее продаже ОРСами предприятий⁵. Информацию о покупках и различных вариантах потребления горожанами квашеной или «кислой» капусты (в холодном, горячем виде, в качестве начинки для ржаных пирожков), можно по-

---

¹ Там же. Д. 228. Т. I. Л. 2–20.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 170. Л. 123

³ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 98.

⁴ Булах-Гардина Т.Д. Дневник // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/2311>, Запись от 18 февраля 1947 г. (дата обращения: 15.08.2019).

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1946. 21 апреля. С. 4.

черпнуть в дневниках и воспоминаниях современников, письмах в газеты¹. Заготовление капусты на зиму также являлось широко распространенной практикой горожан. В дневнике рабочего А.И. Дмитриева (г. Молотов) сообщается о заготовлении на зиму двух бочек капусты². В дневниковых записях поэтессы В.Г. Малахиевой-Мирович (г. Москва) отмечено: «в стекло окна глядят поставленные между рамами банки с кислой капустой»³. Квашеная капуста была широко распространена в системе общественного питания, хотя качество ее также оставляло желать лучшего. В объяснительной записке Белоскокова (директор школы ФЗО № 71 г. Каменск-Уральский (Свердловская обл.)) начальнику Свердловского областного управления трудовых резервов, отмечено по поводу питания учащихся: «у капусты отсутствуют нормальные вкусовые качества, так как ее засолили в мороженом виде. А потом она уже просто надоела, так как это основной наш спутник»⁴. О низком качестве квашеной капусты в системе общепита свидетельствует обращение к данной теме заведующего планово-финансового и торгового отдела Свердловского обкома ВКП(б) Капустина: «Мы не умеем квасить капусту, во всяком случае, в большинстве ОРСов не умеем квасить капусту»⁵.

Другие продовольственные товары – мясо- и рыбопродукты, крупу и пр., в первые послевоенные годы можно было, как и хлеб, выкупать по карточкам, но их приобретение было сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, карточки достаточно часто отоваривались заменителями. Так, например, вместо крупы мог выдаваться картофель, в соотношении 1 : 5⁶. Информатор Свердловского горкома ВКП(б) в октябре 1946 г. сообщала о практиках подобного «товарного замещения»: «Крупа в большинстве магазинов заменяется мукой, картофелем. Для отговаривания мясных карточек имеются только импортные консервы и соленая рыба. ... На заводе № 76 Серова продовольственные карточки ... на крупу отоваривают картофелем и ржаной сеяной мукой, а мясные карточки – на

---

¹ О капусте и фанерных солдатаках // Советская Сибирь. 1946. 15 июня. С. 2. Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 20; Кривулина Ю.А. Полевые сезоны и просто жизнь. 1946-1963 // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/150>. Запись от 13 января 1946 г. (дата обращения: 15.08.2019).

² Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 23 октября. 1946 г. (дата обращения: 15.08.2019).

³ Малахиева-Мирович В.Г. Указ. соч. С. 492.

⁴ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 37.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 224. Л. 35.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290. Л. 148–154.

70% сухой соленой рыбой»¹. Жители Каменск-Уральского (Свердловская обл.) на рабочих собраниях высказывали возмущение, что «продкарточки по мясу отоваривают только рыбой»². А.И. Дмитриев в своем дневнике отметил: «отоварили жиры за прошлые месяцы ... ржаной мукой»³. Во-вторых, ограниченный семейный бюджет не всегда позволял горожанам выкупать все продукты. Летом 1946 г. стоимость месячного продовольственного пайка на одного рабочего Москвы составляла в среднем 116 руб., ИТР – 136 руб., рабочего-угольщика – 206 руб⁴. Но эти сравнительно небольшие суммы составляли объем индивидуального пайка, а для многосемейных горожан его стоимость была выше. Для отговаривания продуктовых карточек на семью из трех человек в месяц требовалось 600–700 руб.⁵ Положение многосемейных и низкооплачиваемых групп городского социума усугубилось после повышения пайковых цен в сентябре 1946 г. Покупательские стратегии данных категорий граждан иллюстрирует бюджет грузчика из Челябинска, который он представил на рабочем собрании: «Имею 6 иждивенцев, получаю в среднем 800 рублей в месяц... Моего заработка хватит мне только вот на что: 1. Вычет на заем 140 рублей; 2. Подоходный налог 62 рубля; 3. Выкупить хлеб 387 рублей; 4. Выкупить мясо 186 рублей; 5. Выкупить сахар 36 рублей. Итого 811 рублей. Не хватает средств: 1. Уплатить за квартиру 90 рублей; 2. Выкупить жиры 180 рублей; 3. Выкупить крупу 70 рублей; 4. Уплатить профвзносы 8 рублей; 5. Выкупить мыло 24 рубля; 6. Уплатить за 3 школьников за завтраки 140 рублей; 7. Сходить семье в баню 28 рублей. Таким образом, мне не хватает 512 рублей...»⁶. Работница московской швейной фабрики вычислила, что после повышения цен она ежемесячно будет приносить домой 350–400 руб., в то время как на жизнь ей требуется не менее 800 руб.⁷ На нехватку денежных средств на то, чтобы выкупить паек, жаловались рабочие и других городов РСФСР⁸.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 35–36.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 196. Л. 67.

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 8 октября. 1946 г. (дата обращения: 15.08.2019).

⁴ Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы ... С. 72, 76; Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 78

⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество ... С. 70.

⁶ Цит. по: Никонова. О.Ю. «Борьба за “Минимум калорий” ... С. 31.

⁷ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 241. Л. 39.

⁸ Лейбович О.Л. В городе М. ... С. 72.

В период карточного снабжения, потребления мясомолочных продуктов, а также рыбы было достаточно низким. Годовой объем мяса, потребляемого рабочими Свердловской области в 1946 г составлял 11 кг, рыбы – 7,1, в 1947 г. кг.¹ В Сибири данные показатели были несколько ниже – 10,9 и 6,4 кг соответственно². В 1947 г. душевой объем потребляемых рабочими мясopодуKтов снижается до 9,6 кг в год в Свердловской области и до 10,7 кг в год в Сибири. В то же время душевое потребление рыбы по сравнению с 1946 г. возрастает до 9 кг в Свердловской обл. и 8,3 кг в Сибири. Повышение потребления рыбы было связано с частым отовариваем ею карточек на мясо, а также с широким распространением рыбы в системе общественного питания предприятий и учреждений. Как правило, это была соленая рыба, достаточно низкого качества. В 1946 г. директор школы ФЗО № 71 г. Каменск-Уральский (Свердловская обл.) Бело-скоков в объяснительной записке начальнику Свердловского областного управления трудовых резервов, характеризуя питание учащихся, писал: «часто употребляют рыбу – щучку величиной по длине 7-8 см, а если отнять (отделить) хвост, голову, то остается 3-4 см крепко просоленной рыбки»³. В целом рыбно-капустный рацион был типичен для столовых предприятий и учреждений послевоенных лет. На заводском собрании УЗТМ (г. Свердловск) осенью 1947 г. рабочие интересовались: «Когда нас перестанут кормить плохой рыбой и капустными листьями»⁴.

Индивидуальное животноводство, наряду с огородничеством, являлось существенным подспорьем в обеспечении горожан продовольствием. Рабочие и служащие Красногорского района Свердловской обл. в 1947 г. имели в индивидуальном пользовании более 2000 голов крупного рогатого скота и около 400 коз.⁵ В семьях рабочих Сибири индивидуальное животноводство приносило 66,2 л молока и 2,6 кг мяса и мясopодуKтов в год (в среднем на семью), в 1947 г. данные показатели равнялись 102,2 л. и 2,2 кг. соответственно⁶. Хотя стоимость скота в послевоенные годы была достаточно высокой: в 1946 г. корову

---

¹ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного ... С. 221.

² Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 98.

³ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 37.

⁴ Там же. Ф. 161. Оп. 12. Д. 119. Л. 2.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 43. Д. 196. Л. 60.

⁶ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 90–91.

можно было купить в Алтайском крае за 3000–4000 руб.¹, в Псковской области ее стоимость в 1947 г. составляла 6000–8000 руб., козы – 900 руб., овцы – 1200 руб.² В г. Серов (Свердловская обл.) козу можно было купить на рынке за 900 руб.³ Помимо этого горожане сталкивались с проблемами содержания скота в городах – отсутствием «скотских вагонов» для его содержания, пастбищ, кормов и пр.⁴ Так, например, за неимением пастбищ и мест для содержания, коровы работников шпагатной фабрики им. М.И. Калинина (г. Псков) находились прямо на территории фабрики⁵. В целом, достаточно высокая стоимость скота, а также необходимость обеспечения условий его содержания, не позволяли большинству горожан с низким заработком, либо бессемейным, живущим в общежитиях, заниматься животноводством.

Фактически адаптивные практики большинства горожан в первые послевоенные годы сводились к поиску наиболее дешевых и доступных вариантов потребления, которые достигались посредством скудного хлебно-картофельного (капустного) рациона, практик самостоятельного выращивания и заготовления продуктов впрок. Хотя такие стратегии выживания были характерны не для всех. Так, например Т. Д. Булах-Гардина (актриса, поэтесса, г. Ленинград) в своем дневнике о встрече Нового 1946 года пишет: «Выпили шампанского, съели рябчиков и в хорошем настроении погрузились в сон»⁶. Данный пример иллюстрирует высокий уровень материальной дифференциации советского социума. В то же время «профессиональная» принадлежность к советской богеме (куда входили артисты, писатели, композиторы и пр.) не гарантировала высокого качества жизни. Так, например, послевоенные материальные трудности не были чужды Ф.Г. Раневской, А.А. Ахматовой⁷. Хотя, нельзя не отметить, что уровень трудностей, отраженный в дневниках горожан творческих профессий, был относительным. Переводчица Л.В. Шапорина (г. Ленинград) в своих дневниковых записях жалуется на безденежье, плохое питание:

---

¹ Мечтова З.А. Указ. соч. Запись от 28 октября 1946 г., 30 декабря 1946 г. (дата обращения: 15.08.2019).

² Салкина О. В. «Карточки отменяются...» Свидетельствуют документы // Псков. 2007. № 27. С. 229.

³ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 255. Л. 167.

⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 157. Д. 19, 31; Д. 196. Л. 60.

⁵ Салкина О.В. Указ. соч. С. 218.

⁶ Булах А.Г. Мир искусства в доме на Потемкинской. СПб., 2011. С. 146.

⁷ Щеглов А.В. Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998. С. 64, 67, 68. Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 18.

«Я ежедневно просыпаюсь в 6 утра и мучительно думаю, как я выкарабкаюсь ... и в то же время надеюсь с Божьей помощью осилить все трудности»¹. Но из ее же дневника мы узнаем, что она имела не плохие жилищные условия (отдельную квартиру), ее заработки были нерегулярными и на содержании находились внуки, но она не отказывалась от услуг домработницы и няни, а денежные расходы семьи могли превышать 3000 руб. за три недели². Яркой иллюстрацией жизнедеятельностных стратегий данной категории горожан является сюжет, приведенный в дневнике писательницы В.Г. Малахиевой-Мирович (г. Москва): «Вместо конфет – из последних 90 рублей истратила 17 на сто грамм кетовой икры. Захотелось соленого и вообще чего-то, кроме картофеля, в такой мере захотелось, что отступили денежные и, увы! также и моральные соображения. Они пришли уже тогда, когда все 100 грамм были уничтожены ... Без хлеба»³.

В целом для большинства горожан даже скудный рацион питания обходился достаточно дорого. В период действия карточной системы горожане расходовали на продукты питания в среднем более половины своего заработка. Объем затрат на питание существенным образом зависел от сферы занятости членов семьи. Так, например, семьи работников обувной промышленности Свердловской области во второй половине 1946 г. расходовали на питание в среднем 38% от общего бюджета семьи или около 60% от суммарного объема заработной платы всех членов семьи⁴; в семьях рабочих черной металлургии данные показатели равнялись – 30,2 и 42,6%⁵; в семьях ИТР – 26,9 и 57,2%⁶; в семьях служащих – 31,5 и 54,8% соответственно⁷. Вследствие повышения пайковых цен, расходы на питание во всех группах городского социума Свердловской области (рабочих, ИТР и служащих) повысились на 20-40% по отношению к уровню расходов на питание августа 1946 г. В 1947 г. уровень расходов на питание в семьях горожан превысил уровень 1946 г. По расчетам С.С. Букина расходы на питание рабочие семьи Сибири (Алтайский и Красноярский края,

---

¹ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 11.

² Там же. С. 5.

³ Малахиева-Мирович В.Г. Указ. соч. С. 500.

⁴ Подчитано по: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 227. Л. 77-82.

⁵ Там же. Л. 60-62, 94, 95.

⁶ Там же. Л. 123, 125, 127, 129, 131

⁷ Там же. Л. 146, 148, 150, 152, 154.

Тюменская, Омская, Новосибирская, Кемеровская, Томская, Иркутская, Читинская области, Бурятская, Тувинская, Якутская автономные республики) составлял в среднем в 1946 г. – 47,5% от общего объема расходов, а в 1947 г. – 54,5%¹. В целом по СССР объем расходов на питание в семьях рабочих промышленности в 1947 г. (за 11 месяцев с января по декабрь) составлял 62,8% от общей суммы расходов на одного члена семьи в месяц². Хотя в дневниковых записях горожан отмечены и более существенные траты на еду. Так, например, А.И. Дмитриев (рабочий, г. Молотов) в декабре 1946 г. отметит в своем дневнике: «Жить трудновато... Свободных денег у нас нет. Все идет на питание»³. (О том, что некоторые трудящиеся индустрии не имели достаточного количества средств даже на питание свидетельствуют факты о распространении дистрофии в городах страны⁴).

Картину восприятия городским населением негативных экономических реалий послевоенной действительности позволяют реконструировать высказывания горожан (на собраниях, в очередях, на улице, на работе, в банях и пр.), зафиксированные в информационных сообщениях информаторов горкомов ВКП(б), работников оргинструкторских отделов ВКП(б), сотрудников отделов Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) и др. Повышение пайковых цен вызывало у горожан тревогу за будущее. В Свердловске были зафиксированы слухи о том, что будут снижаться нормы хлеба для рабочих, будет нормированным картофель⁵. В Ленинграде ходили слухи о повышении проезда в трамвае до 45 коп.⁶ В отношении возможного повышения квартплаты на одном из собраний парторганизаций Урало-Сибирского округа железной дороги были озвучены слухи: «Будут брать 8 рублей за 1 кв. м. площади»⁷. Наиболее пугающими были слухи о подготовке к новой войне, зафиксированные во многих городах РСФСР⁸.

---

¹ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 60.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 5. Л. 267.

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 9 декабря 1946 г. (дата обращения: 15.08.2019).

⁴ Зима В.Ф. Указ. соч. С. 75–79; Фильцер Д. Указ. соч. С. 84.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 47.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 9.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 47.

⁸ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 424. Л. 152; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 524. Л. 12–13; Оп. 122. Д. 188. Л. 10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 52; Д. 196. Л. 3.

Характерной особенностью суждений горожан являлось отождествление себя с группой («рабочие», «многодетные», «многосемейные», «низкооплачиваемые» и т.п.) и высказывание мнения от имени группы. Так, например, работница швейной фабрики (г. Свердловск) по поводу повышения пайковых цен заметила: «Уж слишком большая надбавка на хлеб и пайковые продукты, ... несколько рабочему не дают оправиться»¹. Аналогичный прием отождествления фиксировался и в других высказываниях горожан: «рабочему живется очень тяжело» (Рязань)²; «низкооплачиваемым жить будет трудно»³; «низкооплачиваемым и многосемейным будет жить трудно»⁴; «хуже будет нам – одиночкам у нас ничего нет, семейные имеют хоть запас овощей, а мы только на столовой» (Свердловск)⁵.

Несмотря на наличие критических высказываний, в большинстве городов РСФСР не было зафиксировано массовых негативных настроений. Как замечали в своих сообщениях информаторы горкома ВКП(б) г. Свердловска: «Разговоров в очередях много, но явно панических настроений нет»; «Разговоров много, но чтобы похожие на возмущение не замечено»⁶. Наиболее типичной реакцией горожан, отмеченной в высказываниях граждан, текстах сообщений информаторов и отчетах партийных работников, была растерянность. Студентка индустриального института (Свердловск): «При известии о повышении цен у нас появилось некоторое чувство растерянности»⁷; Рабочий предприятия Свердловскпромстрой «пришел к начальнику с вопросом: “Как я буду жить с семьей?” Сказано это было без горячности в духе растерянности»⁸. Наиболее выраженным данное чувство было среди рабочих и служащих, живущих в сельской местности и снятых со снабжения хлебом⁹.

В большинстве документов, фиксирующих настроения населения, было отмечено, что «рабочие и служащие на собраниях одобрили решение правитель-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 167. Л. 64.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 19.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 18, 21.

⁷ Там же. Л. 24.

⁸ Там же. Л. 21.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 18.

ства» (Свердловск, Симферополь, Москва и др.)¹. Принятие негативных экономических мер, наряду с осознанием их негативных последствий, позволяет говорить о существовании *адаптивной модели суждений граждан*. В рамках означенной модели истолковывались негативные последствия проводимых правительством экономических мероприятий, а также объяснялись существующие в стране проблемы товарного обеспечения. Данные толкования не были прямым повторением текстов СМИ (хотя в них и фиксировалась информация, почерпнутая из данных источников). Означенная модель суждений представляла собой синтез фактов и объяснительных стереотипов, в русле которых выстраивались адекватные восприятию населения причинно-следственные связи, позволяющие трактовать проживаемую реальность, одновременно «смягчая» остроту объясняемой проблемы. Механизм «сглаживания» или «смягчения» заключался в такой трактовке проблемы, которая не дискредитировала авторитет власти и не презентовала группу к которой относился субъект, в качестве объекта негативных экономических мероприятий правительства. В адаптивной модели суждений граждан были акцентированы определенные элементы, посредством обращения к которым происходила солидаризация индивида с принимаемым правительством решением, а также «смягчение» его негативных экономических последствий. Перечислим данные составляющие адаптивной модели суждений, иллюстрируя их примерами высказываний городского населения РСФСР по поводу повышения пайковых цен, сокращения контингента и объемов карточного снабжения, проведенного осенью 1946 г.

Во-первых, негативное мероприятие имеет *конкретный социальный объект* – различные категории советского социума, живущие за счет трудящегося населения), на пресечение преступной (антиобщественной) деятельности которых и направлены жесткие меры правительства. Осенью 1946 г. в суждениях горожан в качестве такой социальной группы фигурировали *спекулянты*: «Постановление ... правительства своевременное, оно направлено на борьбу со спекуляцией»; «Решение правительства о введении новых цен не только своевременное, но его можно было вынести раньше, тогда меньше было бы спеку-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 10; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 170. Л. 1; Д. 171. Л. 27.

ляции» (Свердловск)¹; «Это заставит работать ... спекулянтов» (Невьянск, Свердловская обл.)². «Многим, занимающимся торговлей на базаре, теперь придется работать на предприятиях» (Калининская обл.)³. Сокращение контингента граждан, находящегося на карточном снабжении, выявило еще одну «адресную» группу правительственных мер – трудоспособные иждивенцы, фигурирующую в суждениях горожан как: «лодыри», «бездельники», «нахлебники» и пр. «Слишком много нахлебников, пусть они идут работать»,⁴ «Счет на иждивенцев – нахлебников сокращен. Это правильно»⁵ (Свердловск); «Это заставит работать лодырей» (Невьянск, Свердловская обл.)⁶; «Больше рабочей силы, меньше будет бездельников» (Серов, Свердловская обл.)⁷. «Правильно что иждивенцам не будут давать карточки. Пусть в тяжелое время работают» (г. Керчь)⁸. «Хорошо, что не выдается хлеба неработающим иждивенцам. Промышленности нужны рабочие руки, а они сидят дома и ничего не делают, а карточки получают» (Горький)⁹. «Это заставит многих подумать о работе» (Симферополь)¹⁰. В ряде случаев в суждениях горожан конкретизировались социальные группы, представители которых в результате их реализации правительственных мер не будут жить «легкой жизнью»: «Очень хотелось бы, чтобы жены начальников пошли работать, а то многие из них не имеют детей и сидят дома» (Свердловск)¹¹. Рассматривая правительственные мероприятия в данном ракурсе, горожане приходили к выводу об их правильности, вследствие направленности на устранение социальной несправедливости. Поэтому экономические трудности, с которыми лично им приходилось сталкиваться, трактовались как не существенные, не важные: «Мне большого труда не составит выкупить мой паек, т.к. он у меня не большой, буду как и раньше прикупать на рынке и в Особторге, ... а вот пусть попробуют выкупить свой паек те, у кого он боль-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 8, 27.

² Там же. Л. 137.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 18.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 197. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 171. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 137.

⁷ Там же. Л. 199-200.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 12.

⁹ Там же. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 197. Л. 1.

шой» (Свердловск)¹; «Мы то и раньше ели ржаной хлеб, а вот сейчас пусть они (руководители) проживут так, ... а то ели за наш счет» (Серов)². Фиксировались высказывания, в которых горожане отмечали недостаточную жесткость правительственных мер по отношению к некоторым «социальным элементам». Так на одном их собраний г. Каменск-Уральский было замечено, что городские власти плохо борются со спекуляцией, «отдельные люди только этим и занимаются»³.

Во-вторых, в рамках адаптивной модели суждений, проводимые мероприятия трактовались горожанами как *недоразумение и «недосмотр» центральной власти* за региональными чиновниками: «О всех безобразиях, которые творятся в стране, товарищ Сталин не знает» (Ленинград)⁴; «Это делают вредители. Хозяин отдыхает в Сочи (имеет в виду товарища Сталина), вот они и мудрят»⁵ (Москва); «Может быть это недоразумение?» (Свердловск)⁶. В сообщении информатора Свердловского горкома ВКП(б) отмечено: «Снижение норм хлеба детских карточек расценивается как местная инициатива, что это делается без указания из Москвы и тов. Сталин не знает этого, необходимо ему об этом написать и норма будет восстановлена»⁷.

В-третьих, экономические сложности объяснялись *внешнеполитическими причинами* – помощью СССР, оказываемой европейским государствам. «Хлеб продали кое-кому, а теперь сами остались без хлеба» (Невьянск, Свердловская обл.)⁸; «Хлеб за границу отправляют» (Кировоград, Свердловская обл., Челябинск)⁹; «Заграницу кормим» (Свердловск)¹⁰.

В-четвертых, хотя горожанами и осознавались негативные последствия принимаемых правительством мер, они расценивались как *рациональные и «по-хозяйски» правильные*. Примером означенных суждений являются следующие высказывания горожан по поводу повышения пайковых цен: «Правительство

---

¹ Там же. Д. 171. Л. 18.

² Там же. Л. 173.

³ Там же. Оп. 43. Д. 196. Л. 58.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 169. Л. 8

⁷ Там же. Д. 171. Л. 39.

⁸ Там же. Л. 138.

⁹ Никонова. О.Ю. Указ. соч. С. 30; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 157. Л. 23.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 169. Л. 10.

поступило по-хозяйски, а то сейчас были бы с хлебом хорошо, а весной пришлось бы голодать» (г. Нижний Тагил)¹; «Наше правительство силами всего государства и народа помогает пострадавшим от засухи областям. Всем понятно – трудности, которые нам придется пережить от повышения цен направлены на улучшение нашей жизни» (Свердловск)²; «Цены на продукты питания были установлены задолго до войны и больше не повышались. В то время я получал зарплату 200-250 руб., а сейчас получаю 800. И я считаю правильным, что рабочим зарплата повысилась, одновременно с этим должны быть повышены и цены на продукты питания, но правительство ... на это не шло, ... а сейчас приняло это решение» (Камышлов)³; «Лучше меньше норма сейчас, чем потом вообще без хлеба» (Серов)⁴; «Данное мероприятие о снижении норм хлеба направлено на то, чтобы сохранить основной паек за нами, рабочими» (Ленинград)⁵; «А как же иначе было поступать нашему правительству?» (Севастополь)⁶.

В-пятых, принимаемые меры трактовались как «терпимые» в сравнении с событиями, пережитыми горожанами в прошлом (царским режимом, войной, голодом и пр.): «На всем протяжении Советской власти мы пережили много тяжелых моментов. Так было после гражданской войны, так было в 1933 году, когда были введены карточки и повышены цены на продукты. Однако, со всеми этими трудностями мы справились. Переживем и сейчас этот тяжелый послевоенный период»; «Многие помнят, ... какие решения принимало царское правительство в голодные годы? Люди умирали от голода и целыми губерниями переселялись в плодородные края»⁷; «Мне будет трудно, но ведь когда была война, было еще тяжелее» (Свердловск)⁸; «Это неважно, что уменьшили норму детям, ... лишь бы не было войны» (Нижний Тагил)⁹. Ключевой категорией означенных суждений горожан являлось понятие *терпение*, а также высказывание

---

¹ Там же. Оп. 41. Д. 197. Л. 1.

² Там же. 171. Л. 7.

³ Там же. Л. 99–100.

⁴ Там же. Л. 173.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 7.

⁸ Там же. Д. 167. Л. 63.

⁹ Там же. Д. 169. Л. 2..

надежд на улучшение жизни в будущем: «Поживем, дальше жизнь улучшится», «Это создает базу к тому, что мы скоро получим лучшую жизнь»¹ (Свердловск)²; «Материальные жертвы будут временные», «Потерпим как-нибудь, лишь бы не было войны» (Молотовская обл.)³; «Потерпим, а там лучше будет» (Севастополь)⁴. Собственно надежда на лучшее будущее, по справедливому замечанию Е.Ю. Зубковой, являлась важным фактором развития послевоенного социума: «Надежда на лучшее и питаемый ею оптимизм задавали ударный ритм началу послевоенной жизни, создавая особую – после победную – общественную атмосферу»⁵.

Элементы адаптивной модели суждений, в русле которой населением признавались экономические трудности, оправдываемые объективными причинами, а также выражалась готовность их преодолеть, фиксировались в многочисленных высказываниях горожан РСФСР. Фактически распространенность данной модели суждений горожан подтверждает сформулированный в отечественной историографии тезис о достаточно лояльном отношении населения к существующему в послевоенный период режиму⁶, хотя данное отношение и не исключало возможности критики гражданами отдельных сторон послевоенной жизни.

Вернемся к анализу монетарных стратегий горожан. Удорожание жизни, явившееся следствием повышения пайковых цен в сентябре 1946 г., актуализировало стремление населения к еще большей оптимизации расходов – экономии. Категория *экономия*, популярная в советской политической риторике и газетном дискурсе второй половины 1940-х гг., фиксируется и в дневниках горожан, в контексте освещения реальных жизнедеятельностных стратегий. Так, например, писательница В.Г. Малахиева-Мирович (г. Москва) пишет о рационе питания М.Ф. Мануровой (жены священника): «Она ... питается изо дня в день кружкой молока, 250-ю граммами хлеба и экономно прибавленным к этому

---

¹ Там же. Д. 171. Л. 27.

² Там же. Д. 167. Л. 63.

³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 424. Л. 149, 151.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 10.

⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество ... С. 49.

⁶ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество ... С. 33.

картофелем»¹. Студент В.А. Порцевский (г. Москва) опишет практики экономии, измерив их в денежном эквиваленте: «Толя чрезвычайно экономен: тратит рублей 10 в день, а мы с Костей – по 20 рублей каждый»². Рабочий А.И. Дмитриев (г. Молотов), рассуждая о стратегии экономии: «Пить, конечно, не буду. Да и много никуда шляться не буду, как например, в кино или в театр. Буду также очень экономен в расходах. Все деньги только буду держать на питание»³. Таким образом, стратегия экономии в понимании горожан предполагала минимизацию расходов, которая варьировалась, в зависимости от доходов: от ограничения расходов исключительно питанием, до сокращения рациона питания самым необходимым минимумом.

Практическим шагом в реализации стратегии экономии, осознанно принятым частью горожан, стал отказ от пользования столовыми. На шахте им. Сталина в Кузбассе стоимость питания в столовой одного подземного рабочего по основной карточке с хлебом и всеми видами дополнительного пайка возросла с 321 до 725 руб. в месяц при средней зарплате в 840 руб. Следовательно, на регулярное питание в столовой потребовалось бы более 80% всего заработка рабочего⁴. В столовых треста «Свердпромстрой» (г. Свердловск) число ежедневно обедающих в октябре 1946 г. снизилось почти в три раза⁵. В столовой мартеновского цеха металлургического завода № 700 г. Лысьва (Молотовская обл.) 16 сентября расход блюд снизился в 4,5 раза⁶. В Мурманске 16 сентября из столовой № 2 открепилось около 200 студентов. Почти вдвое сократился контингент столовой № 3 Мурманторга (г. Мурманск)⁷. В Челябинске на кирпичном заводе «Строитель» из 60 человек, прикрепленных к столовой, 23 не выкупили свои завтраки и обеды, на заводе № 78 из трех столовых закрыли две из-за сокращения числа «столующихся»⁸.

---

¹ Малахиева-Мирович В.Г. Указ. соч. С. 500.

² Порцевский В.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/367> . Запись от 13 октября 1947 г. (дата обращения: 18.09.2019).

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 12 сентября 1948 г. (дата обращения: 18.09.2019).

⁴ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 60.

⁵ Мамяченков В.Н. Политика цен и карточная система в СССР: государство и общество в 1946 году (на материалах Свердловской области) // Вестник ЧелГУ. 2009. №37. С. 119.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 424. Л. 151.

⁷ «Военные» карточки: от введения до отмены ... (дата обращения: 18.09.2019); ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 339. Л. 2.

⁸ Никонова. О.Ю. Указ. соч. С. 34.

Те горожане, для которых столовая являлась важным источником питания (учащиеся, эвакуированные, бессемейные рабочие, живущие в общежитиях и пр.) остались питаться в столовой, но значительно сократили свои траты, выбирая более дешевые (овощные блюда), чай¹. Для большей части горожан сокращение объемов потребления было вынужденной мерой, являвшейся следствием удорожания жизни. Яркой иллюстрацией данной жизнедеятельностной стратегии является высказывание токаря цеха №800 завода УЗТМ Ивановой: «Вот сегодня я зарабатываю 8 рублей, а израсходовала на питание в столовой и выкупила хлеб на 9 руб. 20 коп. Где брать деньги?»². Сокращение расходов горожан на общественное питание подтверждается материалами бюджетных обследований горожан. По расчетам С.С. Букина семьи рабочих Сибири тратили на общественное питание в 1946 г. – 4,3%, а в 1947 г – 2,1% от общего уровня расходов семьи³. Обращение к бюджетам горожан Свердловской области позволят выявить следующую тенденцию: в семьях рабочих деревообрабатывающей промышленности, ИТР и служащих в октябре–ноябре 1946 г. снижается объем расходов на общественное питание, в семьях рабочих обувной промышленности данные расходы повышаются, а в семьях рабочих черной металлургии уровень расходов на общественное питание в ноябре 1946 г. сопоставим с расходами августа 1946 г. (см. табл. 24).

По всей видимости, данная динамика иллюстрирует адаптивные стратегии горожан, имеющих разный состав семьи. Среди рабочих обувной промышленности и черной металлургии было выше количество бессемейных рабочих, живущих в общежитии, для которых столовая являлась важным источником питания, в то время как семейные (и, особенно, многосемейные горожане) вне зависимости от их профессионального статуса, сокращают свои расходы на питание в столовых.

Расходы горожан на приобретение непродовольственных товаров (одежды, мебели и пр.) в первые послевоенные годы были достаточно ограниченными. В Сибири данный показатель (в семьях рабочих) равнялся в 1946 г. – 21,1%

---

¹ «Военные» карточки: от введения до отмены ... (дата обращения: 13.09.2019);

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 20.

³ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 60.

к общему объему расходов семьи, снизившись до 14,7% в 1947 г.¹ В среднем по стране расходы рабочих на приобретение непродовольственных товаров были еще ниже, составляя в 1947 г. – 12,8%².

Таблица 24

Распределение сумм расходов на общественное питание, в семьях горожан Свердловской области в августе-ноябре 1946 г. (в среднем на домохозяйство) (по материалам бюджетных обследований)³

Статус главы семьи	Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь	
	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи
Рабочие дерево-обр. промышл.	7,8	0,8	8,8	0,9	5,2	0,4	2,8	0,2
Рабочие обувной промышл.	35,2	2,6	41,7	3,4	55,9	3,7	63,9	3,9
Рабочие черной металлургии	99,3	6,4	111,2	6,8	77	4,1	95,6	5,1
ИТР			88,1	4,2	56,2	2,5	52,7	2
Служащие	53,6	5,2	56,8	6,1	50,8	4,1	30,4	2,1

Замечания, по поводу того насколько «все обносились», что «стыдно показаться на улице», «не в чем идти на учебу» и пр., широко представлены в делопроизводственной документации различных учреждений и ведомств, жалобах горожан в органы власти, дневниковых записях современников⁴. Отдельные категории городского социума (учащиеся ФЗО и РУ, рабочие и служащие, имеющие низкие доходы и пр.) могли иметь лишь одну смену одежды, в которой работали, спали и пр. Н.С. Покровская в своем дневнике описывает командировку на завод: «Рабочие постоянно находятся в своих спецовках, от сала, копоты и грязи похожих на твёрдую рыжую кожу. В этих же спецовках они идут с завода в свои общежития и в большинстве случаев остаются в них же. ... А под спецовками на их телах надета рубаха, не стиранный много месяцев, и

¹ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 60.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 5. Л. 267.

³ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 60–66, 78–82, 94, 95, 125, 127, 129, 146, 148, 150, 152.

⁴ РГАСПИ. Ф. 58. Оп. 11. Д. 872. Л. 92; Д. 863. Л. 73; ПермГАНИ. Ф. 1845. Оп. 7. Д. 242. Л. 38; Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 76.

кальсоны, грязные и старенькие»¹. Похожая проблема отмечена в объяснительной записке директора школы ФЗО № 71 Белоскокова (г. Первоуральск, Свердловская обл.) начальнику Свердловского областного управления трудовых резервов Туканову: «у учащихся отсутствует спецодежда ... отчего пачкается буквально все, даже столы в общежитиях, т.к. все обмундирование промаслено до самого тела ученика»².

О приобретении горожанами вещей редко упоминалось в дневниковых записях современников второй половины 1940-х гг. Как правило, упоминаемые вещи не наделялись качественными характеристиками (цвет, фасон и пр.), определяясь лишь функциями – защита от холода, одежда для работы и пр., либо наименованием (пальто, сапоги, валенки, свитер и т.п.). Сам процесс выбора одежды зачастую отсутствовал. Одежда могла выдаваться (продаваться) работникам предприятий и учреждений по месту работы: «Получил в цехе свитер. Свитер на вид невзрачный, но теплый»,³ «Получил в ремесленном училище шинель»⁴ и т.п. На заводе № 8 министерства вооружения (Свердловская обл.) рабочим и ИТР, заключившим договора с предприятием, в январе–феврале 1947 г. были проданы за наличный расчет товары: 20 шт. зимних пальто и шерстяных костюмов, 28 шт. брюк, 72 пары кожаной мужской обуви, 8 шт. платьев, 448 шт. дамского белья, 124 пары резиновой обуви⁵. Обращение к текстам выступлений на собраниях, а также писем и жалоб горожан в органы власти, позволяет прийти к выводу, что получение промтоваров на предприятиях (либо ордеров на их приобретение) в ряде случаев было сопряжено со значительными сложностями. Рабочий завода г. Лысьва (Молотовская обл.) на собрании отметил: «Я имею 3-х детей, нуждаюсь в детской обуви. Неоднократно обращался в завком; отвечают, что ничего нет. Дали одни галоши»⁶. Житель Москвы А.И. Тарасов в своем письме В.М. Молотову (1946 г.) описывает аналогичную проблему: «Я написал заявление в фабрично-заводской комитет, чтобы мне выдали

---

¹ Покровская Н.С. Дневник русской женщины. 1945-1966 гг. // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/1533> . Запись от 27 декабря 1947 г. (дата обращения: 18.10.2019).

² ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 38.

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 26 ноября 1946 г. (дата обращения: 15.10.2019).

⁴ Волков С.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/1012> . Запись от 9 марта 1946 г. (дата обращения: 13.10.2019).

⁵ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 116. Л. 39.

⁶ Общество и власть. Российская провинция. ... В 6 т. Т. 2. Пермский край. С. 219.

ордер на приобретение жене пальто и дочери платья. Через месяц мне выдали ордер ... на дамские галоши. Это же просто издевка!»¹.

Фиксируемые в дневниковых записях горожан покупки одежды и вещей зачастую совершались на рынке, либо «с рук» у знакомых и главным фактором, определяющим выбор, была цена. Так, например, рабочий А.И. Дмитриев в своем дневнике пишет: «Недавно я шел домой с работы и на колхозном рынке купил у бабы сапоги. ... Отдал я всего 4 сотни, а думаю, что на год мне сапог хватит»². Упоминание в дневниках о покупках горожанами предметов одежды в торговой сети были немногочисленны.

Формой реализации адаптивных стратегий горожан была переделка, самостоятельное изготовление вещей - сумок, детской одежды и пр.³ З.А. Мечтова в дневнике пишет: «Я спать не ложилась совсем в субботу, шила Иночке обновку, шелковую комбинированную кофточку и шерстяной коричневый сарафан из моего платья»⁴. Экономист Н.С. Покровская (г. Москва) упоминает о самостоятельном пошиве ребенку пальто⁵. Рабочий А.И. Дмитриев (г. Молотов) отмечал в своем дневнике: «Купил абажур для настольной лампы, но он оказался мал, и мне пришлось переделывать ободок у подставки. Сделал его уже, правда, некрасиво, но ничего, сойдет»⁶. Практики самостоятельного изготовления вещей популяризировались на страницах периодических изданий. В журналах «Огонек» и «Работница», а также в газетах публиковались не только советы по шитью и вязанию предметов одежды и обуви (детских костюмов и кофточек, изделий женского гардероба, домашних туфель и пр.),⁷ но и по самостоятельному изготовлению бытовых предметов – выдвижного ящика для кухонного стола, абажура, приёмника и т.д.⁸ О типичности переделок и самостоятельного изготовления вещей свидетельствует обращение к данной теме на

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 82. Д. 181. Л. 302.

² Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 8 апреля 1947 г. (дата обращения: 18.08.2019).

³ Коренюк В.М., Суслов А.Б. Особенности повседневной жизни «социально опасных детей» в послевоенное время // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2. С. 164.

⁴ Мечтова З.А. Указ. соч. Запись от 15 апреля 1947 г. (дата обращения: 18.10.2019).

⁵ Покровская Н.С. Указ. соч. Запись от 12 октября 1946 г. (дата обращения: 15.09.2019).

⁶ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 6 января 1947 г. (дата обращения: 11.10.2019).

⁷ Как связать детский костюм // Огонек. 1948. № 46. С. 32; Работница. 1946. № 2. С. 20; Как сшить себе платье-костюм // Работница. 1946. № 9. С. 20; Швецова И. Как шить домашние туфли // Работница. 1946. № 9. С. 19.

⁸ Полезные советы // Огонек. 1947. № 25. С. 31; Швецова И. Сами сделаем абажуры // Работница. 1946. № 9. С. 19; Как сделать простой детекторный приемник // Советская Сибирь. 1949. 15 мая. С. 4.

страницах журнала «Крокодил». В сатирических зарисовках издания публиковались сюжеты, освещающие практики перешивки штанов до нужного размера, переделки костюма и пр.¹ А в рубрике «Сделайте сами» давались советы по изготовлению «предметов хозяйственного обихода, которых вы не найдете в магазинах и на рынке»².

Еще одной практикой выживания горожан являлось обращение за помощью к руководству предприятий, партийные органы и пр. К данной стратегии чаще прибегали пожилые горожане, многосемейные, а также семьи погибших войнов. Так, например, в Ирбите (Свердловская обл.) в отдел Гособеспечения была подана жалоба на неудовлетворительное материальное положение от Ф. Серебренниковой – работницы Мотозавода, вдовы погибшего война, имеющей трех детей. В результате через Мотозавод ей была оказана помощь: «... даны две кровати, два матраса, шесть простыней, восемь наволочек на подушки, два одеяла, две дамских сорочки, два дамских платья, фуфайка стеженная, обувь кожаная, галоши, валенки, обеспечена топливом на зиму, дана телка»³. В резюме данного отчета отмечено: семья «полностью выведена из нужды»⁴. Материальная помощь инвалидам, детям и семьям погибших войнов (путем предоставления промтоваров, дров и пр.) осуществлялась во всех регионах РСФСР. Так, например, в Челябинской области в 1946 г. были приняты меры для изготовления 7102 пар валенок и 11 000 пар кожной обуви для детей погибших войнов⁵. В Великом Устюге в 1946 г. семьям войнов было выдано 274 пары валенок, 300 предметов одежды, подвезено 427 кубометров дров⁶. В Иркутске на заводе им. Куйбышева семьям военнослужащих и инвалидов Отечественной войны в 1947 г. было выделено 1500 кубометров дров и 1500 тонн угля⁷. В 1951 г. в Советском районе Курской области было отремонтировано 95 домов фронтовиков; выдавались овощи, масло и другие продукты⁸. Хотя объемы данной помощи

¹ Довгий М. Растите – не оглядывайтесь! // Крокодил. 1947. № 2. С. 3; Крокодил. 1948. № 8. С. 12.

² Сделайте сами // Крокодил. 1948. № 8. С. 10, № 10. С. 8; № 14. С. 10, № 16. С. 9.

³ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д. 176. Л. 45.

⁴ Там же.

⁵ Общество и власть. Российская провинция ... В 6 т. Т. 2. Челябинская область. С. 26.

⁶ Забота о семьях войнов // Красный Север. 1946. 16 января. С. 1.

⁷ Топливо для семей военнослужащих // Восточно-Сибирская правда. 1947. 21 июня. С. 4.

⁸ Головин Е.А., Коровин В.В. Становление системы социальной защиты инвалидов Великой Отечественной войны в 1940–1950-е годы (по материалам Курской области) // Права человека: история, теория, практика. Курск. 2016. С. 40–41.

были различны в каждом случае, для отдельных категорий горожан практика обращения в органы власти с просьбой о материальной поддержке являлась действенной стратегией выживания.

Различные формы адаптивных стратегий фиксировались и в процессе трудовой деятельности горожан.

В первые послевоенные годы наиболее актуальной для большинства горожан (в первую очередь эвакуированных и мобилизованных) являлась проблема увольнения с предприятия. Самовольный уход санкционировался привлечением дезертиров к ответственности. Поэтому единственной легальной формой ухода было получение разрешения администрации. В ряде случаев руководство предприятий шло навстречу сотрудникам. Так, например, на заводе № 8 НКВ (г. Тавда, Свердловская обл.) за 8 месяцев 1945 г. было подано 260 заявлений об увольнении, по 135 из которых руководство дало согласие¹. В учреждениях непромышленных отраслей городской инфраструктуры увольнение не являлось непреодолимой проблемой для сотрудников. В издательстве газеты «Уральский рабочий» в ноябре 1946 г. по семейным обстоятельствам и по собственному желанию уволилось 12 сотрудников, в декабре – 6². Хотя на большинстве промышленных предприятий увольнение было достаточно проблематичным. С целью решения данной проблемы горожане обращались с письмами и просьбами в партийные органы, органы власти вплоть до Президиума Верховного Совета СССР. По расчетам Е.Ю. Зубковой поток писем эвакуированных, индивидуальных и коллективных, продолжал расти в течение всего 1945 г.³ Просьбы горожан об увольнении рассматривались на уровне горкомов и обкомов ВКП(б) с учетом специфики отрасли предприятия, на котором трудился гражданин. С июля по декабрь 1947 г. Заместителем заведующего отделом машиностроения Свердловского ГК ВКП(б) Конышковым было направлено 21 письмо секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В.И. Недосекину, в каждом из которых рассматривался конкретный случай эвакуированных в область трудящихся, обратившихся в обком ВКП(б) с просьбой о возвращении

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 8. Д. 105. Л. 42.

² Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 76. Л. 5–15.

³ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество ... С. 90.

домой. На 11 просьб был дан положительный ответ, остальным отказано по причине нехватки на предприятиях отрасли квалифицированных специалистов¹. Характерно, что независимо от эмоциональности и уровня аргументации текстов писем трудящихся (апелляции к наличию жены, родителей детей, описания плохих условий жизни на Урале и пр.), окончательное решение об их увольнении выносилось исходя из весьма прозаичных обстоятельств. Так, например, просьба рабочего машиностроительного завода Белоглазова об увольнении была удовлетворена по причине недостатка на предприятии жилплощади². Решение об увольнении сотрудников с предприятий ВПК должно было согласовываться с министерством. В архивных материалах фонда Свердловского ГК ВКП(б) в одном из документов зафиксирован случай (1947 г.): директор завода № 8 принял решение уволить рабочего Зверева (по его просьбе), но Министерство вооружения не утвердило решение директора, по причине дефицита кадров на предприятии³. Стремление эвакуированных и репатриированных уволиться с предприятий заставляло их прибегать еще одной практике – доставать справки из колхозов других регионов, чтобы уехать с Урала домой⁴.

Интенсивный труд, сопровождающийся социалистическими соревнованиями, результатом которого являлось перевыполнение трудящимися норм выработки, планов и социалистических обязательств, далеко не всегда являлся характеристикой реальной трудовых стратегий горожан. Пропагандируемые практики социалистических соревнований в ряде случаев носили формальный характер⁵. В документах, отражающих интенсивность работы промышленных предприятий, а также учреждений (магазинов, сберкасс и пр.) Свердловской области в 1946–1949 гг. неоднократно отмечалось: «В социалистическом соревновании имеются моменты формализма. Обязательства берутся, но не проверяются»⁶; «В цехах завода не организована борьба за технико-экономические показатели»⁷; «Не чувствуется производственного подъема»⁸; «Многие рабочие

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 309. Л. 12–56, 142, 143.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 156.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 43. Д. 196. Л. 151.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 95–96.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 201. Л. 48; Оп. 45. Д. 318. Л. 52, 108; Д. 359. Л. 51.

⁷ Там же. Оп. 41. Д. 167. Л. 53.

⁸ Там же. Л. 40.

не имеют индивидуальных социалистических обязательств, а те, которые имеют, у тех редко проверяется»,¹ «Социалистические обязательства не взяты»² и т.п. Выполнение норм также не являлось повсеместной трудовой практикой. В пятой типографии треста «Полиграфкнига ОГИЗ» из 120 рабочих ведущих профессий только 66 человек в 1946 г. выполняли и перевыполняли нормы³. Факты не выполнения норм фиксировались на стройках и промышленных предприятиях⁴. В ходе проверки организации труда на Магнитогорском металлургическом комбинате в июле 1946 г. во время ночной смены было обнаружено 69 спящих работников⁵.

Низкая производственная активность горожан была обусловлена не только «несознательность» рабочих, а имела объективные причины. Снижение расценок и повышение норм выработки, неоднократно проводимые во второй половине 1940-х гг. лишали рабочих стимула трудиться. Как отметила работница УЗТМ (г. Свердловск): «Все равно не заработаешь»⁶. Слесарь точной механики этого же предприятия высказался: «Задания в нормочасах перевыполняю, а заработать больше 750 руб. не могу»⁷. Низкий технический уровень оснащения предприятий и неудовлетворительные условия труда также не стимулировали производственную активность рабочих. В цехах многих промышленных предприятий могли отсутствовать сушилки, душ, питьевая вода (вследствие чего рабочим приходилось растапливать снег или пользоваться пожарным гидрантом) и пр.⁸ Так, например, в 1946 г. на Красноуральском химическом заводе № 595 сложилась следующая ситуация: «Завод остановлен. Нет света, возрастает травматизм, упадок трудовой и производственной дисциплины вызывает огромное количество аварий, повсюду отсутствует социалистическое соревнование»⁹. Плохая организация производства, следствием которой являлись частые

---

¹ Там же. Л. 73.

² Там же. Оп. 44. Д. 210. Л. 35.

³ Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 75. Л. 17.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 54. Д. 95. Л. 17.

⁵ Трофимов А.В. Экономические стратегии Уральского населения ... С. 113.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 20.

⁷ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 119. Л. 1.

⁸ В цехе нет раздевалки и душа // Металлург. 1947. 18 марта. С. 2; Торопов С. Навести порядок в столярном цехе! // Под знаменем Ленина. 1948. 15 февраля. С. 1; Рудник без воды // Под знаменем Ленина. 1951. 3 марта. С. 2; Из почты «Труда» // Труд. 1947. 1 февраля. С. 3.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 167. Л. 33.

простой отдельных цехов предприятий, также не способствовала выполнению рабочими трудовых норм¹. Как отметил в своем отчете секретарь партбюро парторганизации завода «Уральский пролетарий»: «Рабочие болезненно реагируют на недостатки производства ... недостача инструментов, неполадки станков, отсутствие деталей и материала ... отражается на их нормальной работе, и снижают производительность². Нехватку инструментов иллюстрирует ситуация, сложившаяся на Талицком лесоучастке (Свердловская обл.), где в 1946 г. на двух рабочих имелся в среднем один топор³.

Низкий уровень механизации предприятий и отсутствие необходимых инструментов, вызывали к жизни адаптивные стратегии горожан, связанные с изготовлением различных приспособлений. В заводских и городских газетах публиковались сюжеты, описывающие придуманные рабочими способы регулирования: крючком вручную давления в нагревательной печи (так как автоматическое оборудование не работает)⁴, рельсом уровня газа⁵ и т.п. Областная газета «Восточно-Сибирская правда» рассказывала читателям об использовании навалоотбойщиками в шахте сельскохозяйственных граблей для сгребания угля⁶. Газета «Труд» опубликовала заметку о лесорубе В. Андрееве (Башкирская АССР), который изготовил собственноручно инструмент: «двуручную и поперечную пилу он обрезал по длине и ширине, нарезал такие же зубья, как и у лучковой ... заключил полотно в раму»⁷.

Для рабочих практика рационализации являлась источником дополнительного заработка. За внедренные рационализаторские предложения рабочим и ИТР полагалась премия. Объемы данных премий были различны. Премия, выплаченная трем инженерам Саратовского завода сельскохозяйственного машиностроения в сумме составила 23 тыс. руб.⁸ И. Солдатов – бригадир одного из цехов Выксунского металлургического завода (Горьковская обл.) за два года

---

¹ Харченко Г. Простой каменщиков вошли в систему // Под знаменем Ленина. 1951. 13 февраля. С. 2.

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 170. Л. 244

³ Там же. Д. 201. Л. 101.

⁴ Сибилев М.И. Подачу горячего воздуха регулируют крючком // Магнитогорский металл. 1946. 2 марта. С. 2.

⁵ Под знаменем Ленина. 1947. 13 июня. С. 2.

⁶ Сельскохозяйственные грабли в лаве // Восточно-Сибирская правда. 1947. 16 мая. С. 3.

⁷ Ртищев Н. Творческое вдохновение // Труд. 1948. 9 мая. С. 2.

⁸ Хеймец М. Красноречивые цифры // Труд. 1948. 1 января. С. 2.

и двенадцать внедренных рационализаторских предложений получил премию в размере 1482 руб.¹ Рабочие этого же предприятия получили премии в размере от 50 до 100 руб.² На практике выплата премий могли задерживаться, либо они вовсе не выплачивались. Так, например, начальник силовой станции (Свердловская обл.) жаловался в Обком партии: «Мной было дано рационализаторское предложение и насчитана экономия около 2500 руб., более полугода вознаграждение получить не могу и о судьбе предложения не знаю, хотя оно давно проведено в жизнь и дает экономию»³. Невысокие объемы премий и отсутствия гарантий их выплат снижали рационализаторскую активность рабочих. Как отметил рабочий одного из предприятий Свердловска на заводском собрании: «Нет большого желания заниматься рационализацией»⁴.

Повышение пайковых цен, сокращение контингента, находящегося на карточном снабжении, а также отмена различных форм дополнительного питания на предприятиях осенью 1946 г. скорректировали векторность трудовых стратегий горожан. С одной стороны данная корректировка выразилась в снижении трудовой активности рабочих, их нежелании работать сверхурочно. Рабочие завода Уралмаш (г. Свердловск) на собраниях высказывались: «Раньше рабочим, работающим сверхурочно, выдавалось дополнительное горячее питание с хлебом, теперь этого нет, и рабочие не будут работать больше, чем положено»⁵. Во многих регионах РСФСР рабочие, снятые со снабжения по карточкам, подали заявления об увольнении с предприятий⁶ (см. табл. 25).

В большинстве своем это были рабочие подсобных предприятий, предприятий местной промышленности. Хотя от принятых правительством мер пострадали и сотрудники промышленных предприятий союзного значения. Так, например, в г. Каменск-Уральском (Свердловская обл.) были сняты со снабжения хлебом трудящиеся (7014 чел.), «являющиеся кадровыми рабочими основ-

---

¹ Солдатов И. Наши успехи в рационализаторской работе // Металлург. 1949. 2 апреля. С. 2.

² Премированы за активное участие по внедрению рационализаторских предложений // Металлург. 1947. 28 марта. С. 2.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 170. Л. 72

⁴ Там же.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 169. Л. 6.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 17–18; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 169. Л. 29, 63; Д. 170. Л. 4, 6.

ных союзных заводов города, живущие в сельской местности по причине отсутствия жилищного фонда на предприятиях»¹.

Таблица 25

Динамика трудоустройства / увольнения сотрудников на промышленных предприятиях РСФСР в сентябре-октябре 1946 г. (чел.)²

Город	Наименование предприятия	Принято на работу 09.1946 г.	Подано заявлений / принято на работу 1.10 – 15.10.1946 г.	Отказано в приеме на работу (недостаток хлеб. карт.)	Уволились (невыдача семьям хлеб. карт.)
Ленинград	Комбинат им. Тельмана		увелич. в 2 раза*		
	Тракторный завод им. Кирова		увелич. в 2 раза*		
	Фабрика им. Урицкого		153		
	Фабрика «Веретено»		75		
	Завод «Госметр»				33
	Текстильный комбинат «Светская звезда»				27
	Шинный завод				19
	Мясокомбинат			100	
Киров	Станкостроительный з-д			15	
	Швейная фабрика			73	
Челябинск	Дрожпивзавод				35
	Кировский завод		235		
Магнитогорск	Абразивный завод	73	110**		
	Металлургический комбинат		273		
Златоуст	Металлургический завод	184	356***		
Тула	Комбинат «Тулауголь»		855		
	Оружейный завод № 536		175		
	Машиностроительный з-д		82		100
Ярославль	Вагоноремонтный завод		150		
	Шинный завод		40		
	Завод № 151		100		
Казань	Фабрика № 13			20****	
Торжок	Шорная фабрика				4
Невьянск	Хлебокомбинат		10		
Ревда	Все промыш. предпр.		1200*****		
Камышлов	Все промыш. предпр.		88*****		
Кушва	Все промыш. предпр.		312*****		

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 70.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 15, 22–24; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 170. Л. 6; Д. 171. Л. 136.

* По сравнению с сентябрем месяца.

**По сравнению с первой половиной сентября.

***За 20 дней октября.

****Предложено уволиться по причине нехватки карточек.

***** За период с 16 сентября по 16 октября.

В октябре 1946 г. с предприятий отрасли, занимавшейся производством льняного и конопляного волокна, сбежала половина сотрудников, лишившихся продуктовых карточек¹. Трудящиеся, чьи семьи были сняты с карточного обеспечения, обращались с просьбами в вышестоящие органы власти и лично к Сталину, объясняя ситуацию и требуя восстановить карточное обеспечение. В качестве примера можно привести письмо коллектива строителей железнодорожной линии Сосьва – Алапаевск (Свердловская обл.): «Наш коллектив строителей ... насчитывает в своем составе 1000 человек рабочих и служащих ... Серовский райсовет ... отказал в выдаче карточек на иждивенцев и детей, мотивируя свой отказ тем, что мы расположены на территории сельской местности, тогда как мы ... расположены в Северной Уральской тайге и не имеем ... отношения к сельской местности»².

Как правило, данные просьбы не удовлетворялись, местным Советам и руководителям предприятий рекомендовалось изыскивать возможности снабжения данных категорий граждан за счет местных ресурсов.³ С другой стороны, следствием данных правительственных мер стало повышение трудовой активности горожан. Увеличилось число рабочих, стремящихся перейти работать на предприятия союзного или республиканского подчинения,⁴ подавали заявления о трудоустройстве на предприятия и ранее не работавшие трудоспособные граждане (см. табл. 25). Стремление к трудоустройству фиксировалось в среде инвалидов войны, домохозяйек⁵. Хотя стратегию непрямого трудоустройства поддерживали не все горожанки. Так, например, информатором горкома ВКП(б) г. Серов (Свердловская обл.) был описан разговор двух женщин у водокачки: «Нам иждивенцам и по карточкам не много давали, так что мы не много теряем и на работу вряд ли пойдем, пусть наш паек останется государству»⁶.

Большая часть трудящихся горожан, с целью увеличения заработка, стремилась повысить интенсивность своего труда. Среди рабочих Свердловска

---

¹ Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны М.: РОССПЭН. 2011. С. 88.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5538. Л. 215.

³ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М. 1996. С. 44, 73, 74.

⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 169. Л. 63; Д. 170. Л. 4, 6.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 15.

⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 173.

фиксируются следующие высказывания: «Я буду работать еще лучше, чтоб больше заработать и лучше жить», «Мероприятие ... требует напряжения в труде. Надо работать четко», «Нужно будет работать более производительно и таким путем получать больше средств к существованию» и т.п.¹ Реализация данных намерений выразилась в повышении производительности труда, которая фиксировалась на предприятиях в четвертом квартале 1946 г. (см. табл. 26)

Таблица 26

Повышение производительности труда на предприятиях РСФСР
в октябре 1946 г. (в %)²

Город	Предприятие	Повышение производит. труда (%)
Свердловск	Электромашиностроительный завод им. М.И. Калинина	7
Березовский	Комбинат «Березовзолото»	15–30*
Кировоград	Рудоуправление	12–29*
Магнитогорск	Металлургический комбинат	3,2–9,6*
Казань	Моторостроительный завод № 16	8,5
Тула	Ремонтно-механический завод	15

Заведующий отделом Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) И.И. Поздняк отметил в информации, переданной Секретарю ЦК ВКП(б) Н.С. Патоличеву (29 октября 1946 г.): «Обращает на себя внимание, что инициатива повышения производительности труда на заводах и фабриках в настоящее время идет, главным образом, снизу, со стороны самих рабочих»³. Стремясь увеличить свои доходы рабочие предприятий переходили на обслуживание нескольких машин, совмещали профессии и т.п.⁴

Существенным фактором, негативно влияющим на благосостояние горожан, являлась невыплата заработной платы. С данной проблемой сталкивались сотрудники предприятий и учреждений различных городов РСФСР. Так, например, на предприятиях Красноуральска (Свердловская обл.) зарплата не вы-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 2, 11-12, 14-15.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 22–23; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 170. Л. 8, 170.

* Данные по различным цехам предприятия

³ Болдовский К.А. «Постановление правительства застало нас врасплох...». Мероприятия по экономии хлеба в партийных сводках 1946 г. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 279.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 22; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 187.

плачивалась в течение двух месяцев¹. На Высоковском кирпичном заводе и Силикатном заводе № 4 (Горьковская обл.) зарплата задерживалась на срок до двух месяцев, на Озерском хлопчатобумажном комбинате (Владимирская обл.) – до трех месяцев². Невыплата зарплаты обсуждалась на собраниях,³ являлась темой обращений горожан в органы власти и редакции газет⁴. Задержка заработной платы способствовала снижению трудовой активности горожан. Рабочий А.И. Дмитриев в своем дневнике пишет: «Заработанные деньги нам опять не платят. Ну, а раз не платят, так мы так и работать начали. Работа в цехе совсем не пошла. Мы бригадирам не помогаем, а они без нас ничего сделать быстро не могут»⁵. На некоторых предприятиях рабочие могли даже оставаться должны цехам (данная проблема в большей степени касалась низкооплачиваемых категорий горожан). Так, например, на Средуралмедьзаводе (г. Ревда, Свердловская обл.) осенью 1946 г. ежемесячно до 70 чел. оставались должны предприятию. Например: Кузьмин (настройщик) за ноябрь заработал 246 руб., получил аванс 200 руб., вычет за заем и подоходный налог – 70 руб., остался должен цеху 31 руб.; Пузаткина (накатчица), зарплата 126 руб., аванс – 100 руб., вычеты: за заем – 5 руб., подоходный налог – 10 руб., налог за бездетность – 17 руб., осталась должна цеху 56 руб.⁶

Нередким явлением советской повседневности являлись трудовые конфликты. Увольнение с работы или перевод работника на менее оплачиваемую должность далеко не всегда воспринимались трудящимися как само собой разумеющееся явление. Одной из широко распространенных практик урегулирования трудовых конфликтов являлось обращение горожан в вышестоящие органы власти. А.С. Кимерлинг приводит в своей работе текст жалобы в Обком ВКП(б) одного из рабочих Молотовского завода № 172: «Я работал ... на сборке экскаваторов ... выполнял месячную норму свыше 200% и поэтому хорошо зарабатывал и подписался на заем 1000 руб. Сейчас меня перевели в цех 55 про-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 23

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 651. Л. 6, 9.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 87, 88, 90 об., 97, 104, 104 об., 116, 148.

⁴ Не по праву // Красный Север. 1946. 1 июня. С. 4; В Сколе нарушают сроки выдачи зарплаты // Красный Север. 1947. 14 октября. С. 3.

⁵ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 7 января 1948 г. (дата обращения: 17.07.2019).

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 170. Л. 200

тив моего желания ... поставили подчиненным котельщика с окладом 335 руб.»¹. Жалобы похожего содержания были достаточно многочисленны, фиксируясь в различных регионах страны².

Ключевой ценностной категорией, реконструируемой на основе жалоб, посвященных проблематике трудовых конфликтов, является понятие *справедливость*, ее «нарушение» являлось основным мотивом обращения к власти. Вообще понятие *справедливость* играло важную роль в ценностном континууме послевоенного городского социума (свидетельствуя об укоренённости в городской среде ментальных схем, присущих, по мнению исследователей, российскому крестьянству³). В своей жалобе бухгалтер Асбестовской конторы пишет: «Прошу рассмотреть данное письмо с точки зрения справедливости, мне нужна только справедливость и где ее можно найти, а подчас ее у нас нет»⁴. Описывая конфликтные ситуации, авторы понимают категории *справедливость–не справедливость*, как синонимичные суждениям *заслуженности–не заслуженности* субъектом полученного наказания (увольнения). Обращаясь за помощью к властям, авторы пытались максимально аргументированно доказать, что произошедшее с ними увольнение (понижение в должности) является *не заслуженным*: перечисляют свои трудовые заслуги, характеризуют себя с положительной стороны, описывают оппонентов в максимально невыгодном свете («ханжество и лицемерие по отношению к простым людям, развиты настолько, что он говорит одно, а делает другое»⁵). В текстах жалоб фактически полностью отсутствует упоминание каких либо законодательных норм, авторы апеллируют исключительно к нарушенной справедливости. Это свидетельствует не только о низком уровне правосознания горожан, но и иллюстрирует специфику их мировоззренческих суждений. В понимании граждан законы являлись всеобщими, унифицированными нормами не чувствительными к индивидуальным перипетиям и жизненным реалиям отдельного человека. Как замечает правовед XIX в.

---

¹ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить ... С. 70–71.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5694. Л. 274; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 516. Л. 9–10 об.

³ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 350–375.

⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5694. Л. 274.

⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7107. Л. 46.

Н.В. Калачев, рассуждая о специфике крестьянского правосознания: «к каждому случаю применять не строгие требования права, но видоизменяемые требования жизни»¹. В свою очередь *справедливость*, в понимании населения, занимала более статусное положение чем *законность*, предполагая не только правовую, но и этическую, моральную «правильность» принимаемого решения.

Важно отметить, что в жалобах горожан трудовые конфликты рассматривались исключительно в русле межличностных отношений. Личная неприязнь администрации к субъекту презентовалась в качестве основной причины его увольнения с работы: «уволители меня за критику руководства»², «подал докладную главному инженеру треста о творимых безобразиях директора коммуниста»³, «уволители меня лишь потому, что я стала неугодной для директора, да осмелилась на политбюро рассказать о его неправильном поведении, да еще написала в ЦК КПСС. Считаю для директора, да притом члена КПСС так нее любить справедливую критику это не совместимо со званием члена КПСС».⁴

Личное неприязненное отношение руководства фигурировало в жалобах горожан в качестве причины отказа в предоставлении путевки, задержки заработной платы и пр. В жалобе учительницы из г. Сокол (Вологодская обл.) в газету «Красный Север» данная проблема освещена следующим образом: «Горе клиенту, если он чем-либо не понравился директору Сокольского госбанка тов. Сергачеву. Такой клиент будет вынужден в течение трех-четырёх дней ожидать чек с визой директора на получение денег. Подобное несчастье выпало на долю заведующей школы № 5 тов. Смирновой, коллектив которой каждый раз получает зарплату с большим запозданием»⁵.

«Личностная» тема звучит и в самом обращении горожан к власти. Пострадавшие зачастую писали не в органы власти, а лично депутатам, председателям обкома ВКП(б), министрам, Сталину и т.п. Такое личное обращение допускало формат доверительной неформальной беседы, с массой красноречивых подробностей и деталей, призванных убедить адресата в правоте пишущего.

---

¹ Калачев Н.В. Об отношении юридических обычаев к законодательству // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т.1. С. 7.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6607. Л. 154.

³ Там же. Д. 7107. Л. 46.

⁴ Там же. Д. 7686. Л. 21.

⁵ Не по праву // Красный Север. 1946. 1 июня. С. 4.

Личное доверительное обращение устанавливало своего рода «индивидуальный контакт» субъекта с властью, что в представлении пишущего, вероятно, повышало шансы быть выслушанным и понятым. Так как в понимании населения не законы, а люди и личные отношения определяли «справедливость» или «несправедливость» принимаемых решений. «Личностные» отношения в целом презентовались населением как превалирующие, определяющие всю эффективность социальных стратегий граждан, оттесняя на задний план различные формы официальных взаимодействий (руководитель–сотрудник, гражданин–орган власти и т.п.). Вероятно, приоритетность личностных контактов в повседневности советских граждан была обусловлена как привычными для горожан, вышедших из крестьянской среды, общинными традициями, так и самой спецификой советской повседневности, где решение многих вопросов (от товарного и продовольственного обеспечения, до профессиональной реализации) имело больше шансов реализации через систему личных контактов.

В контексте рассмотрения проблематики оплаты труда, важно отметить, что доходы горожан были существенным образом дифференцированы в зависимости от отрасли предприятия, квалификации и занимаемой должности (см. прил. 1.16). Высокий уровень материальной дифференциации отрицательно воспринимался горожанами, трактуясь как нарушение социальной справедливости. В письме агитатора Я.П. Анненкова (г. Москва), направленном Сталину, данная проблема обозначена следующим образом: «Почему у нас поставлено так, что люди, получающие большую зарплату, как лауреаты Сталинских премий, артисты, ответственные работники в изобилии снабжаются продуктами и товарами через абонементы и лимиты по дешевым ценам, в коммерческих же магазинах и на рынках вынуждаются покупать менее оплачиваемые, т.е. рабочие, служащие и ИТР, тогда как задача коммерческих магазинов возвращать деньги государству от лауреатов, получающих кроме высоких окладов по 50–100 тысяч рублей, артистов, получающих по несколько тысяч рублей за одно выступление и других? В нашей стране не должно быть обогащений, а должны лишь создаваться лучшие условия существования лицам ответственным, более полезным. Это предусмотрено размерами зарплаты, зачем же еще выдаются та-

кие капиталы в 50–100 тысяч рублей в виде премий???»¹. В письме Н.Н. Пронцева (г. Молотов) в Совет Министров СССР проблема социального неравенства является основной темой повествования: «...неужели у нас в СССР люди имеют между собой такой резкий контраст: одни очень способны, а другие никуда не годятся? Они эти очень способные живут в довольстве, для них все: и персональные машины, и дачи, и большие деньги, и отдых на курорте. А люди «никуда не годящиеся» (их большинство), некоторые из них не могут сами себя прокормить, как бы они не работали. ... Один получает 4 тысячи, а другой 250 рублей. Уж слишком большая разница. Неужели на столько дешевле один человек другого?»². Данная проблема являлась темой обсуждения на собраниях. Председатель культурно-массовой комиссии профсоюзного комитета завода им. В.М. Молотова Б.А. Колпаков, выступая на собрании в 1956 г., заметил: «... наш директор завода тов. Лебедев в своей персональной машине, прекрасном шести-местном лимузине, всегда ездит только один, а для нужд завода он свою машину не дает. ... Ну куда было бы проще, если бы тов. Лебедев запросто подошел к ... товарищам ... и пригласил бы их в свою машину, ведь в эту машину войдет 6–8 человек»³. Неприятие существующей социальной дифференциации фиксируется и в дневниковых записях граждан. Например, учитель В.С. Савельев (Ленинградская область) пишет: «Народ “внизу” стонет, как вол в ярме, а “наверху” блаженствуют и не хотят понять нужд и чаяний “низа”»⁴.

В русле изучения монетарных стратегий населения важным является вопрос о том, какой объем доходов представлялся горожанам нормальным или достаточным для жизни. Собранная по данной тематике информация немногочисленна. Так, например, на областном совещании редакторов городских и районных газет (Свердловск декабрь 1948 г.) один из участников, работавший в редакции газеты Карпинский рабочий (г. Карпинск) высказался по поводу его перевода работать на радио (где заработки были ниже): «Я получал зарплату 1200 руб. ... меня посылают на радиовещание и материально ущемляют. ... Я

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 872. Л. 93.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 3188. Л. 41.

³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 109.

⁴ Савельев В.С. Дневники. // Электронный корпус «Прожито»: URL: <http://prozhito.org/person/2940> . Запись от 12 апреля 1946 г. (дата обращения: 17.07.2019).

привык жить культурно»¹. В сообщении заведующего оргинструкторским отделом Свердловского горкома ВКП(б) Калашника зафиксировано высказывание одного из рабочих Нижнего Тагила (1947 г.): «Чтоб мне жить нормально мне надо зарабатывать 4000 руб., а я могу заработать только 1000, иногда немного более»². М.М. Пришвин в дневнике приводит сведения о бюджете своей семьи (2 человека) (1949 г.): «Расходуется ежемесячно 6 000. Можно сделать 5 000 (пополняя из случайных получек). ... Предполагаем тратить: На еду — 2 500. Квартира, прислуга — 500, Общие расходы — 1 250 (взносы, транспорт, мелкие покупки, аптека, почта, ...) Дача — 500 ...»³. Оценивая свои сбережения М.М. Пришвин замечает: «127 тыс. На несколько месяцев этого может хватить»⁴. В целом, на основании данных высказываний горожан можно заключить, что их представления о «достаточном» уровне доходов существенно различались в зависимости от статуса, потребностей, привычного объема материального потребления и т.д. Доходы от 1300 до 1700 руб. в месяц (достаточно высокая зарплата) не гарантировали горожанам безбедное существование (особенно при наличии большого числа иждивенцев в семье). В то же время горожане, получающие более 3000 руб. в месяц (преподаватели университетов), и не имеющие больших семей, фактически не писали в своих дневниках о материальных проблемах, с которыми приходилось сталкиваться лично им⁵. Не упоминает в дневниках о своих материальных сложностях и большинство представителей советской творческой интеллигенции.

Необходимость материального обеспечения семьи и выживания в сложных послевоенных условиях толкала горожан на освоение различных практик, направленных на извлечение денежных средств.

Значительная часть городского населения чтобы увеличить свои доходы стремилась подзаработать. Заинтересованность трудящихся в приработке проявилась в вопросах, задаваемых на собраниях в сентябре 1946 г.: «Будет ли ад-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 137. Л. 106.

² Там же. Оп. 43. Д. 196. Л. 151.

³ Пришвин М.М. Дневники. ... Запись от 1 декабря 1949 г. (дата обращения: 18.07.2019).

⁴ Там же.

⁵ См.: Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002; Из дневников С.С. Дмитриева. // Отечественная история. 1999. № 3. С. 142–169; Из дневников С.С. Дмитриева. // Отечественная история. 1999. № 4. С. 113–128.

министрация завода разрешать рабочим выходить на работу вместо дневной смены в вечернюю, с тем, чтобы днем можно было работать на стороне, или в колхозе?»; «Может ли инженерно-технический работник после окончания работы, получить дополнительную работу в своем же цехе, для того, чтобы подработать?»¹. Приработок горожанам могли приносить: пошив одежды, вязание, подшивание валенок, выполнение различных подсобных работ на предприятиях и пр. В дневнике А.И. Дмитриева описан эпизод такого приработка: «Вчера мы с Костей и еще несколькими работягами ходили на “шабашку” на Молочный завод. Очищали там мостовую от земли и шлака. Работали с 10 час. до 15 час. дня и заработали по 5 кг творогу и 25 рублей деньгами»². Источником доходов могло выступать и участие в художественной самодеятельности. В справке заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Свердловского обкома ВКП(б) И.Н. Точкина «О работе культурно-просветительских учреждений Свердловской области» (1946 г.) отмечены следующие факты: «Нередко в клубах организуются платные спектакли, концерты кружками художественной самодеятельности исключительно с коммерческой целью. ... Имеют место и такие факты, когда участникам кружков уплачивают деньги, полученные от платных постановок и концертов»³. В некоторых дневниковых записях горожан отражены и иные, не столь распространенные способы заработка. Так, например, поэтесса А.А. Баркова (г. Москва) пишет: «Несколько месяцев уже добываю средства не к жизни, а к пропитанию гаданием по руке и на картах ... гадают и умные, и глупые, и мужчины, и женщины»⁴. Обращение к материалам бюджетных обследований горожан Свердловской области позволяет прийти к выводу, что размеры приработка варьировались в зависимости от отрасли предприятия, профессионального статуса обследуемых, а также периода (см. табл. 27).

Более существенные суммы приработков (как о денежном объеме, так и в процентном отношении к бюджету семьи), фиксировались в семьях служащих,

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 425. Л. 10.

² Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 10 июля 1946 г. (дата обращения: 18.07.2019).

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 207. Л. 79.

⁴ Баркова А.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/509>. Запись от 13 мая 1946 г. (дата обращения: 17.07.2019).

наименьшие – в семьях рабочих предприятий черной металлургии. Во всех профессиональных группах отмечалось повышение объемов приработков в октябре – ноябре 1946 г., связанное со стремлением горожан компенсировать свой бюджет после повышения пайковых цен. С другой стороны, удорожание жизни и товарных дефицит являлись для горожан не только стимулом изыскивать дополнительные доходы, но и препятствием к побочным заработкам. Так, например, рабочий транспортного цеха Первоуральского Новотрубного завода (Свердловская обл.) в 1947 г. заметил: «Хлеба дают мало, а жиров не дают совсем. Рабочий вынужден изыскивать себе возможность существовать по линии своего основного заработка. ... Большинство людей истощено так, что едва отработывают основную смену, для побочных заработков нет сил»¹.

Таблица 27

Распределение сумм приработка, в семьях горожан Свердловской области в августе-ноябре 1946 г. (в среднем на домохозяйство)
(по материалам бюджетных обследований)²

Статус главы семьи	Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь	
	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи
Рабочие деревообр. промышл.	9,4	1	6,4	0,6	16	1,3	41,8	3,4
Рабочие обувной промышл.	70	5,2	43,4	3,5	11,3	0,7	71,3	4,4
Рабочие черной металлургии	9,4	0,6	6,3	0,3	16,5	0,8	12	1,7
ИТР			21	1	52,5	2,3		
Служащие	25,8	2,5	17,1	1,8	41,9	3,4	159,4	11,2

Важной частью послевоенных стратегий выживания горожан являлась продажа (имущества, карточек и пр.). Продажа своих продовольственных карточек в большей степени была характерна для низкооплачиваемых и многосемейных категорий горожан (которые не могла выкупить весь паек)³, а также

¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 157. Л. 31.

² Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 60–66, 78–82, 94, 95, 125, 127, 129, 146, 148, 150, 152.

³ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 10. Л. 107-109; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 424. Л. 150; Твердюкова Е.Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения ... С. 38. ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 2.

среди бессемейных и учащихся, питающихся в столовых¹. О распространенности практик продажи вещей свидетельствует частое обращение к данной теме в дневниковых записях современников (Б.В. Таланова, В.А. Чивилихина, В.А. Швеца, Н.С. Покровской и др.). Практика продажи вещей могла носить вынужденный характер. Так, например, в тексте письма М.И. Калинину от инженера по технике безопасности Егоршинской ГРЭС (Свердловская обл.) В.Я. Лысенко отмечено: «При распределении американских подарков еще больше было беспорядков, получали подарки все кто угодно ... детские вещи холостому не нужны и он продает их на рынке»². Анализ материалов бюджетных обследований городского населения Свердловской области позволяет прийти к выводу, что продажи имущества в 1946 г. составляли в семьях рабочих различных отраслей промышленности около 8–8,5% бюджета³. В семьях рабочих Сибири данный показатель равнялся 9,7%, а доход от продажи продуктов ЛПХ приносил 2,3% бюджета⁴. Повышение пайковых цен усилило активность горожан по реализации имеющихся продуктов и вещей, скорректировав их специфику. Так, если в августе 1946 доход от продажи ягод, грибов и овощей с ЛПХ составлял 1,8% от общего объема бюджетов семей рабочих Свердловской области (329 хозяйств), а продажи имущества приносили доход в 2,3% бюджета⁵, то в октябре-декабре 1946 г. продажа продуктов фактически сошла на нет, а продажи имущества возросли на 6-7% (среди проданных товаров фигурировали предметы одежды – шаль, пальто, сапоги, юбка и пр., а также вещи – ружье, ковер и т.п.). Современники, описывая ситуацию осени 1946 г., отметят: «Продают. Закладывают. Доходов никаких. Я тоже продаю. Закладываю. Денег нигде не платят» (С.К. Островская, переводчица г. Ленинград)⁶; «Каждый хочет достать где-то денег. Продает с себя последние вещи, но их никто не покупает, потому что все сейчас страдают одинаково» (А.И. Дмитриев, рабочий г. Молотов)⁷.

---

¹ Борисенко В.Ф. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/101> . Запись от 31 мая 1946 г. (дата обращения: 18.05.2019.).

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5536. Л. 180 об.

³ Там же. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 23–35.

⁴ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 51

⁵ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 23.

⁶ Островская С.К. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/168> . Запись от 13 октября 1946 г. (дата обращения: 17.07.2019).

⁷ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 16 ноября 1946 г. (дата обращения: 17.07.2019).

Наиболее критическим для горожан был 1947 г. когда, как отметил в своем письме Сталину агитатор Я.П. Анненков (г. Москва): «трудящиеся проели все вещи и больше проедать нечего»¹. В дневниковых записях периода отражены практики продажи имущества весной 1947 г. среди которых фигурировали либо «последние» и «мало-мальски стоящие» вещи (костюм, пальто, шинель и пр.)², либо вещи, полученные на предприятиях по лимитным карточкам. Продавали свое имущество и студенты (в основном это были книги)³. За неимением средств продавались горожанами и полученные на предприятиях талоны на промтовары⁴. Весной 1947 г. в г. Каменск-Уральском (Свердловская обл.) на одном из рабочих собраний разбирался вопрос о продаже гражданами облигаций – по 5 руб. за сторублевую облигацию⁵. В целом в 1947 г. объем доходов горожан от продажи имущества не снизился, а даже возрос, составив в семьях рабочих Сибири – 10,5% (помимо этого 2,8% дохода семьи приносили продажи продуктов с ЛПХ)⁶. По стране суммарный объем поступлений от продажи имущества, продуктов с ЛПХ, а также заработка у отдельных граждан составлял в семьях рабочих в 1947 г. – 13,6%⁷. В семьях промышленных рабочих г. Свердловска объем доходов, полученных от продажи различных вещей в 1947 г. составил 602,7 руб. (в среднем на члена семьи в год), при этом большая часть данных продаж – на 364,4 руб. (на одного члена семьи) состоялась в первом полугодии⁸. В семьях ИТР г. Свердловска доход от продаж имущества был выше – 620,5 руб. на члена семьи в год, (325,2 руб. в первом полугодии)⁹.

Помимо продаж имущества горожане, стремясь стабилизировать свой бюджет, брали деньги в долг. Наличие долгов от 30 до 7000 руб. отмечено в многочисленных дневниковых записях, сделанных горожанами в 1946–1947 гг.¹⁰ Как правило, в качестве кредиторов выступали соседи, друзья, родствен-

¹ РГАСПИ. Ф. 58. Оп. 11. Д. 872. Л. 92.

² Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 99, 101; Смирнов В.А. Реквием XX в. В 5 ч. Ч. 2. Одесса, 2013. С. 584.

³ Порцевский В.А. Указ. соч. Запись от 13 октября 1947 г. (дата обращения: 24.10.2019).

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп.43. Д. 196. Л. 63, 68.

⁵ Там же. Л. 61.

⁶ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 51

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 5. Л. 268.

⁸ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 14. Д. 2. Л. 18 об., 20 об.

⁹ Там же. Л. 13 об., 14 об.

¹⁰ Мечтова З.А. Указ. соч. Запись от 29 января 1947 г. (дата обращения: 24.10.2019); Островская С.К. Указ. соч. Запись от 13 октября 1946 г. (дата обращения: 21.10.2019); Смирнов В.А. Реквием XX в. ... С. 584; Таланов Б.В. Указ. соч. Запись от 7 мая 1947 г. (дата обращения: 21.10.2019).

ники и коллеги по работе. Количественно данная практика отражена в материалах бюджетных обследований различных категорий городского населения Свердловской области. Осенью 1946 г. вследствие повышения пайковых цен, горожане стали чаще занимать деньги, но объемы занимаемых сумм и их процентное соотношение к общему бюджету хозяйств разнились в зависимости от их профессионального статуса (см. табл. 28).

Таблица 28

Распределение сумм взятых займы денежных средств, в семьях горожан Свердловской области в августе-декабре 1946 г. (в среднем на домохозяйство)¹

Статус главы семьи	Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь	
	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи	Руб.	% к бюджету семьи
Рабочие обувной промышл.			30	2,5	36	2,3*			41	2,7
Рабочие черной металл.	25	1,67	14	0,9	18	1	41,1	2,21		
ИТР			23,7	1,1	31,9	1,4	65,4	2,6		
Служащие	20	2	18	2,02	19	1,6	94	6,7		

Наибольшие объемы взятых в долг сумм были характерны для семей служащих, а наименьшие суммы фиксировались в семьях рабочих черной металлургии. Важно отметить, что если суммы средств, взятых горожанами в долг на протяжении последнего квартала 1946 г. возрастали, то объем одолженных средств (или возвращенных долгов) уменьшался. Так, например, служащие Свердловской области (25 домохозяйств) в ноябре 1946 г. в сумме взяли займы 2 371 руб., а одолжили (или вернули долгов) только на сумму 290 руб.²

Еще одной характеристикой монетарного поведения горожан являлось сбережение денежных средств в сберегательных кассах. Данная практика отражена в немногочисленных дневниковых записях городских жителей. Так, например, В.Ф. Борисенко (учащийся, г. Феодосия) в своем дневнике в мае 1946 г.

¹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 60–62, 78–82, 94, 95, 125, 127, 129, 146, 148, 150, 152.

* Снижение процентного объема средств, взятых в долг, по отношению к общему объему бюджета обусловлено частичным ростом доходов горожан, связанным с введением пайковой надбавки.

² ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 152.

отмечал: «В сберкассе имею немного денег, собираю на брюки»¹ (хотя, накопленные средства были им израсходованы уже в июне (осталось только 20 руб.), так как пришлось купить водки и хлеба знакомым, нашедшим его утерянные документы²). Более солидные суммы накоплений обозначены в дневниках советской творческой интеллигенции: художник, лауреат Сталинской премии Е.Е. Ленсаре (г. Москва) упоминает о наличии в сберкассе 10 000 руб.³, актриса Т.Д. Булах-Гардина (г. Ленинград) пишет о 50 000 руб. на сберкнижке⁴, писатель М.М. Пришвин – о 43 500 руб. на своей сберкнижке и на сберкнижке супруги – 37 475 руб.⁵ По расчетам И.А. Чуднова в Западной Сибири при среднегодовом доходе рабочего в 11 тыс. руб. объем среднего вклада равнялся 1,6 тыс. руб. В Кузбассе один вклад приходился на 30 горожан, в Новосибирске – на 19 чел.⁶ Обращение к материалам бюджетных обследований горожан Свердловской области позволяет заключить, что в 1946 и большей части 1947 г. практика сбережения средств в сберкассах не была востребована большинством горожан. Объемы денежных средств, отложенных в сберкассу рабочими промышленных предприятий Свердловской области составляли в 1946 г. – 4,3 руб., в 1947 – 2,2 руб. на семью в год (менее одного процента к общему объему расходов)⁷. В качестве примера-исключения можно привести бюджет одной жительницы г. Свердловска за январь 1946 г., которая не имела семьи, жила в общежитии и, работая бухгалтером на машиностроительном заводе им. В.В. Воровского, получала зарплату 1940 руб. в месяц. Потратив на питание 625 руб. (из них около 500 руб. на рынке и 45 руб. в системе общепита), не покупая вещей, она положила на сберкнижку 700 руб.⁸ По всей видимости, такая монетарная стратегия могла быть присуща представителям данной группы горожан – бессемейным, с высоким доходом, не имеющим личного коммунального пространства, но эта прослойка в советском городском социуме была не велика. Снятие имеющихся

¹ Борисенко В.Ф. Указ. соч. Запись от 31 мая 1946 г (дата обращения: 21.10.2019).

² Там же. Запись от 6 июня 1946 г (дата обращения: 21.10.2019).

³ Ленсаре Е.Е. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/867> . Запись от 20 августа 1946 г. (дата обращения: 05.10.2019).

⁴ Булах А.Г. Указ. соч. С. 163.

⁵ Пришвин М.М. Дневники. ... Запись от 1 декабря 1949 г. (дата обращения: 21.10.2019).

⁶ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. глазами современников ... С. 99.

⁷ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 208–209.

⁸ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 255. Л. 18.

сбережений являлось первой реакцией горожан на проявления экономической нестабильности. В одном из сообщений о настроениях ленинградцев в начале октября 1946 г. была зафиксирована информация: «Наблюдаются большие очереди в сберкассах. ... в сберкассе Дзержинского района за последние два дня во много раз увеличилась выплата вкладов, а поступление денег на сбережение почти отсутствует. Среди вкладчиков в очереди велись разговоры о том, что “скоро будет война, надо забирать деньги, запастись продукты и сушить хлеб, а то насидимся голодными, как во время блокады”».¹

Важной составляющей расходной части бюджета горожан в послевоенные годы являлось приобретение облигаций государственных займов. По расчетам С.С. Букина в семьях рабочих Сибири объем расходов на приобретение облигации составлял к общему объему расходов: в 1946 г. – 5,4%, 1947 г. – 5,2%, 1948 г. – 5,8%, в 1949 г. – 5,5%². Сопоставимы с данными цифрами были расходы на покупку облигаций в семьях промышленных рабочих Свердловской области: 1946 г. – 7,7%, 1947 г. – 5%, 1948 г. – 5,8%, в 1949 г. – 5,8%³. Приобретение облигаций на предприятиях (в размере трехнедельного заработка) являлось нормализованной практикой. Большинство горожан воспринимало займы как обыденное явление советской действительности, понимая их необходимость для послевоенного восстановления страны. В.А. Чивилихин в мае 1946 г. пишет в своем дневнике: «Сегодня подписка была на заем Восстановления. Несмотря на мое крайне затруднительное материальное положение, подписался на 200 р., и врать и “скрипеть сердцем” не пришлось – понимаю»⁴.

Фиксировались и отказы от подписки на заем. Как правило, отказывались от подписки (либо подписывались на малые суммы), горожане с низким уровнем доходов (90–400 руб. в месяц), мотивируя свой отказ материальными трудностями⁵. При подписке на заем 1946 г. отдельные горняки Карпушинского и Белореченского шахтоуправлений (Свердловская обл.) подписались на малые суммы (в размере двух недельного заработка), так как «вследствие ряда причин

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 9.

² Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 60–61.

³ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 208.

⁴ Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 79.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 204. Л. 59.

большинство горняков заработало в месяц от 400 до 600 руб.»¹. Работница «Промбытартели» (г. Ревда, Свердловска обл.) отказываясь от подписки на заем 1947 г. сказала: «Нас лишили даже карточек на сахар, а от нас требуют, чтобы мы помогли государству, а когда государство будет помогать нам?»². Отказ от подписки на заем мог быть чреват санкциями, в первую очередь, по отношению к коммунистам. На Кировском заводе (г. Челябинск) сотрудница Ремизанцева при зарплате 700 руб. подписалась на 300 руб., как и водитель Кабанюк, зарплата которого составляла 800 руб. По решению партбюро оба были исключены из партии³.

Наличие выигрышей по облигациям стимулировало некоторых горожан дополнительно их покупать. Так, например, А.И. Дмитриев пишет в своем дневнике: «Я в этом году решил сыграть на облигациях. Купил себе их на рынке несколько “штук” и думаю, что не проиграю»⁴. В общей сумме номинал купленных А.И. Дмитриевым облигаций составил весной 1948 г. 18 285 руб., при перерасчете он получил более 6000 руб. новыми облигациями⁵. И хотя, как отмечает сам А.И. Дмитриев, в результате денежной реформы он «погорел с облигациями»⁶, стремление выиграть у него сохранилось и в последующие годы. Объем его выигрышей был не велик: «В 1-м тираже 2%-го займа я ничего не выиграл. А двое из нашего цеха ... выиграла по 10 тысяч рублей. Везет же людям!»⁷, «Выиграл на 2-й заем восстановления хозяйства на 100-рублевую облигацию – 500 рублей»⁸. В газетных публикациях освещалась информация о крупных выигрышах горожан (25 000, 50 000 руб.)⁹, но фактически объем доходов от выигрыша по облигациям государственных займов составлял незначительные суммы. В заметке «Массовая проверка выигрышей по займам» в газете «Металлург» (г. Выкса, Горьковская обл.) приводится следующая информация: «В результате проверки на 13 апреля ... всего обнаружено 105 выигрышей на

---

¹ Там же. Оп. 41. Д. 168. Л. 43.

² Там же. Оп. 43. Д. 204. Л. 59.

³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 192. Л. 38.

⁴ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 1 апреля 1947 г. (дата обращения: 17.09.2019).

⁵ Там же. Запись от 19 апреля 1948 г. (дата обращения: 17.09.2019).

⁶ Там же. Запись от 20 декабря 1947 г. (дата обращения: 19.09.2019).

⁷ Там же. Запись от 12 сентября 1948 г. (дата обращения: 18.09.2019).

⁸ Там же. Запись от 23 октября 1949 г. (дата обращения: 17.09.2019).

⁹ Проскуракова В. Выигрыши на полтора миллиона рублей. // Уральский рабочий. 1947. 15 января. С. 3; Чикин А. Массовая проверка выигрышей по облигациям займа // Metallurg. 1947. 12 апреля. С. 2.

сумму 15 900 рублей»¹. Путем несложных вычислений можно найти среднюю сумму одного выигрыша, объем которого составлял 151,4 руб. Доходы от выигрыша по облигациям составляли незначительную сумму в бюджетах горожан. В семьях рабочих Сибири в 1946–1947 гг. она равнялась в среднем 1% от общего дохода, сократившись в 1948 г. до 0,3%². Таким образом, сумма выигрыша горожан по облигациям была в среднем в пять и более раз ниже, чем объем средств, затрачиваемых семьями при подписке на заем.

Монетарные стратегии горожан корректировала динамика цен. Снижение коммерческих цен на промышленные товары, проведенное в июле 1946 г. вызвало покупательский ажиотаж – в Челябинсубунивермаге в первый день снижения цен количество проданных товаров возросло больше, чем в пять раз. Наибольшим спросом у населения пользовались шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани, чулки, носки, посуда³. Фиксировались и не очень положительные оценки данного мероприятия, высказанные горожанами: «Все равно еще дорого», «Разве нам купить за такую цену?», «Это не для нас» и пр.⁴ На снижение коммерческих цен в сентябре 1946 г. (проводимое параллельно с повышением пайковых цен), население отреагировало резким ростом покупательского спроса на товары первой необходимости. В городах Свердловск, Нижний Тагил, Карпинск (Свердловская обл.) реализация продовольственных товаров возросла: сахар – в 10 раз, макаронные изделия – в 8 раз, крупа – в 6 раз, мыло хозяйственное – в 3 раза, хлебобулочные изделия – в 1,5 раза. Дневной оборот коммерческих продовольственных магазинов в этих городах возрос за период с 15 по 20 сентября с 683 000 руб. до 839 000 руб.⁵ В коммерческих магазинах Саратова 16 сентября объемы реализации хлеба превысили показатели первой половины месяца в 1,7; муки – в 3,2; сахара – в 5,7; спичек – в 10 раз⁶. Характерно, что в отличие от коммерческих магазинов, в магазинах, где отоваривали карточки, очереди были значительно меньше, либо вовсе отсутствовали. Л.В. Шапорина (художник, переводчик, г. Ленинград) в дневниковой записи от 1 ок-

---

¹ Усанков В. Массовая проверка выигрышей по займам // Металлург. 1948. 17 апреля. С. 2.

² Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 60–61

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 805. Л. 58.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 157. Л. 57.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 35.

⁶ Кузнецова Н. В. Динамика цен и заработной платы ... С. 61

тября 1946 г. отметила: «Сегодня с утра у коммерческих булочных огромные очереди, а в простой булочной никого, и Шура благополучно получила хлеб».¹

Наиболее масштабный покупательский ажиотаж, был вызван денежной реформой, точнее слухами об ее проведении, распространившимися в конце ноября – начале декабря 1947 г. Потребительские практики граждан принимали самые причудливые формы. В магазинах скупались продукты с длительным сроком годности (консервы, копченые колбасы, мука), самые дорогостоящие товары (мебель, ковры, ювелирные изделия и пр.), и даже товары, не пользовавшиеся раньше спросом (тубетейки, рояли и пр.²). В аптеках закупались лекарства, стояли очереди за аспирином³, бинтами⁴, на почтах скупались марки (на несколько тысяч рублей)⁵, давались длинные телеграммы родственникам⁶. Цены на городских рынках резко повысились. В Кировской области цена на валенки достигала 2500 руб. за пару⁷. На рынках Москвы хромовые сапоги, стоившие ранее 1000 руб. подорожали до 1500 руб., а цена на отрез бостона увеличилась с 3000 руб. до 6500 руб.⁸ Стоимость продуктов на рынках повысилась в 3–5 раз⁹. Многие магазины закрывались на учет, ремонт (по причине отсутствия товаров, из стремления сохранить товарные запасы до периода свободной торговли¹⁰). Покупательский ажиотаж первой половины декабря 1947 г. был продиктован стремлением граждан потратить деньги, успеть воспользоваться ими в свете надвигающейся денежной реформы. Как впоследствии отметит в своем отчете о проведении денежной реформы Заместитель председателя правления Госбанка СССР А.К. Коровушкин: «около 7 млрд. руб. израсходовано населением сверх обычного на покупку товаров, причем скупке подвергались в больших количествах товары, не имеющие спроса в обычное время»¹¹.

---

¹ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 25.

² Завадская Э.Ю., Царевская Т.В. Указ. соч. С. 135–138; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество ... С. 81–83.

³ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 58.

⁴ Порцевский В.А. Указ. соч. Запись от 14 декабря 1947 г. (дата обращения: 18.02.2019).

⁵ Егоров С.Г. Указ. соч. С. 188.

⁶ Чуковская Л.К. Указ. соч. Запись от 14 декабря 1947 г. (дата обращения: 18.10.2019).

⁷ Егоров С.Г. Указ. соч. С. 188.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 336.

⁹ Завадская Э.Ю., Царевская Т.В. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 240. Л. 17.

¹¹ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 28. Д. 2097. Л. 111.

Стремление сохранить денежные средства актуализировало различные монетарные стратегии горожан, реализованные в конце ноября – первой половине декабря 1947 г.: снятие средств со сберкнижек (наиболее интенсивно данный процесс происходил в конце ноября – начале декабря 1947 г.¹ В Ленинграде за последние пять дней ноября было выдано сберкассами 114 млн руб., в Москве 30 ноября выдано 89,2 млн руб.²); вложение денег в сберкассы (наибольшая активность денежных вложений в Свердловске фиксировалась в период с 10 декабря 1947 г.³, в Новосибирске число вкладов в первой половине декабря увеличилось на 23%, в Кузбассе на 45%⁴); оплата долгов по налогам и коммунальным платежам (если в ноябре 1947 г. средний объем внесенных коммунальных платежей по стране составлял 12 млн руб. в день, то в первой половине декабря – 29 млн руб.⁵); отправка денежных переводов внесение вперед квартирной платы, внесение авансов по пошиву одежды в системе бытового обслуживания (хотя деньги, вложенные в переводные операции, а также все авансовые платежи были впоследствии уценены на основе Закона о денежной реформе. Общая сумма переводов, не выплаченных на 16 декабря и уцененных на 90%, составила 600 млн. рублей⁶); скупка облигаций госзаймов (за первую половину декабря гражданами было приобретено облигаций займа 1939 г. на сумму 200 млн руб.⁷); закладывание вещей в ломбарды под залог денег, в надежде, что стоимость вещей будет определена в новых ценах. Предшествующий реформе «ломбардный ажиотаж» иллюстрирует запись из дневника В.Г. Малахиевой-Мирович (г. Москва), сделанная 6 декабря 1947 г.: «Вернулась с предночной прогулки. На углу Пушкинской кинулась ко мне деревенского вида женщина с ошалелым видом и запыхавшимся голосом прокричала: — Бабушка! Ты не в ломбард идешь? – Какой ломбард? 11 часов ночи! – Так что ж, что ночь? Там, говорят, очереди такая, что не протолпишься. Горе мне – забыла, где он, ломбард-то, кверху? Книзу бежать?»⁸. 15 декабря в городах увеличилось

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 240. Л. 16

² Завадская Э.Ю., Царевская Т.В. Указ. соч. С. 138.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 240. Л. 16

⁴ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. глазами современников ... С. 100.

⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2283. Л. 252.

⁶ По страницам архивных фондов Центрального Банка РФ. ... С. 101.

⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2283. Л. 253.

⁸ Малахиева-Мирович В.Г. Указ. соч. С. 538.

количество желающих проехать на трамвае, чтобы получить сдачу с одного рубля 80 копеек. Кондукторам было дано указание не сдавать сдачу пассажирам¹. Денежная реформа и предшествующий ей покупательский бум, отражены в многочисленных дневниковых записях горожан, живших в различных регионах РСФСР (Москве, Ленинграде, Молотове, Кирове, Алтайском крае и пр.). Характерно, что в большинстве дневников данное событие изображается как внешнее, по отношению к жизнедеятельностным стратегиям описывающих их субъектов: с полок магазинов «кто-то» сметал товары, тратя огромные суммы. Как отметил в дневнике А.И. Батюто (литературовед, г. Ленинград): «Вдруг выяснилось, что не все люди жили бедно в эти годы, многие, уповая на будущее, копили терпение и деньги»². В дневниках приводились примеры снятия со сберкнижек и реализации крупных денежных сумм, свидетелями которых являлись авторы либо их знакомые³. Сами же авторы дневников оставались в стороне от данных практик, не имея средств⁴, либо не имея желания суесться⁵. Так, например, Н.С. Покровская (экономист, г. Москва) так описывает происходящее: «Люди продавали и покупали совсем ненужные вещи. И их было так много, что пройти было трудно. К роскошному магазину подарков, обычно пустому, стояла длинная очередь. Покупатели и продавцы сновали во все стороны. Я шла между ними, совсем посторонняя, не имеющая никаких денег, совсем не заинтересованная ни в каких покупках, и так мне было дико смотреть на всё это»⁶. Фактически единственным эпизодом «масштабной» покупки для вложения средств, отраженным в анализируемых дневниковых записях горожан, являлось приобретение Б.В. Талановым (преподаватель, г. Киров) 42 кг. ржаной муки (на что было израсходовано 966 руб.)⁷.

---

¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 191. Л. 6-6об.

² Батюто А.И. Указ. соч. Запись от 2 декабря 1947 г. (дата обращения: 17.07.2019).

³ Бронтман Л.К. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/18>. Запись от 7 декабря 1947 г. (дата обращения: 17.07.2019); Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 56

⁴ Ривкина Э.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/932>. Запись от 6 декабря. (дата обращения: 17.07.2019); Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 16 декабря 1947 г. (дата обращения: 19.07.2019).

⁵ Булах-Гардина Т.Д. Указ. соч. Запись от 4 декабря 1947 г. (дата обращения: 20.07.2019).

⁶ Покровская Н.С. Указ. соч. Запись от 4 декабря 1947 г. (дата обращения: 27.07.2019);

⁷ Таланов Б.В. Дневники 1943–1945, 1947 гг. // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/581>. Запись от 1 декабря 1947 г. (дата обращения: 15.09.2019).

Анализ зафиксированных высказываний горожан по поводу денежной реформы позволяет прийти к выводу, что ее результаты в большинстве своем трактовались гражданами в русле адаптивной модели суждений. Если в 1946 г. в риторике власти открыто не обозначался «социальный объект» проводимых правительством мер, и выводы о нем делались населением исходя из содержания предпринятых социально-экономических мероприятий, то в тексте постановления правительства от 14 декабря 1947 г. имелось конкретное указание на категорию граждан, являющуюся объектом жестких правительственных мер – «спекулятивные элементы», которые «воспользовались наличием большого разрыва между государственными и рыночными ценами, равно как и наличием массы фальшивых денег, для накопления денег в больших размерах в целях наживы за счет населения»¹. В своих выступлениях на митингах и собраниях, горожане отмечали правильность принятого правительством решения, в первую очередь, как мероприятия, направленного на восстановление социальной справедливости. На митинге трудящихся Серовского металлургического завода начальник смены в своём выступлении сказал следующее: «Решение партии и правительства об отмене карточек и проведении денежной реформы – это мудрое решение, ... От денежной реформы спекулянты, живущие за счёт трудового народа, страдают»². Студент второго курса физико-математического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького не без удовлетворения отмечал: «Очень приятно видеть, что спекулятивные элементы потерпели удар. Как забегали эти тунеядцы, привыкшие наживаться!»³. Происходящий в результате реформы процесс «восстановление социальной справедливости», (понимаемой, в первую очередь, как достижение материального равенства), иллюстрировался сюжетами из личных наблюдений горожан. Так, например, работница цеха №1 Хромпикового завода (г. Первуральск) отметила: «Я считаю, что совершенно верно заменили деньги. Вот у нас соседка не работала и муж ее зарабатывал 600–700 руб., а у них всегда было много продуктов, и они нужды в них не знали. Ее часто можно было видеть на базаре, продаю-

---

¹ КПСС в резолюциях ... В 15 т. Т. 8. С. 159..

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 73.

³ Там же. Л. 31.

щую масло, а коровы у них нет. Откуда у них масло? Ясно, что она спекулировала и наживала деньги. Если бы отменили карточки и не заменили деньги, опять бы такие люди покупали продукты больше других. А сейчас всех выравниют»¹. Убежденность, в том, что «большие деньги, это нечестные деньги», прослеживалась в высказываниях трудящихся различных регионов страны². В некоторых суждениях горожан высвечивалось злорадство, по отношению к более зажиточным соседям, понесшим убытки: «У моего соседа пропало 58 000 руб., так ему и надо, ведь с рынка не сходил, а попросил займы 10 руб. – не дал» (г. Серов)³. Нетерпимое отношение трудящихся к спекулянтам, являвшееся как следствием деятельности официальной пропаганды, так и результатом наблюдаемой гражданами имущественной дифференциации, существовавшей в советском социуме, вызывало опасения, что подпольным богачам удастся сохранить свои сбережения: «Постановление дает возможность спекулянтам набивать карманы и жить лучше рабочих, а рабочим и шахтерам опять придется голодать» (Кузбасс)⁴. Данные опасения выражались в требованиях еще более жестких правительственных мер в отношении спекулянтов: «Денежная реформа слабо бьет по спекулянтам, надо чтобы была сильнее» (г. Серов)⁵. Фрезеровщик завода УЗТМ заявил, что при обмене денег «за один новый рубль государство должно было забирать у граждан не десять старых рублей, а сто» (г. Свердловск)⁶. В разговорах сотрудников Горного института (г. Свердловск) были отмечены разговоры: «Более справедливо суммы свыше 10 000 обменивать только тем, кто докажет, что деньги заработаны трудом (сталинская премия, выигрыш по займам и пр.), кроме того крупные суммы, внесенные в период «паники» толстосумов, вообще не следовало бы обменивать на новые деньги, ибо различные спекулянты будут иметь деньги для новых спекуляций, а это вызовет недостаток продуктов и товаров»⁷. На собраниях горожанами высказывались позитивные суждения по поводу денежной реформы: «За сто рублей я

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 85.

² Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. ... С. 323.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 72 об.

⁴ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. ... С. 324.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 72 об.

⁶ Там же. Л. 79.

⁷ Там же. Ф. 161. Оп. 12. Д. 121. Л. 37.

получаю десять и я ничего не теряю» (г. Серов),¹ «Нам не только на питание хватит, но и на одежду» (г. Куйбышев)².

Фиксировались и критические замечания. И.А. Чуднов в своей работе «Денежная реформа 1947 года» обозначил тенденцию зависимости уровня поддержки реформы населением от территориальной специфики расселения: «Удельный вес поддержки реформы был выше в небольших городах, а не в крупных индустриальных центрах. ... Количество недовольных обменом возросло в регионах с высокими доходами»³. В основу данной гипотезы И.А. Чудновым был положен тезис о том, что горожане с более высокими доходами, несли существенные материальные потери, чем и было обусловлено их большее недовольство реформой. Результаты предпринятого исследования оценочных суждений горожан не позволяют согласиться с «территориальной» гипотезой И.А. Чуднова. В крупном индустриальном центре – Свердловской области, были зафиксированы критические замечания по поводу переоценки денежных средств (г. Свердловск, Нижний Тагил)⁴, но негативные оценки звучали и среди жителей Псковской области⁵, которая не являлась индустриальным регионом, а также областью с выраженными высокими доходами граждан. Критические суждения высказывали представители самых разных социальных категорий: представители творческих профессий, высокооплачиваемые работники промышленности (мастера, бригадиры)⁶, пенсионеры⁷, колхозники⁸ и пр. Объединяло различные категории граждан наличие хоть каких-то сбережений (не хранящихся в сберкассах), облигаций (которые обменивались по менее льготному курсу, чем вклады), а также наличие долгов (по ссудам и пр.). Небезосновательные утверждения что: «при денежной реформе пострадают те, кто имеет долги», фиксировались в различных регионах страны⁹. Опасения по поводу обмена денежных средств высказывали и трудящиеся, не имеющие денежных

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 72.

² Репенецкий А.И. Указ. соч. С. 123.

³ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. ... С. 324.

⁴ Сластнев С.Б. Указ. соч. С. 70.

⁵ Салкина О.В. Указ. соч. С. 226.

⁶ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 121. Л. 10.

⁷ Сластнев С.Б. Указ. соч. С. 70.

⁸ Салкина О.В. Указ. соч. С. 226; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 109.

⁹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 121. Л. 21.

сбережений. В одном из документов партийных органов Свердловского горкома ВКП(б) были зафиксированы настроения работников завода УЗТМ: «Вызывает беспокойство среди рабочих и группы служащих положение в первые дни обмена, старых денег у рабочих имеется по 200-300 руб., при их новой стоимости в наличии будет очень мало, а ряд низкооплачиваемых рабочих (уборщицы), совсем не будут иметь денег, и лишены возможности купить себе что-либо»¹. Хотя в связи с проведением реформы зарплаты трудящимся была выплачена раньше (по различным предприятиям страны выплаты были проведены в период с 16 по 19 декабря), тем не менее, вопрос «Как дотянуть до зарплаты?» часто задавался горожанами на митингах и собраниях. Что касается территориальной детерминированности критических суждений, то об их выраженности можно говорить применительно к регионам с большей численностью спецконтингента (Урал, Сибирь). (На необходимость учета данного аспекта в формировании общественных настроений указывал И.А. Чуднов²).

При анализе суждений горожан по поводу денежной реформы важно отметить, что негативные мнения не всегда публично высказывались ими, независимо от объема понесенных потерь. Л.В. Шапорина (г. Ленинград) в своем дневнике отметит: «Пострадали почти все, но молчат»³. Возможно, данное «молчание» было обусловлено декларируемой в постановлении адресной категорией, на которую направлена реформа – «спекулятивные элементы», вследствие чего публичные негативные высказывания горожан могли являться основанием для их причисления к данной группе. Также важно подчеркнуть, что отмена карточной системы (проведенная вместе с денежной реформой), значительно «смягчала» негативные впечатления горожан от понесенных финансовых потерь. А.И. Дмитриев в своем дневнике 16 декабря 1947 г. отметит: «В общем, очень много людей поддели крепко. Да и меня немного обделали»⁴, но уже 20 декабря 1947 г. напишет: «Денежной реформой большинство населения очень довольны. А отмена карточек очень сильно действует на материальное улучшение жизни трудящихся. Вот это действительно правильная политика

---

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 121. Л. 2.

² Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. глазами современников ... С. 100–101.

³ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 58.

⁴ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 16 декабря 1947 г. (дата обращения: 18.08.2019).

партии и правительства. Я лично тоже очень доволен»¹. Одобрение решения правительства об отмене карточного снабжения звучало во всех регионах РСФСР: «Вот когда начинается хорошая жизнь ... свободно все можем купить» (г. Псков)²; «Будем есть досыта» (г. Серов, Свердловская обл.)³; «Слава богу, дожили до хорошей жизни» (г. Асбест, Свердловская обл.)⁴; «Теперь пришла настоящая жизнь», «жизнь будет значительно легче» (г. Куйбышев)⁵. Л.В. Шапорина не без иронии запишет в своем дневнике 16 декабря 1947 г. «Сонечка (внучка Л.В. Шапориной – М.К.) спросила: “Мы сможем покупать все, все, что захотим? Значит, мы будем жить, как принцы!” Так, мне кажется, восприняло отмену карточек простонародье»⁶.

Отмена карточной системы скорректировала покупательские стратегии горожан. Спрос на черный хлеб снизился. В городах Свердловской области очередей за черным хлебом не было. В Серове и Тавде 17 декабря 1947 г. было продано на 7 тонн меньше черного хлеба, чем 16 декабря, в Нижнем Тагиле продажи снизились на 35 тонн⁷. Снижение продаж черного хлеба фиксировалось в Москве, Куйбышеве, Чкалове и других городах⁸. Спрос на белый хлеб и хлебобулочные изделия, а также сахар, кондитерские изделия, масло и пр. только возрос. Продажи хлеба и хлебобулочных изделий в Кирове во второй половине декабря 1947 г. по отношению к первой половине месяца возросли вдвое, сахара – в 5 раз, кондитерских изделий – в 10 раз⁹. Повысился спрос на промышленные товары. Практика нормирования отпуска товаров в одни руки сохранилась. В ряде регионов торговля товарами реализовывалась по спискам, ордерам, прописке и даже вновь напечатанным карточкам¹⁰. Не исчез с отменой карточек и товарный дефицит, более того, очереди только увеличились. В

---

¹ Там же. Запись от 20 декабря 1947 г. (дата обращения: 18.08.2019).

² Салкина О.В. Указ. соч. С. 224.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 72.

⁴ Там же. Л. 46.

⁵ Репенецкий А.И. Указ. соч. С. 123.

⁶ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 58.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 14.

⁸ Коробков И.В. Экономическая реформа 1947 г. в СССР: проблема свободной торговли // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 41. Репинецкий А.И. Указ. соч. С. 123; Хисамутдинова Р.Р., Алантьева Е.В. Отмена карточной системы и переход к свободной торговле на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №3. С. 132

⁹ Егоров С.Г. Указ. соч. С. 189.

¹⁰ Коробков И.В. Указ. соч. С. 41; Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. ... С. 248.

Свердловске в промтоварный магазин очереди в декабре 1947 г. достигали 1000 чел.¹ Горожане стояли в очередях и за продовольственными товарами (макаронами, крупой, сахаром и пр.), большая часть которых заканчивалась в течение 2-3 часов вследствие ограниченности товарных запасов (Пенза, Свердловск, Куйбышев Красноярск, Белорецк, Стерлитамак, Чкалов, Новосибирск и др.)². В результате переход к «свободной торговле» в декабре 1947 г. был весьма относительным и не изменил в лучшую сторону рацион питания горожан, приоритетное место в котором продолжал занимать хлеб. Вследствие перебоев в снабжении в городской торговой сети многих регионов РСФСР в достаточном количестве продавался только черный хлеб³. В Свердловске во второй половине декабря 1947 г. белый хлеб составлял лишь 5–7% от общего количества хлеба, продаваемого в городе⁴. Проблемы в снабжении обусловило стремление горожан сделать «хлебные запасы». Так например, информатором Свердловского горкома ВКП(б) были зафиксированы факты, когда трудящиеся «сговариваются скупать хлеб, собираются улице группами и имеют уже при себе по 2-3 булочки хлеба»⁵. Д.С. Павлов, занимавший в послевоенный период пост заместителя председателя Бюро по пищевой промышленности при Совете Министров СССР, в своих воспоминаниях отмечал, что введение единых цен и расширение ассортимента повысило объем продаж хлеба, сахара, круп и жиров. Если до отмены карточек продавалось в месяц 945 тыс. т всех видов хлеба, то в январе 1948 г. продажа хлеба достигла 1 514 тыс. т.⁶, и только в феврале продажа начала снижаться, войдя в марте в расчетные пределы. Означенная картина спроса свидетельствует о том, что гражданами приобретались преимущественно самые необходимые продовольственные товары, в то время как спрос на мясомолоч-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 14.

² Пашина Н.В., Федорченко В.И. Экономическая реформа 1947 г.: трудности перехода к свободной торговле (на материалах Красноярского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. 2016. № 6-1. С. 152; Коробков И.В. Указ. соч. С. 41; Новинская Т.Ю. К вопросу об отмене нормированного распределения и переходе к свободной торговле 1946–1948 гг. (по материалам Пензенской области) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С. 868; Репинецкий А.И. Указ. соч. С. 123; Слостнев С.Б. Указ. соч. С. 79; Туриянова О.Н. Указ. соч. С. 86; Хисамутдинова Р.Р., Алантеева Е.В. Указ. соч. С. 132; Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. ... С. 248.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 26.

⁴ Там же. Ф. 161. Оп. 12. Д. 122. Л. 69–70.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 33; Ф. 161. Оп. 12. Д. 121. Л. 103.

⁶ Павлов Д. С. Стойкость. М., 1983. С. 203.

ные продукты характеризовался снижением¹, как и спрос на промышленные товары, цены на которые были значительно выше пайковых и для большинства населения недоступны.

В 1948 г. вследствие действующих ограничений на продажу товаров в одни руки, а также сокращения времени работы продовольственных магазинов (с января 1948 г.) в большинстве городов страны сложилась достаточно напряженная ситуация с обеспечением населения продовольствием. Очереди за хлебом (даже за черным), особенно значительные со времени открытия магазинов и после 16 часов, стали неотъемлемым атрибутом 1948 г. В 18 часов магазины закрывались, а идущие с работы горожане оставались без хлеба. В сообщении информатора Свердловского горкома ВКП(б) от 9 апреля 1948 г. указаны следующие факты: «Многие рабочие и служащие завода № 170 два-три дня не могли купить хлеба. Почти все работники Молотовского РК ВКП(б) также не могут два дня достать хлеб. В 2 часа дня 8 апреля уже весь хлеб в булочной № 15 ... был распродан. Огромная очередь в несколько сот человек осталась без хлеба. Народ из очереди не уходит, решили стоять до утра 9 апреля ... Возмущение народ выражает ... возгласами и выкриками в адрес правительства и городских руководителей. ... Студенты Уральского политехнического института лишены возможности покупать хлеб в магазинах и единственная возможность питаться – столовая и здесь не всегда можно покушать, т.к. много посторонних. Многие студенты голодают и, в конце концов, уходят с занятий в очередь за хлебом. В Свердловском институте народного хозяйства на занятиях с утра присутствует меньше одной трети студентов, остальные в очередях за хлебом. 8 апреля все студенты ветеринарного факультета кроме старосты ушли с занятий за хлебом»². Факты ухода горожан за хлебом с работы и с учебы фиксировались и в других городах РСФСР³. О проблемах с обеспечением хлебом горожане писали в газеты. На страницах газеты «Металлург» (г. Выкса Горьковской обл.) сообщалось о неудовлетворительной работе магазина ОРСа, вследствие которой: «Рабочие смогли купить только хлеб, да и то в пекарне один килограмм на

---

¹ Там же.

² ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 339. Л. 56–58.

³ Новинская Т.Ю. Указ. соч. С. 868.

сутки»¹. В газете «Великолукская правда» было опубликовано письмо врача паровозоремонтного завода Н. Мейкшиной и грузчика кирпичного завода А. Васильева, в котором сообщалось: «В магазине при Великолукском кирпичном заводе № 1 кроме хлеба и крупы ничего нет. Вопреки существующим правилам покупателям здесь отпускают лишь по полтора килограмма хлеба. Но почему-то и эти полтора килограмма может получить только глава семьи. В магазине отпускают не более чем полкилограмма крупы»². В публикации, подготовленной Ю. Аксеновым и А. Улюкаевым, приводятся тексты писем граждан в газету «Правда», в которых описываются реалии продовольственного снабжения послевоенных лет: «В очередях у хлебных магазинов происходит ужасная картина, установили “десятки”, выделили бригадиров и наблюдателей у входа. Рабочий получает на 3-4 суток 2 кг хлеба. Ежедневно происходит мордобитие» (г. Семипалатинск); «В городе Спасске исключительно плохое снабжение хлебом. Чтобы получить хлеб, надо отстоять в очереди с утра и до следующего утра» (Рязанская область)³. В некоторых регионах РСФСР в 1948 г. была более благополучная ситуация со снабжением продовольствием. Очередей за хлебом не наблюдалось в Чкалове (в январе 1948 г.), хотя за крупой и макаронными изделиями горожане стояли в очередях⁴. Несколько лучшим по сравнению с регионами было снабжение Москвы и Ленинграда. Вышеприведенные факты позволяют согласиться с утверждением Н.В. Пашиной, по мнению которой, после отмены карточной системы положение рабочих и служащих заметно ухудшилось, так как при покупке товаров им приходилось конкурировать с сельским населением, приезжающим в города, в результате, количество продовольствия, которое удавалось покупать горожанам, нередко было меньше пайка, отпускавшегося прежде по карточкам⁵. В ряде городов РСФСР были зафиксированы суждения горожан о необходимости возврата к карточной системе, существование которой гарантировало хотя бы минимальный уровень потребления⁶.

---

¹ Магазин на замке // Металлург. 1948. 14 февраля. С. 2.

² Навести порядок в магазине // Великолукская правда. 1948. 11 января. С. 3.

³ Улюкаев А., Аксенов Ю. Легенды об одной реформе // Неделя. 1990. № 19. С. 16.

⁴ Хисамутдинова Р.Р., Алантьева Е.В. Указ. соч. С. 134.

⁵ Пашина Н.В. Торговля и снабжение населения Красноярского края в послевоенный период (1945–1953 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 2018. С. 11.

⁶ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 339. Л. 57.

В большинстве дневниковых записей современников нашли отражение проблемы продовольственного снабжения городов. З.А. Мечтова (учитель, г. Чесноковка Алтайский край) пишет: «Вот уже с неделю опять большие перебои с хлебом, по 3-4 дня люди без хлеба ... очереди небывалые. Очередь занимают с 3 ч. ночи, в очередях ругань, злоба, драка, женщины дерутся, подростки оскорбляют друг друга»¹; «Мыла нет вот уже полтора месяца нигде ни в одном магазине, нет и на рынке»²; «С отменой карточной системы сахару совсем не стало, да ничего не стало, даже соли нет»³. Л.В. Шапорина (художник, переводчик, г. Ленинград): «Вся Лиговка представляла собой нескончаемый ряд очередей, от булочной до булочной. В магазине на Обводном конечно никакого постного масла не оказалось, постояла за каким-то комбижиром. Мы ведь не “покупаем”, а “стоим” за чем-нибудь»⁴.

В некоторых дневниковых записях отражена еще одна практика решения горожанами проблем товарного дефицита, заключающаяся не в выстраивании очередей, а в использовании блата. А.И. Дмитриев (рабочий, г. Молотов) в своем дневнике пишет: «Вчера везде продавали муку разных сортов ... были большие очереди. Но я не терялся, достал ее у разных “своих” очень много: по 8 руб. [за] кг. я купил 27 кг, а по 6 р. 20 к. [за 1 кг] – 7 кг. В общем, сейчас мы живем с мукой»⁵. М.А. Мендельсон-Прокофьева (супруга композитора С.С. Прокофьева) в 1949 г. упомянет в своих дневниковых записях: «Я достала себе серую мягкую материю на костюм»⁶.

Последствия отмены карточек характеризовались достаточно позитивно в некоторых воспоминаниях и дневниках современников. Так, например, А.М. Гаврилов (являвшийся в 1940-е гг. студентом Сталинградского сельскохозяйственного института) отмечал: «Особенно запомнившимся осенним событием 1948 г. была отмена карточек на хлеб. Мы получили возможность по достоинству оценить полноценное питание хлебом насущным. Временно возросшие

---

¹ Мечтова З.А. Указ. соч. Запись от 8 февраля 1948 г. (дата обращения: 18.09.2019).

² Там же. Запись от 15 марта 1948 г. (дата обращения: 18.09.2019).

³ Там же. Запись от 12 июня 1948 г. (дата обращения: 19.09.2019).

⁴ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 68.

⁵ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 13 марта 1948 г. (дата обращения: 19.09.2019).

⁶ Мендельсон-Прокофьева. М.А. О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники. 1938-1967. М., 2012. С. 402.

очереди мы успешно преодолевали (занимали очереди по ночам)»¹. Наличие фактических ошибок в определении времени проведения реформы, позволяет обозначить важную проблему верификации источников личного происхождения – воспоминаний и дневников, а также прийти к выводу о преимуществе последних в контексте изучения деятельностных стратегий населения вследствие большей детализации и конкретизации описания. Хотя также нельзя не отметить, что восприятие происходящих событий, как и их оценка, во многом были обусловлены семейным статусом и возрастом респондента. Для А.М. Гаврилова – молодого студента, не имеющего семьи, продовольственные трудности, вероятно, не казались столь существенными, в сравнении с их восприятием горожанами, вынужденными обеспечивать семьи и кормить детей. Положительная оценка пост реформенной экономической ситуации определялась и профессиональным статусом автора. Так, например Н.С. Покровская (экономист в министерстве, г. Москва) пишет в своем дневнике: «В нашей семье уже нет голода, потому что нет недостатка в хлебе и сахаре. В Москве много магазинов. Купить можно всё и недорого, в сравнении с тем, что было до реформы. В коридорах министерства открылись буфеты. В буфетах булки, масло, колбаса, сыр, печенье. И никто не толпится. В столовую ходим без пропусков и без карточек. Хлеба в столовой сколько угодно»². Наличие различных оценочных суждений, свидетельствует о существенной дифференциации в продовольственном обеспечении горожан, определяющейся территорией их проживания, профессиональным статусом и пр.

Сохранившиеся в большинстве регионов РСФСР и после отмены карточной системы сложности продовольственного снабжения и товарный дефицит, явились причиной сохранения высоких затрат на питание в семьях горожан (варьировавшихся по регионам в пределах от 45 до более чем 50% всех расходов семьи³), а также сохранения преимущественно хлебно-картофельного рациона питания. В семьях рабочих Сибири объем потребления хлебопродуктов в 1948 г. возрос на 17% по сравнению с уровнем 1947 г. (составив 240,7 кг на че-

---

¹ Гаврилов А.М. Патриархи аграрной науки Нижнего Поволжья // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. 2012. №. 1 (25). С. 6.

² Покровская Н.С. Указ. соч. Запись от 28 января 1948 г. (дата обращения: 19.10.2019).

³ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 61; Советская жизнь. 1945–1953 ... С. 93.

ловека в год), при этом душевое потребление ржаного хлеба увеличилось на 58% (составив 133,4 кг)¹. В семьях рабочих Свердловской области потребление хлеба увеличилось к уровню 1947 г на 30%². При этом потребление рыбы и мясопродуктов в семьях рабочих Свердловской области снизилось на 13–14%, а в Сибири увеличилось на 2–2,5%³. После отмены карточной системы расходы горожан на общественное питание сократились на 30%⁴.

Проблемы товарного обеспечения и низкий уровень жизни обусловили сохранение адаптивных практик, к которым прибегали горожане с целью выживания и обеспечения семьи – продажа товаров на рынке, долги, переделка вещей и пр. Л.В. Шапорина (художник, переводчик, г. Ленинград) в своем дневнике пишет о вынужденной продаже книг, мебели⁵. А.И. Дмитриев (рабочий, г. Молотов) отмечает продажу на рынке «двух пар ботишков»⁶. Продажа населением последних вещей «с себя» фактически не фиксируется в дневниковых записях горожан конца 1940-х гг., но о сохранении данной практики, как о кардинальном способе решения финансовых проблем, свидетельствуют письма граждан. Так, например, рабочий Ирбитского предприятия М.В. Елисеев обращаясь летом 1948 г. к депутату Верховного Совета Н.М. Швернику с просьбой, чтобы ему разрешили уволиться с предприятия и переехать с семьей в Томск к родственникам, пишет следующее: «... мы поставлены под удар нужды в настоящий момент, в надежде выехать домой, мы не посадили здесь никаких овощей и опоздали там. Но там у нас своя крыша, кров и хозяйство, и наше стремление выехать туда по теплу и пока есть еще что реализовать, продать одежду с себя»⁷. При сохранении практик продаж горожанами имущества их количество в конце 1940-х гг. значительно снижается, как и объем поступлений в бюджет семьи от данного вида деятельности. Так, например, в семьях рабочих Сибири объем доходов от продажи вещей в 1948 г. составлял всего 1,1% всех

---

¹ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 98.

² Подсчитано по: Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 221.

³ Подсчитано по: Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 98; Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 221.

⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 5. Л. 267.

⁵ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 79, 105.

⁶ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 6 октября 1948 г. (дата обращения: 17.09.2019).

⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5847. Л. 63–63 об.

доходов семьи, а в 1949 г. – 1%, снизившись по сравнению с уровнем 1947 г. более чем на 9%¹. Снижение доходов рабочих от продажи имущества фиксируется и в масштабах страны – с 13,6% в 1947 г. до 3% в 1948 г.²

Таблица 29

Распределение сумм одолженных / взятых в займы денежных средств, в семьях горожан Свердловской области в 1949–1950 гг.
(в среднем на домохозяйство) (руб.)³

Годы	по г. Свердловску			по Свердловской обл.		
	рабочие	служащие	ИТР	рабочие	служащие	ИТР
1949	207,58 / 236,26	н/св.	н/св.	150,27 / 170,60	273,69 / 284,47	156,05 / 166,27
1950	55,18 / 58,01	29,86 / 30,15	58,06 / 62,10	46,25 / 50,06	75,68 / 90,81	58,61 / 63,15

О денежных долгах, как о способе решения финансовых проблем пишут в своих дневниковых записях 1948–1949 гг. З.А. Мечтова (Алтайский край), А.И. Дмитриев (г. Молотов), Л.В. Шпорина и В.А. Порцевский, О.Н. Гильдебрандт-Арбенина (г. Москва)⁴ и др. Хотя по сравнению с 1946–1947 гг. данная практика в жизнеописаниях горожан фигурирует реже. Обращение к материалам бюджетных обследований городского населения Свердловской области свидетельствует о снижении объемов занимаемых и одалживаемых сумм в конце 1940-х–начале 1950-х гг. (см. табл. 29)

В монетарных стратегиях горожан после денежной реформы превалировали практики снятия, а не сбережения средств в сберкассах. Наибольший отток вкладов фиксировался во второй половине декабря в Москве, Ленинграде⁵. Тенденция оттока вкладов наблюдалась во всех регионах вплоть до мая 1948 г. По СССР общая сумма отлива вкладов за вторую половину декабря 1947 г. и

¹ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири ... С. 51.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 5. Л. 267.

³ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 14. Д. 254. Л. 16 об., 18 об., 20 об., 24 об.; Д. 568. 1 об., 6 об., 8 об., 11 об., 12 об., 13 об.

⁴ Гильдебрандт-Арбенина О.Н. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1311>. Запись от 4 декабря 1948 г. (дата обращения: 19.09.2019); Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 17 сентября 1948 г. (дата обращения: 20.09.2019); Мечтова З.А. Указ. соч. Запись от 22 января 1948 г., 8 мая 1948 г., 8 июля 1948 г.; (дата обращения: 21.09.2019); Порцевский В.А. Указ. соч. Запись от 27 апреля 1948 г., 28 апреля 1948 г. (дата обращения: 19.09.2019); Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 60.

⁵ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. ... С. 239.

четыре месяца 1948 г. составила 1363,6 млн. руб., из которых около 600 млн. руб. (45%), было снято в декабре 1947 г., а около 500 млн. руб. (36%) – в январе 1948 г.¹ Большинство горожан, как и до денежной реформы, не имели существенных сбережений. На сберкнижку клали небольшие суммы «чтобы не истратить преждевременно»². Типичным было «домашнее» накопление средств. Запись в дневнике рабочего А.И. Дмитриева (г. Молотов) иллюстрирует данную практику: «От этих получек я уже два раза ничего не ложил в шкатулочку. Потом придется сразу положить несколько сотен»³. В первой половине 1950-х гг. объем вкладов горожан в сберкассы возрастает. В Башкирской АССР сумма вкладов составляла в 1950 г. – 13,1 млн. руб., а средний размер вклада равнялся 96 руб.⁴ Тот же А.И. Дмитриев в 1952 г. отметит в дневнике: «Сейчас на книжке у нас лежит 3800 – это все пойдет на отпуск»⁵.

Снижения цен, проводимые в конце 1940-х – начале 1950-х гг. повысили покупательную способность горожан. Расходы на питание в общем объеме бюджета на протяжении данных лет сокращались. В среднем по РСФСР сокращение расходов на питание в семьях рабочих за период 1950–1954 гг. составило 5,2%⁶. В 1953–1954 гг. средняя рабочая семья РСФСР тратила в год на питание 36–37,3% (к уровню всех расходов). По СССР в целом показатель годовых расходов на питание в семьях рабочих был несколько выше, составляя в 1952 г. – 43,8%, в 1953 г. – 42,6% (от общего уровня расходов)⁷. По регионам РСФСР динамика сокращения расходов семей рабочих на питание в период 1950–1956 гг. варьировалась в диапазоне от 1 до 8%, при этом наибольший объем снижения фиксировался в период с 1950 по 1952 гг., являясь результатом масштабных снижений цен на продовольственные товары, проведенных в 1950-м и 1951-м гг. (см. прил. 1.30). Снижения цен 1949–1954 гг. отражены в дневниковых записях горожан, получая преимущественно положительные оценки⁸.

---

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2283. Л. 237.

² Мечтова З.А. Указ. соч. Запись от 22 октября 1948 г. (дата обращения: 19.09.2019).

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 9 марта 1948 г. (дата обращения: 29.09.2019).

⁴ Кузеев Р.Г. Рабочий класс – создатель коммунизма. Уфа, 1969. С. 228.

⁵ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 12 января 1952 г. (дата обращения: 29.09.2019).

⁶ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 23

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1768. Л. 186.

⁸ Лурье Э.В. Указ. соч. С. 259; Пролейко В.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhitto.org/person/662>. Запись от 28 февраля 1950 г. (дата обращения: 19.09.2019) и др.

Дневниковые описания высвечивают практику запасов товаров впрок, характерную для экономических стратегий граждан в периоды ценовой динамики. Историк С.С. Дмитриев (г. Москва) пишет в своем дневнике (1950 г.): «В магазинах расхватывают сахар, сахарный песок и т.д., что может лежать: явно, делать начинают запасы. Пахнет предвоенной тревогой».¹ Писатель В.Г. Малахиева-Мирович (г. Москва) приводит в своем дневнике рассказ женщины, ходившей по магазинам в день снижения цен (1950 г.): «В магазинах, как в Лавре на Пасху, – народу, народу – не протолпишься. И на улицах – очереди. И только и слышишь: спасибо, спасибо Сталину. И правда, спасибо – дай Бог ему здоровья, подумал о нас, грешных: хлеб вместо 3-х – 2 рубля кило. Шутка ли – на целый рубль снизил. А в магазине локтями работают, как на пожаре. И будто перед голодом закупают всего почем зря. Вермишели, слышу, по 8 кило берут. И хватают все, на что глаз поглядит. А глаза как у полоумных. Боятся, что ли, что все опять подорожает с лихвой. Батоны по десятку забирают»². Следствием потребительского ажиотажа, вызванного стремлением граждан запастись товарами впрок, являлось усиление проблем товарного дефицита. В 1950-м г. С.С. Дмитриев напишет в своем дневнике: «В магазинах все начинает исчезать, а качество товаров после снижения цен заметно ухудшилось»³.

Важно отметить тот факт, что в описании ценовых снижений большинство горожан в своих дневниках акцентировали внимание на стоимости хлеба. Помимо вышеприведенной выдержки из дневника В.Г. Малахиевой-Мирович, к «хлебной» теме апеллирует в своем дневнике историк С.С. Дмитриев, характеризуя снижение цен 1949 г.: «Все-таки хлеб остается очень дорогим: 2 р. 70 к. кило. Люди с небольшими зарплатами ждали не этого. А они – масса»⁴. В отношении снижения цен 1952 г. С.С. Дмитриев напишет: «Снижение небольшое – 10-12-15-20%. ... Однако же и после него хлеб продолжает оставаться почти вдвое дороже, чем он стоил перед войной, т.е. картина все же малоутешительная»⁵. О цене хлеба напишет в своем дневнике и Л.В. Шапорина (художник, пе-

---

¹ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история 1999. № 3. С. 161.

² Малахиева-Мирович В.Г. Указ. соч. С. 589.

³ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 161.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 4. С. 124.

реводчик, г. Ленинград) (1952 г.): «Булка, стоившая 2 р. 15 к., стоит теперь 1 р. 85 к. ... В большой семье это небольшое снижение очень заметно»¹. В целом, несмотря на постепенное улучшение жизни горожан в 1950-е гг., хлеб длительное время оставался главным продуктом потребления городского населения, а цена на него определяла качество жизни граждан.

Обращение к материалам бюджетных обследований позволяет прийти к выводу, что качество питания рабочих на протяжении первой половины 1950-х гг. улучшалось: увеличивалось потребление мясомолочных продуктов, снижался объем потребляемого картофеля (см. табл. 30).

Таблица 30

Потребление продуктов питания в семьях промышленных рабочих
(в среднем по РСФСР) 1950–1956 гг. (кг/чел в год)²

Название продуктов	1950	1952	1953	1954	1956
Мука и хлеб печеный в пересчете на муку	152,8	152	144	136	130,9
В том числе мука пшеничная	65	93,4	99,4	97,7	94
Крупа и бобовые	11,1	9,9	9,6	8,6	10,3
Макаронные изделия	6,4	8	8,1	8,2	6,9
Картофель	164,9	141,8	133,4	121,5	127
Овощи	36,1	43,5	54,5	63,1	61,8
Бахчевые	1,4	6,6	10,5	10,6	8,9
Фрукты и ягоды (свеж. и сушен.)	5,7	8,7	11,6	11,4	11,8
Масло животное	3,3	3,5	4,8	4,8	5,5
Сало всякое	0,8	1,1	1,7	2,1	2,2
Масло растительное	3,8	5,6	5,7	5,8	6,3
Мясо и мясные продукты	22,5	26,2	32,3	34,6	37,4
Рыба и рыбные продукты	8,7	10,8	10,2	12	12,5
Молоко (л.)	66,7	65,2	64,7	66,1	85,4
Молочные продукты	2,5	3,7	4	4,1	6,1
Яйца (шт.)	35,2	61,1	80,8	90,7	97
Сахар	14,5	19,5	21,4	22,4	22,1
Кондитерские изделия и мед	8,3	9,4	9,7	10,9	10,9

Улучшение качества питания отмечалось и в других профессиональных группах городского социума РСФСР. Так, например, в 1956 г. количество потребляемых мясных продуктов и молока в семьях ИТР промышленности со-

¹ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 187.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 41–42; Бюджеты рабочих, служащих ... С. 36–39.

ставляло 43,2 кг и 81 л.; в семьях служащих промышленности – 40,2 кг и 82,2 л.; в семьях врачей – 51,4 кг и 98,1 л. соответственно¹. Увеличились денежные расходы горожан на общественное питание. В среднем по РСФСР в 1956 г. рабочие расходовали 3,2% семейного бюджета в системе общепита. По областям РСФСР средний объем расходов семей рабочих на общественное питание варьировался от 1,2 до 6,1% (от общего объема расходов домохозяйств) (см. прил. 1.31). В Москве, Ленинграде, Архангельской, Ивановской, Горьковской и Свердловской областях расходы рабочих на общественное питание были наибольшими, превышая 4% от общего объема расходов семей².

Наличие проблем продовольственного дефицита обусловило сохранение адаптивных стратегий горожан, посредством обращения к которым они решали вопросы продовольственного обеспечения семей. Выбор данной стратегии определялся материальными возможностями, статусом, местом проживания горожан. Стояние в очередях было наиболее распространенной практикой. Об очередях в продуктовые магазины в сотни и тысячи человек, в которых приходится стоять от двух до пяти часов, при условии, что очередь надо занимать задолго до открытия магазина, отмечали в письмах в ЦК КПСС жители Нижнего Тагила, Семипалатинска, Котласа, Муромы, Ростова-на-Дону и др. городов РСФСР³. О необходимости «выстаивания» в очередях упоминали в своих записях и авторы дневников⁴. Вследствие ограниченности продовольственных товаров в торговой сети само по себе стояние в очередях не гарантировало их приобретения, поэтому нередко покупка продуктов могла сопровождаться ссорами, драками и т.п.⁵ Еще одной экономической стратегией была заготовка продовольственных товаров впрок. Она проявлялась в заготовке на зиму овощей, а также засолке грибов, огурцов и пр. А.И. Дмитриев в своем дневнике отметит: «Мы купили 15 кг огурцов, и мама их позавчера засолила»⁶. По причине дефицита товаров в торговой сети горожане могли приобретать их на рынке, но данная практика была доступна не всем. Житель Ростова-на-Дону по этому поводу

---

¹ Бюджеты рабочих, служащих ... С. 39.

² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 23–31

³ Там же. Л. 7, 9, 86, 88, 91.

⁴ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 31 октября 1952 г. (дата обращения: 18.09.2019)

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 86, 92.

⁶ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 17 августа 1952 г. (дата обращения: 18.09.2019).

заметил: «На базарах продукты так дороги, что простому советскому человеку один раз на базар сходить, надо отдать месячную зарплату. Поэтому на базаре покупают только те, кто получает от трех и более тысяч в месяц или кто руку запускает в государственный карман»¹. Хотя некоторые горожане, тратя последние средства, все же приобретали продукты на рынке. Так, житель г. Свердловска отметил: «В магазинах не найдешь почти ни лапши, ни пшена, ни масла сливочного, ни мяса. Куда все девается, не знаю, и нам приходится покупать все на базаре»². Материалы бюджетных обследований промышленных рабочих РСФСР позволяют прийти к выводу, что на покупку продуктов на рынке в среднем расходовалось: в 1950 г. – 9,4%; в 1952 г. – 9,7%; в 1953 г. – 8,9%; в 1954 г. – 9,5%; в 1956 г. – 7,2% от общего объема годовых расходов семей (около четверти всех расходов на покупку продуктов)³.

Еще одной стратегией преодоления дефицита, доступной не всем горожанам, было использование знакомств и «блата». Об обращении к «связям» упоминают в своих дневниках горожане в контексте описания различных ситуаций: от получения медицинских услуг до покупки яблок⁴. А.И. Дмитриев в своем дневнике опишет следующий случай: «Продажа муки прошла спокойно. Правда, с заднего хода несколько человек прошли. Но как все-таки откажешь, если завмаг говорит, что это их же сотрудники. В общем, ведь я и сам тоже муку без очереди взял»⁵. Необходимость обеспечения семей продовольствием актуализировала еще одну стратегию горожан – поездки за продуктами в более благополучные регионы. Жители областей, находящихся в относительной близости от Москвы и Ленинграда (Владимирская, Калининская и др.) ездили за покупками туда, горожане, живущие на Урале и в Сибири, изыскивали иные маршруты. В своем письме в ЦК КПСС житель Воткинска (Удмуртская АССР) напишет: «Жители нашего города вынуждены приобретать в других городах и даже в других областях (например, в Молотовской области). Вот, например, в

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 9.

² Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 232.

³ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 23; Бюджеты рабочих, служащих ... С. 18–19.

⁴ Петровская И.Ф. В конце пути // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/528>. Запись от 18 марта 1953 г. (дата обращения: 18.06.2019); Соколов Н.А. Дневники // Электронный корпус «МемоКлуб». URL: <https://memoclub.ru/2015/01/d295>, Запись от 26 ноября 1955 г. (дата обращения: 18.06.2019).

⁵ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 31 октября 1952 г. (дата обращения: 18.06.2019);

нашей республиканской столице г. Ижевске, где продукты все же есть, наши жители ездят туда и стоят целый день, чтобы купить 1 кг сахару или муки»¹. Распространение различных слухов, провоцирующих покупательский ажиотаж, способствовало усилению проблем товарного дефицита. В дневниковых записях писателя К.И. Чуковского и историка С.С. Дмитриева отмечен эпизод настоящего «покупательского безумия», вызванного распространением в Москве слухов о новой денежной реформе с 1 июля 1953 г. (обмене денег и их девальвации): «В магазинах спешно расхватывают все товары, более или менее ценные»; «Закупают все – ковры, хомуты, горшки. В магазине роялей: “Что за черт, не дают трех роялей в одни руки!” Все серебро исчезло (твердая валюта!). Ни в метро, ни в трамваях, ни в магазинах не дают сдачи. Вообще столица охвачена безумием – как перед концом света»; «Видели человека, закупившего штук восемь ночных горшков. Люди покупают велосипеды, даже не свинчатые: колесо отдельно, руль отдельно. Ни о чем другом не говорят»².

В целом, стратегии преодоления товарного дефицита в 1950-е гг. были более востребованы горожанами, живущими в регионах РСФСР, а особенно в небольших городах. Продовольственное снабжение крупных городов, а, особенно, Москвы и Ленинграда, находилось на более высоком уровне. И хотя жителям данных городов приходилось конкурировать с приезжими за покупку продуктов, проблема дефицита не стояла для них столь остро.

Снижение доходов рабочих, связанное с уменьшением премиальных выплат, увеличением доли оклада в заработной плате и пересмотром норм выработки, усугубило проблему материального обеспечения горожан. Адаптивной практикой решения данной проблемы в середине 1950-х гг., как и в первые послевоенные годы, стало кредитование. В середине 1950-х гг. в текстах писем, жалоб граждан в органы власти, а также дневниковых записях горожан увеличивается количество упоминаний о долгах. Житель г. Свердловска отмечал: «Нет ни копейки денег и должен ребятам»³. А.И. Дмитриев в своем дневнике в

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 90.

² Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 5. С. 151; Чуковский К.И. Дневники. // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/215>. Запись от 27 июня 1953 г. (дата обращения: 18.06.2019);

³ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 232.

1955 г. отметит: «С деньгами плохо. Еще очень много долгу, а я за последнее время получаю очень мало»¹.

Распространенной практикой обеспечения семьи продовольствием являлось ведение горожанами личного подсобного хозяйства. В первой половине 1950-х гг. личное подсобное хозяйство являлось источником более половины картофеля, около 20% овощей и более 30% яиц, поступающих в семьи горожан (см. табл. 31).

Таблица 31

Объем продуктов, производимых в ЛПХ семей промышленных рабочих РСФСР в 1950–1956 гг. (в % от общему количеству поступивших продуктов на одного члена семьи в год)²

	Картофель	Овощи	Мясо и сало (в переводе на мясо)	Молоко и молочные продукты (в перевод на молоко)	Яйца
1950	60,8	17,7	13,9	10,9	20,2
1952	58,5	23,1	13,4	11,3	31,1
1953	59,4	24,4	14,1	9,2	33,7
1954	58,4	21,5	14,9	8,5	36,8
1956	57,3	21,7	12,1	6,9	34,1

Широко практиковалось животноводство. На 1 июня 1956 г. в г. Свердловске в индивидуальном пользовании было крупного рогатого скота: 7018 голов, свиней – 16027 голов, овцы, козы – 8105 голов и 35 лошадей³. Животноводство приносило горожанам дополнительный доход от продажи мяса и молока. Среди горожан г. Каменск-Уральский были зафиксированы суждения: «Разве я могу заработать на производстве столько, если у меня будет корова и я за лето откормлю пару кабанов»⁴. 29 июня 1956 г. в газетах был опубликован проект постановления Совета Министров СССР «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на

¹ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 22 августа 1955 г. (дата обращения: 18.08.2019).

² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 59–61; Бюджеты рабочих, служащих ... С. 54, 60, 66–67, 72–73, 78–79.

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 135. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 46.

корм скоту»¹. Стремясь избежать налогообложения, горожане начали избавляться от личного скота. Жители Каменск-Уральского в августе 1956 г. продали колхозам района 120 голов молочного и племенного скота². В трех районах Свердловска на 1 июля 1956 г. было забито 603 свиньи, 40 коров, 280 овец и коз³. В Липецке в течение трех дней было забито несколько тысяч коров, а поголовье свиней сократилось на 75%⁴.

Вынужденный летний забой скота привел к увеличению продажи мяса на рынках. Некоторые горожане продавали мясо предприятиям общепита. Так, рабочий Уралмашзавода Каракулов был вынужден зарезать свинью, а мясо продать тресту столовых по 18 руб.⁵ В тексте Постановления, принятого Советом Министров СССР 27 августа 1956 г. «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту» был конкретизирован «объект борьбы» – спекулянт, но на практике увеличение налогообложения на личный скот в хозяйствах горожан, в первую очередь отразилось на материальном благосостоянии многосемейных и низкооплачиваемых категорий граждан. В многочисленных письмах горожан в ЦК КПСС, высказывались негативные замечания по поводу проводимых мер. Жители Москвы, Ленинграда, Тулы, Ижевска, Красноярска, Челябинска и других городов отмечали, что содержание скота в личных хозяйствах горожан является существенным подспорьем и фактически единственным источником потребления продуктов животноводства, а в результате принятия данного постановления «рабочие будут сидеть без мяса и молока»⁶. Принятие правительством данного постановления привело к снижению в 1956 г. уровня производства продуктов животноводства в личных хозяйствах горожан (см. табл. 31).

В 1950-е гг. повысились расходы горожан на приобретение мебели, одежды, обуви и пр. (см. прил. 1.30) В среднем по РСФСР расходы семей промышленных рабочих на промтовары составляли 25,3% (от общего объема расходов). По различным регионам РСФСР объемы расходов семей рабочих на непродо-

---

¹ Правда. 1956. 29 июня. С. 1.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 135. Л. 49.

³ Там же. Л. 54.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 187. Л. 92.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 135. Л. 53.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 187. Л. 85 – 92

вольственные товары возросли за период 1950–1956 гг. на 1–6%. В 1948 г. из общего объема средств, израсходованных горожанами на приобретение непродовольственных товаров, 74% было потрачено в государственной торговой сети¹. Данный показатель увеличивался на протяжении 1950–1956 гг., составляя в семьях рабочих в среднем по РСФСР: в 1950 и 1951 гг. – 80,4%, в 1953 г. – 81,6%, в 1954 г. – 82%², в 1956 – 84%³. Большую часть из общего объема расходов на непродовольственные товары семьи рабочих в среднем по РСФСР тратили на покупку одежды, тканей и обуви: в 1950-м г. – 76,4%; в 1952 г. – 74,8%; в 1953 г. – 74,1%; в 1954 г. – 73,5%, в 1956 г. – 66,5% (от общего объема расходов на непродовольственные товары)⁴. Снижение трат на одежду, сопровождалось повышением расходов семей рабочих на приобретение мебели и хозяйственных вещей (в 1950 г. объем расходов на данные цели составил 10,1%, в 1952 г. – 11%, в 1953 г. – 12,1%, в 1954 г. – 12,3%), а также культтоваров (в 1952 г. объем расходов на данные цели составил 6%, в 1953 г. – 7%, в 1954 г. – 9%) (от общего объема расходов на непродовольственные товары)⁵. Расходы на одежду и обувь ИТР, служащих промышленности, учителей средних и начальных школ, врачей и среднего медицинского персонала в 1956 г. также варьировались в пределах от 61,1 до 66,8% (от общего объема расходов на непродовольственные товары)⁶.

Процент расходов на одежду в бюджетах горожан не дает информации о специфике данного выбора, его обусловленности статусом субъекта, необходимостью, модными тенденциями и пр. Для раскрытия отношения населения к моде, а также выявления ее влияния на потребительские стратегии обратимся к текстам дневников горожан. В дневниковых записях понятие *мода* фигурирует достаточно редко. Во второй половине 1940-х гг. в обращениях обычных горожан к данному понятию чаще фиксируются скорее негативно-иронические коннотации. Будущий актер Р.А. Быков (во второй половине 1940-х гг. студент Щукинского училища), посетив концерт А.И. Райкина, охарактеризовал в своем

---

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 5. Л. 268.

² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 23.

³ Бюджеты рабочих, служащих ... С. 19.

⁴ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 23; Бюджеты рабочих, служащих ... С. 18, 24.

⁵ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 23.

⁶ Подсчитано по: Бюджеты рабочих, служащих ... 1957. С. 18, 24.

дневнике театральную публику: «Публика, большинство – шикарные дамы, плешивые дядьки, генералы и т.п. Они, сволочи, ходят в театр показаться и посмотреть таких-то актеров, а не на программу. ... “Смотри, какое на ней платье, видишь оборочки внизу? Это теперь очень в моде”»¹. Историк С.С. Дмитриев в своем дневнике иронично замечает по поводу борьбы с космополитизмом: «Давным-давно добираются до идеалистов и космополитов в физике и математике. Затрудняет, видимо, специальность этих областей науки. ... В борьбе с космополитизмом упускают страшного врага... всех женщин. Больших космополитов в деле мод (на платья, шляпы, прически, поведение, даже вкусы и взгляды) и пр. и представить себе нельзя. Пора, пора бы их вывести на чистую воду!»². Во второй половине 1940-х гг. суждения о моде, не как о внешнем, чуждом для индивида пространстве, а как о части реальной повседневности, фиксируются в дневниковых записях представителей советской богемы. Л.К. Чуковская, описывая В.М. Инбер, отметит: «старуха в длинном модном платье до полу»³, характеризуя Е.С. Булгакову, напишет: «светскость, массаж, завивка, модные туфли»⁴. Актриса, художник О.Н. Гильдебрандт-Арбенина вспоминая о В.Д. Ханжонковой: «великолепно сверкают бриллианты на руке и в ушах, и очень модные платья»⁵. В дневниках данной категории горожан отмечены и упоминания о модных журналах, являющихся частью обыденной повседневности. О.Н. Гильдебрандт-Арбенина отмечала в своем дневнике (1952 г.): «Вчера весь день просидела дома, лежала, разбирала остатки мод. 57 листов из огромного собрания!!!»⁶. Дирижер Е.А. Мравинский (лауреат Сталинской премии, Народный артист СССР) (г. Ленинград) также упоминает о модных журналах: «...с журналом мод пришла Ел. Ив.», «Вечером отвез Ел. Ив. журналы мод»⁷. Собственно практики подбора гардероба, гармоничного по цвету, фасону и пр., также были более востребованы преимущественно в кругах творческой интеллигенции. Супруга композитора С.С. Прокофьева М.А. Мендельсон-

---

¹ Быков Р.А. Указ. соч. С. 732.

² Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 146.

³ Чуковская Л.К. Указ. соч. Запись от 10 июля 1947 г. (дата обращения: 18.09.2019).

⁴ Там же. Запись от 30 ноября 1948 г. (дата обращения: 18.09.2019).

⁵ Гильдебрандт-Арбенина О.Н. Указ. соч. Запись от 20 октября 1947 г. (дата обращения: 28.09.2019).

⁶ Там же. Запись от 25 августа 1952 г. (дата обращения: 15.09.2019).

⁷ Мравинский Е.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/163>. Запись от 8, 9 октября 1955 г. (дата обращения: 18.09.2019).

Прокофьева отметит в своем дневнике (1950 г.): «Уговорила Сережу заказать себе туфли, такие же как у Дм[итрия]. Дм[итриевича] (Шостаковича – *М.К.*) — кожаные на каучуке, внутри выложенные теплой цигейкой. Туфли красивые и теплые и подойдут к коричневому костюму, который мы недавно сшили Сереже. Мне хочется, чтобы он был хорошо одет»¹. В крупных городах (Москве, Ленинграде) стремление к соответствию моде было более выражено и фиксировалось в образах горожан (преимущественно молодежи). Поэтесса В.Г. Малахиева-Мирович (г. Москва) опишет в своем дневнике наблюдения за москвичами (1949 г.): «Вереницы молодых существ, бегущих на Ленинградское шоссе. Девушки, с модным у них взбитым комочком волос над самым лбом и завитушками до плеч, в коротких юбках, с голыми ногами (в большинстве своем они без чулок) и с голыми до локтя руками. Парни в майках, с непокрытой головой. ... Изредка промелькнет студент в не лишенной изящества летней экипировке, рука об руку с принаряженной по картинке барышней в модной шляпке»².

В регионах РСФСР в второй половине 1940-х гг. следование моде, как правило, не являлось лейтмотивом вещевого потребления большинства горожан. Точнее сказать, приобретаемая вещь оценивалась не в системе координат «модная – не модная», а по шкале «хорошая – плохая». Например, А.И. Дмитриев, так описывает покупку в своем дневнике (1948 г.): «Днем с Зиной ходили по рынку. Купили мне костюм, правда, поношенный, но хороший. Материал «Бостон» и всего только за 1100 рублей. Все хорошо, только у брюк, чтобы они были шире, вставлены клинья и совсем другого цвета. Ночью и при электричестве это незаметно, но уж на солнце это сразу бросается в глаза. ... Мне предложили костюм перешить на однобортный, а из оставшегося материала вставит клинья в брюки»³.

В первой половине 1950-х гг. в дневниковых записях горожан увеличивается количество упоминаний о покупках и пошиве одежды. В отличие от аналогичных стратегий второй половины 1940-х гг., горожане чаще шили себе одеж-

---

¹ Мендельсон-Прокофьева. М.А. Указ. соч. С. 579.

² Малахиева-Мирович В.Г. Указ. соч. С. 579.

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 18 июля 1948 г. (дата обращения: 18.09.2019).

ду из новых тканей (а не перешивали из старого). О пошиве новых юбок, платьев и костюмов (как самостоятельно, так и в ателье) пишут в своих дневниках жители Москвы, Молотова, Новосибирска и др.¹, при этом в описаниях одежды начинают фигурировать фасоны (например – «юбка-солнце»). Происходит знакомство с модными тенденциями более широких слоев городского социума. А.И. Дмитриев упоминает в своем дневнике (1953 г.) о покупке жене в качестве подарка журнала мод на 1953-1954 гг.² В 1950-е гг. в своих покупках горожане уже ориентировались (на сколько это было возможно) на модные эталоны. В работе Л.В. Захаровой приводятся данные интервью жительницы Москвы (2004 г.) (родившейся в крестьянской семье и переехавшей в столицу), которая отмечает, что в 1954 г. она купила себе «плащ с квадратными плечами и широкими рукавами, так как “это модно”, а не потому, что ей это нравится»³. В дневнике того же А.И. Дмитриева описан следующий случай: «Вчера утром у меня был Вася Тугай и унес вещи, которые я ему купил в Москве: серую кепку, ботинки с меховой опушкой и сумку хозяйственную. А вечером на работе мне сказал, что сумка и ботинки его жене не понравились и она даже расплакалась. ... Главное то, что его жена вообще ни в чем не разбирается, а тут вот ей все показалось не модным. А брал я сумку согласно его слов и описаний»⁴. Подобное карикатурное подчинение законам моды указывает на позднее внедрение этих элементов в культуру потребления большинства представителей городского социума.

Нельзя не отметить, что товарный дефицит, сохранявшийся в торговой сети в 1950-е гг., влиял на потребление горожанами непродовольственных товаров. Данная проблема более остро стояла в регионах РСФСР и небольших городах. Так, например, сотрудница Новочеркасского политехнического института Федосина в своем письме Хрущеву (1955 г.) отмечала наличие лишь продовольственных проблем: «Одеться народ оделся, спасибо партии и Правительст-

---

¹ Гайнутдинова К.М. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhitto.org/person/2584>. Запись от 27 декабря 1952 г. (дата обращения: 18.09.2019); Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 6 июля 1953 г. (дата обращения: 16.09.2019); Петровская И.Ф. Указ. соч. Запись от 22 сентября 1952 г. (дата обращения: 18.09.2019); Филипович Э.Г. Указ. соч. Запись от 18 июня 1952 г. (дата обращения: 12.09.2019).

² Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 20 ноября 1953 г. (дата обращения: 14.08.2019).

³ Захарова Л.В. Мода, или режим социального нивелирования // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 254.

⁴ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 27 апреля 1953 г. (дата обращения: 13.07.2019).

ву, а вот ... с питанием до края дошли»¹. Жители Новосибирска и г. Павловска (Молотовская обл.) жаловались на дефицит необходимых промтоваров: «Нет в продаже хоз. мыла, приходится стирать туалетным, но это обходится дорого. ... Вот сейчас наступает зима, а попробуйте купить валенки, их нет и не будет в продаже. Нет в продаже теплых детских костюмов, шубок. А в летнее время невозможно было купить летней обуви, тапочек. ... А такие товары, как тюль, покрывала, трикотажное белье можно купить втридорога на толкучке»². А.И. Дмитриев в своем дневнике в 1952 г. заметит: «В магазинах ничего хорошего из промтоваров купить невозможно. Или большие очереди, или их вообще в продаже нет»³.

В первой половине 1950-х гг. сохраняется практика подписки горожан на заем. Реализация подписки на Государственные займы 1950-х гг. отражена в многочисленных дневниковых записях горожан, высвечивая как вынужденность данных практик, так и их ритуализированность. И.Ф. Петровская (историк, архивист, г. Ленинград) пишет в 1952 г.: «На партсобрании и в Райкоме главный вопрос – предстоящая подписка на заем. Наше собрание приняло решение о подписке коммунистам на 120%. мне нужно подписаться на 1500 р. (125%). Как-то пройдет в Отделе? Не придется ли ещё повысить сумму своей подписки, чтобы возместить общий недобор»⁴. Историк С.С. Дмитриев в 1952 г. напишет в своем дневнике: «Петрушка с подпиской на заем. Старатели начали подписывать еще с 3–4 мая, причем усердствовали не в меру, нажимали и “убеждали”, вытягивая 200% зарплаты. Подписался и я, как и все в МГУ, на 200% месячного оклада. ... Это было вчера, 5 мая, а сегодня вышла “амнистия”, скидка, и снова все подписывались на суммы, несколько уменьшенные. Мне предложили вторично подписаться на 5 000 р., в то время как 5 мая подписался я на 6 400 р. ... То же было и повсюду. Какая комедия с добровольностью подписки! ... Противна вся эта процедура! И хорошее дело изгажено, опошлено такими действиями»⁵. Рабочий А.И. Дмитриев, рассуждая о проведении займа

---

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 7.

² Там же. Л. 92.

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 17 мая 1952 г. (дата обращения: 18.09.2019).

⁴ Петровская И.Ф. Указ. соч. Запись от 27 апреля 1952 г. (дата обращения: 17.07.2019).

⁵ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 4. С. 125.

1952 г., отметит: «Подсчитал себе сумму подписки на заем. Должен подписаться не свыше 1800 рублей»¹. Через некоторое время в дневнике он сделал запись: «Сегодня я уже подписался на новый заем на 2000 рублей. Это, конечно, со стороны начальства большой перегиб, но я не стал спорить из-за того, что мне в мае надо идти в отпуск»². Правда уже в следующем 1953 г. сумма подписки А.И. Дмитриева была гораздо меньше: «Сегодня выпущен новый заем. Я подписался на 800 руб. Это совсем почти немного»³. О нарушении принципа добровольности при подписке на заем, горожане сообщали в своих жалобах в ЦК КПСС. Работница Брянского паровозостроительного завода Е.А. Горбачева о подписке на заем 1956 г. писала в ЦК КПСС: «Впервые за 25 лет своей работы я получила путевку в санаторий, обратилась к администрации с заявлением о предоставлении мне отпуска. Механик ... отпуск мне не подписал, требуя от меня, чтобы я подписалась на заем на 650 рублей. Я заявила ему, что могу подписаться на 300–400 рублей. После этого ... он бросил мне обратно мое заявление и выгнал меня из кабинета с угрозой, что я буду уволена с работы»⁴. Работник железной дороги Д.В. Чезавков (г. Москва) в своей жалобе в ЦК КПСС в 1956 г. отмечал: «Секретарь парткома ... принудил меня подписаться на 900 рублей, хотя я зарабатываю 600 рублей в месяц. На иждивении у меня жена, двое детей, отказаться я не мог, иначе могло быть хуже, мог лишиться работы, а такие угрозы были»⁵. Среди горожан фиксировались случаи отказа от подписки, при этом гораздо чаще отказывались подписываться совсем, либо подписывались на малые суммы трудящиеся, имеющие средний и высокий заработок, а также члены КПСС. В период проведения займа 1955 г. коммунист, рабочий Красноуфимского паровозного депо при заработке 1500 руб. подписался только на 700 руб. На Турбомоторном заводе (г. Свердловск) отказались подписаться на заем 5 коммунистов, на заводе Главстроймашина – 6 коммунистов. Наблюдатель Невьянской геологоразведочной партии отказалась от подписки, заявив, что «Государство обойдется и без ее помощи»⁶. В процессе по-

---

¹ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 12 апреля 1952 г. (дата обращения: 18.11.2019).

² Там же. Запись от 30 апреля 1952 г. (дата обращения: 11.11.2019).

³ Там же. Запись от 24 июня 1953 г. (дата обращения: 16.11.2019).

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 186. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 23.

⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 172. Л. 12–13.

ведения Государственного займа 1956 г. в ряду отказавшихся от подписки были не только инженеры и коммунисты предприятий (на заводе Главстроймашина (г. Свердловск) не подписались на заем 6 коммунистов), но и даже руководители партийных организаций предприятий. Бывший секретарь парторганизации школы машинистов локомотивов (г. Свердловск) отказался подписываться, мотивируя тем, что предполагается сокращение должности замполита¹. В ряду озвучиваемых горожанами причин отказа от подписки фигурировал: нерешенность жилищной проблемы, дороговизна и пр. Если во второй половине 1940-х гг. отказ от подписки мог быть чреват исключением из комсомола, из партии, то в середине 1950-х гг. в информационных сообщениях партийных органов не отмечалось применение каких-либо санкций в отношении отказавшихся.

Отдельного рассмотрения требуют адаптивные стратегии горожан, реализуемые в сфере решения *жилищных* вопросов.

Предоставляемое горожанам социальное жилье имело различные формы – койко-место в общежитии, отдельная комната, отдельная квартира. Как следствие, данное жилье имело различные качественные характеристики.

Горожане, живущие в общежитиях, сталкивались с наиболее существенными трудностями. На страницах газет публиковались фотографии основательных кирпичных зданий общежитий, а также уютных интерьеров комнат, где вокруг столов с белоснежными скатертями проводят свой досуг советские трудящиеся – за вышивкой, чтением книг, беседами и пр.² На практике реалии рабочих общежитий не всегда были столь радужными. Фактический уровень обеспеченности жилплощадью горожан, проживающих в общежитиях, в большинстве городов РСФСР составлял около 2,5 кв. м. на человека, а в общежитиях некоторых предприятий был еще ниже: на Новотагильском металлургическом заводе – 2,1 кв. м. на человека, на Коксохимическом заводе – 2 кв. м. на человека³. В Кировской области на предприятиях треста «Кирлес» приходилось в среднем 2,1 кв. м., на одного рабочего, «Вятполянлес» – 2 кв. м., в отдельных

---

¹ Там же. Оп. 55. Д. 135. Л. 7.

² Под знаменем Ленина. 1950. 14 мая. С. 2; Под знаменем Ленина. 1951. 13 февраля. С. 2; Тагильский рабочий. 1956. 9 мая. С. 2.

³ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 164.

леспромхозах объем жилой площади составлял 1 кв. м. на человека¹. В общежитиях промышленных предприятий многих регионов РСФСР в послевоенные годы продолжала существовать «двухъярусная система» (Алтайский край, Свердловская обл. и др.)². Секретарь Карпинского ГК ВКП(б) Лопатин в своей докладной записке (1946 г.) отмечал: «Сейчас у нас на двух- и трехъярусных нарах проживает до пяти тысяч рабочих, нет водопровода»³. В Челябинской области в 1946 г. среди работников треста «Магнитострой» 3300 рабочих жили в землянках, а 1980 человек спали на двухъярусных нарах, на комбинате «Челябинскуголь» данные показатели равнялись 1876 и 2025 соответственно, на Кировском заводе 4000 рабочих жили на двухъярусных нарах⁴. Вопросы о перспективах и сроках ликвидации «двухъярусной системы» в общежитиях региона достаточно часто задавались трудящимися на заводских собраниях и лекциях⁵. В качестве общежитий могли использоваться деревянные бараки⁶, а, в ряде случаев, работников селили в общежития, которые уже несколько лет назад «были списаны как непригодные»⁷. Жилищные условия граждан, мобилизованных через систему оргнабора, в ряде случаев были еще хуже. Яркой иллюстрацией жилищных условий, предлагаемых завербованным, является письмо одного из рабочих: «По прибытии на место ... люди отказались разгружаться в данные помещения-землянки... Люди просидели один день голодные, были вынуждены разгружаться в землянки. В нашу землянку поместили 170 человек, было набито битком, в том числе семьи с детьми»⁸. Условия проживания учащихся ФЗО и РУ также отставляли желать лучшего. Значительное количество общежитий имело не комнатную, а секционную систему, где в каждой секции проживало около 30 человек. На каждого проживающего приходилось от 2 до 3 кв. м. Повсеместно в общежитиях не хватало мебели, постельных принадлежностей. В общежитии школы ФЗО № 48 при Серовском металлургическом заводе (Свердловская обл.) проверкой выявлено отсутствие питьевой воды, обо-

---

¹ Цит. по: Чернышева Н.В. «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» ... С. 35–36.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 651. Л. 13.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 197. Л. 107.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 217. Л. 10.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 36.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 651. Л. 9.

⁷ Плоды безответственности и беспечности // Тагильский рабочий. 1950. 1 апреля. С. 2.

⁸ Чернышева Н.В. «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» ... С. 36.

рудованных сушилок¹. В некоторых общежитиях школ ФЗО и училищ Кировской области, не было кипяченой воды для питья, жесткий инвентарь отсутствовал, «на 100 чел. имелся 1 ломаный стул и табурет»². Аналогичные условия фиксировались в студенческих общежитиях: «санузлы были разрушены, кровля протекала»³.

С целью изменения к лучшему своей жилищной ситуации жители общежитий обращались в различные инстанции (в газеты, к руководству и пр.). Жалобы трудящихся на не благоустроенность общежитий, регулярно публиковались на страницах послевоенной прессы. В газете «Тагильский рабочий» сообщалось о бытовых условиях рабочих общежития № 17 Ново-Тагильского металлургического завода: «Всюду затхлый воздух, на стенах плесень. В ... комнате на шесть человек имеется только две тумбочки. На столе разостлана грязная простынь вместо скатерти»⁴. В заметке «Благоустройте общежитие!», опубликованной на страницах газеты «Советская Сибирь» 1946 г., об условиях проживания в общежитии Сибметаллстроя г. Новосибирска повествуют сами рабочие, проживающие в нем: «Отапливается общежитие от случая к случаю. Воду пьем из бочка без крана, вместо кружки пользуемся консервной банкой»⁵. Об общежитии треста № 43 (г. Новосибирск) жильцы сообщают следующее: «В общежитии негде высушить одежду. На кухне не бывает ни дров, ни угля»⁶. Не многим лучший уровень «благоустройства» можно было наблюдать в одном из общежитий г. Первоуральска (Свердловская обл.): «В полусумрачном коридоре грязно и холодно. ... Это общежитие № 8 треста Трубстрой. Штукатурка во многих местах обвалилась, а там, где еще держится, жильцы находятся под постоянной угрозой быть придавленными ею. ... В углу топится и дымит печка. ... Во всех комнатах не хватает полотенец. И если их возьмут в стирку, то жильцы два–три дня вместо полотенец пользуются простынями»⁷. Для решения проблем благоустройства жильцы общежитий обращались к руководителям за-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 3.

² Чернышева Н.В.. «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» ... С. 34.

³ Горлов В.Н. Советские студенческие общежития – акцент на коллективность // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 179.

⁴ Резкие контрасты // Тагильский рабочий. 1950. 24 марта. С. 3.

⁵ Благоустройте общежитие! // Советская Сибирь. 1946. 2 апреля. С. 2.

⁶ Одни обещания, а дела не видно // Советская Сибирь. 1953. 15 января. С. 3.

⁷ Грязно и холодно // Под знаменем Ленина. 1950. 1 февраля. С. 2.

водов, начальникам жилищных отделов, в профсоюз и т.д. В силу ограниченности финансовых ресурсов предприятий урегулирование данных жилищно-бытовых проблем затягивалось, либо они решались частично. Так, например, по результатам жалоб рабочих Ново-Левинской шахты (г Красноуральск) на отсутствие в общежитии № 4 питьевой воды и частое отсутствие электроосвещения «парторганизация совместно с профорганизацией приняла меры. ... В данное время электроосвещение во всех комнатах имеется, в общежитии проводятся лекции на политические и бытовые темы».¹ Более выраженные улучшения условий проживания в общежитиях предпринимались на предприятиях приоритетных отраслей индустрии. В течение 1948 г. 980 молодых рабочих предприятия «Кемеровуголь» были переселены из общежития с двухъярусными нарами в капитальное общежития².

Практики выживания трудящихся в данных жилищных условиях актуализировали различные адаптивные стратегии. Живущие в общежитии рабочие фабрики «Маяк Революции» (г. Пенза) за неимением достаточного количества спальных мест «спали по двое в одной койке»³. Учащиеся школы ФЗО № 81 при Богословском рудоуправлении (г. Краснотурьинск, Свердловская обл.) вследствие отсутствия транспорта и топлива в общежитии «вынуждены были привозить дрова из лесу на себе»⁴.

Декларируемая в прессе статусно-профессиональная иерархия в распределении между сотрудниками ведомственного жилищного фонда также не всегда соблюдалась на практике. Вследствие высокого уровня востребованности и ограниченности жилищного фонда, его распределение не исключало злоупотреблений, являвшихся темой жалоб горожан в вышестоящие инстанции. В письме начальника АХО Свердловской облконторы Промбанка А.С. Малахова, адресованном заместителю министра Государственного контроля, сообщал о том, Управляющий конторой Промбанка «встал на неправильный путь, получая жилплощадь у подконтрольных организаций, т.е. строек. ... Только за послед-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 70.

² Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920–60-е гг.). Новосибирск, 2009. С. 135.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 651. Л. 16.

⁴ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 1.

ние 6 месяцев получено 4 квартиры»¹. На страницах газеты «Труд» в фельетоне «Ревдинские новоселы» рассказывалось о злоупотреблениях директора одного из предприятий г. Ревда (Свердловская обл.), раздающего заводские квартиры «по благу» гражданам, не имеющим отношения к заводу и, к тому же, владеющим собственными особняками². К различного рода злоупотреблениям были причастны и работники домоуправлений. Так, например, в результате проверки, проведенной в г. Нижний Тагил (1947 г.) выяснилось, что «в некоторых домовладениях проживают граждане, не прописанные в домовых книгах, без паспортов и с паспортами, срок которых истек»³.

В результате узости жилищного фонда, а также его частичного распределения через каналы «блата», получение ведомственного жилья сотрудниками предприятий затягивалось на неопределенный срок. В начале 1950-х гг. только в Москве на учете, как остро нуждающихся в жилплощади находилось 7670 семей железнодорожников»⁴. Нерешенность жилищной проблемы являлась одной из ключевых тем писем и жалоб горожан, опубликованных на страницах печатных СМИ послевоенного периода. На страницах Первоуральской газеты «Под знаменем Ленина» опубликовано письмо А. Ветошкиной, в котором сообщалось, что, не смотря четырнадцатилетний стаж работы ее мужа на Хромпиковом заводе, их семье до сих пор не предоставлена квартира, и семья из семи человек вынуждена ютиться в маленькой комнате⁵. Еще более критическая жилищная ситуация в послевоенный период сложилась в тресте Тагилстрой где части семей приходилось жить «в большой скученности»: «В комнате, где проживает стрелочница тов. Шендель, помещено 14 человек. Квартира лучшего грузчика-стахановца тов. Титова состоит из одной комнаты, но в ней проживает 10 человек. И не смотря на это, руководство треста в 1949 году выделило ... только три квартиры. В результате дальнейшее расселение вновь прибывших рабочих производится за счет еще большего уплотнения и без того уже перенаселенных квартир»⁶. Вопросы о сроках обеспечения сотрудников ведомствен-

---

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7319. Л. 198.

² Ревдинские новоселы // Труд. 1956. 10 мая. С. 3.

³ Нарушители паспортного режима // Тагильский рабочий. 1947. 15 февраля. С. 2.

⁴ Горлов В.Н. Указ. соч. С. 52.

⁵ Прошу оказать внимание // Под знаменем Ленина. 1946. 11 июля. С. 2.

⁶ Плоды безответственности и беспечности // Тагильский рабочий. 1950. 1 апреля. С. 2.

ной жилплощадью нередко звучали на рабочих собраниях предприятий многих городов РСФСР¹.

Нерешенность «квартирного вопроса» фиксировалась и в среде руководящих работников, хотя, острота жилищной проблемы среди представителей данной группы была несколько ниже. Например, в своей жалобе в Верховный Совет СССР житель г. Каменск-Уральский отмечает, что ему, заведующему Райстройотделом «приходится жить в кабинете исполкома райсовета ... так как Исполком Каменского райсовета квартир не имеет»². В целом, проживание горожан на работе являлось практикой, широко распространенной в послевоенные годы. В здании Свердловской типографии проживали жильцы (до декабря 1946 г. с них не взималась арендная плата, а также коммунальные платежи)³, С.Б. Бернштейн (г. Москва), защитивший в 1946 г. докторскую диссертацию, жил в здании МГУ⁴. Несмотря на то, что данные помещения не являлись по факту жилыми, проживание в них являлось самым худшим вариантов решения жилищной проблемы. В послевоенные годы горожанами «обживались» и менее пригодные помещения (хотя их заселение противоречило действующим законодательным нормам). В информационном письме председателя исполкома Свердловского областного совета Г. Ситникова, адресованном министру авто-тракторной промышленности СССР С.А. Акопову (1948 г.), были отмечены следующие факты: «На мотоциклетном и автоприцепном заводе в г. Ирбите работает 3400 чел. Многие семьи рабочих и служащих мотозавода и завода автоприцепов живут в сырых подвалах, общественных кухнях, коридорах»⁵. В Москве в 1952 г. много семей железнодорожников продолжали жить на кухнях, в кузовах вагонов и других нежилых помещениях⁶. В 1951 г в Воронеже в подвале разрушенного дома на земляном полу на 24 кв. м. проживало 13 человек, в городе Великие Луки в здании полуразрушенного склада на 35 кв. м. проживало 24 человека⁷. В целом, можно говорить о достаточно низком уровне притя-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 10; Д. 306. Л. 35; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 31, 2, 54, 6, 117, 149.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7567. Л. 191–191 об.

³ ЦДООСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 75. Л. 277.

⁴ Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 94.

⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5840. Л. 89.

⁶ Горлов В.Н. Указ. соч. С. 52.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 404. Л. 6.

заний горожан к жилищным условиям в послевоенные годы. Значительнее был сам факт проживания и прописки. Важность для горожан прописки определялась комплексом обстоятельств. Без прописки невозможно было устроиться на работу, а в период действия карточной системы получить карточки. З.А. Мечтова в своем дневнике пишет: «Мы до сих пор не прописаны, хлебные карточки ни на меня, ни на отца, ни на мать не дают, на работу ни меня, ни отца не могут принять без прописки»¹. Не высокий уровень требований к жилью, являвшийся нормой послевоенной жизни для большинства горожан, имел исключения. В некоторых случаях, горожане предъявляли повышенные требования к жилищным условиям. В Свердловске вдове военнослужащего Пищальниковой была предложена квартира в 22 м (две комнаты), от которой она отказалась, так как квартира маленькая. Была предложена жилплощадь 34 кв. м (две комнаты), от нее она также отказалась, по причине, что третья комната была занята другими людьми. Пищальникова уточнила, что ей нужна квартира в 40 кв. м. 2-3 комнаты для ее семьи (четыре человека) и семьи замужней дочери. Квартиры, соответствующей ее запросам найти не смогли².

Некоторые горожане прибегали к оригинальным способам решения своей жилищной проблемы. В Свердловской области демобилизованный Кругляшов потеряв жилье в Свердловске, жил в Шарташском доме отдыха на правах отдыхающего, за это играл для отдыхающих на баяне³.

Еще одной проблемой, с которой сталкивались горожане, была оплата жилья. Несмотря на установленные тарифы, суммы оплаты жилья в ряде случаев являлись причиной жалоб населения в профсоюзные органы и редакции газет. Актуальной площадкой для обсуждения данных проблем являлась газета «Труд». В одном из номеров издания обсуждалась проблема более высокой квартирной платы в домах завода «Колибр», чем в домах Моссовета⁴. В редакцию газеты «Труд» с жалобой на высокую оплату жилья обращался житель г. Серов (Свердловская обл.) А.П. Ломакин: «Я плачу в месяц 200-220 руб. Вы можете не поверить ведь у нас в СССР самая дешевая квартплата, как говорил

---

¹ Мечтова З.А. Указ. соч. Запись от 18 октября 1946 г. (дата обращения: 16.11.2019).

² ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 8. Д. 134. Л. 1.

³ ЦДОСО. Д. 161. Оп. 8. Д. 133. Л. 57.

⁴ Действенные выводы // Труд. 1948. 12 апреля. С. 2.

тов. Хрущев. Да это верно за жилую площадь платили установленную коммунальную ставку, причем действительно не дорого, а вот отопление у нас вылазит как говорят в копеечку. За отопление мы платим каждый месяц более ста рублей, причем круглый год. В чем причина я не могу объяснить»¹. Претензии граждан по поводу корректности расчетов коммунальных платежей освещались и на страницах других газет. Так, например, в одном из номеров газеты «Тагильский рабочий» (1950 г.) была опубликована жалоба горожан, возмущенных тем, что с них берут оплату за водопровод в течение всего года, в то время как в зимний период «водопровод не действует» уже несколько лет². Жильцы одного из домов г. Нижний Тагил в 1947 г. сообщали о необъяснимом повышении тарифов за отопление: «трубы в доме нагревают лишь настолько, чтобы они не полопались. Жильцам предоставлено свободное право отапливать квартиры собственными средствами. Но, как ни странно, плату за топливо с них не сняли. Наоборот, с начала нового года «отопление» сильно вздорожало, а жилая площадь ... расширилась. Например, квартира Меклер еще в прошлом году была площадью 38 кв. м., нынче же в счете горжилуправления стоит “41,5 кв. м.”, на 2–3 метра расширились квартиры и у остальных жильцов. В декабре жилец Калашник платил за квартиру 160 руб. После применения «новой системы отопления» ему принесли счет на 213 руб. Такие сюрпризы преподнесены всем квартиросъемщикам»³. Приводимые примеры высоких сумм оплаты ЖКХ являлись скорее исключением, чем нормой. Анализ более ста бюджетов рабочих и служащих Свердловской области за 1946 г. позволят утверждать, что средний объем ежемесячной оплаты коммунальных услуг (содержание жилья, электроэнергия и пр.) для одного домохозяйства варьировался в диапазоне от 30 до 55 руб. Весомость данной суммы в бюджете семьи была относительной и зависела от количества работающих граждан, состава семьи и пр. В среднем оплата услуг ЖКХ составляла от 2,5% до 5,5% ежемесячного бюджета домохозяйства⁴. Наиболее весомой по отношению к общему объему бюджета была доля оплаты

---

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7685. Л. 165–167.

² Безответственные руководители (обзор писем) // Тагильский рабочий. 1950. 15 февраля. С. 4.

³ В холодном доме // Тагильский рабочий. 1947. 15 февраля. С. 2.

⁴ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 228. Л. 21 – 61; Д. 227. Л. 2, 5, 7, 22, 26, 27 и др.

услуг ЖКХ у бессемейных горожан, а также в семьях, состоящих из 5–6 человек, где работал всего один член семьи.

Небезосновательные опасения у горожан вызывала практика «уплотнения» – подселения новых жильцов в квартиры. Жительница Ленинграда Л.В. Шапорина в своем дневнике описывает данную проблему (1947 г.): «По городу идет инвентаризация жилплощади из расчета 6 кв. метров на человека ... В квартире 83 метра, нас семь человек. ... Шестью семь – 42. Следовательно, нас могут всех всадить в 2 комнаты ... У меня комната в 26 м.! Какая наглость! ... На днях получаю из районного жилищного отдела приказание “прибыть” к заведующему отделом т. Войлокову. Пошла сегодня. “Мы у вас изымаем комнату. Подайте заявление, что вы сдаете ее добровольно, и мы поселим к вам какую-нибудь одинокую учительницу. В противном случае, отберем комнату через суд, получите какого-нибудь инвалида неработающего или какую-нибудь некультурную семью”»¹. Благодаря помощи адвокатов и обращению к влиятельным знакомым Л.В. Шапориной удалось выиграть суд, отстоять квартиру и избежать подселения. О длительных судебных тяжбах за жилье пишет в своем дневнике А.И. Дмитриев².

Еще одной немаловажной проблемой, с которой сталкивались горожане, являлось неудовлетворительное качество социального жилья. Жалобы в газеты поступали от жителей многих городов РСФСР: «Отопительная система в здании неисправна, окна плотно не закрываются, крыша протекает» – жаловались в газету «Советская Сибирь» работники Сибсельмаша (г. Новосибирск)³. «Неисправные крыши, выбитые стекла, а кое-где и целые рамы... Обваливаются потолки; кухонные печи почти везде пришли в негодность» – сообщалось в другой заметке «Советской Сибири» (г. Новосибирск)⁴. Житель Первоуральска в письме в редакцию отмечал: «Имеющиеся печи почти совсем не топятся. В комнатах жуткий холод. Жильцы днями и ночами не отходят от кухонь»⁵. Жители Нижнего-Тагила сообщали в редакцию газеты «Тагильский рабочий», что

---

¹ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 34, 47.

² Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 26 октября 1946 г. (дата обращения: 16.11.2019).

³ Энергичнее вести подготовку жилищ к зиме // Советская Сибирь. 1947. 16 сентября. С. 2.

⁴ Договор остался на бумаге // Советская Сибирь. 1947. 16 сентября. С. 2.

⁵ Неблагоустроенный дом // Под знаменем Ленина. 1951. 3 марта. С. 2.

в их домах: «батареи еле теплятся ... из-за неисправности отопительной системы семья вынуждена ютиться на кухне, где есть плита»¹; «подгнившие балки рухнули, стены дали трещину, но, не смотря на это в ЖКО не принимают никаких мер»². Не смотря на теоретическую «благоустроенность» жилья типичной проблемой горожан являлось отсутствие воды. Житель г. Серов в своем письме пишет: «Со времени существования водопровода года два вода шла четыре раза в сутки с 7-8 утра, с 11-12 дня, с 4-5 дня, с 7-8 вечера. Хотя не в любое время можно взять воды, но мы с этим смирились. На время отсутствия воды запасали в посуду. В последние три месяца стали приучать нас жить без воды, начали отключать воду по воскресеньям у женщин, которые работают на производстве, в воскресенье нужно было стирать, а у нас и обед готовить воды нет. А с половины июля совсем нет воды»³. В городах РСФСР, оккупированных во время войны, население продолжало жить в частично разрушенных и не восстановленных строениях. В городе Великие Луки в 38 таких домах проживало в общей сложности 511 человек, в Воронеже в 134 зданиях – 2491 человек, в Севастополе в 32 домах – 836 человек, в 130 домах Сталинграда – 1977 человек⁴. Неудовлетворительным, в ряде случаев, было качество и нового социального жилья. В письме работника Ново-Тагильского металлургического завода в газету «Тагильский рабочий» описаны следующие факты: «Администрация завода выделила мне новую квартиру ... в новом ... доме. ... Мы с женой думали, что в нашей квартире будет хорошо и зимой, но мы ошиблись. 26 сентября 1949 года в доме пустили паровое отопление, но в моей квартире почему-то батареи не нагревались. ... На квартиру пришли слесари. Они стали разогревать трубы, спускать воду. Вода сейчас размывает стены и потолок, ... стены промерзают и с них обваливается штукатурка»⁵.

Проблемы низкого качества социального жилья озвучивались в вопросах трудящихся на собраниях трудовых коллективов предприятий и: «Почему вода подается с перебоями?», «Будет ли проводиться капитальный ремонт квартир

---

¹ Батареи не греют...// Тагильский рабочий. 1950. 15 января. С. 3.

² Безответственные руководители (обзор писем) // Тагильский рабочий. 1950. 15 февраля. С. 4.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7685. Л. 167.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 404. Л. 4.

⁵ Безответственные руководители (обзор писем) // Тагильский рабочий. 1950. 15 февраля. С. 4.

трудящихся в этом году?» и пр.¹ Жалобы от горожан на жилищные проблемы поступали в местные партийные органы, жилуправления и пр. Нельзя не отметить, что предприятия и организации оказывали помощь горожанам в решении их жилищных проблем. Приоритетное положение в ряду данных граждан занимали определенные категории – семьи погибших воинов. Ф. Серебренниковой – работнице Мотозавода, вдове погибшего воина, имеющей трех детей, через Мотозавод была оказана помощь: «...отремонтирована полностью квартира, переложена печь, произведена штукатурка, проведено радио»². Как правило, горожане должны были неоднократно обращаться в различные инстанции, чтобы добиться положительного решения своего вопроса. Так, например, житель г. Себеж (Великолукская обл.) Базылев несколько раз побывал в жилуправлении и ремстройконторе с просьбой отремонтировать в его квартире прогнивший пол и развалившуюся печку, но так ничего и не добился³. В некоторых случаях организации отказывали горожанам в ремонте жилья по причине спорной ведомственной принадлежности жилищного фонда. На обращение жильцов г. Себеж в Горсовет с просьбой остеклить окна и починить крышу, им было отказано, по причине, что данный дом принадлежит сельскохозяйственному техникуму и предложили выходить из положения самим⁴.

Неудовлетворительное качество жилья вынуждало горожан осваивать различные практики адаптации. Житель г. Серов пишет: «приходится ходить за километр в центр города за водой»⁵. Осваивались горожанами и практики самостоятельного ремонта. В дневнике учителя В.А. Швеца описан следующий случай: «Разразившийся позавчера ветер сорвал куски нашей крыши. Я должен был под дождем забивать дыры фанерой. Потолок опять размок»⁶. К оригинальному способу улучшения жилищных условий прибегнул житель Свердловска Архипов, проживавший в сырой полуподвальной квартире с земляным полом – для осушения стен квартиры он выкопал внутри нее колодец⁷.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 10; Д. 306. Л. 35; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 60, 61 об., 68, 72, 74 об., 79, 85, 88, 148.

² ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д. 176. Л. 45.

³ Кто в Себеж отвечает за ремонт жилищ? // Великолукская правда. 1946. 14 ноября. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7685. Л. 167.

⁶ Смирнов В.А. Указ. соч. С. 582.

⁷ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 8. Д. 133. Л. 13.

Хотя, справедливости ради стоит сказать, что горожане, относящиеся к группе советской богемы, а также власть имущие, имели несопоставимо более качественные жилищные условия. Так, например, Т.Д. Булах-Гардина в своем дневнике пишет (1946 г.): «Даже летом у нас не было так тепло, как сейчас. Наш дом подключили к теплоцентрали. Я хожу по всей квартире голая, сплю так же»¹. В целом, качество городского социального жилья в послевоенные годы было существенным образом дифференцировано в соответствии со статусом, профессиональной значимостью, наличием связей у горожан.

В качестве вариантов решения жилищной проблемы горожанам предлагалось индивидуальное жилищное строительство и покупка уже построенного индивидуального жилья у предприятий. В обоих случаях речь шла о неблагоустроенном жилье.

На практике индивидуальное жилищное строительство было сопряжено с многочисленными трудностями. Во-первых, ссуды на индивидуальное жилищное строительство, первую очередь выделялись демобилизованным войнам и передовикам производства. В 1946 г. тресте № 30 «Кемеровтяжстрой» ссуда на индивидуальное жилищное строительство была оформлена 73 работникам. Во-вторых, ссуда на строительство жилья (при вынесении решения на ее выдачу) выдавалась не полностью, а частями – 10-15% перед началом строительства, а остальные средства, также частями в дальнейшем.² В-третьих, сам процесс получения денег мог быть сопряжен с определенными трудностями. Так, например, застройщику А. Тиганику (г. Великие Луки) в январе 1947 г. решением Горсовета была одобрена ссуда на индивидуальное жилищное строительство – 7000 руб. В течение следующих шести месяцев он несколько десятков раз обращался в госбанк, где не мог получить деньги: либо не было денег, либо лимитов³. В-четвертых, строительства домов осуществлялось собственными силами. В одной из заметок газеты «Под знаменем Ленина» данный процесс описан следующим образом: «В свободное от работы время рабочие и служащие с топорами, пилами и другим плотничьим инструментом направляются к месту

---

¹ Булах А.Г. Указ. соч. С. 113.

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 196. Л. 43.

³ Деньги есть – лимита нет, лимит есть – денег нет // Великолукская правда. 1947. 15 июня. С. 3.

стройки»¹. Предприятия и организации должны были оказывать помощь застройщикам стройматериалами. В 1948 г. работники Алтайского тракторного завода получили 62,7 тыс. куб м. леса, 97 тыс. шт. кирпича, 23 т. цемента. Трест «Кузнецкшахстрой» в 1949 г. выделил для индивидуальных застройщиков 100 тыс. шт. кирпича, 700 куб. м. пиломатериалов и другие стройматериалы, что позволило 175 работникам построить индивидуальные дома². Но не все организации помогали застройщикам. В результате процесс строительства затягивался на неопределенный срок. На Ярославском шинном заводе в 1946 г. 150 кадровых рабочих изъявили желание строить индивидуальные дома. Вследствие отсутствия поддержки администрации коллектив застройщиков распался. Оставшиеся восемь человек решили строить четыре двухквартирных дома. Завезли на участки строительные материалы, (щебень, песок) заложили фундаменты. В общей сложности каждый поработал на стройке 2–3 месяца, но не получив ни ссуды, ни строительных материалов, застройщики остановили строительство³. Не смотря на сложности жилищного строительства, горожане строили индивидуальное жилье. В 1947 г. 232 индивидуальных застройщика Калининской железной дороги переселились в построенные ими дома⁴. С 1946 по 1955 гг. рабочими и служащими Кузбасса было построено 2009 тыс. кв. м. жилплощади, в Алтайском крае – 778, в Омской области – 541, в Бурятии – 237⁵. В 1946–1947 гг. рабочими и служащими Комсомольска-на-Амуре было построено свыше 500 индивидуальных домов⁶. В городах Свердловской области с 1946 по 1953 гг. индивидуальными застройщиками было возведено 669 тыс. кв. м. жилья⁷.

Важно отметить, что в послевоенный период жилищная проблема не была решена для большинства горожан. Уровень обеспеченности жильем оставался достаточно низким. В расчете на одного человека в Новосибирске в 1953 г. приходилось 3,6 кв. м. жилплощади, в Омске в 1955 г. – 2,9; в Кемерове – 4,3; в

---

¹ Строят свои дома // Под знаменем Ленина. 1953. 12 апреля. С. 4.

² Букин С.С., Исаев В.И. Указ. соч. С. 136–137.

³ Нагишкин Н. Дома будут построены // Труд. 1948. 14 апреля. С. 2.

⁴ Труд. 1947. 15 марта. С. 2.

⁵ Букин С.С., Исаев В.И. Указ. соч. С. 138.

⁶ Власов С.А. Индивидуальное строительство как средство решения жилищной проблемы в РСФСР 1946 – 1991 гг. (на примере Дальнего Востока // Известия ИГУ. 2016. Т. 15. С. 102.

⁷ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства ... С. 178.

Новокузнецке – 4,2¹; в Москве в 1952 г. – 5,1; в Ленинграде – 6,3; Горьком – 5,1; Свердловске – 5,2². Качество жилья, как и система его распределения вызывала справедливую критику граждан, стимулируя освоение горожанами различных адаптивных стратегий.

Таким образом, в период послевоенного десятилетия горожане прибегали к различным формам адаптивных стратегий, инструментарий которых варьировался в зависимости от специфики социально-экономической мероприятий власти, материального и семейного статуса горожан.

В ряду адаптивных стратегий можно выделить несколько групп: «экстремальные» стратегии – актуализируемые в кризисные периоды и связанные с аскетическими проявлениями (минимизацией потребления), с необходимостью расходования значительного объема ресурсов на удовлетворение базовых жизненных потребностей индивида и его семьи; «активные» стратегии – реализуемые в деятельностных практиках, направленных на улучшение своего экономического статуса, повышение доходов и заработной платы; «нормализованные» стратегии – проявляющиеся в экономических практиках, являющихся нормой советской повседневности в рамках исследуемого периода. Выбор формы адаптивной стратегии, а также конкретный набор практик определялся жизненной позицией индивида, наличием ресурсов, находящихся в его распоряжении (объемом доходов и сбережений, наличием ЛПХ и пр.), семейным статусом и пр.

К «экстремальным» адаптивным стратегиям горожан можно отнести следующие экономические проявления: сокращение продовольственного потребления (как в общем объеме, так и ухудшение рациона питания (переход на питание картофелем, снижение потребления мясомолочных продуктов); сокращение расходов на приобретение непродовольственных товаров; отказ от питания в системе общепита; снятие сбережений; продажа личного имущества. К группе «экстремальных» стратегий также можно отнести различные формы преодоления горожанами жилищных проблем – отсутствие нормальных санитарно-бытовых условий, проживание в помещениях, не пригодных для жилья и пр.

---

¹ Букин С.С., Исаев В.И. Указ. соч. С. 138.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1682. Л. 89.

К группе «активных» адаптивных стратегий относятся: обращения граждан в органы власти с просьбами о помощи в решении материальных и жилищных проблем; подработки и дополнительные заработки; повышение производительности труда.

Социально-экономические мероприятия правительства, проведенные в 1946–1947 гг. (сокращение контингента горожан, снабжаемого хлебом по карточкам, повышение пайковых цен, проведение денежной реформы и др.) актуализировали проявление «экстремальных» и «активных» форм адаптивных экономических стратегий в среде горожан.

В качестве «групп риска», где экстремальные стратегии получили более широкую реализацию, можно отметить социальные категории, выделенные по разным основаниям. По составу семей: многосемейные горожане (состав семей которых составлял более 4 человек, из них менее половины трудоспособные работающие), бессемейные (одинокие) горожане. Количественно численность бессемейных горожан составляла около 5,9% от общего количества городского населения РСФСР (из них 70,5% рабочих и 24,8% служащих, преимущественно женщины (68,7% в группе рабочих и 78,4% в группе служащих))¹, семей, состав которых составлял четыре человека, в городах РСФСР насчитывалось – 23,1%, пять и более – 20,4%². По уровню доходов: низкооплачиваемые категории горожан (с объемом доходов не более 400 руб.) (в данную группу помимо горожан с низкой заработной платой могут быть отнесены студенты и пенсионеры). Количественно данная группа превышала 40% от общей численности горожан. По критерию территориального размещения «группу риска» составляли жители регионов РСФСР, а особенно жители небольших городов и поселков городского типа, где товарное снабжение было хуже, чем в крупных городах. В масштабах РСФСР жилищно-бытовые и экономические проблемы более остро стояли в западных регионах, оккупированных во время войны. По жилищному статусу в «группу риска» входили жильцы общежитий (студенты, учащиеся, мобилизованные по оргнабору и пр.), как правило, не имеющие такого адаптивного ресурса, как ЛПХ и особенно остро ощущавшие удорожание жизни, а также вы-

---

¹ Араловец Н.А. Указ. соч. С. 179, 184.

² Демографическая модернизация России: 1900-2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., С. 70.

нужденные преодолевать значительные жилищно-бытовые проблемы. В целом, в первые послевоенные годы к экстремальным экономическим стратегиям прибегали достаточно широкие слои городского населения.

«Активные» адаптивные стратегии в форме дополнительных заработков и повышения производительности труда чаще выбирались молодыми людьми (от 20 до 35 лет). Обращения в органы власти с просьбами улучшения своих материальных, жилищных условий были распространены в широких слоях горожан, но результативность удовлетворения данных просьб была выше в группах многосемейных, низкооплачиваемых категорий, семьях погибших воинов, фронтовиков.

Улучшение жизни, произошедшее в 1950-е гг., привело к снижению частотности востребованности горожанами «экстремальных» стратегий в сфере потребления и продажи личного имущества, но экстремальные проявления в решении жилищных проблем сохранились в городском социуме на протяжении всего исследуемого периода. 1950-е гг. характеризуются снижением востребованности горожанами и «активных» форм адаптивных экономических стратегий.

К «нормализованным» адаптивным экономическим стратегиям можно отнести разнообразные проявления: огородничество и животноводство (огороды имели от 60 до 90% горожан по разным регионам РСФСР); запасы и заготовление продуктов впрок (объем запасов картофеля, овощей, домашних заготовок определялся количеством членов семьи, уровнем доходов, наличием ЛПХ, помещений для хранения и пр.); самостоятельное изготовление вещей (перешивки, переделки), заем денежных средств у соседей, родственников, сослуживцев; стояние в очередях; использование каналов «блата» и пр. В практиках реализации «нормализованных» адаптивных стратегий можно отметить определенную динамику, являющуюся следствием модернизационных процессов и повышения уровня жизни горожан. Огородничество и животноводство были более выражены в регионах РСФСР, а также в небольших городах и поселках городского типа. В 1950-е гг. объем продукции, источником которой являлось ЛПХ горожан сокращается: картофеля с 60 до 57%; мяса – с 14 до 12%; молока

– с 11 до 7% от общего уровня поступлений в бюджет. В то же время увеличивается количество яиц – с 20 до 34% и овощей – с 18 до 22%, поступающих из ЛПХ горожан РСФСР. К практикам самостоятельного изготовления вещей прибегали представители различных групп городского социума. В 1940-е гг. основной мотивацией изготовления вещей выступало отсутствие средств или товаров в торговой сети, а в 1950-е гг. в качестве стимула начинает выступать желание обновить гардероб, стремление следовать моде. Практики займа денег у знакомых и коллег были более выражены (как в количественном, так и в частотном плане) во второй половине 1940-х гг. (преимущественно в группах горожан с низким уровнем доходов), снижаясь в 1950-е гг. В качестве общей тенденции динамики адаптивных стратегий потребления, фиксируемой в период послевоенного десятилетия, можно отметить: снижение потребления картофеля и черного хлеба, увеличение потребления мясомолочных продуктов; сокращение расходов на питание в общем объеме бюджета семьи (от более 60% в 1947 г. до 36% в 1956 г.); повышение расходов на общественное питание (до 3,2% по РСФСР в 1956 г.); повышения расходов в бюджете на непродовольственные товары (от 12,8% в 1947 г., до 25% в 1956 г.); увеличение объема сбережений горожан.

В целом, произошедшее в 1950-е гг. определенное повышение уровня жизни горожан, приводит к положительной корректировке реализуемых ими адаптивных экономических стратегий, но сохранение проблем товарного дефицита в отечественной торговой сети способствовало сохранению в городском социуме таких практик, как стояние в очередях, использование каналов «блата» для приобретения товаров и получения услуг, сохраняются экстремальные адаптивные практики в решении жилищных проблем.

7.3. Девиантная модель экономических стратегий

Девиантные экономические стратегии горожан могли иметь различные проявления. Общей характеристикой данных практик являлась деятельность, связанная с нарушением действующих законодательных норм.

Рассматриваемые в данном разделе девиантные экономические стратегии можно разделить на две группы: *трудовые девиации* (нарушение действующих норм, трудовой дисциплины, нарушение руководителями трудового законодательства и пр.), девиантные практики, *связанные с извлечением нетрудовых доходов и материальным обеспечением*.

Проблематика трудовых девиаций горожан, одной из которых являлся самовольный уход сотрудников с предприятий, рассматривалась выше в контексте ее правового регулирования, а также анализа мероприятий, направленных на снижение текучести кадров на городских предприятиях и в учреждениях. В данном разделе работы будет предпринят более детальный анализ деятельностных стратегий горожан, выбравших данные практики.

Стремление горожан, эвакуированных и мобилизованных в годы войны, уволиться с предприятий и уехать к родным, как правило, не осознавалось ими как нарушение закона, скорее понимаясь как норма, связанная с завершением войны и возвращением к мирной жизни. Сохранение законодательных норм, запрещавших свободный уход работников с предприятий, вызывало недовольство граждан, понимаясь ими как нарушение прав. На собраниях промышленных предприятий РСФСР трудящимися высказывалось возмущение, выяснялись сроки продления их трудовой мобилизации¹. Как отмечалось в решении Ростовского обкома ВКП(б), принятом в мае 1945 г.: «отдельные мобилизованные в период войны рабочие ошибочно считают свою работу на предприятиях, шахтах и стройках уже законченной, делают прогулы, настаивают на освобождении от работы в промышленности, а некоторые встают на путь дезертирства»². В записке в ЦК ВКП(б), обобщающей результаты работы комиссии, проверяющей состояние материально-бытового обслуживания рабочих на предприятиях Омска, отмечалось, что на заводе № 174 из общего количества работающих 12 385 человек 96% эвакуированных и мобилизованных из Ленинграда, Ворошиловграда, Сталинграда и других городов, большая часть которых «стремится вернуться к своим семьям, сохранить свои дома, имущество, сме-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 34, 40, 48, 53, 52, 8, 60, 69, 85, 107 об., 118, 142.

² Советская жизнь. 1945–1953. ... С. 267.

нить климатические условия по состоянию здоровья»¹. Е.Ю. Зубкова, так описывает реакцию мобилизованных рабочих на окончание войны: «...дезертирство с предприятий мобилизованных рабочих превратилось в массовое явление ... сдвиг в массовом сознании, обозначавший переход от войны к миру, произошел быстрее, чем к такому переходу оказались готовы государственные структуры и сама власть»².

Нарушение законодательных норм, регулирующих трудовую дисциплину на предприятиях, в большинстве случаев носило вынужденный характер. Произшедшее в октябре 1946 г. снижение контингента рабочих, находящихся на карточном обеспечении, привело к усилению текучести кадров. В телеграмме начальника Верхотурской конторы связи (Свердловская обл.) в Министерство связи от 17 октября 1946 г. отмечены следующие факты: «Пятнадцать сотрудников связи бросили производство ушли на работу в колхозы, местные власти лишили получение хлебных карточек, тринадцать дней октября работали без хлеба ... связь в районе парализована»³. По этой же причине осенью 1946 г. на Уральском артиллерийском полигоне под Нижним Тагилом семьдесят человек подали заявления об увольнении. В совхозе № 1 подсобного хозяйства Новотагильского металлургического завода такие заявления подали шестьдесят человек. Часть семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, после снятия их с карточного обеспечения подались в колхозы, где легче было выжить⁴. В текстах жалоб граждан в вышестоящие инстанции отмечены факты ухода рабочих с предприятий вследствие: не предоставления сенокосных угодий, при сохранении сельхозналога и поставок мяса и молока⁵, неудовлетворительной работы магазина (один раз в неделю, в то время, когда рабочий находится на работе)⁶, «безобразного снабжения» рабочих⁷, невыплаты (несвоевременной выплаты) заработной платы⁸ и пр.

---

¹ Советская жизнь ... С. 273–274.

² Зубкова Е.Ю. Послевоенные советское общество ... С. 41.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5538. Л. 298.

⁴ ЦДОСО Ф. 4. Оп. 41. Д. 169. Л. 12. Д. 171. Л. 89.

⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5848. Л. 207.

⁶ Там же. Д. 6409. Л. 71, 72.

⁷ Там же. Д. 6608. Л. 49.

⁸ Там же. Л. 51.

Нельзя не отметить, что для некоторых граждан выбор девиантной поведенческой стратегии не был вынужденным и не являлся следствием критического материального положения. Скорее этот выбор был продиктован осознанным стремлением к определенному образу жизни. В качестве примера, иллюстрирующего данную жизнедеятельностную стратегии можно привести сюжет, опубликованный в газете «Магнитогорский металл». В статье «К чему приводит распущенность и отсутствие воспитания», автором которой являлся прокурор Магнитогорска Н. Матвеев, изложена история молодого человека – Василия Штондина: «Не придержав вовремя своего сына, родители натерпелись из-за него много горя. Его падение ... началось с озорных действий, непослушания и исключения из школы. ... Тогда родные послали Васю учеником в галантерейный цех. Но дурные замашки он перенес и на производство, нарушал трудовую дисциплину, грубил старшим, за что был уволен. Отец устроил Васю в школу ФЗО Южно-Уральской железной дороги. Однако учиться он не стал. Его устроили учеником разметчика в котельно-ремонтный цех комбината, выдали спецодежду, обувь и инструмент. Он все это продал и скрылся. Работники пятого отделения милиции, спустя некоторое время, задержали его, грязного и оборванного. Родители снова одели и обули сына и устроили в ФЗО учиться на плотника. Василия приняли в общежитие. Чтобы не ходить на практику, он порезал валенки, порвал одежду, шесть месяцев лодырничал, бранился с товарищами. Вместе с другими ребятами Васю направили на строительство в г. Белорецк, но он работу бросил и скрывался в Магнитогорске. Здесь его задержали, передали в строительные организации, он получил спецодежду, а на работу не пошел, все распродал и скрылся. Живя на нелегальном положении, обокрал родителей, забрав все носильные вещи, но вскоре был арестован и осужден»¹.

Распространению среди молодежи практик нарушения трудовой дисциплины способствовала и определенная героизация в молодежной среде нигилистской поведенческой стратегии. На совещании работников системы трудовых резервов Молотовской области в 1947 г. отмечалось, что для учащихся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения «ребята, которые бега-

---

¹ Матвеев Н. К чему приводит распущенность и отсутствие воспитания // Магнитогорский металл. 1946. 14 марта. С. 2.

ют из школы по 5–6 раз, являются героями и окружены ореолом славы, и никто не старается развенчать этих героев. В результате ребята приходят на производство и в первое же время уезжают к маме в деревню»¹.

Наиболее радикальной формой девиантных трудовых практик являлся осознанный отказ трудящихся от выполнения своих трудовых обязанностей. Причиной данных поведенческих практик были ухудшения условий труда, плохие жилищно-бытовые условия, повышение норм выработки или снижение расценок, невыплата заработной платы. В марте 1949 г. был зафиксирован «массовый невыход рабочих на работу» на фабрике «Уралобувь», причиной которого явились невыносимые жилищно-бытовые условия рабочих². В одном из цехов Свердловского Турбомоторного завода 15 февраля 1956 г. после повышения норм выработки на 15% не работала вся первая смена, а четверо рабочих подали заявления об увольнении³. В целом, забастовки рабочих не носили системный характер и являлись скорее крайней мерой девиантных трудовых стратегий горожан, вызванной неудовлетворительными материальными и бытовыми условиями.

Широко распространенной формой трудовых нарушений горожан являлся прогул. Об этом свидетельствуют не только приводимые выше количественные данные (см. Главу 2), но и специфика освещения данных практик в послевоенных СМИ: «Утром начальник шахты тов. Одегов и секретарь парторганизации тов. Воробьев вышли на раскомандировку. Начался наряд. ... Не вышли на работу 4 забойщика и четыре рабочих по эксплуатации. Они прогуляли. Это – ежедневное явление»⁴. Достаточно типичным нарушением было опоздание трудящихся из отпуска. На заводах Свердловска были зафиксированы следующие случаи: рабочий Стермедников опоздал из отпуска на 16 дней, рабочий Гореликов – на 13 дней, рабочий Сазгеев – на 48 дней, рабочий Ерохов – на 55 дней⁵. В ряду наиболее распространенных причин прогулов трудящихся также фигурировало пьянство. В 1948 г. из 929 рабочих Свердловской области, осуж-

---

¹ Трофимов А.В. Экономические стратегии Уральского населения ... С. 113.

² Прищепа А.И. Указ. соч. С. 136

³ Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих Свердловской ... С. 209.

⁴ Почему растет долг шахты № 3 // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 августа. С. 2.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 54.

денных за прогул, 213 человек (21,3%) прогуляли по причине пьянства¹. Рабочий завода им. Куйбышева Р.М. Бородин в апреле 1949 г. совершил пятидневный прогул, ссылаясь на то, что «он страдает сильным запоем и если получит деньги, то пьет до тех пор, пока все не пропьет»².

Обращение к дневниковым записям горожан позволяет прийти к выводу, что практика прогулов и опозданий трудящихся на работу была не только достаточно распространенной, но и не воспринималась субъектами как серьезное нарушение. Так, например, А.И. Дмитриев многократно упоминает в своем дневнике о прогулах и опозданиях, не имеющих серьезных причин: «Трамвая долго не было. Я пошел пешком и ... по пути зашел в “Каму”. Там заказал себе водки, пива и селедочку. ... На работу идти было уже поздно, и я вернулся обратно в “чайную”»; «На работу не ходил. Дошел уже было до сада, но так как трамваи не шли, то я пешком не пошел. Все сошло благополучно»; «Сегодня опять опоздал на час, но, как обычно, все у меня сошло благополучно»; «Всю неделю убегаю с работы раньше, т.к. все равно работы нет»; «Вчера с работы сорвался пораньше, в воскресенье и в субботу тоже не работал»³/ А.И. Дмитриев описывает в дневнике и различные практики избегания наказания за опоздание и прогул: «Колька на работу не ходил, но я там с табельщицей все устроил»; «Сегодня утром я проспал на работу и пошел на хитрость. Поехал на почту и позвонил, чтобы за меня там кто-нибудь остался поработать. Согласился Вася Журавлев, а я за него сегодня ночью работать пойду»; «Два последние дня я уходил с работы домой спать, и вот сегодня ... об этом подняли шум. Сегодня придется что-нибудь ... соврать, чтобы оправдать себя перед начальством»⁴. Безусловно, А.И. Дмитриев понимал, что нарушает, закон, но имея возможность «уладить» ситуацию либо скрыть факт нарушения, пользовался ею. Как он сам заметил по этому поводу: «Я не отрицаю, что живу за счет своей хитрости. Я, например, уже мог бы быть несколько раз отдан под суд за опоздания на

---

¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 206. Л. 48.

² Там же. Л. 52.

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 5 ноября 1946 г.; 15 января, 4 февраля, 6 февраля, 3 августа 1947 г. (дата обращения: 18.09.2019).

⁴ Там же. Запись от 1 августа 1946 г., 4 февраля 1947 г.; 30 декабря 1950 г. (дата обращения: 28.09.2019).

работу, но мне все это сходит, т.к. я это делаю так хитро, что никто даже и не замечает моих опозданий»¹.

Практики опозданий были распространены не только среди рабочих, упоминаясь в дневниках горожан, различных профессий. Учитель В.А. Швец отмечал в дневнике (1946 г.): «Утром возился с полками шкафа, которые привез отец. Потом — в очереди за хлебом. Слегка опоздал на занятия»².

В оценке распространенности практик прогулов в среде городского населения можно согласиться с Д. Фильцером, по мнению которого, причины прогулов крылись в «отсутствии культуры труда среди рабочих крестьянского происхождения, которые имели свои взгляды на организацию рабочего дня и управление рабочим временем», и являлись следствием «полного отстранения работников от участия в управлении предприятием»³. Также можно добавить, что причинами опозданий и прогулов были многочисленные обстоятельства, являющиеся частью послевоенной повседневности (жилищные проблемы, очереди за продуктами и пр.).

После принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия»⁴ количество прогулов увеличилось. Так, например, на Каменск-Уральском алюминиевом заводе в первом полугодии 1951 г. было зафиксировано 162 прогула, а во втором полугодии количество прогулов увеличилось до 330, на Синарском трубном заводе данные показатели равнялись 110 и 272, на «Уралалюминстрое» – 22 и 153 соответственно⁵. На Челябинском кузнечно-прессовом заводе в первом полугодии 1951 г. было зафиксировано 126 прогулов, а во втором полугодии – 453⁶. Усиление контроля учета прогульщиков на предприятиях, предпринятое осенью 1951 г., несколько снизило количество данных девиантных проявлений. На предприятиях Каменск-Уральского декабря 1951 г. уменьшилось на половину по сравнению с показа-

---

¹ Там же. Запись от 4 мая 1946 г. (дата обращения: 18.09.2019).

² Смирнов В.А. Указ. соч. С. 602.

³ Фильцер Д. Указ. соч. С. 214.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 57. Д. 348. Л. 15–17.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 50. Д. 138. Л. 78.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 16. Д. 192. Л. 20.

телями октября 1951 г. В январе 1952 г. на Синарском трубном заводе был зафиксирован 51 прогул, а на Электромеханическом заводе – 6¹. На предприятиях Верхней Пышмы в январе 1952 г. на «Уралмедьстрое» было зафиксировано 182 прогула, на Огнеупорном заводе – 6, на Пышминском медеэлектролитном заводе – 76, а в феврале этого же года количество прогулов снизилось, составив по данным предприятиям: 124, 3, и 46 случаев соответственно².

В 1953 г. количество прогулов повысилось, особенно во второй половине года. Например, на Уралхиммашзаводе (г. Свердловск) количество прогулов во втором полугодии возросло на 88 случаев, составив 494 случая³. Более «вольное» отношение к нарушению трудовой дисциплины фиксировалось и в рядах военнослужащих. Военнослужащий Н.С. Голубов так описывает в дневнике свое опоздание из отпуска: «Если судить по отпускному билету, то отпуск мой истёк ещё 29-го апреля, но я и не думаю выходить на работу раньше 10-го. Не знаю, – чем всё это может кончиться для меня, но отступать не хочу: будь, что будет!»⁴. По всей видимости, смена политической конъюнктуры, произошедшая весной 1953 г. понималась (или интуитивно ощущалась) частью населения как ослабление контроля, проявившись в более вольном отношении горожан к соблюдению трудовой дисциплины. Немаловажно отметить, что более лояльное отношение к нарушителям фиксировалось во второй половине 1953 г. и среди руководителей предприятий и организаций, в чьем непосредственном подчинении находились прогульщики. В дневнике того же военнослужащего Н.С. Голубова отмечено: «9 апреля вечером я отправился в полк и сдал свой отпускной билет в строевую часть. И, несмотря на то, что я опоздал на целую неделю, никто из полкового начальства не заикнулся об этом ни в тот вечер, ни в последующие дни, чему я немало удивился»⁵. На предприятиях городской инфраструктуры более лояльное отношение к прогульщикам проявилось в

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 50. Д. 138. Л. 78.

² Там же. Л. 93.

³ Там же. Ф. 161. Оп. 23. Д. 320. Л. 1.

⁴ Голубов Н.С. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhitto.org/person/1067>. Запись от 8 апреля 1953 г. (дата обращения: 16.10.2019).

⁵ Там же. Запись от 30 апреля 1953 г.

практиках скрывания прогулов бригадирами и начальниками цехов, а также зачете длительных прогулов в счет отпусков¹.

Действующая в послевоенный период система трудовой мобилизации граждан на предприятия также сопровождалась различными проявлениями девиантных практик. Трудовые мигранты нередко становились объектами грабежа и мошенничества недобросовестных вербовщиков². Для выполнения плана по наборам вербовщики нередко прибегали к хитростям. Завербованные работники, подписавшие трудовые договора, не всегда получали работу, по оговариваемой специальности, и направлялись на низкооплачиваемые работы. Так, в жалобе одного из рабочих (1948 г.), завербованного в Свердловске, приводятся следующие факты: «... согласился на предложение вербовщика с завода Стрормашина, ... вынужден был согласиться на работу не по специальности, получив заверение, что обжившись и познакомившись с городом, буду иметь свободный выбор перейти в другую организацию работать по специальности. ... Вербовщик с завода заверил меня, что ... мне будет предоставлена работа по моей специальности радиотехника не позже, чем через два месяца. Прошло одиннадцать месяцев как я работаю разнорабочим и грузчиком. Обещание свое завод не выполнил. Работы по специальности для меня на заводе нет, и не предвидится»³. С другой стороны, вербовщики обманывали не только вербуемых работников, но и предприятия. Стремясь выполнить план, они набирали на базарах и железнодорожных станциях людей, физически не способных к работе (больные, инвалиды и пр.). Девиантные стратегии были распространены и в рядах контингента, вербуемого через систему оргнабора, среди которых фиксировалось достаточное количество лиц с криминальным прошлым. Так, например, начальник Управления МГБ Краснодарского края М.К. Каверзенев в докладной записке заместителю министра госбезопасности СССР Н.А. Королеву (1951 г.) приводит следующие факты: «Из числа 994 человек, прибывших по вербовке в течение 1950 года на строительство санаториев г. Сочи, расположенных в охраняемой зоне, оперативной проверкой было выявлено 226 человек социально чуждого и

---

¹ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 23. Д. 320. Л. 3-5.

² Подробнее о криминальных сюжетах, связанных с трудовыми мигрантами см.: Фильцер Д. Указ. соч. С. 55; Чернышева Н.В. «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» ... С. 36.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5850. Л. 173.

уголовно-преступного элемента»¹. Н.В. Чернышева в своей работе приводит текст письма рабочего, в котором освещаются некоторые криминальные сюжеты, сопровождающие практики оргнабора: «В пути следования я видел ужасную картину. Раздевали девушек, мужчин и сбрасывали с поезда. Обирали магазины и жителей неподалеку от железной дороги. Это действовали вербованные, бывшие заключенные из Кременчуга и Полтавы... Драки, ножи, резня – вот встреча вербованных»².

В контексте рассмотрения трудовых девиаций горожан нельзя не упомянуть о различных формах злоупотребления руководителями в отношении подчиненных. Так в одной из жалоб жителей Молотовской области в ЦК ВКП(б) (1950 г.) была описана ситуация: «...двоюродный брат нашего директора... заставляет матерей одиночек работать в ночные смены... оскорбляет рабочих. ... Работают исключительно под страхом... по сколько придется часов... беременные разгружали муку по 65 кг.... Работать приходится не только по 8 часов, а зачастую по 10–12 ч., а за сверхурочную не платят»³. Хозяйственные руководители могли использовать своих подчиненных на домашних работах, строительстве личных дач и пр.⁴ Руководители учебных учреждений использовали для личных нужд труд учащихся ФЗО и РУ. Сложно говорить о том, воспринимали ли данные практики как нарушения руководители, допускающие злоупотребления в отношении подчиненных. Широкое распространение различных форм означенных стратегий на городских предприятиях и в учреждениях дает основание предполагать, что данная деятельность понималась руководством как допустимая, правомерность которой обусловлена статусом и полномочиями управленца, в «распоряжении» которого находится определенный контингент подчиненных.

Практики реализации власти низовыми руководителями (директорами предприятий и учреждений, ревизорами и т.п.), могли быть достаточно специфичны. В текстах писем и жалоб горожан, касающихся проблематики трудовых конфликтов, они описываются следующим образом: «у него хватка мертвая:

---

¹ ГАРФ. Р-9415. Оп. 3. Д. 1431. Л. 41.

² Чернышева Н.В.. «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» ... С. 36.

³ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить ... С. 77.

⁴ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 133. Л. 7.

пока не замучает – не отпустит¹, «применяет к рабочим, служащим и ИТР режим лагерный»². Предпринятый анализ писем свидетельствует о том, что трудовые конфликты далеко не всегда решались мирно. Некоторые цитаты конфликтных диалогов с руководителями, приводимые трудящимися в жалобах, позволяют сформировать представление о риторике низовых властей имущих работников: «мои права широкие, что хочу, то и сделаю, запутаю никто не распутает, а своего добьюсь и буду права, мои дела не обжалуются, заговорю»³, «начал еще угрожать, ... что если они не выполнят его распоряжения, то он их решит»⁴, «мне сказал, что я тебе нарушу спокойную жизнь, если ты не будешь подчиняться моим приказам».⁵

Приведенные примеры «властвования» позволяют выйти на определенные аналогии. В частности в разработках А.Н. Кушковой и К.К. Логинова, посвященных традиционной крестьянской культуре (специфике конфликтов, демонстрации власти в крестьянской среде начала XX в.) авторы описывают примеры подобных «властных» обертонів, отмечая, что запугивание противной стороны (от апелляции к авторитетам и угроз физической расправы, до обращения к мистическим силам) являлось типичной практикой открытых крестьянских конфликтов⁶. Выявленные структурные параллели, позволяют прийти к выводу, что и в середине XX в. в стилистике «властвования» сохранялись модели и практики, присущие традиционной крестьянской культуре. Носителями их являлись не только сельские жители, но и «новые горожане», достигшие определенного управленческого статуса. Как замечает Н.Н. Козлова, вышедшие из крестьянской среды управленцы в первом поколении, пройдя внешнюю социализацию, сохраняют традиционные для крестьянской культуры мировоззренческие схемы и практики социального взаимодействия⁷. В рамках данных традиционных моделей, «властвование» представляло собой достаточно авто-

---

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7108. Л. 203

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Д. 5536. Л. 270 об.

⁴ Там же. Д. 5538. Л. 363.

⁵ Там же. Л. 359.

⁶ Кушкова А.Н. Ссора в традиционной крестьянской культуре: структурно-типологический анализ (вторая половина XIX - начало XX вв.) : автореферат дис. ... канд. ист. наук : С-Пб. 2003; Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М., 2010.

⁷ Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии ... С. 112-123.

ритарную стратегию, не исключая возможности психологического и физического давления.

На извлечение материальных доходов были направлены содержательно различные девиантные экономические стратегии горожан.

После принятия правительственных мер, направленных на повышение пайковых цен и снижение объемов пайка, в различных регионах РСФСР фиксировались негативные высказывания горожан, в которых констатировалась безвыходность сложившегося положения и бесперспективность будущего: «Раньше было плохо, сейчас сделали еще хуже» (Свердловск)¹, «Трудно стало жить» (Киров)². Нередким элементом высказываний являлось обращение к понятиям *смерть, гибель, голод*. «Во время войны терпели, а сейчас совсем придется умирать с голода», «Воевали, воевали, а детей кормить нечем. Теперь хоть в петлю лезь и туда же детей толкай» (Свердловск)³; «Все равно умрем с голода. Лучше было бы, если бы это было сделано сразу» (Новгород)⁴. «Придется ... детей удавить» (Лысьва, Молотовская обл.)⁵. «На фронте не убили, так здесь хотят умерить голодом не только меня, но и семью» (Вологда)⁶. «Когда хлеб станет в три раза дороже, просто хоть ложись и помирай», «При новых ценах не проживешь» (Москва)⁷. Суждения о смерти и гибели иллюстрировались ужасающими примерами: «На заводе “Большевик” уже повесилось 10 женщин из-за того, что нечем кормить детей» (Ленинград)⁸. (На практике в среде городского социума фиксировались единичные случаи самоубийств, и их обусловленность ухудшением материального положения горожан не была обозначена в отчетах работников правоохранительных органов⁹). Нередко в высказываниях горожан обозначались намерения заниматься преступной деятельностью, являющейся единственным выходом из сложившейся кризисной ситуации. Санитарка Зырянова (г. Свердловск) в разговоре заметила: «Теперь честным трудом семью не

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 169. Л. 9.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 18.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 169. Л. 9; Д. 170. Л. 2.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 18.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 424. Л. 151.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 11.

⁷ Там же. Оп. 121. Д. 524. Л. 12.

⁸ Там же. Оп. 122. Д. 188. Л. 9.

⁹ Там же. Ф. 556. Оп. 14. Д. 110. Л. 41–42.

прокормишь, надо либо воровать, либо спекулировать»¹; работница московского комбината им. Щербакова Муравьева на вопрос соседа по работе: «Как ты будешь жить с ребенком?» ответила: «Буду заниматься проституцией»²; рабочий завода им. Куйбышева (г. Коломна) в разговоре с рабочими сказал: «Как я буду теперь жить, заработок мой 700 – 800 рублей, семья 7 человек, наверное, придется идти воровать»³; бухгалтер артели «Красная заря» Иванов (г. Феодосия) заявил: «Надо уходить с работы и заняться спекуляцией, а 300 гр. хлеба всегда дадут»⁴. Высказывания подобного рода фиксировались в городах различных регионов РСФСР. Для многих горожан данные суждения были не более чем разговорами, но часть городского социума реализовывала на практике различные формы незаконных стратегий извлечения доходов и материального обеспечения.

Общее снижение уровня жизни в послевоенный период, обусловило повышение уровня экономических преступлений в городской среде.

Зафиксированное с 1945 по 1946 г. число случаев спекуляции увеличилось на 40,4%⁵. Как отмечалось выше, под спекуляцией законодателем понималась перепродаж вещей (продуктов и пр.) с «целью наживы». Но фактически определение признаков состава преступления было недостаточно конкретным, не фиксируясь по объему получаемого продавцом дохода, частоте продаж и пр. Публикации в прессе, освещающие результаты судебных заседаний, на которых спекулянты были осуждены на значительные сроки, высвечивали масштабы их махинаций. Так, например, в газете «Уральский рабочий» рассказывалось о криминальной деятельности сотрудников завода Главметалл (г. Арти, Свердловская обл.). Директор, главный инженер, начальник снабжения и еще ряд сотрудников, организовали хищение на предприятии швейных игл с последующей их продажей на рынках Свердловска и Москвы: «вместо иглолок в Арти возвращались золотые часы, кожаные пальто, бровровые воротники, вино...». Всего было украдено игл на сумму более 2 228 000 руб.⁶ Значительно меньшие

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 101.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 9.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 425. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344-347.

⁶ Иголки // Уральский рабочий. 1946. 28 марта. С. 4.

суммы спекулятивных доходов высвечивает заметка в городской газете «Под знаменем Ленина», освещающая деятельность спекулянтов Ермилова и Шевелиной, которые «с целью наживы» на протяжении трех лет скупали в г. Арзамас наиболее ходовые товары (валенки, покрывала, вельветовые куртки и пр.) и продавали их в Первоуральске. Валенки покупались по цене 100–130 руб. за пару, а продавались по 200–250 руб. Для продажи ими было закуплено 99 пар валенок. По решению суда Ермилов был приговорен к восьми, а Шевелина к шести годам лишения свободы¹. По статье за спекуляцию была осуждена на год семидесятилетняя гражданка г. Бисерть (Свердловская обл.), закупавшая вместе с сыном дрожжи в одном городе, и продававшая их в другом². В Свердловске в начале 1950-х гг. была раскрыта группа спекулянтов (11 человек), продающих дрова и стройматериалы. Они скупали на дровяном складе дрова, и перепродавали их³.

В массовом сознании посредством политической риторики и СМИ небезуспешно формировался образ врага – спекулянта, виновного в товарном дефиците и наживающего за счет населения баснословные барыши. В информации Новосибирского обкома ВКП(б) «О политических настроениях населения Новосибирской области» от 29 мая 1948 г. отмечено: «Поступает много жалоб, а также нередки факты справедливого возмущения со стороны трудящихся на слабую борьбу милиции и органов суда и прокуратуры с спекуляцией на рынке. На рынке можно купить все необходимые продукты и промтовары в три раза дороже, чем по государственным ценам»⁴. В среде горожан высказывалось негативное мнение по поводу не только перепродаж, но и продаж гражданами товаров. Такая оценка данной деятельности дана в тексте письма М.И. Калинину от инженера по технике безопасности Егоршинской ГРЭС (Свердловская обл.) В.Я. Лысенко: «Отсюда приучается молодежь к спекуляции, ... что влияет на ... моральное и политическое состояние»⁵. Несмотря на конструируемый образ «врага-спекулянта», вследствие существования в стране проблем товарного де-

---

¹ Спекулянты наказаны по заслугам // Под знаменем Ленина. 1954. 14 апреля. С. 4.

² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6608. Л. 150.

³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 63. Л. 4.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 28.

⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5536. Л. 180 об.

фицита и нехватки у широких слоев городского социума денежных средств, необходимых для обеспечения семей, к различным формам не только продаж, но и перепродаж товаров в послевоенный период были причастны многие горожане.

В справке прокурора по делам несовершеннолетних при Генеральной прокуратуре СССР Преображенской «О состоянии детской безнадзорности и борьбе с нею в г. Москве» от 2 марта 1946 г. отмечено большое количество на рынках города детей, занимающихся торговлей: «На центральном рынке ... ежедневно большое количество детей 13–15 лет, преимущественно девочки, торгуют дрожжами, конфетами. Они выстраиваются открыто в ряд у входа в рынок, наперебой предлагают свой товар покупателям ... это “дело” им вошло в привычку. Одних и тех же девочек с продажей дрожжей я замечала здесь неоднократно. Встречались и такие факты: с дрожжами девочка, а за ней стоит женщина и только принимает деньги от покупателей. ... Мелькают подростки-мальчики, лет 15–16, а иной раз и 10–11 лет. ... Они скупают пачками папиросы (для продажи поштучно). Тут же рядом ходят дети и предлагают по спекулятивным ценам билеты в цирк»¹. К спекулятивной деятельности были причастны и трудящиеся. Около 30% граждан, привлеченных за спекуляцию в 1946–1948 гг., составляли работающие (более 80% из них являлись работниками торговли, низкооплачиваемыми рабочими и служащими, а также гражданами, находящимися в командировках в другие города)².

Обращение к дневниковым записям горожан позволяет выявить мотивацию и отношение граждан к фактам перепродажи ими вещей. В дневнике А.И. Дмитриева упоминание данной практики не маркируется как девиация, скорее трактуясь как желательная деятельность, приносящая доход: «Если с собой будут лишние деньги, то мы на них наберем там разных вещей подешевле, а здесь продадим подороже. И дорогу окупим, да и, пожалуй, еще кое-что нам останется»³. Хотя для большинства представителей городского социума данная деятельность являлась скорее вынужденной, обусловленной нуждой и необходи-

---

¹ Советская жизнь. 1945–1953. ... С. 19–20.

² ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 54.

³ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 1 июля 1946 г. (дата обращения: 15.10.2019).

мостью добывать средства к существованию. Б.В. Таланов (преподаватель математики в институте, г. Киров) в своем дневнике пишет: «...в нашем магазине на лимитные карточки получили женское суконное пальто (за 320 р.) и детские ботинки, а продали на базаре за 800 р. ... в своём учреждении Нина получила два свитера по 29 р., а продала по 40 р. В результате выручили 750 р. А то было очень плохо, деньги и продукты все вышли, и нечего было бы есть»¹. В дневнике В.А. Чивилихина детально описаны «схемы» извлечения доходов из практик перепродажи товаров, хотя данная деятельность маркируется как девиантная и вынужденная: «В предпраздничные дни я съездил в Тамерлан и продал брюки, 6-го числа съездил на подсобное хозяйство и привез 200 кг картошки. В тот же день выкупили колбасу, заработанную на мясокомбинате и по 9 кг отвезли в Челябинск. Там ее продали, выгодали по 300 рублей. С пассажирским поездом – в Кустанай, купили по 150 стаканов семечек подсолнуха и назад в Челябинск – продали. Выгодали рублей по 500. Готовясь к дальнейшему, купили 12 кусков мыла – повезу в Кустанай. Приехал 9-го ночью – разбитый, грязный, но веселый. Я решил пойти на это, решил пойти на сделку с совестью – иначе – голодная зима, упадок духа и бог знает что...»².

В целом, применительно к спекулятивным практикам можно говорить об их широком распространении в среде городского социума, особенно в первые послевоенные годы. Выбор спекуляции как формы извлечения доходов был характерен не только для неработающих горожан, но и для трудящихся. В социальном разрезе спекуляция (как более или менее регулярная форма заработка), была более распространена в среде работников торговли, карточных бюро, низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих. К данной форме извлечения доходов эпизодически могли обращаться командировочные горожане, студенты, а также представители других профессиональных групп, имеющие возможность (вещи для перепродажи) и остро нуждающиеся в средствах. В этой связи следует дифференцировать эпизодические спекулятивные практики (широко распространенные в послевоенное время в городской среде) и спекуляцию как стабильную форму извлечения доходов. Обращение к дневникам горожан по-

---

¹ Таланов Б.В. Указ. соч. Запись от 23 марта 1947 г. (дата обращения: 18.11.2019).

² Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 91.

зволяет прийти к выводу, что отношение в советском социуме к эпизодическим спекулятивным практикам было достаточно лояльным.

Формой реализации девиантных стратегий являлись хищения и различные практики «самообеспечения» горожан за счет предприятий и организаций. О возрастании числа хищений в послевоенные годы свидетельствуют данные: количество хищений в 1946 г. превысило на 16% показатели 1945 г., а в 1947 г. возросло на 43,7% по отношению к уровню 1946 г.¹ В 1947 г. кражи и хищения составляли около 50% от всех совершаемых в стране уголовных преступлений. В отчетах работников правоохранительных органов, текстах писем и жалоб граждан в органы власти и дневниковых записях горожан высвечиваются многочисленные случаи данных преступлений.

В период действия карточной системы одной из сфер реализации преступных практик горожан являлась система карточного снабжения. К злоупотреблениям и махинациям, связанным с карточным распределением продовольствия, были причастны широкие слои населения (работники карточных бюро, сотрудники предприятий торговой сети, больниц и пр.). В различных регионах РСФСР карточки расхищались работниками карточных бюро.² Только за четыре месяца 1947 г. в карточных бюро Свердловской области было похищено 8280 карточек и талонов.³ Нарушения системы карточного обеспечения фиксировались на предприятиях и в учреждениях. Так, например, в г. Нижний Тагил (Свердловская обл.) работники центрального клуба Уралвагонзавода получали карточки по вымышленным должностям, на работников больницы были заведены истории болезни, чтобы они могли получать питание на правах больных, в то время как у реальных больных отбирались хлебные талоны и продавались на рынке⁴. Руководство тубдиспансера в г. Алапаевск (Свердловская обл.) завышало количество больных, получая на них продукты⁵. Горожанами изготовлялись фальшивые карточки и талоны. В Москве группа горожан, в которую входил столяр-краснодеревщик Кривенок, печатала типографским способом

---

¹ Богданов С.В., Орлов В.Н. Тоталитарная государственность ... С. 18.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 226. Л. 13.

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 167. Л. 87.

⁴ Тагильский рабочий. 1946. 18 октября. С. 1.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 167. Л. 38.

хлебные талоны и сбывала их через соучастников продавцам магазинов¹. В Свердловске артист Госфилармонии изготовил штамп с текстом хлебного талона на 500 гр. и изготовлял хлебные карточки, а его поделщик – также артист Госфилармонии (член ВКП(б)) сбывал их в городах Свердловской области². Сфера продовольственного и, в частности, хлебного обеспечения была наиболее популярной областью реализации криминальных практик горожан в первые послевоенные годы. Во всех регионах РСФСР на всем протяжении «пути» хлеба от хлебозаводов до потребителя фиксировались хищения и различного рода злоупотребления. Хлеб расхищался работниками хлебозаводов, хлебопекарен, грузчиками, сотрудниками предприятий торговли и пр.³ В сумме объемы расхищенного хлеба и других продуктов составляли внушительные цифры. Только по организациям продснаба в Свердловской области в 1947 г. было расхищено 6 951 кг. хлеба, 1 992 кг. круп, 595 кг. жиров.⁴ Хотя детальное рассмотрение практик хищения высвечивает очень различные мотивы их свершения, составы криминальных деяний и объемы похищенного. Так, например, экспедитор Попов – отец троих детей, жена которого была беременна, похитил при развозе в столовые четыре булки хлеба⁵, жительница г. Каменск-Уральский в течение года получала хлеб и продукты по карточкам умершей сестры⁶, а преступная группа из шести жителей г. Реж (Свердловская обл.), в которую входили контролеры контрольно-учетного бюро, заведующие магазинами и пр. присвоили талоны на 488 кг. хлеба, 95 кг. сахара⁷. Криминальная схема продажи хлеба зафиксирована в дневнике А.И. Дмитриева, фигурируя в нем как «трюк с патефоном»: знакомая А.И. Дмитриева, работающая в торговой сети, доставала хлеб, хлеб переносился в патефоне и продавался⁸. В целом, акцентированная направленность криминальных стратегий горожан в 1946–1947 гг. на хищение продуктов и в частности хлеба, отражала общую критическую ситуацию продо-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 890. Л. 71.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 167. Л. 88.

³ Богданов С.В., Орлов В.Н. Тоталитарная государственность ... С. 18 – 19; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 167. Л. 37 – 37 об.; Д. 171. Л. 36 об.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 98.

⁵ Там же. Л. 36 об.

⁶ Там же. Л. 44 об.

⁷ Там же. Л. 44.

⁸ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 4 февраля 1947 г. (дата обращения: 17.07.2019).

вольственного обеспечения граждан. Наличие продовольствия обеспечивало выживание горожан и их семей. Осознание этого провоцировало одних на совершение вынужденных хищений, обусловленных исключительно необходимостью выживания, а для других являлось стимулом для приращения своего благосостояния.

Распространенным явлением в первые послевоенные годы являлись мелкие кражи на предприятиях, совершаемые рабочими и служащими. Так, например, одной из служащих конторы «Спецторга» были похищены шторы, стоимостью 425 руб.¹ Достаточно распространенной практикой являлась кража бензина шоферами². В 1946 г. на текстильных фабриках Ивановской области за кражи на производстве было задержано 9600 рабочих и служащих,³ В Свердловской области в 1946 г. по статье за мелкие кражи на производстве было возбуждено 2169 уголовных дел⁴. Многие из работников железной дороги были причастны к практикам хищения грузов. В 144 эпизодах хищения грузов на Свердловской железной дороге, совершенных в четвертом квартале 1948 г., были замешаны работники железной дороги – весовщики, кассиры, начальники станций, складов и пр., а в 31% случаев хищения были совершены работниками охраны⁵. Так, например, работники железнодорожной станции Свердловска весовщик, шофер и охранник в 1948 г. с территории товарного двора украли контейнер с плюшевыми одеялами (225 шт.) на сумму 121 500 руб. «похищенное увезли сначала в лес, а потом в гараж фабрики “Уралобувь”, откуда похищенное развезли для реализации приемщикам краденного»⁶. Как справедливо замечает А. К. Соколов: «...острейшие и повсеместные дефициты способствовали тому, что с заводов и фабрик тащили все подряд, что может пригодиться в хозяйстве или можно продать на черном рынке, невзирая на охрану и обыски на проходных»⁷.

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 40 об.

² Там же.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 6-7.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 171. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 206. Л. 10–11.

⁶ Там же. Л. 14.

⁷ Соколов А.К. Режимность на советских предприятиях ... С. 106.

Случаи хищения личных вещей горожан также не были единичными в городской среде. Объектами хищений в первые послевоенные годы, как правило, являлись: носильные вещи, хлебные карточки, деньги. Так, например, в Иркутске в 1947 г. были раскрыты кражи: шерстяного джемпера, хлебных карточек, 300 руб. денег.¹ Вследствие принятия в 1947 г. Указа о борьбе с хищением социалистической собственности значительная часть горожан, совершавших данные практики (вне зависимости от их мотивации) была осуждена. В период с 1947 по 1950 г. было осуждено 807 342 чел. В социальном разрезе среди осужденных в 1948 г. преобладали горожане (в основном работники торговли и общепита). Количество служащих, осужденных за хищение социалистической собственности, увеличилось с 17% (вторая половина 1947 г.) до 31% в 1948 г.² Проводимые правительством мероприятия, направленные на борьбу с хищениями способствовали сокращению данных практик в городской среде. В суждениях горожан, зафиксированных работниками оргинструкторских отделов различных регионов РСФСР, фиксировались высказывания: «если воровать – посадят». В качестве примера, иллюстрирующего неприемлемость практик хищений, как жизненной стратегии, можно привести высказывание одного из рабочих завода «Сибэнерго» (г. Новосибирск): «Я получаю мало ... не имею возможности одеться, обуться и прокормиться. Что же мне делать? Воровать? Этого я не могу и не буду»³. Реализация мероприятий по борьбе с хищениями, находит отражение в дневниковых записях горожан. Так, например, З.А. Мечтова, работавшая старшим кассиром в сберкассе, пишет о то, как ее обвинили в хищении денег: «Уволилась 11 января, верней уволена, ужасная кляуза, ужасная – меня заподозрили в хищении 1 тысячи рублей. ... На меня написали приказ о снятии с работы за хищение 1000 руб. с передачей дела в следственные органы. Вот это пассаж! Просто чудовищно, невероятно»⁴. Будучи невиновной и полагая, что это козни недоброжелателей, З.А. Мечтова отмечает: «Вот аферистка! ... Пусть торжествует честный жулик до поры до времени. Попадётся и она»⁵.

---

¹ В областной прокуратуре // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 июля. С. 2.

² Верт. Н. Указ. соч. С. 384–385. Там же.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 425. Л. 40.

⁴ Мечтова З.А. Указ. соч. Запись от 25 января 1947 г. (дата обращения: 17.09.2019).

⁵ Там же.

Поэтесса А.А. Баркова (г. Москва) упоминает в своем дневнике: «Судят за растрату мою соседку по квартире»¹. Рабочий А.И. Дмитриев, супруга которого работала в системе торговли, в своем дневнике рассуждает о хищениях: «Сегодня посадили Клавдию (коллега жены А.И. Дмитриева – М.К.). Все жалеют ее, мне тоже, конечно, жаль, но в то же время я рассуждаю так: “Когда они делали разные махинации, заводили на себя разные вещи, то было очень хорошо. Но ведь они знали, что это в конце концов может раскрыться. В общем, когда таскали, так радовались, а сейчас начали садиться, так стали задумываться. Нет уж, если честно жить, то бояться нечего. Я так и живу – не боюсь. А если за что и попадусь, так тоже никому жаловаться не буду”»².

Различные формы девиантных практик осваивались горожанами в быту – неуплата квартирной платы, пользование электричеством в обход счетчика и т.п. Некоторые горожане, пользуясь социальным жильем, могли длительное время не платить за коммунальные услуги, не опасаясь выселения. На страницах заводской газеты «Кировец» публиковались заметки, автором которых являлись руководители ЖКО, сообщающие о неуплате жильцами квартирной платы: «Некоторые из работников завода не платят по 3–4 месяца и этим самым срывают своевременное выполнение финансового плана ЖКО»³. В газете печатались фамилии неплательщиков, но о применении такой санкции как выселение ничего не говорилось. Фактически требование оплаты коммунальных услуг звучало как просьба: «Жилищно-коммунальный отдел просит всех квартиросъемщиков своевременно уплачивать квартирную плату»⁴. В Молотовском районе Вологды объем задолженности жильцов государству составил на 1 июня 1946 г. 9 000 руб. (в рядах неплательщиков числились: прокурор Молотовского района, заместитель председателя исполкома Молотовского районного совета – которые не платили за жилье по три-четыре месяца)⁵. Некоторые работники домоуправления прибегали к оригинальным способам решения проблемы коммунальной задолженности жильцов. Домоуправляющий поселка Строителей,

---

¹ Баркова А.А. Указ. соч. Запись от 2 мая 1946 г. (дата обращения: 19.09.2019).

² Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 27 мая 1947 г. (дата обращения: 27.09.2019).

³ Не платят квартирной платы // Кировец. 1951. 11 декабря. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Ивановский С. «Знатные» жильцы // Красный Север. 1946. 28 июня. С. 3.

где проживали рабочие треста «Уралтяжтрубстрой» (г. Первоуральск), отказывался выдавать жильцам справки о семейном положении, пока те не погасят задолженность по квартирной плате. Несмотря на жалобы жильцов на грубость домоуправляющего, комитет профсоюза считает его методы действенными, присвоив звание «лучшего домоуправляющего ЖКО Уралтяжтрубстроя»¹. Отдельные жильцы, стремились ограничить права своих соседей по пользованию помещениями общего пользования. Так, жительница г. Свердловска самовольно завладела общественной кухней и лишила возможности пользоваться ею девятнадцать семей, проживающих на этаже. Соседи написали несколько заявлений в домоуправление, в исполком горсовета и райсовета, прежде чем началась «проверка фактов» по данному делу². В г. Черемхово (Иркутская обл.) бывший первый заместитель председателя исполкома горсовета Зуев «отбил» квартиру у присланных в город молодых врачей, выселив их в коридор». Бюро Черемховского горкома ВКП(б), обсудив этот вопрос, признало, что Зуев неправ и предложило ему в двухдневный срок освободить квартиру, предупредив о партийной ответственности. Через несколько недель бюро вновь подтвердило свое решение, но Зуев его так и не выполнил³.

О практиках бесплатного пользования горожанами электричеством в своем дневнике пишет А.И. Дмитриев: «Дома все было в порядке, за исключением того, что у нас прежние хозяева сняли электросчетчик и у нас это дело обнаружили. На все это был составлен акт, но никакого штрафа мы не заплатили. А светом стали пользоваться без счетчика, да еще так, что всю ночь жечь плитку, электро-кипяtilку и еще целый ряд приспособлений. Если бы это все у нас обнаружили, то пришлось платить бы штраф не менее 1,5 тысяч рублей. Но все пока хорошо. На день мы свет выключаем, и об этом никто не догадывается»⁴.

Рассматривая девиантные практики в социальном ракурсе, можно отметить, что у руководящих работников предприятий и организаций было больше возможностей для различного рода злоупотреблений, которыми некоторые из

---

¹ «Лучший» ... домоуправляющий // Под знаменем Ленина. 1955. 16 февраля. С. 4.

² В райисполком поступило заявление...// Уральский рабочий. 1953. 1 июня. С. 3.

³ Смойлов М. К чему ведет забвение организационной работы // Восточно-Сибирская правда. 1948. 13 января. С. 2.

⁴ Дмитриев А.И. Указ. соч. Запись от 26 апреля 1946 г. (дата обращения: 17.09.2019).

них не преминули воспользоваться. В период карточного снабжения были вскрыты злоупотребления руководящих работников, по запискам которых, различные лица снабжались продуктами через торговую сеть¹. В Свердловске было изъято около 2000 шт. данных записок. Таким незаконным бескарточным снабжением широко пользовались работники торгово-снабженческих организаций, горпрокуратуры, облсуда, самого горторготдела, контрольно-учётного бюро и многих других местных предприятий². Злоупотребления допускались и в практиках распределения имеющихся ресурсов. Так, например, масштабные нарушения были вскрыты на Свердловской железной дороге в 1946 г. при распределении так называемых «американских подарков». Хотя согласно постановлению правительства данные вещи были выделены «для выдачи работникам жел. дорожного транспорта, работающим на открытом воздухе», начальник Урало-Сибирского железных дорог Егоров допустил «полнейший произвол в выдаче подарков»³. Работники аппарата Управления Свердловской железной дороги и Урало-Сибирского округа не только получили более качественные вещи – по 20 и более предметов (пальто, обувь, платья и пр.), но и могли их выбирать, посещая склад со своими женами, домработницами и шоферами «рылись в вещах, выбирая себе лучшее»⁴. Для низовых сотрудников железной дороги данное распределение не предполагало какого-либо выбора вещей. Например, слесарь, имеющий на иждивении пять человек, получил «детскую куртку маломерку и трусики, которые нельзя никому приспособить в семье», другом слесарю, имеющему семью из шести человек, была выдана «старая соломенная шляпа и разорванная рубашка»⁵. Всего коллектив паровозного депо Свердловск-Сортировочная (1054 чел.) получил 757 вещей «значительное число из них исключительно низкого качества или просто рвань»⁶.

Руководители предприятий и организаций, используя административный ресурс, распределяли продовольственные товары по спискам, в которые входили «нужные» люди, кормили свой скот за счет за счет государственных хо-

---

¹ Шалак А.В. О социальном статусе советских руководящих кадров ... С. 168.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 286. Л. 251–254.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 635. Л. 109.

⁴ Там же. Л. 111; ЦДОСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 99. Л. 19, 27, 78.

⁵ ЦДОСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 99. Л. 47-48.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 635. Л. 112.

зайств, организовывали банкеты, списывали средства за счет вымышленных командировок, брали для личных нужд товары, приобретенные для организаций и пр.¹ Директор Каменск-Уральского завода № 705 распределял спецодежду (полушубки, обувь) среди сотрудников, которым спецодежда не положена (руководители отделов, заместители начальников и пр.) в результате было роздано 900 предметов на сумму 42 651 руб.² Начальник управления свердловского Военторга из купленных для ресторана «Урал» 55,5 м. ковровой дорожки получил лично для себя 14,5 м. без оплаты³.

Еще одной девиантной практикой, распространенной в городской среде являлось взяточничество. В текстах писем и жалоб населения, направленных в центральные СМИ, партийные органы или лично Сталину, отмечались многочисленные факты коррупции, распространенной в государственных органах (прокуратура, суды, милиция, жилищные управления и пр.): «устройство на работу только по блату и за водку», «лечиться ездят по блату и за взятки» и др.⁴ Практики злоупотребления служебным положением и объемы взяток дифференцировались в зависимости региональной и отраслевой принадлежности учреждения, объема властных ресурсов и пр. Народный судья Кировского района г. Магнитогорска за прекращение дела о хищении, получил 500 руб. и шерстяной костюм⁵; объем взятки зав. складом отдела фондового имущества Московского военного округа (г. Москва) за получение автомашин лучших марок, чем были выделены по наряду, составил 4000 руб.⁶; сумма взятки за переплет и верстку диссертации в г. Ростов-на-Дону составляла 45 руб.⁷ Посредством взяток горожане пытались решать свои жилищные проблемы⁸. Учитель музыки В.А. Швец упоминает в своем дневнике о взятке в 300 руб., данной управдому

---

¹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 148; Д. 510. Л. 17 – 19; Оп. 16. Д. 217. Л. 50; ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 25. Д. 120. Л. 86.

² ЦДОСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 105. Л. 129–132.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 45. Д. 319. Л. 21.

⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6761. Л. 119; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 88. Л. 2–3; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 193. Л. 145; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 893. Л. 23.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 828. Л. 312.

⁶ ГАСО. Ф. Р- 2259. Оп.1. Д. 294. Л. 35.

⁷ Акимкина Н.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhitto.org/person/2215>. Запись от 29 мая 1953 г. (дата обращения: 17.09.2019).

⁸ Крушанова Л.А. Взяточничество на Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 109–110.

за получение ордера¹. Хотя даже посредством взяток решение жилищных трудностей не всегда было результативным. Так, например, охранник Оборин (г. Свердловск) не имея жилплощади, дал взятку управляющей домом Жилуправления № 69 Трофимовой в размере 1000 руб., которая взяла себе 300 руб., а остальные деньги попыталась вручить начальнику Жилуправления, но он отказался. В результате Оборин и Трофимова были привлечены к ответственности. По статьям за дачу и получение взятки в 1948 г. было осуждено 4541 чел., большая часть из которых занимала административные и руководящие должности.

Горожане, в силу занимаемых должностей, имевшие возможность сберечь средства от девальвации в период денежной реформы, также не преминули воспользоваться служебным положением: вклады вносились, дробились и переформлялись на других лиц после объявления постановления о денежной реформе, но записывались более ранним числом, деньги вносились под видом выручки предприятий и пр.² Масштабы криминальных практик горожан существенно различались, но в информациях о нарушениях, допущенных при проведении денежной реформы, данные деятельностные стратегии определились однозначно: «свои личные интересы поставили выше интересов государства, с целью сохранения своих денег встали на путь преступления»³. Хотя применительно ко многим девиантным практикам, реализованным горожанами в процессе денежной реформы (покупка почтовых марок, билетов в метро и пр.), справедливо говорить, как о поведении, вызванном паникой, являющимся следствием неосведомленности и страха перед проводимой реформой. Реформа способствовала криминализации городского социума, провоцируя на инстинктивное сбережение средств, а значит нарушение закона, граждан, значительная часть которых не имела криминального прошлого, не была мотивирована на осознанное нарушение закона, но получила судимость в результате выявления во многом аффективных нарушений.

---

¹ Смирнов В.А. Указ. соч. С. 818.

² Репенецкий А.И. Указ. соч. С. 122; Сластнев С.Б. Указ. соч. С. 71–72; Твердюкова Е.Д. Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. ... С. 45–52; Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. ... С. 240–242. ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 166. Л. 35; Оп. 44. Д. 240. Л. 14–17.

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 210. Л. Л. 13.

Еще одной маргинальной практикой горожан, направленной на получение доходов, было занятие нищенством. Среди задержанных в Москве во второй половине 1945 г. 27 700 несовершеннолетних беспризорников, 973 человека (3,5%) были задержаны за занятие нищенством¹. О нищих, просящих на улицах городов милостыню, упоминают в своих дневниках многие современники периода. В.А. Чивилихин так описывает нищенку: «Присмотревшись, я увидел комок тряпья, серый, шевелящийся. Это была старая женщина, которая обхватила руками каштан и выла, выла... Это был ее метод просить милостинку. Торговки, чтобы избавиться, дали ей по рублику – она не отходила, а только громче плакала, иногда стоная утробно, по-звериному. Это был крик бессилия и нищеты, больная совесть виновных в этом людей»². О нищих, поющих на улицах и стоящи у церкви упоминают в своих дневниках С.С. Трегубов (преподаватель в институте, г. Иваново) и В.Г. Малахиева-Мирович (писатель, г. Москва)³. Нищенство, как жизнедеятельностная стратегия являлась, в большинстве случаев, единственной возможностью обеспечения своего существования для наименее защищенных категорий советского городского социума – беспризорных детей, инвалидов войны, пожилых граждан.

Пожалуй, наиболее радикальным способом решения проблем материального обеспечения, выбранным частью представителей послевоенного городского социума, являлись грабежи. В письмах жителей Саратова, отправленных в газету «Правда» (1946 г.), была описана следующая ситуация: «Не проходит и дня, чтобы в Саратове кого-то не убили и не ограбили. И это происходит в самом центре города и зачастую днем. ... В центре города в 5 часов дня раздет гражданин»⁴. Аналогичные сообщения направлялись в «Правду» жителями Подольска: «Хулиганствующие бандиты, воры, останавливают мирных тружеников Подольска не только по вечерам, но избивают, раздевают, грабят среди белого дня, и не только в глухих улицах и переулках, но и на центральных улицах, в районах заводов, железнодорожной станции и даже около зданий горко-

---

¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2322. Л. 18.

² Чивилихин В.А. Указ. соч. С. 100.

³ Малахиева-Мирович В.Г. Указ. соч. С. 493; Трегубов С.С. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1001>. Запись от 8 января 1946 г. (дата обращения: 24.11.2019).

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 92.

ма и горсовета»¹. Случаи уличных грабежей описаны в послевоенных дневниках горожан. Жительница Ленинграда Л.В. Шапорина в 1947 г. опишет следующие случаи: «...накануне оркестрант из джаза Сапожникова, выйдя из «Европейской», взял таксиста, который его куда-то завез, ограбил и выбросил на мостовую, где его нашли ... с сотрясением мозга. ... Пожилой господин, возвращался с работы часов в 6 вечера. Он стоял на подножке трамвая. Прицепившийся сзади бандит стал резать его костюм, чтобы вытащить бумажник»². Характерно, что грабежами занимались не только не работающие граждане, но и работники предприятий и учреждений. В Новосибирске в 1945 г. из общего количество привлеченных к ответственности за грабежи насчитывалось: преступников-гастролеров, прибывших из других городов – 185 чел., инвалидов войны – 117 чел., несовершеннолетних – 294 чел., не занятых общественно-полезным трудом – 370 чел., занятых трудом на предприятиях – 578 чел.³

Говоря о девиантных экономических стратегиях горожан, нельзя не упомянуть об еще одной практике – частнопредпринимательской деятельности. Специфика реализации различных теневых стратегий материального обеспечения, к которым прибегали горожане, была выявлена в процессе кампании по борьбе с частником, проводимой правительством в 1947–1948 гг. За 1948–1949 гг. (по 22 областям СССР) по делам промысловой и потребительской кооперации и кооперативными организациями было привлечено к ответственности 1532 чел. из них осуждено – 602⁴. В ряду теневых «схем» заработков, распространенные в местной и государственной промышленности фигурировали: лжекооператорство, надомничество, сдача артелей в аренду частникам, создание дублирующих друг друга предприятий в промкооперации и местной промышленности и пр.⁵ В качестве частных примеров реализации данных девиантных стратегий можно привести некоторые. Надомники ювелиры Свердловской артели «Уральские камни» Кокоркин и Петров имели у себя на дому мастерские по выработке ювелирных и камнерезных изделий, с лично принадлежа-

---

¹ Там же. Л. 93.

² Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 49.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 88.

⁴ РГАЭ. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 806. Л. 245–253.

⁵ Осипов В.А. Указ. соч. С. 82–95.

щим им оборудованием и инструментом, использовали труд наемных рабочих под видом учеников. Присваивали себе доходы, полученные от предпринимательской деятельности. Кокоркин в 1947 г. получил доходов 50 000 руб., Петров – 37 000 руб.¹ Руководство Свердловской артели «Производственник» сдало Амаеву и Шарапову лудильную мастерскую с оборудованием и инструментами. Частники полностью работали на себя, не сдавали артели ни одного рубля². Из 30 киосков г. Свердловска, занимающихся в 1948 г. чисткой обуви, 12 являлись собственностью чистильщиков, которые сдавали артели «Коопремонт» по 160–600 руб. в месяц, а большую часть выручки брали себе³. Сотрудники артелей, занимающихся ремонтом одежды и обуви, часто работали «на себя», выполняя частные заказы, которые не оформлялись документально.⁴

В конце 1940-х–1950-е гг. происходит стабилизация экономической ситуации в стране, повышение уровня жизни городского населения. Фиксируется тенденция снижения преступности. К середине 1950-х гг. снизилось количество совершаемых грабежей и разбоев – до 5,9% (34389 преступлений) от общего числа зарегистрированных преступлений⁵. Уже в 1949 г. по сравнению с 1948 г. количество зафиксированных в Свердловской области случаев хищений личной собственности снизилось на 30%, государственного и общественного имущества – на 24%⁶. Тенденция снижения преступной активности горожан сохранилась и в 1950-е гг. Как заметил в своем отчете прокурор Свердловской области Н.И. Клинов: «В связи с улучшением материального благосостояния населения значительно сократились преступления»⁷. Прокуратурой Свердловской области в 1953 г. были рассмотрены дела о хищении государственного и общественного имущества, по которым проходили 1262 чел., дела о кражах личного имущества – 856 чел., в 1954 г. количество фигурантов дел по статьям о хищениях составило 800 и 836 чел. соответственно⁸. В 1953 г. количество осужденных за хи-

---

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 158. Л. 60.

² Там же.

³ Там же. Л. 61.

⁴ Там же. Л. 63.

⁵ Курицына Е.В. Преступность в советском обществе ... С. 116.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 206. Л. 80.

⁷ Там же. Оп. 53. Д. 113. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 22.

щения по стране составило 67% от уровня осужденных в 1948 г.¹ Хотя и в 1956 г. имущественные преступления характеризовались высокими показателями – более 40% от общего количества зарегистрированных преступлений (из них более 65% кражи личного имущества граждан)².

По сравнению с 1948 г. количество осужденных за взятки в 1954 г. снизилось на 77,4%³. В 1956 г. в СССР было зарегистрировано 465 случаев взяточничества. По расчетам В.В. Лунеева данный показатель соответствует приблизительно 2-3 деяниям на 100 тыс. должностных лиц⁴.

Рассмотрение практик спекуляции в диапазоне послевоенного десятилетия позволяет говорить о том, что определенное улучшение жизни горожан, произошедшее в 1950-е гг., способствовало отказу граждан от спекуляции как формы извлечения доходов, необходимых для выживания. Эта тенденция подтверждается уменьшением количества горожан, осужденных по данной статье на 37,6% (за период с 1947 по 1952 г.) и на более чем 60% по отдельным регионам РСФСР за период с 1953 по 1955 г., а также исчезновением в первой половине 1950-х гг. упоминаний в дневниках горожан о вынужденной перепродаже товаров и вещей.

По мере восстановления государства и постепенного повышения уровня жизни горожан сокращалось количество нищих, но данная практика и в 1950-е гг. не была полностью искоренена. Нищенство и попрошайничество являлись преимущественно городскими явлениями. По данным Е.Ю. Зубковой, в 1952 г. за нищенство и бродяжничество было задержано 156 817 чел, в 1953 – 182 342 чел.⁵ В 1954 г. количество нищенствующих было определено в 21 790 человек⁶, из них 46,7% составляли инвалиды (войны, труда, детства и пр.), 36,6% – пре-

---

¹ Подсчитано по: Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР ... С. 181.

² Курицына Е.В. Преступность в советском обществе в 1953 – 1964 гг. (социально-криминологический аспект) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2007. №7. С. 117.

³ Подсчитано по: Астанин В.В. Указ. соч. С. 51.

⁴ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. М., 1995. С. 334.

⁵ Зубкова Е.Ю. На «задворках» советской повседневности. Особенности государственной политики по отношению к социальным аномалиям и девиантным группам населения. 1945 – середина 1960-х годов // Россия и современный мир. 2010. № 2. С. 143.

⁶ Зубкова Е.Ю. «Советский нищий» ... С. 224–225.

старелые граждане, и только около 6,4% – профессиональные нищие¹. Количество нищих в РСФСР в 1954 г. составляло 11 982 чел.²

В 1950-е гг. возросло количество самозанятых граждан, занимающихся кустарными промыслами. За десятилетие 1949–1959 гг. число зарегистрированных кустарей увеличилось почти в 2 раза (с 80 000 до 150 000 чел)³. В результате снижения интенсивности проведения кампании по борьбе с «частником» в начале 1950-х гг. в материалах партийных и правоохранительных органов сокращается количество сведений, иллюстрирующих статистику и формы проявления частнопредпринимательских стратегий горожан, хотя говорить об их совершенном исчезновении было бы неверным. Так, например, в первой половине 1950-х гг. в Москве была выявлена преступная группа, состоявшая из 44 человек, организовавшая под вывеской местной промышленности фактически частнопредпринимательское производство продержежной резинки, принесшее им в течение 1952–1953 гг. доход около 2 млн руб.⁴

Снижение преступной активности в 1950-е гг. не означало абсолютной декриминализации городского социума РСФСР. Различные практики материального обеспечения за счет предприятий и организаций были достаточно глубоко укоренены в городской среде. В среде адвокатов были широко распространены практики завышения гонораров за услуги, взятки, мошенничество.⁵ Работники предприятий «несли» с заводов «ходовые» товары. Так, например, на одном из предприятий г. Молотов главный механик завода и начальник цеха «организованно похитили из цеха кровельного железа и электромоторы и меняли их на сельскохозяйственные продукты с колхозами»⁶. На мясокомбинате г. Свердловска двое разнорабочих выносили с комбината мясную продукцию мелкими партиями (1–2 кг.) и продавали ее в цехе завода РТИ, «а на вырученные деньги приобретали спиртные напитки и пьянствовали»⁷. В практиках реализации девиантных стратегий горожане прибегали к различным ухищрениям,

---

¹ Там же. С. 225.

² Зубкова Е.Ю. На «задворках» советской повседневности ... С. 142.

³ Альметев Г.В. Указ. соч. С. 29; Корягина Т.Н. Указ. соч. С. 31.

⁴ Кондратьева Т.С. Материально ответственные лица при режиме социалистической собственности // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 133.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 172. Л. 36.

⁶ Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить ... С. 81.

⁷ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 25. Д. 120. Л. 6.

в некоторых случаях, отличающихся весьма оригинальным сценарием. Например, разнорабочие мясокомбината г. Свердловск в 1955 г. подготовили и совершили хищение 35 кг. сала шпиг, которое выбросили в окно на территорию завода РТИ. Там сало подобрали их подельники, которые сложили сало в чемодан, взятый ими у рабочего Ежова, проживающего на территории завода РТИ, и вынесли через проходную, а бойцу охраны сказали, что провожают товарища, едущего на целинные земли и несут его вещи¹. Немаловажно отметить, что распространению практик хищений на предприятиях способствовал неудовлетворительный уровень их охраны. Так, например, в докладной записке Красноуральского ГК ВКП(б) отмечалось: «По медеплавильному заводу: из общего состава ВОХР – 14 чел, все 14 чел. не пригодны к несению службы (инвалиды, престарелые, спецпереселенцы). Периметр ограды завод пришел в ветхое состояние и требует капитального ремонта. ... По химическому заводу: ... завод с северной и северо-восточной стороны не обнесен забором, совершенно не охраняется, освещение отсутствует, что способствует беспрепятственному проходу в цех завода»².

Нельзя не отметить, что происходящая в период 1953–1956 гг. либерализация политического курса не лучшим образом отразилась на криминальной обстановке в стране. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», вступившему в силу 27 марта 1953 г., из мест заключения освобождались осужденные за должностные, хозяйственные и воинские преступления; беременные женщины и женщины, имевшие детей в возрасте до 10 лет; несовершеннолетние; мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет, а также осужденные, страдавшие тяжёлым неизлечимым недугом независимо от срока наказания. Освобождению подлежали осужденные по всем статьям уголовных кодексов союзных республик осужденные на срок до 5 лет включительно. Осужденным же на срок свыше 5 лет наказание сокращалось вдвое³. Досрочно были освобождены 1 201 738 заключённых⁴. Большая часть данных

---

¹ Там же. Л. 6 об.

² Там же. Ф. 4. Оп. 45. Д. 199. Л. 2

³ Ведомости Верховного совета СССР. 1953. № 4.

⁴ Земсков В. Н. Ситуация с заключёнными в первые послесталинские годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3. С. 130.

граждан направилась в города, где остро встала проблема трудоустройства амнистированных. К июлю 1953 г. из всех амнистированных было трудоустроено только 625 700 чел. В Москве из 25480 освобожденных по амнистии было трудоустроено всего 6797 чел. (26,6 %), в Казани из 2 952 чел. – 910 (30,8 %) ¹, в Ленинграде из 18 390 чел. – 8 365 (45,6%) ², в Пензенской области из 5 764 чел. – 3 529 (61,3%) ³, в городах Ростове-на-Дону, Иванове, Горьком не было трудоустроено более половины амнистированных ⁴. Неудовлетворительное положение с трудоустройством амнистированных объяснялось тем, что руководители предприятий и учреждений отказывали в приеме лицам, имеющим судимость. В результате эти люди, не имея средств существования, пополняли ряды преступников. Повышение уровня уголовной преступности фиксировалось во всех регионах СССР и РСФСР. В 1953 г. количество преступлений по стране увеличилось в 2 раза: со 153 199 (в 1952 г.) до 347 134 ⁵. В Москве преступность возросла на 75% ⁶. По вновь возбужденным уголовным делам в Ленинграде в 1953 г. проходило 12 422 чел., из них ранее судимых лиц – 3596 человек (29%) ⁷, из общего числа лиц, арестованных в Пензенской области в 1953 г. 26,4% составляли граждане, освобожденные из мест заключения по Указу «Об амнистии». Из числа арестованных за хищения личной собственности граждан процент амнистированных был выше – 46,3 % ⁸. На 1 апреля 1954 г. из числа заключенных, освобожденных по амнистии, было вновь привлечено к уголовной ответственности 84 225 чел. ⁹ В более чем 30% случаев они были осуждены по статьям за хищение общественной или личной собственности граждан. Стабилизировать криминальную ситуацию в городах республики удалось лишь к концу 1954 г.

---

¹ Тязин Е.Н. Проблемы укрепления правопорядка в СССР весной – осенью 1953 г. // Контентус. 2017. № 122. С. 166.

² Ремнева С.В. Анализ социального состава лиц, осужденных за уголовные преступления в Ленинграде и области во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. (на основании милицейской статистики) // Клио. 2015. № 4 (100). С. 140.

³ Курицына Е. В. Амнистия 1953 г. И ее влияние на криминализацию общественной жизни в СССР (на материалах Пензенской области) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С. 765.

⁴ Тязин Е.Н. Указ. соч. С. 166.

⁵ Борисов А.В. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 320.

⁶ Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.). Ростов-на-Дону, 2000. С. 143.

⁷ Ремнева С.В. Указ. соч. С. 138.

⁸ Курицына Е.В. Амнистия 1953 г. ... С. 766.

⁹ Тязин Е.Н. Указ. соч. С. 168.

В качестве еще одной девиантной поведенческой стратегией, фиксируемой в послевоенном городском социуме, можно отметить «стиляжничество». Данная практика не являлась уголовно наказуемой, но, тем не менее, стигматизировалась, являясь общественно порицаемой. Определяемые «стилягами» группы горожан объединяли потребительские и культурные практики, воспроизводящие (по их мнению) «западный» образ жизни: своеобразный жаргон, модель поведения, одежда (пестрые яркие наряды, ботинки на толстой каучуковой подошве и пр.¹).

По справедливому замечанию Дж. Ферста и Г. Ципурского, в «сталинский» период «стиляжничество» не находилось в фокусе масштабных политико-идеологических кампаний,² получив более пристальное внимание в 1950-е гг. В отечественной историографии выделяется два этапа развития субкультуры «стиляжничества». На первом этапе – 1949–1955 гг. это была элитарная культура (закрытая, недоступная), распространенная среди детей высокопоставленных столичных чиновников, имевших доступ к трофейным материальным благам³. На втором этапе элитарная культура превратилась в молодежную контркультуру (1956–1962), распространившись в более широких слоях городской молодежи столицы и регионов⁴.

Обращение к дневниковым записям горожан позволяет определить отношение к означенной аномалии в различных группах советского городского социума. В ряде дневниковых записей «стиляжничество» определяется как неприемлемая для советского социума деформация. Жительница Москвы Л.В. Шапорина в 1955 г.* в свое дневнике отмечает: «Принялись искоренять разврат и разложение молодежи. А разложение сверху донизу ... Стиляги – юноши, носящие узкие, короткие, выше щиколотки, брюки, пиджак другого цвета. Осо-

---

¹ Славкин В. И. Памятник неизвестному стиляге. М., 1996. С. 5. Ципурский Г. Указ. соч. С. 57.

² Fürst J. Stalin's Last Generation ... P. 200–249. Ципурский Г. Указ. соч. С. 58.

³ Кимерлинг А. Платформа против калош, или Стиляги на улицах советского города // Теория моды. Fashion theory. М., 2007. Вып. 5. С. 81–100; Музалевская Ю.Е. Стиляги как феномен отечественной послевоенной моды // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2007. Т. 17. С. 122 – 127.

⁴ Рафикова С.А. Субкультура или подражательство? Стиляги сибирской провинции // Культурологический журнал. Электронное периодическое издание. 2010. № 2 С.3 URL: cr-journal.ru (дата обращения: 18.12.2019); Овчинникова С.Г. Стиляги на Урале // Время культуры в региональном пространстве. Курган, 2010. С. 140–147.

* В 1955 г. Л.В. Шапориной было 76 лет.

бые галстуки, капроновые носки. У них длинные волосы, зачесанные особым способом назад, образуя сзади торчащий пучок»¹. Негативно определяет «стиляг» в своем дневнике музыкант (баянист) А.Ф. Крылов (г. Северск, Томская обл.): «Вот наших вольношляющихся стиляг я с удовольствием бы склал за решетку»². Во многих дневниках горожан понятие «стиляга» коннотирует к неискренности и лживости. Л.А. Аннинский (16 лет, г. Москва) пишет: «Вообще во дворе у нас нет ... стиляг ... все в ребятах скромно, просто и начистоту».³ Москвичка Н.С. Покровская, описывая в дневнике свою дочь, также акцентирует внимание на данных характеристиках: «Такая она милая. Не намазана, не кривляка, не стиляга, без ужимок и прыжков. Она вся искренняя, непосредственная, доверчивая»⁴. Фиксация в дневниках данных характеристик, предписываемых стилягам, свидетельствует о воспроизведении горожанами риторики официального дискурса. Именно в «двуличности» и «лицемерии», попытках «стараться выглядеть», «присваивать» себе образ, обвинялись стиляги в текстах журналов и газет. Как рассуждал по поводу нарядов стиляг Л. Кассиль: «Дело не в длине пиджака, чрезмерной узости брючек или юбок или, наоборот, в необозримой широте клешей! Бог с ними... Дело не в фасонах. Но беда в том, что эдакий хлыщ или подобная модница старается выглядеть иностранцами на нашей улице. ... Хороший вкус – верный, правдивый вкус. Он призывает всякого быть самим собой, оставаться истинными и на словах и на деле»⁵.

В период проведения данной кампании к «стилягам» применялись меры общественного воздействия. Кампания проводилась под контролем комсомольских организаций. Типичной практикой было проведение комсомольских рейдов – «облав» на стиляг.⁶ Как отмечает Л.В. Шапорина: «Таких красавцев вели в штаб и тут же обстригали волосы»⁷, аналогичные меры применялись и в от-

---

¹ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 257.

² Крылов А.Ф. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/964>. Запись от 10 декабря 1956 г. (дата обращения: 10.12.2019).

³ Аннинский Л.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/2585> Запись от 19 мая 1951 г. (дата обращения: 10.12.2019)

⁴ Покровская Н.С. Указ. соч. Запись от 5 мая 1960 г.

⁵ Кассиль Л. Девушка со вкусом. // Работница. 1958. № 3. С. 25–26.

⁶ Ципурский Г. Указ. соч. С. 61; Шапорина Л.В. Указ. соч. Запись от 14 июня 1955 г.

⁷ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 258.

ношении девушек¹. «Стиляг» могли исключать из вузов. Р.Г. Назиров, являвшийся студентом Башкирского государственного педагогического института, пишет в своем дневнике: «Студентку из группы Нину Осинцеву исключили из института. Якобы за пропуски. Вздор! Никогда за пропуски не выгоняли с IV курса. Нина Осинцева — культурная, умная девушка. ... Говорили, что она стилига, часто ходит на танцы»².

Г. Ципурский отмечает, что в советском обществе отмечалось общее враждебное отношение к «стилягам»³. Приведенные выше цитаты позволяют заключить, что негативное отношение к «стилягам» фиксировалось в социуме, но анализ дневниковых записей горожан не дает оснований утверждать, что «враждебное отношение» было всеобщим. Горожане юного возраста описывали «стиляжничество» как культурную новацию, не коннотирующую к девиантным практикам. Так, например, москвичка Л. В. Барлас (14 лет.) отмечала: «Ещё немного о вкусах. Молодёжь сейчас очень любит джаз. Пользуются успехом иностранные картины, в которых танцуют рок-н-ролл или хотя бы чуть-чуть показывают негритянский джаз. Танцуют обычно танго и фокстрот, а также «трясучку». Вообще теперь не танцуют, а в обнимку топчутся не месте. Словечки в обиходе такие: «на высоком уровне», «факт», стилиг называют чувак и чувиха»⁴. Москвич Л.А. Аннинский (16 лет), лично знакомый со стилигами, пишет в своем дневнике: «Да, действительно, эти ребята несколько выделяются: они носят длинные волосы и ходят в галстуках. Парни они чудесные, просто уже почувствовали себя взрослыми. Можно, конечно, не одобрять их шляпы и туфли на толстой подошве, не принимать их отношений к женщине ... Их иногда называют «стилягами». Они и держатся чуть обособленно, но по натуре очень хорошие, добрые парни»⁵. Интерес представляют суждения историка С.С. Дмитриева по поводу «стиляг»: «Над стилигами принято у нас смеяться. Но следовало бы задуматься. Постепенно именно эти как бы и странные фигуры становят-

---

¹ Ципурский Г. Указ. соч. С. 61.

² Назиров Р.Г. Дневниковые записи // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/359>. Запись от 4 января 1957 г. (дата обращения: 10.12.2019).

³ Ципурский Г. Указ. соч. С. 62 – 63.

⁴ Барлас Л.В. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/1285>. Запись от 4 декабря 1958 г. (дата обращения: 16.12.2019).

⁵ Аннинский Л.А. Указ. соч. Запись от 10 ноября 1950 г. (дата обращения: 10.12.2019).

ся героями нашего времени. В них выражается (пусть крикливо, часто безвкусно и подражательно) желание обрести свой внешний облик, перестать быть людьми как все, стертыми людьми. Я думаю, что если бы Маяковский эпохи 1912-1917 гг. попал сейчас в нашу жизнь, он стал бы ярким стилиягой, и именно стилиягой. Да и что же такое желтая кофта Маяковского 1912-1914 гг., как не зеленый пиджак советского стилияги 1953-1957 гг.? Желтые кофты и треугольники на щеках футуристов были протестом против буржуазного, «стертого» общества. Зеленые пиджаки и яркие галстуки — протест против стертого стандарта советского общества строителей будущих идеальных общественных строев. Позитивная программа, ясная устремленность и у желтых кофт, и у зеленых пиджаков вполне не выработанные. Чего они хотят, это и самим им не ясно, Но чего они не хотят, против чего фрондируют, кого хотят эпатировать всем своим обликом — это они понимают, чувствуют всем нутром своим. ... И среди стилияг люди есть разные. И пойдут они разными путями»¹. Приведенные данные позволяют заключить, что в советском городском социуме было различное отношение к «стилиягам» и «стилияжничеству»: от враждебно нетерпимого до позитивно-философского. Сама же кампания, направленная на борьбу с вестернизированной молодежью, проводимая в 1950-е гг., характеризовалась достаточно «мягким» прохождением (в сравнении с политическими кампаниями «сталинского» периода).

Таким образом, предпринятый анализ девиантных поведенческих стратегий горожан позволяет прийти к выводу, что в послевоенном городском социуме были распространены различные девиации, связанные с нарушением норм трудовой дисциплины, проявляющиеся в спекулятивных практиках, хищениях и различных злоупотреблениях горожан, направленных на извлечение доходов.

В качестве факторов, способствующих распространению девиантных экономических стратегий в городской среде можно отметить: ухудшение экономической ситуации в стране в первые послевоенные годы, сохранение репрессивного трудового законодательства, проведение конфискационной денежной реформы. Фиксируемая в 1946–1947 гг. криминализация городского

---

¹ Из дневников С.С. Дмитриева. ... Отечественная история. 1999. № 4. С. 114.

социума во многом носила вынужденный характер, а нарушения горожанами законодательных норм зачастую являлись единственной альтернативой, реализуемой вследствие необходимости выживания граждан и обеспечения их семей. Также фактором, способствующим ухудшению криминальной ситуации в городах, являлась амнистия 1953 г.

В зависимости от специфики девиантных проявления можно выделить социальные группы, в которых они получили большее распространение. Попрошайничество и нищенство были более выражены в социально незащищенных группах (инвалиды, пожилые граждане, безнадзорные дети). Хищения и спекулятивные практики были в большей степени распространены в среде работников торговли, общественного питания, карточных бюро, хотя случайные (эпизодические) проявления данных девиаций были распространены в широких слоях городского социума в первые послевоенные годы. Взятничество и практики самообеспечения за счет предприятий были более распространены в группе руководящих работников предприятий, учреждений и организаций. Кражи получают более широкое распространение в среде молодых людей (до 30 лет), а также среди несовершеннолетних (14–18 лет). Преступления несовершеннолетних по отношению к преступлениям, совершенным взрослыми, составили в 1955 г. 6,7 %, а в 1956 г. – 5,2 %¹. Нарушения трудовой дисциплины (прогулы, опоздания, самовольный уход с предприятий) были более выражены среди рабочих, мобилизованных по оргнабору, эвакуированных с предприятиями, учащихся школ ФЗО. Данные нарушения были более распространены среди молодых людей (до 30 лет). Важно отметить, что на выбор девиантной экономической стратегии влияли: социальный статус (профессиональный, семейный) и материальное положение горожан.

В качестве общей тенденции проявления девиантных экономических стратегий горожан можно отметить их снижение, фиксируемое в рамках периода 1946–1956 гг. Стабилизация экономической ситуации в 1950-е гг. способствовала уменьшению криминальных проявлений в городской среде. Горожане, не ориентированные на осознанное нарушение закона, реже прибегали к деви-

---

¹ Пионтковский А.А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с ней // Советское государство и право. 1959. № 3. С. 88.

антным стратегиям (спекулятивным практикам, хищениям и пр.), мотивированным необходимостью выживания или страхом потери денежных средств. Хотя различные практики обеспечения горожан за счет предприятий, организаций и пр. сохраняются в городской среде. Как правило, девиантные стратегии реализовывались через систему личных связей горожан. Сама по себе система личных контактов («блата»), посредством обращения к которой горожане решали вопросы трудоустройства, материального обеспечения семей, жилищные проблемы и пр., являлась для советского городского социума частью адаптивной системы, позволяющей преодолевать товарный дефицит и другие сложности советской экономической модели, но именно система «блата» явилась основой для реализации различных криминальных практик горожан – хищений товаров с предприятий и сбыта похищенного и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что экономические стратегии городского населения РСФСР, реализованные в период 1946–1956 гг., были детерминированы комплексом факторов различного генезиса, содержательно разнящихся между собой: мероприятиями государственного экономического и политико-правового регулирования, стандартами труда и потребления, презентуемыми на страницах печатных СМИ, стереотипами и механизмами адаптации, действующими в среде городского социума и пр.

Магистральные линии формирования экономических стратегий горожан (правовые, идеологические), определяющие границы допустимых и аномальных поведенческих моделей граждан и отражающие специфику государственных задач, исходили из политической сферы. В период второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг. целеполагание и инструментарий государственного регулирования экономических стратегий горожан менялись в зависимости от специфики и содержания реализуемых экономических моделей развития государства.

Мобилизационная экономическая модель, действовавшая в военный период и сохранившаяся в послевоенные годы, представляла собой систему административно-правового и политико-экономического регулирования, целью которого являлось восстановление и интенсификация производства, которые должны были быть достигнуты в условиях ограниченного объема экономических ресурсов. Реализация данных задач находила отражение в практиках государственного регулирования экономических стратегий горожан (с опорой на принципы главного звена, идеократизма и сознательности), осуществляемых как путем конкретных правительственных мероприятий, так и путем актуализации в политической риторике и СМИ специфических лексем, призванных сформировать у граждан представления о «должных», «правильных» и девиантных экономических стратегиях.

Основные направления государственного регулирования определялись необходимостью решения кадровой проблемы (дефицита рабочих рук и текуче-

сти кадров), интенсификацией труда. Хотя проблемы дефицита кадров существовала на большинстве городских предприятий РСФСР, более интенсивные мероприятия по ее преодолению, были реализованы в отечественной индустрии (вследствие приоритетности промышленных отраслей для достижения задач мобилизационной экономической модели). Для решения кадровых проблем в промышленности применялись различные инструменты: трудовая мобилизация населения (реализуемая посредством оргнабора и учебных заведений системы трудовых резервов), правовой контроль трудовой дисциплины и ужесточение санкций за ее нарушение, различные формы льготного обеспечения работников, ориентированные на «закрепление кадров», сокращение штатов на непромышленных предприятиях и в учреждениях городской инфраструктуры и пр. Ресурсами для пополнения индустриальных кадров являлись: сельские жители, демобилизованные солдаты, работоспособные иждивенцы, самозанятые горожане, сотрудники непромышленных отраслей экономики (служащие, административный и подсобный персонал и пр.). Реализация принципа главного звена, являющегося одним из приоритетных инструментов послевоенного социального регулирования, проявлялась в более высокой интенсивности применения на предприятиях приоритетных отраслей индустрии как позитивных (льготы), так и негативных (санкции) методов решения кадровых проблем. Аналогичная приоритетность фиксировалась в реализации политики, направленной на повышение производительности труда горожан. Максимальная выраженность мероприятий позитивного стимулирования труда граждан, посредством усиления их материальной заинтересованности (денежные премии за перевыполнение планов, экономию ресурсов, победу в социалистических соревнованиях, материальные поощрения, льготы и пр.), и практик негативного стимулирования (повышения норм выработки рабочих) фиксировалась на промышленных предприятиях. Интенсивность стимулирования трудовой активности работников индустрии была дифференцирована в отраслевом и профессиональном разрезе.

Еще одним направлением государственного регулирования экономических стратегий населения являлась сфера доходов и потребления. Уровень потребления, как и оплата труда горожан, были существенным образом диффе-

ренцированы в зависимости от значимости их труда для достижения задач, решаемых в рамках мобилизационной экономической модели. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. более выраженные льготы по продовольственному снабжению, обеспечению жильем, а также оплате труда горожан фиксировались в приоритетных отраслях индустрии, науке, культуре, а также предоставлялись лицам, занимающим руководящие должности. Важным аспектом политики доходов, реализуемой в рамках мобилизационной экономической модели, являлась ее направленность на повышение производительности труда горожан. Поэтому приоритетным направлением данной политики являлось широкое использование различных стимулирующих и премиальных выплат, в то время как компенсирующие доплаты (низкооплачиваемым и социально незащищенным категориям горожан) повышались незначительно, а увеличение окладов было более выражено в отношении ограниченных (территориальных, профессиональных) групп городского социума. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. методы материального стимулирования применялись в качестве инструмента регулирования экономических стратегий горожан, но в соответствии с задачами, решаемыми в рамках мобилизационной экономической модели, а также вследствие общей ограниченности материальных ресурсов в стране, их применение носило направленный и избирательный характер (касаясь отдельных категорий горожан, либо реализуясь в форме премиальных выплат и пр.), в свою очередь, неэкономические методы социального регулирования применялись в отношении более широких слоев городского социума.

Важным направлением государственного регулирования, повлиявшим на корректировку экономических стратегий горожан, становится укрепление защиты социалистической собственности и усиление контроля над каналами распределения ресурсов. В борьбе с экономическими девиациями, распространенными в городской среде (хищения, спекуляция и пр.), преимущественным направлением было усиление репрессий в отношении преступников. Вследствие предпринятого в 1946–1947 гг. ужесточения санкции за экономические преступления значительно возросло количество горожан, осужденных по данным статьям, также была расширена практика применения полной или частичной

конфискации имущества лиц, совершивших данные преступления. В социальном разрезе «острие» данной кампании было направлено на представителей количественно более выраженных групп трудящихся горожан – рабочих, служащих, (в большей степени пострадавших от ужесточения уголовных санкций), в то время как в верхах советского социума кампания характеризовалась достаточно «мягким» прохождением. Выявление означенной тенденции позволяет прийти к выводу, что задача смены советской политической элиты не ставилась в рамках мобилизационной экономической модели.

В послевоенный период правительство пошло по пути вытеснения «частника», создавая для самозанятых категорий граждан более неблагоприятные налоговые условия и повышая тарифы на коммунально-бытовые услуги, а в 1948 г. был расширен перечень запрещенных промыслов. Сокращение сектора самозанятых не способствовало решению проблемы товарного дефицита, но отвечало мобилизационным задачам, содействуя увеличению численности граждан, занятых в общественном секторе экономики.

В годы послевоенного десятилетия жилищная проблема остро стояла в большинстве городов РСФСР. Жилищная политика, проводимая советским государством в послевоенный период, соответствовала общей векторности социально-экономического регулирования данных лет. Качество жилья, как и право собственности на него было в значительной степени дифференцировано. Пропорционально росту квалификации и профессиональной значимости работника, его роли, определяемой системой координат государственных интересов, увеличивались размеры доступного горожанам жилья, расширялись права собственности граждан в отношении него.

Предпринятая в рамках мобилизационной экономической модели политика в отношении личного имущества граждан отличалась противоречивостью. С одной стороны, были приняты меры, направленные на укрепление личных имущественных прав граждан: расширены права наследования, декриминализована практика продажи личных вещей, усилена законодательная защита личного имущества, приняты нормативные документы, направленные на стимуляцию индивидуального жилищного строительства. С другой стороны, с

1949 г. приобретение жилья в собственность было осложнено, а применительно к имуществу граждан, совершивших преступления, действовали конфискационные санкции (расширенные в 1947 г.). В целом, политика в отношении личного имущества граждан являлась отражением дифференциации советского городского социума, специфика которой определялась с одной стороны, важностью и нужностью отдельных категорий населения для реализации задач мобилизационной экономической модели, с другой стороны, усилением маргинализации девиантных социальных групп.

В политической риторике второй половины 1940-х гг. были актуализированы такие мобилизационные категории как: *долг, жертва, экономия* (характеризующиеся наибольшей востребованностью в 1946–1948 гг.) – призванные обосновать необходимость и важность труда каждого для благополучия Родины, ориентирующие население на консолидацию и интенсификацию трудовой деятельности, самоотверженное выполнение и перевыполнение трудовых норм и плановых заданий, а также осознанную минимизацию их потребительских стремлений. Задача повышения материального благосостояния горожан артикулировалась в политическом дискурсе периода, но обращение к ней имело определенную специфику. Перспектива роста материального благосостояния граждан определялась популистским сочетанием *зажиточно и культурно* (сохранившимся в послевоенном советском политико-экономическом дискурсе с 1930-х гг.). В то же время в риторике власти утверждался тезис о тесной зависимости благосостояния населения от уровня благополучия страны, и приоритетности последнего в контексте экономического развития государства. Поэтому в первые послевоенные годы обращение к проблематике повышение уровня жизни горожан, как правило, звучало в контексте будущего времени, откладываясь до восстановления «экономической мощи и богатства Родины».

В послевоенный период в практиках государственного регулирования экономических стратегий населения использование методов мобилизационности характеризовалось неравноценной востребованностью. Максимальная интенсивность обращения к ним фиксировалась в первые годы четвертой пятилетки (1946–1948 гг.). В политической риторике были наиболее востребованы мобили-

зационные лексем, в практиках социально-экономического регулирования пре-валировали мобилизационные методы внеэкономического характера (повыше-ние норм выработки и снижение сдельных расценок в промышленности, сокра-щение граждан, находящихся на карточном обеспечении, повышение цен и пр.), были ужесточены санкции в отношении нарушителей трудовой дисциплины и граждан, совершивших экономические преступления, расширение сферы приме-нения практики конфискации имущества. Объемы материальной поддержки го-рожан были значительно дифференцированы с учетом профессионального и со-циального статуса представителей городского социума. В соответствии с госу-дарственной задачей повышения производительности труда горожан, более вы-раженные материальные выплаты и льготы осуществлялись в форме премий.

Реализованные в послевоенный период мобилизационные практики регу-лирования экономических стратегий городского населения РСФСР, позволили государству достичь положительных экономических результатов: к 1948 г. на предприятиях приоритетных отраслей индустрии была решена проблема кадро-вого дефицита, повышена производительности труда, в ряде отраслей промыш-ленности был достигнут довоенный уровень производства.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. вследствие достижения определенных задач восстановительного периода, а также наличия существенных издержек в системе трудовой мобилизации и низкой эффективности репрессивных мер контроля трудовой дисциплины, фиксируется снижение мобилизационного ре-жима в практиках государственного регулирования экономических стратегий горожан. В политической риторике фиксируется снижение востребованности мобилизационных лексем, а также смягчение их коннотаций, актуализируются категории, ориентирующих население на расширение потребностей и повыше-ние уровня личного потребления. В начале 1950-х гг. удовлетворение растущих материальных потребностей граждан начинает трактоваться в качестве важ-нейшей задачи социалистического государства. Ослабление мобилизационного режима проявилось в частичном отказе от административных и внеэкономиче-ских методов социального регулирования: смягчении санкций в отношении на-рушителей трудовой дисциплины, снижении планов оргнабора, сокращении ко-

личества специальностей и учащихся системы трудовых резервов, снижении интенсивности кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности, спекуляцией, «частником» и пр. Проводимые в конце 1940-х–начале 1950-х гг. ценовые снижения повысили уровень материального потребления и покупательную способность горожан.

В то же время наряду со снижением интенсивности обращения власти к внеэкономическим методам социального регулирования в конце 1940-х–начале 1950-х гг. происходит и ослабление практик материального стимулирования трудовой активности горожан. Были сокращены выплаты гражданам, вербуемым на предприятия через систему оргнабора, значительно снижены объемы премиальных выплат за перевыполнение плановых заданий и победу в социалистическом соревновании. Также вследствие снижения остроты проблемы закрепления кадров на предприятиях были сокращены объемы жилищного строительства предприятиями индивидуальных жилых домов для их последующей продажи сотрудникам, ужесточены условия предоставления кредита на покупку жилья. Несмотря на некоторое снижение режима мобилизованности, произошедшее в конце 1940-х гг., мобилизационные методы в регулировании экономических стратегий горожан фиксировались и в начале 1950-х гг. (сохраняется система трудовой мобилизации граждан, а также законодательные санкции за прогулы и самовольный уход трудящихся с предприятий).

Последовательный и радикальный отказ от мобилизационных методов регулирования экономических стратегий горожан, а также общее изменение акцентов в социальной политике происходит после 1953 г. В первой половине 1950-х гг. мобилизационная экономическая модель последовательно заменяется более социально ориентированной моделью экономического развития, в рамках которой акцентированное внимание было уделено росту благосостояния горожан. Были амнистированы граждане, осужденные за трудовые нарушения и экономические преступления, снижены сроки уголовного наказания за совершенные впервые мелкие хищения государственного или общественного имущества, прекращено действие законодательных норм, запрещавшие самовольный уход сотрудников с предприятий, отменена мобилизация молодежи в ремесленные и

железнодорожные училища, сокращено количество отраслей, рекрутирующих работников через систему оргнабора. Существенные изменения произошли в сфере регулирования материального потребления и оплаты труда горожан. В 1957 г. были отменены добровольные по форме, но принудительные по содержанию займы у населения. Правительство отказалось от регулярных ценовых снижений, как от метода повышения товарооборота и косвенного стимула производительности труда граждан, расширив объемы производства товаров повседневного спроса, ассортимент продовольственных товаров и услуг, а также повысив темпы строительства индивидуального жилья для горожан. Дифференцированная политика оплаты труда городского населения (характерная для мобилизационной экономической модели), сменяется курсом на повышение материального благосостояния *всего* населения и нивелирование существующего разрыва в объемах доходов горожан, путем повышения денежных доходов низкооплачиваемых групп сотрудников. В общем объеме доходов граждан была снижена доля премиальных выплат, повышен объем окладов и компенсирующих доплат.

Конструирование экономических стратегий горожан в период 1946–1956 гг. осуществлялось и посредством информационного воздействия, реализуемого через тексты и визуальные образы, представленные на страницах печатных СМИ. Презентуемая на страницах отечественных печатных периодических изданий модель «правильной» трудовой деятельности городского населения, включала в себя мотивацию, трудовые практики, вознаграждение труда. Основой «правильной» мотивации труда являлось ответственное понимание необходимости выполнении данной деятельности для государства, народа и пр., в то время как личные материальные интересы выносились за скобки одобряемых целей труда горожан. «Правильный» труд характеризовался выполнением (перевыполнением) норм и обязательств, высокоскоростной интенсивностью и колоссальной производительностью. Достижение трудовых результатов осуществлялось по средствам максимального физического и духовного напряжения человека, граничащего с самоотречением, апогеем которого был трудовой подвиг. Труд составляя саму суть человеческой жизни, являясь областью профессио-

нальной реализации, личностного роста и источником радости и счастья (составляющими вознаграждение труда). Посредством трудовых практик устанавливалась взаимосвязь советского человека с коллективом, фиксируемая на практическом уровне – в процессе совместного труда, и на уровне глобальном – как вклад каждого в общее дело.

Лексические формы, посредством которых на страницах печатных СМИ демонстрировались одобряемые и «должные» трудовые практики граждан, не были идентичны по своей природе. Часть категорий являлась проекцией политического дискурса, ориентирующего граждан на выполнение конкретных экономических задач, другая часть лексем являлась проявлением соцреалистического канона, в рамках которого проблематика труда романтизировалась и героизировалась. Различные сектора модели «правильной» трудовой деятельности горожан (мотивация, трудовые практики, вознаграждение труда), были не в равной степени актуализированы на страницах прессы центрального, областного, городского и заводского уровня.

Сущностное содержание эталонной трудовой стратегии горожан, реконструируемой на страницах советских СМИ, сохраняется на протяжении всего исследуемого периода, но предпринятый количественный и качественный анализ материалов позволил зафиксировать изменения востребованности и специфики употребления отдельных лексем, свидетельствуя о динамике интенсивности риторики трудовой мобилизации. В рамках периода 1946–1956 гг. можно выделить три модели имплицитной риторики трудовой мобилизации городского населения РСФСР, презентуемых на страницах газет и журналов. Модель *труда-подвига* была актуализирована в советском информационном дискурсе второй половины 1940-х гг., характеризуясь выраженной милитаризированной лексикой в определении трудовых практик горожан, определением мотивации трудовой деятельности посредством категории *долг* и *на благо Родины*. В описании трудовой деятельности преобладали категории экстремума, предполагающие высокий градус физического и морального напряжения и преодоление трудностей в процессе труда. Значительной востребованностью отличались идеологемы политико-экономического дискурса, определяющие конкретные

результаты и формы организации труда, а также лексемы, свидетельствующие о выполнении и перевыполнении трудящимися планов и норм. Обращение к тематике заработной платы не было количественно выраженным, значительно уступая сюжетам, посвященным различным формам награждения и премирования горожан за трудовые заслуги, что усиливало тезис о зависимости доходов горожан от интенсивности их труда и государственного участия. Начало 1950-х гг. характеризуется «включением» второй модели мобилизационной пропагандистской риторики – *труда-вознаграждения*. В русле данной модели в качестве артикулируемой трудовой мотивации горожан на страницах СМИ повышается частотность употребления форм: *на благо народа, для строительства коммунизма*, которые, характеризуясь не столь выраженной мобилизационной направленностью. Снижается интенсивность обращения к милитаризированной лексике и категориям экстремума в контексте сюжетов трудовой тематики. Повышается количество употребления таких коннотаций труда, как *счастье, веселье, радость*. Экспрессивно-эмоциональная насыщенность текстов, посвященных трудовой деятельности, сохраняется, но достигается не путем актуализации трудовых подвигов, а презентации экзальта трудового счастья. На страницах СМИ возрастает число обращений к проблематике материального благосостояния горожан, роста их заработной платы. В целом мобилизационная модель *труда-вознаграждения* характеризовалась смягчением форм мобилизационной риторики предшествующего периода: отходом от императивов самоотверженного труда, более выраженным акцентом на личные позитивные результаты трудовой деятельности.

Модели *труда-подвига* и *труда-вознаграждения* по сути, являлись модулями единой концептуальной формы. Концепция трудовой мобилизации населения, презентуемая в СМИ позднего «сталинского» периода, определялась рядом признаков. Во-первых, высоким уровнем востребованности лексических категорий, отличающихся выраженной экспрессивностью и эмоциональностью в писании трудовых практик. Во-вторых, количественным превалированием отчетов о трудовых достижениях над планами трудовой активности горожан. В-третьих, активными «участниками» дискурса советских СМИ 1946–1953 гг.

являлись сами граждане. Тексты обращений, выступлений на митингах и собраниях, интервью с передовиками, социалистических обязательств, заявлений и призывов трудящихся регулярно публиковались на страницах газет центрального, регионального и заводского уровней. В результате «воспроизведения» гражданами мобилизационных лексических категорий экономические задачи послевоенного развития страны, предприятия, города, презентовались как личные задачи граждан, наполняясь смыслом их «кровных интересов». В русле моделей *труда-подвига* и *труда вознаграждения* последовательно «включались» лексемы, отражающие выраженную осознанную и вовлеченность горожан в социалистическое строительство, отличающиеся высоким уровнем экспрессивности и эмоциональности в описании трудовых практик. Смена моделей была детерминирована динамикой проходящих в стране модернизационных процессов, успехами в достижении задач послевоенного восстановления страны, векторностью социально-экономического регулирования, а также запросами российского городского социума на повышение уровня и качества жизни.

Третью модель имплицитной пропагандистской риторики, оформившуюся в СМИ в период с 1953 г. по 1956 г. условно можно обозначить как модель *трудовой демобилизации*. В периодической печати сокращается количество сюжетов трудовой тематики. Происходит редуцирование мобилизационной риторики, проявляющееся в снижении уровня эмоциональности и экстремальности в описании трудовых практик граждан. Тексты газет центрального, областного, городского и заводского уровня, посвященные труду горожан, приобретают более информационный характер, утрачивая динамику, стилистическую выразительность, создаваемую конструируемыми образами массового трудового подъема, акцентированной героикой трудовых подвигов и экзальтацией трудового счастья. Снижается количество сообщений о выполнении трудящимися планов, норм, обязательств, идеологемы *социалистическое соревнование*, *производительность труда* все чаще упоминаются в значении перспектив дальнейшего развития, либо в теоретическом контексте. Значительно сокращается число помещенных на страницах СМИ текстов выступлений трудящихся, интервью, социалистических обязательств, принятых трудовым коллективами. В

результате трудовые задачи развития страны и предприятий не наполнялись смыслом «кровных интересов» граждан, читаясь как внешние по отношению к жизнедеятельностным стратегиям горожан. По сравнению с изданиями второй половины 1940-х гг. газеты середины 1950-х гг. становятся скорее информационно-развлекательными, нежели мобилизующими население на трудовые подвиги.

В целом, фиксируемая трансформация пропагандистской риторики печатных СМИ 1946–1956 гг. коррелировала с результатами послевоенного восстановления страны и динамикой модернизационных процессов, а также с произошедшим в 1950-е гг. изменением политической конъюнктуры.

Трудовые и экономические нарушения, маркируемые на страницах отечественных печатных СМИ как практики, неприемлемые для советского человека, имели различные проявления (хищения, приписки, коррупция, мошенничество, нежелание трудиться и пр.), а их критика могли иметь различные формы, раскрывая проблему в серьезном, назидательном ключе, либо в сатирическом контексте. Анализ сатирических текстов и карикатур 1946–1956 гг. позволил выявить, количественное превалирование сюжетов, посвященных девиациям горожан, фиксируемым в системе *человек–государство*, нежели нарушениям в сфере *человек–человек*. Большей критике подвергались трудовые нарушения, допущенные руководителями предприятий и организаций, а не простыми трудящимися. Некоторые девиации (взятничество, очковтирательство), были в основном представлены обезличенными сатирическими зарисовками, что позволяло обозначить аномальные деятельностные практики, не ставя под сомнение авторитет реальных управленцев. В рамках послевоенного десятилетия усиление внимания к девиантным практикам горожан было политически детерминировано, возрастая в годы кампаний второй половины 1940-х гг., а также в период 1953–1956 гг. что было обусловлено демократическими процессами, проходящими в советской стране.

Содержание стандарта потребления, конструируемого в отечественном информационном дискурсе послевоенного десятилетия, не было константным. Применительно ко второй половине 1940-х гг. достаточно сложно говорить о

едином потребительском стандарте в силу высокого уровня социальной дифференциации советского социума. Анализ текстов и визуальных сюжетов послевоенного дискурса позволил выделить две модели потребления. Модель *будущего благосостояния*, ориентированная на «массового потребителя», презентовалась в текстах и рекламных сюжетах газет. Артикулируемый в русле данной модели стандарт потребления, был достаточно низким, отражая реалии послевоенного социально-экономического развития страны. (В масштабах РСФСР более высокие стандарты потребления, а также уровень развития сферы услуг фиксировались в Москве, Ленинграде, а также в Урало-Сибирском регионе). Вторая модель *элитарного потребления* (в русле которой сохранялись элементы концепции «культурности» второй половины 1930-х гг.), была ориентирована на привилегированные слои советского городского социума, транслируя посредством модных изданий, журнального рекламного дискурса достаточно высокий стандарт потребления. В отличие от стандартов материального потребления девиантные потребительские стратегии, стигматизируемые на страницах СМИ второй половины 1940-х гг., не имели дифференцированной направленности на различные слои советского социума. В ряду критикуемых стратегий потребления горожан фигурировали: стремление к приобретению дефицитных товаров посредством «блата», мещанство, излишняя увлеченность собственным внешним модным имиджем в ущерб личностному и профессиональному развитию и пр. Концептуальную модель потребления, транслируемую в советском информационном пространстве первой половины 1950-х гг., можно обозначить как модель *осуществленного благосостояния*. В рамках данной модели на страницах газет и журналов популяризировались и презентовались в позитивном свете потребительские практики граждан. В отличие предшествующей, данная модель потребления не имела дифференцированной социальной адресности, презентуя стандарты, ориентированные на массового потребителя. В информационном континууме 1950-х гг., сохранилась критика девиаций, стигматизируемых в отечественном дискурсе 1940-х гг.: мещанства, блата, «стиляжничества».

В целом, содержание и специфика декларируемых концептуальных моделей потребления были детерминированы динамикой экономического развития страны и спецификой проводимой социальной политики.

Экономические стратегии, посредством которых представители городского социума «обживали» послевоенные реалии, рассматривались в контексте трех моделей (перфекционистской, адаптивной и девиантной), в рамках каждой из которых можно выделить определенную динамику, фиксируемую в границах периода.

Перфекционистская модель экономических стратегий, проявляющаяся в практиках интенсивного труда, перевыполнении трудовых обязательств, стахановских достижениях и пр. была более выраженной в молодежной среде. В хронологическом разрезе о большей выраженности перфекционистских деятельностных стратегий в городском социуме можно говорить применительно ко второй половине 1940-х гг. В 1950-е гг. происходит затухание трудового энтузиазма горожан. Данная тенденция не только ощущалась современниками периода, но и нашла свое отражение в усилении формализма в проведении социалистических соревнований, снижении их интенсивности, в псевдо новаторстве трудовых починов и пр. Причины произошедшего определялись: усталостью мобилизованного населения; изменениями системы оплаты труда горожан – сокращением доли премиальных выплат в заработной плате, увеличением роли фиксированного оклада; снижением интенсивности риторики трудовой мобилизации населения на страницах СМИ 1950-х гг.

Адаптивная модель экономических стратегий горожан, включала в себя различные практики, направленные на преодоление критических реалий послевоенной повседневности. В ряду адаптивных стратегий можно выделить несколько групп: «экстремальные» стратегии – актуализируемые в кризисные периоды; «активные» стратегии – реализуемые в деятельностных практиках, направленных на улучшение своего экономического статуса, повышение доходов и заработной платы; «нормализованные» стратегии – проявляющиеся в экономических практиках, являющихся нормой светской повседневности в рамках исследуемого периода. Выбор формы адаптивной стратегии, а также конкрет-

ный набор практик определялся жизненной позицией индивида, семейным статусом, наличием ресурсов, находящихся в его распоряжении (объемом доходов и сбережений, наличием ЛПХ и пр.). Социально-экономические мероприятия правительства, проведенные в 1946–1947 гг. актуализировали проявление «экстремальных» и «активных» форм адаптивных экономических стратегий в среде горожан. Более выраженными «экстремальные» стратегии были в группах многосемейных, низкооплачиваемых категорий горожан, а также граждан, не имеющих ЛПХ и жителей небольших городских поселений. В той или иной степени «экстремальные» стратегии были востребованы большинством горожан в период 1946–1948 гг. В качестве общей тенденции динамики адаптивных стратегий городского населения в период послевоенного десятилетия, можно отметить: улучшение рациона питания, повышение расходов на общественное питание и покупку непродовольственных товаров, увеличение объема сбережений. Произошедшее в 1950-е гг. повышение уровня жизни горожан приводит к положительной корректировке реализуемых ими адаптивных экономических стратегий, но наличие проблем товарного дефицита способствовало сохранению в городском социуме практик стояния в очередях, использования каналов «блата» для приобретения товаров и получения услуг.

Девиянтная модель экономических стратегий горожан включала в себя такие практики как: нарушение норм трудовой дисциплины, спекуляцию, хищения и злоупотребления, направленные на извлечение доходов и пр. В качестве факторов, способствующих распространению девиантных экономических стратегий в городской среде можно отметить: ухудшение экономической ситуации в стране в первые послевоенные годы, сохранение репрессивного трудового законодательства, проведение денежной реформы, амнистию 1953 г. Фиксируемая в 1946–1947 гг. криминализация городского социума во многом носила вынужденный характер, а нарушения горожанами законодательных норм зачастую являлись единственной альтернативой, реализуемой вследствие необходимости выживания граждан и обеспечения их семей. На выбор девиантной экономической стратегии влияли: социальный статус (профессиональный, семейный) и материальное положение горожан. В зависимости от специ-

фики девиантных проявления можно выделить социальные группы, в которых они получили большее распространение. Попрошайничество и нищенство были более выражены в социально незащищенных группах (инвалиды, пожилые граждане, безнадзорные дети). Хищения и спекулятивные практики были в большей степени распространены в среде работников торговли, общественного питания, карточных бюро, хотя случайные (эпизодические) проявления данных девиаций фиксировались в широких слоях городского социума в первые послевоенные годы. Взятничество и практики самообеспечения за счет предприятий были более выражены в группе руководящих работников предприятий, учреждений и организаций. Кражи получают более широкое распространение в среде молодых людей (до 30 лет), а также среди несовершеннолетних (14–18 лет). Нарушения трудовой дисциплины (прогулы, опоздания, самовольный уход с предприятий) были более выражены среди рабочих, мобилизованных по оргнабору, эвакуированных с предприятиями, учащихся школ ФЗО. Данные нарушения были более распространены среди молодых людей. В качестве общей тенденции динамики девиантных экономических стратегий горожан можно отметить их снижение, фиксируемое в рамках периода 1946–1956 гг.

Таким образом, социально-экономические мероприятия проводимые правительством в первые послевоенные годы, в большей степени были ориентированы на достижение задач индустриального развития страны, нежели на улучшение жизни граждан. Корректировка экономических стратегий горожан была направлена на повышение их трудовой активности, пресечение девиантных экономических проявлений. Помимо этого население являлось ресурсом государственной «экономии» (реализуемой путем сокращения контингента, находящегося на карточном снабжении, проведения денежной реформы, повышения цен и тарифов) и источником пополнения государственных доходов, осуществляемого путем внутренних займов. Означенная стратегия государственного социально-экономического регулирования поддерживалась СМИ, призванными формировать пространство «правильных» деятельностных стратегий граждан. Ответом горожан на внешний импульс стали различные модели экономических практик, выбор которых был обусловлен профессиональным семейным и эко-

номическим статусом. Актуализация перфекционистской деятельностной стратегии была более характерна для молодого поколения, различные формы адаптивных практик были распространены в широких кругах городского социума, выбор частью горожан девиантных экономических стратегий (осознанный и спонтанный) был детерминирован как репрессивной спецификой действующих законодательных норм, так и низким уровнем жизни населения. Фиксируемые на протяжении послевоенного десятилетия процессы постепенного ослабления мобилизационных методов социально-экономического регулирования и интенсивности пропагандистской риторики СМИ, а также повышение уровня жизни горожан, способствовали снижению выраженности проявлений перфекционистской, девиантной поведенческой моделей и экстремальных адаптивных практик в городской среде, привели к положительной корректировке нормализованных адаптивных стратегий горожан. Это позволяет утверждать, что экономические стратегии горожан в первое послевоенное десятилетие были в значительной степени детерминированы импульсами политико-идеологического, экономического и правового характера, но формы их реализации не всегда соответствовало властным императивам, осуществляясь посредством широкого спектра устоявшихся и актуализированных адаптивных практик, находящихся как в правовом поле, так и за его пределами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

1. **Ф. А-472** : Управление государственных трудовых сберегательных касс и Государственного кредита РСФСР Государственного банка СССР:
Оп. 1. Д. 563.
2. **Ф. Р-5446** : Совет Министров СССР (1923–1991 гг.):
Оп. 1. Д. 273, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 319, 320, 324, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 335, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 357, 359, 361, 362, 363, 364, 365, 369, 374
Оп. 49. Д. 3741.
Оп. 50. Т. 2. Д. 3754.
Оп. 51. Д. 2597.
Оп. 54. Д. 88.
Оп. 80. Д. 3188.
Оп. 82. Д. 181.
Оп. 86а. Д. 8073
3. **Ф. Р-5451** : Всесоюзный Центральный Совет профессиональных союзов (ВЦСПС):
Оп. 24. Д. 779.
Оп. 31. Д. 241.
4. **Ф. Р-7523** : Верховный Совет СССР (1937–1989 гг.):
Оп. 57. Д. 348.
Оп. 89. Д. 4408.
5. **Ф. 7676** : Центральный комитет профсоюзов рабочих машиностроения:
Оп. 6. Д. 842.
6. **Ф. Р-8131** : Прокуратура СССР (1924–1991 гг.):
Оп. 29. Д. 207..
Оп. 32. Д. 1738.
Оп. 37. Д. 2322, 3147, 3747, 3758, 3752. 4217
7. **Ф. Р-8300** : Министерство Государственного контроля СССР (1940–1957 гг.)
Оп. 11. Д. 220.
8. **Ф. Р-9401** : Министерство Внутренних дел СССР (МВД СССР) (1934–1960 гг.):
Оп. 2. Д. 139, 171, 199, 234, 497.
9. **Ф. Р-9415** : Главное Управление милиции Министерства Внутрен-

них дел СССР

Оп. 3. Д. 213, 828, 1073, 1431

Оп. 5. Д. 95, 98,

10. **Ф. Р-9507** : Учреждение по руководству профессионально-техническим образованием в СССР (1940–1988 гг.).

Оп. 2. Д. 88, 248, 418, 420, 828, 835, 842, 852, 863.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО):

11. **Ф. Р-88** : Исполнительный комитет Свердловского областного Совета депутатов трудящихся 1920–1975 гг.:

Оп. 1. Д. 227, 5536, 5538, 5664, 5694, 5840, 5847, 5848, 5850, 6409, 6607, 6608, 6761, 7107, 7108, 7121, 7319, 7567, 7685, 7686.

12. **Ф. Р-262** : Производственное объединение «Уралмаш» Министерства промышленности:

Оп. 2. Д. 79.

13. **Ф. Р-1813** : Статистическое управление Свердловской области центрального статистического управления при Совете Министров СССР 1934–1975 гг.:

Оп. 1. Д. 227, 228. Т. I., 228. Т. II., 255, 1248, 1282.

Оп. 9. Д. 8.

Оп. 14. Д. 2, 254, 268

14. **Ф. Р-1814** : Главное управление металлургической промышленности Урала Главуралмет Министерства черной металлургии СССР г. Свердловск:

Оп. 1. Д. 327.

15. **Ф. Р-1930** : Открытое акционерное общество Турбомоторный завод:

Оп. 1. Д. 131.

16. **Ф. Р-2028** : Уральский ордена Трудового Красного Знамени, ордена Ленина завод химического машиностроения им. 50-летия СССР Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР

Оп. 1. Д. 535.

17. **Ф. Р-2259** : Свердловская областная прокуратура Прокуратуры СССР:

Оп. 1. Д. 272, 294.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА-ЧО):

18. **Ф. П-288** : Челябинский областной комитет КПСС; г. Челябинск Челябинской области (1934–1962, 1964–1991):

Оп. 10. Д. 135, 157, 217.

Оп. 11. Д. 191, 192.

Оп. 16. Д. 192.

19. **Ф. П-92** : Челябинский городской комитет КПСС; г. Челябинск Челябинской области (1930–1991):
Оп. 6. Д. 10.

Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ)

20. **Ф. 105** : Пермский обком КПСС, г. Пермь, Пермская (Молотовская) область:
Оп. 6. Д. 133.
Оп. 12. Д. 424.
Оп. 13. Д. 181.
Оп. 14. Д. 136, 137, 510, 516.
Оп. 16. Д. 217.
Оп. 17. Д. 193.
Оп. 23. Д. 115.
21. **Ф. 1845** : Соликамский горком КПСС, г. Соликамск, Пермская (Молотовская) область:
Оп. 7. Д. 242.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

22. **Ф. 5** : Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.)
Оп. 30. Д. 135, 186, 187

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

23. **Ф. 17** : Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991 гг.):
Оп. 3. Д. 1061, 1062.
Оп. 88. Д. 651, 805, 900, 901.
Оп. 116. Д. 296.
Оп. 117. Д. 635, 896.
Оп. 121. Д. 524.
Оп. 122. Д. 145, 118, 188, 289, 306.
Оп. 125. Д. 425.
Оп. 132. Д. 114.
24. **Ф. 82** : Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986):
Оп. 2. Д. 890.
25. **Ф. 556** : Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956–1966):
Оп. 14. Д. 110.
26. **Ф. 558** : Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953):
Оп. 11. Д. 863, 872, 893.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ):

27. **Ф. 1562** : Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР (ЦСУ СССР):
Оп. 26. Д. 382.
Оп. 33. Д. 404, 1050, 1185, 1582, 1682, 1768, 2260.
Оп. 37. Д. 49.
Оп. 41. Д. 5, 6, 113, 239.
Оп. 320. Д. 223.
Оп. 329. Д. 1907.
Оп. 327. Д. 760.
28. **Ф. 1884** : Министерство путей сообщения СССР (МПС СССР):
Оп. 31. Д. 6966.
29. **Ф. 2324** : Государственный банк СССР (Госбанк СССР) 1918–1991:
Оп. 28. Д. 2097.
30. **Ф. 4372** : Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. 1921–1955, 1957–1991:
Оп. 47. Д. 965.
31. **Ф. 7486** : Министерство сельского хозяйства СССР (Минсельхоз СССР). 1929–1985 гг.:
Оп. 7. Д. 1019 (б).
32. **Ф. 7599** : Правление государственных трудовых сберегательных касс СССР (Гострудсберкасс СССР). 1923–1987:
Оп. 20. Д. 2957.
33. **Ф. 7604** : Министерство легкой промышленности СССР (Минлегпром СССР). 1932–1957:
Оп. 8. Д. 463.
34. **Ф. 7733** : Министерство финансов СССР (Минфин СССР). 1917–1991:
Оп. 1. Д. 4621.
Оп. 32. Д. 46.
Оп. 33. Т. 1. Д. 443.
Оп. 36. Д. 2283, 2532
35. **Ф. 7971** : Министерство торговли СССР (Минторг СССР). 1934–1958:
Оп. 1. Д. 895, 946.
Оп. 3. Д. 398.
Оп. 5. Д. 226.
36. **Ф. 8090** : Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации при Совете Министров СССР. 1946–1950.
Оп. 1. Д. 439, 442, 806.
37. **Ф. 8210** : Главное управление химического машиностроения (Главхиммаш) Минмаша СССР. 1937–1957:

Оп. 1. Д. 392, 404, 658, 660.

38. **Ф. 8227** : Министерство строительного и дорожного машиностроения СССР (Минстройдормаш СССР). 1946–1957:

Оп. 1. Д. 1276.

39. **Ф. 8230** : Главное управление по производству механизированного строительного инструмента (Главстройинструмент) Министерства строительного и дорожного машиностроения СССР. 1946–1953:

Оп. 1. Д. 148.

40. **Ф. 8248** : Министерство промышленности строительных материалов СССР (Минпромстройматериалов СССР). 1939–1957:

Оп. 1. Д. 275.

41. **Ф. 8297** : Учреждения по руководству мясной промышленностью. 1927–1956:

Оп. 1. Д. 1276.

42. **Ф. 8591** : Министерство текстильной промышленности СССР (Минтекстиль СССР, Минтекстильпром СССР). 1939–1948, 1955–1956:

Оп. 1. Д. 1438.

43. **Ф. 8592** : Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии СССР (Минтяжстрой СССР). 1946–1953:

Оп. 2. Д. 115.

44. **Ф. 8627** : Министерство нефтяной промышленности СССР (Миннефтепром СССР). 1939–1957:

Оп. 13. Д. 233.

45. **Ф. 8833** : Главное управление нефтяного машиностроения (Главнефтемаш) Миннефтепрома СССР. 1939–1946, 1948–1957:

Оп. 1. Д. 244.

46. **Ф. 8875** : Министерство черной металлургии СССР (Минчермет СССР). 1939 - 1948, 1950–1953, 1954–1957:

Оп. 38. Д. 1173.

Оп. 39. Д. 91.

Оп. 46. Д. 227.

47. **Ф. 8902** : Главные управления электромашиностроительной, электроаппаратной и электроприборостроительной промышленности. 1940–1953:

Оп. 1. Д. 41, 107, 293, 367.

48. **Ф. 8904** : Главное управление электроаппаратостроения (Главэлектроаппарат) Минэлектротехпрома СССР. 1940–1957:

Оп. 1. Д. 82, 205.

49. **Ф. 8934** : Министерство металлургической промышленности СССР (Минметаллургпром СССР). 1948–1950, 1953–1954:

Оп. 5. Д. 36.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО):

50. **Ф. 4** : Свердловский областной комитет КПСС:
Оп. 41. Д. 163, 167, 168, 169, 170, 171, 176, 197, 201, 203, 207, 224.
Оп. 43. Д. 157, 166, 167, 169, 171, 196, 197, 204, 222.
Оп. 44. Д.32,137, 158, 210, 240.
Оп. 45. Д. 199, 206, 318, 319, 359.
Оп. 49. Д. 130, 257
Оп. 50. Д. 138, 179
Оп. 53. Д. 113.
Оп. 54. Д. 95, 172.
Оп. 55. Д. 135.
51. **Ф. 161** : Свердловский городской комитет КПСС, г.Свердловск (1932-1991):
Оп. 8. Д. 105, 133, 134
Оп. 12. Д. 119, 121, 122, 309.
Оп. 13. Д. 339.
Оп. 19. Д. 355.
Оп. 22. Д. 520.
Оп. 23. Д. 320.
Оп. 25. Д. 120.
Оп. 27. Д. 63
52. **Ф. 236** : Уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области, г.Свердловск:
Оп. 5. Д. 52, 82, 99, 105, 114, 116,
53. **Ф. 480** : Федеральное государственное унитарное издательско-полиграфическое предприятие «Уральский рабочий», г.Свердловск
Оп. 1. Д. 75. 76.

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

2.1. Опубликованные документы и нормативные акты

1. Атомный проект СССР : Документы и материалы. В 3 т. / под общей редакцией Л.Д. Рябева. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 1. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 718 с. – ISBN 5-85165-402-3. – Текст : непосредственный.
2. Атомный проект СССР : Документы и материалы. В 3 т. / под общей редакцией Л.Д. Рябева. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 2. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 636 с. – ISBN 5-85165-402-3. – Текст : непосредственный.
3. Атомный проект СССР : Документы и материалы. В 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 3. – Москва: ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 893 с. – ISBN 5-85165-402-3. – Текст : непосредственный.

4. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2 : Атомная бомба. 1945–1954. Книга 4. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 815 с. – ISBN 5-85165-402-3. – Текст : непосредственный.
5. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4891.htm (дата обращения: 15. 05. 2019). – Текст : электронный.
6. Борьба с хищениями, бесхозяйственностью, расточительством, местничеством, обманом государства, спекуляцией и взяточничеством : Сборник нормативных актов. Ч. 1 / под редакцией : Павлищев К.С., Шишков С.А. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 375 с. – Текст : непосредственный.
7. Бюллетень финансово-хозяйственного законодательств. – Москва : Госфиниздат, – 1936. – № 11. – 81 с. – Текст : непосредственный.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1940. – № 28. – 32 с. – Текст : непосредственный.
9. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1940. – № 42. – 32 с. – Текст : непосредственный.
10. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1941. – № 1. – 32 с. – Текст : непосредственный.
11. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1941 – № 8. – 16 с. – Текст : непосредственный.
12. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1942. – № 2. – 16 с. – Текст : непосредственный.
13. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1943. – № 17. – 16 с. – Текст : непосредственный.
14. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1945. – № 69. – 32 с. – Текст : непосредственный.
15. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1946. – № 10. – 32 с. – Текст : непосредственный.
16. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1946. – № 36. – 32 с. – Текст : непосредственный.
17. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1946. – № 39. – 32 с. – Текст : непосредственный.
18. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1947. – № 6. – 32 с. – Текст : непосредственный.
19. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1947. – № 12. – 32 с. – Текст : непосредственный.
20. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1947. – № 19. – 32 с. – Текст : непосредственный.
21. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1947. – № 41. – 32 с. – Текст : непосредственный.
22. Ведомости Верховного Совета СССР. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, – 1948. – № 14. – 32 с. – Текст : непосредственный.
23. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного насе-

ления городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Демоскоп Weekly. – Текст : электронный. URL : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 19.12.2019).

24. Гражданский Кодекс РСФСР. 1922 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – Текст : электронный. – URL : <http://музейреформ.рф/node/13715> (дата обращения 17. 07. 2019).

25. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. : сборник документов : В 4 т. Т. 1: 1917–1928 годы. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 879 с. – Текст : непосредственный.

26. Донские почины : Из истории соц. соревнования на Дону 1946-1984 гг. : сборник документов и материалов : Партийный архив Ростовского обкома КПСС ; Государственный архив Ростовской области / составитель Е.В. Захарова [и др.]. – Ростов на Дону : Книжное издательство, 1985. – 222 с. – Текст : непосредственный.

27. Живое творчество масс : Документальная летопись трудового героизма и социалистического соревнования трудящихся Ивановской области, 1917–1982 : Партийный архив Ивановского обкома КПС ; Государственный архив Ивановской области / составитель В.П. Терентьев [и др.]. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1984. – 398 с. – Текст : непосредственный.

28. Жилищное законодательство 1953–1960 гг. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – Текст : электронный. – URL : <http://музейреформ.рф/node/13867> (дата обращения 17.07.2019).

29. Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.) : сборник документов / составители В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 1205. – ISBN 978-5-8243-1430-4. – Текст : непосредственный.

30. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946–1950 гг. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / составитель А.В. Белоруссов [и др.] ; ответственный редактор И.А. Басавин. В. 5 т. Т. 5 : 1946–1948 гг. – Москва : Юридическое издательство, 1949. – С. 36–49. – Текст : непосредственный.

31. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. – Москва : ОГИЗ Госполитиздат, 1946. – 62 с. – Текст : непосредственный.

32. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. – 294 с. – Текст : непосредственный.

33. Законы, принятые Верховным Советом СССР, и указы Президиума

Верховного Совета СССР за 1948 год. В 6 т. Т. 6. – Москва : [Б. и.], 1949. – 251 с. – Текст : непосредственный.

34. Заседания Верховного Совета РСФСР 20–25 июня 1946 г. Седьмая сессия: Стенографический отчет. – Москва : Издание Верховного Совета РСФСР, 1946. – 367 с. – Текст : непосредственный.

35. Информационный портал СССР. – Текст : электронный. – URL: <https://www.sssr-rsfsr.su/ru> (дата обращения 17. 07. 2019).

36. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: Утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. – Текст : непосредственный // Собрание Узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. – 1937. – № 2.

37. Конституция Союза Советских Социалистических Республик: Утверждена Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 г. – Текст : непосредственный // Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. 16 декабря 1936. – № 283.

38. Консультации «Труда». Ответы на вопросы читателей газеты «Труд» по трудовому и жилищному законодательству. – Москва : Издательство газеты «Труд». 1949. – 192 с. – Текст : непосредственный.

39. Москва послевоенная, 1945–1947 : Архив. док. и материалы ; Московское городское объединение архивов / составитель М.М. Горинов [и др.]. – Москва : Издательство Объединения «Мосгорархив», 2000. – 765 с. – ISBN 5-7228-0077-5. – Текст : непосредственный.

40. На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. / автор-составитель Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. – Москва : РОССПЭН. 2010. – 813 с. – ISBN 978-5-8243-1444-1. – Текст : непосредственный.

41. Народное образование в СССР : Общеобразовательная школа : сборник документов 1917–1973 гг. / составители А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. – Москва : Педагогика, 1974. – 559 с. – Текст : непосредственный.

42. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 : Документы и материалы. В 6 т. Челябинская область. Т. 2 : 1946–1985 ; Институт истории и археологии УрО РАН / главный редактор В.В. Алексеев. – Челябинск : Книга. 2006. – 486 с. – ISBN 5-7851-0580-2 (в пер.). – Текст : непосредственный.

43. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 : Документы и материалы. В 6 т. Пермский край. Т.2 : 1941–1985 ; Институт истории и археологии УрО РАН ; Агентство по делам архивов Пермского края / главный редактор В.В. Алексеев ; ответственный редактор А.Б. Суслов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2008. – 688 с. – ISBN 978-5-7851-0580-2, ISBN 978-5-7851-0708-3. – Текст : непосредственный.

44. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 : Документы и материалы. В. 6 т. Свердловская область. Т. 2 : 1941–1985 ; Институт истории и

археологии УрО РАН / главный редактор В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 770 с. – ISBN 5-7851-0580-2 (в пер.). – Текст : непосредственный.

45. По страницам архивных фондов Центрального Банка РФ. Вып. 3. Денежная реформа 1947 г. в документах: подготовка, проведение и оценка результатов / научный редактор Ю.И. Кашин. – Москва : ЦБ РФ. 2007. – 119 с. – Текст : непосредственный.

46. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 гг. : документы и материалы / составитель О.В. Хлевнюк [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 656 с. – ISBN 5-8243-0292-8. – Текст : непосредственный.

47. Послевоенная конверсия: к истории «холодной войны» : сборник документов / ответственный редактор В.С. Лельчук ; составитель М.А. Молодцыгин. – Москва : РАН. Институт Российской истории, 1998. – 242 с. – ISBN 5-201-14744-5. – Текст : непосредственный.

48. Продовольственная безопасность Урала в XX веке : документы и материалы : в 2 тт. Т. 2 : 1929–1984. / под редакцией Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. – Екатеринбург : Академкнига, 2000. – 456 с. – ISBN 5-93472-009-0. – Текст : непосредственный.

49. Промышленность и рабочий класс СССР, 1946–1950 : документы и материалы ; Академия наук СССР ; Институт истории СССР [и др.] / составитель С.Р. Левина [и др.] ; ответственный редактор М.И. Хлусов. – Москва : Наука, 1989. – 386 с. – Текст : непосредственный.

50. Профсоюзы СССР : документы и материалы : 1905-1963 гг. : в 4 т. Т. 3: Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. (1937-1952 гг.) / составитель и автор введения И.И. Белоносов. – Москва : Перофиздат, 1963. – 749 с. – Текст : непосредственный.

51. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов за 50 лет. В 16 т. Т. 2 : 1929–1940 гг. / составители К.У. Черненко, М.С. Смиртюкова. – Москва : Политиздат, 1968. – 798 с. – Текст : непосредственный.

52. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов за 50 лет. В 16 т. Т. 3 : 1941–1952 гг. / составители К.У. Черненко, М.С. Смиртюкова. – Москва : Политиздат, 1968. – 751 с. – Текст : непосредственный.

53. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов за 50 лет. В 16 т. Т. 4 : 1953–1961 гг. / составители К.У. Черненко, М.С. Смиртюкова. – Москва : Политиздат, 1968. – 783 с. – Текст : непосредственный.

54. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы нормированного снабжения. – Ленинград : Информационно-издательское бюро Отдела торговли Леноблисполкома, 1945. – 151 с. – Текст : непосредственный.

55. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда

СССР. 1924–1951 гг. / под редакцией А.А. Волина. – Москва : Госюриздат, 1952. – 268 с. – Текст : непосредственный.

56. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. / составитель юридический отдел при секретариате Президиума Верховного Совета СССР. – Москва : Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. – 359 с. – Текст : непосредственный.

57. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1945–1946 гг. – Москва : Ведомости Верховного совета СССР, 1947. – 187 с. – Текст : непосредственный.

58. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / составители М.И. Юмашев, Б.А. Жалейко / под редакцией Ю.И. Мандельштам. – Москва : Госюриздат, 1956. – 500 с. – Текст : непосредственный.

59. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1945–1946 гг. – Москва : Ведомости Верховного совета СССР, 1947. – 187 с. – Текст : непосредственный.

60. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1932. – № 62. – Текст : непосредственный.

61. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1932. – № 65. – Текст : непосредственный.

62. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1935. – № 35. – Текст : непосредственный.

63. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1936. – № 24. – Текст : непосредственный.

64. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1940. – № 16. – Текст : непосредственный.

65. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1941. – № 4. – Текст : непосредственный.

66. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1941. – № 7. – Текст : непосредственный.

67. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1941. – № 12. – Текст : непосредственный.

68. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1941. – № 17. – Текст : непосредственный.

69. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1943. – № 12. – Текст : непосредственный.
70. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1945. – № 10. – Текст : непосредственный.
71. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – Москва : Изд-во Управления делами СНК СССР и СТО. – 1948. – № 11. – Текст : непосредственный.
72. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – Москва : [Б.и.]. – 1922. – № 15. – Текст : непосредственный.
73. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – Москва : [Б.и.]. – 1928. – № 53. – Текст : непосредственный.
74. Советская жизнь. 1945–1953 / составители Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. – Москва : РОССПЭН. 2003. – 720 с. – ISBN 5-8243-0379-7 (в пер.). – Текст : непосредственный.
75. Советская повседневность и массовое сознание, 1939-1945 / составители А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 470. – ISBN 5-8243-0435-1 (в пер.). – Текст : непосредственный.
76. Социалистическое соревнование в СССР. 1918–1964, Документы и материалы профсоюзов / составитель З.К. Звездин [и др.]. – Москва : Профиздат, 1965. – 495 с. – Текст : непосредственный.
77. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии, 1947-1953 гг. : документы и материалы / составители: В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 646 с. – ISBN 978-5-8243-2141-8. – Текст : непосредственный.
78. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Текст : непосредственный.
79. Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 декабря 1938 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 223 с. – Текст : непосредственный.
80. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва : Госюриздат, 1952. – 158 с. – Текст : непосредственный.
81. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. В. 7 т. Т. 2 : 1929–1939 гг. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1958. – 494 с. – Текст : непосредственный.
82. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. В. 7 т. Т. 3 : 1940–1947. – Мо-

сква : Государственное издательство юридической литературы, 1958. – 638 с. – Текст : непосредственный.

83. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. В. 7 т. Т. 4 : 1948–1953. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1958. – 618 с. – Текст : непосредственный.

84. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / составитель А.В. Белоруссов [и др.] ; ответственный редактор И.А. Басавин. В. 5 т. Т. 5 : 1946–1948 гг. – Москва : Юридическое издательство, 1949. – 511 с. – Текст : непосредственный.

2.2. Документы КПСС и произведения советских политических лидеров

1. XIX съезд ВКП(б)–КПСС (5–14 октября 1952 г.) : Документы и материалы. – Текст : электронный. – URL : http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf. (дата обращения: 17.07. 2019).

2. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. – Москва : Издательство политической литературы, 1956. – 640 с. – Текст : непосредственный.

3. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 2. – Москва : Издательство политической литературы, 1956. – 559 с. – Текст : непосредственный

4. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1962 года. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 1. – Москва : Госполитиздат, 1962. – 608 с. – Текст : непосредственный.

5. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1962 года. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 2. – Москва : Госполитиздат, 1962. – 608 с. – Текст : непосредственный.

6. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1962 года. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 3. – Москва : Госполитиздат, 1962. – 592 с. – Текст : непосредственный.

7. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. В 2. Т. 1. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 592 с. – Текст : непосредственный.

8. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. В 2. Т. 2. – Москва : Издательство политической литературы, 1959. – 615 с. – Текст : непосредственный.

9. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. : сборник материалов. – Москва : Госполитиздат, 1948. – 307 с. – Текст : непосредственный.

10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях

съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1953) : Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС ; 7-е изд. В 2 ч. Ч. 2: 1925–1953. – Москва : Госполитиздат, 1953. – 1204 с. – Текст : непосредственный.

11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС : 9-е изд., доп. и испр. В 15 т. Т. 8: 1946–1955. – Москва : Политиздат, 1985. – 542 с. – Текст : непосредственный.

12. Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС. – Текст : электронный. – URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5> . (дата обращения: 17.07. 2019).

13. Молотов В.М. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции / В.М. Молотов. – Москва : Госполитиздат. 1947. – 36 с. – Текст : непосредственный.

14. Молотов В.М. 31-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции / В.М. Молотов. – Москва : Госполитиздат. 1948. – 36 с. – Текст : непосредственный.

15. Сталин и Каганович, Переписка, 1931–1936. / составитель О. В. Хлевнюк [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 797. – ISBN 5-8243-0241-3. – Текст : непосредственный.

16. Сталин И.В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии: Доклад активу Ленингр. организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апр. 1926 г. / И.В. Сталин. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 36 с. – Текст : непосредственный.

17. Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года / И.В. Сталин. – Текст : непосредственный // Сочинения. Т. 14. – Москва : Писатель, 1997. С. 79–92.

18. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года. – Москва : Московский рабочий. 1946. – 32 с. – Текст : непосредственный.

19. Сталин И.В. Соревнование и трудовой подъем масс (11 мая 1929 г.) / И.В. Сталин. – Текст : непосредственный // Сочинения. Т. 12. – Москва : Госполитиздат, 1949. – С. 108–111.

20. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР / И.В. Сталин. – Москва : Госполитиздат. 1952. – 93 с. – Текст : непосредственный.

21. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945-1953 / составитель В.В. Денисов [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 494. ISBN 5-8243-0570-6. – Текст : непосредственный.

2.3. Статистические материалы

1. Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР за 1956 год. Статистический сборник. – Москва : Статуправление РСФСР, 1957. – 122 с. – Текст : непосредственный.

2. Народное хозяйство СССР в 1956 году : ответственный редактор С.Я. Генин. – Москва : Статистика, 1956. – 263 с. – Текст : непосредственный.
3. Народное хозяйство РСФСР в 1956 году: статистический ежегодник ; редактор В.Н. Демина. – Москва : Государственное статистическое издательство, 1957. – 372 с. – Текст : непосредственный.
4. Печать СССР за 50 лет : Статистические очерки ; составитель П.А. Чувиков. – Москва : Книга, 1967. – 199 с. – Текст : непосредственный.
5. РСФСР за 40 лет : Статистический сборник. – Москва : Советская Россия, 1957, – 223 с. – Текст : непосредственный.
6. Сельское хозяйство СССР : Статистический сборник. – Москва : Статистика, 1971. – 710 с. – Текст : непосредственный.
7. Труд в СССР : статистический сборник. – Москва : Финансы и статистика. 1988. – 302 с. – ISBN 5-279-00167-8. – Текст : непосредственный.

2.4. Периодическая печать и продолжающиеся издания

1. Большевик. 1948.
2. Великолукская правда. 1946–1956.
3. Восточно-Сибирская правда. 1946–1956.
4. Журнал мод. 1946–1956.
5. За тяжелое машиностроение. 1946.
6. Известия. 1947–1950.
7. Кировец. 1951–1954.
8. Красный Север. 1946–1956.
9. Крокодил. 1935, 1946–1956.
10. Магнитогорский металл. 1946–1956.
11. Металлург. 1946–1949.
12. Модели сезона. 1954, 1955.
13. Молодая гвардия. 1948.
14. Молодой коммунар. 1950.
15. Огонек. 1946–1956.
16. Омская правда. 1946.
17. Под знаменем Ленина. 1946–1956.
18. Правда. 1946–1956.
19. Пропаганда и агитация. 1947.
20. Работница. 1946, 1952, 1958.
21. Смена. 1946–1956.
22. Советская женщина. 1946.
23. Советская Сибирь. 1946–1956.
24. Советская торговля. 1950–1956, 1958.
25. Советский Сахалин. 1946–1956.
26. Социалистическая законность. 1946–1956.
27. Тагильский рабочий. 1946–1956.

28. Труд. 1946–1956.
29. Тюменская правда. 1949.
30. Уральский рабочий. 1946–1956.

2.5. Дневники и мемуары

1. **Абрамов, Ф.А.** А люди ждут, ждут перемен. Из дневников и рабочих записей / Ф.А. Абрамов. – Текст : непосредственный // Известия. 1990. 3 февраля. С. 3.
2. **Акимкина, Н.А.** Дневники / Н.А. Акимкина. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/2215>. (дата обращения: 17.07. 2019).
3. **Андреев, Б.А.** Дневники / Б.А. Андреев. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221946-01-01%22&diaries=%5B618%5D>. (дата обращения: 17.07. 2019).
4. **Аннинский, Л.А.** Дневники / Л.А. Аннинский. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <https://prozhito.org/person/2585>. (дата обращения: 10.12.2019).
5. **Баркова, А.А.** Дневники / А.А. Баркова. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/509>. (дата обращения: 17.07. 2019).
6. **Барлас, Л.В.** Дневники / Л.В. Барлас. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <https://prozhito.org/person/1285>. (дата обращения: 16.12.2019).
7. **Батюто, А.И.** Дневник / А.И. Батюто. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/362>. (дата обращения: 17.07. 2019).
8. **Бернштейн, С.Б.** Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / С.Б. Бернштейн. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2002. – 394 с. – ISBN 5-7576-0126-4. – Текст : непосредственный.
9. **Борисенко, В.Ф.** Дневники / В.Ф. Борисенко. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/101>. (дата обращения: 17.07. 2019).
10. **Бронтман, Л.К.** Дневники / Л.К. Бронтман. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/18>. (дата обращения: 17.07. 2019).
11. **Булах, А.Г.** Мир искусства в доме на Потемкинской / А.Г. Булах. – Санкт-Петербург : Центрполиграф, 2011. – 254 с. – ISBN 978-5-227-02861-7 (в пер.). – Текст : непосредственный.
12. **Булах-Гардина, Т.Д.** Дневник / Т.Д. Булах-Гардина. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/2311>. (дата обращения: 17.07. 2019).
13. **Быков, Р.А.** Я побит – начну сначала! / Р.А. Быков / под редакцией

Е.В. Шубиной. – Москва : АСТ-АСТРЕЛЬ, 2010. – 749 с. – ISBN 978-5-17-066287-6. – Текст : непосредственный.

14. **Волков, С.А.** Дневники / С.А. Волков. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/1012> . (дата обращения: 17.07. 2019).

15. **Гаврилов, А.М.** Патриархи аграрной науки Нижнего Поволжья / А.М. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. – 2012. – №. 1 (25). – С. 1–8.

16. **Гайнутдинова, К.М.** Дневники / К.М. Гайнутдинова. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/2584>. (дата обращения: 17.07. 2019).

17. **Гильдебрандт-Арбенина, О.Н.** Дневники / О.Н. Гильдебрандт-Арбенина. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/1311>. (дата обращения: 17.07. 2019).

18. **Гильфанд, В.Н.** Дневники / В.Н. Гильфанд. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/27> . (дата обращения: 17.07. 2019).

19. **Голубов, Н.С.** Дневники / Н.С. Голубов. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/1067>. (дата обращения: 17.07. 2019).

20. **Дмитриев, А.И.** Дневники / А.И. Дмитриев. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/418> . (дата обращения: 17.07. 2019).

21. **Зверев, А.Г.** Записки министра / А.Г. Зверев. – Москва : Политиздат, 1973. – 270 с. – Текст : непосредственный.

22. Из дневника писателя-фронтовика Г.Я. Бакланова // Документы Прошлого. День Победы. – URL: <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2004/hd.050704.asp>. – Текст : электронный. (дата обращения: 17.07. 2019).

23. Из дневников С.С. Дмитриева : подготовлено к печати Р.Г. Эймонтовой. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 142–169.

24. Из дневников С.С. Дмитриева. Подготовлено к печати Р.Г. Эймонтовой / – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1999. – № 4. – С. 113–128.

25. **Кривулина, Ю.А.** Полевые сезоны и просто жизнь. 1946-1963 / Ю.А. Кривулина. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/150>. (дата обращения: 17.07. 2019).

26. **Крылов, А.Ф.** Дневники / А.Ф. Крылов. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <https://prozhito.org/person/964>. (дата обращения: 10.12.2019).

27. **Лансаре, Е.Е.** Дневники / Е.Е. Лансаре. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/867>. (дата обра-

щения: 17.07. 2019).

28. **Лурье, Э.В.** Дальний архив. Семейная история в документах, дневниках, письмах. 1922–1959 / Э.В. Лурье. – Санкт-Петербург : Издательство «Нестор-История», 2007. – 547 с. – ISBN 978-5-9404-7213-1 (в пер.). – Текст : непосредственный.

29. **Малахиева-Мирович, В.Г.** Маятник жизни моей: дневник русской женщины 1930-1954 / В.Г. Малахиева-Мирович : публикация Н. Громовой. – Москва : Издательство АСТ «Редакция Елены Шубиной», 2015. – 230 с. – Текст : непосредственный.

30. **Мендельсон-Прокофьева, М.А.** О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники. 1938–1967 / М.А. Мендельсон-Прокофьева. – Москва : Композитор, 2012. – 631 с. – ISBN 978-5-4254-0046-8. – Текст : непосредственный.

31. **Мечтова, З.А.** Дневники / З.А. Мечтова. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/160>. (дата обращения: 17.07. 2019).

32. **Мравинский, Е.А.** Дневники / Е.А. Мравинский. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/163>. (дата обращения: 17.07. 2019).

33. **Назиров, Р.Г.** Дневниковые записи / Р.Г. Назиров. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <https://prozhito.org/person/359>. (дата обращения: 10.12.2019).

34. **Островская, С.К.** Дневники / С.К. Островская. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/168>. (дата обращения: 17.07. 2019).

35. **Павлов, Д.С.** Стойкость / Д.С. Павлов. Москва : Политиздат, 1983. 348 с. – Текст : непосредственный.

36. **Петровская, И.Ф.** В конце пути] / И.Ф. Петровская. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/528>. (дата обращения: 17.07. 2019).

37. **Покровская, Н.С.** Дневник русской женщины. 1945–1966 гг. / Н.С. Покровская. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/1533>. (дата обращения: 17.07. 2019).

38. **Порцевский, В.А.** Дневники / В.А. Порцевский. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/367>. (дата обращения: 17.07. 2019).

39. **Пришвин, М.М.** Дневники / М.М. Пришвин. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/56>. (дата обращения: 17.07. 2019).

40. **Пришвин, М.М.** Дневники. 1946–1947. / М.М. Пришвин. – Москва : Новый хронограф. 2013. – 824 с. – ISBN: 978-5-94881-222-9. – Текст : непосредственный.

41. **Пролейко, В.М.** Дневники / В.М. Пролейко. – Текст : электронный //

Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/662>. (дата обращения: 17.07. 2019).

42. **Ривкина, Э.М.** Дневники / Э.М. Ривкина. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/932>. (дата обращения: 17.07. 2019).

43. **Савельев, В.С.** Дневники / В.С. Савельев. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/2940>. (дата обращения: 17.07. 2019).

44. **Самойлов, Д.С.** Дневники / Д.С. Самойлов. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/183>. (дата обращения: 17.07. 2019).

45. **Смирнов, В.А.** Реквием XX в. / В.А. Смирнов. В 5 ч. Ч. 2. Одесса: Астропринт, 2013. 959 с. – ISBN 978-966-190-256-4. – Текст : непосредственный.

46. **Соколов, Н.А.** Дневники / Н.А. Соколов. – Текст : электронный // Электронный корпус «МемоКлуб». – URL: <https://memoclub.ru/2015/01/d295>. (дата обращения: 17.07. 2019).

47. **Солодников, В.П.** Дневники / В.П. Солодников. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/1402>. (дата обращения: 17.07. 2019).

48. **Таланов, Б.В.** Дневники 1943–1945, 1947 гг. / Б.В. Таланов. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/581> (дата обращения: 17.07. 2019).

49. **Трегубов, С.С.** Дневники / С.С. Трегубов. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/1001>. (дата обращения: 17.07. 2019).

50. **Тулюлюк, А.А.** Дневники / А.А. Тулюлюк. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/1270>. (дата обращения: 17.07. 2019).

51. **Филипович, Э.Г.** Дневники / Э.Г. Филипович. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/1385>. (дата обращения: 17.07. 2019).

52. Фрагменты дневников С.П. Курдюмова // Мне нужно быть: Памяти Сергея Павловича Курдюмова ; редактор составитель З.Е. Журавлева. – Москва : КРАСАНД, 2010. – 478 с. – ISBN 978-5-396-00255-5. – Текст : непосредственный.

53. **Фролов, С.Л.** Дневники / С.Л. Фролов. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/366>. (дата обращения: 17.07. 2019).

54. **Чивилихин, В.А.** Дневники, письма. Воспоминания современников / В.А. Чивилихин. – Москва : Алгоритм. 2008. – 606 с. – ISBN 978-5-9265-0520-4. – Текст : непосредственный.

55. **Чуковская, Л.К.** Дневник / Л.К. Чуковская. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/434>. (дата об-

ращения: 17.07. 2019).

56. **Чуковский, К.И.** Дневники / К.И. Чуковский. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/215>. (дата обращения: 17.07. 2019).

57. **Шапорина, Л.В.** Дневник / Л.В. Шапорина. В 2 т. Т. 2 / Под ред. А.И. Рейтблата. – Москва : Издательство: НЛЮ, 2017. – 640 с. – ISBN 978-5-4448-0657-9. – Текст : непосредственный.

58. **Щеглов, А.В.** Раневская. Фрагменты жизни / А.В. Щеглов. – Москва : Захаров; ПФ "Красный пролетарий", 1998. – 300 с. – ISBN 5-85197-127-4 (в пер.). – Текст : непосредственный.

59. **Ямсков, В.А.** Дневники / В.А. Ямсков. – Текст : электронный // Электронный корпус «Прожито». – URL: <http://prozhito.org/person/3510>. (дата обращения: 17.07. 2019).

2.6. Изобразительные источники

1. **Андреади, А.П.** Икра зернистая, паюсная и пастеризованная / А.П. Андреади. – Москва : [Б.и.], 1952. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

2. **Гущин, В.В.** Пельмени сибирские, мясные / В.В. Гущин. – Москва : [Б.и.], 1952. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

3. **Иогансон, А.Б.** Отличная закуска, питательная и вкусная. Рыбные консервы / А.Б. Иогансон. – Москва : [Б.и.], 1952. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

4. **Кузьмин, А.** Покупайте свежемороженые овощи / А. Кузьмин. – Москва : [Б.и.], 1954. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

5. **Мартынов, Н.** Советское шампанское. Лучшее виноградное вино / Н. Мартынов. – Москва : [Б.и.], 1952. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

6. Неизвестный художник. Крабовые консервы. Вкусная нежная закуска. – Москва : [Б.и.], 1951. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

7. **Пименов, В.В.** Чулки капрон. Красивы, прочны, гигиеничны / В.В. Пименов. – Москва : [Б.и.], 1952. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

8. **Сахаров, С.Г.** Варенье Роза ароматно, вкусно к чаю / С.Г. Сахаров. – Москва : [Б.и.], 1950. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

9. **Сахаров, С.Г.** Майонез. Лучшая готовая приправа / С.Г. Сахаров. – Москва : [Б.и.], 1952. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

10. **Сахаров, С.Г.** Покупайте мороженое Главхладопрома. / С.Г. Сахаров.

– Москва : [Б.и.], 1951. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

11. **Трухачев, В.В.** Хлопчатобумажные ткани. Имеются в широком ассортименте в специализированных и универсальных магазинах / В.В. Трухачев. – Москва : [Б.и.], 1953. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

12. **Цейров Ю.** Икра осетровых рыб зернистая и паюсная. Вкусный питательный продукт. / Ю. Цейров. – Москва : [Б.и.], 1952. – Изображение (неподвижное ; двухмерное) : непосредственное.

3. ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Специальная литература

1. 25 февраля 1956 года – начало «разномыслия» в СССР / В.М. Воронков. – Текст : непосредственный // Разномыслие в СССР и России (1945–2008) : сборник материалов научной конференции. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 28–37. – ISBN 978-5-94380-103-7.

2. «Абазур», «аборт», «абрикос»: репрезентация советской повседневности в книгах по домоводству / О.А. Смоляк. – Текст : непосредственный // Разрывы и конвенции в отечественной культуре / под редакцией О.Л. Лейбовича. – Пермь : Пермский государственный институт искусства и культуры, 2011. – С. 138–184.

3. **Азарёнок, Н.В.** Монетарные стратегии экономического поведения молодежи с различным социально-демографическим статусом / Н.В. Азаренок. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2018. – Т. 12. – № 5. – С. 6–10.

4. **Азарёнок, Н.В.** Стратегии сберегательного поведения мужчин и женщин с раным уровнем субъективного экономического благополучия / Н.В. Азарёнок, М.Д. Надольская. – Текст : непосредственный // Психолого-экономические исследования. – 2015. – Т. 2–8. – № 2. – С. 43–55.

5. **Акименко, А.К.** Стратегии адаптивного поведения студенческой молодежи и их характеристика / А.К. Акименко. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – Т. 3. – № 1(9). – С. 63–74.

6. **Альметев, Г.В.** Деятельность партии по развитию бытового обслуживания трудящихся / Г.В. Альметьев, И.В. Анохин, В.Е. Кужелев, А.Г. Титов [и др.]. – Москва : Знание, 1973. – 64 с. – Текст : непосредственный.

7. **Амотов, Н.К.** Забота социалистического государства о нуждах народа / Н.К. Амотов. – Москва : Издательство и типография Профиздата, 1947. – 48 с. – Текст : непосредственный.

8. **Андрюхин, Е.А.** Зарождение и развитие предпринимательства в СССР в 50–80-х годах XX века / Е.А. Андрюхин. – Текст : непосредственный // Извес-

- тия Алтайского государственного университета. – 2011. – №4/2. – С. 9–15.
9. **Андрюхин, Е.А.** Неофициальное предпринимательство в СССР в 50–80-х годах XX в. / Е.А. Андрюхин. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4/2. – С. 11–15.
10. **Андрюхин, Е.А.** Предпринимательская деятельность советских граждан в 60–80-х гг. XX в. / Е.А. Андрюхин. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4–1. – С. 19–23.
11. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20-30-х гг. / А.В. Голубев. – Текст : непосредственный // Проблемы российской истории. – Вып. 2. Магнитогорск : [Б.и.], 2003. – С. 472–498. – ISBN 5-86781-323-1.
12. **Антошин, А.В.** Политический режим в Советском Союзе в середине 1940-х начале 1950-х годов в оценках российских эмигрантов / А.В. Антошин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 24. – С. 159–170.
13. **Араловец, Н.А.** Городская семья в России, 1927 – 1959 гг. / Н.А. Араловец. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304 с. – ISBN: 978-5-8125-1235-4. – Текст : непосредственный.
14. **Артамонова, Ю.Д.** Герменевтический аспект языка СМИ / Ю.Д. Артамонова, В.Д. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Москва : Издательство Московского университета, 2003. – С. 32–49. – ISBN 5-211-04812-1.
15. **Артемов, Е.Т.** Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации / Е.Т. Артемов. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 356 с. – ISBN 5-8243-0763-6. – Текст : непосредственный.
16. **Артюков, А.П.** Процесс «мягкой» десталинизации в СССР в 1953–1956 гг. / А.П. Артюков. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015, – №3 (2). – С. 435–438.
17. **Архипкин, И.В.** Особенности формирования доходной базы местных бюджетов в военные и послевоенные годы (1941–1950 гг.) / И.В. Архипкин. – Текст : непосредственный // Сибирский юридический вестник. – 2005. – №4. – С. 84–88.
18. **Астанин, В.В.** Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода / В.В. Астанин. – Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 96 с. – ISBN 5-87817-040-X. – Текст : непосредственный.
19. **Афанасьев, Ю.Н.** Фернан Бродель и его видение истории / Ю.Н. Афанасьев. – Текст : непосредственный // Новая и новейшая история. – 1985. – № 5. – С. 62–71.
20. **Баканов, С.А.** Мобилизационная модель развития советского общества: проблемы теории и историографии / С.А. Баканов. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №18 (309). – С. 87–92.
21. **Бакунин, А.В.** Развитие личных подсобных хозяйств населения: тен-

денции и перспективы развития (30–80-е гг.) / А.В. Бакунин, М.Н. Денисевич. – Свердловск: Издательство Уральского отделения Академии наук СССР, 1990. – 60 с. – Текст : непосредственный.

22. **Баранова, Л.Я.** Личные потребности / Л.Я. Баранов. – Москва : Экономика, 1984. – 304 с. – Текст : непосредственный.

23. **Барсукова, В.В.** Об изменениях тоталитарного дискурса в советскую эпоху / В.В. Барсукова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 2 (8). – С. 65–69.

24. **Барлетт, Дж.** FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе / Дж. Барлетт ; перевод с английского Е. Кардаш. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 360 с. – ISBN 978-5-86793-922-9. – Текст : непосредственный.

25. **Бенедиктов, И.А.** Развитие сельского хозяйства в послевоенной пятилетке / И.А. Бенедиктов. – Москва : Госполитиздат, 1947. – 80 с. – Текст : непосредственный.

26. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – ISBN 5-85691-036-2. – Текст : непосредственный.

27. **Беркутов, А.С.** Некоторые особенности развития органов БХСС в 1940–1960-е годы / А.С. Беркутов. – Текст : непосредственный. // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 5. – С. 70–72.

28. **Бирман, А.М.** Борьба за дальнейший рост рентабельности социальных предприятий / А.М. Бирман. – Москва : Госполитиздат, 1949. – 136 с. – Текст : непосредственный.

29. **Бляхман, Л.С.** Упорядочение заработной платы в промышленности / Л.С. Бляхман. – Ленинград : Издательство общества по распространению политических и научных знаний РСФСР. Ленинградское отделение, 1960. – 56 с. – Текст : непосредственный.

30. **Богданов, К.А.** Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры / К.А. Богданов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – 368 с. – ISBN 978-5-86793-671-6 (в пер.) – Текст : непосредственный.

31. **Богданов, К.А.** Советское шампанское. Праздничная история / К.А. Богданов. – Текст : непосредственный // Антропологический форум. – 2012. – № 16. – С. 367–379.

32. **Богданов, С.В.** Из истории борьбы с организованной преступностью в экономической сфере СССР в 1930–1950-х годах / С.В. Богданов. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2011. – № 1. – С. 160–168.

33. **Богданов, С.В.** Особенности развития законодательства по борьбе с экономической преступностью в СССР в 1945–1953 гг. / С.В. Богданов, В.Н. Орлов. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2010. – № 10. – С. 146–156.

34. **Богданов, С.В.** Спекуляция в СССР 1945–1953 гг.: причины, масштабы, особенности / С.В. Богданов – Текст : непосредственный // Новый истори-

ческий вестник. – 2009. – № 22. – С. 41–47.

35. **Богданов, С.В.** Тоталитарная государственность и экономическая преступность в СССР в первые послевоенные годы / С.В. Богданов, В.Н. Орлов. – Текст : непосредственный // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 6–2. – С. 15–20.

36. **Бойм, С.** Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 320 с. – ISBN 5-86793-190-0. – Текст : непосредственный.

37. **Болдовский, К.А.** «Постановление правительства застало нас врасплох...». Мероприятия по экономии хлеба в партийных сводках 1946 г. / К.А. Болтовский. – Текст : непосредственный // Новейшая история России. – 2013. – № 2. – С. 265–282.

38. **Борисов, А.В.** Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / А.В. Борисов. – Москва: Объединенная редакция МВД России, 1996. – 464 с. – Текст : непосредственный.

39. **Борисова, А.А.** Стратегии трудоустройства студентов вузов / А.А. Борисова. – Текст : непосредственный // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 4. – С. 96–100.

40. **Брагинский, Б.И.** Неуклонный подъем уровня жизни советского народа / Б.И. Брагинский, А.И. Викентьев. – Москва : Госполитиздат, 1947. – 48 с. – Текст : непосредственный.

41. **Будаев, Э.В.** Лингвистическая советология / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Издательство УрГПУ, 2009. – 291 с. – ISBN 978-5-7186-0386-6. – Текст : непосредственный.

42. **Бузляков, Н.И.** Повышение уровня жизни советского народа / Н.И. Бузляков, В.Ф. Майер. – Москва : Знание, 1965. – 76 с. – Текст : непосредственный.

43. **Букин, С.С.** Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.) / С.С. Букин. – Новосибирск : Наука, 1984. – 271 с. – Текст : непосредственный.

44. **Букин, С.С.** Жилищная проблема в городах Сибири (1920–60-е гг.) / С.С. Букин, В.И. Исаев. – Новосибирск : Параллель, 2009. – 198 с. – ISBN 978-5-98901-061-5. – Текст : непосредственный.

45. **Бурдые, П.** Практический смысл ; перевод с французского А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко / ответственный редактор Н.А. Шматко / П. Бурдые. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с. – ISBN 5-89329-351-7. – Текст : непосредственный.

46. **Бурчак, В.Я.** Деятельность подразделений милиции по борьбе с имущественными преступлениями и спекуляцией в Кемеровской области в 1943 – 1953 годах / В.Я. Бурчак. – Текст : непосредственный. // Вестник КемГУ. – 2013. – №2 (54). – С. 198–202.

47. **Буряк, Е.М.** Пресса конца 1950-х–начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР / Е.М. Буряк. – Текст : непосредственный.

венный // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3 (53). – С. 269–277.

48. **Быкова, С.И.** «Вот если бы вы, Иосиф Виссарионович, сейчас упали и разбились...»: особенности отношения современников к Сталину / С.И. Быкова. – Текст : электронный // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2013. Вып. 1. URL: <http://sbornik.portal63.ru/> (дата обращения 06.07.2019).

49. **Быкова, С.И.** Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников / С.И. Быкова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4 (3). – С. 128–134.

50. **Быстров, Н.П.** Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании: (Пропагандистская кампания против И. Броз Тито 1948–1953 гг.) / Н.П. Быстров. – Текст : непосредственный // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 11. – С. 150–159.

51. **Быстрова, А.** Стратегии выживания населения в изменяющихся условиях / А. Быстрова, Е. Евдокимова, С. Игнатова, А. Серебренникова, Г. Еремичева, Н. Соловьева, И. Травин. – Текст : непосредственный // Мир России. – 1995. – № 2. – С. 143–175

52. **Вагин, А.А.** Методика обучения истории в школе / А.А. Вагин. – Москва : Просвещение, 1985. – 434 с. – Текст : непосредственный.

53. **Вайнштейн, О.** Моделируя советских женщин: портниха как культурный герой эпохи социализма / О. Вайнштейн. – Текст : непосредственный // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2007. – № 3. – С. 101–126.

54. **Вайс, Д.** Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде / Д. Вайс. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1. – С. 16–22.

55. **Вайскопф, М.Я.** Писатель Сталин / М.Я. Вайскопф. – Москва : НЛЮ, 2002. – 384 с. – ISBN 5-86793-167-6. – Текст : непосредственный.

56. **Варга-Харрис, К.** Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во времена «оттепели» / К. Варга-Харрис. – Текст : непосредственный // Новейшая история России. – 2011. – №1. – С. 160–166.

57. **Васильева, В.А.** Бюджеты рабочих – прежде и теперь / В.А. Васильева. – Москва: Экономика, 1965. – 112 с. – Текст : непосредственный. **Ващук, А.С.** Стратегии благосостояния, реальность социальной жизни на Дальнем Востоке СССР в послевоенные годы / А.С. Ващук, Д.А. Слабнина. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 1992. – 48 с. – Текст : непосредственный.

58. **Верт, Н.** Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт : перевод с французского. А.И. Пигалева. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 447 с. – ISBN 978-5-8243-1299-7. – Текст : непосредственный.

59. **Вершинин, А.М.** Организация заработной платы на предприятии / А.М. Вершинин. – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1956. – 36 с. – Текст : непосредственный.

60. **Винниченко, И.В.** Мода в условиях социализма / И.В. Винниченко. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 2. – С. 168–171.
61. **Винниченко, И.В.** Перемены в повседневной жизни советских людей как результат новой социально-экономической политики государства в период «оттепели» / И.В. Винниченко. – Текст : непосредственный // Омский научный вестник. – 2011. – № 3 (98). – С. 13–17.
62. **Вишневский, А.Г.** Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 1998. – 429 с. – ISBN 978-5-7598-0760-5. – Текст : непосредственный.
63. **Власов, С.А.** Индивидуальное строительство как средство решения жилищной проблемы в РСФСР 1946–1991 гг. (на примере Дальнего Востока) / С.А. Власов. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. – 2016. – Т. 15. – С. 101–109.
64. «Военные» карточки: от введения до отмены // Государственный архив Мурманской области. – Текст : электронный. URL: <http://www.murmanarchiv.ru/index.php/exhibitions-events/2009-06-08-10-18-49/great-patriotic-war-on-the-kola-north/500-lr-> (дата обращения 26. 10. 2019).
65. Возможности устной истории при изучении трудовой повседневности тюменских рабочих в 1945–1965 гг. / Н.Н. Володина. – Текст : непосредственный // Повседневность российской провинции XIX–XX вв. : материалы всероссийской научной конференции. В 2 ч. Ч. 1 : редколлегия: Е. С. Субботина, А. Б. Суслов, Г. Д. Селянинова. – Пермь : ПГГПУ, 2013. – С. 71–76. – ISBN 978-5-85218-672-0.
66. **Волков, В.В.** Концепция культурности / В.В. Волков. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 1996. – № 1.2. – С. 194–214.
67. **Волков, В.В.** Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с. – ISBN 978-5-94380-078-8. – Текст : непосредственный.
68. **Волков, И.М.** Засуха, голод 1946–1947 годов / И.М. Волков. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1991. – № 5. – С. 3–19.
69. **Волобуева, Т.** Советская реклама 1920–1930-х гг. / Т. Волобуева. – Текст : непосредственный // Рекламные технологии. – 2006. – № 4. – С. 18–23.
70. Вопросы методологии изучения и измерения производительности труда. – Москва : Изд-во АН РСФСР, 1956. – 311 с. – Текст : непосредственный.
71. **Воркачев, С.Г.** Идея патриотизма в русской лингвокультуре // С.Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2008. – 200 с. – ISBN 978-5-903601-06-6. – Текст : непосредственный.
72. **Ворожбатова, А.А.** Идеодискурс И.В. Сталина как продукт речемыслительной деятельности «тоталитарной идеологической машины» / А.А. Ворожбатова, С.Э. Кегейн. – Текст : непосредственный // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2007. – № 10. – С. 51–58.
73. Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке

/ Г.Е. Корнилов. – Текст : непосредственный // Демографическая история России. Вып. II: миграции населения / ответственный редактор Г.Е. Корнилов. – Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2018. – С. 198–226. – ISBN 978-5-9070800-6-5.

74. **Гагарин, А.А.** Первый «красный директор» Верх-Исетского завода – Н. М. Давыдов: судьба человека (1893–1963) / А.А. Гагарин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского Государственного университета. История. – 2007. – № 22. – С. 163–171.

75. **Гальперин, И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 140 с. – Текст : непосредственный.

76. **Гарголина, Е.С.** Стиляги как феномен отечественной послевоенной моды / Е.С. Гарголина, А.А. Черкасов. – Текст : непосредственный // Былые годы. Черноморский исторический журнал. – 2009. – № 2 (12). – С. 28–37.

77. **Гарфинкель, Г.** Исследование привычных оснований повседневных действий / Г. Гарфинкель. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2002. – №1. – С. 41–69.

78. **Гвоздев, Б.И.** Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) / Б.И. Гвоздев. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета. – 1971. – № 5. – С. 3–14.

79. **Геллер, М.Я.** Утопия у власти / М.Я. Геллер, А.М. Некрич. – Москва : МИК, 1996. – 319 с. – ISBN 5-87902-020-7. – Текст : непосредственный.

80. **Генина, Е.С.** Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И.В. Сталина (по материалам Кемеровской области) / Е.С. Генина, М.М. Колязимова. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3. – Т. 2. – С. 145–150.

81. **Герман, Р.Б.** Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.) / Р.Б. Герман. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. – 164 с. – Текст : непосредственный.

82. **Герчиков, В.И.** Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 1 / В.И. Герчиков. – Текст : непосредственный // Мотивация и оплата труда. – 2005. – N 2. – С. 53–62.

83. **Гоголь, Б.И.** Советская торговля и ее роль в народном хозяйстве / Б.И. Гоголь. – Москва : Госторгиздат, 1948. – 98 с. – Текст : непосредственный.

84. **Голдин, В.** Был ли голод на среднем Урале в 1946-1947 годах? / В. Голдин. – Текст : электронный. URL <http://www.proza.ru/2013/06/13/312> (дата обращения 12 июня 2019 г.).

85. **Головин, Е.А.** Региональные проблемы использования трудовых ресурсов и жилищно-бытового обслуживания молодых рабочих в конце 1940–1950-х гг. (по материалам Курской области) / Е.А. Головин, В.В. Коровин. – Текст : непосредственный // Известия ВГПУ. – 2017. – № 4. – С. 157–159.

86. **Головин, Е.А.** Становление системы социальной защиты инвалидов Великой Отечественной войны в 1940–1950-е годы (по материалам Курской области) / Е.А. Головин, В.В. Коровин. – Текст : непосредственный // Права че-

ловека: история, теория, практика : материалы пятой всероссийской научно-практической конференции. Курск : Университетская книга, 2016. – С. 38–44.

87. Голод 1947 г. в СССР / М. Элман. – Текст : непосредственный // Экономическая история. Обзорение. Москва : Издательство МГУ, 2005. – Вып. 10. – С. 197–199. – ISBN 5-211-05082-7 (в обл.).

88. Голубев, А.В. Россия, век XX / А.В. Голубев. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С. 80–92.

89. Голубев, А.В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922-1939 годов / А.В. Голубев. – Текст : непосредственный // Россия и современный мир. – 2008. – № 1. С. 170–172.

90. Гольденберг, А.М. Основные вопросы организации финансов социалистического жилищного хозяйства / А.М. Гольденберг. – Москва : Госфиниздат, 1950. – 88 с. – Текст : непосредственный.

91. Гончаров, Г.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке / Г.А. Гончаров, С.А. Баканов, Н.В. Гришина и др. – Челябинск: Энциклопедия, 2013. – 128 с. – ISBN 978-5-91274-210-1. – Текст : непосредственный.

92. Горлов, В.Н. Ведомственное жильё в СССР / В.Н. Горлов. – Текст : непосредственный // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2013. – № 1. – С. 51–57.

93. Горлов, В.Н. Советские студенческие общежития – акцент на коллективность / В.Н. Горлов. – Текст : непосредственный // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2015. – № 5. – С. 176–182.

94. Государственная торговля СССР за 35 лет / Ф.Я. Обловацкий. – Текст : непосредственный // 35 лет Советской торговли. – Москва : Госторгиздат, 1952. – С. 16–40.

95. Гранат, П.Л. Социалистическая законность в деятельности внутренних дел / П.Л. Гранат. – Москва : Изд-во Академии МВД СССР, 1985. – 144 с. – Текст : непосредственный.

96. Гренье, Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» / Ж.-И. Гренье. – Текст : непосредственный // Одиссей: Человек в истории. – 2005. – С. 138–151.

97. Губарева, О.Е. Источники роста народного благосостояния в СССР / О.Е. Губарева. – Москва : Мысль, 1968. – 130 с. – Текст : непосредственный.

98. Гудков, Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л.Д. Гудков. – Москва : Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. – 816 с. – ISBN 5-86793-300-8. – Текст : непосредственный.

99. Гульбина, Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта / Н.И. Гульбина. – Текст : непосредственный // Вестник Томского гос. ун-та. – 2004. – № 283. – С. 123–128.

100. Гуревич, С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра / С.М. Гуревич. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 287 с. – ISBN 5-7567-0303-9. – Текст : непосредственный.

101. **Гурин, Л.Е.** Вопросы организации заработной платы на машиностроительных предприятиях / Л.Е. Гурин. – Москва, Ленинград : 1-я типография Машгиза, 1950. – 276 с. – Текст : непосредственный.
102. **Гурова, О.Ю.** Идеология потребления в советском обществе / О.Ю. Гурова. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 117–131.
103. **Гуссерль, Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. Общее введение в чистую феноменологию. / Э. Гуссерль. – Москва : ДИК, 1999. – 489 с. – ISBN 978-5-8291-1042-0. – Текст : непосредственный.
104. **Данилов, А.В.** Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы / А.В. Данилов, А.А. Пыжиков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 304 с. – ISBN 5-224-03309-8. – Текст : непосредственный.
105. **Дашкова, Т.** Трансформация женских образов на страницах советских журналов 1920-1930-х годов / Т. Дашкова. – Текст : электронный // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/dashkova.htm (дата обращения 29.05. 2019).
106. **Двойнишников, М.А.** Восстановление и развитие народного хозяйства СССР – великий подвиг партии и народа (1946–1955 гг.) / М.А. Двойнишников, В.Г. Широков. – Москва : Высшая школа, 1967. – 114 с. – Текст : непосредственный.
107. **Де Серто, М.** Изобретение повседневности / М. Де Серто. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с. – ISBN 978-5-94380-150-1. – Текст : непосредственный.
108. **Деготь, Е.** От товара к товарищу. К эстетике нерыночного предмета / Е. Деготь. – Текст : непосредственный // Логос. – 2000. – № 5/6. – С. 29–37.
109. **Дементьева, Е.В.** Из истории Ижевского государственного медицинского института в 1945 – 1946 гг. / Е.В. Дементьева, В.В. Макарова, Л.Л. Шубин. – Текст : непосредственный // Синергия наук. – 2017. – № 11. – С. 719–725.
110. Демографическая модернизация России: 1900 – 2000 : под редакцией А.Г. Вишневого. – Москва: Новое издательство, 2006. – 601 с. – ISBN 5-98379-042-0. – Текст : непосредственный.
111. **Денисевич, М.Н.** Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.) / М.Н. Денисевич. – Екатеринбург : Издательство УрО АН СССР, 1991. – 197 с. – Текст : непосредственный.
112. **Дикая, Л.Г.** Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования / Л.Г. Дикая, А.В. Махнач. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – №. 3. – С. 3–48.
113. **Дмитриев, А.В.** Материально-бытовое положение рабочих машиностроения Среднего Урала в четвертой пятилетке / А.В. Дмитриев // Рабочий класс Урала 1937–1975. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1979. – С. 21–30. – Текст : непосредственный.

114. **Дмитриев, Т.А.** «Переписывая» советское прошлое: о программе исследований «Советского человека» Н. Н. Козловой / Т.А. Дмитриев. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2017. – №1. – С. 183–226.
115. Дневниковая форма и субъективность в хрущевскую эпоху / А. Пинский. – Текст : непосредственный // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985) : сборник статей / под редакцией А. Пинского. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – С. 145–178. – ISBN 978-5-94380-242-3.
116. **Добренко, Е.** Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» / Е. Добренко – Текст : электронный // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 121. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3566> (дата обращения: 21.06.2017).
117. **Добренко, Е.** Госсмех, или Между рекой и ночью / Е. Добренко. – Текст : непосредственный // Киноведческие записки. – 1993. – № 1. – С. 39–55.
118. **Добренко, Е.** От составителя / Е. Добренко. – Текст : электронный // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 121. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3563> (дата обращения: 21.06.2019).
119. **Докучаев, Г.А.** Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы. 1945–1950. / Г.А. Докучаев. – Новосибирск : Наука, 1972. – 423 с. – Текст : непосредственный.
120. **Долголюк, А.А.** Индустриализация и рост технической оснащенности строительного производства в Сибири в 1946–1990-е годы / А.А. Долголюк. – Текст : непосредственный // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 3 (65). – С. 87–93.
121. **Долголюк, А.А.** Кадры строительных организаций Сибири в послевоенное десятилетие / А.А. Долголюк. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 1. – С. 87–90.
122. Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи / О.Л. Лейбович. – Текст : непосредственный // Астафьевские чтения. Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. – Пермь : Астер, 2009. – С. 250–264.
123. **Дьяченко, В.П.** История финансов СССР (1917 – 1950 гг.) / В.П. Дьяченко. – Москва : Наука. 1978. – 493 с. – Текст : непосредственный.
124. **Евстафьев, Г.Н.** Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества / Г.Н. Евстафьев. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 344 с. – Текст : непосредственный.
125. **Евстигнеева, Л.П.** Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе / Л.П. Евстигнеева. – Москва : Мысль, 1975. – 254 с. – Текст : непосредственный.
126. **Егоров, С.Г.** Послевоенная отмена карточной системы и ее социально-экономическая эффективность в городах Кировской области / С.Г. Егоров. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 73-1. – С. 187–191.
127. **Емелин, С.М.** Основные направления противодействия общеуголовной и экономической преступности на Южном Урале во второй половине 1940-

х–начале 1950-х годов / С.М. Емелин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 17 (308). – С. 85–89.

128. **Еропкин, М.И.** Участие трудящихся в охране общественного порядка / М.И. Еропкин. – Москва : Госюриздат, 1959. – 80 с. – Текст : непосредственный.

129. **Ефимов, Б.Е.** Сорок лет. Записки художника-сатирика / Б.Е. Ефимов. – Москва : Советский художник, 1961. – 206 с. – Текст : непосредственный.

130. **Жигунова, Г.В.** Повседневность как социальный феномен / Г.В. Жигунова. – Текст : электронный // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 8 (52). – С. 56–71. – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7182> (дата обращения: 21.06.2017).

131. Жилищное строительство в Свердловской области в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) как важный фактор социальной политики / В.Н. Мамяченков. – Текст : непосредственный // II Емельяновские чтения : сборник статей материалов всероссийской научно-практической конференции. – Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2007. – С. 166–168. – ISBN 978-5-86328-843-7.

132. **Жирнов, Е.** «Будем ходить в магазины только смотреть» / Е. Жирнов. – Текст : электронный // Журнал «Коммерсантъ Власть». – 2008. – № 41. – С. 72. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1041353> (дата обращения: 21.06.2019).

133. **Жирнов, Е.** Дело о полном уничтожении самогона / Е. Жирнов. – Текст : электронный // Коммерсант. – 2012. – № 51. – С. 57. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2082632> (дата обращения 25. 06. 2018).

134. **Жиромская, В.Б.** Население России в 1939–1945 гг. / В.Б. Жиромская, В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов. – Текст : непосредственный // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 3–17. – DOI: 10.31857/S086956870005112-4.

135. **Жуков, Ю.Н.** Сталин: тайны власти / Ю.Н. Жуков. – Москва : Вагриус, 2005. – 720 с. – ISBN 5-475-00078-6 (в пер.). – Текст : непосредственный.

136. **Жуков, Ю.Н.** Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков / Ю.Н. Жуков. – Москва : Терра, 2000. – 688 с. – ISBN 5-300-02990-4. – Текст : непосредственный.

137. **Жуковский, Я.М.** Повышение материального и культурного уровня жизни народа в новой пятилетке / Я.М. Жуковский. – Москва : Госполитиздат, 1946. – 63 с. – Текст : непосредственный.

138. **Журавель, В.А.** Советский медиабаинг 1930–х гг. Из истории Внешторга СССР / В.А. Журавель. – Текст : непосредственный // Машиностроитель. – 2007. – № 6. – С. 53–54.

139. **Журавский, Д.П.** Об источниках и употреблении статистических сведений / Д.П. Журавский. – Москва : Госпланиздат, 1946. – 119 с. – Текст : непосредственный.

140. **Завадская, Э.Ю.** Денежная реформа 1947 г.: реакция населения. По документам из «Особых папок» Сталина / Э.В. Завадская, Т.В. Царевская. –

Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1996. – № 6. – С. 134–140.

141. **Занозин, Н.В.** Послевоенный сталинизм в Горьковской области. (промышленное и социальное развитие Горьковской области в 1945–1953 гг.) / Н.В. Занозин. – Нижний Новгород : Издательство Нижегородского государственного педагогического университета, 2011. – 229 с. – ISBN 978-5-88820-672-0. – Текст : непосредственный.

142. **Зарипова, В.М.** Особенности функционирования креолизованного рекламного текста (на примере дореволюционных и советских газет) / В.М. Зарипова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – № 1. – С. 113–120.

143. **Захарова, Л.В.** Мода, или режим социального нивелирования / Л.В. Захарова // Режимные люди в СССР. – Москва : РОССПЭН, 2009. – С. 241–254. – ISBN 978-5-8243-1097-9. – Текст : непосредственный.

144. **Захарова, Л.В.** Советская мода 1950-1960-х годов: политика, экономика, повседневность / Л.В. Захарова. – Текст : непосредственный // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2007. – № 3. – С. 56–81.

145. **Здравомыслов, А.Г.** Человек и его работа в СССР и после. / А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 484 с. – ISBN 5-756-70286-5. – Текст : непосредственный.

146. **Земсков, В.Н.** Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. / В.Н. Земсков. – Москва : Институт российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 424 с. – ISBN 978-5-8055-0299-7. – Текст : непосредственный.

147. **Земсков, В.Н.** Ситуация с заключёнными в первые послесталинские годы / В.Н. Земсков. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 3. С. 130–136.

148. **Земсков, В.Н.** Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) / В.Н. Земсков – Текст : непосредственный // Радуга. – 1990. – № 6. С. 45–54.

149. **Зима, В.Ф.** Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия / В.Ф. Зима. – Москва : Издательство РАН, 1996. – 265 с. – ISBN 5-201-00595-0. – Текст : непосредственный.

150. **Зинин, В.Г.** Доходы и потребление населения: динамика и структура / В.Г. Зинин, В.А. Январев. – Москва : [Б. и.], 1973. – 51 с. – Текст : непосредственный.

151. **Золотоносков, М.** Эрзац–реклама на мини–постерах начала 1960–х годов : из цикла «Теория и практика социализма» / М. Золотоносков. – Текст : непосредственный // Новый мир искусства. – 2001. – № 1. – С. 31–34.

152. **Зубкова, Е.Ю.** «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е годы / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Российская история. – 2013. – № 5. – С. 92–104.

153. **Зубкова, Е.Ю.** Земля слухом полнилась... / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Родина. – 1998. – № 8. – С. 5–9.

154. **Зубкова, Е.Ю.** Мир мнений советского человека 1945 – 1948 годы / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1998. – № 4. – С. 99–108.

155. **Зубкова, Е.Ю.** На «задворках» советской повседневности. Особенности государственной политики по отношению к социальным аномалиям и девиантным группам населения. (1945– середина 1960-х годов) / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Россия и современный мир. – 2010. – № 2. – С. 138–156.

156. **Зубкова, Е.Ю.** На «краю» советского общества. маргинальные группы населения и государственная политика. 1940-1960-е годы / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Российская история – 2009. – № 5. – С. 101–118.

157. **Зубкова, Е.Ю.** Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 229 с. – ISBN 5-8243-0069-0. – Текст : непосредственный.

158. **Зубкова, Е.Ю.** С протянутой рукой. Нищие и нищенство в послевоенном СССР / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // *Charies du monde russe*. – 2008. – № 49/2-3. – С. 441–474.

159. **Зубкова, Е.Ю.** Советская жизнь как предмет исторической реконструкции / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Российская история. – 2019. – № 5. – С. 3–14. – DOI: 10.31857/S086956870006372-0.

160. **Зубкова, Е.Ю.** «Советский нищий»: опыт реконструкции коллективного портрета 1950-х гг. / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – №2. – С. 221–236. – DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-2-221-236.

161. **Иванов, В.Н.** Уголовная ответственность за бесхозяйственность / В.Н. Иванов // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды 11. – Москва : Изд-во ВНИИСЗ, 1978. – С. 150–160. – Текст : непосредственный.

162. **Иванова, Г.М.** История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г.М. Иванова. – Москва : Наука, 2006. – 438 с. – ISBN 5-02-035045-1 (в пер.). – Текст : непосредственный.

163. **Иващенко, Г.В.** Массовая информация / Г.В. Иващенко, Т.В. Науменко. – Текст : непосредственный // *Credo*. – 2000. – № 3. – С. 29–37.

164. Изменение объема и структуры товарооборота Свердловской области в период развернутого строительства коммунистического общества / Б.П. Сажин, И.М. Темкина. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики промышленности. – Свердловск : Издательство УрГУ, 1963. – С. 26–29.

165. **Измозик, В.С.** Письма во власть и реакция власти. 1945-1947 гг. / В.С. Измозик. – Текст : непосредственный // Новейшая история России. – 2017. – № 1 (18). – С. 225–244.

166. Изучение неудовлетворенного спроса населения / Т.Н. Саблина. – Текст : непосредственный // НИИТОП : сборник научных работ. – Москва : Госторгиздат, 1956. – С. 67–73.

167. Изучение покупательского спроса населения на основе учета продажи товаров / И.Э. Штейн. – Текст : непосредственный // НИИТОП : сборник научных работ. – Москва : Госторгиздат, 1956. – С. 34–56.

168. **Ильина, И.Ю.** Потребительские стратегии адаптации малообеспеченных слоев населения к новым условиям жизни / И.Ю. Ильина. – Текст : непосредственный // Современные гуманитарные исследования. – 2007. – № 1 (14). – С. 227–228.

169. Индустриальные кадры в черной металлургии Урала в 1940-1950 гг.: размещение, численность, состав / В.А. Сурин. – Текст : непосредственный // Индустриальные кадры Урала в условиях социализма (1937–1980). – Свердловск: УрГУ. 1986. – С. 25–45.

170. Институты, идеология и эффективность экономики / Д. Норт. – Текст : непосредственный // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. / под редакцией Л.И. Пияшева, Дж.А. Дорн. – Москва : Catallaxy, 1993. – С. 307–319. – ISBN 5-7333-0484-7.

171. **Ипполитов, Г.М.** История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки / Г.М. Ипполитов, А.И. Репинецкий. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 3–1. – С. 154–161.

172. История городской повседневности послевоенных лет в советской газетной рекламе / В.Г. Рыженко. – Текст : непосредственный // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всероссийской научной конференции. – Омск: Издательство ОмГУ, 2015. – С. 152–154.

173. История развития торговой рекламы в СССР в послевоенный период (1940–50-е гг.) / Е.В. Шабашова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы экономики, управления, права. – Москва : Институт экономики и предпринимательства, 2007. – С. 135–142. – ISBN 978-5-906656-05-6.

174. История советской милиции. В 2 т. Т. 2 : Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.) / под редакцией Н.А. Щелокова. – Москва : [Б. и.], 1977. – 338 с. – Текст : непосредственный.

175. История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 6 : Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма (1946 г. — начало 60-х годов) / под редакцией В.А. Виноградова. – Москва : Наука, 1980. – 589 с. – Текст : непосредственный.

176. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий / Н.Л. Пушкарева. – Текст : непосредственный // Социальная история. 2004. – Москва : РОССПЭН, 2005. – С. 93–113. – ISBN 5-8243-0635-4 (в пер.).

177. **Исупов, В.А.** Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / В.А. Исупов. – Новосибирск : Наука. 1991. – 291 с. – Текст : непосредственный.

178. К вопросу о составе рабочего класса тяжелой индустрии Урала (1946–1950 гг.) / В.А. Саматов. – Текст : непосредственный // Из истории борьбы ра-

бочего класса Урала за создание материально-технической базы социализма. – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1974. – С. 21-40.

179. **Кабацков, А.Н.** Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику Дмитриева 1946–1953). Социальная среда послевоенного советского города и «обжитые» советские пространства: версия к размышлению / А.Н. Кабацков. – Текст : электронный // Гефтер. Электронный журнал. – URL: http://gefter.ru/archive/18795?_utl_t=fb (дата обращения 19. 09. 2019).

180. **Кабацков, А.Н.** Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А. И. Дмитриева / А.Н. Кабацков, О.Л. Лейбович. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 1. – С. 15–22. – DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.15.

181. Кадровая политика Тюменского облздравотдела в послевоенные годы / И.И. Шорохова. – Текст : непосредственный // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера : материалы всероссийской научной конференции. – Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2010. – С. 178–182.

182. **Казанцев, Б.Н.** Рост реальной заработной платы и доходов рабочих промышленности СССР в 1951–1958 гг. / Б.Н. Казанцев. – Текст : непосредственный // История СССР. – 1966. – № 3. – С. 25–40.

183. **Калинин, И.** Нам смех и строить и жить помогает (политэкономия смеха и советская музыкальная комедия, 1930-е годы) / И. Калинин. – Текст : непосредственный // Totalitarian Laughter: Images – Sounds – Performers. A Special Issue of Russian Literature / Ed. by S. Oushakine and D. Ioffe. – 2013. – Vol. 74. – № 1-2. – С. 119–141.

184. **Калинин, И.** Смех как труд и смех как товар (стахановское движение и капиталистический конвейер) / И. Калинин. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 2 (121). – С. 113–129.

185. **Калинкина, Н.Н.** Социалистическое соревнование и стахановское движение на промышленных предприятиях Южного Урала в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.) / Н.Н. Калинкина. – Текст : непосредственный // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – № 1. – С. 116–120.

186. **Карпенко, И.А.** Сводки Управления МГБ по Ленинграду как исторический источник о настроениях послевоенного общества / И.А. Карпенко. – Текст : непосредственный // Клио. – 2006. – № 1. – С. 62–66.

187. **Карпова, Ю.Б.** Молодежная мода в официальной советской сатире на примере журнала «Крокодил» / Ю.Б. Карпова. – Текст : непосредственный // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – Т. 189. – С. 39–45.

188. **Касатикова, А.А.** Парадоксы советской рекламы / А.А. Касатикова. – Текст : непосредственный // Техническая эстетика и промышленный дизайн. – 2007. – № 8. – С. 48–53.

189. **Катасонов, В.Ю.** Экономика Сталина / В.Ю. Катасонов : ответственный редактор О. А. Платонов. В 15 т. Т. 2. – Москва : ИРЦ, 2014. – 416 с. – ISBN 978-5-426-10191-3. – Текст : непосредственный.

190. **Кимерлинг А.С.** «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы / А.С. Кимерлинг. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – №2. – С. 5–15.

191. **Кимерлинг, А.С.** Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи / А.С. Кимерлинг. – Москва : ВШЭ, 2017. – 211 с. – ISBN 978-5-7598-1533-4. – Текст : непосредственный.

192. **Кимерлинг, А.С.** Особенности провинциальной советской коррупции в 1946–1953 годах на материале Молотовской области / А.С. Кимерлинг. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. – 2012. – Вып. 3. – С. 101–108.

193. **Кимерлинг, А.С.** Платформа против калош, или Стиляги на улицах советского города / А.С. Кимерлинг. – Текст : непосредственный // Теория моды-Fashion theory. Москва. – 2007. – Вып. 5. – С. 81–100.

194. **Кириленко, С.А.** Культурная унификация в сфере питания как отражение функционализации телесного опыта / С.А. Кириленко. – Текст : непосредственный // Studia culturae. – 2002. – Вып. 3. – С. 115–117.

195. **Клинова, М.А.** Конструирование негативного имиджа «хозяйственника» на страницах журнала «Крокодил» в 1953–1964 гг. / М.А. Клинова, А.В. Трофимов. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24. – № 3. – С. 78–82.

196. **Клинова, М.А.** Концепция «культурности» в социальной политике второй половины 1930-х гг. / М.А. Клинова. – Текст : непосредственный // Человек. – 2017. – № 4. – С. 94–105.

197. **Клинова, М.А.** Модели трудовой мобилизации молодежи (по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг. / М.А. Клинова, А.В. Трофимов. – Текст : непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4 (61). – С. 55–62.

198. **Клинова, М.А.** Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности / М.А. Клинова. – Текст : непосредственный // Вестник архивиста. – 2012 – № 4. – С. 300–305.

199. **Клинова, М.А.** Уровень жизни городского населения РСФСР (1946 – 1991 гг.) в отечественной историографии / М.А. Клинова. – Екатеринбург: Издательство УрГЭУ, 2014. – 353 с. – ISBN 978-5-9656-0202-5. – Текст : непосредственный.

200. **Клюев, Е.** Органы БХСС и их роль в борьбе с черным рынком в первое послевоенное десятилетие (на материалах Ленинграда) / Е. Клюев. – Текст : непосредственный // Научные. проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 5. – С. 38–45.

201. **Ковальченко, И.Д.** Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – Москва: Наука, 2003. – 486 с. – ISBN: 5-02-008893-5. – Текст : непосредственный.

202. **Кодинцев, А.Я.** Юридическое образование в СССР в послевоенный период. Управление. Часть 1. / А.Я. Кодинцев – Текст : непосредственный // Юридическое образование и наука. – 2008. – N 2. – С. 35–39.

203. **Кожевина, М.А.** Подготовка кадров милиции в первое послевоенное пятилетие / М.А. Кожевина – Текст : непосредственный // Омский научный вестник. – 2004. – №2 (27). С. 37–40.

204. **Кожевников, М.В.** История советского суда. 1917–1956 гг. / М.В. Кожевников. – Москва : Госюриздат, 1957. – 1046 с. – Текст : непосредственный.

205. **Козлов, В.А.** Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. / В.А. Козлов. – Москва : Олма-пресс, 2006. – 448 с. – ISBN 5-224-05357-9 (в пер.). – Текст : непосредственный.

206. **Козлов, И.В.** К вопросу о роли нормирования труда и заработной платы в повышении производительности труда на авиазаводе №1 (г. Куйбышев) в конце 1940 х начале 1950 х годов / И.В. Козлов. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 6-1. – С. 129–135.

207. **Козлова, Н.Н.** Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора / Н.Н. Козлова. – Москва : Институт философии РАН, 1996. – 216 с. – ISBN 5-201-01892-0. – Текст : непосредственный.

208. **Козлова, Н.Н.** Крестьянский сын: опыт исследования биографии / Н.Н. Козлова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 112–123.

209. **Козлова, Н.Н.** Методология анализа человеческих документов / Н.Н. Козлова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 14–26.

210. **Козлова, Н.Н.** Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии / Н.Н. Козлова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2000. – № 9. – С. 22–32.

211. **Колесникова, А.Г.** «Образ врага» в советской пропаганде периода «холодной войны»: от события к образу / А.Г. Колесникова. – Текст : непосредственный // Приволжский научный вестник. – 2011. – № 3 (3). – С. 30–35.

212. **Комаров, В.Е.** Доходы и потребление населения СССР / В.Е. Комаров, У.Г. Чернявский. – Москва : Наука, 1973. – 210 с. – Текст : непосредственный.

213. **Конаныхин, К.В.** Рекламный процесс в СССР в 30–е годы / К.В. Конаныхин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2000. – № 2. – С. 49–55.

214. **Кондратьева, Т.С.** Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Т.С. Кондратьева ; перевод с французского З.А. Чеканцевой. – Москва :

РОССПЭН, 2006. – 207 с. – ISBN 5-8243-0710-5 (в пер.). – Текст : непосредственный.

215. Конфискация имущества / Д.И. Самгина. – Текст : непосредственный // Наказания, не связанные с лишением свободы / под редакцией И.М. Гальперина. – Москва : Юридическая литература, 1973. – 151 с.

216. **Кораблева, И.Г.** [Рецензия] / И.Г. Кораблева. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1992. – №6. – С. 204–208. – Рец. на кн: Роберт Майер. Стахановское движение 1935–1938 гг. Стахановское движение как катализирующий фактор сталинизации советского общества. – Штутгарт, 1990. – 441 с.

217. **Коренюк В.М.** Особенности повседневной жизни «социально опасных детей» в послевоенное время / В.М. Коренюк, А.Б. Суслов. – Текст : непосредственный // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20. – № 2. – С. 155–168.

218. **Корнеев, А.М.** Текстильная промышленность и пути ее развития / А.М. Корнеев. – Москва : Гизлегпром, 1957. – 364 с. – Текст : непосредственный.

219. **Корнилов, Г.Е.** Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. / Г.Е. Корнилов. – Текст : непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2 (35). – С. 48–57.

220. **Коробков, И.В.** Экономическая реформа 1947 г. в СССР: проблема свободной торговли / И.В. Коробков. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 4 (14). – С. 40–43.

221. **Королев, Б.И.** Партия в период построения социализма в СССР (1946–1958 гг.) / Б.И. Королев, Н.А. Лялин. – Москва : Политиздат, 1967. – 62 с. – Текст : непосредственный.

222. Коррупция и антикоррупционная политика в годы правления И.В. Сталина / Я.О. Беловол, А.В. Манукало. – Текст : непосредственный // Институциональные и инфраструктурные аспекты развития различных экономических систем. – Уфа : АЭТЕРНА, 2016. – С. 42–45. – ISBN 978-5-906869-02-9.

223. **Коршунов, М.М.** Эволюция социального жилья в СССР. От «сталинок» до «хрущевок» / М.М. Коршунов, М.В. Кочеткова. – Текст : электронный // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 4 (32). – URL: <http://human.snauka.ru/2014/04/6537> (дата обращения: 08.02.2019).

224. **Корягина, Т.Н.** Анализ, оценки, прогнозы / Т.Н. Корягина //Теневая экономика. – Москва : Экономика, 1991. – С. 27–44. – Текст : непосредственный.

225. **Кочои, С.М.** Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. – Москва : Антей, 2000. – 288 с. – ISBN 5-93476-009-2. – Текст : непосредственный.

226. **Красильщиков В.А.** Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В.А. Красильщиков. Москва : РОССПЭН, 1998. – 263 с. – ISBN 5-86004-173-X. – Текст : непосредственный.

227. Круглый стол «Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России?» – Текст : электронный. – URL: <http://rusotechstvo.narod.ru/finansy/f49.html>. (дата обращения: 08.02.2019).

228. **Крук, Д.М.** От чего зависит уровень жизни трудящихся в СССР / Д.М. Крук, Д.Г. Чертков. – Москва : Политиздат, 1964. – 80 с. – Текст : непосредственный.

229. **Крушанова, Л.А.** Взятничество на Дальнем Востоке / Л.А. Крушанова. – Текст : непосредственный // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 1. – С. 105–115.

230. **Крюкова, Т.Л.** Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы / Т.Л. Крюкова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2013. – № 19 (5). – С. 184–188.

231. **Кузеев, Р.Г.** Рабочий класс – создатель коммунизма / Р.Г. Кузеев. – Уфа : Башкнигоиздат, 1969. – 265 с. – Текст : непосредственный

232. **Кузнецова, Н.В.** Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953) / Н.В. Кузнецова. – Волгоград : Издательство ВГУ, 2002. – 290 с. – ISBN 5-85534-568-8. – Текст : непосредственный.

233. **Кузнецова, Н.В.** Динамика цен и заработной платы в Нижнем Поволжье в условиях продовольственного кризиса 1946–1947 годов / Н.В. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. – 2012. – № 1 (21). – С. 59–66.

234. **Кузнецова, О.Д.** Организация продовольственного снабжения в годы Великой Отечественной войны / О.Д. Кузнецова, М.А. Аверченко. – Текст : непосредственный // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2015. – № 3. – С. 52–67.

235. **Куляпин, А.И.** Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи / А.И. Куляпин, О.А. Скубач. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 239 с. – ISBN 978-5-9551-0601-4. – Текст : непосредственный.

236. **Куляпин, А.И.** Мифы железного века. Семиотика советской культуры 1920–1950-х гг. / А.И. Куляпин, О.А. Скубач. – Барнаул : Издательство Алаевского университета, 2006. – 125 с. – ISBN 5-7904-0559-2. – Текст : непосредственный.

237. **Купина, Н.А.** Советский конформизм в зеркале языка / Н.А. Купина. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 27–32.

238. **Купина, Н.А.** Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург–Пермь : ЗУУНЦ, 2005. – 144 с. – Текст : непосредственный.

239. **Курасов, С.А.** Повседневность провинциальных вузов в 40-е годы XX века (на примере Владимирской области) / С.А. Курасов, Е.М. Петровичева – Текст : непосредственный // Интеллигенция и мир. – 2015. – № 1. – С. 53–60.

240. **Курицына, Е.В.** Амнистия 1953 г. и ее влияние на криминализацию общественной жизни в СССР (на материалах Пензенской области) / Е.В. Курицына. – Текст : непосредственный // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 764–768.

241. **Курицына, Е.В.** Преступность в советском обществе в 1953–1964 гг. (социально-криминологический аспект) / Е.В. Курицына. – Текст : непосредственный // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 7. – С. 115–119.

242. **Куропаткин, А.П.** Новые веяния в идеологической пропаганде СССР впервые месяцы после смерти И. В. Сталина (на материалах передач союзного радиовещания) / А.П. Куропаткин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 12. – С. 97–99.

243. **Куропаткин, А.П.** Новые направления в идеологической пропаганде СССР после смерти И. В. Сталина / А.П. Куропаткин. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Том 13. – № 3. – С. 165–169.

244. **Лагутин, Н.С.** Бюджет советской семьи / Н.С.Лагутин. – Москва : Политиздат, 1967. – 64 с. – Текст : непосредственный.

245. **Лазарева, Л.Н.** «С каждым годом жить все лучше...» (феномен снижения послевоенных цен) / Л.Н. Лазарева. – Текст : непосредственный // Вестник МГОУ. Серия: Исторические науки. – 2018. – № 3. – С. 138 – 146.

246. **Латова, Н.В.** Российская экономическая ментальность на мировом фоне / Н.В. Латова, Ю.В. Латов. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2001. – № 4. – С. 31–43.

247. **Лебина, Н.Б.** Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... / Н.Б. Лебина. – Текст : непосредственный // Родина. – 1997. – № 1. – С. 18–20.

248. **Лебина, Н.Б.** Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы / Н.Б. Лебина. – Санкт-Петербург : Летний сад, 1999. – 316 с. – ISBN 5-87516-133-7. – Текст : непосредственный.

249. **Лебина, Н.Б.** Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы / Н.Б. Лебина. – СПб.: Крива победа, 2015. – 484 с. – ISBN 978-5-901805-79-4. – Текст : непосредственный.

250. **Лейбович, О.Л.** В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции / О.Л. Лейбович. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 294 с. – ISBN 978-5-8243-1068-9 (в пер.). – Текст : непосредственный.

251. **Лейбович, О.Л.** Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. / О.Л. Лейбович. – Пермь : Издательство Пермского государственного университета, 1993. – 182 с. – Текст : непосредственный.

252. **Лейбович, О.Л.** Реформы 1950-х–1960-х гг. в контексте отечественной модернизации / О.Л. Лейбович. – Текст : непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2001. – № 5-6. – С. 361–373.

253. **Лельчук, В.С.** Сменив мечи на орала. Рассказ о 4-й пятилетке (1946–1950) / В.С. Лельчук. – Москва : Политиздат, 1967. – 112 с. – Текст : непосредственный.

254. **Лившин, А.Я.** Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов / А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – Текст : непосредственный // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 2. – С. 94–102.
255. **Липатова, Н.В.** Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы / Н.В. Липатова. – Ульяновск : УлГУ, 2014. – 239 с. – Текст : непосредственный.
256. **Литвинов, В.А.** Правда о вкусной и здоровой пище: показатели потребления в России за 100 лет / В.А. Литвинов. – Текст : непосредственный // *Человек*. – 2006. – № 2. – С. 46–57.
257. **Лифиц, М.** Советская торговля и ее роль в экономической жизни страны / М. Лифиц. – Москва : Госполитиздат, 1951. – 72 с. – Текст : непосредственный.
258. **Логинов, К.К.** Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты / К.К. Логинов. – Москва : РФСОиН, 2010. – 424 с. – ISBN 978-5-91244-044-1 (в пер.). – Текст : непосредственный.
259. **Лопаткин, В.Г.** Советская торговля – один из важнейших участков социалистической экономики / В.Г. Лопаткин. – Москва : Госкультпросветиздат, 1954. – 52 с. – Текст : непосредственный.
260. **Лунеев, В.В.** Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ / В.В. Лунеев. – Москва: НОРМА, 1995. – 525 с. – ISBN 5-89123-205-7. – Текст : непосредственный.
261. **Любимов, А.В.** Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А.В. Любимов. – Москва : Экономика, 1968. – 231 с. – Текст : непосредственный.
262. **Любутин, К.Н.** Диалектика повседневности: методологический подход / К.Н. Любутин, П.Н. Кондрашов. – Екатеринбург : УрГУ [и др.], 2007. – 295 с. – Текст : непосредственный.
263. Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте / Дж. Брукс. – Текст : непосредственный // *Советская власть и медиа*. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. – С. 228–241. – ISBN 5-7331-0335-3.
264. **Людтке, А.** История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке : под общей редакцией С.В. Журавлева ; пер. с английского и немецкого. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 271 с. – ISBN 978-5-8243-1405-2. – Текст : непосредственный.
265. **Майер, В.Ф.** Заработная плата в период перехода к коммунизму / В.Ф. Майер. – Москва : Экономиздат, 1963. – 302 с. – Текст : непосредственный.
266. **Маклюков, А.В.** Подготовка инженерных кадров для электроэнергетики на Дальнем Востоке России (1918–1948 гг.) / А.В. Маклюков. – Текст : непосредственный // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. – 2016. – № 3. – С. 78–86.
267. **Максименко, А.А.** Монетарные стратегии экономического поведения / А.А. Максименко. – Текст : непосредственный // *Объединенный научный журнал*. – 2003. – № 23. – С. 34–39.

268. Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа / О.Л. Лейбович. – Текст : непосредственный // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. – Москва : РОССПЭН, 2011. – С. 168–182. – ISBN 978-5-8243-1534-9 (в пер.).

269. **Малышева, Е.Г.** Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е.Г. Малышева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 32–40.

270. **Мамяченков В.Н.** Продовольственное обеспечение населения Свердловской области в условиях послевоенного кризиса (1946–1950) / В.Н. Мамяченков. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 5 (106). – С. 58–70.

271. **Мамяченков, В.Н.** Жилищно-коммунальное строительство в 1950-х: борьба с «излишествами» или плата за дешевизну / В.Н. Мамяченков. – Текст : непосредственный // УрФО: Строительство. ЖКХ. – 2011. – № 7 (63). – С. 12–14.

272. **Мамяченков, В.Н.** Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946–1953 гг.) / В.Н. Мамяченков. – Екатеринбург : АМБ, 2009. – 235 с. – Текст : непосредственный.

273. **Мамяченков, В.Н.** Материальные условия жизни семей промышленных рабочих Свердловской области в 1953–1964 годах: от Сталина до Брежнева: историко-экономическое исследование / В.Н. Мамяченков. – Екатеринбург : АМБ, 2010. – 214 с. – Текст : непосредственный.

274. **Мамяченков, В.Н.** Политика цен и карточная система в СССР: государство и общество в 1946 году (на материалах Свердловской области) / В.Н. Мамяченков. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2009. – №37. – С. 115–119.

275. **Мамяченков, В.Н.** Протестные акции населения в 1950–1960-х годах как следствие низкого уровня его материального положения: формы и методы (на материалах Свердловской области) / В.Н. Мамяченков. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 15 (196). – С. 88–96.

276. **Мамяченков, В.Н.** Экономическая преступность на Среднем Урале в первые послевоенные годы (1946-1948 гг.) / В.Н. Мамяченков. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. – 2015. – № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. – С. 136–141.

277. **Маркевич, А.М.** «Магнитка близ Садового кольца». Стимулы к работе на московском заводе «Серп и Молот». 1883–2001 / А.М. Маркевич, А.К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 268 с. – ISBN 5-8243-0583-8 (в пер.). – Текст : непосредственный.

278. **Мартюшов, Л.Н.** Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 годах / Л.Н. Мартюшов. – Екатеринбург : УрГПУ, 1999. – 244 с. – ISBN 5-7186-0271-9. – Текст : непосредственный.

279. **Марьяхин, Г.Л.** Очерки истории налогов с населения в СССР / Г.Л. Марьяхин. – Москва : Финансы, 1964. – 252 с. – Текст : непосредственный.
280. **Маслов, П.П.** Доход советской семьи / П.П. Маслов. – Москва : Статистика, 1965. – 64 с. – Текст : непосредственный.
281. Материально ответственные лица при режиме социалистической собственности / Т.С. Кондратьева. – Текст : непосредственный // Режимные люди в СССР. – Москва : РОССПЭН, 2009. – С. 126–142. – ISBN 978-5-8243-1097-9.
282. **Матюха, И.Я.** Статистика бюджетов населения / И.Я. Матюха. – М.: Статистика, 1967. – 248 с. – Текст : непосредственный.
283. **Матюха, И.Я.** Статистика жизненного уровня населения / И.Я. Матюха. – М.: Статистика, 1973. – 223 с. – Текст : непосредственный.
284. **Мау, В.А.** Государство и экономика: опыт экономических реформ / В.А. Мау. – Москва : Дело, 2017. – 624 с. – ISBN: 978-5-7749-1210-0. – Текст : непосредственный.
285. Методика изучения потребления важнейших непродовольственных товаров / М.А. Итин. – Текст : непосредственный // НИИТОП : сборник научных работ. – Москва : Госторгиздат, 1957. – С. 21–35.
286. Методика изучения уровня продажи основных продовольственных товаров / Р.С. Назаров. – Текст : непосредственный // НИИТОП : сборник научных работ. – Москва : Госторгиздат, 1957. – С. 25–38.
287. **Милохин, Д.В.** Коми. Колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958 : соц.-экон. аспекты развития / Д.В. Милохин, А.Ф. Сметанин. – Москва : Наука, 2005. – 289 с. – ISBN 5-02-010298-9 (в пер.). – Текст : непосредственный.
288. **Минцберг, Г.** Стратегический процесс / Г. Минцберг, Дж. Б. Куинн, С. Гошал : под редакцией Ю.Н. Каптурневского. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 684 с. – ISBN 5-272-00021-8. – Текст : непосредственный.
289. **Митина, Р.В.** Пермские газеты как источник изучения Первой мировой войны: постсоветская историография / Р.В. Митина. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского ун-та. – 2015. – №4 (31). – С. 72–81.
290. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сборник материалов II Всероссийской научной конференции / под редакцией Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2012. – 662 с. – ISBN 978-5-91274-163-0. – Текст : непосредственный.
291. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования / Ю.П. Бокарев. – Текст : непосредственный // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 9–22. – ISBN 978-5-91274-073-2.
292. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) / И.В. Побережников. – Текст : непосредственный // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник научных статей. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 95–100. – ISBN 978-5-91274-073-2.

293. **Морозов, Л.Ф.** Социалистический контроль в СССР / Л.Ф. Морозов, В.П. Портнов. – Текст : непосредственный. – Москва : Политиздат, 1984. – 240 с.
294. **Москвин, В.** Развитие советской торговли / В. Москвин. Москва : Госторгиздат, 1954. – 112 с. – Текст : непосредственный.
295. Мотивация труда промышленных рабочих в СССР в 1920-е гг. / С. Полетаев. – Текст : непосредственный // Опыт историко-антропологических исследований. – Москва : ЭКОН-ИНФОРМ, 2003. – С. 192–198.
296. **Мстиславский, П.С.** Народное потребление при социализме / П.С. Мстиславский. – Москва : Госпланиздат, 1961. – 125 с. – Текст : непосредственный.
297. **Мстиславский, П.С.** Распределение материальных и духовных благ в период развернутого строительства коммунизма / П.С. Мстиславский. – Текст : непосредственный // Партийная жизнь. – 1959. – № 12. – С. 12–20.
298. **Музалевская, Ю.Е.** Стиляги как феномен отечественной послевоенной моды / Ю.Е. Музалевская. – Текст : непосредственный // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2007. – Т. 17. – С. 122–127.
299. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2.: 1940–1959 / ответственный редактор А.М. Поляков. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 416 с. – ISBN 5-8243-0272-3. – Текст : непосредственный.
300. **Науменко, Т.В.** Общественное мнение и массовая коммуникация / Т.В. Науменко. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 2003. – №4. – С. 63–74.
301. Неизвестные страницы истории региональной рекламы (на материалах газеты «Советская Хакасия» за 1989 год) / И.В. Кудрина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: история и современность : материалы X Международной научно-практической конференции. – Абакан, 2015. – С. 106–107.
302. Некоторые вопросы расширения производства товаров народного потребления и улучшение бытового обслуживания населения (на материалах Башкирской АССР) / М.Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики промышленности. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1963. С. 37–54.
303. **Немчинов, В.С.** Избранные произведения. В 6 т. Т. 5. Планирование и народно-хозяйственные балансы / В.С. Немчинов. – Москва : Наука, 1968. – 430 с. – Текст : непосредственный.
304. **Николаева, Н.И.** Новый образ США. Изменения в советской политике и пропаганде в 1947–1948 гг. / Н.И. Николаева. – Текст : электронный. – URL: <https://psyfactor.org/lib/propaganda16.htm> (дата обращения: 24. 06. 2019).
305. **Никонова, О.Ю.** Борьба за «минимум калорий»: общественное питание и продовольственное снабжение в послевоенном Челябинске (1946–50 гг.) / О.Ю. Никонова. – Текст : непосредственный // Управление в современных системах. – 2014. – № 4. – С. 28–36.

306. «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. / И.Б. Орлов. – Текст : непосредственный // История России XIX-XX вв.: Новые источники понимания. – Москва : Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 230–236. – ISBN 5-8243-0146-8.

307. **Новиков, В.Н.** Социальные инициативы молодых работников Курского железнодорожного узла в ходе восстановления разрушенного войной транспортного хозяйства (1940-е – начало 1950-х гг.) / В.Н. Новиков, В.В. Корвин. – Текст : непосредственный // Личность, общество, власть: прошлое и современность : материалы 12-й региональной науч. конф. Воронеж: Изд-во ВГУ, – 2018. – С. 210–216.

308. **Новинская, Т.Ю.** К вопросу об отмене нормированного распределения и переходе к свободной торговле 1946–1948 гг. (по материалам Пензенской области) / Т.Ю. Новинская. – Текст : непосредственный // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – №27. – С. 867–869.

309. «Новому советскому человеку» случается ошибаться: вместо героических фигур – обыкновенные граждане, неуверенно ищущие счастье / С. Хупер. – Текст : непосредственный // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985) : сборник статей / под редакцией А. Пинского. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – С. 39–74.

310. **Ньюман, Л.** Неопросные методы исследования / Л. Ньюман. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1998. – № 6. – С. 119–129.

311. Об отношении юридических обычаев к законодательству / Н.В. Калачев. – Текст : непосредственный // Сборник народных юридических обычаев / под редакцией П.А. Матвеева. В. 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Типография В. Киришбаума, 1878. – С. 7–14.

312. Обеспечение продуктами питания городского населения Сибири / С.С. Букин – Текст : непосредственный // Сибирь в годы Великой Отечественной войны : сборник научных трудов / ответственный редактор В.В. Алексеев. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1986. – 230 с.

313. Образ Польши в советской карикатуре периода второй мировой войны (к постановке проблемы) / В.А. Невежин. – Текст : непосредственный // Поляки и русские – преодоление предрассудков. – Лодзь: Ibidem, 2006. – С. 301–316. – ISBN 83-88679-46-5.

314. Образы культуры детства в советском плакате: ценностный аспект / А.И. Зайцева. – Текст : непосредственный // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : материалы II всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под редакцией С.В. Соловьевой. – Самара : Издательство Самарской государственной академии культуры и искусства, 2014. – С. 66–71. – ISBN 978-5-88293-350-9.

315. Общественно-политические настроения дальневосточников в 1946–1960-е годы / А.С. Ващук. – Текст : непосредственный // Дальневосточные архивы: прошлое – будущему. – Владивосток : РГИАДВ, 2003. – С. 230–235.

316. Общественные настроения в советском обществе во второй половине 40-х гг. XX в. (по материалам Башкирской АССР) / М.С. Мигранов. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : сборник статей по материалам I международной научно-практической конференции. – Новосибирск : СибАК, 2011. – С. 14–20.

317. **Овсебян, Р.П.** История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917–начало 90-х годов) / Р.П. Овсебян. – Москва : Изд-во МГУ, 1999. – 304 с. – ISBN 5-211-04070-8. – Текст : непосредственный.

318. **Овчинникова, С.Г.** Стиляги на Урале / С.Г. Овчинникова. – Текст : непосредственный // Время культуры в региональном пространстве. Курган: Изд-во КГУ, 2010. – С. 140–147.

319. **Олдак, П.Г.** Взаимосвязь производства и потребления (критерии оценки) / П.Г. Олдак. – Москва : Экономика, 1966. – 185 с. – Текст : непосредственный.

320. **Олсен, М.** Возвышение. Экономический рост и упадок. Стагфляция народов. Социальный склероз / М. Олсен. – Москва : Новое издательство, 2013. – 324 с. – ISBN 978-5-98379-170-1. – Текст : непосредственный.

321. Организация и методы изучения покупательского спроса / Г.Л. Трахтенберг. – Текст : непосредственный // НИИТОП : сборник научных работ. – Москва : Госторгиздат, 1956. – С. 30–37.

322. **Орлов, И.Б.** Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты / И.Б. Орлов. – Текст : непосредственный // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2010. – № 3. – С. 36–42.

323. **Орлов, И.Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И.Б. Орлов. – Москва : ГУ-ВШЭ, 2008. – 316 с. – ISBN 978-5-7598-0701-8. – Текст : непосредственный.

324. **Осипов, В.А.** Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг. (на материалах Западной Сибири) / В.А. Осипов. – Кемерово: КузГТУ, 2003. – 125 с. – ISBN 5-89070-332-3 (в обл.). – Текст : непосредственный.

325. Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР, конец 30-х - начало 60-х годов: В 2-х т. Т. 2. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма / под общей редакцией Ю.А. Полякова. – Москва : Наука, 1984. – 285 с. – Текст : непосредственный.

326. Основные этапы развития советской торговли / Я.А. Кистанов. – Текст : непосредственный // 35 лет Советской торговли: сборник статей. – Москва : Госторгиздат, 1952. – С. 12–26.

327. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе / О.Ю. Гурова. – Текст : непосредственный // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре». – Новосибирск : Издательство НГУ, 2005. – С. 6–21. – ISBN 5-94356-303-2.

328. От прозрачности к непрозрачности в советском политическом дискурсе / П. Серно. – Текст : непосредственный // Социоллингвистика и социология языка : Хрестоматия. В. 2 т. Т.2. / ответственный редактор Н.Б. Вахтин. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 609–636. – ISBN 978-5-94380-201-0.

329. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / ответственный редактор Э.Д. Днепров. – Москва : Педагогика, 1989. – 479 с. – Текст : непосредственный.

330. Очерки развития социалистического соревнования на Урале (1919–1967 г.) / научный редактор М.Г. Митин. Вып. 7. – Свердловск : [Б.и.], 1970. – 279 с. – Текст : непосредственный.

331. **Пашина, Н.В.** Экономическая реформа 1947 г.: трудности перехода к свободной торговле (на материалах Красноярского края) / Н.В. Пашина, В.И. Федорченко. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. – 2016. – № 6-1. – С. 151–154.

332. Периодическая печать как исторический источник: специфика и возможности использования / Е.В. Каменская. – Текст : непосредственный // Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года : сборник научных статей. – Екатеринбург: Издательство УрГЭУ, 2017. – С. 37–45.

333. **Перцев, В.А.** Раработка и реализация в советском государстве концепции общества потребления в 1950–1960-е гг. / В.А. Перцев. – Текст : непосредственный // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 8. – С. 110–113.

334. **Петухов, А.С.** Теории практик как методология изучения повседневности / А.С. Петухов, С.В. Пирогов. – Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – 2018. – №41. – С. 159–167.

335. **Пивоваров, Ю.С.** «...И в развалинах век» / Ю.С. Пивоваров. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 6. – С. 52–77.

336. **Пионтковский, А.А.** К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с нею / А.А. Пионтковский. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1959. – № 3. – С. 85–98.

337. **Пискотин, М.И.** Налоги с сельского населения в СССР. Правовые вопросы / М.И. Пискотин. – Москва : Издательство АН СССР, 1957. – 200 с. – Текст : непосредственный.

338. **Пискунов, С.А.** Организация и осуществление перевозки сельскохозяйственных переселенцев: практика второй половины 1940-х–1980-х гг. / С.А. Пискунов. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2016. – №2. – С. 282–289.

339. **Пихоя, Р.Г.** Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. / Р.Г. Пихоя. – Москва : АСТ, 2007. – 716 с. – ISBN 5-17-040859-5. – Текст : непосредственный.

340. **Пихоя, Р.Г.** Советский Союз: история власти 1945–1991 / Р.Г. Пихоя : издание второе. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 684 с. – ISBN 5-87550-105-7. – Текст : непосредственный.

341. **Побережников, И.В.** Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения / И.В. Побережников. – Текст : непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 4. – С. 36–45.

342. Повседневность и революционные преобразования советской власти / В.С. Тяжелникова. – Текст : непосредственный // Россия в XX в. Реформы и революции / под редакцией Г.Н. Севостьянова. В 2 т. Т.2. – Москва : Наука, 2002. – С. 101–117. – ISBN 5-02-008802-1.

343. Повседневность российской провинции XIX–XX вв. : материалы Всероссийской научной конференции / ответственный за выпуск Е.С. Субботина. В. 2 ч. Ч. 2. – Пермь : ПГГПУ, 2013. – 324 с. – ISBN 978-5-85218-674-4. – Текст : непосредственный.

344. Подготовка к отмене карточной системы снабжения на Дальнем Востоке, 1946 г. (из архивных «особых» папок) / Л.А. Слабнина. – Текст : непосредственный // Амурская область: история и современность : материалы всероссийской научной конференции. – Благовещенск : Изд-во Амурского областного краеведческого музея, 2009. – С. 125–133. – ISBN 978-5-98334-016-9.

345. **Подосинникова, Р.В.** Риторика журналистского дискурса (муниципальная власть в образах и оценках местной прессы) / Р.В. Подосинникова. – Текст : электронный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2009. – № 4. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/012-9.pdf> (дата обращения: 20. 03. 2017).

346. **Полунин, В.В.** Становление Центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945 – 1953 гг.) / В.В. Полунин. – Текст : непосредственный // Новый исторический вестник. – 2007. – № 2 (16). – С. 213–220.

347. «Польша сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) / В.А. Токарев. – Текст : непосредственный // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. – Москва : Институт Российской истории РАН, 2007. – С. 216–232. – ISBN 978-5-8055-0231-7.

348. **Полянский, Н.Н.** Хозяйственные преступления по новому уголовному кодексу / Н.Н. Полянский. – Москва ; Ленинград : Промиздат, 1928. – 40 с. – Текст : непосредственный.

349. **Попов, В.П.** Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) / В.П. Попов. – Текст : непосредственный // Отечественные архивы. – 1992. – № 6. – С. 37–60.

350. **Попов, В.П.** Демографические перемены в СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. / В.П. Попов. – Текст : непосредственный // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 49–64. – DOI: 10.31857/S086956870005139-3.

351. **Попов, В.П.** Сталин и советская экономика в послевоенные годы / В.П. Попов. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 61–76.

352. **Попов, В.П.** Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Москва ; Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. – 222 с. – ISBN 5-8265-0119-7. – Текст : непосредственный.

353. **Постников, С.В.** О методах отбора семей рабочих, служащих и колхозников для обследования их бюджетов / С.В. Постников. – Текст : непосредственный // Вестник статистики. – 1953. – № 3. – С. 32–46.

354. Потребности, доходы, потребление / ответственный редактор Н.П. Федоренко. – Москва : Наука, 1979. – 152 с. – Текст : непосредственный.

355. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис. Конец 1930-х – середина 1950-х годов / А.К. Соколов. – Текст : непосредственный // Экономическая история. Ежегодник. 2003. – Москва : Издательство МГУ, 2003. – С. 74–100. – ISBN 5-8243-0521-8 (в пер.).

356. **Прищепа, А.И.** Забастовки на Урале в 1940–1960 годах / А.И. Прищепа. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 135–137.

357. Проблема обеспечения рабочей силой угольной промышленности Урала в контексте мобилизационных процессов первой половины XX века / С.А. Баканов. – Текст : непосредственный // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. – Челябинск. 2009. – С. 155–160. – ISBN 978-5-91274-073-2.

358. Проблемы личного потребления трудящихся при социализме / Г.Б. Морозов, Б.Л. Цыпин. – Текст : непосредственный // Показатели и факторы эффективности региональной экономики. – Свердловск : СИНХ, 1978. – С. 23–36.

359. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях / А.К. Соколов. – Текст : непосредственный // Труды Института российской истории. Вып. 9. – Москва : Изд-во РАН, 2010. – С. 174–224. – ISBN 978-5-8055-0236-2.

360. Продовольственное обеспечение населения Южного Урала с 1945 по 1953 год (на примере Чкаловской и Челябинской областей) / Н.В. Хомякова. – Текст : непосредственный // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII – XX веках. – Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2006. – С. 112–117.

361. **Пропостин, А.А.** Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее / А.А. Пропостин. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 264 с. – ISBN 978-5-93295-849-0. – Текст : непосредственный.

362. **Пушкарев, Л.Н.** Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.Н. Пушкарев. Москва : Наука, 1975. – 282 с. – Текст : непосредственный.

363. **Пыжиков, А.В.** Амплитуда экономического развития СССР (1953–1964 гг.) / А.В. Пыжиков. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 136–145.

364. **Пыжиков, А.В.** Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ / А.В. Пыжиков. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2002. – № 2. – С. 33–43.

365. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества 1946–1960 гг. / ответственный редактор В.Б. Тельпуховский. – Москва : Наука, 1987. – 519 с. – Текст : непосредственный.

366. **Радаев, В.В.** Потребности как экономическая категория социализма / В.В. Радаев. – Москва : Мысль, 1970. – 220 с. – Текст : непосредственный.

367. **Радаев, В.В.** Экономические интересы при социализме / В.В. Радаев. – Москва : Экономика, 1971. – 72 с. – Текст : непосредственный.

368. Развитие общественного питания / Ф.Я. Успенский. – Текст : непосредственный // 35 лет советской торговли. – Москва : Госторгиздат, 1952. – С. 47–64.

369. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов–50-е годы) / Н.С. Иванов. – Текст : непосредственный // Судьба российского крестьянства / под редакцией Ю.Н. Афанасьева. – Москва : Издательство РГГУ, 1996. – С. 416–435. – ISBN 5-7281-0032-5.

370. **Рафикова, С.А.** Субкультура или подражательство? Стиляги сибирской провинции / С.А. Рафикова. – Текст : электронный // Культурологический журнал. Электронное периодическое издание. – 2010. – № 2. – С. 3. – URL: journal.ru (дата обращения: 18.12.2019).

371. **Ребров, А.В.** Факторы формирования мотивации работников / А.В. Ребров. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 38–49.

372. Регулирование розничных цен на товары народного потребления на разных этапах развития советского хозяйства / Л.С. Мазель. – Текст : непосредственный // НИИТОП : сборник научных работ. – Москва : Госторгиздат, 1957. С. – 10–15.

373. Режимность на советских предприятиях / А.К. Соколов. – Текст : непосредственный // Режимные люди в СССР / ответственный редактор Т.С. Кондратьева, А. К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 2009. – С. 97–125. – ISBN 978-5-8243-1097-9.

374. **Ремнева, С.В.** Анализ социального состава лиц, осужденных за уголовные преступления в Ленинграде и области во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. (на основании милицейской статистики) / С.В. Ремнева. – Текст : непосредственный // Клио. – 2015. – № 4 (100). – С. 138–142.

375. **Репенецкий, А.И.** Реализация денежной реформы 1947 г. и реакция населения (на материалах Куйбышевской (Самарской) области) / А.И. Репенецкий. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – №6. – С. 120–124.

376. **Реут, Е.В.** Социальное явление «несуны» на заводе № 820 в первые послевоенные годы (1946-1953) / Е.В. Реут. – Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 12. – С. 77–83.

377. Решение жилищной проблемы на Дальнем Востоке в сталинскую и постсталинскую эпохи / С.А. Власов. – Текст : непосредственный // Советский

Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – С. 108–115. – ISBN 978–5–905239–16–8.

378. **Рогачев, А.Г.** Исторические особенности сталинской модели государственной и правовой модернизации СССР в 1929–1953 годах / А.Г. Рогачев. – Текст : непосредственный // Вестник КрасГАУ. – 2014. – № 8. – С. 256–263.

379. **Роговин, В.З.** Сталинский неонэп / В.З. Роговин. – Москва : [Б. и.] 1995. – 382 с.

380. **Рожков, И.Я.** Реклама советского периода: как это было / И.Я. Рожков. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №2. – С. 171–178.

381. **Романенко, А.П.** Советская словесная культура: образ ратора / А.П. Романенко : под редакцией О.Б. Сиротиной. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2000. – 212 с. – ISBN 5-292-02455-4. – Текст : непосредственный.

382. Российская повседневность в XX веке: теоретико-методологические подходы к изучению / А.С. Сенявский. – Текст : непосредственный // Человек в российской повседневности : сборник научных статей. – Москва : СТИ МГУ, 2001. – С. 67–74.

383. Россия как цивилизация / В.Ф. Шаповалов – Текст : непосредственный // История России : теоретические проблемы. Вып. 1. Российская цивилизация : опыт исторического и междисциплинарного изучения / ответственный редактор А.С. Сенявский. – Москва : Наука, 2002. – С. 112–138.

384. **Рынков, В.М.** Периодическая печать: место в системе исторических источников / В.М. Рынков. – Текст : непосредственный // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–50.

385. **Савельева, О.О.** Советская реклама 20–х годов как средство агитации и пропаганды / О.О. Савельева. – Текст : непосредственный // Человек. – 2006. – № 2. – С. 58–69.

386. **Салис, Р.** «Нам уже не до смеха»: Музыкальные комедии Григория Александрова / Р. Салис. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 354 с. – ISBN 978-5-86793-972-4. – Текст : непосредственный.

387. **Салкина, О.В.** «Карточки отменяются...» Свидетельствуют документы / О.В. Салкина. – Текст : непосредственный // Псков. – 2007. – № 27. – С. 216–229.

388. **Селюнин, В. И.** Лукавая цифра / В.И. Селюнин, Г.И. Ханин. – Текст : непосредственный // Новый мир. – 1987. – № 2. – С. 181–201.

389. **Сальникова, Е.В.** Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х гг. Визуальные образы, герои, сюжеты / Е.В. Сальникова : Издание второе. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 480 с. – ISBN 978-5-382-01182-0. – Текст : непосредственный.

390. **Сарнов, Б.** Наш светский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б. Сарнов. – Москва : Материк, 2002. – 596 с. – ISBN 5-85646-059-6. – Текст : непосредственный.

391. **Седов, В.В.** Мобилизационная экономика: советская модель / В.В. Седов. – Челябинск : ЧелГУ, 2003. – 177 с. – ISBN 5-7271-0649-4 : 150. – Текст : непосредственный.
392. **Селезнева, Е.Ю.** Советская социальная реклама (моделирование сберегательного поведения дальневосточников) (1945–1950-е гг.) / Е.Ю. Селезнева. – Текст : непосредственный // Россия и АТР. – 2008. – № 1. – С. 43–58.
393. **Семенова, Т.А.** Правовое регулирование самостоятельной занятости в СССР / Т.А. Семенова. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 262 с. – ISBN 978-5-8243-2174-6. – Текст : непосредственный.
394. **Сергиевский, В.Н.** Проблемы оптимального соотношения производства и потребления в СССР / В.Н. Сергиевский. – Москва : Мысль, 1968. – 199 с. – Текст : непосредственный.
395. **Симонов, Н.С.** ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управления / Н.С. Симонов. – Москва : РФСОиН, 2015. – 504 с. – ISBN 978-5-91244-122-6. – Текст : непосредственный.
396. **Синдянкина, О.К.** Участие профсоюзных организаций Мордовии в социалистическом соревновании в годы восстановления народного хозяйства (1946 – 1953 гг.) / О.К. Синдянкина. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 10. – С. 150.
397. **Синова, И.В.** Развитие советской торговой рекламы в период нэпа / И.В. Синова. – Текст : непосредственный // Известия Санкт–Петербургского ун–та экономики и финансов. – 1996. – № 3. – С. 145–150.
398. **Скрадоль, Н.** «Жить стало веселее»: советская частушка и производство идеального советского субъекта / Н. Скрадоль. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 108. – С. 160–184.
399. **Слабнина, Л.А.** Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР / Л.А. Слабнина. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1997. – 112 с. – ISBN 5-7444-0759-6. – Текст : непосредственный.
400. **Славкин, В.И.** Памятник неизвестному стилисту. / В.И. Славкин. – Москва: Артист. Режиссер. Театр. 1996. – 311 с. – ISBN 5-87334-078-1. – Текст : непосредственный.
401. **Славко, Т.И.** Источниковедение отечественной истории советского периода / Т.И. Славко, Ю.А. Русина. – Екатеринбург : УрГУ, 1995. – 77 с. – ISBN 978-5-7996-0293-2. – Текст : непосредственный.
402. **Сластнев, С.Б.** «А сейчас всех выровняют». Денежная реформа и отмена карточной системы на Среднем Урале. 1947-1948 гг. / С.Б. Сластнев. – Текст : непосредственный // Веси. – 2014. – № 8. – С. 67–84.
403. **Смолененкова, В.В.** Риторика Сталина военного времени. Приказ № 70 / В.В. Смолененкова. – Текст : электронный // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Электронный ресурс. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_105.html (дата обращения: 24. 11. 2019).

404. **Снегирёва, И.О.** Советское трудовое право: проблемы использования трудовых ресурсов / И.О. Снегирёва. – Москва : Юрайт, 1990. – 302 с. – ISBN 5-02-012903-8 (В пер.). – Текст : непосредственный.

405. Советская милиция: история и современность, 1917–1987 гг. / под редакцией А.В. Власова. – Москва : Юридическая литература, 1987. – 335 с. – Текст : непосредственный.

406. Советская номенклатура и система внутрикорпоративной охранительности в позднесталинский период (1946-1953 гг.) / О.Н. Калинина. – Текст : непосредственный // Советское общество в период позднего сталинизма. 1945–1953. – Москва : РОССПЭН, 2015. – 721 с. – ISBN 978-5-8243-1973-6.

407. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917–середина 1930-х годов) / А.К. Соколов. – Текст : непосредственный // Экономическая история. Обзорение / под редакцией Л.И. Бородкина. – Москва : Издательство МГУ, 2000. – №4. – С. 39–80.

408. Советская послевоенная политика в области реэмиграции: подходы и практика / Н.Н. Аблажей. – Текст : непосредственный // Демографическая история России. Вып. II : миграции населения / ответственный редактор Г.Е. Корнилов. – Екатеринбург : Издательство ИИА УРО АН, 2018. – С. 120–140. – ISBN 978-5-9070800-6-5.

409. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. – Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008 – 373 с. – ISBN 978-5-903360-11-6 (в пер.). – Текст : непосредственный.

410. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общей редакцией Ю.Н. Афанасьева. – Москва : Издательство РГГУ, 1997. – 757 с. – Текст : непосредственный.

411. Создание и развитие продовольственной базы промышленных центров Урала в период Великой Отечественной войны / А.Н. Трифонов. – Текст : непосредственный // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958). – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1982. – С. 61–65.

412. **Соколов, Б.** Был порядок, говорят... Штрихи к портрету коррупции в сталинскую эпоху / Б. Соколов. – Текст : электронный // Отечественные записки. – 2012. – № 2. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/byl-poryadok-govoryat> (дата обращения: 17. 07. 2019).

413. **Соколов, В.** Советская торговля в послевоенный период / В. Соколов, Л. Назаров. – Москва : Госполитиздат, 1954. – 164 с.

414. **Соловьев, Е.В.** Статус города: правовые основания присвоения / Е.В. Соловьев. – Текст : непосредственный // Марийский юридический вестник. 2014. № 11. С. 74–79.

415. **Сонин, М.Я.** Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда / М.Я. Сонин. – Москва : Госпланиздат, 1959. – 368 с. – Текст : непосредственный.

416. **Сохань, И.В.** «Книга о вкусной и здоровой пище»: гастрономические образы сталинской эпохи / И.В. Сохань. – Текст : непосредственный // Человек. – 2012. – № 6. – С. 139–153.

417. **Сохань, И.В.** Тоталитарный дискурс культуры еды в советской России 1920-1930-х гг. / И.В. Сохань. – Текст : непосредственный // Вестник Томского Государственного Университета. – 2010. – № 332. – С. 63–68.

418. Социальная катастрофа – голод на Кубани в 1946–1947 гг. / М.Р. Стругова. – Текст : непосредственный // Historia Caucasica. – Краснодар : КГИ-АМЗ, 2004. Вып.2. – С. 46–56.

419. Социально-политические отношения на Урале в 1945–1965 гг. / С.В. Горшков, Н.Н. Попов. – Текст : непосредственный // Урал на пороге третьего тысячелетия. – Екатеринбург : Изд-во РАН, 2000. – С. 123–125.

420. Социальные напряженности в позднюю сталинскую эпоху / О.Л. Лейбович. – Текст : непосредственный // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. : материалы международной конференции. – Тверь : РОССПЭН, 2015. – С. 25–35. – ISBN 978-5-8243-1973-6.

421. Специфика жанра газетного объявления региональных СМИ в СССР (на примере газеты г. Белово «Знамя коммунизма» / Е.А. Кириенко, Т.В. Калужная. – Текст : непосредственный // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения. – Новокузнецк, 2014. – С. 173–175.

422. Становление современной региональной рекламы (на примере газеты «Советская Хакасия») / И.В. Кудрина. – Текст : непосредственный // Реклама и современный мир : материалы IV Международной научной конференции. – Тверь, 2016. – С. 216–220.

423. Становление школы визуального мерчендайзинга и торговой рекламы в СССР в 50–60-е годы / Л.В. Кутыркина, К.И. Кутянская, И.С. Самойленко. – Текст : непосредственный // Научный форум: экономика и менеджмент : материалы междунар. науч. конф. – Москва : МЦНиО, 2017. – С. 9–17.

424. Структура и стиль советского политического некролога 30-х – 80-х годов / В. Юровский // Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Hg. Daniel Weiss. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M; –New York; Oxford; – Wien: Peter Lang, 2000. – P. 127–190. – ISBN 9783906765198. – Текст : непосредственный.

425. **Струмилин, С.Г.** К вопросу об измерении народного благосостояния / С.Г. Струмилин. – Текст : непосредственный // Вестник статистики. – 1954. – № 5. – С. 20–31.

426. **Стыкалин, С.И.** Советская сатирическая печать 1917–1963 / С.И. Стыкалин, И.К. Кременская. – Москва : Госполитиздат, 1963. – 484 с. – Текст : непосредственный.

427. **Сулейманова, Р.Н.** «Зачем такое правительство нужно?»: власть в представлениях населения Башкирской АССР (1945–1950-е годы) / Р.Н. Сулейманова. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 2. – С. 772–776.

428. Суржикова Н.В. Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–1917 гг.) / Н.В. Суржикова. – Текст : непосредственный // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования : сборник научных статей. – Санкт-Петербург ; Киев ; Минск : Нестор-история, 2008. – С. 90–121.

429. Суржикова Н.В. Печальное наследие войны: проблема криминала в послевоенном советском обществе (по материалам центральной и региональной прессы) / Н.В. Суржикова. – Текст : непосредственный // Подвиг Урала в исторической памяти поколений : материалы международной конференции. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2010. – С. 290–297.

430. **Суровцева, Е.В.** Письмо-просьба/жалоба/оправдание как разновидность жанра «письма властителю» / Е.В. Суровцева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3–2 (45). – С. 188–193.

431. **Суровцева, Е.В.** Письмо-просьба/жалоба/оправдание как разновидность жанра «письма властителю» при Хрущеве и Брежневеве / Е.В. Суровцева. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной науки. – 2010. – № 14. – С. 202–209.

432. **Сухова, О.А.** Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О.А. Сухова. – Москва : РОС-СПЭН. 2008. – 677 с. – ISBN 978-5-8243-1006-1. – Текст : непосредственный.

433. **Сушков, А.В.** Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов / А.В. Сушков. – Текст : непосредственный // Новейшая история России. – 2018. – Т.8. – № 1. – С. 99–115.

434. **Сушков, А.В.** Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов / А.В. Сушков. – Текст : непосредственный // Новейшая история России. – 2018. – Т.8. – №1 – С. 99–115.

435. **Сушков, А.В.** Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) / А.В. Сушков. – Текст : непосредственный // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 3. – С. 89–95.

436. **Сушков, А.В.** Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана / А.В. Сушков. – Екатеринбург : УрО РАН. 2016. 300 с. – ISBN 978-5-7691-2473-0. – Текст : непосредственный.

437. **Тарасов, М.П.** Забота партии и правительства о подъеме материального благосостояния и культурного уровня трудящихся / М.П. Тарасов. – Москва : 1-я тип. Профиздата, 1950. – 48 с. – Текст : непосредственный.

438. **Татарская, Н.** Бюджет рабочей семьи / Н. Татарская, А. Гурьянов. – Москва : Экономика, 1957. – 138 с. – Текст : непосредственный.

439. **Твердюкова, Е.Д.** Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения в СССР. 1941–1947 гг. / Е.Д. Твердюкова. – Текст : непосредственный // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. – 2010. – № 2. – С. 88–99.

440. **Твердюкова, Е.Д.** Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. / Е.Д. Твердюкова. – Текст : непосредственный // Новейшая история России / Modern history of Russia. – 2011. – №1. – С. 45–53.

441. **Твердюкова, Е.Д.** Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ / Е.Д. Твердюкова. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 328 с. – ISBN 978-5-8465-1084-5. – Текст : непосредственный.

442. **Твердюкова, Е.Д.** «Двигатель... накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода нэпа / Е.Д. Твердюкова. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 2. – С. 212–223.

443. Творцы советского атомного проекта в режимных городах / Н.В. Мельникова. – Текст : непосредственный // Режимные люди в СССР : сборник научных статей. – Москва : РОССПЭН, 2009. – С. 49–66. – ISBN 978-5-8243-1097-9.

444. Техника – политична. О новой советской культуре инженера в 30-е годы / С. Шаттенберг. – Текст : непосредственный // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. – Санкт-Петербург : Нева, 2000. – С. 193–217. – ISBN 5-87516-185-X.

445. «Товарищ взятка»: взяточничество в жизни послевоенного Ленинграда (1945–1953) / И.В. Говоров. – Текст : непосредственный // Новейшая история России. Время, события, люди : под редакцией М.В. Ходякова. – Санкт-Петербург : [Б.и.], 2010. – С. 349–361.

446. **Толмачева, Р.П.** Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.) / Р.П. Толмачева. – Томск : Издательство Томского университета, 1979. – 189 с. – Текст : непосредственный.

447. **Торубаров, Ю.С.** Налоговая политика советского государства в отношении сельского населения в послевоенные годы / Ю.С. Торубаров. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С. 78–80.

448. Тоталитарный язык / Дж. Янг. – Текст : непосредственный // Социоллингвистика и социология языка. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 659–715. – ISBN 9785-94380-2010.

449. Трофимов А.В. Модернизационные процессы и экономические модели поведения уральского населения (1945–1965 гг.) / А.В. Трофимов. – Текст : непосредственный // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. : сборник научных статей / ответственный редактор В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Издательство ИИА УрО РАН, 2015. – С. 327–332. – ISBN 978-5-7691-2425-9.

450. Трофимов А.В. Модернизационные процессы на Урале и в Сибири во второй половине XX в.: проблемы историографии / А.В. Трофимов. – Текст : непосредственный // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности : материалы всерос. науч. конф. – Курган : КГУ, 2012. – С. 184–185. – ISBN 978-5-4217-0147-7.

451. **Трофимов, А.В.** Экономические представления и модели поведения уральского населения (1945-1964 гг.) в историческом дискурсе / А.В. Трофимов. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – №2. – С. 64–68.

452. **Трофимов, А.В.** Экономические стратегии Уральского населения (середина 1940-х – середина 1960-х годов) / А.В. Трофимов. – Текст : электронный // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2016. – № 1. – С. 111–120. – URL: <http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/6-aprel-2016.html>. DOI: 10.24411/2542-0275-2016-00003.

453. Трудовая активность молодежи промышленных предприятий Урала (1946 – 1950 гг.) / М.Н. Федченко. – Текст : непосредственный // Методологические аспекты современного историописания и исторической локалистики : сборник научных трудов. – Курган : Курганский государственный университет, 2011. – С. 84–101. – ISBN 978-5-4217-0118-7.

454. Трудовая политика на советских предприятиях с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг.: деградация стимулов к работе / А.К. Соколов. – Текст : непосредственный // Экономическая история. Ежегодник. 2003. – Москва : Издательство МГУ, 2003. – С. 100–140. – ISBN 5-8243-0521-8.

455. Трудовой этос эпохи позднего социализма (по материалам провинциальной печати) / О.А. Смоляк. – Текст : непосредственный // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. В 2 т. Т. 2. – Пермь : ПГТУ, 2006. – С. 115–118.

456. Трудовые подвиги омичей в первые послевоенные годы (1945–1953) / С.Г. Сизов. – Текст : непосредственный // Великая Отечественная война: экономика, политика, общество, культура : материалы международной конференции. – Омск : Издательство ОмГУС, 2015. – С. 26–27. – ISBN 978-5-93252-3629.

457. **Турбина, Е.П.** Стиляжничество как элемент молодежной культуры 1950-х годов / Е.П. Турбина, М.Н. Репа. – Текст : непосредственный // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2011. – № 1 (10). – С. 200–202.

458. **Турянова, О.Н.** Социально-бытовые условия жизни городского населения башкирской АССР в послевоенные годы (1945–1953 годы) / О.Н. Турянова. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 9. – С. 82–88.

459. **Тязин, Е.Н.** Проблемы укрепления правопорядка в СССР весной – осенью 1953 г. / Е.Н. Тязин. – Текст : непосредственный // Контентус. – 2017. – № 122. – С. 160–171.

460. **Улюкаев, А.** Легенды об одной реформе / А. Улюкаев, Ю. Аксенов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1990. – № 19. – С. 16–21.

461. **Уралов, В.М.** Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг. : аналитический справочник / В.М. Уралов. – Текст : непосредственный. – Москва : Профиздат, 1995. – 47 с.

462. Феномен мобилизационно экономики: историко-социологический анализ / К.И. Зубков. – Текст : непосредственный // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 64 – 71. – ISBN 978-5-91274-073-2.

463. **Фигурнов, С.П.** Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР / С.П. Фигурнов. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 138 с. – Текст : непосредственный.

464. **Фигурнов, С.П.** Строительство коммунизма и рост благосостояния народа / С.П. Фигурнов. – Москва : Наука, 1962. – 148 с. – Текст : непосредственный.

465. **Филиппова, Т.А.** Аспиды и готтентоты. Немцы в русской сатирической журналистике / Т.А. Филиппова. – Текст : непосредственный // Родина. – 2002. – № 10. – С. 31–37.

466. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – Москва : [Б.и.], 1985. – С. 79–128.

467. **Фильцер, Д.** Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер : перевод с английского А.Л. Раскина. – Москва : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 354 с. – ISBN 978-5-8243-1593-6 (в пер.). – Текст : непосредственный.

468. **Фирсов, Б.М.** Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы: История, теория и практики / Б.М. Фирсов. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. – 544 с. – ISBN 978-5-94380-070-2. – Текст : непосредственный.

469. **Фицпатрик, Ш.** «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР / Ш. Фицпатрик. – Текст : непосредственный // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985 : под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. – Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – С. 219–254. – ISBN 978-5-903360-11-6 (в пер.).

470. **Фицпатрик, Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 332 с. – ISBN 5-8243-0239-1. – Текст : непосредственный.

471. **Фокин, А.А.** Советская смеховая культура в эпоху «развернутого строительства коммунизма» / А.А. Фокин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 13. – С.125–130.

472. **Фокина, О.А.** Потребительские стратегии как фактор развития социальных потребностей / О.А. Фокина. – Текст : непосредственный // В мире научных открытий. – 2010. – № 4–5. – С. 56–58.

473. **Фонотов, А.Г.** Россия: инновации и развитие / А.Г. Фонотов. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. – 431 с. – ISBN 978-5-9963-0159-1 (в пер.). – Текст : непосредственный.

474. **Фролова, В.В.** Систематизация подходов к классификации стратегии развития предприятия / В.В. Фролова. – Текст : непосредственный // Вестник ВУиГ. – 2009. – №17. – С. 28–37.
475. **Фуко, М.** Археология знания / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2004. – 416 с. – ISBN 5-93762-034-8. – Текст : непосредственный.
476. **Хазагеров, Г.Г.** Партия, власть и риторика / Г.Г. Хазагеров. – Москва : Европа, 2006. – 48 с. – ISBN 5-9739-0060-6. – Текст : непосредственный.
477. **Хазагеров, Г.Г.** Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров. – Москва : Никколо-Медиа, 2002. – 313 с. – ISBN 5-901488-04-0. – Текст : непосредственный.
478. **Хакимов, Р.Ш.** Эксплуатация энтузиазма: советский опыт (1918–1991) / Р.Ш. Хакимов. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2016. – № 2 (384). Экономические науки. – Вып. 52. – С. 182–189.
479. **Ханин, Г.И.** Советское экономическое чудо: миф или реальность (статья четвертая) / Г.И. Ханин. – Текст : непосредственный // Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 12. – С. 61–76.
480. **Ханин, Г.И.** Советское экономическое чудо: миф или реальность (статья вторая) / Г.И. Ханин. – Текст : непосредственный // Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 8. – С. 58–70.
481. **Ханин, Г.И.** Советское экономическое чудо: миф или реальность (статья третья) / Г.И. Ханин. – Текст : непосредственный // Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 9. – С. 103–125.
482. **Ханин, Г.И.** Экономическая история России в новейшее время: В 2 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2008. – 516 с. – ISBN 978-5-7782-1324-1. – Текст : непосредственный.
483. **Хархордин, О.В.** Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / О.В. Хархордин. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. – 511 с. – ISBN 978-5-94380-222-5. – Текст : непосредственный.
484. **Хейнман, С.А.** Организация производства и производительность труда / С.А. Хейнман. – Текст : непосредственный. – Москва : Госпланиздат, 1961. – 227 с.
485. **Хисамутдинова, Р.Р.** Отмена карточной системы и переход к свободной торговле на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны / Р.Р. Хисамутдинова, Е.В. Алантьева. – Текст : непосредственный // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – №3. – С. 127–135.
486. **Хлевнюк, О.В.** Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана» / О.В. Хлевнюк. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 77–89.
487. **Хлусов, М.И.** Развитие советской индустрии. 1946–1958 гг. / М.И. Хлусов. – Москва : Наука, 1977. – 280 с. – Текст : непосредственный.

488. **Хомякова, А.С.** Образ Юрия Алексеевича Гагарина в прессе СССР / А.С. Хомякова, С.Л. Лони́на. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2011. – Т. 2. – № 7. – С. 123–124.

489. **Хомякова, Н.В.** Культурно-бытовое обслуживание населения на Южном Урале в первое послевоенное десятилетие / Н.В. Хомякова. – Текст : непосредственный. // Молодой ученый. – 2015. – №11.1. – С. 46–49.

490. «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий / С.Ю. Малышева. – Текст : непосредственный // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сборник научных трудов ; главный редактор Л.Н. Мазур. – Екатеринбург : Издательство УрФУ, 2017. – С. 103–111.

491. **Ципурский, Г.** «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стилияг». Политика в отношении вестернизированной молодежи в Советском Союзе при Н.С. Хрущеве / Г. Ципурский. – Текст : непосредственный. // Новейшая история России. – 2013. – № 3 (8). – С. 55–83.

492. **Чайка, Е.А.** Денежная реформа и ее последствия на Кубани в годы послевоенной модернизации (1945–1950 гг.) / Е.А. Чайка. – Текст : непосредственный // История и обществознание. – 2003. – № 2. – С. 60–68.

493. **Чаянов, Р.А.** Производство товаров народного потребления: социально-экономический аспект / Р.А. Чаянов, В.М. Синютин. – Москва : Легкая и пищевая промышленность, 1984. – 214 с. – Текст : непосредственный.

494. **Чеберяк, Н.В.** Проблемы снабжения населения Красноярского края продуктами питания в период продовольственного кризиса 1946-1947 гг. / Н.В. Чеберяк. – Текст : непосредственный // Омский научный вестник. – 2011. – № 3 (98), – С. 41–44.

495. **Чеботарев, К.Д.** Советский народ в борьбе за досрочное выполнение послевоенной пятилетки / К.Д. Чеботарев. – Москва : Воениздат, 1948. – 68 с. – Текст : непосредственный.

496. **Чемоданов, П.А.** Культурно-психологический портрет стахановца Кировского региона 1935–1941 гг. / П.А. Чемоданов. – Текст : непосредственный // Вопросы гуманитарных наук. – 2017. – № 1. – С. 20–23.

497. **Чернышева, Н.В.** «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» Повседневные потребности трудовых мигрантов в середине 1940-х – 1960-х годах (на материалах Кировской области) / Н.В. Чернышева. – Текст : непосредственный // История: факты и символы. – 2017. – № 2. – С. 35–36.

498. **Чернышева, Н.В.** Организованный набор рабочих на предприятия и стройки Урала, Сибири и Дальнего Востока в середине 1940х – конце 1950- гг. / Н.В. Чернышева. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 169–173.

499. **Чернышова, Т.В.** Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т.В. Чернышова. – Москва : ЛКИ. 2007. – 296 с. – ISBN 978-5-382-00093-0. – Текст : непосредственный.

500. **Черток, Б.Е.** Ракеты и люди / Б.Е. Черток. – Москва : Машиностроение, 1999. – 448 с. – ISBN 5-217-02935-8. – Текст : непосредственный.
501. **Чуднов, И.А.** Денежная реформа 1947 г. глазами современников / И.А. Чуднов. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С. 99–101.
502. **Чуднов, И.А.** Денежная реформа 1947 года / И.А. Чуднов. – Москва : РОССПЭН. 2018. – 431 с. – ISBN 978-5-8243-2286-6. – Текст : непосредственный.
503. Шаги пятилеток. – Москва : Мысль, 1968. – 112 с. – Текст : непосредственный.
504. **Шалак, А.В.** К оценке масштаба голода 1946–1947 гг. / А.В. Шалак. – Текст : непосредственный // Историко-экономические исследования. – 2009. – № 2. – С. 100–108.
505. **Шалак, А.В.** О социальном статусе советских руководящих кадров в 1940–1950-е гг. (на примере Восточной Сибири) / А.В. Шалак. – Текст : непосредственный // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 3. – С. 164–170.
506. **Шалак, А.В.** Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.) / А.В. Шалак. – Иркутск: Издательство ИГЭА, 2000. – 356 с. – ISBN 5-7253-0368-3. – Текст : непосредственный.
507. **Шарапов, В.** Миг между прошлым и будущим / В. Шарапов. – Текст : электронный. URL : www.comunist.ru/lenta/print.php?857 (дата обращения: 20.04.2019).
508. **Шестаков, В.А.** Хрущевская модернизация / В.А. Шестаков. – Текст : непосредственный // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2012. – № 6. – С. 11–19.
509. **Шмелева, Т.В.** Ключевые слова текущего момента / Т.В. Шмелева. – Текст : непосредственный // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.
510. **Шнирлин, Ю.Л.** Научно обоснованные нормы потребления / Ю.Л. Шнирлин. – Москва : Высшая школа. 1961. – 148 с. – Текст : непосредственный.
511. **Шугальский, С.С.** Социальные практики: интерпретация понятия / С.С. Шугальский. – Текст : непосредственный // Знание, понимание, умение. – 2012. – № 2. – С. 276–280.
512. **Шуц, А.** Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шуц : перевод с немецкого и английского. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 1056 с. – ISBN 5-8243-0513-7. – Текст : непосредственный.
513. **Щегельский, А.В.** От Великой Победы – к образованию Минсредмаша / А.В. Щегольский, В.В. Пичугин. – Текст : непосредственный // Атомпресса. – 1995. – № 15.
514. **Щипакина, А.** Мода в СССР: Советский Кузнецкий, 14. / А. Щипакина. – Москва : Слово/Slovo, 2009г. – 384 с. – ISBN 978-5-387-00119-2 / 9785387001192. – Текст : непосредственный.

515. **Элиас, Н.** О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Н. Элиас. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 330 с. – ISBN 5-94483-011-5. – Текст : непосредственный.

516. **Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М.Н. Володина** – Текст : непосредственный // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования.* – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 10–32. – ISBN 5-211-06037-7.

517. **Яковлева, А.А.** Образ власти на страницах журнала «Крокодил» в 1970-е годы / А.А. Яковлева. – Текст : непосредственный // *Вестник Орловского государственного университета.* – 2014. – № 5 (40). – С. 376–379.

518. **Янковская, Г.А.** Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма / Г.А. Янковская. – Пермь: Пермский государственный университет, 2007. – 311 с. – ISBN 5-7944-0855-3. – Текст : непосредственный.

519. **Ярошенко, С.С.** Бедные в социальной стратегии постсоветской России / С.С. Ярошенко. – Текст : непосредственный // *Рубеж (альманах социальных исследований).* – 1998. – № 12. – С. 158–174.

520. **Alexeeva, L.** The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era / L. Alexeeva, P. Goldberg. – Boston, 1990. – 339 p.

521. **Buchli, V.** An archeology of socialism / V. Buchli. Oxford, – New York : Berg., 2000. – 228 p. – ISSN 1460-3349.

522. *Der Tod als Ode an das System. Textsortenmutationen als Bestandteil verbaler Propaganda – am Beispiel von Texten über den Tod / U. Schwendimann // Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Hg. Daniel Weiss.* – Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2000. – P. 1–12. – ISBN 9783906765198.

523. **Dronin, N.M.** Climate Dependence and Food Problems in Russia 1900-1990: The Interaction of Climate and Agricultural Policy and their Effect on Food Problems / N.M. Dronin, E.G. Bellinger. – Budapest ; New York. 2005. – 366 p. – ISBN. 9637326103, 9789637326103.

524. **Dunham, V.** In Stalin's Time: Middle class Values in Soviet Fiction / V. Dunham. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 283 p. – ISBN 0-521-29650-1

525. **Filtzer, D.** Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928–1991 / D. Filtzer // *International Labor and Working-Class History.* – 1996. – № 50. – P. 9–28.

526. **Filtzer, D.** Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953-1964 / D. Filtzer. – New York : Cambridge, 1992. – 318 p. – ISBN 0-521-41899-2.

527. **Furst, J.** Stalin's Last Generation: Soviet Youth and the Emergence of Mature Socialism, 1945-56 / J. Furst. – New York : Oxford University Press, 2010. – 391 p. – ISBN: 0199575061 ISBN-13(EAN): 9780199575060 – ISBN: 0-19-957506-1 – ISBN-13(EAN): 978-0-19-957506-0.

528. **Ganson, N.** The Soviet Famine of 1946-47 in Global and Historical Perspective / N. Ganson. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – 218 p. – ISBN 0-230-61333-0.

529. **Golubev, A.** Making Selves through Making Things: Soviet Do-It-Yourself Culture and Practices of Late Soviet Subjectivation / A. Golubev, O. Smolyak // Cahiers du monde russe. – 2013. – 54/3–4. – P. 517–541.

530. **Hessler, J.** A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the U SSR / J. Hessler // Slavic Review. – 1998. – Vol. 57. – № 3. – P. 516–542.

531. **Ivanova, G.M.** Labor Camp Socialism: The Gulag in the Soviet Totalitarian System / G.M. Ivanova. – New York ; London : M.E. Sharpe, 2000. – 208 p. – ISBN 978-0-7656-0427-9.

532. **Jonston, T.** Being Soviet: Identity, rumour, and everyday life under Stalin, 1939–1953 / T. Jonston. – New York : Oxford, 2011. – 211 p. – ISBN 13: 9780199604036.

533. **Lefèbvre, H.** Everyday Life in the Modern World / H. Lefèbvre. – New York : Harper & Row, 1971. – 206 p.

534. More than just Stalinists: the political sentiments of victors 1945–1953 / M. Edele // Late Stalinist Russia: Society between reconstruction and Reinvention. – New York: Oxford: Routledge. 2006. – P. 167–191. – ISBN 0415374766 (alk. paper).

535. **Nove, A.** An Economic History of the USSR / A. Nove. – London: Penguin Books, 1992. – 473 p. – ISBN 0-14-021403-8.

536. Postwar Soviet Society: The «Return to Normalcy», 1945–1953 / Sh. Fitzpatrick // The Impact of World War II on the Soviet Union / ed. S. J. Linz. – New Jersey : Rowman & Allanheld, 1985. – P. 129–156.

537. **Roth-Ey, K.** Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War / K. Roth-Ey. – Ithaca, – New York : Cornell University Press, 2011. – 315 p. – ISBN 9780801448744 (cloth : alk. paper).

538. **Solomon, P.** Soviet Criminal Justice Under Stalin / P. Solomon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 494 p. – ISBN 0521564514.

539. Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered / M. Edele // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2007. – № 8 (2). – P. 349–373.

540. Stalinistische Subjekte: Stalinist Subjects: Individual and System in the Soviet Union and the Comintern, 1929-1953 / Ed. B. Studer, H. Haumann. – Zurich: Chronos, 2006. – 555 p. – ISBN 3-0340-0736-1.

541. Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945-1953 / M. Edele // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2002. – № 1. – P. 37–61.

542. The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism / J. Furst // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention. – New York : Routledge, 2006. – P. 209–230. – ISBN 0415374766 (alk. paper).

543. **Timasheff, N.** The Great Retreat: the growth and decline of communism in Russia / N. Timasheff. – New York : Dutton & Co, 1946. – 470 p.

544. **Wheatcroft, S.G.** The Soviet Famine of 1946-1947, the Weather and Human Agency in Historical Perspective / S.G. Wheatcroft // Europe-Asia Studies. – 2012. – Vol. 64. – P. 987–1005. – DOI: 10.1080/09668136.2012.691725.

545. **Zaleski, E.** Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952 / E. Zaleski. – London: University of North Carolina Press, 1980. – 117 p. – ISBN 0-8078-1370-2.

3.2. Рукописи и авторефераты диссертаций

1. **Австрийсков, Е.В.** Снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы : май 1945 – март 1953 : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Австрийсков Евгений Викторович ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2008. – 225 с. – Текст : непосредственный.

2. **Барсукова, В.В.** Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией: на материале статей и заметок экономической тематики : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Барсукова Вероника Владимировна ; Пермский государственный национально-исследовательский университет. – Пермь, 2011. – 196 с. – Текст : непосредственный.

3. **Белоконева, А.С.** Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946–1953 гг.) : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Белоконева Анна Сергеевна ; Московский государственный институт международных отношений. Москва, 2004. 175 с. – Текст : непосредственный.

4. **Блок, А.Ю.** Исторический опыт административно-правоохранительной политики советского государства в 1953–1964 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Блок Александр Юрьевич ; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2002. – 195 с. – Текст : непосредственный.

5. **Богданова, Е.А.** Обращения граждан в органы власти как опыт отстаивания своих интересов в условиях позднесоветского общества : 1960–1970-е годы. : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты, социальные процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Богданова Елена Александровна ; Институт социологии РАН. – Санкт-Петербург, 2006. – 183 с. – Текст : непосредственный.

6. **Волынцев, В.А.** Экономическая политика СССР в 1945–1953 гг. и ее

влияние на уровень жизни населения страны : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Волынцев Виктор Алнольдович ; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2002. – 175 с. – Текст : непосредственный.

7. **Герасимова, Е.Ю.** Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда Ленинград), 1917–1991 : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты, социальные процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Герасимова Екатерина Юрьевна ; Европейский университет в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, 2000. – 420 с. – Текст : непосредственный.

8. **Грабовская Н.П.** Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистической собственности (Закон 7 августа 1932 г.) : тезисы диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Грабовская Нонна Петровна ; Ленинградский государственный университет. – Ленинград, 1947. – 3 с. – Текст : непосредственный.

9. **Григорьева, А.Г.** Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Григорьева Анна Германовна ; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2003. – 206 с. – Текст : непосредственный.

10. **Доценко, А.М.** Повседневная жизнь советского города начала 1950–первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Доценко Артем Михайлович ; Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2007. – 260 с. – Текст : непосредственный.

11. **Ежов, В.А.** Рабочие Ленинграда в годы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства (1945 – 1955 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Ежов Виктор Анатольевич ; Ленинградский государственный университет. – Ленинград, 1968. – 32 с. – Текст : непосредственный.

12. **Капкан, М.В.** Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX – XX веков) : : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Капкан Мария Владимировна ; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2010. – 173 с. – Текст : непосредственный.

13. **Карпенко, И.А.** Восстановление Ленинграда в 1943-1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата истори-

ческих наук / Карпенко Ирина Александровна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2007. – 169 с. – Текст : непосредственный.

14. **Кожевина, М.А.** Милицейское образование в советской России: организация и правовое регулирование (1918-1991 гг.). специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кожевина Марина Анатольевна ; Московский университет МВД РФ. – Москва, 2005. – 55 с. – Текст : непосредственный.

15. **Коробов, Д.М.** Обеспечение промышленности Восточной Сибири рабочими кадрами и решение их социально-бытовых проблем (1950–1970 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Коробов Денис Михайлович ; Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2005. – 203 с. – Текст : непосредственный.

16. **Куропаткин, А.П.** Трансформация государственной идеологической пропаганды в СССР. 1953–1956 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Куропаткин Антон Петрович ; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2012. – 19 с. – Текст : непосредственный.

17. **Кушкова, А.Н.** Ссора в традиционной крестьянской культуре: структурно-типологический анализ (вторая половина XIX - начало XX вв.) : специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кушкова Анна Николаевна ; Европейский университет в Санкт-Петербурге. – Санкт-Петербург, 2003. – 24 с. – Текст : непосредственный.

18. **Маслов, Д.В.** Состояние советской системы в перспективе ее трансформации 1980 – 1990- х гг.: проблемы историографии, теории и методологии исследования : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Маслов Дмитрий Владимирович ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2005. – 47 с. – Текст : непосредственный.

19. **Молодчик, А.В.** Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Молодчик Анатолий Викторович ; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2004. – 322 с. – Текст : непосредственный.

20. **Новинская, Т.Ю.** Благополучие населения Пензенской области : 1946-начало 1960-х гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Новинская Таисия Юрьевна ; Пензенский государственный педагогический универси-

тет им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2002. – 227 с. – Текст : непосредственный.

21. **Пахолкова, А.Ю.** Правовое регулирование малого предпринимательства в Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пахолкова Антония Юрьевна ; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2002. – 23 с. – Текст : непосредственный.

22. **Пашина, Н.В.** Торговля и снабжение населения Красноярского края в послевоенный период (1945–1953 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Пашина Наталья Васильевна ; Алтайский государственный университет. – Барнаул. 2018. – 19 с. – Текст : непосредственный.

23. **Раднаева, Л.Н.** Рабочий класс Бурятской АССР в 1946–1960 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Раднаева Любовь Николаевна ; Иркутский государственный университет. – Иркутск, 1983. – 231 с. – Текст : непосредственный.

24. **Сафонова, Е.А.** Социально-экономическое развитие Пензенской области в период реформ 1953–1964 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Сафонова Елена Анатольевна ; Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2001. – 266 с. – Текст : непосредственный.

25. **Семашкин, Б.Д.** Промышленность и рабочие Восточного Забайкалья в послевоенные годы (1946–1958) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Семашкин Борис Дмитриевич ; Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. – Ленинград. 1977. – 263 с. – Текст : непосредственный.

26. **Смирнов, А.В.** Рабочие промышленности СССР. 1945–1970 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Смирнов Александр Викторович ; Ивановский государственный университет имени Первого в России Иванова-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов. – Иваново, 1984. – 32 с. – Текст : непосредственный.

27. **Стругова М.Р.** Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.) : на примере Краснодарского края : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Стругова Марина Рафаэлевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2007. – 265 с. – Текст : непосредственный.

28. **Харрасов, Ф.Ф.** Жилищное строительство в Башкирской АССР в 1945 – 1964 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Харрасов Фидан Фатихович ; Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург, 2016. – 30 с. – Текст : непосредственный.

29. **Хомутова, Н.С.** Социальная инфраструктура оборонно-промышленного комплекса на Урале в 1945-1955 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Хомутова Наталья Сергеевна ; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2007. – 210 с. – Текст : непосредственный.

30. **Хомякова, Н.В.** Социальная политика советского государства и ее реализация на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны: 1945–1953 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Хомякова Надежда Викторовна ; Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург, 2007. – 219 с. – Текст : непосредственный.

31. **Чернова, О.Е.** Концепт «труд» как объект идеологизации : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чернова Оксана Евгеньевна ; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2004. – 163 с. – Текст : непосредственный.

32. **Чуднов, И.А.** Теория и практика денежных реформ в СССР : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Чуднов Игорь Александрович ; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2005. 40 с. – Текст : непосредственный.

33. **Шестаков, В.А.** Социально-экономическая политика Советского государства в 1950-е–середине 1960-х годов : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Шестаков Владимир Алексеевич ; Институт российской истории РАН. – Москва, 2006. – 418 с. – Текст : непосредственный.

34. **Шкайдерова, Т.В.** Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство: на материале заголовков газеты «Правда» 30-40-х гг. : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шкайдерова Татьяна Викторовна ; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2007. – 237 с. – Текст : непосредственный.

35. **Янгалин, А.М.** Рабочий класс Башкирской АССР в период послевоенного восстановления народного хозяйства и завершения строительства социализма в СССР (1946–1958 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Янгалин Ахмет Мухаметович ; АН СССР. Институт истории СССР. – Москва, 1971. – 410 с. – Текст : непосредственный.

36. **Янкина, И.А.** Качество жизни населения среднего города России: адаптационные стратегии и эффективность управления : специальность 22. 00.

04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Янкина Ирина Анатольевна ; Южный Федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2009. – 48 с. – Текст : непосредственный

37. **Ярославцев, А.В.** Реализация государственной жилищной политики на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг.) : : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ярославцев Александр Владимирович ; Дальневосточный государственный гуманитарный университет. – Хабаровск. 2011. – 250 с. – Текст : непосредственный.

38. **Magnusdyttir, R.** Keeping Up Appearances: How the Soviet State Failed to Control Popular Attitudes toward the United States of America, 1945-1959: Ph. D. diss. / Magnusdyttir Rosa ; University of North Carolina at Chapel Hill, 2006.

39. **Tsipursky, G.** Pleasure, Power, and the Pursuit of Communism: Soviet Youth and State-Sponsored Popular Culture during the Early Cold War, 1945-1968: Ph. D. diss. / Tsipursky Gleb ; University of North Carolina at Chapel Hill, 2011. 471 p.

3.3. Справочные издания

1. Административно-территориальное деление союзных республик СССР на 1 января 1941 года. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, 1941. – 488 с. – Текст : непосредственный.

2. География. Современная иллюстрированная энциклопедия : под редакцией А.П. Горкина. – Москва : Росмэн, 2006. – 624 с. – Текст : непосредственный.

3. Календарь-справочник. 1944 год : под редакцией З. Зенкевича. – Москва : Госполитиздат, 1944. – 304 с. – Текст : непосредственный.

4. Книга о вкусной и здоровой пище : ответственный редактор Е.Л. Худяков. – Москва ; Ленинград : Пищепромиздат. 1939. – 435 с. – Текст : непосредственный.

5. Книга о вкусной и здоровой пище : под редакцией О.П. Молчанова [и др.]. – Москва : Пищепромиздат. 1952. – 400 с. – Текст : непосредственный.

6. Летопись периодических изданий СССР 1946. Библиографический указатель. – Москва : Всесоюзная книжная палата. 1947. 613 с. – Текст : непосредственный.

7. Летопись периодических изданий СССР 1948. Библиографический указатель. – Москва : Всесоюзная книжная палата, 1949. – 722 с. – Текст : непосредственный.

8. Летопись периодических изданий СССР 1950–1954. Библиографический указатель. – Москва : Всесоюзная книжная палата, 1955. – 502 с. – Текст : непосредственный.

9. Летопись периодических изданий СССР 1955–1960. Библиографиче-

ский указатель. В 2 ч. Ч. 1. Журналы, труды, бюллетени. – Москва : Всесоюзная книжная палата, – 108 с. – Текст : непосредственный.

10. Летопись периодических изданий СССР 1955–1960. Библиографический указатель. В 2 ч. Ч. 2. Газеты. – Москва : Всесоюзная книжная палата, 1963. – 391 с. – Текст : непосредственный.

11. **Матвеева, Т.В.** Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов на Дону : Феникс, 2010. – 562 с. – ISBN 978-5-222-17060-1. – Текст : непосредственный.

12. **Мокиенко, В.М.** Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс. 1998. – 700 с. – ISBN 5-7627-0103-4. – Текст : непосредственный.

13. **Райзберг, Б.А.** Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – Москва: ИНФРА-М, – 476 с. – ISBN 5-86225-758-6. – Текст : непосредственный.

14. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. – Москва : Издательство Верховного Совета СССР, 1945. – 502 с. – Текст : непосредственный.

15. Социология. Энциклопедия : составители : А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и. др.]. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1312 с. – ISBN 985-428-619-3. – Текст : непосредственный.

16. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников : под общей редакцией Г.Н. Сафонова. В 3 т. Т. 3. – Москва : Издательство юридической литературы, 1949. – 599 с. – Текст : непосредственный.

3.4. Учебные издания

1. **Акмаева, Р.И.** Стратегическое планирование и стратегический менеджмент / Р.И. Акмаева : учебное пособие. – Москва: Финансы и статистика, 2006. – 206 с. – ISBN 5-279-03036-8. – Текст : непосредственный.

2. **Афоничкин, А.И.** Основы финансового менеджмента / А.И. Афоничкин, Л.Д. Журова Л.Д. : учебное пособие ; в 2 ч. Ч. 2 : Финансовая политика предприятия. – Тольятти: Издательство Волжского университета имени В.Н. Татищева, 2007. – 316 с. – Текст : непосредственный.

3. **Воскресенская, А.И.** Букварь / А.И. Воскресенская : Девятое издание. – Москва : Учпедгиз, 1952. – 96 с. – Текст : непосредственный.

4. **Ведута, Е.Н.** Стратегия и экономическая политика государства : учебное пособие / Е.Н. Ведута. – Москва: Академический проект, 2003. – 461 с. – ISBN 5-8291-0295-1. – Текст : непосредственный.

5. **Головин, Н. М.** Букварь / Н.М. Головин : под редакцией С. П. Редозубова : Восьмое издание. – Москва : Учпедгиз, 1944. – 104 с. – Текст : непосредственный.

6. Институциональная экономика : новая институциональная экономическая теория : учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим

специальностям ; под общей редакцией А.А. Аузана. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 415 с. – ISBN 5-16-002020-9 (в пер.). – Текст : непосредственный.

7. История зарубежной психологии (30 – 60 гг. XX века) : под редакцией П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. Москва : Издательство МГУ, 1986. - 342 с. – Текст : непосредственный.

8. История народного хозяйства СССР (1917–1959) : учебное пособие для экономических вузов ; под редакцией А.П. Погребинского. – Москва : Высшая школа, 1960. – 260 с. – Текст : непосредственный.

9. История народного хозяйства СССР (1917–1963) : учебное пособие для экономических вузов ; под редакцией А. П. Погребинского [и др.]. – Москва : Высшая школа, 1964. – 287 с. – Текст : непосредственный.

10. История народного хозяйства СССР : курс лекций : под редакцией Ф.Я. Полянского [и др.]. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 663 с. – Текст : непосредственный.

11. История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 2 : учебник : под редакцией О.И. Чистякова. 5-е изд. перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2011. – 510 с. – ISBN: 978-5-9916-1538-9, 978-5-9692-1257-2. – Текст : непосредственный.

12. Источниковедение : учебное пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; ответственный редактор М.Ф. Румянцева. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с. – ISBN 978-5-7598-1900-4. – Текст : непосредственный.

13. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика : под общей редакцией А.К. Соколова. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 741 с. – ISBN 5-8243-0577-3 (в пер.). – Текст : непосредственный.

14. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф.Румянцева. – Москва : Издательство РГГУ, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2. – Текст : непосредственный.

15. **Кабанов, В.В.** Источниковедение истории советского общества : курс лекций / В.В. Кабанов. – Москва : Издательство РГГУ, 1997. – 385 с. – ISBN 5-7281-0174-7. – Текст : непосредственный.

16. **Караулов, В.П.** Потребностеведение : учебное пособие / В.П. Караулов, А.А. Пряхин. – Свердловск : Издательство СИНХ, 1987. – 83 с. – Текст : непосредственный.

17. **Кузнецов, И.В.** История партийной и советской журналистики учебно-методическое пособие для студентов-заочников 5 курса факультетов и отделений журналистики государственных университетов / И.В. Кузнецов, А.Л. Мишуриц. – 6-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Издательство МГУ, 1979. – 112 с. – Текст : непосредственный.

18. **Мазур, Л.Н.** Методы исторического исследования : учебное пособие / Л.Н. Мазур. – 2-е издание. – Екатеринбург : Издательство УрГУ, 2010. – 608 с. – ISBN 978-5-7996-0504-9. – Текст : непосредственный.

19. **Михальская, А.К.** Русский Сократ : лекции по сравнительно-исторической риторике / А.К. Михальская. – Москва : Akademia, 1996. – 189 с. – ISBN. ISBN 5-7695-0017-4 (в пер.). – Текст : непосредственный.

20. **Нуреев, Р.М.** Экономическая история России (опыт институционального анализа) : учебное пособие / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. – 2-е издание, переработаное. – Москва : КНОРУС, 2016. – 268 с. – ISBN 978-5-406-05506-9. – Текст : непосредственный.

21. **Пехтерев, А.Ф.** Принципы советского государственного управления в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие / А.Ф. Пехтерев. – Омск : Омская высшая школа милиции, 1983. – 75 с. – Текст : непосредственный.

22. Поведенческая экономическая теория: мейнстрим и современная парадигма экономического развития : под редакцией Г.П. Журавлевой, В.А. Динеса. – Саратов : Изд-во СГУ, 2012. – 384 с. – ISBN 978-5-4345-0169-9. – Текст : непосредственный.

23. Политическая экономия : учебник : под редакцией К.В. Островитянова. – Москва : Госполитиздат, 1954. – 638 с. – Текст : непосредственный.

24. **Редозубов, С.П.** Букварь для обучения чтению и письму / С.П. Редозубов : Третье издание. – Москва : Учпедгиз, 1946. – 96 с. – Текст : непосредственный.

25. **Соколов, А.К.** Курс советской истории, 1941–1991 : учебник / А.К. Соколов, В.С. Тяжельникова. – Москва : Высшая школа, 1999. – 414 с. – ISBN 5-06-003679-0. – Текст : непосредственный.

26. **Чуднов, И.А.** Денежная реформа 1947 г. в контексте советской денежно-кредитной политики 1930-1950-х годов : учебное пособие / И.А. Чуднов. – Кемерово : Кузбасский государственный технический университет, 2002. – 318 с. – ISBN 5-89070-303-Х. – Текст : непосредственный.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР** – Академия наук СССР
ВКВШ – Всесоюзный Комитет по делам высшей школы
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков
ВПК – Военно-промышленный комплекс
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.
ГК ВКП(б) – Городской комитет ВКП(б)
ГК РСФСР – Гражданский Кодекс РСФСР
ГУЛаг – Главное управление лагерей
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
ИТР - инженерно-технический работник.
ЛПХ – личное подсобное хозяйство.
МВД СССР – Министерство внутренних дел СССР
МГБ СССР – Министерство государственной безопасности СССР
МГУ – Московский государственный университет
МНПП – минимальный набор продуктов питания.
МПС – Министерство путей сообщения
МЮ – Министерство юстиции
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИИТОП - Научно-исследовательский институт торговли и общественного питания.
НКП РСФСР – Народный Комиссариат просвещения РСФСР
НКФ СССР – Наркомат финансов СССР
ОБХСС ГУМ МВД СССР – Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности Главного управления милиции Министерства внутренних дел СССР.
ОРС – Отдел рабочего снабжения
РУ – ремесленное училище
СНК СССР – Совет Народных Комиссаров СССР
УБХСС – Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности
УК РСФСР – Уголовный Кодекс РСФСР
УНС НКФ СССР – Управление налогов и сборов Наркомата финансов СССР
УПК СССР – Уголовно-процессуальный Кодекс СССР
ФЗМК – Фабрично-заводской, местный комитет (профсоюзов)
ФЗО – фабрично-заводское обучение
ЦСУ СССР – Центральное статистическое управление СССР

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Таблицы.

Приложение 1.1

Денежные выплаты и льготы рабочим и членам их семей, предоставляемые при заключении трудового договора с промышленными предприятиями (1946–1951 гг.)

Отрасли	Объ-ект	Формы мат. довольствия	При заключении договора о работе	Дополнительно оговариваемые льготы
1946				
Лесная промышленность (Карело-Финская ССР)	Рабочий	Единовременные выплаты, довольствие и пр.	Обеспечение в пути хлебом и продуктами по норме (на 12 дней)	- При вербовке на постоянную работу: продажа 20 м. х/б ткани, 1 пара обуви. - При желании остаться на длит. срок: ссуда до 7 тыс. руб. на инд. жилищ. строит-во (срок погаш. 10 лет, начало погашения с 3 года получения ссуды); ссуда до 3 тыс. руб. на хоз. обзаведение (срок погаш. 18 мес.).
		Мат. довольствие по прибытию за налич. расчет	Х/б ткань, байковые одеяла, кожаная и валеная обувь*	
	Члены семьи	Выплаты, мат. довольствие и пр.	- Оплата проезда по ж/д и перевоза скота. - Обеспечение в пути хлебом и продуктами по норме (на 12 дней)	
Промышленность строительных материалов	Рабочий****	Единовременные выплаты, довольствие и пр.	—	- При продлении договора на следующий сезон: денеж. вознагражд. в размере двух недел. тариф. ставки - При желании остаться на длит. срок: ссуда 5 тыс. руб. в сельской местности и 10 тыс. руб. в городах на инд. жилищ. строит-во (срок погаш. 7 лет.); ссуда на хоз. обзаведение рабочим основных квалификаций – 2 тыс. руб.; прочим – 1 тыс. руб. (срок погаш. 18 мес.)
		Мат. довольствие, предоставляемое по прибытию за налич. расчет	- Х/б ткань и галоши.** - Снабжение хлебом по нормам 700 гр.*** в день, и пром. товарами по нормам особого списка. - 10 тыс. рабочих введ. проф. снабжать прод. товарами по повышенным нормам и хлебом по 1 кг. в день.	
Текстильная промышленность	Рабочий****	Единовременные выплаты, довольствие и пр.	За передовыми рабочими 3 мес. сохраняется сред. зарплата за послед. 6 мес. по прежнему месту работы*****	- Долгосрочные кредиты для инд. жилищ. строит-ва. - Автобус для перевозки рабочих от места жительства до места работы *****
		Мат. довольствие, предоставляемое по прибытию за налич. расчет	2 пары белья, 1 платье (жен.) или 1 костюм (муж.), 1 пальто и 1 пара обуви с галошами; Для 75 тыс. рабочих и ИТР снабжение прод. товарами по нормам особого списка	

* Указана возможность приобретения на месте, нормы не зафиксированы

** Указана возможность приобретения на месте «по твердым ценам» дополнительно к карточному снабжению. Нормы не зафиксированы.

*** За исключение тех категорий, которые получают более высокую норму хлеба.

**** Членам семьи рабочего не полагалось материального довольствия или денежных выплат.

***** В том случае, если она окажется выше его средней заработной платы на текстильном предприятии

*****В тексте Постановления Совета Министров СССР от 16 июля 1946 г. утверждается требование выделить 100 автобусов для этих целей.

Отрасли	Объект	Формы мат до- вольствия	При заключении договора о рабо- те.	При заключе- нии договора с предприятиями Урала, Сибири и Дальнего Востока	Дополнительно оговариваемые льготы
Чёрная и цветная металлургия, строительства предпри- ятий (тяжёлой индустрии, топливных военных и воен- но-морских предприятий), путей сообщения, морского и речного флота, лесной, текстильной промышленно- сти и связи.	Рабочий*	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	300	500	- Ссуда для инд. жилищ. строительства до 20 тыс. руб. (срок погаш. 10 лет) - Ссуда 3 тыс. руб. на хоз. обзаведение (срок погаш. 2 г.)
		Мат. довольст- вие, предостав- ляемое по при- бытию за налич. расчет	- мелкий скот и птица из подсоб- ных хозяйств - пальто, костюм, 1 пара обуви, 2 пары белья, 5 м. мануфактуры	- пальто, кос- тюм, 1 пара обуви, 2 пары белья, 10 м. мануфактуры	
	Члены семьи рабочего	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	125 (на каждого)-	200 (на каждого)-	Оплата проезда и провоза багажа,
		Мат. довольст- вие предостав- ляемое по при- бытию за налич. расчет	3 м. мануфактуры (на каждого)-	5 м. мануфак- туры (на каждого)-	
Чёрная и цветная металлургия, угольная, нефтяная, рыбная промысл. восточных районов СССР, лес- ная, судостроительная, целлюлозно-бумажная про- мышленность, строительства топливных, военных и военно-морских предприятий**	Рабочий*	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	2000 - Зарплата в размере 250–300 руб. в мес. во время обучения	- Ссуда для инд. жилищ. строительства до 20 тыс. руб. (срок погаш. 10 лет). - Ссуда 3 тыс. руб. на хоз. обзаведение (срок погаш. 2 г.)**	
		Мат. довольст- вие, предостав- ляемое по при- бытию за налич. расчет	- мелкий скот и птица из подсобных хозяйств - пальто, костюм, 1 пара обуви, 2 пары белья, 10 м. мануфактуры		
	Члены семьи рабочего	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	250 (на каждого)	Оплата проезда и провоза багажа**	
		Мат. довольст- вие, предостав- ляемое по при- бытию за налич. расчет	5 м. мануфактуры (на каждого)		

* Только для рабочих, вербуемых на предприятия из числа демобилизуемых военнослужащих.

** Только для предприятий Дальнего Востока. (В декабре 1946 г. в перечисленный список отраслей промышленности, была добавлена промышленность строительных материалов).

Отрасли	Объ- ект	Формы мат. до- вольствия	При заключении договора о работе.	Дополнительно оговариваемые льготы	
Строительство топливных предпри- ятий	Рабочий	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	-	- Ссуда на инд. жилищ. строит-во 10 тыс. руб. (срок погаш. 7 лет); Ссуда 2 тыс. руб. на хоз. обзаведение (срок погаш. 18 мес.) - Принять в адреса рабочих 200 тыс. почтовых посылок весом до 8 кг каждая**	
		Мат. довольст- вие по прибытию за налич. расчет	50 кг картофеля и 30 кг овощей*		
	Члены семьи рабо- чего	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	-		Оплата проезда и багажа.
		Мат. довольст- вие по прибытию за налич. расчет	30 кг картофеля и 20 кг овощей (на каждого)-		
Торфяная про- мышленность	Рабочий***	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	Денежное вознаграждение в раз- мере двухнедельной тарифной ставки	- Хозяйства колхозников освобождаются от обяз. по- ставки молока гос-ву. - При продлении договора: продажа 15 м. х/б ткани, 1 пары галош, денеж. вознаграждение – 1 мес. тарифная ставка.	
		Мат. довольст- вие по прибытию за налич. расчет	6 м. х/б ткани, 1 пара галош.		
Рыбная промышленность****	Рабочий****	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	3000	- С рабочих, работавших в колхозах, списываются не- доимки по натур. постав- кам, денеж. налогам и стра- ховым платежам. - Предоставляется жилое помещение, выдается спец- одежда. - Ссуда на инд. жилищ. строительство и хоз. обза- ведение 20 тыс. руб. на се- мью (срок погаш. 10 лет)	
		Мат. довольствие по прибытию за налич. расчет	1 полушубок, 1 пальто, 1 пара ва- ленок, 1 пара кож. сапог. 1 пара ботинок, 1 пара галош, 2 пары носок или чулок, 10 м. ману- фактуры (на одну семью)		
	Члены семьи рабо- чего	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	600 (на каждого)-		Оплата проезда, провоза имущества и скота общим весом до 2 тонн.
		Мат. довольст- вие по прибытию за налич. расчет	-		

* Продавать семейным рабочим по приезду семьи

** Выполнение данного условия должно было Министерством связи

*** Членам семьи рабочего не полагалось материального довольствия или денежных выплат.

**** Только для районов Южно-Сахалинской области.

***** Предпочтение по заключению договора отдавалось семьям, где было не менее двух трудоспо-
собных членов семьи.

Отрасли	Объект	Формы мат. до- вольствия	При заключении договора о работе.		Дополнительно оговариваемые льготы и вы- платы.
Предприятия «Главсевморпуть» при Совете Министров СССР	Рабочий	Единовремен. без- возвратное посо- бие (руб.)	500		- Снабжение: 1000 граммов хлеба в день* - Спецодежда (бесплатно): 1 ватный костюм, 1 брезенто- вый костюм, 1 пару сапог или ботинок, 1 пару рука- виц**
		Мат. довольствие по прибытию за налич. расчет	- 3 м. х/б ткани, 400 гр. хозяйст- венного мыла, 100 гр. табаку (ку- рящим), 3 коробки спичек, 500 гр. кондитерских изделий (некуря- щим)*** - Дополнительно по 10 м. х/б тка- ни.****		
	Члены се- мьи рабо- чего	Единовременное безвозвратное по- собие (руб.)	¼ тарифной месячной ставки завер- бованного рабочего по месту его новой работы.		
Печорская железная дорога	Рабочий	Единовремен. без- возвратное посо- бие (руб.)	500		- Рабочему единовременно: месячный сухой паёк по нормам предприятия особо- го списка - Членам семьи рабочего: 0,5 нормы единовременного месячного пайка рабочего (на каждого). - Сохранить за рабочими на весь период работы жилую площадь в месте прежнего жительства независимо от того, остаются там члены семьи работника или уезжа- ют вместе с ним. - Ссуда на инд. жилищ. строительство и хоз. обзаве- дение 10 тыс. руб. на заем- щика (срок погаш. 7 лет)
		Мат. довольствие по прибытию за налич. расчет	- Продать: верхней тёплой одеж- ды, костюмов, кожаной, ва- леной обуви и других товаров на об- щую сумму до 1000 руб.		
	Члены семьи рабочего	Единовремен. безвозвратное по- собие (руб.)	¼ единовременного пособия рабо- чего (на каждого)		
		Мат. довольствие, предоставляемое по прибытию за налич. расчет	- Продать: верхней тёплой одежды, на сумму до 500 руб. на каждого		
1947					
Торфяная промышлен- ность	Рабочий	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	300	500	- При продлении договора: продажа 15 м. х/б ткани, 1 пары галош, денежное возна- граждение 1 мес. тарифная ставка - При желании остаться на длит. срок – ссуда на жилищ. строит-во и хоз. обустройство (сумма не указана)
		Мат. довольствие, по прибытию за налич. расчет	6 м. х/б ткани 1 пара галош.	6 м. х/б ткани 1 пара галош.	
	Члены семьи	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	125	200	

* Рабочим, занятым на лесосплавных и погрузо-разгрузочных работах в арктических портах, рудниках и речных пароходствах Главсевморпути.

** Рабочим (грузчиком) портов и пароходств.

*** Грузчиком портов и пароходств и рабочим лесосплава, при условии выполнения ими месячного задания.

**** При выполнении сезонного задания.

Отрасли	Объект	Формы мат. довольствия	При заключении рабочим договора о работе в другой местности не менее чем на год.	Рабочим, направленным на Урал, в Сибирь и Дальний Восток	Дополнительно оговариваемые льготы и выплаты.	
Угольная, нефтяная, чёрная и цветная металлургия строительства предприятий тяжёлой индустрии (по металлургии), строительства топливных предприятий, лесная промышленность	Рабочий	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	300	500	<ul style="list-style-type: none"> - Освобождение колхозника от уплаты сельхоз налога (с приусад. участка), льгота 50% по обязат. поставкам молока гос-ву.* - При заключении договора с обязательством проработать на одной шахте 5 л. – единовремен. вознаграждение в размере трёхнедельного сред. заработка.* - При желании остаться на длит. срок предоставляются: <ul style="list-style-type: none"> - ссуда 10 тыс. руб. на инд. жилищ. строит-во (срок погаш. 7 л.). - ссуда 3 тыс. руб. на хоз. обзаведение (срок погаш. 2 г.) 	
		Мат. довольствие, предоставляемое по прибытию за налич. расчет	пальто (1), костюм (1), обувь (1 пара), белье (2 пары)			мануфактура (15 м.)
			мануфактура (10 м.)	мануфактура (15 м.)		
	Члены семьи рабочего	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	125	200	<ul style="list-style-type: none"> - Преимущ. право предоставления работы в колхозе, необходимого сельхоз. инвентаря, гужевого транспорта и пр.* 	
		Мат. довольствие, предоставляемое за налич. расчет	мануфактура (5 м.) (на каждого)	мануфактура (7 м.) (на каждого)		
	Строительство предприятий тяжёлой индустрии (кроме металлургии), строительства военных и военно-морских предприятий, электростанций (для строительства), морского и речного флота,	Рабочий	Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	300	500	<ul style="list-style-type: none"> - При желании остаться на длит. срок предоставляются: <ul style="list-style-type: none"> - ссуда 10 тыс. рублей на инд. жилищ. строит-во (срок погаш. 7 л.). - ссуда 3 тыс. руб. на хоз. обзаведение (срок погаш. 2 г.)**
Мат. довольствие, предоставляемое по прибытию за налич. расчет			пальто (1), костюм (1), обувь (1 пара), белье (2 пары)		мануфактура (8 м.)	
			мануфактура (5 м.)	мануфактура (8 м.)		
Члены семьи рабочего		Единовременное безвозвратное пособие (руб.)	125	200		
		Мат. довольствие, предоставляемое по прибытию за налич. расчет	мануфактура (3 м.) (на каждого)	мануфактура (5 м.) (на каждого)		

*Льготы, предоставляемые колхозникам, заключившим договор на работу в угольной промышленности и членам их семей.

** Для работников строительства предприятий тяжёлой индустрии и военно-морских предприятий размер ссуды на хозяйственное обзаведение составлял 2 тыс. руб. со сроком погашения 1 год.

Отрасли	Объект	Формы мат. довольствия	При заключении рабочим договора о работе в другой местности не менее чем на год.		Рабочим, направленным на Урал, в Сибирь и Дальний Восток
Железнодорожный транспорт	Рабочий	Мат. довольствие, предоставляемое по прибытию за налич. расчет	пальто (1), костюм (1), обувь (1 пара), белье (2 пары)		- Ссуда 3 тыс. руб. на хоз. обзаведение (срок погаш. 2 г.),*
			мануфактура (5 м.)		- Ссуда на покупку жилого дома 10–12 тыс. руб. (срок погаш. 12 л.) со взиманием 1 % в год**
	Члены семьи рабочего		мануфактура (3 м.) (на каждого)		- Ссуда на строительство дома 12 тыс. руб. (срок погаш. 10 л.) и оказание помощи строительными материалами за плату*** - Дополн. хлебный паек во время нахождения в пути из расчёта 300 гр. в сутки на человека
1948					
Все отрасли	Рабочий	Единовременное пособие (руб.)	150*	300*	-
	Члены семьи		Отменено****		
1951					
Все отрасли	Рабочий	Единовременное пособие (руб.)	300*****	600*****	-
	Члены семьи		-		-

* При заключении договора для работы кочегаром.

** Только работникам локомотивных бригад.

*** Машинистам, помощникам машинистов и кочегарам.

**** Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 3004 от 9 августа 1948 г. «О сокращении ассигнований на мероприятия по проведению организованного набора рабочих» начиная с 16 августа 1948 г.

***** Сумма выплат увеличивалась в два раза только при заключении договора с рабочими для работы в промышленности, строительстве и на транспорте.

Источники: Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 24; 159; Д. 277. Л. 364–366; Д. 279. Л. 37,39; Д. 280. Л. 62–66, 518–520. Д. 281. Л. 214–226; Д. 282. Л. 193–196; Д. 289. Л. 163; Д. 290. Л. 109–113; Д. 302. Л. 83–93; Д. 312. Л. 302; Д. 342. Л. 82; Решения партии и правительства ... Т. 3. 1941–1952 гг. С. 674 – 677.

План строительства и восстановления министерствами школ ФЗО,
ремесленных и железнодорожных училищ (1946–1948 гг.)

Годы.	1946		1947		1948		1949	
	Объем работ (млн. руб.)	Площади, вводимые в эксплуатацию (тыс. кв. м.)	Объем работ (млн. руб.)	Площади, вводимые в эксплуатацию (тыс. кв. м.)	Объем работ (млн. руб.)	Площади, вводимые в эксплуатацию (тыс. кв. м.)	Объем работ (млн. руб.)	Площади, вводимые в эксплуатацию (тыс. кв. м.)
Черной металлургии	32,40	13,63	22,60	10,58	26,90	48,64	30,46	51,70
Цветной металлургии	22,60	54,9	30,26	37,50	12,30	33,70		
Угольной промышленности западных районов СССР	148,55	297,10	130,00	191,2	60,00	84,50	76,0	172,10
Угольной промышленности восточных районов СССР	69,36	115,28	64,80	136,4	60,00	75,95		
Нефтяной промышленности южных и западных районов СССР	8,95	11,77	5,27	10,27	3,75	7,60	12,75	15,00
Нефтяной промышленности восточных районов СССР	8,40	12,65	11,60	9,20	7,87	6,40		
Электростанций	4,34	8,15	5,26	6,95	11,25	18,55	5,54	12,20
Химической промышленности	1,86	3,43	2,04	10,24	5,10	9,80	2,02	6,50
Электропромышленности	7,60	1,20	4,20	7,0	9,30	19,80	4,55	11,69
Тяжелого машиностроения	15,80	11,46	12,60	19,30	10,00	15,50	7,10	9,70
Промышленности средств связи			5,0	8,0	1,50	2,80		
Министерство автомобильной промышленности	26,68	48,28	19,28	29,15	8,22	21,28	2,35	8,76
Министерство станкостроения	2,70	5,0	2,23	4,60	2,90	6,50	0,50	1,25
Министерство легкой про- мышленности СССР	0,20		0,60	2,0				
Министерство целлюлозной и бумажной промышленности	0,74	2,40	1,40	2,40	0,99	3,20		
Министерство строительства предприятий тяжелой индуст- рии	50,27	100,95	36,29	60,65	35,00	52,60	20,0	56,5
Министерство строительства военных и военно-морских предприятий	22,40	48,65	45,64	106,7	35,50	64,95	4,0	11,60

Министерство машиностроения и приборостроения	6,52	17,65	3,67	15,60	3,33	7,35	0,90	1,50
Министерство строительного и дорожного машиностроения	4,40	5,30	6,11	9,50	4,57	7,98	2,85	2,90
Министерство сельскохозяйственного машиностроения	4,64	5,80	7,05	13,14				
Министерство транспортного машиностроения	5,40	4,90	9,93	16,20	3,10	6,00	1,20	0,40
Министерство авиационной промышленности	2,63	6,30	27,25	33,90				
Министерство вооружения	0,22	4,20	0,10	0,45				
Министерство судостроительной промышленности	12,19	24,65	34,33	36,93			8,55	14,33
Министерство промышленности строительных материалов СССР	4,82	15,23	6,99	13,00	9,30	14,60	5,24	10,70
Министерство лесной промышленности СССР	1,11	1,77	3,14	4,25	9,60	16,40	23,02*	57,25*
Резиновой промышленности	0,59	1,79	2,97	4,05	0,85	3,70		
Текстильной промышленности СССР	4,50	8,78	15,12	20,80	8,39	12,60		
Строительства топливных предприятий	16,20	14,86	24,40	50,50	22,50	47,90		
Земледелия СССР	4,44	12,09						
Путей сообщения	30,00	133,65	49,80	90,09	24,19	75,20	4,27	8,07
Морского флота	9,98	9,07	7,35	7,00	7,54	7,95	8,65	5,68
Речного флота	1,30	2,38	1,28	3,30	3,89	6,83	2,19	5,43
Связи	0,81	3,70	0,58	3,30				
Коммунального хозяйства РСФСР	7,10	6,65	7,05	6,13	3,55	6,70		
Местной промышленности РСФСР	0,35	1,10	1,60	3,52				
Промышленности средств связи	4,75	3,30						

*Министерство лесной и бумажной промышленности СССР

Источники: Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 281. Л. 14–18; Д. 304. Л. 11–22; Д. 331. Л. 3–6.

Текущая молодежь кадров на промышленных предприятиях (выпускники
ФЗО и РУ, работники, набранные по оргнабору) (1947–1951 гг.).

Год	Отрасль	Кол-во принятых на предприятия (чел.)	Выбывших (чел.)	% выбывших к кол-ву. пришедших	Самовольно (чел.)	% самовол. ушедших к общ. кол-ву. рабочих
1947	Черная металлургия	54 127	34 028		22 323	
	Промышленность стройматериалов	4 453***	3 926***			
	Текстильная промышленность	280 800****	183 500	26,4	47900	
	Обследование 27 промышленных объектов (предприятия угольной промышленности, машиностроения, стройки).	43 322*	24 782		18 426	
	Предприятия всех министерств	729 182	392 300	53, 8		
	Предприятия строительного и дорожного машиностроения					28,9
1948	Уралмашзавод					50
	Предприятия всех министерств		382 300**			
	Министерство строительства военных и военно-морских предприятий			48,7**		
	Министерство угольной промышленности			44,6**		
	Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии	55 000**	24		18	
	Министерство металлургической промышл.			38,8**		3,5
1949	Предприятия строительного и дорожного машиностроения		9 698			16,5
	Министерство металлургической промышленности					2,3
	Предприятия строительного и дорожного машиностроения				1 327	3
1950	Предприятия строительного и дорожного машиностроения				997	2,2
	Предприятия министерства черной металлургии г. Свердловска	240	267		95	
	Предприятия министерства цветной металлургии г. Свердловска	12	13		3	
	Уралмашзавод		484		158	
	Верх-Исетский завод		126		46	
	Уралэлектроаппарат		184		47	
	Завод им. Калинина		120		46	
	Уралхиммашзавод		220		108	
Свердловское отделение железной дороги		799		233		
1951	Предприятия министерства черной металлургии г. Свердловска	67	85		14	
	Предприятия министерства цветной металлургии г. Свердловска	19	32		9	
	Уралмашзавод *****		167		53	

1951	Верх-Исетский завод *****		27		14	
	Уралэлектроаппарат*****		54		16	
	Завод им. Калинина*****		31		13	
	Уралхимашзавод*****		65		45	
	Свердловское отделение железной дороги*****		254		57	

* За десять месяцев 1947 г.

** За одиннадцать месяцев 1948 г.

*** В первые шесть месяцев 1947 г.

**** Общее количество принятых молодых рабочих (оргнабор, школы ФЗО и РУ)

***** Данные по первому полугодю 1951 г.

Источники: Составлено по: ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 2. Д. 79. Л. 105; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 359. Л. 82–83; Д. 361. Л. 382; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 644. Л. 20; РГАЭ. Ф. 8227. Оп. 1. Д. 1283. Л. 20; Ф. 8248. Оп. 1. Д. 275. Л. 94; Ф. 8297. Оп. 1. Д. 1276. Л. 18; Ф. 8591. Оп. 1. Д. 1438. Л. 119; Ф. 8875. Оп. 46. Д. 227. Л. 49; Ф. 8934. Оп. 5. Д. 36. Л. 122; ЦДООССО. Ф. 161. Оп. 19. Д. 355. Л. 1, 13.

Приложение 1.4

Текучесть кадров на предприятиях отечественной индустрии (1946–1949 гг.)

Год	Министерство, отрасль промышленности	Количество принятых (тыс. чел.)	Количество выбывших (тыс. чел.)	% выбывших с предприятий по отношению к общей численности занятых	Количество выбывших самовольно (тыс. чел.)	% выбывших самовольно по отношению к общей численности занятых
1945 - 1946	Министерство лесной промышленности СССР	370 (рабочих) 9,38 (инженеров и техников)	280 (рабочих) 5,822 (инженеров и техников)			
1946 1947	Предприятия черной металлургии		128,1 90,5*			
1947	Угольная промышленность (западные регионы)			53		22
1948	Угольная промышленность (западные регионы)			42		16
1947	Угольная промышленность (восточные регионы)			46		20
1948	Угольная промышленность (восточные регионы)			44		16
1947	Угольная промышленность (восточ. и запад. регионы)		207,5		140,3	
1947	Черная металлургия			36		11
1948				16		3,5
1947	Нефтяная промышленность			40		4,3
1948				39		2,4
1949				38		2,4
1947	Тяжелое машиностроение			32		9,5
1948				21		3,7

1949	Тяжелое машиностроение			21		2,8
1946	Строительство предприятий тяжелой индустрии		63**			
1947			74,3*	64	29,4*	23
1949				41		8
1947	Легкая промышленность			34		8
1948				27		2,4
1949				24		1,1
1947	Стройки и предприятия Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии		206			
1948		173***	107***		30***	
1949	Металлообрабатывающая промышленность			29		2,2
1946	Челябинский металлургический завод			44,1		
1947				35,1		
1948				22,5		
1949				25,1		
1946	Предприятия треста «Главуралмет»			26,7		
1947				31,6		
1946	Московский завод «Серп и молот»	6,029			0,205	3,4
1947		6,344			0,235	3,7

*За первое полугодие 1947 г.

** За второе полугодие 1946 г.

*** За три квартала 1948 г.

Источники: Составлено по: ГАСО. Ф. Р-1814. Оп. 1. Д. 327. Л. 13; ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 29. Д. 207. Л. 12; Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316. Л. 284; Д. 332. Л. 149; Д. 359. Л. 82–83; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 320. Д. 223. Л. 2-4, 12, 17, 29-31, 39, 44, 57, 65, 70, 83, 91, 96, 110, 117, 122, 143, 148, 164, 169, 175-176, 181, 186; Ф. 8592. Оп. 2. Д. 585. Л. 66-67; Ф. 8875. Оп. 46. Д. 227. Л. 21; Соколов А.К. Режимность на советских предприятиях ... С. 105т ; Сурин В.А. Указ. соч. С. 33.

Приложение 1.5

**Положение о премировании мастеров производственного обучения и руководящих работников училищ и школ ФЗО Министерства трудовых резервов за выполнение плана подготовки квалифицированных кадров
(часть 1)**

Наименование должностей	Условия премирования	Период премирования	Размер премии (в % к мес. окладу)
Мастер производственного обучения	За полное и своевременное выполнение учениками учебной группы учебного плана и программы производств. обучения при сохранении 100% контингента учеников группы	За учеб. четверть	30
	При переходе 100% учеников учебной группы на второй год и последующие годы обучения, при сдаче ими переводных квалификационных испытаний в соответствии с требованиями учебной программы	За учеб. год	100

Наименование должностей	Условия премирования	Период премирования	Размер премии (в % к мес. окладу)
Мастер производственного обучения	(для выпускных групп) За сдачу всеми учениками учебной группы при окончании обучения, выпускных экзаменов, на установленный Министерством трудовых резервов квалификационный разряд, при сохранении 100% контингента учеников группы	При выпуске	100
	За выполнение учениками в процессе производственного обучения в учебных мастерских производств. заказов и работ на предприятиях, стройках в соответствии с учебными программами	Ежемесячно	10%*
Старший мастер, зам. директора по учебно-производств. части, помощник директора, по культурно-воспитат. работе, директор училища	За полное и своевременное выполнение всеми учебными группами училища учебных планов и программ производственного и теоретического обучения, за обеспечение всех учеников училища местами производственного обучения в учебных мастерских, на предприятиях и стройках, при сохранении 100% контингента учеников училища	За учеб. четверть	30
	При переходе 100% учеников всех учебных групп училища на второй год и последующие годы обучения, при сдаче ими переводных квалификационных испытаний в соответствии с требованиями учебной программы	За учеб. год	85
	За сдачу всеми учениками училища по окончании обучения, выпускных экзаменов, на установленный Министерством трудовых резервов квалификационный разряд, при сохранении 100% контингента учеников группы	При выпуске	100
Старший мастер, зам. директора по учебно-производств. части, директор училища	За выполнение учениками в процессе производственного обучения в учебных мастерских производственных заказов и работ на предприятиях, стройках в соответствии с учебными программами	Ежемесячно	0,5–1%*
Помощник директора по хоз. части	За сохранение 100% контингента учеников училища	За учеб. четверть	25
Воспитатель	За сохранение 100% контингента учеников, обслуживаемых воспитателем	а) За учеб. четверть	15
		б) При выпуске учеников	25

* От сумм, выплачиваемых ученикам группы.

Источники: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 341. Л. 212–219.

**Положение о премировании мастеров производственного обучения и
руководящих работников училищ и школ ФЗО Министерства
трудовых резервов за выполнение плана подготовки
квалифицированных кадров (часть 2)**

Наименование должностей	Условия премирования	Размер премии (в % к мес. окладу)	
		В школах ФЗО угольной, горно- рудной, метал- лургич. промыш. и строительного дела	В школах ФЗО других отраслей промыш- ленности
Мастер производственного обучения	Школы ФЗО	150	100
	1). За выпуск 100% учеников учебной группы выполнение учениками учебной группы учебного плана и программы производств. обучения и сдаче ими выпускных экзаменов на квалифицированный разряд, установленный Министерством трудовых резервов	При выбытии из группы одного ученика размер премии снижается на 25%, двух учеников – на 50%, трех и более учеников – премия не выдается	
	2). За выполнение учениками учебной группы в процессе производств. обучения в учебных мастерских производств. заказов и работ на предприятиях, стройках в соответствии с программами производств. обучения	Ежемесячно 5% от сумм, выплаченных ученикам учебной группы	
Старший мастер, по- мощник директора по культурно-воспитат. работе, директор шко- лы ФЗО	За выпуск 100% учеников школ ФЗО при полном выполнении всеми учениками учебного плана и программы производственного обучения и сдачи всеми учениками экзаменов на квалификационный разряд, установленный Министерством трудовых резервов	200	150
		При выбытии из школы ФЗО не более трех учеников размер премии снижается на 25%, не более пяти учеников на 50%, а свыше шести учеников – премия не выплачивается	
Старший ди- ректор школы	За выполнение учениками в процессе производственного обучения производственных заказов в учебных мастерских и работ на предприятиях, стройках в соответствии с программами	Ежемесячно 0,5% от сумм, выплаченных ученикам учебной школы	
Помощник директора по хоз. части	За сохранение и выпуск 100% учеников школы	100	
Воспитатель	За выпуск 100% контингента учеников, обслуживаемых воспитателем	75	50
		При выбытии из одного ученика размер премии снижается на 25%, не более трех – на 50%, свыше трех – премия не выплачивается.	

Источники: ГА РФ. Ф. Р 5446. Оп. 1. Д. 341. Л. 91–98.

**Материальное довольствие, денежные выплаты и льготы, предоставляемые
сотрудникам различных отраслей индустрии (1946–1949 гг.)**

Отрасли /регионы	Льготы		
	Денежные	Жилье.	Другие льготы.
1945			
Край- ний Север	Через 6 мес. ра- боты – 10% над- бавка к окладу		
1946			
Урал, Сибирь, Дальний Восток*	Повышение ок- ладов на 20%	- Продажа инд. домов 50 650 шт. (жилой дом деревянный 2 комнаты – 8 тыс. руб. 3 комнаты – 10 тыс. руб.; каменный 2 комнаты – 10 тыс. руб., 3 комнаты – 12 тыс. руб.)	
Лесная промышленность	Бригадирам, за- нятым на лесоза- готовках, над- бавка к заработ- ной плате в раз- мере 5% от сдельного зара- ботка бригады	- Строительство 10 тысяч инд. жилых домов ** - Выделение под застройку земельно- го участка площадью 0,25 га. на один дом. С учетом разведения огорода и надворных построек. - Застройщик обязан отработать на строительстве индив. жилого дома в свободное от работы время не менее 30% кол-ва человеко-дней, требую- щихся на постройку дома	- Снабжение с 1 июля 1946 г. хлебом по нормам, установлен- ным для городов.***
Промышленность строи- тельных материалов СССР	-	- Кадровым работникам предприят. и строек ссуды на инд. жилищ. строи- тельство до 15 тыс. руб. с погашением в течение 7 лет. - Ссуды на хозяйств. обзаведение до 3 тыс. руб. с погашением в течение 2 лет. - Продажа работникам цементных заводов, получающим ссуды на индив. жилищ. строительство, по 20 м. кв. стекла, по 60 м. кв. кровельных мате- риалов за счёт перевыполнения квар- тальных планов производства.****	- С октября 1946 г. снабжение рабочих и ИТР по нормам особог- го списка. - Отгрузить для детей работни- ков 150 тонн сухофруктов. - Выделить для продажи рабочим и ИТР 500 карманных и ручных часов, 200 штук часов «Победа» и «Звезда» и 1000 бу- дильников

* Рабочим и ИТР данных регионов (всего 824 000 чел.), занятым на добыче угля, руды, нефти, в метал-
лургии, на строительстве и погрузо-разгрузочных работах (всего 727 предприятий).

** Льготы предоставлялись рабочим и служащим данных предприятий.

*** Иждивенцев и детей рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий Ми-
нистерства лесной промышленности СССР, не связанных с сельским хозяйством, независимо от наличия лич-
ного хозяйства у работника на приусадебном участке, не превышающем установленного размера. Снабжение
осуществляется в Архангельской, Вологодской, Кировской, Тюменской, Иркутской и Читинской областях,
северных районах Свердловской, Молотовской и Челябинской областей, Красноярском, Хабаровском и При-
морском краях, Бурят-Монгольской и Коми АССР, Карело-Финской ССР.

**** Только работникам цементной промышленности

Отрасли /регионы	Льготы		
	Денежные	Жилье.	Другие льготы.
Печорская железная дорога	- Повыш. оклада рабоч. и ИТР на 20%, служащ. на 10%* - Надбавка за выслугу лет – 10% ставки за каждые 6 мес. работы, но не свыше 100% мес. оклада или ставки**.	- Ссуда на инд. жилищ. строительство и хоз. обзаведение 10 тыс. руб. на заемщика (срок погаш. 7 лет)	- В случае временной утраты трудоспособности выплачивать разницу между фактическим заработком и пособием по соцстраху. - Выделено для единовременно для доп. питания молодых рабочих-одиночек 10 тонн субпродуктов, 5 тонн сахара и 15 тонн крупы; - Выделять ежемесячно 20 путевок в санатории Министерства здравоохранения СССР.
1947			
Железнодорожный транспорт	- Надбавка за выслугу лет от 5 до 20% - Повышение на 20% окладов работников локомотивных бригад***	- Построить в 3 тыс. инд. жилых домов для продажи их в собственность работникам локомотивных бригад.	- Для работников локомотивных бригад ж/д транспорта повышенное пенсионное обеспечение по инвалидности, по случаю потери кормильца и по старости.
Промышленность, строит. материалов республик	-	-	- Снабжать с 1 мая по 1 октября 1947 г. 10 тыс. рабочих ведущих профессий и рабочих, занятых на тяжёлых работах продовольственными товарами по повышенным нормам и хлебом по 800 гр. в день.
Лесная промышленность	-	- Построить в лесозаготовительных и сплавных предприятиях в 1947 г. 2000 и в 1948 г. 10.600 инд. домов с последующей продажей их рабочим, ИТР и служащим**** - Ссуда на покупку инд. жилья 8 тыс. руб. на дом с 2 комнатами (срок погашения 10 лет), и 10 тыс. руб. на 3-комнатный дом, (срок погашения 12 лет.)	- Участки под сенокосы от 1 до 2 га. на одну семью **** - Приусадебные земельные участки для постройки инд. домов, под сады и огороды от 0,5 до 0,75 га. - Освобождение с 1947 г. от уплаты с/х налога, а также от поставки мяса и молока на 50%. - Пайковое снабжение хлебом детей кадровых работников лесозаготовительных и сплавных предприятий по норме 250 граммов (в день). - Ссуда на приобретение скота до 3 тыс. руб. на одного заемщика со сроком погаш. 3 года

*За исключением участка дороги Киров – Котлас.

**Срок работы исчислять с 1 июля 1946 года.

*** Только для работающих на железных дорогах Урало-Сибирского округа, Оренбургской, им. В.В. Куйбышева на участках Кропачево – Левая Волга, Кропачево – Ишимбай, Дема – Заволжский и Кировской железной дороги – на участках Сорокская – Обозерская, Мурманск – Масельская.

**** Для жителей районов Урала, Сибири, Дальнего Востока, Коми АССР, Архангельской обл. и Карело-Финской ССР.

Отрасли /регионы	Льготы		
	Денежные	Жилье.	Другие льготы.
Угольная промышленность и строительство угольных шахт	- Ежегодное единовременное вознаграждение за выслугу лет от 10% до 30% оклада в зависимости от стажа и должности работников шахт и занятых на строительстве шахт.	- Обеспечить в течение 1947–1950 гг. всех начальников, главных инженеров шахт, главных механиков и маркшейдеров шахт, начальников и механиков подземных участков и горных мастеров должностными меблированными квартирами с взиманием квартирной платы. - ИТР и горным мастерам, проработавшим на шахтах не менее 25 лет, и рабочим, проработавшим на шахтах не менее 15 лет** и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности, по старости, предоставлять занимаемую квартиру в его пожизненное пользование	- Пособия по временной нетрудоспособности членам профсоюза при непрерывном стаже работы на данном предприятии не менее одного года – 100 % заработка, до одного года – 60% заработка. - При временной нетрудоспособности вследствие трудового увечья или профессионального заболевания пособие членам профсоюза – 100% заработка*
Министерство геологии	- Ежегодное единоврем. вознаграждение за выслугу лет от 10% до 30% оклада для работников геологич. организаций и горной промыш.	- ИТР, горным и буровым мастерам, бригадирам, горным и буровым рабочим, проработавшим на полевых геолого-разведочных работах не менее 25 лет и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности или по старости, предоставляются занимаемые ими квартиры в их пожизненное пользование	- Пособия по временной нетрудоспособности членам профсоюза при непрерывном стаже работы на данном предприятии не менее одного года – 80% заработка***
Строительство предприятий тяжелой индустрии	-	- Ссуда на инд. жилищ. строительство от 8 до 12 тыс. руб. на заемщика (срок погаш. 7 лет). За пользование ссудой взимается 1% в год	- Долгосрочные кредиты на хоз. обзаведение вновь принятым рабочим строителям, заключ. договор на срок не менее 5 лет и проработавшим не менее 6 месяцев (из договорного срока), в размере до 3000 руб. (срок погашения 2 года) . - Ссуда на хоз. обзаведение молодым специалистам – инженерам и техникам в течение первого года работы на стройке. Имеющим высшее образование – 3000 тыс. руб.; среднее – 2000 руб. с удержанием из заработной платы в течение двух лет. - Продавать молодым специалистам – ИТР и техникам пром. товары на сумму до 1 тыс. руб. без зачёта купонов промтоварных карточек

* Для подземных рабочих шахт, горных мастеров, аттестованных инженерно-технических и руководящих работников угольной промышленности и шахтного строительства.

** Основные рабочие лав и забоев, навалотбойщики, забойщики, машинисты врубовых машин и проходчики 1-й руки.

*** Для горных и буровых рабочих, горных и буровых мастеров, а также для аттестованных ИТР и руководящих работников Министерства геологии.

Отрасли / регионы	Льготы		
	Денежные	Жилье.	Другие льготы.
Черная металлургия	-	- Строить в 1948, 1949 и 1950 гг. ежегодно 3500 инд. домов для продажи*	<ul style="list-style-type: none"> - Продажа молодым специалистам – ИТР и техникам промыш. товаров на сумму 1 тыс. руб. - Кредиты на хоз. обзаведение вновь принятым и проработавшим не менее 3 мес. рабочим ведущих профессий, занятым на горных работах и в основных металлургических и коксохимических цехах, в размере до 3000 руб., всем остальным рабочим этих цехов – 2000 руб. (срок погашения 2 года). - Ссуда на хоз. обзаведение молодым специалистам – инженерам и техникам в течение первого года работы на стройке. Имеющим высшее образование – 3000 тыс. руб.; среднее – 2000 руб. с удержанием из заработной платы в течение 2 лет. - Продать в 1947 и 1948 гг. 1000 телят и 5000 поросят.* Обеспечение приобретших скот сенокосами. - Выделить для продажи рабочим и ИТР 60000 металлических кроватей, 6000 велосипедов, 300 мотоциклов, 5000 ручных часов «Победа» и «Звезда» и 10000 будильников, 1500 радиоприемников разных систем, мебели на 10 млн. руб. (в сумме 1947 и 1948 гг.), посуды фарфоровой и фаянсовой 30 вагонов.
Строительные организации «Главмашстроя»	-	-	<ul style="list-style-type: none"> - Выделять рабочим и ИТР и руководящим работникам с ноября 1947 г. дополнительных видов питания: второго горячего питания для 10000 человек, 20 обеденных карточек литер «А» и 20 абонементов к ним, 140 обеденных карточек литер «Б» с сухими пайками, 500 специальных обеденных карточек руководящих работников Организовать однодневный дом отдыха на 50 чел.
Нефтяная промышл.	-	-	<ul style="list-style-type: none"> - Продавать ежемесячно работникам нефтяной промышленности и Главнефтеснаба для бытовых нужд по 2 литра керосина на каждого работающего и члена его семьи, но не более шести литров на семью

* Для продажи кадровым рабочим, ИТР и служащим предприятий.

Отрасли / регионы	Льготы		
	Денежные	Жилье.	Другие льготы.
1948			
Строительство предприятий тя- желой индустрии	-	- Построить в 1948 г. 250 000 м. кв. жилой площади для рабочих-строителей. 70% жилой площади - общежития комнатного типа (3–4 чел. в комнате). Рабочим ведущих профессий, безупречно работавшим на стройках не менее года - отдельную комнату.	- Построить и ввести в эксплуатацию в детские сады и детские ясли на две тыс. мест, пионерские лагеря, клубы для рабочих-строителей
Цветная металлургия.	- Единовремен. вознаграждение за выслугу лет от 5 до 20% оклада в зависимости от стажа и специальности*	- ИТР и мастерам, проработавшим в отрасли не менее 25 лет и рабочим, проработавшим в цехах не менее 20 лет (на подземных работах не менее 15 лет) и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности или по старости, предоставляются занимаемые ими квартиры (с оплатой по установленным тарифам) в их пожизненное пользование*	- Пособия по временной нетрудоспособ. членам профсоюза при стаже работы не менее 1 г. – 100% заработка, менее 1 г. – 60% заработка. Оплата за обучение в металлургических и горных средних и высших учебных заведениях детей рабочих и мастеров, занятых на подземных работах, рудничном строительстве, в металлургических, химико-металлургических цехах, ИТР и руководящих работников отрасли уменьшается на 50%.
1949			
Строительство предприятий тяжелой индустрии	-	- Построить в 1949 г. 206 000 м. кв. жилой площади для рабочих-и ИТР. -Обеспечить в 1949 г. постройку 1066 индивид. домов общей площадью 32 тыс. м. кв.	-

* Только для подземных рабочих рудников и рудничного строительства, мастеров и ИТР занятых на горных работах и рудничном строительстве, рабочих, мастеров и ИТР основных цехов, металлургических, химико-металлургических, обогатительных предприятий, заводов по обработке цветных металлов, по производству электродной продукции и твёрдых сплавов, руководителям и ИТР горных, металлургических, химико-металлургических, обогатительных предприятий, заводов по обработке и переработке цветных металлов, по производству электродной продукции, твёрдых сплавов, руководителей и ИТР проектных и научно-исследовательских институтов.

Источники: Составлено по: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г.–июль 1956 г. ... С. 378–380; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 364–366; Д. 280. Л. 78–83, 518–520; 282. Л. 42 – 61; Д. 283. Л. 89–92; Д. 290. Л. 109–113, 220; Д. 300. Л. 320–324; Д. 308. Л. 17–22; Д. 311. Л. 129–134; Д. 314. Л. 312–314; Д. 316. Л. 109–112, 284–289; Д. 332. Л. 149–152; Д. 344. Л. 168–175; Д. 359. Л. 52.

Сокращение штатов предприятий и учреждений (1947–1948 г).

Министерство	Год	От	До	Кол-во сокращаемых единиц	% сокращения
Министерства и ведомства СССР					
Министерство нефтяной промышленности южных и западных районов	1947	1048	928	120	11,4
Министерство текстильной промышленности СССР	1947	2984	2796	188	6,3
Главное управление кислородной промышленности при Совете Министров СССР	1947	276	248	28	11,1
Центральный аппарат Главсевморпути при Совете Министров СССР	1947	666	541	125	18,8
Министерство транспортного машиностроения	1947	1413	1180	233	16,5
Центральный аппарат Министерства тяжелого машиностроения	1947	1144	978	166	14,5
Министерство торговли СССР	1947	2399	2183	216	9
Министерство мясной и молочной промышленности СССР	1947	2113	1826	287	13,6
Центральный аппарат Министерства машиностроения и приборостроения	1947	1425	1245	180	12,5
Центральный аппарат Министерства электропромышленности	1947	1150	974	176	15
Центральный аппарат Министерства автомобильной промышленности	1947	1541	1315	226	14,6
Центральный аппарат Министерства строительного и дорожного машиностроения	1947	903	753	150	16,6
Центральный аппарат Главного управления Гидрометслужбы при Совете Министров СССР	1947	–	297	–	14
Центральный аппарат Комитета по делам мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР	1947	–	112	–	–
Центральный аппарат Министерства здравоохранения СССР	1947	–	839	–	–
Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР	1947	288	244	–	15
Аппарат управления железных дорог и дорожных организаций	1947	–	–	4000	10,8
Штаты линейных организаций железных дорог	1947	–	–	2000	–
Административно-управленческий и подсобный персонал Министерства Промышленности строительных материалов СССР (без охраны)	1948	–	–	2100	–
Административно-управленческий и подсобный персонал Министерства кинематографии СССР (без охраны)	1948	–	–	2300	–
Административно-управленческий и подсобный персонал учреждений, организаций и предприятий Центросоюза (без охраны)	1948	–	–	12000	–

Министерство	Год	От	До	Кол-во сокращаемых единиц	% сокращения
Административно-управленческий и подсобный персонал Министерства транспортного машиностроения СССР (без охраны)	1948	–	–	2400	–
Административно-управленческий и подсобный персонал Министерства сельского хозяйства СССР	1948	–	–	10300	–
Административно-управленческий и подсобный персонал заготовительных пунктов Министерства заготовок	1948	–	–	18100	–
Административно-управленческий и подсобный персонал учреждений, организаций и предприятий Министерства совхозов СССР (без охраны)	1948	–	–	5500	–
Административно-управленческий и подсобный персонал учреждений, организаций и предприятий Министерства лесного хозяйства СССР	1948	–	–	850	–
Министерства и ведомства РСФСР					
Министерство торговли	1947	–	–	1607	9,5
Министерство местной промышленности	1947	–	–	780	8,1
Министерство лесной промышленности	1947	–	–	415	10,1
Министерство социального обеспечения	1947	–	–	185	7,0
Министерство местной топливной промышленности	1947	–	–	671	27,0
Министерство здравоохранения	1947	–	–	166	7,2
Управление промкооперацией при Совете Министров	1947	–	–	864	13,3
ОРСы Министерства текстильной промышленности	1947	–	–	153	24,7
Административно-управленческий персонал центральных учреждений РСФСР	1947	–	–	–	8,8

Источники: Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 295. Л. 150, 158–159, 161, 186, 190; Д. 296. Л. 82–83, 95–97, 107–109; Д. 297. Л. 65–67, 73–75, 135–136; Д. 300. Л. 206, 211–212, 231–232, 250–251, 262–263, 271–272, 280–281, 293–294; Д. 307. Л. 252–253; Д. 308. Л. 57–59, 75–77, Д. 309. Л. 68–69, Д. 310. Л. 275–276, 291–292, 296. Д. 311. Л. 274–275; Д. 335. Л. 115, 168, 169, 175; Д. 339. Л. 45, 57–58; Д. 342. Л. 101, 105, 121–129; Д. 345. Л. 254–255, 274.

Приложение 1.9

Изменение норм выработки рабочих, ИТР и служащих, снижение сдельных расценок оплаты труда на промышленных предприятиях (1946–1949 гг.)

год	Предприятия или отрасли индустрии	Объект изменений	Изменение норм выработки (%)		Снижен. сдельн. расценок (%)
			Повышение	Снижение	
1946	Автомобильная промышленность	Рабоч. ИТР, служащ.	10	–	–

год	Предприятия или отрасли индустрии	Объект изменений	Изменение норм выработки (%)		Снижен. сдельн. расценок (%)	
			Повышение.	Снижение		
1946	Инструментальные заводы министерства станкостроения	Рабочие	30	–	–	
	Угольные шахты	Подзем. рабочие	–	15 – 20	–	
1947	Отделы главного механика, вспомогательные и подсобные цеха, механические заводы и предприятия легкой промышленности, вырабатывающие запасные детали и материалы	Рабочие	20	–	–	
	Заводы министерства тяжелого машиностроения	Рабочие	20	–	16,7	
	Заводы министерства электропромышленности	Рабочие	22,5	–	18,3	
	Предприятия министерства станкостроения	Рабочие	22	–	18	
	Машиностроительные и механические заводы, подсобные предприятия, вспомогательные цеха основных предприятий Министерства резиновой промышленности	Рабочие	20	–	16,6	
	Предприятия министерства машиностроения и приборостроения	Рабочие	25	–	20	
	Заводы министерства промышленности средств связи	Рабочие	23	–	18,7	
	Заводы министерства строительного и дорожного машиностроения	Рабочие	22	–	18	
	Заводы министерства автомобильной промышленности	Рабочие	21	–	17,4	
	Заводы министерства авиационной промышленности	Рабочие	22	–	18	
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий министерства угольной промышленности восточных районов	Рабочие	21	–	–	
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий министерства нефтяной промышленности восточных районов	Рабочие	20	–	–	
	Промышленные и подсобно-производственные предприятия системы Министерства торговли	Главторгмаш	Рабочие	25	–	20
		«Ювелирторг»	Рабочие	30	–	23,1
		Другие подсобно-производственные предприятия	Рабочие	15	–	13
	Машиностроительные заводы Главкислорода при Совете Министров СССР (Первый Московский автогенный завод, Свердловский автогенный завод № 2, Барнаульский аппаратурно-механический завод)	Рабочие	35	–	25,8	
	Предприятия киномеханической и киноплочной промышленности министерства кинематографии СССР и министерств кинематографии союзных республик	Рабочие	28	–	21,8	

год	Предприятия или отрасли индустрии	Объект изменений	Изменение норм выработки (%)		Снижен. сдельн. расценок (%)
			Повышение.	Снижение	
1947	Машиностроительные и механические заводы министерства строительства топливных предприятий	Рабочие	21,3	–	–
	Предприятия министерства медицинской промышленности	Рабочие	25	–	20
	Предприятия Главного управления промышленности санитарно-технического оборудования Министерства промышленности строительных материалов	Рабочие	20	–	16,7
	Предприятия Всесоюзного треста по производству вспомогательного оборудования и запасных частей Министерства промышленности строительных материалов	Рабочие	15	–	13
	Заводы Министерства транспортного машиностроения	Рабочие	25	–	20
	Ремонтные и механические заводы и заводы сельэлектро Министерства сельского хозяйства СССР	Рабочие	20-25	–	17
1948	Заводы министерства автомобильной и тракторной промышленности	Рабочие	21,2	–	17,5
	Предприятия министерства машиностроения и приборостроения	Рабочие	25	–	20
	Заводы Министерства станкостроения	Рабочие	22	–	18
	Заводы Министерства промышленности средств связи	Рабочие	23	–	18,7
	Заводы Министерства электропромышленности	Рабочие	25	–	20
	Заводы Министерства тяжелого машиностроения	Рабочие	21	–	17,4
	Заводы Министерства вооружения	Рабочие	17	–	14,6
	Подсобные предприятия и вспомогательные цеха заводов Министерства сельскохозяйственного машиностроения	Рабочие	20	–	16,7
	Предприятия, занятые производством вспомогательных материалов и деталей, механические заводы и подсобно-вспомогательные цеха Министерства текстильной промышленности	Рабочие	20	–	16,7
	Машиностроительные заводы, вспомогательные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства черной металлургии	Рабочие	20	–	16,7
	Предприятия Министерства авиационной промышленности	Рабочие	23,8	–	19
	Предприятия Министерства лесной промышленности СССР	Рабочие	15	–	13
Машиностроительные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства нефтяной промышленности восточных районов	Рабочие	20	–	16,7	

год	Предприятия или отрасли индустрии	Объект изменений	Изменение норм выработки (%)		Снижен. сдельн. расценок (%)
			Повышение.	Снижение	
1948	Вспомогательные предприятия и цеха, вспомогательные работы предприятий Министерства рыбной промышленности восточных районов СССР	Рабочие	10	—	9,1
	Вспомогательные предприятия и цеха, вспомогательные работы предприятий Министерства рыбной промышленности западных районов СССР	Рабочие	10,1	—	9,2
	Заводы, подсобные предприятия, работы ремонту оборудования электростанций, электросетей, торфопредприятий и торфотранспорта Министерства электростанций	Рабочие	20	—	16,7
	Машиностроительные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства нефтяной промышленности южных и западных районов	Рабочие	20	—	16,7
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства угольной промышленности восточных районов	Рабочие	21	—	17,4
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства угольной промышленности западных районов	Рабочие	21,2	—	17,5
	Заводы Министерства строительного и дорожного машиностроения	Рабочие	23	—	18,7
	Заводы Министерства судостроительной промышленности	Рабочие	20	—	16,7
	Вспомогательные цеха и работы на предприятиях Министерства целлюлозной и бумажной промышленности	Рабочие	14	—	12,4
	Предприятия Министерства легкой промышленности	Рабочие	12	—	10,7
	Предприятия Главкислорода при Совете Министров СССР	Рабочие	20	—	16,8
	Основные цеха Министерства цветной металлургии	Рабочие	4,3	—	4,1
	Вспомогательные цеха Министерства цветной металлургии	Рабочие	14,8	—	12,9
	Предприятия Министерства химической промышленности	Рабочие	13	—	11,5
	Предприятия Министерства мясной и молочной промышленности	Рабочие	12,6	—	11,2
	Заводы главного управления гидролизной и сульфитно спиртовой промышленности при Совете Министров СССР	Рабочие	12	—	10,7
	Вспомогательные предприятия и цеха Министерства пищевой промышленности СССР	Рабочие	10	—	9,1
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства промышленности строительных материалов СССР	Рабочие	20	—	16,7

год	Предприятия или отрасли индустрии	Объект изменений	Изменение норм выработки (%)		Снижен. сдельн. расценок (%)
			Повышение	Снижение	
1948	Машиностроительные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Главгазтоппрома при Совете Министров СССР	Рабочие	20	–	16,7
	Машиностроительные заводы Главнефтеснаба Госснаба СССР	Рабочие	35	–	25,9
	Предприятия Главсевморпути при Совете Министров СССР	Рабочие	13,6	–	12
	Предприятия Министерства геологии	Рабочие	30	–	22,9
	Киностудии и предприятия киномеханической промышленности Министерства кинематографии СССР и Министерств кинематографии союзных республик	Рабочие	32,8	–	24,7
	Промышленные предприятия Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР	Рабочие	20	–	17
	Предприятия министерства торговли СССР	Заводы Главторгмаша	Рабочие	33	–
Фабрики Главювелирторга и подсобно-производственные предприятия Мосглавресторана		Рабочие	30	–	23,1
1949	Предприятия мясной и молочной промышленности СССР	Рабочие	12,2	–	10,9
	Вспомогательные цеха и работы на предприятиях Министерства пищевой промышленности СССР	Рабочие	10	–	9,1
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства угольной промышленности	Рабочие	19,4	–	16,2
	Предприятия медицинской промышленности Министерства здравоохранения СССР	Рабочие	15	–	13
	Заводы Министерства строительного и дорожного машиностроения	Рабочие	20	–	16,7
	Заводы Министерства промышленности средств связи	Рабочие	20	–	16,7
	Заводы Министерства электропромышленности	Рабочие	20	–	16,7
	Заводы Министерства станкостроения	Рабочие	20	–	16,7
	Заводы Министерства автомобильной и тракторной промышленности	Рабочие	20	–	16,7
	Заводы министерства тяжелого машиностроения	Рабочие	20	–	16,7
	Подсобно-производственные предприятия министерства торговли СССР (за исключением предприятий Главторгмаша, Главювелирторга и подсобно-производственных предприятий Мосглавресторана)	Рабочие	7,2	–	6,7
	Предприятия Министерства машиностроения и приборостроения	Рабочие	20	–	16,7
Заводы Министерства вооружения	Рабочие	15	–	13	

год	Предприятия или отрасли индустрии	Объект изменений	Изменение норм выработки (%)		Снижен. сдельн. расценок (%)
			Повышение.	Снижение	
1949	Промышленные предприятия Министерства кинематографии СССР и Министерств кинематографии союзных республик	Рабочие	20,3	–	16,9
	Промышленные предприятия Министерства морского флота	Рабочие	15	–	13,1
	Производственные предприятия Министерства вооруженных сил СССР	Рабочие	9,4	–	8,6
	Промышленные предприятия Министерства речного флота	Рабочие	13	–	11,6
	Промышленные предприятия Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии	Рабочие	10,5	–	9,5
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства строительных материалов СССР	Рабочие	20	–	16,7
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства металлургической промышленности	Рабочие	20	–	16,7
	Предприятия Министерства строительства предприятий машиностроения	Рабочие	10,2	–	9,3
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий Министерства нефтяной промышленности	Рабочие	20	–	16,7
	Промышленные предприятия строительных организаций Министерства нефтяной промышленности	Рабочие	15	–	13
	Предприятия Министерства лесной и бумажной промышленности (за исключением лесозаготовок)	Рабочие	11	–	10
	Заводы Министерства сельскохозяйственного машиностроения	Рабочие	15	–	13,1

Источники: Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 296; Д. 278. Л. 299; Д. 288. Л. 301; Д. 300. Л. 221; Д. 302. Л. 473, 490; Д. 303. Л. 12–36; Д. 307. Л. 285; Д. 310. Л. 284; Д. 311. Л. 268; Д. 312. 21; Д. 313. Л. 16, 56, 146; Д. 317. Л. 24; Д. 327. Л. 287, 289, 293, 304, 307, 321, 324, 326; Д. 328. Л. 302; Д. 329. Л. 6, 14, 18–19, 21, 24–39; Д. 330. Л. 64, 68, 73, 85, 94, 96, 99, 101, 103; Д. 331. Л. 58; Д. 333. Л. 74; Д. 335. Л. 275; Д. 337. Л. 240, 268; Д. 341. Л. 75, 79; Д. 350. Л. 46; Д. 363. Л. 6, 12, 14–15, 111, 123, 125, 129, 474–479; Д. 364. Л. 18; Д. 365. Л. 45, 48–53, 89, 112.

Формы премирования и объем средств расходуемых на поощрение
победителей в социалистических соревнованиях на предприятиях различных
отраслей промышленности (1946–1948 гг.).

Год	Наименование отрасли (главка)	Объем средств, расхо- дуемых на выплату пре- мий (ежемесячно) (в тыс. руб.)	Количество премий				
			Переходящее Крас- ное знамя Совета Министров и первая премия	Переходящее Крас- ное знамя ВЦПС и министерства и первая премия	Вторая премия	Третья премия	
1946	Предприятия и организации министерства нефтяной промышленности южных и запад- ных районов СССР	1 850	6	5	10	9	
	Предприятия и организации министерства электростанций	4 400	10	9	17	17	
	Предприятия и строительства министерства медицинской промышленности	400	2	3	4	5	
	Предприятия и стройки министерства уголь- ной промышленности восточных районов СССР	3 900	5	17	23	26	
	Предприятия министерства промышленно- сти средств связи	1 600	2	3	5	6	
	Предприятия главного управление геодезии и картографии при Сов. Мин. СССР	260	1	1	2	2	
	Предприятия министерства финансов СССР	265	–	1	1	1	
	Стройки и производственные предприятия главного строительного-квартирного управле- ния вооруженных сил СССР	400	1	2	1	1	
	Промышленно-сырьевые, нефтяные, хлебофуражные и продовольственные ба- зы, отделения топливных складов и строительных участков	министерства материальных резервов	145 (ежеквар- тально)	1	2	4	4
		министерства продовольст- венных резер- вов	260 (ежеквар- тально)	1	2	3	4
	Производственные предприятия главного управления гидрометеорологической служ- бы при Сов. Мин. СССР	25	–	1	1	–	
Предприятия министерства резиновой про- мышленности	1 400	2	4	7	7		
1947	Главное управление кислородной промыш- ленности при Сов. Мин. СССР	100	1	–	1	1	
	Предприятия и организации Главнефтеснаба при Сов. Мин. СССР	300	1	5	4	5	
	Предприятия и строительные организации Министерства электропромышленности	1 600	3	3	5	6	

Год	Наименование отрасли (главка)		Объем средств, расходованных на выплату премий (ежемесячно) (в тыс. руб.)	Количество премий			
				Переходящее Красное знамя Совета Министров и первая премия	Переходящее Красное знамя ВЦПС и министерства и первая премия	Вторая премия	Третья премия
1947	Предприятия и организации Главнефтегазстроя при Совете Министров СССР		1 250	2	3	5	8
	Горнопроходческие бригады рудников и шахт министерств черной и цветной металлургии, угольной промышленности (западных и восточных районов), строительства топливных предприятий, строительных материалов СССР, путей сообщения, химической промышленности		—	—	10 (по 25 тыс. руб.)*	15 (по 20 тыс. руб.)*	20 (по 15 тыс. руб.)*
	Предприятия и организации министерства вкусовой промышленности союзного и республиканского подчинения		1 800**	6	25	19	26
	Организации и предприятия потребительской кооперации		1 820 (ежеквартально)	2	9	81	101
	Нефтедобывающие тресты министерства нефтяной промышленности	южных, западных районов	550	1	—	1	1
		восточных районов	450	1	—	1	1
	Железные дороги и предприятия министерства путей сообщения		10 600	16	70	22	26
	Предприятия торговли и общественного питания		2300 (ежеквартально)	3	25	118	189
1948	Лесхозы министерства лесного хозяйства СССР		600 (ежеквартально)	1	4	6	9
	Угольные шахты министерств угольной промышленности	западных районов	1 520	—	25 (по 20 тыс. руб.)	40 (по 15 тыс. руб.)	42 (по 10 тыс. руб.)
		восточных районов	1 075		15 (по 20 тыс. руб.)	25 (по 15 тыс. руб.)	40 (по 10 тыс. руб.)
	Стройки и предприятия Главмашстроя		525	1	2	3	4
	Базы топливных складов, кустовых ремонтных мастерских и строительных участков министерства государственных продовольственных и материальных резервов		280 (ежеквартально)	2	6	10	11
	Строительно-монтажные организации министерства строит. и дорожного машиностроения		110	—	1	1	

* Для премирования инженерно-технических работников, непосредственно осуществляющих руководство скоростной проходкой, выделяется 20% из суммы, присужденной бригаде.

** В том числе 1 500 тыс. руб. для премирования предприятий и организаций союзного подчинения и 300 тыс. руб. для премирования предприятий республиканского подчинения.

Источники: Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 288. Л. 263, 265–279, 290–297; Д. 293. Л. 73, 270; Д. 294. Л. 85; Д. 296. Л. 340; Д. 297. Л. 301; Д. 300. Л. 24; Д. 301. Л. 54, 76, 89; Д. 313. Л. 302; Д. 320. Л. 36; Д. 324. Л. 270; Д. 327. Л. 301; Д. 349. Л. 54, 312.

Приложение 1.11

Уровень цен (пайковые, коммерческие, цены колхозного рынка) в 1946 г.
(руб.)

Название товара	Количество	Цены в рублях									
		1945	1946						1947		
		конец года	Январь – август			Осень (после 16.09.1946 г.)			Январь – ноябрь		
		Пайков.	Пайков.	Коммер.	Цены колх рынка**	Пайков.	Цены колх рынка**	Коммер.	Пайков.	Цены колх рынка****	Коммер.
Продовольственные товары											
Хлеб белый	1 кг.	1,7				5					
Хлеб черный	1 кг.		0,75- 1,15	8-10	13	3,40 ***	45	8	3,40 ***	15	
Мука пшеничная высшего сорта	1 кг.	4,6			23						
Мука пшеничная I сорта	1 кг.	2,90									
Мука пшеничная II сорта	1 кг.	2,4									
Крупа пшенная	1 кг.	2,1			40	6,0			6,0		
Крупа гречневая	1 кг.	4,3				11,5					
Макароны из муки 1 с.	1 кг.	3,5				10,0					
Мясо (говядина)	1 кг.	12	12	120	80	30***		80		40-85 80	
Мясо (телятина)	1 кг.				50		35				
Мясо (свинина)	1 кг.	17			55		50				
Мясо (баранина)	1 кг.				40		40				
Колбаса вареная «Любительская»	1 кг.					46,0		150		15 0	
Колбаса вареная «Отдельная»	1 кг.	16									
Рыба свежая	1 кг.	5,5					35	30		30	
Молоко	1 л.	2			12 - 14		10			7-16	
Сливки	1 л.				35		35				
Масло сливочное топленое	1 кг.	26			150 - 170		160			140- 180	
Маргарин	1 кг.	12									
Масло растительное		13,5								80- 100	
Масло животное «Экстра» высший сорт	1 кг.	25				27,0					
						68,0					

Название товара	Количество	Цены в рублях									
		1945	1946						1947		
		конец года	Январь – август			Осень (после 16.09.1946 г.)			Январь – ноябрь		
		Пайков.	Пайков.	Коммер.	Цены колх рынка**	Пайков.	Цены колх рынка**	Коммер.	Пайков.	Цены колх рынка***	Коммер.
Сыр «Советский»	1 кг.	29									
Яйца	1 дес.	6,5			40 - 50		35			33-75	
Сахар рафинад	1 кг.	5,7	6		75	12	75				
Чай черный «Грузинский»	1 кг.	80									
Соль	1 кг.	0,48			10		10				
Свекла	1 кг.				6 – 10		6				
Картофель	1 кг.				2 – 5		2			4-23	
Капуста	1 кг.				3		2				
Морковь	1 кг.				6		3				
Водка	0,5 л.	80,5			75		65				
Непродовольственные товары											
Туфли женские модельные кожаные	1 шт.				2000 /1800*						
Полуботинки мужские кожаные	1 шт.				1650 /1500*						
Сапоги хромовые	1 пара				2500		1700				
Галоши резиновые	1 шт.				330 /300*	260	250				
Ткань шерстяная (бостон)	1 п.м.				1000 /850*						
Ткань шелковая (креп-де-шин)	1 п.м.				360 /300*						
Ткань (сатин)	1 п.м.				90 /80*						
Ткань ситец	1 п.м.					85	40				
Костюм мужской шерстяной двойка	1 шт.				3100 /2560*						
Костюм для мальчика шерстяной	1 шт.				1100/ 910*						
Кепи мужские	1 шт.				100						
Шляпы женские	1 шт.				480						
Манто женское из суслика	1 шт.				2000						
Белье мужское (гарнитур)	1 шт.				280						
Чулки женские хлопчатобумажные	1 шт.				120						
Мыло семейное	100 гр.				30						

Название товара	Количество	Цены в рублях									
		1945	1946						1947		
		конец года	Январь – август			Осень (после 16.09.1946 г.)			Январь – ноябрь		
		Пайков.	Пайков.	Коммер.	Цены колх рынка**	Пайков.	Цены колх рынка**	Коммер.	Пайков.	Цены колх рынка****	Коммер.
Мыло хозяйственное	400 г.				35		40				
Сумка женская кожаная	1 шт.			550							
Кастрюля алюминиевая				100							
Часы наручные	1 шт.			2000							
Радиоприемник «Рекорд»	1 шт.			1000							
Ружье охотничье двуствольное	1 шт.			1900							

* Цены коммерческой торговли для городов Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова / цены для других городов страны

**Цены на колхозных рынках г. Свердловск и городов Свердловской области.

*** Цены на продовольственные товары, действовавшие в регионах, относящихся ко второму поясу.

**** Цены на колхозных рынках г. Саратова

Источники: Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 279. Л. 49–50; Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество ... С. 70; Кузнецова Н.В. Динамика цен и заработной платы ... С. 60; Попов В.П. Сталин и советская экономика ... С. 72, 76; Продовольственная безопасность Урала в XX веке ... С. 297; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 10196. Л. 1, 18–23. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1907 Л. 93, 96; Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 78; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 100; Шарапов В. Указ. соч. (дата обращения: 11.07.2019)

Приложение 1.12

Поясные* единые розничные цены на продовольственные товары, установленные в декабре 1947 г. (руб. и коп.).

Наименование товара	Кол-во	I пояс**	II пояс***	III пояс****
Хлеб ржаной	1 кг.	2-80	3-00	3-20
Хлеб пшеничный из муки 2 с.	1 кг.	4-00	4-40	4-80
Хлеб пшеничный из муки 1 с.	1 кг.	6-20	7-00	7-80
Мука ржаная обойная	1 кг.	4-40	4-80	5-20
Мука пшеничная 2 сорта	1 кг.	5-70	6-20	7-00
Мука пшеничная 1 сорта	1 кг.	7-00	8-00	9-00
Пшено толченое 1 сорта	1 кг.	5-50	6-00	6-50
Крупа гречневая ядрица	1 кг.	11-00	12-00	13-00
Макаронны из муки 1 сорта	1 кг.	9-00	10-00	11-00

Сахар рафинад мелкоколотый	1 кг.	13-50	15-00	16-50
Мясо говяжье ср. упитанности 1 с.	1 кг.	28-00	30-00	32-00
Масло сливочное соленое высшего сорта	1 кг.	62-00	64-00	66-00
Масло подсолнечное рафинированное не расфасованное	1 кг.	28-00	30-00	32-00
Рыба-судак свежемороженый 1 с.	1 кг.	10-50	12-00	10-50
Сельдь каспийская бочкового посола крупная	1 кг.	17-00	20-00	17-00
Соль молотая № 2	1 кг.	1-60	1-60	1-80
Соль молотая № 3	1 кг.	1-40	1-40	1-60
Овес	1 кг.	2-20	2-50	2-80
Цены на фрукты, молочные продукты и яйца (в руб. и коп.):				
Яблоки I группы «Кандиль» 1с.	1 кг.	от 8-00 до 12-00	от 12-00 до 18-00	от 16-00 до 25-00
Молоко цельное	1 л.	от 2-50 до 3-50	от 3-00 до 4-00	от 4-00 до 5-00
Яйца столовые I категории	10 шт.	от 10-00 до 14-00	от 12-00 до 16-00	от 14-00 до 18-00

* Выделение ценовых поясов было дифференцировано по группам: хлеб и другие продовольственные товары; молочные продукты и яйца; свежие и сухие фрукты.

** В РСФСР к I поясу по товарной группе «хлеб и другие продовольственные товары» относились территории Башкирской, Татарской, Мордовской, Кабардинской, Северо-Осетинской и Дагестанской АССР; Краснодарского, Ставропольского, Алтайского края; Калининградской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Брянской, Орловской, Куйбышевской, Ульяновской, Чкаловской, Саратовской, Сталинградской, Астраханской, Ростовской, Грозненской, Крымской, Омской, Новосибирской, Курганской, Тюменской, Томской областей. По товарной группе «молочные продукты и яйца»: Башкирская, Татарская, Кабардинская, Северо-Осетинская АССР; Краснодарский, Ставропольский, Алтайский края; Вологодская, Курганская, Тюменская, Омская, Чкаловская, Воронежская, Курская, Саратовская, Сталинградская, Ростовская, Грозненская, Новосибирская, Томская, Калининградская области. По товарной группе «свежие и сухие фрукты»: Дагестанская, Северо-Осетинская, Кабардинская АССР; Краснодарский и Ставропольский края; Крымская, Ростовская, Грозненская, Курская, Брянская области.

*** В РСФСР к II поясу по товарной группе «хлеб и другие продовольственные товары» относились: г. Москва, г. Ленинград; Бурят-Монгольская, Марийская, Чувашская и Удмуртская АССР; Красноярский край, Вологодская, Ленинградская, Псковская, Смоленская, Рязанская, Тульская, Калужская, Московская, Великолукская, Новгородская, Калининская, Ивановская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Горьковская, Кировская, Свердловская, Молотовская, Челябинская, Иркутская, Читинская, Кемеровская области. По товарной группе «молочные продукты и яйца»: Мордовская, Марийская, Чувашская, Удмуртская, Бурят-Монгольская, Дагестанская АССР; Красноярский край; Псковская, Ленинградская, Новгородская, Смоленская, Рязанская, Тульская, Калужская, Московская, Великолукская, Калининская, Ивановская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Молотовская, Челябинская, Куйбышевская, Ульяновская, Тамбовская, Пензенская, Брянская, Орловская, Астраханская, Крымская, Кемеровская, Иркутская, Читинская области. По товарной группе «свежие и сухие фрукты»: Башкирская, Татарская, Мордовская, Марийская, Чувашская, Удмуртская АССР; Алтайский край; Куйбышевская, Ульяновская, Чкаловская, Саратовская, Сталинградская, Астраханская, Псковская, Смоленская, Рязанская, Тульская, Калужская, Великолукская, Новгородская, Калининская, Ивановская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Горьковская, Кировская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Орловская, Вологодская, Молотовская, Свердловская, Челябинская, Курганская, Омская, Тюменская, Новосибирская, Томская, Кемеровская, Калининградская области.

**** В РСФСР к III поясу по товарным группам «хлеб» и «молочные продукты и яйца» относились: Якутская и Коми АССР; Хабаровский и Приморский края; Архангельская, Сахалинская и Мурманская области, районы Крайнего Севера в других областях. По товарной группе «свежие и сухие фрукты» к перечисленным регионам добавлялись: Бурят-Монгольская АССР, Красноярский, край, Московская и Ленинградская области.

Источник: Известия. 1947. 15 декабря. С. 1-2.

Снижение цен на товары (1948–1954 гг.) (в %).

Наименование товара	10.04. 1948.	01.03. 1949	01.03. 1950	01.03. 1951	01.04. 1952	01.04. 1953	01.04. 1954
Продовольственные товары							
Хлеб из ржаной и пшеничной обойной муки		10	25,9	15	12	10	8
Хлеб из пшеничной сортовой муки		10	30	15	15	10	5
Баранки, др. булочные изделия из пшеничной сортовой муки			30	15	15	10	5
Дрожжи			20	15	20		
Мука обойная (пшеничная и ржаная)		10	25	15	12	10	5
Мука пшеничная первого и высшего сортов		10	30	15	15	10	5
Мука пшеничная крупчатка		10	21	15	15	10	5
Прочие сорта пшеничной муки, а также кукурузная и др. мука		10	25	15	15	10	5
Соевая блинная мука				15			15
Пшено		10	14,8	15	15	10	
Рис		10	12	15	15	10	
Крупа гречневая, другие крупы, горох и бобовые культуры		10	20	15	15–20	10	
Макаронные изделия		10	25	15	15	10	
Суп-пюре гороховый и каша пшеничная с жиром			15,2				
Крахмал картофельный			14,6	15	15		
Сухие кисели и желе						15	
Толокно, геркулес, сухие кисели, прочие пищевые концентраты			15	15	10	10	
Чай натуральный			10	10	20	20	10
Чайные, кофейные и какао напитки			18	10	10	20	15
Кофе				10	15	20	15
Говядина средней и высшей упитанности		10	24	15	15	15	
Говядина ниже средней упитанности		10	30	15	15	15	
Баранина средней и высшей упитанности		10	28	15	15	15	
Баранина ниже средней упитанности		10	35	15	15	15	
Свинина		10	24	15	15	15	
Птица			24	15	15–20	15	
Кроличье мясо		10	30	15		15	
Прочие виды мяса		10	24–30	15	15	15	
Головы, печень и др. субпродукты			24				
Колбаса		10	24	15	15	15	
Сосиски и сардельки		10	30	15	15	15	
Копчености			27				
Котлеты московские			35	15	15	15	
Прочие изделия кулинарии			25				

Наименование товара	10.04. 1948	01.03. 1949	01.03. 1950	01.03. 1951	01.04. 1952	01.04. 1953	01.04. 1954
Мясные и мясорастительные консервы		10	25	15	20	15	
Судак охлажденный и мороженный		10	10,2	10		10	
Осетрина		10	10	10		в сред- нем на 10	
Лососевые, навага и скумбрия		10	30	10			
Навага северная		10	25	10			
Семга и лососина соленые		10	25	10			
Балычные изделия из лососевых, сиговых и осетровых		10	30	10			
Сельдь тихоокеанская		10	30	10			
Сельдь каспийская, жупановская и др.		10	10,1	10			
Филе рыбное		10	25	10			
Консервы рыбные			30–35	10			
Вобла вяленая		10	10	10			
Бычок вяленый и сушеный		10	30	10			
Тюлька соленая, вяленая		10	12,5– 25	10			
Прочая рыба		10	10	10			
Икра черная	10		30	10			
Икра кетовая (красная)	20		25	10			
Масло сливочное и топленое		10	30	15	15	10	
Сыр и брынза		20	15–20	10	10–20		
Молоко цельное, сливки, кефир			10	10	10		
Сметана, творог, сырки и прочая молочно-кислая продукция			20	10	10		
Молочные консервы, сухое молоко			15	10	10		
Мороженое			20	10	15	10	
Масло растительное			10		20	10	
Маргарин			35		15	10	
Соевые продукты: сырки, кефир и др.				15			
Сало пищевое топленое и сырое			18	10	20	10	
Соусы майонез и др.			20		30	10	
Соль		30	40–50	21	30	10–30	10–20
Сода питьевая			21	10			
Уксусная эссенция					15		
Яйца			15		15	10	
Яичный порошок			20				
Сахар (песок, рафинад)			12–15		10	10	
Карамель разная			8–11		10–15	10	
Мармелад, печенье, пряники		10 *	20	10	12	10	
Какао, пирожные, торты и проч. кондитерские изделия		10 *	16,7– 18		12	10	
Варенье, джем, повидло и желе			25		10	10	
Безалкогольные напитки	20		20				
Напитки на натуральных соках			16				

* Были снижены цены только на печенье, пряники и торты.

Наименование товара	10.04. 1948.	01.03. 1949	01.03. 1950	01.03. 1951	01.04. 1952	01.04. 1953	01.04. 1954
Квас хлебный			22				
Яблоки и груши			20		20	50	
Виноград			25		20	50	
Мандарины и апельсины			15			50	
Лимоны						50	
Фруктовые консервы и соки			30				
Сухофрукты и орехи			20		20	20	
Замороженные плоды и ягоды			20–30		20		
Картофель			10			50	
Капуста			14,7			50	
Морковь			14,7			50	
Свекла			10			50	
Прочие овощи			10			50	
Соленые, квашеные и маринованные овощи			15–16,7				
Сок томатный консервированный			32	10	20		
Фруктовые соки				10	20		
Овощные консервы			20		20		
Фруктовые консервы					10	25	
Сушеные овощи			11–20,8			25	
Замороженные овощи							
Алкоголь и табачные изделия							
Папиросы, сигары и сигареты	10	10	20	10		5–10	
Махорка			20	15		10	
Водка	20	28	16,7	10		11	
Ликеры, наливки, настойки	20	23	20–25	10		15	
Вина виноградные, крепленые и плодово-ягодные	20	15	20–49			5 **	
Советское шампанское			16,2			15	
Пиво	20		30			15	
Промышленные товары							
Автомобили легковые «Москвич»	10						
Мотоциклы	20	15	20–25	10			
Велосипеды	20	20	20	10		10	
Коньки						10	5–15
Лыжи						15	10
Охотничьи ружья	15		12			15	
Швейные машины	10		20	10		10	
Пишущие машинки		20					
Фотоаппараты	10***	10	20				10
Радиоприемники	10*	20	15	10			
Репродукторы динамические	20		20				
Телевизоры		25					
Патефоны	20	30	25				

* Радиоприемники «Рекорд», «Родина».

** Виноградные вина

**** Фотоаппараты «Москва»

Наименование товара	10.04. 1948.	01.03. 1949	01.03. 1950	01.03. 1951	01.04. 1952	01.04. 1953	01.04. 1954
Пианино		20	10			в сред- нем на 10	
Другие музыкальные инструменты							
Баяны	10	20	25				
Аккордеоны	12	20	25				
Граммофонные и патефонные пла- стинки		20	16,7				
Бинокли	10*	10	25*				
Часы	12**	30	11– 28,6	10		5–10	
Ювелирная серебряная и металли- ческая галантерея	20		15				
Ювелирные изделия		20	10				10
Мыло хозяйственное			40	15		15	15
Мыло туалетное			50	15		20	20
Парфюмерные изделия	10	20	15	10		10	10
Косметические товары	10		25	10			
Пальто, костюмы, платья из шер- стяных тканей		12	10–22				
Пальто, костюмы, платья из полу- шерстяных тканей			20				
Платья, блузки и др. швейные изде- лия из шелковых тканей		15				12	7
Платья, сорочки, блузки и другие швейные изделия из полшелковых тканей и тканей из искусственного шелка			10				
Платья, сорочки, блузки и другие швейные изделия из хлопчатобу- мажных и льняных тканей			13–14			7–14	10–15
Трикотажные изделия хлопчатобу- мажные, полшелковые и вискоз- ные			10			5	8
Чулки и носки шелковые		15	15			20	10
Чулки и носки шерстяные и х/б.			15				20
Обувь текстильная и комбиниро- ванная		15	20			12–20	20
Обувь кожаная			15			8–10	7
Резиновая обувь			10–15			10–15	12
Валяная обувь			25			5	
Головные уборы (шляпы и кепи и пр.)		15	10–35			10–15	10
Меховые воротники и шапки			10				
Одеяла шерстяные			20				
Шерстяные ткани		10	12–24			5	
Полушерстяные ткани			22			5	
Хлопчатобумажные ткани			15			15	15–20
Льняные ткани			15			8	

* Бинокли театральные

** Часы металлические карманные и наручные

Наименование товара	10.04. 1948.	01.03. 1949	01.03. 1950	01.03. 1951	01.04. 1952	01.04. 1953	01.04. 1954
Шелковые ткани		10				15	10
Полушелковые ткани			12				10
Нитки		15	20			10	15
Текстильная галантерея		15	12–30			10	10
Меха		10				7–15	
Металлическая галантерея и галантерея из кожзаменителей		10	15–20			10	
Изделия из пластмассы и целлулоида (посуда и пр.)	20	20	20	10		10	
Щетки разные						15	
Металлохозяйственные товары (ножи, вилки, ложки и др.)		10	12–30	10		10	15
Посуда фарфоровая, стеклянная			15–20	10–20		10–20	10–15
Посуда металлическая			10–30			10–30	
Электрохозяйственные товары (электрочайники, электроплитки, электроутюги и др.)		10	11–25			15–25	
Электроосветительные лампы						25	10
Холодильники, стиральные машины						20	
Утюги наплитные и духовые			20	10			
Самовары			20				
Скобяные изделия		20	20	10		10	10
Топоры, лопаты, косы, вилы				10		20	20
Шорные товары		20	15	10			
Строчевышивальные изделия		15					
Примусы, керогазы и пр.	10		20	10			
Веревка, шпагат и шнур			15				
Ковры и ковровые изделия			20			5	
Клеенка, дерматин			10			10	
Абажуры из тканей и бумажные			25				10
Пухо-перовые изделия			15			10	10
Вата			20			8	15
Красители для домашнего крашения тканей						20	
Стол, стулья, шкафы, диваны и др. виды мебели				20		5	
Металлические кровати			10–20	20			15
Бумага писчая			10			10	10
Книги, учебники					18		
Тетради школьные и изделия из бумаги и картона			20			10	
Готовальни			30			15	
Карандаши, перья						15	15
Школьно-письменные принадлежности и канцелярские товары, кроме перьев и карандашей			20			15	15
Автоматические ручки			30			20	
Игрушки резиновые			10			10	15
Игрушки целлулоидные			20			10	15

Наименование товара	10.04. 1948.	01.03. 1949	01.03. 1950	01.03. 1951	01.04. 1952	01.04. 1953	01.04. 1954
Елочные игрушки						10	15
Карты игральные			20				
Кремни для зажигалок			40				
Спички			25	20		17	20
Гвозди			20	10		20–25	
Цемент		30	20	10		25	20
Толь, рубероид			20	20		20	20
Железо кровельное				10		10	
Стекло оконное			20	20		10	
Лаки, политуры, краски			10–20			10	10
Линолеум						15	
Обои			20	10		20	20
Другие товары и услуги							
Витамины	20		20		10	10	
Витаминизированный медицинский жир			25				
Резиновые изделия санитарии и гигиены						20	10
Медикаменты и другие изделия санитарии и гигиены						15	15
Зернофураж (рожь, овес, пшеница, ячмень и другие виды зерна)		20	20–22,7	15	12–15	10	5–8
Жмых		20	22–25	15	15	10	5
Отруби		20	22	15	15	10	5
Комбикорм		20	25	15	15	10	5
Сено		30	25	15	15	10	5
Бензин				20		25	44,5
Керосин			10	22		25	38
Индивидуальный пошив одежды в ателье и мастерских		20	10–15				
Плата за номера в гостиницах					15		

Источники: Составлено по: Новое снижение цен // Правда. 1948. 10 апреля. С. 1; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления» // Правда. 1949. 1 марта. С. 1; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» // Правда. 1950. 1 марта. С. 1–2; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1951. 1 марта. С. 1; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1952. 1 апреля. С. 1; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1953. 1 апреля. С. 1; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары // Правда. 1954. 1 апреля. С. 1.

Уровень цен в РСФСР 1940, 1953 гг. Объем налога с оборота (руб.)

Название товара	Кол-во	Цены		Налог с оборота
		1940	1953	
Хлеб пшеничный	1 кг.		1,55	0,98
Хлеб ржаной	1 кг.	0,85	1,35	0,76
Батон с изюмом из муки высш. с.	400 гр		2,35	
Батон нарезной из муки 1 сорта	400 гр		1,45	
Баранки из муки 1 сорта	1 кг.		4,70	
Мука ржаная обойная	1 кг.		2,25	
Макароны из пшеничной муки 1 с.	1 кг.	3,50	4,30	2,66
Пшено	1 кг.	2,10	2,95	
Крупа гречневая ядрица	1 кг.	4,30	5,60	
Рис	1 кг.		8,80	
Горох	1 кг.		3,10	
Мясо (говядина)	1 кг.	10,00	10,97	7,63
Мясо (свинина)	1 кг.	15,40	16,70	11,57
Мясо (баранина)	1 кг.		11,90	6,13
Сосиски «Русские»	1 кг.	12,60	13,30	6,44
Судак мороженный	1 кг.	3,80	7,10	2,94
Треска мороженная	1 кг.	3,80	5,50	
Лещ мороженный	1 кг.	4,80	7,20	
Лещ соленый	1 кг.	3,40	5,10	
Сельдь каспийская соленая	1 кг.	4,50	10,60	5,82
Икра осетровая зернистая	1 кг.		81,00	
Консервы рыбные	1 бан.	4,60	6,15	
Консервы овощные	1 бан.	1,70	3,25	
Молоко	1 л.	2,00	2,24	
Масло сливочное соленое, I сорт	1 кг.	23,00	24,60	
Масло сливочное несоленое,	1 кг.	17,50	25,50	
Масло топленое высший сорт	1 кг.	18,50	27,80	15,02
Маргарин столовый, I сорт	1 кг.	12,00	14,30	5,98
Масло подсолнечное	1 л.	13,50	18,80	14,53
Сыр советский «Экстра»	1 кг.	29,00	36,90	
Яйца	1 дес.	6,50	8,35	
Сахар рафинад	1 кг.	4,10	10,70	7,81
Сахар песок	1 кг.		9,40	7,03
Конфеты «Весна»	1 кг.	20	36,90	26,95
Соль	1 кг.	0,12	0,40	0,21
Картофель	1 кг.		0,45	
Лук	1 кг.		1,75	
Свекла	1 кг.		0,45	
Лимон	1 кг.		2,25	
Водка	1 л. / 0,5л	/11,5	40,00 / 22,80	35,53/
Пиво жигулевское	1 л.		4,40	3,24
Крабы	1 б.		4,3	

Название товара	Кол-во	Цены		Налог с оборота
		1940	1953	
Чай черный	1 кг.	80,00	84,00	16,96
Тонкосуконная пальтовая ткань	1 м.		282,00	
Полотно белое льняное простынное,	1 м.		40,20	
Ситец набивной	1 м.		8-30	4,90
Сорочка женская трикотажная	1 шт.		14,90	
Фуфайка мужская х/б.	1 шт.		22,30	13,31
Кальсоны мужские трикотажные	1 шт.		20,50	
Носки мужские х/б.	1 шт.		4,50	2,07
Костюм мужской шерстяной	1 шт.		482,00	214,57
Платье женское	1 шт.		151,00	66,32
Галоши мужские	1 пара		34,40	24,57
Сапоги мужские на кожаной подошве	1 пара		202,00	99,31
Мыло хозяйственное кусок	100 гр.		2,25	0,69
Мыло туалетное «семейное» кусок	400 гр.		1,35	
Махорка	50 гр.		0,55	
Папиросы	1 пачка		2,60	1,98
Керосин	1 л.		1,05	0,73
Кастрюля алюминиевая	1 шт.		14,50	
Швейная машина	1 шт.		583,00	339,77
Часы наручные «Победа»	1 шт.		342,00	243,63
Велосипед мужской дорожный	1 шт.		592,00	105,52
Лампа электрическая	1 шт.		1,45	
Учебник алгебры	1 шт.		4,30	
Автомобиль «Победа»	1 шт.		16 000	
Автомобиль «Москвич»	1 шт.		9 000	
Лото с картами	1 шт.		25,00	
Кукла резиновая	1 шт.		18,50	
Мяч резиновый	1 шт.		1,68	0,89

Источники: Составлено по: Продовольственная безопасность Урала в XX веке ... С. 297; РГАЭ Ф.1562, Оп. 33, Д. 1184 Л. 90; Д. 1582. Л. 20, 25–27; Оп. 41. Д. 239. Л. 218; Шарапов В. Указ. соч.

Приложение 1.15

Таксы и тарифы за услуги связи (руб., коп.)

Наименование услуг	1938 г.	1939 г.	1940 г.	Введены 09.08.1948	Введены 03.09.1948
Письма местные (вес до 20 гр.)	10 коп.	15 коп.		40 коп.	
- за каждые последующие 20 грамм, полные или неполные	10 коп.	15 коп.			20 коп.
Письма иногородние (вес до 20 гр.)	20 коп.	30 коп.		40 коп.	

Наименование услуг	1938 г.	1939 г.	1940 г.	Введены 09.08.1948	Введены 03.09.1948.
- за каждые последующие 20 грамм, полные или неполные	5 коп.	5 коп.			20 коп.
Почтовые карточки иногородние	15 коп.	20 коп.		25 коп.	
Почтовые карточки местные	5 коп.	10 коп.		25 коп.	
Бандероли всех видов (до 50 гр.)	20 коп.	20 коп.		30 коп.	1 руб.
- за последующие 50 грамм, полные или неполные	10 коп.	10 коп.			15 коп.
Посылки* - до 3-х кг. (в 1938 г. – до 4-х кг.)	от 3 до 10 руб.	от 4 до 14 руб.		от 5 до 17 руб.	
- до 6 кг.	от 4 до 15 руб.	от 5 до 27 руб.		от 6 до 32 руб.	
- до 8 кг.	от 5 до 20 руб.	от 6 до 36 руб.		от 7 до 43 руб.	
Денежные переводы - по почте	от 30 коп до 1 руб.**		от 60 коп до 2 руб.**		50 коп. (с каждых полных или неполных 100 руб.)
- по телеграфу до 100 руб.	от 5,5 до 18 руб.				от 6 до 18 руб.
до 300 руб.	от 8 до 26,7 руб.				от 10 до 30 руб.
до 500 руб.	от 10,5 до 35,5 руб.				от 15 до 40 руб.
свыше 500 руб.	от 15,50 до 53 руб.				от 20 до 55 руб.
Телеграмма (за слово) -простая	25 коп.			30 коп.	
- срочная	75 коп.			1 руб.	
- «молния»	1 руб. 50 коп.			1 руб. 50 коп.	
Иногородние телефонные переговоры (за минуту)***	от 30 коп до 15, 05 руб.			от 20 коп. до 2, 50 руб.	от 2 руб. до 20 руб.****
Абонентская плата за телефонный аппарат (в республиканских, краевых, областных центрах / рабочих поселках и прочих местностях) (в год.) - индивидуального пользования	180-120 руб. / 96 руб.			300 руб. / 180 руб.	
- в учреждениях и коллективного пользования	360-240 руб. / 150 руб.			500 руб. / 240 руб.	

* Плата за отправку посылки зависела от дальности отправления в соответствии с поясами (1938 г.), расстоянием в километрах (1948 г.).

** Устанавливались тарифы на денежные переводы от 25 до 100 руб., при переводе более 100

руб. взималась 1 коп.(1938 г), или 2 коп. (1940г.) с каждого рубля

*** Плата взималась в зависимости от расстояния между населенными пунктами (1938 г.), от расстояния и вида связи (внутри района, области, между областями, республиками) (1948 г.).

**** Тарифы на переговоры по телеграфу

Источники: Составлено по: Постановление СНК СССР от 02.02.1938 N 112 «О таксах и тарифах за услуги связи» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1938 г. № 3, Ст. 6; Постановление СНК СССР от 01.02.1939 N 152 «Об изменении почтовых тарифов» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1939 г. № 15. Ст. 89; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 октября 1939 г. № 1628 «О почтовых посылках» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1939 г. № 54. Ст. 486. Постановление СНК СССР от 3 марта 1940 г. № 292 «Об изменении тарифов за услуги связи» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940 г. № 5. Ст. 159; Постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1948 г. № 2998 «Об изменении такс и тарифов за услуги органов связи» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 342. Л. 58–63. Постановление Совета Министров СССР от 3 сентября 1948 г. № 3357 «Об изменении такс и тарифов за услуги органов связи» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 345. Л. 1–9.

Приложение 1.16

Оклады представителей отдельных профессиональных групп городского социума РСФСР (1945–1953 гг.) (руб./мес.)

Профессия, должность	1945	1946	1947	1948	1953
Персональные оклады					
Уполномоченный Госплана СССР по РСФСР			3000		
Артист Большого театра		5000–7000			
Народный артист СССР, сотрудник Малого театра		5000–6000			
Генеральный секретарь Союза советских композиторов СССР				5000	
Секретарь Союза советских композиторов СССР				4000	
Член Секретариата Союза советских композиторов СССР				3500	
Председатель правления Камчатского рыболовпотребсоюза				2200	
Директор Дальневосточной транспортно-складской конторы				2100	
Главный бухгалтер Камчатского рыболовпотребсоюза				2000	
Главный бухгалтер Ямало-Ненецкого рыболовпотребсоюза				1900	
Должностные оклады					
Союзный министр					5 000
Первый Секретарь обкома ВКП(б) (КПСС) (по 1951 г.)					2000
Второй секретарь обкома ВКП(б) (КПСС)					1800
Секретарь райкома КПСС					1 500
Парторг артиллерийского завода					3000
Парторг завода «Уралалюминстрой»					2700
Уполномоченный Госплана СССР			2500		
Заведующий секретариатом Уполномоченного Госплана СССР			1200		
Начальник управления статистики Госплана СССР			2000		
Художественно-руководящий персонал театра *		900–5000			

* Оклады работников Государственного ордена Ленина академического Большого театра.

Профессия, должность	1945	1946	1947	1948	1953
Должностные оклады					
Солист оперы *		1000–5500			
Артист балета *		900–4000			
Артист хора*		900–2500			
Артист детского хора *		200–350			
Директор вуза или института Академии наук СССР (доктор наук, профессор)		6000–8000			
Научный сотрудник или преподаватель вуза (доктор наук, профессор)		3500–5000			
Научный сотрудник или преподаватель вуза, кандидат наук (старший преподаватель или доцент)		2500–3200			
Директор научно-опытной или селекционной станции (доктор наук)***			3200		
Директор Института истории партии при обкоме ВКП(б) (КПСС)					4000 ****
Заместитель директора по научной работе Института истории партии при обкоме ВКП(б) (КПСС)					3200 ****
Руководители опытного поля, имеющие учёную степень кандидата наук ***			2200		
Директор издательства, зав. отраслевой редакцией **		5000			
Научный редактор, главный библиограф**		2300			
Литературный редактор **		1300–1500			
Переводчик**		1200			
Старший редактор, сотрудник предприятия Министерства кинематографии		1200–1400			
Кинотехник, старший киномеханик и киномеханик		500–700			
Работник управления торгующей организации:					737 / 727 *****
Директор, главный инженер завода Главкислорода при Совете Министров СССР, отнесенного к 1 категории		1700–2000			
Директор промышленного комбината местной промышленности			600–1000		
Управляющий трестом Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР, отнесенного к 1 категории.			2000–2500		

* Оклады работников Государственного ордена Ленина академического Большого театра.

** Оклады работников Государственного издательства иностранной литературы при Совете Министров СССР.

*** Оклады научных работников «низовой сети научно-исследовательских учреждений» министерств: сельского хозяйства, совхозов, пищевой промышленности, вкусовой промышленности, работающие по сельскому хозяйству в области растениеводства, плодоводства, виноградарства, животноводства и ветеринарии, пчеловодства, шёлководства, почвоведения, агрохимии, защиты растений, агролесомелиорации, мелиорации и ирригации.

**** Данные по 1954 г.

***** Заработная плата на предприятиях Свердловска / на предприятиях Свердловской области.

Профессия, должность	1945	1946	1947	1948	1953
Должностные оклады					
Управляющий трестом Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии, отнесенного к 1 категории		2500 – 3000			
Управляющий трестом Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР, отнесенного к IV категории.			1500–1700		
Управляющий, главный инженер нефтедобывающего треста, отнесенного к 1 категории		2200–2500			
Управляющий, главный инженер нефтедобывающего треста, отнесенного ко 2 категории		2000–2200			
Главный геолог нефтедобывающего треста, отнесенного, отнесенного к 1 категории		1800 – 2000			
Главный инженер треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии, отнесенного к 1 категории		2500 – 3000			
Инженер, мастер цеха, юрисконсульт, старший плановик цеха завода Главкислорода при Совете Министров СССР, отнесенного к III категории		600–700			
Мастер I категории, работающий на предприятии Министерства лесной промышленности		700–500 ***			
Бракёр и десятник II категории, работающий на предприятии Министерства лесной промышленности		425–325 ***			
Старший машинист компрессорной станции или электростанции газопровода		650 – 800			
Рабочий угольной промышленности					1 465
Рабочий цветной металлургии					1 343
Рабочий черной металлургии*	851	876	955		
Шахтер и металлург-стахановец					8 000
Рабочий тяжелого машиностроения		711			
Рабочий транспортного машиностроения		703			
Рабочий сельскохозяйственного машиностроения**		540	616		
Рабочий судостроительной промышленности	516	515	552		
Рабочий дорожно-строительного и нефтяного машиностроения		694			
Рабочий общего машиностроения и приборостроения		643			
Рабочий электротехнического машиностроения		582			
Молодой специалист – инженер					1 000
Старший инженер					1 300
Старший инженер нефтеперерабатывающего треста, отнесенного к 1 категории		1000–1200			
Старший инженер нефтеперерабатывающего треста, отнесенного ко 2 категории		900–1100			
Старший инженер нефтеперерабатывающего завода, отнесенного ко 2 категории		800–1100			

* На примере металлургического завода «Красный октябрь» г. Сталинград.

** На примере Сталинградского тракторного завода

*** Дифференциация объема должностного оклада определяется тарифным поясом – I, II, III, зависящим от региона, где находится предприятие.

Профессия, должность	1945	1946	1947	1948	1953
Должностные оклады					
Главный инженер комбината местной промышленности			600–980		
ИТР предприятия сельскохозяйственного машиностроения		1056	1060		
ИТР предприятия черной металлургии		2221	2119		
ИТР предприятия судостроительной промышленности		1129	1137		
Топограф нефтедобывающего треста, отнесенного к 1 категории		600–800			
Техник, экономист конторы капитального ремонта нефтяных скважин		500–700			
Экономист планового отдела теста Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР			690–880		
Экономист, агроном, инспектор Госплана СССР			790–880		
Экономист треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии, отнесенного к 1 категории		600–800			
Техник комбината местной промышленности			550		
Рабочий швейной и обувной промышленности					651
Рабочий пищевой промышленности		340–400			
Слесарь нефтебазы					500
Шофер грузовой машины					
Служащий предприятия судостроительной промышленности		556	648		
Служащий предприятия черной металлургии		804	870		
Работник транспорта					508 / 474*
Работник розничной сети, базы, склада:					425 / 543*
Кассиры, инкассаторы, заведующие техническими архивами на предприятиях нефтяной промышленности		400–500			
Счетоводы, статистики, кладовщики на предприятиях нефтяной промышленности		300–400			
Счетовод-кассир комбината местной промышленности		360			
Бухгалтер-ревизор на предприятиях нефтяной промышленности		500–800			
Главный бухгалтер треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии, отнесенного к 1 категории		1200–1400			
Главный бухгалтер комбината местной промышленности			550–830		
Главный бухгалтер комбината местной промышленности			550–830		
Товаровед, бухгалтер, техник, старший лаборант, плановик, диспетчер гаража завода Главкислорода при Совете Министров СССР, отнесенного к I / III категории		500–600/ 400–500			
Линейный обходчик газопровода		300–400			
Кладовщик комбината местной промышленности		360–410			
Кладовщик, электромонтёр Госплана СССР			450		

*Заработная плата на предприятиях Свердловска / на предприятиях Свердловской области.

Профессия, должность	1945	1946	1947	1948	1953
Должностные оклады					
Кладовщик треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии, отнесенного к 1 категории		350–400			
Работник общественного питания					447 / 351*
Санитарный врач в городском тресте столовых					880
Уборщица, прачка, кубогрев, истопник, дворник, сторож, кучер, конюх, банщик, кочегар отопительных установок на предприятиях нефтяной промышленности		200–250			
Курьер, уборщица, прачка, сторож, дворник, истопник, гардеробщица на предприятиях Главкислорода при Совете Министров СССР		150–175			
Машинистка, копировщик, телефонистка, учётчик на предприятиях Главкислорода при Совете Министров СССР		275–400			
Секретарь-машинистка треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии, отнесенного к 1 категории		350–400			

* Заработная плата на предприятиях Свердловска / на предприятиях Свердловской области.

Источники: Составлено по: ГАСО. Ф. 1930. Оп. 1. Д. 131. Л. 55 – 56; Ф. 2028. Оп. 1. Д. 535. Л. 60; Д. 539. Л. 123; Ф. 2232. Оп. 1. Д. 48. Л. 12; Ф. Р-1813. Оп. 9. Д. 8. Л. 54; ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 6. Д. 842. Л. 20; Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 308–309; Д. 276. Л. 341 – 343; Д. 277. Л. 341–343; Д. 278. Л. 175, 292–293, 345–359; Д. 280. Л. 45; Д. 281. Л. 265; Д. 282. Л. 214–216; Д. 288. Л. 298–303; Д. 297. Л. 301–303; Д. 310. Л. 21; Д. 340. Л. 14–15; Д. 346. Л. 135–136; Д. 359. Л. 374–377; Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 50; Кузнецова Н.В. Динамика цен и заработной платы ... 59–66; Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих Свердловской области ... С. 73, 77, 78; Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. Указ. соч. С. 94; Попов, В.П. Экономическая политика советского государства ... С. 65; РГАЭ. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161—161 об.; Ф. 8210. Оп. 1. Д. 392. Л. 21; Д. 404. Л. 31. Д. 658. Л. 55; Д. 660. Л. 29; Ф. 8230. Оп. 1. Д. 51. Л. 74; Д. 148. Л. 91; Ф. 8833. Оп. 1. Д. 89. Л. 38; Д. 244. Л. 129; Ф. 8902. Оп. 1. Д. 41. Л. 18; Д. 107. Л. 34; Д. 293. Л. 22; Д. 367. Л. 21; Ф. 8904. Оп. 1. Д. 82. Л. 75; Д. 205. Л. 38; Шарапов В. Указ. соч.

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Правда»
1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения
РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Заработная плата
1946	6	34	-	-	312	81	52	87	46	14	23	49	5	45	2
1947	9	26	1	-	318	88	60	72	66	16	18	74	4	38	4
1948	12	20	2	-	297	81	68	74	36	44	17	75	5	49	4
1949	4	23	1	1	280	82	57	65	53	43	9	70	6	57	3
1950	7	17	2	1	207	81	60	58	42	27	8	67	9	45	4
1951	5	26	-	2	228	74	61	47	49	31	5	52	12	34	5
1952	2	19	-	8	211	69	65	48	44	30	5	38	14	26	7
1953	5	12	2	9	136	60	64	35	22	26	2	32	13	21	14
1954	4	11	3	13	107	45	72	28	-	11	-	34	8	16	16
1955	3	9	5	10	99	49	59	18	-	12	1	31	3	21	9
1956	2	10	4	7	101	27	47	14	-	13	2	25	2	10	9
Итого	59	207	20	51	2296	737	665	546	358	268	90	547	81	362	77

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Труд»
1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения
РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Заработная плата
1946	6	19	1	-	297	72	42	49	51	26	17	59	5	30	4
1947	5	26	2	2	338	72	48	53	58	27	16	77	6	32	7
1948	7	18	2	1	251	67	41	57	61	58	13	58	5	32	31
1949	8	20	1	1	255	69	42	54	63	47	12	61	4	35	9
1950	5	19	-	3	207	66	40	41	48	39	10	54	9	21	18
1951	5	21	1	8	200	75	38	38	53	40	11	53	13	27	19

1952	7	16	3	9	214	70	51	41	59	35	9	54	14	19	29
1953	8	13	4	13	152	43	45	33	46	27	2	42	12	16	35
1954	4	12	2	12	121	57	62	28	-	24	4	38	6	18	39
1955	4	12	5	14	120	47	65	29	-	29	1	39	4	17	31
1956	3	13	5	10	132	42	60	19	-	19	3	33	2	14	37
Итого	62	189	26	65	2287	680	534	442	439	371	98	568	80	261	259

Приложение 1.19

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Красный Север» 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Прозив. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд-преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Зарботная плата
1946	8	20	2	-	225	77	31	49	48	20	4	52	7	14	2
1947	8	18	-	-	263	93	44	55	54	18	2	43	6	22	2
1948	11	16	3	-	284	77	43	56	67	24	5	54	8	26	4
1949	3	7	1	1	241	69	39	60	61	26	4	39	9	29	4
1950	4	12	2	2	266	85	50	66	68	25	3	32	10	26	5
1951	3	11	4	-	255	78	49	53	41	17	3	38	12	34	7
1952	3	18	2	4	255	71	43	42	37	21	1	24	11	24	9
1953	2	16	1	5	219	45	39	30	31	23	2	19	13	18	12
1954	4	14	-	6	204	51	47	23	-	23	2	19	7	11	18
1955	2	9	2	3	166	49	54	25	-	18	1	10	6	10	23
1956	3	10	3	8	170	34	59	22	-	16	1	12	3	12	21
Итого	51	151	20	29	2548	729	498	481	407	231	29	342	92	226	107

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты
«Великолукская правда» 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности
городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановский	Экономия	Героизм, подвиг	Труд-преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Зарботная плата
1946	2	14	2	-	147	37	15	19	11	5	2	42	3	10	1
1947	6	13	2	-	212	42	34	36	23	17	3	45	5	25	4
1948	4	21	1	-	200	67	35	44	25	26	8	48	9	21	2
1949	6	26	1	-	178	57	31	52	26	27	4	35	11	20	3
1950	6	36	4	3	230	48	36	57	32	21	3	35	14	15	3
1951	4	17	1	-	231	49	26	36	29	19	-	29	10	13	4
1952	3	11	-	-	185	51	31	30	17	18	2	25	12	13	2
1953	2	18	1	2	186	53	43	17	18	12	-	26	10	8	5
1954	2	14	-	-	168	39	52	13	-	10	1	19	8	6	9
1955	1	7	1	3	159	37	58	22	-	9	-	20	5	8	11
1956	1	11	3	5	158	41	59	16	-	11	-	16	4	7	8
Итого	37	188	16	13	2054	521	420	342	181	175	23	340	90	146	52

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты
«Восточно-Сибирская правда» 1946–1956 гг., посвященных трудовой
деятельности городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Зарботная плата
1946	8	21	2	-	243	63	33	51	38	12	6	41	4	13	1
1947	8	19	2	-	283	76	54	56	57	18	7	58	4	12	2
1948	9	22	1	1	272	62	50	66	49	48	1	79	3	17	2
1949	2	18	2	-	249	64	44	53	47	39	4	64	2	19	8
1950	3	10	3	3	233	50	40	61	71	41	3	59	9	19	11
1951	4	20	4	4	294	75	57	63	74	33	5	58	11	21	9

1952	3	14	2	9	272	85	61	50	52	30	2	38	13	18	14
1953	4	19	2	10	271	65	46	46	32	19	2	36	15	16	13
1954	2	17	5	7	270	77	66	44	-	26	3	32	10	13	12
1955	1	19	6	16	258	59	86	46	-	37	2	18	9	14	15
1956	2	13	5	14	196	53	74	41	-	21	1	21	5	10	12
Итого	46	192	34	64	2841	729	611	577	420	324	36	504	85	172	99

Приложение 1.22

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты
«Советская Сибирь» 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности
городского населения РСФСР (ед. в год)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Зарботная плата
1946	8	22			298	86	32	59	30	19	4	56	8	28	1
1947	5	22	1	1	309	71	37	63	67	13	5	60	4	22	9
1948	7	18			284	87	35	45	44	26	6	55	5	33	7
1949	8	18		3	228	78	30	51	32	39	5	50	5	23	8
1950	5	31	2	4	158	58	26	43	38	30	2	38	12	17	11
1951	5	11	1	5	172	38	57	31	52	31	1	34	9	21	9
1952	4	16	2	7	184	57	33	30	43	23		33	15	16	12
1953	1	14	3	18	157	56	32	24	34	19	1	28	25	9	14
1954	2	10	3	9	128	34	24	23	-	11	3	16	20	9	11
1955	1	13	2	8	114	32	39	21	-	14	2	14	9	11	12
1956	1	11	2	9	109	33	34	22	-	12	1	17	5	10	14
Итого	47	186	16	64	2141	630	379	412	340	237	30	401	117	199	108

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты
«Уральский рабочий» 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности
городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Заработная плата
1946	4	18	1	-	258	71	42	54	34	14	3	41	2	13	2
1947	8	20	-	-	292	55	56	52	63	28	5	42	5	10	2
1948	7	19	1	1	279	62	53	68	51	30	6	47	4	17	3
1949	5	20	2	-	243	64	46	49	47	24	5	34	5	14	7
1950	5	17	1	7	198	58	37	38	37	20	4	30	10	14	10
1951	3	10	2	10	217	53	35	25	29	18	1	17	18	12	15
1952	2	16	2	11	231	61	45	38	34	18	-	20	14	15	14
1953	1	10	4	18	221	39	54	31	40	16	2	25	16	14	9
1954	1	15	5	10	170	44	60	26	-	17	1	21	10	14	13
1955	3	9	3	9	172	41	61	14	-	14	1	18	5	11	12
1956	2	6	2	9	172	33	49	19	-	15	-	17	1	5	10
Итого	41	150	23	75	2453	581	538	414	335	214	28	312	90	139	97

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Под знаменем Ленина» 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Заработная плата
1946	6	10	-	-	284	59	23	41	18	6	4	52	5	30	2
1947	5	11	-	-	334	58	18	53	26	10	5	54	2	22	2
1948	5	8	-	-	310	53	28	102	59	51	5	34	3	15	3
1949	3	6	-	1	278	73	20	87	75	28	2	30	4	9	5
1950	4	9	-	-	296	66	16	63	53	25	2	34	5	11	2
1951	3	10	-	3	328	112	24	96	61	12	3	32	6	11	15
1952	2	9	-	4	255	104	43	86	73	28	2	29	6	10	11

1953	4	10	1	7	280	86	36	51	71	30	1	25	8	9	10
1954	4	5	1	4	253	79	67	46	-	27	1	21	14	6	9
1955	3	4	-	4	242	75	61	26	-	20	-	19	3	5	12
1956	1	6	-	5	232	65	72	21	-	17	1	19	4	5	20
Итого	40	89	2	28	3092	830	408	672	436	254	26	349	60	133	91

Приложение 1.25

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Тагильский рабочий» 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Выполнение норм	Практики труда							Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма		Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Зарботная плата
1946	5	10	-	-	260	68	30	39	31	10	4	41	3	24	2
1947	13	14	1	-	301	86	32	45	43	13	4	38	2	18	5
1948	7	10	-	-	319	95	34	58	39	37	5	60	3	23	4
1949	5	8	-	1	291	80	32	73	41	33	2	38	4	17	8
1950	4	12	2	1	333	66	39	86	56	23	1	33	6	8	13
1951	4	10	-	-	327	59	35	69	48	24	2	28	5	11	14
1952	3	7	-	2	290	70	35	51	49	19	1	22	7	12	11
1953	3	5	1	2	296	59	37	32	50	20	1	24	9	12	15
1954	2	7	2	4	256	51	46	23	-	14	-	14	6	11	10
1955	1	4	1	3	216	44	43	21	-	13	-	12	2	10	16
1956	2	4	3	3	211	28	48	23	-	8	-	14	1	3	11
Итого	49	91	10	16	3100	706	401	520	357	214	20	324	48	149	108

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Кировец» 1951–1954 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Выполнение норм	Соц. соревнование	Практики труда						Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма			Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Заработная плата
1951	2	8	-	2	71	37	19	22	24	12	-	13	2	13	
1952	-	9	-	2	183	46	50	41	16	23	-	33	2	20	11
1953	2	7	-	4	174	49	40	31	18	18	2	31	6	25	10
1954	1	7	1	4	185	48	43	24	4	24	1	22	8	16	13
Итого	5	31	1	12	613	180	152	118	62	77	3	99	18	74	34

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Магнитогорский металл» 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Выполнение норм	Соц. соревнование	Практики труда						Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма			Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Заработная плата
1946	4	12	-	-	363	86	22	46	35	7	4	40	2	18	-
1947	16	11	1	-	494	105	30	118	79	10	5	35	-	24	1
1948	4	10	-	-	515	100	31	76	65	34	4	37	1	11	5
1949	3	9	-	-	429	121	30	64	67	40	3	34	-	11	3
1950	4	10	-	-	301	120	24	60	62	34	2	32	3	8	4
1951	3	10	2	-	293	124	19	97	71	31	3	31	6	12	6
1952	4	8	-	-	280	139	29	80	59	35	1	27	7	7	9
1953	2	9	-	2	270	118	29	58	17	38	-	25	6	4	8
1954	3	8	2	-	278	93	44	57	-	24	-	23	1	6	10
1955	2	9	3	3	293	70	43	42	-	25	-	18	2	7	11
1956	2	7	-	2	240	38	50	44	-	18	-	16	1	4	10
Итого	47	103	8	7	3758	1114	351	742	455	296	22	318	29	112	67

Количественное распределение лексических форм в сюжетах газеты «Металлург» 1946–1949 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Заработная плата
1946	2	7	-	-	321	74	26	65	35	9	3	32	-	11	5
1947	-	4	-	-	304	51	20	72	50	11	2	26	-	12	4
1948	4	5	1	-	598	127	69	95	70	53	2	27	-	18	6
1949	-	6	-	1	577	118	53	159	48	61	1	23	1	58	4
Итого	6	22	1	1	1800	370	168	391	203	134	8	108	1	99	19

Количественное распределение лексических форм в сюжетах журнала «Смена» 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности городского населения РСФСР (ед. в год.)

	Мотивация труда				Практики труда								Вознаграждение		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Выполнение норм	Соц. соревнование	Произв. труда	Соц. обязательства	Стахановец	Экономия	Героизм, подвиг	Труд – преодоление	Счастье, радость	Награды, премии	Заработная плата
1946	-	4	1	-	17	5	3	3	5	2	1	12	1	4	-
1947	3	5	-	-	28	8	4	6	9	4	3	14	4	6	-
1948	-	9	1	1	21	6	2	4	6	8	5	21	5	7	2
1949	-	3	-	-	13	4	3	1	6	9	2	18	4	4	1
1950	1	4	-	-	11	4	5	4	10	6	3	12	4	12	1
1951	1	3	-	1	16	9	6	7	12	9	2	12	11	9	1
1952	1	4	4	2	15	4	4	3	7	7	1	10	9	11	3
1953	-	2	1	4	14	3	4	2	4	7	1	12	8	5	2
1954	-	1	-	2	10	1	4	2	1	3	1	3	2	1	13
1955	1	2	1	2	14	5	5	4	-	2	3	8	1	3	3
1956	1	2	1	2	13	5	6	1	-	-	2	5	1	-	2
Итого	8	39	9	14	172	54	46	37	60	57	24	127	50	62	28

Динамика и структура годовых расходов семей промышленных рабочих
РСФСР 1950–1956 гг. (в среднем на одну семью в год, в % к общему объему
расходов)

Регион	На покупку продуктов питания					На общественное питание в столовых и буфетах					На покупку непродовольственных товаров				
	1950	1952	1953	1954	1956	1950	1952	1953	1954	1956	1950	1952	1953	1954	1956
РСФСР	42,2	38,4	37,3	37	36	2,3	2,7	2,8	3,1	3,2	24,1	23,8	26,5	26,8	25,3
Вологодская обл.		37,5	38,9	37,2	37,5		2,7	2,5	2,7	2,6		25,4	27,3	26,8	25,8
Архангельская обл.	46	39	38,2	37,1	37,5	3,6	4,8	4,4	4,5	4,5	20,4	22,9	25,2	26	22,8
г. Ленинград	45,6	41,2	40,2	40,1	39,6	2,1	2,8	3,1	3,7	4,2	19,9	20,9	23,3	23,4	21,8
Ленинградская обл.		39,8	39,4	39,2	38,1		1,2	1,2	1,5	1,3		25,2	25,6	26,9	25,9
Мурманская обл.		35,6	32,7	32,1	32,8		4,1	3,7	3,3	3,3		22,9	26,2	26,6	24,9
г. Москва	43,9	40,8	39,4	38,7	38	3,2	3,4	3,9	4,5	4,7	20,5	21,7	25,2	25	23
Московская обл.	45,3	40,6	39,8	40,3	39,2	1,4	2,1	2	2,2	2,4	24	24,2	29,9	26,8	25,6
Калининская обл.		37,1	38,4	39	38		2,5	2,7	2,7	3,1		23,6	26,4	25,7	25
Ярославская обл.	45,5	40,8	39,6	39,4	38	1,8	2,4	2,7	3	3,5	23	23,5	25,4	24,8	23,1
Ивановская обл.	39,5	37,4	35,6	35,3	35,4	2,4	3,1	3,4	4,2	4,4	17,9	23,2	27,4	27,6	24,8
Кировская обл.	42,9	36,3	35,1	35,1	32,8	1,7	2,1	2,3	2,	2,9	24,9	24,4	28	28,2	26,3
Горьковская обл.	40,7	37,4	35,5	35,6	34,5	3,9	5,3	5,4	5,9	6,1	26,1	24,8	28,1	27,8	25,8
Владимирская обл.	42,7	39,1	37,6	37,7	38,9	2	2,5	2,2	2,5	2,6	27	24,8	28,3	28,8	25
Тульская обл.		38,3	37,7	36,9	36,3		2,7	2,6	2,1	1,6		23,8	25,5	27,4	26,1
Брянская обл.		38	37,1	36,1	35,3		2,1	1,7	1,5	1,6		22,8	25,8	28,1	25,9
Воронежская обл.		39,1	37,7	37,2	35,5		2	1,8	2	1,7		24	26,2	27,4	29
Липецкая обл.		38	36,2	33,6	35,3		1,1	0,8	0,9	0,8		23,9	27,5	29,7	28,5
Пензенская обл.		36,3	35,2	35,1	36,4		1,6	1,3	1,2	1,5		25,5	30,1	28,4	27,4
Татарская АССР	41,3	37,7	37,7	36,9	36,9	1,9	3	3,2	3,4	3,2	25,8	24,7	28,1	27,9	26
Куйбышевская обл.	41,6	37,8	35,8	36,6	36,1	1,1	2,6	2,1	2,5	2,6	24,3	23,8	28,7	27,5	26,3
Саратовская обл.	41,1	41,2	40	39,4	37,5	3,5	3,5	2,9	3,1	3,5	23,2	22,7	26,7	27,1	24,7
Сталинградская обл.		38,5	37	37	34,9		3,2	2,4	2,2	2,2		23,9	27	27,7	27,1
Ростовская обл.		39,1	37	38,5	35,6		3,6	3,6	3,4	3,2		21,9	24,8	25,1	26,3
Каменская обл.		35,2	31,4	35	32,7		2,6	2,3	2,2	1,2		25,6	28,7	27,8	30,4
Краснодарский край		39,3	38,9	39	37,1		2,4	2,1	2,7	2,5		23,1	25,8	25,2	26,4

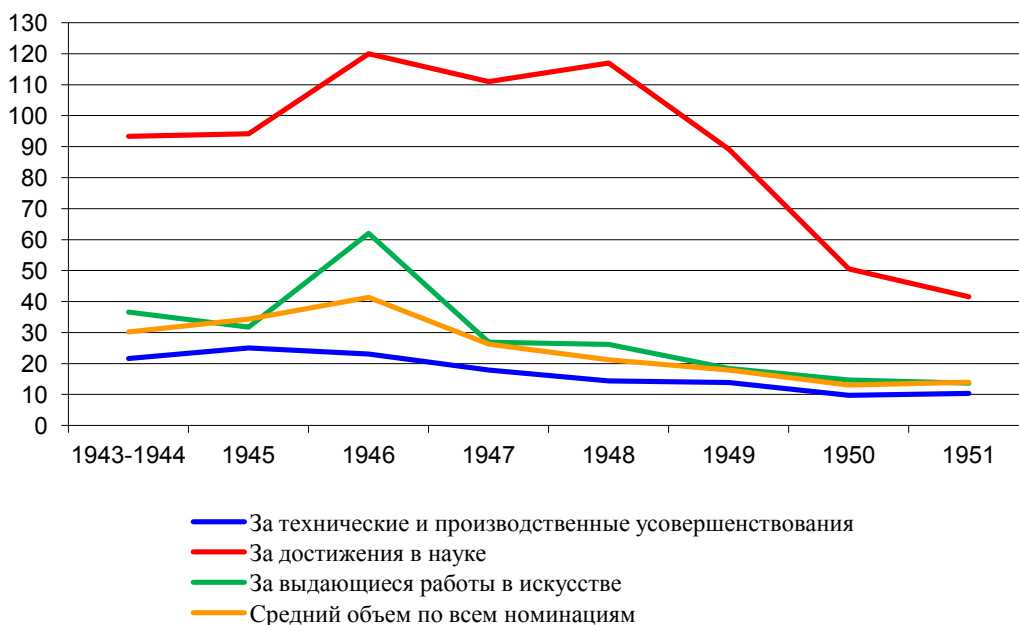
Регион	На покупку продуктов питания					На общественное питание в столовых и буфетах					На покупку непродовольственных товаров				
	1950	1952	1953	1954	1956	1950	1952	1953	1954	1956	1950	1952	1953	1954	1956
Грозненская обл. (Чечено-Ингушская АССР)		37,1	37,6	40,1	34,9		1,7	1,7	1,5	1,8		24,2	25,8	25,7	26,4
Молотовская обл.	43,1	36,7	35,4	35	34,3	1,2	1,8	1,9	2,4	2,6	24,6	25,3	27,7	27,8	24,5
Свердловская обл.	39,1	36,2	35,2	34,8	32,3	2,6	2,9	3,2	3,8	4,2	24,9	24,8	27,1	27,1	26
Челябинская обл.	41,8	37,6	37,4	36,3	35,2	1,7	2,1	2,5	3,1	3,6	25,1	25,4	27,3	28,5	25,6
Башкирская АССР	42,4	38,1	36,6	35,8	33,9	1,2	1,4	1,9	2	2,4	26,3	25,9	29,1	28,4	28,5
Новосибирская обл.	38,7	38	35,6	35,6	35	3	2,7	2,7	2,9	3,1	25,9	24,1	28,9	29,4	26,9
Кемеровская обл.	37,8	35,6	34,8	33,1	33,2	1,7	2,2	2,4	2,5	2,5	29,1	26	28,1	28,7	27,3
Алтайский край		38,8	34,7	34,4	32,5	2,6	2,7	2,5	2,4	2,6		24,9	30,1	30,3	28
Красноярский край		36	34,3	33,2	32,3		2	1,4	1,4	1,6		26,4	28	27,9	27,6
Иркутская обл.		35,5	37,1	35,3	34,9		1,7	1,9	2,2	1,9		29,7	25,1	27,7	26,9
Хабаровский край		37,5	36,2	36,5	36,9		1,4	1,3	1,7	1,2		24,8	26	23,4	23,9
Приморский край		35,4	35	34,9	34,1		3,6	3,6	3,3	2,1		23,6	24,4	25,6	25,6

Источники: Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2260. Л. 23–31; Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР за 1956 год. ... С. 21–22.

Приложение 2. Графики

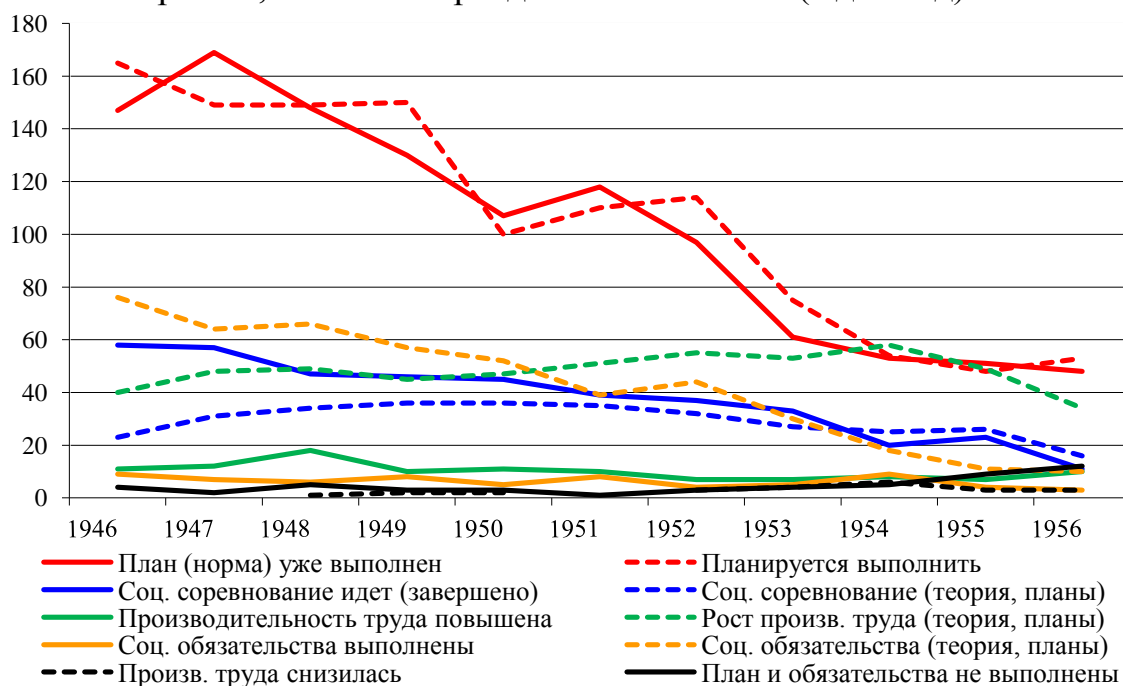
Приложение 2.1

Динамика «средней индивидуальной» Сталинской премии в различных номинациях (1943–1951 гг.) (в тыс. руб.).

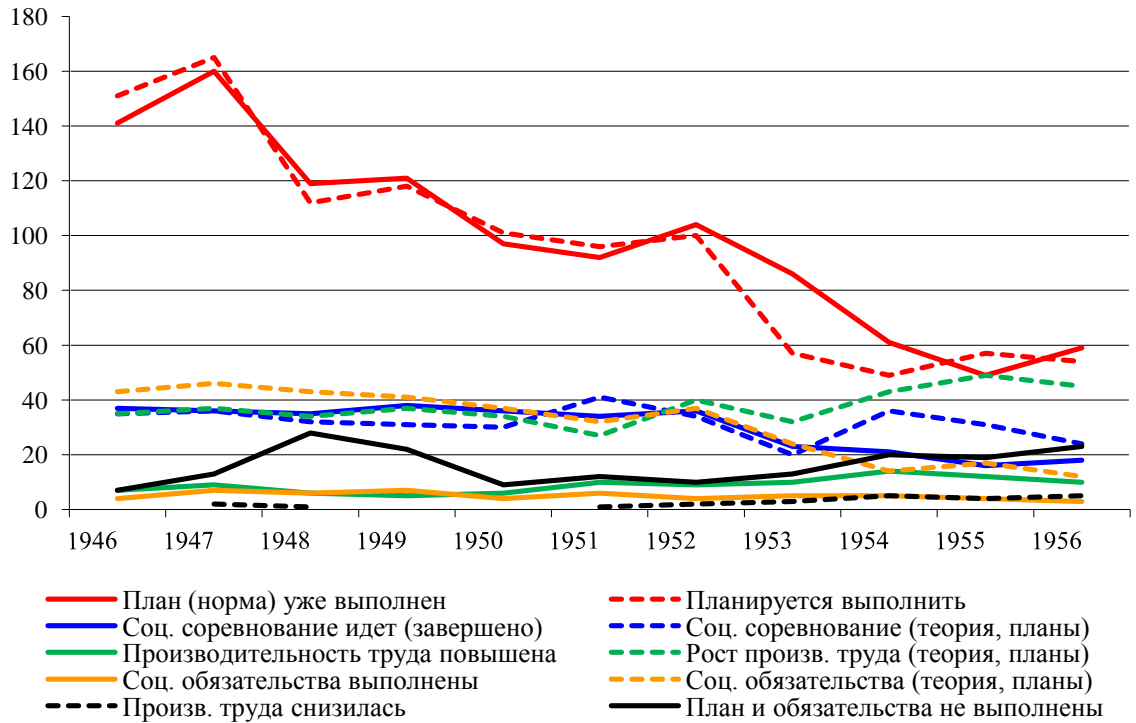

Приложение 2.2

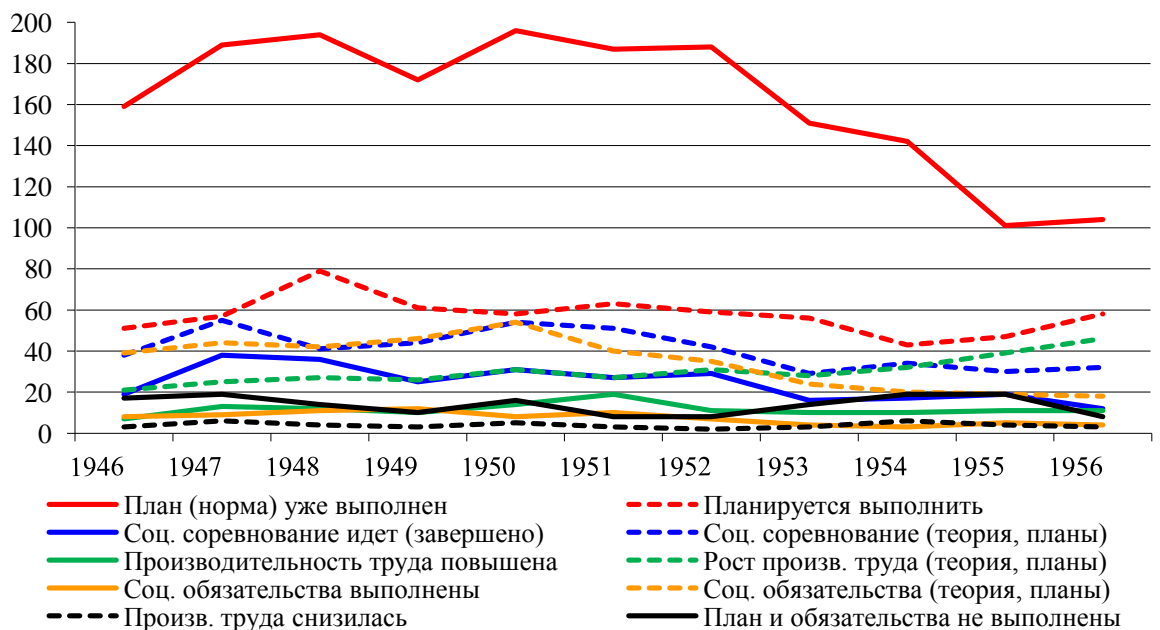
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Правда» 1946–1956 гг. (ед. в год)

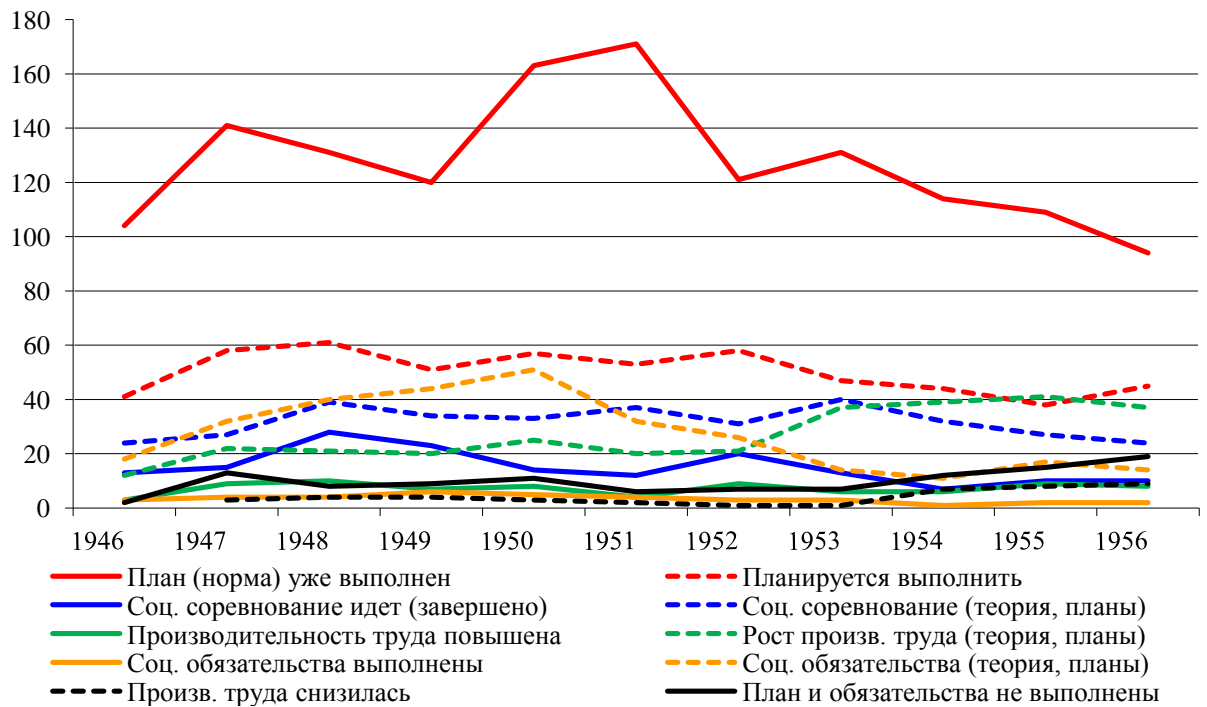
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Труд» 1946–1956 гг. (ед. в год)

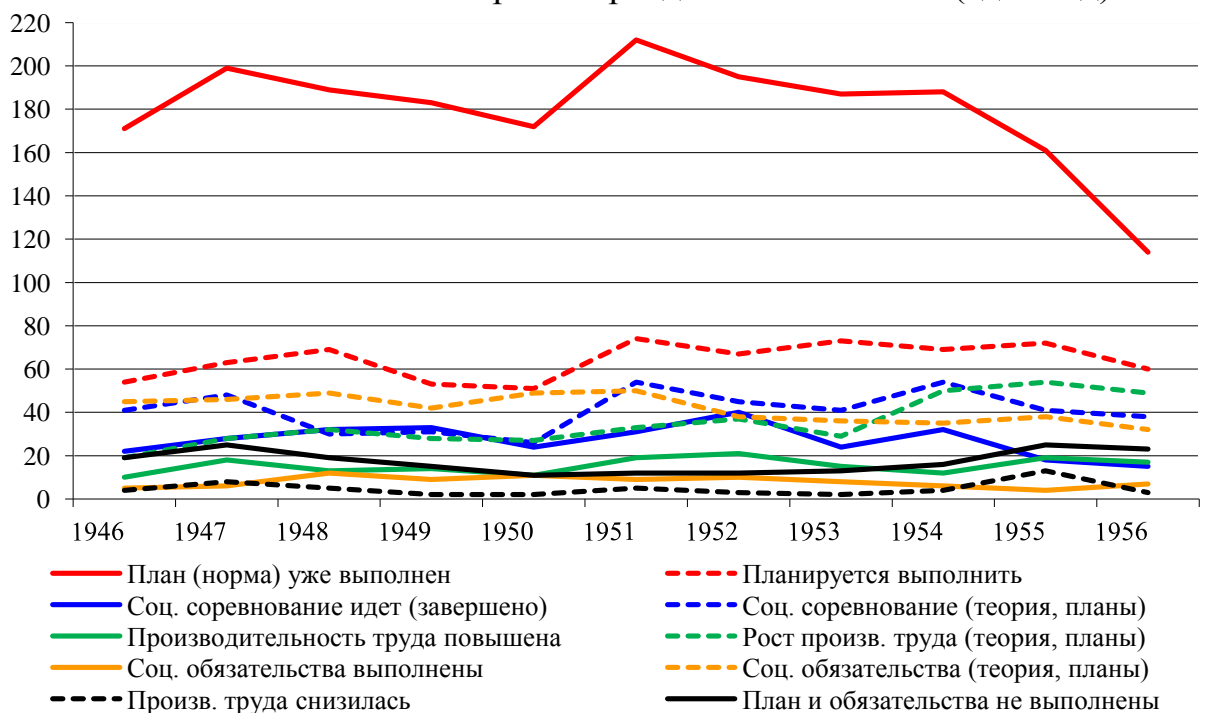
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Красный Север» 1946–1956 гг. (ед. в год)

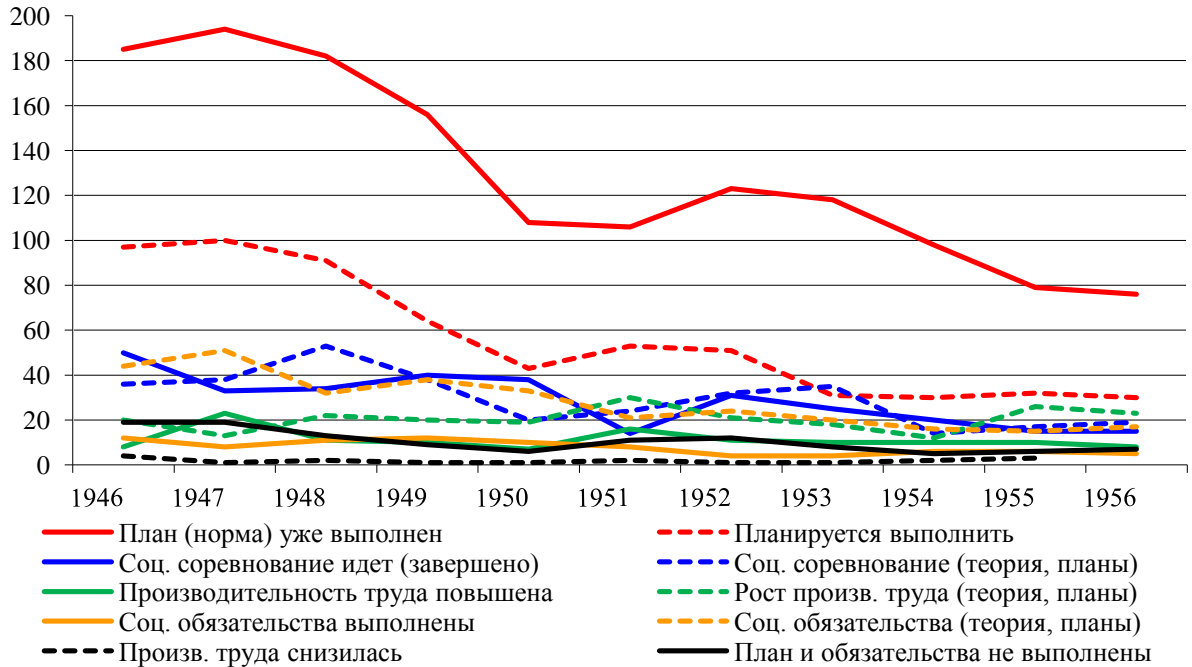
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Великолукская правда» 1946–1956 гг. (ед. од)

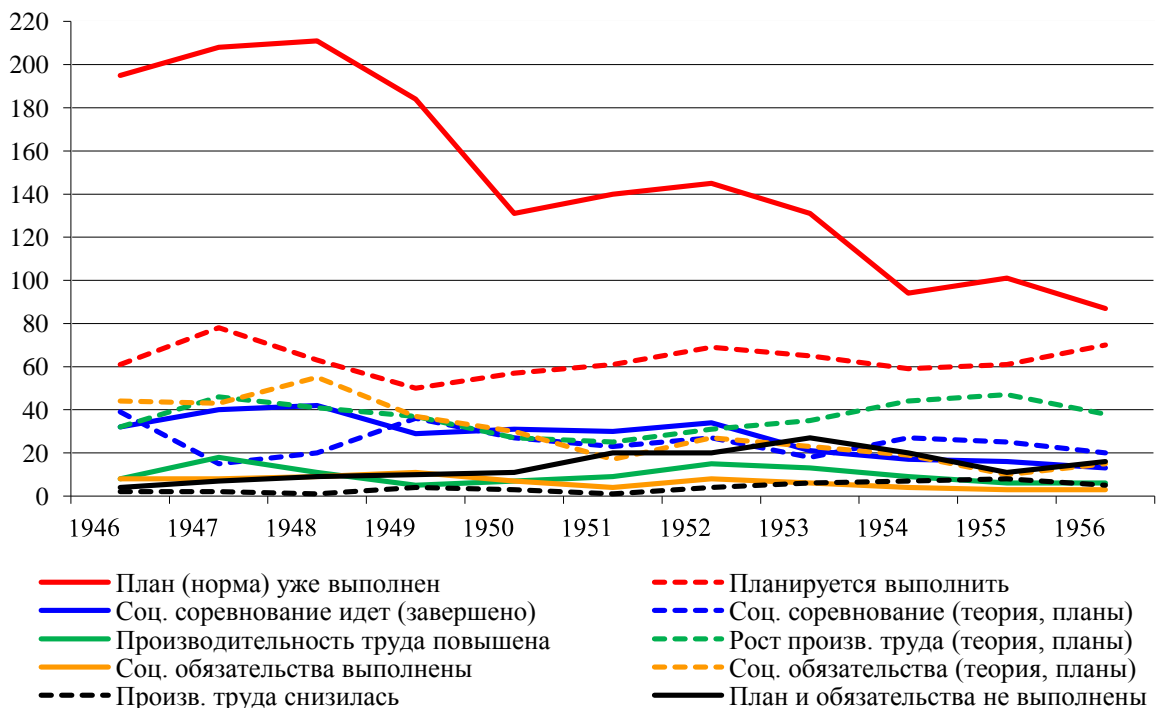
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Восточно-Сибирская правда» 1946–1956 гг. (ед. в год)

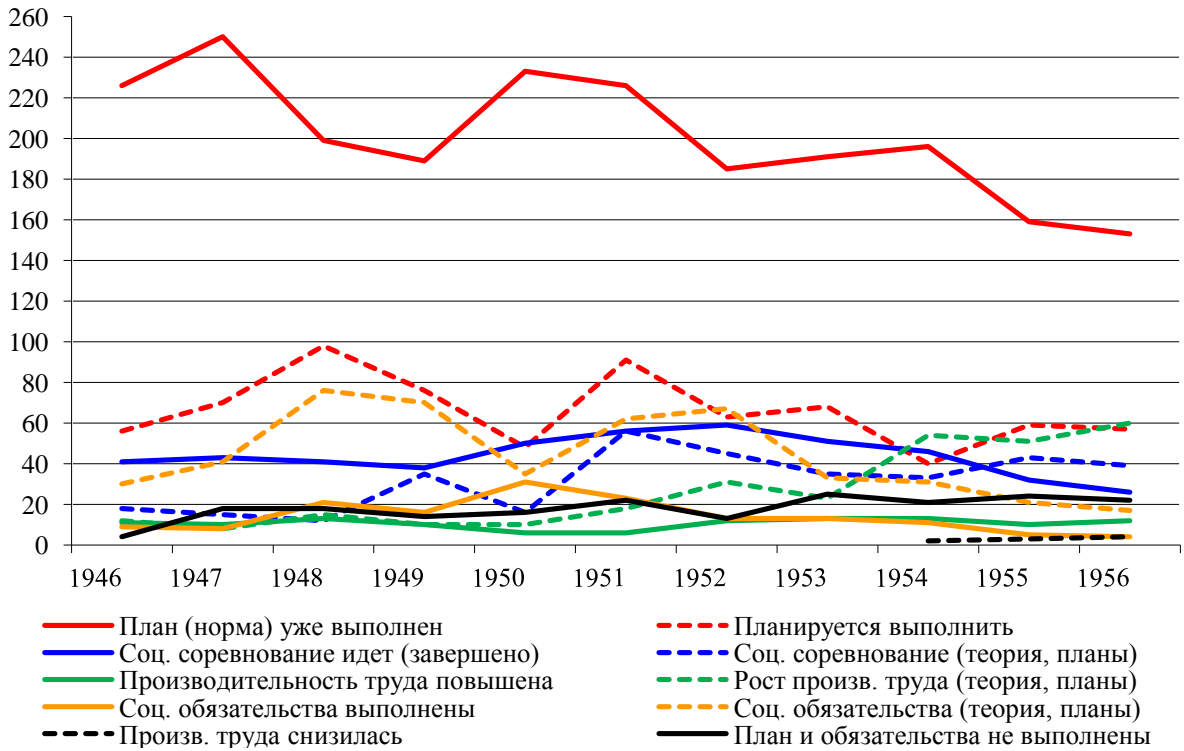
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Советская Сибирь» 1946–1956 гг. (ед. в год)

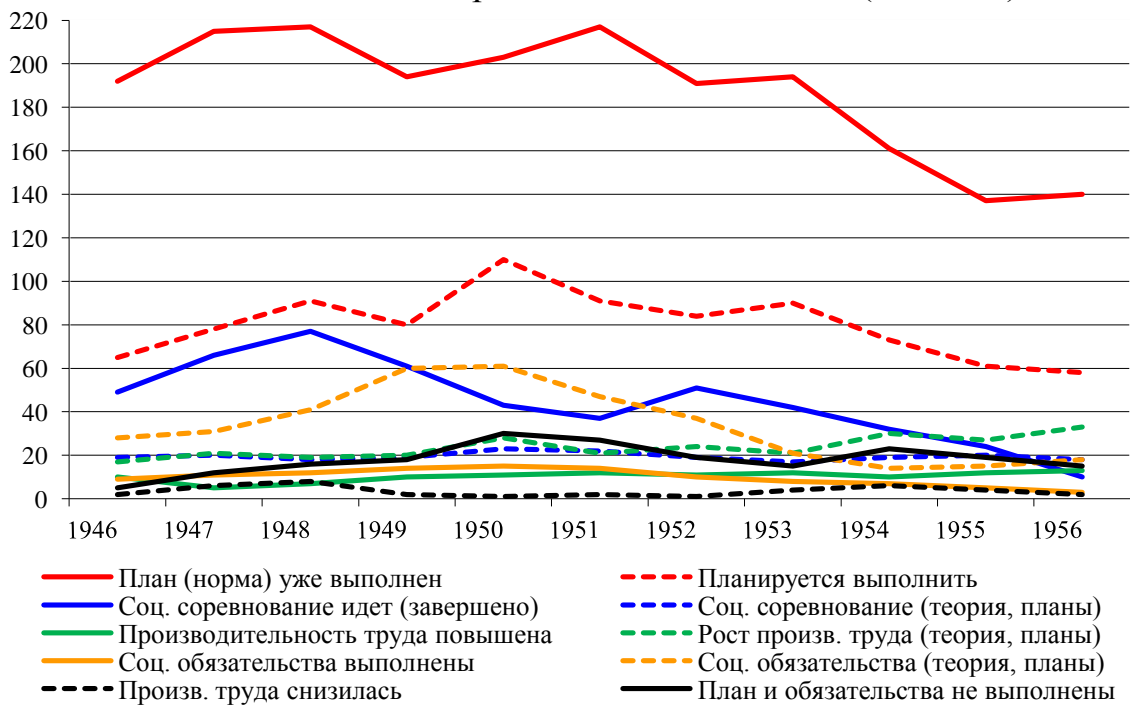
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Уральский рабочий» 1946–1956 гг. (ед. в год)

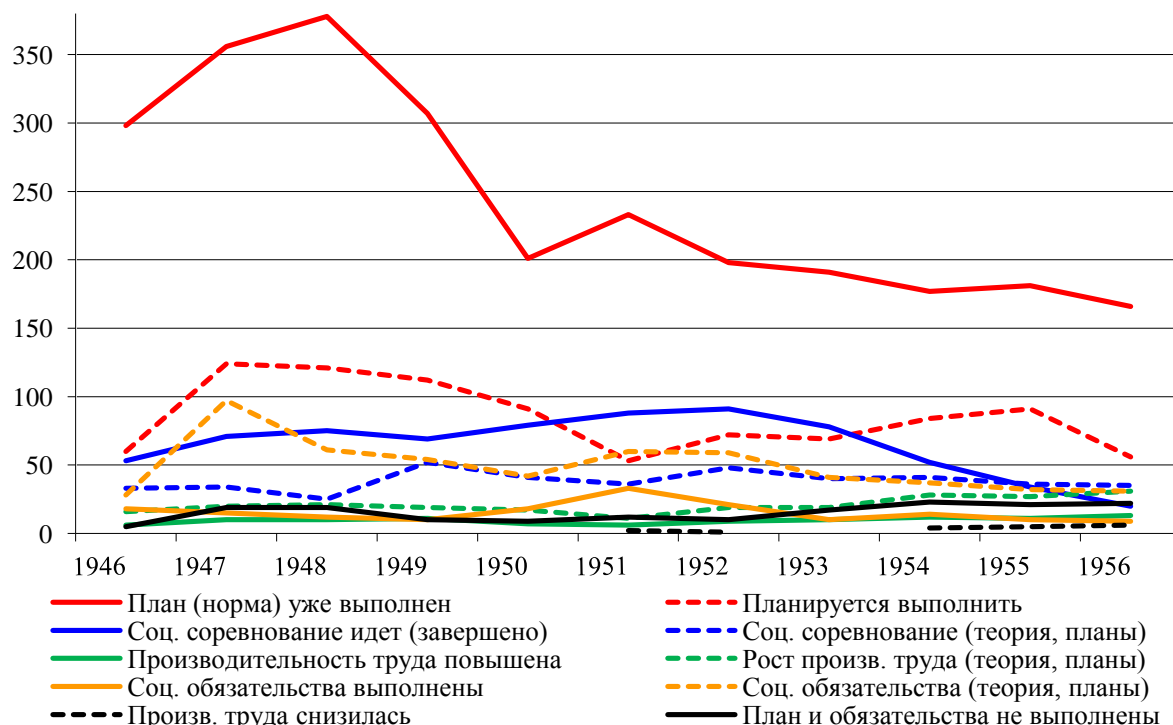
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Под знаменем Ленина» 1946–1956 гг. (ед. в год)

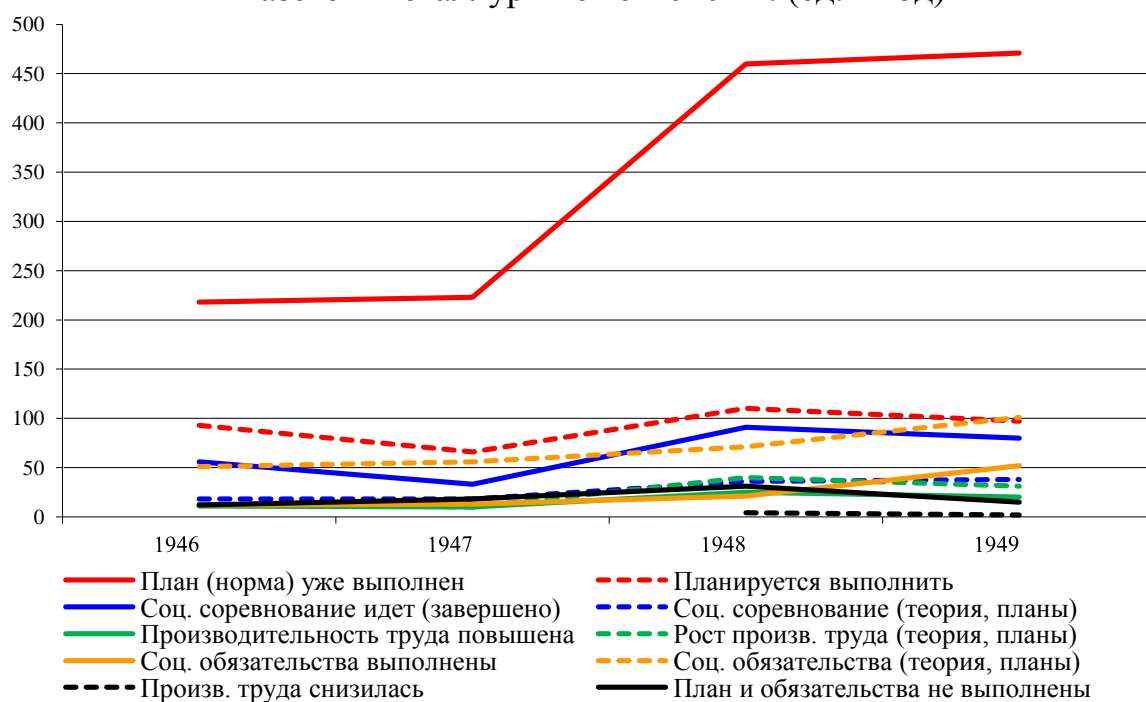
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Тагильский рабочий» 1946–1956 гг. (ед. в год)

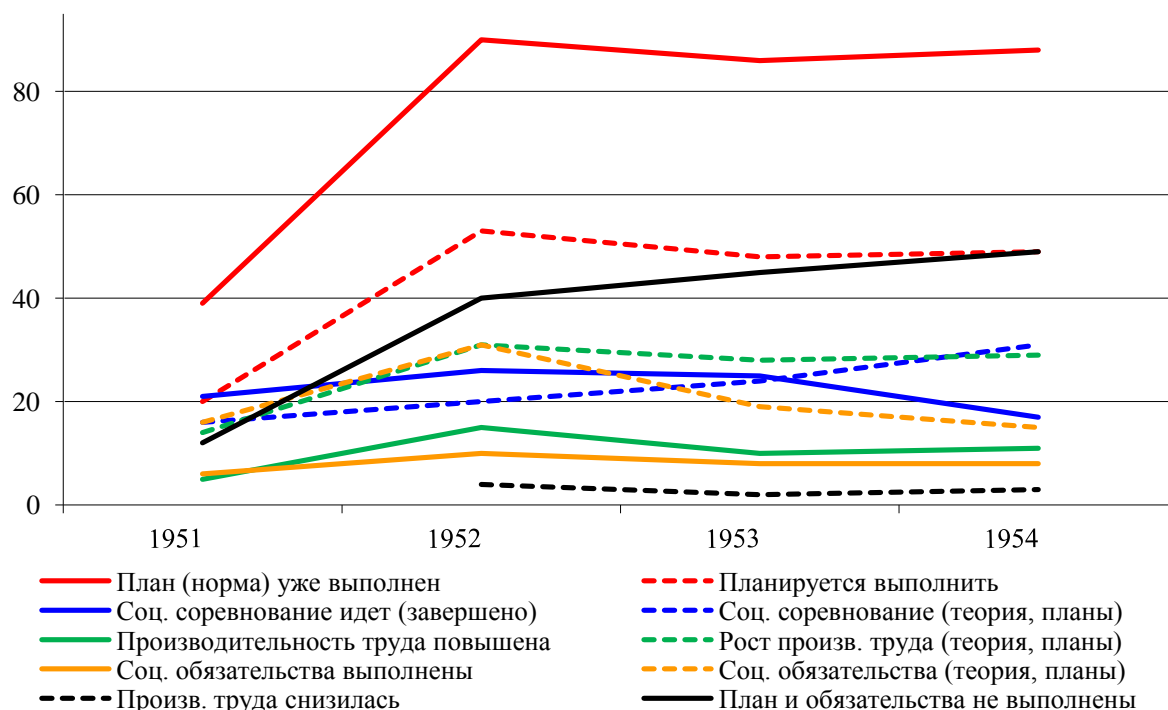
Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Магнитогорский металл» 1946–1956 гг. (ед. в год)

Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Металлург» 1946–1949 гг. (ед. в год)

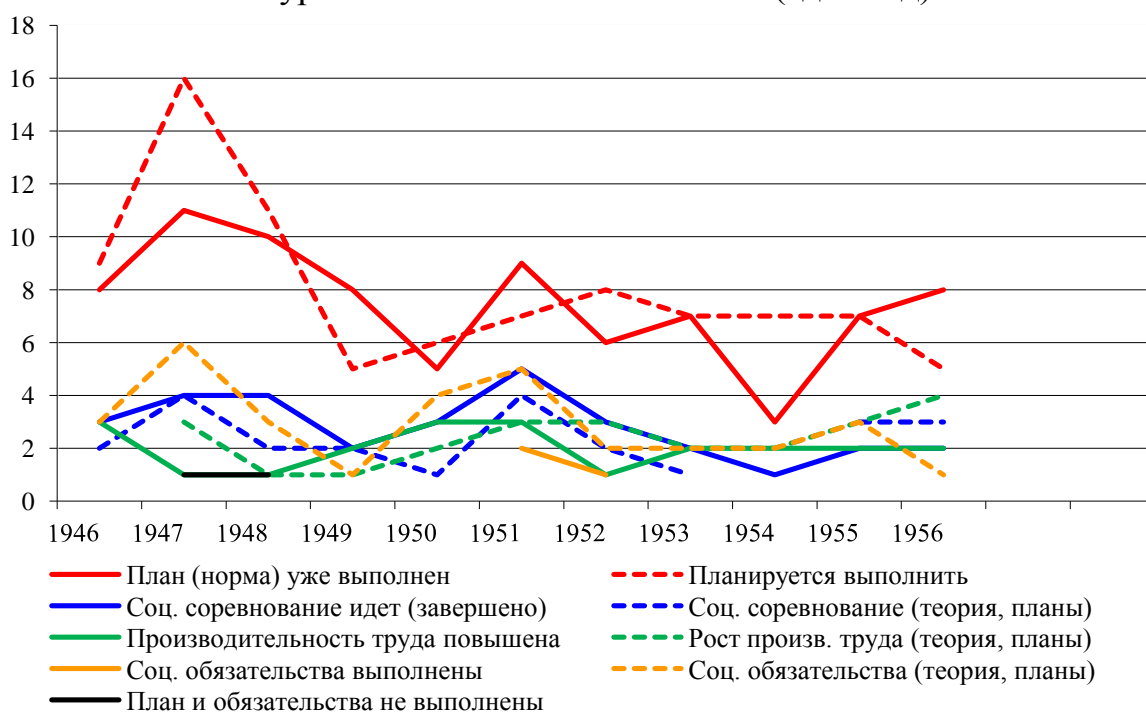

Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в газете «Кировец» 1951–1954 гг. (ед. в год)

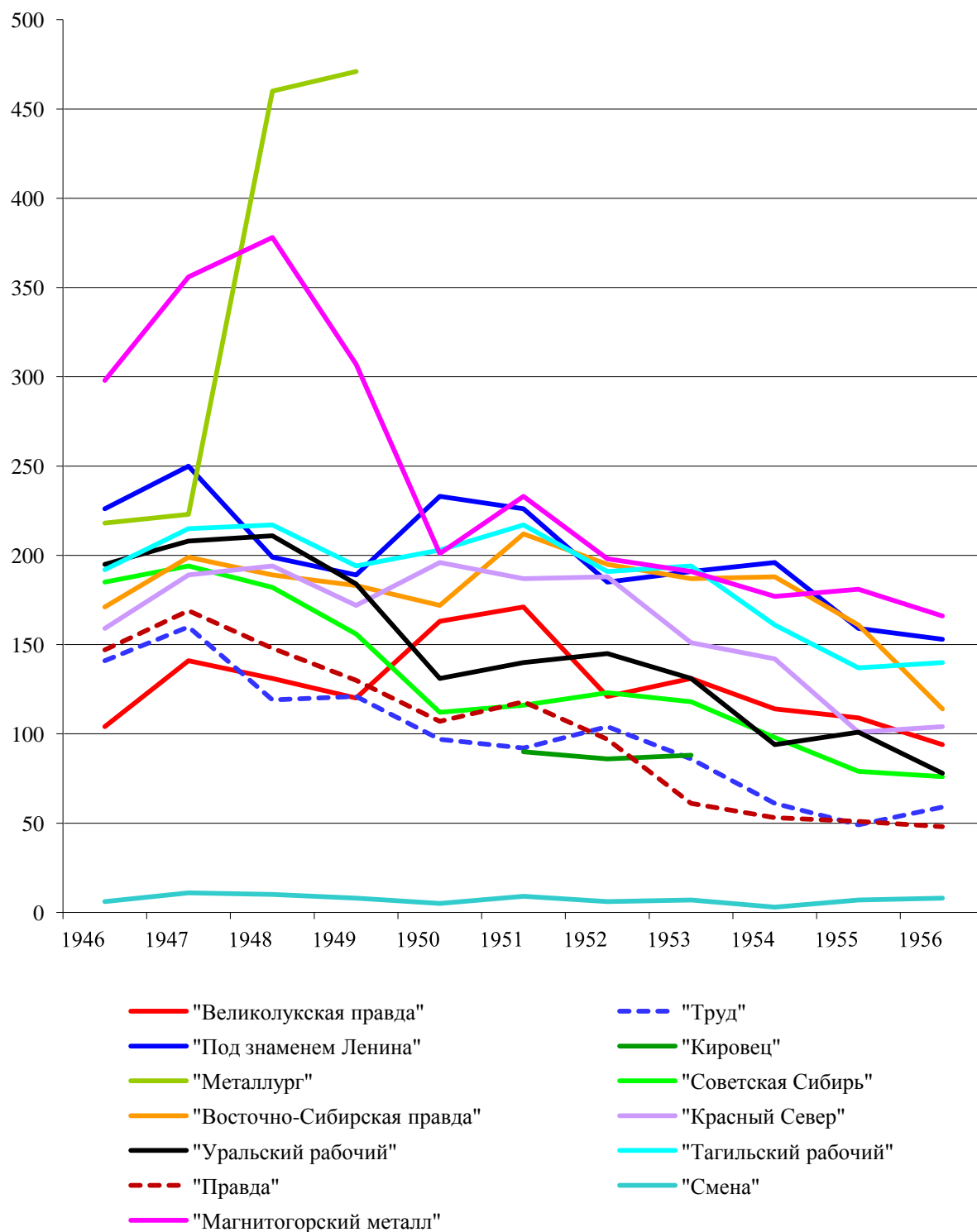
Приложение 2.14.

Количественная выраженность лексем, отражающих практики труда горожан, в журнале «Смена» 1946–1956 гг. (ед. в год)

Динамика распространения лексических форм, отражающих практики фактического выполнения (перевыполнения) горожанами планов (норм) в печатной периодике 1946–1956 гг. (кол-во ед. в год)

Приложение 3. Иллюстративные материалы

Приложение 3.1. Фото Г. Борисова // Смена 1946. № 17-18. С. 22.

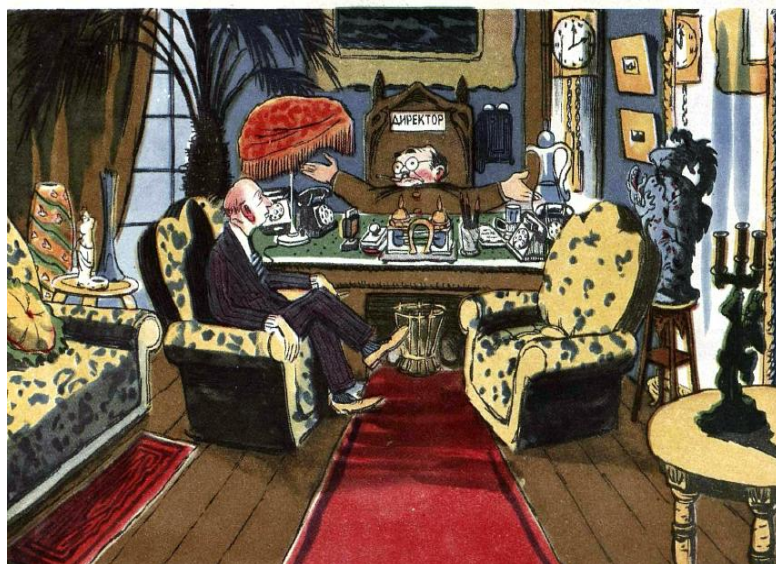

Приложение 3.2. Фото. В. Архипенко, А. Моклецова. Они едут на целину. // Смена. 1955. № 5. С. 2.

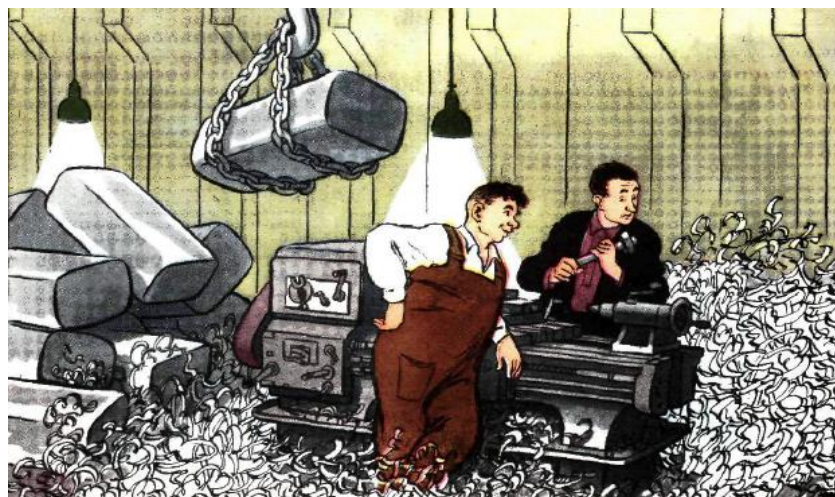
– Вот, товарищ ревизор, отчет о нашей работе...
– Хорошо, я учту его содержание.

Приложение 3.3. Рис. А. Баженова // Крокодил. 1954. № 7. С. 5.

– Итак, обстановка создана! Теперь можно приступать к экономии!..

Приложение 3.4. Рис. Л. Самойлова // Крокодил. 1949. № 1. С. 12.

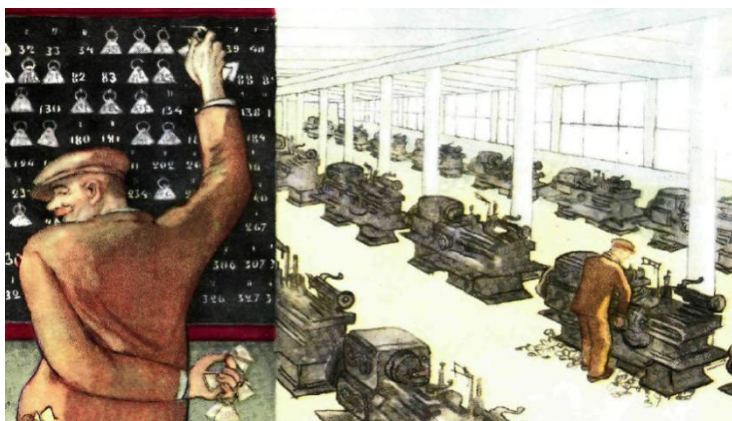
– Почему ты не экономишь металл?
– А зачем его экономить, когда у нас на заводе большой запас?

Приложение 3.5. Рис. Е. Щеглова // Крокодил. 1952. № 20. С. 2.

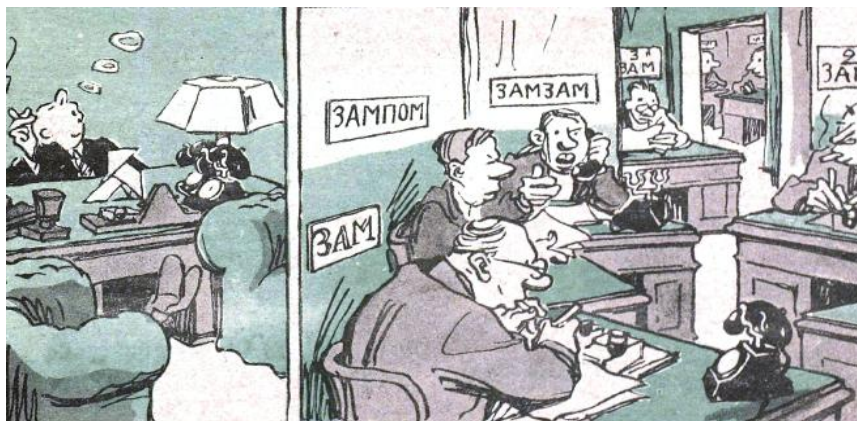
– Ах, я растяпа! Рапортовал министерству о выполнении трестом четырнадцати пунктов обязательства, а их всего-то было восемь...

Приложение 3.6. Рис. М. Черемных. Крах очковтирателя // Крокодил. 1949. № 28. С. 3.

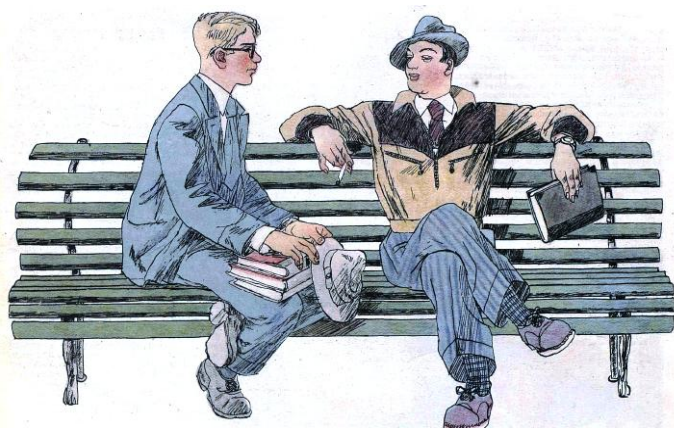
Номера, которые сходят с рук

Приложение 3.7. Рис. М. Черемных // Крокодил. 1952. № 23. С. 5.

Незаменимый работник и те, которые его заменяют

Приложение 3.8. Рис. А. Баженова // Крокодил. № 33. С. 11.

– Куда собираешься ехать после окончания вуза?
 – К дяде... в министерство. Он обещал устроить меня в Москве.

Приложение 3.9. Рис. М. Черемных. Недалеко от Москвы // Крокодил. 1950. № 13. С.

5.

Иванов работал так, то покурить некогда было. Петров курил так, что работать некогда было. А в общем и целом, как хвастался Петров: «Мы выполнили среднесуточную норму!»

Приложение 3.10. Рис. К. Елисеева. За широкой спиной стахановца // Крокодил. 1947. № 3. С. 5.

– Сесть в калошу – я понимаю! Но сесть из-за калош – это уже слишком!

Приложение 3.11. Рис. Л. Сойфертиса. Огорчение спекулянта // Крокодил. 1948. № 4. С. 9.

– Куда эта очередь?
– К спекулянту...

Приложение 3.12. Рис. Н. Лисогорского // Крокодил. 1956. № 32. С. 14.

Заказчик: – Не понимаю, почему костюм получился такой узкий!...

Приложение 3.13. Рис. Б. Ефимова. Случай в ателье // Крокодил. 1956. № 19. С. 8.

ПОКУПАЙТЕ

в личное пользование
автомобили «Победа»
(с кузовом «Кабриолет»)
в СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ МАГАЗИНАХ
МИНИСТЕРСТВА
АВТОМОБИЛЬНОЙ И ТРАКТОРНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ АВТОМОБИЛЯ «ПОБЕДА» С КУЗОВОМ «КАБРИОЛЕТ»:

Автомобиль «Победа» с кузовом «Кабриолет», новая машина советской конструкции, отличается особой комфортабельностью, экономичностью и прочностью.

Расход бензина — 13,5 литра на 100 км пути. Это дает возможность заправляя горючим бензобаком, проехать до 400 км. Привлекателен и внешний вид автомобиля «Победа». Он отличается своей обтекаемой формой и изящной окраской кузова, имеет большое количество хромированных деталей.

Автомобиль «Победа» с кузовом «Кабриолет», благодаря специальному окраске, изготовленному из высококачественной специальной непромокаемой ткани, очень удобен для поездок в любое время года.

Пятиместный, четырехдверный кузов предоставляет максимальные удобства и комфорт для пассажиров при самых дальних поездках. В задней части кузова расположен зимний стальной багажник. В холодное время кузов автомобиля отапливается.

Невысокая низкая подвеска передних колес обеспечивает хорошую амортизацию при езде на больших скоростях, а надежность гидравлических тормозов делает поездки на автомобиле безопасными. Автомобиль «Победа» можно пользоваться для поездок по грунтовым и лесным дорогам.

Гаввавторакторобит

АДРЕСА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ МАГАЗИНОВ:

Москва, Бауманский, 27.
Ленинград, ул. Богатина, 20.
Киев, Красноармейская, 5.
Тбилиси, пр. Тбилизская, 189.
Ташкент, ул. Шаньинко, 31.

Внуку, ул. Каргина, 8.
Минск, Советская ул., 132.
Рязань, ул. Николая, 16.
Алма-Ата, ул. Соколя, 53.
Новосибирск, Сибиряковская ул., 17.
Саратов, ул. Мухоморова, 54.

Хабаровск, Волочаевская ул., 44.
Свердловск (Добрыня) ул. Чкаловская, 167.
Иркутск, Иркутский проспект,
ул. Ломоносова, 5.
Самара (Иркутская обл.), Волжская, 32.
Горький, Нижногородская набережная, 17.

Приложение 3.14. Огонек. 1949. № 52. С. 33

ВНИМАНИЮ НАСЕЛЕНИЯ!

ТРЯПЬЕ, СТАРАЯ БУМАГА, РЕЗИНОВАЯ и ВАЛЕНАЯ
ОБУВЬ, ШУБНИНА, КОСТЬ, ГРАМПЛАСТИНКИ—
ВСЕ ЭТО ЯВЛЯЕТСЯ

**ЦЕННЫМ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ
СЫРЬЁМ**
для ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Сохраняйте и
продавайте утиль
«СОЮЗУТИЛЬ»

Заготовка производится
через органы и сборщиков
за наличный расчет.

При продаже утиля
требуйте ярлык
заготовительных
фон

Приложение 3.15. Восточно-Сибирская правда. 1948. 19 ноября. С. 4.

Иркутская ЯРМАРКА

20—30 апреля на центральном рынке города Иркутска
ПРОВОДИТСЯ ПЕРВОМАЙСКАЯ ЯРМАРКА

На ярмарку приглашаются: КОЛХОЗЫ, КОЛХОЗ-
НИКИ и ЕДИНОЛИЧНИКИ ма-
гистральных и прилегающих к Ир-
кутску районов с продуктами сель-
ского хозяйства.

Торгующие организации выступают во
встречной ТОРГОВАЕ с широким ассор-
тиментом ТОВАРОВ: текстильные, го-
товое платье, обувь, трикотаж, хо-
зотовары, культтовары, кондитерские и
табачные изделия и др. Участники
ярмарки могут купить това-
ры вне очереди.

Ярмарочный комитет.

Приложение 3.16. Восточно-Сибирская правда. 1947. 29 апреля. С. 4.

ЮВЕЛИРТОРГ

Министерства торговли СССР

ПОСТУПИЛА В БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ
ХРУСТАЛЬНАЯ и ФАРФОРОВАЯ ПОСУДА
Имеются столовая и чайная СЕРВИЗЫ, хрустальные ВАЗЫ.

Магазин имеет в большом выборе: графинь, бока-
лы, рюмки, плато.

Ювелирные изделия: серебряные изделия
измельченной отделки, браслеты, кольца,
медальоны, серьги с драгоценными и полудрагоцен-
ными камнями.

**Серебряные портсигары, подстаканники, лош-
ки, ножи, вилки.**

ЧАСЫ золотые, розово-золотые, серебряные марок «Победа»,
«Звезда», «СВФ» и другие.

Полный выбор ювелирных изделий.

Магазин г. Свердловск, ул. Рабочая, 9 и 16 а.
Телеф. ДП-06-05 и ДП-06-12.

Город 11-Легия, ул. Ленина, 23.
Кировский г. Свердловск, Елизаветинский и Загорский рынки
и в здании гостиницы «Большой Урал».

Приложение 3.17. Уральский рабочий. 1947. 29 мая. С. 4.

Приложение 3.18. Советская Сибирь. 1946. 11 января. С. 4.

Приложение 3.19. Журнал мод. 1948. № 3. С. 27

Приложение 3.20. Журнал мод. 1948. № 4. С. 20–21.

Приложение 3.21. Журнал мод. 1948. № 4. С. 32–33.

Приложение 3.22. Журнал мод. 1945. № 1. С. 30.

Приложение 3.23. Журнал мод. 1948. № 1. С. 6–7.

Приложение 3.24. Рабочие платья // Журнал мод. 1945. № 3–4, С. 18–19.

Приложение 3.25. Рис. Л. Соифертиса. Почуяла дичь // Крокодил. 1946. № 4. С. 8.

– Как, сказали вы, называются эти ткани?
 – Русским языком вам говорят: креп-жоржет, фэй-де-шин и тюль марокен.

Приложение 3.26. Рис. М. Черемных // Крокодил. 1948. № 25. С. 7.

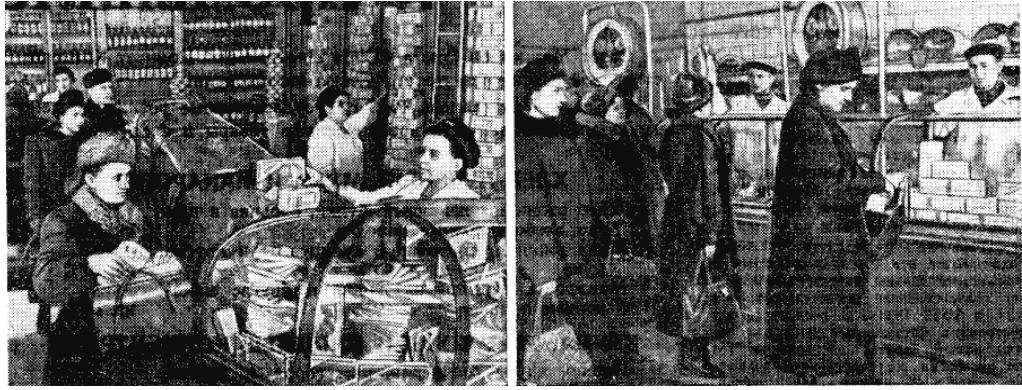
Приложение 3.27. Восточно-Сибирская правда. 1953. 1 ноября. С. 4.

Приложение 3.28. Сашин Я. Наш новогодний репортаж. Рис. Г. Валька // Огонек. 1950. № 1. С. 19.

Приложение 3.29. Бакалейный отдел продуктового магазина № 5. Магазин открыт в 1950 г. торговым отделом рабочего снабжения Высокогорского железного рудника г. Нижний Тагил. // Тагильский рабочий. 1950. 13 июня. С. 4.

Приложение 3.30. Фото. Николаева К. В продовольственном магазине № 16 Пролетарского райпищеторга (Москва) // Труд. 1953. 1 апреля. С. 2.

Приложение 3.31. Семенова Н. Предпраздничное оформление // Крокодил. 1953. № 10. С. 2

Приложение 3.32. Семенова Н. Новое снижение цен. Кто вниз... а кто вверх // Крокодил. 1950. № 7. С. 3.

Приложение 3.33. Восточно-Сибирская правда. 1954. 1 апреля. С. 4.

Приложение 3.34. Восточно-Сибирская правда. 1955. 16 марта. С. 4.

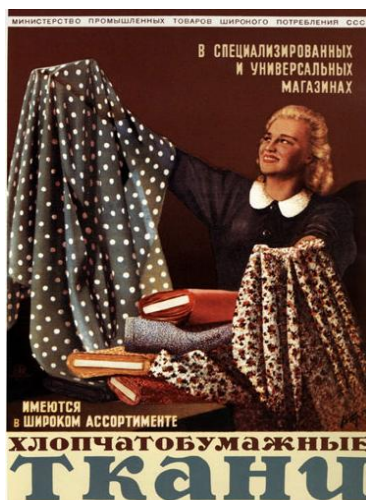
Приложение 3.35. Труд. 1953. 2 апреля. С. 4.

Приложение 3.36. Гуцин В.В. Пельмени сибирские, мясные. 1952.

Приложение 3.37. Мартынов Н. Советское шампанское. Лучшее виноградное вино. 1952.

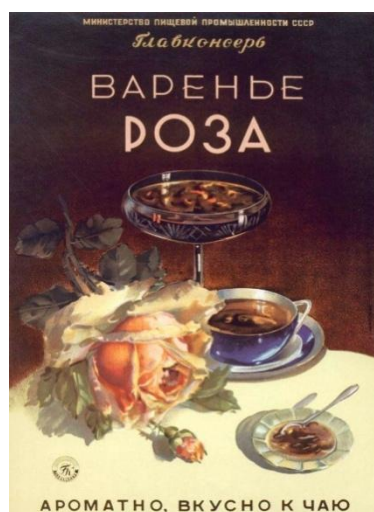
Приложение 3.38. Трухачев В.В. Хлопчатобумажные ткани. Имеются в широком ассортименте в специализированных и универсальных магазинах. 1953.

Приложение 3.39. Иогансон А.Б. Отличная закуска, питательная и вкусная. Рыбные консервы. 1952.

Приложение 3.40. Андреади А.П. Икра зернистая, паюсная и пастеризованная. 1952; Цейров Ю. Икра осетровых рыб ... 1952.

Приложение 3.41. Сахаров С.Г. Варенье Роза ароматно, вкусно к чаю. 1950.

Приложение 3.42. Иенсен О., Трухачев В.В. Электропылесос. 1954.

Приложение 3.43 Книга о вкусной и здоровой пище. Ред. О.П. Молчанова и др. М.: Пищепромиздат. 1952. Форзац.

Приложение 3.44. Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. Цветная вклейка. С. 48–49.

Приложение 3.45. Журнал мод. 1950. № 4. С. 9.

Приложение 3.46. Журнал мод. 1955. № 3. С. 41.

Приложение 3.47. Журнал мод. 1950. № 2. С. 43.

Приложение 3.48. Журнал мод. 1955. № 4. С. 24–25.

– Посмотри, какие смешные маски!

Приложение 3.49. Рис. Н. Лотухина // Крокодил. 1955. № 36. С. 15.

– Кому ты вчера на бульваре объяснялся в любви?
– В котором часу?

Приложение 3.50. Рис. Б. Лео // Крокодил. 1956. № 31. С. 11.

– Интересно, у него тоже шестимесячная завивка?

Приложение 3.51. Рис. М. Битного // Крокодил. 1955. № 19. С. 13.

Приложение 3.52. Тагильский рабочий. 1956. 1 января. С. 4.